МЕ
Я-97
Ященко А. Теория
федерализма

ME
Я-97

А. Ященко.

ТЕОРІЯ ФЕДЕРАЛИЗМА.

Опытъ синтетической теоріи права и государства.

Ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίστην ἁρμονίαν γίνεσθαι.

Heraclit.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1912.

Дорогому Наконаго Митрофанову

Агаму

на добрую память

Ал. Лусинъ

А. Ященко.

ТЕОРІЯ ФЕДЕРАЛИЗМА.

Опытъ синтетической теоріи права и государства.

Ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίστην ἁρμονίαν γίνεσθαι.

Heraclit.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1912.

ИЛИ
Библиотека
А-2297

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1912 г.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 27676 1964
V
M
ИСКЛЮЧЕНО
86928
ПР 55

Посвящаю эту книгу моей жене.

Оглавленіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

стр.

Предпосылки теоріи права 1

I. Природа общества 3

I. Необходимость синтетическаго преодолѣнія односторонностей индивидуализма и коллективизма . 4

II. Органическая двусторонность общества и различныя ея выраженія: законы раздѣленія труда, соціальной дифференціаціи и общественной солидарности 15

III. Двусторонній характеръ общества, какъ своеобразная форма коллективнаго психологическаго синтеза. 26

II. Основы нравственности 36

I. Кантовское обоснованіе автономной этики и критика его 37

II. Имманентно-эмпирическія обоснованія этики. Аристотеліанская этика жизнедѣятельности 52

III. Энергитизмъ Гюйо 55

IV. Мораль общественной солидарности у Конта и у современныхъ соціологовъ 57

V. Обоснованіе этики самосохраненія высшаго недѣлимаго Н. Дебольскимъ, какъ особый видъ имманентной этики 62

VI. Критика эмпирическихъ обоснованій морали . . 67

VII. Обоснованіе этики, абсолютной по принципу, синтетической по содержанію 72

ГЛАВА ВТОРАЯ.

стр.

Природа права 83

I. Логическій объемъ права 87

I. Законы науки права и юридическія нормы . . 87
II. Ложный дуализмъ естественнаго и положительнаго права 90
III. Естественное право, какъ общая идея положительнаго права 106

II. Матеріальное опредѣленіе права 115

I. Право, какъ минимумъ нравственности 116
II. Индивидуалистическія теоріи права 127
III. Соціально-утилитарныя теоріи права 135
IV. Матеріальное опредѣленіе права 142

III. Формальное опредѣленіе права 148

I. Государственная теорія права 150
II. Психологическая теорія права 160
III. Синтетическое опредѣленіе права 181

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Власть и государство 185

I. Ученіе о суверенной власти 187

I. Сущность власти съ психологической и юридической точекъ зрѣнія 188
II. Суверенитетъ, какъ неограниченная, верховная и независимая политическая власть 195

II. Юридическая природа государства . . . 218

I. Государство, какъ суверенный союзъ. Критика отрицающихъ это теорій 219
II. Теоріи государства, какъ юридическаго лица . . 234
III. Теоріи государства, какъ юридическаго отношенія. 246
IV. Государство, какъ юридическое лицо и какъ юридическее отношеніе 254

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

стр.

Конфедерація государствъ и федеральное государство . 263

I. Критика федеративныхъ теорій 266

I. Классическая теорія дѣлимости суверенитета . . 267
II. Сепаративныя теоріи суверенитета штатовъ . . 279
III. Унитарныя теоріи суверенитета федеральнаго государства 287
IV. Теоріи участія штатовъ въ образованіи федеральнаго суверенитета 294

II. Дуалистическая федеративная теорія . 299

I. Поли-архическая природа конфедерализма . . . 301
II. Неорганизованныя конфедеральныя соединенія . 305
III. Конфедераціи государствъ 308
IV. Личныя уніи 315
V. Дуалистическая природа федеральнаго государства 319
VI. Правительственная организація федеральныхъ государствъ 331
VII. Реальная унія, какъ особый видъ федеральнаго государства 334
VIII. Разница федерализма и децентрализаціи . . . 338
IX. Распредѣленіе компетенціи въ федеральномъ государствѣ 346

III. Политическое значеніе федерализма и децентрализаціи 358

I. Политическая роль конфедерализма и федерализма 359
II. Значеніе и границы децентрализаціи 371
III. Національный принципъ съ точки зрѣнія федерализма и децентрализаціи 385

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Развитіе федерализма въ новое время 397

I. Латинскій федерализмъ 400

А. Итальянскій федерализмъ.

I. Римскій федерализмъ 401

стр.

II. Средневѣковый итальянскій федерализмъ . . . 410
III. Макіавелли и Вико 416
IV. Федерализмъ при объединеніи Италіи 421
V. Федерализмъ въ современной Италіи 427

Б. Французскій федерализмъ.

I. Федерализмъ гугенотовъ 429
II. Федеративная теорія Бодена 441
III. Федерализмъ въ XVIII вѣкѣ 446
IV. Федерализмъ въ эпоху революціи 450
V. Областной федерализмъ и автономизмъ въ XIX вѣкѣ 455
VI. Соціально-анархическій федерализмъ 472
VII. Академическій федерализмъ 491

В. Испанскій федерализмъ.

I. Федеративные элементы въ испанской исторіи . 501
II. Республиканскій федерализмъ 60-хъ и 70-хъ годовъ 504
III. Каталонскій регіонализмъ 510

Г. Иберо-американскій федерализмъ.

I. Характерныя черты иберо-американскаго федерализма 515
II. Мексиканскій федерализмъ 519
III. Средне-американскій федерализмъ 522
IV. Федерализмъ въ колумбійской и тихоокеанской группахъ государствъ 525
V. Бразиліанскій федерализмъ 530
VII. Аргентинскій федерализмъ 532
VIII. Иберійскій панъ-американскій федерализмъ . . . 536

II. Англо-саксонскій федерализмъ 542

А. Сѣверо-американскій федерализмъ.

I. Сѣверо-американскій федерализмъ до основанія союза 544
II. Сѣверо-американскій союзъ и первоначальная основная его идея 550
III. Конфедеративныя теченія до Кальгуна 557
IV. Конфедерализмъ Кальгуна и его послѣдователей . 567

стр.

V. Національный федерализмъ Гамильтона 575
VI. Развитіе унитарной идеи въ Соединенныхъ Штатахъ 580
VII. Эволюція сѣверо-американской федераціи къ унитарному государству 585

Б. Британскій федерализмъ.

I. Англійскій федерализмъ 589
II. Канадскій федерализмъ 603
III. Австралійскій федерализмъ 609
IV. Южно-африканскій федерализмъ 614
V. Имперскій федерализмъ 617

III. Германскій федерализмъ 630

А. Швейцарскій федерализмъ.

I. Швейцарскій конфедерализмъ 631
II. Новѣйшій швейцарскій федерализмъ 635

Б. Нидерландскій федерализмъ.

I. Конфедерализмъ эпохи Соединенныхъ Провинцій . 640
II. Современный нидерландскій федерализмъ . . . 648

В. Нѣмецкій федерализмъ.

I. Ранній нѣмецкій федерализмъ 650
II. Теоріи федеральнаго государства при Священной Римской Имперіи 656
III. Конфедерализмъ въ эпоху Рейнскаго Союза . . 662
IV. Федерализмъ при Германскомъ Союзѣ до 1848 . 665
V. Федеративныя теоріи во вторую половину Германскаго Союза 672
VI. Федеративный и унитарный моменты въ конституціи Германской имперіи 678
VII. Конфедеративное теченіе при Германской имперіи 683
VIII. Корпоративныя теоріи федеральнаго государства . 686
IX. Унитарныя федеративныя теоріи 692
X. Эволюція Германской имперіи отъ федеральнаго устройства къ унитарному 697

Г. Скандинавскій федерализмъ.

I. Шведско-норвежская унія 700
II. Датско-исландское соединеніе 706

стр.

IV. Славянскій федерализмъ 707

А. Западно-славянскій федерализмъ.

I. Австро-венгерская унія 709
II. Австрійская и венгерская литература по федерализму 714
III. Чешскій федерализмъ 719
IV. Хорватскій федерализмъ 729
V. Австро-славянскій федерализмъ 734

Б. Балканскій федерализмъ.

I. Идея Балканской федераціи среди балканскихъ народовъ 741
II. Россія и Балканская федерація 746

В. Русскій федерализмъ.

I. Ранній русскій федерализмъ и федерализмъ декабристовъ 747
II. Украинофильскій федерализмъ 754
III. Анархическій конфедерализмъ 759
IV. Національно-областной федерализмъ 765
V. Финляндскій федерализмъ 770
VI. Академическій федерализмъ 777
VII. Панславистскій федерализмъ 780
VIII. Общій взглядъ на развитіе федерализма . . . 785

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Международный конфедерализмъ 792

I. Обоснованіе международнаго конфедерализма 793

I. Международно-правовое общеніе, какъ неорганизованный конфедерализмъ 793
II. Соціологическое обоснованіе международной организаціи 799
III. Политико-юридическое обоснованіе международной организаціи 803
IV. Этическое обоснованіе международной организаціи 812
V. Критика пацифизма 816

II. Вопросы международнаго конфедерализма 827

I. Объемъ и форма международной организаціи . . 827
II. Судебные, административные и законодательные органы международной конфедераціи 831

Глава первая.

Предпосылки теоріи права.

Задача нашего изслѣдованія — построить юридически обоснованную теорію федерализма. Теорія федерализма имѣетъ дѣло съ опредѣленной политической организаціей человѣческаго общежитія, и этимъ до извѣстной степени опредѣляется ея настоящее научное мѣсто. Логическое мѣсто политики, въ правильной классификаціи основныхъ соціальныхъ наукъ, послѣ соціологіи, этики и философіи права.

Всякій политическій вопросъ есть вопросъ о той или иной организаціи человѣческаго общества, и приступать къ его разрѣшенію возможно только тогда, когда изучена природа самого общества, когда извѣстно, что такое общество. Изученіе основныхъ законовъ общественной жизни въ цѣломъ есть область соціологіи. Но отъ соціологическаго изученія общества нельзя сразу же переходить къ политическимъ вопросамъ, касающимся общественнаго устройства. Политика занимается міромъ человѣческихъ цѣлей, поскольку онѣ осуществляются въ соціальныхъ организаціяхъ: ея область есть область должнаго; соціологія же изучаетъ только то, каково общество въ дѣйствительности и каковы законы, управляющіе ея фактическою жизнью. Между соціологическимъ міромъ сущаго и политическимъ міромъ возможнаго и желательнаго нѣтъ непосредственной связи. Мостъ между ними устанавливается этикой, которая въ теоретическое

изученіе общественной дѣйствительности привноситъ практическіе принципы нравственнаго поведенія. Лишь этика, какъ самостоятельная отрасль человѣческаго знанія, даетъ возможность вырваться изъ механической причинности соціальныхъ законовъ въ область свободной дѣятельности людей, руководящихся своими личными цѣлями.

Особой областью этическихъ нормъ, имѣющихъ въ виду принудительное регулированіе общественныхъ отношеній, является право, природа котораго изучается философіей права.

Лишь послѣ того, какъ соціологическое изученіе установитъ намъ дѣйствительную природу общеста, какъ этическое изслѣдованіе дастъ основной принципъ нравственной дѣятельности, а философія права покажетъ правовое выраженіе этого принципа, можно приступать къ построенію политики, которая есть лишь проведеніе нравственно-правовыхъ цѣлей въ данной естественной общественной средѣ.

Теорія федерализма, стремящаяся въ своеобразной политической организаціи примирить политическія центробѣжныя и центростремительныя силы общества, есть теорія права и политики. Для точнаго изслѣдованія этой теоріи необходимо показать, насколько она отвѣчаетъ сложной и двусторонней природѣ общества, насколько она соотвѣтствуетъ лично-общественному принципу нравственной дѣятельности и какъ она гармонируетъ съ индивидуально коллективной природой права и власти.

Соціологическія данныя о природѣ общества и философскія утвержденія объ основахъ нравственности составляютъ необходимыя предпосылки всякой дѣйствительно обоснованной теоріи права и государства, такъ какъ только они могутъ служить надежнымъ фундаментомъ для конструкцій теоретической юриспруденціи.

I. Природа общества.

I. Необходимость синтетическаго преодолѣнія односторонностей индивидуализма и коллективизма. — II. Органическая двусторонность общества и различныя ея выраженія: законы раздѣленія труда, соціальной дифференціаціи и общественной солидарности. — III. Двусторонній характеръ общества какъ своеобразная форма коллективнаго психологическаго синтеза.

При изученіи природы общества очень часто впадаютъ въ крайность, — замѣчая одинъ изъ элементовъ общественной жизни, часть утверждаютъ какъ цѣлое. Такъ какъ основныхъ элементовъ въ общественной жизни два, — человѣческая личность и коллективное соединеніе, то въ соціальныхъ теоріяхъ обычны двоякаго рода односторонности, — крайній индивидуализмъ, нашедшій классическое выраженіе въ естественно-правовыхъ теоріяхъ общественнаго договора и въ многочисленныхъ анархическихъ ученіяхъ, и преувеличенный коллективизмъ, которымъ грѣшитъ особенно біологическое направленіе въ соціологіи и историческій матеріализмъ. Такъ какъ при одностороннемъ разсмотрѣніи общества, истинная его природа остается непонятой, то необходимо синтетическое объединеніе индивидуализма и коллективизма. Уже органическое направленіе въ соціологіи установило слитную двусторонность общества и дало ей выраженіе въ основномъ законѣ органическаго общественнаго расчлененія, формулируемомъ то какъ раздѣленіе труда, то какъ соціальная дифференціація, то какъ общественная солидарность. Однако этотъ законъ органическаго расчлененія общества

можетъ имѣть по отношеніи къ обществу примѣненіе только какъ нѣкоторая аналогія. Общество не есть біологическій организмъ, а коллективно-психологическое явленіе, и органическая лично-общественная двусторонность его является послѣдствіемъ своеобразнаго коллективнаго психологическаго синтеза.

I.

Обычно общая теорія права строится такъ, что сначала дается опредѣленіе права, потомъ ислѣдуются природа и элементы юридическихъ нормъ и лишь въ заключеніе говорится нѣсколько словъ объ обществѣ и о государствѣ. Между тѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ право есть одно изъ соціальныхъ явленій и понять его вполнѣ можно только изъ природы общества, какъ таковаго, и изъ этической человѣческой дѣятельности, то слѣдуетъ сначала изучить, что такое общество, и каковъ основной принципъ нормативной дѣятельности людей, изъ этого изученія вывести понятіе обязательныхъ нормъ и права, и лишь послѣ этого приступать къ изслѣдованію детальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ природой юридическихъ нормъ.

Природу общества изслѣдуетъ соціологія, и съ нея необходимо начинать при построеніи всякой общей правовой или политической теоріи. Подъ соціологіей не слѣдуетъ разумѣть ни простой совокупности общественныхъ наукъ, такъ какъ изъ существа отдѣльныхъ элементовъ общества еще нельзя съ достовѣрностью заключать о природѣ общества въ цѣломъ, ни ученія о соотношеніи между отдѣльными общественными науками, раскрывающаго связь между ними и восполняющаго пробѣлы, такъ какъ при этомъ соціальныя явленія, какъ таковыя, не вполнѣ были бы отдѣлены отъ спеціально юридическихъ, политическихъ, экономическихъ и т. п. явленій. Соціологія есть обобщающая и объединяющая философія отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, подобно

біологіи среди наукъ объ органической жизни. Она есть общая теорія общества, т. е. наука о законахъ, управляющихъ явленіями органической жизни, и изучаетъ соціальныя образованія, различные виды общественной среды какъ со стороны ихъ формы, такъ и со стороны ихъ содержанія.

Соціологія есть наука объ обществѣ въ цѣломъ и, слѣдовательно, пользуется методомъ научнымъ, позитивнымъ, основаннымъ на наблюденіи надъ общественной жизнью; поэтому отъ нея нужно отдѣлять соціальную метафизику, т. е. вопросы о соціальной сущности и о конечной соціальной цѣли, соціальную этику, такъ какъ въ изученіи реальныхъ фактовъ мы не можемъ найти основъ для нормъ долженствованія, и соціальную политику, дающую соціальный идеалъ, а не реальное изученіе общества. Соціологія есть наука объ обществѣ въ цѣломъ, и потому нельзя съ нею отожествлять, а слѣдуетъ считать лишь ея частями: юриспруденцію, ученіе о политическихъ формахъ, политическую экономію, антропосоціологію, соціальную психологію, исторію (которая является только источникомъ соціологіи) и философію исторіи (которая относится только къ соціальной динамикѣ, а не къ статикѣ).

Обращаясь къ разсмотрѣнію соціологическихъ теорій, пытающихся объяснить природу общества, мы должны сдѣлать одно общее замѣчаніе, которое впрочемъ имѣетъ силу по отношенію не къ одной соціологіи, но и ко всѣмъ общественнымъ наукамъ.

Изучая исторію и современное состояніе соціологіи, этики, общей юриспруденціи и философіи права, мы постоянно встрѣчаемся съ однимъ общераспространеннымъ фактомъ, — именно, всякая соціологическая, этическая или юридическая теорія обыкновенно стремится очень послѣдовательно провести и обосновать какую-нибудь одну точку зрѣнія; точка зрѣнія эта принимается въ большинствѣ случаевъ очень односторонне, съ исключеніемъ всякой другой.

Неудивительно поэтому, что теоріи эти расходятся между собою въ самыхъ разнообразныхъ и существенныхъ вопросахъ и, прежде всего, въ изначальныхъ и коренныхъ вопросахъ о природѣ общества, морали и права.

Такое разнорѣчіе и борьба соціологическихъ, этическихъ и юридическихъ конструкцій и теорій часто принимается за разительное доказательство неопредѣленности, шаткости и вообще печальнаго ненаучнаго состоянія всей области соціальныхъ наукъ. Соціологи не знаютъ, что такое общество, моралисты спорятъ, въ чемъ высшее благо, а юристы еще ищутъ опредѣленія права; всѣ, значитъ, разсуждаютъ о томъ, чего доподлинно не знаютъ; они создаютъ взаимно противорѣчащія и исключающія другъ друга теоріи, среди которыхъ трудно разобраться и найти истинную, ибо каждая изъ нихъ утверждаетъ себя какъ единственно истинную, всѣ же другія объявляя за ложныя.

Такое пессимистическое заключеніе о теоретическихъ общественныхъ наукахъ однако и поспѣшно и ошибочно. То же явленіе крайняго проведенія одностороннихъ принциповъ наблюдаемъ мы и во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія и дѣятельности, и въ естественныхъ наукахъ, и въ философіи, и въ религіи. Исторія знаетъ множество философскихъ и религіозныхъ системъ, исходившихъ изъ разныхъ и часто противоположныхъ основныхъ принциповъ. При поверхностномъ и одностороннемъ взглядѣ на исторію, вся работа человѣческой мысли можетъ показаться безплодной и тяжелой работой Сизифа: каждая новая система, каждая новая теорія стремится уничтожить старыя, доказать ихъ полную непригодность и утвердить свою исключительную вѣрность; но ее ждетъ та же судьба, и умъ человѣческій словно осужденъ вѣчно убѣждаться въ своемъ заблужденіи и вѣчно начинать свою прежнюю работу. Если признать противорѣчіе различныхъ точекъ человѣческаго зрѣнія принципіальнымъ, то надо отказаться отъ самой

надежды когда-нибудь и что-нибудь познать, такъ какъ всякое познаніе донынѣ совершалось черезъ борьбу противорѣчивыхъ мнѣній.

Но положеніе дѣла вовсе не такъ безотрадно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, ибо не слѣдуетъ преувеличивать исключительность и несовмѣстимость различныхъ съ виду противорѣчивыхъ и расходящихся теорій. Дѣло въ томъ, что обычно отъ цѣлаго „отвлекаются“, пользуясь выраженіемъ Вл. Соловьева, частныя идеи, особыя стороны и элементы всеединой идеи, и утверждаются въ своей исключительности; онѣ при этомъ „теряютъ свой истинный характеръ (только особыхъ элементовъ всеединой идеи) и, вступая въ противорѣчіе и борьбу другъ съ другомъ, повергаютъ міръ человѣческій въ то состояніе умственнаго разлада, въ которомъ онъ доселѣ находится“.

Видятъ, напр., въ правовыхъ нормахъ одну разграниченную внѣшнюю свободу и строятъ на этомъ основаніи индивидуалистическія теоріи права; находятъ, напр., во власти одно проявленіе господствующей воли и строятъ волевыя теоріи власти; усматриваютъ, напр., въ государствѣ лишь юридическое лицо, вступающее въ юридическія отношенія съ другими лицами, и создаютъ юридическія теоріи государства; замѣчаютъ, напр., въ правительствѣ только выраженіе народной воли и вырабатываютъ демократическія теоріи правительства. И всѣ при этомъ страдаютъ органическимъ порокомъ односторонности: индивидуалистическія теоріи права отказываются видѣть въ правѣ выраженіе общественной функціи охраны общаго интереса; волевыя теоріи власти не хотятъ замѣтить во власти момента сознательнаго признанія и добровольнаго подчиненія; юридическія теоріи государства не желаютъ признать, что государство является не только юридическимъ лицомъ, но сплошь и рядомъ юридическимъ отношеніемъ; демократическія теоріи не въ состояніи принять и даже понять того, что правительственная

власть не только исходитъ отъ народной воли, но и носитъ въ самой себѣ источникъ своего авторитета, и что не все можно въ природѣ правительственной власти свести къ волѣ лицъ, подчиняющихся ей.

Соціологическія, этическія и юридическія теоріи и конструкціи обнаруживаютъ неудержимое, но пагубное стремленіе къ искусственному упрощенію вопросовъ, постоянное тяготѣніе къ монизму, къ выведенію всего научнаго построенія изъ единаго принципа. Это и есть искусственное „отвлеченіе“ частичныхъ элементовъ отъ сложнаго и въ своей сложности нераздѣльнаго цѣлаго. При этомъ и критика несходныхъ теорій ведется по тому же, такъ сказать, „монистическому“ принципу. Обыкновенно критикуемое положеніе искусственно изолируется отъ всей теоріи, насильственно отрывается отъ всего остального и, такимъ образомъ, при своемъ очевидномъ несоотвѣтствіи дѣйствительности, доводится до абсурда.

Въ дѣйствительности общественныя явленія, какъ и вообще явленія жизни, многосторонни, и на нихъ можно смотрѣть съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но изъ того, что теоретики, стремясь построить систему на какомъ-нибудь одномъ началѣ и разыскивая единство односторонняго принципа, утверждаютъ эти начала несогласно другъ съ другомъ, нисколько не слѣдуетъ, что всѣ они ошибаются, а только то, что они правы лишь до извѣстной степени, съ одной опредѣленной точки зрѣнія. Каждое одностороннее опредѣленіе, всякое отвлеченное теоретическое начало, если оно считаться съ реальною жизнью, не являетъ собою абсолютно ложнаго построенія, оно имѣетъ свое частное значеніе и тѣмъ самымъ свое оправданіе (въ особенности въ томъ, что оно утверждаетъ, а не въ томъ, что оно отрицаетъ); но значеніе это ограниченное, и потому на такихъ односторонніхъ теоріяхъ нельзя окончательно остановиться.

Вслѣдствіе этого, во избѣжаніе ложной односторонности,

необходимо стать на синтетическую точку зрѣнія и искать исчерпывающихъ и многосторонних опредѣленій, которыя обнимали бы собою всѣ остальныя опредѣленія и заключали бы ихъ въ себѣ внутренне-связанными. Слѣдуетъ съ самаго же начала отказаться отъ искусственнаго, хотя и удобнаго монизма и примириться хотя и съ болѣе сложнымъ и труднымъ, но болѣе соотвѣтствующимъ многообразной дѣйствительности плюрализмомъ.

Но, разумѣется, мало еще прійти къ заключенію, что существуетъ множество точекъ зрѣнія на данное общественное явленіе и что въ немъ соединены многіе составные элементы, нужно отыскивать важныя и существенныя стороны и найти основу соотношенія составныхъ элементовъ. Конечно, меньше всего въ данномъ случаѣ правильнымъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія можетъ быть внѣшній эклектизмъ, т. е. механическое соединеніе различныхъ принциповъ и элементовъ; необходимо для настоящаго жизненнаго синтеза органическое соединеніе всѣхъ односторонних опредѣленій на основаніи синтезирующей силы всеобъемлющаго начала, являющагося живой душой всего соединенія.

Эта синтетическая точка зрѣнія прежде всего должна быть примѣнена къ пониманію природы общества. Въ наукѣ объ обществѣ одинаково ошибочны оба крайнія односторонія воззрѣнія на него, до сихъ раздѣляющія многихъ соціологовъ, и индивидуалистическія, и коллективистическія, и истину надо искать только въ синтетическомъ сліяніи положительныхъ сторонъ каждаго изъ нихъ.

Одностороннее индивидуалистическое воззрѣніе на общество отрицаетъ специфическую органичность общественныхъ соединеній. Общество понимается съ этой точки зрѣнія какъ механическій аггрегатъ индивидуальныхъ особей, при чемъ этотъ аггрегатъ есть лишь случайная сумма входящихъ въ него единицъ и въ суммѣ этой нѣтъ ничего

новаго, чего бы уже не заключалось въ его частяхъ. Такое воззрѣніе есть своеобразный соціальный номинализъ, для котораго общество не имѣетъ бытія какъ особое единое существо. Это воззрѣніе лежитъ, вообще говоря, въ основѣ различныхъ выраженій такъ называемой механической теоріи общества, начиная уже съ ученія софистовъ, но особенно такой преувеличенный соціальный индивидуализмъ проникалъ всю школу естественнаго права. На немъ утверждалась и договорная теорія общества.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное изложеніе и критику того механическаго соціальнаго индивидуализма, который такое яркое выраженіе нашелъ себѣ въ соціально-политическихъ теоріяхъ Гоббса, Руссо, Годвина и вообще въ соціальной философіи XVIII вѣка, у однихъ авторовъ приходя къ выводамъ крайне абсолютическаго характера, у другихъ, какъ у Годвина, къ крайнему анархизму. Индивидъ не можетъ отдѣлить своего существованія отъ того собирательнаго цѣлаго, въ которомъ онъ живетъ. Только черезъ общество получаетъ онъ жизнь и дѣлается разумной личностью: все, что имѣется въ общественной жизни, передается отдѣльной личности, наполняя ее содержаніемъ; только въ обществѣ индивидуальный разумъ человѣка впервые, въ общеніи съ другими людьми, начинаетъ осознавать себя и закрѣпляетъ свои пріобрѣтенія черезъ посредство языка, созданія исключительно общественнаго. Только въ общеніи съ другими людьми человѣкъ возвышается отъ состоянія безсловеснаго существа до личности, торжествующей своимъ разумомъ надъ неразумной природой. Если бы не было общества, то не было бы и людей, какъ сознательныхъ и разумныхъ личностей.

Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что ни соціологическія наблюденія законовъ общественной жизни, ни требованія правильной этической системы, ни размышленія надъ природою права, не подтверждаютъ правильности индивидуа-

листической гипотезы, а наоборотъ доказываютъ полную ея несостоятельность.

Противоположная односторонность въ пониманіи природы общества состоитъ въ преувеличеніи органическаго элемента въ общественныхъ соединеніяхъ. Очень часто забывается, что какова бы ни была специфическая природа общества, оно никогда не уничтожаетъ отдѣльной личности, никогда не поглощаетъ индивидуальнаго сознанія и индивидуальнаго бытія. Между тѣмъ въ началѣ соціологія склонна была преувеличивать коллективный моментъ въ соціальной жизни. Для Конта, напр., дѣйствительно существовало только человѣчество въ цѣломъ, только оно одно истинно-реально, отдѣльные же индивиды имѣютъ лишь кажущееся бытіе: они приходятъ и уходятъ, какъ элементы цѣлаго, истинно же остается только это послѣднее. Индивиды суть только абстракціи, дѣйствительно существуетъ одно общество. Индивиды для Конта даже не „отдѣльныя существа“, а органы „Великаго Существа“ — человѣчества. Ясно, какіе практическіе выводы могли быть сдѣланы изъ подобнаго теоретическаго положенія. И дѣйствительно, утопія Конта о соціократическомъ правленіи совершенно забывала объ отдѣльной личности, словно ея не существовало, словно, въ концѣ концовъ, не она начало и конецъ всякой жизни. Въ этомъ презрѣніи къ индивиду и къ его правамъ съ нею можетъ быть сравнена только утопія еще болѣе извѣстнаго представителя коллективистическаго міровоззрѣнія, Платона. Ни о какой личной свободѣ, политической или религіозной, не можетъ быть здѣсь и рѣчи, и наиболѣе послѣдовательная съ этой точки зрѣнія политика есть та, о которой мечталъ Великій Инквизиторъ. Непонятны сами основанія для построенія такихъ теорій общества, по которымъ интересъ и благо личности, какъ таковой, вполнѣ подчиняются благу и интересамъ общества и приносятся имъ въ жертву. Низведеніе индивида на роль простого органа, сопровождаемое умаленіемъ и дегра-

дацією личности, совершенно безсмысленно, такъ какъ остается непонятнымъ, для чего же существуетъ тогда само благоустроенное общество, которое особаго сознанія своего не имѣетъ, а индивидуальное сознаніе лицъ, его составляющихъ, лишь страдаетъ. Впрочемъ существованіе такого общества и не возможно.

Забывать о дѣйствительномъ значеніи человѣческой личности въ общественной жизни людей особенно склонны изъ современныхъ соціологическихъ направленій біологическое и экономическое, и именно этотъ вопросъ и является ихъ камнемъ преткновенія, на которомъ они терпятъ окончательное крушеніе.

Біологическое объясненіе природы общества стремится понять общественную жизнь, исключительно какъ видовую жизнь особой животной породы, людей, дѣйствующихъ по общимъ біологическимъ законамъ борьбы за существованіе, естественнаго отбора и расоваго взаимодѣйствія. Органическія видоизмѣненія общественной среды происходятъ чисто механически, простой, математически неизбѣжной игрой физическихъ законовъ, безъ всякаго воздѣйствія человѣческихъ цѣлей, лишь подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, выживанія наиболѣе приспособленныхъ и наслѣдственнаго закрѣпленія пріобрѣтенныхъ свойствъ. Но человѣческая общественная жизнь слишкомъ много представляетъ уклоненій отъ чисто животной борьбы за существованіе; механическая игра біологическихъ законовъ слишкомъ осложняется вліяніемъ человѣческой личности, ея альтруистическихъ инстинктовъ; вліяніе этихъ законовъ слишкомъ парализуется дѣйствіемъ культуры, — чтобы можно было въ соціологіи дѣйствительно устоять на біологической точкѣ зрѣнія.

Забвеніе индивидуальности человѣческой и роли личности составляетъ ахилессову пяту и другой коллективистической общественной доктрины — экономическаго матеріализма. Все историческое развитіе человѣческихъ обществъ

объясняется естественнымъ движеніемъ производительныхъ силъ, развивающихся чисто діалектически, по неизмѣннымъ законамъ. Но ни Марксъ, ни его послѣдователи не дали отвѣта на вопросъ, который существенно возникаетъ вслѣдъ за этимъ утвержденіемъ: чѣмъ же объясняется само движеніе, само развитіе производительныхъ силъ: вѣдь не происходитъ оно само собой, безъ всякой причины. Розысканіе же этихъ послѣднихъ основаній неизбѣжно приведетъ къ дѣйствію единственнаго фактора, могущаго творить движеніе изъ самого себя, къ вліянію творческой человѣческой личности.

Мы даже не настаиваемъ на нелѣпомъ съ логической точки зрѣнія стремленіи этой теоріи построить соціальный идеалъ на механической основѣ причинной необходимости общественнаго развитія. Если человѣческія идеи суть лишь рефлексы хозяйственныхъ отношеній, то какъ же онѣ могутъ руководить этими отношеніями, какъ онѣ вообще могутъ воздѣйствовать на то, рефлексами чего онѣ являются? Логическая несообразность этихъ противорѣчій въ доктринѣ экономическаго матеріализма бросается въ глаза. Именно она заставляетъ сторонниковъ экономическаго матеріализма говорить, вопреки основному смыслу всей доктрины, о томъ, что на извѣстной стадіи историческаго развитія происходитъ взаимодѣйствіе экономическаго фактора и науки, что наступаетъ моментъ, когда „человѣкъ окончательно выходитъ, въ извѣстномъ смыслѣ, изъ животнаго царства и переходитъ изъ животныхъ условій существованія въ истинно человѣческія. Совокупность жизненныхъ условій, которыя до сихъ поръ владычествовали надъ человѣкомъ, подчиняется съ этого времени контролю и господству людей, впервые дѣлающихся сознательными, истинными господами природы, потому что они стали господами своего собственнаго общежитія. Законы общественной дѣятельности людей, противостоявшіе

людямъ до сихъ поръ, какъ чуждые, господствующіе надъ человѣкомъ законы природы, станутъ примѣняться людьми съ полнымъ сознаніемъ и, тѣмъ самымъ, будутъ служить человѣку. Общежитіе людей, принудительно возникающее до сихъ поръ подъ вліяніемъ природы и исторіи, становится собственнымъ свободнымъ дѣломъ человѣка. Объективныя, чуждыя силы, которыя до сихъ поръ управляли исторіей, подчиняются контролю самого человѣка. Только съ этого времени люди будутъ сами, съ полнымъ сознаніемъ, дѣлать свою исторію... Это прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы" (Слова Энгельса въ сочиненіи Противъ Дюринга). То же за Энгельсомъ повторяетъ и другой сторонникъ (Бельтовъ) историческаго матеріализма: „Діалектическій матеріализмъ говоритъ: человѣческій разумъ не могъ быть деміургомъ исторіи, потому что онъ самъ является ея продуктомъ. Но разъ явился этотъ продуктъ, онъ не долженъ и по самой природѣ своей не можетъ подчиниться завѣщанной прежнею исторіей дѣйствительности; онъ по необходимости стремится преобразовать ее по своему образцу и подобію, сдѣлать ее разумнѣе".

Допущеніе такого прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы есть откровенное признаніе того, что теорія экономическаго матеріализма не объясняетъ всей общественной жизни и что на извѣстной стадіи общественнаго развитія соціологическіе законы перестаютъ дѣйствовать. Это есть отказъ отъ собственной же теоріи и признаніе самостоятельнаго воздѣйствія на историческій процессъ психологическаго фактора, представленнаго человѣческой личностью. Да какъ и не признать этого фактора, когда сама исторія постоянно показываетъ, что никакая перемѣна въ экономическихъ отношеніяхъ не мѣняетъ извѣстнаго соотношенія классовъ, пока у членовъ даннаго общества сохраняется вѣра въ справедливость или святость существующаго порядка, и что тотчасъ же происходятъ общественные пере-

вороты, когда эта вѣра проходитъ. Безплодна и смѣшна попытка объяснить ходъ нашего психическаго развитія (единственнаго основного общественнаго фактора, такъ какъ человѣческое сознаніе есть начало и конецъ всего въ обществѣ) преимущественнымъ воздѣйствіемъ экономическихъ условій нашей жизни и установить причинную закономѣрность между измѣненіями въ экономическихъ формахъ хозяйства и развитіемъ человѣческой психики.

II.

Индивидуалистическія и коллективистическія теоріи односторонни; преувеличивая одинъ изъ общественныхъ элементовъ по сравненію съ другимъ, онѣ то недостаточно понимаютъ своеобразный организмо-подобный характеръ общественныхъ соединеній, то забываютъ человѣческую личность и ея творческую роль.

Правильнымъ воззрѣніемъ на общество будетъ примиреніе этихъ обѣихъ точекъ зрѣнія и принятіе синтетической теоріи признающей двустороннюю природу общества, какъ лично-собирательнаго образованія, какъ равновѣсія двухъ моментовъ, личнаго и общаго. Эта двусторонность общества вытекаетъ какъ естественное послѣдствіе изъ органическаго характера общественныхъ соединеній.

Организованность вообще есть явленіе двустороннее. Во всемъ, что живетъ органическою жизнью, мы находимъ своеобразное сліяніе жизни отдѣльныхъ частей съ жизнью цѣлаго. Въ живомъ организмѣ имѣется живое единство цѣлаго и самостоятельная жизнь частицъ, и организмъ нельзя свести ни къ функціямъ, объединяющимъ его частицы, ни къ жизни этихъ частицъ; организмъ есть равновѣсіе и нераздѣльная слитность двухъ моментовъ: самостоятельнаго развитія частей и общихъ функцій, объединяющихъ частицы въ самостоятельное цѣлое. Многія изъ этихъ явленій и признаковъ, которые мы привыкли относить къ такъ назы-

ваемымъ организмамъ, мы находимъ въ соціальномъ строеніи и въ общественной жизни.

Между различными частями соціальной системы, какъ уже было отмѣчено самимъ основателемъ науки объ обществѣ, Контомъ, существуетъ тѣснѣйшее взаимодѣйствіе, — consensus. Правильная гармонія между отдѣльными условіями существованія общества создаетъ общественный порядокъ, характеризующій общество въ статическомъ состояніи. Уже въ основномъ статическомъ элементѣ общественной жизни, въ семьѣ, имѣются признаки соціальнаго организма; она, будучи посредникомъ между индивидомъ и обществомъ, является клѣточкой общественнаго цѣлаго и придаетъ ему своеобразный органическій характеръ.

Съ точки зрѣнія эволюціонной соціологіи, изъ трехъ видовъ развитія, неорганическаго, органическаго и надъ-органическаго, общественное развитіе относится именно къ типу надъ-органическому, состоящему изъ процессовъ и продуктовъ, предполагающихъ координированныя дѣйствія многихъ индивидовъ. Общество есть не только названіе, объединяющее множество реально-существующихъ особей, но и само является реальнымъ бытіемъ. Оно есть своеобразный организмъ или во всякомъ случаѣ имѣетъ много аналогичныхъ съ организмомъ чертъ, къ которымъ относятся — постоянный ростъ, разростаніе общественнаго цѣлаго извнутри, дифференціація и обособленіе частей, дифференціація соціальныхъ функцій, отправляемыхъ каждая общественнымъ органомъ, взаимная зависимость частей, зависимость жизни цѣлаго отъ жизни входящихъ въ него существъ и въ то же время отличіе и самостоятельность жизни цѣлаго отъ жизни составляющихъ ея частицъ.

Эта двусторонняя организованность общества, отмѣчаемая почти всѣми соціологическими системами, принадлежатъ ли онѣ или не принадлежатъ къ такъ называемой органической теоріи общества, находитъ свое общее выраженіе въ законѣ

общественнаго расчлененія, различными формулировками котораго являются законы раздѣленія труда, общественной дифференціаціи и общественной солидарности.

Уже Контъ въ своей Системѣ положительной философіи отмѣтилъ, что отличительная черта соціальной дѣятельности заключается въ раздѣленіи труда и въ кооперативномъ характерѣ, возрастающемъ по мѣрѣ того, какъ усложняется общество. Характерная особенность соціальнаго организма заключается въ увеличивающейся спеціализаціи его функцій, выполняемыхъ все болѣе обособленными, но тѣмъ не менѣе солидарными между собою органами. Въ этой спеціализаціи сказывается вообще возрастаніе совершенства животнаго организма, и въ этомъ основаніе превосходства соціальнаго организма надъ всякимъ организмомъ индивидуальнымъ. Принципъ кооперації или сотрудничества является основнымъ при анализѣ природы общества, такъ какъ общество зиждется именно на сотрудничествѣ своихъ членовъ. „Только подъ вліяніемъ правильнаго раздѣленія труда, пишетъ Контъ, соціальная жизнь пріобрѣтаетъ стойкость, побѣждающую частныя разногласія. Привычка къ такой кооперативной дѣятельности въ самомъ дѣлѣ способна развить путемъ вліянія интеллектуальныхъ соображеній соціальный инстинктъ, вызывая въ каждой семьѣ чувство зависимости отъ другихъ и сознаніе своего личнаго значенія. Слѣдовательно, соціальная организація стремится все болѣе основываться на сознаніи индивидуальныхъ различій между людьми“ [1]).

Законъ раздѣленія труда можетъ быть формулированъ какъ законъ общественной дифференціаціи, но существо его

1) Слѣдуетъ отмѣтить, что и Гегель признавалъ органическое строеніе общества, и государственный союзъ былъ для него жизненнымъ только въ томъ случаѣ, когда общинная и корпоративная жизнь въ немъ развита, когда отдѣльныя государственныя власти суть лишь особые органы единаго живого государственнаго организма, неразрывно съ нимъ связанные (Philosophie des Rechts, §§ 276 и сл.).

останется тѣмъ же. Въ сущности соціальная дифференціація есть лишь особая формулировка общественнаго раздѣленія труда. По Спенсеру, возведшему общественную дифференціацію въ основной соціологическій законъ, однородны лишь примитивныя соціальныя группы, цивилизованное же общество есть общество разнородное, расчлененное на коллективные организмы и отъ раздѣленія труда переходящее къ раздѣленію функцій. Общественная эволюція происходитъ подъ вліяніемъ двухъ процессовъ — интеграціи, т. е. органическаго роста общества (какъ въ силу простого увеличенія единицъ черезъ рождаемость, такъ и вслѣдствіе соединенія общественныхъ группъ), и дифференціаціи. Съ возростаніемъ соціальной массы увеличивается сложность общественнаго строенія. Общество дѣлится на классы, профессіи, причемъ каждый классъ все больше приспосабливается къ опредѣленной дѣятельности. Происходитъ обособленіе цѣлыхъ системъ общественныхъ органовъ.

Самостоятельное развитіе частей, сопровождающее объединеніе цѣлаго, является неизмѣннымъ спутникомъ прогрессирующаго развитія. Этотъ принципъ имѣетъ значеніе какъ для біологическаго міра, такъ и для общественныхъ явленій. Въ человѣческомъ обществѣ, въ мірѣ соціальныхъ и политическихъ формъ наблюдается такое же одновременное существованіе двухъ противоположныхъ повидимому, но на самомъ дѣлѣ примиряющихся тенденцій: съ одной стороны, центростремительной, влекущей людей къ созданію общественныхъ союзовъ и къ постоянному расширенію объема этихъ союзовъ и имѣющей несомнѣнной цѣлью и конечнымъ пунктомъ объединеніе всего человѣчества въ единой политической организаціи; съ другой стороны, центробѣжной, толкающей людей на созданіе особыхъ частныхъ группъ, на выдѣленіе изъ общей организаціи организацій частичныхъ, на раздробленіе общей соціальной жизни и на самостоятельное существованіе выдѣлившихся образованій, причемъ

конечнымъ пунктомъ этого движенія является независимое, самостоятельное существованіе индивида. Равновѣсіе этихъ двухъ стремленій и есть то идеальное состояніе, которое завершаетъ прогрессивное развитіе.

Но ни раздѣленіе труда, ни дифференціація соціальныхъ функцій, придавая обществу многія органическія черты, не дѣлаютъ однако изъ общества настоящаго біологическаго организма. Нѣкоторыя увлеченія такъ называемой органической теоріи общества объясняются тѣмъ, что она не всегда помнила это обстоятельство; и почти всѣ возраженія противъ этой теоріи точно также направлены именно противъ уподобленія общества настоящему біологическому организму.

Впрочемъ относительно органической теоріи общества накопилось не мало недоразумѣній. Противники этой теоріи опровергаютъ часто въ органической теоріи то, чего она и не думала утверждать. Самъ творецъ органической теоріи, Спенсеръ называлъ общественное развитіе въ противоположность органическому надъ-органическимъ и указывалъ на глубокое различіе между соціальнымъ надъ-организмомъ и біологическимъ организмомъ, сказывающееся въ томъ, что организмъ всегда конкретенъ по своему строенію, общество же разъединено, дискретно, и особенно на то, что въ организмахъ сознаніе, „чувствилище“, имѣетъ одинъ центръ, въ обществахъ же оно имѣется у каждаго индивида, разсѣяно во всемъ аггрегатѣ. Альбертъ Шацъ [1]) полагаетъ, что у Спенсера исходнымъ пунктомъ въ его соціальной философіи было біологическое пониманіе общества, а пунктомъ достиженія индивидуализмъ, и что между біологическимъ пониманіемъ и индивидуалистическими симпатіями Спенсера былъ конфликтъ. Анри Мишель точно также, говоря о Спенсерѣ въ своей книгѣ Идея государства, высказываетъ мысль,

1) Въ своей интересной книгѣ L'individualisme social et economique, русскій переводъ которой, подъ моей редакціей, въ настоящее время печатается.

что разность общества и организма настолько велика, что уподобленіе общества организму становится лишь слабой аналогіей. Однако самъ Спенсеръ особо подчеркиваетъ, что сближеніе общества и организма только аналогія и сравненіе, не больше (Принципы соціологіи, § 269).

Протестъ противъ слишкомъ преувеличеннаго сближенія общества съ организмомъ проистекаетъ главнымъ образомъ отъ различнаго значенія раздѣленія труда и дифференціаціи органовъ и функцій въ процессѣ біологическомъ и въ процессѣ соціальномъ. Если раздѣленіе труда есть основное и въ общемъ благодѣтельное начало общественной жизни, то въ немъ не мало и отрицательныхъ сторонъ. На эти отрицательныя стороны въ свое время указывалъ уже Контъ. „Раздѣленіе труда вызываетъ въ соотвѣтствующей степени умственныя и нравственныя различія между людьми, вліяніе которыхъ требуетъ постоянной дисциплины, способной предупредить или сдержать разладъ между людьми. Раздѣленіе функцій способствуетъ развитію частностей, которое было бы невозможно на иномъ пути, но, съ другой стороны, оно стремится подавить духъ цѣлаго или по крайней мѣрѣ помѣшать его развитію. Точно такъ же и съ нравственной точки зрѣнія каждый человѣкъ становится въ болѣе тѣсную зависимость отъ остальныхъ людей, но обособляется отъ нихъ своею спеціальною дѣятельностью, которая постоянно напоминаетъ ему объ его частномъ интересѣ. Неудобства спеціализаціи возрастаютъ во всѣхъ отношеніяхъ вмѣстѣ съ выгодами. Спеціальность идей и отношеній суживаетъ умъ, безпрестанно обостряя его въ одномъ направленіи; она обособляетъ частные интересы отъ общихъ. Соціальныя чувства сосредоточиваются лишь на лицахъ одинаковой профессіи и перестаютъ относиться къ остальнымъ классамъ вслѣдствіе различія въ нравахъ и мышленіи. Итакъ, тотъ самый принципъ, который далъ возможность развитія и разпространенія общественной жизни,

угрожаетъ въ другомъ отношеніи разложеніемъ ея на множество несвязанныхъ между собою корпорацій". Эти отрицательныя стороны общественнаго раздѣленія труда и призвано, по мнѣнію Конта, устранять правительство, въ чемъ и заключается его естественная роль и настоящее оправданіе. Такая задача, лежащая на правительствѣ, опредѣляетъ и соотвѣтственное взаимное положеніе отдѣльныхъ властей; правительственныя функціи естественно располагаются іерархически, сообразно своей возрастающей общности.

Главнымъ образомъ сознаніе отрицательныхъ сторонъ раздѣленія труда и общественной дифференціаціи заставило въ свое время Михайловскаго такъ настойчиво выступить противъ соціальной философіи Спенсера. Основная соціологическая работа Михайловскаго, Что такое прогрессъ, даетъ послѣдовательную критику соціологіи Спенсера именно съ этой точки зрѣнія. Спенсеръ, по мнѣнію Михайловскаго, забылъ, что существуетъ два вида прогресса, общественный и личный, и что они не совпадаютъ. При переходѣ общества отъ однороднаго къ разнородному, личность переходитъ отъ разнородности къ однородности: общество не единый организмъ; организмы имѣютъ спеціальныя внѣшнія формы, сплошную массу своего тѣла, способность передвиженія, особый центръ чувствованія; ничего этого нѣтъ въ обществѣ. Раздѣленіе труда носитъ антиномическій характеръ и отрицательно для отдѣльной личности. Изъ двухъ видовъ сотрудничества, простого и сложнаго, предпочтительнѣе сотрудничество простое, такъ какъ экономическое и физіологическое раздѣленія труда взаимно другъ друга исключаютъ. По мнѣнію Михайловскаго, слѣдуетъ различать техническое раздѣленіе труда, прогрессъ котораго благодѣтеленъ для человѣчества, и общественное раздѣленіе труда, дѣйствіе котораго, наоборотъ, пагубно. Техническое раздѣленіе это появленіе новыхъ видовъ профессій; общественное раздѣленіе это раздѣленіе различныхъ формъ труда

между различными общественными классами. Ростъ техническаго раздѣленія труда при уменьшеніи общественнаго раздѣленія — вотъ формула дѣйствительнаго прогресса.

Не слѣдуетъ однако такъ преувеличивать анти-индивидуалистическій характеръ раздѣленія труда, какъ это дѣлалъ Михайловскій. Прежде всего, общественная дифференціація вполнѣ примирима съ полнотой индивидуальной жизни, такъ какъ законъ дифференціаціи примѣняется не къ матеріалу соціальной жизни, т. е. къ человѣческимъ особямъ, а къ соціальнымъ формамъ. При развитіи человѣческихъ организацій дифференцируются различныя формы соціальнаго общенія, но это нисколько не связано съ необходимымъ прикрѣпленіемъ опредѣленныхъ лицъ къ опредѣленнымъ соціальнымъ формамъ. Подобное прикрѣпленіе мы видимъ въ кастахъ древней Индіи, но цѣль общественнаго развитія — полная свобода перехода и дѣйствительная подвижность индивидовъ. Многіе изъ соціологовъ указываютъ на тенденцію современной эпохи къ увеличенію такихъ односторонніхъ ассоціацій въ противовѣсъ ассоціаціямъ, охватывающимъ людей цѣликомъ. Кромѣ того, если раздѣленіе труда достигнетъ высокихъ предѣловъ, то количество необходимаго для благоустроенія общей жизни труда, при правильной его организаціи, вѣроятно, сильно уменьшится, и освободится значительный досугъ, который и можетъ быть употребленъ людьми на борьбу противъ однородности, т. е. односторонности и ограниченности, путемъ занятія науками, искусствами, спортомъ, общественной дѣятельностью и т. д. Раздѣленіе труда приведетъ къ уменьшенію необходимаго труда и слѣдовательно не будетъ дѣйствовать противъ интересовъ цѣлостной личности. Раздѣленіе труда и дифференціація имѣютъ не односторонній, а двусторонній характеръ, они отражаютъ въ себѣ двойную тенденцію жизни, — стремленіе къ индивидуальности и общественное объединеніе.

Ученіе о раздѣленіи труда и о соціальной дифференціаціи естественно приводитъ къ ученію о поступательномъ увеличеніи взаимозависимости общественныхъ функцій и частей соціальнаго цѣлаго или, другими словами, къ теоріи общественной солидарности. Контъ видѣлъ въ принципѣ кооперацiи основаніе общественнаго организма. Спенсеръ также полагалъ, что для существованія общества необходима не только совокупность индивидовъ, но и ихъ кооперація, причемъ сама историческая эволюція представлялась ему какъ переходъ отъ принудительной кооперацiи, при которой непосредственно имѣется въ виду общее благо и лишь косвенно достигается и благо индивидуальное, къ кооперацiи добровольной, при которой прямо преслѣдуются личные интересы и лишь косвенно осуществляется и общее благо.

Кооперація, въ пониманіи Конта и Спенсера, носитъ опредѣленно лично-общественный, двусторонній характеръ, но особенно яркое выраженіе эта идея лично-собирательнаго характера историческаго процесса нашла себѣ въ ученіи объ общественной солидарности, въ которомъ Дюркгеймъ лишь развилъ кооперативныя идеи Конта и Спенсера.

Законъ общественной солидарности сводится къ тому, что между членами общества, а также между обществомъ въ цѣломъ и его членами существуетъ тѣсная взаимная зависимость и обусловленность, выражающіяся въ двухъ основныхъ видахъ, въ солидарности вслѣдствіе основной общности человѣческой природы и въ солидарности вслѣдствіе раздѣленія труда.

Человѣкъ есть существо живущее и умирающее, но стремящееся къ жизни и отвергающее смерть. Чисто эмпирически наблюдается фактъ, что когда человѣкъ остается изолированнымъ отъ другихъ людей, онъ болѣе безпомощенъ, скорѣе умираетъ и больше страдаетъ. Въ то же время другимъ эмпирическимъ фактомъ является постоянная жизнь людей сообща, такъ какъ всегда существовали человѣческія

общества. Этотъ фактъ постояннаго общественнаго сожитія людей находитъ свое неизбѣжное отраженіе въ индивидуальномъ сознаніи. Всѣ люди имѣютъ чувство индивидуальной жизни, всѣ имѣютъ волю къ жизни, и это сознаніе составляетъ первую связь между ними. Это и есть сознаніе человѣческой солидарности, во всей своей общности, соединяющее все человѣчество, всѣхъ людей. Но въ то же время нѣкоторые люди болѣе тѣсно соединены другъ съ другомъ вслѣдствіе разныхъ причинъ, общаго происхожденія, одинаковости языка, вѣры, образа жизни и т. п. Въ обширномъ цѣломъ человѣчества образуются группы, отличныя другъ отъ друга, часто даже враждующія между собою. Существованіе этихъ особыхъ группъ находитъ соотвѣтствующее отраженіе въ индивидуальномъ сознаніи, въ созданіи болѣе сильнаго чувства общественной групповой солидарности. Эта солидарность вслѣдствіе сходства людей, вслѣдствіе общности ихъ мыслей, нуждъ и желаній есть фактъ прежде все обобществленія, она ведетъ къ закрѣпленію общественныхъ связей; но въ то же время она есть и фактъ индивидуализаціи, такъ какъ съ обогащеніемъ своей внутренней жизни, человѣкъ обогащаетъ и свою индивидуальность. Такимъ образомъ индивидуальное и соціальное примиряются, въ силу своей солидарности. Одно не противостоитъ другому, а взаимно помогаетъ.

Но люди не только сходны другъ съ другомъ, въ своемъ общемъ желаніи жить, мыслить, дѣйствовать; они имѣютъ и различныя по содержанію желанія и стремленія. Первоначально, въ первобытныхъ обществахъ люди были болѣе похожими другъ на друга, но чѣмъ далѣе по пути прогресса движется человѣчество, тѣмъ болѣе усиливается отличіе людей; цивилизація, можно сказать, есть ростъ человѣческихъ несходствъ и неравенствъ, такъ какъ она сопровождается увеличеніемъ нуждъ и уменьшеніемъ количества времени для ихъ удовлетворенія. Развиваясь, человѣкъ ду-

маетъ, хочетъ и можетъ большее количество вещей; естественно, онъ будетъ и болѣе отличенъ отъ другихъ. Всякая человѣческая индивидуальность дѣлается болѣе сложной, и вслѣдствіе того болѣе несходной со всякой другой индивидуальностью. Разнообразіе и развѣтвленіе человѣческихъ потребностей вызываютъ и дифференціацію способностей и индивидуальной дѣятельности. Чѣмъ болѣе разнообразны потребности, тѣмъ болѣе разны способности, ибо потребности создаютъ органы. Цивилизація можетъ быть опредѣлена какъ возрастающая дифференціація людей, у которыхъ количественный ростъ желаній и дѣятельностей сопровождается увеличеніемъ качественной разности. Этотъ фактъ общественной дифференціаціи отражается въ индивидуальномъ сознаніи какъ солидарность, которую можно было бы назвать солидарностью черезъ раздѣленіе труда. Люди тѣмъ болѣе нуждаются другъ въ другѣ, чѣмъ болѣе спеціализируются ихъ способности и чѣмъ большее количество людей нужно каждому для удовлетворенія его разнообразныхъ потребностей. Эта солидарность есть прежде всего фактъ обобществленія, такъ какъ общественная связь дѣлается болѣе тѣсной, но она въ то же время и фактъ индивидуализаціи, такъ какъ богатство индивидуальной жизни увеличивается съ возникновеніемъ и закрѣпленіемъ спеціальныхъ личныхъ призваній и способностей.

Благодаря образованію союзовъ, промежуточныхъ между личностью и государствомъ, растутъ узы, связывающія людей между собой; узы эти дѣлаются все болѣе многочисленными и сложными; а вмѣстѣ съ этимъ растетъ и индивидуальность. Въ самомъ дѣлѣ, индивидуальность тѣмъ богаче, чѣмъ богаче содержаніемъ индивидуальное сознаніе и индивидуальная воля. Соединяясь съ извѣстнымъ числомъ себѣ подобныхъ, индивидъ чувствуетъ свое сознаніе расширеннымъ, онъ познаетъ себя солидарнымъ съ человѣчествомъ вообще и съ отдѣльными его группами; онъ познаетъ,

что его желанія и стремленія совпадаютъ съ желаніями и стремленіями многихъ другихъ людей и что они лучше могутъ быть удовлетворены совмѣстной жизнью, общими усиліями. Расширеніе индивидуальнаго сознанія тотчасъ же отражается на расширеніи индивидуальной воли. Зная болѣе, человѣкъ желаетъ болѣе. Чѣмъ многочисленнѣе и тѣснѣе узы, соединяющія его съ другими людьми, тѣмъ болѣе разнообразны его желанія. Въ то же самое время растетъ раздѣленіе труда, и въ различныхъ группахъ образуются новыя подраздѣленія, новыя группы; и человѣкъ чувствуетъ себя связаннымъ съ большимъ количествомъ группъ. Чѣмъ болѣе онъ сознаетъ себя членомъ соціальныхъ группъ, тѣмъ болѣе человѣкомъ онъ дѣлается, и т. д.

III.

Двусторонность общественной природы возникаетъ вслѣдствіе того, что органичность общества носитъ не біологическій, а психологическій характеръ. Она заключается въ существованіи общественнаго психическаго синтеза.

Заслуга указанія психическаго синтеза, какъ основанія общественной организованности, принадлежитъ представителямъ психологической школы въ соціологіи, твердо установившимъ, что явленія не только духовной культуры, но и всей соціальной жизни суть продукты психическаго взаимодѣйствія людей. Психологическое пониманіе общества прежде всего окончательно утверждаетъ основную роль человѣческой личности въ общественномъ цѣломъ. Если общественныя явленія суть лишь выраженіе постояннаго психическаго взаимодѣйствія между людьми, то, слѣдовательно, психологическій моментъ предшествуетъ или лежитъ въ основѣ экономическаго, юридическаго, политическаго и т. д. моментовъ. Личность является такимъ образомъ не пассивнымъ продуктомъ общества, а творческимъ факторомъ общественнаго развитія.

При правильномъ психологическомъ пониманіи природы общества всѣ стадіи существованія общественныхъ образованій представляютъ собою то противоборство, то взаимодѣйствіе личнаго и коллективнаго началъ.

Въ возникновеніи обществъ мы имѣемъ ярко выраженное торжество родового начала. Общество создается, рождается потому, что въ сознаніи людей, въ ихъ психической жизни торжествуетъ родовое, т. е. общественное влеченіе. Эта старая идея *ζῶον πολιτικόν* и appetitus societatis; только прежняя общежительная теорія получаетъ новую формулировку въ терминахъ психологіи, будетъ ли это теорія общественнаго психизма, особаго вида энергіи, какъ у де-Роберти, или родового сознанія, какъ у Гиддинса, или общественной подражательности, какъ у Тарда, и т. п. Въ уничтоженіи, смерти обществъ, наоборотъ, сказывается полная побѣда индивидуальнаго начала. Объединяющая связь родового сознанія и общественнаго влеченія въ силу разнообразныхъ причинъ ослабѣваетъ и расторгается. Отдѣльныя лица выходятъ изъ зависимости коллективному сознанію и или входятъ въ новыя общественныя группы, гдѣ снова торжествуетъ родовое начало, или уничтожаются и исчезаютъ.

Сама же жизнь общественныхъ образованій представляетъ непрестанное взаимодѣйствіе родового и индивидуальнаго началъ, причемъ въ одномъ изъ двухъ основныхъ элементовъ жизни, въ сохраненіи общественной формы, преобладаніе принадлежитъ родовому началу, а въ другомъ, въ развитіи и ростѣ общественной формы, — началу личному. Собирательное, коллективное начало торжествуетъ въ сохраненіи общества. Главной психической силой, удерживающей общественныя образованія отъ распада, является инстинктивное или сознательное стремленіе членовъ общества къ единству, выражающееся въ догматическомъ самоутвержденіи общества. Общество сохраняется потому, что въ немъ, въ его членахъ, есть положительная вѣра въ себя,

въ свое нравственное и общественное значеніе; оттуда, естественно, общность и одинаковость поведенія и взглядовъ у отдѣльныхъ личностей, — та солидарность по сходству, которую Дюркгеймъ назвалъ механической. Нормы быта, нравовъ, приличія, права и общественной позитивной морали закрѣпляютъ этотъ общественный догматизмъ, безпощадно устраняя изъ общественной группы всѣхъ тѣхъ, кто не сообразуется съ общественнымъ критеріемъ, кто не стремится въ своей жизни приблизиться къ среднему общественному типу. Въ непрестанномъ стремленіи людей къ единству и къ механической солидарности выражается основное начало психическаго общественнаго приспособленія, вызывающаго, въ цѣляхъ сохраненія жизни, въ однихъ случаяхъ неподвижность, въ другихъ гибкость общественныхъ формъ. Въ ростѣ общественныхъ формъ въ противоположность началу сохраненія играетъ доминирующую роль личный элементъ. Общество расчленяется и дифференцируется, одна общественная форма переходитъ въ другую подъ вліяніемъ главнымъ образомъ личнаго почина, личной иниціативы, по закону ли идей-силъ, какъ это доказывалъ Фулье, или по закону иниціативы-подражанія, какъ это утверждалъ Тардъ.

По Тарду, жизнь общества управляется троякимъ психологическимъ закономъ, закономъ повторенія явленій, ихъ противоположенія и ихъ приспособленія. Въ основѣ всего лежитъ личный починъ, творчество индивидуальнаго генія, который вызываетъ себѣ въ общественной средѣ подражаніе. Общественное подражаніе есть только одинъ изъ видовъ универсальнаго закона повторенія явленій. Общественныя явленія суть явленія междумозговой психологіи; постоянно происходятъ соприкосновеніе двухъ сознательныхъ существъ и передача отъ одного къ другому понятій и хотѣній. То соотвѣтствіе уму и волѣ, которое составляетъ основаніе общественной жизни, является слѣдствіемъ внушенія-подражанія. Въ обществахъ одинъ постоянно подражаетъ дру-

гому въ рѣчи, въ религіозныхъ обрядахъ, въ техникѣ и профессіяхъ, въ наукахъ и искусствахъ и т. д. Въ основѣ всякаго соціальнаго явленія лежитъ какая-нибудь первоначальная личная своеобразность, вызвавшая рядъ подражаній. То, что составляетъ такъ называемый геній народа, есть лишь безыменный синтезъ такихъ личныхъ своеобразностей. Тардъ считалъ даже возможнымъ дать точное математическое выраженіе этому закону соціальнаго подражанія, подобно тому какъ имѣетъ это мѣсто въ физическихъ законахъ тяготѣнія, или въ законѣ химическаго сродства; разъ примѣръ, обязанный своимъ существованіемъ личной иниціативѣ, появился въ общественной средѣ, онъ стремится распространиться въ ней по геометрической прогрессіи, если эта среда сохраняетъ свою однородность. Но такъ какъ количество психическихъ центровъ иниціативы и почина безчисленное множество въ соціальной средѣ, то, разумѣется, должны постоянно происходить столкновенія и взаимодѣйствія такихъ подражательныхъ волнъ, являющіяся лишь выраженіемъ вѣчнаго закона борьбы, лежащаго въ основѣ всего существующаго. Эти соціальныя противоположенія бываютъ или разновременными, качественными и количественными, или одновременными, внутренними, когда борьба различныхъ подражательныхъ стремленій происходитъ внутри индивида, при его колебаніяхъ, и внѣшними, будетъ ли это простымъ споромъ, однимъ ли изъ видовъ соревнованія и конкуренціи, или войною, и т. п.

Столкновеніе и противоположеніе различныхъ подражательныхъ стремленій завершается обыкновенно ихъ примиреніемъ, приспособленіемъ, естественной гармоніей. Уже въ каждомъ отдѣльномъ изобрѣтеніи мы имѣемъ въ сущности гармонію многихъ отдѣльныхъ идей въ умѣ изобрѣтателя, сліяніе и синтезъ ряда прежнихъ починовъ. Общественное развитіе и представляетъ постоянное расширеніе поля этого подражанія. Законъ общественнаго приспособле-

нія есть лишь соединеніе подражанія и противоположенія. Соціальное приспособленіе является главнымъ источникомъ прогресса.

Законъ общественнаго приспособленія ведетъ постоянно къ растущей общественной ассимиляціи, къ всеобщему единообразію и умиротворенію. Въ этомъ случаѣ торжествуетъ коллективное начало. Но въ то же время возникаютъ новыя индивидуальныя иниціативы, и онѣ постоянно устремляютъ общество къ прогрессирующей общественной дифференціаціи. Такъ антогонистически борятся въ обществѣ два закона, общественная ассимиляція и дифференціація, никогда окончательно не торжествуя другъ надъ другомъ. Это ведетъ къ тому, что основная характерная черта общественной эволюціи есть какъ бы антагонистическій процессъ, съ одной стороны, расширенія соціальнаго круга вплоть до человѣчества, съ другой, увеличенія значенія личности и индивидуальной цѣнности. Въ силу вытекающей изъ законовъ подражанія прогрессивной ассимиляціи торжествуетъ родовое, общечеловѣческое начало. Въ силу вытекающей изъ законовъ противоположенія прогрессивной дифференціаціи торжествуетъ индивидуальное начало. Какъ результатъ конфликта этихъ двухъ началъ, устанавливается примиреніе, общественное приспособленіе. Личность играетъ въ этомъ отношеніи динамическую роль, статическая же представлена обществомъ. Личность, въ силу присущаго ей стремленія къ безконечному совершенствованію, есть, по крайней мѣрѣ въ избранникахъ, начало движенія и прогресса. Общественная же форма, какъ достигнутая уже и законченная въ себѣ ступень развитія, есть начало косное и охранительное.

Результатъ соціологическаго изученія законовъ общественной жизни есть устраненіе антиноміи личности и общества, и извѣстная формулировка Соловьевымъ отношенія между личностью и обществомъ, по которой личность есть лишь

сжатое общество, а общество расширенная личность, вполнѣ точна и правильна. Общественность дается уже въ самомъ понятіи личности, какъ силы разумно познающей въ общихъ понятіяхъ, въ словесномъ общеніи и въ коллективномъ опытѣ, и какъ силы нравственно дѣйствующей въ тѣхъ формахъ общественнаго соединенія, какія представляютъ семья, родъ, государство и человѣчество. Нѣтъ и не можетъ быть принципіальной вражды между личностью и обществомъ, а лишь временное столкновеніе, происходящее вслѣдствіе индивидуальнаго почина, между прежней достигнутой стадіей общественно-личнаго развитія и новою; поэтому вся исторія можетъ быть понята, какъ постепенное углубленіе, возвышеніе и расширеніе двусторонней лично-общественной жизни.

Общество есть коллективно-психическое явленіе. Оно не существуетъ какъ внѣшняя реальность внѣ того синтеза психическихъ переживаній, который составляетъ его сущность. Внѣ этихъ переживаній есть отдѣльные люди, есть ихъ конкретныя дѣйствія, но то, что составляетъ основу общества, это мы находимъ только въ нашихъ психическихъ переживаніяхъ. Но общество не есть индивидуальное переживаніе, оно есть психическій синтезъ. Синтезъ этотъ достигается совпаденіемъ ряда соотвѣтствующихъ другъ другу переживаній, не одинаковостью, не сходствомъ этихъ переживаній, а именно ихъ совпаденіемъ, связанностью, соотвѣтствіемъ. Общество есть связное, синтетическое цѣлое, какъ живое органическое тѣло, или какъ симфонія; и какъ тысяча одинаковыхъ тоновъ и звуковъ не дѣлаетъ еще симфоніи, такъ и тысяча одинаковыхъ переживаній, пока они гармонически не соединены другъ съ другомъ, не образуютъ общества. Для общества необходимо психическое соединеніе. Необходимо, чтобы одно психическое переживаніе обращалось къ другому психическому переживанію и съ нимъ соединялось.

Такое совпаденіе и синтетическое сліяніе коррелятив-

ныхъ психическихъ переживаній находимъ мы въ основныхъ психическихъ моментахъ всякаго общественнаго образованія: идея изобрѣтенія, индивидуальная иниціатива сливается, соединяется съ переживаніемъ подражательныхъ эмоцій; переживаніе потребности у однихъ, совпадая съ сознаніемъ у другихъ возможности удовлетворить эти потребности, сливается въ соціальное чувство солидарности; переживанія одними лицами эмоцій господства и распоряженія, а другими — эмоцій подчиненія и послушанія, синтетически объединяясь, образуютъ основную общественно-политическую психическую силу, — власть.

Именно психическая природа общества дѣлаетъ то, что общество не есть ни простая сумма составляющихъ его индивидовъ, такъ какъ оно есть нѣчто большее, чѣмъ эта сумма, ни нѣчто вполнѣ особое и независимое отъ этихъ индивидовъ, такъ какъ внѣ индивидовъ оно и не существуетъ совершенно и внѣ индивидуальнаго сознанія не имѣетъ нигдѣ психическаго центра.

Общество есть своеобразное психическое отношеніе между суммой индивидовъ, составляющихъ общество, и индивидомъ. Общество — ни индивидъ, ни сумма индивидовъ, а неразрывное отношеніе между суммой и индивидами. Этимъ и создается двусторонняя неразложимая природа общества.

Личное и коллективное начала не враждебны другъ другу, а неразрывно слитны. Личное начало вообще можетъ быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ, или какъ нѣчто цѣлое, какъ совокупность всѣхъ переживаній, отправленій и функцій, свойственныхъ человѣку, т. е. какъ полнота жизни, или какъ нѣчто отличное, несходное, особенное, своеобразное, свойственное лишь данной особи, какъ неповторяемая варіація человѣческаго типа, какъ единственное въ своемъ родѣ. Личность въ этомъ послѣднемъ смыслѣ есть исходный пунктъ общественнаго развитія, будучи источникомъ иниціативы и изобрѣтенія, вызывающаго рядъ подражаній. Эти

подражанія суть выраженіе коллективнаго начала, такъ какъ они ведутъ къ все расширяющемуся приспособленію, къ созданію высшаго синтеза, къ всеобщей ассимиляціи и къ единству какъ синтезу. Но это торжество коллективнаго начала есть въ то же самое время и торжество личнаго начала, въ первомъ изъ вышеупомянутыхъ смысловъ, въ смыслѣ полноты индивидуальной жизни.

Изъ соціологическаго разсмотрѣнія природы общества выявляется намъ та общая идея, которая, по нашему мнѣнію, должна быть положена въ основаніе теоріи нравственности, права, власти, государства и политики. На ней же должна быть построена и правильная теорія федерализма и децентрализаціи. Эта основная идея есть гармонія, органическая слитность индивидуальнаго, частнаго и коллективнаго, общаго. Подобно тому какъ общество явилось намъ, какъ равновѣсіе двухъ силъ, личной и соціальной, такъ въ дальнѣйшемъ мы постараемся показать, что такое же равновѣсіе мы находимъ и въ морали, и во власти, и въ государствѣ, и въ правильной организаціи правительства.

Можно ли, возникаетъ въ заключеніе невольный вопросъ, найти точную формулу этого равновѣсія, дать неизмѣнное выраженіе нормальнаго отношенія двухъ элементовъ одного нераздѣльнаго цѣлаго? На этотъ вопросъ едвали можно дать утвердительный отвѣтъ, такъ какъ одинъ изъ элементовъ общественнаго синтеза, индивидуальность, есть нѣчто неразложимо единственное и потому раціонально, въ научныхъ терминахъ невыразимое. Объ этомъ прекрасно писалъ одинъ современнный критикъ-психологъ: „Психологія, не только въ ея теперешнемъ, признанно-младенческомъ состояніи, но и въ будущихъ ея возможностяхъ, позволяетъ ли разсчитывать на установленіе какихъ-либо точныхъ, содержательныхъ, въ самую глубину идущихъ закономѣрностей? Можно ли будетъ когда-нибудь ввести душу въ опредѣленное русло причинъ и слѣдствій? То, что въ этой

области извѣстно до сихъ поръ, тѣ психическія состоянія, которыя могутъ быть уловлены въ сѣть ассоціацій, то, что въ психикѣ можетъ быть учтено и предусмотрѣно, это все такъ ничтожно и поверхностно въ сравненіи съ глубокой сферой ея загадокъ и неожиданностей. Не говоря уже о томъ, чтобы душу объяснить и подчинить ее необходымымъ законамъ, но просто описать ее, разсказать ее, — и этого не можетъ психологія. И теперь, какъ и прежде, и потомъ, какъ и теперь, душа остается и останется вовѣки непостижимой. Эта неуловимая душа, самое реальное и самое призрачное существо на свѣтѣ, самое для насъ знакомое и самое неизвѣстное одновременно, — какъ вторглась она, великая случайность, на зарѣ мірозданія въ расчисленный и размѣренный кругъ бытія, въ механическую цѣпь событій, такъ и сохранила донынѣ свою анархическую сущность, и въ желѣзномъ царствѣ окружающей необходимости пребываетъ она свободной, и эту свободу свою утверждаетъ надъ природой. Законы для души не писаны". Но такъ какъ наука занимается лишь законами явленій, т. е. тѣмъ, что въ нихъ есть общаго, то, пожалуй, придется признать, что всякое общественное явленіе не можетъ сдѣлаться вполнѣ научнымъ, въ немъ всегда останется неподчиняющійся научной формулировкѣ элементъ, — человѣческій индивидъ въ своей единственности и изначальности.

До какой степени должно быть дано мѣсто личной свободѣ и иниціативѣ, и въ какихъ предѣлахъ должно торжествовать общественное цѣлое, нельзя выразить въ точной и общей научной формулѣ. Мы только видимъ, и намъ говоритъ это и нашъ разумъ и подсказываетъ наше непосредственное чувство, что есть непреходящая цѣнность и въ индивидуальномъ началѣ и въ началѣ общественномъ, соборномъ. Чтобы найти правильное примиреніе имъ, можно обращаться лишь къ ирраціональному чувству мѣры, гармоніи, пропорціи, такта, присущему всему живому и особенно

жизненному. Это есть та золотая середина, aureum medium Аристотеля, которая составляетъ природу всякой добродѣтели. Все многообразіе отношеній общаго и частнаго нельзя выразить въ одной точной формулѣ. Характерная особенность чувства гармоніи и мѣры заключается въ познаніи всей сложности каждаго конкретнаго случая. Гдѣ же выступаетъ на сцену конкретное, единичное, тамъ, какъ и въ искусствѣ, нѣтъ всеобщихъ ключей, нѣтъ математическихъ формулъ. Творчество жизни по существу ирраціонально.

II. Основы нравственности.

I. Кантовское обоснованіе автономной этики и критика его. — II. Имманентно-эмпирическія обоснованія этики. Аристотеліанская этика жизнедѣятельности. — III. Энергитизмъ Гюйо. — IV. Мораль общественной солидарности у Конта и у современныхъ соціологовъ. — V. Обоснованіе этики самосохраненія высшаго недѣлимаго Н. Дебольскимъ, какъ особый видъ имманентной этики. — VI. Критика эмпирическихъ обоснованій морали. — VII. Обоснованіе этики, абсолютной по принципу, синтетической по содержанію.

Соціологически разсматриваемое, общество есть равновѣсіе личнаго элемента и коллективнаго; но на томъ же принципѣ лично-общественной гармоніи долженъ быть утвержденъ и высшій законъ нравственной дѣятельности. Къ идеѣ этого синтеза двухъ моментовъ лично-общественной жизни приходитъ всякое правильное построеніе этической системы, будетъ ли оно имманентнымъ или гетерономнымъ, научно-позитивнымъ или метафизическимъ и религіознымъ.

При разрѣшеніи и обосноваціи этической проблемы возможны три основныхъ направленія, соотвѣтственно тремъ различнымъ отвѣтамъ на вопросъ объ обязательности.

Возможно отвѣтить, что этическая обязательность зиждется въ самой природѣ нравственнаго сознанія, что нравственный долгъ есть истина, непосредственно усматриваемая человѣческимъ разумомъ, для него самоочевидная и въ немъ имѣющая свое основаніе; достаточно обратиться человѣку къ своему сознанію, чтобы тамъ найти полную очевид-

ность нравственнаго закона. Это теорія самозаконности нравственности.

Возможно отвѣтить, что нравственная обязательность зиждется въ усматриваемыхъ человѣческимъ разумомъ законахъ человѣческой — личной и общественной — натуры, что сама природа и исторія, въ соединеніи съ личнымъ стремленіемъ человѣка, указываетъ ему должное. Стоитъ человѣку прислушаться къ голосу своей натуры и сопоставить эти стремленія съ естественными законами природы и общества, и ему станетъ ясно, что онъ долженъ дѣлать. Это теорія имманентной, научной, позитивной этики.

Наконецъ, возможно отвѣтить, что обязательность нравственныхъ нормъ покоится на основаніи, находящемся внѣ человѣка и внѣ его исторіи. Долгъ предстоитъ человѣку, какъ нѣчто надъ нимъ и внѣ его стоящее, имѣющее свой высшій, независимый отъ человѣка источникъ. Это системы гетерономной, религіозно-метафизической морали.

Каждая изъ этихъ системъ морали приходитъ въ окончательномъ выводѣ къ тому, что основнымъ моральнымъ закономъ, высшимъ благомъ, верховнымъ принципомъ нравственной дѣятельности является наиболѣе полная гармонія личности и общества.

I.

Неудачи и непослѣдовательность эмпирическихъ обоснованій нравственности естественно наводятъ философскую мысль на то, чтобы отказаться отъ стремленія найти опору нравственности внѣ ея и попытаться построить всю нравственную дѣятельность человѣка на началѣ самозаконности его воли, т. е. посмотрѣть на мораль какъ на осуществленіе своихъ собственныхъ законовъ, своей собственной идеи. Наиболѣе послѣдовательно и смѣло такая попытка была сдѣлана Кантомъ, такъ что судьба теоріи автономной морали до нѣкоторой степени связана съ его системой, и неудача

ея есть въ сущности неудача вообще автономнаго построенія этики.

Придя въ своей теоретической философіи къ идеѣ, что истина заключается въ согласіи разума не съ внѣшнимъ міромъ, а съ самимъ собою, что основъ истины нигдѣ нельзя искать, кромѣ какъ въ теоретическомъ разумѣ, Кантъ ту же точку зрѣнія перенесъ и на разсмотрѣніе нравственныхъ проблемъ. Точно также и критерій нравственной правильности нужно, по его мнѣнію, искать не внѣ нравственнаго сознанія, а внутри его, въ его внутренней самозаконности.

Подобно тому, какъ теоретическій разумъ самъ создаетъ свои формы познанія, которыя предшествуютъ всякому опыту, такъ и нравственное сознаніе еще до всякаго опыта, еще до эмпирической дѣятельности находитъ въ себѣ общую безусловную и независимую основу, сознаніе должнаго. Практическій разумъ самъ полагаетъ изъ себя свой собственный порядокъ; онъ создаетъ міръ идей, которому д о л ж е н ъ соотвѣтствовать внѣшній міръ, но м о ж е т ъ никогда и не соотвѣтствовать. Задача построенія этическаго принципа — чисто апріорная. Апріорно выведенный нравственный принципъ есть нравственный законъ, отвлеченный отъ всякаго конкретнаго содержанія. Разумное существо это то, которое обладаетъ способностью дѣйствовать не по законамъ, а по представленіямъ законовъ. Міръ опыта знаетъ лишь естественные законы, въ опытѣ нѣтъ идеи должнаго: только внутри себя разумное существо находитъ идею долга, только въ себѣ оно находитъ сознаніе нравственнаго закона. Такъ какъ этотъ нравственный законъ не зависитъ ни отъ какого опыта, то въ немъ и не должно быть ничего эмпирическаго, — какихъ-нибудь психическихъ побужденій, мотивовъ или склонностей. Это чистая форма. Объективная реальность идеи долга, моральнаго закона непосредственно извлекается разумомъ изъ самого себя и никакими логическими операціями не можетъ быть выведена изъ опытнаго міра. „Всѣ практическіе

принципы, писалъ Кантъ въ Критикѣ практическаго разума, по которымъ воля опредѣляется предметомъ желательной способности, суть опытные и не могутъ стать практическими законами". „Если разумное существо желаетъ мыслить свои правила, какъ практическіе общіе законы, то оно можетъ мыслить ихъ лишь какъ принципы, содержащіе въ себѣ опредѣленіе воли не по содержанію, а только по формѣ".

Если нравственное начало нельзя выводить изъ какой-нибудь склонности, если оно не обусловлено никакой эмпирической природой, то остается чистая форма безусловной обязанности, голаго сознанія моральнаго долга. Нравственное достоинство не въ какой-нибудь опредѣленной цѣли, а въ общемъ правилѣ, въ абстрактномъ принципѣ самозаконности воли. „Нравственная обязанность есть необходимость дѣйствія изъ уваженія къ нравственному закону". Все содержаніе нравственнаго закона только въ томъ, что онъ есть всеобщій и необходимый законъ разума. Отсюда основная формулировка высшаго нравственнаго начала: „Я долженъ дѣйствовать такъ, чтобы я могъ при этомъ желать такого порядка, въ которомъ правило этой моей дѣятельности стало бы всеобщимъ правиломъ". Законъ этотъ дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ, по отношенію ко всѣмъ людямъ, онъ безусловенъ, онъ категориченъ, онъ дѣйствителенъ независимо отъ того, пріятенъ онъ намъ или нѣтъ.

Задачу апріорной кантовской этики нужно понять такъ: надо построить нравственное начало, общезначимое, абстрактное, обращенное ко всѣмъ людямъ вмѣстѣ, отвлекаясь отъ всякаго конкретнаго человѣка. Эта задача кореннымъ образомъ отличается отъ задачи найти верховный принципъ для дѣятельности каждаго. Вообще разумныя правила дѣятельности, обращенныя ко всѣмъ, далеко не тѣ же, что обращенныя къ каждому человѣку. Если, скажемъ, имѣется нѣкоторое число людей, обладающихъ такимъ количествомъ

средствъ, котораго можетъ хватить для поддержанія жизни всѣмъ лишь при величайшихъ лишеніяхъ, то какое поведеніе, отвлекаясь отъ всякихъ психологическихъ побужденій, разумно возможно для нихъ всѣхъ? Отказаться каждый изъ нихъ отъ своей части не можетъ, такъ какъ тогда никто ничего не получитъ; завладѣть частью другого не можетъ, такъ какъ если каждый будетъ стремиться завладѣть частью другого, то ни у кого ничего не останется; единственно возможный разумный выходъ для всѣхъ въ томъ, чтобы всѣ подѣлились между собой. Но совсѣмъ другой выводъ получается, если мы будемъ говорить о разумномъ поведеніи въ этомъ случаѣ отдѣльнаго человѣка. Если въ немъ говоритъ сознаніе нравственной нормы, обязывающей къ самоотреченію, или въ немъ сильно альтруистическое чувство, или онъ желаетъ покончить съ собой, онъ можетъ отказаться отъ своей доли. Если онъ эгоистъ, если онъ надѣется на свою силу, если онъ глухъ къ страданіямъ другого, онъ можетъ отнять часть другого. Если же онъ утилитаристъ, если же въ немъ эгоистическія и альтруистическія чувства уравновѣшиваются, если онъ не надѣется на свою силу, разумно ему требовать справедливой доли. И т. д.

Нужно всегда строго различать то, что̀ можетъ предписывать разумъ всѣмъ и каждому, будучи какъ бы законодателемъ, стоящимъ надъ человѣческимъ обществомъ, отъ того, что̀ онъ предписываетъ въ отдѣльности каждому, исходя какъ бы извнутри общества. Это имѣетъ значеніе во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Такъ, скажемъ, въ экономической области разумъ какъ общую норму для всѣхъ людей можетъ выставить лишь соглашеніе, взаимную поддержку, внѣ всякой конкуренціи, но тотъ же разумъ отдѣльнымъ классамъ общества и отдѣльнымъ лицамъ можетъ указать разное, въ зависимости отъ спеціальныхъ условій ихъ положенія, и сильному, напримѣръ, и экономически вооруженному поставить нормы конкурен-

ціи и соревнованія. Если разумъ указываетъ всѣмъ конкурирующимъ предпріятіямъ, какъ наиболѣе для нихъ разумное, заключеніе трёста, то наиболѣе сильному конкуренту онъ укажетъ борьбу до конца, т. е. до окончательной побѣды и установленія монополіи.

Правила для всѣхъ и каждаго, выводимыя апріорно, носятъ характеръ чисто математическій, сводятся къ отысканію нѣкоей равнодѣйствующей и часто могутъ быть даже выражены въ математическихъ формулахъ. Правила для отдѣльнаго человѣка носятъ характеръ конкретный и не совпадаютъ съ правилами для всѣхъ. Если обязательность этихъ правилъ основывается не на какомъ-нибудь началѣ, находящемся внѣ дѣятельности человѣка, а лишь на своей автономности, то правила перваго рода обязательны для всѣхъ, математически взятыхъ, и не обязательны правила второго рода, и наоборотъ, правила второго рода обязательны для отдѣльнаго человѣка и не обязательны правила перваго рода.

Вслѣдствіе этого несоотвѣтствія императивовъ, обращенныхъ ко всѣмъ и каждому, и императивовъ, обращенныхъ къ каждому въ отдѣльности, нельзя построить чистой автономической этики, которая могла бы имѣть какое-нибудь практическое значеніе, кромѣ лишь теоретическаго. Если воля основанія для своей дѣятельности находитъ лишь въ себѣ самой, то почему воля отдѣльнаго человѣка должна сообразоваться со всеобщимъ закономъ нравственной дѣятельности, а не со своимъ собственнымъ конкретнымъ закономъ? Почему нравственный долгъ отдѣльнаго человѣка долженъ обсуждаться по принципу универсальности, обязательному лишь для всѣхъ вмѣстѣ? Одно дѣло построить абстрактную общезначимую этику, другое утвердить для конкретной личности обязательность такой математически общезначимой этики. Обоснованіе автономной этики у Канта этого не даетъ. Кантъ не показалъ, почему категориче-

скій императивъ священенъ для индивида, да, какъ видно изъ только что сказаннаго, и не могъ этого сдѣлать, по самому характеру своей задачи.

Указанное соображеніе характера чисто логическаго окончательно рушитъ все зданіе автономной этики, претендующей на реальное вліяніе. Уже болѣе второстепенное значеніе имѣютъ другія соображенія, возникающія по поводу кантовскаго обоснованія этики.

Сложность жизни, противорѣчіе стремленій, безконечное многообразіе соціальныхъ формъ, индивидуальныя своеобразности и не позволяютъ найти такой принципъ, который былъ бы приложимъ ко всѣмъ разумнымъ существамъ. Думать, что разница лишь въ частностяхъ, и что есть въ положеніяхъ и дѣятельности людей нѣчто общее, значитъ такъ же ошибаться, какъ ошибался Руссо, когда предполагалъ, что можно найти общую волю всего общества, для чего стоитъ лишь отбросить то, въ чемъ люди расходятся другъ съ другомъ, и тогда останется то, что̀ обще волѣ каждаго. Такой всеобще-совпадающей воли нѣтъ. Нѣтъ и правила дѣятельности, которое могло бы быть распространено на всѣ разумныя существа, всегда, при всѣхъ условіяхъ.

И дѣйствительно, та формулировка, которую далъ Кантъ высшему принципу нравственной дѣятельности, именно, дѣйствовать по правилу всеобщности, оказалась вполнѣ неудачной. Съ одной стороны, она сузила нравственную дѣятельность, выбросивши за бортъ все героическое, всякую жертву и всякое самопожертвованіе, съ другой стороны, слишкомъ расширила ее, внеся въ нравственную область все, что̀ дѣлается съ убѣжденіемъ. Такой выводъ, какъ извѣстно, и сдѣлалъ Фихте изъ нравственнаго закона Канта. Но убѣжденія бываютъ истинныя и ложныя: мститель, изувѣръ, фанатикъ, пессимистическій сторонникъ самоистребленія можетъ свои дѣйствія искренно понять какъ принципы универ-

сальнаго характера. Должно же быть что-нибудь, что̀ отличало бы истинныя убѣжденія отъ ложныхъ. Въ началѣ всеобщей самозаконности никакого такого критерія нѣтъ и быть не можетъ.

Чистый апріоризмъ впрочемъ не удалось провести даже Канту. Лишить высшій принципъ нравственности всякаго эмпирическаго и психологическаго содержанія значитъ дать такую общую и пустую форму, которая никакой цѣны не имѣетъ, значитъ найти истину, что А есть А, познать которую не надо быть мудрецомъ, значитъ высказать только то, что въ нравственномъ должествованіи человѣкъ имѣетъ дѣло съ категоріей должнаго!

Пришлось контрабандой вводить эмпирическое содержаніе. Что̀ должно и можетъ побуждать человѣка слѣдовать идеѣ долга? „Чистое уваженіе къ нравственному закону“. Не говоря о возникающемъ сейчасъ же возраженіи, о которомъ подробнѣе рѣчь будетъ ниже, именно, на чемъ можетъ основываться это уваженіе и въ чемъ его обязательность, если его у меня нѣтъ, — само чувство уваженія есть психологическое понятіе и считать его сверхъопытнымъ нѣтъ никакого основанія, такъ какъ оно относится къ человѣку, какъ къ предмету опыта. Особое достоинство чувства уваженія Кантъ видитъ въ томъ, что оно лишено пріятности, между тѣмъ какъ другія побужденія всегда соединены съ пріятностью. „Уваженіе, говоритъ Кантъ, есть въ столь малой степени чувство удовольствія, что мы не легко поддаемся ему по отношенію къ какому-нибудь человѣку. Обыкновенно мы стараемся найти какое-нибудь средство для того, чтобы ослабить его, придумать какой-нибудь предлогъ къ порицанію, чтобы избавить себя отъ униженія передъ представляющимся примѣромъ“. Однако одно то, что у́важеніе лишено пріятнаго характера само собой нисколько не дѣлаетъ его болѣе достовѣрнымъ и болѣе годнымъ для обоснованія практической дѣятельности человѣка. Да и это

отсутствіе пріятности въ чувствѣ уваженія продолжается только до тѣхъ поръ, пока человѣкъ противится ему, когда же онъ ему слѣдуетъ, оно неизбѣжно даетъ ему чувство удовлетворенія. „Съ другой стороны, говоритъ Кантъ, въ этомъ чувствѣ столь мало неудовольствія, что если только мы рѣшимся пожертвовать своимъ самомнѣніемъ и дадимъ уваженію практически вліять на насъ, то окажемся не въ состояніи насытиться величественнымъ зрѣлищемъ нравственнаго закона и почувствуемъ себя въ той же мѣрѣ возвышенными, въ какой мѣрѣ этотъ законъ выше насъ и нашей слабой природы".

Отбросить понятіе пріятнаго изъ нравственнаго закона оказывается совершенно невозможнымъ. Полное осуществленіе моральнаго закона неизбѣжно ведетъ къ осуществленію высшаго блага. Въ понятіи же высшаго блага, какъ признаетъ самъ Кантъ, неизбѣжно сліяніе добродѣтели и счастья. Одна добродѣтель „еще не есть полное и совершенное благо, какъ объектъ способности желанія различныхъ конечныхъ существъ. Чтобы быть такимъ, для этого нужно еще счастье, и притомъ не только въ пристрастныхъ глазахъ личности, которая дѣлаетъ цѣлью саму себя, но даже по сужденію безпристрастнаго разума, который смотритъ на личность вообще, какъ на цѣль въ себѣ. Имѣть потребность въ счастьѣ, быть достойнымъ его и при этомъ не быть ему причастнымъ, — это несовмѣстимо съ совершенною волею разумнаго существа, которое въ то же время имѣло бы въ себѣ и полноту силъ, разъ мы дѣлаемъ попытку мыслить себѣ таковое. Но, такъ какъ добродѣтель и счастье вмѣстѣ даютъ обладаніе высшимъ благомъ, причемъ счастье дается въ точной пропорціи съ нравственностью (какъ достоинствомъ личности и ея заслуженнымъ правомъ быть счастливой), и представляютъ изъ себя высшее благо возможнаго міра, то они даютъ все и полное благо, въ которомъ добродѣтель, какъ условіе, всегда

есть высшее благо, ибо она уже не имѣетъ надъ собою никакого другого условія, а счастье всегда есть нѣчто такое, что, хотя оно и пріятно тому, кто имъ обладаетъ, не есть еще нѣчто доброе въ себѣ безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ, а всегда предполагаетъ, какъ свое условіе, моральное закономѣрное поведеніе". Если же счастье есть необходимый элементъ высшаго блага, а высшее благо есть конечная цѣль нравственной дѣятельности, то понятно, что человѣкъ, подчиняя свое поведеніе конечной цѣли высшаго блага, не можетъ психологически не вводить въ свое поведеніе и соображеній конечнаго счастья, сопровождающаго высшую добродѣтель.

Ошибочно предположеніе, что можно вывести принципъ дѣятельности для воли чисто умозрительно, отвлекшись отъ всякаго эмпирическаго содержанія. Уже само понятіе воли берется изъ эмпирическаго міра, въ примѣненіи къ эмпирической волѣ. Идея воздѣйствія закона на волю говоритъ намъ объ эмпирическомъ законѣ причинности.

Но, оставляя въ сторонѣ всѣ эти діалектическія тонкости, мы наталкиваемся въ формулировкѣ Кантомъ основного принципа этики на кардинальный вопросъ простого здраваго смысла, на который вся критика практическаго разума не въ состояніи отвѣтить. Почему собственно человѣческая воля, находя свои законы только въ себѣ, должна опредѣляться исключительнымъ уваженіемъ къ нравственному долгу? Въ чемъ окончательное внутреннее или внѣшнее основаніе самого нравственнаго требованія? Кантъ пытался найти основу въ непосредственномъ нравственномъ сознаніи людей, т. е. въ совѣсти человѣческой. Но въ чемъ можетъ заключаться объективное значеніе совѣсти? Вѣдь для этики, исключающей всякое психологическое содержаніе, она не можетъ служить основой. Да если субъективно я и переживаю нравственный законъ какъ для меня принудительный, то можно ли изъ этого субъективнаго пережи-

ванія заключать объ его объективной и безусловной обязательности?

Наконецъ, относительно всего построенія Канта возникаетъ общій вопросъ, прекрасно формулированный Л. Лопатинымъ въ статьѣ Нравственное ученіе Канта: „Вѣрно ли, что существуетъ въ насъ практическій разумъ, какъ его понималъ Кантъ, и точно ли онъ руководствуется тѣмъ закономъ, который Кантъ формулировалъ? Подобный вопросъ можно поставить вообще о всей теоріи разума Канта. Но въ области его этическихъ построеній недоумѣнія, съ нею связанныя, принимаютъ особенно явный видъ. Въ самомъ дѣлѣ: можно ли считать безспорнымъ и несомнѣннымъ, что нравственное стремленіе людей сводится къ потребности имѣть побужденіемъ дѣйствій не какое-нибудь живое влеченіе, а совершенно абстрактный законъ, вся сущность котораго въ томъ, что въ немъ нѣтъ никакого содержанія, что онъ весь сводится къ простому слову: долженъ? Правда ли, что нравственное сознаніе только намъ и говоритъ: „дѣйствуй такъ, чтобы правила твоей воли могли быть принципами всеобщаго законодательства“, или оно ничего не говоритъ ни о какомъ законодательствѣ, — ни всеобщемъ, ни частномъ, а имѣетъ содержаніе совсѣмъ другого рода? Это вопросъ весьма важный; между тѣмъ Кантъ считаетъ его рѣшеннымъ заранѣе и никакихъ дѣйствительныхъ доказательствъ въ пользу своего пониманія не приводитъ“. И далѣе: „Нравственный законъ точно ли возвышается надъ своей чисто-инстинктивной почвой, и точно ли онъ съ своею безусловною обязательностью, въ своемъ качествѣ категорическаго императива, получаетъ смыслъ разумнаго, сознательнаго убѣжденія, какъ неотмѣнный долгъ?... Нравственное чувство, съ точки зрѣнія сознательнаго разума, есть не болѣе, какъ безотчетное влеченіе, цѣну котораго мы не понимаемъ, а только глухо ощущаемъ... Уваженіе къ нравственному закону является какимъ-то слѣ-

пымъ инстинктомъ, противъ котораго стоитъ другой инстинктъ, не менѣе могущественный, — влеченіе къ наслажденіямъ чувственности, — и сознательный разумъ опять безсильно останавливается передъ задачею: какъ объяснить, что одинъ инстинктъ безконечно лучше и дороже для насъ, чѣмъ другой, и почему всегда надо слѣдовать первому и всячески избѣгать внушеній второго"?

Если противъ эмпирической нравственности выставляется возраженіе, что никакой опытъ не можетъ обосновать моральной обязательности дѣйствія, такъ какъ онъ даетъ только то, что̀ есть, и напрасно бы мы искали въ немъ идеи должнаго, то надо признаться, что автономная этика еще менѣе даетъ такое обоснованіе. Вмѣсто всякаго доказательства, она непосредственно принимаетъ, постулируетъ, категорически утверждаетъ.

Самъ, очевидно, сознавая полную недостаточность апріорной, формальной автономной этики, Кантъ пытался вывести другія формулировки нравственнаго закона. Нравственный законъ связанъ съ волей, основаніе же всякой воли въ той цѣли, которую она себѣ ставитъ. Если нравственный законъ есть требованіе безусловное и абсолютное, то онъ долженъ и обращаться къ чему-нибудь, что̀ имѣетъ абсолютную цѣнность и достоинство, что̀ имѣетъ цѣль въ самомъ себѣ, а не является только средствомъ для какой-нибудь внѣ него находящейся цѣли. Это же имѣетъ мѣсто только по отношенію къ разумной природѣ; только разумная природа существуетъ, какъ цѣль въ себѣ. Это видно изъ того, что каждый изъ насъ свое существованіе понимаетъ, какъ цѣль своей дѣятельности. На себя мы смотримъ, какъ на носителей цѣли, а не какъ на средство. Слѣдовательно, окончательная цѣль нравственной дѣятельности лежитъ въ человѣкѣ, и такъ какъ это утвержденіе должно носить характеръ всеобщій, то оно должно простираться на всѣхъ людей, и значитъ, въ нравственной дѣятельности каждый человѣкъ

долженъ быть самоцѣлью. Отсюда основное моральное правило: „дѣйствуй такъ, чтобы человѣчество, какъ въ твоемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого, всегда употреблялось тобой, какъ цѣль, и никогда, какъ средство“. Это — этика человѣческаго достоинства.

Но попытка построить этику человѣческаго достоинства чисто апріорнымъ путемъ на основахъ автономической морали должна быть признана вполнѣ неудавшейся. Можетъ быть, Кантъ и правильно установилъ во второй формулировкѣ своего категорическаго императива основной принципъ истинной морали, но это требованіе, устанавливающее высокую нравственную систему, нисколько не доказано и не обоснованно. Почему люди въ своей нравственной дѣятельности не должны быть средствомъ, а всегда лишь цѣлью? Развѣ на каждомъ шагу человѣкъ въ своей нравственной дѣятельности, будучи вполнѣ въ мирѣ со своею совѣстью, со своимъ самымъ высокимъ нравственнымъ сознаніемъ, не дѣлаетъ изъ себя средства для цѣлей другого, когда онъ служитъ обществу, когда онъ работаетъ для семьи, когда онъ жертвуетъ собою для отечества, когда онъ идетъ на войну, когда онъ посвящаетъ свою жизнь отысканію научной истины, утвержденію личнаго или общественнаго идеала? Развѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ не смотритъ на себя какъ на средство? Да въ сущности человѣкъ, за исключеніемъ самаго плоскаго и грубаго эгоиста, никогда и не можетъ быть своей собственной цѣлью. Всякій идеалъ, кромѣ грубо-эгоистическаго, есть цѣль, достигая которую, человѣкъ употребляетъ себя, свою жизнь, какъ средство. Вторая формула категорическаго императива говоритъ лишь объ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, и слѣдовательно, вся область отношеній къ Богу, къ не-человѣческому міру, къ самому себѣ выходитъ изъ сферы дѣйствій этого закона, т. е. за предѣлы нравственности. Чувственная животная жизнь вполнѣ оправдывается этимъ закономъ самоцѣли, и инте-

ресно знать, какимъ образомъ можно было бы отвергнуть, на основаніи этого закона, всѣ формы личнаго и даже коллективнаго разврата. За то всякую героическую дѣятельность, всякое самопожертвованіе, всякое стремленіе душу свою положить за други своя, непремѣнно нужно отвергнуть. Когда въ океанѣ гибнетъ судно, и завѣдомо извѣстно, что можетъ быть спасена только часть находящихся на немъ людей, что̀, съ точки зрѣнія кантовскаго обоснованія этики, можетъ заставить наиболѣе сильную часть гибнущаго экипажа и мужчинъ уступить мѣста въ спасательныхъ лодкахъ наиболѣе слабымъ, — женщинамъ и дѣтямъ? Правило универсальности, всеобщности здѣсь не можетъ быть примѣнено, такъ какъ часть людей должна погибнуть. Законъ же самоцѣли скорѣе долженъ былъ бы требовать отъ индивида своего собственнаго спасенія, такъ какъ на себя никогда нельзя смотрѣть какъ на средство. Законъ самоцѣли не только не вытекаетъ изъ закона универсальности, а скорѣе отрицаетъ его.

Попытка апріорнаго построенія этики не на естественныхъ законахъ жизни и не на внѣшнихъ гетерономныхъ основаніяхъ, а изъ самой себя, на принципѣ автономнаго самоограниченія, на началѣ самозаконности, должна быть признана совершенно необоснованной, пустой и противорѣчивой.

Чтобы хотя какъ-нибудь спасти свое обоснованіе этики, Канту пришлось прибѣгнуть и къ эмпирически-психологическому принципу уваженія и къ гетерономнымъ идеямъ свободы воли, безсмертія души, бытія Бога. Нравственность есть только тамъ, гдѣ есть свобода и индетерминизмъ; въ мірѣ же эмпирическомъ нѣтъ свободы, въ немъ царствуетъ всеобщій законъ причинности и детермированность. Кантъ переноситъ идею свободы изъ области феноменальной воли въ сферу воли ноуменальной, наталкиваясь однако при этомъ на множество непреодолимыхъ затрудненій при объясненіи

параллельнаго существованія и взаимнаго дѣйствія двухъ воль, одной свободной, другой детерминированной. Введеніе идей Бога и безсмертія души могло бы дѣйствительно обосновать этику, но онѣ должны лишить этику ея автономнаго характера. Если нравственный законъ свою обязательную силу имѣетъ въ безсмертіи души и въ существованіи Бога, то онъ уже не самозаконенъ. Чтобы спасти автономность этики, Канту пришлось объявить эти идеи постулатами практическаго разума и выводить ихъ изъ нравственнаго сознанія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онѣ сами обусловливаютъ нравственность. Богъ и безсмертная душа не постулаты нравственнаго закона, а источникъ и образующая сила всякой нравственной дѣятельности. На этомъ терпятъ безнадежное крушеніе всякія попытки неокантіанцевъ (вродѣ той, которую далъ Германъ Когенъ въ своемъ Kant's Begründung der Ethik) понять свободу воли, Бога и безсмертіе души, какъ регулятивныя идеи разума, какъ необходимыя вспомогательныя гипотезы. Регулятивныя идеи должны быть на чемъ-нибудь обоснованы, иначе онѣ и не будутъ регулятивами. Нужно вѣрить въ достовѣрность того, чѣмъ регулируешься. Видѣть же въ постулатахъ практическаго разума лишь регулятивныя идеи, лишь методы значитъ лишать ихъ всякой цѣны, всякаго значенія, всякой регулирующей силы. Въ этомъ случаѣ они никому и ничего не обосновываютъ.

Автономная апріорная этика имѣетъ дѣло съ индивидуальнымъ сознаніемъ, и неразрывно-двусторонняя личноколлективная природа общественной жизни для нея остается чуждой. Отвлекаясь отъ эмпирическаго содержанія, выводя свои законы не изъ опыта, но a priori, она имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, какъ съ изолированнымъ существомъ. Отсюда и выводъ, что человѣкъ есть носитель безусловной цѣнности. Это категорическое утвержденіе однако наталкивается на естественное возраженіе, почему именно отдѣльный чело-

вѣкъ есть самоцѣль, и почему этой цѣлью не могутъ быть, скажемъ, общественныя группы, народность и человѣчество.

Кантъ самъ, очевидно, чувствовалъ эту полную недостаточность своего индивидуализма и въ Основоположеніи къ метафизикѣ нравовъ онъ пытался вывести изъ своего категорическаго императива царство цѣлей; соблюденіе нравственнаго закона людьми въ идеалѣ должно привести къ царству цѣлей, т. е. „къ систематической связи различныхъ разумныхъ существъ посредствомъ общихъ законовъ. Такъ какъ законы опредѣляютъ цѣли по ихъ общей пригодности, то, если отвлечься отъ индивидуальныхъ отличій разумныхъ существъ, равнымъ образомъ отъ всего содержанія ихъ частныхъ цѣлей, можно будетъ помыслить цѣлое всѣхъ цѣлей (понимая подъ ними и разумныя существа въ качествѣ цѣлей самихъ по себѣ и тѣ особенныя цѣли, которыя каждое изъ нихъ можетъ ставить самому себѣ) въ систематической связи, т. е. царство цѣлей“.

Но это царство цѣлей осталось у Канта совершенно необоснованнымъ. Обоснованіе объективной этики не можетъ быть построено апріорно на понятіи личности, такъ какъ идея долга, когда она остается въ сферѣ индивидуальнаго сознанія, не можетъ послужить основаніемъ дѣйствительно общеобязательной этики: она вѣдь можетъ быть истинной, но можетъ быть и ошибочной. Если, съ одной стороны, идея добра, какъ общаго начала, присуща и субъективной волѣ, то, съ другой стороны, эта воля способна и отклоняться отъ него. Для созданія на основахъ индивидуальнаго сознанія соціальной этики мало еще того, что (какъ обмѣчается нѣкоторыми въ защиту такого перехода изъ индивидуальной въ общественную сферу) идея всеобщаго долженствованія предполагаетъ многихъ дѣятелей. Утвержденіе, что въ ученіи объ автономной волѣ дается руководящее начало къ примиренію личности и общества, можетъ въ свое обоснованіе сослаться только на то, что хотя категорическій

императивъ и обращается къ отдѣльной личности, но онъ ставитъ ей требованія, стоящія надъ ея волей. Этого же, очевидно, слишкомъ мало, чтобы понять двустороннюю природу нравственности. Апріорная автономная этика осуждена оставаться въ сферѣ безнадежнаго индивидуализма.

Впрочемъ, повидимому, самому Канту не чуждо было пониманіе неразрывной двусторонности человѣческой природы, что̀ видно, напр., изъ его статьи Идея всеобщей исторіи, въ особенности изъ четвертаго ея положенія, говорящаго о томъ, что развитіе человѣческихъ способностей совершается черезъ противоборство общественныхъ и изолирующихъ стремленій людей.

II.

Попытка Канта обосновать этику на началѣ самозаконности воли по здравому и серьезному обсужденію должна быть отвергнута, какъ окончательно неудачная. Поскольку она апріорна, она не выдерживаетъ критики апріорныхъ же соображеній; поскольку же она пытается дать матеріальное содержаніе формальному моральному закону, она безсильна ввести въ него двустороннюю лично-общественную природу эмпирической нравственной дѣятельности людей.

Болѣе удовлетворяютъ и апріорнымъ и эмпирическимъ требованіямъ имманентныя эмпирическія системы этики, пытающіяся утвердить моральный принципъ на естественныхъ законахъ личной и общественной жизни.

Мы не будемъ заниматься здѣсь изложеніемъ и критикой эвдемонистическихъ системъ морали, начиная отъ Аристиппа и Эпикура и до Бентама и Милля. Всѣ эти различныя развѣтвленія гедонизма, включая сюда и утилитаризмъ, стремящіяся построить этику на какомъ-нибудь одномъ эмпирическомъ началѣ человѣческой природы, низвергаются тѣмъ простымъ соображеніемъ, что счастье и польза не абсолютныя и опредѣленныя блага, а относительныя и

обусловленныя, требующія постоянно точнаго опредѣленія по принципу внѣ нихъ лежащему. Счастье вообще не есть нѣчто самостоятельное: оно не можетъ быть достигнуто, какъ самоцѣль, но лишь сопутствуетъ иногда достиженію другихъ цѣлей; такъ счастье можетъ сопутствовать удовольствіямъ чувственнымъ или духовнымъ, можетъ проистекать изъ удовлетворенія или эгоистическихъ чувствъ или чувствъ альтруистическихъ; но соотношеніе этихъ удовольствій и чувствъ и выборъ между ними, очевидно, должны быть дѣлаемы по какому-то другому принципу, а не по принципу счастья. Требуется найти этотъ высшій принципъ, опредѣляющій нравственную человѣческую дѣятельность, эту верховную цѣль, обезпечивающую наибольшее благо для человѣка. Очевидно, эта цѣль можетъ быть найдена только въ томъ, что объединяетъ всѣ относительныя цѣли и всѣ ихъ заключаетъ въ себѣ, включая сюда и само счастье; эта верховная цѣль есть жизнь, какъ таковая, сама жизненная дѣятельность. Разумѣется, жизненный процессъ, являющійся высшимъ благомъ, опредѣляющимъ поведеніе человѣка, долженъ быть понятъ, какъ цѣлостный жизненный синтезъ человѣческой природы. И въ этомъ жизненномъ синтезѣ неизбѣжно и ярко выступаетъ двусторонній характеръ человѣческой природы.

Эмпирически-позитивное направленіе въ этикѣ, строящее ее на принципѣ самой жизни, ведетъ свое начало еще отъ Аристотеля и завершается въ новѣйшихъ системахъ солидаристической этики на соціологическихъ основахъ.

„Если въ области осуществимой дѣятельности, — говоритъ Аристотель въ первой книгѣ Никомаховой этики, есть цѣль, къ которой мы стремимся ради нея самой, а къ другимъ цѣлямъ лишь ради нея, то ясно, что это именно и есть благо и добро“. Безусловно совершеннымъ мы называемъ то, къ чему всегда стремятся, какъ къ цѣли самой по себѣ и никогда какъ къ средству. Такимъ благомъ является

блаженство, которое мы всегда избираемъ, какъ цѣль, а не какъ средство. То же самое слѣдуетъ изъ понятія самоудовлетворенности: совершенное благо должно удовлетворять само себя. „Такимъ образомъ блаженство, будучи цѣлью человѣческой дѣятельности, представляется чѣмъ-то совершеннымъ и самоудовлетворяющимся". Если мы пожелаетъ опредѣлить точно понятіе блаженства, то мы должны обратиться къ назначенію человѣка. „Подобно тому, какъ музыкантъ или скульпторъ и всякій художникъ, или даже всякій вообще человѣкъ, занятый какимъ-нибудь дѣломъ, въ этомъ своемъ дѣлѣ видитъ благо и находитъ удовлетвореніе, точно то же можно думать и относительно человѣка вообще, если только у него есть какое-либо назначеніе". Очевидно, это спеціальное назначеніе человѣка состоитъ въ самой жизни, въ осуществленіи жизненнаго процесса, свойственнаго его спеціальной природѣ. „Жизнь свойственна и растеніямъ, а мы ищемъ спеціально принадлежащее человѣку; поэтому мы должны выдѣлить питательную и растительную жизнь. Слѣдующій видъ жизни — чувствующій, но онъ свойственъ всѣмъ животнымъ. Но человѣку сверхъ этихъ родовъ жизни свойственна еще дѣятельная жизнь разумнаго существа, при томъ такого, которое частью повинуется разуму, частью же владѣетъ разумомъ и мышленіемъ". Назначеніе человѣка — въ извѣстнаго рода жизни, соотвѣтсвующей его природѣ, а именно, состоящей въ разумной душевной энергіи и дѣятельности. Остается разсмотрѣть различныя свойства души, интеллектуальнаго и волевого характера, и сообразно имъ опредѣлить добродѣтели, т. е. тѣ качества души, которыми долженъ руководиться человѣкъ въ своемъ поведеніи. Проходя длинный рядъ такихъ свойствъ души, Аристотель приходитъ, наконецъ, и къ чувству общенія, къ *φιλία*, къ общественной солидарности людей: осуществляя разумныя стремленія своей природы, человѣкъ, подъ вліяніемъ чувства

общительности, создаетъ различныя формы соціальной жизни. Это естественно приводитъ отъ чисто индивидуальной этики къ этикѣ соціальной, къ политикѣ и къ ученію о правѣ.

Аристотель, если угодно, то же давалъ обоснованіе автономной этики, но эта самозаконность искалась имъ не только въ нравственномъ самосознаніи человѣка, а во всей его натурѣ, въ самой жизненной энергіи, заставляющей человѣка жить и дѣйствовать.

III.

Жизнь, какъ таковая, вотъ предѣлъ научной морали, полагаетъ и Гюйо, одинъ изъ новѣйшихъ представителей аристотеліанскаго обоснованія этики. Нравственный двигатель человѣческаго поведенія, съ научной точки зрѣнія, заключается въ интенсивности жизни. Въ индивидуальномъ стремленіи къ жизни дается первый двигатель всякаго дѣйствія. Желаемое вообще есть не благо, не долгъ, не счастье въ тѣсномъ смыслѣ слова, а жизнь и дѣятельность, и первоисточникъ его нужно искать уже въ инстинктивномъ существованіи. Стремленіе сохранить жизнь есть всеобщій космическій законъ; стремленіе же къ удовольствію, къ пріятному, къ счастью, которое ярко обнаруживается въ сознательной жизни людей, есть лишь послѣдствіе инстинктивнаго усилія сохранить и увеличить жизнь. Въ данномъ случаѣ и причина и цѣль совпадаютъ другъ съ другомъ. При такомъ пониманіи высшаго принципа нравственной дѣятельности человѣка этика дѣлается наукой о средствахъ сохранить и увеличить матеріальную и умственную жизнь; увеличить же интенсивность жизни значитъ вообще увеличить сферу дѣятельности. Съ точки зрѣнія такой морали величайшій порокъ есть жизненная лѣность. Гедонизмъ и эвдемонизмъ остаются, какъ нравственныя начала, въ такой этикѣ, но на второмъ планѣ; удовольствіе и счастье входятъ лишь какъ элементы или, лучше сказать, какъ неизбѣжныя

послѣдствія достиженія высшей цѣли — дѣятельной жизни: увеличивай постоянно интенсивность твоей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и твоего удовольствія, ибо удовольствіе неизбѣжно связано съ физическимъ и умственнымъ ростомъ жизни. Удовольствіе сопровождаетъ всѣ естественныя проявленія жизни, какъ питаніе, утомленіе жажды, отправленіе органическихъ функцій жизни; но самое основное, самое жизненное выраженіе счастья заключается въ удовольствіи жить и чувствовать эту жизнь въ своихъ желаніяхъ, въ работѣ своей мысли. Дѣйствіе вовсе не предполагаетъ непремѣнно достиженія опредѣленнаго удовольствія, какъ своей цѣли. Уже въ самомъ дѣйствіи, въ жизненномъ процессѣ, въ волевомъ актѣ, въ чувствованіи, въ мысли есть удовольствіе, такъ какъ оно сопровождаетъ процессъ жизни, какъ таковой.

Отсюда основной принципъ нравственной дѣятельности — стремиться къ наибольшей интенсивности жизни. Наибольшая же интенсивность жизни соотвѣтствуетъ наибольшему ея распространенію, расширенію. Жизнь заключается въ двухъ процессахъ, — въ привлеченіи къ себѣ, во впитываніи въ себя силъ окружающаго міра и въ преобразованіи этихъ силъ въ себѣ и для себя, въ отдачѣ избытка собранныхъ силъ, въ творчествѣ и плодородіи. Эта общая потребность творчества, высшее выраженіе начала жизни, проявляется въ родовомъ и общественномъ устремленіи людей: рожденіе дѣтей есть выраженіе этой творческой потребности жизни; подъ вліяніемъ этой же потребности создается и общественность. Общая потребность плодородія, свойственная жизни, заставляетъ человѣка стремиться къ умственному творчеству, въ чувственномъ сферѣ желать раздѣленія съ кѣмъ-нибудь своихъ чувствъ, въ области волевыхъ актовъ любить трудъ, усилія. Въ законѣ питанія и производства, лежащемъ въ основѣ жизни, находится основаніе неразрывной, индивидуально-общественной двусторонности жизни. Трата есть увеличеніе жизни; жить значитъ

производить. Наиболѣе интенсивная жизнь есть жизнь наиболѣе раздѣленная съ другими. Наиболѣе совершенный организмъ наиболѣе соціаленъ.

Отсюда возникаетъ единственный нравственный долгъ человѣка предъ самимъ собой, жизни предъ самой собой. Сила должна тратиться, ибо жизнь сохраняется, только распространяясь. Здѣсь основа соціальности вообще и общественной морали въ частности.

Такъ развитіе внутренней идеи человѣка, „его назначенія“, о которомъ говорилъ Аристотель, приводитъ къ идеѣ общественности. Инстинктивное, въ самой основѣ человѣческаго существа зиждущееся стремленіе къ расширенію и размноженію создаетъ стремленіе, съ одной стороны, къ личному интересу, что было послѣдовательно возведено въ систему Эпикуромъ, Бентамомъ, а съ другой стороны, — къ соціальной жизни, что нашло свое выраженіе въ системахъ Юма, Адама Смита, Милля. Въ правильно понятомъ принципѣ жизненной дѣятельности происходитъ дѣйствительное совпаденіе личнаго и общественнаго интереса, эгоизма и альтруизма, личнаго счастья и общественной пользы.

IV.

Наиболѣе законченное выраженіе аристотеліанское обоснованіе этики нашло себѣ въ солидаризмѣ. Солидаризмъ есть соціологически устанавливаемый законъ лично-общественной жизни. Онъ лишь нѣсколько рѣзче, въ сравненіи съ чистымъ энергизмомъ, подчеркиваетъ двустороннюю природу жизни, отмѣченную уже Аристотелемъ. Въ настоящее время солидаристическое обоснованіе морали пріобрѣтаетъ особенное практическое значеніе, такъ какъ оно имѣетъ тенденцію сдѣлаться оффиціальной моралью современныхъ демократій, отдѣлившихся отъ религіи, объявившихъ свой полный нейтралитетъ по отношенію къ религіознымъ вѣрованіямъ и нуждающихся поэтому въ самостоятельномъ утвержденіи

общественной морали на позитивныхъ, нейтральныхъ по отношенію къ религіи, научныхъ основахъ. Такую попытку построенія самостоятельной позитивной морали на научной соціологической основѣ и представляетъ солидаризмъ, намеки на который имѣются еще въ ученіи Аристотеля о *φιλία*, но истиннымъ родоначальникомъ котораго является творецъ позитивной философіи, Огюстъ Контъ.

Только положительная философія, по словамъ Конта, исходя изъ знанія человѣческой природы, можетъ руководить развитіемъ соціальнаго чувства и обосновать мораль. „Нравственность утверждается только при принятіи соціальной точки зрѣнія, выдвигающей на первый планъ идею цѣлаго, съ которою всегда связано чувство долга. Эволюція человѣчества есть возрастающее преобладаніе свойствъ человѣческой природы надъ свойствами животной природы, основанное на господствѣ разума надъ склонностями и инстинкта симпатіи надъ эгоистическими побужденіями". „Новая философія въ высшей степени развиваетъ чувство соціальной солидарности и непрерывности. Она укрѣпляетъ идею порядка, которая возводится реальнымъ строемъ міра въ основу частнаго и общественнаго поведенія". „Когда нравственное воспитаніе освоитъ современные умы съ понятіями солидарности и непрерывности эволюціи человѣчества, они почувствуютъ нравственное превосходство философіи, которая привязываетъ каждаго изъ насъ къ жизни всего человѣчества во всѣ времена и во всѣхъ странахъ... Ограниченіе всѣхъ надеждъ реальною жизнью даетъ новыя средства связать ходъ развитія каждаго человѣка съ развитіемъ всего человѣчества; только созерцаніемъ этой эволюціи можно удовлетворить присущую намъ потребность въ вѣчности. Заботливое уваженіе къ жизни человѣка, всегда возраставшее по мѣрѣ развитія соціальной жизни, еще болѣе увеличится, когда исчезнетъ фантастическая надежда, располагающая пренебрегать настоящимъ существованіемъ, ко-

торое кажется второстепеннымъ въ сравненіи съ будущею жизнью". „Сообразно своимъ различнымъ свойствамъ положительная нравственность покажетъ каждому человѣку, что его счастье зависитъ отъ наиболѣе полнаго развитія доброжелательныхъ поступковъ и симпатическихъ эмоцій въ отношеніи ко всему человѣчеству и даже ко всѣмъ подчиненнымъ ему чувствующимъ существамъ. Ея сила будетъ тѣмъ болѣе обезпечена, что она приспособится къ требованіямъ всякаго индивидуальнаго и соціальнаго положенія". „Положительная философія подчиняетъ соціальной точкѣ зрѣнія и мораль, ставя все въ соотношеніе не съ человѣкомъ, а съ человѣчествомъ. Нравственные законы, какъ и законы интеллектуальные, болѣе доступны оцѣнкѣ въ коллективномъ организмѣ, чѣмъ въ индивидуальномъ. Идеалъ совершенства, тождественный для индивида и для рода, лучше выражается соціальною эволюціею, чѣмъ личною. Поэтому исходная точка нравственности всегда будетъ стоять въ связи съ политикою".

Этическіе принципы Конта были восприняты и разработаны въ цѣлую этико-соціологическую систему Дюркгеймомъ въ его изслѣдованіи Раздѣленіе общественнаго труда. Онъ находитъ, что въ жизни обществъ сказывается двоякаго рода солидарность, механическая, соотвѣтствующая первобытнымъ обществамъ, объединяемымъ равенствомъ условій и сходствомъ положеній людей, и органическая, выражающаяся въ раздѣленіи труда. Прогрессъ соединенъ съ ростомъ органической солидарности, такъ какъ раздѣленіе труда увеличивается вслѣдствіе естественныхъ соціологическихъ причинъ, — роста и уплотненія населенія и борьбы за существованіе. Система соціальной объективной этики, по его мнѣнію, и должна быть построена на этомъ принципѣ. Обязанность индивида состоитъ въ наилучшемъ выполненіи своей соціальной функціи въ качествѣ органа, согласно съ принципомъ раздѣленія труда. При правильной

регламентаціи раздѣленія труда наилучшимъ образомъ будетъ достигнуто и личное счастье людей, такъ какъ братство всѣхъ людей возможно только при прогрессѣ раздѣленія труда. Правильное установленіе соціальной этики на принципѣ раздѣленія труда приводитъ, по мнѣнію Дюркгейма, къ примиренію личнаго и коллективнаго элементовъ и вовсе не соединено съ полнымъ подчиненіемъ личности коллективному цѣлому, такъ какъ прогрессъ цивилизаціи ведетъ къ двумъ соотносительнымъ явленіямъ, — къ росту государственныхъ функцій и къ развитію индивидуальной жизни.

Впрочемъ, у Дюркгейма остается не вполнѣ выясненнымъ, какимъ образомъ раздѣленіе труда оказываетъ подобное дѣйствіе. Кромѣ того, раздѣленіе труда не является единственнымъ закономъ, управляющимъ жизнью общества, такъ какъ существуетъ, по его же словамъ, и органическая солидарность; почему же именно начало раздѣленія труда содержитъ въ себѣ необходимый моральный законъ? Вѣдь и Дюркгеймъ признаетъ въ качествѣ морально-руководящаго не всякое раздѣленіе труда, — бываютъ и анормальныя формы этого раздѣленія, — а лишь раздѣленіе труда, покоющееся на солидарности; раздѣленіе труда вѣдь вызываетъ не одну солидарность, но и вражду и конкуренцію. Регулированіе раздѣленія труда, о которомъ говоритъ Дюркгеймъ, должно руководиться средней линіей между анормальнымъ раздѣленіемъ, выражающимся въ экономической неурядицѣ, въ губительной спеціализаціи наукъ и профессій и т. д., и принудительной неподвижностью такого раздѣленія въ кастовомъ устройствѣ общества. Эта же средняя линія есть солидарность. Слѣдовательно, основу морали надо искать не въ раздѣленіи труда, а въ солидарности, дающей формальный принципъ этики; и уже матеріальное содержаніе солидарности наполняется извѣстными формами раздѣленія труда.

Законченную форму солидаристическаго обоснованія этики мы находимъ у Дюги, въ его основномъ сочиненіи

Государство, въ его Общей теоріи государства и въ Соціальномъ правѣ, индивидуальномъ правѣ и преобразованіи государства. За нимъ слѣдуетъ въ этомъ направленіи цѣлый рядъ другихъ французскихъ писателей.

Солидарность есть не моральный долгъ, а соціальный фактъ, но этотъ фактъ можетъ обосновать, по мнѣнію представителей солидаризма, норму поведенія. Ходъ разсужденія при этомъ математически простъ и ясенъ. Основа всего — индивидуальное сознаніе, cogito, ergo sum. Это сознаніе всегда стремится выразиться во внѣ, въ дѣйствіи, въ актахъ воли, вызываемыхъ какою-нибудь цѣлью, т. е. факторомъ, субъективно относимымъ нами къ будущему. Всякая философія должна отправляться отъ несомнѣннаго факта индивидуальнаго сознанія. Индивидуальное сознаніе есть единственная, внѣ всякихъ сомнѣній находящаяся реальность; но эта реальность возрастаетъ по мѣрѣ роста содержанія индивидуальнаго сознанія. Человѣкъ дѣлается тѣмъ болѣе человѣкомъ, чѣмъ болѣе ясно и чѣмъ большее количество идей онъ мыслитъ и чѣмъ большее количество цѣлей онъ желаетъ. Здѣсь именно и заключается переходъ къ соціальной жизни: индивидуальное сознаніе расширяется и индивидуальность растетъ, по мѣрѣ того какъ человѣкъ глубже понимаетъ общественную солидарность и больше дѣйствуетъ въ направленіи ея реализаціи. Сознаніе связи своей съ обществомъ увеличиваетъ индивидуальность.

Стоитъ къ этому аристотеліано-декартовскому исходному пункту присоединить установленный Контомъ и Дюркгеймомъ законъ общественной солидарности, какъ основу общественнаго развитія, и вся конструкція солидаристической морали готова. Съ одной стороны, общественная солидарность есть фактическая взаимная зависимость людей и взаимная обусловленность прогресса личнаго и прогресса соціальнаго, т. е. естественный законъ общественнаго раз-

витія; съ другой стороны, этотъ фактъ отражается въ психическомъ мірѣ людей, какъ сознаніе этой взаимо-обусловленности и, въ качествѣ такового, дѣйствуетъ на человѣческую волю, какъ мотивъ дѣйствія, направляетъ эту волю на установленіе такихъ формъ и нормъ общежитія, при которыхъ наилучшимъ образомъ осуществлялась бы эта взаимозависимость. Естественно и объективно необходимый законъ общественной солидарности дѣлается чувствомъ солидарности и субъективною цѣлью, регулирующею человѣческое поведеніе. На этомъ фактѣ, или, если угодно, соціологическомъ законѣ общественной солидарности и утверждается основной принципъ объективной общественной морали: содѣйствуй по мѣрѣ силъ твоихъ росту общественной солидарности, такъ какъ жизнь, какъ твоя, такъ и всего общества отъ этого только возрастетъ. Въ такомъ построеніи моральнаго закона окончательно преодолѣваются односторонности индивидуализма и коллективизма, и обѣ стороны жизни синтетически объединяются въ общей формулѣ.

V.

Своеобразное и очень интересное выраженіе аристотеліанскаго воззрѣнія на нравственный законъ, какъ на законъ жизненной энергіи и солидарности, представляетъ собою этическая система Н. Дебольскаго, въ его примѣчательной и съ большимъ діалектическимъ талантомъ написанной книгѣ О высшемъ благѣ (1886).

Что должно быть цѣлью человѣческой дѣятельности? Такою цѣлью можетъ быть не условное какое-нибудь благо, служащее цѣлью для достиженія другого блага, а безусловное добро, которое ни для какой другой цѣли не является средствомъ. Это высшее благо, если оно дѣйствительно высшее, т. е. ничему высшему не служащее, и дѣйствительное благо, должно удовлетворять слѣдующимъ признакамъ: 1) оно должно быть возможно для человѣка по качеству, 2)

достижимо по количеству, 3) объединять всѣ прочія цѣли, 4) постоянно пребывать и 5) быть безконечнымъ по отношенію къ прочимъ цѣлямъ.

Такимъ высшимъ благомъ не можетъ быть счастье. Это положеніе доказывается Дебольскимъ съ большимъ остроуміемъ и діалектическимъ изяществомъ. Счастье, какъ верховой принципъ нравственной дѣятельности, не удовлетворяетъ ни одному изъ необходимыхъ свойствъ, требуемыхъ отъ высшаго блага, и прежде всего оно не достижимо по качеству, такъ какъ не существуетъ такой сознательной дѣятельности, которая наилучше обезпечивала бы minimum страданія и maximum положительнаго удовольствія. Стоитъ только аналитически разсмотрѣть различные виды человѣческихъ удовольствій: ни грубо-чувственныя удовольствія половыя, вкусовыя и обонятельныя, ни тонко-чувственныя зрительныя и слуховыя, ни удовольствія мышечнаго движенія, ни духовныя удовольствія эстетическія и научныя, ни удовольствія волевыя отъ дѣятельности, ни эмоціальныя эгоистическаго или альтруистическаго характера, будучи каждое въ отдѣльности необходимою составною частью человѣческаго счастья, еще самого счастья составить не могутъ. Ни одно изъ перечисленныхъ удовольствій, какъ обнаруживаетъ ихъ подробный анализъ, не можетъ еще дать высшую возможную пріятность для человѣка, т. е. счастья, ни избавить человѣка наилучшимъ образомъ отъ страданія.

Если же высшее благо есть счастье, т. е. наивысшая мѣра пріятности, то оно можетъ быть лишь соединеніемъ всѣхъ родовъ удовольствій. Но по какому правилу должно совершиться это соединеніе? Очевидно, если это правило существуетъ, то оно и есть всеопредѣляющая цѣль. Простѣйшее предположеніе заключается въ томъ, что должное соподчиненіе побужденій устанавливается самою природою человѣка, и прежде всего безсознательною природою, такъ какъ въ основѣ всякаго сознательнаго побужде-

нія лежитъ безсознательная инстинктивная потребность органическаго самосохраненія, и, слѣдовательно, извѣстное правило вносится въ соединеніе удовольствій самою природою человѣка. Всякое удовольствіе таково лишь постольку, поскольку оно сопутствуетъ удовлетворенію интересовъ самосохраненія. Если счастье возможо, то какъ такое удовлетвореніе общей потребности самосохраненія, которое всесторонне обнимало бы и объединяло бы собой прочія потребности. Изъ этой безсознательной потребности самосохраненія, по мнѣнію Дебольскаго, выростаютъ, какъ изъ общаго корня, даже эгоистическія и альтруистическія чувства. Симпатія связываетъ индивида всего крѣпче съ его потомствомъ, потомъ съ членами его общественной группы и, наконецъ, вообще съ людьми, т. е. симпатія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ въ болѣе недавнее время два или болѣе индивида походились въ вещественной связи. Слѣдовательно, симпатическія побужденія могутъ считаться, такъ сказать, раздѣлившимися эгоистическими побужденіями. Потребность самосохраненія есть, прежде всего, безсознательное стремленіе сохранять свою жизнь и жизнь тѣхъ органическихъ существъ, которыя родственны по происхожденію, и притомъ, соотвѣтственно близости этого родства.

Естественное безсознательное стремленіе самой природы человѣка къ самосохраненію можетъ до нѣкоторой степени служить руководителемъ счастья и способно регулировать единичныя побужденія человѣка въ цѣляхъ его счастья, но положиться на него нельзя, такъ какъ оно погрѣшаетъ, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ болѣе усиливается сознательная жизнь человѣка. Очевидно, что правило счастья, коль скоро инстинктъ не дѣйствителенъ, должно быть установлено сознательнымъ путемъ. „Содержаніе этого правила можетъ быть найдено, однако, лишь въ томъ же началѣ самосохраненія, которымъ безсознательно руководствуется природа человѣка; ибо никакое единичное удовольствіе,

какъ таковое, не даетъ счастья, а соединеніе удовольствій, въ должной мѣрѣ каждаго, не можетъ быть обосновано ни чѣмъ инымъ, кромѣ общей потребности самосохраненія".

Правило счастья, очевидно, могло бы быть выведено изъ правила самосохраненія, если бы было доподлинно извѣстно, кто, при руководствѣ принципомъ счастья, долженъ быть самосохраняющимся субъектомъ. Долженъ ли субъектомъ самосохраненія быть отдѣльный человѣкъ или собраніе людей, ихъ союзъ или общество? Съ точки зрѣнія принципа счастья, субъектомъ самосохраненія можетъ быть всякое существо или общество ихъ, если только они сознательно могутъ стремиться къ самосохраненію, хотя бы это была шайка разбойниковъ; но этимъ уже отрицается само начало самосохраненія, такъ какъ часто сохраненіе одного человѣка или союза людей соединено съ уничтоженіемъ другихъ людей или союзовъ. Нужно сдѣлать выборъ между субъектами самосохраненія, а съ эвдемонистической точки зрѣнія это невозможно. Съ точки зрѣнія принципа счастья нельзя отрицать права на самосохраненіе и такихъ обществъ, которыя живутъ разрушеніемъ другихъ обществъ, такъ какъ часто они имѣютъ болѣе шансовъ на сохраненіе своего существованія, чѣмъ общества мирныя и живущія своимъ трудомъ. Ссылка же на интересъ и счастье другихъ людей уже будетъ указаніемъ на нѣкоторый общечеловѣческій союзъ, обязательный для человѣка. Но почему счастье именно человѣчества должно имѣться въ виду? Почему не счастье какой-нибудь его части, или не собственное счастье индивида? „Отвѣтить на эти вопросы эвдемонизмъ не можетъ, такъ какъ отвѣтъ на нихъ предполагаетъ б о́ л ь ш е е п р а в о одного субъекта на счастье сравнительно съ другимъ субъектомъ, и, слѣдовательно, переноситъ изслѣдованіе съ вопроса о счастьѣ на вопросъ о правѣ стремиться къ счастью". Отсюда выводъ: цѣль счастья не есть высшая цѣль или верховное благо, такъ какъ самосохра-

неніе есть прежде всего право нѣкотораго субъекта, и этой цѣли соблюденія права на счастье одного субъекта предпочтительно передъ другимъ субъектомъ должно быть подчинено правило счастья.

Высшее благо есть самосохраненіе нѣкотораго опредѣленнаго субъекта. „Этотъ субъектъ есть не отвлеченное понятіе, но нѣчто реально-существующее или могущее существовать; онъ есть не неопредѣленное цѣлое, но цѣлое, связанное со своими частями по опредѣленному типу или закону, ибо, иначе, его самосохраненіе не можетъ ни обусловливать самосохраненіе его частей, ни обусловливаться имъ. Словомъ, это цѣлое есть реально-существующее, опредѣленное въ его типѣ, цѣлое всѣхъ частей, или недѣлимое". Какъ недѣлимое, право котораго на самосохраненіе есть высшее, всеподчиняющее право, оно можетъ быть названо верховнымъ недѣлимымъ; и, слѣдовательно, опредѣленіе высшаго блага получается такое: высшее благо состоитъ въ самосохраненіи верховнаго недѣлимаго.

Остается опредѣлить, что же является этимъ верховнымъ недѣлимымъ, самосохраненіе котораго есть высшій моральный законъ. Н. Дебольскій подробно доказываетъ (здѣсь нѣтъ надобности слѣдить за его аргументаціей), что имъ не можетъ быть ни неопредѣленное количество людей, несоединенныхъ органически, — и этимъ опровергается какъ утилитаризмъ, такъ и эволюціонная этика дарвинизма, — ни единичный человѣкъ, понимаемый эгоистически или альтруистически. Верховное недѣлимое, самосохраненіе котораго составляетъ высшее благо, есть общество. „Понятіе общества не есть понятіе суммы входящихъ въ составъ общества простыхъ недѣлимыхъ. Одна сумма еще не образуетъ индивидуальнаго цѣлаго. Послѣднее возникаетъ лишь тогда, когда, во первыхъ, каждая часть, изъ которой слагается цѣлое, служитъ нуждамъ цѣлаго, и во-вторыхъ, когда цѣлое пребываетъ при смѣнѣ его частей". Общество, какъ

недѣлимое высшаго порядка сохраняется для себя, а не для составляющихъ его недѣлимыхъ. Каково должно быть это общество, опредѣляется принципомъ общественнаго самосохраненія, т. е. цѣлью общественнаго развитія.

Такъ какъ самосохраненіе общества есть верховная цѣль, то и общество, въ которомъ эта цѣль осуществляется, должно быть обществомъ, по преимуществу способнымъ къ самосохраненію. „Общество, какъ верховное недѣлимое, самосохраненіе котораго составляетъ благо, есть тотъ видъ общества, которому, по самымъ его свойствамъ, принадлежитъ наивысшая способность самосохраненія“. Основы такого союза могутъ быть найдены въ источникахъ общественной жизни, т. е. въ общественныхъ побужденіяхъ человѣка, и притомъ наиболѣе постоянныхъ; такимъ союзомъ не можетъ быть ни случайное соединеніе, ни семья, ни первобытное и не-индивидуализированное соединеніе, а постоянный союзъ людей по сознательнымъ основаніямъ, т. е. народность, которая хотя и выражается часто въ единствѣ расы, языка, внѣшняго государственнаго устройства, но отъ него независимо; народность есть общество людей, всесторонне связанное сознаніемъ ихъ человѣчности, узами духовнаго сродства. Другими словами, народность есть соединеніе чисто психологическое, въ которомъ люди связаны только какъ люди, но связаны всесторонне своими правами и обязанностями.

VI.

Каково бы ни было достоинство этики, построенной на началѣ жизненной дѣятельности и общественной солидарности, какъ, повидимому, близко она ни подходитъ къ тому, что̀ требуется нашимъ субъективнымъ сознаніемъ, что̀ соотвѣтствуетъ общему благу и что̀ обезпечиваетъ личное счастье, однако все же слѣдуетъ сказать, что она одна, сама по себѣ, безсильна утвердить моральный законъ.

Основной исходный принципъ въ этихъ имманентныхъ этическихъ системахъ произволенъ и необоснованъ, такъ какъ всякое внѣшнее обоснованіе на какомъ-нибудь внѣ самой человѣческой дѣятельности находящемся началѣ отвергнуто, самимъ же собой можетъ быть обусловлено только то, что абсолютно по существу, т. е. Богъ, а не человѣческая воля.

Нравственныя требованія понимаются нами, и не могутъ не пониматься, какъ обязательныя, какъ связывающія нашу волю, иначе они становятся условными техническими указаніями. Но при построеніи имманентной этической системы, въ чемъ находится доказательство и обоснованіе этой обязательности? Почему одно, что̀ мы называемъ добромъ, должно быть предпочтено другому, что̀ мы называемъ зломъ? А если у меня злая воля и она радуется во злѣ и тяготѣетъ къ нему? Можно полагать и даже доказывать, что то или другое такъ называемое доброе начало торжествуетъ въ человѣческой дѣятельности, но почему оно должно господствовать надъ противоположнымъ? И почему именно я долженъ въ своемъ поведеніи содѣйствовать этому торжеству? А если окажется, что гдѣ-нибудь или даже вообще вездѣ торжествуетъ злое начало, то значитъ ли, что всѣ, кто служатъ такъ называемому добру, должны начать служить злу? Неужели всякая нравственная дѣятельность по существу есть только рабство и служеніе голому факту, тому, что̀ торжествуетъ въ окружающей дѣйствительности? Между тѣмъ нравственность неизбѣжно нами понимается, какъ противопоставленіе нашей доброй воли торжествующему злу. Можно, конечно, доказывать, что добро въ окончательномъ счетѣ торжествуетъ въ мірѣ и что служеніе ему есть служеніе мудрому закону міра, но это утвержденіе уже выводитъ нравственный законъ изъ предѣловъ имманентнаго и позитивнаго обоснованія.

Сторонники аристотеліанской этики утверждаютъ мо-

раль на жизнедѣятельности. Но на началѣ жизни можно утверждать свое поведеніе только въ томъ случаѣ, если сама эта жизнь принимается. А если я ее отрицаю? Если я, какъ философъ Гегезій, какъ сторонникъ крайняго пессимизма, считаю ее скорѣе зломъ, чѣмъ добромъ, и проклинаю часъ, когда я явился въ этотъ міръ на страданіе, на волненіе, на жадное стремленіе къ суетному и уходящему міру, на ужасъ смерти и т. п. Сама по себѣ жизнь для сознательнаго ума еще не съ очевидностью оправдана; что въ ней есть абсолютно-добрый смыслъ, это еще должно быть доказано. А такое доказательство неизбѣжно выводитъ насъ изъ имманентнаго разсмотрѣнія законовъ этой жизни.

Далѣе, въ жизни бываютъ дѣятельность и покой. Въ ней, можно сказать, имѣется все; почему же одну сторону ея я долженъ признать болѣе существенной для нея, чѣмъ другую? И почему одна дѣятельность должна почитаться добродѣтельной, а другая нѣтъ? Вѣдь творчество можетъ проявляться какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ, и интенсивно можно жить, будучи бандитомъ, извергомъ, Аттилой; вѣдь сохранить свою жизнь можно и разрушая другія жизни. Почему же принципъ жизни долженъ мною распространяться и на другія существа? и на какія существа? Наконецъ, совершенно непонятно, какая нравственная цѣна можетъ быть найдена, при такомъ обоснованіи, въ самопожертвованіи и въ героизмѣ.

Сторонники солидаристической этики говорятъ, какъ о руководящемъ критеріи нравственной дѣятельности, о соціологическомъ законѣ общественной солидарности. Но здѣсь возникаетъ именно то возраженіе, о которомъ только что было сказано. Солидарность есть или фактъ, и тогда въ немъ нѣтъ долженствованія, — причинная необходимость не есть еще цѣль, которую ставитъ себѣ человѣкъ, такъ какъ законъ природы еще не есть правило должнаго, — или солидарность есть состояніе человѣческой воли, субъ-

ективное чувство, влекущее его къ другимъ людямъ, но тогда еще неизвѣстно, почему это чувство носитъ обязательный характеръ.

Въ жизни имѣются однако не одни факты солидарности, но и факты вражды, и если можно говорить о законѣ общественной солидарности, то можно говорить и о законѣ борьбы за существованіе; почему же въ такомъ случаѣ одинъ законъ самъ по себѣ, какъ таковой, обязательнѣе для меня, чѣмъ другой? Почему я долженъ служить закону солидарности, а не пользоваться имъ для своихъ личныхъ и субъективныхъ цѣлей, какъ пользуюсь я, нисколько имъ не служа, силами и законами природы?

Наконецъ, современная наука не можетъ еще утвердить факта и закона общечеловѣческой солидарности, которая, можетъ быть, когда-нибудь и наступитъ, но которой еще нѣтъ. Почему же должно слѣдовать закону солидарности и стремиться къ самосохраненію даннаго общества и въ чемъ критерій правильности выбора? А выбирать необходимо, такъ какъ общества часто враждуютъ между собою.

Тщета и пустота всякаго позитивнаго обоснованія этики нагляднѣе всего обнаруживаются прагматизмомъ, изъ нѣдръ позитивизма вышедшимъ. Прагматизмъ не желаетъ искать основъ для моральнаго закона внѣ имманентнаго разсмотрѣнія человѣческой природы, и вотъ оказывается, что наиболѣе пригодными для жизни, для личнаго счастья, для общаго блага, для самосохраненія являются принципы дѣятельности, которые исходятъ не отъ жизни, не отъ стремленія къ счастью и пользѣ, а отъ абсолютныхъ началъ. Если мы усиленно ищемъ личнаго счастья, его мы не находимъ, оно убѣгаетъ отъ насъ, какъ наша тѣнь, а когда мы забываемъ о немъ и отдаемъ себѣ другой цѣли, оно внезапно и неожиданно и безкорыстно приходитъ къ намъ. Если мы желаемъ сохраненія общества и осуществленія общей пользы, то эта цѣль лучше всего достигается не тогда,

когда мы наше поведеніе регулируемъ соображеніями пользы, а когда вѣримъ, что въ нашемъ временномъ существованіи мы всѣми силами и даже нашей жизнью призваны способствовать приближенію Царства Божія или слѣдовать велѣніямъ Божественной воли; съ объективной точки зрѣнія больше всего мы оказываемся утилитаристами, т. е. служимъ общей пользѣ, тогда, когда субъективно мы не утилитаристы и когда мы готовы на самопожертвованіе и на героическую жизнь. Если мы желаемъ достигнуть наибольшей жизненной интенсивности, мы должны источникъ своей жизненной энергіи искать не въ самихъ себя, а во внѣ насъ находящемся абсолютномъ началѣ, вѣра въ которое удесятеряетъ наши силы и нашу жизненную энергію. Получается такой парадоксальной результатъ: если мы желаемъ руководиться принципами, наиболѣе пригодными для жизни, мы должны отказаться отъ принципа жизненной пригодности, такъ какъ не онъ оказывается наиболѣе пригоднымъ для жизни; и желая достигнуть, какъ окончательнаго результата, именно наибольшей пригодности жизни, мы должны забыть о ней и искать руководящихъ указаній въ абсолютныхъ началахъ. Такъ подрывается прагматизмомъ, желающимъ оставаться на позитивной точкѣ зрѣнія, извнутри самого себя основное положеніе всякой имманентной эмпирической этики.

Однако и жизненная энергія, и общественная солидарность, и самосохраненіе верховнаго недѣлимаго, отвергаемыя нами, какъ самостоятельныя начала обоснованія этики, могутъ дѣйствительно стать для насъ нравственными законами, если мы найдемъ для нравственности абсолютное обоснованіе, если мы признаемъ вѣчный смыслъ въ жизни міра и въ нашемъ эфемерномъ существованіи. Показать недостаточность этики жизнедѣятельности и солидарности нисколько не значитъ отвергнуть ее окончательно. Она можетъ войти органическою частью въ цѣльную и синтетическую систему

морали. Если для обязательности моральнаго закона и найдено будетъ абсолютное обоснованіе, то содержаніе этого закона, конечно, не должно итти въ разрѣзъ съ законами природы, а въ нихъ находить себѣ матеріальную опору.

VII.

Научная позитивная этика приходитъ къ утвержденію лично-общественной двусторонности высшаго принципа нравственной дѣятельности, но этотъ принципъ нужно признать недостаточно обоснованнымъ, такъ какъ позитивная этика сама по себѣ недостаточна. Изъ того, что было и есть, нельзя вывести того, что быть должно. Идеалъ для исторіи не можетъ быть найденъ въ самой исторіи.

Нравственность можетъ быть основана только на гетерономныхъ моментахъ. Обязанность, связанность, императивность для воли можетъ притти только отъ начала, находящагося внѣ этой воли. Чтобы различать въ жизни доброе отъ злого, настоящее отъ призрачнаго, истинное отъ ложнаго, нужно вложить въ эту жизнь нѣкій смысль, независящій отъ нашего субъективнаго усмотрѣнія. О нравственномъ критеріи для дѣйствій можно говорить только въ томъ случаѣ, если признается существованіе безусловнаго долга, т. е. такого, который есть не мое самозаконное установленіе, — что самозаконно установлено, самозаконно же можетъ быть отмѣнено, — не моими личными побужденіями обусловлено, а находится внѣ дѣйствій моей воли. Это же возможно только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что наше существованіе имѣетъ смыслъ независимый отъ насъ.

Законы природы получаютъ для меня значеніе и пріобрѣтаютъ повелительный характеръ только въ томъ случаѣ, если есть смыслъ въ міровомъ существованіи, если они являются выраженіемъ высшей по отношенію ко мнѣ воли. Утвержденіе же этой воли и абсолютнаго смысла жизни есть утвержденіе метафизически-религіознаго характера. Это

смутно чувствовалъ и самъ, наиболѣе послѣдовательный сторонникъ автономной морали, Кантъ, когда онъ выставлялъ свои постулаты практическаго разума: бытіе Бога, безсмертіе души и свободу воли; но желая утвердить самозаконность моральнаго закона, онъ этимъ постулатамъ далъ не ту роль, какая имъ принадлежитъ; онъ ихъ выводилъ изъ моральнаго закона, а не моральный законъ утверждалъ на нихъ. Оттого и моральный законъ оказывается у него висящимъ въ пустотѣ. Какъ ни высоки его нравственныя требованія, однако, нужно признаться, мораль личнаго достоинства и суроваго уваженія къ нравственному долгу гораздо послѣдовательнѣе обосновывалась еще стоиками, чѣмъ имъ, ибо они выводили ее изъ мірового логоса. „Разумъ, — пишетъ проф. Лопатинъ въ своей статьѣ Положеніе этической задачи въ современной философіи, — чтобы приписать чему-нибуть безусловную, т. е. безотносительную къ нашимъ субективнымъ движеніямъ и впечатлѣніямъ, цѣну, долженъ понять это въ его безотносительной и безусловной природѣ, — иначе онъ откажется отъ всякихъ утвержденій. Чтобы признать добро за безусловный идеалъ, независимый отъ личныхъ наклонностей и предпочтеній и обязательный для человѣка при всѣхъ обстоятельствахъ, — разумъ долженъ понять его не какъ человѣческое изобрѣтеніе только, а какъ міровой законъ, объективно опредѣляющій назначеніе каждаго человѣка, сосредоточивающій въ себѣ весь смыслъ человѣческой жизни, который однако не насильственно намъ навязывается, а свободно избирается нами въ руководство нашихъ дѣйствій. Другими словами, дѣйствительное примиреніе нашей инстинктивной оцѣнки нравственныхъ идей и ихъ сознательнаго пониманія возможно лишь на почвѣ такого міровоззрѣнія, въ которомъ утверждается объективная реальность добра и свобода человѣческой воли“. И не менѣе справедливо кн. Сергѣй Трубецкой въ статьѣ

Этика и догматика писалъ: „Эмпирическое нравственное добро не представляется абсолютнымъ благомъ, вслѣдствіе чего наша воля, вопреки внушеніямъ долга, опредѣляется далеко не имъ однимъ. Требованіе нравственности состоитъ именно въ томъ, чтобы принимать добро за абсолютное благо, полагать въ добрѣ такое благо, хотя бы вопреки нашимъ чувствамъ. Но это требованіе можетъ быть вполнѣ исполнено лишь подъ условіемъ вѣры въ добро, какъ въ абсолютное благо, т. е. вѣры въ добро какъ Бога или абсолютно-благую Волю, не ограниченную никакими матеріальными условіями и универсально осуществляющую себя въ мірѣ, какъ матеріалѣ блага“.

Такое обоснованіе эмпирической этики на абсолютныхъ началахъ, находящихся за предѣлами человѣческаго опыта, далъ Соловьевъ [1]). Опредѣляя верховный нравственный принципъ человѣческой дѣятельности, Соловьевъ не отвергъ окончательно ни принциповъ эмпирической этики — удовольствіе, счастье, пользу, симпатію, ни принциповъ этики трансцендентально-идеалистической, — долгъ, категорическій императивъ, но полагалъ, что всѣ эти начала должны

1) Соловьевъ прежде всего былъ философомъ-моралистомъ. Этическихъ вопросовъ, самихъ по себѣ или въ связи съ религіей или политикой, касается большинство его произведеній. Спеціально этическую систему Соловьевъ изложилъ, въ церковно-православномъ смыслѣ, въ Духовныхъ основахъ жизни, 1882—1884 (Сочиненія, т. III, 270—382), въ чисто философскомъ освѣщеніи, въ Критикѣ отвлеченныхъ началъ, 1880 (т. II) и въ Оправданіи добра, 1895 (т. VII). На Оправданіе добра можно смотрѣть какъ на дополненіе, завершеніе этической части Критики отвлеченныхъ началъ. Въ Критикѣ, устанавливая этическій принципъ, Соловьевъ пришелъ къ тому положенію, что норма нравственной дѣятельности есть „нормальное общество, опредѣляемое характеромъ свободной общинности“. Этотъ принципъ еще довольно формаленъ. Опредѣлить его матеріальное содержаніе и есть, въ сущности, задача Оправданія добра. Содержаніе этого послѣдняго сочиненія нисколько не противорѣчитъ первому; оно только дополняетъ его и иначе, въ иной формѣ высказываетъ тотъ же принципъ.

входить лишь какъ отдѣльные элементы всеобъемлющаго верховнаго нравственнаго принципа, который долженъ имѣть своею цѣлью созданіе нормальнаго общества. Такое нормальное общество представлялось Соловьеву какъ свободная общинность, гдѣ всѣ составляютъ цѣль для каждаго, и каждый для всѣхъ. Это достигается правильностью экономическихъ отношеній, справедливостью, торжествующей въ правовомъ государствѣ, и господствомъ религіознаго или мистическаго начала, находящаго себѣ утвержденіе въ духовномъ союзѣ или церкви.

Нравственная дѣятельность не ограничивается только сферой внутреннихъ субъективныхъ настроеній, она выходитъ за предѣлы личной жизни и требуетъ дѣйствительнаго осуществленія нравственныхъ цѣлей. Поэтому она обусловливается существованіемъ общества, и притомъ нормальнаго. Задача этики и сводится къ опредѣленію условій такого нормальнаго общества. Нравственный порядокъ человѣческой жизни, выражающій безусловно должное и безусловно желательное отношеніе каждаго по всему и всего къ каждому, т. е. добра въ полномъ смыслѣ слова, и есть Царство Божіе, которое и является окончательной цѣлью всякой жизни и дѣятельности.

Это Царство Божіе не есть идеальный умопостигаемый міръ Платона, не есть вообще потустороннее существованіе. Оно открывается постепенно на землѣ, въ процессѣ міровой и человѣческой исторіи. Конечная задача исторіи есть полное и дѣйствительное откровеніе Христа въ человѣческомъ обществѣ. Такъ понимаемое Царство Божіе, будучи цѣлью религіозной, тѣсно связывается въ то же время и съ юридической организаціей общества. Эта мысль Соловьева прекрасно была формулирована Э. Радловымъ, въ его статьѣ Вл. С. Соловьевъ: „Ясно, что это откровеніе (т. е. откровеніе Христа) не можетъ быть дѣломъ личнымъ, а только собирательнымъ, дѣломъ семьи, народа, наконецъ,

всего человѣчества. Полное осуществленіе добра предполагаетъ организацію его черезъ одухотвореніе вещества какъ условіе нормальнаго и вѣчнаго физическаго существованія, организацію справедливой жалости въ государствѣ, въ которомъ царитъ правда и милость, а не произволъ и насиліе и, наконецъ, организацію благочестія въ церкви. Совершенное добро окончательно опредѣляется какъ нераздѣльная организація тріединой любви, любви восходящей, уравнивающей и нисходящей".

Такую формулировку высшаго принципа нравственной дѣятельности можно вполнѣ принять. Давая нравственности прочное и незыблемое основаніе, она въ то же время устанавливаетъ такое соотношеніе между личностью и обществомъ, которое не только отвѣчаетъ нашему нравственному сознанію, но и соціологически утверждаемымъ законамъ общественной жизни.

Всякое общество состоитъ изъ двухъ элементовъ, — изъ единичнаго, выражающагося въ отдѣльныхъ лицахъ входящихъ въ союзъ, и изъ общественнаго, заключающагося въ той связи, которая объединяетъ этихъ лицъ въ общество. Отсюда два стремленія, — къ индивидуализму и къ общности. Ни одно изъ этихъ стремленій не можетъ исключить другое, такъ какъ оба элемента необходимы для существованія обществъ; возможно лишь преобладаніе того или другого изъ стремленій. Одностороннее преобладаніе общественной связи, отнимая свободу дѣятельности, дѣлаетъ общество скуднымъ по содержанію и несвободнымъ по формѣ. Да и возможно ли утвержденіе абсолютной нравственности на служеніи обществу? Вѣдь обществъ, въ которыя входитъ человѣкъ, много, и какая изъ общественныхъ группъ должна быть признана опредѣляющей нравственную дѣятельность, — семья, классъ, національность, государство? Утвержденіе, какъ верховной, какой-нибудь изъ этихъ группъ возможно только, если мы признаемъ за ней абсолютное

значеніе; между тѣмъ такого значенія ни за какой опредѣленной группой признать нельзя, ибо всѣ эти группы разрушаются и переходятъ въ новыя. Очевидно, если общественныя формы расторгаются въ историческомъ процессѣ, то непреходящее нравственное содержаніе эти формы могутъ найти только въ томъ, что сохраняется неизмѣннымъ во всѣхъ человѣческихъ формахъ, т. е. въ человѣческой личности.

Съ другой стороны, одностороннее преобладаніе индивидуализма разрушаетъ само бытіе общества, превращаетъ его въ хаосъ личныхъ стремленій, уничтожаетъ полноту и свободу жизни, устанавливаетъ рабство предъ механическими законами вѣчной жизни. „Оставаясь, говоря словами Соловьева, въ своей отдѣльности и ограниченности, единичное лицо тѣмъ самымъ лишаетъ себя дѣйствительной полноты всего, т. е. лишаетъ себя совершенства и безконечности. Послѣдовательно утверждать свою отдѣльность или обособленность было бы для лица даже физическою невозможностью".

И крайній индивидуализмъ и крайній коллективизмъ безнравственны, ибо при первомъ всѣ перестаютъ быть цѣлью каждаго, а при второмъ каждый не цѣль для всѣхъ. Индивидуализмъ правъ лишь въ томъ, что дѣйствительный починъ всякой дѣятельности долженъ исходить отъ отдѣльнаго лица, и человѣческая жизнь должна носить характеръ сознательности и свободы.

Индивидуализмъ и общинность не добро и не зло, сами по себѣ, но лишь могутъ таковыми стать. Они вполнѣ примиряются въ нормальномъ обществѣ, построенномъ на началѣ свободной общинности. „Основное условіе нормальнаго общества, говоритъ Соловьевъ, есть полное взаимное проникновеніе индивидуальнаго и общиннаго начала, или внутреннее совпаденіе между сильнѣйшимъ развитіемъ личности и полнѣйшимъ общественнымъ единствомъ." „Такъ какъ нормальное, т. е. безопасно и достойно существующее и совершенствующееся общество обусловлено пра-

вильнымъ равновѣсіемъ личнаго и собирательнаго интереса, то пагубныя для общества аномаліи могутъ быть основаны или на перевѣсѣ силъ у личныхъ произволовъ, разрывающихъ общественную солидарность, или, напротивъ, на перевѣсѣ силъ у общественной опеки, подавляющей личность".

На этомъ двустороннемъ характерѣ общественной жизни и покоится содержаніе нравственности. Нравственность не можетъ, съ одной стороны, быть построенной на отвлеченномъ субъективизмѣ. Нравственность, какъ субъективное чувство и какъ личная проповѣдь, недостаточна. Необходима организованная нравственность; она должна быть дѣломъ собирательнаго человѣчества, являться объективной задачей. Но, съ другой стороны, никакое общественное учрежденіе, никакой общій интересъ не могутъ имѣть верховнаго рѣшающаго значенія сами по себѣ. Лицо имѣетъ безусловное значеніе и никогда не можетъ разсматриваться только какъ средство или орудіе для „общаго блага". Степень подчиненія лица обществу должна соотвѣтствовать степени подчиненія самого общества нравственному добру, безъ связи съ которымъ общественная среда никакихъ правъ на человѣка не имѣетъ. Отсюда нравственности можетъ дать слѣдующее опредѣленіе: дѣйствительная нравственность есть должное взаимодѣйствіе между единичнымъ лицомъ и его данною средою (равною, низшею и высшею).

Правильное обоснованіе этики, на принципѣ Божественной воли, нисколько не отрицаетъ тѣхъ условныхъ нормъ поведенія, которыя пытается самостоятельно вывести эмпирическая этика. Она включаетъ ихъ въ себѣ, какъ составные элементы синтеза. То, что нравственныя понятія людей измѣнчивы, что ихъ побужденія развиваются, что общественная солидарность прогрессируетъ, нисколько не отвергаетъ существованія абсолютнаго нравственнаго закона, а лишь показываетъ, что содержаніе этого закона познается

человѣкомъ постепенно, въ процессѣ историческаго развитія. Данныя эмпирической и эволюціонной этики вполнѣ могутъ быть приняты этикой абсолютной, но только въ ней они получаютъ свой настоящій характеръ нормъ дѣйствительно обязательныхъ для человѣческой воли.

Соловьевъ правъ былъ, говоря: „Міровая задача состоитъ не въ созданіи солидарности между каждымъ и всѣми, она уже и такъ существуетъ по природѣ вещей, а въ полномъ сознаніи и затѣмъ духовномъ усвоеніи этой солидарности со стороны всѣхъ и каждаго, въ ея превращеніи изъ метафизической и физической только въ нравственно-метафизическую и нравственно-физическую. Жизнь человѣка уже сама по себѣ и сверху и снизу есть невольное участіе въ прогрессивномъ существованіи человѣчества и цѣлаго міра: достоинство этой жизни и смыслъ мірозданія требуютъ только, чтобы это невольное участіе каждаго во всемъ становилось вольнымъ, все болѣе и болѣе сознательнымъ, т. е. дѣйствительно-личнымъ, — чтобы каждый все болѣе и болѣе понималъ и исполнялъ общее дѣло, какъ свое собственное“.

Абсолютное благо, высшее добро, которое полагается въ обоснованіе религіозно-метафизической этики, заключаетъ въ себѣ и элементы гедонистической морали. Таково было убѣжденіе всѣхъ философскихъ системъ, исходившихъ изъ вѣры въ міровую гармонію. Такъ смотрѣлъ нѣкогда еще Сократъ. „Истинное благо (*τἀγαθόν*), — прекрасно формулируетъ центральную идею философа Сократа кн. С. Трубецкой, — не исключаетъ изъ себя наслажденія, а, напротивъ того, обнимаетъ его въ себѣ. Добродѣтельная, разумная жизнь есть не только самая достойная, прекрасная и похвальная, но и самая счастливая и пріятная, между тѣмъ какъ жизнь, противная разуму, въ концѣ концовъ неизбѣжно ведетъ человѣка къ несчастью: человѣкъ, поступающій противно разуму, неизбѣжно идетъ къ гибели и крушенію. Если въ ра-

зумѣ человѣка есть нѣчто безусловное, всеобщее, универсальное и божественное, то между нимъ и природой, созданной сверхчеловѣческимъ вселенскимъ Разумомъ, нѣтъ разногласія. А если она устроена разумно, по общимъ и благимъ цѣлямъ, то каждая истинная нормальная дѣятельность, сообразная этимъ цѣлямъ, должна вести къ удовлетворенію, къ гармоніи человѣка съ природой. Отсюда же рождается счастье, естественное, нормальное удовольствіе. Сократъ не основывалъ добродѣтели на удовольствіи, но и не противополагалъ ихъ безусловно. Онъ вѣровалъ въ конечное единство добродѣтели и счастья, ибо добродѣтель вытекаетъ изъ того всеобщаго разума, который внутри насъ, природа же образуется вселенскимъ, божественнымъ разумомъ, который во всемъ *(ἡ ἐν παντὶ φρόνησις)*. Поэтому между природой и нравственной дѣятельностью нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія, а слѣдовательно, не можетъ быть противорѣчія между добродѣтелью и счастьемъ. Такъ же точно въ принципѣ нѣтъ и не должно быть противорѣчія между божественнымъ міроправящимъ закономъ и человѣческими законами, управляющими общественною жизнью народовъ. Естественный вселенскій законъ лежитъ въ основаніи каждаго государства и его ограниченныхъ законовъ". „Доказательство соотвѣтствія или гармоніи между добродѣтелью и счастьемъ, — прибавляетъ совершенно справедливо отъ себя кн. С. Трубецкой, — существенно для всякой морали вообще, для античной въ особенности. Ибо если добродѣтель имѣетъ въ себѣ безусловное благо, то и всѣ относительныя блага должны вытекать изъ нея или по крайней мѣрѣ соотвѣтствовать ей — въ этомъ ли мірѣ или въ загробномъ".

Дѣйствительно синтетическая система философіи можетъ быть построена только на принципѣ гармоніи. На началѣ всемірной гармоніи нѣкогда попытался утвердить законъ мірозданія Пиѳагоръ. Сократъ нашелъ гармонію въ душѣ

человѣка и въ его нравственныхъ стремленіяхъ. Платонъ упорно искалъ гармонію, которая примирила бы умопостигаемый міръ идей и чувственно ощущаемый міръ явленій. Христіанство примирило въ общей гармоніи Божеское и человѣческое, духовное и плотское. Начало предустановленной гармоніи лежитъ въ основѣ метафизической системы Лейбница. Къ гармоніи трехъ основныхъ формъ познанія эмпирическаго, раціоналистическаго и мистическаго стремился Соловьевъ.

Высшая нравственная цѣль есть осуществленіе совершеннаго человѣческаго общежитія (Царства Божія на землѣ). Но эта цѣль достигается не черезъ уничтоженіе историческихъ общественныхъ образованій, а черезъ приведеніе ихъ въ должное соотвѣтствіе съ высшимъ нравственнымъ началомъ; сами по себѣ они не имѣютъ оправданія, а лишь постольку, поскольку они осуществляютъ въ жизни вѣчное нравственное содержаніе. Совершенное человѣческое общежитіе должно постепенно реализоваться въ исторіи; могущественнымъ организующимъ условіемъ этого осуществленія является право.

Таково правильное соотношеніе права, нравственности и религіи. Добро основывается на анализѣ человѣческой природы и на мистическомъ актѣ религіозной вѣры. Право же оправдывается оправданіемъ добра, такъ какъ оно есть лишь осуществленіе добра, одна изъ ступеней его реализаціи, какъ нравственность есть живое воплощеніе религіи.

Право не должно отрываться и обособляться отъ нравственности. То противопоставленіе морали праву, которое часто встрѣчается въ послѣднее время и на которомъ мы остановимся подробнѣе ниже, есть лишь внесеніе ненужнаго и вреднаго раздвоенія въ единую сферу, лишь насильственный разрывъ единой и цѣлостной системы, вносящій борьбу туда, гдѣ, по принципу, мѣсто не борьбѣ, а дружному сотрудни-

честву. Право есть лишь наиболѣе закрѣпленное и гарантированное осуществленіе нравственныхъ требованій. Жизнь и силу свою общественная нравственность получаетъ въ полномъ энергіи и властною мощью обладающемъ правѣ. Право есть та часть нравственности, которая получаетъ внѣшнюю и принудительную охрану. Но здѣсь мы подходимъ къ вопросу о природѣ права.

Ближайшей нашей задачей и должно быть обоснованіе такой синтетической теоріи права.

Глава вторая.

Природа права.

Двѣ принципіальныя идеи, къ которымъ мы пришли въ предшествующей главѣ, — синтетическая, неразрывно двусторонняя природа общества и органическое равновѣсіе личнаго и общественнаго элементовъ, какъ основа всякой правильно понятной нормативной дѣятельности, — находятъ ближайшее свое выраженіе въ правѣ.

Часто ошибочно предполагаютъ, что въ юридической литературѣ по вопросу объ опредѣленіи права царитъ полная невыясненность, и что никто въ ней не сходится другъ съ другомъ; такое мнѣніе, повидимому, подтверждается ссылками на всевозможныя опредѣленія, которыя давали и даютъ юристы праву. Однако при безпристрастномъ разсмотрѣніи юридическихъ теорій, изъ сопоставленія другъ другу не вырванныхъ изъ контекста формулъ, а теорій въ ихъ цѣлостности, обнаруживается, что большинство теорій права не такъ уже непримиримы между собою, какъ это кажется съ перваго взгляда. Конечно, было бы напраснымъ трудомъ стараться согласовать всѣ теоріи, но ихъ можно свести къ нѣсколькимъ категоріямъ, взаимное противорѣчіе которыхъ есть показатель не неопредѣленности теоретической юриспруденціи, а коренного расхожденія самихъ міровоззрѣній, изъ которыхъ исходятъ авторы.

Нѣтъ ни одной области человѣческаго знанія, въ которомъ возможно было бы всеобщее согласіе; ибо относительно самихъ основъ жизни и знанія люди расходятся во взглядахъ: цѣнность жизни, существованіе внѣшняго міра, законность опыта, разума, интуиціи въ познаніи могутъ быть признаны или отвергнуты и сообразно этому построены различныя міровоззрѣнія. Право тѣсно связано съ моралью, эта послѣдняя съ религіей, т. е. съ глубочайшими основами человѣческаго знанія, гдѣ неизбѣженъ элементъ вѣры и постулятивности. Понятно, что всегда возможна разница міровоззрѣній, — непримиримыхъ и несводимыхъ другъ къ другу.

Но при опредѣленіи природы права надо не обострять разницы теорій и не увеличивать противорѣчій, противопоставляя то, что сходно по основной мыслѣ, но различно лишь по внѣшней формѣ выраженія, а сближать теоріи, различая только то, что дѣйствительно различно. Въ опредѣленіи природы права авторы сплошь и рядомъ совершаютъ логическую ошибку ignoratio elenchi, опровергая то, чего данный авторъ и не думалъ признавать.

Надо замѣтить, что прогрессъ всей философіи права главнымъ образомъ обусловливается постоянно возникающими попытками заново и по-новому опредѣлить природу права. И борьба мнѣній вокругъ этого центральнаго понятія юриспруденціи говоритъ не столько о неопредѣленности и неустойчивости науки о правѣ, — такъ какъ несмотря на разноголосицу мнѣній о природѣ права, самъ объектъ изученія, правовое явленіе, очень ясно и точно отграничивается, — сколько о развитіи пониманія природы права, о попыткахъ углубить его, понять право въ его самыхъ первыхъ основахъ.

Обыкновенно при юридическихъ конструкціяхъ выдѣляютъ какой-нибудь одинъ элементъ явленія и на немъ строятъ всю сложную теорію. Односторонне подмѣчая въ

юридическомъ явленіи одинъ моментъ, часть принимаютъ за цѣлое. Отъ этого происходитъ обычная въ такихъ случаяхъ неадэкватность юридическихъ опредѣленій, ихъ отвлеченность и односторонность.

Право, какъ его ни понимать, есть, въ самомъ общемъ смыслѣ слова, совокупность правилъ поведенія людей въ обществѣ. Каждый изъ упомянутыхъ общихъ элементовъ его можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ, такъ сказать извнутри себя, въ себѣ самомъ, и вовнѣ, въ отношеніи къ внѣшнему міру. Правила, въ которыхъ выражается право, могутъ быть поняты или какъ субъективныя нормы должнаго, какъ идеальныя требованія разума, или какъ нормы объективно установленныя, позитивно дѣйствующія, независимо отъ ихъ признающаго или ихъ отрицающаго субъективнаго разума. Поведеніе людей, регулируемое въ правѣ, можно разсматривать или съ формально-субъективной точки зрѣнія общихъ границъ дѣйствія, или съ матеріально-объективной точки зрѣнія содержанія этихъ дѣйствій. Люди, поведеніе которыхъ регулируется въ правѣ, могутъ быть поняты или какъ отдѣльные индивиды, простыя слогаемыя въ общей суммѣ, или какъ члены общества, органически связанные съ соціальнымъ цѣлымъ. Общество, наконецъ, въ которомъ регулируется правомъ жизнь людей, можетъ быть понято или какъ внутренне-психическое явленіе, существующее реально только въ человѣческихъ переживаніяхъ, или какъ внѣшне реальное бытіе, имѣющее свое выраженіе и внѣ субъективной психики людей.

Исключительное выдѣленіе каждаго изъ этихъ элементовъ права, для построенія на немъ цѣлой системы права, приводитъ лишь къ одностороннимъ и не выдерживающимъ критики конструкціямъ. При правильномъ пониманіи природы права всѣ упомянутые элементы должны войти въ систему въ опредѣленной пропорціи, чтобы могло полу-

читься жизненное и органическое равновѣсіе[1]). Конечно, надо всегда выдѣлять въ юридическихъ теоріяхъ неизбѣжныя крайности и увлеченія. Не все то, что называлось или называется правомъ, можетъ быть введено въ синтетическое опредѣленіе права. Вообще говоря, каждая изъ указанныхъ выше точекъ зрѣнія правильна въ своихъ положительныхъ утвержденіяхъ и вѣрно обозначаетъ одинъ изъ элементовъ, составляющихъ право; не вѣрно лишь обособленіе и противопоставленіе этой точки зрѣнія другимъ. Разсматривая каждую изъ такихъ односторонніхъ системъ, построенныхъ на отвлеченномъ отъ другихъ элементовъ началѣ, можно убѣдиться, что онѣ, въ общемъ говоря, вѣрны въ своихъ положительныхъ утвержденіяхъ и ложны въ своемъ отрицаніи и односторонности.

---

1) Здѣсь, быть можетъ, умѣстно отмѣтить, что отстаиваемую нами синтетическую точку зрѣнія въ конструкціи юридическихъ теорій не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ плюрализмомъ, который послѣднее время защищали и нѣкоторые изъ русскихъ теоретиковъ-юристовъ и который состоитъ въ томъ, что право, какъ явленіе многостороннее, изучается съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, и какъ соціологическое, и какъ психологическое, и какъ нормативное явленіе и т. д. Этотъ плюрализмъ діаметрально противоположенъ нашему; это — аналитическое разложеніе правового явленія, и безъ синтеза никакого дѣйствительнаго познанія дать не можетъ. Изучать что-нибудь можно, только зная его существенныя черты, тотъ ближайшій родъ, къ которому принадлежатъ его специфическіе отличительные признаки. Брать же какой-нибудь случайно привлекшій наше вниманіе признакъ и изучать его еще не значитъ изучать данный объектъ съ точки зрѣнія этого признака, такъ какъ самого объекта изученія еще нѣтъ, и данный признакъ можетъ, по настоящему, быть познанъ только въ связи съ тѣмъ, признакомъ чего онъ является. При такомъ методѣ мы не только не изучимъ самихъ объектовъ, но даже сущность отдѣльныхъ привлекшихъ наше вниманіе признаковъ намъ останется неизвѣстной. Какъ, напр., изучить право только какъ норму, не зная, что такое право и о какихъ такихъ нормахъ идетъ здѣсь рѣчь? Не только природа права при подобномъ отвлеченіи останется отъ насъ скрытой, но и сама норма, какъ признакъ права, не можетъ быть познана. Что намъ можетъ дать изученіе нормы, какъ таковой, разъ мы не знаемъ, какую норму мы должны изучать?

I. Логическій объемъ права.

I. Законы науки права и юридическія нормы. — II. Ложный дуализмъ естественнаго и положительнаго права. — III. Естественное право, какъ общая идея положительнаго права.

Прежде чѣмъ давать опредѣленіе права, со стороны ли формальнаго признака, присущаго юридическимъ нормамъ, со стороны ли матеріальнаго содержанія права, необходимо методологически очертить саму сферу права и попытаться установить точный логическій объемъ понятія права, что̀ далеко не безполезно въ виду упорно сохраняющагося въ теоретической юриспруденціи дуализма права и постояннаго противопоставленія права естественнаго и положительнаго; нужно точно установить, о какомъ правѣ можетъ итти рѣчь при опредѣленіи его и въ какомъ отношеніи находится это конструируемое въ опредѣленіи право и къ объективной дѣйствительности и къ теоретическому мышленію.

I.

Чтобы стать на вполнѣ правильную точку зрѣнія въ вопросѣ о дѣйствительномъ логическомъ объемѣ опредѣленія права и о такъ называемомъ естественномъ правѣ, нужно твердо держаться той методологической предпосылки, что законы юриспруденціи не одно и то же, что юридическіе законы. Въ наукѣ права постоянно встрѣчается (и не далѣе какъ, вполнѣ опредѣленно, у Коркунова) противопоставленіе

права законамъ въ научномъ смыслѣ слова. Между тѣмъ нѣтъ никакого основанія науку о правѣ противопоставлять наукамъ о природѣ на томъ только основаніи, что законы въ научномъ смыслѣ и юридическія нормы не одно и то-же.

Если составляющія содержаніе наукъ о природѣ явленія природы и отличны по существу, какъ подчиненныя закону кавзальной причинности, отъ содержанія наукъ о духѣ, явленій духовной жизни, дѣйствующихъ по закону причинности цѣлевой, то эта разница лишь въ самихъ явленіяхъ. Теоріи же, науки, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, изучая какъ міръ явленій природы, такъ и міръ явленій духовной жизни, стремятся одинаково найти въ нихъ правильности, установить формулы подмѣченнаго однообразія явленій.

Къ сожалѣнію, постоянно смѣшиваютъ законъ, какъ конкретное юридическое явленіе, и законъ, какъ теоретическое обобщеніе объ юридическихъ явленіяхъ. Коркуновъ, напр., стремился доказать, что право и законы въ научномъ смыслѣ различны: юридическія нормы суть правила должнаго, законы въ научномъ смыслѣ — формулы подмѣченнаго однообразія явленій; нормы нарушаются, законы ненарушимы; нормы — причина явленій, обусловливающая дѣйствіе воли, законы — объясненіе совершающихся явленій; право существуетъ лишь черезъ волю и сознаніе людей, законы же независимы отъ человѣческаго сознанія. Однако само это сопоставленіе права и научныхъ законовъ возможно было лишь потому, что Коркуновымъ не достаточно ясно постигалась разница между правомъ и наукою о правѣ, иначе онъ не сталъ бы сопоставлять то, что по природѣ своей несравнимо. Юридическая норма, какъ правило должнаго, есть юридическое явленіе, законъ же въ научномъ смыслѣ есть теоретическая формула, отвлеченная отъ явленій; само собой понятно, что при сопоставленіи ихъ получится радикальное ихъ расхожденіе, ибо сама логическая природа ихъ различна. Законы въ научномъ смыслѣ методологи-

чески правильно могутъ быть сравниваемы не съ положительными юридическими нормами, а съ научными, теоретическими положеніями, извлеченными изъ изученія этихъ юридическихъ нормъ. Въ этомъ же послѣднемъ случаѣ такой коренной разницы между правомъ и другими науками вовсе и не окажется.

Нужно различать право, какъ научную систему, и право, какъ систему юридическихъ нормъ. Обычное смѣшеніе этихъ двухъ смысловъ слова право объясняется ихъ нѣкоторой видимой родственностью: повидимому, нормы, подобно научнымъ теоретическимъ положеніямъ, реально не существуютъ, а существуютъ реально лишь конкретныя житейскія отношенія и дѣйствія, нормы же являются только отвлеченіями отъ этихъ отношеній и дѣйствій, ихъ законами. Но здѣсь именно и сказывается разница наукъ о природѣ и наукъ о духѣ. Законы, по которымъ совершаются явленія природы, посколько они познаются и формулируются человѣческимъ мышленіемъ, суть теоретическія, научныя отъ этихъ явленій отвлеченія, и потому они неизмѣнны, безусловны, ненарушимы, абсолютны; юридическіе же и соціальные вообще законы, по которымъ дѣйствуютъ люди, суть тѣ правила, которымъ люди сознательно себя подчиняютъ, и потому эти законы не теоретическія, научныя отвлеченія, а соціальныя явленія и, какъ таковыя, измѣнчивы, условны, нарушимы, относительны. Научные законы о правѣ должны отвлекаться уже отъ этихъ положительныхъ юридическихъ законовъ. Юридическіе законы, въ смыслѣ юридическихъ нормъ, есть матерія теоретической юриспруденціи. Научные законы о правѣ суть, такимъ образомъ, какъ бы законы второго порядка, законы законовъ [1]).

---

1) Характерна съ точки зрѣнія такого обычнаго смѣшенія права, какъ юридическихъ нормъ, и права, какъ теоріи объ юридическихъ нормахъ, статья Ильина Понятія права и силы (Вопросы философіи и психологіи, 1910). Опредѣливъ право, съ „формально

II.

Только ясное и отчетливое пониманіе аналогичности законовъ теоретической юриспруденціи съ законами въ научномъ смыслѣ можетъ дать намъ возможность разобраться въ сложномъ и въ послѣднее время, къ сожалѣнію, чрезвычайно запутанномъ вопросѣ о такъ называемомъ естественномъ правѣ.

Существуетъ взглядъ, что утверждать идею естественнаго права значитъ вносить непримиримый дуализмъ въ понятіе права, вводить безнадежное раздѣленіе въ единую и цѣлостную систему права. Въ такой общей формѣ взглядъ этотъ, по нашему мнѣнію, которое мы постараемся обосновать ниже, не справедливъ, и въ вопросѣ о дуализмѣ права,

---

методологической“ стороны, какъ совокупность нормъ устанавливающихъ извѣстный порядокъ, какъ должный, авторъ полагаетъ, что онъ далъ такое опредѣленіе права, которое не считается съ реальными, т. е. психологическими, соціологическими и т. д., признаками права, будучи совсѣмъ чуждымъ понятію реальной силы, такъ какъ нормы могутъ конструировать міръ, ни въ какомъ отношеніи къ дѣйствительности не находящійся. Не говоря о томъ, что здѣсь собственно никакого, даже „формально-методологическаго“ опредѣленія права не дано (такъ такъ подъ это опредѣленіе подойдетъ все, въ чемъ заключается нормативный элементъ, т. е. вся человѣческая дѣятельность, какъ совершающаяся для опредѣленныхъ цѣлей. и по опредѣленнымъ правиламъ, будетъ ли это религія, нравственность, эстетика, право, политика, вся сфера техники и т. д.), здѣсь особенно ярко выражено указанное нами смѣшеніе. Если авторъ опредѣляетъ право въ смыслѣ совокупности юридическихъ нормъ, то эта совокупность есть вполнѣ реальное, — соціально и индивидуально-психическое, — явленіе, такъ какъ этими правилами дѣйствительно руководятся реальные люди въ своихъ реальныхъ дѣйствіяхъ, или выполняя ихъ или принуждая другихъ къ ихъ выполненію, и ни въ какомъ случаѣ нельзя говорить, что право въ этомъ смыслѣ „движется въ ряду чуждомъ бытію и реальности“. Если же авторъ опредѣляетъ право въ смыслѣ теоріи, науки, въ смыслѣ логическаго отвлеченія отъ дѣйствительности, а не самой дѣйствительности, то въ такомъ смыслѣ не только наука о правѣ, но и всякая другая сфера нашего знанія имѣетъ чисто логическое бытіе, и даже само понятіе силы, съ этой точки зрѣнія, окажется не терпящимъ сближенія съ силой, такъ какъ сужденія о силѣ „могутъ отвлекаться отъ всякой временности и дѣйствительности, т. е. двигаться въ ряду чуждомъ бытію и реальности“.

порождаемомъ будто бы идеей естественнаго права, накопилось не мало недоразумѣній, которыя могутъ быть устранены. Но нельзя не признать, что среди теченій естественнаго права дѣйствительно существуютъ теоріи, которыя противопоставляютъ право естественное праву положительному и такимъ образомъ раздвояютъ единое понятіе права.

Несомнѣнный дуализмъ вводятъ въ право тѣ юридическія теоріи, которыя дѣлятъ право на двѣ основныя сферы: на положительное право въ смыслѣ нормъ поведенія, устанавливаемыхъ и охраняемыхъ внѣшнимъ (государственнымъ) авторитетомъ, и на естественное право въ смыслѣ нормъ поведенія, требуемыхъ разумомъ и нравственнымъ сознаніемъ людей, причемъ подъ этимъ послѣднимъ понимается то субъективное нравственное сознаніе людей, то норма объективной нравственности, то вообще разумная идея права. Разъ идея естественнаго права находится не какъ общій смыслъ дѣйствительнаго права и дѣйствующихъ нормъ, а утверждается на апріорномъ нравственномъ или логическомъ принципѣ, то, разумѣется, она будетъ служить основаніемъ такой системы права, которая рѣзко разойдется съ правомъ дѣйствительнымъ.

Эти теоріи исходятъ изъ признанія нравственнаго критерія, какъ опредѣляющаго и обосновывающаго собою и положительное право и государственную власть. Положительное право, устанавливаемое государственнымъ авторитетомъ, подлежитъ постоянной критикѣ и отмѣнѣ; оно обязательно только внѣшне-формальнымъ образомъ, пока оно предписывается внѣшнимъ авторитетомъ, само по себѣ не имѣя никакой внутренней цѣнности: нѣтъ внѣшняго предписанія власти, нѣтъ и юридической нормы. Нравственный же принципъ не зависитъ ни отъ какого случайнаго, внѣшняго и формальнаго признака, онъ вытекаетъ изъ разума и нравственнаго сознанія людей; онъ не подлежитъ отмѣнѣ, а лишь углубленію; онъ опредѣляетъ собою и право поло-

жительное и власть, и въ случаѣ конфликтовъ между нравственнымъ сознаніемъ и формально-юридическими нормами послѣднее слово должно остаться за нравственнымъ сознаніемъ. Это нравственное сознаніе и есть естественное право.

Мы не будемъ, конечно, прослѣживать здѣсь исторію этого воззрѣнія на естественное право; иначе мы могли бы искать корни его уже у Гуго Гроція, смотрѣвшаго на естественное право, какъ на humano intellectui conveniens, и опредѣлявшаго естественное право, какъ „нормы, которыя намъ внушаетъ правый разумъ, указывающій намъ, — сообразно тому, соотвѣтствуетъ дѣйствіе или не соотвѣтствуетъ разумной природѣ, — является ли это дѣйствіе моральнымъ извращеніемъ или моральной необходимостью и, слѣдовательно, запрещается оно или предписывается Богомъ, творцомъ природы“[1]).

Мы должны были бы, въ случаѣ историческаго разсмотрѣнія, остановится также и на школѣ Краузе-Аренса, такъ какъ, по взглядамъ этой школы, естественное право (или, другими словами, философія права) проистекаетъ изъ общечеловѣческой вѣры, что существуютъ принципы справедливости, независящія отъ положительныхъ законовъ и учрежденій и обосновывающія какъ критику этихъ законовъ и учрежденій, такъ и тѣ преобразованія, которыя могутъ быть въ нихъ произведены. Именно это вѣра въ абсолютную справедливость, тѣсно связанная съ общими воззрѣніями людей на нравственный порядокъ міра и на верховную причину всего, была постоянно могущественнымъ рычагомъ вся-

1) Не слѣдуетъ однако преувеличивать юридическій дуализмъ Гроція, такъ какъ его воззрѣніе на естественное право еще не достаточно дифференцировалось отъ прежняго воззрѣнія: это право дѣйствуетъ у Гроція въ силу естественной необходимости, оно же есть всеобще соблюдаемое положительное право и противопоставляется имъ не положительному праву, а добровольному; въ качествѣ такого оно не противостоитъ положительному праву, а составляетъ его необходимую основу.

каго общественнаго прогресса, тѣмъ свѣточемъ, который въ прошломъ освѣщалъ пути человѣчества и который даетъ провидѣть въ будущемъ общественной строй, болѣе соотвѣтствующій принципамъ истины, добра и справедливости. Естественное право, по словамъ Аренса, излагаетъ основные принципы права, какъ они вытекаютъ изъ разумной природы человѣка, и опредѣляетъ, какимъ образомъ отношенія между людьми должны быть установлены, чтобы быть сообразными идеѣ справедливости. Естественное право, по мнѣнію Аренса, создаетъ не химерическое состояніе, а состояніе идеальное, къ которому общественная жизнь должна все болѣе и болѣе приближаться (Cours de droit naturel, стр. 1—6).

Современный дуализмъ въ воззрѣніи на право исходитъ главнымъ образомъ изъ кантовской теоріи права. Для Канта, положительное право вытекаетъ изъ воли законодателя, а естественное право покоится на принципахъ a priori. Излагая законы, дѣйствующіе въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, нельзя найти въ нихъ самихъ критерія для различенія праваго отъ неправаго; для этого нужно обратиться къ разуму, оставивши эмпирическія начала. Апріорные принципы, лежащіе въ основѣ естественнаго права, есть свобода и нравственное сознаніе человѣка. Естественное право дѣлается у Канта нравственной критикой.

Кантовское пониманіе естественнаго права легло въ основаніе и теоріи Штаммлера. Естественное право есть для него идеально-конструируемое право, служащее масштабомъ и цѣлью для положительнаго права. Оно „не должно имѣть положительнаго значенія въ то же самое время и въ томъ же самомъ мѣстѣ, наравнѣ съ тѣмъ правомъ, какое подлежитъ критикѣ и оцѣнкѣ, съ точки зрѣнія данной идеальной системы“. „Все, такъ называемое, естественное право было лишь простымъ проявленіемъ стремленія создать, на основаніи общезначимаго объективнаго познанія, правовыя

нормы, какъ онѣ по справедливости должны быть и какъ въ критическомъ освѣщеніи онѣ должны служить руководящимъ прообразомъ для законодателя, творящаго положительное право". Естественное право имѣетъ въ виду установить, при какихъ общезначимыхъ условіяхъ можно ближайшимъ образомъ придать исторически обусловленному соціальному регулированію качество объективной истинности. „Въ данномъ случаѣ, задача сводится не къ тому, чтобы выработать на „вѣки-вѣчные" проектъ подробнаго законодательства съ точными параграфами. Надъ отдѣльнымъ правомъ высится не идеальная правовая система съ конкретнымъ, но неизмѣннымъ содержаніемъ, — такая роль принадлежитъ общему углу зрѣнія, полагаемому въ основу изслѣдованія и оцѣнки" (Хозяйство и право, §§ 31—33).

Это воззрѣніе на естественное право имѣло послѣднее время особенный успѣхъ среди русскихъ философовъ права.

Очень энергичнымъ и послѣдовательнымъ защитникомъ идеи естественнаго права, какъ нравственной критики права естественнаго, проявилъ себя особенно П. Новгородцевъ въ своихъ многочисленныхъ работахъ, направленныхъ на обоснованіе „нравственнаго идеализма въ правѣ"[1]).

Уже въ первой своей научной работѣ, Историческая школа юристовъ, Новгородцевъ, на ряду съ критикой воззрѣній старой естественно-правовой школы и въ связи съ критикой позитивизма исторической школы, защищалъ необходимость возрожденія идеи естественнаго права и указывалъ тѣ принципы, на которыхъ должно быть произведено это возрожденіе. Объ естественномъ правѣ, какъ

---

1) П. Новгородцевъ, Историческая школа юристовъ, М. 1896, стр. 1—22; Кантъ и Гегель, М. 1901; О задачахъ современной философіи права (Право, 1902, № 40); Нравственный идеализмъ въ философіи права (Проблемы идеализма, 1902, стр. 236—296); Государство и право (Вопросы философіи и психологіи, кн. 74 и 75); Кризисъ современнаго правосознанія, М. 1908.

о „нравственномъ идеализмѣ“, говоритъ Новгородцевъ и въ своей статьѣ въ сборникѣ Проблемы идеализма. За дуализмъ въ правѣ высказывается Новгородцевъ и въ своей статьѣ Государство и право. „Естественно-правовая конструкція государства неизбѣжно приводитъ къ признанію дуализма государства и права. Тотъ монизмъ, та гармонія государства и права, на которыхъ настаиваетъ формальная теорія, есть не болѣе какъ абстракція, которая содержитъ въ себѣ тавтологическое утвержденіе, что создаваемое государствомъ право находится въ единствѣ со своимъ источникомъ, государствомъ. Конкретный историческій процессъ и живое нравственное сознаніе не знаютъ этой гармоніи: напротивъ, имъ присущъ постоянный дуализмъ, вѣчный процессъ столкновеній между тѣмъ правомъ, которое должно быть, и закономъ государственнымъ“ (стр. 511).

Во всѣхъ своихъ работахъ по обоснованію теоріи естественнаго права Новгородцевъ остался вѣренъ той идеѣ, что „норма нравственная есть норма права естественнаго“ (Государство и право, стр. 439). „Главный правотворящій факторъ сознанія есть представленіе о нормальномъ, идея должнаго... Эта идея должнаго коренится въ нравственномъ сознаніи, но нерѣдко это нравственное или естественное право сопровождается убѣжденіемъ въ его дѣйствительномъ, а не только идеальномъ значеніи“ (стр. 449). Въ современномъ правосознаніи Новгородцевъ видитъ кризисъ, который знаменуетъ для него стремленіе къ расширенію правовой сферы, къ противопоставленію положительному праву нравственной критики, т. е. естественнаго права (Кризисъ современнаго правосознанія, стр. 16). Задача естественно-правовой конструкціи государства, по словамъ Новгородцева, „не въ томъ, чтобы объяснить фактическій строй государственныхъ отношеній, а въ томъ, чтобы указать, насколько въ данномъ строѣ отра-

жаются нравственныя начала, которыя должны лежать въ основѣ правопорядка. Вмѣсто того, чтобы право ставить въ зависимость отъ государства, оно государство ставитъ въ зависимость отъ идеальнаго представленія о правѣ" (Государство и право, стр. 511.) Казалось бы, разъ естественное право есть лишь идеальное представленіе о правѣ, то оно не имѣетъ внѣшней обязательной юридической силы, но Новгородцевъ склоненъ признавать за нимъ прямую обязательную силу. Онъ признаетъ идею естественнаго права, какъ стоящую надъ государствомъ и полагающую границы проявленіямъ государственной воли (тамъ же, стр. 440, 447). Основная естественно-правовая идея „заключается въ утвержденіи, что надъ государствомъ стоятъ нѣкоторыя высшія нормы, которымъ оно должно подчиняться, изъ которыхъ оно черпаетъ и свое оправданіе и свои руководящія начала. По отношенію къ этимъ нормамъ государство является лишь органомъ, а не творцомъ" (тамъ же, стр. 510). Связанность государства своимъ правомъ „вытекаетъ не изъ самоограниченія государственной воли, которая сама по себѣ совершенно свободна, а изъ права естественнаго, которое стоитъ надъ государствомъ и направляетъ его дѣятельность. Высказать это утвержденіе, значитъ признать обязательность для государства нравственныхъ нормъ, которымъ оно подчиняется наряду съ своими подвластными" (тамъ же, стр. 512). Новгородцевъ до того отрицаетъ значеніе за дѣйствительно существующими и положительными юридическими нормами, что даже полагаетъ, что никакое разсмотрѣніе существующей правовой системы, никакое сравненіе или сопоставленіе различныхъ положительныхъ правъ, никакое обращеніе къ исторіи не могутъ дать научнаго опредѣленія права, а самое многое могутъ лишь дать практическое описаніе положительныхъ юридическихъ формъ (тамъ же, стр. 418—9).

Существенно тѣ же взгляды на естественное право находимъ мы и у кн. Е. Трубецкого въ его Лекціяхъ по энциклопедіи права. И для Трубецкого естественное право есть нравственная критика въ правѣ, и для него оно не только идеальное и мыслимое, а сущее и непосредственно обязательное. Трубецкой считаетъ неудовлетворительнымъ всѣ тѣ опредѣленія, которыя отожествляютъ право вообще съ правомъ только позитивнымъ; право положительное, т. е., по опредѣленію Трубецкаго, право, обязательность котораго покоится на внѣшнемъ авторитетѣ, въ конечномъ счетѣ обусловливается неписанными нормами, обитающими въ глубинѣ нашего сознанія, т. е. естественнымъ правомъ. „Предписанія естественнаго права по содержанію своему суть вмѣстѣ съ тѣмъ и предписанія нравственныя. Естественное право — то же, что правда: оно обнимаетъ въ себѣ всю совокупность тѣхъ нравственныхъ требованій, въ силу которыхъ мы подчиняемся или не подчиняемся тому или другому внѣшнему правовому авторитету“ (стр. 59). „Естественное право есть синонимъ нравственно должнаго въ правѣ... Оно есть нравственная основа всякаго конкретнаго правопорядка“ (стр. 60). Такъ какъ нравственныя воззрѣнія мѣняются, то и естественное право мѣняется[1]).

---

1) Очень своеобразный дуализмъ (и именно въ духѣ разбираемаго нами дуализма) вноситъ въ право Л. Петражицкій своимъ дѣленіемъ права на позитивное и интуитивное. Признакъ различія ихъ онъ видитъ въ формальномъ моментѣ: позитивное право основывается на нормативныхъ фактахъ (вообще на гетерономныхъ началахъ), интуитивное не имѣетъ въ своемъ основаніи такихъ нормативныхъ фактовъ. Это интуитивное право въ концѣ концовъ отожествляется Петражицкимъ со справедливостью. При конфликтахъ интуитивнаго и позитивнаго права первенство не принадлежитъ вообще ни тому ни другому, а все зависитъ отъ даннаго случая. Вслѣдствіе своеобразія правовыхъ воззрѣній Петражицкаго оцѣнить этотъ дуализмъ можно только по разсмотрѣніи теоріи права Петражицкаго по существу, что̀ мы и сдѣлаемъ ниже. Укажемъ также на недавно появившуюся книгу страсбургскаго профес-

Внесеніе дуализма въ понятіе права наталкивается однако на очень существенныя возраженія, которыя и заставляютъ признать такое построеніе теоріи права неправильнымъ [1]).

Опредѣляя „естественное“ право какъ „нравственное“ право, сторонники нравственнаго идеализма въ правѣ безнадежно смѣшиваютъ области права и нравственности, отчего не выигрываютъ въ ясности ни понятіе права, ни

сора Юнга, Erich Jung, Das Problem des natürlichen Rechts, Leipzig, 1912, посвященную вопросу естественнаго права. Юнгъ полагаетъ, что позитивное право дедуктивно выводится изъ опредѣленныхъ общихъ нормъ, но на ряду съ нимъ существуетъ и естественное право, которое индуктивно, такъ сказать (стр. 43 и д.), создается изъ единичныхъ конкретныхъ конфликтовъ вслѣдствіе этической реакціи. Властная воля, стоящая за нормами позитивнаго права, есть уже позднѣйшее явленіе (стр. 126—7). Теорія естественнаго права Юнга, сближаясь отчасти съ интуитивнымъ правомъ Петражицкаго (сочиненіе котораго о мотивахъ дѣйствія онъ, между прочимъ, сочувственно цитируетъ), есть теорія естественнаго права, какъ права нравственнаго.

1) Теоріи естественнаго права, какъ нравственнаго идеализма въ правѣ, нашли себѣ рядъ рѣшительныхъ критиковъ и среди русскихъ юристовъ. Изъ соображеній чисто-юридическаго монизма, съ точки зрѣнія юридическаго позитивизма, противъ нравственныхъ теорій естественнаго права высказались: Коркуновъ, Лекціи по общей теоріи права, 5 изд. стр. 84—99; Хвостовъ, Общая теорія права, 4 изд. стр. 58—60; Шершеневичъ, Общая теорія права, М. 1910, стр. 26—39 (Шершеневичъ, впрочемъ, соединяетъ юридическій позитивизмъ съ философскимъ позитивизмомъ, что нисколько не взаимообусловлено); Паліенко, Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства, Харьковъ, 1908. Изъ соображеній философскаго позитивизма и съ точки зрѣнія противопоставленія соціологіи идеализму, высказались противъ теоріи естественнаго права: Карѣевъ, Нужно ли возрожденіе естественнаго права (Рус. Богатство, 1902, № 4); Ковалевскій, Соціологія и сравнительная исторія права (Вѣстникъ воспитанія, 1902, № 2). Петражицкій также выступилъ противъ теоріи естественнаго права, какъ нравственной критики нормъ положительнаго права, изъ соображеній, направленныхъ вообще противъ идеализма, сначала по поводу книги Новгородцева Кантъ и Гегель въ статьѣ Къ вопросу о возрожденіи естественнаго права (Право, 1902, № 41—43), а потомъ и въ своей Теоріи права и государства въ связи съ теоріей нравственности, 2 изд. стр.475—477. Впрочемъ онъ лично еще болѣе обострилъ дуализмъ въ правѣ внесеніемъ въ область права такъ называемаго имъ интуитивнаго права.

понятіе нравственности. Если различается право и нравственность, значитъ есть признаки, присущіе одному и чуждые другому, если же естественное право отожествляется съ нравственной критикой, то теряется возможность различить право и нравственность. Такъ какъ отличительный видовой признакъ права по сравненію съ родовымъ понятіемъ нравственности заключается, какъ мы это постараемся доказать ниже, въ принудительности права, то смѣшеніе нравственности и права должно привести или къ тому, что признакъ принудительности распространится и на нравственность, или принудительности лишено будетъ и право. У сторонниковъ отнесенія въ область права особаго нравственнаго права мы и видимъ, дѣйствительно, такого рода послѣдствія. Они безсильны предъ задачей различить право и нравственность, и попытки ихъ въ этомъ направленіи, очень слабыя, заранѣе осуждены на неудачу [1]).

И вотъ еще что важно было бы знать и на что мы напрасно стали бы искать опредѣленнаго отвѣта у сторонниковъ указаннаго дуализма въ правѣ: какая нравственность имѣется въ виду, когда говорится о нравственномъ правѣ, положительная, извлекаемая изъ исторіи, или неположительная, мыслимая внѣ исторіи? Если имѣется въ виду

1) Новгородцевъ, приведя слова Бергбома: „человѣчество должно сохранять вѣру, что есть нѣчто высшее, чѣмъ формально-обязательное право; не слѣдуетъ только думать, чтобы это высшее также было правомъ“, пишетъ совершенно справедливо: „Пусть такъ! Дѣло не въ названіи, а въ признаніи этого высшаго, стоящаго надъ положительнымъ правомъ, въ качествѣ руководящаго масштаба“ (Государство и право, стр. 512). Спрашивается только, если дѣло не въ названіи, по убѣжденію самого Новгородцева, то почему же онъ, разъ его названіе вызываетъ возраженія и споръ, такъ настаиваетъ на немъ? Именно, чтобы не возбуждать ненужныхъ и безполезныхъ препирательствъ изъ-за словъ, и слѣдуетъ избѣгать неточныхъ наименованій. Конечно, дѣло не въ названіи, но за чѣмъ нравственное разсмотрѣніе права называть естественнымъ правомъ, когда оно и не естественное (а нравственное, что, разумѣется, не одно и то же) и не право (такъ какъ въ немъ нѣтъ необходимаго для права признака принудительности)?

положительная нравственность, т. е. тѣ нравственныя нормы поведенія, которыхъ дѣйствительно придерживаются реальные люди въ опредѣленномъ обществѣ, то она тоже есть фактъ и входитъ въ область исторіи, почему же, — возникаетъ вопросъ, — можетъ быть найдено научное опредѣленіе для права изъ исторіи положительной нравственности, а не можетъ быть найдено оно изъ исторіи положительнаго права? И почему, если для философа, по словамъ Новгородцева, странно звучатъ слова „философія положительнаго права“, не будутъ странны слова „философія естественнаго права“, т. е. другими словами, философія положительной нравственности? Если же имѣется въ виду не положительная нравственность, то рѣчь можетъ итти лишь о разумной или, по аналогіи съ правомъ, естественной нравственности. Но что такое эта естественная нравственность? Если на вопросъ о томъ, что̀ такое естественное право, дается отвѣтъ, что это нравственное право, то какой отвѣтъ можетъ быть данъ на вопросъ, что̀ же такое эта естественная нравственность? Продолжая послѣдовательно аргументацію сторонниковъ дуализма права, мы должны притти къ признанію и дуализма нравственности, и всѣ спорные вопросы такого дуализма снова возникнутъ и по отношенію къ нравственности, безъ всякой надежды на свое разрѣшеніе.

При внесеніи дуализма въ единое понятіе права наталкиваются на неразрѣшимый вопросъ о значимости того и другого права. Если происходитъ конфликтъ нормы положительнаго права съ нормою „нравственнаго“ права, то возникаетъ вопросъ, какая норма значитъ, какая норма обязательна къ выполненію, нравственная или юридическая. Вопросъ этотъ совсѣмъ выходитъ изъ области права и втискивать его въ область права значитъ дѣлать непростительное смѣшеніе понятій, которое служитъ не къ углубленію, а скорѣе къ разрушенію самого понятія права. При столкновеніи отдѣльныхъ нормъ положительной нравственности

и положительнаго права (по существу здѣсь конфликта быть не можетъ, потому что, какъ мы постараемся показать, право есть минимумъ нравственности), съ точки зрѣнія даннаго дѣйствующаго права, никакой другой обязательности, кромѣ юридической, нельзя признать, такъ какъ для права всякій вопросъ общественной жизни, относительно котораго произошелъ споръ, могущій нарушить общественный миръ, долженъ быть разрѣшенъ правомъ. Право перестало бы быть таковымъ, если бы противъ него можно было дѣлать отводъ ссылками изъ чуждой ему области. Подобный конфликтъ, всегда тягостный и возможный не только между отдѣльными нормами нравственности и права, но и между отдѣльными нормами единаго права, юридически можетъ быть разрѣшенъ въ цѣляхъ примиренія тѣмъ, что сама юридическая норма, вызывающая конфликтъ, будетъ измѣнена сообразно направленной противъ него критики, но пока она остается неизмѣненной, юридически обязательна только она. Разумѣется, такъ какъ общественная жизнь не исчерпывается однимъ правомъ, возможно, что фактически въ обществѣ получитъ обязательную силу именно нравственная норма; но надо ясно сознавать, что въ данномъ случаѣ происходитъ нарушеніе права, а не облекать этого правонарушенія въ мнимо-юридическія (естественно-правовыя) формы, какъ будто оно и есть самое настоящее торжество права.

Вѣдь точно также можетъ произойти конфликтъ между нормою положительной нравственности и индивидуальнымъ нравственнымъ сознаніемъ или нормою религіозною, и снова возникаетъ вопросъ, какая норма обязательна. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, очевидно, можетъ быть данъ аналогичный предшествующему: съ точки зрѣнія положительной нравственности обязательны только ея нормы, но эти нормы для отдѣльнаго индивидуальнаго нравственнаго сознанія или религіознаго вѣрованія своей обязательной силы имѣть не

будутъ; но эту индивидуальную субъективную или религіозную обязательность нельзя вводить въ сферу нравственности и облекать въ формы особой „естественной“ нравственности, противостоящей положительной.

Конечно, въ реальной жизни (какъ и въ философскомъ мышленіи) въ случаѣ расхожденія различныхъ нравственныхъ и религіозныхъ нормъ восторжествуетъ норма положительнаго религіознаго сознанія, такъ какъ сама положительная нравственность покоится и обосновывается религіозными принципами (разумѣя подъ религіознымъ принципомъ отношеніе къ явленіямъ временной жизни съ точки зрѣнія вѣчности и абсолютнаго начала), а въ случаѣ расхожденія нормъ положительной нравственности и положительнаго права восторжествуетъ начало нравственное, такъ какъ само право, какъ таковое, обосновывается и оправдывается болѣе широкимъ принципомъ нравственнаго поведенія. Но признавая эту фактическую и логическую іерархію значимости различныхъ нормъ, нужно въ то же время тщательно избѣгать двухъ вещей: во-первыхъ, не слѣдуетъ смѣшивать различныхъ сферъ, чтобы не внести въ разсмотрѣніе общественной жизни полной неопредѣленности и недифференцированности, гдѣ объективныя нормы будутъ опровергаться субъективными, а субъективныя — объективными, гдѣ въ юридическое разсмотрѣніе будутъ вводиться нравственныя точки зрѣнія, а въ нравственное — юридическія соображенія; во-вторыхъ, нельзя этого примата нравственныхъ нормъ надъ юридическими выставлять какъ принципъ объективной обязательности. Субъективныя нравственныя воззрѣнія слишкомъ различны, точно такъ же какъ и субъективныя толкованія юридическихъ нормъ; но для юридическихъ нормъ объективная обязательность достигается тѣмъ, что создаются особые общественные органы, объективно закрѣпляющіе эти нормы и устанавливающіе опредѣленно и непререкаемо, подъ какую норму должно быть подведено данное спорное житей-

ское отношеніе. Для сферы нравственныхъ нормъ такихъ органовъ, фиксирующихъ нравственныя нормы и подводящихъ подъ нихъ отдѣльныя отношенія, не существуетъ; поэтому, конечно, ни о-какой объективной обязательности нравственныхъ нормъ для права не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ не извѣстно, кто же опредѣлитъ точное содержаніе нравственной (или, какъ выражаются сторонники дуализма въ правѣ, естественно-правовой) нормы и кто примѣнитъ ее къ данному случаю. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было органовъ естественнаго права, все здѣсь, очевидно, предоставлено произвольному субъективному толкованію и усмотрѣнію. Субъективный же произволъ не можетъ быть введенъ въ область права, даже и подъ покровомъ естественнаго права.

Если признана правовая обязательность и приматъ естественно-правовыхъ (нравственныхъ) нормъ, то, — спрашивается, — какимъ образомъ тогда вообще можно говорить о существованіи на ряду съ естественнымъ правомъ еще какого-то положительнаго права? — вѣдь это послѣднее должно вполнѣ слиться съ естественнымъ, ибо только естественное право опредѣляетъ юридическую обязанность. Гораздо послѣдовательнѣе, съ логической точки зрѣнія, чѣмъ дуалисты права, путающіеся въ собственныхъ противорѣчіяхъ, поступаютъ тѣ представители теоріи естественнаго, нравственно-разумнаго права, которые само право отожествляютъ именно съ естественнымъ разумнымъ правомъ, а подъ естественнымъ правомъ понимаютъ нормы, извлекаемыя разумомъ апріорно изъ разсмотрѣнія идеи права, какъ таковаго.

Яркій образецъ такого монистическаго апріорнаго построенія разумно-обоснованнаго права мы находимъ у Руссо. Разумно, оправдано, правомѣрно только то право, которое покоится на общественномъ договорѣ, и только то государство, въ которомъ господствуетъ общая воля, согласная въ

своихъ частяхъ, направленная на общій интересъ и охраняющая свободу каждаго. Здѣсь не извлекается изъ нравственнаго сознанія людей особаго естественнаго права, но конструируется чисто апріорно система права, отвѣчающая разумной идеѣ права. Мнѣніе, иногда высказываемое въ литературѣ, будто Руссо уничтожилъ идею естественнаго права, не совсѣмъ правильно, не идею естественнаго права онъ уничтожилъ, а дуализмъ въ правѣ, признавши за право только право разумное (естественное).

Лишь разновидностью того же воззрѣнія на естественное право являются тѣ теоріи права, которыя хотя и отрицаютъ нравственный идеализмъ вообще, тѣмъ не менѣе такъ конструируютъ нормы объективнаго права, что эти нормы въ сущности должны быть поняты, какъ нормы объективной нравственности, хотя и выводимыя не изъ нравственнаго сознанія, а изъ соціологическаго разсмотрѣнія.

Наиболѣе послѣдовательно эта теорія естественнаго права, какъ нормъ вытекающихъ изъ основного принципа соціальной морали, развита Дюги. Правда, у него это право не носитъ названія естественнаго, но только потому, что все объективное право есть для него не что иное, какъ это разумное право, ему же противостоитъ не положительное право, а положительный законъ, который можетъ отвѣчать или не отвѣчать праву. Монизмъ въ правѣ достигается тѣмъ, что признается только естественное право.

По воззрѣнію Дюги, правило общественной солидарности, вытекающее изъ соціологическаго закона общественной взаимозависимости или солидарности, есть основа объективной общественной этики; оно же является руководящей идеей объективнаго права, тѣмъ критеріемъ, какимъ должны оцѣниваться положительные законы. Разумна и оправдана только та система положительныхъ законовъ, которая построена на уваженіи къ правилу общественной солидарности и направлена на поддержаніе и развитіе этой солидарности.

Система (абстрактныхъ) нормъ, вытекающихъ изъ принципа общественной солидарности, именуемая Дюги объективнымъ правомъ, конечно, есть не что иное, какъ естественное право въ духѣ Руссо, но только базирующееся на принципѣ, взятомъ изъ области соціологіи. Признается существованіе только объективнаго права, нормы права, возвышающейся и надъ индивидомъ и надъ обществомъ, изначальной, изъ которой должно выводить всю систему права и съ которой сообразоваться должна всякая власть, въ томъ числѣ и государственная, и всякій положительный законъ. Положительный законъ, loi positive, по его мнѣнію, еще не есть право, еще не droit; правомъ онъ является только тогда, когда отвѣчаетъ (естественно-правовой) нормѣ общественной солидарности. Государственная власть и поддерживаемая ею система положительныхъ законовъ могутъ быть обоснованы и оправданы только при согласіи ихъ съ „объективнымъ“ правомъ, которое выводится разумомъ изъ принципа общественной солидарности. Это объективное право — право чисто разумное, такъ какъ оно не есть созданіе какой бы то ни было человѣческой воли; ни воля Божественная или монарха, ни воля всего народа, которыми обосновываютъ системы права теоріи теократическія и демократическія, не могутъ оправдать своей обязательности. Обязательность всякой положительной юридической нормы лишь въ ея соотвѣтствіи разумному принципу общественной солидарности. Все право покоится на règle de droit, a règle de droit есть норма чисто раціоналистическая. Трудно представить себѣ болѣе крайнюю апоѳеозу идеи естественнаго права.

Эти монистическія теоріи естественнаго права въ сущности отожествляютъ все право съ такъ или иначе, идеалистически или позитивистически, понятой нравственностью и подлежатъ тѣмъ же всѣмъ возраженіямъ, какія возникаютъ противъ теорій послѣдовательно дуалистическихъ.

III.

Отрицательное отношеніе какъ къ дуализму права естественнаго и положительнаго, такъ и къ поглощенію всего права естественнымъ правомъ не есть еще отрицаніе вообще идеи естественнаго права; но должно быть найдено дѣйствительное соотношеніе между естественнымъ и положительнымъ элементами въ правѣ.

Идея естественнаго права можетъ быть признана только, какъ та общая формула, общій смыслъ и идея дѣйствительнаго права, конкретнымъ осуществленіемъ которой является всякое опредѣленное положительное право. Естественное право есть логическая, раціональная сущность права исторически реализуемаго въ зависимости отъ всей совокупности историческихъ условій и прежде всего отъ нравственнаго сознанія общества. Въ этомъ смыслѣ естественное право тоже есть положительное (а не измышленное) право. Право едино по существу своему, и то, что въ немъ является естественной стороной, не можетъ быть противопоставляемо дѣйствующему праву, такъ какъ послѣднее есть лишь конкретная реализація основной идеи. Естественное право есть лишь общая формула права, подъ которую подставляется реальное содержаніе каждаго конкретнаго права.

Право естественное и право положительное суть лишь двѣ различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же объектъ, — на дѣйствительное право. Отношеніе между естественнымъ и такъ называемымъ положительнымъ правамъ (или, лучше сказать, всякимъ конкретнымъ дѣйствующимъ) то же, что, скажемъ, между принципами механики, законами сопротивленія матеріаловъ и т. п. и даннымъ мостомъ, зданіемъ, тунелью и т. д., или между законами стихосложенія и данной поэмой, или между принципами прекраснаго, правилами музыкальной гармоніи и данной симфоніей. Никакого противоположенія естественнаго и положительнаго права

и не можетъ, по существу дѣла, быть. Если одно право называется положительнымъ, то этимъ уже опредѣляется, что никакого другого права, кромѣ даннаго, и не существуетъ. Не-положительное право значитъ не-реальное, значитъ не-существующее, а потому положительному его нельзя и противопоставлять, какъ нельзя, скажемъ, дѣйствительной Россіи противоставлять Россію не дѣйствительную. Нѣтъ двухъ правъ, положительнаго и естественнаго, а есть одно право, какъ есть одна нравственность, одна эстетика, въ которыхъ естественная нравственность не противопоставляется положительной или естественная эстетика — положительной эстетикѣ. Есть лишь общіе принципы, абстрактныя нормы права, нравственности, эстетики и т. п. и ихъ конкретное осуществленіе въ жизни, но, разумѣется, нельзя противопоставлять общихъ принциповъ ихъ конкретному осуществленію.

Можно различать лишь положительное права въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ совокупность исторически дѣйствующихъ юридическихъ нормъ, и естественное право, какъ общую идею, какъ основной смыслъ всѣхъ дѣйствующихъ нормъ положительнаго права. Эта основная идея права, это естественное право принадлежитъ тоже къ сферѣ положительнаго права, а не права измышленнаго, она, такъ сказать, естественно положительна.

Здѣсь необходимо сдѣлать двѣ оговорки, чтобы не произошло недоразумѣнія или неправильнаго толкованія нашей мысли. Во-первыхъ, не слѣдуетъ смѣшивать теоріи положительнаго права съ позитивной философіей права: позитивизмъ въ смыслѣ философской системы, отрицающей какое бы то ни было метафизическое изученіе, ни въ какой необходимой связи съ философіей положительнаго права не находится [1]). Во-вторыхъ, не слѣдуетъ положительнаго

1) Можно быть позитивистомъ въ философіи и сторонникомъ дуализма въ правѣ, чему имѣется не мало примѣровъ, укажемъ хотя бы на Конта и особенно на Спенсера. Только неправильнымъ пониманіемъ

права въ тѣсномъ смыслѣ слова отожествлять съ правомъ, исходящимъ отъ государственной власти. Очень часто склонны естественно-правовую точку зрѣнія противопоставлять позитивно-правовой, именно отожествляя послѣднюю съ теоріей права въ смыслѣ исключительно государственно-принудительныхъ нормъ, и желая въ этомъ противопоставленіи найти юридическую основу для конституціоннаго и мэждународнаго

понятія положительнаго права можно объяснить замѣчаніе одного изъ представителей естественно-правовой школы, будто „философія положительнаго права звучитъ для философа приблизительно такъ же, какъ философія инженернаго искусства или горнаго дѣла".

Въ своемъ послѣднемъ произведеніи Общая теорія права, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ предшествующихъ, Шершеневичъ выступилъ ярымъ противникомъ какой бы то ни было идеи естественнаго права. Это выступленіе соединено у него съ подчеркнутымъ философскимъ позитивизмомъ. Однако философскій позитивизмъ, повторяемъ, ни въ какой связи съ тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ идеѣ естественнаго права не находится. Обратившись же къ воззрѣніямъ Шершеневича на задачи философіи права, мы видимъ, что онъ вовсе не такъ далекъ отъ того пониманія естественнаго права, о которомъ говоримъ мы. „На основаніи только исторически даннаго матеріала, философія права должна выяснить, что такое вообще право, независимо отъ измѣнчиваго его содержанія, что такое государство внѣ разнообразія дѣйствительныхъ формъ его существованія, каковы источники права, каковы методы разработки нормъ права" (стр. 40). „Разсматривая право того или другого народа, мы замѣчаемъ въ немъ черты двоякаго рода: свойственныя только данному праву и общія ему съ правами другихъ народовъ. Въ томъ, что встрѣчается, какъ общее въ различныхъ правахъ, слѣдуетъ опять таки различать: то необходимое, безъ чего ни одно право не можетъ обойтись, и то случайное совпаденіе, котораго можетъ и не быть. Общее и необходимое — это и есть объектъ философіи права или теоріи права" (стр. 42). Общая теорія права „выбираетъ не только общія положенія, но и необходимыя, т. е. такія, безъ которыхъ общежитіе даннаго культурнаго типа существовать не можетъ" (стр. 46). Задача философіи права — связать юридическія понятія съ общею философіей. Опредѣлить само право безъ соціологіи и этики философіи права никогда не удастся. Философія права должна даже стремиться опредѣлить мѣсто и значеніе права въ міровомъ порядкѣ, безъ чего юристъ не можетъ имѣть теоретическаго понятія о правѣ (стр. 47—48). Если это пониманіе философіи права явно враждебно всякому построенію естественнаго права, какъ измышленнаго, идеальнаго права съ точки зрѣнія какой-нибудь нравственной критики, то оно вполнѣ отвѣчаетъ тому воззрѣнію на естественное право, какое мы только что развили.

права. Но это тоже совершенно произвольное утвержденіе: государственно-принудительное вовсе еще не есть все положительное право (объ этомъ будетъ рѣчь ниже).

Этого единственно пріемлемаго смысла естественнаго права никто не выразилъ лучше Соловьева: „Естественное право есть та общая алгебраическая формула, подъ которую исторію подставляетъ различныя дѣйствительныя величины положительнаго права. При этомъ само собою разумѣется, что эта формула (какъ и всякая другая) въ своей отдѣльности есть лишь отвлеченіе ума, въ дѣйствительности же существуетъ лишь какъ общая форма всѣхъ положительныхъ правовыхъ отношеній, въ нихъ и чрезъ нихъ. Такимъ образомъ подъ естественнымъ или раціональнымъ правомъ мы понимаемъ только общій разумъ или смыслъ (ratio, *λόγος*) всякаго права какъ такого. Съ этимъ понятіемъ естественнаго права, какъ только логическаго prius'а права положительнаго, не имѣетъ ничего общаго существовавшая нѣкогда въ юридической наукѣ теорія естественнаго права какъ чего-то исторически предшествовавшаго праву положительному, причемъ предполагалось такъ-называемое естественное состояніе или состояніе природы, въ которомъ человѣчество существовало будто бы до появленія государства и положительныхъ законовъ. На самомъ же дѣлѣ оба эти элемента, и раціональный и положительный, съ одинаковою необходимостью входятъ въ составъ всякаго дѣйствительнаго права, и потому теорія, которая ихъ раздѣляетъ или отвлекаетъ другъ отъ друга, предполагая историческое существованіе чистаго естественнаго права, очевидно принимаетъ отвлеченіе ума за дѣйствительность. Несостоятельность этой теоріи очевидно нисколько не устраняетъ той несомнѣнной истины, что всякое положительное право, поскольку оно есть все-таки право, а не что-нибудь другое, необходимо подлежитъ общимъ логическимъ условіямъ, опредѣляющимъ самое понятіе права, и что слѣдовательно признаніе естественнаго

права въ этомъ послѣднемъ смыслѣ есть необходимое требованіе разума“ (II, 148—9).

Съ нашей точки зрѣнія, всякая правильно понимаемая философія права есть теорія естественнаго права, такъ какъ она имѣетъ въ виду понять общій смыслъ, основную идею права, дать общее опредѣленіе его природы. Теорія естественнаго права есть философія дѣйствительнаго права, излагающая первые принципы права, постигаемые разумомъ и отвлекаемые имъ отъ природы конкретныхъ юридическихъ отношеній, соединяющихъ людей между собой. Этотъ общій смыслъ права разумѣется не только въ отношеніи къ формальнымъ признакамъ положительнаго права, но и въ отношеніи къ матеріальному содержанію права.

Естественное право въ смыслѣ философскаго разсмотрѣнія положительнаго права можетъ и должно послужить основаніемъ критики отдѣльныхъ положительныхъ правовыхъ нормъ. Эта критика, по самому существу своему, остается въ предѣлахъ права и должна быть отличаема отъ той критики, которая производится съ точекъ зрѣнія внѣ права находящихся. Конечно, право не есть соціальное явленіе самодовлѣющее; для человѣческой личности и общества оно должно быть обосновано и оправдано. Это обоснованіе находится только въ болѣе широкихъ принципахъ соціологическихъ и этическихъ. Наука объ обществѣ и этика даютъ основаніе соціологической и этической критикѣ права, но такая критика выходитъ изъ предѣловъ права и не должна въ него быть вводима подъ флагомъ естественнаго или разумнаго или идеальнаго права.

Но основная идея, общій философскій смыслъ положительнаго права можетъ послужить основаніемъ и чисто юридической критики нормъ положительнаго права съ точки зрѣнія, насколько данное историческое право является вѣрной реализаціей естественнаго права въ указанномъ смыслѣ, и насколько конкретныя формы права воплощаютъ общую тенденцію права.

Такъ какъ, по содержанію, основная идея права заключается, какъ мы постараемся далѣе показать, въ установленіи должнаго равновѣсія между стремленіемъ къ личной свободѣ и общимъ благомъ (это и есть справедливость), то все, что̀ переживается въ обществѣ и извѣстно въ исторіи, какъ конфликты нормъ дѣйствующаго права съ законами, заложенными въ сердцахъ людей, съ чувствомъ справедливости, съ сознаніемъ естественныхъ законовъ, есть лишь указаніе на то, что данная норма права не осуществляетъ общей идеи положительнаго права. Для того, чтобы общая идея права (естественное право, въ нашемъ смыслѣ) могла послужить основаніемъ дѣйствительно правовой критики, необходимо, чтобы эта идея права получалась, извлекалась изъ разсмотрѣнія исторически дѣйствующаго юридическаго матеріала. Конечно, это будетъ критика толкованія, а не по существу; она не можетъ обосновать того или другого юридическаго положенія, она можетъ только показать, противорѣчитъ оно или нѣтъ общему духу положительнаго права, послѣдовательно ли оно. Соотношеніе между положительнымъ историческимъ юридическимъ матеріаломъ и отвлекаемой отъ него естественно-правовой идеей получается двоякое: на основаніи анализа и изученія конкретнаго права выясняется идея права, и съ точки зрѣнія этой идеи изслѣдуется, насколько въ отдѣльныхъ юридическихъ нормахъ осуществляется идея права. Образѐцъ аналогичной критики мы видимъ въ чисто эстетической критикѣ художественныхъ произведеній: правила художественной гармоніи извлекаются изъ анализа художественныхъ произведеній, и они же служатъ основаніемъ для чисто эстетической критики отдѣльныхъ художественныхъ твореній.

Понятно, насколько съ этой точки зрѣнія увеличивается значеніе и роль толкованія права. Именно въ отдѣлъ толкованія права должны быть введены принципы естественно-правовой критики, для чего эти принципы должны

основываться на данныхъ положительнаго юридическаго матеріала. Нравственная или соціологическая критика положительныхъ нормъ права, сама по себѣ вполнѣ допустимая, не можетъ однако быть вводима въ отдѣлъ толкованія положительнаго права, такъ какъ она не право. Наши чаянія, надежды, нравственные и религіозные идеалы по отношенію къ праву — не естественное право и не могутъ быть отожествляемы съ идеей положительнаго права, являющейся естественнымъ правомъ [1]).

Изложенныя нами воззрѣнія на естественное право отличаются отъ тѣхъ двухъ основныхъ пониманій естественнаго права, которыя обычно отмѣчаются въ исторіи естественно-правовыхъ доктринъ, — отъ естественнаго права, какъ закона естественно-необходимыхъ отношеній въ правѣ, и отъ естественнаго права, какъ закона абсолютно-должнаго. Съ одной стороны, такъ какъ въ человѣческомъ поведеніи всегда есть элементъ свободы, то абсолютно необходимаго закона, въ смыслѣ естественныхъ явленій, при всей возможной общественной закономѣрности, нѣтъ для поведенія человѣка. Съ другой стороны, такъ какъ всякое конкретное право есть осуществленіе общей формулы права, общей его идеи, то оно всегда до извѣстной степени оцѣнивается съ точки зрѣнія должнаго. Общій смыслъ права есть, съ одной стороны, естественный законъ права, въ смыслѣ реальнаго осуществленія, съ другой стороны, онъ есть законъ долж-

---

1) О движеніи и теоріяхъ въ Германіи „свободнаго права“, являющагося воспроизведеніемъ до извѣстной степени той своеобразной формы возрожденнаго „естественнаго права“, которое обнаружилось во Франціи особенно послѣ изслѣдованія Жени о толкованіи ((F. Geny, Méthode d'interpretation et sources en droit privé positif, Paris, 1899), и такъ называемаго „юридическаго соціализма“, см. E. Stampe, Die Freirechtsbewegung, Gründe und Grenze ihrer Berechtigung, 1911. Подробная библіографія нѣмецкихъ сочиненій съ ссылками на сочиненія Штаммлера, Оскара Бюлова, Канторовича и т. д. см. E. Jung, Das Problem des natürlichen Rechts, Leipzig, 1912, стр. 330—333.

наго, съ которыми должны сообразоваться отдѣльныя юридическія нормы. Такъ какъ положительное право, какъ таковое, есть естественное выраженіе природы человѣка, то основная идея его, конечно, отвѣчаетъ природѣ, естеству человѣка, и поэтому она съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названа естественнымъ правомъ.

Развитое нами пониманіе естественнаго права, наименѣе всего, пожалуй, расходится съ тѣмъ ученіемъ объ естественномъ правѣ, которое господствовало въ древности и въ средніе вѣка. Ни у античныхъ, ни у средневѣковыхъ мыслителей, вообще говоря, не было дуалистическаго пониманія дѣйствительнаго права, распадающагося на естественное и положительное. Естественное право было у нихъ лишь наиболѣе неизмѣнная, всеобщая, вытекающая изъ самыхъ основныхъ свойствъ человѣческой природы часть дѣйствующаго права; остальная часть дѣйствующаго права есть то въ правѣ, что̀ перемѣнчиво, произвольно устанавливается и отмѣняется, что̀ не связано съ самимъ человѣческимъ существомъ. Эта естественно-необходимая часть права или предполагалась вытекающей изъ требованій естественной природы (какъ выраженіе мірового Логоса у стоиковъ; jus naturale, по словамъ Ульпіана, est, quod natura omnia animalia docuit) или являлось врожденнымъ душѣ человѣка („Когда язычники, писалъ ап. Павелъ, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ: они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ“). Въ такомъ пониманіи естественное право есть право положительное par excellence, это право болѣе дѣйствительное, чѣмъ нарочито изданные законы. Въ древности, оно никогда и не противопоставлялось положительному праву, а лишь праву „установленному“ людьми. Разумѣется, человѣкъ, какъ существо свободное, можетъ и уклониться отъ выполненія какъ подобнаго естественнаго закона, такъ и закона установленнаго. И если можно сказать, что соеди-

неніе половъ для рожденія дѣтей или забота матери о своемъ ребенкѣ есть естественный законъ человѣческой правовой жизни, однако этимъ не исключается возможность въ отдѣльныхъ случаяхъ уклоненій отъ этого закона, когда, напр., мать является убійцей своихъ собственныхъ дѣтей. Но какъ отдѣльныя правонарушенія не уничтожаютъ дѣйствительности „установленной“ юридической нормы, такъ и естественно-правовая норма сохраняетъ и послѣ своего нарушенія свою дѣйствительность. До извѣстной степени можно признать, что у Гоббса и у Спинозы пониманіе права также не было дуалистическимъ, и естественное право, совпадавшее у нихъ съ силою и съ стремленіемъ всего живого къ самосохраненію, было логическимъ отвлеченіемъ отъ положительнаго, съ ихъ точки зрѣнія, права. Вопросъ другой, насколько вѣрно понимали они дѣйствительную природу положительнаго права.

II. Матеріальное опредѣленіе права.

I. Право, какъ минимумъ нравственности. — II. Индивидуалистическія теоріи права. — III. Соціально-утилитарныя теоріи права. — IV. Матеріальное опредѣленіе права.

Право можетъ и должно быть опредѣлено какъ по содержанію его нормъ, такъ и по той формѣ, въ какую онѣ облекаются.

Существуетъ мнѣніе, совершенно не основательное, будто нельзя дать матеріальнаго опредѣленія права, а только одно формальное, на томъ основаніи, что въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ правовыми нормами регулировалось самое разнообразное содержаніе, и что было бы безплодной попыткой подвести это содержаніе подъ одну общую формулу. Придерживаясь этой мысли, послѣдовательно нужно было бы отказываться дать вообще чему-бы то ни было матеріальное опредѣленіе, религіи, наукѣ, искусству, философіи, государству, церкви и т. д., и всегда ограничиваться лишь формальными опредѣленіями; изъ того, что физика, механика, философія и т. д. исторически захватывали въ свои предѣлы разнообразное содержаніе и устанавливали для него разные законы, слѣдуетъ, согласно этому мнѣнію, заключать, что для всѣхъ этихъ наукъ есть опредѣленіе только формальное; изъ того, что хозяйственныя формы были различны, слѣдуетъ отказаться отъ матеріальнаго опредѣленія хозяйства и экономики; изъ того, что государствами являлись въ исто-

ріи очень не сходные между собою типы политическихъ союзовъ, слѣдуетъ отказаться отъ матеріальнаго опредѣленія государства, и т. д. Однако историческая измѣнчивость содержанія различныхъ отраслей человѣческаго знанія и дѣятельности не устраняетъ возможности и необходимости найти общій разумъ, смыслъ, основную матеріальную идею каждой такой отрасли знанія; тѣмъ болѣе что историческая измѣнчивость имѣетъ мѣсто не только по отношенію къ конкретному содержанію соціальныхъ явленій, но и къ той формѣ, въ которую они облекаются.

Всякое опредѣленіе вовсе не имѣетъ въ виду предопредѣлить все то конкретное, что въ ту или другую категорію можетъ войти. Собственно, въ дѣйствительности все лишь индивидуально-конкретно, неповторяемо въ своей сложной своеобразности и единственности, и опредѣленіе стремится лишь найти общую идею въ неограниченномъ множествѣ конкретныхъ различій. Дать опредѣленіе права значитъ опредѣлить общій, естественный, такъ сказать, смыслъ права; это же достигается, если мы эту общую идею укажимъ и по отношенію къ содержанію и по отношенію къ формѣ юридическихъ нормъ.

I.

Матеріальное опредѣленіе права, говорящее о дѣйствительномъ содержаніи права, можетъ быть дано только черезъ установленіе связи между правомъ и нравственностью, такъ какъ право есть лишь одно изъ выраженій этической дѣятельности людей, и содержаніе нравственности опредѣляетъ собою до извѣстной степени и содержаніе права.

Право никогда не можетъ быть обособлено отъ нравственности. Даже тогда, когда стараются свести его къ простому разграниченію интересовъ и воль, не могутъ не считаться и съ моментомъ оцѣнки этихъ интересовъ и воль по содержанію. Никакое разграниченіе не возможно безъ

оцѣнки. Когда пытаются противопоставить право нравственности по различію внѣшняго поведенія и внутренняго настроенія воли, принуждены бываютъ сознаться, что и право обращаетъ вниманіе на содержаніе воли и на внутреннія настроенія людей, и что нравственность требуетъ не только одного настроенія, но и дѣлъ.

Что право есть именно принудительно осуществляемый минимумъ нравственности, это неоднократно утверждалось мыслителями самыхъ различныхъ направленій, укажемъ хотя-бы на Лейбница, опредѣлявшаго право, какъ любовь мудраго, и въ юридическомъ началѣ видѣвшаго лишь низшую степень нравственности, на Аренса, понимавшаго право, какъ совокупность условій нравственно-доброй жизни людей и общества, на Соловьева, опредѣлившаго право, какъ минимумъ нравственности, и др.

Право не можетъ быть понято, какъ начало самостоятельное и отдѣльное отъ нравственности. Какое бы содержаніе мы ни давали ему, всегда неизбѣжно внесеніе въ него и момента нравственной оцѣнки. Если содержаніемъ права объявляется свобода, то разумѣется свобода разграниченная, такъ какъ одни проявленія свободы должны быть ограничены въ пользу другихъ, другія же проявленія ея должны быть независимы и охранены; но въ самой свободѣ, какъ таковой, нѣтъ никакихъ критеріевъ и условій для разграниченія. Свобода и воля не равны другъ другу и потому, сами по себѣ, несоизмѣримы, какъ неравны и несоизмѣримы люди вообще. Слѣдовательно, основаніе, по которому можетъ быть производимо разграниченіе свободъ, нельзя искать въ самихъ свободахъ; оно должно быть взято извнѣ.

Не будетъ рѣшеніемъ вопроса указаніе на то, что такое ограниченіе свободы въ правѣ совершается по принципу всеобщаго равенства. Не всякое ограниченіе, даже и равное, можетъ образовать содержаніе права, такъ какъ можетъ быть всеобщее равенство въ погромѣ и въ умерщвленіи; необхо-

димо равенство въ должномъ, т. е. справедливое равенство. Равенство, какъ и свобода, не есть безусловно самостоятельный принципъ содержанія права, такъ какъ оно обусловлено справедливостью. Нельзя искать самостоятельнаго принципа права и въ силѣ, ибо не всякая сила есть право, а лишь сила извѣстнымъ образомъ ограниченная и урегулированная, слѣдовательно обусловленная тѣмъ, что̀ ограничиваетъ ее. То же нужно сказать и о разграниченіи интересовъ, какъ о содержаніи права. Не всякій интересъ принимается во вниманіе въ правѣ и не всѣ они считаются одинаковыми, отборъ же ихъ и сравненіе не могутъ не считаться съ ихъ оцѣнкою. Непризнаніе этого положенія составляло между прочимъ основную ошибку опредѣленія права Коркуновымъ, предполагавшимъ, что можно разграничивать интересы, не оцѣнивая ихъ.

Въ тѣсной связи права и нравственности нѣтъ ничего страннаго, если мы проникнемся тою мыслью, что нравственность имѣетъ рядъ ступеней. Изъ того, что нравственный принципъ безусловенъ и абсолютенъ, какъ идеальное требованіе, вовсе не слѣдуетъ, чтобы нравственная область была лишена относительнаго элемента. Всякое совершенство, какъ идеальная цѣль, можетъ быть достигнуто только чрезъ послѣдовательную работу, черезъ постепенное „становленіе“. Абсолютное и относительное въ нравственности не противоположны, а свободно и полно сливаются въ единую нравственную жизнь. Изъ этого слѣдуетъ, что какъ правовое, такъ и нравственное сознанія имѣютъ различныя состоянія. Въ нихъ есть та же борьба, какую мы наблюдаемъ и во всѣхъ другихъ областяхъ общественнаго существованія, борьба между стремленіемъ къ сохраненію и новою высшею ступенью сознанія. Право исторически прогрессивно приближается къ нравственности.

Несмотря на очевидную родственность права и нравственности, въ настоящее время въ теоретической юриспру-

денціи можно сказать господствуетъ мнѣніе, что области права и нравственности различны.

Это противопоставленіе права и нравственности свое начало ведетъ отъ либеральной теоріи права, стремившейся, во имя полной индивидуальной свободы, порвать всякую связь между юридическимъ разграниченіемъ правъ и нравственной оцѣнкою человѣческихъ поступковъ, видя въ правѣ внѣшнюю сторону человѣческой дѣятельности, устанавливающую отрицательныя нормы, въ формѣ велѣній, стремящихся создать механическій порядокъ совмѣстнаго существованія многихъ личностей, а въ нравственности — внутреннюю сторону, устанавливающую положительныя нормы въ формѣ совѣтовъ [1]).

Опредѣленіе отношеній права и нравственности въ томъ смыслѣ, что право есть низшій предѣлъ нравственности, встрѣтило себѣ въ русской юридической литературѣ энергичныя возраженія, главнымъ образомъ въ связи съ критикой теоріи права Соловьева. Противъ пониманія права, какъ минимума нравственности, высказались Чичеринъ, Шершеневичъ, Новгородцевъ, кн. Е. Трубецкой и др.

---

1) Самъ Соловевъ, такъ энергично выступившій впослѣдствіи въ защиту пониманія права, какъ минимума нравственности, вначалѣ, подъ вліяніемъ идей Канта, рѣзко различалъ нравственную и правовую области и допускалъ, что право, какъ таковое, можетъ имѣть не только внѣ нравственности лежащее содержаніе, но и прямо противорѣчащее нравственности. Законъ есть формула ограниченія общественныхъ силъ, онъ не создаетъ, а только утверждаетъ существующее общественное равновѣсіе. Законъ выражаетъ собою лишь количественную, математическую справедливость — равное за равное. „Поскольку моя сила не нарушаетъ внѣшняго общественнаго равновѣсія, закрѣпленнаго закономъ, постольку она составляетъ право. Здѣсь право есть та же сила, только въ законныхъ предѣлахъ. Но откуда эти предѣлы?“ Эти предѣлы могутъ происходить и отъ чужой силы и не выражать собой никакой справедливости. „Тогда право есть лишь обобщенное насиліе. Законность никакъ не ручается за справедливость, ибо могутъ быть и бываютъ по общему признанію несправедливые законы“ (Духовныя основы жизни, III, 308).

Чичеринъ возражалъ противъ возможности, съ одной стороны, отожествить право съ нравственнымъ минимумомъ, съ другой же стороны, дать ему принудительную санкцію; это значитъ, по мнѣнію Чичерина, приписать нравственности принудительный характеръ, что́ противорѣчитъ самому понятію нравственности [1]). Шершеневичъ не согласенъ съ опредѣленіемъ права, какъ извѣстнаго минимума нравственности, во-первыхъ, потому, что право можетъ опередить нравственность, какъ, напр., это было при отмѣнѣ крѣпостнаго права, во-вторыхъ, потому, что юридическія нормы могутъ не имѣть никакого отношенія къ нравственности, въ третьихъ, наконецъ, потому, что право можетъ нѣкоторыми своими частями вступать въ противорѣчіе съ нравственностью [2]). Точно также и по мнѣнію Новгородцева, опредѣленіе права, какъ этическаго минимума, покоится на извѣстномъ недоразумѣніи. „Несомнѣнно, что къ области права могутъ относиться не только дѣйствія, безразличныя съ нравственной точки зрѣнія, но даже и запрещаемыя нравственностью. Право никогда не можетъ всецѣло проникнуться началами справедливости и любви. Но если оно вступаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ противорѣчіе съ нравственными завѣтами, то его нельзя назвать нравственнымъ, даже и въ минимальной степени“ [3]). Такъ же отрицательно и на тѣхъ

---

1) О началахъ этики (Вопросы философіи и психологіи, кн. 39, стр. 685—691). Отвѣтъ на эти возраженія данъ Соловьевымъ въ той же книгѣ Вопросовъ философіи и психологіи, стр. 659—665).

2) Вопросы философіи и психологіи, кн. 38, стр. 470. Соловьевъ отвѣчалъ на критику Шершеневича въ Замѣчаніяхъ на статью проф. Г. Ф. Шершеневича (тамъ же, кн. 38, стр. 483). Несмотря на отвѣтъ Соловьева, Шершеневичъ повторилъ свои возраженія и въ своемъ послѣднемъ произведеніи, въ Общей теоріи права, 1911, стр. 319.

На тѣхъ же основаніяхъ, что и Шершеневичъ, возражалъ противъ сближенія права и нравственности и Коркуновъ.

3) П. Новгородцевъ, Право и нравственность (Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ, подъ ред. Гамбарова, стр. 117).

же основаніяхъ къ мысли Соловьева о соотношеніи права и нравственности отнесся и кн. Е. Трубецкой [1]). Однако, хотя кн. Е. Трубецкой и отвергъ, что право есть минимумъ нравственности, при установленіи отличія права и нравственности самому ему очень мало удалось обособить право и нравственность: съ одной стороны, онъ принужденъ былъ сознаться, что право и нравственность двѣ пересѣкающіяся сферы, а съ другой стороны, онъ долженъ былъ раздѣлить право на двѣ сферы, положительное и естественное право, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ, какъ мы уже говорили выше, нравственый критерій, и отожествляя его предписанія съ нравственными предписаніями. Если естественное право есть нравственное право, а положительное право есть лишь посильная реализація права естественнаго, то оно тѣмъ самымъ есть и посильная

---

1) Слѣдуетъ однако отмѣтить ошибку, которую допускаетъ кн. Е. Трубецкой, излагая теорію Соловьева. Онъ полагаетъ, что Соловьевымъ было усвоено воззрѣніе Шопенгауэра на право, какъ на минимумъ тѣхъ требованій, которыя необходимы для сохраненія общества. „Этотъ минимумъ для Соловьева, какъ и Шопенгауэра, сводится къ тому, чтобы мы никому не причиняли вреда, не нарушали внѣшняго порядка общежитія; максимумъ же требованій нравственнаго закона — требованіе безкорыстной любви — выходитъ за предѣлы права и составляетъ особую область нравственности въ тѣсномъ смыслѣ“ (Лекціи по энциклопедіи права, 1909, стр. 24—25). Это невѣрно, такъ какъ самъ Соловьевъ опредѣленно выступалъ противъ такого мнѣнія. „Нельзя видѣть, писалъ Соловьевъ, принципъ разграниченій между правомъ и нравственностью въ различіи между нравственностью отрицательною по запретительной заповѣди: никому не вреди (neminem laede), относя сюда всю область права — и нравственности положительной по повелительной заповѣди: всѣмъ сколько можешь помогай (omnes quantum potes juva), пріурочивая сюда всѣ собственно нравственныя, не юридическія отношенія“. Соловьевъ считалъ такой принципъ недостаточнымъ, 1) потому что правовыя нормы запрещаютъ не всѣ вредныя дѣйствія, а лишь нѣкоторыя изъ нихъ, къ остальнымъ относясь безразлично, 2) потому что правовая норма часто положительно предписываетъ лицамъ извѣстнаго рода, напр. врачамъ, полицейскимъ, оказывать прямую помощь нуждающимся въ ней, 3) потому что и нравственныя требованія въ большинствѣ случаевъ состоятъ въ запрещеніи такихъ дѣйствій, которыя вредны или обидны другимъ (VII, 504).

реализація нравственности. Такъ выходитъ по ходу разсужденій самого кн. Е. Трубецкого.

На первый взглядъ эта критика, направленная противъ опредѣленія права, какъ минимума нравственности, достаточно обоснована, и противъ соединенія права и нравственности говорятъ многочисленныя противорѣчія и конфликты между правомъ и нравственностью. „Существуетъ множество правовыхъ нормъ, которыя не только не представляютъ минимума нравственности, но, напротивъ того, въ высшей степени безнравственны“. Однако эти противорѣчія при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются мнимыми и объясняются лишь разными точками зрѣнія, примѣняемыми, съ одной стороны къ праву, а съ другой — къ нравственности. Противорѣчія эти существуютъ не между правомъ и нравственностью, а между различными состояніями какъ правового такъ и нравственнаго сознанія. Берется опредѣленная юридическая положительная норма, соотвѣтствующая опредѣленному народу и эпохѣ, и противопоставляется ей норма нравственности, или соотвѣтствующая другой эпохѣ и другой средѣ или только отвѣчающая нравственному міровоззрѣнію критика.

Если подъ правомъ разумѣется осуществленіе минимальнаго добра, то и къ праву и къ добру должна примѣняться одна и таже точка зрѣнія или позитивная или раціоналистическая, идеальная. Если подъ добромъ разумѣются тѣ нормы, которы должны быть осуществлены въ жизни съ точки зрѣнія даннаго міровоззрѣнія (точки зрѣнія идеальной), то и подъ правомъ должно понимать только то, что должно быть такимъ съ идеальной точки зрѣнія. Если же подъ правомъ разумѣются тѣ юридическія нормы, которыя дѣйствительно осуществляются въ данномъ обществѣ, то и подъ добромъ нужно разумѣть только тѣ нормы нравственности, которыя дѣйствительно признаются въ данномъ обществѣ. Коротко говоря, должно право и нравственность понимать

исходящими изъ одного источника, или изъ даннаго общественнаго сознанія, или изъ требованій разума; а смѣшивая эти двѣ точки зрѣнія, можно найти противорѣчія, гдѣ угодно и когда угодно (что собственно и дѣлалъ, напр. Коркуновъ, когда онъ возражалъ противъ соединенія права и нравственности указаніемъ на разнообразіе нравственныхъ нормъ). Такъ можно доказать, что и вообще право не является правомъ, стоитъ только противопоставить одной положительной юридической нормѣ другую раціональную, съ ней расходящуюся, или нормѣ стараго права норму нарождающагося новаго права.

Опредѣляя право по матеріальному содержанію и находя для этого необходимый родовой признакъ въ общемъ содержаніи нравственныхъ нормъ, мы не должны забывать, что здѣсь дѣло должно итти о дѣйствительныхъ нравственныхъ нормахъ. Нравственность, какъ совокупность нормъ дѣйствительно опредѣляющихъ жизнь и сознаніе людей, часто смѣшивается съ этикой, въ значеніи философскаго ученія объ идеальной нравственности. Только въ послѣднемъ случаѣ матеріальное содержаніе нравственности теряетъ свою опредѣленность, такъ какъ разница философскихъ міровоззрѣній ведетъ къ самымъ разнообразнымъ построеніямъ нравственныхъ системъ. Разъ мы желаемъ опредѣлить не право, намъ желательное и нами измышленное, какъ наиболѣе разумное, а право дѣйствительное, то мы сопоставлять его должны съ дѣйствительной нравственностью, а не съ философски измышленнымъ, какъ желательный идеалъ.

Но даже если-бы и можно было указать на отдѣльныя юридическія нормы, завѣдомо противорѣчащія не только нашему нравственному чувству, но и положительному общественному нравственному сознанію, то этимъ нисколько не была бы доказана несовмѣстимость общаго понятія права съ моралью. Указаніе на нарушеніе нормы еще не есть ея опроверженіе, и если какой-нибудь органъ перестаетъ отправлять свою нор-

мальную функцію, то отъ этого еще не измѣняется истинное опредѣленіе этой функціи. Часто многія юридическія нормы являются таковыми лишь по формѣ, а не по содержанію; въ форму законовъ могутъ облекаться и религіозныя правила, и благопожеланія, и эстетическія нормы; и еслибы компетентнымъ законодательнымъ учрежденіемъ изданъ былъ законъ, предписывающій солнцу остановиться на небѣ, онъ оставался бы закономъ по ф о р м ѣ, хотя разумѣется онъ не подошелъ бы ни подъ одно изъ существующихъ понятій права. Отдѣльныя конкретныя уклоненія юридическихъ нормъ отъ общей идеи права не разрушаютъ этой идеи, а только указываютъ на уродливость самой этой нормы. Нѣтъ такого опредѣленія права, противъ котораго нельзя было бы привести дѣйствительнаго или воображаемаго закона, неподходящаго подъ такое опредѣленіе. Если право есть разграниченіе или охрана интересовъ, какой интересъ охранялся бы, если бы императоръ Калигула назначилъ, какъ онъ хотѣлъ, свою лошадь римскимъ консуломъ; если право есть разграниченіе свободъ, чья свобода разграничивалась, когда Ксеркъ издалъ законъ о наказаніи Босфора за гибель персидскаго флота, и т. д.? Не только въ правѣ, мы можемъ и въ области нравственныхъ нормъ найти такія, какія будутъ противорѣчить существу нравственности. Нужно помнить, что существуютъ и различныя степени правового и нравственнаго сознанія. Есть борьба стараго и новаго права и смѣна различныхъ нравственныхъ взглядовъ; что̀ могло казаться нравственнымъ въ свое время, то безнравственно въ другую эпоху. Сопоставляя право и нравственность, надо брать ихъ въ однородныхъ условіяхъ, — въ данную эпоху у даннаго народа, а не противоставлять искусственно вырванную изъ исторической обстановки юридическую норму нравственнымъ воззрѣніямъ людей совершенно другого времени, а то даже и не нравственнымъ воззрѣніямъ общества, а своимъ собственнымъ или какой-нибудь возвышенной нрав-

ственной системѣ, совсѣмъ не находившей себѣ дѣйствительнаго признанія въ сознаніи и дѣятельности людей.

Коркуновъ видѣлъ возраженіе противъ нравственнаго содержанія права въ томъ, что нравственныя воззрѣнія людей измѣнчивы въ пространствѣ и времени; но это такъ же мало затрагиваетъ критукуемое имъ опредѣленіе права, какъ и то, что юридическіе законы тоже мѣняются. Измѣнчивость нормъ нравственности и права нисколько не опровергаетъ неизмѣнности именно обусловленности права нравственностью.

Что касается до часто встрѣчающихся указаній на существованіе нравственно-безразличныхъ юридическихъ нормъ, вродѣ всѣхъ чисто формальныхъ юридическихъ нормъ, то эти возраженія основаны на очевидномъ недоразумѣніи. Юридическія нормы, касающіяся, напр., формы одежды или формы актовъ, не имѣютъ никакого значенія и цѣнности отдѣльно и сами по себѣ, такъ какъ право есть цѣльный организмъ, гдѣ отдѣльныя нормы служатъ дѣлу цѣлаго, и нужно сравнивать право и добро, какъ органическія цѣлыя, а не въ своихъ оторванныхъ и потому безжизненныхъ частяхъ. Такъ можно и въ каждой законченной нравственной системѣ найти отдѣльныя нормы, которыя сами по себѣ или нравственно безразличны или даже безнравственны, скажемъ, постная пища по средамъ и пятницамъ, или убійство врага на войнѣ; первое — само по себѣ нравственно безразлично, но въ связи съ общей системой морали является нравственно-должнымъ проявленіемъ начала аскетизма, второе — само по себѣ безнравственно, но въ связи съ высшей нравственной нормой защиты отечества высоко нравственно [1]).

---

1) По существу, не можетъ быть конфликта между правомъ и нравственностью, а лишь между отдѣльными нормами права и общей идеей права. Новгородцевъ, возражавшій противъ сближенія права съ нравственностью указаніемъ на отдѣльныя юридическія нормы не согласныя съ нравственностью, самъ однако въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что

Даже и при смѣшеніи положительной и идеальной точекъ зрѣнія можно установить тѣсное соотношеніе, въ смыслѣ реализаціи, между правомъ и нравственностью. При всѣхъ колебаніяхъ положительнаго права мы должны даже съ точки зрѣнія нашей абсолютной христіанской морали признать, что, въ дѣйствительности, происходитъ въ правѣ неустанная реализація современныхъ ему нравственныхъ убѣжденій. Эти же нравственныя убѣжденія прогрессивно развиваются по пути къ осуществленію абсолютнаго добра въ исторіи.

Иногда противъ пониманія права, только какъ части (принудительной) болѣе обширной области нравственности, дѣлается возраженіе (напр. Чичеринымъ) съ той точки зрѣнія, что въ такомъ случаѣ извращается истинная природа самой нравственности. Нравственность по идеѣ своей свободна и не терпитъ внѣшняго принужденія; нравственны только тѣ поступки, которые совершены по доброй волѣ, между тѣмъ право внѣшне принудительно; какимъ же образомъ можетъ оно составлять часть нравственности? Но такое отрицаніе принудительнаго момента для нравственности ошибочно, если понимать нравственность въ широкомъ смыслѣ; если нравственность въ тѣсномъ смыслѣ и не терпитъ внѣшняго принуженія, то нельзя того же сказать объ ея границахъ, объ ея предѣлахъ, подлежащихъ юридической охранѣ. Если изъ общей сферы нравственности выдѣляется, подъ именемъ права, какъ наиболѣе твердый, извѣстный минимумъ, гдѣ дѣйствуетъ, чтобы обезпечить его соблюденіе, внѣшнее принужденіе, то, разумѣется, оставшаяся область нравственности въ собственномъ смыслѣ имѣть этого признака не будетъ.

Именно вслѣдствіе тѣснаго соприкосновенія областей

нравственная связанность государства относится не къ каждой отдѣльной нормѣ, а ко всему праву въ цѣломъ. См. Государство и право, стр. 513.

права и нравственности и возможны разобранныя нами выше постоянныя смѣшенія нравственной критики права съ естественнымъ правомъ. Такъ какъ право по идеѣ есть лишь принудительный минимумъ добра, то критика права съ точки зрѣнія справедливости, т. е. нравственности, можетъ имѣть въ виду, во-первыхъ, недостаточность или наоборотъ чрезмѣрность этого принудительнаго минимума, во-вторыхъ, противорѣчіе отдѣльныхъ нормъ общей идеѣ. Такъ какъ нравственность обосновываетъ право, то и нравственная критика можетъ имѣть рѣшающее вліяніе на право, но только не слѣдуетъ объявлять это вліяніе юридическимъ, какъ нельзя религіозной критики нравственности считать частью нравственности.

Пониманіе, съ точки зрѣнія содержанія, права, какъ принудительнаго минимума нравственности, окончательно устраняетъ всякій дуализмъ не только двухъ сферъ права, но и права и нравственности, такъ какъ одно не противостоитъ другому, исходя изъ противоположнаго принципа, а входитъ въ другое, лишь какъ часть его.

Зная, что право есть принудительно осуществляемый минимумъ нравственности, можно болѣе точно опредѣлить и основную идею матеріальнаго содержанія юридическихъ нормъ. Она вытекаетъ изъ требованій нравственности. Соотвѣтственно тремъ основнымъ этическимъ системамъ, установленнымъ нами въ предшествующей главѣ, индивидуально-идеалистической, утилитарной и синтетической, и это матеріальное опредѣленіе права можетъ быть дано съ трехъ указанныхъ точекъ зрѣнія.

II.

Одно время большимъ признаніемъ въ теоретической юриспруденціи пользовалась субъективно-индивидуалистическая теорія права, опредѣлявшая право, какъ разграниченіе человѣческой свободы или индивидуальныхъ воль.

Такое опредѣленіе права имѣетъ, конечно, въ виду не формальный признакъ юридическимъ нормъ, а ихъ матеріальное содержаніе. Неоднократно философы искали характерный признакъ права въ моментѣ индивидуальной свободы или личной воли. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о представителяхъ идеалистическаго субъективизма. Кантъ полагалъ, что юридическій законъ есть предписаніе дѣйствовать такъ, чтобы свобода одного совмѣщалась со свободой всѣхъ и каждаго, а субъективное право есть лишь внѣшняя свобода, охраняемая юридическимъ закономъ. Для Фихте право было лишь нормой регулирующей отношенія людей, въ которыхъ каждый ограничиваетъ свою свободу свободою другого, приписывая себѣ извѣстную сферу дѣятельности и предоставляя такую же сферу другому. Для Шопенгауера право сводилось лишь къ отрицательному предписанію не нанесенія вреда другимъ лицамъ. По опредѣленію Чичерина, „субъективное право есть законная свобода что-либо дѣлать или требовать; объективное право есть самый законъ, опредѣляющій свободу и устанавливающій права и обязанности людей. Оба значенія связаны неразрывно, ибо свобода тогда становится правомъ, когда она освящена закономъ, законъ же имѣетъ въ виду признаніе и опредѣленіе свободы“.

Типичнымъ въ этомъ отношеніи является опредѣленіе права кн. Е. Трубецкимъ, который въ своихъ Лекціяхъ по энциклопедіи права исходитъ изъ положенія, что „право есть совокупность нормъ или правилъ поведенія, съ одной стороны предоставляющихъ, съ другой стороны ограничивающихъ внѣшнюю свободу людей“. Право есть правило поведенія. Каждому праву соотвѣтствуетъ обязанность. Существованіе всякаго права, какъ такового, предполагаетъ наличность какъ лица, имѣющаго права, такъ и лица обязаннаго. Отсюда для существованія права необходимо общество. Гдѣ право, тамъ и общество; гдѣ нѣтъ общества, тамъ нѣтъ и права, но за то тамъ, гдѣ есть общество, тамъ

неизмѣнно должно быть и право, ибо право, въ объективномъ смыслѣ слова, есть порядокъ, регулирующій отношенія отдѣльныхъ лицъ въ человѣческомъ обществѣ. Далѣе, всякая обязанность предполагаетъ свободу обязаннаго, какъ внутреннюю свободу, состоящую въ способности сознательно избирать свое поведеніе, такъ и внѣшнюю, — способность дѣйствіями во внѣ осуществлять поставленныя цѣли. Внѣшняя свобода составляетъ необходимое содержаніе права, такъ какъ гдѣ нѣтъ ея, тамъ уничтожается и всякое право, всякая возможность притязаній и обязанностей. Поэтомъ внѣшняя свобода лица представляетъ собою личный индивидуальный моментъ въ правѣ, а норма поведенія, которой подчиняется въ правѣ свобода лица, есть моментъ общественный.

Классически это воззрѣніе на право было развито Соловьевымъ въ его первомъ очеркѣ философіи права, данномъ въ Критикѣ отвлеченныхъ началъ. Разсматриваемое съ формальной стороны, право есть свобода, обусловленная равенствомъ. Правомъ опредѣляется отношеніе лицъ, — вещи правъ не имѣютъ. Лицомъ же въ отличіе отъ вещи называется существо, не исчерпывающееся своимъ бытіемъ для другого, нѣчто, слѣдовательно, самобытное и потому свободное. Характерный признакъ личности есть свобода; но свобода можетъ быть понята, и какъ сила, и какъ право. „Свобода сама по себѣ, т. е. какъ свойство лица въ отдѣльности взятаго, еще не образуетъ права“; свобода, какъ фактическая принадлежность личности, вполнѣ совпадаетъ съ силой. Правомъ свобода является только тогда, когда изъ свободы вытекаетъ требованіе самостоятельности передъ другими. Когда свобода одного, какъ сила, встрѣчается со свободой другого, она утверждается, какъ право, т. е. какъ нѣчто должное и обязательное для другого. Обязательность эта вытекаетъ изъ взаимности: такъ какъ свобода присуща каждому лицу, то объективное основаніе для своей собственной свободы каждый можетъ найти только въ

своемъ признаніи свободы другихъ. „Моя свобода какъ право, а не сила только, прямо зависитъ отъ признанія равнаго права всѣхъ другихъ“.

Такимъ образомъ, какъ право, свобода тѣсно соединена съ моментомъ равенства. Право „всегда предполагаетъ равенство какъ свою общую и безусловную форму: предъ закономъ всѣ равны, безъ этого онъ не есть законъ; и точно также законъ какъ такой предполагаетъ свободу тѣхъ, кому онъ предписываетъ, ибо для рабовъ нѣтъ общаго закона, для нихъ принудителенъ уже простой единичный фактъ господской воли“ (I, 149). „Свобода, какъ основа всякаго человѣческаго существованія, и равенство, какъ необходимая форма всякаго общественнаго бытія, въ своемъ соединеніи образуютъ человѣческое общество какъ правомѣрный порядокъ. Ими утверждается нѣчто всеобщее и одинаковое, поскольку права всѣхъ равно обязательны для каждаго и права каждаго для всѣхъ. Но очевидно, что это простое равенство можетъ относиться лишь къ тому, въ чемъ всѣ тождественны между собою, къ тому, что у всѣхъ есть общее. Общее же у всѣхъ субъектовъ права есть то, что всѣ они одинаково суть лица, то-есть самостоятельныя или свободныя существа. Такимъ образомъ, исходя изъ равенства, какъ необходимой формулы права, мы заключаемъ къ свободѣ какъ его необходимому содержанію“ (II, 147—9)[1]).

---

1) При такомъ пониманіи права Соловьевъ еще нисколько не выходилъ изъ сферы воззрѣній индивидуально-субъективной школы въ правѣ. Равенство, вносимое въ опредѣленіе права Соловьевымъ, не является равенствомъ субъективныхъ правъ. Равенство, о которомъ онъ говоритъ, есть не равенство свободы, а равенство въ смыслѣ общности юридическихъ нормъ. Юридическая норма не есть норма конкретная, какъ исполнительное дѣйствіе, а норма общая, равно обращающаяся къ неопредѣленному числу случаевъ и лицъ (II, 132.) См. вообще всю XX главу Критики отвлеченныхъ началъ (II, стр. 150—152). Первоначальное изложеніе Соловьевымъ теоріи права несомнѣнно страдало индивидуалистическимъ пониманіемъ права. Вся XX глава Критики отвлеченныхъ началъ была посвящена доказательству исключи-

Лишь видоизмѣненіемъ индивидуалистической теоріи слѣдуетъ считать и теоріи права, какъ разграниченія интересовъ. Коркуновъ, отстаивавшій именно эту теорію, впалъ въ полную непослѣдовательность съ самимъ собою, съ выставленной имъ раньше въ качествѣ необходимой предпосылки правильной теоріи права идеей общественнаго утилитаризма противъ индивидуалистическихъ теорій права, какъ разграниченія свободы. Свобода въ своемъ формальномъ пониманіи и разграниченные интересы являются не противоположными пониманіями права, а лишь различными формулировками одного и того же понятія. Свобода въ правѣ не пустое по-

---

тельно-формальнаго и отрицательнаго характера права и правового порядка и вслѣдствіе этого несостоятельности права какъ верховнаго принципа человѣческаго общества. Государство представлялось ему только отрицательнымъ существомъ, право лишеннымъ всякаго положительнаго содержанія, не дающимъ никакой положительной цѣли для дѣятельности. Все значеніе права сводится къ установленію границъ; оно выражаетъ собою лишь отрицательную сторону нравственнаго начала. Право не можетъ требовать и не требуетъ, чтобы всѣ помогали каждому и каждый всѣмъ; оно требуетъ лишь, чтобы никто никого не обижалъ. Положительная сторона нравственнаго начала, требующая содѣйствовать свободѣ другихъ, остается внѣ сферы права. Это именно воззрѣніе Соловьева вызвало справедливые упреки П. Чичерина въ его книгѣ Мистицизмъ въ наукѣ (стр. 69—74), указавшаго, что такое же точно мнѣніе высказывалось уже и Шопенгауэромъ, но совершенно напрасно, такъ какъ „такой взглядъ опровергается уже самымъ опредѣленіемъ права. Право есть явленіе свободы, а свобода въ юридической области есть начало совершенно положительное, ибо изъ нея вытекаетъ и собственность и обязательство. Что право не ограничивается отрицательнымъ предписаніемъ никого не обижать, ясно изъ существованія договоровъ, которые имѣютъ въ виду соединеніе воль и цѣлей“ (стр. 70). Точно также и цѣли государства нельзя свести къ одной охранѣ права. Справедливость этого возраженія понялъ и самъ Соловьевъ и постарался исправить свою односторонность, давши и матеріальное опредѣленіе права и отказавшись отъ того мнѣнія, что право по существу можетъ имѣть опредѣленіе только формальное. Перепечатавши въ своемъ послѣдующемъ сочиненіи Право и нравственность относящіяся къ праву главы XVIII—XIX Критики отвлеченныхъ началъ (VII, 491—501), Соловьевъ совершенно опустилъ главу XX, въ которой развито было Шопенгауэровское пониманіе права только какъ отрицательной стороны нравственности.

нятіе, а, конечно, наполненная извѣстнымъ интересомъ, и разграниченіе интересовъ, что же есть другое, какъ не разграниченная сфера, гдѣ проявляется свободная дѣятельность человѣка?

Односторонность и ограниченность либерально-индивидуалистической теоріи права уже со временемъ Іеринга вызвала противъ себя самую рѣшительную критику юристовъ. Сводить все право къ чисто отрицательной функціи разграниченія индивидуальныхъ воль и сферъ свободы значитъ заключать право въ слишкомъ узкіе для него предѣлы. Право — не только стражъ и разграничитель, но и творецъ и созидатель новыхъ цѣнностей. Право выполняетъ не разъединяющую и разграничивающую работу, какъ выходитъ это по индивидуально-субъективной теоріи, а въ дѣйствительности соединяетъ людей въ осуществленіи ими своего общаго интереса. Построеніе теоріи права на одностороннемъ субъективномъ моментѣ личной свободы или индивидуальной воли приводитъ юридическія теоріи къ крайнему и однобокому индивидуализму, къ невозможности понять по настоящему коллективные интересы юридическихъ союзовъ и лицъ.

Тѣ результаты, къ которымъ постоянно приходитъ индивидуализмъ въ правѣ, какъ нельзя болѣе ясно показываютъ ошибочность самой индивидуалистической точки зрѣнія. Наиболѣе послѣдовательными выраженіями индивидуализма въ правѣ были ученія естественнаго права и договорныя теоріи государства и общества. Здѣсь не мѣсто указывать на слабыя стороны этихъ юридическихъ конструкцій. Окончательная критика ихъ сдѣлана какъ научной теоріей, такъ и исторической практикой. Попытка построить государство и право изъ чисто-механическаго соединенія соціальныхъ атомовъ-индивидовъ приводила къ абстрактнымъ идеямъ свободы и равенства. Между тѣмъ въ своемъ чистомъ пониманіи свобода и равенство — начала противо-

борствующія и самоуничтожающія. Политико-юридическія построенія получали поэтому или крайне абсолютистскій характеръ, какъ у Гоббса или у Руссо, или приводили къ чисто анархическому отрицанію всякой принудительной политической власти, какъ у Годвина.

Въ области экономической юридическій индивидуализмъ приводилъ къ утвержденію начала свободной конкуренціи. Несмотря на все воодушевляющее, оживотворяющее значеніе и вліяніе, какія это начало по временамъ обнаруживало въ человѣческихъ обществахъ, какъ общій принципъ оно теоретически можетъ быть оправдано и обосновано лишь при произвольномъ допущеніи предустановленной гармоніи человѣческихъ обществъ, которая сама собой изъ хаоса борющихся силъ создаетъ порядокъ и гармонію. Однако никакихъ основаній вѣрить въ такую предустановленную гармонію человѣческихъ обществъ нѣтъ, и на практикѣ свободная конкуренція есть начало антиномическое, приводящее неизбѣжно къ своему отрицанію, къ утвержденію привилегій и монополіи тѣхъ, кто побѣдилъ въ этой конкуренціи, а принудительныя начала привилегій и монополій создаютъ рабство, уничтожаютъ саму конкуренцію и приводятъ къ вырожденію всего соціальнаго строя.

Послѣдовательно проведенный индивидуализмъ въ правѣ приводитъ неизбѣжно къ индивидуалистическому анархизму. Если общество есть лишь совокупность свободныхъ и равноцѣнныхъ монадъ, то общественный авторитетъ надъ такой монадой имѣетъ юридическую и нравственную силу только до тѣхъ поръ, пока онъ этой монадой признается. Если единственное начало въ правѣ свободное усмотрѣніе, свободная воля лица, а не какой-нибудь высшій принципъ, то всякое право и всякое общество существуютъ для индивида только до тѣхъ поръ, пока они принимаются индивидомъ. Индивидъ естественно всегда сохраняетъ за собой возможность взять назадъ свое согласіе и выйти изъ сферы

юридическихъ нормъ. Здѣсь мы вполнѣ въ предѣлахъ индивидуалистическаго анархизма Годвина и Штирнера.

Общеизвѣстны, со времени критики Іеринга, и тѣ возраженія, которыя вызываетъ противъ себя вообще волевая теорія права, составляющая необходимое основаніе всѣхъ либеральныхъ теорій права. Далеко не всякая индивидуальная человѣческая воля охраняется или разграничивается въ правѣ; сама по себѣ, какъ таковая, личная воля нисколько не привлекаетъ къ себѣ вниманія права; необходимо, чтобы она была соединена съ общественно важнымъ и потому подлежащимъ охранѣ интересомъ, и только въ этомъ случаѣ она входитъ въ сферу дѣйствія разграничивающей или охраняющей функціи права. Юридическій порядокъ разграничиваетъ и охраняетъ права не только лицъ, осуществляющихъ свою волю, но и тѣхъ лицъ, которыя за малолѣтствомъ и болѣзненностью этой воли не имѣютъ. Онъ это дѣлаетъ иногда даже противъ воли самихъ заинтересованныхъ лицъ.

Изъ этихъ возраженій противъ либеральной теоріи права вовсе не слѣдуетъ заключать однако, что въ содержаніе юридическихъ нормъ не входятъ внѣшняя свобода людей или обусловливающія эту свободу индивидуальныя воли, и что юридическія нормы не выполняютъ разграничивающей функціи, а только то, что все содержаніе юридической нормы еще не заключается въ одномъ этомъ элементѣ. Признавая въ правѣ лишь разграниченіе внѣшней свободы, нельзя отграничить юридическія нормы отъ такъ называемыхъ условныхъ правилъ общежитія. Такъ какъ конвенціональныя нормы тоже разграничиваютъ внѣшнюю свободу людей, то, очевидно, одного этого послѣдняго признака мало еще для опредѣленія юридическихъ нормъ. Но, если, съ одной стороны, опредѣленіе права, какъ совокупности нормъ, разграничивающихъ свободу, оказывается слишкомъ широкимъ и выводитъ право далеко изъ его предѣловъ, то, съ

другой стороны, оно оказывается и слишкомъ узкимъ, если мы обратимъ вниманіе на всѣ тѣ случаи, когда право выступаетъ не только въ чисто отрицательной функціи охраны свободы, но и въ положительной роли активнаго фактора, дающаго условія гармоническаго развитія личности и заботящагося объ общемъ благѣ и благосостояніи.

III.

Индивидуально-субъективной теоріи права, идеалистической въ большинствѣ случаевъ по своимъ основаніямъ, въ общей юриспруденціи противостоитъ соціально-объективная школа, въ большинствѣ случаевъ позитивно-утилитарная по своимъ исходнымъ принципамъ, выдвигающая въ правѣ, въ качествѣ главнаго момента, объективный моментъ соціальнаго интереса. Эта школа господствуетъ въ современной юриспруденціи.

Право несетъ, по этой соціальной теоріи, общественную функцію охраны и развитія интересовъ людей, по скольку они гармонируютъ или содѣйствуютъ общему благу всего общества. Право есть лишь одна изъ функцій общественнаго организма, вполнѣ подчиненная всей совокупности общественныхъ функцій.

Уже у Гегеля находимъ мы основы этого воззрѣнія на право. Право есть лишь элементъ нравственности, синтетически отожествляющей право съ моралью. Нравственная и, слѣдовательно, юридическая идея находитъ себѣ завершеніе въ государствѣ. Государство же не служитъ средствомъ для обезпеченія интересовъ отдѣльныхъ людей, а само является самоцѣлью, и нравственный долгъ каждаго служить государству.

Особенно опредѣленно эту точку зрѣнія на право высказалъ Контъ, совершенно не признавшій субъективныхъ правъ, а лишь общій долгъ и соціальныя обязанности. „Позитивизмъ, писалъ онъ въ Курсѣ положительной философіи,

ни за кѣмъ не признаетъ другого права, кромѣ права всегда выполнять свой долгъ. Понятіе права должно исчезнуть изъ политической области, подобно понятію причины изъ области философской ... Позитивизмъ допускаетъ лишь обязанности всѣхъ по отношенію ко всѣмъ, такъ какъ его точка зрѣнія, неизмѣнно соціальная, не можетъ признать никакого опредѣленія права, особенно основаннаго на индивидуальности ... Всякое человѣческое право настолько же нелѣпо, какъ и безнравственно. И такъ какъ не существуетъ божественныхъ правъ, то само это понятіе должно исчезнуть окончательно, какъ только соотвѣтствовавшее предварительному періоду человѣчества и прямо несовмѣстимое съ окончательнымъ состояніемъ человѣчества, допускающимъ только обязанности, соотвѣтствующія функціямъ“ (Cours de philosophie positive, 2 ed., VI, 454.)

Объективный моментъ общественнаго утилитаризма въ правѣ съ особенной энергіей защищался Іерингомъ, видѣвшимъ въ правѣ лишь совокупность нормъ, охраняющихъ интересы людей, руководясь основной идеей общественной пользы.

Если сначала, въ Духѣ римскаго права Іерингъ и обнаруживалъ нѣкоторую склонность къ индивидуалистическому воззрѣнію, видя въ индивидуальной свободѣ идеалъ, къ которому должно стремиться право, а въ правѣ „объективный организмъ человѣческой свободы“ (Geist des römischen Rechts, I, 25) то впослѣдствіи въ Цѣли въ правѣ онъ уже опредѣленно сталъ на точку зрѣнія общественнаго утилитаризма. Общественное благо, обезпеченіе условій жизни общества, вотъ цѣль и идеалъ права. „Право есть система обезпеченныхъ принужденіемъ общественныхъ цѣлей“. Право стремится обезпечить принудительно условія общественной жизни. Это его единственная цѣль. „Все право существуетъ для общества“. Жизненныя условія общества есть „все, что составляетъ цѣль чело-

вѣческихъ стремленій: честь, любовь, дѣятельность, образованіе, религія, искусство, наука". Все это должно ради общественной цѣли сдѣлатся предметомъ принужденія со стороны государства. „Государство поглощаетъ въ себѣ всѣ цѣли общества".

Коркуновъ присоединился къ пониманію права Іерингомъ, внеся лишь то видоизмѣненіе (чѣмъ въ сущности разрушилъ стройность системы), что функція права не въ охранѣ интересовъ, а въ ихъ разграниченіи. Нормы юридическія есть лишь видъ этическихъ нормъ. Этическія нормы, въ отличіе отъ техническихъ, имѣютъ въ виду внести гармонію въ совмѣстное осуществленіе людьми многихъ или всѣхъ цѣлей; онѣ производятъ выборъ цѣлей, размежевываютъ ихъ и устанавливаютъ форму взаимнаго соотношенія цѣлей. Этическія нормы распадаются на нравственныя и юридическія. Нравственныя правила производятъ оцѣнку цѣлей и интересовъ и приводятъ къ различію добра и зла; для гармоніи разнообразныхъ цѣлей одного человѣка достаточно одной нравственности. Но при сношеніяхъ людей другъ съ другомъ не достаточно одной оцѣнки интересовъ, такъ какъ въ ней нѣтъ указаній, какъ устранить столкновеніе интересовъ, когда они одинаковы; къ тому же нравственныя воззрѣнія людей различны. Должны поэтому существовать и нормы, разграничивающія интересы. Это выполняютъ юридическія нормы, которыя оцѣнокъ интересовъ не даютъ и опредѣляютъ отношеніе человѣка къ другимъ людямъ, а не къ самому себѣ. Такое разграниченіе интересовъ, устанавливающее обусловленныя другъ другомъ права и обязанности, имѣется и въ гражданскомъ, и въ уголовномъ, и въ государственномъ, и въ международномъ правѣ.

Тѣхъ же воззрѣній придерживается въ своей юридической теоріи и Дюги. Право опредѣляется имъ какъ совокупность обязательныхъ для лицъ, живущихъ въ обществѣ, правилъ поведенія, уваженіе къ которымъ разсматривается въ

данный моментъ обществомъ, какъ гарантія общаго интереса, и нарушеніе которыхъ вызываетъ коллективную реакцію противъ виновника этого нарушенія. Для права существенны моменты общаго интереса и коллективной реакціи въ случаѣ нарушенія. Содержаніе юридическихъ нормъ сводится къ тому, чтобы уважать акты, отвѣчающіе общественной солидарности, воздерживаться отъ дѣйствій, не отвѣчающихъ солидарности и содѣйствовать укрѣпленію общественной солидарности (Traite de droit constitutionnel, P. 1911, стр. 1 и сл.).

Нельзя не признать, что, независимо отъ правильности или ошибочности выводовъ утилитарно-соціальной школы права, основной принципъ, изъ котораго она исходитъ, ложенъ.

Отрицая самостоятельность нравственнаго начала и стремясь понять его, какъ продуктъ коллективной жизни людей, сторонники утилитаризма не въ силахъ дать никакого обоснованія нравственности. Эгоизмъ очень плохой руководитель къ утвержденію общественныхъ добродѣтелей. Стремленіе къ удовольствію не только не всегда опредѣляетъ человѣческую дѣятельность, но очень часто человѣкъ сознательно руководится цѣлями прямо противоположными удовольствію; очень часто онъ ставитъ себѣ объективныя цѣли, независимо отъ получаемаго отъ нихъ удовольствія или неудовольствія; иногда ради достойной, по его мнѣнію, цѣли онъ выбираетъ даже страданіе. Принципъ пользы не можетъ служить самостоятельнымъ началомъ, такъ какъ необходимо знать, чѣмъ опредѣляется само понятіе пользы, что должно считать полезнымъ или неполезнымъ. Наконецъ, важно знать, что дѣлать при столкновеніяхъ общей пользы и личнаго блага. Начало общественнаго утилитаризма отвѣта дать на этотъ существенный вопросъ нравственной системы не можетъ и потому оно не можетъ служить верховнымъ принципомъ нравственности.

Однако ложность исходнаго начала не помѣшала представителямъ соціально-утилитарной школы права отмѣтить въ правѣ много правильнаго и соотвѣтствующаго его дѣйствительной природѣ.

Опредѣленіе права, какъ общественной функціи, тѣсно связано съ сближеніемъ права и нравственности. Нравственность понимается утилитарной школой, какъ созданіе коллективной жизни людей для охраны общей пользы, право же именно и является реализаціей этой общей пользы. Въ такомъ пониманіи право и нравственность тѣсно соприкасаются, что мы и находимъ у большинства новѣйшихъ юристовъ утилитарной школы, и у Іеринга, и у Дюги, и у Дюркгейма. Дюркгеймъ строитъ нравственность на юридическихъ нормахъ, Дюги же настолько сближаетъ право и нравственность, что считаетъ самый вопросъ объ ихъ различіи празднымъ. Дѣйствительно, при соціально-утилитарныхъ воззрѣніяхъ на право нѣтъ никакого основанія рѣзко разграничивать общественную позитивную нравственность и право, понимаемое какъ регулированіе интересовъ общей пользы; такое разграниченіе еще могло съ нѣкоторымъ основаніемъ дѣлать индивидуально-идеалистическая школа; поэтому протестъ нѣкоторыхъ сторонниковъ утилитарной школы, какъ Коркунова или Шершеневича, противъ сближенія права и нравственности есть непослѣдовательность. Когда право опредѣляется, какъ защищенный или разграниченный интересъ, то, конечно, предполагается, что право защищаетъ не всякіе интересы, а лишь тѣ, которые считаются справедливыми. Понятіе же справедливости, какъ очерчивающей сферу дѣйствія права, относится къ нравственности въ тѣсномъ смыслѣ слова, и справедливость никакъ нельзя выводить изъ самого права, такъ какъ это значило бы впасть въ несомнѣнный логическій кругъ.

Оцѣнивая общественно-утилитарную школу въ правѣ, не слѣдуетъ забывать, что ошибочно въ ней не соединеніе

и не сближеніе права и нравственности, а одностороннее пониманіе нравственнаго элемента, какъ только общественнаго. Нравственность есть равновѣсіе личнаго и общественнаго блага, утилитаристы же и коллективисты не достаточно это часто понимаютъ и признаютъ.

Утилитарныя теоріи права, признавая содержаніемъ юридическихъ нормъ какой-нибудь защищаемый интересъ, исходятъ изъ реальной дѣйствительности, и поэтому неправильно поступаютъ тѣ субъективныя теоріи права, которыя стараются это опровергнуть и доказать, что правовая норма и защищаемый интересъ не всегда встрѣчаются вмѣстѣ. Указываются, въ видѣ возраженій, случаи, когда пріобрѣтеніе какого-нибудь субъективнаго права можетъ оказаться и не въ интересахъ даннаго лица, и даже приводятся примѣры цѣлыхъ юридическихъ институтовъ, вродѣ необходимаго наслѣдованія по закону въ римскомъ правѣ, гдѣ такое наслѣдованіе имущества, обремененнаго долгами, должно являться не въ интересахъ, а противъ интересовъ наслѣдника. Очевидна однако поверхносность такого возраженія: юридическія нормы, какъ общія правила, имѣютъ въ виду интересы не опредѣленнаго конкретнаго лица, а всѣхъ вообще носителей даннаго права, интересъ разумѣется при этомъ вѣроятный, возможный, какія же дѣйствительныя послѣдствія могутъ произойти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это вполнѣ выходитъ изъ разсмотрѣнія права.

Юридическія нормы — нормы общія, и потому въ нихъ разумѣется интересъ не одного даннаго конкретнаго носителя права, а всѣхъ вообще носителей подобнаго права, и если, скажемъ, наслѣдственное право можетъ оказаться и не въ интересѣ одного даннаго наслѣдника (если, напр., онъ, получивши средства, предастся разврату), то оно несомнѣнно въ интересѣ вообще наслѣдниковъ. Ставши на точку зрѣнія отдѣльныхъ послѣдствій осуществленія права, можно отвергнуть вообще, что какое бы то ни было право охраняетъ или

разграничиваетъ интересы. Охрана жизни, здоровья, имущества, чести и т. д. въ отдѣльныхъ случаяхъ въ послѣдствіяхъ своихъ можетъ привести къ ущербу интересовъ даннаго лица. Но когда говорится объ охранѣ правомъ интересовъ, то, конечно, разумѣется общій, вѣроятный интересъ, а будущее въ его случайностяхъ неизвѣстно никому, и къ чему можетъ привести охрана моего видимаго интереса черезъ годъ, десять, сто, тысячу лѣтъ, въ вѣчности, мнѣ не извѣстно. Такъ можно сказать, что никто не охраняетъ и не преслѣдуетъ своихъ интересовъ, ибо каждый человѣкъ постоянно ошибается въ разсчетахъ или въ пониманіи своего истиннаго интереса.

Никто не говоритъ, что право дѣйствительно всегда осуществляетъ настоящій интересъ. Право есть норма долженствованія, слѣдовательно, оно лишь стремится къ должному; оно стремится охранить вѣроятный интересъ. Вѣроятность сопровождаетъ всѣ человѣческія дѣйствія и нормы; и тогда, когда опредѣляютъ юридическую норму, какъ разграниченіе внѣшней свободы человѣка, исходятъ изъ наибольшей вѣроятности, и возможны и многочисленны случаи, гдѣ право, предоставляя свободу человѣку, фактически ее ограничиваетъ и, наоборотъ, ограничивая, расширяетъ. Предоставленіе свободы договора голодному рабочему сплошь и рядомъ будетъ для него средствомъ закабаленія и рабства, и были и могутъ быть эпохи, когда установленіе самого крѣпостного труда было освобожденіемъ для крѣпостныхъ отъ прежняго еще болѣе фактически рабскаго положенія.

Но изъ того, что теоріи, видящія въ юридическихъ нормахъ охрану или разграниченіе интересовъ, правы въ своихъ утвержденіяхъ, нисколько не вытекаетъ, будто слѣдуетъ противопоставлять эти теоріи, какъ враждебныя, волевымъ и либеральнымъ теоріямъ права. Это, впрочемъ, сознавалъ и одинъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ сторон-

никовъ теоріи интереса, Коркуновъ. „То обстоятельство, писалъ онъ, что многіе юридическіе институты вполнѣ объяснимы съ той точки зрѣнія, что право есть разграниченіе воль, нисколько не говоритъ противъ опредѣленія права, какъ охраны интересовъ, потому что обезпеченіе за индивидомъ извѣстной сферы, въ которой онъ свободно можетъ проявлять свою волю, также есть одинъ изъ интересовъ и, слѣдовательно, пониманіе права, какъ охраны интересовъ, гораздо общѣе, нежели пониманіе его, какъ разграниченія воль: первое обнимаетъ собою второе, какъ частный случай охраны интересовъ“ (Лекціи по общей теоріи права, 5 изд., стр. 80).

Однако ошибочно мнѣніе, будто опредѣленіе права, какъ охраны интересовъ, можетъ замѣнить собою либеральную теорію. Въ одномъ случаѣ отмѣчается объективный моментъ положительнаго содержанія юридической нормы, въ другомъ — субъективный моментъ внѣшней формы юридической нормы. Право имѣетъ въ виду не только свободу, но и интересъ, неразрывно связанный со свободой. Свобода входитъ въ сферу права только связанная съ интересомъ. И интересъ предполагается только вѣроятный, только наполняющій извѣстную сферу внѣшней свободы. Можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ оказаться, что почти исключительное значеніе въ нормѣ права имѣетъ тотъ или другой общій интересъ, или что опредѣляется сфера личной свободы, какъ бы независимо отъ наполняющаго ее какого-либо интереса.

Обѣ эти теоріи не опровергаютъ другъ друга, а взаимно другъ друга дополняютъ. Общій интересъ и личная свобода понятія не антиномическія, а коррелятивныя.

IV.

Каждая изъ разсмотрѣнныхъ нами выше теорій права является односторонней и недостаточной, но въ то же время обыкновенно она отвѣчаетъ нѣкоторымъ сторонамъ дѣйстви-

тельности и нѣчто реальное и вѣрное отмѣчено каждой изъ нихъ, но однако не вся реальность. Слѣдуетъ отказаться отъ безплодныхъ попытокъ односторонне опредѣлить природу права, а такъ понять его, чтобы это пониманіе охватывало собою всѣ односторонніи теоріи въ ихъ, хотя и односторонней, правильности.

Руководящая синтетическая идея права дается основной идеей нравственности, — равновѣсіемъ личной свободы и общаго блага. Право есть опредѣленно фиксированный заранѣе принудительный минимумъ нравственности. Возникаетъ оно, какъ послѣдствіе двухъ противоположныхъ теченій общественной жизни, — исключительнаго утвержденія личной свободы, индивидуальнаго эгоизма и интереса, влекущаго въ своемъ преувеличеніи къ раздору и борьбѣ, и стремленія къ общественному миру, соглашающему въ общемъ благѣ отдѣльные личные эгоизмы, какъ вслѣдствіе сознанія вреда для самой личности отъ состоянія общественнаго раздора, такъ и въ соображеніяхъ восполненія личности черезъ блага общественной среды. Соотвѣтственно этимъ двумъ источникамъ права, въ правѣ имѣется всегда два элемента, общественный авторитетъ и личная автономія, первый особенно сказывающійся въ объективномъ правѣ, второй — въ субъективныхъ правахъ.

Право есть мирный договоръ между личной свободой и общимъ благомъ, устанавливающій общественный порядокъ. Правовая система всегда стремится дать и утвердить жизненное равновѣсіе общественныхъ силъ. То, что часто называлось древними авторами идеей справедливости, есть въ сущности указанное принудительное лично-общественное равновѣсіе, составляющее душу, логосъ, смыслъ права. Это равновѣсіе всегда конкретно и исторически измѣнчиво; оно никогда не бываетъ совершеннымъ и постоянно нарушается. Движущее начало исторіи права есть своеобразное неустойчивое равновѣсіе. Дать математически точ-

ную формулу юридическаго равновѣсія, пригодную для всякихъ случаевъ, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена невозможно, такъ какъ жизненное равновѣсіе устанавливается, какъ въ правѣ, такъ и во всемъ живущемъ мірѣ, конкретно, въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ положенія, всякій разъ особо, и не можетъ быть заранѣе вполнѣ опредѣлено общей формулой. Въ этомъ основная ирраціональная черта и тайна жизни, послѣдствіе единственности и неповторяемости ея конкретныхъ проявленій. Гдѣ жизненное равновѣсіе права нарушается, тамъ наступаетъ разрушеніе правового порядка и даже вообще общественной формы.

Противъ опредѣленія права, какъ равновѣсія между свободой и общимъ интересомъ, ничего не говоритъ, конечно, то обстоятельство, что въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ можно доказать, что юридическая норма въ дѣйствительности, въ своемъ реальномъ примѣненіи, создаетъ не равновѣсіе личной свободы и общаго интереса, а служитъ для подавляющаго торжества или личной свободы или общаго интереса. Такая юридическая норма не будетъ только отвѣчать идеѣ права, она будетъ носить ложное имя права, она будетъ нормою ошибочнаго права. Юридическая норма всегда имѣетъ въ виду или, по крайней мѣрѣ, предполагается, что имѣетъ въ виду, равновѣсіе свободы и общественнаго интереса. Доказать, что она этого не достигаетъ, значитъ произвести критику права и показать необходимость исключенія этой нормы изъ сферы права.

Необходимость объединяющаго, синтетическаго опредѣленія права неоднократно сознавалась. Изъ новѣйшихъ наиболѣе удачныхъ попытокъ дать такое опредѣленіе укажемъ хотя бы на теоріи Соловьева и Мориса Горіу.

Необходимыми элементами для понятія права Соловьевъ считалъ съ одной стороны — личную свободу, общность (равенство передъ закономъ), и разграниченіе (какъ необходимое слѣдствіе соединенія двухъ предшествующихъ эле-

ментовъ), съ другой стороны — общее благо и принудительную внѣшнюю реализацію. Однако многочисленные элементы, изъ которыхъ слагается природа права, должны быть приведены между собою въ опредѣленную связь, чтобы изъ нхъ соединенія могло получиться живое и органическое цѣлое. Должно быть найдено синтезирующее начало, которое каждому элементу укажетъ свое опредѣленное мѣсто. Такой объединяющій, синтезирующій принципъ Соловьевъ нашелъ въ идеѣ равновѣсія, что и соотвѣтствуетъ всему духу его философіи, построенной на идеѣ равновѣсія и гармоніи. „Именно равновѣсіе есть отличительный специфическій характеръ права“ (VII, 514—5). Равновѣсіе это полагалось Соловьевымъ въ разумномъ гармоническомъ соединеніи двухъ противоборствующихъ началъ, — индивидуальной свободы, въ которой заинтересована личность, и общаго благосостоянія и безопасности, въ которыхъ заинтересовано общество; право же и обезпечивающее его государство заинтересованы лишь въ разумномъ равновѣсіи этихъ противоположныхъ интересовъ (VII, 514). „Законъ утверждаетъ существующее общественное равновѣсіе“ (III, 308). Изъ того, что сущность права состоитъ въ равновѣсіи двухъ нравственныхъ интересовъ, личной свободы и общаго блага, Соловьевъ выводилъ то заключеніе, что нельзя упразднять одного интереса въ пользу другого, такъ какъ при этомъ нарушено было бы равновѣсіе и исчезло само право, — или въ анархіи или въ деспотизмѣ (VII, 390—1, 387—8). Отсюда, въ окончательномъ результатѣ Соловьевъ пришелъ къ слѣдующему опредѣленію права: „право есть историческо-подвижное опредѣленіе необходимаго принудительнаго равновѣсія двухъ нравственныхъ интересовъ — личной свободы общаго блага“ (VII, 386). Или въ другомъ мѣстѣ болѣе точно: „право есть исторически-подвижное опредѣленіе принудительнаго равновѣсія между двумя нравственными интересами: формально-нравственнымъ интересомъ лич-

ной свободы и матеріально-нравственнымъ интересомъ общаго блага" (VII, 514). Вполнѣ въ соотвѣтствіи съ такимъ пониманіемъ права, Соловьевъ и законъ, какъ одну изъ формъ права, опредѣлялъ, какъ общепризнанное и независящее отъ личныхъ мнѣній и желаній понятіе о должномъ въ данныхъ условіяхъ и въ данномъ отношеніи равновѣсіи между частною свободою и благомъ цѣлаго (VII, 393). Равновѣсіе между свободными личными силами и собирательной силой общественной организаціи, устанавливаемое правомъ, не является для Соловьева чѣмъ-то заранѣе даннымъ, опредѣленнымъ и неподвижнымъ; оно зависитъ отъ всего разнообразія исторической дѣйствительности и является подвижнымъ и колеблющимся, слагающимся изъ множества частныхъ нарушеній и возстановленій (VII, 388). Идея равновѣсія, можно сказать, есть кардинальная идея всей синтетической философіи Соловьева. Его идеалъ — свободная общинность; свободная же общинность, по его собственному опредѣленію, есть положительное равновѣсіе и внутреннее единство между всѣми и каждымъ, между общественнымъ и личнымъ элементами.

Мысль, что основная идея права есть равновѣсіе личной свободы и общественнаго блага, проникаетъ въ сознаніе многихъ современныхъ юристовъ. Всякое право — нѣсколько иначе формулируетъ ту же мысль тулузскій профессоръ Горіу, — есть синтезъ трехъ элементовъ, въ различныхъ пропорціяхъ: интереса, власти и функціи. Нѣтъ права безъ интереса; интересы же суть практическія воли людей, имѣющія цѣлью удовлетвореніе потребностей. Нѣтъ права и безъ власти рѣшенія; интересы, которыхъ нельзя реализовать по собственному рѣшенію, не право; этой власти рѣшенія въ правѣ соотвѣтствуетъ отвѣтственность. Нѣтъ, наконецъ, права, если въ удовлетворенномъ интересѣ или въ осуществленной власти нѣтъ выполненной общественной функціи или если эта функція противообщественна (Principes de droit public, 1910, ch. III, 1).

Если право по содержанію своему входитъ, какъ нѣкоторый фиксированный минимумъ, въ болѣе широкую область нравственности, то, разумѣется, съ этой точки зрѣнія нельзя разграничить право отъ нравственности, это отличіе можетъ быть установлено только по формальному признаку. Конечно, и по содержанію есть различіе между правомъ и нравственностью: нравственность не ограничена въ своихъ требованіяхъ, а право, будучи лишь минимумомъ нравственности, ограничено; право требуетъ дѣйствительной реализаціи этого минимальнаго добра, а нравственность можетъ оставаться и только идеальнымъ требованіемъ. Часто приводимое различеніе этихъ двухъ сферъ по тому признаку, что право регулируетъ внѣшнюю совмѣстную жизнь людей, а нравственность (какъ и религія) — внутреннюю, не правильно, такъ какъ и нравственность имѣетъ въ виду внѣшніе поступки людей, и право обращаетъ вниманіе на внутреннія побужденія людей. Что касается отличія нравовъ по содержанію отъ нравственныхъ нормъ, то оно заключается въ томъ, что нравы, внося въ общежитіе правильность и регулярность отношеній, преслѣдуютъ задачи лишь простого удобства и эстетики и нисколько не связаны съ основной цѣлью человѣческой жизни, между тѣмъ какъ всякая нравственная норма такъ или иначе связана съ высшею цѣлью человѣческой дѣятельности, ею опредѣляется и ею оцѣнивается.

Точное различіе между правомъ и нравственностью можетъ быть дано только по формальному признаку, по источнику принудительности нормъ и по характеру ихъ санкціи.

III. Формальное опредѣленіе права.

I. Государственная теорія права. — II. Психологическая теорія права. — III. Синтетическое опредѣленіе права.

Разнообразіе содержанія положительныхъ юридическихъ нормъ въ исторіи и несогласіе юристовъ въ опредѣленіи основной матеріальной идеи права приводятъ многихъ теоретиковъ-юристовъ къ поспѣшному заключенію, будто право можетъ быть опредѣлено только по формальному признаку. Мнѣніе это исходитъ изъ предположенія, что въ разнообразіи матеріальнаго содержанія положительныхъ юридическихъ нормъ нельзя открыть никакого общаго принципа, но что можно найти такой общій принципъ лишь въ той формѣ, какую получаютъ юридическія нормы. Подъ формой въ данномъ случаѣ разумѣется не что иное какъ, съ одной стороны, источники нормъ (въ смыслѣ органовъ дающихъ жизнь праву), съ другой стороны, характеръ принудительности этихъ нормъ.

Но стремленіе найти постоянное однообразіе и устойчивость въ формальныхъ признакахъ права (т. е. въ его источникахъ и въ характерѣ его принудительности) ошибочно и иллюзорно. Въ исторіи мы находимъ чрезвычайное разнообразіе компетентныхъ правотворящихъ органовъ и характера принудительности самихъ нормъ. Если первобытныя общества живутъ по обычному праву, и правотворящимъ источникомъ въ нихъ является все общество, все племя или народъ, то въ современныхъ государствахъ внутреннее національное

право вырабатывается главнымъ образомъ особо установленными компетентными законодательными органами. Въ современномъ правѣ нормы гражданскаго, уголовнаго и административнаго права почти исключительно исходятъ отъ законодательныхъ органовъ, нормы государственнаго права покоятся на измѣнчивыхъ и часто молчаливо лишь признанныхъ соглашеніяхъ отдѣльныхъ государственныхъ органовъ и народа, нормы международнаго права вырабатываются узкользающими отъ всякой опредѣленной фиксаціи международными органами и обычной практикой, лишенной всякаго опредѣленнаго органа, нормы церковнаго права исходятъ изъ совершенно особаго источника, — отъ церковной іерархіи.

Характеръ принудительности юридическихъ нормъ тоже различенъ въ разныхъ отдѣлахъ права: принудительность гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ юридическихъ нормъ сопровождается обычно опредѣленной санкціей, примѣняемой опредѣленными органами, принудительность государственныхъ юридическихъ нормъ покоится на сопротивленіяхъ другихъ государственныхъ органахъ, на государственныхъ переворотахъ, отказахъ въ повиновеніи и возстаніи, принудительность международноправовыхъ нормъ покоится на войнѣ и на причудливомъ совмѣстномъ и неопредѣленномъ воздѣйствіи нѣкотораго числа согласившихся между собою державъ, принудительность каноническихъ нормъ покоится на духовныхъ санкціяхъ, примѣняемыхъ церковною властью, и на угрозѣ отлученія отъ церкви.

Непонятно, на чемъ можетъ основываться предположеніе, что формальный признакъ юридическихъ нормъ всегда одинъ, всегда точно опредѣленъ и не подлежитъ закону того историческаго разнообразія, которое мы находимъ въ содержаніи юридическихъ нормъ. Форма, въ какую облекаются правовыя нормы, столь же разнообразна, какъ и ихъ содержаніе; однако это разнообразіе не можетъ помѣшать намъ какъ въ

одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ найти общую идею, которая обнимала бы все это разнообразіе. Мы полагаемъ только, что нѣтъ никакого основанія противопоставлять формальное опредѣленіе права матеріальному, и что право должно быть опредѣлено какъ съ матеріальной, такъ и съ формальной стороны.

Среди источниковъ юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ собою особый характеръ принудительности этихъ нормъ, слѣдуетъ различать какъ основные: психическое сознаніе людей, дающее нормамъ психическую санкцію; опредѣленные внѣшніе политическіе органы, дающіе нормамъ государственную санкцію, и общество въ цѣломъ, обосновывающее коллективную общественную санкцію нормъ.

Два первые источника, въ своемъ отвлеченіи дающіе начало двумъ противоположнымъ формальнымъ теоріямъ права, психологической и государственной, синтетически объединяются въ третьемъ, такъ какъ общество, съ одной стороны, есть особая форма психическаго коллективнаго синтеза, съ другой стороны, оно дѣйствуетъ чрезъ опредѣленные внѣшніе органы, которыми по преимуществу являются органы государственные.

I.

Наиболѣе обычно опредѣленіе права по формальному признаку организованнаго государственнаго принужденія. Право имѣетъ своимъ источникомъ силу общественнаго принужденія, поскольку оно находитъ свое выраженіе въ волѣ органовъ государственной власти. Правовыя нормы суть тѣ нормы, которыя изданы или признаны государственной властью. Гдѣ нѣтъ организованной государственной власти, тамъ нѣтъ и права. „Право есть совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ“, таково, по мнѣнію Іеринга, ходячее опредѣленіе права, съ которымъ онъ вполнѣ согласенъ (Zweck im Recht, I, 320) и которое принимается очень многими юристами.

Рѣдко однако кто изъ нихъ обнаружилъ въ этомъ отношеніи такую послѣдовательность, какъ Шершеневичъ, упорно отстаивающій эту теорію во всѣхъ своихъ работахъ и въ послѣдней, Общей теоріи права (1911). Нормы права — это повелительные приказы, сопровождаемые угрозой на случай ихъ невыполненія. Но „признавая, что нормы поведенія, сопровождаемыя угрозою, могутъ исходить изъ различныхъ общественныхъ группъ, мы присваиваемъ названіе правовыхъ только тѣмъ нормамъ, соблюденіе которыхъ предписывается подъ угрозою, исходящей отъ государства“. Для права важно, кто требуетъ соблюденія нормъ. „Если это требованіе исходитъ отъ высшей власти въ данномъ общественномъ союзѣ, велѣнія которой неспособна отмѣнить никакая иная, стоящая надъ нею, власть, то такія нормы мы называемъ нормами права“. „Нормы права называются дѣйствующими, насколько соблюденіе ихъ требуется государствомъ. По другому взгляду, дѣйствующими нормами слѣдовало бы считать тѣ, которыя признаются въ данный моментъ. Но тогда невозможно было бы провести различіе между правомъ и правовымъ идеаломъ, которое въ данное время отвѣчаетъ воззрѣніямъ общества. Такъ какъ нормы права отличаются отъ другихъ соціальныхъ нормъ тѣмъ, что соблюденіе ихъ поддерживается требованіемъ, исходящимъ отъ государства, то отсюда слѣдуетъ: 1) что внѣ государства нѣтъ права, и 2) что дѣйствіе нормъ права ограничивается предѣлами власти государства“ (стр. 283—4). „Принужденіе, сопровождающее норму права, имѣетъ психическій характеръ и заключается въ возбужденіи мотива, который долженъ склонить къ поведенію, согласному съ нормами, и преодолѣть мотивы, отклоняющіе отъ нормальнаго поведенія. Силою, воздѣйствующею въ этомъ направленіи на волю, является угроза со стороны государственной власти невыгодными послѣдствіями въ случаѣ уклоненія отъ нормы. Для проведенія этой угрозы въ

исполненіе государство создаетъ особые органы" (стр. 297). Все, что не подходитъ подъ такое опредѣленіе, не есть право, хотя бы оно и носило названіе права: международное, каноническое, конституціонное право называются такъ неправильно (стр. 299—300)[1]).

Нельзя отказать этой теоріи какъ въ опредѣленности и точности, такъ и въ послѣдовательности, идущей до конца логическихъ выводовъ изъ разъ принятой точки зрѣнія. Въ данномъ отношеніи Шершеневичъ походитъ на представителя другой формальной теоріи права, Л. Петражицкаго, съ которымъ онъ впрочемъ радикально расходится и рѣзко полемизируетъ. Оба они прямолинейно развиваютъ свои теоріи, нисколько не считаясь съ обычнымъ словоупотребленіемъ и дѣйствительнымъ объемомъ права, одинъ безгранично расширяя сферу права, другой чрезвычайно ее суживая.

Выбрасывая за бортъ права конституціонное, каноническое и международное право, Шершеневичъ не считается

1) Повидимому, Соловьеву тоже право представлялось въ необходимомъ соединеніи съ государствомъ. Будучи принудительнымъ, оно требуетъ для своей реализаціи властнаго политическаго союза. „Общество человѣческое должно представлять извѣстный порядокъ, порядокъ этотъ долженъ быть справедливымъ, справедливость есть осуществленіе всѣхъ правъ, права же опредѣляются закономъ, который для того, чтобы быть дѣйствительнымъ, долженъ обладать силой, т. е. всѣми средствами для своего осуществленія; такой обладающій силой законъ называется властью. Общество, представляющее такой законодательный и властный порядокъ, есть государство или политическій союзъ" (II, 132). Отличительнымъ признакомъ положительнаго права (закона) Соловьевъ считалъ, кромѣ публичности и конкретности, реальную примѣнимость, обезпечиваемую „санкціей", т. е. угрозой принудительными и карательными мѣрами. „Чтобы эта санкція не оставалась пустою угрозой, законъ долженъ опираться на дѣйствительную силу, достаточную для проведенія его въ исполненіе во всякомъ случаѣ. Другими словами, право должно имѣть въ обществѣ дѣйствительныхъ носителей или представителей, достаточно могущественныхъ для того, чтобы издаваемые ими законы и произносимыя сужденія могли имѣть силу принудительную. Такое реальное представительство права или такая дѣеспособная законность называется властью" (VII, 393—4). Государство есть какъ бы воплощенное право, такъ какъ только въ государствѣ право находитъ всѣ условія для своего дѣйствительнаго осуществленія (VII, 395).

съ обычной точкой зрѣнія и чрезвычайно ограничиваетъ понятіе права. И притомъ совершенно произвольно. Правовыя нормы суть нормы, обладающія извѣстными свойствами; если окажутся нормы, съ такими же свойствами, но не являющіяся велѣніями государственной власти, то почему же онѣ должны быть изъяты изъ области права? Прикрѣпленіе ихъ къ государственной власти вполнѣ произвольно. Съ такимъ же успѣхомъ можно было бы утверждать, что нормы права суть тѣ нормы, которыя требуются русской государственной властью, и объявить не правовыми нормы французскаго, англійскаго и т. п. права. Для понятія права важны опредѣленныя свойства правовыхъ нормъ, и гдѣ эти опредѣленныя свойства находятся, тамъ и право; если въ правовыхъ нормахъ Шершеневичъ находитъ повелительный характеръ, сопровождаемый психическимъ принужденіемъ подъ угрозою организованнаго внѣшняго воздѣйствія, и этотъ характеръ считаетъ для права существеннымъ (въ чемъ мы съ нимъ вполнѣ согласны), то онъ и долженъ признавать правовыми всѣ тѣ нормы, гдѣ находится указанный признакъ. Произвольное же прикрѣпленіе правовыхъ нормъ къ велѣніямъ государственной власти приводитъ его къ выводамъ, которые едвали будутъ приняты юристами. Мы не говоримъ уже о томъ, что даже въ области внутренне-государственнаго права (административнаго и гражданскаго, — единственныхъ, которыя признаются Шершеневичемъ), его опредѣленіе преувеличиваетъ значеніе закона и совершенно не въ состояніи объяснить дѣйствіе обычнаго права, которое, пожалуй, тоже можетъ оказаться за предѣлами права.

Государственная теорія права имѣетъ одинъ основной недостатокъ, — она расходится съ тѣмъ историческимъ фактомъ, что въ каждомъ общественномъ союзѣ, а не только въ государствѣ, имѣется право: ubi societas, ibi jus.

Но государственная теорія права безусловно вѣрна въ одномъ отношеніи: нормы права принудительны. Въ по-

слѣднее время въ теоретической юриспруденціи, въ противоположность обычному и испоконъ вѣковъ традиціонному воззрѣнію, начало пробиваться и получать широкое распространеніе мнѣніе, отвергающее принудительность, какъ необходимый признакъ права. Принужденіе въ правѣ отвергаютъ и Бирлингъ, и Коркуновъ, и Петражицкій, и Трубецкой, и Дюги (L'Etat, I, 106—127), хотя они и исходятъ въ этомъ отрицаніи изъ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія [1]).

Мы полагаемъ, что отвергнуть принудительный характеръ юридическихъ нормъ значитъ растворить право въ общественныхъ привычкахъ, нравахъ, правилахъ приличія и т. п. Та минимальная реализація добра, которая дается правомъ, не факультативна, не зависитъ отъ свободнаго усмотрѣнія и признанія лица, а обязательна и гарантируется принужденіемъ. „Право по самому существу своему, — совершенно правильно писалъ Штаммлеръ, — стремится обладать силою принудительнаго велѣнія, не взирая на волю и согласіе тѣхъ, отъ кого оно требуетъ себѣ повиновенія. Что именно такое требованіе предъявляется отъ лица права, это фактъ, засвидѣтельствованный исторіей. Слѣдовательно, выступающее съ такими претензіями историческое право не можетъ опираться на фактическое согласіе или признаніе. Понятіе права не можетъ быть выяснено въ своихъ характерныхъ особенностяхъ и не можетъ быть отграничено отъ понятія произвольно осуществляемой власти путемъ указанія на то, что оно признается подчиненными ему лицами. Можно думать, что общественныя отношенія измѣнятся къ лучшему, когда соціальный строй будетъ пользоваться признаніемъ со стороны всѣхъ или возможно большаго числа членовъ даннаго общества; но бу-

1) Такое же отрицательное отношеніе къ принудительному характеру юридическихъ нормъ находимъ мы и въ недавно появившемся изслѣдованіи А. Л. Байкова, Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права, Ярославль, 1912, стр. 220—221.

дучи организаціей правоваго регулированія, онъ утверждаетъ свое значеніе совершенно независимо отъ этого признанія: въ своихъ притязаніяхъ на значимость онъ исходитъ не изъ фактическаго согласія управляемыхъ". „Кто предполагаетъ право лишь тамъ, гдѣ право опирается на фактическое признаніе его тѣми, на кого простирается власть права, тотъ отрицаетъ исторически данное понятіе права и его дѣйствительное притязаніе на принудительную значимость, а вовсе не дѣлаетъ его логически понятнымъ и нисколько не опредѣляетъ его" [1]). То же писалъ и Соловьевъ: „Понятіе права по самой своей природѣ заключаетъ въ себѣ элементъ объективный или требованіе реализаціи: необходимо, чтобы право всегда имѣло силу осуществиться, т. е. чтобы свобода другихъ, независимо отъ моего субъективнаго ея признанія, или отъ моей личной справедливости, всегда могла на дѣлѣ ограничивать мою свободу въ равныхъ предѣлахъ со всѣми" (VII, 386 и 514).

Право есть дѣйствительная, реальная сила и требуетъ ненарушимости устанавливаемаго имъ порядка. Конечно, не всякая сила есть право и не всякая власть носитъ правовой характеръ, но всякое дѣйствительное право есть сила и должно обладать властью. Никакой правомѣрный порядокъ не возможенъ безъ организованной и принудительной власти. Отвергнуть это значитъ вполнѣ войти въ атмосферу утопическихъ анархическихъ ученій, представляющихъ возможность правового порядка безъ власти и принужденія. Однако и они признаютъ, что общество должно состоять изъ множества мелкихъ самоуправляющихся общинъ. Но такія

1) Этому мнѣнію Штаммлеръ остался вѣренъ и въ своей послѣдней работѣ Theorie der Rechtswissenschaft, Halle, 1911, въ которой онъ опредѣляетъ право, какъ „неотмѣнно и самовластно связывающее хотѣніе" (das unverletzbar selbstherrlich verbindende Wollen); см. стр. 98—74, 90—95, 101—105, 109—113.

общины тоже должны быть организованы внутри, что̀ невозможно безъ принудительной власти.

Вопросъ о принужденіи слишкомъ важенъ для понятія права, чтобы его можно было обойти или рѣшить безъ серьезнаго разсмотрѣнія тѣхъ возраженій, которыя приводятся обыкновенно противъ принудительнаго характера юридическихъ нормъ.

Прежде всего надо устранить, какъ не требующія особаго разсмотрѣнія, возраженія чисто софистическаго характера, которыми, къ сожалѣнію, часто злоупотребляютъ. Таковымъ надо считать часто примѣняемыя Петражицкимъ въ его критикѣ теоріи принужденія указанія на допускаемую будто бы этой теоріей логическую ошибку definitio per idem и на мнимую необходимость въ этомъ случаѣ безконечнаго числа нормъ, санкціонирующихъ одна другую (Теорія права, стр. 265—7, 273, 534). Это совершенно не вѣрно. Во внесеніи въ юридическія нормы момента принудительности никакой definitio per idem нѣтъ, такъ какъ понятіе политической власти есть понятіе самостоятельное по отношенію къ праву и болѣе широкое, чѣмъ право. Такъ можно было бы отвергнуть, ссылкой на definitio per idem, любое опредѣленіе. И если мы, напр., скажемъ, что сынъ — это человѣкъ, находящійся къ другому человѣку, отцу, въ отношеніи физическаго происхожденія, то окажется, что мы совершаемъ логическую ошибку definitio per idem, такъ какъ мы внесли понятіе другого человѣка, отца, въ опредѣленіе котораго входитъ тотъ признакъ, что отъ него родился сынъ! Точно также никакой безконечности другъ друга санкціонирующихъ нормъ опредѣленіе права, какъ принудительнаго регулированія, не требуетъ. Всякая юридическая норма предполагаетъ принужденіе со стороны политической власти. Петражицкій ставитъ вопросъ о правомѣрности самой власти. Но эта правомѣрность опредѣляется данной государственной, общественной, международной, церковной и т. д. консти-

туціей, — понимая эту послѣднюю въ широкомъ смыслѣ организованнаго порядка, устройства, — независимо отъ того, каково происхожденіе самой конституціи, и безъ возможности юридически поднимать вопросъ объ ея правомѣрности. Ставить вопросъ о правомѣрности самой конституціи или выражающей ее политической власти значитъ выходить изъ области права въ сферу нравственныхъ оцѣнокъ или соціологической критики. Правовой строй предполагаетъ, что существуетъ въ обществѣ высшая организованная власть, которая окончательно и безъ возможности дальнѣйшихъ юридическихъ апелляцій рѣшаетъ вопросъ, что́ право и что́ не-право; иначе нужно признать, что каждый имѣетъ право самостоятельно рѣшать вопросъ о правѣ.

Противъ принудительнаго характера юридическихъ нормъ можетъ быть выставлено и обыкновенно выставляется три основныхъ и дѣйствительныхъ возраженія: 1) сплошь и рядомъ юридическія нормы примѣняются безъ физическаго принужденія (такъ можно вообразить себѣ общество праведниковъ, въ которомъ право дѣйствовало бы безъ принужденія), принужденіе поэтому не необходимый признакъ юридическихъ нормъ; 2) есть юридическія нормы, къ которымъ и не можетъ быть примѣнено физическое принужденіе, именно нормы конституціоннаго и международнаго права; слѣдовательно, принужденіе и не всеобщій признакъ юридическихъ нормъ; 3) существуетъ, наконецъ, цѣлая область нормъ, какъ частнаго, такъ и публичнаго права, требующихъ отъ людей совершенія опредѣленныхъ положительныхъ дѣйствій, гдѣ не можетъ быть примѣнено непосредственно физическое принужденіе и гдѣ это послѣднее замѣняется психическимъ принужденіемъ въ видѣ угрозы наказаніемъ; психическое же принужденіе свойственно и другимъ нормамъ, — религіознымъ, нравственнымъ и бытовымъ.

Всѣ эти возраженія покоятся на произвольномъ предположеніи, что разъ принужденіе объявляется существен-

нымъ признакомъ права, то оно разумѣется всегда въ дѣйствительности осуществляющимся. Юридическія нормы суть лишь общія правила, регулирующія общественный порядокъ; какъ всякія нормы, онѣ лишь потенціально принудительны, и отличаются отъ всѣхъ другихъ нормъ тѣмъ, что эта потенціальность имѣетъ въ виду внѣшнее, т. е. физическое, принужденіе.

Принужденіе разумѣется внѣшнее, т. е. требующее опредѣленнаго внѣшняго поведенія и примѣняющее для достиженія этого результата средства физическаго воздѣйствія. Но, разумѣется, вовсе нѣтъ необходимости, чтобы принужденіе это всегда осуществлялось путемъ примѣненія средствъ внѣшняго воздѣйствія на людей. Это есть послѣдняя мѣра для того, чтобы дать реальную жизнь данной нормѣ, и до примѣненія внѣшняго воздѣйствія ожидается благопріятный результатъ отъ чисто внутренняго, психическаго воздѣйствія. Такъ, прежде чѣмъ произвести какое-нибудь дѣйствіе manu militari, власть предлагаетъ добровольно подчиниться своему требованію. Принужденіе разумѣется не какъ всегда дѣйствующее, актуальное, а какъ осуществляющееся лишь въ случаѣ не выполненія добровольно юридической нормы, какъ всегда подразумѣвающееся, возможное, потенціальное.

Юридическія нормы потенціально внѣшне-принудительны и въ тѣхъ случаяхъ, когда на первый планъ выступаетъ въ нихъ психическое принужденіе. И тогда, когда эти нормы предписываютъ совершеніе какихъ-нибудь дѣйствій, онѣ охраняются внѣшнимъ принужденіемъ, хотя это послѣднее въ этихъ случаяхъ и отступаетъ, такъ сказать, на второй планъ. Въ первой степени выступаетъ психическое принужденіе угрозою внѣшняго воздѣйствія путемъ наказанія; если же этого психическаго принужденія окажется недостаточно, тогда приводится въ дѣйствіе санкція, влекущая за собою внѣшнее принужденіе. Въ этомъ коренное отличіе психическаго принужденія въ правѣ отъ психи-

ческаго принужденія при другихъ нормахъ; эти послѣднія не имѣютъ слѣдующаго за психическимъ принужденіемъ, въ случаѣ его недостаточности, организованнаго внѣшняго принужденія.

Совершенно неправильна поэтому критика теорій принужденія указаніемъ на двусмысленность понятія принужденія, то какъ физичеекаго, которое не всегда примѣняется и не всегда можетъ примѣняться въ правѣ, то какъ психическаго, которое простирается и не только на право. Въ правѣ вовсе не разумѣется то одно принужденіе, то другое, а всегда имѣется въ виду такое психическое принужденіе, которое въ случаѣ своей недостаточности и недѣйствительности дополняется физическимъ принужденіемъ или прямымъ, при насильственномъ осуществленіи права, или косвеннымъ, при примѣненіи карательной санкціи.

Нормы юридическія — принудительны въ томъ смыслѣ, что выполненіе ихъ гарантировано однимъ изъ видовъ санкцій (запретительныхъ, возстановительныхъ, исправительныхъ и репрессивныхъ); онѣ принудительны не только въ томъ смыслѣ, что ихъ невыполненіе влечетъ за собою непріятныя послѣдствія для нарушающаго ихъ, но главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что эти послѣдствія имѣютъ тенденцію возростать до того момента, когда нарушающій станетъ подчиняться нормѣ. Не-юридическія, бытовыя нормы могутъ каждымъ быть окончательно отвергнуты, такъ сказать отмѣнены, съ принятіемъ на себѣ тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, которыя отъ этого возникнутъ. Я перестану привѣтствовать своихъ знакомыхъ, они прервутъ свое со мной знакомство, — и только; я буду ходить по улицамъ безъ шляпы, прохожіе будутъ останавливаться и смотрѣть, — и только. Если я принимаю эти послѣдствія, эти нормы для меня отмѣнены. Но если я нарушаю какую-нибудь норму приличія, которая въ интересахъ поддержанія добрыхъ нравовъ объявлена юридической и имѣетъ юридическую санкцію, напримѣръ,

начну ходить по улицѣ не безъ шляпы, а безъ другихъ принадлежностей костюма, считаемыхъ и правомъ необходимыми, то полиція составитъ протоколъ и мировой судья наложитъ наказаніе, но нельзя сказать, что этимъ дѣло исчерпывается, и я могу продолжать ходить въ прежнемъ видѣ, и что норма для меня не существуетъ; если я повторю мое дѣйствіе, то наказаніе мнѣ будетъ сугубое, и санкція юридическая не перестанетъ дѣйствовать неотмѣнно, пока я не подчинюсь нормѣ. Въ этомъ именно смыслѣ и принудительна юридическая норма: отъ меня не зависитъ выбрать непріятныя послѣдствія нарушенія и отмѣнить для себя норму; непріятныя послѣдствія будутъ, а норма сохранитъ свою обязательность. Разница, какъ видимъ, глубокая.

Во внѣшнемъ принужденіи заключается и специфическій признакъ, отличающій право отъ нравственности, хотя право и тѣсно связано съ нравственностью. Чистая нравственность, находящаяся за предѣлами того своего минимума, который получаетъ принудительное осуществленіе въ правѣ, предполагаетъ свободное и добровольное исполненіе, такъ какъ она имѣетъ въ виду нравственное совершенство, какъ внутреннее состояніе; право же, представляющее внѣшнее осуществленіе опредѣленнаго порядка, предполагаетъ внѣшнее, прямое или косвенное, принужденіе.

II.

Такъ какъ источникомъ права, какъ и всякаго вообще соціальнаго образованія, является прежде всего психическое сознаніе людей, составляющихъ общество, то, повидимому, естественно искать специфическій формальный признакъ права въ своеобразныхъ психическихъ переживаніяхъ, соединенныхъ съ правовыми явленіями. Эта мысль лежитъ въ основаніи психологическихъ теорій права.

Правда, въ настоящее время едва ли найдется хоть одна заслуживающая разсмотрѣнія теорія права, которая не

принимала бы во вниманіе психическаго момента въ правѣ, но психологическія теоріи права въ тѣсномъ смыслѣ склонны этотъ психическій моментъ выдѣлять, какъ единственно-опредѣляющій природу права съ его формальной стороны. Одно время значительное вниманіе привлекла къ себѣ въ теоретической юриспруденціи психологическая теорія Бирлинга (Juristische Prinzipienlehre, т. I въ 1894 г. и ранѣе того въ Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe, 1877). Бирлингъ, видоизмѣнивши нормативную теорію Биндинга и Тона, конститутивный моментъ права нашелъ въ признаніи членами общества за извѣстными нормами характера правилъ ихъ совмѣстной жизни. „Право, въ юридическомъ смыслѣ, есть все то, что люди, принадлежащіе къ опредѣленной общественной группѣ, признаютъ въ качествѣ правилъ совмѣстной жизни для всѣхъ принадлежащихъ къ этой группѣ". Всякій государственный законъ постольку имѣетъ силы, поскольку онъ признанъ членами государства въ качествѣ общей связывающей нормы. У Бирлинга можно уже найти нѣкоторыя идеи чисто-психологической теоріи права, отрицающей реальное внѣ насъ существованіе объективнаго права и сводящей право лишь къ субъективнымъ психологическимъ переживаніямъ.

Но впервые въ законченную и послѣдовательную систему психологическое воззрѣніе на право возведено было Л. Петражицкимъ, изложившимъ свою теорію въ двухтомной Теоріи права и Государства и во введеніи въ эту теорію, въ Основахъ эмоціональной психологіи[1]).

1) Теорія Петражицкаго, благодаря новизнѣ и оригинальности основного замысла и послѣдовательности проведенія исходной идеи, вызвала обширную критическую литературу, съ самымъ разнообразнымъ къ себѣ отношеніемъ, начиная отъ рѣзкаго осужденія до полнаго признанія. Уже опубликованіе Петражицкимъ Очерковъ философіи права (1900), въ которыхъ была высказана основная идея теоріи, вызвало тотчасъ же три основательныя критическія статьи: вполнѣ отрицательную Чичерина, Психологическая теорія права (Вопр.

Петражицкій исходитъ изъ того воззрѣнія, что современное состояніе основныхъ понятій науки о правѣ не-

---

фил. и псих., кн. 55, 1900 г.), болѣе сочувственную, хотя и представляющую серьезныя возраженія, кн. Е. Трубецкаго, Философія права профессора Л. І. Петражицкаго (Вопр. фил. и псих., кн. 57, 1901 г.), и отрицательную Н. Паліенко, Новая психологическая теорія права и понятіе права (Временникъ Демидовскаго Юрид. лицея, кн. 82, 1901 г.). Паліенко снова отрицательно разобралъ теорію въ своемъ изслѣдованіи Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства, Харьковъ, 1908, стр. 139—145, 202—226, 270—280. [Критика Паліенко вызвала полемику, — мало впрочемъ заслуживающую вниманія, — со сторонникомъ теоріи Петражицкаго П. Михайловымъ: П. Михайловъ, Споръ психологической теоріи права съ теоріей внѣшнихъ императивовъ (Contra критика проф. Н. И. Паліенко) (Право, 1910 № 12); Паліенко, Объ одной защитѣ эмоціональной теоріи права (Право, 1910, № 12); Михайловъ, Споръ „психологической теоріи права“ съ теоріей внѣшнихъ императивовъ (Отвѣтъ проф. Паліенко) (Право, 1910, № 30), и его же, Психологическая теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи, Спб. 1910. Сюда же должна быть отнесена брошюра Г. А. Иванова, Новая теорія права и нравственности, ея критика и монистическое пониманіе этики, Спб. 1912, берущая на себя защиту теоріи Петражицкаго. Дембскій, Философія права и нравственности проф. Л. І. Петражицкаго, СПБ., 1909.] Очень отрицательно къ теоріи Петражицкаго отнеслись: В. Хвостовъ, Ученіе проф. Петражицкаго о правѣ и нравственности (Этюды по современной этикѣ, М. 1908, стр. 178—207) и Г. Шершеневичъ, Общая теорія права, 1911, стр. 333—344. Мало значенія для выясненія достоинствъ или недостатковъ психологической теоріи права имѣетъ полемика, не лишенная рѣзкаго тона, Сергѣевича съ Петражицкимъ, въ которой Сергѣевичъ обращалъ вниманіе лишь на детали и мелочи теоріи и не обсуждалъ ее по существу: В. Сергѣевичъ, Новое ученіе о правѣ и нравственности (Жур. Мин. Юст., 1909, № 2); Петражицкій, Критика моего „Введенія въ изученіе права и нравственности“ (Жур. Мин. Юст., 1909, № 9); В. Сергѣевичъ, Мой отвѣтъ г. Петражицкому (Жур. Мин. Юст. 1910, № 2); Петражицкій, Объясненіе проф. Сергѣевича по поводу его критики „Введенія въ изученіе права и нравственности“ (Право, 1910, № 32—33). Сочувственно отнеслись къ теоріи Петражицкаго: М. Ковалевскій, Моралъ и право. По поводу новаго сочиненія проф. Петражицкаго (Русскія Вѣдомости, 1907 г. № 235) и М. Рейснеръ, Теорія Петражицкаго, марксизмъ и

удовлетворительно и что прежде построенія правильной теоріи права и нравственности необходима критическая повѣрка нынѣшнихъ пріемовъ познанія и выработка новой правовой методологіи. Онъ считаетъ, что уже въ вопросѣ о сферѣ нахожденія правовыхъ явленій и ихъ элементовъ современная наука права находится въ коренномъ заблужденіи. За реально существующее ошибочно принимается то, что только представляется, какъ существующее во внѣшнемъ мірѣ, переживающимъ психическій процессъ, между тѣмъ какъ истинная реальность находится лишь въ психикѣ самого переживающаго. Правоотношенія не находятся гдѣ-нибудь въ пространствѣ. Правовыя явленія состоятъ въ своеобразныхъ психическихъ процессахъ, выражающихся въ приписываніи разнымъ представляемымъ существамъ ихъ обязанностей и правъ, такъ что кажется, будто эти существа находятся въ особыхъ отношеніяхъ связанности. Такъ какъ правовыя явленія происходятъ лишь въ сознаніи того, кто въ данный моментъ

соціальная идеологія, СПБ. 1908. Критикѣ (отрицательной) гносеологическихъ и психологическихъ предпосылокъ теоріи Петражицкаго посвящены цѣнныя статьи: В. Гинцберга, Ученіе Л. І. Петражицкаго о правѣ и его предпосылки (Вопр. фил. и псих., кн. 97, 1909 г.) и Р. Орженецкаго, Теорія права и государства проф. Петражицкаго (Вопр. фил. и псих., кн. 91, 1908 г.). Этому же вопросу посвящена и брошюра В. Поппе, Критика методологическихъ основъ теорій права и нравственности проф. Л. І. Петражицкаго, СПБ. 1912 (вполнѣ отрицательна). Быть можетъ, наиболѣе безпристрастное къ себѣ отношеніе и наиболѣе справедливую оцѣнку теоріи Петражицкаго нашла у Б. Кистяковскаго, Реальность объективнаго права (Логосъ, 1911, вып. II). Новаго сторонника пріобрѣлъ себѣ Петражицкій въ лицѣ А. Байкова въ его послѣднемъ изслѣдованіи, Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права, Ярославль, 1912 (Критическія замѣчанія относительно различенія Петражицкимъ права и нравственности, см. стр. 204—230). Теорія Петражицкаго оказала вліяніе и на послѣднюю книгу страсбургскаго профессора Юнга, Das Problem des natürlichen Rechts, Leipzig, 1912. Юнгъ различаетъ право и нравственность, приближаясь къ Петражицкому и даже ссылаясь на его различеніе, данное въ нѣмецкомъ переводѣ книги О мотивахъ человѣческихъ поступковъ.

переживаетъ сужденія, приписывающія права и обязанности, то единственно возможный методъ интроспективный, — простое или экспериментальное самонаблюденіе, соединенное съ внутреннимъ и внѣшнимъ наблюденіемъ.

Господствующее въ современной психологіи трехчленное дѣленіе психическихъ элементовъ на познаніе, чувства и волю представляется Петражицкому неудовлетворительнымъ. Это все одностороннія переживанія: познаніе и чувства односторонне пассивны, воля односторонне активна. Но въ психикѣ людей имѣются и двустороннія, активно-пассивныя переживанія, каковы, напр., голодъ, жажда, половое возбужденіе и т. д. Эти переживанія, называемыя Петражицкимъ импульсіями или эмоціями, дѣйствуютъ то отталкивающимъ, то подталкивающимъ образомъ и играютъ роль руководящихъ психическихъ факторовъ въ приспособленіи къ условіямъ жизни. Существуетъ два класса эмоцій: спеціальныя эмоціи, какъ голодъ, жажда, имѣющія спеціальныя акціи, т. е. вызываемыя эмоціями системы тѣлодвиженій и иныхъ физіологическихъ и психическихъ процессовъ, и бланкетныя эмоціи, не предопредѣляющія не только частностей, но и общаго характера и направленія акцій.

„Существованіе и дѣйствіе въ нашей психикѣ, репульсивныхъ или аппульсивныхъ, эмоцій проявляется между прочимъ, въ формѣ сужденій отвергающихъ или одобряющихъ соотвѣтственное поведеніе, не какъ средство для извѣстной цѣли, а само по себѣ, напр., „ложь постыдна“, „не слѣдуетъ лгать“, „слѣдуетъ говорить правду“ и т. п. Сужденія, въ основѣ которыхъ лежатъ такія сочетанія акціонныхъ представленій и репульсій или аппульсій, мы называемъ . . . нормативными сужденіями, а ихъ содержанія . . . нормами (I, 20—21). „Не что иное, какъ продукты эмоціональной проекціи, эмоціональныя фантазмы представляютъ и тѣ категорическія велѣнія съ высшимъ авторитетомъ, которыя въ случаѣ этическихъ переживаній представляются объективно суще-

ствующими и обращенными къ тѣмъ или инымъ субъектамъ". „Реально существуютъ только переживанія этическихъ моторныхъ возбужденій въ связи съ представленіями извѣстнаго поведенія . . . въ силу же эмоціональной проекціи переживающему такіе процессы кажется, что гдѣ то, какъ бы въ высшемъ пространствѣ надъ людьми, имѣется и царствуетъ соотвѣтственное категорическое и строгое велѣніе или запрещеніе, напр. запретъ лжи, а тѣ, къ коимъ такія велѣнія и запрещенія представляются обращенными, находятся въ особомъ состояніи связанности, обязанности" (I, 41—42). „Реальными феноменами являются здѣсь именно эти переживанія, сочетанія императивно-аттрибутивныхъ эмоцій съ указанными выше интеллектуальными элементами, а не кажущіеся субъекту находящимися: гдѣ-то въ высшихъ сферахъ — нормы, у однихъ представляемыхъ субъектовъ — обязанности, у другихъ представляемыхъ субъектовъ — права. Сколько бы мы ни старались отыскать что-либо реальное, физическое или психическое, соотвѣтствующее этимъ проекціямъ, въ частности, напр., какъ бы ни старались найти у тѣхъ, которымъ мы приписываемъ права, что-либо соотвѣтственное реальное, наши поиски неизбѣжно оказались бы безуспѣшными" (I, 84).

Для обоснованія своей теоріи права Петражицкій считаетъ нужнымъ выработать новое психологическое ученіе. Мы полагаемъ, что его основныя правовыя воззрѣнія, правильны они или нѣтъ, ни въ какомъ необходимомъ соотношеніи съ его эмоціональной психологіей не находятся и ихъ правильность или ошибочность нисколько не зависитъ отъ правильности или ошибочности самой психологической теоріи. Это тѣмъ болѣе важно подчеркнуть съ самого начала, что наиболѣе уязвимымъ пунктомъ во всей системѣ Петражицкаго, послѣ его логической теоріи образованія понятій, является, по нашему мнѣнію и мнѣнію большинства критиковъ этой теоріи, его ученіе объ эмоціяхъ, какъ само-

стоятельныхъ элементахъ психической жизни. Многими указывалось, и совершенно правильно, что познаніе, чувство и воля, которымъ Петражицкій готовъ противопоставить, какъ нѣчто самостоятельное, эмоціи, суть лишь теоретическіе элементы, абстракціи отъ сложной, самой по себѣ, психической дѣятельности; то же, что̀ Петражицкій называетъ двусторонними переживаніями эмоцій, есть лишь новое, и не совсѣмъ удачное, названіе для всего психологическаго процесса, какъ переживанія единаго и нераздѣльнаго; то, что̀ Петражицкій называетъ эмоціями, легко разлагается на пассивный элементъ — чувства и активный — вслевые акты. Но мы полагаемъ, что нѣтъ надобности углубляться въ разсмотрѣніе этого вопроса объ эмоціяхъ, такъ какъ судьба психологической теоріи нисколько не связана съ судьбою эмоціональной психологіи, и обсужденіе ея, быть можетъ, очень интересно съ обще-психологической точки зрѣнія, но не имѣетъ прямого отношенія къ выясненію природы права.

Что̀ дѣйствительно важно и имѣетъ жизненное значеніе для всей теоріи права Петражицкаго, это его логическія и методологическія предпосылки. Мы даже склонны считать основнымъ, роковымъ органическимъ порокомъ всей системы Петражицкаго его неудачную новую логическую доктрину созданія адэкватныхъ теорій.

Петражицкій находитъ, что неправильны обычные пріемы образованія общихъ понятій права и вообще всякихъ общихъ понятій. Онъ не считаетъ правильными ни идеалистической теоріи образованія апріорныхъ понятій, ни индуктивной логики; по его мнѣнію всякое общее понятіе должно правильно образовываться по слѣдующему простому принципу: „все, что имѣетъ признакъ А, относится къ классу А“; поэтому достаточно одного наблюденія и любого признака, чтобы построить на этомъ признакѣ цѣлый классъ явленій или предметовъ, обладающихъ этимъ признакомъ. Такое опредѣленіе будетъ относиться ко всѣмъ объектамъ съ уста-

новленнымъ признакомъ, и въ то же время оно будетъ адэкватнымъ, т. е. будетъ не только касаться всѣхъ относящихся къ нему явленій, но и обратно, не выходить за предѣлы изслѣдуемыхъ явленій. Но въ такомъ случаѣ, — возникаетъ возраженіе, — возможны общія опредѣленія и построенныя на нихъ теоріи о чемъ угодно, хотя бы о сигарахъ въ 10 лотовъ вѣсомъ. Петражицкій считается съ такой возможностью, но полагаетъ, что научныя теоріи отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что онѣ относятся къ обширнымъ классамъ явленій. Но, — спрашивается, — какъ же найти и образовать такіе обширные классы явленій? Это возможно или случайно, наудачу, — каковой способъ никакъ оправданъ быть не можетъ, — или какъ выводъ изъ сгруппированныхъ по особымъ принципамъ наблюденій; но этихъ то принциповъ Петражицкій, отвергнувши и идеалистическую и индуктивную логики, и не даетъ. Здѣсь именно и сказывается исходный слабый пунктъ всей теоріи Петражицкаго. Ему чуждо пониманіе познанія, какъ синтеза изъ опытныхъ воспріятій и формъ нашего мышленія; любое представленіе, любой признакъ даетъ ему основаніе для образованія научнаго понятія, и все въ сущности разсыпается въ хаосъ.

Эта логическая теорія имѣетъ въ дальнѣйшемъ очень важные и пагубные результаты. Мнѣніе, напр., Петражицкаго о негодности права въ юридическомъ смыслѣ въ качествѣ базиса для построенія научной теоріи права, такъ какъ будто бы это понятіе есть эклектическая группа (I, 243) не дающая адэкватной теоріи, объясняется именно его неправильной теоріей построенія общихъ понятій.

Эти немногія наши замѣчанія относятся къ предпосылкамъ теоріи права Петражицкаго.

Что касается самой психологической теоріи права, то возраженіе вызываетъ противъ себя прежде всего основная исходная идея, сводящая психологическое изученіе общественныхъ явленій къ изученію самой психологіи, между

тѣмъ какъ оно должно было бы только изучать объективныя, во внѣшнемъ мірѣ существующія реальныя явленія, какъ продукты психической дѣятельности. Теорія права Петражицкаго является „психологической“ не потому, что она считаетъ право явленіемъ человѣческой психики. Съ этой точки зрѣнія едвали была когда-нибудь теорія права, которая не была бы психологической. Почти всѣ явленія общественной жизни суть явленія психологическія; и наука, и государство, и экономика, и нравственность, и право не имѣютъ реальнаго, предметнаго существованія внѣ человѣческихъ переживаній. Психологичность Петражицкаго заключается въ томъ, что онъ своеобразную специфическую природу права хочетъ понять не черезъ изученіе права, какъ объективированнаго явленія, а черезъ чисто психологическое изученіе тѣхъ психическихъ переживаній, которыя соединяются у человѣка въ связи съ правовыми явленіями. Методъ не объективный, а субъективный. Право изучается не какъ объективное явленіе общественной жизни, а какъ чисто психическое явленіе.

Это произвольный и не научный методъ. Такъ можно и всякую науку изучать не въ ея законахъ, а въ своеобразныхъ психическихъ переживаніяхъ, связанныхъ съ научными явленіями. Ставъ въ изученіи природы права исключительно на точку зрѣнія эмпирической психологіи, можно отъ изученія этическихъ эмоцій и нравственныхъ моторныхъ импульсовъ притти къ физіологическому изученію тѣхъ частей мозга, гдѣ могутъ, по предположенію, сосредоточиваться эти эмоціи и импульсы, и создать „физіологическую теорію права“ (право — психологическое явленіе; психологическое явленіе — физіологическое явленіе).

Психологическая теорія источникъ явленія смѣшиваетъ съ самимъ явленіемъ. Дѣйствія людей есть нѣчто осуществляемое во внѣшнемъ мірѣ, хотя источники ихъ и находятся въ субъективномъ, психическомъ мірѣ людей. Не

вѣрно, будто во внѣшнемъ мірѣ реально не существуетъ юридическихъ явленій, нѣтъ собственности, власти, договора, государства и т. д., нѣтъ мѣста, гдѣ эти явленія помѣщаются, ихъ нельзя касаться, видѣть, слышать и т. д., будто есть только психическія переживанія. Конечно, нормъ юридическихъ, правовыхъ абстракцій реально не существуетъ и существовать не можетъ, но существуютъ конкретныя, отдѣльныя юридическія отношенія; существуютъ распоряженіе человѣка находящеюся у него вещью и уваженіе, непрепятствованіе ему со стороны другихъ; существуютъ соглашенія людей, письменныя или устныя обѣщанія и дѣйствія согласно этимъ обѣщаніямъ; существуютъ лица, приказывающія другимъ, и лица, дѣйствующія согласно этимъ приказаніямъ; имѣются лица, совершающія рядъ дѣйствій для поддержанія порядка, приказывающія, судящія и т. д., и лица имъ повинующіяся. Все это существуетъ вполнѣ реально, во внѣ, въ пространствѣ, можетъ быть увидѣно, услышано и т. д.

Но наука занимается изученіемъ не отдѣльныхъ явленій, а законовъ этихъ явленій, соотношеній сопутствія или послѣдовательности; законы же эти, какъ объекты внѣшняго міра, не существуютъ; они создаются нашимъ разумомъ, они какъ бы имѣютъ свою реальную жизнь въ нашемъ психическомъ мірѣ. И это имѣетъ отношеніе ко всѣмъ наукамъ: и математика, и физика, и біологія, и прикладныя науки изучаютъ общія отношенія явленій, ихъ законы. Изъ этого неправильно дѣлать выводъ, будто надо всѣ эти науки пересоздать и заняться изученіемъ не внѣ насъ лежащихъ, объективныхъ реальностей, а лишь нашего внутренняго міра, нашихъ психическихъ переживаній. Вѣдь и въ физикѣ изучаются законы тяготѣнія, свѣта, электричества и т. д. Въ дѣйствительности имѣются отдѣльные предметы, падающіе на землю, но никто еще не видѣлъ и не касался закона тяготѣнія; какъ бы мы ни искали, мы нигдѣ не найдемъ

реальности, состоящей въ томъ, что скорость тяготѣнія пропорціональна массѣ и обратно пропорціональна квадрату разстоянія. Неужели же мы должны, чтобы открыть этотъ законъ, оставить изученіе объективныхъ явленій и обратиться къ нашимъ внутреннимъ переживаніямъ, связаннымъ съ явленіями паденія тѣлъ.

Если отказаться отъ всякаго объективнаго изученія и обратиться только къ субъективнымъ переживаніямъ, то, пожалуй, не вѣрно будетъ и утвержденіе, что объектъ теоріи права императивно-аттрибутивныя переживанія людей; вѣдь лица, изучающія эти переживанія, субъективно имѣютъ дѣло лишь съ тѣми психологическими процессами, которые у нихъ возникаютъ при знакомствѣ съ юридическими переживаніями, и тогда нужно построить еще болѣе субъективную и психологическую теорію права, которая изучала бы переживанія аттрибутивно-императивныхъ переживаній. Можно было бы потомъ говорить о переживаніяхъ третьяго порядка и т. д., забраться въ самые дебри психологическаго анализа.

Но это совершенно безплодно. Психологическія тонкости и абстракціи существуютъ сами по себѣ, а конкретныя и реальныя явленія и предметы, вызывающія эти абстракціи, продолжаютъ свою независимую и объективную жизнь. Нельзя построить міра, даже и юридическаго, спекулятивнымъ („психологическимъ“) методомъ. Мы имѣемъ примѣры спекулятивныхъ философскихъ системъ, запутавшихся въ своихъ панлогическихъ построеніяхъ и рухнувшихъ; юридическая спекулятивность завела Петражицкаго въ дебри фантазмовъ и фикцій, что и неизбѣжно, если оторваться отъ объективной реальности и слишкомъ увѣрить только въ реальность субъективную.

Соединеніе неправильной исходной точки зрѣнія на задачи психологическаго изученія права съ неправильной логической теоріей образованія понятій и классовъ явленій

приводитъ Петражицкаго къ чрезмѣрному расширенію правовыхъ явленій и къ крайнему субъективистическому ихъ пониманію. „Наши классы, — говоритъ самъ Петражицкій объ объемѣ даваемаго имъ опредѣленія права, — много болѣе обширны, наши классовыя понятія обнимаютъ гораздо больше, чѣмъ то, что юристы признаютъ (называютъ) правомъ. Установленныя выше понятія права въ реально-психологическомъ и въ проекціонномъ смыслѣ обнимаютъ всѣ императивно-аттрибутивныя переживанія и всѣ соотвѣтственныя проекціи безъ всякихъ изъятій и ограниченій. Въ частности, съ точки зрѣнія этихъ понятій безразлично... основываются ли соотвѣтственныя нормы... на чьихъ либо велѣніяхъ, народныхъ обычаяхъ или иныхъ нормативныхъ фактахъ, или дѣло идетъ о независимыхъ отъ такихъ фактовъ... императивно-аттрибутивныхъ переживаніяхъ, а равно безразлично, пользуются ли соотвѣтственныя нормы, признаніемъ со стороны органовъ государственной власти или вообще со стороны органовъ или иныхъ членовъ какого бы то ни было общенія, или они таковымъ признаніемъ не пользуются“ (I, 87).

Петражицкій правильно видитъ въ правѣ императивно-аттрибутивныя переживанія. Его конкретный психологическій анализъ отдѣльныхъ видовъ и элементовъ права, государства и власти очень тонокъ. Неправильно однако его расширеніе объема права. Если въ правѣ слѣдуетъ видѣть императивно-аттрибутивныя психологическія переживанія, то и изъ этого не слѣдуетъ заключать, что всякія такія переживанія суть право. Изъ того правильнаго положенія, что живопись есть искусство, нельзя, вѣдь, дѣлать заключенія, что всякое искусство есть живопись. Это благодаря неправильной теоріи Петражицкаго объ образованіи понятій. Императивно-аттрибутивный характеръ переживаній лишь одна изъ сторонъ права, и ея недостаточно для полной его обрисовки. Нужно найти и другіе признаки права, которые выдѣлили бы его изъ слишкомъ неопредѣленной области, гдѣ

есть и дѣтское и преступное право, и право домовыхъ, покойниковъ, идоловъ и т. д., гдѣ правила приличія, хорошаго тона сливаются въ одну обширную область права. Получается впечатлѣніе, что теорія Петражицкаго не есть непремѣнно теорія права; слово право взято лишь случайно и можетъ быть замѣнено всякимъ другимъ. „Вмѣсто образованія новыхъ именъ, — чистосердечно сознается самъ Петражицкій,— для образованныхъ нами двухъ классовъ этическихъ явленій мы предпочли заимствовать существующія и въ общенародномъ языкѣ (хотя и не въ профессіонально-юридическомъ словоупотребленіи), вообще, такъ примѣняемыя слова („право“ и „нравственность“), что имѣется приблизительное совпаденіе. Если кто не согласенъ съ избраніемъ въ качествѣ терминовъ этихъ словъ, а считаетъ болѣе подходящими иные какіе либо термины, то возможно обсужденіе этого вопроса; но только слѣдуетъ понимать, что дѣло идетъ о словахъ, а не о существѣ дѣла, не о научной умѣстности и оправданіи образованія соотвѣтственныхъ классовъ и понятій (могущихъ быть безъ измѣненія существа дѣла названными какъ угодно, хотя бы и буквами a и b или цифрами 1 и 2, или остаться безъ всякаго особаго названія)“ (I, 139).

Это и есть самое главное! Теорія права Петражицкаго, по его собственному признанію, есть не теорія права, а теорія императивно-аттрибутивныхъ переживаній. Мы тоже полагаемъ, что не слѣдуетъ рабски слѣдовать обычному словоупотребленію, такъ какъ это увлеченіе названіями лишаетъ точности и ясности создаваемыя теоріи, но мы думаемъ, что именно Петражицкій постарался найти такое опредѣленіе права, подъ которое подошло бы всякое обиходное, будь это самое произвольное, употребленіе слова право — и дѣтское, и любовное, и преступное и т. п. право.

Подвергнувши юридическія явленія психологическому изученію, Петражицкій открылъ, какъ постоянно сопутствующій имъ признакъ, ихъ императивно-аттрибутивную двусто-

ронность. Самое важное, самое существенное въ теоріи Петражицкаго есть это утвержденіе двусторонней (повелительно-предоставительной) природы юридическихъ нормъ. Другія двусторонности права, въ родѣ соединенія индивидуально-общественныхъ элементовъ, были отмѣчены и разработаны и при прежнихъ точкахъ зрѣнія на право; но только психологическій анализъ юридическихъ нормъ позволилъ вскрыть ихъ постоянную императивно-аттрибутивную природу. Это дало Петражицкому возможность по новому взглянуть на вопросъ о функціяхъ юридическихъ нормъ, на ученіе объ элементахъ правоотношенія, о субъективныхъ правахъ.

Къ сожалѣнію эта психическая двусторонность юридическихъ переживаній понимается Петражицкимъ, соотвѣтственно его общему психологическому субъективизму, какъ протекающая въ предѣлахъ индивидуальной психологіи (и именно въ психикѣ обязаннаго). „Правовыя переживанія, въ которыхъ отсутствуютъ аттрибутивныя интеллектуальныя дополненія: представленія субъектовъ права и того, что имъ причитается, — по своему интеллектуальному составу ничѣмъ не отличаются отъ нравственныхъ. Единственное различіе состоитъ въ характерѣ эмоцій, въ аттрибутивной природѣ переживаемаго моторнаго возбужденія“ (I, 81). „Всякое право, всѣ правовыя явленія, представляютъ съ нашей точки зрѣнія чисто и исключительно индивидуальныя явленія, а эвентуальное согласіе и ободреніе со стороны другихъ представляетъ нѣчто постороннее съ точки зрѣнія опредѣленія и изученія природы правовыхъ явленій, никакого отношенія къ дѣлу не имѣющее. Это неизбѣжно вытекаетъ изъ психологической точки зрѣнія на право. Всякое психическое явленіе происходитъ въ психикѣ одного индивида и только тамъ, и его природа не измѣняется отъ того, происходитъ ли что-либо иное гдѣ-либо, между индивидами, надъ нами, въ психикѣ другихъ индивидовъ, или нѣтъ, существуютъ ли другіе индивиды или нѣтъ, и проч. И такія

императивно-аттрибутивныя переживанія и ихъ проекціи, нормы и т. д., которыя имѣлись бы у индивида, находящагося внѣ всякаго общенія съ другими людьми, напр., живущаго на безлюдномъ и отрѣзанномъ отъ всего прочаго человѣческаго міра островѣ, или оставшагося единственнымъ человѣческимъ существомъ на землѣ, или попавшаго на Марсъ, вполнѣ подходили бы подъ установленное понятіе права; точно также какъ радости, печали, мысли такого человѣка не переставали бы быть радостями, печалями, мыслями вслѣдствіе его одиночества, отсутствія человѣческаго общества. Для установленнаго понятія права и подведенія подъ него соотвѣтственныхъ психическихъ явленій не имѣетъ далѣе никакого значенія, идетъ ли дѣло о разумныхъ, по своему содержанію нормальныхъ, или о неразумныхъ, нелѣпыхъ, суевѣрныхъ, патологическихъ, представляющихъ бредъ душевно-больного и т. п. императивно-аттрибутивныхъ сужденіяхъ, нормахъ и т. д. Напр., если суевѣрный человѣкъ, на почвѣ видѣннаго сна или случившейся съ нимъ иллюзіи или галлюцинаціи, убѣжденъ, что онъ заключилъ договоръ съ дьяволомъ и въ силу этого договора имѣетъ право на извѣстныя услуги со стороны дьявола, а зато обязанъ предоставить послѣднему свою душу, то соотвѣтственныя императивно-аттрибутивныя переживанія и ихъ проекціи, право дьявола и т. д., вполнѣ подходятъ подъ установленное понятіе права. Съ точки зрѣнія психологическаго ученія о правѣ разныя, у разныхъ народовъ распространенныя правовыя суевѣрія, „суевѣрное право“, представляютъ, такъ же какъ и дѣтское, преступное право и т. д., заслуживающую вниманія и интереса область для описательнаго, историческаго и теоретическаго изслѣдованія и изученія. Равнымъ образомъ, если, напр., душевно-больной человѣкъ считаетъ себя императоромъ, притязаетъ на повиновеніе со стороны его мнимыхъ подданныхъ, возмущается и негодуетъ по поводу ихъ неповиновенія и иныхъ посягательствъ на его верховныя права,

то это явленіе и безчисленныя тому подобныя другія „idées fixes“ душевно-больныхъ и вообще всѣ императивно-аттрибутивныя переживанія патологическаго свойства вполнѣ подходятъ подъ установленное понятіе права и могутъ составить тоже особый предметъ изученія со стороны психологическаго правовѣдѣнія подъ именемъ патологическаго права, правовой патологіи или т. п.“ (I, 104—106).

Если общество начинаютъ понимать, какъ явленіе главнымъ образомъ коллективно-психическое, то вполнѣ естественно, что психологическое направленіе начинаетъ проникать и въ область изученія права, такъ какъ право есть лишь одно изъ проявленій цѣлостной и нераздѣльной общественной жизни. Изучая право психологически, мы, разумѣется, не можемъ обращаться къ психикѣ отдѣльнаго изолированнаго человѣка. Тотъ, кто живетъ изолировано, не находится въ правоотношеніяхъ съ другими людьми и не имѣетъ поэтому и юридическихъ переживаній. Право естъ явленіе коллективно-психическое; чтобы уразумѣть его природу, надо обратиться къ „между-мозговой“ психологіи, по выраженію Тарда. Какія же „между-мозговыя“ психическія отношенія должны быть приняты во вниманіе, для уразумѣнія психологической природы права?

Прежде всего, всякое право связано съ понятіемъ правоотношенія. Слѣдовательно, психическія переживанія участниковъ правоотношенія являются необходимымъ психологическимъ содержаніямъ права. Не переживаніе отдѣльнаго изолированнаго члена правоотношенія должно быть взято въ разсмотрѣніе, а психическія переживанія между членами правоотношенія. Только такое психологическое изученіе откроетъ намъ двустороннюю, императивно-аттрибутивную сторону юридическихъ нормъ. Эта императивно-аттрибутивность является психической въ двухъ видахъ: 1) въ индивидуальномъ сознаніи отдѣльнаго члена правоотношенія, когда норма сознается и какъ повелительная и

какъ предоставляющая, 2) въ совпаденіи переживаній членовъ правоотношенія, при чемъ одними переживается сознаніе обязанности, а другими — правомочія.

Но кромѣ совпаденія императивныхъ и аттрибутивныхъ переживаній самихъ лицъ, связанныхъ извѣстнымъ правоотношеніемъ, для психологическаго состава права необходимо совпаденіе коррелятивныхъ психическихъ процессовъ, съ одной стороны, переживаній участниковъ правоотношенія, съ другой стороны, переживаній лицъ, принуждающихъ къ выполненію нормъ права. Право не есть случайное, субъективное и факультативное переживаніе; это принудительный и дѣйствительный порядокъ общества; поэтому для существованія его необходима наличность въ обществѣ двухъ основныхъ категорій психическаго состоянія: одними людьми, сознающими, въ чемъ состоитъ правовая норма для даннаго отношенія, переживается стремленіе выполнить эту норму, въ силу различныхъ мотивовъ, въ томъ числѣ и вслѣдствіе боязни принудительнаго воздѣйствія со стороны органовъ власти; другими людьми, тоже сознающими, въ чемъ состоитъ правовая норма, переживается стремленіе оказать опредѣленное принудительное воздѣйствіе по адресу лицъ, нарушающихъ правовую норму. Тамъ права еще нѣтъ, гдѣ дѣло ограничивается императивно-аттрибутивными переживаніями отдѣльныхъ лицъ, гдѣ нѣтъ третьихъ лицъ, вмѣшивающихся въ юридическій споръ и стремящихся содѣйствовать торжеству опредѣленнаго юридическаго правила. Право возникаетъ въ обществѣ тогда, когда появляется судъ, и тамъ, гдѣ, на ряду съ переживаніемъ отдѣльными участниками житейскихъ отношеній своихъ обязанностей и требованій, появляются третьи лица, переживающія необходимость содѣйствовать торжеству опредѣленныхъ нормъ, съ цѣлями охраны и содѣйствія общественному порядку или для удовлетворенія чувства справедливости, и сознающія себя власть имѣющими

принудительно дѣйствовать въ данномъ направленіи. Поэтому право существуетъ только тамъ, гдѣ есть общество и гдѣ существуетъ общественная власть (хотя и не организованная еще); гдѣ же, на ряду съ переживаніемъ обязанностей и требованій, нѣтъ переживанія третьими лицами стремленія принудительно содѣйствовать выполненію нормъ, тамъ нѣтъ и права, а есть лишь нравы или мораль[1]).

Несомнѣнный недостатокъ психологической теоріи права Петражицкаго, разсматриваемой именно съ точки зрѣнія коллективной юридической психологіи, заключается какъ разъ въ непризнаніи того факта, что существованіе права обусловливается сосуществованіемъ двухъ соотвѣтствующихъ, но различныхъ психическихъ ассоціацій: участниковъ правоотношенія и представителей общественной власти. Петражицкій своею психологическою теоріей не даетъ никакого отвѣта на вопросъ о соціальномъ характерѣ права и объ его общественно-принудительной нормативности. Именно какъ явленіе коллективное и общественное, право не получаетъ въ теоріи Петражицкаго психологическаго объясненія.

Петражицкій совершенно правильно отмѣтилъ въ психологическомъ составѣ права императивно-аттрибутивную двусторонность; но онъ совершилъ двойную ошибку, съ одной стороны, отнеся эту двусторонность къ области индивидуальной психики, а съ другой, признавъ ее за свойство лишь юридическихъ переживаній и вполнѣ отвергнувъ ее для переживаній нравственныхъ, найдя въ этомъ даже существенное различіе права и нравственности. Несомнѣнно однако, и нравственныя переживанія, особенно поскольку они не направлены на отношенія человѣка къ самому себѣ,

1) Очень правильныя мысли, вполнѣ въ духѣ только что развитыхъ нами положеній, высказаны были брюссельскимъ проф. Роленомъ въ его небольшой, но очень цѣнной работѣ, H. Rolin, Esquisse d'une sociologie juridique, Bruxelles, 1911. Содержаніе этой книги было изложено нами въ Правѣ, 1911, № 43.

также соединены съ сознаніемъ ихъ психологической аттрибутивности. Если мы не будемъ выходить за предѣлы нравственнаго отношенія и обратимъ вниманіе на психическія переживанія ихъ участниковъ, то, несомнѣнно, мы откроемъ, что нравственныя нормы переживаются не только какъ императивныя, но и какъ аттрибутивныя. Въ указаніи этой ошибки правъ былъ вполнѣ кн. Трубецкой. Разумѣется, тотъ, кто переживаетъ нравственныя нормы, — не лги, будь милостивъ, не развращай другихъ, почитай родителей, будь благодаренъ благодѣтелямъ, — чувствуетъ эти нормы не только какъ повелительныя для него, но и сознаетъ, что другіе члены такихъ нравственныхъ отношеній могутъ требовать, съ нравственной точки зрѣнія, выполненія ихъ. Тотъ, кто переживаетъ нравственное требованіе искренности и правдивости, чувствуетъ, что эта искренность и правдивость предоставлена другимъ людямъ. Точно также и религіозно-нравственныя нормы въ отношеніи къ Богу переживаются почти всегда, какъ предоставленныя Богу, какъ нѣчто, что можетъ требоваться Богомъ. И даже нравственныя нормы въ отношеніи къ самому себѣ, напр., смѣлость, трудолюбіе, стыдъ, до извѣстной степени переживаются, какъ аттрибутивныя, предоставленныя другому нашему „я“, и что нашъ духъ, какъ разумъ, наша совѣсть могутъ требовать отъ нашей воли выполненія этихъ нормъ.

Вообще если мы не выйдемъ изъ предѣловъ нравственнаго отношенія, то психологическая природа нравственныхъ нормъ окажется такой же двусторонней, какъ и психологическая природа юридическихъ нормъ, разсматриваемыхъ тоже только въ предѣлахъ правоотношенія[1]).

---

1) Противъ указаннаго различенія Петражицкимъ права и нравственность высказывается изъ аналогичныхъ соображеній и А. Байковъ, Междувластныя и властныя отношенія властнаго права, Ярославль, 1912, стр. 226—230. Самъ Петражицкій иногда сби-

Чтобы постигнуть психологическую разницу права и нравственности, надо выйти изъ предѣловъ нравственныхъ и юридическихъ отношеній, и посмотрѣть на психическія связи, соединяющія членовъ нравственныхъ и правовыхъ отношеній съ третьими лицами. Тогда мы увидимъ, что при юридическихъ отношеніяхъ дѣло не ограничивается этими связями, и что существуютъ третьи лица, которыя считаютъ себя обязанными слѣдить за выполненіемъ юридическихъ нормъ и принуждать другихъ лицъ къ этому выполненію. Устанавливается психическая связь между членами правоотношенія и органами власти, причемъ члены правоотношенія сознаютъ себя связанными не только другъ передъ другомъ, но и передъ внѣшней властью. Въ нравственныхъ же отношеніяхъ у ихъ участниковъ нѣтъ такого сознанія внѣшней власти, принуждающей къ выполненію нравственныхъ нормъ.

Благодаря этому новому элементу, — внѣшней власти, — и аттрибутивно-императивность получаетъ различный характеръ въ юридическихъ нормахъ и въ нормахъ нравственныхъ. Въ правовыхъ нормахъ императивность сознается соединенной съ санкціей и аттрибутивность переживается не только въ отношеніи къ правомочному, но и по отношенію къ внѣшней принудительной власти. Въ нравственной нормѣ императивность сознается только какъ внутренняя, — автономнаго или божественнаго происхожденія, — и аттрибутивность чувствуется только по отношенію къ участнику нравственнаго отношенія.

Ошибка теоріи Петражицкаго въ непризнаніи этого различія между правомъ и нравственностью. Петражицкій

вается съ воззрѣнія на этическія переживанія, какъ на чисто императивныя; такъ, говоря о дѣйствіи позитивнаго права, онъ называетъ его „драгоцѣнною школою интуитивной императивно-аттрибутивной этики“ (II, 502). Квалификація этики, какъ императивно-аттрибутивной, противорѣчитъ однако общему пониманію Петражицкимъ нравственности.

строитъ свою теорію права, совершенно отвергая элементъ принужденія и необходимаго участія органовъ власти. Отъ этого онъ совершенно несоразмѣрно расширяетъ сферу права и создаетъ понятіе интуитивнаго права, благодаря которому границы права такъ отодвигаются, что теряется всякое точное представленіе о правѣ. Такое интуитивное право не требуетъ для своего бытія общественной среды, можетъ переживаться одиноко, оно одинаково дѣйствуетъ по отношенію къ людямъ, какъ и къ фантомамъ; въ него входятъ столь разнообразныя психическія явленія, что непонятнымъ дѣлается, какой практическій и научный интересъ можетъ имѣть подобное объединеніе подъ общимъ понятіемъ столь чуждыхъ другъ другу явленій.

Петражицкій вполнѣ правъ, признавая существованіе особаго коллективно-психическаго состоянія, которому онъ даетъ не точное названіе интуитивнаго права (II, 479 и сл.). Только признаки этого состоянія опредѣляются имъ не совсѣмъ вѣрно. Невѣрно, что для существованія нормъ интуитивнаго права достаточно одного индивидуальнаго правового переживанія; необходимо совпаденіе правовыхъ переживаній сторонъ. Отъ права въ истинномъ смыслѣ слова оно отличается, съ психологической точки зрѣнія, только тѣмъ, что въ данномъ психическомъ состояніи отсутствуютъ, какъ образующій элементъ, переживанія представителей власти. Интуитивное право есть то обычное право, которое часто расходится съ закономъ. Оно приближается къ нравственности. Нравственный характеръ интуитивнаго права ярко выступаетъ въ пониманіи Петражицкимъ его, какъ distributio bonorum atque malorum. Интуитивное право есть соціальная положительная мораль.

Та двусторонность (императивно-аттрибутивность) переживаній, которую Петражицкій считаетъ безусловнымъ признакомъ именно права, есть явленіе ярко выраженное въ частномъ правѣ, гдѣ дѣйствительно всякой обязанности со-

отвѣтствуетъ право требованія. Но въ публичномъ правѣ она уже гораздо слабѣе выражена и въ нѣкоторыхъ нормахъ конституціоннаго права, регулирующихъ обязанности и права высшихъ органовъ, часто затруднительно указать соотвѣтствующее обязанности опредѣленное конкретное право требованія.

III.

Изъ разсмотрѣнія двухъ основныхъ теорій права, стремящихся опредѣлить право по формѣ, въ какую облекаются юридическія нормы, мы пришли къ тому заключенію, что каждая изъ этихъ теорій правильно отмѣчаетъ одинъ изъ формальныхъ признаковъ права. На право можно смотрѣть и какъ на внутреннее коллективно-психическое явленіе и какъ на внѣшне-реализованный фактъ объективнаго міра. Какъ ни правильна мысль, что право есть прежде всего фактъ общественной человѣческой психики, для объясненія природы права, во всемъ его объемѣ, недостаточно одного психологическаго анализа. Нужно понять право, и какъ соціальное явленіе, выражающееся въ объективныхъ фактахъ, вошедшее въ юридическіе памятники, существующее и независимо отъ индивидуальныхъ переживаній. Конечно, психологическая точка зрѣнія на право вѣрна, и правовая норма свое существованіе прежде всего имѣетъ въ психическомъ переживаніи отдѣльнаго человѣка; но право не только живетъ въ психическомъ мірѣ отдѣльныхъ людей, но и отлагается въ объективныхъ институтахъ, запечатлѣвается въ юридическихъ памятникахъ, съ неизмѣнною правильностью примѣняется въ судебныхъ рѣшеніяхъ, въ обычаяхъ, въ законахъ, слагается въ сложныя и многообразныя установленія. Для того, чтобы вполнѣ понять право въ этомъ внѣшнемъ и объективномъ его существованіи, необходимо, очевидно, посмотрѣть на него, какъ смотримъ мы на науку и искусство, когда изучаемъ ихъ при-

роду и исторію. Конечно, всякое произведеніе искусства прежде всего есть индивидуальное переживаніе сначала своего творца, потомъ всѣхъ тѣхъ, кто его воспринимаетъ; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть и нѣкоторый объектъ внѣшняго міра (статуя, картина, симфонія, дворецъ и т. д.), и изучая преемственность художественныхъ школъ или современное состояніе искусства, мы должны обращать особое вниманія и на отложившіяся во внѣшнемъ мірѣ результаты психическихъ художественныхъ переживаній, а не только на эти переживанія, сами по себѣ. То же нужно сказать и о наукѣ. Научныя теоріи мы изучаемъ, обычно забывая о психическихъ процессахъ ихъ авторовъ, и пользуемся, какъ объективнымъ матеріаломъ, тѣми сочиненіями, въ которыхъ эти теоріи изложены. Никакъ не инымъ должно быть отношеніе и къ праву. Понимать психологическую теорію права, въ томъ смыслѣ, что юридическія нормы — лишь психологическія переживанія и что изученіе природы права есть исключительно изученіе человѣческой психологіи, значитъ суживать и односторонне преувеличивать психологическое воззрѣніе на право. Оно одно никогда не сможетъ замѣнить собою, какъ намъ кажется, объективнаго изученія юридическихъ памятниковъ, какъ историческихъ и соціологическихъ фактовъ.

Формальный признакъ права одинъ: принудительность. Но эта принудительность есть прежде всего внутренно-психическая, переживаемая съ одной стороны, какъ притязаніе-повелѣніе, съ другой стороны, какъ приказъ и властное принужденіе; но психическою субъективною принудительностью дѣло не ограничивается, и право принудительно осуществляется во внѣшнемъ мірѣ особыми органами политической власти. Съ государственной теоріей мы не согласны только въ томъ, что внѣшняя принудительность правовыхъ нормъ вовсе не связана обязательно съ органами государственной власти. Въ каждомъ общественномъ союзѣ есть право, и

внѣшняя принудительность его покоится на высшемъ авторитетѣ въ данномъ союзѣ, хотя бы этимъ союзомъ было и не государство, а первобытное племя, независимая община, церковь, международный союзъ. Государство и право вообще не покрываютъ другъ друга, а лишь взаимно пересѣкаются. Государство не только правовой институтъ, но преслѣдуетъ и внѣ-правовыя политическія и хозяйственныя задачи; право регулируетъ не только государственную, но и всякую коллективную, общественную жизнь. Конечно, для полноты своей жизни они нуждаются во взаимномъ проникновеніи. Политическая жизнь и право возникаютъ одновременно, и ошибочно связывать право съ одной лишь изъ формъ политической жизни, съ государствомъ. Мы полагаемъ, что съ этой точки зрѣнія вполнѣ правильна формула Штаммлера: „право есть такое принудительное регулированіе совмѣстной жизни людей, которое по самому смыслу своему имѣетъ не допускающее нарушенія значеніе“ (Хозяйство и право, § 86).

Подробное разсмотрѣніе логическаго объема, матеріальнаго содержанія и формальныхъ признаковъ юридическихъ нормъ позволяетъ намъ, наконецъ, дать полное и синтетическое опредѣленіе права. Право есть совокупность дѣйствующихъ въ обществѣ, вслѣдствіе коллективно-психическаго переживанія членами общества и принудительнаго осуществленія органами власти, нормъ поведенія, устанавливающихъ равновѣсіе между интересами личной свободы и общественнаго блага. Право основу свою имѣетъ какъ въ природѣ человѣка и общества, неразрывно соединенныхъ въ одну общую жизнь, такъ и въ высшемъ нравственномъ принципѣ, по которому высшая нравственная задача, созданіе совершеннаго общежитія, Царства Божія, должна достигаться черезъ послѣдовательную историческую работу. Право и сливается съ религіей и нравственностью, на нихъ обосновываясь, и отличается отъ нихъ, реализуя при-

нудительно лишь этическій минимумъ и тѣмъ обезпечивая условія для дальнѣйшаго существованія и развитія религіозно-нравственныхъ цѣлей. Отличіе права отъ смежныхъ ему областей разнаго вида нормъ состоитъ въ томъ, что въ немъ необходимымъ элементомъ выступаетъ политическая власть, принудительно охраняющая нормы права.

Глава третья.

Власть и государство.

Общество есть своеобразный психическій синтезъ индивидуальныхъ переживаній и вліянія коллективной среды. Этотъ психическій синтезъ образуется и общественная связь возникаетъ потому, что люди въ своей дѣятельности руководятся опредѣленными правилами поведенія, подчиняютъ себя нормамъ и стремятся достигнуть рядъ цѣлей и между ними высшую нравственную цѣль, которая, какъ мы показали выше, не можетъ быть иной, какъ полная гармонія индивидуальной и общей (міровой) жизни.

Выполненіе этическихъ нормъ или предоставляется дѣйствію свободнаго нравственнаго сознанія или гарантируется внѣшнимъ и организованнымъ принужденіемъ; эта принудительная сфера этическихъ нормъ и составляетъ область права. Право, примѣняя принужденіе, стремится разграничить личныя свободы и воли людей, для правильной охраны какъ индивидуальныхъ интересовъ, такъ и общественнаго блага. Первоначальную силу нормы права получаютъ, подобно всѣмъ соціальнымъ явленіямъ, въ общественной психикѣ людей, т. е. въ своеобразномъ общемъ синтезѣ съ одной стороны переживаній необходимости подчиниться правовымъ нормамъ, съ другой, стремленій вынудить, въ случаѣ нарушенія, такое подчиненіе правовымъ нормамъ.

Но постоянная дѣйственнаясила этому общественно-психическому синтезу дается только общественно-организованнымъ принужденіемъ.

Это общественно-организованное принужденіе, утверждающее право, проявляется въ дѣйствіяхъ власти. Изслѣдованіе природы власти и должно составить нашу ближайшую задачу. Съ сущностью власти тѣсно связана та политическая организація, въ которой она получаетъ жизнь, т. е. прежде всего государство. Государство въ настоящее время есть начало и конецъ всякой организаціи политической власти, и потому природа его должна быть разсмотрѣна особо.

I. Ученіе о суверенной власти.

I. Сущность власти съ психологической и юридической точекъ зрѣнія. — II. Суверенитетъ, какъ неограниченная, верховная и независимая политическая власть.

Правовыя нормы принудительно поддерживаются внѣшнимъ авторитетомъ. Этотъ внѣшній авторитетъ можетъ быть самымъ различнымъ, но въ конечномъ счетѣ (когда ставится вопросъ объ его правомѣрности) онъ всегда долженъ опираться на верховную, суверенную власть, о правомѣрности которой уже не можетъ быть поднято вопроса, такъ какъ она сама есть послѣдняя инстанція для рѣшенія всякихъ вопросовъ о правомѣрности. Эта власть можетъ быть единой, какъ въ государствѣ, и множественной, какъ въ международномъ общеніи.

Изъ разсмотрѣнія природы власти слѣдуетъ, что эта психическая сила, связующая общество въ политическое цѣлое, образуется изъ соединенія, съ одной стороны, воли къ господству, съ другой стороны, сознанія зависимости и воли къ подчиненію. Вопросы публичнаго права и политики касаются главнымъ образомъ компетенціи органовъ власти и той или иной организаціи власти, поэтому существенной и основной проблемой публичнаго права и политики является сущность суверенитета, какъ особаго признака и какъ необходимой основы государственной власти.

I.

Въ сферѣ соціальныхъ явленій необходимо допустить существованіе нѣкоторой первоначальной силы, постоянно дѣйствующей на образованіе различныхъ общественныхъ формъ и устанавливающей связи и соединенія между отдѣльными индивидами и ихъ совокупностями. Эта первоначальная сила соединенія есть необходимое условіе общественной жизни и нѣчто постоянно проявляющееся въ человѣческомъ мірѣ, подобно силѣ физическаго тяготѣнія, неизмѣнно дѣйствующей во всѣхъ матеріальныхъ частицахъ и способствующей образованію разнообразныхъ видимыхъ матеріальныхъ формъ. Эту силу влеченія, притяженія, существующаго между психическими элементами, индивидами, и создающаго разнообразіе соціальныхъ формъ, можно назвать силой соціально-психическаго тяготѣнія („общежительной природой“). Такое соціальное притяженіе существуетъ прежде всего между индивидами, образующими, въ силу этого, соціальныя коллективности; каждый индивидъ тяготѣетъ, кромѣ того, къ ближайшей совокупности индивидовъ; совокупности тяготѣютъ другъ къ другу и къ новому высшему единству, ими образуемому.

Насколько сила соціально-психическаго тяготѣнія проявляется въ томъ, что жизнь индивидуальныхъ частицъ опредѣляется жизнью соціальнаго цѣлаго, она является общественною властью. Общественная же власть, дѣйствующая черезъ опредѣленные органы и обладающая принудительнымъ характеромъ, есть власть политическая. Политическая власть, т. е. такъ или иначе организованная и принудительная власть однихъ людей надъ другими, есть необходимое условіе существованія всякаго человѣческаго общества. „Il n'existe pas d'avantage de société sans gouvernement que de gouvernement sans société, — писалъ правильно Контъ въ своей Системѣ позитивной политики, — по отно-

шенію къ самымъ малымъ обществамъ, какъ и по отношенію къ самымъ обширнымъ, позитивная политика никогда не должна разлучать эти два соотносительныя понятія, подъ угрозою теоретическихъ иллюзій и практической анархіи".

Естественное основаніе власти, разсматриваемой съ обще-соціологической точки зрѣнія, конечно, есть прежде всего та матеріальная зависимость, которая связываетъ и подчиняетъ однихъ людей другимъ. Но съ общественно-психологической точки зрѣнія, во власти сказываются два основные момента, съ одной стороны, воля однихъ людей, дающихъ повелѣнія другимъ, съ другой — сознаніе этихъ послѣднихъ своей зависимости и добровольное ихъ подчиненіе.

Не представляется возможность исключить изъ понятія власти ни одного изъ этихъ элементовъ. Въ основѣ всякой власти прежде всего есть моментъ матеріальной, физической зависимости одного лица отъ другого; лишь въ дальнѣйшемъ эта матеріальная зависимость служитъ основаніемъ и психологическихъ моментовъ власти. Иногда все дѣйствіе власти ограничивается матеріальной зависимостью; въ этомъ смыслѣ говорятъ о власти сильнаго надъ слабымъ, матери надъ ребенкомъ и т. д., подобно тому, какъ въ еще болѣе широкомъ смыслѣ говорятъ о власти стихій, о власти человѣка надъ природой, о „власти земли" и т. п.

Но въ политической сферѣ во власти выступаютъ главнымъ образомъ психическіе моменты. Обычно эту психическую сторону власти сводятъ къ властной волѣ, къ активному стремленію господствовать со стороны тѣхъ лицъ, которыя являются обладателями политической власти. Однако это пониманіе власти односторонне, и не малая заслуга Коркунова, въ его талантливомъ изслѣдованіи Указъ и законъ (1894), что онъ, въ объясненіи природы политической

власти, правильно подмѣтилъ въ ней элементъ сознанія и признанія подвластными своей зависимости [1]).

Не всякая воля, даже выраженная лицами, обладающими политическою властью, властвуетъ; необходимо, чтобы она вызвала подчиненіе, иначе это будетъ безвластная воля. Приказъ, отдаваемый представителемъ власти революціонной толпѣ съ требованіемъ разойтись, остается очень часто лишеннымъ всякаго результата. И если бы, скажемъ, верховною властью въ Россіи издано было повелѣніе объ установленіи идолопоклонства, то такая воля была бы безвластна. Съ другой стороны, часто сила властвованія далеко превосходитъ силу воли направленной на властвованіе, иногда лицо можетъ оказывать власть надъ другими своими мнѣніями, безо всякаго желанія и безъ воли властвовать. Люди въ большинствѣ случаевъ повинуются законамъ по свободной инициативѣ и подчиняются приказамъ далеко не соразмѣрно стоящей за ними воли. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ функціяхъ власти моментъ господствующей воли или принципіально отрицается или существенно нарушается. Рѣшеніе третейскаго судьи есть суждение о правѣ, и власть этого рѣшенія покоится исключительно на желаніи спорящихъ сторонъ ему подчиниться. Воля, выраженная въ законѣ, подвергается значительному видоизмѣненію и переработкѣ въ толкованіи закона и особенно въ его исполненіи. Въ особенности въ правовыхъ проявленіяхъ политической власти значителенъ элементъ общественнаго признанія и подверженія. Право обосновывается не только силой и господствующей волей, но и сознаніемъ общаго блага и справедливости. Если теорія силы не можетъ вполнѣ объяснить природы политической власти, то тѣмъ болѣе она недостаточна для объясненія природы права.

---

1) Прекрасный анализъ власти, съ точки зрѣнія коллективной психологіи, далъ С. Франкъ, Проблема власти. Соціально-психологическій этюдъ (Вопросы жизни, 1905, № 3, стр. 205—250).

Но какъ ни значителенъ во власти элементъ сознанія подвластными своей зависимости, нельзя сводить къ нему все содержаніе власти, совершенно устраняя другой необходимый элементъ власти, волю властвующихъ. Это будетъ другая крайность, и именно этой крайности, къ сожалѣнію, не избѣжалъ Коркуновъ и тѣмъ въ значительной степени ослабилъ значеніе своей во всѣхъ отношеніяхъ примѣчательной доктрины[1]). „Власть есть сила, — пишетъ онъ, — обусловленная не волею властвующаго, а сознаніемъ зависимости подвластнаго. При такомъ пониманіи власти нѣтъ надобности для объясненія явленій государственнаго властвованія олицетворять государства, надѣлять его во что бы то ни стало волей. Если власть есть сила, обусловленная сознаніемъ зависимости подвластнаго, государство можетъ властвовать, не обладая ни волею, ни сознаніемъ, только бы составляющіе его люди сознавали себя зависимыми отъ государства. Это сознаніе уже само собой обусловливаетъ существованіе государственной власти... Властвуетъ надъ подданными государство, хотя оно и не имѣетъ вовсе никакой воли: властвуетъ потому что подданные сознаютъ себя отъ него зависимыми, и властвуетъ именно настолько, насколько они сознаютъ эту зависимость. Въ степени ихъ сознанія зависимости мѣра и граница власти государства“ (стр. 181).

Изъ того, что волевая гипотеза власти не объясняетъ всѣхъ разнообразныхъ проявленій государственнаго властвованія, не слѣдуетъ заключать, что она должна быть вполнѣ отвергнута, и что она никакихъ явленій не объясняетъ. Бываютъ случаи, и очень часто, что властвуетъ и воля, и не всѣ про-

1) Эта односторонность дала основаніе упрекамъ, не вполнѣ впрочемъ справедливымъ, по адресу Коркунова со стороны проф. В. Ивановскаго, Государство какъ юридическое отношеніе, Казань, 1893 и проф. А. Алексѣева, Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти, М. 1894.

явленія власти могутъ быть объяснены сознаніемъ зависимости подвластными. Самъ Коркуновъ, говоря спеціально о государственной власти, полагаетъ, что опредѣленіе государства только какъ союза, надѣленнаго властью, вообще не достаточно, такъ какъ существуетъ и власть семьи, церкви и т. д. „Отличительная особенность государства заключается въ принудительномъ характерѣ его власти“ (стр. 182). Но непонятно, какимъ образомъ можетъ проявиться принудительный моментъ во власти безъ момента волевого. „Обязанность подчиненія велѣніямъ государственныхъ органовъ поддерживается прежде всего именно сознаніемъ права, а затѣмъ угрозой наказанія или другихъ невыгодныхъ послѣдствій, связываемыхъ съ неисполненіемъ законныхъ распоряженій“ (стр. 190). Гдѣ есть угроза наказаніемъ и само наказаніе, тамъ неизбѣжно должна быть и властвующая воля. Если иногда политическую власть могутъ проявлять лица, лишенныя воли или ея не обнаруживающія, то часто существуютъ проявленія господства однихъ лицъ надъ другими, лишенными сознанія, малолѣтними, идіотами, умалишенными и т. д. Напрасно также свою теорію Коркуновъ противопоставляетъ вообще волевой теоріи. Подчиненіе себя властвующей силѣ есть тоже волевое переживаніе и выражается въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ, а не протекаетъ въ одномъ лишь сознаніи человѣка.

Государствованіе властвованія есть не одностороннее, а двустороннее отношеніе, съ одной стороны, повелѣнія, съ другой — подчиненія. Политическая власть образуется, какъ коллективное приспособленіе двухъ общественныхъ психическихъ переживаній, властвующихъ и подвластныхъ. Власть есть синтетическое образованіе; синтезъ этотъ получается изъ совпаденія коррелятивныхъ переживаній; когда этого совпаденія нѣтъ, нѣтъ и политическаго цѣлаго, а есть лишь аморфія, какъ послѣдствіе анархіи. Власть есть основная объединяющая общественная сила,

дающая единство обществу, дѣлающая изъ него замкнутое цѣлое; она есть жизненный синтезъ разнообразныхъ индивидуальныхъ переживаній. То, что постоянно утверждается въ исторіи какъ противоборство свободы и власти, на самомъ дѣлѣ есть постоянное стремленіе къ приспособленію двухъ элементовъ власти, — воли органовъ власти и сознанія зависимости у подчиняющихся велѣніямъ этихъ органовъ. Власть, какъ психическій синтезъ общественнаго приспособленія, есть сила возрастающая въ исторіи и захватывающая все болѣе широкія сферы общественной жизни. Отъ мелкихъ общественныхъ приспособленій люди переходятъ ко все болѣе широкимъ объединеніямъ, и власть является синтезомъ неизмѣнно возрастающихъ элементовъ.

Власть осуществляется обыкновенно по опредѣленнымъ нормамъ, регулирующимъ поведеніе людей. Нормы эти распадаются на бытовыя, юридическія и нравственныя. Бытъ, нравственность и право являются различными проявленіями одной и той же силы общественной власти. Право есть лишь одно изъ выраженій власти и имѣетъ тѣ же три источника: матеріальную зависимость, сознаніе зависимости и волю на установленіе опредѣленнаго господства. Изъ всѣхъ различныхъ проявленій власти право есть именно то, въ которомъ больше всего представленъ элементъ воли. Однако воля не всегда непремѣнно создаетъ и поддерживаетъ нормы права. Нормы права не требуютъ непремѣнно постояннаго внѣшне-принудительнаго осуществленія; онѣ гарантируются и матеріальнымъ дѣйствіемъ соціальныхъ силъ и внутреннимъ сознаніемъ людьми ихъ обязательности. Однако въ природѣ права быть гарантируемымъ въ своей обязательности внѣшнимъ принужденіемъ.

Въ юридической власти слѣдуетъ различать волю къ господству и волю къ подчиненію или признаніе. Теорія признанія была права, выдвинувши во власти элементъ сознанія подвластными своей зависимости. Не всякая, конечно, юри-

дическая норма покоится на общественномъ признаніи, — это утвержденіе противорѣчитъ дѣйствительности,—но признаніе лежитъ въ основѣ высшаго юридическаго авторитета и вообще всего положительнаго права. Политическое общество есть сложный порядокъ, въ которомъ произошло приспособленіе, болѣе или менѣе гармоничное, воль властвующихъ и подчиняющихся. Общество признаетъ органы власти, органы власти творятъ законы и право; слѣдовательно, косвенно до извѣстной степени законы и право покоятся на признаніи общества.

Власть, дѣйствующая въ правѣ, получаетъ организацію. Какое бы сложное строеніе ни имѣла эта организація, власть во всякомъ политическомъ союзѣ остается единой. Она есть та единая жизненная сила, которая даетъ бытіе политическому союзу; но эта единая сила проявляется черезъ многіе органы, и многія лица распоряжаются ею. Проблема политической организаціи, т. е. конституціонная проблема, и заключается въ томъ, какъ устроить совмѣстное многихъ органовъ распоряженіе единой властью политическаго союза.

Существуетъ въ политической литературѣ контроверза о конституціонномъ принципѣ раздѣленія властей. Классическая конституціонная теорія полагала, что въ государствѣ должны быть созданы обособленные органы, безъ всякаго взаимодѣйствія другъ съ другомъ, отправляющіе каждый опредѣленную политическую функцію безъ содѣйствія другихъ органовъ. Противъ этой теоріи выставляется принципъ единства и нераздѣльности государственной власти, обычно соединяемый съ представленіемъ о власти, какъ о волѣ юридическаго лица государства. Эта контроверза вполнѣ можетъ быть разрѣшена признаніемъ единства государственнаго суверенитета, какъ практическаго синтеза уравновѣшенныхъ между собою органовъ власти, сообща осуществляющихъ всю полноту правительственныхъ функцій. Единство

власти есть единство синтеза различныхъ функцій власти. Государственная суверенная власть не можетъ быть въ точномъ смыслѣ слова раздѣлена на самостоятельныя и обособленныя сферы. Содѣйствіе другъ другу всѣхъ органовъ власти необходимо для созданія полной суверенной власти. Только цѣлостность всѣхъ органовъ власти, взятыхъ въ ихъ конституціонномъ взаимодѣйствіи, образуетъ суверенную власть, т. е. власть учредительную, могущую видоизмѣнять государственное устройство, власть окончательно рѣшающую вопросы о правѣ и власть устанавливающую новыя нормы права.

Конституціонныя гарантіи правомѣрности власти, собственно говоря, не въ раздѣленіи властей, а въ томъ, что единая государственная власть осуществляется общею дѣятельностью нѣсколькихъ взаимно уравновѣшенныхъ органовъ, причемъ или одна и та же правительственная функція осуществляется нѣсколькими органами, или отдѣльныя функціи власти отправляются особыми органами, или, наконецъ, различныя функціи власти отправляются органами власти въ различномъ порядкѣ. Важно для гарантіи наибольшей цѣлесообразности правительственныхъ дѣйствій и обезпеченія наибольшей свободы, чтобы не одна индивидуальная воля властвовала, а комбинація, сложный синтезъ воль, въ своемъ совмѣстномъ дѣйствіи образующихъ единую общую волю государства.

II.

Существуютъ самые разнообразные общественные союзы, въ которыхъ осуществляется принудительная юридическая власть по отношенію къ членамъ соединенія, — семья, община, штатъ, государство, международный союзъ государствъ и т. п. Въ каждомъ изъ такихъ союзовъ проявляется своя особая власть, семейная ли, общинная ли, государственная ли и т. д. Во всякой такой власти мы можемъ обращать вниманіе на отношенія отъ нея такъ сказать внизъ, къ ей

повинующимся, и на отношенія внѣ, къ ей неповинующимся, и на отношенія вверхъ, къ ей повелѣвающимъ. О власти мы спрашиваемъ, является ли она самостоятельной или зависимой; будучи властвованіемъ для зависящихъ отъ нея, не подчинена ли она, въ свою очередь, какой-нибудь другой власти, выше нея стоящей и дающей ей приказы. Такимъ образомъ мы проходимъ длинную іерархическую лѣстницу подчиненныхъ другъ другу властей, пока, наконецъ, не приходимъ къ такой власти, которая осуществляетъ свое властвованіе самостоятельно и юридически неограниченно. Такая власть объявляется обладающей свойствомъ юридическаго верховенства, независимости и неограниченности, т. е. суверенитетомъ. Она именно и составляетъ характерный признакъ государственнаго политическаго соединенія.

Логически необходимо признать существованіе въ ряду другихъ властей власти высшей, которая сама опредѣляетъ свою юридическую компетенцію, т. е. имѣетъ право надъ предѣлами своей компетенціи. Эта юридически-самоопредѣляющаяся власть и есть власть суверенная.

Понятіе суверенной власти, какъ власти юридически неограниченной, необходимо для того, чтобы возможенъ былъ какой бы то ни было правовой строй. Необходимо, чтобы существовала власть, которая въ послѣдней, безапелляціонной инстанціи рѣшаетъ, что̀ право и что̀ не-право. Когда возникаетъ споръ о правѣ между ли отдѣльными лицами, между ли частями политическаго союза, между ли индивидомъ и политическимъ союзомъ, должна быть опредѣленная инстанція, опредѣленная власть, рѣшающая окончательно спорный вопросъ о правѣ. Наличность такой верховной власти, съ точки зрѣнія формально-юридической, положительно-правовой, есть необходимая политическая идея, неизбѣжный юридическій принципъ.

Допустить хотя въ чемъ-нибудь юридическую ограни-

ченность верховной власти, значило бы открыть дорогу полному анархизму, ибо если предѣлы юридическаго ограниченія предоставлено рѣшать самой суверенной власти, то она формально остается неограниченной, если же это право дано подчиненнымъ властямъ или отдѣльнымъ лицамъ, то тогда всякая функція суверенной власти можетъ быть отвергнута и отнесена въ сферу, выходящую изъ компетенціи суверенной власти. Съ позитивно-юридической точки зрѣнія неизбѣжна дилемма: или юридическая неограниченность суверенной власти или анархизмъ, отсутствіе всякой власти. Безусловное подчиненіе суверенной власти, по справедливому замѣчанію Канта, впервые обосновываетъ юридическій порядокъ, какъ таковой, и потому есть категорическій императивъ.

Невозможность, съ позитивно-юридической точки зрѣнія, ограниченія суверенной власти индивидуальными правами прекрасно была выражена Руссо: „Эти условія (общественнаго) договора, писалъ онъ, правильно понятыя, сводятся въ сущности къ одному условію, а именно, къ полному отчужденію каждаго члена со всѣми своими правами въ пользу всей общины... Такъ какъ отчужденіе производится безъ оговорокъ, то союзъ становится совершеннымъ, насколько вообще онъ можетъ быть такимъ, и ни у одного изъ участниковъ нѣтъ болѣе особыхъ требованій; ибо если бы у отдѣльныхъ личностей остались нѣкоторыя права, то, за отсутствіемъ высшей власти, которая могла бы рѣшать споры между ними и обществомъ, каждый, будучи въ нѣкоторыхъ вопросахъ своимъ собственнымъ судьей, скоро началъ бы претендовать стать судьей во всѣхъ другихъ вопросахъ, естественное состояніе продолжало бы существовать, и ассоціація по необходимости стала бы или тираннической, или тщетной“. „Если государство или община есть только моральная личность, жизнь которой заключается въ объединеніи членовъ ея, и если наиболѣе важной его заботой

является собственное сохраненіе, то ему нужна общая и побудительная сила, чтобы двигать и располагать каждой частью наиболѣе удобнымъ для цѣлаго образомъ. Какъ природа даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, такъ общественный договоръ даетъ политическому тѣлу абсолютную власть надъ всѣми членами послѣдняго; эта то власть, управляемая общей волей, называется, какъ я уже сказалъ, суверенитетомъ... Надо согласиться, что изъ всего того, что каждый отчуждаетъ, путемъ общественнаго соглашенія изъ своихъ силъ, имущества и свободы, обществу важно имѣть возможность располагать только частью этого; но нужно согласиться и съ тѣмъ, что только суверенъ можетъ быть судьей степени этой важности" (Общественный договоръ, I, 6; II, 4).

Руссо былъ вполнѣ правъ. Фактически, конечно, нѣтъ абсолютнаго верховенства, независимости и неограниченности ни одной власти, такъ какъ психологически и соціологически всякая власть есть сложный синтезъ очень-многихъ противоположныхъ и уравновѣсившихся силъ. Но юридически важенъ одинъ вопросъ, кто будетъ рѣшать о томъ, дѣйствуетъ ли власть въ предѣлахъ своей компетенціи или нѣтъ. Нельзя отвѣтить, что въ одной области будетъ рѣшать высшая власть союза, въ другихъ — подчиненные союзы или индивиды. Всегда можно поставить дальнѣйшій вопросъ, а кто будетъ юридически рѣшать, подходитъ ли данный случай къ сферѣ высшей власти или индивида. Именно это свойство рѣшать окончательно, въ послѣдней инстанціи, свою компетенцію и есть суверенитетъ.

Кантъ, какъ мы только что сказали, считалъ безусловное подчиненіе суверенной власти категорическимъ императивомъ. „Что должно повиноваться, и при томъ юридически безусловнымъ образомъ, тому, кто владѣетъ верховной повелительной и законодательной властью надъ народомъ, объ этомъ такъ мало дозволено сомнѣваться, что является уже

подлежащимъ наказанію публичное изслѣдованіе титуловъ ея пріобрѣтенія, т. е. подверганіе его сомнѣнію... Это положеніе: повинуйтесь власти (во всемъ, что не противорѣчитъ внутренней моральности), господствующей надъ вами, является категорическимъ императивомъ, который не выноситъ никакого противорѣчія... Безусловное подчиненіе народной воли (которая сама по себѣ является разъединенной и, слѣдовательно, беззаконной) волѣ суверенной, объединяющей всѣхъ посредствомъ единаго закона, есть актъ, который можетъ быть совершенъ только черезъ овладѣніе высшей властью. Этотъ актъ впервые обосновываетъ юридическій порядокъ. Допускать возможность сопротивленія этому полновластію значитъ противорѣчить самому себѣ, ибо въ такомъ случаѣ оказывалось бы, что та первая власть не есть высшая и опредѣляющая собою право" (Rechtslehre, I, Anh.). Необходимость суверенитета, какъ формально-юридическаго принципа, сознается даже тѣми, кто по духу своего ученія вовсе не склоненъ былъ понимать право съ узко-государственной точки зрѣнія. Такъ Пухта, видѣвшій въ правѣ исключительно созданіе народнаго духа, народнаго убѣжденія, писалъ въ своихъ Институціяхъ относительно законодателя: „Ожидается, что законодатель дѣйствительно выражаетъ общее убѣжденіе націи, подъ вліяніемъ котораго онъ долженъ находиться... Иногда стремятся, если не обезпечить согласіе, то, по крайней мѣрѣ, затруднить возможность противорѣчій закона съ національными воззрѣніями, при помощи установленія совѣщаній и соглашеній съ членами народа. Но разъ законъ данъ, значеніе его не можетъ зависѣть отъ изслѣдованія дѣйствительнаго согласія его съ народной волей. Подобное изслѣдованіе предполагало бы высшую власть, имѣющую законодательное значеніе; но и для этой власти вновь возникалъ бы тотъ же вопросъ (о его согласіи съ народомъ). Поэтому, все, что установляется закономъ, издаваемымъ сообразно съ принятымъ порядкомъ, имѣетъ силу права и дѣйствуетъ въ ка-

чествѣ общей воли, не вслѣдствіе своего содержанія, а вслѣдствіе формы своего выраженія“ (Institutionen, §14[1]).

---

1) Неограниченной считаютъ суверенную власть и рядъ современныхъ писателей-юристовъ. Укажемъ лишь на нѣкоторыхъ: Seydel, Der Bundesstaatsbegriff въ журналѣ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1872, стр. 190—192 (государственная власть — суверенна, т. е. высочайшая и абсолютная); Borel, La souveraineté et l'Etat fédératif, стр. 27—28, 43, 48, 51, 102 и др. (существо суверенитета въ томъ, что онъ не имѣетъ опредѣленныхъ границъ; логика требуетъ признанія абсолютно независимой власти); Laband, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, I (1892) стр. 552 (государственная власть in abstracto никогда не связана закономъ, такъ какъ государство въ каждый моментъ можетъ свои законы измѣнять, отмѣнять и пріостановливать); Rosin, Souveränität, Staat, Gemeinde und Selbstverwaltung, Leipzig, 1883, стр. 5 (суверенитетъ есть такое состояніе лица, которое юридически не можетъ быть ограничено волей какой-нибудь другой личности и которое опредѣляется исключительно своей собственной волей). Изъ русскихъ авторовъ признаютъ суверенитетъ юридически неограниченнымъ: Чичеринъ, Курсъ государственной науки, I, 29—30, 62—64 („Юридически, верховная власть ничѣмъ не ограничена; она можетъ дѣлать все, что считаетъ нужнымъ для общаго блага. Въ этомъ отношеніи, она не подчиняется ни чьему суду, ибо, если бы былъ высшій судья, то ему принадлежала бы верховная власть. Она источникъ всякаго положительнаго закона, который она можетъ установлять, измѣнять и отмѣнять по усмотрѣнію... Однимъ словомъ, эта власть въ юридической области полная и безусловная“... „Всякія ея ограниченія могутъ быть только нравственныя, а не юридическія“), Философія права, 316 („Формы власти могутъ быть разныя, но существо ея всегда одно и тоже: она облечена полновластіемъ въ гражданской области. Въ этомъ состоитъ истина положенія Руссо, который, въ противоположность индивидуалистической школѣ, утверждалъ, что, вступая въ общество, человѣкъ отрекается отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ и сдаетъ ихъ цѣлому“); Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права („Источникъ сомнѣній въ неограниченности верховной власти лежитъ въ недостаточномъ разграниченіи между юридическимъ и нравственнымъ характеромъ этой власти, или между верховной властью, какъ внѣшнимъ учрежденіемъ, и тѣми естественными и нравственными условіями, среди которыхъ она призвана дѣйствовать. Верховная власть, какъ юридическая сила, есть высшая, не подлежащая никакому контролю сила и не могущая подлежать такому контролю, потому что, если бы существовала такая сила, контролирующая верховную власть, то она была бы высшею, а, слѣдовательно, и сама была бы верховною властью. Какъ нѣтъ силы выше верховной власти, такъ нѣтъ и закона, который былъ бы выше ея. Верховная

Однако необходимо избѣжать одной ошибки и не смѣшивать формально юридическую (съ точки зрѣнія положительнаго права) неограниченность всякой суверенной власти съ государственнымъ абсолютизмомъ, тиранніей, деспотизмомъ и т. п., что́, кстати сказать, постоянно дѣлается тѣми авторами, которые отрицаютъ юридическую неограниченность суверенной власти [1]). Изъ того, что суверенная власть не можетъ быть позитивно-юридически ограничена, не вытекаетъ нисколько, что она вообще неограничена. Жизнь человѣческихъ обществъ опредѣляется не однѣми нормами положительнаго права: законы естественной необходимости, религіозныя и нравственныя нормы дѣйствуютъ на ряду съ нормами положительнаго права и его ограничиваютъ; ограничивается ими и дѣйствіе суверенной власти. Но это ограниченіе не юридическое ограниченіе. Между тѣмъ мы постоянно встрѣчаемся съ попытками доказать юридическую ограниченность суверенитета ссылкой на его фактическую

власть дѣйствуетъ по законамъ, но она сама творитъ законъ; въ этомъ смыслѣ она ничѣмъ не ограничена, она можетъ объявить закономъ все, что хочетъ, и никакое другое учрежденіе или отдѣльный человѣкъ не имѣетъ право сказать, что это не законъ“). Ср. А. Алексѣевъ, Русское государственное право, М. 1895, стр. 123; Къ ученію о юридической природѣ государства, М. 1894, стр. 34; Шершеневичъ, Общая теорія права, стр. 217. („Изъ того, что государственная власть есть верховная власть, съ необходимостью слѣдуетъ третье свойство ея — неограниченность. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что верховная власть ограничена, — это значило бы, что надъ нею стоитъ иная власть, ее ограничивающая, но тогда первая перестала бы быть высшей. Верховность и неограниченность — свойства, тѣсно другъ съ другомъ связанныя, но не тождественныя, хотя исторически онѣ нерѣдко смѣшивались. Неограниченность государственной власти означаетъ возможность съ ее стороны воздѣйствія на волю подчиненныхъ, насколько то физически допустимо. Старое англійское положеніе приписываетъ парламенту способность „сдѣлать все, только не превратить женщину въ мущину“, такъ какъ здѣсь физическій предѣлъ всемогущества. Мы должны признать, что государственной власти не могутъ быть установлены никакія границы ея дѣятельности“).

1) См., напр., смѣшеніе политическаго абсолютизма съ юридической неограниченностью суверенной власти у Рейснера, Государство, М. 1912, II, стр. 84—138.

ограниченность. Но доказывать это послѣднее значитъ ломиться въ открытую дверь. Никому въ голову не можетъ притти мысль утверждать, что суверенная власть все можетъ. Есть предѣлы физически возможнаго, соціологически допустимаго и т. д. [1]).

Когда мы говоримъ объ юридической неограниченности суверенной власти, то разумѣемъ лишь неограниченность данной власти отъ всякой другой юридической власти; ни въ какомъ случаѣ мы не говоримъ объ абсолютности этой власти, объ ея неограниченности и независимости отъ общихъ матеріальныхъ условій жизни, ни даже объ ея независимости отъ высшаго принципа нравственности.

Юридическая неограниченность не значитъ фактическая неограниченность. Такъ и нравственный идеалъ людей формально абсолютенъ, но люди, какъ бы нравственны они ни были, не абсолютно святы. Неограниченность власти есть отрицательное понятіе, и потому она не имѣетъ еще абсолютнаго положительнаго содержанія. Если свободно двигающемуся въ міровомъ пространствѣ тѣлу не поставлено границъ достиженія, то это еще не значитъ, что оно пройдетъ или въ состояніи пройти черезъ всю вселенную. Все конкретное, даже не имѣя внѣшнихъ ограниченій, уже находитъ себѣ ограниченіе въ своемъ бытіи, какъ конкретнаго, такъ какъ, будучи однимъ, оно не можетъ быть въ то же время другимъ и всѣмъ. Власть, съ волевой своей стороны, по отношенію къ соціальному цѣлому есть то же, что индивидуальная воля по отношенію къ индивидуальному цѣлому: формально она все можетъ, но многаго она не сдѣлаетъ.

Какъ, повидимому, ни очевидна юридическая неограниченность суверенной власти, однако она далеко не поль-

---

1) Такую ошибку совершаетъ, напр., Новгородцевъ, Государство и право, стр. 410—411. Возражая противъ юридической неограниченности суверенитета, Новгородцевъ приводитъ доказательства того, что суверенитетъ фактически ограниченъ.

зуется всеобщимъ признаніемъ въ юридической литературѣ. Ограниченность суверенитета утверждается главнымъ образомъ съ трехъ точекъ зрѣнія: какъ юридическаго самоограниченія, какъ общаго подчиненія праву, явленію независимому отъ власти, и какъ подчиненія возвышающимся надъ государствомъ и надъ его властью нормамъ международнаго права.

Теорія ограниченія суверенной власти, какъ ея самоограниченія, связана главнымъ образомъ съ именемъ Еллинека. Эта теорія не признаетъ ограниченія суверенитета въ прямой формѣ подчиненія другой власти, а лишь въ видѣ самоограниченія. „Никакая чужая воля не въ состояніи юридически обязать государство, оно не подчинено ничьей другой волѣ, кромѣ своей собственной. Иначе говоря, исключительная обязываемость по собственной волѣ есть характерный признакъ суверенаго государства, съ юридической точки зрѣнія. Слѣдовательно, суверенитетъ есть свойство государства, въ силу котораго оно можетъ юридически обязываться только черезъ свою собственную волю“ [1]). Теорія самоограниченія, какъ дѣйствительнаго ограниченія, исходитъ изъ слѣдующаго положенія. Свойство права, какъ такового, заключается въ томъ, что оно связываетъ не только подданныхъ, но и саму суверенную власть. Законъ обладаетъ двусторонней связывающей силой, такъ какъ, издавая законъ, суверенная власть юридически связываетъ свою дѣятельность этимъ закономъ. Издавая законъ, государство приказываетъ своимъ органамъ подчинять свою волю этому закону. Воля же органовъ есть воля государства; слѣдо-

1) Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, стр. 34. Ср. Gesetz und Verordnung, стр. 197; Allgemeine Staatslehre, 2 изд. стр. 357 и сл. Изъ русскихъ авторовъ теорія самоограниченія принята была А. Алексѣевымъ, Русское государственное право, 1895, стр. 125—6, 194—195. Впрочемъ въ изложеніи проф. Алексѣева это самоограниченіе тожественно неограниченности, что дѣйствительно и вытекаетъ изъ правильно понятой теоріи самоограниченія.

вательно, связывая органъ, государство связываетъ самого себя. Противъ того возраженія, что государственная власть вольна издавать или не издавать закона, а издавши, его отмѣнить, Еллинекъ утверждаетъ, что такая самосвязываемость существуетъ и для законодательной дѣятельности суверенной власти; въ качествѣ подтверждающихъ примѣровъ служатъ нѣкоторые факты, взятые изъ государственно-правовой практики конституціонныхъ государствъ: существованіе особыхъ органовъ для конституціоннаго законодательства, запрещеніе въ нѣкоторыхъ конституціяхъ производить измѣненія въ конституціи, ст. 5 французскаго закона 14 августа 1884 года, запрещающая вообще предлагать для пересмотра республиканскую форму правленія, и т. д.

Софистичность этой теоріи очевидна и многими уже неопровержимо доказана. Самоограниченіе можетъ быть нравственнымъ или политическимъ ограниченіемъ, но никакъ не позитивно-юридическимъ. Юридическая ограниченность подразумѣваетъ ограниченность отъ опредѣленныхъ юридическихъ нормъ, независящихъ отъ воли подчиненнаго имъ; если же содержаніе юридическихъ нормъ всегда зависитъ отъ суверенной власти, то нельзя говорить о томъ, что онѣ ее ограничиваютъ. Вполнѣ правильно сказалъ еще Генель: „Положеніе, что суверенитетъ состоитъ въ исключительной обязываемости черезъ собственную волю, несправедливо. Справедливо это развѣ только въ томъ чрезвычайно общемъ смыслѣ, что всякая человѣческая воля въ послѣднемъ итогѣ опредѣляется сама собой. Даже подчиняющійся только потому подчиняется, что онъ этого желаетъ. Въ такомъ общемъ смыслѣ все право покоится на самообязываемости. Однако дѣло идетъ не объ этой общей психологической истинѣ, а о томъ, можетъ ли государство по своему усмотрѣнію создавать или не создавать право или оно должно признать право, какъ норму по своей природѣ связывающую также и его“ (Deutsches Staatsrecht, I, 117).

Всѣ конституціонные примѣры, приводимые въ доказательство того, что возможны ограниченія законодательной функціи суверенной власти, доказываютъ только то, что существуютъ законы и опредѣленныя нормы и для законодательной дѣятельности государства. Но эти законы такъ же могутъ быть отмѣнены, какъ и всѣ остальные. Пока законъ не отмѣненъ, нарушеніе его властью юридически недозволено, но власть, его установившая, можетъ его и отмѣнить, и потому она нисколько имъ не ограничена. Если, напр., статья пятая французскаго закона 14 августа 1884 года и запрещаетъ предлагать для пересмотра республиканскую форму правленія, то во всякомъ случаѣ французская суверенная власть (національный конвентъ) юридически можетъ, если пожелаетъ, отмѣнить сначала саму эту статью и потомъ, не связанная никакой нормой, приступить къ пересмотру республиканской формы государства.

Опредѣляя суверенитетъ, „какъ способность государственной власти, юридически никакой внѣшней силой не связанной, къ исключительному самоопредѣленію, потому и къ самоограниченію чрезъ установленіе юридическаго порядка, который одинъ только даетъ государственной дѣятельности характера, подлежащій правовой квалификаціи“ (Право современнаго государства, стр. 317), Еллинекъ попадаетъ въ безвыходныя логическія противорѣчія. Признавая, что суверенитетъ есть невозможность для суверенной власти юридически быть ограниченной какой-нибудь другой властью противъ собственной воли, что „суверенная власть безгранична въ томъ смыслѣ, что никакая другая сила не можетъ юридически помѣшать ей измѣнить существующій юридическій порядокъ“, Еллинекъ, казалось бы, долженъ былъ сдѣлать тотъ естественный выводъ, что суверенная власть нисколько юридически не ограничена установленнымъ ею юридическимъ порядкомъ, а лишь фактическою необходимостью отмѣнить его. Суверен-

ная власть и по теоріи самоограниченія обладаетъ юридически всѣми верховными правами и имѣетъ неограниченную правовую силу подъ предѣлами своей компетенціи.

Насколько слаба для доказательства самоограниченія власти ссылка на нравственную автономію, прекрасно показалъ Новгородцевъ: „Какъ очень характерно замѣчаетъ Еллинекъ, въ каждомъ конкретномъ хотѣніи уже заключается ограниченіе воли, какъ способности хотѣнія. Опредѣленное содержаніе воли исключаетъ всякое другое содержаніе на все время даннаго хотѣнія. Даже и самый ярый индетерминистъ долженъ признать, что въ одинъ и тотъ же моментъ нельзя хотѣть чего-либо вмѣстѣ съ его противоположностью. Все это совершенно справедливо, но гдѣ же здѣсь основаніе для обязанности? Если каждое конкретное содержаніе воли, становящееся въ ней господствующимъ мотивомъ, есть ея самоограниченіе, а каждое самоограниченіе есть самообязываніе, гдѣ различіе между обязательнымъ и необязательнымъ? Въ дѣйствительности, обязательными для воли становятся лишь тѣ мотивы, которые приняты ею, хотя бы и свободно, но во имя какого-либо высшаго начала. Если же въ основѣ самоограниченія лежитъ простое хотѣніе воли, вытекающее изъ господствующаго въ ней въ данную минуту мотива, то сила и судьба этого самоограниченія всецѣло зависятъ отъ того, какъ долго будетъ господствовать надъ волей данный мотивъ. Въ такомъ случаѣ объ обязанности или самообязываніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи, и сущность утвержденій Еллинека сводится къ малозначущей и самоочевидной психологической истинѣ, съ которой дѣйствительно согласится и „самый яркій индетерминистъ“, что нельзя хотѣть одновременно двухъ противоположныхъ вещей“ (Государство и право, стр. 432—3).

Въ окончательномъ выводѣ, вся эта конструкція исключительности и неограниченности власти, являющейся однако ограниченной благодаря самоограниченію, хотя это самоогра-

ниченіе юридически свободно и во всякое время неограниченно можетъ быть уничтожено, являетъ собою яркій примѣръ пустой и безплодной научной схоластики.

Больше смысла и больше распространенія имѣетъ теорія, считающая суверенную власть юридически ограниченною высшими принципами права. По этой теоріи, суверенная власть ограничена необходимостью имѣть юридическій порядокъ, такъ какъ право есть необходимый принципъ организаціи человѣческихъ обществъ. Суверенная власть обязывается и ограничивается не своею собственною волей, а существующею и безъ нея необходимостью высшаго принципа права [1]).

Полное подчиненіе суверенной власти высшимъ нормамъ права находимъ мы въ теоріи Дюги. Впрочемъ у этого своеобразнаго возродителя естественно-правовой доктрины на соціологическихъ основахъ ограниченіе суверенитета нормами права доходитъ до полнаго отрицанія всякаго юридическаго характера за суверенной властью. Власть только фактъ. Если она осуществляетъ нормы независимо отъ нея существующаго права, она дѣйствуетъ юридически, въ противномъ случаѣ она къ праву не имѣетъ отношенія [2]).

Менѣе нигилистически защищаетъ связанность суверенной государственной власти нормами права Лефюръ.

---

1) Таково было мнѣніе Генеля, Deutsches Staatsrecht, I, 117—118. Цѣлый рядъ другихъ нѣмецкихъ авторовъ отрицаетъ понятіе суверенной власти, какъ абсолютной силы, ибо это понятіе противорѣчитъ существу права, являющагося ограниченіемъ произвольной власти, и между понятіями неограниченной суверенной власти и публичнаго права существуетъ противорѣчіе. Укажемъ, въ качествѣ примѣра, на Гарейса, Црейса, Климке, Аффольтера и др. Особенное вниманіе привлекъ голландецъ Krabbe, Die Lehre der Rechtssouveränität, 1906, стр. 224 и сл. (Ср. правильныя критическія замѣчанія о Краббе у Шершеневича, Общая теорія права, 300—302).

2) Duguit, L'Etat, de droit objectif et la loi positive, I, стр. 12, 319 и сл.; Конституціонное право (нашъ переводъ), 1909, стр. 3—4; Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства (нашъ переводъ), 1909, стр. 33 и сл.; Traite de droit constitutionnel, 1911, стр. 50—55.

Государство, по его мнѣнію, находитъ какъ въ принципѣ права, главенствующимъ надъ нимъ, такъ и въ самомъ существованіи составляющихъ его индивидовъ непереходимыя границы и ограниченія. Опредѣленіе этихъ ограниченій заключается въ понятіи цѣли. Всякое организованное существо имѣетъ цѣль, и изслѣдованіе этихъ цѣлей должно показать объемъ правъ и средствъ, которыя должны ему принадлежать. Послѣднія должны явиться именно тѣми, которыя ему необходимы для реализаціи его цѣли. Государство имѣетъ цѣлью, во первыхъ, быть высшей гарантіей права, этого существеннаго условія всякой организаціи, и, во вторыхъ, быть элементомъ развитія своей націи. Государство въ силу своего суверенитета можетъ проводить линію разграниченія между собственной компетенціей и компетенціей индивидовъ и несуверенныхъ сообществъ, но оно должно это дѣлать сообразно съ правомъ, а не слѣдуя своему усмотрѣнію, какъ единственному правилу. Отсюда слѣдуетъ опредѣленіе суверенитета: „суверенитетъ есть свойство государства обязываться или опредѣляться только черезъ свою собственную волю, въ границахъ верховнаго принципа права и сообразно съ коллективной цѣлью, которую оно призвано осуществлять“ (L'Etat fédéral et confédération d'Etats, стр. 443 и слѣд.).

Теорія юридической ограниченности имѣетъ не мало сторонниковъ среди русскихъ юристовъ, изъ которыхъ укажемъ на Коркунова, Новгородцева, Паліенко, Кокошкина. Коркуновъ и Петражицкій видятъ ограниченіе суверенитета въ психологическомъ характерѣ власти и права; тотъ же психологическій источникъ, который творитъ право, образуетъ и власть; въ силу этого власть психологически ограничена тѣмъ общественнымъ сознаніемъ, которое создаетъ право, и, слѣдовательно, ограничена правомъ [1]).

1) Коркуновъ пишетъ: „Ограниченіе власти правомъ установляется не потому только, что дальновидные представители власти сознательно огра-

Казалось бы, разъ власть и право творятся однимъ психологическимъ источникомъ, то право есть одно лишь изъ выраженій психической силы власти и ни о какомъ правовомъ ограниченіи власти не можетъ быть и рѣчи. Казалось бы, что власть, какъ и право, будучи только психическимъ переживаніемъ общества или отдѣльныхъ людей, можетъ имѣть ограниченія только психологическія, т. е. фактическія; другими словами, изъ смысла теоріи Коркунова и Петражицкаго должна была бы слѣдовать юридическая неограниченность власти. То же надо сказать и о воззрѣніяхъ Кокошкина, видящаго въ правѣ, приближаясь къ Бирлингу и Петражицкому, общественно-признанныя нормы и полагающаго поэтому, что онѣ возвышаются надъ всякою властью[1]).

ничиваютъ себя правомъ гражданъ по соображеніямъ цѣлесообразности, а потому также, и притомъ главнымъ образомъ потому, что сознаніе зависимости отъ государства, служащее основой его власти, никогда не бываетъ безграничнымъ, безусловнымъ и съ развитіемъ общественной жизни, съ образованіемъ на ряду съ государствомъ множества другихъ общеній, съ успѣхами международнаго общенія, сознаваемая нами зависимость отъ государства становится все ограниченнѣе и условнѣе. Властвованіе надъ нами государства и ограниченіе этого властвованія правомъ имѣютъ одно и то же общее основаніе — въ нашемъ сознаніи, въ сознаніи зависимости отъ государства и въ сознаніи цѣлаго ряда интересовъ, противопоставляемыхъ интересамъ власти и требующихъ опредѣленнаго съ ними разграниченія“ (Лекціи по общей теоріи права, 5 изд., 263—4). Также приблизительно ограничиваетъ государственную власть и Петражицкій (Теорія права и государства, 2 изд., стр. 196—217). Ср. Байковъ, Междувластныя и властныя отношенія, 1912, стр. 246—261, и раньше Современная международная правоспособность папства, 1904, стр. 160 („Суверенная власть ограничивается въ своей дѣятельности предѣламипринадлежащей ей компетенціи“).

1) „Понятіе суверенитета, такимъ образомъ, чисто отрицательное: — суверенная власть есть независимая власть; надъ ней не стоитъ никакой другой власти. Но это не значитъ, что верховная власть неограничена, она ограничена правомъ. Выведеніе изъ верховенства неограниченности объясняется примитивнымъ пониманіемъ права, какъ чьей-то воли. Въ этомъ пониманіи сказывается старая, идущая отъ первобытныхъ временъ привычка человѣческаго ума олицетворять всякую силу. Изъ того что верховная власть никому не подчинена, выводятъ, что она.

Если власть понимать какъ психологическій синтезъ, образующійся изъ воли къ господству однихъ и сознанія подвластности другихъ, то положительное право само явится однимъ изъ проявленій этой силы власти и, разумѣется, никакъ уже не будетъ ограничивать дѣйствій этой силы, его созидающей.

Природа власти, какъ силы организующей общественную жизнь, состоитъ, какъ въ волѣ однихъ членовъ общества къ господству, такъ и въ сознаніи другими членами общества своей зависимости отъ общества и его органовъ. При этомъ общество, обнимающее всѣ остальныя общенія и незаключенное въ кругъ какого-нибудь другого болѣе широкого общенія, создаетъ въ своихъ членахъ сознаніе своей послѣдней, окончательной зависимости. Въ сознаніи этой зависимости и будутъ заключаться мѣра и фактическія границы власти этого высшаго общенія и, слѣ-

---

ничему не подчинена. Но это заключеніе невѣрно. Надъ суверенной властью дѣйствительно не стоитъ никакой другой высшей власти, никакого лица, но надъ нею стоятъ безличныя нормы права. Какъ и всякая другая власть, она основана на правѣ и ограничена правомъ. Но изъ всѣхъ установляемыхъ правомъ властей суверенная власть есть высшая" (Русское государственное право, вып. II, 1908, стр. 75). Въ связи со своей естественно-правовой теоріей отрицаетъ неограниченность суверенитета и Новгородцевъ, см. Государство и право (напр., стр. 520). Паліенко видитъ ограниченіе суверенитета въ необходимости государственной власти, какъ устанавливающей юридическій порядокъ, дѣйствовать на основаніи нормъ права. „Суверенная государственная власть, какъ таковая, является властью, которая лишь въ своемъ собственномъ правѣ находитъ свое опредѣленіе и ограниченіе; не въ томъ смыслѣ, что право государства является для его власти какой-либо внѣшней границей, установленной какимъ-либо внѣшнимъ авторитетомъ для государства, или же правомъ, которымъ государство само себя по своему желанію обязываетъ или признаетъ для себя обязательной нормой, но государство въ силу самой своей природы является юридически организованнымъ союзомъ властвованія, его власть въ силу самой своей природы является правовою властью, могущею осуществляться лишь въ правовыхъ формахъ" (Суверенитетъ, Ярославль, 1903, стр. 411). Ту же идею болѣе подробно защищалъ Паліенко и въ изслѣдованіи Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства, Харьковъ, 1908, стр. 310 и сл.

довательно, границы суверенитета. Такимъ образомъ границы суверенной власти исходятъ отъ нея самой, а не извнѣ; право же положительное само является проявленіемъ этого силы, и потому нельзя говорить о позитивно-юридическихъ ограниченіяхъ суверенной власти. Будутъ и остаются лишь фактическія границы, а не юридическія ограниченія. Теоріи, считающія суверенитетъ ограниченнымъ верховными принципами независящаго отъ государственной власти права, а иногда даже отрицающія суверенитетъ совершенно, какъ находящійся въ противорѣчіи съ принципами права, или покоятся на недоразумѣніи, такъ какъ здѣсь смѣшивается позитивно-юридическая точка зрѣнія съ нравственной, или вытекаютъ изъ неправильнаго пониманія природы права. Суверенная власть есть явленіе положительнаго права, творецъ и высшая инстанція въ рѣшеніи вопросовъ положительнаго права; но область чисто нравственныхъ нормъ находится внѣ компетенціи положительной юридической суверенной власти, и, конечно, власть, какъ и всякое положительное человѣческое созданіе, ограничена ими. Всѣ эти теоріи, въ сущности, говорятъ о независимости отъ государственной власти и даже о верховенствѣ надъ ней именно нравственной критики или такъ называемаго естественнаго права.

Отрицаніе юридической неограниченности суверенитета указаніемъ на требуемое разумомъ подчиненіе всякой власти объективному праву, выводимому разумомъ изъ разсмотрѣнія природы общества, основывается на неправильномъ пониманіи природы права и на коренномъ недоразумѣніи. Если даже допустить существованіе права, не зависящаго отъ суверенной власти и лишь констатируемаго органами власти, то этимъ ни юридическая, ни политическая проблемы еще не разрѣшены: независимая отъ органовъ власти норма права существуетъ, но въ чемъ она заключается? Кто намъ скажетъ ея содержаніе? Настолько ли оно очевидно, что всѣ члены

общества одинаково ее понимаютъ? Но мы знаемъ, что, увы, человѣческія мнѣнія слишкомъ различны, и нѣтъ ни одной столь очевидной нормы, чтобы на ней согласились всѣ люди. Возникаетъ, слѣдовательно вопросъ: если и существуетъ высшая и „безличная“ норма права, для всѣхъ обязательная, то кто же призванъ опредѣлять ея содержаніе; и если различными людьми это содержаніе будетъ опредѣляться различно, то какое и чье опредѣленіе должно считаться правильнымъ? Наконецъ, если даже наступитъ согласіе о содержаніи опредѣленной нормы права, кто будетъ окончательно и безспорно рѣшать, подходитъ ли данный конкретрый случай подъ эту норму, т. е. кто будетъ рѣшать окончательно вопросъ о правѣ.

Суверенитетъ есть не что иное, какъ правомѣрная власть опредѣлять содержаніе нормъ права и рѣшать споры о примѣненіи ихъ. Отвѣтить, что суверенитета нѣтъ по той причинѣ, что всякая власть должна лишь выражать право, и что ея положеніе ничѣмъ не отличается отъ положенія каждаго отдѣльнаго индивида, значитъ или стать на вполнѣ анархическую точку зрѣнія и признать за каждымъ индивидомъ такое же право утверждать, что́ является правомъ и что́ имъ не является, — причемъ нѣтъ никакой практической возможности установить, кто же правъ въ своихъ утвержденіяхъ, — или признать существованіе высшей инстанціи, имѣющей компетенцію разрѣшать по крайней мѣрѣ формально, что́ есть право, и такимъ образомъ признать существованіе суверенитета, такъ какъ суверенитетъ есть не что иное, какъ это право окончательно формально рѣшать вопросы о правѣ.

Болѣе основаній, повидимому, имѣютъ представители международнаго права, указывающіе на то, что существованіе положительнаго международнаго права, которому подчиняются и суверенныя государства, несовмѣстимо съ юридической неограниченностью государственной суверенной власти.

Если государственная суверенная власть юридически все можетъ внутри сферы своего дѣйствія (и то сомнительно, такъ какъ и здѣсь могутъ быть постоянно затронуты нормы международнаго права), то въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ она подчинена международному праву. Блюнчли упрекалъ Бодена за то, что онъ видѣлъ въ суверенитетѣ абсолютную власть, между тѣмъ какъ современное государство подобной власти не знаетъ. Въ своемъ Кодексѣ международнаго права онъ писалъ: „Суверенитетъ не обозначаетъ ни абсолютной независимости, ни абсолютной свободы, такъ какъ государства — не абсолютныя существа, а лица, права которыхъ ограничены. Идея суверенитета впервые развилась во Франціи, и это было въ эпоху, когда королевская власть стремилась сконцентрировать въ своихъ рукахъ всѣ государственныя власти, вопреки противодѣйствію феодаловъ и парламентовъ. Съ тѣхъ поръ въ словѣ суверенитетъ остается оттѣнокъ абсолютизма, съ трудомъ уничтожаемый. Этотъ абсолютизмъ находится однако въ противорѣчіи какъ съ конституціонной природой нынѣшнихъ государствъ, такъ и съ солидарностью, существующей нынѣ между различными народами земного шара. Государство можетъ претендовать только на независимость и свободу, совмѣстимыя съ необходимой организаціей человѣчества, съ независимостью другихъ государствъ и съ узами, соединяющими государства между собою. Международное право одновременно и поддерживаетъ и ограничиваетъ суверенитетъ государства, такъ какъ оно стремится поддержать миръ и цивилизуетъ войну, регламентируя ее. Ни одно государство не можетъ ссылаться противъ международнаго права на свой суверенитетъ, такъ какъ международное право покоится не на произволѣ государства, а на общихъ правахъ и интересахъ всего человѣчества“ (§ 65—66).

1) Эта точка зрѣнія сдѣлалась общимъ мѣстомъ у громаднаго большинства писателей по международному праву. „Политически нормаль-

Однако хотя государство и подчиняется нормамъ международнаго права, нельзя его власть считать юридически ограниченной. Международное право существуетъ, но нѣтъ международно-правовой власти, и потому хотя и имѣются нормы международнаго права, но нѣтъ внѣ-государственной власти, органовъ, которые разрѣшали бы вопросы международнаго права, т. е. опредѣляли бы авторитетно содержаніе международно-правовой нормы и рѣшали бы, подъ какую норму подходитъ данный спорный случай. Содержаніе международно-правовыхъ нормъ опредѣляется самой государственной властью, при возникновеніи споровъ о правѣ эти споры разрѣшаются тоже самимъ государствомъ, и оно же примѣняетъ къ случаѣ нужды и единственное международно-правовое принужденіе, — войну. Третейскій судъ есть форма разрѣшенія спора добровольная и въ полной независимости принимаемая государствомъ. Рѣшенія международныхъ конгрессовъ принимаются по единогласію, и во всякомъ случаѣ они не обязательны для отдѣльнаго суверенаго государства. Суверенная власть и въ международномъ правѣ юридически вполнѣ независима, такъ какъ кромѣ нея самой нѣтъ другой власти, которая указывала бы ей право.

ное, — говоритъ Гольцендорфъ, — для государственной практики чрезвычайно существенное требованіе продолжительной способности къ пріобрѣтенію и утвержденію международно-правовой личности, или такъ называемое состояніе полной силы лежитъ въ неопредѣляемомъ болѣе точно среднемъ положеніи отдѣльныхъ государствъ, исключающемъ какъ безсиліе отдѣльныхъ государствъ, опасное для внутренняго существованія, такъ и чрезмѣрную ихъ силу, отрицающую чужеземное право. Иначе говоря, между предѣльными полосами недостаточно, слишкомъ малаго государства-общины и чрезмѣрно могучаго всемірнаго государства лежитъ юридически возможное состояніе суверенаго государства“ (Handbuch des Völkerrechts, II, стр. 9). Ограниченнымъ считаетъ суверенитетъ и гр. Л. Камаровскій (Международное право, 1908, стр. 35—36). Это воззрѣніе писателей по международному праву на ограниченность государственнаго суверенитета является основаніемъ того, что они въ большинствѣ случаевъ признаютъ существованіе „полусуверенитета“ и такъ называемыхъ „полусуверенныхъ“ государствъ.

Указанная неограниченность суверенной власти выражается въ двухъ направленіяхъ, имѣетъ, такъ сказать, двѣ стороны, — верховенство и независимость. Среди множества властеотношеній, изъ которыхъ состоитъ политическая жизнь людей, на лѣстницѣ возвышающихся одна надъ другою властей, логически неизбѣжно мыслится власть, стоящая надъ всѣми другими и независимая отъ нихъ. Верховенство и независимость власти и составляютъ два основныя выраженія суверенитета. Разсматриваемая извнутри, по отношенію къ властямъ ей подчиненнымъ, суверенная власть является верховной; разсматривая извнѣ, по отношенію къ міру лежащему внѣ сферы своего дѣйствія, она является независимой. Обѣ эти стороны суверенитета тѣсно связаны между собой. Если власть зависима отъ другой, то, разумѣется, она уже не верховна, если же она верховна, то она не можетъ быть зависимой отъ другой власти, иначе верховна была бы эта послѣдняя власть. Верховенство является какъ бы положительнымъ свойствомъ власти, независимость отрицательнымъ. При концентраціи власти, при расширеніи сферы дѣйствія власти все болѣе выдвигается ея внутренне-верховный характеръ и все меньшее значеніе имѣетъ моментъ независимости. При объединеніи всего человѣчества въ одинъ политическій союзъ суверенная власть была бы только верховной, о внѣшней же независимости ея, за неимѣніемъ внѣ ея другихъ самостоятельныхъ властей, не могло бы возникать и вопроса; при анархическомъ состояніи общества, наоборотъ, суверенитетъ власти (если можно такъ называть самостоятельное положеніе индивидовъ) сказывался бы въ одной ея независимости и свободѣ, такъ какъ о верховенствѣ, за неимѣніемъ подчиняющихся, нельзя было бы говорить.

Въ настоящее время всякая суверенная власть, существуя въ ряду другихъ суверенныхъ властей, по настоящему можетъ быть понята только какъ независимая власть. Такъ

какъ суверенитетъ, съ юридической стороны, есть исключительная власть рѣшать вопросъ о правѣ, то, слѣдовательно, въ немъ существененъ именно моментъ независимости власти. Въ настоящемъ смыслѣ слова нельзя считать ни одной суверенной власти верховной властью, т. е. подчиняющей себѣ всѣ другія власти и не знающей иной отъ себя независимой власти, такъ какъ такой власти вообще нѣтъ: власти международнаго общенія государствъ противостоитъ независимая отъ нея власть государствъ, власть каждаго государства знаетъ независимую отъ нея власть другихъ государствъ. Можно лишь говорить, что суверенитетъ есть высшая власть на данной территоріи; но это уже не есть абсолютно-верховная власть. Но и это не вполнѣ точно, такъ какъ власть есть понятіе не территоріальное, а личное. На одной и той же территоріи, конкурируя, могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга властей, что́ мы и видимъ въ современныхъ государствахъ, принужденныхъ считаться на своей территоріи и съ внѣземельностью иностранныхъ представителей и съ охраняющей властью другихъ государствъ надъ своими подданными. Поэтому существеннымъ признакомъ суверенной власти должно считать не верховенство (такъ какъ это верховенство простирается лишь на ограниченную сферу подчиненныхъ ей отношеній, а въ такомъ смыслѣ каждая власть, посколько она власть для подчиняющихся ей, верховна), а независимость власти отъ какой бы то ни было другой власти. Верховенство и еще потому нельзя считать основнымъ признакомъ суверенитета, что при обозначеніи власти верховною власть берется не какъ таковая во всей совокупности своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, а лишь въ искусственной изолированности отъ другихъ, независимыхъ по отношенію къ ней, властей. Между тѣмъ, обозначая суверенную власть, какъ

абсолютно независимую, мы беремъ ее во всей ея жизненной полнотѣ [1]).

1) Только такое, чисто формальное опредѣленіе можетъ быть дано суверенитету. Тщетными нужно считать всѣ попытки дать ему опредѣленное матеріальное содержаніе. Нельзя непремѣнно отожествлять суверенитета именно съ государственной властью на томъ основаніи, что только государственная власть суверенна; въ этомъ случаѣ предполагается установленнымъ то, что требуется еще доказать. Изъ того факта, что государственные органы въ опредѣленный, историческій моментъ осуществляютъ извѣстныя функціи власти, — право ли войны или заключенія договоровъ, право ли имѣть своихъ дипломатическихъ представителей, право ли самоуправленія и самообложенія, право ли устанавливать свои конституціи, — слишкомъ поспѣшно заключать, что эти функціи власти и составляютъ матеріальное содержаніе суверенитета. Компетенція государственной власти постоянно измѣнялась, то суживаясь, то расширяясь, и каждое изъ отдѣльныхъ правъ, причисляемыхъ къ матеріальному содержанію суверенитета, принадлежало или можетъ принадлежать такимъ человѣческимъ общеніямъ, которыя не имѣютъ государственнаго характера: право войны принадлежало въ средніе вѣка и частнымъ лицамъ, въ новѣйшее время частнымъ компаніямъ вродѣ Остъ-индской, представителей посылаютъ и подчиненныя провинціи, автономія и самоуправленіе принадлежность не однихъ государствъ, право давать себѣ конституціи принадлежитъ по правилу и церковнымъ союзамъ.

Подъ суверенитетомъ слѣдуетъ почитать только то свойство совершенной политической власти, въ силу котораго она получаетъ мотивы для своего дѣйствія не отъ высшей и находящейся внѣ ея силы, а черпаетъ ихъ юридически абсолютно-независимо изъ себя самой. Мы считаемъ однако излишней и ненужной схоластикой, которой часто предаются нѣмецкіе авторы (см., напр., Rehm, Allgemeine Staatslehre (1899), стр. 57—60), противопоставленіе смысла слова суверенитета, какъ понятія верховенства и независимости власти, какъ понятія самой верховой (государственной) власти, какъ положенія высшаго государственнаго органа, какъ отношенія полноправнаго государства къ зависимымъ отъ него странамъ. Когда Декларація правъ въ статьѣ 3-й провозглашала: Le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la nation, то этимъ разумѣлось только то, что верховный характеръ государственная власть получаетъ именно отъ воли народа, тотъ же смыслъ разумѣется и подъ выраженіемъ суверенитетъ народа или суверенитетъ государства. Изъ того, что мы будемъ считать, что суверенность государственной власти придается не волей народа или монарха, а волей государства, какъ личности (какъ это думаетъ большинство нѣмецкихъ авторовъ), смыслъ самого слова суверенитета, какъ верховенства и независимости власти, нисколько не мѣняется.

II. Юридическая природа государства.

I. Государство, какъ суверенный союзъ. Критика отрицающихъ это теорій. — II. Теоріи государства, какъ юридическаго лица. — III. Теоріи государства, какъ юридическаго отношенія. — IV. Государство, какъ юридическое лицо и какъ юридическое отношеніе.

Власть даетъ жизнь праву и въ формахъ неорганизованнаго общественнаго принужденія, какое мы находимъ какъ въ международномъ общеніи, такъ и въ менѣе значительныхъ обществахъ при отсутствіи или слабости политической организаціи, но главное правовое проявленіе власти совершается черезъ планомѣрную работу государственныхъ органовъ. Въ государствѣ власть находитъ себѣ наиболѣе совершенную и законченную организацію.

Какъ въ философіи права главнымъ вопросомъ, способствовавшимъ развитію юридической мысли, было опредѣленіе права, такъ и въ философіи государства творческую роль для развитія науки игралъ основной вопросъ опредѣленія государства и въ частности вопросъ юридической конструкціи государства.

Государство есть политическій союзъ, т. е. такое соединеніе людей, отличительнымъ признакомъ котораго является власть. Изъ ряда другихъ политическихъ союзовъ государство выдѣляется издавна суверенитетомъ объединяющей его власти. Суверенитетъ есть необходимый признакъ государства. Однако въ послѣднее время это утвержденіе было

подвергнуто сомнѣнію, и потому вопросъ этотъ требуетъ своего спеціальнаго изслѣдованія. Наше мнѣніе сходится съ традиціоннымъ ученіемъ въ томъ, что мы считаемъ государство суверенным союзомъ, понимая суверенитетъ въ только что развитомъ нами смыслѣ.

Подобно тому какъ природу права вообще, такъ и юридическую природу государства напрасно старались бы мы понять, исходя изъ какого-нибудь односторонняго принципа. Одинаково не отвѣчающими сложной политической дѣйствительности являются какъ теоріи, видящія въ государствѣ только юридическое лицо властвованія, такъ и теоріи, стремящіяся понять государство, какъ юридическое отношеніе, юридическій порядокъ. Правильнымъ и здѣсь нужно признать синтетическое воззрѣніе на государство, признающее, что подъ однимъ угломъ зрѣнія государство есть лицо, но, разсматриваемое съ другой точки зрѣнія, оно есть и юридическое отношеніе.

I.

Формальный признакъ совершенной политической власти, т. е. суверенитетъ, есть основное характерное свойство, отличающее государство отъ ряда другихъ не-государственныхъ политическихъ союзовъ. Государство есть союзъ суверенный, т. е. юридически самостоятельно и окончательно рѣшающій вопросы права, какъ внутри, такъ и внѣ, внутри — какъ верховный, внѣ — какъ независимый. Внѣ-государственныя отношенія носятъ анархическій характеръ, т. е. всякій вопросъ о правѣ, который подвергнутъ сомнѣнію, можетъ быть разрѣшенъ не какою-либо высшею инстанціею, а самимъ государствомъ. Внѣ, государство не знаетъ никакой юридической власти надъ собой, такъ какъ хотя оно и подчинено нормамъ международнаго права, но рѣшать вопросъ о томъ, что́ право и что́ неправо въ каждомъ данномъ случаѣ, предоставлено государству.

Мы полагаемъ, что нѣтъ возможности выдѣлить государство, какъ таковое, изъ ряда другихъ политическихъ союзовъ, если не будетъ признано, что государства суть тѣ политическіе союзы, которые являются юридически вполнѣ независимыми по отношенію ко всѣмъ другимъ союзамъ, т. е. могутъ окончательно рѣшать всякій юридическій вопросъ; другими словами, государства — суверенные союзы. Гдѣ нѣтъ полной независимости, тамъ вообще нѣтъ независимости, такъ какъ понятіе независимости, т. е. юридической неограниченности, не можетъ быть логически ограничено. И разъ будетъ признано существованіе и несуверенныхъ государствъ, то не будетъ никакой возможности юридически отличить государство отъ всякой автономной провинціи и колоніи, и тогда надо будетъ считать и Гамбургъ, и Финляндію, и Новую Зеландію особыми государствами. Тогда какой угодно политическій союзъ и гдѣ угодно можно считать государствомъ.

Для того, чтобы узнать безошибочно, обладаетъ ли данный политическій союзъ государственнымъ характеромъ, необходимо установить, принадлежитъ ли ему суверенитетъ, что́ узнается изъ разсмотрѣнія не столько внутренняго строенія даннаго союза, сколько его внѣшнихъ отношеній ко всѣмъ другимъ союзамъ. Только изъ разсмотрѣнія этихъ послѣднихъ можемъ мы достовѣрно узнать, нѣтъ ли какой-нибудь внѣ даннаго политическаго союза находящейся власти, могущей, вопреки власти даннаго союза и повелѣвая ей, рѣшать вопросы права. „Il faut, совершенно правильно писалъ еще Боденъ, que ceux-là qui sont souverains, ne soyent aucunement subjects aux commandements d'autruy". „Le souverain est celuy qui ne peut être commandé de personne, et que peut commander à tous" [1]).

1) Воззрѣніе, считающее суверенитетъ необходимымъ и существеннымъ признакомъ государства, принимается очень многими юристами,

Въ пользу традиціоннаго боденовскаго пониманія государства, кромѣ того, что оно вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности, говоритъ также и полная неудача всѣхъ другихъ теорій, старавшихся найти специфическій критерій государства внѣ суверенитета.

Протестъ противъ боденовской традиціи возникъ первоначально въ нѣмецкой литературѣ. Обычное воззрѣніе, считающее суверенитетъ необходимымъ признакомъ государства, было господствующимъ и въ нѣмецкой юридической литературѣ до семидесятыхъ годовъ XIX вѣка, когда вслѣдствіе образованія федеративной Германской Имперіи въ нѣмецкой наукѣ произошелъ поворотъ во взглядѣ на суверенитетъ, какъ

хотя, надо сказать, и не пользуется особеннымъ успѣхомъ среди русскихъ ученыхъ. Какъ на суверенный союзъ, смотрѣли на государство: Чичеринъ, Курсъ государственной науки, I (1894), стр. 58 и сл.; А. С. Алексѣевъ, Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти, 1894, стр. 34—35 („Государственная власть, въ виду именно того, что она, и только она призвана охранять правовой порядокъ въ предѣлахъ территоріи государства, по самой природѣ своей должна быть властью въ юридическомъ отношеніи безусловный и неограниченный, — другими словами, должна обладать суверенитетомъ“); Паліенко, Суверенитетъ, 1903, стр. 512—567 (гл. IX „Суверенитетъ, какъ отличательный признакъ государства“. „Наше изслѣдованіе понятія суверенитета въ его историческомъ развитіи и правовомъ значеніи въ связи съ его отношеніемъ къ правовой природѣ государства приводитъ насъ къ убѣжденію въ необходимости сохраненія этого понятія и въ настоящее время, какъ центральнаго въ понятіи государства. Именно суверенитетъ является не только исторической категоріей, но характеризуетъ собою и нынѣ юридическую природу государственнаго властвованія и является тѣмъ необходимымъ критеріемъ, который даетъ отличить государство отъ другихъ публичныхъ союзовъ“. Впослѣдствіи Паліенко перемѣнилъ свой взглядъ); Нольде, Очерки русскаго государственнаго права, 1911, стр. 277 („Власть государства безусловна въ томъ смыслѣ, что единственныя ограниченія, которыя она знаетъ, исходятъ отъ самаго государства“). Ср. также Seydel, Kommentar zur Reichsverfassung, стр. 1 и сл.; Zorn, Staatsrecht des deutschen Reiches, I, стр. 63; Gierke, Deutsches Privatrecht, I, стр. 475; Otto Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht, II, стр. 371, 463 и сл.; Le Fur, L'Etat fédéral et confédération d'Etats, стр. 395; и др.

на существенный признакъ государства. Послѣ того какъ была отвергнута теорія дѣлимости суверенитета, нѣмецкіе авторы стали предъ альтернативой: или видѣть, какъ и прежде, въ суверенитетѣ существенный признакъ государства, но отказаться (вслѣдствіе упорнаго желанія примѣнять принципъ юридическаго лица къ внутренне-государственнымъ отношеніямъ) отъ пониманія своеобразной природы федеральнаго государства, или отбросить понятіе суверенитета, какъ существеннаго признака государства, и искать такого признака въ другихъ моментахъ [1]).

Нѣкоторые авторы, изъ отрицающихъ суверенитетъ, какъ необходимый признакъ государства, пытались, — но неудачно, — найти отличительный признакъ въ цѣляхъ, которымъ служатъ государственные союзы. Такъ, напримѣръ, устанавливали между государственнымъ и общиннымъ или провинціальнымъ союзами то различіе, что община есть организація мѣстнаго общенія, государство — общенія національнаго. Въ то время какъ цѣль общины состоитъ въ удовлетвореніи общинныхъ нуждъ, вытекающихъ изъ факта соединенія жителей въ одномъ мѣстѣ и изъ близости земель, государство пытается осуществить интересы національные, свойственные народу, какъ естественному сообществу.

Однако нѣтъ возможности отличить мѣстныя цѣли отъ цѣлей національныхъ, такъ какъ онѣ различаются другъ отъ друга не по качеству, а по степени. Кромѣ того, при такомъ критеріи нельзя различить общинъ отъ штатовъ федеральнаго государства и отъ такъ называемыхъ несуверенныхъ

---

1) Поворотъ въ этомъ отношеніи въ нѣмецкой литературѣ связанъ съ именемъ Георга Мейера, впервые объявившаго прежнее государственное опредѣленіе, выработанное Бодэномъ для отношеній французскаго унитарнаго государства, не подходящимъ къ новымъ условіямъ федеративныхъ соединеній: Georg Meyer, Staatsrechtlichen Erörterungen über die deutsche Reichsverfassung, Leipzig, 1872. За Г. Мейеромъ послѣдовали въ этомъ отношеніи Лабандъ, Шульце, Еллинекъ, Розинъ, Бри и др.

государствъ. Мы знаемъ не мало такихъ политическихъ образованій, которыя преслѣдуютъ общенаціональныя цѣли и однако ни въ какомъ отношеніи не являются государствами, напр. Польша и Финляндія.

Иногда этотъ критерій, отличающій государство отъ подобныхъ ему политическихъ союзовъ по признаку цѣли, формулируется такъ, что изъ всѣхъ политическихъ союзовъ одно государство признается имѣющимъ универсальную цѣль, которой и соотвѣтствуетъ универсальная компетенція. Объявляя признакомъ государства универсальность цѣли и компетенціи, въ сущности возвращаются къ понятію суверенитета, такъ какъ только союзы, надѣленные суверенной властью, могутъ обладать универсальностью цѣлей и компетенціи [1]).

Особенный успѣхъ имѣла попытка опредѣлить государство, не пользуясь понятіями суверенитета, связанная съ именами Лабанда и Еллинека. Эти авторы попытались, отбросивши суверенитетъ какъ необходимую принадлежность государствъ, расширить понятіе государства и найти существенный признакъ государства въ собственномъ правѣ властвованія. Какъ Лабандъ, такъ за нимъ и Еллинекъ, основывались въ этомъ расширеніи понятія государства на томъ, что хотя опредѣленіе государства получено главнымъ образомъ изъ понятія государства унитарнаго, т. е. независимаго, суве-

1) Rosin, Souveränität, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung (Annalen des deutschen Reiches, 1883, стр. 265 и сл.); Brie, Theorie der Staatenverbindungen, 1886, стр. 1—16. Что дѣлаетъ теорію Бри особенно не точною, такъ это его признаніе существованія несуверенныхъ государствъ и стремленіе провести разграничительную линію между государствами несуверенными и политическими союзами низшаго порядка. Съ точки зрѣнія цѣлей нѣтъ никакой разницы между несуверенными государствами и другими автономными союзами: по отношенію къ суверенными государствамъ они одинаково не могутъ расширять своей компетенціи и одинаково могутъ быть въ ней ограничены со стороны суверенныхъ государствъ; по отношенію къ подчиненнымъ имъ союзамъ они одинаково могутъ расширять свою компетенцію.

реннаго, но тѣмъ не менѣе словоупотребленіе противорѣчитъ такому опредѣленію государства. Въ Германской Имперіи не сомнѣваются давать названіе государства странамъ несуверенным; члены Сѣверо-американскаго союза называются также государствами; политическія группы, зависѣвшія или зависящія отъ Турціи, носятъ названіе государствъ. Поэтому Лабандъ уже въ первомъ изданіи своего Нѣмецкаго государственнаго права (1876 г.) выставилъ положеніе, что характерный признакъ государства нужно искать въ томъ, что государства владѣютъ правовымъ и политическимъ властвованіемъ въ силу собственнаго права, не по передачѣ и не какъ органы, которыми пользуется высшая власть для выполненія своихъ обязанностей и осуществленія своей воли, а какъ субъекты правъ, дѣйствующіе независимо, со всей свободой, въ собственной юридической сферѣ.

Это положеніе вскорѣ было принято Еллинекомъ и лишь нѣсколько видоизмѣнено въ его Ученіи о государственныхъ соединеніяхъ (1882). Принявъ признакъ собственнаго права и понявъ его, какъ право неконтролируемое, онъ положилъ его въ основу своего ученія о государствѣ.

Такъ какъ возникли сильныя возраженія противъ неопредѣленности понятія собственнаго права, Лабандъ въ послѣдующихъ изданіяхъ своего Государственнаго права принужденъ былъ, для сохраненія своего положенія, развить и обосновать его. Рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ имѣетъ, по его послѣдующимъ разъясненіямъ, не собственное право, а собственное право властвованія. Именно во властвованіи лежитъ основа различія. Специфическое различіе состоитъ въ томъ, что всякое государство, даже самое малое, имѣетъ право властвованія, тогда какъ всякая другая коллективность ихъ не имѣетъ, какъ бы она велика и значительна ни была. Властвовать

же значитъ имѣть право приказывать, предписывать свободнымъ лицамъ или общинамъ свободныхъ людей опредѣленныя дѣйствія и воздержанія отъ опредѣленныхъ дѣйствій, налагать подати и принуждать ихъ сообразоваться съ такими своими предписаніями.

Но дальнѣйшія разъясненія Лабандомъ того, что онъ разумѣетъ подъ собственнымъ правомъ властвованія, разрушаютъ его положенія. Властвованіе надъ лицами, по его мнѣнію, существенный пунктъ, изъ котораго рождается противоположеніе права публичнаго праву частному. Частное право знаетъ властвованіе только надъ вещами, къ которымъ принадлежатъ также и рабы. По отношенію къ свободнымъ лицамъ оно знаетъ только права по долговой претензіи, которыя не содержатъ никакого принудительнаго права противъ должника и не заключаютъ въ себѣ юридической власти приказывать ему что-нибудь. Въ обязательственныхъ отношеніяхъ и вѣритель и должникъ находятся на равной ногѣ; вѣритель не имѣетъ никакой власти надъ должникомъ. Право же властвованія, наоборотъ, состоитъ въ юридической власти, имѣющей авторитетъ надъ подчиненными, въ юридически законной власти принудить ихъ къ повиновенію данному приказу. Еще и теперь существуетъ въ семьѣ, прототипѣ государства и первомъ источникѣ всѣхъ публичныхъ правъ, слабый остатокъ того первоначальнаго характернаго свойства, которое уподобляло ее государству, — отцовская и материнская власть. Хотя это право только слабый отблескъ того, чѣмъ оно было при своемъ возникновеніи, тѣмъ не менѣе оно сохранило свою специфическую природу. По этой же причинѣ феодальный режимъ могъ, въ средніе вѣка, создать главное основаніе для образованія государства, такъ какъ право сюзерена не было правомъ вѣрительнымъ, а правомъ властвованія. Въ нынѣшнемъ правѣ нѣтъ, за исключеніемъ слабаго остатка, сохраняющагося въ

юридической власти семьи, ни частнаго подчиненія, ни частнаго властвованія. Въ этомъ специфическая привилегія государства, которую оно ни съ кѣмъ не раздѣляетъ. Одна его воля имѣетъ власть сокрушать волю индивидовъ, располагать ихъ имуществомъ, ихъ естественной свободой и ихъ жизнью. Право принуждать свободныхъ людей къ повиновенію принадлежитъ только государству. Ни община, ни другой какой-нибудь подобный ей союзъ не владѣютъ этимъ правомъ, какъ правомъ собственнымъ, имѣющимъ основаніе только въ себѣ самомъ и въ свободной волѣ союза. Община можетъ быть уполномочена издавать полицейскія предписанія относительно налоговъ и т. п., но всѣ эти предписанія повелительный характеръ получаютъ только по волѣ государства. Община можетъ имѣть иногда собственное право управленія, даже собственное право юрисдикціи; но какъ только возникаетъ вопросъ о томъ, чтобы обезпечить своимъ приказамъ повиновеніе, нужно, или чтобы община обратилась для этого къ авторитету государства, или чтобы государство само передало общинѣ пользованіе его „державной“ властью для опредѣленныхъ случаевъ. Когда политическій союзъ уполномоченъ давать приказы, имѣющіе повелительный характеръ, и, въ случаѣ нужды, принуждать силою къ выполненію этихъ своихъ приказовъ, онъ дѣйствуетъ отъ имени и за счетъ государства, въ качествѣ какъ бы представителя государства.

Со взглядомъ Лабанда согласенъ въ общихъ чертахъ и Еллинекъ. „Существенный признакъ государствъ, писалъ онъ, есть наличность государственной власти. Государственная же власть есть первоначальная господствующая власть, господствующая въ силу собственнаго могущества и потому по собственному праву. Объемъ этой власти господства для ея существованія совершенно безразличенъ. Гдѣ общеніе можетъ осуществлять господство въ силу первоначальной власти и при помощи первоначальныхъ принудительныхъ

средствъ, сообразно своему собственному порядку, — тамъ и государство на лицо“ [1]).

Однако несмотря на весь свой внѣшній успѣхъ, теорія эта въ теоретическомъ отношеніи очень слаба. Прежде всего нельзя признать вполнѣ достаточнымъ тотъ мотивъ, по которому стремятся придать государству расширенное пониманіе, исключающее изъ числа его признаковъ суверенитетъ власти: обычное словоупотребленіе, дающее названіе государства и такимъ политическимъ союзамъ, которые не обладаютъ суверенной властью. Если ошибочно называютъ государствомъ вассальную область или отдѣльный штатъ федеральнаго государства, то это не должно мѣшать установленію правильнаго опредѣленія государства, ибо могутъ по рутинѣ называть государствомъ то, что имъ уже или еще не является. Впрочемъ слово государство не имѣетъ

1) Право современнаго государства, 1908, стр. 358—9. Это воззрѣніе на государство и суверенитетъ получило очень сильное распространеніе среди русскихъ ученыхъ: Коркуновъ, Лекціи по общей теоріи права, 5 изд., стр. 239—240 („Отличительнымъ признакомъ государства служитъ самостоятельная принудительная власть. Но самостоятельность не предполагаетъ неограниченности или полной независимости“), Русское государственное право, 4 изд., стр. 148—149 („Наилучшее разрѣшеніе этого вопроса находимъ у Еллинека. Признавъ, что государства могутъ быть и несуверенными, отличительный признакъ государства онъ видитъ во властвованіи по собственному праву и потому самостоятельномъ, неподлежащемъ ничьему надзору“); Горенбергъ, Теорія союзнаго государства, 1891, стр. 125; Кокошкинъ, Русское государственное право, 1908, II, 66, 75—78 („Суверенитетъ является только обычнымъ, но не необходимымъ признакомъ государства“. „Территоріальные союзы нужно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) государственные союзы, обладающіе самостоятельною властью и 2) не-государственные союзы (провинціи, общины), обладающіе лишь производной властью. Государства въ свою очередь дѣлятся на государства суверенныя и несуверенныя“); Паліенко въ послѣдней своей работѣ Ученіе о существѣ права (1908) отказывается отъ прежняго боденовскаго взгляда и принимаетъ, какъ отличительный признакъ государства, первоначальность, неделегированность власти (стр. 312—314); эту же точку зрѣнія считаетъ правильной и Байковъ, Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права, стр. 258—259.

точнаго смысла и въ обиходномъ (въ особенности нѣмецкомъ и французскомъ) языкѣ. Государствами называются не только вассальныя области и отдѣльные штаты федеральныхъ государствъ, но и провинціи нѣкоторыхъ государствъ; наоборотъ, иногда называютъ провинціями штаты нѣкоторыхъ федеральныхъ государствъ и даже настоящія независимыя государства. Аргентинская федерація состоитъ изъ 14 федерированныхъ штатовъ, называющихся въ аргентинской конституціи провинціями; когда Нидерланды образовывали конфедерацію государствъ, они назывались республикой Соединенныхъ Провинцій. Можно скорѣе утверждать, что въ обиходномъ, по крайней мѣрѣ русскомъ, словоупотребленіи слово государство возбуждаетъ идею независимаго союза.

Желая избѣжать той критики, которую возбудило противъ себя пониманіе Еллинекомъ собственнаго права, какъ неконтролируемаго права, Лабандъ, какъ мы видѣли, утверждалъ, что специфическій признакъ различія надо искать не въ собственномъ правѣ, а въ собственномъ правѣ властвованія. Но это нисколько не измѣняетъ вывода, какой дѣлается по отношеніи къ собственному праву. Самъ Лабандъ признавалъ, что принуждать, т. е. властвовать, могутъ не одни государства, но что всѣ другіе союзы пользуются этимъ властвованіемъ лишь по порученію государства, государство же осуществляетъ его по собственному праву. Такимъ образомъ, признакъ различія въ концѣ концовъ все же лежитъ въ собственномъ правѣ.

Что же представляетъ собою это собственное право? Лабандъ предпочелъ не давать никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Еллинекъ же понялъ его, какъ неконтролируемое право, какимъ, по его мнѣнію, обладаютъ и штаты федеральныхъ государствъ (Die Lehre von den Staatenverbindungen, стр. 41 и сл.). Это утвержденіе относительно союзныхъ частей федеральнаго государства совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности. Власть каждаго

штата федеральнаго государства тѣсно ограничена опредѣленной компетенціей и въ случаѣ, если она выходитъ изъ свой компетенціи, то федеральное, суверенное государство можетъ заставить ее войти въ границы своей компетенціи, подвергая такимъ образомъ дѣйствія этой власти своему контролю. Контроль этотъ проявляется по самымъ различнымъ отдѣламъ компетенціи штатовъ. Если, обладая правомъ заключать договоры съ иностранными государствами, штатъ воспользуется этимъ правомъ, онъ обязанъ сообщить этотъ договоръ федеральной власти въ цѣляхъ контроля, не наноситъ ли онъ ущерба обще-федеральнымъ интересамъ (швейц. конст. ст. 7 и 9, констит. Соедин. Штатовъ, I, 10, § 3); если общефедеральной конституціей гарантирована опредѣленная форма правленія въ отдѣльныхъ штатахъ, какъ это мы видимъ въ Соедин. Штатахъ, Швейцаріи и др., то федеральный контроль простирается и на внутреннія дѣла штата, и т. д.

Дѣйствительно неконтролируемое право властвованія, т. е. власть окончательно и внѣ всякаго юридически возможнаго контроля рѣшать вопросъ о правѣ, имѣется на лицо только тамъ, гдѣ существуетъ полная независимость, т. е. суверенитетъ; неконтролируемое право есть суверенное властвованіе. То же нужно сказать и о собственномъ правѣ. Истинно собственное право, т. е. такое, какого юридически никто отнять не можетъ, принадлежитъ только суверенным государствамъ. Члены же федеральнаго государства, власть которыхъ противъ ихъ собственнаго желанія, путемъ болѣе или менѣе сложнаго измѣненія конституціи, можетъ быть отнята и низведена до положенія простой провинціальной власти, не обладаютъ въ настоящемъ смыслѣ слова собственной властью.

Нельзя также воспользоваться признакомъ собственнаго права, понимая его и въ переносномъ смыслѣ, какъ право, возникшее въ томъ политическомъ союзѣ, который имъ

обладаетъ, а не право переданное ему, полученное имъ отъ другой власти. Этому не отвѣчаетъ историческая дѣйствительность. Въ большинствѣ государствъ автономія общинъ, сохраняемая ими въ предѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, беретъ свое начало еще въ томъ періодѣ исторіи, когда эти общины пользовались полной изначальной свободой и независимостью, и, слѣдовательно, она не является правомъ, переданнымъ имъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., въ Бразиліи и Мексикѣ, государства, бывшія сначала унитарными, передали часть своей власти штатамъ, образованнымъ уже потомъ. Болгарія получила собственное право властвованія въ силу уступки Турціи. И т. д. Изъ разсужденій Лабанда слѣдуетъ, — и онъ самъ съ этимъ соглашается, — что собственнымъ правомъ властвованія обладали и первобытная семья и феодальныя группы. Слѣдовательно, пользуясь этимъ признакомъ, нельзя установить различія между первобытной семьей, феодальнымъ леномъ и современнымъ государствомъ.

Своеобразную, но тоже неудачную, попытку найти характерный признакъ государства не въ общей независимости (т. е. суверенитетѣ) его власти, а въ независимости (юридической) хотя бы нѣкоторой части власти даютъ теоріи ограниченнаго суверенитета, на одной изъ которыхъ мы и остановимся нѣсколько [1]). Гренобльскій проф. Мишу пытается найти юридическій критерій, отличающій государство отъ другихъ территоріальныхъ общеній, внѣ понятія суверенитета, въ неуправомоченности никакой другой власти, внѣ даннаго союза находящейся, вполнѣ уничтожить права публичной власти даннаго территоріальнаго союза. По его мнѣнію нужно исходить изъ идеи, что госу-

---

1) L. Michoud et A. de Lapradelle, La question finlandaise (Revue de droit public, 1900, т. XV, стр. 45 и сл.), Michoud, La theorie de la personnalité morale, I, 236—240.

дарство характеризуется не отрицательнымъ и тѣмъ уже недѣлимымъ свойствомъ суверенитета, какъ независимости, а совокупностью положительныхъ прерогативъ; независимость же этихъ прерогативъ есть лишь внѣшнее ихъ проявленіе и гарантія. Если государство осуществляетъ свои права публичной власти свободно, оно суверенно; но даже если оно ограничено по отношенію къ нѣкоторымъ изъ государствъ чуждою и высшею властью, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно теряетъ свойство государства. Оно теряетъ это свойство и нисходитъ до разряда провинціи, департамента или другого какого-нибудь территоріальнаго общенія только тогда, когда права публичной власти, осуществляемыя имъ, могутъ разсматриваться какъ делегированныя чуждою и высшею властью, отъ которой оно зависитъ; и это узнается по этому признаку, что эта послѣдняя власть имѣетъ признанное право измѣнять или ограничивать указанное выше право публичной власти. Власть этой высшей власти въ этомъ случаѣ юридически неограничена и общины, подчиненныя ей, не могутъ претендовать на титулы государства. Критерій различія между государственными общеніями и негосударственными, по мнѣнію Мишу, слѣдующій: власть, господствующая надъ несувереннными государствами, юридически ограничена, она не можетъ вполнѣ разрушить права публичной власти, принадлежащія этому государству, иначе какъ прибѣгнувши къ грубой силѣ. Наоборотъ, власть, господствующая надъ общиной или провинціей, можетъ, не нарушая права, уменьшить или даже совсѣмъ уничтожитъ права власти, принадлежащія этимъ лицамъ.

Нельзя не признать этого различія государственныхъ отъ негосударственныхъ общеній, необычайно неопредѣленнымъ и совершенно неосуществимымъ съ точки зрѣнія позитивнаго права. Данное территоріальное общеніе, хотя и зависимое, несуверенное, является государствомъ, если высшая

власть, отъ которой оно зависитъ, юридически ограничена въ отношеніи къ нему. Юридически мы должны понимать здѣсь, разумѣется, не съ точки зрѣнія естественнаго права, покоящагося на требованіяхъ субъективнаго разума и нравственнаго сознанія и, слѣдовательно, не могущаго неоспоримо быть констатировано объективно, а съ точки зрѣнія права положительнаго, т. е. находящаго себѣ объективно-неоспоримое внѣшнее выраженіе черезъ опредѣленные органы. Для того, чтобы вполнѣ опредѣленно и окончательно рѣшить, что является правомъ или не-правомъ, нужна всегда суверенная власть. Если данное территоріальное общеніе не суверенно, т. е. не можетъ въ окончательной инстанціи рѣшить, что сообразно съ правомъ и что нѣтъ, то кто же имѣетъ право опредѣлить границу юридической компетенціи суверенной власти? Несуверенное территоріальное общеніе не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ ему не принадлежитъ эта власть. Это право можетъ принадлежать только суверенной власти, и, слѣдовательно, она сама, свободная, всегда можетъ, какъ ей угодно, опредѣлить границы своей компетенціи. Если бы право опредѣлять юридическую компетенцію дано было несуверенному общенію, оно могло бы произвольно всякій вопросъ объявлять выходящимъ за предѣлы юридической компетенціи своего суверена и сдѣлаться такимъ образомъ само суверенным. Для опредѣленія юридической природы общенія важно всегда знать, кто можетъ юридически разрѣшить всякій споръ о компетенціи; если одно высшее суверенное общеніе, то подчиненное ему общеніе можетъ юридически правомѣрно быть лишено всякаго права властвованія (такъ вполнѣ согласно съ правомъ англійскій парламентъ можетъ дать то или другое устройство своимъ колоніямъ); если же этотъ споръ о компетенціи могутъ рѣшать только совмѣстно и высшее общеніе и общеніе, входящее въ него и подчиненное ему въ извѣстныхъ отношеніяхъ, тогда нужно признать, что ни одно общеніе

не суверенно вполнѣ другъ по отношенію къ другу, а для образованія суверенаго рѣшенія необходима совмѣстная дѣятельность обоихъ. Но здѣсь мы входимъ въ область такъ называемыхъ федеративныхъ соединеній, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Подъ юридическимъ ограниченіемъ Мишу понимаетъ такое ограниченіе, когда конфликтъ между двумя властями можетъ разрѣшаться по опредѣленнымъ нормамъ, заранѣе намѣченнымъ и обязательнымъ одинаково какъ для болѣе сильнаго государства, такъ и для болѣе слабаго. Однако выставивъ такое положеніе, онъ, анализируя далѣе понятія юридическаго ограниченія, приходитъ къ воззрѣнію, что и ограниченное государство должно имѣть голосъ въ измѣненіи компетенціи. Когда двѣ власти сосуществуютъ на одной территоріи, говоритъ онъ, неизбѣжно, чтобы одна на нихъ имѣла то, что можно назвать правомъ на послѣднее слово въ дѣлахъ, по отношенію къ которымъ онѣ могутъ вступить въ конфликтъ. Но это право, по самой своей природѣ, ограниченное чрезвычайными обстоятельствами (кто же будетъ, спрашивается, судьею того, что въ данномъ случаѣ на лицо чрезвычайныя обстоятельства?) не помѣшаетъ низшей власти осуществлять нормально свои прерогативы и быть въ состояніи защищать ихъ противъ неоправдываемыхъ покушеній высшей власти. Съ другой стороны, сфера дѣйствія низшей власти можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ быть ограничена безъ ея формальнаго согласія (но кто же будетъ юридически правомѣрно рѣшать, что этотъ извѣстный случай наступилъ?); но, когда это будетъ возможно (опять спрашивается, кто будетъ юридически рѣшать вопросъ объ этой возможности?), нужно, чтобы она слѣдовала въ этомъ правильной, нормальной процедурѣ, обязательной какъ для высшей власти, такъ и для низшей; низшая власть будетъ имѣть въ этой процедурѣ свою долю участія, которой нельзя

у нея отнять. Это послѣднее ограниченіе, указанное Мишу, единственное дѣйствительное, — участіе мѣстной власти въ образованіи общей власти. Но здѣсь мы опять входимъ въ область теоріи федеративныхъ соединеній.

II.

Государство, конечно, не только правовое явленіе, но въ немъ много сторонъ, благодаря которымъ оно выходитъ далеко за предѣлы права. Изъ этого однако не слѣдуетъ выводить того заключенія, которое дѣлаютъ нѣкоторые (напр. Шершеневичъ въ Общей теоріи права, стр. 211—3), будто государству можно дать только соціологическое опредѣленіе. Государство слишкомъ важное и рѣшающее участіе принимаетъ въ юридической жизни, творя и охраняя право внутри себя, подчиняясь праву или вступая въ юридическія отношенія въ международной жизни, чтобы можно было ограничиться однимъ соціологическимъ опредѣленіемъ его. Государство должно быть конструировано и юридически. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ представляются двѣ главныя возможности: конструировать государство или какъ юридическое лицо, т. е. какъ субъекта правъ, или какъ сложное правоотношеніе.

Большинство юридическихъ теорій государствъ слѣдуетъ по первому пути и всю систему государственнаго права строятъ на понятіи юридическаго лица государства. По этой теоріи, государство есть юридическое лицо, субъектъ права, имѣющій субъективное право на высшую политическую власть на данной территоріи надъ людьми, ее населяющими; оно есть моральное существо, личность, могущая осуществлять по отношенію къ лицамъ, входящимъ въ него, права власти, понимаемыя, какъ юридическія отношенія, съ одной стороны, господства, съ другой — подчиненія.

Понятіе юридическаго лица, какъ субъекта права, заимствуется изъ гражданскаго права, но съ той разницей, что

въ гражданскомъ правѣ правоспособность юридическаго лица простирается на сферу имущественнаго права, правоспособность же юридическаго лица государства простирается на сферу публичныхъ правъ властвованія. Эти права властвованія принадлежатъ не правителямъ, не органамъ государственной власти, а самому государству, какъ таковому. „Съ юридической своей стороны, формулируетъ эту точку зрѣнія Еллинекъ, государство можетъ быть конструируемо только какъ субъектъ права, при чемъ, точнѣе, оно должно быть подведено подъ понятіе корпораціи. Субстратомъ корпораціи всегда являются люди, образующіе союзное единство, руководящая воля котораго сосредоточивается въ членахъ самого союза. Понятіе же корпораціи — чисто юридическое; какъ и всѣмъ другимъ правовымъ понятіямъ, ему въ мірѣ фактовъ не соотвѣтствуетъ что-либо объективно воспріемлемое; оно является формою юридическаго синтеза для выраженія юридическихъ отношеній союзнаго единства, отношенія его къ правопорядку. Поэтому, приписывая государству, какъ и вообще корпораціи, юридическую личность, мы не прибѣгаемъ къ ипостазированію или фикціи, ибо личность есть не что иное, какъ субъектъ права и означаетъ поэтому, какъ указано нами выше, отношеніе отдѣльной или коллективной индивидуальности къ правопорядку“ [1]).

---

1) Право современнаго государства, 1908, стр. 132—3. Часто эту теорію готовы возводить чуть ли не къ Платону (Politia, IV, 435), хотя сомнительно, чтобы можно было примѣнять къ его ученію нашу современную юридическую терминологію; хотятъ видѣть эту теорію также и у Гоббса, такъ какъ онъ неоднократно говоритъ о persona civilis (Civitas est persona una, cujus voluntas ex pacto plurium hominum pro voluntate habenda est ipsorum omnium ut singulorum viribus et facultatibus uti possit ad pacem et defensionem communem. De cive, V, 9), но вѣрнѣе полагать, что государство понималось имъ, въ согласіи со всей англійской доктриной, какъ политическое тѣло (Body politic), см. Hobbes, Elements of Law natural and political, 1889, стр. 104. Ср. объ этомъ у Hatschek, Englisches Staatsrecht, I, 1905, стр. 70. Гораздо правильнѣе искать это воззрѣніе у Руссо, въ Общественномъ договорѣ. Эта теорія государства, какъ юридиче-

Впрочемъ иногда, именно такъ называемою органическою школою, понятію юридическаго лица придается не только чисто техническій признакъ правоспособности, но и чисто реальное, личное существованіе, съ особою реальною коллективною волею. Въ связи съ воззрѣніемъ на государство, какъ на реальный общественный организмъ, готовы видѣть иногда въ немъ и реально существующую личность, воля которой реально образуется изъ составляющихъ ее индивидуальныхъ воль. Общеизвѣстнымъ выразителемъ этой теоріи является Гирке.

ской личности, въ смыслѣ особаго, юридически-конструируемаго, субъекта права, особеннымъ распространеніемъ и признаніемъ пользуется до сихъ поръ среди нѣмецкихъ юристовъ. Начало ея видятъ еще у Гегеля въ его Философіи права (§ 270); въ нѣмецкую литературу ввели ее особенно: Л. Штейнъ, Die Vollziehende Gewalt, I, стр. 3, (у него даже раздѣленіе государственной власти на монархическую, законодательную и исполнительную соединено съ довольно произвольнымъ и во всякомъ случаѣ очень неяснымъ различеніемъ основныхъ моментовъ личности), Альбрехтъ и Герберъ, Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts, 2 изд. 1865, стр. 219—220. Наиболѣе классическое современное выраженіе этой теоріи у Лабанда, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, I, (1876), стр. 57; Jellinek, Gesetz und Verordnung, 1887, стр. 190 и сл., System der öffentlichen subjectiven Rechte, 1892, Право современнаго государства, 1908, стр. 106—107, 122—125, 132—133. Ср. Michoud, Theorie de la personnalité morale (объ юридической личности государствъ §§ 82, 86, 96—97, 107—114). Bernatzik, Kritische Studien über den Begriff der juristischen Person und über die juristische Persönlichkeit der Behörde insbesondere (Archiv für öffentliches Recht, т. V. (1890) стр. 169—318), отрицаетъ элементъ воли въ понятіи юридическаго лица и видитъ въ немъ лишь субъекта права, получающаго единство отъ единства цѣли; съ этой точки зрѣнія государство для него лицо. Бернацикъ нашелъ себѣ послѣдователя изъ русскихъ авторовъ въ Ѳ. Кокошкинѣ, Къ вопросу о юридической природѣ государства и органовъ государственной власти, М. 1896, стр. 13 („Само государство есть юридическое лицо. Въ самомъ дѣлѣ, государство, признавая правоспособность подчиненныхъ ему индивидовъ и союзовъ, тѣмъ самымъ отграничиваетъ ихъ интересы отъ своихъ собственныхъ, устанавляетъ между ними и собой систему взаимныхъ правъ и обязанностей, слѣдовательно, признаетъ и само себя личностью); Русское государственное право, М. 1908, II, 46—57.

По мнѣнію Гирке, понятіе юридическаго лица примѣнимо въ области государственнаго права только въ томъ случаѣ, если оно заключаетъ въ себѣ понятіе коллективной личности. Для этого слѣдуетъ только обратиться къ реальной дѣйствительности; требуется лишь, чтобы коллективность, какова она дѣйствительно, была признана субъектомъ права. Чтобы войти въ сферу права въ качествѣ субъекта, государство не должно быть превращаемо путемъ фикціи въ единое существо и не должно мыслится такимъ, какимъ оно въ дѣйствительности не является. Оно должно, согласно съ реальностью, пониматься, какъ коллективное существо. Въ этомъ признакѣ существенное отличіе публичнаго права отъ частнаго: частное право регулируетъ только внѣшнія отношенія недостижимыхъ въ своей внутренней жизни индивидовъ, публичное же право выставляетъ нормы для внутренней жизни коллективнаго существа. Если публичное право хочетъ ввести въ свою сферу понятіе лица, то оно должно, конечно, имѣть въ виду специфическую разницу между единствомъ общественнаго цѣлаго и единствомъ индивида. Оно должно исходить изъ того воззрѣнія, что коллективному существу свойствена личность высшаго порядка, составленная юридически регулируемымъ образомъ изъ личностей-членовъ. Не разрывать оно должно корпоративный союзъ на искусственныя и естественныя индивидуальныя личности, а понять его, какъ общественное живое существо, въ которомъ

Изъ русскихъ авторовъ сюда надо отнести также Чичерина, Собственность и государство, II, стр. 178—182 (юридическое лицо — фикція), А. С. Алексѣева, Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти, М. 1894 (хотя впрочемъ его точка зрѣнія нѣсколько неопредѣленна: онъ полагаетъ, вмѣстѣ съ Лабандомъ, что государство — юридическое лицо, какъ субъектъ права, и вмѣстѣ съ Генелемъ, что оно — universitas, корпорація; между тѣмъ Лабандъ и Генель держатся различныхъ точекъ зрѣнія на государство).

съ одной стороны, какъ и въ естественномъ организмѣ, частямъ противостоитъ единство ихъ обнимающаго цѣлаго, а съ другой стороны, существуетъ, въ естественномъ организмѣ немыслимое, юридическое отношеніе между общимъ и частнымъ началами. Союзное единство должно быть понято въ своемъ реальномъ единствѣ, какъ коллективная личность, и въ то же время союзнымъ частямъ должна быть сохранена въ отношеніяхъ къ цѣлому ихъ частная личность. Цѣлое и его части, не выходя изъ своего соотношенія, являются какъ другъ друга утверждающіе и обязывающіе субъекты. Это не мыслимо въ частномъ правѣ, но на этомъ стоитъ все публичное право [1]).

Несмотря однако на очень авторитетныхъ защитниковъ юридической конструкціи государства, какъ юридическаго лица, мы не можемъ принять ее. Точка зрѣнія на государство, какъ на юридическое лицо, узка; многаго она не объясняетъ въ государствѣ, со многимъ становится въ противорѣчіе, и потому она, если и не должна быть отвергнута совершенно, то должна значительно быть ограничена.

Какъ ни соблазнительна на первый взглядъ эта конструкція государства, какъ ни строго логическій конструк-

---

1) O. Gierke, Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft (Schmoller's Jahrbuch, VII (1893), 31—32). Въ числѣ сторонниковъ органическаго воззрѣнія на государство, какъ на коллективное существо, обладающее свойствомъ реальной личности, самъ Гирке указываетъ на Блюнчли, Бара, Гельда, Шульце, Гарейса. Точка зрѣнія Гирке была принята въ Германіи многими: Preuss, Gemeinde, Staat, Reich, стр. 122, 130, 257; Rosin, Das Recht des öffentlichen Genossenschaft, стр. 40; R. Schmidt, Allgem. Staatslehre, стр. 13; Affolter, Studien zum Staatsbegriffe (Archiv für öffentl. Recht, XVII, 93 и сл.) и Lehre von der Persönlichkeit des Staates (Archiv f. of. R., XX (1906); Preuss, Selbstverwaltung, Gemeinde, Staat; Souveränität (Staatsrechtliche Abhandlungen für Laband, II). Теорія Гирке не нашла себѣ сторонниковъ среди русскихъ ученыхъ. Сочувственно къ ней, повидимому, относится С. Прутченко, Современныя направленія науки государственнаго права въ Германіи (Жур. Мин. Нар. Просв., т. 307 (1896 г.), стр. 204—271).

тивный принципъ вноситъ она въ сложную матерію публичнаго права, какъ ни многіе видные юристы являются ея сторонниками, однако эта теорія (по крайней мѣрѣ въ своемъ стремленіи конструировать все юридическое существо государства) наталкивается на очень сильныя возраженія и не въ состояніи включить въ себѣ весь юридическій матеріалъ публичнаго права.

Прежде всего теорія юридическаго лица государства приходитъ въ противорѣчіе съ самимъ понятіемъ юридическаго лица. Если государство есть юридическое лицо, т. е. субъектъ права, именно права публичной власти, а правительство, народъ, избиратели суть лишь органы единой государственной воли, то съ точки зрѣнія государственнаго права государство должно оказаться единственнымъ субъектомъ всякаго публичнаго права, такъ какъ со всѣмъ, что находится въ государствѣ, у него есть отношеніе лица къ органамъ, а не правоотношеніе, но гдѣ нѣтъ другихъ субъектовъ права, съ которыми данное лицо могло бы вступить въ юридическія отношенія, тамъ не можетъ быть и вообще субъекта права, такъ какъ понятіе юридическаго лица предполагаетъ правоотношеніе между нѣсколькими субъектами права.

Тѣ, кто полагаютъ въ основаніе юридической конструкціи государства идею юридическаго лица, забываютъ, что эта послѣдняя тѣсно связана съ идеей множественности субъектовъ права и съ отношеніями субъекта къ внѣшнему міру, а не съ его внутренней жизнью. Они придаютъ понятію лица не юридическій, а философско-психологическій или соціологическій смыслъ. Лицо можетъ быть единственнымъ съ философской точки зрѣнія, какъ разумное и недѣлимое единство, и съ соціологической точки зрѣнія, какъ организмъ, но юридическое лицо, какъ техническій пріемъ юридической абстракціи, сводится только къ способности вступать въ юридическія отношенія съ дру-

гими лицами и потому не можетъ быть единственнымъ. У первыхъ сторонниковъ юридическаго лица государства, дѣйствительно, и было такое смѣшеніе юридическаго и философскаго пониманія лица, и, напр., на юридическихъ воззрѣніяхъ Гербера сильно сказалось вліяніе философскихъ воззрѣній Гегеля.

Государство конструируется, какъ юридическое лицо, главнымъ образомъ для того, чтобы дать сложному политическому образованію политическое единство и, такъ сказать, юридическую вѣчность. „Мы считаемъ, что нельзя уничтожить идею личности, — пишетъ Мишу, одинъ изъ видныхъ сторонниковъ этой конструкціи, — не ослабивши необходимаго чувства единства и постоянства государства, а также и другихъ группъ, представляющихъ коллективные интересы, и съ этой точки зрѣнія мы считаемъ опасными теоріи, которыя стремятся свести всѣ права коллективности въ этихъ группахъ къ индивидуальнымъ правамъ членовъ“ (La théorie de la personnalité morale, I, 14—15). Мы думаемъ, что если опасно уничтожить чувство единства и постоянства государства, и если оно положительно необходимо для сношенія съ внѣ государства лежащимъ міромъ, то не менѣе опаснымъ представляется и слишкомъ усилить это единство. Если разсматривать государство въ непрерывающемся и идущемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію дѣйствіи во внѣшнемъ мірѣ, оно является живымъ единствомъ; но если разсматривать государство въ настоящемъ моментѣ и въ его статическомъ положеніи, то преувеличеніе идеи единства можетъ оказаться столь же пагубнымъ, какъ и ея отрицаніе, для индивидуальныхъ личностей, которыя какъ ни какъ все же составляютъ raison d'être самого коллективнаго единства, государства.

Органическая теорія государства считаетъ всѣ отдѣльныя власти въ государствѣ лишь особыми функціями еди-

ной власти государства, какъ воли юридическаго лица. Приравниваніе государственной власти къ единой волѣ государственной личности едва ли является удачной аналогіей. Воля есть явленіе индивидуально-психологическое. Въ государствѣ существуетъ лишь приспособленіе многихъ индивидуальныхъ воль, но нѣтъ единой воли государства, какъ психическаго явленія. Впрочемъ образованіе и организація государственной власти таковы, что не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что никакой рѣчи здѣсь объ единой воли личности не можетъ и быть. Государственная власть возникаетъ всегда не какъ выраженіе единой воли, а какъ результатъ борьбы многихъ противоположныхъ воль, что яснѣе всего видно при партійномъ правительствѣ, гдѣ власть есть компромиссъ многихъ борющихся воль. Организуется обычно государственная власть такимъ образомъ, что государственныя учрежденія ни въ коемъ случаѣ и не могутъ быть выраженіемъ единой господствующей воли. Въ конституціонныхъ государствахъ власть распредѣлена между монархомъ и народомъ, въ его представителяхъ. Съ точки зрѣнія теоріи юридической личности государства никакъ не понять этого дуализма власти, не объяснить себѣ того факта, что конституціонное государство покоится на принципѣ не единой воли государства, а соглашенія воль монарха и народа, въ его представителяхъ. Совершенно не вяжется съ представленіемъ о власти, какъ о волѣ юридической личности, и вся обычная организація государственныхъ учрежденій, такъ называемое раздѣленіе властей, двухпалатная система, смѣшанныя формы правленія, требующія сочетанія, соглашенія, совмѣстности многихъ воль. Порядокъ назначенія, иногда встрѣчающійся, должностныхъ лицъ по наслѣдственному праву или жребію, порядокъ разрѣшенія дѣлъ, варьирующійся соотвѣтственно характеру дѣлъ, — все это говоритъ, что государственные органы не выражаютъ единой воли государственной личности.

Изъ теоріи государства, какъ юридическаго лица, вытекаетъ то важное въ конструктивномъ смыслѣ послѣдствіе, что правительственныя лица и учрежденія понимаются какъ органы государственной личности; между ними и государственнымъ цѣлымъ устанавливаются отношенія не взаимодѣйствія, а тожества и слитности. Государство, какъ личность, свою волю выражаетъ только черезъ органы. Это совсѣмъ иное воззрѣніе на природу правительственной власти, чѣмъ теоріи представительства. Между понятіемъ органа и представителя имѣется коренная разница. При представительствѣ существуетъ юридическое отношеніе между двумя субъектами права, представляемымъ и представителемъ, слѣдовательно, юридическое лицо, дѣйствуя черезъ представителей, дѣйствуетъ не само. Если же оно дѣйствуетъ черезъ органы, то оно дѣйствуетъ само, такъ какъ его органы не есть нѣчто отличное отъ него, они части его самого, которыми оно пользуется, какъ физическое лицо пользуется, напр., рукой или ногой. Юридическая организація, по этому воззрѣнію, представляетъ какъ бы юридическое тѣло моральнаго лица, безъ котораго оно не можетъ существовать. Съ одной стороны, юридическое лицо безъ своихъ органовъ есть юридическое небытіе, съ другой стороны, между юридическимъ лицомъ и его органами нѣтъ правоотношенія, такъ какъ они — одно. Такова эта теорія въ изложеніи самихъ ея представителей.

Съ точки зрѣнія теоріи юридической личности органы государства не могутъ считаться представителями всего государства, какъ субъекта властвующей воли. Это прекрасно показалъ Еллинекъ. „Органъ какъ таковой не является по отношенію къ государству лицомъ. Не существуетъ здѣсь поэтому двухъ лицъ — личности государства и личности органа, которыя находились бы другъ къ другу въ какомъ бы то ни было правовомъ отношеніи; государство и органъ образуютъ, напротивъ, единое цѣлое.

Государство можетъ существовать только черезъ посредство своихъ органовъ; если мыслить его безъ послѣднихъ, то остается не государство какъ носитель своихъ органовъ, а юридическое ничто. Этимъ отношеніе органа отличается отъ всякаго рода представительства. Представленный и представитель суть и всегда остаются двумя лицами, союзъ и органъ — всегда составляютъ одно лицо“ (Право современнаго государства, стр. 372—3). Съ точки зрѣнія этой теоріи совершенно не объяснимо юридическое положеніе органовъ. Ею исключаются всякія столкновенія и взаимоотношенія правъ и обязанностей государственныхъ учрежденій, такъ какъ они лишь органы единой личности, а между органами это не возможно. Органы не могутъ имѣть права на осуществляемую ими власть, на свою собственную компетенцію, такъ какъ всѣ права на компетенцію принадлежатъ самой юридической личности государства, лишь представленной органами, и не допустимо, чтобы органъ могъ обладать правами по отношеніи къ лицу, волю котораго онъ призванъ выражать. При такомъ пониманіи положеніе органа власти, его такъ называемый статутъ, теряетъ всякое положительное содержаніе. Въ государствѣ каждый гражданинъ, скажемъ избиратель, есть не самостоятельный субъектъ правъ, а только носитель и выразитель общегосударственной воли! Еллинекъ, отстаивавшій теорію юридической личности государства, пытался объяснить публичныя права гражданъ, лишь какъ признаваемыя государствомъ правоспособности (System der öffentlichen subjektiven Rechte, 1892), какъ извѣстныя положенія, статуты, предоставленные лицу государствомъ, но это ему очень мало удалось, и вся его теорія очень слаба. И правоспособность можетъ принадлежать только лицу; но право не можетъ быть понимаемо только какъ способность имѣть право. Въ субъективномъ публичномъ правѣ гражданъ заключается возможность активнаго воздѣйствія на государ-

ство. Если государство есть единая юридическая личность, то никакихъ юридическихъ отношеній не можетъ быть между нимъ и его частями; между тѣмъ все государственное и административное право убѣждаетъ насъ въ юридическомъ характерѣ внутренне-государственныхъ отношеній. Если правительство есть органъ юридическаго лица государства, а воля государства имѣетъ свое бытіе только въ своихъ органахъ, т. е. въ правительствѣ, то изъ этого слѣдуетъ неизбѣжный выводъ, что никакихъ юридическихъ требованій, никакого права по отношенію къ правительству у гражданъ быть не можетъ. Граждане не могутъ имѣть публичныхъ правъ; они не могутъ быть субъектами права, а лишь объектами; но въ такомъ случаѣ не можетъ быть и никакого государственнаго и вообще публичнаго права, такъ какъ всякое право предполагаетъ соотношеніе между лицами.

При конструированіи государства, какъ юридическаго лица, совершенно необъяснимо правовое соотношеніе правительства и народа, составляющее основной фактъ политической исторіи государствъ. Если правительство выражаетъ волю государства, какъ лица, то и народъ не только объектъ властвованія, и онъ нерѣдко очень недвусмысленно обнаруживаетъ — и въ юридическихъ формахъ — наличность самостоятельной воли. Для сторонниковъ разбираемой нами конструкціи государствъ необъяснимъ тотъ фактъ, что парламентъ, наравнѣ съ монархами, въ конституціонныхъ государствахъ можетъ выражать волю государства, такъ какъ это значило бы раздвоить единую волю государственной личности [1]).

---

1) Понятно, почему, напр., Лабандъ одинъ изъ сторонниковъ этой теоріи, объявилъ, что и въ конституціонной монархіи государь есть единственный носитель нераздѣльной государственной власти (Staatsrecht des deutschen Reiches, I (1888), стр. 515). Сравнительная безплодность нѣмецкой литературы по государственному праву, при ея чрезвы-

Идея личности есть идея единства воли. Если государство есть только юридическое лицо, то совершенно необъяснимо, какимъ образомъ могутъ существовать въ государствѣ автономныя области и даже федерированные штаты и кантоны. Всякая автономія есть признаніе личности въ личности, т. е. логическое противорѣчіе, и понятно, почему съ точки зрѣнія теоріи юридической личности государства такую непреодолимую трудность представляетъ объясненіе природы федеративныхъ соединеній. Стремленія всѣ государственныя отношенія понять, какъ выраженіе единой воли государственной власти, заставляетъ преувеличенно отстаивать централистическую точку зрѣнія и все сводить къ унитарному принципу. Для этой юридической конструкціи не понятна также и дѣятельность самостоятельнаго суда, выражающаго не государственную волю, а дающаго свое собственное, независимое рѣшеніе. Юридическое лицо есть правовое конструктивное созданіе и свое единственное основаніе оно находитъ въ организованномъ въ государство обществѣ, какъ источникѣ всякаго права. Принимая теорію юридическаго лица государства, придется допустить, что государство само себѣ создаетъ юридическія основанія для своего властвованія, что противорѣчитъ понятію права, какъ гетерономнаго начала.

чайной интенсивности, объясняется по нашему мнѣнію въ значительной степени пагубной исходной идеей юридической личности государства. Правильно говоритъ Ельяшевичъ: „Противоположеніе римско-правовыхъ и германско-правовыхъ союзныхъ образованій натолкнуло германистовъ на изслѣдованіе внутренней природы послѣднихъ, и здѣсь ими сдѣлано не мало. Но они не разграничили надлежащимъ образомъ юридической личности отъ прочихъ сторонъ явленія, моменты, добытые при изслѣдованіи внутренней структуры, они внесли въ самое понятіе юридическаго лица, и проконструировали такимъ образомъ свою Genossenschaft, отличную отъ римской корпораціи. Этимъ они сами закрыли себѣ путь одинаково какъ къ правильной оцѣнкѣ юридической личности, такъ и къ непредвзятому изученію разнообразныхъ формъ ассоціаціи независимо отъ юридической личности“ (Юридическое лицо, стр. III, 448—456).

III.

Бросающіяся въ глаза слабыя стороны теоріи, стремящейся юридически конструировать государство, только какъ юридическое лицо, естественно очень многихъ теоретиковъ заставляютъ отказаться отъ идеи юридической личности и понять государство, какъ сложное правоотношеніе, какъ юридическій порядокъ, правовой институтъ, и возвратиться такимъ образомъ къ старой, еще аристотеліанской традиціи разсматривать государство не какъ единство, а какъ множественность (Политика, II, 1, § 4). Въ русской литературѣ наиболѣе послѣдовательнымъ защитникомъ этого воззрѣнія на государство былъ Коркуновъ. „Государственная власть, по его мнѣнію, не воля властвующаго, а сила, основанная на сознаніи зависимости отъ государства, основаніе единства власти заключается не въ единствѣ воли органовъ власти, а въ единствѣ побужденія, въ силу котораго ихъ велѣніямъ подчиняются. Государство сохраняетъ свое единство, хотя бы распоряженіе государственною властью опредѣлялось въ немъ многими самостоятельными, независимыми другъ отъ друга волями, если только подчиняются всѣмъ этимъ волямъ въ силу одного и того же побужденія: сознанія общей зависимости отъ даннаго государства. Но конечно, такое единство есть уже не единство личности, а единство отношенія. Государство, при такомъ пониманіи власти, представляется не единою юридическою личностью, подчиняющею своей волѣ всѣхъ составляющихъ его гражданъ, а единымъ юридическимъ отношеніемъ, въ которомъ граждане — суть субъекты, въ которомъ власть, какъ сила, проистекающая изъ сознанія гражданами ихъ общей зависимости оть государства, составляетъ общій, единый объектъ всѣхъ тѣхъ правъ, изъ которыхъ слагается содержаніе государственнаго правоотношенія“ (Указъ и законъ, стр. 195).

Точно также и Соловьевъ видѣлъ государствѣ не юридическое лицо, а „общественное тѣло съ опредѣленной организаціей, заключающее въ себѣ полноту положительнаго права или единую верховную власть“ (VII, 394—5). При чемъ три различныя власти государства, законодательная, судебная и исполнительная, правильно должны быть дифференцированы и раздѣлены, но въ то-же время сведены къ высшему единству черезъ одинаковое ихъ подчиненіе единой верховной власти (VII, 394). И это обозначеніе имъ государства какъ тѣла, а не какъ лица, было не случайно и не безсознательно. Соловьевъ и государство строилъ на той же синтетической идеѣ равновѣсія, которую онъ полагалъ въ основаніе права. Лишь государство рабское, восточное сводится вполнѣ къ началу чистаго господства, государство же западное, основанное на противоборствѣ политическихъ силъ, „должно явиться какъ состояніе равновѣсія многихъ силъ. Это равновѣсіе выражается въ законѣ. Каждая изъ борющихся силъ выставляетъ свое право, но эти права, сами по себѣ неопредѣленныя и безграничныя, а потому и исключающія другъ друга, могутъ совмѣститься и уравновѣситься только подъ условіемъ общаго для нихъ всѣхъ предѣла. Этотъ общій предѣлъ всѣхъ правъ, предъ которымъ всѣ равны, и есть законъ. Западное государство, какъ равновѣсіе борющихся правъ, есть по преимуществу государство закона“. Когда борющіяся партіи приходятъ въ окончательное равновѣсіе черезъ полное уравненіе въ правахъ, тогда находитъ себѣ осуществленіе законное правовое государство. „Если государство есть равновѣсіе живыхъ реальныхъ силъ, то оно не можетъ представляться одною отвлеченною мертвою формулой закона. Законъ долженъ быть воплощенъ. Воплощеніе закона есть власть“ (III, 371). Соловьевъ даже вообще отожествляетъ государство съ понятіемъ равновѣсія: „Государство, т. е. равновѣсіе общественныхъ силъ“ гово-

рить онъ (III, 376). Власть, по Соловьеву, есть живая дѣйствительная сила, всѣхъ уравновѣшивающая. „Государство представляетъ собою устой (status) человѣчества противъ внѣшнихъ стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ на него и въ немъ“ (III, 370).

Не менѣе категорически въ пользу пониманія государства только какъ общества, какъ сложнаго отношенія, высказался и Дюги, посвятившій доказательству этой теоріи большую часть своего двутомнаго труда L'Etat (въ особ. I, 229 и сл.). „Въ самомъ широкомъ смыслѣ, слово государство обозначаетъ всякое человѣческое общество, въ которомъ существуетъ политическая дифференціація между правящими и управляемыми, или гдѣ, по общепринятому выраженію, существуетъ политическій авторитетъ. Племена центральной Африки, повинующіяся начальнику, такъ же является государствами, какъ и обширныя европейскія общества, съ ученымъ и сложнымъ правительственнымъ аппаратомъ. Но слѣдуетъ добавить тотчасъ же, что слово государство спеціально примѣняется для обозначенія обществъ, гдѣ политическая дифференціація достигла извѣстной степени“ (Traité de droit constitutionnel, 1911, стр. 22).

Нѣсколько иначе развиваетъ подобное воззрѣніе на государство и Горіу, не считающій впрочемъ возможнымъ обойтись, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и безъ конструированія юридической личности государства [1]). Государство для него, разсматриваемое съ точки зрѣнія объективнаго момента, есть политическій порядокъ, основывающійся на равновѣсіяхъ. Равновѣсіе есть существенный при-

1) Въ своей во всѣхъ отношеніяхъ примѣчательной книгѣ: Maurice Hauriou, Principes de droit public, P., 1910. Теорія Горіу подробно была нами изложена въ статьѣ Новая теорія государственнаго права (Журн. Мин. Юст., 1911, № 5).

знакъ государственнаго порядка, который весь покоится на рядѣ равновѣсій, къ которымъ относятся: равновѣсіе, которое называется Горіу равновѣсіемъ политическихъ наслоеній, устанавливающееся потому, что государство не первичная политическая формація, а возникаетъ у населенія, уже владѣющаго политическими институтами; политико-экономическія равновѣсія, проистекающія отъ того, что въ государствѣ экономическій рынокъ включается въ политическое установленіе; соціальныя равновѣсія; наконецъ, рядъ политическихъ, конституціонныхъ и административныхъ равновѣсій, скомбинированныхъ въ виду обезпеченія и поддержанія гражданскаго строя (раздѣленіе военной и гражданской власти, раздѣленіе власти религіозной и гражданской, раздѣленіе конституціонныхъ властей и т. д.). Основное конституціонное равновѣсіе есть равновѣсіе между тремя правительственными властями и общимъ національнымъ порядкомъ, другими словами между правительствомъ и націей, или между властью и совокупностью „установившихся положеній“. Фактическія состоянія во всякой политической организаціи поддерживаются дѣйствіемъ власти; эти поддерживаемыя властью фактическія состоянія являются всегда выгоднымъ положеніемъ для какого-нибудь пользователя. Вся общественная (экономическая и политическая) организація страны можетъ быть сведена къ совокупности такихъ „установившихся положеній“, поддерживаемыхъ господствующей властью и вытекающихъ изъ осуществленія власти надъ какимъ-нибудь объектомъ, надъ территоріей, надъ группою людей, съ цѣлью поддержать извѣстное состояніе вещей. Господствующая власть создаетъ положенія, эти положенія порождаютъ въ свою очередь власть, но эти двѣ силы (господствующая власть и положенія) вступаютъ въ конфликтъ, и изъ ихъ оппозиціи рождается равновѣсіе. Съ равновѣсіемъ между господствующей властью и совокупностью опредѣленныхъ положеній связанъ конститу-

ціонный механизмъ. Представительный избирательный режимъ есть методическая и раціональная организація равновѣсія между государственной властью и совокупностью опредѣленныхъ положеній, при чемъ эти послѣднія представлены націей, въ которой сосредоточивается сила реакціи противъ правительства.

Разсматриваемое съ точки зрѣнія равновѣсія власти и опредѣленныхъ положеній, государство является прежде всего институтомъ, политическимъ установленіемъ. Слово институтъ (установленіе) обозначаетъ всякую организацію, созданную обычаемъ или закономъ, даже если это — простое средство юридической техники. Среди институтовъ находятъ себѣ мѣсто и политическіе институты, т. е. всѣ политическія тѣла, которыя стремятся охватывать цѣликомъ членовъ группы или жителей страны и осуществлять всеобщую компетенцію. Государство причисляется Горіу къ разряду такъ называемыхъ имъ „инкорпорированныхъ“ (т. е. обладающихъ характеромъ живого тѣла) политическихъ институтовъ. Подъ этими послѣдними разумѣются имъ „соціальныя организаціи, находящіяся въ соотвѣтствіи съ общимъ порядкомъ вещей, обезпечивающія свое индивидуальное постоянство внутреннимъ раздѣленіемъ властей и реализующія въ своихъ нѣдрахъ юридическое положеніе“. Институтъ есть общественная организація, т. е. организація, составленная изъ коллективности индивидовъ, что́ придаетъ институту настоящую общественную реальность, отличную отъ реальности индивидовъ. Постоянство общественной организаціи должно быть обезпечено равновѣсіемъ внутреннихъ силъ. Организація дѣлается институтомъ только въ томъ случаѣ, если она показываетъ себя прочною, т. е. если она продолжаетъ свою жизнь съ однообразнымъ движеніемъ. Институтъ сохраняется въ своемъ однообразномъ движеніи равновѣсіемъ внутреннихъ силъ: коллективныхъ или индивидуальныхъ, матеріальныхъ, сознательныхъ и моральныхъ; это равновѣсіе есть равновѣсіе

живыхъ органовъ, въ которыхъ энергія сохраняется черезъ преобладаніе одного изъ нихъ, т. е. равновѣсіе политическаго института есть практическій синтезъ на основѣ власти. Среди наличныхъ силъ имѣется одна, господствующая надъ другими; власть ея умѣряется сопротивленіемъ послѣднихъ, однако она опредѣляетъ структуру и направленіе цѣлаго. Необходимое владычество одной изъ силъ надъ другими въ національномъ институтѣ есть основа правительственнаго или національнаго суверенитета. Господствующая власть должна быть однако умѣрена и уравновѣшена раздѣленіемъ властей. Раздѣленіе властей есть внѣшній признакъ не только политическихъ институтовъ, но и всякихъ обществъ и корпорацій, всегда имѣющихъ нѣсколько органовъ.

Идея юридической личности государства мало свойственна вообще какъ французскимъ конституціоннымъ теоріямъ, такъ и англійскому публично-правовому воззрѣнію. Гачекъ въ своей книгѣ объ Англійскомъ государственномъ правѣ отмѣчаетъ, что въ Англіи совершенно не имѣетъ успѣха ни въ теоріи, ни на практикѣ идея юридической личности государства. Государство въ Англіи не корпорація, не юридическое лицо, а союзъ, communitas, какъ графство, пассивный союзъ. Изъ отрицанія за государствомъ характера корпораціи вытекаетъ рядъ послѣдствій. 1) Нѣтъ никакого субъективнаго публичнаго права ни государства, ни противъ государства. Вмѣсто этого существуютъ права государственныхъ органовъ другъ по отношенію къ другу, такъ, напр., королевскія прерогативы, привилегіи парламента, права индивидовъ противъ государственныхъ органовъ, вродѣ права не быть облагаемымъ свыше парламентскаго постановленія, наконецъ, права государственныхъ подданныхъ другъ передъ другомъ, напр. субъективное право выбирать и субъективное право не быть облагаемымъ выше, чѣмъ другіе плательщики налоговъ. 2) Нѣтъ никакого

противоположенія частнаго и публичнаго права, субъективныхъ частныхъ и публичныхъ правъ, такъ какъ разъ государство не понимается какъ корпорація, то не хватаетъ характернаго признака субъективнаго публичнаго права, заключающагося въ томъ, что оно направляется въ видѣ притязанія индивида противъ государства, какъ субъекта властвованія, или обратно. 3) Субъектомъ гражданскаго права также является не государство, а корона, ибо государство вообще никогда не бываетъ корпораціей, а всегда остается пассивнымъ союзомъ. Поэтому и здѣсь мы находимъ въ понятіи государства тѣ же своеобразныя черты, какъ и въ другихъ пассивныхъ союзахъ мѣстнаго самоуправленія; именно имѣются только отдѣльные органы, обладающіе юридической личностью гражданскаго права черезъ посредство такъ называемой инкорпораціи. Корона является такой же юридической личностью въ пассивномъ союзѣ государства, какъ совѣтъ графства въ графствѣ [1]).

Какъ ни относиться къ такой объективно-реалистической конструкціи, нельзя отрицать, что ею очень многое объя-

---

1) Hatschek, Englisches Staatsrecht, I (1905), § 11 и 14, стр. 75 и сл., 91 и сл. Впрочемъ и въ нѣмецкой юридической литературѣ раздавались голоса въ пользу пониманія государства не какъ юридической личности, а какъ юридическаго порядка. Укажемъ на Іеринга, на Генеля, на Бирлинга. По мнѣнію Іеринга, государство должно быть конструируемо какъ societas (Zweck im Recht, 2 изд. I, 295). Генель полагалъ, что внутренне-государственныя отношенія суть лишь отношенія множества взаимодѣйствующихъ человѣческихъ и индивидуальныхъ воль. Государство есть корпорація въ смыслѣ коллективнаго отношенія. За органами или членами государства нѣтъ никакого единаго субъекта права. Всѣ права и обязанности, возникающія внутри корпоративнаго государственнаго союза имѣютъ носителями индивидовъ. Дѣлать изъ корпораціи, какъ таковой, субъекта какихъ-нибудь правъ и обязанностей значитъ создавать абстракцію, которой ничто въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ, или ничего не объясняющую метафизическую гипотезу (Deutsches Staatsrecht, I, 96 и сл.). По мнѣнію Бирлинга, также, юридическая личность государства — фикція (Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe, II, 215—255; Juristische Prinzipienlehre, I, 309 и сл., II, 345 и сл.).

спяется въ государственной жизни лучше, чѣмъ теоріей юридической личности государства. Права публичной власти государства и внутренне-государственныя отношенія получаютъ себѣ болѣе удовлетворительное объясненіе, если на государство посмотрѣть какъ на сложное юридическое отношеніе между властвующими и подвластными, съ одной стороны, и различныхъ органовъ власти между собой, съ другой стороны. Какъ съ соціологической точки зрѣнія, государство, подобно муравейнику, улью или коралловому образованію, не есть единое живое цѣлое, съ особою единою волей, а нѣкоторое установленіе, надѣленое своеобразной жизнью и отличающееся нѣкоторыми чертами органическаго характера, такъ какъ составныя его части суть живые люди, такъ и юридически разсматриваемое государство есть порядокъ, строй, общество, societas, сложное отношеніе, организованное равновѣсіе, дѣлающееся единствомъ только въ нашемъ представленіи черезъ ту цѣль, которую мы для него утверждаемъ. Нельзя признать правильнымъ возраженія (приводимаго между прочимъ и Еллинекомъ), что государство не можетъ быть конструировано, какъ юридическое отношеніе, такъ какъ въ дѣйствительности оно является суммой множества отношеній, изъ которыхъ нельзя логически вывести понятія единаго отношенія. Въ сущности, всякое юридическое отношеніе есть лишь логическое отвлеченіе, объединяющее въ цѣлое всю множественность конкретныхъ отношеній. Съ нисколько не меньшимъ успѣхомъ то же воззрѣніе могло бы быть проведено и противъ пониманія государства, какъ юридическаго лица. Юридическое лицо на самомъ дѣлѣ представляетъ собою цѣлую совокупность, сумму конкретныхъ лицъ. Государство есть сложное отношеніе, какъ порядокъ, единство котораго есть единство синтеза, покоющагося на совпаденіяхъ и равновѣсіяхъ.

IV.

Мы полагаемъ, что и теорія государства, какъ юридическаго лица, и теорія государства, какъ правоотношенія, юридическаго порядка и института, ни вполнѣ ложны, ни вполнѣ правы. Каждая изъ нихъ неправильно ставитъ вопросъ: ни юридическое лицо, ни юридическое отношеніе не объясняютъ всей правовой природы государства, и представленіе о томъ, что государству во всѣхъ отношеніяхъ должна быть дана одна юридическая конструкція есть ни на чемъ не основывающійся предразсудокъ. Существуютъ стороны правовой жизни, гдѣ государство неизбѣжно выступаетъ какъ юридическое лицо, существуютъ другія стороны, гдѣ оно есть лишь сложный порядокъ, отношеніе, societas. Предположеніе о томъ, что пониманіе государства, какъ юридической личности, не совмѣстимо съ пониманіемъ его какъ правоотношенія, вытекало изъ невѣрныхъ воззрѣній на природу юридическаго лица [1]).

1) На природу юридическаго лица, какъ такового, существуютъ однако различныя воззрѣнія, и эта разница взглядовъ, конечно, отражается и на томъ или иномъ пониманіи государства. На русскомъ языкѣ имѣются обстоятельныя и тонкія изслѣдованія объ юридическомъ лицѣ: Суворовъ, Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву, Ярославль, 1892 (даетъ очень подробную исторію различныхъ теорій юридическаго лица); Дювернуа, Изъ курса лекцій по гражданскому праву, т. I. Введеніе и Часть общая (Ученіе о лицахъ), 3 изд. СПБ. 1898, стр. 372—547; Ельяшевичъ, Юридическое лицо въ римскомъ правѣ, СПБ. 1910 (Этотъ авторъ приходитъ къ наиболѣе убѣдительнымъ выводамъ о природѣ юридическаго лица, въ которыхъ мы вполнѣ съ нимъ сходимся). Слѣдуетъ указать также на рядъ капитальныхъ работъ объ юридическомъ лицѣ, появившихся за послѣднее время на французскомъ языкѣ: особенно De Vareilles-Sommières, Les personnes morales, P. 1902 (одно изъ лучшихъ существующихъ изслѣдователей по этому вопросу; отрицаетъ юридическое лицо); Léon Michoud, La théorie de la personnalité morale, P., 2 т., 1906 (классическое произведеніе; ясно и съ большой тонкостью излагаетъ существующія теоріи; признаетъ реальность юридическаго лица). Кромѣ того R. Saleilles, De la personnalité juridique, P. 1910; E. Clunet, Les associations au point de vue historique et juridique, т. 1, P. 1909 (съ

Правильное и въ настоящее время мало-по-малу утверждающееся воззрѣніе на юридическое лицо видитъ въ немъ лишь особый пріемъ юридической техники, въ силу котораго извѣстная множественность лицъ объединяется понятіемъ субъекта права, и воля опредѣленныхъ органовъ соединенія считается какъ бы волею самой этой множественности лицъ. Юридическое лицо, какъ пріемъ юридической техники, имѣетъ въ виду лишь „ввести въ гражданскій оборотъ различнаго рода сложныя организаціи“. Внутреннее строеніе юридическихъ лицъ остается самымъ разнообразнымъ; извѣстныя соединенія лицъ искусственно объединяются, какъ субъекты права, но понятіе юридической личности ничего намъ не даетъ для пониманія внутреннихъ отношеній этихъ сложныхъ субъектовъ права.

Понятіе юридическаго лица характеризуетъ лишь отношенія даннаго союза къ внѣ его лежащему міру и совершенно не пригодно для пониманія внутреннихъ отношеній. Эта мысль прекрасно формулирована была Ельяшевичемъ, въ его работѣ объ Юридическомъ лицѣ. Гос-

---

обширными литературными указаніями). Изъ прежнихъ также Van den Heuvel, Situation légale des associations sans but lucratif, 2 изд., Bruxelles, 1884 (отрицаетъ юридическое лицо; истинные субъекты права физическія лица). Изъ новѣйшихъ особенно Maurice Hauriou, De la personnalite envisagée comme élément de la réalité sociale (Revue générale du droit, 1898) и Principes de droit public, P. 1910, стр. 639—693. Новѣйшая нѣмецкая литература объ юридическомъ лицѣ, за исключеніемъ цитированной уже нами работы вѣнскаго профессора Бернацика, гораздо менѣе интересна. Можно указать: Meurer, Die juristischen Personen nach deutschem Reichsrecht, 1901 (склоняется къ теоріи фикціи юридическаго лица); E. Hölder, Natürliche und juristische Personen, 1905 (юридическія лица — не лица; дѣйствительные субъекты имущества скорѣе только физическія лица); Гёльдеру слѣдуетъ Binder, Das Problem der juristischen Persönlichkeit, 1907. Интересна статья Otto Mayer, Die juristische Person und ihre Verwertbarkeit im öffentlichen Recht (въ Staatsrechtliche Abhandlungen. Festgabe für Paul Laband, т. 1., Tübingen, 1908. стр. 1—94).

подствующія теоріи пошли въ изученіи природы юридическихъ лицъ неправильнымъ путемъ. Онѣ довольствовались тѣмъ положеніемъ, что юридическія лица выступаютъ въ оборотѣ какъ самостоятельные носители правъ и обязанностей; онѣ „субстанціировали“ это свойство и вмѣсто того, чтобы заняться изученіемъ юридическаго характера разнообразныхъ юридическихъ явленій, обладающихъ указаннымъ свойствомъ, занялись изученіемъ „природы“ этого понятія. Между тѣмъ единственное, что объединяетъ самыя разнообразныя и сложныя юридическія явленія въ такъ называемыя юридическія лица, есть эта способность выступать въ гражданскомъ оборотѣ въ качествѣ самостоятельныхъ носителей правъ и обязательностей. Внутреннее строеніе, внутреннія отношенія юридическихъ образованій нисколько не затрагиваются и не опредѣляются тѣмъ, что эти образованія (общины, частные союзы, промышленныя товарищества и т. д.) выступаютъ во внѣ въ качествѣ юридическихъ лицъ. „Внутреннія юридическія отношенія во всѣхъ этихъ организаціяхъ остаются внѣ всякаго вліянія юридической личности, внѣ всякой зависимости отъ нея. Права и обязанности членовъ даннаго союза между собой, ихъ взаимныя отношенія по имуществу продолжаютъ быть совершенно такими же, какими были до надѣленія союза гражданской правоспособностью. Здѣсь юридическая личность ничего не мѣняетъ. Представленіе ассоціаціи правъ юридическаго лица не есть экспропріація членовъ въ пользу какого то новаго субъекта. Добиваясь этихъ правъ, члены союза стремятся не къ умаленію собственныхъ правомочій, не къ измѣненію своего отношенія къ общему имуществу, а къ созданію болѣе совершенныхъ формъ представительства этого имущества во внѣ, къ установленію болѣе удобныхъ условій участія въ общей юридической жизни“. По внутреннему строенію юридическихъ образованій мы не можемъ судить о томъ, является оно или не является юри-

дическими лицами; для этихъ послѣднихъ характеренъ лишь способъ выступленія во внѣ. Поэтому „единственный критерій юридической личности лежитъ въ формахъ отношеній съ третьими. Юридическимъ лицомъ является та организація, которая въ оборотѣ разсматривается какъ единство“. Въ этомъ кроется значеніе юридическихъ лицъ въ современномъ правовомъ строѣ. „Самыя разнообразныя формы коллективнаго правообладанія, подчасъ совершенно новаго типа, вводятся, чрезъ посредство юридическаго лица, въ общую систему правоотношеній, находятъ себѣ здѣсь мѣсто, мирно умѣщаясь въ старыя рамки. Можно ли при такихъ условіяхъ разсматривать юридическое лицо какъ субъекта правъ, это вопросъ, отвѣтъ на который зависитъ исключительно отъ того, какое содержаніе мы будемъ вкладывать въ это понятіе. Если видѣть въ субъектѣ права лишь пунктъ пріуроченія субъективныхъ правъ, лишь тѣ центры, вокругъ которыхъ обособляются сферы правообладанія, то юридическія лица цѣликомъ будутъ подлежать этой квалификаціи. И это необходимый путь, если мы хотимъ создать общую категорію, которая должна была бы обнять какъ физическія лица, такъ и всѣ прочія единства, выступающія въ оборотѣ. Напротивъ, тѣ, кто вводитъ въ понятіе субъекта правъ какой-либо неформальный моментъ — участіе въ жизненныхъ благахъ, интересъ, пользованіе (Genuss) или даже волю, власть, — тѣ, если только они не желаютъ прибѣгать къ ничего не объясняющей фикціи, неизбѣжно должны прійти къ отрицанію за юридическими лицами свойства субъекта права — все это моменты, которые могутъ быть связаны лишь съ человѣческой личностью“ (Юридическое лицо, стр. 448 и сл.).

По нашему мнѣнію это наиболѣе правильное пониманіе юридическаго лица. Юридическое лицо есть не что иное, какъ субъектъ права въ смыслѣ способности имѣть собственныя права и обязанности. Ни психологическаго, ни общефило-

софскаго смысла нельзя приписывать слову личность въ юриспруденціи. Предназначеніе права — охранять интересы человѣка. Человѣкъ живетъ въ обществѣ, связанъ съ нимъ, поэтому право должно не только охранять интересы индивида, но оно должно также гарантировать и возвысить до положенія субъективныхъ правъ коллективные и постоянные интересы человѣческихъ группъ; оно должно дозволить этимъ группамъ представительство черезъ воли, дѣйствующія отъ ихъ имени, или, другими словами, трактовать ихъ, какъ лица, въ юридическомъ оборотѣ. Два условія необходимы для юридическихъ лицъ: существованіе интереса, отличнаго отъ индивидуальныхъ интересовъ, и существованіе организаціи, способной проявить коллективную волю, представляющую и защищающую этотъ интересъ. Но этого еще мало, чтобы данное единство сдѣлалось юридическимъ лицомъ для юридической среды, въ которой оно рождается. Необходимо, чтобы юридическая среда приняла и признала его личность.

Если извѣстныя общественныя группы технически объединяются для своего внѣшняго оборота общимъ понятіемъ юридическаго лица, то изъ этого вовсе, конечно, не вытекаетъ, что эти группы въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ не могутъ быть конструированы иначе, какъ юридическія лица.

При подобномъ пониманіи юридическаго лица ясно, что нельзя государство совсѣмъ не считать юридическимъ лицомъ. Только примѣненіе этой конструкціи должно быть ограничено; при извѣстныхъ условіяхъ государство нужно разсматривать, какъ лицо, при другихъ условіяхъ слѣдуетъ его разсматривать, какъ юридическое отношеніе и порядокъ. Конструкція юридической личности государства съ пользою можетъ быть примѣняема всякій разъ, какъ государство берется въ отношеніи къ другимъ; но она не служитъ ни къ чему, когда государство разсматривается въ своей внутренней организаціи. Юридическая личность есть пріемъ

юридической техники съ цѣлью облегчить отношеніе къ внѣшнему міру черезъ синтезъ того, что́ принадлежитъ, что́ свойственно каждому индивиду; она предполагаетъ соотвѣтственную индивидуальность, которую она дополняетъ, опредѣляя, что́ ей свойственно, но которой она не составляетъ вполнѣ. Идея юридической личности, совершенно справедливо полагаетъ Горіу, содѣйствовала болѣе справедливому установленію понятій риска и отвѣтственности въ правѣ, вводя точку зрѣнія синтеза въ то, что́ принадлежитъ каждому субъекту. Юридическая личность государства сослужила службу въ установленіи идеи непрерывности въ дѣйствіяхъ правительства, въ неопредѣленной длительности международныхъ договоровъ, въ вѣчности государственныхъ долговъ, въ отличіи государственной собственности отъ частной, въ распространеніи военной контрибуціи только на государственную собственность. Практически юридическая личность имѣетъ примѣненіе только къ сферѣ внѣшнихъ отношеній. Въ публичномъ правѣ она особенно примѣняется въ международномъ правѣ и въ административномъ, гдѣ государство выступаетъ, какъ фискъ.

Въ особенности нужно это сказать относительно международнаго положенія государствъ. Въ международно-правовомъ общеніи государства, выступаютъ можно сказать, только какъ субъекты права, какъ юридическія лица, и именно потому, что здѣсь государства берутся въ своихъ в н ѣ ш н и х ъ отношеніяхъ, а не въ ихъ внутреннемъ строеніи. Международное право и мыслимо только при признаніи въ государствахъ самостоятельныхъ субъектовъ права. Отстранить эту международно-правовую сторону изъ понятія государства, какъ несущественную и не необходимую, при настоящемъ политическомъ развитіи человѣчества невозможно. Жизнь современныхъ государствъ вышла уже теперь изъ тѣсно-государственныхъ, внутреннихъ границъ и слилась съ жизнью всего человѣчества. Даже разсматривая государство въ его

внутренней жизни, мы находимъ въ немъ многочисленныя правоотношенія, не ограничивающіяся даннымъ государствомъ и выходящими далеко за его предѣлы. Ни одно государство не можетъ въ настоящее время разсматриваться только въ своемъ внутреннемъ строеніи, такъ какъ оно тѣсно связано юридическими отношеніями съ другими государствами. Уже въ силу этого одного юридическая конструкція государства, какъ правоотношенія, не можетъ претендовать на универсальное значеніе и на полное объясненіе юридической природы государства.

Но съ другой стороны, мы должны остерегаться и противоположной ошибки. Изъ того, что мы признаемъ государство личностью, еще не слѣдуетъ, что и внутренне-государственныя отношенія мы должны разсматривать съ точки зрѣнія личности. Личность есть лишь синтезъ внутреннихъ отношеній какой-нибудь индивидуальности по отношенію къ внѣшнему міру. Когда мы анализируемъ внутреннюю организацію человѣка, его физіологическую и психологическую природу, мы не пользуемся идеей личности, а исходимъ изъ идеи организма; изслѣдуемъ различныя силы физіологическія и психологическія и ищемъ ихъ синтезъ. Этотъ синтезъ является личностью. Но личность есть р е з у л ь т а т ъ синтеза различныхъ сторонъ единаго организма, и не слѣдуетъ исходить изъ нея при ихъ разсмотрѣніи.

Понятіе юридическаго лица было выработано въ гражданскомъ правѣ; въ публичное право оно перенесено лишь недавно для удобства распредѣленія государственно-правового матеріала. Между тѣмъ писатели по публичному праву забываютъ обыкновенно эту практическую, ограниченную роль конструкціи юридическаго лица, придаютъ ей слишкомъ абсолютный и исключительный характеръ и пытаются объяснить ею и отношенія между органами государства, между гражданами и правительствомъ, приходя, конечно, къ самымъ сомнительнымъ выводамъ. Поскольку государственное

право занимается вопросами объ устройствѣ политическаго порядка, объ организаціи власти, объ отношеніяхъ между отдѣльными властями и правительственными функціями, между правительствомъ и народомъ, — конструкція юридической личности государства оказывается не столько полезной, сколько вредной, и нужно отказаться отъ попытокъ втиснуть публично-правовой матеріалъ въ тѣсныя рамки этого построенія. „Подходя ко всѣмъ многообразнымъ явленіямъ современнаго права, — совершенно правильно пишетъ Ельяшевичъ, — съ точки зрѣнія юридическаго лица, юристъ захватываетъ лишь одну ихъ сторону — сторону, обращенную къ внѣшнему міру, къ третьимъ. Всѣ внутреннія отношенія остаются внѣ поля его зрѣнія. Чтобы познать эти явленія, ему необходимо, оставивъ въ сторонѣ юридическую личность, обратиться къ изученію внутренней природы этихъ явленій, къ изученію отношеній, существующихъ между членами данныхъ коллективныхъ группъ, правомочій, принадлежащихъ имъ по отношенію къ имуществу. Иначе это значеніе будетъ болѣе чѣмъ односторонне“.

Такимъ образомъ и въ конструированіи юридической природы государства мы отказываемся становиться на одностороннюю точку зрѣнія и полагаемъ, что и государство должно быть понято синтетически. Государство есть сложное правоотношеніе, политическая система, порядокъ политическихъ силъ, гармоническое соединеніе своеобразныхъ элементовъ въ единое цѣлое, въ которомъ каждый элементъ выполняетъ свою опредѣленную специфическую функцію. Съ другой стороны, государство часто, во внѣшнихъ и въ частно-правовыхъ отношеніяхъ является настоящимъ единымъ субъектомъ права, юридическимъ организмомъ, и моральнымъ или юридическимъ лицомъ. Государство такимъ образомъ можетъ быть опредѣлено какъ союзъ людей объединенныхъ суверенной властью, являющійся во внѣ единымъ субъектомъ права (юридическою личностью) и

внутри единымъ синтезомъ отношеній властвованія и подчиненія. Въ этой конструкціи государства повторяется найденная нами въ природѣ общества, этическихъ и правовыхъ нормъ гармонія индивидуальнаго принципа личной воли (юридическаго лица) и общаго принципа порядка, соціальнаго установленія.

Глава четвертая.

Конфедерація государствъ и федеральное государство.

Подробное разсмотрѣніе нами природы общества, нравственности, права, власти и государства привело насъ къ тому заключенію, что наиболѣе правильная точка зрѣнія на всѣ эти явленія есть синтетическая, и что основная идея этого синтеза дается идеей гармоніи или равновѣсія частнаго и общаго, индивидуальнаго и соціальнаго элементовъ. Общество, соціологически разсматриваемое, есть равновѣсіе личнаго почина и общественной солидарности и подражанія. Верховный принципъ нравственной дѣятельности заключается въ достиженіи положительнаго всеединства, т. е. въ гармоніи личнаго счастья и цѣлей мірового цѣлаго. Право есть принудительное равновѣсіе интереса личной свободы и интереса общаго блага. Государство есть равновѣсіе индивидуальнаго момента правительственной воли (принципа юридическаго лица) и общаго момента общественнаго порядка и установленія (принципа юридическаго отношенія).

Правильная политическая система должна стремиться, въ той или иной политической организаціи, отразить эту основную идею общественныхъ отношеній, — лично-коллективную гармонію. Правительственная власть по природѣ своей есть соединеніе объективнаго момента общей воли,

коллективнаго признанія и субъективнаго момента собственной воли органовъ власти. Въ соотвѣтствіи съ этой природой власти, политическій строй долженъ быть не одностороннимъ, анархически децентрализованнымъ или абсолютно централизованнымъ, а гармонически двустороннимъ, дающимъ примиреніе и дѣятельности центральной власти и индивидуальнымъ стремленіямъ. Теорія федерализма и есть именно одна изъ такихъ политическихъ теорій, которая стремится найти для политической жизни обществъ уравновѣшенность центробѣжныхъ и центростремительныхъ общественныхъ силъ.

Въ политической области имѣется три основныхъ пути для образованія политическихъ организацій: или каждая политическая единица (семья, племя, государство) вступаетъ въ юридическое общеніе съ другими политическими единицами, не подчиняя себя никакой высшей власти, а сохраняя за собою свой суверенитетъ, — это будетъ политическая аморфія, которая можетъ быть какъ не организованной, такъ и организованной, или, говоря болѣе общепринятымъ терминомъ, конфедерализмъ, — или каждая политическая единица объединяется съ другими въ такой союзъ, въ которомъ она теряетъ свой суверенитетъ, но и образуемая соединеніемъ центральная власть не получаетъ суверенитета, а суверенитетъ принадлежитъ только согласной волѣ центральной и мѣстной власти, — это будетъ федеральная политическая организація, — или, наконецъ, каждая политическая единица входитъ въ такой политическій союзъ, въ которомъ она вполнѣ теряетъ свой суверенитетъ, и верховенство принадлежитъ центральной власти, — это будетъ централистическая, унитарная политическая организація.

Федерализмъ есть одинъ изъ способовъ организаціи политической власти. Отличительный признакъ федеративныхъ соединеній можно искать только въ способѣ образо-

ванія суверенной власти; поэтому и центръ тяжести федеративной теоріи долженъ находиться въ вопросѣ о томъ, какъ образуется полнота и верховенство власти въ данномъ союзѣ, какая степень въ образованіи суверенной воли принадлежитъ центральной власти и какая союзнымъ властямъ.

Построеніе правильной юридической теоріи федеративныхъ политическихъ образованій — задача значительной трудности, такъ какъ нигдѣ, быть можетъ, въ наукѣ права не накопилось и не утвердилось столько ложныхъ положеній и ошибочныхъ теорій, какъ въ конструированіи юридической природы федерализма, что объясняется какъ болѣе или менѣе ясно выраженными политическими симпатіями и антипатіями авторовъ, такъ и неправильнымъ теоретическимъ пониманіемъ суверенитета и ложнымъ воззрѣніемъ на государство.

Правильное пониманіе юридической природы федеративныхъ соединеній имѣетъ не только теоретическій интересъ, но и большое политическое значеніе, такъ какъ только оно можетъ точно указать тѣ предѣлы, въ которыхъ политически цѣлесообразно примѣненіе федеративной организаціи и за которые не разумно ея расширеніе.

I. Критика федеративныхъ теорій.

I. Классическая теорія дѣлимости суверенитета. — II. Сепаративныя теоріи суверенитета штатовъ. — III. Унитарныя теоріи суверенитета федеральнаго государства. — IV. Теоріи участія штатовъ въ образованіи федеральнаго суверенитета.

При современной чрезвычайной запутанности, царящей въ вопросѣ о природѣ федеральныхъ образованій нельзя дать ясной и правильной юридической конструкціи федеративныхъ политическихъ формъ, не разсмотрѣвши предварительно критически тѣхъ разнообразныхъ, но въ большинствѣ случаевъ односторонніхъ попытокъ, какія были сдѣланы въ новѣйшей юридической и политической литературѣ съ цѣлью понять своеобразную природу государственныхъ соединеній.

Классическая теорія хотѣла найти специфическій признакъ федеральныхъ соединеній въ томъ, что суверенная власть въ этихъ соединеніяхъ дѣлима по своему матеріальному содержанію, при чемъ одна часть суверенныхъ правъ предоставляется центральной федеральной власти, а другая сохраняется за членами федераціи.

Большинство новѣйшихъ юридическихъ теорій сходится однако въ отрицаніи возможности вообще какой бы то ни было дѣлимости суверенной власти, такъ какъ такая дѣлимость противорѣчитъ существу суверенитета. При этомъ однѣ теоріи, признавая суверенитетъ единымъ и недѣлимымъ, полагаютъ, что существо федеральныхъ соединеній заключается въ такомъ соглашеніи независимыхъ государствъ,

при которомъ, несмотря на образованіе союзнаго цѣлаго, ими сохраняется государственный суверенитетъ. Это сепаративныя теоріи, приписывающія государственное верховенство отдѣльнымъ штатамъ федеральнаго союза.

Другія теоріи, которыя мы не можемъ назвать иначе какъ унитарными, полагаютъ сущность федеральнаго соединенія въ суверенно-государственномъ характерѣ центральной союзной власти и ищутъ признака отличія федерированныхъ штатовъ отъ децентрализованныхъ областей унитарнаго государства во внутреннемъ положеніи штатовъ и въ характерѣ ихъ власти, обозначаемой то какъ первоначальная и собственная, то какъ автономная, то какъ преслѣдующая національныя цѣли.

Наконецъ, существуютъ теоріи „участія“, видящія своеобразный характеръ федеральныхъ соединеній въ томъ, что федерированныя части, штаты, какъ таковые, принимаютъ прямое участіе въ образованіи обще-федеральной суверенной власти.

Всѣ эти теоріи мы считаемъ не объясняющими истинной природы федеративныхъ образованій, создающими или противорѣчивыя или недостаточныя конструкціи и не улавливающими специфической юридической природы федерализма.

I.

Первой серьезной попыткой понять юридическую природу федерализма была классическая теорія раздѣла суверенитета между федеральной властью и властью отдѣльныхъ штатовъ, теорія, возникшая еще въ XVIII вѣкѣ въ связи съ образованіемъ Сѣверо-американскаго федеральнаго государства [1]), связанная съ именами Мадисона, Гамильтона,

1) Мы считаемъ неудачнымъ часто встрѣчающееся въ русской литературѣ наименованіе федеральнаго государства союзнымъ, такъ какъ

Токвилля и Вайца и почти безраздѣльно господствовавшая до послѣдней четверти XIX вѣка.

Авторы Федералиста въ значительной степени находились подъ вліяніемъ Монтескье и его теоріи раздѣленія властей. Федеральное государство являло для нихъ лишь своеобразную форму раздѣленія суверенитета. У народа, — писалъ Мадисонъ, — образующаго единую націю, верховная власть передается цѣликомъ національному законодательному собранію. Въ политическихъ обществахъ, соединившихся для отдѣльныхъ опредѣленныхъ цѣлей, верховенство власти передается отчасти общему законодательному собранію, отчасти мѣстнымъ законодательствамъ. Въ первомъ случаѣ, всѣ мѣстныя власти подчинены верховной власти и могутъ быть контролируемы, управляемы и уничтожаемы ею по произволу. Во второмъ случаѣ, мѣстныя или муниципальныя власти составляютъ отдѣльныя и независимыя части верховенства и не болѣе подчинены, въ своихъ относительныхъ сферахъ, общей власти, чѣмъ подчинена

въ русскомъ языкѣ названіе союзное государство обозначаетъ не столько соединенное, сложное государство, сколько государство вступившее въ союзъ; такъ мы называемъ Францію нашимъ союзнымъ государствомъ; такъ мы говоримъ союзная область или союзное племя, когда дѣло идетъ не о сложной, составной области или о многихъ племенахъ, а объ одной области и одномъ племени союзныхъ другимъ областямъ и племенамъ. Понятіе сложнаго, составнаго государства особое, специфическое, и потому для него долженъ быть найденъ особый техническій терминъ, и лучше всего взять таковымъ терминъ федеральнаго государства и конфедераціи государствъ. Названіе же союзнаго государства скорѣе можно было бы сохранить для обозначенія федерированныхъ частей федеральнаго государства, если бы въ этомъ названіи не заключалось ложнаго и во всякомъ случаѣ спорнаго утвержденія государственнаго характера за этими частями, которыя поэтому, полагаемъ, удобнѣе всего называть штатами, такъ какъ съ этимъ названіемъ у насъ нисколько не соединяется представленіе о государственномъ характерѣ самого штата; къ тому же когда мы говоримъ о возможномъ новомъ федеральномъ устройствѣ какого-нибудь государства, мы всегда даемъ ему названіе Соединенныхъ Штатовъ (Европы, Китая, Россіи, Австріи и т. д.).

имъ союзная власть, въ своей собственной сферѣ. Въ этомъ отношеніи американское правительство не можетъ быть названо національнымъ, такъ какъ его юрисдикція простирается только на извѣстное число опредѣленныхъ объектовъ и предоставляетъ различнымъ штатамъ неприкосновенный суверенитетъ надъ всѣми другими объектами. Правда, въ спорахъ относительно границъ между двумя юрисдикціями, судъ, который долженъ судить въ послѣдней инстанціи, подчиняется общему правительству. Но это ничего не мѣняетъ въ принципѣ. Рѣшеніе этого суда должно быть непартійнымъ и соотвѣтствующимъ нормамъ конституціи, и должны быть приняты самыя дѣйствительныя мѣры предосторожности, чтобы обезпечить эту внѣпартійность суда. Такой судъ, очевидно, необходимъ, чтобы предупредить призывъ къ оружію и разрывъ договора (Federalist, № 39).

Популярности теоріи раздѣла суверенитета, какъ специфическаго признака федеральнаго государства, много способствовалъ Токвилль, который нашелъ въ Федералистѣ готовое объясненіе юридической природы федерацій и построилъ свою конструкцію въ согласіи со взглядами Мадисона[1]).

Токвилль слѣдующимъ образомъ обрисовывалъ своеобразность американскаго политическаго устройства. При созданіи союза американскими колоніями американцамъ пришлось преодолѣть одно важное затрудненіе. Надо было такъ подѣлить суверенитетъ, чтобы различныя государства, составлявшія союзъ, продолжали имѣть самоуправленіе во всемъ относящемся къ ихъ внутреннему благосостоянію, а сама нація въ цѣломъ, представляемая союзомъ, не пере-

1) A. Tocqueville, De la démocratie en Amérique, 1-е изд. 1835, полное и исправленное 13-е изд. 1850 г., 2 тома; въ русскомъ переводѣ Якубовича: Демократія въ Америкѣ, Кіевъ, 1860, 2 тома. О Токвиллѣ подробнѣе см. ниже, въ отдѣлѣ о развитіи французскаго федерализма.

стала бы при этомъ составлять одно органическое цѣлое и удовлетворять всѣ свои общія потребности. Вопросъ сложный и трудный для разрѣшенія. Было невозможно заранѣе точнымъ и полнымъ образомъ фиксировать часть власти, входящую въ компетенцію каждаго изъ двухъ правительствъ, между которыми дѣлился суверенитетъ. Кто сможетъ предвидѣть заранѣе всѣ детали жизни народа? Обязанности и права федеральнаго правительства были просты и ихъ легко было опредѣлить, такъ какъ союзъ былъ образованъ съ цѣлью удовлетворить нѣкоторыя общія и важныя потребности. Наоборотъ, обязанности и права правительства отдѣльныхъ штатовъ были многочисленны и запутанны, такъ какъ это правительство касалось всѣхъ деталей общественной жизни. Поэтому въ конституціи заботливо опредѣлили компетенцію федеральнаго правительства и заявили, что все неупомянутое въ конституціи входитъ въ компетенцію правительства отдѣльныхъ штатовъ. Такимъ образомъ компетенція штатовъ была признана общимъ правомъ; право же федеральнаго правительства являлось лишь исключеніемъ. Но такъ какъ предвидѣли, что на практикѣ могутъ возникнуть вопросы относительно точныхъ границъ компетенціи этого послѣдняго правительства, и что было бы опасно отдать рѣшеніе этихъ вопросовъ обыкновеннымъ судамъ, устанавливаемымъ въ разныхъ штатахъ самими штатами, то созданъ былъ высшій федеральный судъ, единый трибуналъ, имѣющій компетенцію поддерживать между двумя соперничающими правительствами то раздѣленіе властей, какое установила конституція (Démocratie en Amérique, 1850, I, 191).

По мнѣнію Токвилля, существуютъ объекты управленія національные по своей природѣ, т. е. относящіеся къ націи, взятой въ цѣломъ, и могущіе быть порученными только лицу или собранію, наиболѣе полнымъ образомъ представляющему всю націю. Таковы военныя дѣла и дипломатія. Есть другіе объекты, вродѣ, напримѣръ, мѣстнаго бюджета,

провинціальные по своей природѣ, т. е. относящіеся только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ, и могущіе наилучшимъ образомъ управляться на мѣстахъ. Наконецъ, встрѣчаются объекты смѣшанной природы: они національны въ томъ отношеніи, что касаются всѣхъ лицъ, составляющихъ націю; они провинціальны въ томъ смыслѣ, что нѣтъ необходимости, чтобы нація сама о нихъ заботилась. Таковы, наприм., права, регулирующія гражданское и политическое состояніе гражданъ. Въ этихъ правахъ одинаково заинтересованы всѣ граждане; но не всегда необходимо для существованія и процвѣтанія націи, чтобы эти права были однообразны и чтобы, слѣдовательно, они регулировались центральной властью. Такъ какъ эти объекты ни исключительно національны, ни вполнѣ провинціальны, то забота о нихъ можетъ быть предоставлена или національному или провинціальному правительству, сообразно соглашенію соединяющихся, при чемъ цѣль соединенія будетъ достигнута какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Когда народъ составляется изъ соединенія отдѣльныхъ индивидовъ, тогда общее правительство обычно регулируетъ не только объекты національные по самой своей сущности, но и большую часть смѣшанныхъ объектовъ. Иногда, въ силу факта, предшествующаго соединенію, верховный союзъ оказывается состоящимъ изъ политическихъ тѣлъ уже организованныхъ, тогда обыкновенно провинціальное правительство беретъ на себя заботу не только объ объектахъ исключительно провинціальныхъ по своей природѣ, но еще и обо всѣхъ или о части смѣшанныхъ объектовъ.

Когда національное правительство облекается правомъ регулировать смѣшанные объекты суверенитета, оно обладаетъ преимущественной силой, оно въ этомъ случаѣ имѣетъ многія права, которыя непосредственно осуществляетъ, но и всѣ права, которыхъ оно не имѣетъ, находятся въ ея распоряженіи, и можно опасаться, что оно станетъ отнимать у провинціальныхъ правительствъ ихъ естественныя и необхо-

димыя прерогативы. Когда же, наоборотъ, правомъ регулировать смѣшанные объекты оказывается облечено провинціальное правительство, то въ обществѣ царствуетъ противоположная тенденція. Преимущественная сила принадлежитъ тогда провинціи, а не націи, и слѣдуетъ опасаться, что національное привительство, въ концѣ концовъ, будетъ лишено власти, необходимой для его существованія. Единые народы, по мнѣнію Токвилля, склонны къ централизаціи, а конфедераціи — къ раздробленію (II, 344—7).

Въ Германіи теорія дѣлимости суверенитета въ федеральныхъ государствахъ оказала свое вліяніе главнымъ образомъ черезъ посредство Вайца, популяризировавшаго въ нѣмецкой юридической литературѣ федеративныя идеи Токвилля, по которымъ федеральное государство только тогда налицо, когда суверенитетъ не принадлежитъ ни коллективному государству, ни государствамъ соединившимся, а тому и другимъ, каждому въ его сферѣ[1]).

Федеральное государство, по мнѣнію Вайца, есть та государственная форма, при которой одна часть высшихъ жизненныхъ задачъ государственной жизни выполняется сообща всѣмъ народомъ, а другая часть — отдѣльными подраздѣленіями народа. Для опредѣленныхъ дѣлъ истинно національной жизни требуется единство, другія же дѣла, болѣе своеобразной природы, предоставлены мѣстнымъ или племеннымъ различіямъ. Отдѣльныя, федерированныя государства и коллективное, федеральное государство являются необходимыми дополненіями одно другого; только въ ихъ соединеніи охватывается вся государственная жизнь, каждому изъ нихъ выпадаетъ на долю только часть ея. И въ извѣстной степени народъ находится въ одинаковомъ отношеніи и къ

1) Waitz, Das Wesen des Bundesstaates (первоначально было имъ напечатано въ Kieler Allgemeinen Monatsschrift für Wissenschaft und Literatur, 1853, стр. 494—530; потомъ перепечатано въ Grundzüge der Politik, 1862, стр. 153—218).

отдѣльному государству и къ государству коллективному: каждое изъ нихъ покоится на національномъ основаніи.

Отъ федеральнаго государства прежде всего требуется, чтобы опредѣленная часть государственной жизни была общей, другая же, тоже опредѣленная, была предоставлена отдѣльнымъ членамъ. О томъ, какъ должно быть произведено это дѣленіе, нельзя говорить въ общей формулѣ; оно можетъ быть мыслимо различнымъ, и въ дѣйствительности въ разныхъ случаяхъ оно различно. Но дѣленіе имѣетъ мѣсто и при другихъ формахъ государства; отличительная же черта здѣсь въ томъ, что каждая часть сама по себѣ есть дѣйствительное государство. Въ конфедераціяхъ коллективное цѣлое не есть государство, въ имперіи ея части не государства; въ федеральномъ же государствѣ обѣ стороны должны носить государственный характеръ; поэтому и противопоставляется здѣсь коллективное государство отдѣльнымъ государствамъ.

Государственную самостоятельность отдѣльныхъ частей федеральнаго государства можно назвать суверенитетомъ. „Здѣсь опредѣленно сказывается, писалъ Вайцъ, противоположность этого воззрѣнія тому, представителемъ котораго былъ Шталь. Шталь говоритъ: если суверенитетъ принадлежитъ не отдѣльнымъ государствамъ, а центральной власти, то это — федеральное государство. Мы же говоримъ какъ разъ напротивъ: только тамъ имѣется федеральное государство, гдѣ суверенитетъ не принадлежитъ ни одному, ни другому, а обоимъ, и коллективному государству (центральной власти) и отдѣльному государству (власти отдѣльныхъ государствъ), каждому въ его сферѣ. Такъ и Токвилль говорилъ о федеральной власти Соединенныхъ Штатовъ: „L'union telle qu'on la constitué en 1789 n'a, il est vrai, qu'une souveraineté restreinte; mais on a voulu que dans ce cercle elle ne format qu'un seul et même peuple. Dans ce cercle, elle est souverain“. Напротивъ совершенно неправильно нѣмецкіе

писатели полагаютъ, что существо федеральнаго государства въ томъ, что здѣсь государства суть подданные, или что федеральное государство обосновываетъ настоящій долгъ подданства всѣхъ федеральныхъ правительствъ и существенное, не только реальное, но и личное ограниченіе ихъ суверенитета. Между тѣмъ здѣсь именно противоположное вѣрно: только объемъ, а не содержаніе суверенитета ограничено, и при томъ какъ для той такъ и для другой государственной власти" (стр. 501).

Въ федеральномъ государствѣ въ той части государственной жизни, которая обща, народъ долженъ находиться вполнѣ въ томъ же отношеніи къ коллективному государству, какъ въ другой части къ отдѣльному штату. Для всѣхъ дѣлъ и задачъ государственной жизни, переданныхъ общей государственной власти, эта послѣдняя въ отношеніи къ народу вполнѣ подобна той, которую имѣетъ простое государство для всего объема государственной дѣятельности. Она издаетъ законы и приводитъ ихъ въ исполненіе. Она должна выполнять возложенныя на нее задачи, и было бы совершенно неестественно, если бы для нея въ этомъ случаѣ были поставлены другія условія, чѣмъ отдѣльному штату, что́ было бы въ томъ случаѣ, если бы требовалось для исполненія посредничество отдѣльныхъ штатовъ, если бы центральная власть для проведенія своихъ цѣлей должна была разсчитывать на дѣятельность этихъ послѣднихъ. Этотъ раздѣлъ государственныхъ функцій должно понимать не въ томъ смыслѣ, будто на той или другой сторонѣ должно находиться все наиболѣе важное и значительное въ государственной жизни. Дѣленіе это не таково, чтобы, напр., коллективному государству принадлежало все, что имѣетъ важное значеніе въ государственномъ развитіи, а на долю федерировавшихся государствъ остались бы однѣ подчиненныя функціи; точно также не можетъ быть рѣчи о такомъ федеральномъ устройствѣ, при

которомъ только одна сторона государственной жизни, напр. таможенныя или торговыя отношенія, была бы объединена и сдѣлана общею. Если бы имѣло мѣсто первое предположеніе, то несомнѣнно очень скоро отдѣльныя федерировавшіяся государства низведены были бы на положеніе простыхъ провинцій. Если же дѣленіе должно быть таково, чтобы самостоятельную и значительную область государственной дѣятельности отвести и федеральному государству и государствамъ федерировавшимся, то, повидимому, остается только передать коллективному государству веденіе иностранныхъ дѣлъ, а федерировавшимся государствамъ въ возможно большей степени внутреннія дѣла. Къ компетенціи центральной федеральной власти Вайцъ относилъ внѣшнія отношенія, право войны и мира, союзовъ, договоровъ, дипломатическаго представительства. Лишь право заключенія второстепенныхъ договоровъ можетъ, по мнѣнію Вайца, быть предоставлено и отдѣльнымъ штатамъ. Къ центральной же власти Вайцъ относилъ установленіе мѣръ, вѣсовъ, чеканку монеты, выдачу патентовъ; къ компетенціи штатовъ — заботу о правѣ, его развитіи и поддержаніи, администрацію, церковь, науку [1]).

---

1) Эта теорія дѣлимости суверенитета находитъ себѣ сторонниковъ и до настоящаго времени. Укажемъ хотя бы на Отто Майера; о немъ см. ниже, въ отдѣлѣ о развитіи нѣмецкаго федерализма. Нѣкоторые авторы раздѣляютъ суверенитетъ на внутренній и внѣшній и считаютъ возможнымъ существованіе внутренняго суверенитета безъ внѣшняго; ср. Hänel, Deutsches Staatsrecht, I, стр. 118; Rehm, Allgemeine Staatsrecht, стр. 60; въ сущности это — своеобразная теорія дѣлимости суверенитета. Къ классической же теоріи должна быть отнесена и теорія авторовъ, видящихъ въ федераціяхъ такія соединенія, при которыхъ отдѣльныя федерированныя государства (штаты) теряютъ международный суверенитетъ и удерживаетъ государственный. Напр. Wheaton, Elémentsdu droit international, I, стр. 71; Halleck, International Law, N. Y. 1861, ch. III, § 16. Блюнчли, будучи сторонникомъ существованія ограниченнаго суверенитета, склонялся къ теоріи дѣлимости суверенитета: Bluntschli, Lehre von modernen Staat, 1878, I, 342. Изъ русскихъ писателей вліяніе классической

Какъ ни проста, ни ясна и, повидимому, ни естественна эта теорія, однако она не можетъ быть удержана, такъ какъ находится въ прямомъ логическомъ противорѣчіи съ природой суверенной власти. Суверенитетъ, какъ верховенство и юридическая полнота власти, по самому своему понятію не можетъ быть дѣлимъ. Хотя суверенитетъ образуется часто совмѣстнымъ дѣйствіемъ многихъ органовъ власти, отправляющихъ каждый въ отдѣльности особую политическую функцію, но совмѣстное дѣйствіе это приводитъ къ жизненному синтезу, единому, какъ таковой, и составляющему то, что называется суверенитетомъ. Суверенитетъ такъ же не раздѣленъ, какъ синтезъ власти, въ федеральныхъ соединеніяхъ между центральной властью и федерированными властями, какъ не раздѣленъ онъ въ унитарномъ и самодержавномъ парламентѣ между отдѣльными депутатами, въ своей совокупности вырабатывающими изъ множества различныхъ индивидуальныхъ воль единую коллективную суверенную волю.

Говорить о дѣлимости суверенитета значитъ говорить о болѣе наивысшей и менѣе наивысшей, болѣе неограниченной и менѣе неограниченной власти. Нельзя даже понять, какимъ образомъ верховенство можетъ быть раздѣлено и какимъ образомъ народъ или политическій союзъ можетъ быть отчасти суверенным, отчасти несуверенным. Верховенство есть понятіе цѣлостное; его нельзя дѣлить, какъ нельзя дѣлить вообще превосходную степень. Суверенитетъ есть по самому понятію своему выраженіе единства власти.

теоріи можно констатировать, пожалуй, только у Чичерина, Курсъ государственной науки, I, 182—5. Правда, касаясь вопроса сложныхъ государствъ, Чичеринъ не стремился конструировать ихъ строго юридически, но изъ общаго его изложенія видно, что мысль его двигалась совершенно въ рамкахъ теорій Токвилля и Вайца, что и не удивительно, такъ какъ составленіе его курса относилось, по собственнымъ словамъ Чичерина, еще къ началу 60-хъ годовъ.

Дѣлить суверенитетъ значитъ дѣлить единство, что̀ заключаетъ въ себѣ логическій абсурдъ.

Когда мы утверждаемъ идею недѣлимости суверенитета, мы вовсе, разумѣется, не предполагаемъ, что суверенитетъ организованъ унитарно, т. е. что существуетъ лишь одинъ суверенный органъ. Суверенитетъ не дѣлимъ лишь какъ цѣлостный синтезъ властей правительственныхъ органовъ; это не значитъ, что часть суверенитета принадлежитъ вполнѣ одному органу, а часть — другому (какъ это утверждаетъ классическая теорія федерализма), а только то, что весь суверенитетъ принадлежитъ имъ въ совмѣстной и согласной дѣятельности. По теоріи раздѣленія суверенитета и центральная власть федеративнаго соединенія суверенна, но лишь фрагментарна, неполна, и отдѣльныя федерировавшіяся государства суверенитета не теряютъ; и центральная и мѣстныя власти суверенны каждая въ своей сферѣ. Правильно же полагать, что суверенитетъ не принадлежитъ ни той ни другой власти.

Въ сущности теорія дѣлимости суверенитета смѣшиваетъ суверенитетъ съ властью, принадлежащею отдѣльнымъ государственнымъ органамъ, и изъ того факта, что разными органами отправляются различныя функціи власти, она дѣлаетъ неправильное заключеніе о раздѣленности самого суверенитета.

Какъ необходимое послѣдствіе верховности власти, мыслится ея единство и недѣлимость. Единство суверенитета необходимо въ качествѣ единаго верховнаго принципа, дающаго соединенію отдѣльныхъ лицъ характеръ организмо-подобнаго союза. Представленіе о раздѣленномъ суверенитетѣ влечетъ за собой представленіе о нѣсколькихъ союзахъ, обладающихъ независимостью и верховностью, что равносильно анархіи. Будучи силой верховной, суверенитетъ не можетъ въ одной организаціи существовать наряду съ другой подобной же силой. Такія силы, если бы суще-

ствовали совмѣстно, постоянно боролись бы между собой изъ-за верховенства. Въ этой борьбѣ или одна изъ нихъ низвергла бы всѣ остальныя, или всѣ онѣ исчезли бы черезъ самоуничтоженіе. Если бы онѣ стали работать совмѣстно, онѣ перестали бы быть отдѣльными силами и превратились бы въ одну верховную силу; если бы каждая сила стала дѣйствовать на ограниченной части территоріи, то образовалось бы соотвѣтствующее число суверенныхъ организацій, суверенныя силы хотя бы и сосуществовали, но не входили бы въ одну общую организацію.

Съ точки зрѣнія теоріи дѣлимости суверенитета можно представить себѣ, что одно государство, одинъ народъ образуетъ нѣсколько государствъ, изъ которыхъ каждое суверенно только для опредѣленныхъ верховныхъ правъ, что̀ совершенно абсурдно, съ юридической точки зрѣнія.

Государство, совершенно справедливо возражалъ Вайцу еще Зейдель, есть совершенный союзъ людей страны, высшій союзъ, рядомъ съ которымъ не существуетъ никакого другого союза. Государственная власть есть могущественная, единая воля, господствующая надъ государствомъ. Она не только едина, она недѣлима. Государственная власть не сумма правъ, а право въ государствѣ. Поэтому воля, которая не вполнѣ господствуетъ въ государствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, а только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ другихъ же отношеніяхъ ограничена, не есть господствующая воля; суверенитетъ, въ которомъ не хватаетъ нѣкоторыхъ суверенныхъ правомочій, не есть суверенитетъ. Суверенитетъ не можетъ имѣть строго опредѣленнаго содержанія; въ предѣлахъ государственной территоріи онъ не можетъ наталкиваться на какія-нибудь юридическія границы. Самъ Вайцъ опредѣлялъ государственную власть, какъ единство имѣющихся въ государствѣ на лицо силъ; власть же раздробленная не представляетъ собою единства. Нельзя также признать различенія суверенныхъ правъ на существенныя и несущественныя, такъ

какъ всѣ правомочія, выводимыя изъ общаго понятія суверенитета, нужно считать одинаково существенными.

Суверенитетъ, въ своемъ юридическомъ выраженіи, есть неограниченное право рѣшать всѣ вопросы права, въ томъ числѣ и вопросы о правительственной компетенціи. Если бы суверенитетъ былъ раздѣленъ въ федеральномъ государствѣ, то, разумѣется, между центральными и мѣстными правительственными органами была бы раздѣлена и компетенція. Спрашивается, кто бы въ этомъ случаѣ рѣшалъ споры о предѣлахъ власти между центральными и мѣстными органами? Какъ бы точно и совершенно ни была распредѣлена компетенція, всегда былъ бы возможенъ (хотя бы и недобросовѣстный) споръ о томъ, къ какой компетенціи, центральной или мѣстной, относится данный случай. Рѣшенія подобнаго спора, разумѣется, подѣлить никакъ нельзя. Кому принадлежитъ право рѣшать подобный споръ, тому принадлежитъ и суверенитетъ. Если это право принадлежитъ каждой спорящей сторонѣ (что́ мы видимъ въ международныхъ отношеніяхъ государствъ), то каждая изъ нихъ суверенна.

Точный раздѣлъ суверенитета и компетенцій не возможенъ еще и потому, что государства, какъ унитарныя такъ и федеральныя, живутъ, развиваются, мѣняются; соотвѣтственно этимъ перемѣнамъ должна видоизмѣняться и политическая конституція государствъ. Если бы былъ дѣйствительный раздѣлъ суверенитета, то ни федеральное государство, какъ таковое, ни отдѣльный штатъ не могли бы измѣнять конституціи безъ взаимнаго согласія, чему однако историческихъ примѣровъ нѣтъ, да и теоретически это съ трудомъ представляется.

II.

Послѣ того, какъ была отвергнута возможность какого бы то ни было раздѣла суверенитета въ федеральныхъ го-

сударствахъ между центральной и мѣстными властями, повидимому, оставалось одно изъ двухъ: признать суверенной или власть отдѣльныхъ соединившихся штатовъ или центральную власть всего союза. На первую точку зрѣнія стали сепаративныя теоріи федеральнаго государства, творцомъ которыхъ былъ Джонъ Кальгунъ, нашедшій себѣ послѣдовательнаго сторонника въ Максѣ Зейделѣ [1]).

Во всякомъ государственномъ соединеніи по этой теоріи возможно одно изъ двухъ: суверенитетъ принадлежитъ или совокупности, или членамъ. Въ первомъ случаѣ совокупность есть суверенное государство, члены же теряютъ свой суверенитетъ и свой государственный характеръ; они составляютъ особыя политическія образованія, сохраняемыя для извѣстныхъ цѣлей. Конституція такого государства покоится исключительно на его волѣ, царящей надъ членами. Во второмъ случаѣ имѣется на лицо только конфедерація, общество суверенныхъ государствъ, сообща осуществляющихъ нѣкоторые виды власти. Они не составляютъ особаго юридическаго лица, они представляютъ собою лишь правоотношеніе. Конфедерація покоится на договорѣ между равными, на свободной волѣ договаривающихся лицъ и оставляетъ договаривающимся сторонамъ полную независимость, внѣ договора.

Эта федеративная теорія примыкаетъ къ боденовскому пониманію государства, какъ высшей формы человѣческаго общенія. Государство есть объединенный одной высшей во-

---

1) J. Calhoun, A Discourse on the Constitution and Government of the United States (Works, I, N. Y. 1853); M. Seydel, Der Bundesstaatsbegriff (Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, т. 28 (1872); Kommentar zur Verfassungsurkunde für das Deutsche Reich, 1873 и др. сочиненія этого автора. Идеи Кальгуна и Зейделя лежатъ въ сущности и въ основаніи федеративныхъ воззрѣній Прудона (Du principe fédératif, Paris, 1863), если попытаться ихъ политическое выраженіе ввести въ юридическія формулы. О Прудонѣ см. ниже, въ отдѣлѣ о развитіи французскаго федерализма.

лей союзъ людей извѣстной страны. Надъ государствомъ не существуетъ высшаго, рядомъ съ ними одинаково высокаго человѣческаго общенія; оно есть совершенный союзъ. Отдѣльное государство для лицъ, которыхъ оно заключаетъ, есть совершенный союзъ. На одной и той же территоріи не мыслимо государство въ государствѣ, такъ какъ двойной совершенный союзъ есть contradictio in adjecto. Дѣленіе суверенитета равносильно его уничтоженію; государство не можетъ быть только относительно суверенным. Разница здѣсь можетъ быть только въ осуществленіи, пользованіи суверенными правами.

Между тѣмъ понятіе федеральнаго государства приводитъ, повидимому, неизбѣжно къ признанію или дѣленія суверенитета или совмѣстнаго дѣйствія двухъ суверенитетовъ. Всякое государственное образованіе, которое обыкновенно обозначается именемъ федеральнаго государства, должно быть или простымъ государствомъ или конфедераціей государства. Въ частности, Соединенные Штаты, Швейцарія и Германская имперія, по своей юридической природѣ, по мнѣнію Зейделя, суть конфедераціи (Kommentar, 2 изд., стр. 6 и 23). Всѣ эти политическіе союзы, отъ слабаго союзнаго состоянія, перешли (Америка отъ 1781 до 1788 г., Швейцарія отъ 1815 до 1848, Германія отъ 1815 до 1867 и 1871 г.) къ болѣе тѣсному объединенію путемъ договора объединяющихся государствъ, почему эти послѣднія и сохраняютъ свой полный суверенитетъ. Подтвержденіе тому, что и Соединенные Штаты и Швейцарія и Германія суть конфедераціи, а не государства, Зейдель видитъ въ томъ способѣ, какимъ образуются органы союзной власти во всѣхъ этихъ трехъ союзахъ. И сенатъ и палата представителей въ Америкѣ составляются такъ, что они являются представительствомъ отдѣльныхъ государствъ, а не всего американскаго народа, тоже нужно сказать и о національномъ совѣтѣ Швейцаріи и союзномъ совѣтѣ Гер-

маній (германскій же рейхстагъ, по мнѣнію Зейделя, суверенитета не имѣетъ).

Во всѣхъ этихъ конфедеративныхъ союзахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, Швейцаріи и Германіи, отдѣльные штаты не являются подчиненными частями союза, такъ какъ именно они и составляютъ союзъ; но они и не стоятъ выше союза, такъ какъ отдѣльный членъ союза договорно соподчиненъ всякому другому члену союза. Союзныя государства являются равными другъ другу. Въ общихъ дѣлахъ воля совокупности есть воля отдѣльнаго государства; союзная власть есть власть всѣхъ и потому также и власть каждаго члена. Такъ какъ союзъ есть только совокупность конфедерированныхъ государствъ и ничего болѣе, и отдѣльное государство къ союзу стоитъ въ договорномъ отношеніи, то оно можетъ, въ качествѣ государства, быть виновнымъ въ отношеніи къ союзу своими неправомѣрными дѣйствіями только въ нарушеніи договора.

Конфедерація государствъ опредѣляется Зейделемъ, какъ длительное соединеніе государствъ съ цѣлью общаго совмѣстнаго пользованія отдѣльными суверенными правами. Родъ и число этихъ верховныхъ правъ можетъ быть любымъ. Если нѣсколько государствъ имѣютъ настолько длительные общіе интересы, что образуютъ между собою союзъ, то, естественно, къ числу союзныхъ цѣлей относится и общая защита противъ другихъ государствъ.

Конфедерація государствъ покоится на договорѣ союзныхъ государственныхъ властей. Такъ какъ договоръ даетъ основаніе лишь отношеніямъ обязательственнымъ, то суверенитетъ союзниковъ остается неприкосновеннымъ. Если бы суверенитетъ членовъ уничтожался при вступленіи ихъ въ союзъ, то не было бы и никакого союза. Естественно, что конфедераціи заключаются не на опредѣленное, очень короткое время, но вовсе не необходимо, чтобы онѣ заключались на „вѣчныя времена“. Если это послѣднее и дѣлается, то это

обозначаетъ только то, что государства отказываются отъ права выйти изъ союза. Но и это не имѣетъ непреложнаго значенія, такъ какъ и въ этомъ случаѣ по единогласному рѣшенію всѣхъ договаривающихся сторонъ союзъ можетъ быть расторгнутъ.

Та власть, которую союзники осуществляютъ сообща, есть союзная власть, но эта власть не является господствующей надъ государственными властями, она есть только объединенная, въ извѣстной области совокупная воля государственныхъ властей. Ничего въ этомъ не мѣняетъ и то, что союзная власть дѣйствуетъ черезъ опредѣленные органы. Власть этихъ органовъ не собственная, а получается отъ союзниковъ. Когда при заключеніи союза создаются общіе органы и рѣшенія этихъ органовъ получаются по принципу большинства, то отъ этого не нарушается договорный характеръ отношеній. Почти всѣмъ общественнымъ отношеніямъ свойственно, что они рѣшаются, въ большей или меньшей степени, волею большинства. Но изъ этого не создаются отношенія господства. Члены большинства, воля которыхъ рѣшаетъ, не господствуютъ, а соподчинены членамъ меньшинства. Съ юридической точки зрѣнія воля общества не есть воля большинства, а воля всѣхъ. Ни одинъ членъ союза самъ по себѣ не имѣетъ права свою волю выставлять какъ опредѣляющую для общенія. Большинство образуется то изъ тѣхъ, то изъ другихъ членовъ. Тотъ фактъ, что воля постояннаго и сплоченнаго большинства можетъ оказаться господствующей надъ меньшинствомъ, относится къ области теоретическихъ политическихъ явленій, а не публичнаго права.

Зейдель отличалъ два рода конфедерацій: конфедераціи, въ которыхъ суверенныя права осуществляются одинаково всѣми государствами, и конфедераціи, гдѣ они осуществляются сообща. Въ первомъ случаѣ союзныя рѣшенія приводятся въ исполненіе каждымъ отдѣльнымъ государствомъ, и единство здѣсь достигается равенствомъ

дѣйствій. Во второмъ существуютъ органы совокупнаго дѣйствія. Въ первомъ случаѣ союзъ можетъ довольствоваться самой простой конституціей и свести правительственную организацію къ собранію уполномоченныхъ отдѣльныхъ государствъ. Во второмъ случаѣ необходимы общіе органы, которые предпринимали бы государственные акты. Въ первомъ случаѣ рѣшенія союзнаго органа не имѣютъ непосредственнаго дѣйствія, они должны быть приведены въ исполненіе государственными органами отдѣльныхъ государствъ. Во второмъ случаѣ имѣются союзные органы для непосредственнаго дѣйствія. Обыкновенно, въ дѣйствительности, раздѣленіе это не проведено абсолютно; различныя суверенныя права осуществляются то равно, то совмѣстно. Къ важному различію между конфедераціями относится, имѣетъ ли союзъ въ виду совмѣстное законодательство или нѣтъ. Иногда союзы устанавливаются только для объединенія политики и внѣшней защиты; таковы были конфедераціи древности и среднихъ вѣковъ, Соединенные Нидерланды, Швейцарскій союзъ до конца XVIII в., и въ 1815—1848, С. Штаты въ 1778—1787, Рейнская конфедерація, Германскій союзъ послѣ 1815 г. Иногда же союзы устанавливаются для обширной общей дѣятельности внутри объединенныхъ государствъ.

Исходя изъ вполнѣ правильнаго положенія о недѣлимости суверенитета, теорія Кальгуна-Зейделя невѣрно однако понимаетъ эту недѣлимость, что́ объясняется недостаточнымъ вниманіемъ какъ къ природѣ суверенитета, такъ и къ своеобразной формѣ образованія федеральнаго суверенитета. Теорія Кальгуна-Зейделя правильна въ томъ смыслѣ, что не можетъ въ одномъ государственномъ соединеніи быть нѣсколькихъ суверенитетовъ, кромѣ какъ при конфедеративномъ суверенитетѣ, гдѣ каждое соединяющееся государство сохраняетъ полностью свою независимость и верховенство. Изъ этого вполнѣ правильнаго положенія представители указанной теоріи сдѣлали тотъ безусловно ошибочный выводъ,

что федеральное государство есть въ сущности конфедерація государствъ, и что каждый штатъ остается суверенным. Казалось бы, естественнѣе было сдѣлать противоположный выводъ и признать, что суверенно только федеральное государство. Такой выводъ возможенъ былъ только при полномъ непониманіи какъ синтетической сущности суверенитета, такъ и дуалистической природы федеральнаго государства. Суверенитетъ единъ; но онъ образуется изъ синтеза многихъ правительственныхъ функцій. Сущность федеральнаго государства въ томъ, что этотъ синтезъ власти образуется особымъ дуалистическимъ образомъ.

При доказательствѣ своего положенія Кальгунъ и за нимъ Зейдель особое значеніе придавали договорному происхожденію федеральнаго государства. Они разсуждали такъ: федеральное государство возникаетъ изъ договора, слѣдовательно, оно и въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи покоится на договорѣ; штаты связаны между собою договорными отношеніями, и потому они не могутъ быть подчиненными волѣ того союза, который они образуютъ. Но все это разсужденіе не выдерживаетъ критики. Федеральное государство возникаетъ часто изъ договора самостоятельныхъ государствъ; но этотъ договоръ направленъ бываетъ на образованіе общесоюзной конституціи и на подчиненіе членовъ союзной власти. Договоръ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду добровольный отказъ государствъ отъ своихъ правъ и своего верховенства. Совершенно произвольно выводить изъ факта такого договора продолжающееся обладаніе штатовъ своимъ суверенитетомъ и сохраненіе договорныхъ отношеній. Если, скажемъ, по договору Россія уступила Соединеннымъ Штатамъ Аляску, то изъ этого не вытекаетъ, что она можетъ отказаться отъ этого договора и потребовать эту страну обратно. Точно также если договоръ направленъ не на уступку территоріи, а на ограниченіе своей свободы, то онъ обосновываетъ это ограниченіе, и

не отъ стороны, отрекшейся отъ своего верховенства, зависитъ снова вернуться къ своему прежнему состоянію. О сохраненіи суверенитета можно говорить только при такихъ договорныхъ соединеніяхъ, гдѣ нѣтъ договора о подчиненіи и объ отказѣ отъ суверенитета, какъ, напр., въ конфедераціяхъ.

Федеральныя государства покоятся на конституціяхъ, а не на договорахъ; но эти конституціи могутъ возникать изъ самыхъ разнообразныхъ основаній, юридическихъ и не юридическихъ. Очень часто онѣ возникаютъ изъ договоровъ и соглашеній, часто изъ завоеваній, нерѣдко также и изъ односторонніхъ волеизъявленій.

Утверждать существованіе суверенитета отдѣльныхъ штатовъ въ федеральномъ государствѣ значитъ противорѣчить всякому позитивному федеральному праву, такъ какъ во всѣхъ исторически существующихъ федеральныхъ государствахъ общесоюзной власти принадлежитъ право, при извѣстныхъ условіяхъ, расширять свою компетенцію, хотя бы это расширеніе даже низводило штаты на положеніе простыхъ провинцій. Несогласіе штата, какъ такового, не можетъ сдѣлать ничтожнымъ такое расширеніе союзной компетенціи; слѣдовательно, нельзя и говорить о суверенитетѣ штатовъ. Въ федеральныхъ государствахъ не всѣ союзные органы представляютъ лишь штаты, какъ это должно было бы быть при ихъ суверенитетѣ, но существуютъ въ нихъ и общесоюзные органы (рейхстагъ, палаты депутатовъ и т. д.) которые представляютъ весь народъ федеральнаго государства. Знакомство съ общимъ духомъ какъ сѣверо-американской, такъ и германской конституцій не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что суверенитетъ въ нихъ принадлежитъ не отдѣльнымъ штатамъ, а всему союзу, какъ таковому. Въ Соединенныхъ Штатахъ союзная власть издаетъ законы, ихъ приводитъ въ исполненіе; федеральный судъ рѣшаетъ споры о компетенціи между штатами

и союзомъ; какъ же въ такомъ случаѣ можно говорить о суверенитетѣ отдѣльныхъ штатовъ?

Сепаративныя теоріи федерализма въ сущности являются отрицаніемъ всякой федеральной организаціи. Принужденныя признавать или унитарныя государства или конфедеративныя соединенія, теоріи эти не въ силахъ были понять и объяснить юридическую природу такъ называемыхъ федеральныхъ государствъ, вродѣ Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ, Германіи. Въ этомъ случаѣ онѣ вынуждены были рѣзко разойтись съ дѣйствительностью, объявивши ихъ за конфедеративныя соединенія. Вообще эти теоріи, посколько онѣ не скрываютъ въ себѣ лишь политическія пожеланія, могутъ служить примѣромъ чисто кабинетнаго дедуктивнаго юридическаго построенія. Утверждать, исходя изъ абстрактнаго принципа государственнаго суверенитета (къ тому же невѣрно понятаго), что, напримѣръ, штаты Германской имперіи суть государства, а Германская имперія — не государство, значитъ нисколько не считаться съ реальною жизнью.

III.

Теоретическая неудовлетворительность какъ федеративныхъ теорій, исходящихъ изъ идеи дѣлимости суверенитета, такъ и федеративныхъ теорій, признающихъ отдѣльные штаты суверенными государствами, привела къ тому, что въ юридической литературѣ послѣднее время стало утверждаться воззрѣніе, признающее суверенной одну союзную, федеральную власть и отрицающее суверенитетъ составныхъ частей федераціи. Эти теоріи полагаютъ, что въ федеральныхъ государствахъ есть одна суверенная власть, центральная власть союза. Эти теоріи по справедливости могутъ быть названы унитарными.

Унитарными мы называемъ эти теоріи не потому, что онѣ не признаютъ особаго положенія штатовъ и низводятъ ихъ на

положеніе простыхъ провинцій, — большинство изъ нихъ наоборотъ утверждаетъ (совершенно впрочемъ неправильно) даже государственный характеръ штатовъ, — а потому, что онѣ такъ конструируютъ юридическую природу федеральнаго государства, что неизбѣжнымъ (хотя, быть можетъ, для нихъ и нежелательнымъ) выводомъ должно быть уподобленіе федеральнаго государства унитарному. Государственно-подобный характеръ штатовъ, утверждаемый ими, отпадаетъ, такъ какъ невѣрно дается признакъ государства. Суверенитетъ признается принадлежностью лишь федеральнаго государства. И вотъ это то федеральное государство конструируется унитарно; это есть цѣлое соединенныхъ штатовъ (т. е. центральная федеральная власть). Въ такомъ смыслѣ каждое унитарное государство есть цѣлое, частями котораго являются провинціи, общины, отдѣльные граждане. Это положеніе, какъ увидимъ, невѣрно: въ федеральномъ государствѣ суверенитетъ не принадлежитъ ни союзу, какъ таковому, ни отдѣльнымъ штатамъ, а лишь совмѣстно и власти союза и власти штатовъ.

Классически унитарная теорія была изложена Лабандомъ и Еллинекомъ. Всѣ государственныя соединенія, по этой теоріи, какъ бы они ни были различны по организаціи и цѣли, могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ: они или договорныя (международно-правовыя) или корпоративныя (государственно-правовыя). Различіе между этими категоріями то же самое, что въ области частнаго права между юридическимъ лицомъ и обществомъ. Юридическое лицо есть субъектъ права, общество — правоотношеніе. Точно такъ же конфедерація государствъ есть правоотношеніе между государствами, а не субъектъ правъ; федеративное государство, напротивъ, есть организованное единство, лицо, а не правоотношеніе. Конфедерація государствъ, какія бы обширныя и значительныя функціи ей ни были предоставлены, по своей юридической природѣ есть образованіе международнаго права, а не государственнаго; напротивъ всякое государство, какъ бы слабы

ни были его строеніе и связь его членовъ, исключаетъ въ предѣлахъ своей организаціи примѣненіе принциповъ международнаго права. Юридическое основаніе государственнаго соединенія, какъ общества, есть договоръ; юридическое основаніе государства, какъ корпораціи частнаго права, есть конституція, статутъ. Юридическая личность государства состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ собственныя права суверенитета для выполненія своей задачи и обязанностей и независимую суверенную волю. Именно въ этомъ лежитъ пунктъ различія между всякими формами государствъ, съ одной стороны, и всякими формами междугосударственныхъ соединеній съ другой. Въ конфедераціи государствъ воля союза есть выраженіе общей воли членовъ, даже и тогда, когда установлено, чтобы меньшинство сообразовало свою волю съ волей большинства. Напротивъ въ государствѣ федеральномъ, какъ и вообще въ государствѣ, воля государства отличается отъ воли его членовъ; она не является суммой ихъ воль, но волей независимой отъ нихъ, даже и тогда, когда они призваны способствовать образованію этой воли. Въ конфедераціи публичныя права суверенитета отдѣльныхъ соединившихся государствъ принадлежатъ каждому на его территоріи, хотя бы было установлено пользованіе этими правами сообща или съ общаго согласія. Въ федеральномъ же государствѣ существующія верховныя права не суть права его членовъ, которыми оно пользуется только въ качествѣ общаго администратора для всѣхъ, но эти права принадлежатъ самостоятельно государству; члены не имѣютъ въ нихъ никакого участія, даже когда призваны пользоваться ими. Права федеральнаго государства не являются правами членовъ-государствъ а правами государства надъ членами. Изъ этого слѣдуетъ, что при международно-правовомъ соединеніи государствъ (конфедераціяхъ) члены его сами являются собственниками верховной юридической власти, въ то время какъ при соединеніи государствъ въ одно слож-

ное государственное существо (федеральное государство) есть налицо власть, которая находится надъ государствами-членами и ими юридически властвуетъ; послѣднія же верховной власти не имѣютъ. Высшую верховную власть, которая никакой другой надъ собой не имѣетъ, мы называемъ суверенной. Существенное различіе между союзомъ государствъ (конфедераціей), регулируемымъ международнымъ правомъ, и конституціонно-организованнымъ, корпоративнымъ федеральнымъ государствомъ состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что въ первомъ суверенна власть отдѣльнаго государства, въ послѣднемъ — центральная власть (Das Staatsrecht des deutschen Reiches, 1895, I, 50 и сл.).

Особенность федеральнаго государства, по мнѣнію Лабанда, заключается въ томъ, что это государство есть какъ бы республика, граждане которой — сами государства, и суверенитетъ которой образуется совокупностью этихъ государствъ, разсматриваемой какъ единство (I, 56). Каждое государство-членъ, взятое отдѣльно, не суверенно, но оно совмѣстно съ другими образуетъ федеральный суверенитетъ. Какимъ же образомъ можно называть штаты государствами, если имъ не принадлежитъ суверенитетъ? Это возможно, такъ какъ характерный признакъ государства, по мнѣнію Лабанда, какъ мы знаемъ, вовсе не въ суверенитетѣ, а въ собственномъ правѣ властвованія, причемъ логическое удареніе падаетъ не на собственное право, такъ какъ безъ суверенитета совершенно невозможно отстоять какое-нибудь дѣйствительно собственное право, а на право властвованія.

Близко приближающихся къ теоріи Лабанда взглядовъ придерживался и Еллинекъ. Для него, конфедерація государствъ есть постоянное, основанное на соглашеніи соединеніе независимыхъ государствъ, имѣющее федеральную власть, но эта федеральная власть, призванная къ управленію дѣлами союза, не есть государственная власть. Она не

имѣетъ imperium'а надъ государствами союза, такъ какъ въ ея распоряженіи нѣтъ государственно-правовыхъ средствъ для принудительнаго осуществленія своей воли (Право современнаго государства, 1908, стр. 564). Федеральное же государство есть „образованное изъ нѣсколькихъ государствъ суверенное государство, государственная власть котораго исходитъ отъ его отдѣльныхъ членовъ, связанныхъ въ одно государственное единство. Оно представляетъ государственно-правовое соединеніе государствъ, установляющее надъ соединенными государствами господство, участниками котораго всегда являются однако сами государства (стр. 569). „Федеральное государство есть государство, въ которомъ суверенная государственная власть конституціонно такъ раздѣляетъ совокупность входящихъ въ ея сферу функцій, что сама она для собственнаго осуществленія удерживаетъ лишь опредѣленное количество ихъ, остатокъ же передаетъ несуверенным государствамъ-членамъ, создаваемымъ такимъ конституціоннымъ опредѣленіемъ самостоятельной государственной власти; этотъ остатокъ государственныхъ функцій передается государствамъ-членамъ безъ контроля какъ надъ установленіемъ въ ихъ предѣлахъ регулирующихъ нормъ такъ и надъ самимъ способомъ ихъ осуществленія, лишь бы это совершалось въ предѣлахъ установленныхъ конституціонныхъ границъ (Die Lehre von Staatenverbindungen, стр. 278).

Конфедерація государствъ имѣетъ свои границы въ суверенитетѣ членовъ союза, а федеральное государство въ суверенитетѣ центральной власти. Для понятія федеральнаго государства необходимы три момента: суверенитетъ центральной власти, прямое подчиненіе ей народа и существованіе государствъ-членовъ. Всѣ остальные критеріи федеральнаго государства безразличны (стр. 291). Приписываніе государственнаго характера отдѣльнымъ штатамъ федеральнаго государства возможно только при отрицаніи суверени-

тета, какъ принадлежности государства. Государственная власть, по Еллинеку, — первоначальная господствующая власть, власть, господствующая въ силу собственнаго своего могущества и потому въ силу собственнаго права. Способность къ самоорганизаціи и автономіи, хотя бы и безъ обладанія суверенитета — вотъ существенный признакъ государства (Право современнаго государства, 1908, стр. 358 и сл. [1]).

По нашему мнѣнію, всѣ эти унитарныя теоріи, видящія признакъ федеральнаго соединенія не въ своеобразной организаціи суверенной власти, а въ особыхъ свойствахъ федерировавшихся членовъ, ошибочны потому, что онѣ не понимаютъ своеобразной природы федеральнаго суверенитета и не объясняютъ, чѣмъ отличается федеральное государство отъ другихъ политическихъ формъ.

Первое возраженіе, которое вызываютъ противъ себя федеративныя теоріи Лабанда и Еллинека и къ которому мы, въ согласіи съ нашимъ общимъ воззрѣніемъ на государство и суверенитетъ, вполнѣ присоединяемся, заключается въ томъ, что федеральное государство не состоитъ изъ государствъ. Для Лабанда и Еллинека и всѣхъ принимающихъ ихъ федеративную теорію характерно именно это утвержденіе государственнаго характера за штатами, хотя бы и не суверенными.

---

1) Теорія Лабанда-Еллинека принята почти всѣми русскими юристами. См. Сокольскій, Краткій учебникъ русскаго государственнаго права, 1890, стр. 12—13; Горенбергъ, Теорія союзнаго государства въ трудахъ публицистовъ Германіи, 1891, стр. 212 и сл.; Пергаментъ, Юридическая природа реальной уніи, 1893, стр. 70—75; Коркуновъ, Русское государственное право, I, 1901, (1 изд. 1893) стр. 144—149; Котляревскій, Конституціонное государство, 1907, стр. 64; Кокошкинъ, Русское государственное право, II, 1908, стр. 148—154; Корфъ, Федерализмъ, 1908, стр. 76—77; Паліенко, Ученіе о существѣ права, 1908, стр. 315; Нольде, Очерки русскаго государственнаго права, 1911, стр. 273—276; Байковъ, Междувластныя и властныя отношенія, 1912, стр. 363—368. См. о нихъ ниже, въ отдѣлѣ о развитіи русскаго федерализма.

Но здѣсь мы попадаемъ въ то безвыходное положеніе, въ которое всегдо попадаютъ, когда пытаются найти существенный признакъ государства внѣ суверенитета. Если мы признаемъ, что въ федеральномъ государствѣ суверенна центральная власть, а федерировавшіеся члены всего союза суть несуверенныя государства, то мы не сумѣемъ найти, по какому юридическому критерію можно различать несуверенныя государства, члены федеральнаго государства, отъ децентрализованныхъ и самоуправляющихся областей унитарнаго государства. Авторы, придерживавшіеся этой теоріи, напрасно искали такого критерія. Полную тщетность этихъ попытокъ мы подробно показали въ предшествующей главѣ, изучая вопросъ о суверенитетѣ, какъ о существенномъ признакѣ государства. Критеріемъ разграниченія федерированыхъ государствъ отъ автономныхъ областей не можетъ быть ни первоначальное право властвованія, ни право самоорганизаціи, ни право на юридически неприкосновенную сферу компетенціи, и т. д. Мы не будемъ возвращаться ко всѣмъ тѣмъ возраженіямъ, которыя вызвали у насъ указанныя попытки. Въ этомъ не представляется особенной нужды еще и потому, что въ концѣ концовъ не утвержденіе государственнаго характера за штатами федеральнаго государства есть основной недостатокъ унитарныхъ теорій. Можно согласиться въ спорѣ изъ-за словъ и признать, что не важно, какъ будутъ названы штаты, государствами или другимъ какимъ-нибудь словомъ; существенно, что̀ за этимъ названіемъ скрывается. То же, что́ подъ этой оболочкой находится, носитъ очень мало государственно-подобный характеръ. Отвергнувши суверенитетъ и перенеся его на федеральную власть, тщетно будемъ пытаться очертить какую-то особенную неприкосновенную сферу власти штатовъ; всѣ эти права на самоорганизацію, на первоначальное и собственное властваніе ничѣмъ не отличаются, какъ таковыя, отъ самой обычной автономіи и областного самоуправленія; и

они никакъ поэтому не могутъ дать своеобразнаго признака чисто федеральнаго государства. Основной порокъ унитарныхъ теорій Лабанда, Еллинека и др. заключается именно въ непониманіи того, какъ специфически особенно образуется суверенная власть въ федеральныхъ соединеніяхъ. Суверенная воля федеральнаго государства образуется участниками союза, штатами. Вотъ все, что видятъ онѣ въ образованіи федеральнаго суверенитета. Но вѣдь и суверенная власть всякаго унитарнаго государства образуется точно также изъ соединенной воли всѣхъ провинцій и отдѣльныхъ правоспособныхъ гражданъ. Своеобразная особенность федеральнаго суверенитета, какъ мы постараемся подробно обосновать ниже, заключается въ томъ, что суверенитетъ, не принадлежа ни федеральной власти ни штатамъ, образуется только какъ синтезъ изъ ихъ соединенія.

Унитарныя теоріи, опредѣляющія федеральное соединеніе какъ государство составленное изъ государствъ, не правы вдвойнѣ: и составныя части, штаты — не государства, и федеральный союзъ, какъ таковой, — не государство; государство только въ ихъ взаимодѣйствіи.

IV.

Ближе къ истинѣ другая унитарная теорія, которую можно назвать теоріей „участія“, такъ какъ она подъ федеральнымъ государствомъ разумѣетъ такое государство, въ которомъ извѣстное участіе въ образованіи суверенной воли предоставляется штатамъ, отличающимся, благодаря этому участію, отъ коммунъ и самоуправляющихся провинцій унитарнаго государства. Такова теорія Бореля, такова теорія и Лефюра [1]).

По теоріи Бореля, государства, федерируясь, являются какъ бы органами націи въ созданіи новаго государства, и

1) Borel, Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif, 1886; Le Fur, Etat fédéral et confédération d'Etats, 1896.

это свойство національныхъ органовъ за ними сохраняется чрезъ участіе ихъ въ осуществленіи верховной федеральной государственной власти, будутъ ли они присоединяться къ суверенному органу для образованія національной воли, или будутъ, въ своей совокупности, сами образовывать этотъ суверенный органъ (стр. 171—177). Въ федеральномъ государствѣ, по мнѣнію Бореля, истинно государственный характеръ принадлежитъ одной центральной власти, единственно суверенной. „Суверенитетъ есть существенный элементъ государства; такъ какъ суверенным государствомъ является федеральное государство, то частныя государства, изъ которыхъ оно состоитъ, не государства въ юридическомъ смыслѣ слова. Называютъ ли ихъ кантонами, штатами или провинціями, они не представляютъ, съ точки зрѣнія публичнаго права, того верховнаго характера, который требуется правомъ для государства“ (стр. 103).

Лефюръ также вполнѣ согласенъ съ теоріей, что существенный признакъ федеральнаго государства заключается въ участіи штатовъ въ образованіи суверенной воли федеральнаго государства. Федеральное государство должно понимать, какъ корпорацію государствъ; слѣдовательно, государства-члены содѣйствуютъ образованію федеральнаго суверенитета; государства-члены въ федеральномъ государствѣ являются тѣмъ же, чѣмъ граждане въ унитарномъ демократически-построенномъ государствѣ (стр. 680—2).

Члены федеральнаго государства отличаются отъ автономныхъ провинцій унитарнаго государства тѣмъ, что они не только раздѣляютъ съ центральной властью, подобно автономнымъ провинціямъ, осуществленіе суверенитета на своей территоріи, но и участвуютъ, въ качествѣ членовъ федеральнаго государства въ самой сущности (субстанціи) суверенитета, въ образованіи воли федеральнаго государства въ цѣломъ. Благодаря особенной организаціи государственной власти, они участвуютъ въ суверенной власти въ качествѣ

органовъ федеральнаго государства. Именно въ этой особенной организаціи публичной власти слѣдуетъ видѣть существенную характерную черту федеральнаго государства, отличающую его отъ всякаго, самого децентрализованнаго, унитарнаго государства. И въ федеральномъ государствѣ существуетъ лишь одно государство, одинъ народъ, но этотъ народъ разсматривается то въ своей совокупности, то въ своей организаціи на частныя группировки. Каждое федерированное государство участвуетъ, какъ таковое въ суверенной волѣ, такъ какъ оно представлено въ одномъ изъ органовъ, которымъ врученъ федеральный суверенитетъ. „Федеральное государство, по опредѣленію Лефюра, есть государство, соединяющее въ себѣ двойной характеръ государства и федераціи публичныхъ коллективностей особой природы; эти послѣднія одновременно подобны и автономнымъ провинціямъ и гражданамъ республики; онѣ отличаются отъ другихъ несуверенныхъ коллективностей тѣмъ, что онѣ призваны принимать участіе въ образованіи воли государства, участвуя такимъ образомъ въ самой сущности федеральнаго суверенитета“ (стр. 679).

Эта теорія Бореля-Лефюра совершенно правильно отмѣчаетъ, что для существованія федеральнаго государства необходимо, чтобы каждая изъ федерированныхъ частей участвовала, какъ самостоятельный членъ, въ образованіи суверенной воли, но возведеніе понятія участія въ суверенной власти въ существенный признакъ федеральнаго государства не достаточно объясняетъ специфическую природу этого политическаго образованія. Того, что федерированныя части участвуютъ въ образованіи суверенной воли, еще мало для объясненія федеральнаго государства, такъ какъ и граждане, производя выборы въ парламентъ, участвуютъ въ образованіи суверенной воли и слѣдовательно въ самой сущности суверенитета, но отъ этого ни Франція, ни Россія не дѣлаются федеральными государствами.

Если каждый федерированный штатъ такъ же участвуетъ въ общемъ федеральномъ суверенитетѣ, какъ граждане избиратели участвуютъ въ образованіи національнаго суверенитета, тогда каждое государство должно быть признано федераціей отдѣльныхъ гражданъ, тогда нѣтъ вообще унитарныхъ государствъ. Очевидно, не самъ фактъ участія штатовъ въ образованіи суверенной власти составляетъ существенный признакъ федеральнаго государства. Въ унитарномъ государствѣ суверенитетъ принадлежитъ совокупности гражданъ, граждане въ большинствѣ случаевъ и участвуютъ въ образованіи этого суверенитета. Но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, что граждане имѣютъ, вслѣдствіе такого своего участія, субъективное право на участіе. Между тѣмъ штаты, участвующіе въ образованіи суверенной федеральной власти, предполагаются имѣющими неотъемлемое право на это участіе. Для того, чтобы политическое соединеніе было федеральнымъ, мало участія соединенныхъ частей въ образованіи общей суверенной воли (это имѣется во всѣхъ государствахъ), а необходимо, чтобы на ряду съ центральною властью союза, въ которой соединенныя части участвуютъ какъ члены цѣлаго, существовала и самостоятельная организація мѣстной власти, и чтобы суверенная власть получалась лишь отъ согласнаго направленія обѣихъ этихъ властей.

Характерный признакъ федеральнаго государства не просто въ участіи штатовъ при образованіи суверенной власти, — это имѣется, повторяемъ, во всѣхъ и унитарныхъ государствахъ, гдѣ есть народное представительство, — а въ ихъ двойномъ участіи, такъ что общее рѣшеніе всего народа, всѣхъ штатовъ еще не даетъ суверенной воли, а лишь согласіе такого общаго рѣшенія съ рѣшеніемъ штатовъ въ ихъ особности.

Хотя теорія участія ищетъ характерный признакъ федеральнаго суверенитета не въ дуалистическомъ образованіи

суверенитета (гдѣ бы надо было его искать), а въ участіи штатовъ въ сущности суверенитета, и тѣмъ эта теорія становится въ затруднительное положеніе при объясненіи, чѣмъ же отличается это участіе отъ участія какой-нибудь общины, имѣющей избирательныя права, однако эта теорія ближе всего подходитъ къ правильному пониманію природы федеративныхъ обществъ.

II. Дуалистическая федеративная теорія.

I. Полі-архическая природа конфедерализма. — II. Неорганизованныя конфедаральныя соединенія. — III. Конфедерація государствъ. — IV. Личныя уніи. — V. Дуалистическая природа федеральнаго государства. — VI. Правительственная организація федеральныхъ государствъ. — VII. Реальная унія, какъ особый видъ федеральнаго государства. — VIII. Разница федерализма и децентрализаціи. — IX. Распредѣленіе компетенціи въ федеральномъ государствѣ.

Разсмотрѣніе различныхъ теорій, предложенныхъ для объясненія природы федеративныхъ соединеній, должно было намъ показать, что вѣрнаго и что ошибочнаго въ ихъ односторонности.

Классическая теорія дѣлимости суверенитета совершенно правильно искала существенный признакъ федеральнаго соединенія въ своеобразной формѣ образованія суверенитета, но она невѣрно видѣла эту своеобразную форму въ простомъ раздѣлѣ суверенитета, что̀ логически невозможно.

Сепаративная теорія ошибочно искала своеобразность федеральнаго соединенія въ особенномъ положеніи отдѣльныхъ штатовъ и неправильно характеризовала это положеніе, хотя и вѣрно смотрѣла на природу суверенитета.

Унитарныя теоріи суверенитета федеральнаго государства, какъ и теоріи сепаративныя, ошибочно видѣли особенность федеральнаго государства въ своеобразномъ положеніи отдѣльныхъ штатовъ и неправильно характеризовали это положеніе, какъ государственное, хотя и вѣрно

отмѣчали, что суверенитетъ не принадлежитъ отдѣльнымъ штатамъ.

Наконецъ, теоріи „участія“ совершенно вѣрно обращали главное вниманіе, въ объясненіи природы федеративныхъ соединеній, на особый способъ образованія въ нихъ суверенной власти, но ошибочно видѣли эту своеобразность въ простомъ участіи штатовъ суверенной власти.

Юридическая природа федеральныхъ соединеній, отличающихся отъ унитарныхъ своеобразнымъ распредѣленіемъ правительственныхъ функцій, должна быть конструируема въ точномъ соотвѣтствіи съ понятіемъ политической власти и суверенитета. Такъ какъ суверенитетъ въ нашемъ пониманіи есть лишь синтезъ верховной правительственной власти, получающійся отъ совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ политическихъ органовъ, то и юридическая природа различнаго вида федеративныхъ соединеній должна получить свое объясненіе въ точномъ соотвѣтствіи съ такимъ пониманіемъ власти. Критика федеральныхъ теорій ясно намъ показала, какъ трудно и, пожалуй, даже невозможно обосновать федерализмъ съ точки зрѣнія господствующей теоріи государства, какъ юридической личности, и суверенитета, какъ единой и недѣлимой воли этой личности. Необходимо иное обоснованіе.

Постоянно федеративными теоріями различалось два вида федеративныхъ соединеній, — конфедераціи и федеральные союзы; эта основная классификація дѣйствительно соотвѣтствуетъ коренной разницѣ въ образованіи суверенной власти въ каждомъ изъ этихъ видовъ политической организаціи. Всякій политическій союзъ можетъ быть построенъ или на полі-архическомъ началѣ, т. е. допускать сосуществованіе нѣсколькихъ суверенныхъ властей (это конфедераціи), или на началѣ единовластія, т. е. допускать существованіе одной суверенной власти (это унитарныя государства), или, наконецъ, на дуалистиче-

скомъ началѣ, т. е. допускать особое сложное образованіе суверенной власти (это федеральныя государства).

I.

Когда политическія общества выходятъ изъ состоянія полной изолированности и вступаютъ въ правовое общеніе между собою, первая стадія политической объединенности есть конфедерація. Въ этомъ случаѣ политическія общества, въ частности государства, соединяясь, сохраняютъ свой суверенитетъ, т. е. независимость своей власти и право въ случаѣ юридическихъ споровъ съ другими обществами самостоятельно разрѣшать эти споры. Но и конфедеративный союзъ, образовавшійся изъ соединенія государствъ, тоже самостоятеленъ, какъ таковой, и независимъ по отношенію къ каждому изъ своихъ членовъ. Онъ также можетъ принимать тѣ рѣшенія, какія ему заблагоразсудятся, онъ также имѣетъ компетенцію разрѣшать возникающіе вопросы о правѣ. Каждому такому рѣшенію конфедеральной власти членъ конфедераціи можетъ не подчиниться, объявить его недѣйствующимъ по отношенію къ себѣ и въ случаѣ настойчиваго требованія со стороны конфедеральной власти выйти изъ общаго союза. Конфедеральная власть и власть конфедерированныхъ членовъ самостоятельны и независимы другъ по отношенію къ другу, и потому должно признать, что конфедераціи суть такія политическія соединенія, въ которыхъ имѣются на лицо и сосуществуютъ рядомъ и суверенитетъ всего союза и суверенитетъ отдѣльныхъ конфедерированныхъ частей. Въ изолированномъ политическомъ состояніи сосуществуютъ рядомъ суверенитеты отдѣльныхъ политическихъ обществъ, въ конфедераціяхъ къ нимъ прибавляется еще суверенитетъ всего союза.

Въ основаніи конфедераціи лежитъ не конституція, обязательная для всего союза и для каждаго его члена, неотмѣнимая отдѣльными членами, а свободное согла-

шеніе, договоръ отдѣльныхъ политическихъ общинъ. Такъ какъ толкованіе этого договора принадлежитъ каждой изъ согласившихся сторонъ, то „онѣ сохраняютъ свой суверенитетъ, свою свободу, свою независимость“ (какъ гласила ст. 2 конституціи Сѣверо-американской конфедераціи 1776 года).

Эти черты дѣлаютъ изъ конфедерализма юридическое выраженіе анархизма. Въ сущности анархизмъ, какъ онъ по крайней мѣрѣ нашелъ свое выраженіе въ теоріяхъ своихъ наиболѣе видныхъ представителей, Годвина, Прудона, Бакунина и Крапоткина, не отрицаетъ вполнѣ политической организованности и даже не отрицаетъ политической власти, но эту политическую власть онъ конструируетъ чисто конфедеративно, т. е. наряду съ существованіемъ общей политической власти каждымъ членомъ политическаго общенія сохраняется свой суверенитетъ.

Обыкновенно анархическія доктрины раздѣляются, съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ собственности, на индивидуалистическія и коммунистическія; но вопросъ о собственности не характеренъ для анархизма, и правильнѣе различать анархическія доктрины по отношенію ихъ къ власти и къ политической организаціи. Анархисты отрицаютъ государство и всякую другую организацію, какъ недобровольный, принудительный, юридическій союзъ людей, объединенныхъ верховною властью, но и они не отрицаютъ добровольныхъ, созданныхъ договоромъ, конвенціональныхъ союзовъ людей, объединенныхъ властью, установленною въ силу свободнаго соглашенія. Граница между авторитарными и анархическими союзами лишь въ значеніи договора. Если договоръ понимается только какъ основа возникновенія союза, и стороны, заключившія союзъ, теряютъ право во всякій моментъ по своему усмотрѣнію разорвать заключенный договоръ и выйти изъ союза, то мы имѣемъ авторитарную организацію; если же договоръ, лежащій въ основѣ союза, всегда зависитъ отъ воли отдѣльнаго лица,

сохраняющаго право во всякій моментъ выйти изъ него, то мы имѣемъ анархическое состояніе, юридически конструируемое какъ конфедерализмъ. Правда, наиболѣе послѣдовательные и крайніе анархисты отрицаютъ всякую опредѣленную, — добровольную или недобровольную, — форму общественной организаціи и стараются обосновать неограниченную свободу индивида. Направленіе это, обыкновенно извѣстное подъ именемъ индивидуалистическаго анархизма, правильнѣе должно быть названо анархическимъ аморфизмомъ. Но политическій аморфизмъ, какъ особенно подверженный критикѣ, какъ противорѣчащій и инстинктамъ человѣка и историческому процессу, занимаетъ въ общемъ скромное мѣсто среди анархическихъ доктринъ. Болѣе широкое, болѣе обоснованное и распространенное теченіе въ анархизмѣ представляетъ конфедерализмъ.

Творцомъ современнаго конфедеративнаго анархизма былъ Прудонъ. Для Прудона правильной политической организаціей общества была конфедеративная, въ только что опредѣленномъ нами смыслѣ слова, или, какъ онъ называлъ ее (неправильно), федеративная. Прудонъ опредѣлялъ конфедерацію (федерацію, по его терминологіи), какъ договоръ, посредствомъ котораго нѣсколько главъ семействъ или нѣсколько общинъ или нѣсколько группъ общинъ или государствъ взаимно и равно обязываются другъ передъ другомъ въ одномъ или въ нѣсколькихъ спеціальныхъ предметахъ, которые послѣ этого переходятъ въ спеціальное и исключительное вѣдѣніе делегатовъ конфедераціи. Договоръ, лежащій въ основѣ конфедераціи, долженъ носить реальный (а не фиктивный) характеръ. Это — положительный, дѣйствительный договоръ, реально предлагаемый, обсуждаемый, вотируемый, принимаемый и правомѣрно видоизмѣняемый по волѣ договаривающихся лицъ. Дальнѣйшей характерной чертой федеративнаго договора является, по мысли Прудона, то, что договаривающіяся лица не только

взаимно обязываются другъ передъ другомъ, но, заключая контрактъ, индивидуально сохраняютъ за собою болѣе правъ свободы, власти, собственности, чѣмъ уступаютъ. Власть, обязанная выполнять этотъ договоръ, никогда не можетъ вполнѣ господствовать надъ составными частями союза, т. е. конфедеративныя права никогда не могутъ ни въ числѣ, ни въ значеніи превосходить правъ общинныхъ или провинціальныхъ властей, точно такъ же какъ послѣднія не могутъ превосходить правъ и прерогативъ человѣка и гражданина.

Конфедеративная система для Прудона есть противоположность іерархіи или административной и правительственной централизаціи, которою отличаются имперскія демократіи, конституціонныя монархіи и унитарныя республики. Ея основной принципъ заключается въ томъ, что въ конфедераціи права центральной власти спеціализируются, ограничиваются, уменьшаются въ числѣ, непосредственности и, если можно такъ выразиться, въ интенсивности, по мѣрѣ того какъ конфедерація развивается черезъ присоединеніе къ ней новыхъ государствъ. Конфедерація въ точномъ смыслѣ слова — не государство: это — группа суверенныхъ и независимыхъ союзовъ, соединенныхъ договоромъ взаимной гарантіи. Конфедеральная конституція также не то, что разумѣется подъ хартіей или конституціей и что является краткимъ изложеніемъ публичнаго права страны; это — контрактъ, содержащій условія соединенія, т. е. взаимныя права и обязанности вступившихъ въ договоръ союзовъ. То, что называютъ конфедеративною властью, не является правительствомъ: это — агентство, созданное договорившимися сторонами для совмѣстнаго выполненія извѣстныхъ политическихъ функцій, отъ которыхъ каждая отказывается и которыя такимъ образомъ входятъ въ компетенцію федеральной власти (Du principe fédératif, 1863, стр. 47 и сл.).

Анархизмъ, признающій конфедерацію, какъ форму политическаго общенія людей, въ сущности, какъ видимъ, не

отрицаетъ начала власти и не можетъ быть поэтому называемъ ан-архизмомъ. Конфедерація есть политическое общеніе людей, допускающее сосуществованіе ряда независимыхъ властей и поэтому по справедливости она должна быть называема полі-архическимъ политическимъ соединеніемъ. Анархизмъ есть теорія не полнаго безвластія, а многовластія, полі-архіи, гдѣ независимая власть союза имѣетъ рядомъ съ собою независимыя власти его частей.

II.

Въ области конфедеративныхъ соединеній можно установить два основныхъ типа, — неорганизованныя и организованныя конфедеральныя соединенія. Неорганизованныя конфедераціи это тѣ, гдѣ договорное соединеніе не выражается въ самостоятельной постоянной организаціи, дѣлающей изъ конфедеративнаго союза самостоятельное и суверенное юридическое цѣлое, а гдѣ этотъ союзъ есть неорганизованное общество, общая власть котораго получается лишь отъ коллективнаго согласнаго акта всѣхъ соучастниковъ.

Къ такого рода неорганизованнымъ конфедераціямъ принадлежитъ прежде всего современное международное общеніе, которое хотя и имѣетъ различныя органы для выраженія общей воли, но эти органы осуществляютъ лишь отдѣльныя, частныя функціи общей власти, а не всю власть международнаго общенія, какъ такового. Международное общеніе современныхъ цивилизованныхъ государствъ есть наиболѣе классическое и характерное выраженіе неорганизованной конфедераціи, съ суверенными составными частями и неорганизованною, хотя и несомнѣнною коллективною властью. Какъ свое теоретическое выраженіе и политическую защиту конфедерализмъ находитъ въ анархическихъ ученіяхъ, такъ свое практическое осуществленіе онъ получаетъ въ международно-правовомъ общеніи.

Международно-правовое общеніе, нося само по себѣ конфедеративный характеръ, представляетъ цѣлую сложную сѣть болѣе тѣсныхъ конфедеративныхъ образованій. Сюда относятся всякаго рода временные, имѣющіе въ виду лишь спеціальную цѣль альянсы государствъ, вродѣ современныхъ тройственнаго альянса Германіи, Австро-Венгріи и Италіи и двойственнаго альянса Россіи и Франціи, или Священнаго союза въ началѣ XIX вѣка. Всякаго рода альянсы носятъ лишь случайный и преходящій характеръ, но нельзя отрицать того, что на ряду съ властью отдѣльныхъ государствъ въ этихъ соединеніяхъ существуетъ и общая, хотя и неорганизованная, власть альянса. Несомнѣнно, Священный союзъ обладалъ властью ему свойственной, независимо отъ суверенной власти каждаго изъ входившихъ въ него государствъ. Мы полагаемъ, что всякій постоянный альянсъ есть неорганизованная конфедерація государствъ. Аналогія ясно сказывается, когда такимъ альянсомъ объединено не два государства, а нѣсколько, такъ какъ при альянсѣ двухъ государствъ внѣ каждаго государства существуетъ лишь власть другого государства, и нельзя говорить о власти союза, какъ такового.

Особый видъ неорганизованнаго конфедеративнаго соединенія представляетъ междугосударственный протекторатъ, т. е. договорное отношеніе между двумя государствами, по которому одно государство обязывается защищать другое отъ внѣшнихъ нападеній, а другое взамѣнъ этого предоставляетъ первому различныя преимущества и обязуется не дѣйствовать противъ него. Отъ этого протектората, соединяющаго два государства, принадлежащія международно-правовому общенію, нужно отличать государственный протекторатъ, когда страна принимающая протекторатъ, не принадлежитъ къ числу государствъ, признанныхъ въ международномъ общеніи. Въ этомъ послѣднемъ соединеніи политическій союзъ, находящійся подъ протекторатомъ, не имѣетъ государственнаго суверенитета и его отно-

шенія со своимъ протекторомъ входятъ во внутренне-государственное устройство этого послѣдняго. Суверенитетъ принадлежитъ въ этомъ случаѣ протектору, который и можетъ, если пожелаетъ, на мѣсто протектората установить любыя отношенія, вплоть до полнаго присоединенія. Такіе государственно-правовые протектораты устанавливаются обыкновенно цивилизованными государствами надъ нецивилизованными и являются переходомъ къ организаціи колоніальнаго управленія. Отношенія зависимости, основывающіяся на началахъ государственнаго властвованія, лишаютъ въ этихъ соединеніяхъ суверенитета подвластные союзы, и потому такія соединенія входятъ въ область децентрализаціи унитарнаго государства.

Но отношенія зависимости, основывающіяся на международно-правовомъ договорѣ, характерномъ для международно-правового протектората, хотя и ставятъ нѣкоторыя ограниченія протежируемому государству, но сохраняютъ его суверенитетъ. Споры между нимъ и его протекторомъ суть обычные междугосударственные споры, въ которыхъ каждая сторона есть судья, рѣшающій окончательно вопросъ, и столкновенія носятъ характеръ обычной международной войны. Таково было отношеніе Болгаріи и Турціи, и Болгарія, отказавшись въ 1908 г. отъ протектората Турціи, лишь показала, что она намѣрена воспользоваться вполнѣ ей принадлежащей суверенною властью [1]).

1) Мы полагаемъ, что говорить о „полусуверенитетѣ“, какъ объ особомъ юридическомъ понятіи, есть логическій абсурдъ. Суверенитетъ, какъ верховная власть, недѣлимъ по существу. Такое отсутствіе пониманія существенныхъ свойствъ суверенитета и полное смѣшеніе понятій находимъ мы, напр., у Boghitchévitch, Halbsouveränität. Administrative und politische Autonomie seit dem Pariser Vertrage, Berlin, 1903 (Ср. напр. стр. 189—190, гдѣ авторъ полагаетъ, что „полусуверенныя“ государства, къ которымъ авторъ относитъ и Болгарію, международно-правовой личности не имѣютъ, а протежируемыя государства, къ которымъ относятся африканскіе и восточно-азіатскіе народцы, являются субъектами международнаго права!).

III.

Когда въ конфедераціи союзная власть закрѣпляется въ особыхъ постоянныхъ органахъ и получаетъ самостоятельное существованіе, тогда конфедерація пріобрѣтаетъ организованный характеръ. Къ организованнымъ конфедеральнымъ соединеніямъ относятся нерѣдко встрѣчавшіяся въ исторіи, но исчезнувшія въ настоящее время конфедераціи государствъ и такъ называемыя личныя уніи.

Извѣстными и изученными примѣрами государственныхъ конфедерацій были Соединенныя провинціи Нидерландъ (1579—1795), Швейцарская конфедерація (до 1848 г.), Сѣверо-американская конфедерація (1776—1787), Германскій союзъ (1815—1866).

Черезъ всю исторію ученія о конфедераціяхъ государствъ проходитъ основной споръ, есть ли конфедерація лишь общество государствъ, societas, правоотношеніе, безъ суверенной власти надъ своими членами, или корпорація, universitas, юридическое лицо, обладающее самостоятельной суверенной властью. По нашему мнѣнію, и то и другое воззрѣніе односторонне.

Конфедерація государствъ есть правоотношеніе, а не юридическое лицо, таково мнѣніе Лабанда, Еллинека и др.[1]). Конфедеральная власть не имѣетъ государственно-правовыхъ средствъ для принудительнаго осуществленія своей воли и, слѣдовательно, находится съ составляющими ее государствами лишь въ правоотношеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя въ области частнаго права существуютъ между членами общества; отношенія эти чисто договорныя, а не корпоративныя. Это отрицаніе за конфедераціями характера юри-

1) Чтобы не нарушать ясности изложенія, мы опускаемъ, по возможности, въ этой главѣ всякія литературныя ссылки. Подробно вся юридическая и политическая литература, имѣющая отношеніе къ федеративнымъ соединеніямъ, будетъ нами разсмотрѣна въ слѣдующей главѣ.

дическаго лица непосредственно связано съ пониманіемъ публично-правового субъекта, какъ лица, обладающаго правомъ властвованія по отношенію къ составляющимъ его частямъ, которыя являются лишь органами для выраженія общей воли личности. Это полное отрицаніе международно-правовой личности конфедераціи, поддерживаемое нѣкоторыми теоретиками государственнаго права, обычно чуждо представителямъ международнаго права, ясно знающимъ изъ международной практики, что въ международномъ оборотѣ конфедераціи всегда выступали, какъ единые субъекты права.

По мнѣнію другихъ теоретиковъ, наоборотъ, въ конфедераціи государствъ нужно видѣть не правоотношеніе, а корпорацію. Такъ Георгъ Мейеръ (Grundzüge der Norddeutschen Bundesrechts, 1868, стр. 5—25) и Генель (Die vertragsmässigen Elemente der deutschen Reichsverfassung, 1873, стр. 36—47) полагали, что конфедерація государствъ есть корпорація съ центральной властью, возвышающейся надъ отдѣльными государствами, которыя остаются суверенными только во внутреннихъ отношеніяхъ. Исторически извѣстныя конфедераціи имѣли свои особые органы, постановлявшіе по большинству голосовъ, они имѣли независимое отъ отдѣльныхъ государствъ право войны, мира и договоровъ.

Мы полагаемъ, что и то и другое пониманіе юридической природы конфедерацій страдаетъ односторонностью и проистекаетъ отъ неправильнаго представленія о природѣ юридическихъ лицъ. По нашему мнѣнію, подробно нами обоснованному въ предшествующей главѣ, конструированіе извѣстнаго союза, какъ юридическаго лица, нисколько не исключаетъ и конструированіе его, какъ правоотношенія. Конфедерація государствъ, конечно, есть общество суверенныхъ государствъ, и эти государства находятся, какъ настоящіе субъекты права, въ правоотношеніяхъ между собою; но правоотношеніе существуетъ и между соединившимися государ-

ствами и союзною конфедеральною властью, и эта центральная власть является вполнѣ юридическою личностью, надѣленною постоянными органами. Для того, чтобы могла быть конструирована юридическая личность конфедераціи государствъ, вовсе нѣтъ необходимости, чтобы составляющія ее государства находились въ отношеніи подчиненія къ ней. Конфедерація, какъ таковая, есть особый субъектъ права, надѣленный собственною властью и принимающій самостоятельныя рѣшенія. Особенно ярко выступаетъ характеръ юридической личности конфедераціи государствъ въ международно-правовыхъ отношеніяхъ. Едва ли представляется самая слабая возможность отрицать наличность субъекта права, напр., за Германскимъ союзомъ, образованнымъ по Вѣнскому акту, заключавшимъ договоры, вступавшимъ въ дипломатическія и союзныя отношенія, объявлявшимъ войну и заключавшимъ миръ, какъ полноправная юридическая личность.

Признавая конфедерацію юридическою личностью въ международно-правовомъ оборотѣ и юридическимъ отношеніемъ во внутренне-конфедеральномъ строеніи, мы, конечно, нисколько этимъ не противопоставляемъ ее федеральному государству, какъ это дѣлаютъ тѣ автора, которые, признавая международно-правовую личность конфедерацій, въ федеральныхъ государствахъ видятъ юридическое лицо и во внутреннихъ отношеніяхъ. Для насъ не только федеральныя государства, но и унитарныя, въ своемъ внутреннемъ строеніи, — лишь отношенія.

Въ согласіи съ нашимъ опредѣленіемъ государства, какъ такого союза, который опредѣляется въ своихъ отношеніяхъ ко всякому внѣшнему союзу лишь нормами международнаго права, мы должны признать конфедерацію государствъ за сложное государство, такъ какъ въ своихъ дѣйствіяхъ конфедеративный союзъ государствъ не имѣетъ надъ собою высшей власти и можетъ вполнѣ независимо осуществлять принудительную власть надъ входящими въ его

составъ людьми и союзами. Но въ то же самое время мы должны признать государственный характеръ и за членами конфедерафіи, потому что, хотя они и входятъ въ составъ конфедераціи и потому, повидимому, могутъ быть ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ волею конфедераціи, однако свойство конфедераціи въ томъ именно и состоитъ, что составляющіе его члены вольны выйти изъ его состава, когда пожелаютъ, и конфедеративное соединеніе не является юридически окончательнымъ для составляющихъ его государствъ.

Такимъ образомъ правильною юридическою конструкціей конфедераціи государствъ, мы считаемъ признаніе ея одновременно и юридическимъ лицомъ, когда конфедерація выступаетъ какъ цѣлое въ международныхъ или внутреннихъ отношеніяхъ къ внѣ нея находящемуся политическому міру, и юридическимъ отношеніемъ, въ ея внутреннемъ строеніи.

Организація, какую получаетъ обыкновенно конфедерація государствъ, вполнѣ отвѣчаетъ его юридической природѣ, какъ она только что была нами конструирована. Конфедерація есть союзъ политическихъ общинъ, государствъ, поскольку ихъ юридическая личность представлена ихъ правительствами. Конфедерація есть союзъ суверенныхъ правительствъ, а не цѣлаго народа, въ его гражданахъ. Поэтому конфедерація и дѣйствуетъ обычно лишь на составляющія ее политическія коллективности и вступаетъ въ непосредственныя юридическія отношенія только съ ними, а не съ составляющими ихъ индивидами. Конфедерація государствъ, какъ часто выражаются, не образуетъ одной общей націи. Впрочемъ если это и есть обычное явленіе, то во всякомъ случаѣ это не составляетъ необходимаго признака конфедераціи. Конфедерація государствъ, будучи соединеніемъ суверенныхъ общинъ, по принципу есть союзъ равныхъ властей и находитъ свое выраженіе въ организаціи центральнаго органа, конфедеральнаго общаго собранія, по-

стоянаго (или временнаго) конгресса, составленнаго изъ делегатовъ каждаго изъ государствъ. Власть и организація конфедеральнаго собранія подобна власти и организаціи международныхъ конгрессовъ. Депутаты въ центральной конфедеральный органъ назначались обыкновенно каждымъ конфедерированнымъ государствомъ и снабжались обязательными инструкціями. Количество этихъ депутатовъ тоже обычно бывало одинаково отъ каждаго государства.

Власть конфедераціи суверенна, т. е. она не зависитъ ни отъ какой другой власти, но компетенція ея носитъ ограниченный характеръ (Ничто, конечно, не мѣшаетъ конфедеральной власти увеличивать ее, по своему усмотрѣнію; но, разумѣется, и конфедерированныя государства, сохраняя свой суверенитетъ, сохраняютъ и право не согласиться на такое увеличеніе компетенціи и выйти изъ союза, но это право они имѣютъ и по отношенію ко всякому рѣшенію конфедеральной власти). Конфедерирующіяся государства уступаютъ конфедеральной власти только тѣ права, которыя ей необходимы, чтобы обезпечить внутреннюю и внѣшнюю безопасность членовъ конфедераціи. Что касается общихъ интересовъ союза и дѣйствій общей пользы, то обычно конфедеральная власть очень ограничена въ своей компетенціи, хотя и можетъ быть надѣлена законодательными функціями, но редактируемые ею законы не нормы, обязательныя, какъ таковыя, для всѣхъ лицъ, входящихъ въ союзъ, а предложенія по адресу конфедерированныхъ государствъ. Поэтому по общему правилу постановленія конфедеральной власти приводятся въ исполненіе самими участниками конфедераціи. Обычно конфедераціи не имѣютъ самостоятельной исполнительной власти, и это составляетъ слабую сторону конфедеративныхъ соединеній.

Власть государствъ, вступающихъ въ конфедеративный союзъ, тоже остается суверенной, такъ какъ ихъ подчиненіе союзу исключительно добровольное, но компетен-

ція конфедерированныхъ властей, подвергается необходимому ограниченію, именно, въ направленіи конфедеральной компетенціи: члены конфедераціи теряютъ право войны, и право заключенія международныхъ договоровъ ограничивается обязанностью, чтобы эти договоры не наносили ущерба безопасности конфедераціи и каждаго изъ ея членовъ. Но внѣ этого ограниченія, каждое отдѣльное государство сохраняетъ въ конфедераціи всю прежнюю долю своей независимости, свое отдѣльное войско, свой отдѣльный судъ и т. д., отдавая центральной власти только тѣ права, которыя необходимы, чтобы центральная организація могла функціонировать. Вообще конфедерированныя государства не только теоретически, но и фактически сохраняютъ свой суверенитетъ. Этотъ суверенитетъ ихъ гарантируется значительнымъ ихъ участіемъ въ образованіи конфедеральнаго верховнаго органа и особымъ правомъ нуллификаціи и сецессіи.

Конфедерація основывается на договорѣ. Вступающее въ договоръ государство сохраняетъ свой суверенитетъ, но съ юридической точки зрѣнія это не значитъ, что она во всякій моментъ можетъ ссылаться на свой суверенитетъ, чтобы уклониться отъ выполненія обязательствъ, содержащихся въ конфедеральномъ договорѣ. Государство, какъ и всякое лицо, обязано подчиняться нормамъ права и уважать обязательства, свободно имъ на себя принятыя. Но, разумѣется, разъ оно сохранило свой суверенитетъ, то нѣтъ для него высшей власти, которая рѣшала бы въ каждомъ данномъ случаѣ, дѣйствительно ли имѣется нарушеніе договора. Въ случаѣ отказа одного изъ конфедерированныхъ государствъ выполнять свободно принятыя имъ при заключеніи союза обязательства, конфедеральная власть, будучи суверенной, имѣетъ право разрѣшить конфликтъ въ томъ смыслѣ, что конфедерированное государство нарушаетъ право, и понудить его вооруженной силой къ выполне-

нію обязательства, но и отдѣльное государство, сохраняя свой суверенитетъ, можетъ разрѣшить конфликтъ въ томъ смыслѣ, что оно дѣйствуетъ согласно праву и не нарушаетъ обязательства, и оказать вооруженное сопротивленіе. Столкновеніе это будетъ не мятежомъ, а войною, т. е. одной изъ формъ международно-правового судебнаго процесса.

Независимо отъ права военнаго сопротивленія, всякое конфедерированное государство, имѣя право постановлять окончательное рѣшеніе въ столкновеніяхъ по поводу компетенціи, могущихъ возникнуть между нимъ и конфедеральной властью, имѣетъ право отмѣнить дѣйствіе по отношенію къ себѣ конфедеральнаго закона. Это то, что Кальгунъ называлъ правомъ нуллификаціи.

Изъ основного принципа конфедераціи, независимости ея членовъ, вытекаетъ, что каждый изъ нихъ сохраняетъ право выхода изъ союза, иначе, будучи вынужденъ подчиняться общему рѣшенію, онъ потерялъ бы всякую свободу. Это право сецессіи, необходимый признакъ всякой конфедераціи, какъ союза суверенныхъ государствъ. Если бы государство, вступая въ конфедерацію, теряло право выхода изъ этого союза, оно подвергалось бы опасности окончательно лишиться своего суверенитета по рѣшенію большинства конфедерированныхъ государствъ. Право сецессіи тѣсно связано съ правомъ нуллификаціи и должно имѣть своимъ коррелятивомъ право союза исключать изъ своей среды непокорныхъ членовъ конфедераціи.

Само собой разумѣется, что на пересмотръ конфедеральнаго договора требуется общее согласіе всѣхъ конфедерированныхъ государствъ, иначе путемъ такого пересмотра государство могло бы, противъ своей воли, быть лишено принадлежащаго ей суверенитета. Во всякомъ случаѣ, если бы по конфедеральному договору пересмотръ конституціи и не требовалъ единогласія, каждое государство, само собой разумѣется, сохраняло бы здѣсь, какъ и по отношеніи къ

другимъ конфедеральнымъ законамъ, право нуллификаціи и выхода изъ союза въ случаѣ непримиримаго конфликта съ конфедеральнымъ рѣшеніемъ. Въ этомъ пунктѣ заключается коренная разница конфедераціи государствъ и федеральнаго государства.

IV.

Особой формой конфедеративныхъ государственныхъ соединеній мы считаемъ личную унію. Личная унія обыкновенно опредѣляется, какъ такое (конфедеративное) соединеніе государствъ, гдѣ каждое государство сохраняетъ свое обособленное существованіе и суверенную власть, но имѣетъ съ другимъ или другими государствами общаго монарха, при чемъ этотъ монархъ не есть глава уніи, а въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ лишь глава даннаго отдѣльнаго государства. Общность государствъ въ данномъ случаѣ выражается лишь въ случайномъ совпаденіи верховной власти въ одной индивидуальной личности.

Прекращается такая унія столь же случайно, какъ и возникаетъ. Она соединена съ судьбою общей для соединившихся государствъ династіи. Если въ обоихъ государствахъ имѣетъ силу различный порядокъ престолонаслѣдія, то можетъ наступить моментъ, когда по смерти общаго монарха въ каждомъ изъ соединенныхъ государствъ на престолъ должно вступить особое лицо, благодаря чему и прекратится само соединеніе.

Въ настоящее время эта форма политическаго соединенія, въ связи вообще съ паденіемъ патримоніальнаго права монарховъ, предполагается выродившейся. Она считается невозможной въ республикахъ, съ трудомъ мыслится въ демократическихъ государствахъ, устроенныхъ на суверенитетѣ народа, она вызываетъ противъ себя противодѣйствіе и въ чисто монархическихъ странахъ, такъ какъ лишаетъ самостоятельности внѣшней политики соединив-

шіяся государства. Неудивительны поэтому прямыя запрещенія или ограниченія конституцій, препятствующія монархамъ нѣкоторыхъ странъ занимать престолъ и въ другихъ странахъ. Особенно нѣмецкія конституціи предвидятъ это, а также и конституціи мелкихъ государствъ, наиболѣе рискующихъ при такого рода уніяхъ (Румыніи, Греціи, Даніи, Бельгіи). Изъ новѣйшей исторіи наиболѣе извѣстна судьба личной уніи Англіи и Ганновера (1714—1837) и Нидерландъ и Люксембурга (1839—1893). Въ русской исторіи извѣстна личная унія Россіи и Голштиніи.

Таково въ существенныхъ чертахъ господствующее ученіе о личныхъ уніяхъ. Въ немъ мы находимъ много случайнаго и значительную путаницу и смѣшеніе понятій.

Личная унія опредѣляется какъ (международно-правовое) соединеніе двухъ государствъ вслѣдствіе случайной общности монарха. Въ такомъ видѣ это опредѣленіе совершенно неточно. Здѣсь не отмѣчается тотъ существенный признакъ для этого международно-правового соединенія, что монархъ въ томъ и другомъ или по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ государствъ не есть суверенный органъ государства. Въ случаѣ личнаго соединенія двухъ государствъ съ абсолютно-монархическимъ правленіемъ, гдѣ весь государственный суверенитетъ сосредоточивается въ лицѣ монарха, никакого международно-правового (конфедеральнаго) соединенія не бываетъ. Это будетъ унитарное государство, съ отдѣльными частями, пользующимися полной автономіей. Въ абсолютной монархіи, гдѣ весь государственный суверенитетъ сосредоточенъ въ монархѣ, нѣтъ особыхъ государственныхъ личностей для различныхъ автономныхъ частей государства. Въ прежнее время, въ періодъ абсолютной монархіи, личное соединеніе престоловъ служило могущественнымъ средствомъ роста современныхъ національныхъ государствъ. Такое „собираніе земель“ знаетъ исторія многихъ странъ и Испаніи

(Кастилія и Арагонія) и Австріи (Австрія-Чехія-Венгрія) и Россіи при ростѣ Московскаго государства.

Вопросъ о личной уніи, какъ о конфедеративномъ соединеніи, можетъ возникнуть только тогда, когда въ соединенныхъ государствахъ монархъ, служащій органомъ соединенія, не является носителемъ суверенной власти государствъ. Монархъ въ каждомъ изъ соединившихся такимъ образомъ государствъ входитъ въ особую систему правительственныхъ органовъ, вырабатывающихъ суверенную власть, и только поэтому здѣсь и возможно говорить о совершенно случайномъ соединеніи двухъ (или нѣсколькихъ) независимыхъ государствъ.

Въ скудной литературѣ по личной уніи дебатируется иногда вопросъ, могутъ ли соединенныя государства воевать другъ съ другомъ и какова вообще внѣшняя политика можетъ связывать ихъ. Война между соединенными общностью единаго монарха государствами обычно считается абсурдной. Но по нашему мнѣнію, такъ какъ монарху въ соединенныхъ личной уніей государствахъ не должна принадлежать полнота суверенитета, въ случаѣ, если право войны и мира въ такихъ государствахъ принадлежитъ не монарху, такія государства могутъ оказаться въ войнѣ другъ съ другомъ, какъ всякія государства, не только соединенныя случайной общностью одного или нѣсколькихъ несуверенныхъ самихъ по себѣ органовъ, но вообще государства конфедеративно связанныя. Само собою разумѣется, война въ такихъ случаяхъ должна вызвать разрывъ уніи.

Только при наличности общаго монарха, не обладающаго полнотою суверенитета, можетъ возникнуть вопросъ о личной уніи, какъ о конфедеративномъ соединеніи государствъ. Вопросъ, напр., о личной уніи Украйны и Москвы возникаетъ только по отношенію къ тому періоду, когда власть московскаго царя предполагалась ограниченною договоромъ Переяславльской рады 1653 г.? а какъ только самый

намекъ на такое ограниченіе былъ устраненъ въ 1674 г., и власть московскаго царя была признана абсолютной и въ Украйнѣ, исчезъ и вопросъ о возможности какой бы то ни было личной уніи Украйны и Москвы. Вопросъ о личной уніи Польши и Россіи въ періодъ съ 1815—1831 объясняется только существованіемъ конституціоннаго строя и нѣкотораго, значитъ, ограниченія власти Россійскаго императора въ Польшѣ. Исчезло въ 1832 г. это ограниченіе, нѣтъ и вопроса о личной уніи. Конечно и въ томъ и въ другомъ случаѣ личныхъ уній не было, потому что и тамъ и здѣсь русскій государь былъ дѣйствительнымъ сувереномъ, хотя, быть можетъ, и при наличности нѣкоторыхъ ограничивающихъ его власть положеніяхъ. Но самъ вопросъ о личной уніи возможенъ благодаря этимъ ограниченіямъ. Точно также и въ Австріи вопросъ о личной уніи между Австріей и Чехіей и между Австріей и Венгріей до 1867 г., возникалъ только въ связи съ толкованіемъ первоначальнаго договора соединенія и Прагматической санкціи, налагавшихъ ограниченія на власть австрійскаго императора. Вопросъ о личной уніи исчезъ, когда власть эта сдѣлалась абсолютной.

По нашему опредѣленію, личной и вообще случайной конфедеративной уніей нужно считать соединеніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ общностью монарха или какого-нибудь другого правительственнаго органа, гдѣ этотъ монархъ или этотъ правительственный органъ не являются обладающими полнотою суверенитета въ каждомъ изъ государствъ.

Мы полагаемъ, что нѣтъ непремѣнной необходимости, чтобы при конфедеративной уніи общимъ правительственнымъ органомъ былъ монархъ. Если мы предположимъ, напр., что въ современной Британской имперіи будетъ уничтожено, правда, только презюмируемое, суверенное право англійскаго короля и парламента располагать своими самоуправляющимися колоніями, и англійскій король съ парламентомъ войдетъ въ каждой изъ нихъ, черезъ генералъ-губер-

натора, лишь въ общую систему государственныхъ органовъ, — то Британская имперія превратится въ личную унію Соединеннаго королевства-Канады-Австраліи-Южной Африки. Фактически и въ настоящее время государственное устройство Британской Имперіи есть личная конфедеративная унія.

V.

Нигдѣ, быть можетъ, синтетическая природа юридическихъ и политическихъ явленій не выступаетъ столь ярко, какъ въ федеральныхъ политическихъ организаціяхъ.

Специфическій признакъ федеральнаго государства, о которомъ въ юридической литературѣ идутъ такіе нескончаемые и непримиримые споры вотъ уже цѣлое столѣтіе, вовсе не въ томъ, что суверенна лишь центральная власть, и не въ томъ, что суверенны лишь части общаго союза, федерировавшіеся штаты, а въ томъ, что суверенитетъ принадлежитъ въ синтетической неразрывности совмѣстно образующимъ его центральной и федерированнымъ властямъ. Существо федерализма въ нѣкоторомъ равновѣсіи федеральной и мѣстныхъ властей, при которомъ федерированныя части сохраняютъ особое, своеобразное самостоятельное участіе въ правительственной организаціи обще-федеральнаго суверенитета.

Въ федеральномъ государствѣ центральная власть и мѣстныя власти не рядомъ другъ съ другомъ, какъ это полагала классическая теорія раздѣленія суверенитета, и не одна надъ другими, какъ это склонна утверждать унитарная теорія, а другъ съ другомъ и другъ въ другѣ. Въ федеральномъ союзѣ центральное и мѣстныя правительства должны быть не противопоставляемы одно другому, а примиряемы въ высшемъ единствѣ.

Федеральное государство кореннымъ образомъ отличается отъ конфедераціи государствъ. Въ конфедераціи

государствъ, какъ соединеніи международно-правового характера, имѣется нѣсколько параллельно существующихъ суверенныхъ властей, — обще-конфедеральная и частно-государственныя. Федеральное же государство есть соединеніе государственно-правового характера, и въ немъ имѣется лишь одна суверенная власть, обще-государственная, но образуется она совсѣмъ особымъ образомъ, специфическимъ только для этой политической формы.

Въ федеральномъ государствѣ слѣдуетъ различать: 1) мѣстную власть федерированныхъ политическихъ общинъ („штатовъ", „кантоновъ", „провинцій", „государствъ"); эта власть не обладаетъ полнотой государственнаго суверенитета, она не вполнѣ ни верховна, ни независима, но она участвуетъ, какъ органическая часть, въ образованіи общаго суверенитета; 2) центральную власть союза; эта власть также не обладаетъ полнотой государственнаго суверенитета и не выражаетъ собою воли федеральнаго государства, какъ цѣлаго, она тоже не вполнѣ ни верховна, ни независима, но тоже участвуетъ, какъ органическая часть, въ образованіи общаго суверенитета; и 3), наконецъ, обще-государственную власть, представляющую федеральное государство во всей его цѣлостности; эта власть суверенна, и образуется она изъ согласнаго рѣшенія мѣстныхъ и центральной властей.

Мѣстная власть въ федеральномъ государствѣ не составная часть центральной власти, подобно провинціальной власти въ унитарномъ государствѣ; она противостоитъ центральной власти, какъ самостоятельное цѣлое, а не какъ часть. Такимъ образомъ общая государственная власть федеральнаго соединенія имѣетъ двойной источникъ и въ волѣ всего населенія федеральнаго государства, взятаго въ своемъ объединеніи, — что образуетъ центральную власть союза, — и въ волѣ отдѣльныхъ политическихъ общинъ, соединяющихся въ общій союзъ, такъ сказать въ волѣ народа, взятаго въ своемъ разъединеніи на самостоятельныя политиче-

скія единицы, — что образуетъ мѣстную власть федерированныхъ частей. Поэтому федеральная политическая форма можетъ быть по полному праву быть названа дуалистической, такъ какъ источникъ ея суверенитета двойной.

Такая организація суверенной власти, при которой суверенитетъ не воплощается въ волѣ какого-нибудь одного высшаго органа, а является результатомъ совпаденія и согласія, синтеза воль нѣсколькихъ органовъ, нисколько не является необычайной или противорѣчащей природѣ суверенной власти. Такъ и въ унитарномъ государствѣ суверенная власть воплощается обыкновенно не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ высшихъ органахъ, — въ монархѣ, въ палатѣ депутатовъ, въ верхней палатѣ; суверенная власть и въ унитарномъ государствѣ не есть воля одного какого-нибудь органа, а сложно образованная воля совмѣстно работающихъ и согласно рѣшающихъ нѣсколькихъ органовъ. Политическая власть не есть воля въ индивидуально-психологическомъ смыслѣ, — это было нами уже достаточно выяснено выше, — и воля даже единаго высшаго органа, напр., конвента унитарнаго государства, не есть индивидуальная психологическая воля, а сложный синтезъ многихъ индивидуальныхъ воль, приходящихъ къ одному общему рѣшенію.

Двѣ власти, изъ которыхъ образуется обще-федеральная власть, именно центральная и мѣстная, должны быть понимаемы не какъ конкретныя реальности, а какъ получаемые путемъ теоретическаго анализа элементы единаго синтетическаго цѣлаго, единой федеральной государственной власти, подобно тому какъ законодательная и исполнительная власти суть лишь элементы единой государственной власти, или какъ чувство, воля и разумъ суть элементы цѣлостной и сложной психической жизни. И въ федеральномъ государствѣ есть единая суверенная государственная власть, какъ и въ унитарномъ государствѣ, но только образуется она иначе и состоитъ изъ другихъ элементовъ, чѣмъ въ этомъ послѣд-

немъ. Здѣсь возникаютъ, какъ основаніе политическаго синтеза, самостоятельныя отношенія не только между членами союза, вырабатывающими центральную власть, какъ въ унитарномъ государствѣ, но и между каждымъ членомъ союза и центральной властью, дающими въ результатѣ полноту суверенной власти всего федеральнаго государства. Здѣсь двойная связь и синтезъ вдвойнѣ сложный.

Если ужъ искать аналогій федеральному строю среди политическихъ формъ, то очень большое сходство по своей юридической природѣ съ образованіемъ федеральнаго суверенитета представляетъ функціонированіе въ системѣ государственнаго управленія референдума. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ государственные правительственные органы организуются такимъ образомъ, что въ нихъ, съ одной стороны, представляется народъ въ своемъ центральномъ устремленіи, въ своемъ сліяніи въ единое цѣлое (президентъ, народное представительство), съ другой стороны, представляется народъ на мѣстахъ (референдумъ), и, наконецъ, въ третьихъ, суверенное рѣшеніе получается черезъ согласіе народа, выраженное въ референдумѣ, на рѣшеніе центральной власти. Здѣсь необходимо согласіе обще-народнаго представительства и непосредственнаго народнаго мнѣнія, выраженнаго на мѣстахъ; ни народъ въ своей непосредственной конкретности, ни его представительство не суверенны, а суверенно лишь ихъ соединеніе. Федеральная природа референдума подтверждается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что референдумъ имѣетъ свое главное примѣненіе въ странахъ съ политическимъ устройствомъ, построенномъ уже на дуалистическомъ федеральномъ принципѣ, какъ въ Швейцаріи, отчасти въ Соединенныхъ Штатахъ. Введеніе референдума въ политической строй унитарнаго государства должно разлагать его централистическую идею и являться стадіей федерализаціи политическаго устройства.

Предложенная нами дуалистическая конструкція юри-

дической природы федеральнаго государства не должна быть смѣшиваема съ органической теоріей федеральнаго государства, защищаемой главнымъ образомъ Гирке. Эта послѣдняя теорія при своей видимой проницательности представляетъ на самомъ дѣлѣ чистѣйшій логическій nonsens[1]).

Если въ федеральномъ государствѣ признается обыкновенно нѣсколько субъектовъ государственной власти въ одномъ и томъ же общежитіи, то такое положеніе должно быть понимаемо, по мнѣнію Гирке, въ томъ смыслѣ, что опредѣленная сумма правъ и обязанностей конструируется какъ одна высшая и недѣлимая сфера власти, но для общаго владѣнія ею призвано нѣсколько субъектовъ. Поэтому и въ федеральномъ государствѣ государственная власть, какъ таковая, образуется точно такъ же, какъ и въ унитарномъ государствѣ. Разница заключается только въ своеобразномъ образованіи субъекта государственной власти, который въ данномъ случаѣ есть не единая коллективная личность, а извѣстнымъ образомъ составленная множественность коллективныхъ личностей. Здѣсь возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ должна быть конструирована въ федеральномъ государствѣ эта множественность субъектовъ государственной власти. Очевидно, въ качествѣ субъекта по своей природѣ нераздѣльной государственной власти можетъ быть признана только множественность наличныхъ государственныхъ личностей въ ихъ органической связанности. Коллективное государство и государства-члены образуютъ субъекта, который обычно является единой личностью. Эта органическая коллективность не представляетъ однако собою

1) См. O. Gierke, Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, т. VII (1883), № 4, стр. 72 и сл.). Исходныя идеи этой теоріи можно найти уже у Hänel, Studien zum deutschen Staatsrechte, 1873, стр. 63 и сл.; Deutsches Staatsrecht, стр. 200—209.

новаго государственнаго лица, возвышающагося надъ лицами составляющими его. Но она также не можетъ мыслиться, какъ голая сумма самихъ по себѣ существующихъ государственныхъ личностей: вѣдь отдѣльныя государственныя личности участвуютъ въ этой коллективности только въ опредѣленной конституціонной связности, благодаря которой онѣ длительно связаны другъ съ другомъ и другъ отъ друга зависятъ. Органическій характеръ этой коллективности выступаетъ прежде всего въ томъ, что она въ себѣ расчленена. Положеніе участвующихъ не равно, но коллективное государство, какъ таковое, занимаетъ положеніе главы общежитія. Поэтому коллективное государство выступаетъ вовнѣ какъ цѣльность отдѣльныхъ государствъ и во внутреннихъ отношеніяхъ въ сомнительныхъ случаяхъ имѣетъ послѣдній рѣшающій голосъ. Именно благодаря этому достигается требуемое единство въ множественности и, несмотря на раздробленіе государственнаго юридическаго субъекта на многія личности, сохраняется въ послѣдней инстанціи единственность государственной воли.

Однако хотя по своей природѣ государственная власть находится въ нераздѣльномъ общемъ обладаніи цѣлаго государства и отдѣльныхъ государствъ, какъ одной извѣстнымъ образомъ связанной множественности, по своему осуществленію, пользованію она подѣлена между отдѣльными представителями общежитія на особыя права. Съ этою цѣлью сумма въ ней содержащихся правомочій распадается на двѣ конституціонно разграниченныя сферы, изъ которыхъ одна въ цѣлостномъ соединеніи предоставлена коллективному государству, а другая въ многоразличномъ раздѣленіи передана отдѣльнымъ государствамъ. Отсюда возникаетъ какъ для лица коллективнаго государства, такъ и для личностей составляющихъ его государствъ собственное право государственной власти, которымъ они владѣютъ самостоятельно, сами по себѣ. Однако ни одна изъ этихъ го-

сударственныхъ сферъ не является сама по себѣ государственной властью. Каждая изъ нихъ нуждается въ дополненіи другими. Власть коллективнаго государства, конечно, уже одна сама по себѣ есть высшая власть, но она въ направленіи къ низу не есть еще вся государственная власть. Власть отдѣльныхъ государствъ въ одиночку, взятая тоже сама по себѣ, въ направленіи къ верху не есть высшая власть. Коллективное государство, какъ и государства-члены могутъ въ своей особности осуществлять только часть правомочій, которыя заключаются въ принадлежащей имъ сообща суверенной и недѣлимой государственной власти.

Отъ этого дѣлается яснымъ, почему въ федеральномъ государствѣ какъ цѣлое такъ и части дѣйствительно являются государственными личностями. Они являются таковыми, какъ не входящіе ни въ какое болѣе высокое лицо носители цѣлостной государственной власти, только для своего осуществленія подѣленной между ними. Государства-члены въ особенности не могли бы явиться „государствами“ ни по своему праву сочленовъ внутри суверенной коллективной личности, ни по своему особому праву внутри своей несуверенной отдѣльной области, если бы они въ то же время не представляли собою въ конституціонномъ соединеніи съ федеральнымъ государствомъ, участниковъ въ существѣ суверенной государственной общей власти. Одно это представленіе даетъ ключъ къ пониманію того факта, что, напр., нѣмецкія отдѣльныя государства и ихъ государи выступаютъ вовнѣ, несмотря на государственную замкнутость имперіи, какъ международно-правовые субъекты, и пользуются почетными правами сувереновъ, и оно одно объясняетъ, во внутреннихъ отношеніяхъ, свойственное нашему правосознанію принципіальное различіе между государствомъ-членомъ и коммунальнымъ союзомъ, такъ какъ оно не переносимо на этотъ послѣдній.

Такова теорія Гирке. Хотя эта теорія и признаетъ сложную, двустороннюю природу федеральной власти, но юридическое конструированіе ею этой природы наталкивается на очень серьезныя возраженія. Прежде всего возникаетъ возраженіе противъ самой органической гипотезы. Понятіе организма не годится для объясненія общественныхъ и политическихъ явленій; это было нами достаточно выяснено еще въ первой главѣ, и возвращаться къ обсужденію этой теоріи мы снова здѣсь не будемъ. Органическая теорія задалась неразрѣшимой задачей объяснить синтетически образуемую суверенную власть, какъ единую реальную коллективную волю государствъ; но реально такой коллективной воли не существуетъ, внѣ взаимодѣйствія и сосуществованія отдѣльныхъ индивидуальныхъ воль.

Но само построеніе федеральной теоріи, независимо отъ ложности органологической предпосылки, противорѣчиво и приводитъ къ неразрѣшимымъ логическимъ абсурдамъ. Гирке полагаетъ, что въ федеральномъ государствѣ сосуществуютъ два вида государствъ — коллективныя и частныя. Подъ коллективнымъ государствомъ Гирке понимаетъ органическое цѣлое соединенныхъ штатовъ, а подъ каждымъ соединившимся штатомъ какъ бы органическую часть этого цѣлаго; отсюда то абсурдное положеніе, свойственное вообще органической школѣ, что одно и то же является и единой личностью и множествомъ личностей: коллективное государство, какъ органическое цѣлое, есть личность, и каждый отдѣльный штатъ, будучи органомъ цѣлаго, есть личность.

Вообще теорія существованія при федеральномъ соединеніи государствъ трехъ родовъ — частныхъ, коллективнаго и федеральнаго съ трудомъ можетъ быть даже понята. Не говоря уже о томъ, что невозможно представить себѣ на одной и той же территоріи одновременное существованіе нѣсколькихъ государствъ, получается логически совершенно недопустимый результатъ: существуютъ частныя государ-

ства, существуетъ составленное изъ нихъ коллективное государство, существуетъ взаимодѣйствіе ихъ въ федеральномъ государствѣ; существуютъ части, существуетъ составленное изъ нихъ цѣлое и существуетъ какое-то еще болѣе обширное цѣлое, составленное изъ цѣлаго и частей. Это отличное отъ коллективнаго федеральное государство есть нѣчто неуловимое; оно ни простая совокупность штатовъ, это было бы коллективное государство, ни новая государственная личность, такъ какъ у него, по словамъ самого Гирке, нѣтъ органовъ для проявленія своей личности. Если коллективное государство есть федеральное государство, то имъ и исчерпывается суверенная власть и нельзя говорить еще о какомъ-то высшемъ цѣломъ; тогда можно представить, что это высшее цѣлое въ соединеніи съ коллективнымъ государствомъ и частными государствами образуетъ еще болѣе высшее цѣлое, и т. д. безъ конца. Цѣлое плюсъ его части не могутъ составить еще какой-то третьей совокупности. Все это логическіе абсурды.

Мы полагаемъ, что цѣлое федеральное государство слагается изъ центральной (а не коллективной) власти и изъ мѣстныхъ властей, ни та ни другія государственнаго характера не носятъ и носить не могутъ, иначе ставится совсѣмъ неразрѣшимая задача отличить коллективное государство отъ федеральнаго. Нѣтъ сосуществованія трехъ родовъ государствъ, а есть лишь одно государство, суверенная власть котораго образуется своеобразнымъ дуалистическимъ способомъ. Нѣтъ коллективнаго государства, а существуютъ лишь органы центральной власти, какъ таковой.

Гирке, точно такъ же какъ и представители теоріи „участія“, считаетъ, что федеральному государству свойственно участіе въ образованіи суверенной власти. Будучи вполнѣ вѣрнымъ, это положеніе не достаточно. Характерно не само участіе; въ этомъ смыслѣ, повторяемъ, и простые граждане участвуютъ въ образованіи суверенной воли, а

двойное, и при томъ совсѣмъ въ каждомъ случаѣ разнаго характера, участіе. Первоначально — участіе въ образованіи общей центральной федеральной власти, какъ это бываетъ и въ унитарныхъ государствахъ; это — національная роль штата. Но центральная власть, образованная общимъ участіемъ штатовъ, не оказывается суверенной. Вторичное участіе штатовъ въ суверенитетѣ — проявленіе воли каждаго штата въ его особности, въ его отдѣльности, когда онъ, предполагается, выражаетъ не общую волю союза, а лишь свою собственную; это — мѣстная роль штата. Общая воля всѣхъ штатовъ, соединенная съ мѣстною волею штатовъ, даетъ суверенную государственную федеральную власть.

Изъ изложенной нами теоріи федеральнаго государства ясно слѣдуетъ, какъ должно конструировать природу федеральнаго государства и его федерированныхъ частей съ точки зрѣнія юридической личности и государства.

Такъ какъ штаты, входя въ составъ федеральнаго государства, теряютъ свой суверенитетъ, то, само собой разумѣется, они перестаютъ и быть государствами, такъ какъ, по опредѣленію государства, суверенитетъ есть существенный признакъ государства. Государство только тамъ, гдѣ имѣется на лицо суверенитетъ, слѣдовательно, государственнымъ характеромъ обладаетъ только федеральное государство, образуемое изъ соединенія центральной и мѣстныхъ властей. Что штаты продолжаютъ обычно называться государствами, никакого значенія имѣть не можетъ; это лишь злоупотребленіе терминомъ или наименованіе, объясняемое какъ историческій пережитокъ. Конечно, условно, штаты федеральнаго государства могутъ называться „федерированными государствами“, какъ специфическій терминъ особаго своеобразнаго образованія, отличающагося и отъ государства въ собственномъ смыслѣ и отъ провинціи, съ оговоркой, что „федерированное“ государство не государство.

Разсматривая правовое содержаніе понятія юридиче-

скихъ лицъ, мы пришли къ тому заключенію, что всякое общественное коллективное цѣлое, способное вступать въ юридическія отношенія и пріобрѣтать имущество, есть юридическое лицо. Съ этой точки зрѣнія, надо признать, что федеральное государство, какъ цѣлое, и отдѣльные штаты его образующіе обладаютъ во многихъ своихъ отношеніяхъ характеромъ юридическаго лица. Но теорія федеральнаго государства и все федеральное право должны строиться не на идеѣ юридической личности, а на идеѣ юридическаго порядка, правового отношенія. Юридическая личность федеральнаго государства играетъ роль и нужна для внѣ-федеральныхъ отношеній съ другими независимыми державами и международнымъ общеніемъ. Юридическая личность отдѣльныхъ штатовъ играетъ роль и нужна для отношеній къ другимъ членамъ того же федеративнаго союза и для внѣ-федеральныхъ отношеній.

Отношенія же между штатами и федеральнымъ государствомъ не могутъ быть съ пользою построены на идеѣ юридической личности федеральнаго государства, какъ и внутренне-государственное право не можетъ быть построено на юридической личности государства. Во-первыхъ, само отношеніе между федеральнымъ государствомъ и штатами юридически необъяснимо съ точки зрѣнія единой юридической личности; непонятно, какимъ образомъ можетъ быть раздѣлена единая юридическая личность, когда личность по самому своему понятію уже недѣлима. Во-вторыхъ, многія основныя явленія федеральнаго соединенія не найдутъ себѣ достаточнаго объясненія, вродѣ, напр., независимой отъ союза воли отдѣльныхъ штатовъ, или ихъ субъективнаго и активнаго права по отношенію къ союзу на участіе въ образованіи суверенитета, и т. д.

Изъ этой невозможности построить на идеѣ личности федеральное право не слѣдуетъ однако, что должна быть совершенно отвергнута сама идея юридической личности феде-

ральнаго государства. Она полезна и необходима и во внѣфедеральныхъ отношеніяхъ и для обоснованія фискальной дѣятельности федеральнаго государства. Не нужно только въ ней видѣть принципъ, на которомъ должна строиться вся система федеральнаго права.

Признавая юридическую личность и федеральнаго государства и отдѣльныхъ штатовъ, какъ допустить одновременное существованіе на одной и той же территоріи и по отношенію къ одному и тому же федеральному союзу нѣсколькихъ юридическихъ личностей? Отвѣтъ здѣсь долженъ быть данъ тотъ же, что и по вопросу объ одновременномъ существованіи юридическихъ лицъ государства и составляющихъ его децентрализованныхъ областей и общинъ. Эта юридическая личность признается за тѣми и другими союзами только для извѣстныхъ отношеній. Юридическая личность федеральнаго государства проявляется только въ извѣстный моментъ, въ тѣхъ дѣйствіяхъ, гдѣ оно выступаетъ, какъ субъектъ права. Нѣтъ никакого неудобства признать, что отдѣльныя части общаго федеральнаго союза, штаты обладаютъ въ свою очередь свойствомъ юридическаго лица, каковое тоже проявляется лишь въ дѣйствіяхъ ихъ, какъ субъектовъ права.

Юридическая личность отдѣльнаго штата проявляется въ его юридическихъ отношеніяхъ съ другими штатами и съ самимъ федеральнымъ цѣлымъ. Отличіе права этой личности отъ федеральнаго государства, какъ субъекта права, въ томъ, что ея юридическая сфера не простирается на международныя отношенія. Съ международно-правовой точки зрѣнія, безъ особенной натяжки, можно признать, что штаты не являются международно-правовыми полноправными личностями. Международный союзъ и отдѣльныя, входящія въ него государства имѣютъ дѣло не съ отдѣльными штатами, а съ федеральнымъ государствомъ. Договоры заключаются съ этимъ послѣднимъ. Право посольства и дого-

ворное право, если и остается за штатами, ничтожно, историческій пережитокъ, политическая декларація, и такое право можно, пожалуй, найти и у нѣкоторыхъ провинцій (индійскій вице-король, туркестанскій генералъ-губернаторъ). Международный союзъ знаетъ только одинъ государственный суверенитетъ, — суверенитетъ всего союза, всего федеральнаго государства.

VI.

Федеративное устройство есть устройство, имѣющее въ своемъ основаніи foedus, договоръ, поэтому федеративный принципъ имѣетъ всегда отношеніе къ тому, какъ образуется общая суверенная воля, какова организація правительственныхъ органовъ.

Если проста и не представляетъ особыхъ затрудненій общая идея федеральнаго государства, то нельзя того же сказать относительно различныхъ вопросовъ практическаго осуществленія этой идеи въ политической жизни. И, дѣйствительно, историческая жизнь представляетъ необычайное разнообразіе формъ и учрежденій въ устройствѣ федеральныхъ государствъ. Ясно одно, какъ бы ни разнообразилась организація и компетенція властей въ федеральномъ государствѣ, осуществленіе верховной власти и общегосударственныхъ задачъ должно распредѣляться между центральной и мѣстными властями. Для выполненія своего назначенія и для образованія общегосударственной власти федеральное государство нуждается въ двухъ основныхъ органахъ: 1) въ органахъ центральной власти, представляющихъ единство союза, особенно вовнѣ (глава союза, президентъ, императоръ) и охраняющихъ и развивающихъ общую національную жизнь (органъ народнаго представительства, избранный отъ всего населенія союза, какъ цѣлаго), 2) въ органахъ мѣстной власти, сохраняющихъ и представляющихъ особность и самостоятельность отдѣльныхъ составныхъ

частей (мѣстныя правительства и верхняя палата, составленная изъ представителей отдѣльныхъ правительствъ); кромѣ этого требуется должное взаимодѣйствіе ихъ, которое позволило бы образованіе изъ ихъ совмѣстной работы общегосударственной, суверенной власти.

Въ федеральномъ государствѣ существуетъ обычно общенародное представительство, которое однако не образуетъ суверенной общегосударственной власти, какъ въ унитарномъ государствѣ, а лишь центральную власть, одну изъ составныхъ частей общаго суверенитета. Эти органы центральной власти, какъ элементъ единаго государственнаго суверенитета, осуществляютъ настоящую государственную власть и воздѣйствуютъ не на правительства отдѣльныхъ соединившихся штатовъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ конфедераціяхъ, а на весь народъ федеральнаго государства, въ лицѣ какъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и различныхъ коллективныхъ образованій, вплоть до штатовъ. Обычно, какъ одна изъ особенностей федеральнаго государства по сравненію съ конфедераціями, выставляется то, что органъ центральной федеральной власти дѣйствуютъ непосредственно на гражданъ, а не черезъ посредство органовъ отдѣльныхъ штатовъ.

На ряду съ центральными органами существуютъ органы мѣстной власти. Входя въ федеральное соединеніе, государства отказываются отъ многихъ своихъ правъ и прежде всего отъ суверенной свободы, но взамѣнъ этого они получаютъ право быть органическою частью въ образованіи общаго суверенитета. До извѣстной степени суверенитетъ всего федеральнаго государства есть суверенитетъ каждаго изъ соединенныхъ штатовъ. Каждый соединенный штатъ получаетъ, конечно, не часть суверенитета, такъ какъ суверенитетъ количественно недѣлимъ, а право участія въ образованіи всего суверенитета. Граждане каждаго штата подчиняются такимъ образомъ двойной власти и осуществляютъ свои публичныя права въ образованіи какъ власти

федеральнаго государства такъ и власти одного изъ членовъ этого государства.

Эта мѣстная власть соединившихся штатовъ, органическая часть общаго суверенитета, осуществляется или въ представительной формѣ, чему служатъ верхнія представительныя палаты, вродѣ сѣверо-американскаго сената, союзнаго совѣта Германской имперіи и т. д., или въ непосредственной формѣ референдума соединившихся штатовъ, запрашивающаго мнѣніе союзнаго народа именно въ его оставшемся расчлененіи, таково требованіе сѣверо-американской конституціи о согласіи $^3/_4$ штатовъ на всякое измѣненіе конституціи, принятое конгрессомъ. Такимъ образомъ органами мѣстной власти являются: мѣстныя законодательныя собранія, какъ таковыя, поскольку согласіе каждаго законодательнаго собранія требуется для того или иного верховнаго рѣшенія, собраніе представителей штатовъ въ ихъ особности, и референдумъ. Впрочемъ природа референдума спорна.

Обыкновенно въ организаціи существующихъ федеральныхъ государствъ не вполнѣ выдерживается федеративный, договорный принципъ, такъ какъ для измѣненія конституціи (и слѣдовательно для уничтоженія правъ мѣстныхъ властей) не требуется единогласнаго рѣшенія, а лишь постановленіе болѣе или менѣе квалифицированнаго большинства; но тѣмъ не менѣе конституція федеральныхъ государствъ не покоится и на унитарномъ принципѣ, такъ какъ она не признаетъ суверенитета центральной власти.

Конституціонное устройство федеральныхъ государствъ и правительственная организація его властей чрезвычайно разнообразятся въ зависимости отъ той монархической, аристократической или демократической формы правленія, какую имѣетъ данное государство. Федеральныя государства не принадлежатъ непремѣнно къ тому или другому политическому типу; какъ и унитарныя государства, они

могутъ чрезвычайно видоизмѣнять свои формы правленія. Среди современныхъ федеральныхъ государствъ мы, дѣйствительно, видимъ конституціонно-монархическія федеральныя государства, вродѣ Германіи, республиканско-демократическія, какъ Соединенные Штаты, Швейцарія, Аргентина, и парламентарныя, какъ Канада, Австралія, Венецуэла. Разумѣется, въ каждомъ изъ этихъ правительственныхъ типовъ конституціонная организація чрезвычайно разнообразится; но это разнообразіе въ сущности нисколько не касается федеральнаго принципа и имѣетъ отношеніе лишь къ тому, насколько въ данномъ государствѣ торжествуетъ монархическій, аристократическій или демократическій принципъ. Поэтому при построеніи общей теоріи федеральныхъ государствъ нѣтъ никакого основанія входить въ разсмотрѣніе деталей положительнаго права современныхъ федерацій [1]).

VII.

Очерченное нами, по возможности въ наиболѣе общихъ чертахъ, федеральное государство есть, конечно, лишь общій типъ политическаго образованія, дающій лишь общую идею этой политической формы. Историческая дѣйствительность, на ряду съ политическими союзами, подходящими вполнѣ къ этому типу (въ настоящее время сюда могутъ быть отнесены: Соединенные Штаты съ 1787 г., Мексика съ 1857 г., Венецуэла съ 1864 г., Аргентина съ 1860 г., Швейцарія съ 1848 г. и 1874 г., Канада съ 1867 г., Германская Имперія съ 1867 г. и 1870 г., Бразилія съ 1891 г, Австралія съ 1900 г.), представляетъ и нѣкоторыя уклоняю-

---

1) Интересующіеся сравнительнымъ сопоставленіемъ правительственныхъ учрежденій и конституціонныхъ нормъ въ различныхъ современныхъ федеральныхъ государствахъ не мало свѣдѣній могутъ найти въ небольшой, но содержащей значительный положительный сравнительно-юридическій матеріалъ книгѣ Hatschek, Das Recht der modernen Staatenverbindung, Leipzig, 1909.

щіяся образованія, хотя и того же общаго федеральнаго типа. Такую оригинальную форму федеральнаго государства являетъ собою такъ называемая реальная унія, въ которую организована въ настоящее время одна Австро-Венгрія.

По господствующей теоріи[1]) реальная унія есть одинъ изъ видовъ конфедеративнаго соединенія, но осложненный единствомъ наслѣдственнаго главы и общими постоянными политическими учрежденіями, вносящими нѣкоторый федеральный характеръ въ соединеніе. Эти общественные органы непосредственно опредѣляютъ и руководятъ государственной жизнью и вполнѣ или отчасти замѣняютъ ранѣе существовавшіе особые органы. Несмотря однако на существованіе общаго наслѣдственнаго главы и общесоюзныхъ суверенныхъ органовъ, реальная унія не теряетъ вполнѣ своего конфедеральнаго характера. Отдѣльное государство-членъ уніи можетъ отложиться отъ уніи, какъ это сдѣлала Норвегія по отношенію къ Швеціи; конечно, это возможно лишь черезъ низложеніе короля въ данномъ государствѣ, но такое низложеніе есть внутренне-государственная революція и не составляетъ правонарушенія и деликта по отношенію къ другому государству. Общіе органы уніи составляются совмѣстнымъ дѣйствіемъ органовъ, представляющихъ отдѣльно каждое союзное государство, и не образуютъ единаго организма; они до извѣстной степени представляютъ собою механическое соединеніе и существуютъ лишь въ связи съ государственными органами соединенныхъ государствъ. Сліяніе этихъ органовъ въ единое органическое цѣлое составило бы

---

1) H. A. Zachariä, Zum Schleswig-Holsteinischen Frage, 1847; Deutsches Staats- und Bundesrecht, 3 изд., 1865, I стр. 104 и сл.; Juraschek, Personal- und Realunion, 1878; Jellinek, Die Lehre von den Staatsverbindungen, 1882, стр. 197—253; Brie, Theorie der Staatsverbindungen, 1886, стр. 69—79; М. Пергаментъ, Юридическая природа реальной уніи, 1893; Blüthgen, Die Realunion (Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, 1907, I.)

уже переходъ отъ конфедераціи къ федеральному государству. Реальная унія стоитъ еще на конфедеральной почвѣ и обнимаетъ государства лишь съ одной стороны, со стороны ихъ правительствъ.

Мы однако не можемъ присоединиться къ этой господствующей теоріи и отказываемся видѣть въ реальной уніи особый видъ междугосударственнаго соединенія. По нашему мнѣнію, реальная унія есть одинъ изъ видовъ — правда своеобразный — федеральнаго государства. Каждое изъ соединенныхъ реальной уніей государствъ не образуетъ суверенной власти, надъ каждымъ изъ нихъ возвышается суверенная власть общихъ правительственныхъ органовъ. Въ международной жизни соединенныя государства выступаютъ, какъ единая международная личность. Въ реальныхъ уніяхъ, какъ и въ федеральныхъ государствахъ, имѣется существенный для этой послѣдней политической формы признакъ, именно дуалистическое образованіе суверенитета. Такъ въ Австро-Венгріи, въ этомъ единственномъ остающемся въ настоящее время живомъ примѣрѣ этой формы, общія делегаціи есть органъ обще-федеральный, представляющій мѣстный элементъ, каждый штатъ въ его особности. Органъ центральной власти представленъ монархомъ. Суверенное рѣшеніе Австро-Венгріи, какъ одного государства, дается ихъ взаимнымъ согласіемъ. Если бы соединенныхъ реальною уніей государствъ было не два, а нѣсколько, то роль делегацій подходила бы къ обычной роли высшаго федеральнаго органа, вродѣ германскаго союзнаго совѣта, гдѣ штаты представлены въ своей особности и гдѣ члены собранія назначаются соотвѣтствующими мѣстными правительствами съ обязательными инструкціями. Отличіе отъ обычнаго типа федеральнаго государства въ данномъ случаѣ то, что здѣсь однопалатная система и нѣтъ спеціальнаго представительства отъ всего народа соединенныхъ штатовъ. Этотъ послѣдній органъ замѣняется императоромъ, представляющимъ

Австро-венгерскую имперію и австро-венгерскій народъ въ его единствѣ.

Чисто федеральная природа Австро-Венгріи затемняется, повторяемъ, тѣмъ, что въ ней лишь два равноправныхъ участника союза; между тѣмъ только tres faciunt collegium; каждой изъ соединенныхъ половинъ имперіи трудно представить, что она въ уніи имѣетъ дѣло съ общимъ союзомъ, а не съ другой половиной, разъ внѣ нея въ этомъ союзѣ остается лишь одинъ союзникъ. Кромѣ того здѣсь нѣтъ общей нижней палаты, и дѣло къ тому же осложняется тѣмъ, что здѣсь двѣ разныя національности, изъ которыхъ одна стремится къ отдѣленію. Но представимъ себѣ, что въ унію войдутъ на равныхъ правахъ Чехія и Хорватія, и мы получимъ ярко выраженный типъ федеральнаго государства.

При выясненіи юридической природы реальной уніи масса усилій тратится обыкновенно на юридическое объясненіе возникновенія этой уніи: происходитъ ли она путемъ основнаго, конституціоннаго закона, какъ думали Цахаріе и Юрашекъ, возникаетъ ли по договору, какъ полагалъ Еллинекъ, или на основаніи вообще всякаго юридическаго титула, каково было мнѣніе Бри и Г. Мейера, или вслѣдствіе параллельнаго законодательства въ обѣихъ соединенныхъ частяхъ, какъ хочетъ Гачекъ. Этотъ споръ, самъ по себѣ интересный, по нашему мнѣнію, не имѣетъ значенія для самой юридической конструкціи реальной уніи; и указаніе на договорное происхожденіе уніи такъ же не дѣлаетъ изъ нея конфедераціи, какъ и указанія Кальгуна и Зейделя на договорное происхожденіе существующихъ федеральныхъ государствъ не уничтожаютъ этой политической формы и не растворяютъ ея въ конфедеративныхъ соединеніяхъ. Въ основаніи реальной уніи можетъ лежать и договоръ (что для Австріи очень сомнительно, такъ какъ взаимное отношеніе Австріи и Венгріи было урегулировано одностороннимъ императорскимъ манифестомъ и патентомъ, даннымъ Венгріи), но этотъ договоръ

есть договоръ о соединеніи и связанномъ съ нимъ подчиненіи, и потому онъ устанавливаетъ государственно-правовое, а не международное соединеніе.

Мы полагаемъ также, что каждое изъ соединенныхъ реальной уніей государствъ не можетъ разорвать по своему усмотрѣнію союзъ. Отдѣленіе Норвегіи отъ Швеціи произошло хотя и мирнымъ, но революціоннымъ, а не правомѣрнымъ путемъ. Этотъ чисто политическій фактъ такъ же мало доказателенъ въ пользу права сецессіи въ реальной уніи, какъ было бы не доказательно это право въ федеральномъ государствѣ, если бы южные штаты Сѣверо-американской республики оказались побѣдителями въ гражданской войнѣ и отдѣлились отъ сѣверныхъ.

VIII.

Для федеративнаго устройства существенень способъ организаціи правительственныхъ властей, вопросы же о томъ, какія права принадлежатъ федерированнымъ властямъ и какія союзной власти, сущности федеративнаго принципа нисколько не касаются; это — вопросы автономности. Нужно отличать федеративность и автономію; первая имѣетъ въ виду, *какъ* организовано соединеніе частей въ политическое цѣлое, вторая имѣетъ въ виду, *что́* предоставлено власти частей и что́ цѣлому.

Въ мѣстной власти отдѣльныхъ штатовъ федеральнаго государства слѣдуетъ, для правильнаго пониманія природы федеральнаго государства, строго различать: 1) мѣстное самоуправленіе, автономію, мѣстную власть въ тѣсномъ смыслѣ слова, вѣдающую внутреннія дѣла, относящіяся до данной области; эта власть не касается сущности федеральнаго устройства и принадлежитъ всякой автономной провинціи и унитарнаго государства; и 2) участіе штата въ образованіи общей воли, власть даннаго штата или кантона, какъ органическаго члена всего федеральнаго союза; именно эта по-

слѣдняя власть связана съ самою юридическою природою федеральнаго государства.

Перваго рода власть (провинціальная автономія) можетъ совершенно отсутствовать, но если сохраняется вторая, то федеральное устройство существуетъ (таково до извѣстной степени современное положеніе нѣкоторыхъ небольшихъ штатовъ Германской имперіи); и первая власть можетъ достигать правъ осуществляемыхъ обычно государственной властью, но если нѣтъ второй изъ указанныхъ нами властей, то нѣтъ и федеральнаго устройства (такова Британская колоніальная имперія). Именно недостаточнымъ вниманіемъ (къ сожалѣнію, обнаруживаемымъ почти всѣми авторами, изслѣдовавшими федеративную проблему) къ данному различію въ правахъ мѣстной власти федерированныхъ штатовъ и объясняется постоянное смѣшеніе федерированныхъ штатовъ съ децентрализованными областями [1]) и связанное съ нимъ непониманіе специфической природы федеральнаго государства. Поэтому нужно точно выяснить разницу всякаго рода децентрализаціи и автономіи отъ федерализма.

Что такое автономія или вообще политическая децентрализація? Понятіе децентрализаціи шире понятія автономіи и самоуправленія, такъ какъ подъ децентрализаціей разумѣется какъ установленіе мѣстной автономіи и самоуправленія, такъ и вообще увеличеніе власти мѣстныхъ органовъ и независимости ихъ правительственныхъ дѣйствій. Децентрализація, въ противоположность централизаціи, гдѣ управляетъ одинъ органъ, а всѣ остальные органы лишь его помощники, имѣется тамъ, гдѣ компетенціи центральнаго учрежденія насколько возможно передаются мѣстнымъ учрежденіямъ, и въ особенности тамъ, гдѣ между центральными и низшими инстанціями существуетъ промежуточная инстанція, родъ средостѣнія.

1) Какъ это видимъ, напр., у Нольде, Очерки русскаго государственнаго права, стр. 270.

Въ понятіе децентрализаціи можетъ быть вносимъ двоякій смыслъ: децентрализаціи въ смыслѣ мѣстнаго самоуправленія, когда мѣстныя дѣла разрѣшаются не представителями центральнаго правительства, а лицами избранными отъ мѣстнаго населенія, это — децентрализація демократическая; и децентрализаціи въ смыслѣ увеличенія компетенціи мѣстныхъ административныхъ органовъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ этой компетенціи самостоятельно и независимо отъ центральной власти, хотя бы эти мѣстные органы и назначались центральнымъ правительствомъ; такова власть англійскихъ генералъ-губернаторовъ въ Канадѣ, Австраліи и Новой Зеландіи, намѣстниковъ въ Россіи, прежнихъ вице-королей въ Китаѣ и т. д.; это — децентрализація бюрократическая, административная[1]).

Хорошо характеризуетъ обще-юридическое положеніе децентрализаціи Дюги, въ связи со своими общими воззрѣніями на природу права. Всякое выраженіе, даже одностороннее, воли, высказанное правительствомъ съ намѣреніемъ взять на себя обязанность въ области права, создаетъ и безъ договора юридическую обязанность. Децентрализація будетъ въ томъ случаѣ, если правители, организуя мѣстное управленіе, рѣшатъ, что извѣстные мѣстные чиновники будутъ выборными, что они будутъ пользоваться болѣе или менѣе обширной опредѣленной компетенціей и находиться внѣ общей правительственной іерархіи, но въ то же время не возложатъ на себя юридической обязанности сохранять эту мѣстную организацію въ ея основныхъ принципахъ. Правители въ этомъ случаѣ могутъ измѣнять и отмѣнять эту систему мѣстной организаціи, не нарушая при этомъ ника-

1) Едва-ли можно принять предлагаемое Лазаревскимъ противопоставленіе термина децентрализаціи самоуправленію (Административное право, СПБ., 1910, стр. 28). То, что онъ разумѣетъ подъ децентрализаціей, хорошо опредѣляется предложеннымъ Ококомъ и уже довольно распространеннымъ терминомъ деконцентраціи.

кого обязательства. Разумѣется, это измѣненіе или отмѣна можетъ совершаться юридически только въ формѣ установленной закономъ; если для измѣненія системы мѣстной децентрализаціи закономъ требуется новый обыкновенный или конституціонный законъ, то юридически правильная отмѣна децентрализаціи должна совершиться въ законодательномъ порядкѣ; если этого не требуется, можетъ оказаться достаточнымъ индивидуальнаго правительственнаго акта. Но это обязательство не будетъ носить матеріальнаго характера для правителей, такъ какъ они могутъ по своему усмотрѣнію его отмѣнить, лишь бы была при этомъ соблюдена та юридическая форма, которая была примѣнена при установленіи децентрализаціи. Разъ правители могутъ отмѣнить автономію, они юридически не обязаны ее уважать [1]).

Отличіе децентрализаціи въ смыслѣ самоуправленія отъ централизаціи въ томъ, что при этой политической системѣ правители назначаются безъ прямого или косвеннаго участія центральнаго правительства; или, какъ совер-

1) Въ этомъ между прочимъ Дюги видитъ отличіе автономіи отъ федерализма. Въ случаѣ федерализма, по мнѣнію Дюги, на правителей падаетъ юридическая обязанность уважать федеральную систему и они не могутъ ее отмѣнить ни въ обычномъ порядкѣ, ни въ конституціонномъ, такъ какъ при установленіи федеральной системы, они берутъ на себя обязательство сохранить ее. Правда, правители, обладая наибольшей силой, фактически, быть можетъ, могутъ уничтожить федеральную самостоятельность и перенести на себя всю власть; но если они это сдѣлаютъ, они нарушатъ обязательство, взятое ими на себя, они произведутъ государственный переворотъ, ставящій правителей, дѣйствующихъ силою, внѣ права. Актъ, посредствомъ котораго центральная федеральная власть уничтожила бы автономію федерализованной территоріи, былъ бы актомъ силы, а не права. Duguit, L'Etat, II, стр. 754—9. Это въ сущности та же теорія, которую защищалъ Мишу и которую мы отвергли уже выше, на стр. 231—234. Никакого обязательства правителю сохранять федеральную форму нѣтъ. Федеральная, какъ и всякая другая политическая форма, не имѣетъ привилегіи вѣчности и неизмѣнности, ни съ политической, ни съ юридической точекъ зрѣнія. Съ юридической точки зрѣнія требуется лишь, чтобы такое измѣненіе произошло въ требуемыхъ правомъ формахъ. Но то же требованіе предъявляется и ко всякой формѣ децентрализаціи и централизаціи.

шенно справедливо опредѣляетъ Нольде, самоуправленіе въ самомъ общемъ смыслѣ есть „форма осуществленія государственныхъ функцій при помощи независимыхъ въ той или иной мѣрѣ лицъ и учрежденіи“ (Очерки, стр. 266). Конечно, подъ этими государственными функціями, отправляемыми самостоятельно, не слѣдуетъ разумѣть всю полноту государственной власти; самоуправленіе будетъ и тогда, когда одна какая-нибудь функція будетъ отправляться самостоятельно; поэтому возможны самоуправленіе законодательное, автономія въ настоящемъ смыслѣ слова, самоуправленіе въ тѣсномъ смыслѣ и, наконецъ, самостоятельная мѣстная юрисдикція.

Децентрализація въ смыслѣ самоуправленія можетъ принимать самыя разнообразныя формы. Таковы провинціи, пользующіяся для своихъ мѣстныхъ дѣлъ самостоятельной мѣстной администраціей и законодательными мѣстными собраніями, какова, напр., Финляндія въ составѣ Россійской Имперіи; это то, что называется инкорпорированными провинціями [1]); таковы колоніи, автономныя или деконцентрированныя; таковы государственно-правовые протектораты, вродѣ Бухары или Хивы; таковы оккупированныя мѣстности и сферы интересовъ, въ которыхъ уже утвердилась власть какого-нибудь государства. Съ точки зрѣнія чисто юридической все это — лишь различныя формы децентрализаціи, не нарушающія унитарнаго характера того государственнаго цѣлаго, въ которое онѣ входятъ. Сюда же дол-

1) Мы находимъ вполнѣ неудачнымъ изобрѣтенное Еллинекомъ понятіе государственнаго фрагмента (Ueber die Staatsfragmente, 1896), какъ особой политической формы, когда какой-нибудь политическій союзъ вышелъ изъ рамокъ самоуправленія, но не имѣетъ еще всѣхъ признаковъ государства. Этотъ терминъ такъ же мало что-нибудь опредѣляетъ, какъ если бы мы опредѣлили какую-нибудь живую форму „существомъ вродѣ человѣка“. Изъ разбираемыхъ Еллинекомъ государственныхъ „фрагментовъ“ Финляндія есть автономная провинція, Хорватія же, съ точки зрѣнія права, есть федерированная часть Венгріи.

жны быть причислены и такъ называемыя иногда вассальныя государства въ тѣхъ случаяхъ, когда суверенитетъ дѣйствительно принадлежитъ сюзеренному государству; если же отношенія между вассальными государствами и сюзереннымъ относятся къ формамъ международно-правового протектората, каково строеніе Турецкой имперіи, то это — форма государства-государствъ, видъ конфедерированнаго соединенія.

Самоуправленіе покоится на совершенно другомъ принципѣ, чѣмъ федерализмъ. Автономная, самоуправляющаяся область всегда на лицо тамъ, гдѣ извѣстная часть общаго союза имѣетъ самостоятельную сферу дѣйствія, образуетъ изъ себя отдѣльную, автономную власть, но эта власть не входитъ, какъ необходимый членъ, въ образованіе суверенитета, вполнѣ принадлежащаго центральной власти. Самостоятельность власти автономныхъ областей можетъ иногда намного превосходить самостоятельность власти штатовъ федеральнаго государства, и тѣмъ не менѣе это будетъ лишь автономія, а не федерализмъ. Самостоятельность Канады неизмѣримо обширнѣе самостоятельности какого-нибудь кантона Швейцаріи или штата Сѣверной Америки, но никакого федерализма въ отношеніяхъ ея къ Англіи нѣтъ. Компетенція мѣстной власти въ Финляндіи простирается на очень обширный кругъ внутреннихъ дѣлъ, но она не образуетъ съ центральной имперской властью обще-государственной суверенной власти, и потому Финляндія была и остается децентрализованной, автономной провинціей. Совершенно невѣрно путаютъ и соединяютъ федерализмъ и автономію; это — два совершенно различныхъ принципа. Федерализмъ, какъ понятіе, скорѣе противоположенъ автономіи. Федерализмъ есть созданіе коллективной власти, автономія — сохраненіе своей индивидуальной. Путаница происходитъ отъ того, что когда обще-союзная власть образуется федеративнымъ образомъ (а не централистическимъ),

то, естественно, федерированныя части, какъ участвующія самостоятельно въ самомъ образованіи обще-союзной власти, склонны сохранять за собою извѣстную долю автономіи. Обычно федерированныя части обладаютъ и автономіей, но это вовсе не необходимо. Можно представить себѣ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ, такое развитіе обще-федеральнаго законодательства, что автономность отдѣльныхъ штатовъ путемъ обычнаго законодательства будетъ сведена на нѣтъ; если однако конституція Штатовъ останется прежней, то федерализмъ сохранится [1]). Федерализмъ вовсе не зависитъ отъ степени автономности частей. Федеральное обще-союзное законодательство есть нѣчто очень текучее, неустойчивое, то расширяющееся, то суживающееся (большею частью расширяющееся).

При федерализмѣ независимыя части соглашаются, объединяются; отношеніе юридическое существуетъ между отдѣльными частями, центральная власть есть лишь соединеніе участвующихъ въ ея образованіи властей. При децентрализаціи существуетъ самостоятельная, предварительно образовавшаяся центральная власть, которая уступаетъ часть своихъ правъ и аттрибутовъ отдѣльнымъ частямъ политическаго союза. При федерализмѣ центральная власть не имѣетъ самостоятельнаго существованія, внѣ соединенія федерированныхъ частей. При децентрализаціи центральная власть имѣетъ самостоятельное существованіе. Децентрализація можетъ быть послѣдующей стадіей политическаго развитія послѣ образованія централистической системы. Она не находится въ противорѣчіи съ унитарной формой правленія.

Въ случаѣ децентрализаціи политическое отношеніе въ смыслѣ распредѣленія обще-государственной власти устанавливается только между центромъ и частями; сторонами

1) Что̀ мы уже между прочимъ и видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Ср. Franklin Pierce, Federal usurpation, N. Y. 1908. Объ этомъ см. ниже, въ отдѣлѣ развитія сѣверо-американскаго федерализма.

этого отношенія являются государство, какъ цѣлое, и его отдѣльныя провинціи; внѣ центральной власти между отдѣльными частями государства, между провинціями нѣтъ взаимоотношенія. Въ случаѣ федеративнаго соединенія союзное отношеніе устанавливается между частями, и центральная власть возникаетъ, какъ представительство этихъ частей, какъ результатъ взаимныхъ отношеній частей; отдѣльныя части союза вступаютъ въ тѣсныя отношенія другъ съ другомъ.

Федерализація не есть децентрализація въ настоящемъ смыслѣ слова. Она есть сложное дуалистическое устройство политической системы, и только. Центръ власти одинъ, такъ какъ одна система власти. Федерализмъ не есть многоцентрализмъ власти. Наоборотъ федерализмъ стремится свести къ одному правительственному центру многіе дотолѣ самостоятельные центры. Децентрализація стремится создать много центровъ власти, самостоятельныхъ другъ по отношенію къ другу и лишь контролируемыхъ и руководимыхъ высшей властью. Федерализмъ же стремится соединить различные центры власти, свести ихъ къ единству, создавши сложное взаимоотношеніе между ними.

Яркое подтвержденіе полнаго различія принциповъ автономіи и федерализма даетъ исторія англійскихъ колоній и англійской федеративной идеи. Идея общебританской федераціи возникла какъ противоположность полной автономіи англійскихъ колоній. И Канада, и Австралія и Новая Зеландія, и Южная Африка вполнѣ автономны. Федерація ихъ не есть дальнѣйшій шагъ ихъ автономнаго развитія, а лишь ихъ соединеніе и скорѣе ограниченіе ихъ автономіи, такъ какъ, вступая въ союзъ, каждая изъ этихъ колоній тѣмъ самымъ уже подчиняетъ себя обще-федеральной власти, между тѣмъ какъ теперь англійскій парламентъ нисколько не касается колоніальнаго законодательства, да и фактически безсиленъ въ этой области. Если мы не проникнемся вполнѣ

той идеей, что автономія и федерализмъ различные политико-юридическіе принципы, мы никогда не поймемъ юридическаго смысла британскаго федеративнаго движенія.

Конечно, федеральное устройство союза всегда сопровождается автономіей отдѣльныхъ соединившихся государствъ, такъ какъ сама федеральная организація союза (а не унитарная) устанавливается именно для охраны мѣстной автономіи, несмотря на общее соединеніе. Но цѣль должна быть строго различаема въ данномъ случаѣ отъ средства; если автономія есть цѣль, то федеративное устройство есть лишь средство, быть можетъ, наиболѣе дѣйствительная гарантія сохраненія автономіи. Но то и другое по юридической природѣ различны. Мы сколько угодно можемъ анализировать статьи сѣверо-американской конституціи, говорящія о компетенціи отдѣльныхъ штатовъ и о компетенціи федеральной власти, или статьи германской конституціи, говорящія о компетенціи имперской власти и властей союзныхъ штатовъ, мы не найдемъ никакихъ указаній на природу федеральнаго государства; мы увидимъ чрезвычайное разнообразіе, необычайную неопредѣленность этого распредѣленія и ни къ какому опредѣленному результату притти не сможемъ. Просто потому, что мы не тѣ статьи разсматриваемъ, какія нужно. Разд. 8—10 ст. 1-й сѣв.-амер. конституціи или ст. 4 германской конституціи опредѣляютъ не принципъ федеративнаго устройства этихъ государствъ, а принципъ автономіи соединенныхъ частей. Такъ какъ цѣлью федеративнаго устройства очень часто является сохраненіе автономіи соединяющихся частей, то эта автономія обычно съ большою тщательностью опредѣляется статьями о компетенціи федеральныхъ и мѣстныхъ властей.

IX.

Сложное федеративное устройство правительственной власти служитъ обычно въ федеральномъ государствѣ средствомъ для наилучшаго обезпеченія автономности соединен-

ныхъ частей. Поэтому большую практическую важность (какъ вообще во всѣхъ децентрализованныхъ организаціяхъ) получаетъ вопросъ о компетенціи.

При юридическихъ конструкціяхъ федеральнаго государства обыкновенно очень много вниманія удѣляется распредѣленію компетенціи между федеральной властью и властью отдѣльныхъ штатовъ. Въ согласіи съ только что высказаннымъ нами воззрѣніемъ на соотношеніе федеративнаго и автономическаго принциповъ, мы полагаемъ, что вопросы о такомъ распредѣленіи компетенцій выходятъ изъ предѣловъ истиннаго федерализма. Это — вопросы той или другой степени самоуправленія и вообще децентрализаціи и ея гарантій.

Распредѣленіе компетенціи между обще-федеральною и мѣстною властями, а не между центральными и мѣстными органами обще-государственнаго суверенитета, ничѣмъ по существу не отличается отъ распредѣленія компетенціи въ сильно децентрализованномъ государствѣ. Федеральной власти, образуемой изъ совмѣстнаго направленія воль центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, принадлежитъ полный суверенитетъ, такъ какъ ей принадлежитъ право измѣнять конституцію. Отдѣльные штаты могутъ имѣть права, но это будутъ автономическія, а не федеральныя права.

Для существа федеральнаго государства важно одно, насколько значительно участіе штатовъ въ образованіи суверенитета, и какова при этомъ роль высшихъ обще-государственныхъ органовъ, представляющихъ штаты въ ихъ особности, какую долю въ образованіи суверенитета играютъ эти послѣдніе органы. Компетенція отдѣльныхъ штатовъ можетъ быть неограниченно широкой, объемлющей почти всѣ суверенныя права, но если обще-федеральная суверенная власть (т. е. та, которая можетъ уменьшить или уничтожить эту компетенцію штатовъ) осуществляется одними органами центральной власти, на образованіе которой штаты если и оказываютъ вліяніе, но только какъ представители единаго союза,

а не какъ особыя политическія организаціи, то никакаго федеральнаго начала въ такомъ государственномъ устройствѣ не будетъ. Это будетъ лишь сильно децентрализованное государство.

Такъ какъ для существа федеральнаго государства важно дуалистическое образованіе суверенитета, то вопросомъ федеральнаго распредѣленія компетенцій будетъ разсмотрѣніе того, какъ раздѣлены права между тѣми высшими правительственными органами, черезъ которые проявляется двойное вліяніе отдѣльныхъ штатовъ, какъ источниковъ обще-суверенной власти. Для федерализма важно знать не то, какую компетенцію имѣетъ отдѣльный штатъ, а то, какой объемъ власти принадлежитъ тому федеральному органу, въ которомъ представлены штаты въ ихъ особности.

Что касается до децентралистическаго распредѣленія компетенцій въ федеральномъ государствѣ, то оно обусловливается въ значительной степени тѣми цѣлями, которыя ставятся этому государству при его образованіи.

Федеральное государство, какъ цѣлое, преслѣдуетъ обще-государственныя, національныя цѣли, поскольку онѣ не могутъ быть достигнуты отдѣльными частями союза; именно эта общая цѣль и способствуетъ объединенію государствъ въ одно коллективное государство. Компетенція федеральной власти простирается поэтому на выполненіе всѣхъ національныхъ коллективныхъ цѣлей, какъ въ смыслѣ охраны внутренняго и внѣшняго, публичнаго и частнаго правового состоянія, такъ и въ смыслѣ споспѣшествованія общему благу.

Власть федеральнаго правительства распространяется не только на рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ и на всѣ спорные вопросы, возникающіе между страною и иностранными правительствами, что исключительно принадлежатъ компетенціи федеральной власти, но и не такія постановленія, которыя необходимы для полнаго осуществленія благъ, пред-

ставляемыхъ союзомъ, въ чемъ федеральная власть дѣлитъ свою компетенцію съ властью отдѣльныхъ штатовъ.

Въ практическомъ отношеніи здѣсь возникаетъ чрезвычайно важный вопросъ, возбудившій значительныя контроверзы, имѣетъ ли силу договоръ, заключенный федеральнымъ правительствомъ, но затрагивающій законодательную компетенцію отдѣльныхъ штатовъ. Нельзя лучше отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ это сдѣлалъ проф. Бартелеми по поводу столкновенія Японіи и Соединенныхъ Штатовъ изъза японской иммиграціи въ Калифорнію (Revue générale de droit international, 1907, стр. 636 и сл.).

Государство приняло международное обязательство, государство-контрагентъ можетъ отъ него потребовать его выполненія. Правительство, взявши на себя обязательство, не можетъ претендовать, что по своей конституціи оно не имѣло компетенціи для заключенія такого договора; государство-кредиторъ не можетъ входить въ эти детали внутренняго управленія. Договоръ, выходящій за предѣлы конституціонной компетеціи правительства, вслѣдствіе этого еще не ничтоженъ. Нельзя здѣсь прилагать нормъ частнаго права и уподоблять правительство попечителю, который одинъ бы заключилъ договоръ, требующій вмѣшательства семейнаго совѣта. Стороны въ данномъ случаѣ не два индивида, обязанные повиновеніемъ одному закону: онѣ — два отдѣльныхъ существа, независимыхъ одно отъ другого, и каждая не обязана соблюдать конституцію своего контрагента. Онѣ должны только знать, кто имѣетъ власть и компетенцію заключать и ратификовать договоръ. Внѣ этого государство не обязано подчинять себя конституціонному праву другой державы; очевидно ему было бы отказано въ компетенціи толковать это конституціонное право и, въ такомъ случаѣ, оно должно было бы подчинять себя рѣшенію внутреннихъ властей другого государства, что было бы противно ея суверенитету. Внѣ, страна долж-

нымъ образомъ представлена своимъ правительствомъ; тѣ же постановленія внутренняго порядка, которыя ограничиваютъ или опредѣляютъ власть этого правительства, не имѣютъ международной цѣны. Правительство, заключая договоръ, знало границы своей компетенціи, оно должно было не заключать его, если онъ внѣ ея компетенціи; но не можетъ быть допущена, чтобы уклониться отъ исполненія обязательства, ссылка съ его стороны на нарушеніе, сознательно совершенное имъ, своего чисто національнаго закона. Договоръ, заключенный федеральнымъ правительствомъ, хотя бы онъ и наталкивался на препятствія внутренняго федеральнаго порядка, имѣетъ силу. Отсюда вытекаетъ другой вопросъ, на который тоже долженъ быть данъ положительный отвѣтъ: Можетъ ли федеральный союзъ принудить отдѣльный штатъ къ выполненію его международныхъ обязательствъ? Съ точки зрѣнія международнаго права, слѣдуетъ прежде всего спросить, могутъ ли затрудненія, проистекающія отъ федеральнаго устройства государства, сдѣлать болѣе легкими международныя обязательства федераціи или ослабить ея отвѣтственность въ случаѣ невыполненія ея обязательства. На этотъ вопросъ безъ колебаній слѣдуетъ отвѣчать отрицательно. Государство не можетъ укрываться за недостаточность своего собственнаго законодательства или за особенности своей собственной организаціи, чтобы требовать уменьшенія своихъ международныхъ обязательствъ; въ самомъ дѣлѣ, государство не можетъ односторонне видоизмѣнять, черезъ свою внутреннюю законодательную власть, международнаго законодательства. Одно федеральное государство представляетъ собою международную личность, являющуюся должникомъ по международнымъ обязательствамъ, а не штаты, его составляющіе. Если со стороны послѣднихъ и происходитъ какое-нибудь сопротивленіе, то это — домашнее дѣло, не могущее быть противопоставляемо иностраннымъ державамъ для оправданія

ослабленія обязательствъ федеральнаго государства, точно такъ же какъ и отвѣтственность унитарнаго государства не можетъ быть видоизмѣнена вслѣдствіе недостатковъ его законодательства или слабости его способовъ дѣйствія. Всякое государство обязано организоваться такимъ образомъ, чтобы его международныя обязательства выполнялись всѣми тѣми, на кого простирается его суверенитетъ, какъ индивидами, такъ и коллективностями. Англія попробовала ослабить свою отвѣтственность въ Алабамскомъ дѣлѣ, сославшись на то, что ея законодательство не позволяетъ ей препятствовать выходу изъ ея портовъ судовъ, вооруженныхъ южными штатами; но она очень скоро поняла, что она должна отказаться отъ такой аргументаціи, противорѣчащей самымъ очевиднымъ принципамъ. Этотъ принципъ одинаковую силу имѣетъ для федеральныхъ государствъ, какъ и для унитарныхъ.

Въ связи съ вопросомъ о распредѣленіи компетенцій въ федеральномъ государствѣ обычно большое вниманіе удѣляется вопросу о томъ, подчинены или неподчинены штаты федеральному государству. Теорія дѣлимости суверенитета отвергала такое подчиненіе; другіе авторы считаютъ, что подчиненіе штатовъ есть существенный признакъ, отличающій федеральное государство отъ конфедераціи государствъ. Мы тоже полагаемъ, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ такомъ подчиненіи, о которомъ столь прямо говорятъ, напр., ст. 2, 4 и 19 конституціи Германской имперіи. Reichsrecht bricht Landsrecht; но, принимая это положеніе, нужно избѣгать ошибки и не смѣшивать имперской власти съ центральной властью имперіи. Имперская власть, какъ власть федеральная, составляется изъ взаимодѣйствія центральной и мѣстной властей, поэтому она выше и мѣстной и центральной власти.

Такъ какъ федеральная власть осуществляетъ обще-государственныя цѣли, то, разумѣется, она должна обладать и внѣшними правительственными средствами для осуществленія

этихъ цѣлей. Поэтому обычно федеральной власти дается самостоятельная исполнительная власть; она владѣетъ обыкновенно финансовыми и военными средствами и имѣетъ собственный служебный персоналъ; размѣры того и другого могутъ быть различны, но существенно необходимо, чтобы федеральная власть занимала независимое положеніе по отношенію къ мѣстнымъ властямъ. Изъ этого нисколько однако не слѣдуетъ, чтобы и въ области военныхъ и финансовыхъ средствъ и въ области исполнительной администраціи не требовалось содѣйствія мѣстныхъ властей. Обыкновенно это содѣйствіе и требуется, но насколько широко должно быть оно, это въ различныхъ федеральныхъ конституціяхъ устанавливается различно.

Очень существенной гарантіей точнаго соблюденія компетенціи, какъ съ автономической, такъ и съ федеральной точекъ зрѣнія, является то, чтобы споры о компетенціи въ предѣлахъ данной конституціи разрѣшались не одной изъ спорящихъ сторонъ, а особымъ безпристрастнымъ учрежденіемъ, верховнымъ конституціоннымъ судомъ. Такой конституціонный трибуналъ можетъ быть какъ въ спорахъ о федеральной компетенціи, т. е. въ конфликтахъ между центральной и мѣстной властями (и въ этомъ случаѣ онъ входитъ въ общую организацію суверенной власти, возвышающейся и надъ центральной и надъ мѣстной властью), такъ и въ спорахъ объ автономной компетенціи, т. е. въ конфликтахъ между общегосударственной и мѣстной властями; въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не возвышается надъ спорящими властями, такъ какъ обще-государственная суверенная власть можетъ разрѣшать споры и другимъ, суверенным образомъ, правомѣрно расширивши свою компетенцію и на спорное отношеніе; но она можетъ и не пожелать прибѣгать къ такому способу и обратиться за разъясненіемъ къ компетентному судебному учрежденію.

Такъ какъ въ федеральномъ государствѣ суверенитетъ

образуется изъ двойного источника, и высшіе правительственные органы, обладающіе въ своемъ единеніи суверенитетомъ, исходятъ изъ двухъ противоположныхъ принциповъ, общности и особности, то естественно искать при ихъ спорахъ о компетенціи третій органъ, который бы безпристрастно рѣшалъ эти споры съ точки зрѣнія строгаго дѣйствующаго права. Но эти поиски тщетны; такого органа не можетъ быть. Этотъ органъ или будетъ возникать внѣ вліянія одного изъ двухъ федеративныхъ началъ (общаго и мѣстнаго) и, слѣдовательно, необходимо найти какой-то, неизвѣстно какой, третій принципъ для политической организаціи, или онъ будетъ образовываться подъ исключительнымъ вліяніемъ одного общаго или мѣстнаго принципа и потому не можетъ быть безпристрастнымъ, или, наконецъ, онъ будетъ образовываться подъ комбинированнымъ вліяніемъ обоихъ началъ, и тогда онъ отразитъ въ себѣ лишь соотношеніе обѣихъ противоположныхъ силъ въ правительственной организаціи даннаго федеральнаго государства.

Впрочемъ въ этой послѣдней формѣ такой высшій федеральный трибуналъ, разбирающій споры о компетенціяхъ, является если и не совершенной, то одной изъ наилучшихъ гарантій ненарушимости распредѣленія компетенціи. Однако этотъ судъ, если онъ организованъ вполнѣ самостоятельно, — а онъ имѣетъ значеніе только въ этомъ послѣднемъ случаѣ, — можетъ узурпировать право компетенціи въ свою пользу, что мы и видимъ отчасти въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ верховный союзный судъ подчинилъ себѣ различныя правительства и имѣетъ право объявлять, соотвѣтствуютъ ли законы или распоряженія, исходящія отъ правительствъ штатовъ, компетенціи, представленной имъ союзною конституціей, и, слѣдовательно, могутъ ли они имѣть законную силу.

Споры о компетенціи возникаютъ главнымъ образомъ между федеральной и мѣстными властями, съ точки зрѣнія

дѣйствующей конституціи, поэтому и федеральный конституціонный судъ есть преимущественно учрежденіе, касающееся вопросовъ автономизма; но вопросъ объ измѣненіи конституціи въ цѣляхъ расширенія или суженія той или другой компетенціи есть вопросъ существенно федеративный.

Какимъ образомъ можетъ быть произведено измѣненіе конституціи? Такъ какъ при такомъ измѣненіи можетъ быть уничтожено само федеративное начало государственнаго устойства, то при федеральномъ устройствѣ необходимо, чтобы въ рѣшеніи объ измѣненіи конституціи особенная сила была дана мѣстной власти, какъ носительницѣ федеральнаго начала.

Федеральныя конституціи устанавливаютъ особыя правила для измѣненія конституціи. Право производить эту перемѣну не можетъ принадлежать ни центральному правительству, ибо въ этомъ случаѣ штаты потеряли бы всякую долю независимости, ни правительству штатовъ, ибо въ этомъ случаѣ власть центральнаго правительства сдѣлалась бы призрачной. Право видоизмѣнять конституцію въ федеральномъ государствѣ принадлежитъ согласному дѣйствію обѣихъ властей. Только федеральная государственная власть, какъ таковая (а не центральная власть и не штаты), можетъ измѣнять компетенцію.

Здѣсь возникаетъ спорная контроверза, могутъ ли быть окончательно уничтожены федеральною властью всѣ прерогативы отдѣльныхъ штатовъ. Мы не думаемъ, что этотъ вопросъ имѣетъ спеціальное отношеніе къ федеральнымъ государствамъ. Онъ одинаково можетъ быть поставленъ и по отношенію ко всякимъ автономическимъ правамъ, которыя государство дало бы провинціямъ, обязавшись ихъ сохранять и затруднивши законодательный пересмотръ ихъ.

Очень часто на этотъ вопросъ авторы (ср. разобранныя нами выше теоріи Мишу и Дюги) отвѣчаютъ отрицательно и ссылаются на опредѣленныя статьи конституціонныхъ актовъ,

вродѣ ст. 78, § 2 германской конституціи: „тѣ предписанія имперской конституціи, которыми установлены опредѣленныя права отдѣльныхъ союзныхъ государствъ въ ихъ отношеніи ко всей имперіи, могутъ быть измѣнены лишь съ согласія облеченныхъ этими правами союзныхъ государствъ".

То или иное рѣшеніе вопроса о такъ называемыхъ особыхъ резервированныхъ правахъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ зависитъ отъ того, являются ли они договорными или конституціонными. Когда конституція возникаетъ по договору и одной изъ договаривающихся сторонъ оговорены особыя независимыя отъ обычныхъ пересмотровъ конституціи права и указаны средства ихъ отмѣны, то, разумѣется, съ юридической точки зрѣнія эти права могутъ быть отмѣнены или измѣнены только съ согласія данной договаривающейся стороны или съ соблюденіемъ той процедуры, которая можетъ быть указана для пересмотра этихъ правъ. Въ этихъ особенныхъ правахъ нѣтъ ничего специфически принадлежащаго федеральному государству. Въ такомъ же юридическомъ положеніи суверенная государственная власть находится и по отношеніи ко всякому договорному обязательству, взятому на себя государствомъ передъ автономной провинціей или даже передъ отдѣльнымъ индивидомъ.

Тамъ же, гдѣ нѣтъ управомоченной стороны, имѣющей права по договору, а гдѣ есть общее ограничивающее самообязательство федеральной власти, тамъ оно юридически неприкосновеннаго значенія не имѣетъ. Государство, установившее эту самоограниченіе, можетъ его и отмѣнить, предварительно лишь отмѣнивши ту статью закона, которая устанавливаетъ это ограниченіе. Если, напр., признать, что особыя права, резервированныя штатамъ Германской имперіи, не носятъ договорнаго характера, а покоятся лишь на обще-имперскомъ конституціонномъ законѣ, то они перестаютъ быть юридически неприкосновенными. Не говоря о томъ, что не извѣстно, кто будетъ рѣшать, является ли ка-

кое-нибудь данное право дѣйствительно тѣмъ, которое особыми предписаніями конституціи оставлено отдѣльнымъ федерированнымъ штатамъ, и что разъ право аутентическаго толкованія и разрѣшенія конфликтовъ принадлежитъ федеральной власти, то эта послѣдняя можетъ уничтожить права отдѣльныхъ федерированныхъ штатовъ путемъ толкованія и разрѣшенія спора о компетенціяхъ, не говоря объ этомъ, самое главное — въ томъ, что самъ § 2 ст. 78 конституціи можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ въ общемъ конституціонномъ порядкѣ, а не съ согласія всѣхъ федерированныхъ штатовъ; поэтому и этотъ параграфъ подлежитъ дѣйствію § 1 той же 78 ст., гласящаго: „измѣненія конституціи производятся въ законодательномъ порядкѣ. Они считаются отклоненными, если противъ нихъ въ союзномъ совѣтѣ подано 14 голосовъ". Слѣдовательно, законодательнымъ порядкомъ можетъ сначала быть отмѣнена ст. 78, § 2, а потомъ въ томъ же порядкѣ уничтожено и спеціальное право федерированнаго государства.

То же самое можно сказать и относительно гарантіи правъ отдѣльныхъ штатовъ въ Соединенныхъ Штатахъ правомъ федеральнаго высшаго суда провѣрять конституціонность законовъ, по ст. III, разд. 2 конституціи. Эта статья, какъ и всѣ остальныя статьи конституціи, можетъ быть отмѣнена съ соблюденіемъ процедуры, указанной въ ст. пятой той же конституціи, по предложенію $^2/_3$ каждой палаты конгресса, или $^2/_3$ законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ, принятому законодательными собраніями или конвентами $^3/_4$ отдѣльныхъ штатовъ. Въ концѣ пятой статьи конституціи С. Штатовъ, говорящей о порядкѣ пересмотра конституціи, утверждается, что „ни одинъ штатъ не долженъ быть лишенъ, помимо его согласія, равнаго представительства въ сенатѣ". Этотъ параграфъ такъ же можетъ быть отмѣненъ въ порядкѣ общей ревизіи конституціи. Наконецъ, нельзя забывать, что и самая пятая статья, гласящая о порядкѣ пересмотра кон-

ституціи можетъ быть отмѣнена или измѣнена, съ соблюденіемъ при этомъ постановленій ея самой.

Измѣненіе федеральныхъ конституцій можетъ обычно происходить лишь при содѣйствій федеральнаго, мѣстнаго элемента, но перевѣсъ почти всегда находится на сторонѣ государственнаго начала, такъ какъ истиннымъ воплощеніемъ федеративнаго договорнаго начала было бы требованіе, чтобы конституціонные вопросы рѣшались по единогласному рѣшенію всѣхъ соединившихся государствъ, на основаніи такъ сказать liberum veto; но это было бы признакомъ того, что каждое государство сохранило свой суверенитетъ, и политическая форма была бы не федеральнымъ государствомъ, а конфедераціей государствъ. Поэтому же въ федеральномъ государствѣ отдѣльныя части не имѣютъ права выхода изъ общаго союза.

Теорія федеральнаго государства, какъ своеобразнаго образованія общаго суверенитета изъ совмѣстнаго дѣйствія центральной и мѣстной властей, имѣетъ въ виду лишь общую типическую политическую форму. Въ дѣйствительности существующія федеральныя государства не являются чистымъ выраженіемъ этого типа, а лишь промежуточными образованіями по пути къ созданію унитарнаго государства. Въ этомъ впрочемъ и политическое значеніе ихъ.

III. Политическое значеніе федерализма и децентрализаціи.

. Политическая роль конфедерализма и федерализма. — II. Значеніе и границы децентрализаціи. — III. Національный принципъ съ точки зрѣнія федерализма и децентрализаціи.

Цѣль правильнаго политическаго устройства, соотвѣтствующаго соціологической природѣ человѣческихъ общежитій, отвѣчающаго требованіямъ высшаго нравственнаго принципа и согласнаго со специфической природой права и политической власти, есть гармоническое примиреніе идеи индивидуальности и идеи человѣчества, или, выражаясь соціологическими терминами, политической интеграціи, обнимающей въ единый юридическій синтезъ все болѣе обширныя общественныя группы, вплоть до всего человѣчества, и политической дифференціаціи, расчленяющей общественную работу и дающей широкое развитіе личнымъ иниціативамъ и индивидуальнымъ силамъ.

Съ точки зрѣнія указанной разумной цѣли всякаго политическаго устройства и соотвѣтственно различной своей природѣ федерализмъ и децентрализація призваны играть совершенно различную политическую роль.

Федерализмъ есть выраженіе политической интеграціи человѣческихъ обществъ, одно изъ политическихъ средствъ органическаго соединенія дотолѣ аморфно жившихъ общинъ, этапъ по пути къ истинно органическому единству. Авто-

номизмъ или децентрализація есть выраженіе политической дифференціаціи обществъ, необходимое расчлененіе слишкомъ обширной политической власти, одно изъ средствъ поддержанія жизненности въ сильно разросшихся политическихъ образованіяхъ.

Связь, обычно встрѣчающаяся въ исторіи, между федерализмомъ и децентрализаціей заключается въ томъ, что федеральное устройство служитъ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ, но вѣрныхъ средствъ обезпеченія децентрализаціи.

I.

Политическая жизнь человѣческихъ обществъ находится въ постоянномъ потокѣ; однѣ политическія формы переходятъ въ другія; на ряду съ вполнѣ организованными общежитіями существуютъ промежуточныя формы, еще не принявшія опредѣленнаго образа отношеній, зародыши новыхъ образованій или остатки уже отжившихъ обществъ; все это придаетъ политическому міру пестрый и разнообразный видъ.

Въ этомъ сложномъ и запутанномъ мірѣ политическихъ отношеній можно однако подмѣтить одну основную идею здороваго развитія: постоянное расширеніе политическаго суверенитета и дифференціацію способовъ его осуществленія. Федерализмъ есть одинъ изъ моментовъ по первому пути, децентрализація — по второму.

Наименѣе интегрированное политическое состояніе есть чистая политическая аморфія, изолированное существованіе совершенно обособленныхъ общинъ. Установленіе постоянныхъ юридическихъ отношеній вызываетъ первоначально неорганизованный конфедерализмъ, а потомъ и конфедерализмъ организованный.

Конфедерализмъ имѣетъ цѣлью объединеніе дотолѣ совершенно разъединенныхъ частей. Въ этомъ его политическое значеніе. Конфедерализмъ играетъ объединяющую

роль тамъ, гдѣ до него не было никакого прочнаго и организованнаго единенія, а лишь политическая аморфія. Конфедеративныя соединенія есть первая стадія по пути политической организаціи. Они вносятъ нѣкоторый, приблизительный порядокъ въ политическій хаосъ; поэтому, напр., переходъ отъ безпорядочныхъ междугосударственныхъ отношеній къ юридической упорядоченности выражается въ ростѣ международнаго конфедерализма; поэтому же желаніе на мѣсто нынѣшняго анархическаго экономическаго строя создать организацію упорядоченнаго труда выливается въ форму экономическаго конфедерализма, и т. д.

Эту политическую роль конфедерализма не достаточно понимаютъ тѣ теоріи, которыя объявляютъ конфедеративное соединеніе людей за политическій идеалъ и хотятъ на мѣсто различныхъ современныхъ государственныхъ формъ поставить лишь свободные конфедеративные союзы. Мы имѣемъ въ виду анархическія ученія. Изъ детальнаго разсмотрѣнія доктринъ большинства анархистовъ явствуетъ, что онѣ въ сущности не отрицаютъ политической организаціи вообще, а лишь единую государственную суверенную власть. Тѣ формы свободныхъ союзовъ и федерацій, о которыхъ онѣ мечтаютъ, не могутъ быть названы иначе, какъ конфедеративными союзами. Это мы находимъ у Прудона, то же видимъ и у Кропоткина. Кропоткинъ, напр., отрицая государство, считаетъ, что оно существуетъ лишь съ XVI в., и, слѣдовательно, понимаетъ подъ государствомъ нѣчто узкоограниченное, лишь одну изъ государственныхъ формъ. Крайніе синдикалисты, представляющіе особое теченіе конфедеративнаго анархизма, отрицая государство, въ большинствѣ случаевъ, — и вполнѣ справедливо, — протестуютъ противъ названія анархистовъ. Общественной ячейкой, свободнымъ союзомъ является для нихъ исключительно профессіональный союзъ. Анархистично въ сущности у конфедералистовъ лишь то, что они отрицаютъ современное госу-

дарство и его дѣятельность и ждутъ наступленія новаго, тоже, въ концѣ-концовъ, государственнаго, строя не черезъ работу современныхъ государственныхъ органовъ, а внѣ ихъ и независимо отъ нихъ.

Конфедерація, не вырабатывая единой суверенной власти, является неустойчивымъ политическимъ соединеніемъ и сопровождается постоянными конфликтами, въ результатѣ которыхъ конфедеральное соединеніе должно или вновь вернуться въ прежнее аморфное состояніе или перейти въ слѣдующую политическую стадію, федеральное государство, децентрализованное унитарное государство.

Конфедерація есть союзъ однихъ правительствъ, и потому она не представляетъ никакихъ гарантій устойчивости и дѣйственности своей политики. Историческій опытъ всѣхъ конфедерацій какъ нельзя болѣе наглядно показалъ, что въ проведеніи общей конфедеральной политики нельзя полагаться, при исполненіи общихъ союзныхъ законовъ и доставленіи общихъ союзныхъ средствъ, на свободное содѣйствіе и добрую волю конфедерировавшихся государствъ. Когда распоряженія центральной конфедеральной власти обязательны только для правительствъ отдѣльныхъ государствъ и исполняются правительствами этихъ государствъ черезъ собственныхъ должностныхъ лицъ и собственныхъ судей, то распоряженія конфедеральной власти, не одобренныя мѣстнымъ общественнымъ мнѣніемъ, не угодныя данному правительству, оставляются безъ исполненія. Чтобы избѣжать постоянныхъ невыполненій и игнорированій конфедеральныхъ законовъ, надо держать конфедеральную экзекуціонную армію. Но сама эта армія въ конфедераціи составляется изъ контингентовъ, поставляемыхъ каждымъ государствомъ. Можно всегда ожидать, что государства, сочувствующія непокорному члену конфедераціи, откажутся поставлять войско для экзекуціи противъ непокорнаго государства или даже окажутъ помощь ему.

Центральная конфедеральная власть, основывающаяся на свободномъ соглашеніи суверенныхъ союзовъ, осуждена на полное безсиліе. Отсюда естественно всегда вытекало стремленіе надѣлить центральную союзную власть независимостью отъ мѣстной, дать ей собственныя средства и силу принудительно осуществлять союзный законъ и союзную политику, т. е. превратить конфедерацію государствъ въ федеральное государство.

Цѣлый арсеналъ аргументовъ противъ конфедеральной формы правленія находимъ мы въ Федералистѣ, который и издавался съ цѣлью побудить сѣверо-американскіе штаты перейти отъ конфедеральнаго къ федеральному соединенію. Множество подобныхъ же аргументовъ находимъ мы въ обширной политической литературѣ тѣхъ странъ и въ тѣ эпохи, гдѣ и когда совершался подобный же переходъ, въ нѣмецкой, швейцарской, австралійской литературѣ и т. д.

Болѣе совершенной формой политическаго объединенія является федеральный союзъ. Къ федеральнымъ соединеніямъ можно относиться и дѣйствительно относятся двояко: можно смотрѣть на нихъ или какъ на расчлененіе большихъ имперій и государствъ или какъ на соединеніе нѣсколькихъ государствъ въ новое болѣе обширное единое цѣлое. Въ политической литературѣ всѣхъ болѣе или менѣе обширныхъ государствъ, въ связи со стремленіями къ децентрализаціи, существуетъ сильное теченіе выставить федерализмъ, какъ политическое требованіе автономизма и самоуправленія. Съ другой стороны, исторія показываетъ намъ только примѣры объединительной роли федерализма. Мы полагаемъ, что единственно правильная точка зрѣнія на федерализмъ та, которая сходится въ данномъ случаѣ съ исторіей.

Федерализмъ есть та стадія, черезъ которую проходитъ политическая организація людей по пути объединенія, это

одно изъ наиболѣе распространенныхъ средствъ политической интеграціи. Федерализмъ есть путь соединенія, а не разъединенія, будетъ ли это федерализмъ національно-государственный, когда объединяются въ одну политическую организацію разныя, дотолѣ разрозненныя части единой національной или политической системы, будетъ ли это федерализмъ международный, когда независимыя государства и націи соединяются другъ съ другомъ въ одну общую систему. Федерализмъ есть необратимое назадъ движеніе политической интеграціи. Конфедерація имѣетъ тяготѣніе перейти въ федеральное государство, это послѣднее — въ унитарное государство. Федерализмъ, какъ компромисъ, какъ переходная форма не можетъ быть политическимъ идеаломъ; идеалъ — унитарное государство.

Въ формѣ государственнаго федерализма, въ широкомъ смыслѣ слова, мыслимы объединенія самыхъ разнообразныхъ союзовъ: территоріально-областной федерализмъ, когда федеративно объединяются въ одно цѣлое нѣсколько территоріальныхъ политическихъ союзовъ, которые или образовывали до этого самостоятельныя государства или послѣ этого пріобрѣли положеніе штатовъ федеральнаго государства; національный федерализмъ, когда объединяются не территоріальные союзы области, а личные союзы-національности, которыя могутъ и не занимать исключительно какой-нибудь опредѣленной области; административный федерализмъ, когда объединяются въ одно федеральное цѣлое отдѣльныя отрасли государственной, политической службы; наконецъ, профессіонально-экономическій федерализмъ, по которому федеративный принципъ полагается въ основу экономической и вообще соціальной жизни, благодаря широкому развитію корпорацій, кооперацій, профессіональнаго представительства и вообще введенію коллективнаго начала въ политическую жизнь страны. Изъ всѣхъ указанныхъ воз-

можныхъ видовъ федерализма дѣйствительно отвѣчаетъ политической роли этой формы правленія только федерализмъ дотолѣ независимыхъ государствъ. Для всѣхъ же другихъ указанныхъ цѣлей федеративная форма, будучи построена на дуалистическомъ образованіи суверенитета, мало пригодна. Въ удовлетвореніи этихъ задачъ, поскольку онѣ допустимы съ точки зрѣнія единства государства, призвана выполнять свое политическое предназначеніе административная децентрализація.

Нормально федеральное государство возникаетъ изъ разростанія территоріи, а не черезъ раздѣленіе унитарнаго государства. Поэтому областный федерализмъ, превращающій унитарное государство въ соединенные штаты, нужно считать имѣющимъ очень мало шансовъ на успѣхъ. Всякое установленіе новаго политическаго равновѣсія соединено обычно съ расширеніемъ поля власти; областной же федерализмъ соединенъ съ уменьшеніемъ объема власти.

Очень часто федерализмъ выставляется (анархистами, синдикалистами, провинціанальными націоналистами) какъ политическая цѣль децентрализаціи и раздробленія унитарнаго государства. Но эта политическая программа расходится совершенно съ уроками исторіи. Централизованное государство часто переходитъ къ децентрализаціи, но нѣтъ примѣровъ федерализаціи унитарнаго государства. Обычная ссылка на южно-американскія государства на самомъ дѣлѣ никакой доказательной силы не имѣетъ, такъ какъ тамъ все находится еще въ полномъ періодѣ броженія и неожиданнаго перехода отъ однѣхъ формъ къ другимъ; часто унитарныя и федеральныя конституціи слѣдуютъ одна за другой на протяженіи какого-нибудь десятка лѣтъ. Въ частности Бразилія, на которую любятъ ссылаться, раньше своей нынѣшней федеральной конституціи 1891 г. уже имѣла федеральное устройство при имперіи, по закону 1834 г.

То начало дуалистическаго раздѣленія, которое высту-

паетъ въ федеральномъ государствѣ, не есть новое явленіе, какъ результатъ историческаго развитія, а наоборотъ лишь остатокъ прежней полной изолированности штатовъ. При образованіи изъ конфедераціи или чистой аморфіи федеральнаго государства, обычно подъ вліяніемъ стремленія къ усиленію внѣшней власти, на пути къ полному соединенію очень часто возникало значительное препятствіе въ видѣ партикуляристскаго духа отдѣльныхъ государствъ и нежеланія ихъ отказаться отъ своихъ суверенныхъ правъ и особенно подчиниться союзной власти. Какъ компромисъ, какъ неустойчивое равновѣсіе между анархіей и имперіей и выбирался федерализмъ, повидимому до нѣкоторой степени удовлетворявшій и требованіямъ единства власти и стремленіямъ отдѣльныхъ государствъ сохранить свою свободу.

Въ качествѣ условія для существованія федерализма необходимо, чтобы соединяющіяся страны были достаточно близки другъ другу, по географическому положенію, исторіи и другимъ элементамъ, но чтобы въ то же время у населенія было желаніе лишь единенія, а не единства. Основа федерализма и есть эта смѣсь единенія и раздѣленія. У населенія должны быть двѣ различныя воли, до нѣкоторой степени даже несовмѣстимыя: обще-національное желаніе національнаго единства и мѣстно-государственная воля сохранить независимость каждаго государства. Необходимо, чтобы соединяющіеся народы до извѣстной степени симпатизировали другъ другу и чтобы они чувствовали себя въ отдѣльности не достаточно сильными для борьбы съ другими государствами и поэтому искали бы постоянной союзной помощи. Но эти стремленія не должны быть настолько сильными, чтобы преодолѣть ихъ нежеланіе образовать единое правительство и единую суверенную власть. Поэтому при образованіи федеральнаго государства отдѣльнымъ штатамъ предоставляется все то, что нуждается въ автономіи и что можетъ быть предоставлено самоуправленію по

самой своей природѣ; и лишь остальное включается въ сферу власти гармонически объединеннаго цѣлаго.

Сведенная къ своему наиболѣе простому выраженію, политическая проблема состоитъ въ томъ, чтобы найти равновѣсіе между двумя противоположными элементами, политической интеграціей и частнымъ обособленіемъ. Всякое неправильное равновѣсіе немедленно приводитъ къ состоянію безпорядка и разрушенія, къ угнетенію и бѣдствію гражданъ. Аномаліи или нарушенія общественнаго порядка являются послѣдствіемъ антагонизма его принциповъ; они исчезаютъ, когда принципы такъ координированы, что они не могутъ болѣе вредить. Уравновѣсить двѣ силы значитъ подчинить ихъ одному закону, который, заставляя ихъ уважать одна другую, устанавливаетъ между ними согласіе. Этотъ законъ, возвышающійся надъ обоими противоположными интересами, объединенія и обособленія, дается общимъ соглашеніемъ этихъ элементовъ, сообща вырабатывающихъ суверенную власть.

Въ политической литературѣ очень подробно дебатируется обыкновенно вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, силѣ и слабости федеральнаго правленія [1]). Но вопросъ обычно при этомъ ставится неправильно. Федеральная форма, какъ одна изъ стадій политическаго развитія, не можетъ оцѣниваться сама по себѣ, а лишь въ сопоставленіи или съ прежней менѣе упорядоченной системой или съ возможнымъ болѣе организованнымъ устройствомъ. Часто оцѣнка федеральнаго устройства производится въ томъ смыслѣ, что эта форма соединяетъ лишь хорошія стороны большихъ и малыхъ государствъ, избѣгая ихъ недостатковъ. Преимущество малыхъ націй будто бы въ томъ, что онѣ благопріятствуютъ созданію свободнаго строя, и затрудняютъ появленіе тиранніи, — малыя націи предполагаются

1) См. довольно подробное, чисто политическое разсмотрѣніе различныхъ сторонъ федеральныхъ соединеній у Чичерина, Курсъ государственной науки, III, 277 и сл.

болѣе свободными и счастливыми, чѣмъ большія. Недостатокъ малыхъ націй — отсутствіе силы, опасность завоеванія, робость въ матеріальномъ и духовномъ творчествѣ. Преимущество большихъ націй — сила; большія государства способствуютъ развитію цивилизаціи. Федеральная система даетъ, по мнѣнію многихъ своихъ защитниковъ, союзу ту силу, которая свойственна большимъ націямъ, и охраняетъ свободу, присущую малымъ. Союзъ свободенъ и счастливъ, какъ малая нація, уважаемъ, какъ большая. Такъ смотрѣлъ на федеральную форму, напр., Монтескье. „Если государство мало, оно разрушается внутренней силой, — пишетъ Монтескье (Esprit des lois, IX, 1), — если оно велико, оно разрушается вслѣдствіе внутренняго порока“. Противъ этого нѣтъ спасенія; но люди выдумали федеральную форму, какъ дающую внутреннія выгоды республиканскаго правительства и внѣшнюю силу монархіи. Именно федераціи государствъ способствовали процвѣтанію древней Греціи. Благодаря имъ римляне аттаковали вселенную и благодаря имъ однѣмъ и вселенная защищалась противъ римлянъ. „Эта государственная форма, будучи въ состояніи бороться противъ внѣшней силы, можетъ сохраниться въ своемъ величіи, не разлагаясь внутри. Форма этого соединенія предупреждаетъ всякаго рода неудобства“. При ней не можетъ быть политической узурпаціи однимъ тиранномъ. Если происходитъ возстаніе въ одной части союза, другія могутъ усмирить ее. Если злоупотребленія возникаютъ въ какой-нибудь части, они могутъ быть исправлены болѣе здоровыми частями. Это государство можетъ погибнуть съ одной стороны, не погибая съ другой. Конфедерація можетъ быть разрушена, а союзники останутся суверенными.

Великое достоинство всякаго федеральнаго образованія въ томъ, что оно расширяетъ поле мира, увеличивая объемъ упорядоченной правомъ системы. Уменьшая

число малыхъ государствъ, уменьшая число вообще государствъ, федерація уменьшаетъ количество войнъ, конфликтовъ, раздоровъ, неизбѣжныхъ среди мелкихъ самостоятельныхъ общежитій.

Но представляя громадный прогрессъ и возрастаніе силы по сравненію съ разрозненнымъ политическимъ состояніемъ, федеральныя государства однако не обладаютъ ни тою силою, ни тою устойчивостью, какую мы находимъ въ унитарныхъ государствахъ. Наполеонъ правильно оцѣнилъ съ этой стороны федераціи: „Федерализмъ ослабляетъ большія государства, раздѣляя ихъ силы, но наоборотъ, онъ увеличиваетъ силу малыхъ государствъ, обезпечивая каждому изъ нихъ его естественную энергію“. Эту сравнительную слабость федеральныхъ государствъ, въ особенности въ случаѣ ихъ внѣшнихъ столкновеній, видѣли и сами принципіальные защитники федерализма. Токвилль говоритъ: „Никто болѣе меня не можетъ оцѣнить преимуществъ федеральной системы. Въ ней я вижу одну изъ самыхъ могучихъ комбинацій въ пользу человѣческаго благополучія и свободы. Я завидую судьбѣ націй, которымъ дано было ею обладать. Но я отказываюсь однако вѣрить, чтобы вступившіе въ федерацію народы могли бы долго бороться, при равенствѣ силъ, противъ націи, въ которой правительственная власть централизована“ (Oeuvres, I, 287).

Истинно федеральное государство есть слабое правительство. Распредѣленіе государственнаго суверенитета между союзнымъ и мѣстнымъ правительствами неизбѣжно приводитъ къ тому результату, что общее правительство не можетъ обладать тою властью, которая принадлежитъ суверену въ унитарномъ государствѣ. Всемозможныя сдержки и противовѣсы приводятъ къ неизбѣжной потерѣ энергіи. Слѣдовательно, федерація всегда будетъ въ положеніи менѣе выгодномъ въ случаѣ борьбы съ унитарнымъ государствамъ одинаковой силы.

Федерализмъ опредѣляетъ и слѣдовательно ограничиваетъ власть каждаго правительственнаго вѣдомства, онъ поэтому неблагопріятенъ для правительственнаго вмѣшательства. Вслѣдствіе этого, федеральное правительство есть система сохраненія statu quo и непримиримо съ планами широкаго соціальнаго обновленія.

Федеральное государство не является устойчивой политической формой. Неустойчивость эта проистекаетъ отъ сложности и запутанности организаціи суверенной власти. Въ ней повидимому на лицо два равныхъ, по противоположныхъ по принципу суверенныхъ органа, и какъ бы ни старались раздѣлить сферу ихъ дѣйствія, они постоянно будутъ соприкасатся другъ съ другомъ и стремиться другъ друга разрушить.

Задача всякаго политическаго устройства есть созданіе равновѣсія раздѣленныхъ властей. Эта проблема одна изъ самыхъ трудныхъ, и она дѣлается особенно трудной для федеративныхъ правительствъ. Въ этомъ случаѣ функціи власти распредѣляются не только между различными органами одного и того же правительства, но и между нѣсколькими правительствами, представляющими различные штаты, и правительствомъ всего федеральнаго союза. При федеральной формѣ правленія нужно распредѣлить не только функціи власти, но и саму власть: надо раздробить законодательство, правительство и администрацію и распредѣлить ихъ на двѣ различныя части. Какъ вычислить заранѣе реальное значеніе каждой изъ этихъ частей? Всегда, въ союзѣ, болѣе населенные штаты будутъ стремиться къ усиленію вліянія центральнаго правительства.

Вообще во всякомъ федеральномъ государствѣ центральная власть имѣетъ постоянную тенденцію расти или умаляться, расти, когда она перешла извѣстную границу, умаляться, если она ея не достигла. Государство есть суверенитетъ, т. е. сила. Законъ же силъ состоитъ въ томъ,

что онѣ стремятся къ движенію. Поставьте въ соприкосновеніе два суверенитета: тотчасъ же они оба будутъ стремиться или къ поглощенію или къ изолированности. Когда соприкосновеніе сильно, результатъ — поглощеніе: конфедерація эволюціонируетъ къ федеральному государству, федеральное государство — къ унитарному и протекторатъ — къ аннексіи. Когда соприкосновеніе слабо, результатъ — изолированіе. Эволюція роковая, вынуждаемая самой природой суверенитета. Впрочемъ большинству государственныхъ соединеній больше свойственна унитарная тенденція, что подтверждается всей ихъ исторіей.

Изъ неустойчивости федеральной формы слѣдуетъ, что она не терпитъ измѣненій; ея продолжительное сохраненіе возможно только при самомъ строгомъ политическомъ консерватизмѣ, достигаемомъ тѣмъ, что измѣненія федеральной конституціи обставляются самыми различными трудностями. Но для того, чтобы эти затрудненія при пересмотрахъ конституціи уважались и дѣйствительно препятствовали измѣненію конституціи, требуется особенно развитое чувство законности. Сѣверо-американцы думали достигнуть этого установленіемъ преобладанія въ конституціи судебной власти. Но и эта мѣра не помогла. Федеральный судъ сдѣлался въ Соединенныхъ Штатахъ однимъ изъ орудій разрушенія федеральной конституціи.

Федерализмъ не есть конечная цѣль, политическій идеалъ, а лишь временное соглашеніе въ процессѣ объединенія дотолѣ разъединенныхъ обществъ. Историческій опытъ показываетъ, что каждая политическая форма, начиная съ полной изолированности, стремится перейти въ болѣе интегрированную. Федерализмъ тоже вездѣ является одной изъ стадій къ созданію унитарнаго государства.

II.

Политическій принципъ федерализма заключается въ томъ, что федерализмъ есть средство соединенія разъединеннаго, а не децентрализація единаго. Федерализмъ не можетъ поэтому быть организаціей тѣхъ общежитій, въ которыхъ центробѣжная сила пересиливаетъ силу единенія. Если въ обществѣ нѣтъ достаточнаго стремленія къ общему единству, оно не можетъ быть построено на федеративномъ принципѣ. Такъ какъ федерализмъ есть та политическая форма, въ которой мѣстныя власти участвуютъ, какъ таковыя, въ своей особности, въ образованіи общаго суверенитета, то отъ нихъ зависитъ судьба государства. При значительной ихъ отталкиваемости, государство должно распасться.

При децентрализаціи мѣстныя власти, въ своей особности, въ образованіи суверенитета не участвуютъ, и поэтому судьба государства отъ нихъ не зависитъ. Весь суверенитетъ принадлежитъ центральной власти, т. е. той, которая представляетъ именно единство государства. Поэтому децентрализація сама по себѣ, даже при отталкивающихся частяхъ общества, менѣе опасна для единства государства, чѣмъ федерализмъ.

Общее политическое правило и при децентрализаціи должно быть тѣмъ же, что и при федерализмѣ. Она должна служить средствомъ единенія и скрѣпленія общественнаго цѣлаго. Эта роль ея находится въ зависимости отъ множества конкретныхъ обстоятельствъ, поэтому децентрализація не можетъ выставляться, какъ общій абстрактный принципъ. Вообще говоря, мѣра самостоятельности, которую можно разумнымъ образомъ предоставить въ государствѣ отдѣльнымъ частямъ, провинціи, общинѣ, классу, профессіи, индивиду, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ крѣпче сдѣлалось государство благодаря цѣлесообразнымъ центральнымъ учрежденіямъ. Такова всегда была политика Англіи при децентрализаціи отдѣльныхъ частей имперіи, и это — самая мудрая политика.

Необходимость децентрализаціи возникаетъ, какъ требованіе политической гибкости и расчлененности правительственнаго организма, обусловливающихъ собою жизненную силу политической формы.

Первая основная задача разумно допустимой децентрализаціи, въ широкомъ смыслѣ слова понимаемой, заключается въ обезпеченіи индивидуальной самодѣятельности и личнаго почина. Для жизненной силы политическаго организма необходимо предоставить извѣстную сферу самоуправленія свободной личности. Нельзя всей политической системы сводить къ одной господствующей сверху власти. Индивидъ призванъ играть свою функцію, необходимую для здоровой жизни общества. Центральная власть и индивидуальная дѣятельность должны выполнять двѣ различныя функціи, одинаково необходимыя для государственнаго бытія. Центральная власть беретъ на себя функціи общественной охраны и правовой гарантіи, что дѣлаетъ необходимымъ для нея обладаніе правами господства и принужденіемъ. Индивидъ призванъ выполнять въ обществѣ функціи иниціативы и риска. Эти функціи не сводимы другъ къ другу.

Сфера индивидуальной самодѣятельности не можетъ быть построена на принципѣ федерализма; допустить его значило бы признать правильность анархическихъ утопій. Но разумно предоставленная децентрализація можетъ вполнѣ отвѣчать этой цѣли. Нельзя лучше выразить этого мнѣнія, чѣмъ это сдѣлалъ въ свое время Токвилль. „Я думаю, — писалъ Токвилль, — что центральная администрація, когда она претендуетъ вполнѣ замѣнить свободное содѣйствіе самихъ заинтересованныхъ, обманывается или хочетъ васъ обмануть. Какою бы просвѣщенною, какою бы ученою мы ни воображали центральную власть, она одна не можетъ охватить всѣ детали жизни великаго народа. Она не можетъ достигнуть этого, потому что по-

добный трудъ превосходитъ человѣческія силы. Когда она хочетъ, одними своими заботами, создать и заставить функціонировать столько различныхъ пружинъ, она или довольствуется очень неполнымъ результатомъ или истощаетъ себя въ безполезныхъ усиліяхъ. Правда, централизаціи легко удается подчинить внѣшнія дѣйствія человѣка извѣстному однообразію, которое въ концѣ концовъ начинаютъ любить само по себѣ, независимо отъ вещей, къ которымъ оно прилагается, подобно тѣмъ ханжамъ, которые почитаютъ статую, забывая представляемое ею божество. Централизаціи безъ труда удается придать правильный ходъ текущимъ дѣламъ; учено регулировать детали общественной полиціи; подавить легкіе безпорядки и мелкіе проступки; поддержать общество въ statu quo, которое въ сущности не является ни упадкомъ, ни прогрессомъ; поддержать въ соціальномъ организмѣ родъ административной дремоты, которую администраторы обычно называютъ хорошимъ порядкомъ и общественной тишиной. Ей удается, однимъ словомъ, помѣшать, а не создать. Когда же дѣло идетъ о томъ, чтобы глубоко взволновать общество или придать ему быстрый ходъ, ея сила покидаетъ ее. Какъ только ея мѣры нуждаются въ самомъ ничтожномъ содѣйствіи частыхъ лицъ, съ удивленіемъ мы констатируемъ тогда слабость этой громадной машины; она вдругъ оказывается безсильной. Тогда случается иногда, что централизація съ отчаяніемъ пытается призвать гражданъ себѣ на помощь; но она имъ говоритъ: „вы будете дѣйствовать, какъ я захочу, поскольку я захочу и именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ я буду хотѣть. Вы возьмете на себя эти детали, не стремясь однако управлять цѣлымъ; вы будете работать въ потемкахъ, и позже вы будете судить о моемъ твореніи по его результатамъ“. Однако не на подобныхъ условіяхъ получаютъ содѣйствіе человѣческой воли. Ей нужна свобода въ пріемахъ, отвѣтственность за свои

дѣйствія. Человѣкъ такъ уже сдѣлалъ, что онъ предпочитаетъ оставаться неподвижнымъ, чѣмъ безъ независимости итти къ цѣли, которой онъ не знаетъ“ (Oeuvres, I, 151). „Какое мнѣ дѣло, въ концѣ концовъ, что есть всегда готовая власть, бодрствующая, чтобы мои удовольствія были спокойны, забѣгающая предо мною впередъ, дабы устранить всѣ опасности, такъ чтобы мнѣ не нужно было объ этомъ даже заботиться; если эта власть, въ то самое время какъ она устраняетъ такимъ образомъ всѣ шипы съ моего пути, является абсолютной владычицей моей свободы и моей жизни; если она монополизируетъ движеніе и существованіе до такой степени, что нужно всему вокругъ ея быть въ оцѣпенѣніи, когда она оцѣпенѣетъ, спать, когда она спитъ, погибать, когда она умираетъ?“ (I, 155).

Когда государства централизуются и уничтожаютъ въ себѣ всякій слѣдъ мѣстнаго самоуправленія, они неизбѣжно работаютъ надъ собственнымъ упадкомъ и собственнымъ исчезновеніемъ. Централизація не можетъ остановиться на полдорогѣ; какъ во всемъ, въ ней есть своя логика. Разумно организованное мѣстное самоуправленіе даетъ государству силу сопротивленіи, прочность, которыя нельзя найти ни въ какой другой системѣ. Постройте обширное зданіе лишь на четырехъ внѣшнихъ стѣнахъ; чѣмъ болѣе оно будетъ обширно и высоко, тѣмъ болѣе оно будетъ подвергаться риску рухнуть сразу. Такова централизація. Если, наоборотъ, внутренность раздѣлена на отдѣльныя помѣщенія хорошими стѣнами, зданіе останется попрежнему цѣльнымъ, но оно будетъ гораздо болѣе прочнымъ. Такова децентрализація.

Децентрализація въ политическомъ устройствѣ оправдывается не только какъ средство создать нужное для жизненной силы государства равновѣсіе между индивидуальнымъ починомъ и рискомъ и исходящей изъ единаго центра координаціей коллективной силы, но и какъ средство наилуч-

шаго выполненія административныхъ задачъ, падающихъ на государство. Административная дѣятельность государствъ непомѣрно развивается; непрерывно растущія задачи по удовлетворенію самыхъ разнообразныхъ хозяйственныхъ и иныхъ цѣлей требуютъ солидарной работы, отправляемой изъ многихъ центровъ. „Когда страна, писалъ Милль, превышаетъ извѣстные размѣры, ею трудно управлять съ успѣхомъ изъ одного центра или даже трудно вести правильный надзоръ за ея управленіемъ. Существуютъ обширныя государства, управляемыя такимъ образомъ, но ихъ управленіе вообще или по крайней мѣрѣ управленіе отдаленныхъ провинцій очень неудовлетворительно, и только въ томъ случаѣ, когда ихъ населеніе находится въ полудикомъ состояніи, оно не можетъ самостоятельно завѣдывать своими дѣлами“.

Разумѣется не можетъ быть децентрализована сама рѣшающая власть правительства, но могутъ быть децентрализованы второстепенныя и подчиненныя функціи управленія. Таково, какъ извѣстно, было мнѣніе Токвилля. „Существуетъ два вполнѣ различныхъ рода централизаціи, и слѣдуетъ ихъ хорошо знать. Нѣкоторые интересы общи всѣмъ частямъ націи, таково общее законодательство и внѣшнія отношенія народа. Другіе интересы спеціальны нѣкоторымъ частямъ націи, таковы, напр., общинныя предпріятія. Сконцентрировать въ одномъ и томъ же мѣстѣ или въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ власть надъ первыми значитъ основать то, что я называю правительственной централизаціей. Сконцентрировать подобнымъ же образомъ власть надъ вторыми значитъ основать то, что я называю административной централизаціей. Есть пункты, въ которыхъ эти оба вида централизаціи сливаются; но беря въ цѣломъ, легко различить объекты, которые болѣе спеціально входятъ въ область одной изъ нихъ. Понятно, что правительственная централизація пріобрѣтаетъ чрезвычайную силу, когда она соединяется съ административной центра-

лизаціей. Такимъ способомъ онъ пріучаетъ людей постоянно и вполнѣ отвлекаться отъ своей воли, повиноваться не разъ и не въ одномъ пунктѣ, а во всемъ и всегда. Тогда она укрощаетъ ихъ не только силою, но и вліяніемъ привычки. Оба эти вида централизаціи оказываютъ взаимную помощь, тяготѣютъ одна къ другой; но я не повѣрю, чтобы онѣ были нераздѣлимы. При Людовикѣ XIV Франція видѣла самую большую правительственную централизацію, какую только можно себѣ представить, такъ какъ одинъ и тотъ же человѣкъ издавалъ общіе законы и имѣлъ власть ихъ толковать, представлялъ Францію вовнѣ и дѣйствовалъ ея именемъ. „Государство — это я“, говорилъ онъ; и онъ былъ правъ. Однако при Людовикѣ XIV было гораздо менѣе административной централизаціи, чѣмъ въ наши дни. Въ наше время мы видимъ Англію, у которой правительственная централизація достигла чрезвычайно высокой степени: государство, повидимому, движется въ немъ какъ одинъ человѣкъ; она поднимаетъ по своей волѣ громадныя массы, соединяетъ и переноситъ, куда хочетъ, все напряженіе своей власти. Англія, совершившая за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ такія великія дѣла, не имѣетъ однако административной централизаціи. Что касается меня, я не могу представить себѣ націи, которая могла бы жить и особенно процвѣтать безъ сильной правительственной централизаціи. Но я думаю, что административная централизація способна только ослабить народы, подчиняющіеся ей, такъ какъ она непрерывно стремится уменьшить среди нихъ духъ гражданственности. Правда, административной централизаціи удается соединить въ данную эпоху и въ опредѣленномъ мѣстѣ всѣ наличныя силы націи, но она вредитъ возсозданію силъ. Она даетъ націи торжество въ день битвы, но съ теченіемъ времени она уменьшаетъ ея мощь. Она можетъ слѣдовательно удивительнымъ образомъ содѣйствовать преходящему величію одного человѣка, но не постоянному благополучію народа“ (I, 142 и сл.).

Центральная государственная власть должна простираться лишь на тотъ кругъ дѣлъ, которыя относятся къ интересамъ всего государства и общи для всѣхъ подданныхъ. Единственное средство противъ оцѣпенѣнія государственной власти состоитъ въ томъ, чтобы передать общинамъ, провинціямъ и вообще отдѣльнымъ организмамъ, находящимся въ государствѣ, извѣстную область самостоятельной дѣятельности и тѣмъ создать практически твердыя границы государственной власти.

Административная децентрализація можетъ войти въ общую политическую систему, какъ ея необходимый конститутивный элементъ, устанавливающій жизненное равновѣсіе, противопоставляя, какъ два источника административной власти, одинъ господствующій, другой подчиненный, — правительство и народъ. Государственвая децентрализація тѣсно связана съ естественной эволюціей государства. Населенія, у которыхъ создается государственный строй, уже осѣли на территоріи и имѣютъ политическія установленія; въ извѣстный моментъ многія первоначальныя политическія установленія концентрируются добровольно или вслѣдствіе завоеванія, и надъ ними возвышается государственная правительственная машина. Государственный строй возвышается надъ патримоніальными политическими установленіями особенно потому, что онъ оказывается въ состояніи устранить ихъ недостаточность и ихъ слабыя стороны и удовлетворить новымъ нуждамъ; его развитіе вызывается и сопровождается сочувственнымъ ему теченіемъ общественнаго мнѣнія. Государственный строй является, какъ высшая идея, какъ идеалъ реформъ.

Однако не желательно, чтобы государство совершенно уничтожало первоначальныя установленія; настройка государства надъ ними должна привести къ равновѣсію между государственнымъ строемъ и строемъ первоначальнымъ; отъ этого равновѣсія лишь выиграетъ продолжительность общественной системы и свобода индивидовъ. Здѣсь, по мнѣнію

Горіу, посвятившаго вопросу объ административной децентрализаціи очень интересное изслѣдованіе, нужно различать слѣдующія историческія стадіи. Сначала государство лишь борется за укрѣпленіе своего верховенства надъ первоначальными установленіями, стремясь не измѣнить ихъ, а замѣнить; здѣсь имѣется настоящее политическое равновѣсіе, ибо государство еще не наиболѣе сильная сторона. Послѣ извѣстнаго періода такого параллельнаго дѣйствія, государство, сдѣлавшись болѣе сильнымъ, стремится уничтожить первоначальныя установленія, какъ политическія организаціи, считая себя единственнымъ господиномъ. Въ этотъ періодъ нѣтъ настоящаго политическаго равновѣсія, такъ какъ государство дѣлается сувереномъ; впрочемъ фактически этотъ суверенитетъ сдерживается сильной общественной децентрализаціей. Движеніе политической централизаціи продолжается въ административной формѣ. Но практическія выгоды административной централизаціи и правильность государственныхъ службъ не могутъ возмѣстить нарушенія равновѣсія, произведеннаго разрушеніемъ старинныхъ первобытныхъ установленій. Чего-то не хватаетъ для здоровья политическаго организма. Въ странѣ создается какая-то пустота; всякая самопроизвольность и всякая жизнь убиваются. Тогда наступаетъ періодъ административной децентрализаціи.

Административная децентрализація есть дальнѣйшее продолженіе политической децентрализаціи, ея основная идея заключается въ томъ, чтобы, въ извѣстной степени, взять административную функцію у правительства и дать ее странѣ, т. е. націи. Административная функція, по опредѣленію Горіу, состоитъ главнымъ образомъ въ отправленіи службъ, въ которыхъ заинтересовано общество, т. е. въ созданіи, организованіи и правильномъ веденіи учрежденій, имѣющихъ въ виду общественные интересы и не преслѣдующихъ, слѣдовательно, прямо ни централизаторской цѣли, ни собственной

корпоративной цѣли. Что касается до правительства, разсматриваемаго отдѣльно отъ администраціи, то его собственная функція заключается въ „централизаціи націи“. Нація, сама по себѣ, естественно децентрализована и безглава; она состоитъ изъ конфедераціи учрежденій и автономныхъ положеній. Функція государственнаго правительства — централизовать націю и составить не достающую ей голову. Административная функція естественно стремится къ децентрализаціи и естественно принадлежитъ націи, откуда неизбѣжны раздѣленіе между правительствомъ и администраціей и равновѣсіе между ними. Это раздѣленіе происходитъ не на логической основѣ различія функцій, а на чисто практическомъ основаніи равновѣсія. Въ самомъ дѣлѣ, правительство не уступаетъ администраціи отправленія всѣхъ службъ, оставляя за собою лишь контроль; оно сохраняетъ за собою и административныя функціи. Съ другой стороны, и администрація, даже децентрализованная, удерживаетъ за собою нѣкоторую долю правительственной принудительной власти. Происходитъ взаимное проникновеніе функцій и властей, какъ при раздѣленіи конституціонныхъ властей и по тѣмъ же основаніямъ, такъ какъ каждый изъ раздѣляемыхъ организмовъ нуждается въ сохраненіи всѣхъ элементовъ жизни.

Политическая роль децентрализаціи сказывается главнымъ образомъ въ томъ, что благодаря ей дается политическое выраженіе соціальной дифференціаціи. Всякое развитое общество представляетъ собою не однородную массу одинокихъ индивидовъ-атомовъ, соединенныхъ лишь властью, исходящею изъ одного центра, но сложное и расчлененное органическое цѣлое. Подъ сложнымъ вліяніемъ двухъ основныхъ выраженій общественной солидарности, по сходству людей и черезъ раздѣленіе труда, въ обществѣ выдѣляются отдѣльныя группы, особые классы и профессіи, между членами которыхъ устанавливается особенно тѣсная

зависимость, какъ послѣдствіе одинаковаго характера производимой работы и сходства условій жизни. Здѣсь мы нисколько не входимъ въ область политическихъ пожеланій и соціальныхъ идеаловъ. Общественное расчлененіе есть фактъ, какъ къ нему ни относиться. Подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ соціологическихъ факторовъ, среди которыхъ не малую роль играетъ экономическій законъ раздѣленія труда, происходитъ сложная, на основѣ группировокъ, организація общественныхъ силъ.

Развитому и упорядоченному состоянію обществъ всегда соотвѣтствуетъ стремленіе индивидовъ сорганизоваться въ самые разнообразные союзы, для удовлетворенія своихъ различныхъ интересовъ, религіозныхъ, экономическихъ, художественныхъ и т. д. Личность отъ этого лишь выигрываетъ: принадлежность къ многимъ соціальнымъ группамъ дѣлаетъ человѣка болѣе подвижнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свободнымъ; индивидуальная иниціатива и всѣ богатства личныхъ силъ находятъ себѣ просторъ для полнаго развитія. Благодаря общественному расчлененію внутри большого, но однообразнаго міра создаются оригинальные отдѣльные небольшіе міры, гдѣ многіе находятъ себѣ ту жизнь, какая имъ наиболѣе подходитъ.

Если же общество перестаетъ представлять однообразную массу равныхъ и похожихъ другъ на друга индивидовъ, то нельзя примѣнять одинъ и тотъ же принципъ политической организаціи и къ урегулированію отношеній между несходными группами, связанными органической солидарностью (по терминологіи Дюркгейма), и къ урегулированіи отношеній между сходными членами каждой группы, связанными лишь механической солидарностью по сходству. Между тѣмъ всякое централистическое правительство неизбѣжно основывается на единомъ принципѣ, что́ противорѣчитъ соціологическому закону двоякой солидарности, органической и механической. Отсюда естественно получается выводъ, что необходима де-

централизація управленія, которая дала бы каждой группѣ своеобразную власть, свойственную ея спеціальной природѣ, и общую власть для всѣхъ группъ.

Изъ этой идеи исходятъ въ своихъ требованіяхъ различныя общественно-экономическія теченія нашего времени, изъ которыхъ укажемъ хотя бы на синдикализмъ, нашедшій себѣ такихъ сильныхъ теоретическихъ защитниковъ въ лицѣ Поля Бонкура, Бенуа и Дюги. По словамъ Дюги, во всемъ этомъ движеніи слѣдуетъ видѣть лишь стремленіе дать опредѣленное юридическое строеніе различнымъ общественнымъ классамъ, т. е. группамъ людей, уже соединенныхъ равенствомъ работы въ раздѣленіи общественнаго труда. Задача — создать координацію различныхъ классовъ между собою, сводящую до минимума соціальную борьбу. Это есть организація аморфной массы индивидовъ; это есть конструированіе въ обществѣ сильныхъ и связанныхъ группъ, съ опредѣленнымъ юридическимъ строеніемъ. Политическое завершеніе всего этого движенія къ профессіональной самоорганизаціи, по словамъ наиболѣе уравновѣшенныхъ и умѣренныхъ защитниковъ этого движенія, должно быть профессіональное представительство интересовъ, т. е. представительство нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ.

Мы полагаемъ, что въ опредѣленный моментъ политической эволюціи и въ извѣстной степени децентрилизація можетъ быть допущена и какъ принципъ при образованіи самой правительственной власти унитарнаго государства. Это имѣетъ мѣсто въ современныхъ демократіяхъ при гипертрофіи парламентарной централизаціи. Здѣсь мы касаемся вопроса о кризисѣ парламентаризма въ различныхъ странахъ Европы, обсуждать который здѣсь не мѣсто. Парламенты, съ утвержденіемъ народнаго суверенитета и съ устойчивой организаціей политическихъ партій, повсюду стремятся стать всемогущими конвентами, сосредоточивающими въ своихъ рукахъ всѣ государственныя функціи, законодательную, исполнительную

и судебную. Въ то же время, перегруженные работою, они не въ силахъ справиться съ той безграничной правительственной работой, которую они сами возлагаютъ себѣ на плечи. Эти всемогущіе центральные парламенты при всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ, благодаря узурпаціи народнаго мнѣнія и воли политическими партіями, перестаютъ быть представительствомъ того народа, волю котораго они должны выражать. Это явленіе въ функціонированіи парламентарнаго правительства обратило на себя вниманіе очень многихъ политическихъ мыслителей тѣхъ странъ, которымъ приходится съ нимъ считатся, и все болѣе и болѣе какъ средство нѣкотораго врачеванія недуговъ парламентаризма предлагается и правительственная децентрализація: деволюція парламентской власти мѣстнымъ парламентамъ, созданіе группового и профессіональнаго представительства и т. п. Эта тенденція хорошо была формулирована Еллинекомъ: „Современное общество, говоритъ онъ, охвачено процессомъ развивающейся самоорганизаціи. Самые разнообразные человѣческіе интересы, которымъ тщетно хотятъ дать выраженіе при составленіи парламента, все болѣе и болѣе объединяютъ отдѣльныхъ лицъ въ множество взаимно-перекрещивающихся группъ. Право образованія корпорацій являются самымъ могучимъ средствомъ для группировки гражданскаго общества, обреченнаго, какъ первоначально казалось, на личную распыленность. Въ этихъ корпораціяхъ идея представительства можетъ получить гораздо болѣе вѣрное выраженіе, чѣмъ въ существующихъ центральныхъ парламентахъ, потому что органы корпорацій предназначены служить лишь болѣе ограниченнымъ интересамъ своихъ членовъ, въ противоположность неосуществимой идеѣ отразить всю жизнь народа въ его представительствѣ. Нѣкоторымъ изъ этихъ корпорацій уже нынѣ открыты легальные пути для воздѣйствія на правитества и законодательство тѣмъ, что имъ предоставлено право петицій и внесенія пред-

ложеній. Здѣсь таится зародышъ новой формы законодательства. Для отдѣльныхъ отраслей законодательства должны были бы быть учреждены спеціальные парламенты на основѣ все рѣзче вырисовывающейся соціальной группировки. Такіе спеціальные парламенты, непосредственно созданные группировкой общества, могло бы вступать въ прямыя сношенія только съ правительствомъ. Задача послѣднаго заключалась бы въ томъ, чтобы взвѣшивать требованія отдѣльныхъ народныхъ группъ, а центральный парламентъ, надѣленный значительно меньшей компетенціей, чѣмъ въ настоящее время, долженъ былъ бы уравновѣшивать эти интересы преимущественно путемъ выраженія своего согласія или отказа“ (Конституціи, ихъ измѣненіе и преобразованіе).

Цѣль децентрализованнаго строенія общества не индивидуальная свобода и не уменьшеніе принципа власти, а наибольшое здоровье и устойчивость соціальныхъ формъ, наибольшое укрѣпленіе начала власти черезъ гарантированіе въ политической организаціи простора индивидуальнымъ иниціативамъ. Она есть посильное примиреніе двухъ разумныхъ интересовъ — принудительнаго осуществленія общаго блага и свободнаго индивидуальнаго почина. Она должна быть вводима въ общественныя формы какъ подвижное начало равновѣсія.

Подводя итогъ сказанному, мы приходимъ къ тому заключенію, что вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ централизованной или децентрализованной организаціи, какъ и федерализма, не можетъ быть рѣшенъ апріорно и абсолютно. Все зависитъ отъ всей совокупности обстоятельствъ. Централизованная форма оказывается наилучшей для охраны безопасности, для внѣшней защиты. Она желательна для органовъ власти, какъ увеличивающая ихъ власть. Мѣстныя вольности привлекательны; онѣ воодушевляютъ на работу. Но и великія цѣли, которыя ставитъ себѣ государство, за-

ставляютъ часто забывать о мѣстныхъ вольностяхъ, и способны еще болѣе воодушевить на патріотическую работу.

Государство вообще есть равновѣсіе; съ одной стороны, оно должно уважать индивидуальную иниціативу и самостоятельность каждаго изъ своихъ составныхъ элементовъ; съ другой стороны, оно должно обезпечить единство юридическаго порядка черезъ господство одной изъ силъ, сдерживаемой однако другими. Оно находится подъ вліяніемъ двухъ противорѣчивыхъ политическихъ началъ: во-первыхъ, преимущества и необходимости созданія обширныхъ политическихъ системъ для общей защиты, для осуществленія цѣлей экономической независимости, для усиленія культурнаго уровня, для разрѣшенія многихъ задачъ, требующихъ созданія обширныхъ государствъ; во-вторыхъ невозможности или по крайней мѣрѣ затруднительности управлять обширными государствами изъ одного центра.

Для преодолѣнія этихъ затрудненій разумнѣе всего передать часть власти изъ центра на мѣста; но, памятуя о томъ, что цѣлъ всякаго политическаго устройства есть наибольшая сила и координированность дѣйствій, такое самоуправленіе должно предоставлять только тѣмъ областямъ и постольку, гдѣ и поскольку оно усилитъ государственное единство, а не ослабитъ его.

Утвержденіе, что всякая политическая индивидуальность, какъ таковая, должна имѣть автономію, ошибочна. Всякое политическое цѣлое представляетъ сложное и спутанное соединеніе самыхъ разнородныхъ областей. Экономическія противорѣчія, классовыя различія, а въ то же время связь и зависимость однѣхъ областей отъ другихъ настолько увеличивается, что дѣлается все труднѣе образованіе автономныхъ областей. Иначе государство превратилось бы въ рядъ мелкихъ тираній экономическаго, національнаго, вѣроисповѣднаго и т. д. характера.

III.

О политическомъ значеніи федерализма и децентрализаціи слѣдуетъ особенно помнить при обсужденіи и рѣшеніи чрезвычайно сложнаго и запутаннаго національнаго вопроса [1]).

При разсмотрѣніи національнаго вопроса съ точки зрѣнія той или иной политической организаціи, въ основаніе должны быть полагаемы тѣ же исходныя политическія идеи, какъ и при разсмотрѣніи общаго политическаго значенія той или другой формы правленія. Оцѣниваемая сама въ себѣ съ политической точки зрѣнія, каждая организація правительственной власти должна измѣряться критеріемъ наибольшей своей устойчивости, силы, жизнеспособности и жизнедѣятельности. Въ основаніе политической организаціи нельзя полагать тѣхъ началъ, которыя могутъ разрушить ее. Кромѣ того, обсуждаемая съ общей этической все собою опредѣляющей точки зрѣнія, каждая политическая форма должна наилучшимъ образомъ обезпечивать равновѣсіе личнымъ, партикулярнымъ и общимъ, солидарнымъ стремленіямъ.

Съ точки зрѣнія этихъ основныхъ идей національный принципъ, какъ начало политическаго устройства, очень споренъ.

Національный вопросъ не допускаетъ общаго разрѣшенія, и нѣтъ такой политической панацеи, которая могла бы

---

1) Литература, въ особенности чисто политическая и націоналистическая, по національному вопросу почти необозрима. На русскомъ языкѣ можно указать особенно: Градовскій, Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ, 1873 (Сочиненія, т. VI); М. Капустинъ, О значеніи національности въ международномъ правѣ, Рѣчь, М. 1863; В. Даневскій, Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности, СПБ., 1882, стр. 238—334; Въ Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи, 1883 (Сочиненія, V); Оправданіе добра, гл. 14 (Сочиненія, VII); С. Булгаковъ, Изъ размышленій о національности (Вопросы фил. и псих., кн. 103, 1910 г).); Р. Шпрингеръ, Національная проблема, переводъ, СПБ. 1909; Отто Бауеръ, Національный вопросъ и соціалдемократія, переводъ, 1909.

устранить всѣ конфликты, возникающіе на національной почвѣ. Соотвѣтственно степени національнаго объединенія для разрѣшенія національной проблемы можетъ служить та или иная политическая форма: для націи вполнѣ объединенной — унитарное государство: для націи раздробленной, но стремящейся къ единенію, — федерализмъ; для національностей, уже объединенныхъ единой государственной жизнью, но взаимо уравновѣшивающихъ другъ друга, — автономія и децентрализація; для національностей, входящихъ какъ незначительный элементъ въ обще-государственную жизнь, — права общей индивидуальной свободы, поскольку они могутъ имѣть отношеніе къ проявленію національнаго сознанія.

Строить политическую организацію на національномъ принципѣ затруднительно по очень многимъ причинамъ.

Прежде всего національность, въ особенности тамъ, гдѣ живетъ населеніе со смѣшаннымъ національнымъ составомъ, не есть нѣчто ясное, очевидное, доступное внѣшнему объективному утвержденію, постоянное. Общее происхожденіе отъ однихъ предковъ, общая территорія, общій языкъ, общія историческія судьбы и связанная съ ними общность культуры, нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, все это обычно сопутствующіе національности признаки, но очень часто, если не всегда отсутствующія въ полномъ составѣ, это naturalia національности, а не ея essentialia. Въ 1874 г. на петербургскомъ статистическомъ конгрессѣ происходили дебаты по вопросу о томъ, какъ при переписяхъ опредѣлять національность. Указано было, что здѣсь особенно можно принимать во вниманіе три внѣшніе признака (очень часто не совпадающіе между собой), — этнологическій признакъ, родной языкъ и разговорный языкъ. Конгрессъ высказался въ пользу третьяго признака, какъ наиболѣе удобнаго для статистиковъ. Національность для этнолога и національность для соціолога не одно и то же; для этнолога, напр., англичане — смѣшанная раса, для соціолога — единая, для этнолога сербо-хорваты —

единая раса, для соціолога — двѣ національности, и т. д. Ни расовые ни лингвистическіе признаки сами по себя національности не опредѣляютъ. Тамъ, гдѣ живетъ населеніе изъ смѣшанныхъ національностей и гдѣ происходитъ постоянная денаціонализація и перемѣна національности, тамъ ясно видно, что національность не есть нѣчто объективно-данное, а лишь внутренне-психологическое явленіе, зависящее главнымъ образомъ, хотя и тоже не исключительно, отъ психическаго сознанія самихъ людей. Въ концѣ концовъ, каждый принадлежитъ къ той національности, къ какой онъ себя самъ причисляетъ. Обычно національности дается теперь такое опредѣленіе: національность есть группа людей, сознающихъ себя объединенными множествомъ общихъ своеобразныхъ культурныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ и потому отличными отъ другихъ людей.

Нація есть образованіе главнымъ образомъ психологическаго культурнаго характера. Она есть общественная группа, солидарная въ сферѣ мысли и чувствъ, т. е. явленіе чисто внутреннее. Слѣдовательно, она покоится въ значительной степени на свободномъ изъявленіи индивидуальной воли. Но, къ сожалѣнію, эта внутренняя солидарность, способствующая групповому объединенію, сопровождается внѣшнимъ выраженіемъ этой общности мыслей и чувствъ, очень отъединяющимъ и отчуждающимъ такую группу отъ всѣхъ остальныхъ, — особымъ національнымъ языкомъ, непонятнымъ для людей другихъ національностей.

Какую роль должна играть національность, въ только что нами опредѣленномъ смыслѣ, при политической организаціи общества?

Не мало существуетъ защитниковъ національнаго принципа, готовыхъ чуть ли ни положить его въ основу всеобщей политической организаціи. Національный принципъ утверждается часто съ нравственной точки зрѣнія. Такъ защищалъ его Соловьевъ: „Нравственный принципъ не позволяетъ

превращать дѣйствительное лицо живого человѣка съ его неотъемленнымъ и существеннымъ національнымъ опредѣленіемъ въ какой-то пустой, отвлеченный субъектъ, произвольно выдѣляя изъ него опредѣляющія его особенности. Если мы должны признавать собственное достоинство этого человѣка, то эта обязанность простирается и на все то положительное, съ чѣмъ онъ связываетъ свое достоинство“ (VII, 309). „Положительное значеніе національностей: онѣ должны существовать и развиваться въ своихъ особенностяхъ, какъ живые органы человѣчества, безъ которыхъ его единство было бы пустымъ и мертвеннымъ, и этотъ мертвый миръ былъ бы хуже войны. Истинное единство и желанный миръ человѣчества должны основываться не на слабости и подавленности народовъ, а на высшемъ развитіи ихъ силъ, на свободномъ взаимодѣйствіи восполняющихъ другъ друга народностей“ (VII, 407).

Защищается національность и на общемъ принципѣ свободы. Національность есть выраженіе личной внутренней жизни, и потому каждый, предполагается, имѣетъ право на свободное проявленіе своего національнаго духа.

Въ національности готовы часто видѣть и выраженіе общечеловѣческаго начала. Нельзя освободить, говорятъ защитники національнаго принципа, личности отъ національныхъ чертъ и замѣнить ихъ индивидуальными, такъ какъ въ національныхъ чертахъ выражается общечеловѣческое, коллективное начало, которое не можетъ найти своего осуществленія въ одной личности, а лишь въ ихъ совокупности, напр., въ языкѣ, какъ явленіи коллективной психологіи.

Защищается національный принципъ и съ точки зрѣнія необходимости вообще органической расчлененности общества. Всеобщій прогрессъ нивеллируетъ общечеловѣческое содержаніе культуры, дифференцируя національныя формы творчества.

Прежде чѣмъ обсуждать національный принципъ въ

его отношеніи къ политической организаціи, т. е. къ объединенію и упорядоченію человѣческихъ отношеній, по нашему мнѣнію, необходимо строго различать два вида національныхъ стремленій, которыя никакъ не могутъ трактоваться одинаково въ вопросѣ о политическомъ упорядоченіи человѣчества. Есть національная идея объединительная, такова была идея русскаго, итальянскаго, германскаго объединенія; она лежитъ въ основаніи обширныхъ движеній къ объединенію всѣхъ народовъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, въ основаніи иберо-американскаго стремленія къ сближенію, въ основаніи панславизма. Эта идея противъ политической разрозненности родственныхъ народовъ выставляетъ ихъ высшее единство и требуетъ созданія единой политической системы и единаго порядка тамъ, гдѣ царитъ еще международная анархія. Политическій идеалъ, имѣющій въ виду именно расширить кругъ права и гражданскаго порядка, не можетъ отрицать такое національное движеніе. Именно для такихъ національныхъ стремленій конфедерализмъ и федерализмъ являются однѣми изъ наиболѣе удобныхъ политическихъ формъ компромисса при переходѣ отъ полнаго разъединенія къ совершенному сліянію.

Но существуютъ и другого рода національныя движенія, и именно о нихъ чаще всего возбуждаются вопросы въ послѣднее время. Это — національная идея партикуляристическая, разъединительная, стремящаяся къ обособленію отдѣльныхъ національныхъ группъ въ уже существующемъ обширномъ политическомъ цѣломъ; это — націонализмъ провинціальный, областной, племенной. Онъ имѣетъ въ виду не расширить сферу права, не увеличить объема политической системы, а сузить и раздробить уже достигнутое единство. Разумѣется, онъ не можетъ подлежать той же политической оцѣнкѣ, какъ и націонализмъ перваго рода.

Такого рода національной идеи мы не можемъ принять,

какъ политическаго принципа, по самымъ различнымъ основаніямъ.

Прежде всего съ нравственной точки зрѣнія. Національность, будучи психологическимъ явленіемъ противопоставленія однихъ людей другимъ, есть начало общественной вражды и отчужденія. Если она не призываетъ къ болѣе великому политическому идеалу на почвѣ обще-національнаго объединенія, а лишь къ выдѣленію себя и къ противопоставленію себя другимъ національнымъ группамъ, къ отчужденію (такъ какъ символъ ея, свой національный языкъ, есть орудіе замкнутости по отношенію къ другимъ), то она ничего, кромѣ конфликтовъ и борьбы создать не можетъ. Именно къ такому національному принципу относятся слова Библіи: „И велѣли ему: скажи „шиболетъ“. И сказалъ онъ: „сиболетъ“. И зарѣзали его у перевоза рѣки“. Нравственный идеалъ есть всеобщее братство людей, единый народъ, одно совершенное общежитіе, единое Царство Божіе на землѣ. Задача всякой правильной политической организаціи, т. е. государства, координировать усилія, труды и знанія какъ можно большаго количества людей, чтобы освободить человѣка отъ рабства гнетущимъ его силамъ механической природы, дать ему торжество надъ природой благосостояніе и направить его, въ тѣсной солидарности съ другими людьми, на достиженіе цѣлей Божественной воли и безсмертной жизни. Такъ понималась нравственная задача политическаго устройства всѣми великими мыслителями человѣчества самыхъ разныхъ направленій, начиная отъ Платона и до Огюста Конта. Въ свѣтѣ великихъ нравственныхъ идеаловъ національная изоляція представляется, какъ мелкій и неразумный, хотя и коллективный, эгоизмъ, какъ узость и ограниченность. Задача политическая не обострять различій между людьми, а ихъ сглаживать.

Сама исторія человѣчества безнадежно осуждаетъ провинціальный и племенной націонализмъ. Исторія всѣхъ

великихъ народовъ, греческаго, латинскаго, французскаго, испанскаго, англійскаго, нѣмецкаго, русскаго показываетъ, какъ непреодолимо было стремленіе на мѣсто мелкихъ племенныхъ различій и мѣстныхъ діалектовъ и нарѣчій поставить единый языкъ, выработать одну общую *κοινή*. Великія политическія системы міра образовались въ долгой борьбѣ мелкихъ національностей и знаменовали собою всегда торжество универсальнаго начала надъ партикулярнымъ. Экономическія условія, измѣненіе географической среды, усиленіе передвиженія людей способствуютъ все большему расширенію политическихъ системъ. Провинціальный и племенной націонализмъ является въ исторической перспективѣ лишь перейденной формой общественной жизни; онъ изжитая форма, и утверждать его теперь значитъ реакціонно стремиться вернуть пережитое состояніе людей.

Осужденный исторіей, осуждаемый нравственно, провинціально-племенной національный принципъ и невозможенъ, какъ основа политическаго устройства. Невозможенъ онъ потому, что онъ — анархической природы. Національность, да въ особенности провинціальная, покоящаяся главнымъ образомъ на психическомъ сознаніи людей, есть неуловимое, очень подвижное начало, на которомъ не можетъ быть воздвигнута никакая твердая политическая организація. Когда говорятъ, какъ Блюнчли: „каждая нація призвана образовать отдѣльное государство и въ правѣ это сдѣлать. Міръ долженъ быть раздѣленъ настолько же государствъ, насколько націй распадается человѣчество. Пусть каждая нація будетъ государствомъ, каждое государство національнымъ организмомъ“, то или сознательно становятся на анархическую точку зрѣнія или недостаточно вдумываются въ тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыя заключаются въ такомъ утвержденіи

Примѣненіе національнаго принципа должно было бы привести къ разрушенію существующихъ государствъ: Рос-

сія, Австрія, Англія, Турція, Швейцарія, Бельгія, Испанія, Германія должны бы быть разрушены и замѣнены новыми государствами. Возможно ли, да и желательно ли это? Людей соединила въ одно государственное цѣлое исторія; въ общей же исторіи человѣчества не одинъ факторъ національныхъ симпатій дѣйствителенъ, и не одно сходство языка способно людей сближать.

Никакая областная децентрализація или федерація, какъ бы она организована ни была, не можетъ разрѣшить національнаго вопроса, такъ какъ такая децентрализація не совпадетъ съ національной децентрализаціей или федераціей, вслѣдствіе того, что въ одной и той же области обычно живутъ люди различныхъ національностей. Существуютъ области со столь смѣшаннымъ національнымъ населеніемъ, что нѣтъ никакой возможности отожествить національные союзы съ опредѣленной территоріей. Національность есть единство личнаго характера; политическая организація и въ частности государство территоріальнаго. Отсюда неразрѣшимый конфликтъ этихъ двухъ началъ. Сторонники національнаго принципа, считаясь съ этимъ фактомъ, нерѣдко готовы итти на единственно остающійся путь, требовать персональной политической организаціи, не считающейся съ территоріей. Такія теоріи „персональной національной автономіи“ имѣютъ особенный успѣхъ въ Австріи, и онѣ въ сущности лишь послѣдовательно построенныя на національномъ принципѣ теоріи. На національномъ принципѣ иныхъ теорій, какъ персональной автономіи, построить и нельзя.

Но персональная національная автономія, какъ политическая форма, есть не что иное, какъ болѣе или менѣе замаскированный анархизмъ. Національность есть собраніе одинаково мыслящихъ и говорящихъ на одномъ языкѣ людей, т. е. личный, персональный союзъ. Слѣдовательно, политически быть организованнымъ онъ можетъ только какъ экстерерриторіальный союзъ. При такомъ воззрѣніи, разумѣется,

всякія историческія территоріи отрицаются; уничтоженіе всякихъ исторически сложившихся территоріальныхъ союзовъ вытекаетъ какъ неизбѣжное, но глубоко анти-историческое и анархическое послѣдствіе изъ принятія національнаго принципа.

Объявлять свободное національное единеніе въ качествѣ политическаго, т. е. принудительнаго, союза значитъ впадать въ неразрѣшимое противорѣчіе. Если національность покоится на свободномъ сознаніи своихъ членовъ, то каждый воленъ входить и выходить изъ такого союза. Но въ то же время всякая политическая организація принудительна по отношенію къ своимъ членамъ. Какимъ образомъ возможно сдѣлать принудительнымъ свободный союзъ, неразрѣшимая загадка.

Если національность должна быть организована политически, то значитъ должно быть насильственное къ ней прикрѣпленіе. Если существуетъ такое насильственное прикрѣпленіе, то должны быть опредѣленные объективные признаки, по которымъ можно было бы узнавать о принадлежности человѣка именно къ данной національности. Но если національность основывается лишь на субъективномъ признаніи лица, то не можетъ быть такого объективнаго признака. Если національность психическое явленіе, то долженъ быть допущенъ свободный выходъ изъ нея. Если человѣкъ не чувствуетъ своей принадлежности къ національности, то онъ и не принадлежитъ къ ней. Никакой политической принудительности не можетъ въ этомъ случаѣ быть. Это положеніе послѣдовательнаго анархизма.

Если же тѣмъ не менѣе личная національная автономія будетъ носить принудительный характеръ, то при отсутствіи территоріальнаго характера, ея принудительные органы могутъ быть только органами обще-государственнаго принужденія. Государство должно, значитъ, выступить въ роли принудительной силы на службѣ самыхъ разнообразныхъ и случайныхъ и противорѣчивыхъ и неуловимыхъ національныхъ союзовъ.

Утверждать подобное значитъ не сознавать истинной природы государства, какъ силы монополизирующей принужденіе и возвышающейся, какъ единство, надъ многообразіемъ составляющихъ его элементовъ.

Національные интересы людей суть только нѣкоторые изъ многочисленныхъ коллективныхъ интересовъ, объединяющихъ людей и удовлетворяемыхъ государствомъ. Національность лишь одна изъ общественныхъ группировокъ. Нельзя поэтому политическую силу государства отдавать на служеніе одному только интересу.

Національность мы можемъ признать только какъ стадію въ общечеловѣческомъ объединеніи. И смыслъ національная идея получаетъ только въ связи съ общимъ всемірнымъ дѣломъ, когда она зоветъ націю на вселенское служеніе. Народность должна быть лишь ступенью къ всенародности. Здѣсь можно привести слова Соловьева. „Единство въ истинномъ смыслѣ осуществляется въ многомъ, не упраздняя его, а освобождая его отъ границъ исключительности. Единоязычіе по дѣйствію Духа Божія есть общеніе и понятность многихъ раздѣльныхъ, раздѣляющихся, но не раздѣляющихъ языковъ. Нормальное отношеніе между языками есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нормальное отношеніе между народами (оба понятія по-славянски выражаются однимъ словомъ). Какъ истиное единство языковъ есть не одноязычіе, а всеязычіе, т. е. общность и понятность, взаимнопрониканіе всѣхъ языковъ съ сохраненіемъ особенностей каждаго, такъ и истинное единство народовъ есть не однонародность, а всенародность, т. е. взаимодѣйствіе и солидарность всѣхъ ихъ для самостоятельной и полной жизни каждаго“ (VII, 436).

Въ національномъ вопросѣ нужно всегда различать двѣ стороны, — вопросъ о національной самобытности, о правѣ культурнаго національнаго развитія, этотъ вопросъ разрѣшается на почвѣ личныхъ, индивидуальныхъ правъ сво-

боды. Эта сторона національнаго вопроса совершенно выходитъ изъ нашего разсмотрѣнія. Другая сторона національнаго вопроса — его политическое выраженіе, его осуществленіе въ политической организованности, вопросъ о національной автономіи.

Какимъ же образомъ долженъ быть разрѣшенъ, съ точки зрѣнія политической организаціи, національный вопросъ тамъ, гдѣ онъ ставится? Едва ли здѣсь можно дать общій отвѣтъ, и надо согласиться съ П. Виноградовымъ, писавшимъ: „Въ дѣлѣ удовлетворенія національныхъ требованій, касающихся не правъ личности, а политическаго строя, не можетъ быть никакого общаго руководящаго принципа, кромѣ желательности возможно широкаго развитія формъ областнаго самоуправленія, насколько онѣ не грозятъ безопасности и силѣ заинтересованныхъ государствъ. Конкретное разрѣшеніе задачи зависитъ въ данномъ случаѣ отъ наличныхъ фактическихъ условій, и исторія XIX вѣка свидѣтельствуетъ о самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ“ (Итоги XIX вѣка, стр. 258).

Историческій конфликтъ между націей и государствомъ разрѣшается однимъ изъ трехъ способовъ: федеральнымъ или полнымъ объединеніемъ въ одно цѣлое государствъ болѣе мелкихъ чѣмъ нація; подчиненіемъ мелкихъ національностей одной имперской, хотя и чуждой по національности, власти; это — наиболѣе общій путь исторіи; и распаденіемъ одного государства на рядъ другихъ государствъ, когда соединенныя въ немъ національности равны по силамъ и враждебны по духу.

За исключеніемъ этого послѣдняго случая, въ настоящее время имѣющаго мѣсто развѣ лишь въ Австріи и Турціи, мы не думаемъ, чтобы провинціальный національный принципъ долженъ былъ вліять на форму политической организаціи. Разумно допустимые національные интересы провинціальныхъ національностей могутъ быть вполнѣ осуществлены

или собственными силами каждаго человѣка, для чего достаточно индивидуальной свободы, или силами добровольнаго союза заинтересованныхъ лицъ, для чего достаточно обычной свободы союзовъ; что же касается до національнаго самоуправленія и децентрализаціи, то, мы полагаемъ согласно съ проф. Виноградовымъ, здѣсь надо всегда имѣть въ виду увеличеніе безопасности и силы заинтересованныхъ государствъ. Государства, образовавшіяся въ борьбѣ различныхъ національностей, какъ торжество одной изъ нихъ, не должны и не могутъ отказаться отъ пріобрѣтенныхъ ими правъ.

Обсуждая національный вопросъ, нужно никогда не смѣшивать земскаго самоуправленія или провинціальной автономіи съ автономіей національной. Онѣ покоются на разныхъ принципахъ и должны привести къ совершенно разнымъ результатамъ. Земское самоуправленіе или провинціальная автономія передаетъ нѣкоторыя функціи управленія въ руки мѣстныхъ людей, оно обращается лишь къ общественной иниціативѣ и способствуетъ лишь болѣе правильному функціонированію обще-государственной машины, оно скрѣпляетъ государство. Національная же автономія обособляетъ одну часть государства отъ всего государства, она способствуетъ развитію особности, различій, она содѣйствуетъ отчужденію національной части отъ всего государства, она есть орудіе государственнаго разложенія. Она не скрѣпляетъ государственной машины, не способствуетъ ея правильному ходу, а разстраиваетъ ее и разрушаетъ. Примѣромъ служитъ исторія всѣхъ сепаратистскихъ (а не объединительныхъ, разумѣется) національныхъ движеній. Національнымъ слѣдуетъ признавать, поскольку онъ является расширяющей политической силой, поскольку онъ соединяетъ, объединяетъ людей дотолѣ разъединенныхъ. Но національнымъ слѣдуетъ отвергнуть, поскольку онъ представляетъ собою силу суживающую, идущую отъ цѣлаго къ частямъ, поскольку онъ партикуляристиченъ.

Глава пятая.

Развитіе федерализма въ новое время.

Федерализмъ есть политическое средство національнаго и интернаціональнаго объединенія. Когда единый народъ, политически разъединенный, или нѣсколько политически независимыхъ, но родственныхъ народовъ стремятся къ политическому объединенію, подъ вліяніемъ ли національныхъ симпатій, по экономическимъ ли причинамъ, или для лучшей защиты противъ внѣшнихъ враговъ, различныя формы федеративныхъ соединеній часто являются очень удобнымъ переходнымъ компромисомъ между прежнимъ разъединеніемъ и новымъ желательнымъ единствомъ.

Эта роль и значеніе федерализма подтверждается всей политической исторіей. Федерація была путемъ объединенія очень многихъ древнихъ и современныхъ народовъ. Федеративныя политическія соединенія носятъ универсальный характеръ и присущи человѣческимъ обществамъ во всѣ времена и всѣхъ народовъ.

Федерализмъ вовсе не является существеннымъ признакомъ какого-нибудь національнаго или расоваго характера, какъ это иногда стараются представить. Федеративность въ политическомъ устройствѣ есть столь же всеобщее явленіе для обществъ въ извѣстной стадіи ихъ развитія, какъ демократія или аристократія. Въ древности имѣлись федератив-

ныя образованія на Востокѣ, въ Греціи, въ Италіи. Вся средневѣковая Европа была проникнута федеративными образованіями. Въ новѣйшее время федерализмъ въ практическомъ или теоретическомъ выраженіи сказался и у англосаксонскихъ, и у германскихъ, и у латинскихъ, и у славянскихъ народовъ.

Особенность новѣйшаго федерализма, по сравненію съ прежнимъ, та, что на мѣсто прежнихъ конфедеративнихъ формъ создается болѣе прочная, устойчивая единодержавная форма федеральнаго государства, впервые нашедшая свое осуществленіе въ Соединенныхъ Штатахъ, потомъ распространившаяся по иберо-американскимъ странамъ и оказавшая свое вліяніе на государственное устройство Швейцаріи, Германіи и Британской имперіи. Конфедеративная же форма, обычная для античныхъ и средневѣковыхъ соединеній, все болѣе утверждается, какъ возможная и вѣроятная ближайшая форма международнаго порядка.

Правда, на ряду съ федерализмомъ, какъ объединительнымъ орудіемъ, выставляется иногда федерализмъ на почвѣ разныхъ партикуляристическихъ стремленій, особенно національныхъ, какъ форма раздробленія единаго государства на самостоятельныя и лишь договоромъ соединенныя части. Но такое пониманіе федерализма противорѣчитъ всей его исторической роли.

Подтвержденіе только что высказаннымъ нами положеніямъ мы находимъ во всей исторіи федерализма, въ его практическомъ и теоретическомъ выраженіи.

Что касается въ частности новѣйшаго теоретическаго федерализма, т. е. федеративной литературы и федеративныхъ теорій, то онъ, какъ и слѣдовало ожидать, получаетъ свой особенный отпечатокъ въ каждой странѣ, сообразно народному духу и особенностямъ историческаго положенія. Въ Италіи онъ возникалъ главнымъ образомъ на почвѣ исторической разрозненности и мѣстнаго разнообразія; во

Франціи — на почвѣ стремленія къ расширенію мѣстнаго самоуправленія и въ борьбѣ противъ чрезмѣрной централизаціи, а также на почвѣ экономическихъ корпоративныхъ движеній; въ Испаніи — на почвѣ провинціальнаго, особенно каталонскаго партикуляризма; въ иберо-американскихъ республикахъ — на почвѣ объединенія еще не сблизившихся мѣстностей и подражанія сѣверо-американскому образцу; въ Соединенныхъ Штатахъ — въ связи съ федеральной конституціей 1787 г. и съ борьбой южныхъ и сѣверныхъ штатовъ; въ Англіи — въ связи со стремленіемъ дать болѣе органическое устройство обширной имперіи; въ Германіи — на почвѣ объединенія нѣмецкихъ государствъ; въ Швейцаріи — на почвѣ сохраненія старинныхъ кантональныхъ вольностей; въ Австріи — въ связи съ національнымъ вопросомъ; въ Россіи — въ связи съ вопросами мѣстнаго самоуправленія и особенно подъ вліяніемъ окраинныхъ вопросовъ.

Какъ общій урокъ историческаго развитія федерализма, выясняется, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ федерализмъ не совершаетъ объединительной работы по упорядоченію политическихъ системъ, гдѣ онъ претендуетъ выступить въ роли разрушителя и раздробителя, онъ всегда остается только чисто теоретическимъ пожеланіемъ нѣкоторыхъ и осужденъ на полную безплодность, такъ какъ объединительныя силы исторіи болѣе могучи, чѣмъ разъединительныя.

I. Латинскій федерализмъ.

А. Итальянскій федерализмъ. — Б. Французскій федерализмъ. — В. Испанскій федерализмъ. — Г. Иберо-американскій федерализмъ.

На первомъ мѣстѣ въ исторіи федерализма должно быть поставлено разсмотрѣніе латинскаго федерализма, не потому, конечно, чтобы онъ имѣлъ наиболѣе важное практическое значеніе и выработалъ наиболѣе законченныя и совершенныя федеральныя формы, а потому что у него наиболѣе старыя, еще античныя традиціи. Еще древняя римская держава въ эпоху царей и республики, въ своемъ внутреннемъ строеніи, покоилась на федеративныхъ началахъ.

Однако, вообще говоря, не латинскимъ народамъ дано было осуществить наиболѣе устойчивыя и законченныя формы федеральныхъ соединеній. Романскіе народы вообще индивидуалистичны. Во внутренне-государственномъ строительствѣ они склонны къ атомизму и унитаризму, во внѣ-государственныхъ отношеніяхъ къ признанію полной государственной независимости и неограниченности (не даромъ именно Франція противопоставила ученіе Бодена о государственномъ суверенитетѣ средневѣковому ученію о всемірномъ сюзеренитетѣ императора и галиканство — католическому владычеству папы). У романскихъ народовъ есть несомнѣнное стремленіе къ національной обособленности, къ полной независимости. Такъ, по утвержденію Ф. де-Куланжа, уже древняя Галлія предста-

вляла около 80 самостоятельныхъ государствъ безъ федеративной связи. Италія постоянно распадалась на множество самостоятельныхъ государствъ и до самого послѣдняго времени не могла образовать ихъ прочнаго союза. Въ Испаніи тоже мы наблюдаемъ первоначальное существованіе многихъ независимыхъ государствъ. Испанскія колоніи, отдѣлившись отъ метрополіи, распались на множество самостоятельныхъ государствъ, не могущихъ притти въ соглашеніе между собою. Обычно объединеніе романскихъ народовъ совершалось не путемъ ихъ соглашенія другъ съ другомъ на равныхъ началахъ, а путемъ присоединенія къ болѣе сильному государству болѣе мелкихъ; отъ раздробленности и разъединенія совершался непосредственный переходъ къ унитарному соединенію и централизму. Такъ разросталась, особенно въ послѣдующую эпоху своей исторіи, Римская имперія; такъ объединилась современная Италія; такъ образовалась Франція; такъ сорганизовалась Испанія.

Федерализмъ въ романскихъ государствахъ главнымъ образомъ существуетъ какъ теорія противодѣйствія чрезмѣрному централизму цѣлаго и чрезмѣрному атомизму частей. Въ этомъ характерный признакъ романо-латинскаго федерализма, значительно отличающій его, напр. отъ англо-саксонскаго и отъ германскаго федерализма.

А. Итальянскій федерализмъ.

I. Римскій федерализмъ. — II. Средневѣковый итальянскій федерализмъ. — III. Макіавелли и Вико. — IV. Федерализмъ при объединеніи Италіи. — V. Федерализмъ въ современной Италіи.

1.

Если искать корней итальянскаго федерализма, то естественнѣе всего, конечно, обратиться къ политическому строю еще античнаго римскаго государства, въ организаціи котораго было не мало элементовъ истинно федеративныхъ. Детали и ранняя исторія политическаго развитія древнихъ го-

сударствъ намъ вообще мало извѣстны и приходится очень многое конструировать по аналогіямъ и предположеніямъ. Но, повидимому, въ той или другой формѣ федерализмъ есть одна изъ постоянныхъ формъ человѣческаго политическаго объединенія и среди древнихъ обществъ. Внѣ нашихъ намѣреній находится разсмотрѣніе вопроса, насколько федерализмъ сказался въ политическомъ строеніи древняго Востока, насколько Іудея, Вавилонъ, Ассирія, Египетъ, Персія въ своемъ образованіи проходили черезъ тѣ или другія федеративныя формы. Федерализмъ въ античной Греціи гораздо болѣе изслѣдованъ и существуетъ довольно многочисленная литература, посвященная этому вопросу [1]).

1) Однимъ изъ наилучшихъ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу на русскомъ языкѣ, является обширная работа проф. Мищенко, Федеративная Эллада и Полибій, приложенная въ качествѣ введенія къ его переводу Всеобщей исторіи Полибія, М. 1890 (стр. 1—CCXLIII). Въ частности объ ахейскомъ союзѣ изъ прежнихъ работъ см. В. Г. Васильевскій, Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка, СПБ. 1869, гл. V. Классически вопросъ о греческихъ федераціяхъ былъ изложенъ E. Freeman, History of federal government in Greece and Italy, 2 изд. London, 1893, и M. Dubois, Les ligues étolienne et achéenne, P. 1885. Хорошей по своему времени о греческихъ амфиктіоніяхъ, ахейскомъ и другихъ союзахъ Греціи была работа (Sainte-Croix), Des anciens gouvernements fédératifs et de la législation de Crète, Paris, An VII (По мнѣнію Сентъ-Круа, амфиктіоніи не были федераціями, и лишь Ахейскій союзъ далъ первый образецъ истинной федераціи. Это мнѣніе сдѣлалось съ тѣхъ поръ господствующимъ). Кромѣ того для полноты могутъ быть упомянуты здѣсь слѣдующія работы, на ряду съ вышеуказанными однако не имѣющія значенія: F. W. Tittmann: Über den Bund der Amphiktyonen, 1812; его же, Darstellung der griechischen Verfassungen, Leipzig, 1822; Lucas, Über Polybius Darstellung des ätolischen Bundes, 1827; Brandstaeten, Die Geschichte des ätolischen Landes, Volkes und Bundes, Berlin, 1844; Wilhelm Vischer, Über die Bildung von Staaten und Bunden oder Zentralisation und Föderation im alten Griechenland, 1849 (Kleine Schriften, Leipzig 1877); его же, Über die Bundesverhältnisse der Griechen (Jahrbücher für Gesellschafts- und Staatswissenschaften, Band VI, 1866); Fustel de Coulanges, Polybe ou la Grèce conquise par les Romains, Amiens, 1858; Bazin, Mémoire sur l'Etolie (Archives

Идея федеративнаго объединенія издавна была свойственна раздробленной на множество мелкихъ государствъ Греціи, и извѣстно, что еще Ѳалесъ мечталъ о созданіи общегреческаго союза. У Платона въ неоконченномъ діалогѣ Критіасъ рисуется воображаемый строй десяти государствъ на островѣ Атлантидѣ, при чемъ конституціонный строй этихъ государствъ описывается Платономъ, какъ конфедеральный [1]). Горячимъ защитникомъ федеративной формы правленія явился, какъ извѣстно, Полибій, историкъ ахейской конфедераціи [2]).

Въ греческой исторіи, знавшей многочисленныя формы конфедеральныхъ соединеній, вродѣ амфиктіоній, Делосскаго союза и всякаго рода симполитій, особенно извѣстна судьба и устройство двухъ конфедерацій, сыгравшихъ въ ея судьбахъ большую роль и обезпечившихъ Греціи на нѣкоторое время нѣкоторую самостоятельность, именно ахейскаго и этолійскаго

---

des missions scientifiques 1864), Ulrich Koehler, Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes, Berlin, 1870; Busolt, Die Lacedaimonier und ihre Bundesgenossen, Leipzig, 1878; Sauppe, Commentatio de Amphictionia, 1879; Egger, Les traités publics chez les Grecs et chez les Romains, P. 1866; Weinert, Die achäische Bundesverfassung, 1881; Guiraud, Sur la condition des alliés pendant la première Confédération athénienne, Paris 1883; R. Scala, Die Studien des Polybios, Stuttgart, 1890.

1) Подробности см. въ нашемъ Международномъ федерализмѣ, М. 1908, стр. 258.

2) „Нигдѣ въ такой степени, — говоритъ онъ, — и съ такою строгою послѣдовательностью, какъ въ государственномъ устройствѣ ахеянъ, не были осуществлены равенство, свобода и вообще истинное народоправство. Такъ какъ ни одинъ изъ первоначальныхъ участниковъ (союза) не пользовался никакимъ преимуществомъ, напротивъ, всякій вновь примыкающій вступалъ на совершенно равныхъ правахъ, то устройство это быстро достигло поставленной заранѣе цѣли, ибо имѣло двоякую надежнѣйшую опору въ равенствѣ и милосердіи. Устройство это должно почитать источникомъ и причиною того, что пелопоннесцы объединились и создали нынѣшнее благосостояніе“. Всеобщая исторія (рус. пер. М. 1890), II, 38.

союзовъ. Суверенным органомъ ахейскаго союза было общее собраніе народа всѣхъ соединившихся городовъ; главнымъ правительственнымъ органомъ былъ особый совѣтъ, федеративный органъ, представлявшій каждый городъ въ его особности и составленный изъ представителей отъ каждаго города въ равномъ числѣ. Союзъ не уничтожалъ суверенныхъ правъ отдѣльныхъ государствъ-республикъ, которыя сохраняли полное внутреннее верховенство, и внѣшнія международныя права которыхъ были лишь ограничены. Военныя и финансовыя средства составлялись изъ взносовъ каждаго члена конфедераціи. Аналогично было устройство и этолійскаго союза.

Что федерализмъ вовсе не есть созданіе новаго времени, ясно обнаруживается и при разсмотрѣніи политическаго устройства племенъ, населявшихъ Италію до возникновенія Рима, и самого Римскаго государства, которое вовсе не было такъ построено на исключительно унитарномъ принципѣ, какъ это иногда хотятъ представить, и въ которое проникало не мало федеральныхъ началъ, въ видѣ договорныхъ отношеній съ foederati, автономіи провинцій, децентрализаціи правительственной власти и т. п. [1]).

---

1) Наилучшими работами, посвященными этому вопросу, являются изслѣдованія: T. Mommsen, Römisches Staatsrecht, 1 изд. 1871, 3-е, 3 т. 1883. Мы пользовались французскимъ переводомъ Le droit public romain, P. 1889, особ. т. VI, стр. 226—350, VII, 417—435. Моммсенъ даетъ много интереснаго матеріала и съ большой основательностью говоритъ о латинскомъ федерализмѣ, о національномъ латинскомъ союзѣ, объ автономіи, объ управленіи Италіей и автономными провинціями, даетъ и юридико-политическую конструкцію латинскихъ соединеній. Непосредственно вопросовъ римскаго федерализма касается и хорошая работа Julius Beloch, Der italische Bund unter Roms Hegemonie (Staatsrechtliche und statistische Forschungen), Leipzig, 1880; см. особ. стр. 158—227, гл. 8 объ италійскихъ федератахъ, гл. 9 о древне-латинскомъ союзѣ и гл. 10 объ италійскомъ федеральномъ правѣ. О федерализмѣ въ античной Италіи говоритъ и Freeman въ своей History of federal government in Greece and Italy, 2 изд. 1893, стр. 557—592 (объ Этрурской, Самнитской,

Образованіе Римской державы, особенно въ предѣлахъ Италіи, совершилось не въ прямой формѣ завоеванія и инкорпораціи, а чрезъ примѣненіе своеобразныхъ формъ конфедеративныхъ и федеральныхъ соединеній. Объединеніе это совершилось не легко и не само собой.

Общее національное сознаніе, бывшее въ Элладѣ уже исходнымъ пунктомъ ея исторіи, въ Италіи явилось плодомъ длинной, многовѣковой исторіи. Сначала этруски были совершенно чужды латинянамъ, и тѣ и другіе самнитянамъ и япигамъ. Не было общей связи, и даже одно общее имя не объединяло различныхъ народовъ итальянской націи. Отдѣльныя италійскія племена очень рано уже объединились въ народные союзъ; но различіе языковъ долгое время дѣлало невозможнымъ союзы всѣхъ италиковъ, вродѣ пелопонесской симмахіи Спарты или ахейскаго союза. Объединеніе пришло отъ Рима, въ формѣ своеобразныхъ союзныхъ отношеній, устанавливаемыхъ Римомъ съ отдѣльными италійскими государствами и союзами государствъ. Никакого общаго союза, регулируемаго общими нормами, не было, а было множество спеціальныхъ договоровъ, соединявшихъ Римъ съ каждымъ изъ союзниковъ и въ общей сложности представлявшихъ своеобразную федеративную политическую систему.

Въ федеральной исторіи итало-римскаго объединенія обычно различаются три періода: 1) періодъ стараго латинскаго союза, объединявшаго въ союзъ съ Римомъ народы Лаціума и просуществовавшаго до войны 337 г. до Р. Хр., 2) періодъ италійскаго союза, продолжавшійся до сліянія союзниковъ съ римскимъ народомъ въ 89—88 г. до Р. Хр., 3) періодъ зависимости союзниковъ отъ имперіи въ послѣдніе годы республики и принципата.

Латинской конфедераціяхъ); N. Desvergers, L'Etrurie et les etrusques, 2 т. P. 1862—4. Мало интересно и поверхностно Лефюръ въ въ своей книгѣ Etat fédéral, стр. 40—45.

Латинская конфедерація первоначально возникла внѣ Рима и обнимала собою всѣ независимыя мелкія государства-общины населявшей Лаціумъ латинской національности, съ главнымъ городомъ конфедераціи Альбою. Въ царствованіе Туллія была установлена зависимость этой конфедераціи отъ Рима, родъ протектората; союзное отношеніе такого рода, распространившееся и на конфедерацію герникскихъ городовъ, продолжалось до самого распаденія латинскаго союза въ войнѣ 337 г., послѣ которой союзъ былъ расширенъ и на другія общины Италіи. Моммсенъ считаетъ, что двѣ характерныя черты свойственны юридической природѣ этихъ союзныхъ отношеній; съ одной стороны, неравенство союза (въ сторонѣ лишь, быть можетъ, слѣдуетъ оставить наболѣе древнюю организацію отношеній Рима и Лаціума), именно, не только фактически, но и по праву, гегемонія принадлежала Риму; съ другой стороны, сохраненіе нѣкотораго суверенитета, правда, ограниченнаго, но никогда вполнѣ не уничтожаемаго, за политическими общинами, подчиненными этой гегемоніи. „Въ теченіе всего этого времени римское государство было не чѣмъ инымъ, какъ конфедераціей общинъ, главнымъ образомъ городскихъ, подъ руководствомъ римской общины. Изъ позднѣйшихъ образованій лучше всего можно сравнить его съ Ганзейскимъ союзомъ“. Впрочемъ неравный союзъ неизбѣжно содержитъ въ себѣ стремленіе къ поглощенію руководящею общиною всѣхъ остальныхъ. Таковъ и былъ окончательный результатъ политической исторіи Рима.

Имѣлась, по словамъ Моммсена, и писанная конституція латинскаго союза, существовавшая со временъ царя Туллія и устанавливавшая, какіе города имѣли право быть его членами, правила для федеральнаго праздника и юридическія отношенія между членами союза (она хранилась въ Римѣ въ храмѣ Діаны Авентинской). Конституція эта опредѣляла образованіе федеральной арміи по приглашенію

Рима и, вѣроятно, въ силу федеральнаго рѣшенія. Война оставалась возможной между членами конфедераціи, какъ и заключеніе договоровъ. Основою организаціи союза было федеральное собраніе, concilium, и уничтоженіе его привело къ разрыву союза. Это собраніе, повидимому, не было постояннымъ, и компетенція его относилась только къ военнымъ дѣламъ. Въ 337 г. до Р. Хр. федеральное представительство, concilium, было распущено. Власть союза надъ федерированными городами перешла непосредственно къ Риму. Уничтожено было право латинскихъ городовъ заключать частные договоры между собою и сохранено лишь право заключать договоры съ Римомъ.

Латинскій союзъ подъ гегемоніей Рима былъ отправнымъ пунктомъ союза италійскихъ городовъ, простиравшагося на всю Италію и представлявшаго собою вѣчную военную унію этихъ городовъ въ зависимости отъ Рима. Италійскій союзъ, распространившійся за границы Лаціума на не-латинскіе города Италіи, явился въ извѣстномъ смыслѣ расширеніемъ латинскаго союза. Къ серединѣ III вѣка всѣ города Италіи (до Павіи и Анконы) составляли единое цѣлое, съ обязательствомъ для всѣхъ поставлять армію или флотъ. Политическое единство Италіи было установлено.

Въ этихъ границахъ италійскій военный союзъ существовалъ уже въ 225 г. до Р. Хр., когда имѣло мѣсто поголовное ополченіе противъ кельтовъ. По этому случаю, мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ исторіи объединенную Италію, не какъ римско-латинскую федерацію на основѣ общей національности, а какъ федерацію, основывающуюся на однородной и общей военной организаціи, и „здѣсь было положено начало, какъ говоритъ Моммсенъ, той латино-эллинской національности, дѣйствіе которой дало форму древнему міру и до извѣстной степени и міру современному“ [1]).

1) Въ III вѣкѣ до Р. Хр. Италія состояла изъ Рима (Ager Romanus), изъ его колоній (coloniae Latinae) и изъ союзниковъ (civitates foederatae).

Италійскій союзъ, если его подвергнуть юридическо-конструктивному разсмотрѣнію, представлялъ родъ конфедеративнаго международно-правового протектората. Договоръ, foedus, устанавливавшій союзное отношеніе, былъ договоромъ о подчиненіи, но на основаніи его народы или государства, соединявшіяся съ Римомъ и называвшіяся foederati, сохраняли опредѣленныя неприкосновенныя права власти. Каждый такой союзъ между Римомъ и федератомъ заключался самъ по себѣ, и не было всеобщаго договора объ обще-союзномъ устройствѣ Италіи подъ протекторатомъ Рима; это устройство распадалось на множество отдѣльныхъ альянсовъ, въ которыхъ одной стороной являлось каждое отдѣльное государство, а другой — Римъ; договорныхъ отношеній федератовъ Рима между собою не было. Правда, эти договоры союзниковъ съ Римомъ заключались, съ небольшими измѣненіями, по одному образцу, которымъ служилъ договоръ, заключенный консуломъ Спуріемъ Кассіемъ въ 493 г. до Р. Хр. съ латинянами и герниками.

Риму принадлежало въ этомъ союзѣ военное руководство и представительство вовнѣ. Внутри союза споры не могли разрѣшаться путемъ оружія, а лишь третейскимъ судомъ. По праву, каждая спорящая сторона сама могла выбирать себѣ третейскихъ судей, но естественно, что первое мѣсто здѣсь принадлежало Риму. Во всѣхъ отношеніяхъ, которыя не были отнесены къ компетенціи союза, члены его сохраняли полный суверенитетъ до самой эпохи гражданской войны. Свое главное выраженіе суверенитетъ этотъ находилъ въ правѣ изгнанія.

Вся эта система являлась конфедераціей, въ которую входили: 1) Римъ и его колоніи, 2) Этруски, 3) Умбрійцы, 4) Сабеллы, 5) Самніумъ, 6) Лаціумъ, 7) Луканцы, 8) Япиги, 9) греческіе города. Каждая изъ этихъ частей конфедераціи (кромѣ Рима) представляла изъ себя въ свою очередь конфедерацію самостоятельныхъ общинъ. Вообще италійская симмахія Рима обнимала, по подсчету Белоха, по крайней мѣрѣ 150 суверенныхъ союзныхъ государствъ. Beloch, Der Italische Bund, стр. 158—177.

Юридическое положеніе федерата Римской имперіи не было, конечно, положеніемъ вполнѣ самостоятельнаго и вполнѣ суверенпаго члена настоящей конфедераціи; но все же это была одна изъ формъ федеральныхъ соединеній въ широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ здѣсь имѣлись не только автономныя права и децентрализація, но и договорныя отношенія. Правда, не было конфедеральнаго органа въ точномъ смыслѣ слова, и не было участія членовъ конфедераціи въ образованіи общей воли. Общія дѣла велись римскимъ сенатомъ. Но это не уничтожало федеральнаго характера соединенія.

Публичное право римской республики, говоритъ Моммсенъ, признавало въ принципѣ суверенитетъ союзническихъ государствъ, поскольку то или другое выраженіе этого суверенитета не было отнято отъ нихъ частными договорами, заключенными Римомъ съ каждымъ изъ нихъ. Римская власть могла требовать отъ союзныхъ общинъ только исполненія своихъ договоровъ; внѣ этого, каждая община была вольна управляться такъ, какъ ей это было угодно. Правда, этотъ принципъ не разъ нарушался и ограничивался во времена республики, вслѣдствіе спеціальныхъ привилегій, которая требовало для себя римское государство и тѣмъ наносило ущербъ автономіи союзниковъ. Но республика нисколько не вмѣшивалась въ независимое управленіе свободныхъ городовъ. Напротивъ, императорское правительство, болѣе серьезно озабоченное поддержаніемъ порядка, чѣмъ олигархія послѣднихъ временъ республики, несомнѣнно не разъ подъ вліяніемъ практической необходимости, превращало гегемонію Рима въ настоящее правительство; въ частности, оно присвоило себѣ право не только уничтожать въ частныхъ случаяхъ злоупотребленія автономіей, но и уничтожать ее, въ важныхъ случаяхъ.

Односторонне-федеративный или федеративно-централистическій способъ расширенія имперіи, о которомъ съ такой похвалой говоритъ, какъ увидимъ ниже, Макіавелли въ своихъ

Discorsi (II, 4) и который составлялъ сущность римскаго имперіализма, есть, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ основныхъ чертахъ способъ и новѣйшаго имперіализма, покоящагося на протекторатѣ. Международно-правовой протекторатъ очень напоминаетъ по своему юридическому характеру отношенія между Римомъ и foederati и socii.

II.

Политическая исторія средневѣковой Италіи представляетъ многочисленные примѣры, въ большинствѣ случаевъ, правда, эфемерныхъ, конфедерацій городскихъ республикъ. Въ древней Италіи, до утвержденія владычества Рима, существовалъ рядъ такихъ конфедеративныхъ союзовъ. Когда централизующая власть Римской имперіи была разрушена, Италія вернулась къ состоянію традиціонной раздробленности. Но вскорѣ среди этой политической раздробленности итальянскіе города не замедлили образовывать союзы между собою.

Средніе вѣка въ государствахъ Европы были вѣкомъ своеобразнаго федерализма. То, что можно сказать о средневѣковыхъ политическихъ идеяхъ вообще, относится прежде всего къ Италіи и можетъ быть повторено и относительно другихъ странъ, Франціи, Германіи, Англіи и т. д. Идея федераціи, какъ формы политическаго объединенія, родилась еще въ средніе вѣка, и можно сказать, что до извѣстной степени она способствовала самому образованію современныхъ государствъ. Въ періодъ расцвѣта среднихъ вѣковъ, — писали мы въ другомъ мѣстѣ, — основнымъ элементомъ общественнаго строя являлись группы. Каждая изъ этихъ группъ имѣла особыя организаціи, статуты, интересы и обычаи. Каждая изъ нихъ занимала свое отдѣльное и строго опредѣленное мѣсто въ общей системѣ, и всѣ вмѣстѣ онѣ образовывали не механическій аггломератъ, а органическую федерацію живыхъ корпоративныхъ организмовъ. Въ политической жизни господствовало на-

чало договора. Самъ представительный режимъ вызванъ былъ къ жизни примѣненіемъ договора къ общей правительственной системѣ. Благодаря удачному примѣненію начала федераціи къ сильно дифференцирующейся жизни, феодальный строй въ теченіе нѣкотораго времени представлялъ собою нѣчто стройное и гармоничное. Въ своемъ полномъ расцвѣтѣ онъ пришелъ къ чрезвычайно возвышенной и гуманной формулѣ, къ идеѣ согласія, ограничивающаго власть, власти соединенной съ послушаніемъ. „Федераціи, — какъ характеризуетъ одинъ изъ русскихъ изслѣдователей федеративной идеи средневѣковый періодъ, — между маленькими территоріальными единицами совершенно такъ же, какъ между людьми, соединенными общими цѣлями въ гильдіи, и федераціи между городами и группами городовъ составляли истинную сущность жизни и мысли второй половины среднихъ вѣковъ. Эти пять столѣтій могутъ быть описаны, какъ огромная попытка организовать взаимную помощь и поддержку при помощи принциповъ федераціи и ассоціаціи, проведенныхъ черезъ всѣ проявленія человѣческой жизни и во всевозможныхъ степеняхъ. Попытка эта увѣнчалась успѣхомъ. Она объединила людей дотолѣ раздѣленныхъ: она обезпечила имъ очень большую долю свободы и удесятерила ихъ силы“.

Что касается спеціально Италіи, то развитію федерализма въ ней способствовалъ политическій строй ея, и вся ея исторія, слагавшаяся изъ взаимодѣйствія множества отдѣльныхъ мелкихъ государствъ, объединенныхъ общностью судебъ и національности, но въ то же время и значительно отличающихся другъ отъ друга.

Начиная съ XII вѣка, итальянскіе города, по крайней мѣрѣ наиболѣе могущественные среди нихъ, стремились принудить своихъ сосѣдей къ союзу съ ними. Они предоставляли своимъ союзникамъ свободу, но заставляли ихъ вступать въ постоянный наступательно-оборонительный со-

юзъ. Это была партія гвельфовъ, представлявшая принципъ мѣстныхъ вольностей, національной конфедераціи противъ чужестранцевъ.

Римъ, Венеція, Экзархатъ, города Южной Италіи сохранили свою независимость отъ ломбардовъ благодаря главнымъ образомъ конфедераціямъ. Честь возстановленія итальянской конфедераціи принадлежитъ еще папѣ Григорію II, соединившему въ началѣ VIII вѣка подъ своимъ предсѣдательствомъ конфедерацію городовъ, независимую и отъ лонгобардовъ и отъ грековъ. Григорій VII былъ тоже организаторомъ конфедерацій: вокругъ Рима, въ Тосканѣ, въ Апуліи, вокругъ Милана. Наиболѣе великимъ конфедераторомъ былъ Александръ III и наиболѣе знаменитая конфедерація Ломбардская лига. Рядъ менѣе важныхъ лигъ создавался до XV вѣка: вторая ломбардская лига, тосканская лига. Въ XV в. Лаврентій Медичи замыслилъ и выполнилъ планъ наиболѣе обширной изъ существовавшихъ итальянскихъ конфедерацій, просуществовавшей впрочемъ всего десять лѣтъ. Потомъ наступили вѣка иностраннаго владычества и на мѣсто итальянской конфедераціи выступали случайные союзы съ иностранцами.

Однимъ изъ раннихъ и наиболѣе извѣстныхъ итальянскихъ конфедеративныхъ союзовъ была такъ называемая Ломбардская лига (1164—1183) Вероны, Падуи, Виченцы, Венеціи и др. городовъ Ломбардіи, направленная противъ притязаній германскаго императора Фридриха Барбарусы, добившаяся послѣ побѣды самостоятельности для ломбардскихъ городовъ, и возобновленная въ 1228 г. противъ Фридриха II.

Ломбардская лига, какъ и всѣ итальянскіе союзы, не являлась тою формою политической организаціи, которая называется федеральнымъ государствомъ. Она даже не была настоящей организованной конфедераціей государствъ. Эта лига была простой коалиціей и притомъ очень несовершенной. Въ ней не было центральнаго правительства, управля-

ющаго внѣшними дѣлами союза. Договоръ о союзѣ требовалъ лишь обѣщанія сообща вести войну противъ императора, и въ немъ даже не было опредѣлено, какое количество войска должно выставлять каждое государство. Эта лига не имѣла постояннаго сейма, а лишь случайный конгрессъ, составленный изъ консуловъ и подестатовъ, собиравшихся для общаго совѣщанія и потомъ представлявшихъ общія рѣшенія на обсужденіе народа своего города. Члены этого конгресса выбирали, правда, изъ своей среды предсѣдателя[1]).

Идея федерализма, какъ имперскаго объединенія съ

---

1) Изложившій исторію Ломбардской лиги Simonde de Sismondi, Histoire des républiques italiennes au moyen age, II, 1840, не далъ юридическаго анализа политическихъ учрежденій лиги, а передалъ лишь внѣшнюю исторію борьбы лиги съ императоромъ. Интересно отмѣтить, что Сисмонди считалъ Италію вообще классической страной свободы, первой послѣ паденія Римской имперіи давшей примѣръ свободы, за два вѣка до того, какъ коммуны Франціи, Англіи, Испаніи и Германіи вышли изъ рабскаго состоянія. Ср. Simonde de Sismondi, Histoire de larenaissance de liberté en Italie, Paris 1832, 2 vol.; его же, Des Esperances et les besoins de l'Italie, Paris, 1832 (брошюра), Мы не можемъ указать спеціальной работы о Ломбардской лигѣ, которая бы изучала ее съ федеративной юридической точки зрѣнія. L. Tosti, Storia della Lega Lombarda, 1848, занимается исторіей Ломбардской лиги, мало касаясь ея внутренняго устройства и политическаго значенія; впрочемъ авторъ видитъ въ ней выраженіе итальянскаго стремленія къ индивидуальности, примиреннаго съ моральнымъ единствомъ всего отечества (La lega Lombarda fu l'aspirazione dell' individualità italiana al suo complemento. Questa che io dico aspirazione, non era che l'espessione di una potenza accennante ad atto. L'atto completo si era la conciliazione della moltitudine coll'unita; termine finale l'ordine. Стр. 19). То же должно сказать и о сочиненіи C. Vignati, Storia diplomatica della Lega Lombarda, 1866. О Ломбардской лиги см. Freeman, History of federal government, стр. 592—617 (The Lombard Leagne was not a Federal union, even of the laxest kind, it was mere temporary agreement of certaine cities to employ their united forces to accomplish a common object... There was no Federal Government, no formation of an united state, nothing, in short, but an alliance of an unusualy close kind). Эта конфедерація, по мнѣнію Фримана, имѣла всѣ данныя, подобно Соединеннымъ Штатамъ и Нидерландамъ, образовать единое федеральное государство, и лишь недостатокъ обще-національнаго духа и слишкомъ сильный мѣстный партикуляризмъ итальянскихъ городовъ помѣшалъ этому.

сохраненіемъ самостоятельности за отдѣльными государствами, не чужда была итальянскимъ средневѣковымъ писателямъ, какъ она свойственна была и вообще всему средневѣковому политическому міровоззрѣнію [1]). Укажемъ хотя бы на Данте, изложившаго свои политическіе идеи въ изящномъ этюдѣ De monarchia, въ которомъ онъ, исходя изъ гибелинской точки зрѣнія, нарисовалъ планъ всемірной имперіи. Государства должны быть не раздѣлены другъ отъ друга, а соединены [2]). Универсализмъ Данте нисколько однако не приводилъ его къ идеѣ унитарнаго государства. Въ организаціи Имперіи имъ допускался тотъ элементъ федерализма, который мы находимъ въ политической организаціи Италіи въ годы римской республики, т. е. федерализма односторонняго, образуемаго не соглашеніемъ частей общей имперіи между собою, а отдѣльнымъ соглашеніемъ центра съ каждой частью имперіи отдѣльно. „Одинъ дѣлаетъ дѣло хорошо, пишетъ Данте (I, 14), многіе дѣлаютъ его плохо; единство скорѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ множественность, путь которой очевидно болѣе дологъ. Законы отдѣльныхъ муниципій недостаточны сами по себѣ и требуютъ высшаго управленія. Однако изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы всякія рѣшенія каждой муниципіи непосредственно исходили отъ высшей власти. Націи, царства и политическія общины имѣютъ особенности, которыя должны быть регулируемы различными законами [3]). Иначе нужно управлять скиѳами, живущими въ холодномъ климатѣ, и гарамантами, живу-

---

1) Ср. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III (1881), стр. 501—604; нашъ Международный федерализмъ, 1908.

2) Въ нашемъ сочиненіи Международный федерализмъ, стр. 56—60 мы подробно остановились на тѣхъ основаніяхъ, которыя привели Данте къ его унитарной идеѣ.

3) Habent nationes, regna et civitates intér se proprietates, quas legibus differentibus regulari oportet (De monarchia, I, 14).

щими у экватора. Но въ томъ, что является общимъ для всего государства, должно быть единство въ управленіи; только тогда возможенъ миръ [1]). Такъ въ человѣческой жизни теоретическій, спекулятивный разумъ даетъ первый принципъ дѣятельности, а практическій разумъ, въ различныхъ направленіяхъ жизни, дѣлаетъ его приложеніе, сообразно особенностямъ случая. Такъ и Моисей установилъ начальниковъ каждаго колѣна Израилева и сохранилъ за собою только высшее и общее руководство; его общія рѣшенія въ каждомъ колѣнѣ находили свое особое приложеніе".

Такое отношеніе между имперіей и отдѣльными, входящими въ нее странами не можетъ быть признано федеративнымъ въ собственномъ смыслѣ слова, но указаніе на то, что имперской власти должна принадлежать компетенціи въ разрѣшеніи общихъ дѣлъ, а все, что входитъ въ частную сферу отдѣльнаго государства, должно принадлежать ему, вполнѣ согласно съ федеративнымъ принципомъ [2]).

Въ XV в. и въ началѣ XVI в. въ Италіи возникали неоднократно временные союзы; таковыми были союзъ въ Лоди

---

1) Aliter quippe regulari oportet Scythas, qui extra septimum clima viventes... et aliter Garamantes qui sub aequinoctiales habitantes... Sed sic intelligendum est, ut humanum genus secundum sua communia, quae omnibus competunt ab eo regatur et communi regula gubernetur ad pacem.

2) Поэтому мы не вполнѣ согласны съ Кельзеномъ, готовымъ признать, что имперской идеаломъ Данте былъ идеалъ единаго государства. Kelsen, Die Staatslehre des Dante Alighieri, Wien, 1905 (Wiener staatswissenschaftliche Studien, изд. Bernatzik, t. IV, 3) стр. 129—136. Къ Данте, по словамъ Кельзена, возводятъ идею итальянской конфедераціи: Villari, I fiorentini, Dante e Arigo VII (Nuova Antologia, CIII, стр. 225 и сл. Firenze, 1889) и Cipolla, Il trattato de Monarchia di Dante Alighieri e l'opusculo de potestate regia et papali di Giovanni da Parigi (Memorie dell' Academia di Torino, Ser. II, 42, 1892, стр. 363 и сл.). Петрарка также былъ федералистомъ по своимъ политическимъ взглядамъ и сторонникомъ соглашенія итальянскихъ городовъ и ихъ объединенія: De republica optime admistranda; De officio et virtutibus imperatoris; Apologia contra Gallum. О политическихъ взглядахъ Петрарки ср. Mézières, Petrarque, P. 1868, стр. 220—284.

(1454 и 1471 гг.), Венеціанскій союзъ 1495 г., союзъ въ Камбрэ 1508 г., Священный союзъ 1511 г. Эти союзы укрѣпляли федеративныя симпатіи современныхъ итальянскихъ политическихъ писателей [1]).

III.

Правильное пониманіе природы федерализма мы находимъ у Макіавелли, и хотя его политическимъ идеаломъ было сильное, объединенное, унитарное государство, но онъ очень хорошо понималъ все важное значеніе именно федеративной формы для политическаго объединенія (Discorsi, l. II, c. 4).

Изучая древнюю исторію, Макіавелли находилъ въ ней три способа политическаго роста, три формы политическихъ образованій: первый способъ есть путь завоеванія и присоединенія новыхъ провинцій — способъ централизаціи; второй способъ — федеративно-централистическій; въ этомъ случаѣ устанавливаются союзныя отношенія съ присоединяющимися государствами, но суверенитетъ сохраняется лишь за центральной властью, — такъ образовалась римская держава; третій способъ — чисто федеративный.

Первый способъ, способъ централистическаго устройства имперіи, и труденъ и опасенъ; чтобы силою управлять завоеванными городами, въ особенности тѣми, которые при-

1) G. Ferrari въ своемъ обширномъ сочиненіи Corso sugli scritori politici italiani, Milano, 1862, XVII лекцію, стр. 401—430, посвящаетъ федеральной школѣ, особенно процвѣтавшей съ 1576 по 1638 г., и цитируетъ соотвѣтствующія мѣста изъ Bozio, De Italiae statu antiquo et novo atversus Machiavellum, Roma. 1595; De imperio virtutis adversus Machiavellum, R, 1593; Ammirato (Scipione), Discorsi su Tacito, Firenze, 1594; Dissertazioni politiche; Boccalini (Trajano), Bilancia politica, Castellana, 1678 и др.; Tassoni, Pensieri diversi, 1601 и др. О союзахъ въ XVI в. см. Maulde-la Claviere, La diplomatie au temps de Machiavel, III (P. 1893), стр. 260—282.

выкли жить свободно, нужно постоянно поддерживать мощную военную силу, иначе всѣ усилія напрасны [1]).

Способъ односторонне-федеративнаго (или федеративно-централистическаго) устройства имперіи постоянно примѣнялся римлянами: союзники, съ которыми Римъ заключалъ договоры о дружбѣ, во многомъ сохраняли равенство съ нимъ, и полную самостоятельность внутренняго управленія, за исключеніемъ того, что столица имперіи находилась въ Римѣ и что право военныхъ дѣйствій отъ имени имперіи принадлежало одному Риму. Благодаря этому послѣднему праву, могущество Рима чрезвычайно возрастало, и несмотря на формально-юридическое равенство Рима и его союзниковъ, союзники невольно становились въ отношеніе полной зависимости отъ Рима. По мнѣнію Макіавелли, нѣтъ системы болѣе мудрой и вѣрной, чѣмъ эта, для государства желающаго расшириться. Но для примѣненія этой системы нужны послѣдовательность и мудрость политики, которой никто не обнаруживалъ кромѣ римлянъ.

Третій способъ имперіалистическаго роста и расширенія есть федеративный. Его примѣняли въ древности въ Италіи этруски, въ Греціи ахеяне и этолійцы, въ новѣйшее время швейцарскіе кантоны. Онъ состоитъ въ томъ, что многія государства соединяются въ одинъ общій союзъ (una lega [2]).

Правда, этотъ способъ препятствуетъ расширенію и завоевательной политикѣ, но онъ зато представляетъ и два преимущества: во-первыхъ, онъ дѣлаетъ болѣе рѣдкой войну, во-вторыхъ, при немъ то, что́ завоевано, легко сохраняется.

---

1) Этотъ способъ политическаго устройства очень плохъ и ведетъ государство къ скорой гибели. Vedesi ancora che quel modo di fare sudditi è stato sempre debole, ed avere fatto piccioli profiti; e quando pure egli hanno passato il modo, essere rovinati tosto (Discorsi, II, 4).

2) Il modo preallegato delle leghe, замѣчаетъ Макіавелли, come vivevono i Toscani, gli Achei, e gli Etoli, e come oggi vivono i Svizzeri, è dopo a quello de' Romani il miglior modo (II, 4).

Причиной, мѣшающей федеральному союзу расширяться, является то обстоятельство, что онъ представляетъ разъединенное государство (una Republica disgiunta), столица котораго въ различныхъ пунктахъ: это очень затрудняетъ обсужденіе и принятіе общихъ рѣшеній. Федерированныя государства испытываютъ очень мало потребности властвованія; необходимость раздѣлить свою власть съ большимъ числомъ союзниковъ дѣлаетъ стремленіе къ ней менѣе острымъ у членовъ конфедераціи, чѣмъ у государства, которое одно пользовалось бы этою властью Къ тому же, члены конфедераціи могутъ управляться только общимъ совѣщательнымъ собраніемъ (concilio), а эта форма управленія дѣлаетъ рѣшенія болѣе медленными, чѣмъ если бы они исходили только изъ одного центра.

Историческій опытъ, по мнѣнію Макіавелли, учитъ, что конфедеративный способъ политическихъ образованій имѣетъ свой опредѣленный предѣлъ, далѣе котораго эти политическіе союзы не простираются. Конфедераціи состоятъ изъ соединенія самое много двѣнадцати или четырнадцати государствъ (comunità). Достигнувъ этого предѣла, онѣ не стремятся къ дальнѣйшему расширенію, потому ли что онѣ считаютъ себя уже въ состояніи оказывать дѣйствительную взаимную помощь, потому ли что, по только что упомянутымъ причинамъ, не видятъ въ этомъ никакой для себя выгоды. Дѣйствительно, при расширеніи необходимо было бы или принять въ свою конфедерацію новыя государства, а это еще болѣе увеличило бы сложность управленія, или сдѣлать изъ новыхъ государствъ подданныхъ, т. е. пришлось бы перейти къ централистическому способу управленія. Первый способъ труденъ, во второмъ онѣ не видятъ для себя никакого интереса [1]).

1) Макіавелли не останавливается на этой послѣдней мысли и не показываетъ, почему конфедерированныя государства не видятъ для себя интереса въ присоединеніи новыхъ областей уже на принципахъ централистическаго управленія. Да едва ли онъ и могъ бы привести

„Если трудно подражать римлянамъ, — говоритъ Макіавелли, обращаясь къ итальянскимъ дѣламъ, — то по крайней мѣрѣ мы, тосканцы, легче можемъ итти по слѣдамъ древнихъ этрусковъ (т. е. избрать федеральный способъ объединенія). Если они и не могли образовать столь обширной имперіи, какъ римляне, то все же они смогли пріобрѣсти въ Италіи большую степень могущества. Ихъ государство долгое время было спокойно, славно и своими богатствами, и военной силой, и нравами, и религіей“ [1]).

Нѣкоторые элементы федерализма находимъ мы и у другого великаго итальянскаго мыслителя, у Вико [2]). Федерація, по теоріи Вико, лежитъ въ основаніи всякаго государства. Главы отдѣльныхъ семействъ, соединяясь, заключаютъ первые договоры и устанавливаютъ федерацію. Каждая политическая община возникаетъ какъ дальнѣйшая стадія развитія союза главъ семействъ. Переходъ этотъ происходитъ обычно потому, что власти старѣйшинъ родовъ угрожаетъ возстаніе рабовъ. Отдѣльныя государства могутъ образовать путемъ соединенія новую республику, тоже федеративнаго характера.

„Соединенныя провинціи Нидерландъ и Швейцарскіе кантоны, пишетъ Вико, объясняютъ образованіе этолійской и ахейской республикъ. Въ этихъ государствахъ многія свобод-

---

такіе аргументы. Онъ ссылается на историческіе примѣры. До его времени, конфедераціи не расширялись далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Въ наше время мы видимъ федеративныя образованія, которыя далеко превосходятъ намѣченныя Макіавелли предѣлы и которыя для своего расширенія примѣняютъ оба указанные Макіавелли способа: принятіе новыхъ членовъ конфедераціи и созданіе федеральныхъ территорій и протекторатовъ. Впрочемъ объ этомъ послѣднемъ способѣ (ricevere raccomondati, e pigliar protezroni), какъ о такомъ, къ которому прибѣгаютъ конфедераціи, упоминаетъ всколзь и Макіавелли.

1) Discorsi, II, 4.

2) Vico, Discours prononcé en 1700 (Oeuvres choisies de Vico, ed. Michelet, Paris, 1835, I, 198—9); De universi juris uno principio et fine uno, 1720, § 4, 155—6; La science nouvelle, P. 1844, I, 8.

ныя республики образуютъ одну аристократію, которая соединяетъ ихъ въ одинъ постоянный союзъ и во время мира и для войны, точно такъ же и въ Германской имперіи, которая состоитъ изъ многихъ вольныхъ городовъ и суверенныхъ государствъ, подчиняющихся императору, какъ своему главѣ, и которая имѣетъ аристократическую форму. Здѣсь умѣстно замѣтить, что суверенныя державы, соединяясь другъ съ другомъ въ союзъ, временный или постоянный, сами образуютъ аристократію и подвержены всѣмъ неудобствамъ, нераздѣльно соединеннымъ съ этими формами государственнаго устройства. Эти союзы сувереновъ есть послѣдняя форма политическихъ общинъ, такъ какъ невозможно вообразить общежитія болѣе высокаго, чѣмъ это. Но такова была и первая форма политическихъ общинъ, — ибо въ природѣ вещей, чтобы человѣческія дѣла кончались такъ же, какъ онѣ начались; и мы дѣйствительно эту послѣднюю форму находимъ въ аристократіяхъ старѣйшинъ, такъ сказать суверенныхъ царей въ своихъ семействахъ, соединенныхъ въ первобытныхъ общинахъ въ царствующій классъ“ [1]).

Вико признавалъ большое значеніе за конфедераціями въ дѣлѣ внѣшней защиты и силы государства и полагалъ, что только неумѣнье древнихъ иберовъ образовывать союзы и конфедераціи и объясняетъ, почему Испанія была покорена римлянами, хотя и была самой воинственной націей въ мірѣ. Если бы испанцы сумѣли создать конфедерацію, они, быть можетъ, могли бы образовать міровую имперію на берегахъ Таго; но разъединеніе ихъ погубило. „Dum singuli pugnant, universi vincuntur“ [2]).

---

1) Vico, La Science nouvelle, P. 1844, стр. 388—9.
2) Vico, Oeuvres choisies par M. Michelet, P. 1835, II, 147—148.

IV.

Итальянская исторія была исторіей постоянныхъ раздѣленій. Печальные результаты этого раздѣленія, подчиненіе чужеземной власти, упадокъ свободы, экономическая отсталость побудили всѣхъ итальянцевъ жаждать объединенія. Мечтою ихъ сдѣлалось стремленіе организоваться въ могущественное государство, которое заставило бы себя уважать и нашло бы средства для экономическаго подъема. Наиболѣе естественнымъ осуществленіемъ этой мечты было бы, конечно, объединеніе итальянской націи въ одну могущественную федерацію, составленную изъ десятка мелкихъ государствъ. Къ этой цѣли, повидимому, должно было бы притти движеніе къ объединенію Италіи, такъ какъ, казалось, всѣ предшествующія привычки и историческая воспоминанія Италіи говорили объ упорномъ партикуляризмѣ итальянскаго народа и о привязанности его къ небольшимъ гражданскимъ общинамъ. Однако страданія послѣднихъ трехъ столѣтій разъединненной Италіи подъ чужеземнымъ игомъ были настолько сильны, такое они вызвали стремленіе къ единству, что когда въ 50-хъ годахъ XIX вѣка наступилъ благопріятный историческій моментъ для объединенія, центростремительныя силы вполнѣ преодолѣли центробѣжныя, и объединенная Италія сорганизовалась не въ федеративное государство, а въ унитарную монархію, которая сумѣла дать Италіи внѣшнюю силу и внутреннее благоустройство, что и удовлетворило стремленія итальянскихъ патріотовъ, вполнѣ отказавшихъ послѣ этого отъ федеративныхъ плановъ.

Между тѣмъ, когда въ первой половинѣ XIX вѣка поставленъ былъ вопросъ объ итальянскомъ объединеніи, казалось, Италія по своей природѣ и по исторіи предназначена была къ образованію федеративнаго государства. На длинномъ протяженіи Апеннинскаго полуострова ее составляли рѣзко отличающіяся между собою провинціи: Сицилія, Южная Италія, долина Тибра, долина Арно и Сѣ-

верная Италія, Великая Греція, Лаціумъ (Римъ), Этрурія (Тоскана), Лигурія (Пьемонтъ), Инсубрія (Ломбарія). Но въ этомъ разнообразіи есть единство, общность расы, языка, исторической судьбы. Эта общность, соединенная съ монархическимъ строемъ итальянскихъ государствъ, и привела къ тому, что объединенная Италія сорганизовалась не какъ федеральное государство, а какъ унитарное королевство.

Однако объединеніе Италіи въ унитарное государство не обошлось безъ сильнаго федеративнаго противодѣйствія со стороны цѣлаго ряда политическихъ дѣятелей, мечтавшихъ объ образованіи изъ Италіи федеральнаго государства. Съ извѣстнымъ основаніемъ это теченіе называютъ новогвельфскимъ [1]). Было образовано общество, состоявшее изъ многихъ политическихъ дѣятелей, имѣвшее цѣлью образованіе конфедераціи подъ главенствомъ папы, società per la confederazione Italiana. Это общество имѣло конгрессъ въ октябрѣ 1848 г., на которомъ трактовался вопросъ объ образованіи итальянской уніи.

Вначалѣ, повидимому, и само пьемонтское правительство, взявшее въ свои руки объединеніе Италіи, готово было принять и федеральное устройство ея. Такъ въ 1849 г. пьемонтскимъ правительствомъ былъ посланъ въ Римъ Росмини съ проектомъ итальянской конфедераціи [2]).

---

1) Въ числѣ сторонниковъ этого теченія можно упомянуть Джіоберти, Бальбо, Томмаско, Росмини, Канту, Манцони, Монтанелли и Феррари.

2) По этому проекту предполагались образованіе сейма подъ предсѣдательствомъ папы и избраніе верховнаго вождя военныхъ силъ конфедераціи. Сеймъ опредѣлялъ бы военныя силы каждаго государства, наблюдалъ бы за согласіемъ между государствами, заботился бы объ общихъ интересахъ, — таможенномъ тарифѣ, коммерческихъ договорахъ, монетномъ обращеніи. Антоніо Росмини въ своемъ сочиненіи Costituzione secondo la giustizia sociale явился горячимъ защитникомъ федеральнаго государства, уважающаго права всѣхъ; вполнѣ въ духѣ благороднаго утопизма той эпохи, онъ хотѣлъ примирить свободу и папство, государство и церковь; каждая часть конфедераціи сохраняла бы конституціонную форму. Въ Римѣ подъ предсѣдательствомъ

Въ лицѣ Джіоберти идея итальянской конфедераціи нашла въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка одного изъ наиболѣе талантливыхъ и горячихъ своихъ защитниковъ. Конфедерація есть политическая организація, наиболѣе подходящая, по мнѣнію Джіоберти, къ природѣ и къ исторіи Италіи. Однако эта идея итальянской конфедераціи у Джіоберти принимала нѣсколько средневѣковый видъ. Конфедерація должна была, по его мнѣнію, организоваться подъ предсѣдательствомъ папы. Папѣ принадлежитъ верховное руководство надъ христіанскими государствами; отсюда естественное преимущество, гегемонія Италія, ея „приматъ“ надъ другими государствами. Джіоберти хотѣлъ, чтобы папа былъ вдохновителемъ и главою итальянской конфедераціи, а пьемонтскій король иниціаторомъ и вождемъ въ войнѣ за итальянскую независимость. Онъ развилъ планъ различныхъ реформъ, которыя должны быть произведены въ каждомъ итальянскомъ государствѣ, и планъ конфедераціи между всѣми реформированными государствами [1]).

На утопичность такой теократической конфедераціи Италіи особенно ясно указалъ другой сторонникъ итальянской федеральной идеи, Бальбо (П. С. Леопарди). Въ своей извѣстной и имѣвшей большое вліяніе на развитіе національнаго самосознанія въ Италіи книгѣ, О надеждахъ Италіи, Бальбо стремился доказать, что современная ему политическая организація Италіи не хороша, что Италія должна добиться полной самостоятельности и освободиться отъ всякой зависимости отъ Австріи, что невозможна и нежелательна организація Италіи ни въ видѣ отдѣльныхъ независимыхъ мелкихъ республикъ, ни въ видѣ единаго итальянскаго коро-

---

папы долженъ былъ бы собраться постоянный сеймъ представителей отдѣльныхъ государствъ.

1) Gioberti V., Del primato morale e civile degli Italiani, Brussele, 1843; его же, Del rinnovamento civile d'Italia, P, 1851, 2 т.

левства, а допустима лишь организація въ видѣ конфедераціи существующихъ итальянскихъ монархическихъ государствъ. Наиболѣе практичный путь этого конфедеративнаго объединенія есть созданіе таможеннаго союза, по образцу того, который съ такимъ большимъ успѣхомъ заключили между собою Германскія государства. Эта таможенная унія должна и можетъ простираться только на итальянскія государства. Конечно, съ политической точки зрѣнія таможенный союзъ не стоитъ союза политическаго, и еще менѣе постоянной конфедераціи; но все же онъ можетъ оказать громадную пользу Италіи [1]).

Другой видный дѣятель эпохи Risorgimento и представитель ново-гвельфскаго направленія, Монтанелли былъ противникомъ объединительныхъ плановъ Пьемонта. Онъ не вѣрилъ въ возможность федераціи итальянскихъ государствъ. „Если бы Италія состояла изъ многихъ конституціонныхъ государствъ, и конституція въ нихъ была дѣйствительною, то, разумѣется, федерація между этими государствами была бы не только возможна и легка, но и необходима, такъ какъ изъ общихъ либеральныхъ учрежденій образовалась бы имперія въ соединеніи противъ Австріи, прирожденнаго врага всякой свободы въ Италіи. Государи же Италіи, съ ихъ династическими стремленіями, не имѣютъ никакого интереса въ образованіи монархической федераціи и скорѣе въ иностранномъ владычествѣ находятъ опору своимъ престоламъ“ [2]).

По плану Монтанелли единство Италіи должно явиться рѣшеніемъ учредительнаго собранія, состоящаго изъ представителей всѣхъ конфедерированныхъ итальянскихъ государствъ. Объединенная Италія должна быть создана демократическимъ методомъ. „Этотъ методъ одновременно

1) Cesare Balbo (P. s. Leopardi), Speranze d'Italia, 1844; по франц. Des espérances de l'Italie, 1844, особ. стр. 347—374.

2) Montanelli, Le parti national italien, P. 1856, стр. 41. Ср. его же, Questioni italiane, Torino, 1851 и Memoires sur l'Italie, P. 1857, 2 т.

и унитарный и федеральный: унитарный по цѣли, федеральный по средствамъ. Онъ унитаренъ по цѣли, такъ какъ сознаніе единой національной жизни, являющееся живою душою итальянской революціи, неизбѣжно должно привести рано или поздно къ признанію національнаго суверенитета. Онъ федераленъ по средствамъ, ибо вслѣдствіе того, что въ дѣйствительности историческая Италія всегда была въ раздѣленіи, для того чтобы образовать національный центръ, необходимо установить между частными центрами соглашеніе, договоръ, согласіе объ общемъ дѣйствіи, хотя бы только для установленія избирательнаго закона. И тѣ, кто хотятъ для Италіи въ окончательномъ итогѣ унитарную форму, должны принять эту федерацію, какъ переходъ; и тѣ, кто хотятъ въ качествѣ окончательной формы федеральный строй, должны признать, что націи одной надлежитъ это рѣшить, и должны поэтому принять и великій унитарный принципъ народнаго суверенитета“ [1]).

Среди горячихъ защитниковъ федеративнаго идеала слѣдуетъ также упомянуть Джузеппе Феррари, итальянскаго историка, публициста и политическаго дѣятеля [2]), и Карло

---

1) Montanelli, Le parti national, стр. 45—8.

2) См. особенно G. Ferrari, Corso sugli scritori politici italiani e stranieri, Milano, 1862 и брошюру его La fédération italienne, P. 1860, въ которой содержатся двѣ рѣчи Феррари, произнесенныя имъ въ Туринскомъ парламентѣ, въ октябрѣ 1860 г.; особ. стр. 17—18. „Я вѣрю въ федерацію, говорилъ Феррари, я считаю ихъ столь же могущественными, какъ и унитарныя государства, и въ созданіи военныхъ силъ, и въ сопротивленіи вторженіямъ, и въ содѣйствіи свободѣ, и въ охранѣ искусства, науки, промышленности и торговли. Когда я прочиталъ въ вашемъ проектѣ (Феррери обращается въ своей рѣчи къ министерству), что вы хотите создать децентрализованную монархію, я радъ былъ этому заявленію, благопріятному федераціи. Децентрализованная монархія, въ которой каждый городъ вѣситъ соотвѣтственно своей экономической цѣнности, должна называться федераціей; и со временъ Аристотеля до нашихъ дней, это имя всегда примѣняется къ политическому тѣлу, не имѣющему, по какой бы то ни было причинѣ, столицы. Всякій разъ какъ нѣсколько государствъ не могутъ оставаться въ подчиненіи другому, какъ бы они ни были соединены, ка-

Катанео, издававшаго журналъ Politecnico въ федеративномъ и республиканскомъ духѣ[3]).

кое бы у нихъ правительство ни было, они всегда образуютъ федеральное тѣло, хорошее или дурное, какъ и монархіи бываютъ хорошія или дурныя. Децентрализовать государство или федерализовать его, — термины соотвѣтствующія. Вы предлагаете признать автономію. Но всякій разъ, какъ вы признаете автономію, вы впадете въ федеральную систему. Федерація не имѣетъ другой цѣли, какъ сохранить автономію, будутъ ли эти древнія столицы, или образовавшіяся государства или области условно независимыя. Какой бы смыслъ вы ни давали слову автономія, вы не можете отдѣлить его отъ федеральной системы".

3) Carlo Cattaneo, Politecnico, авг. и сент. 1859, апр., авг. и сент. 1860; Lettera agli editori del Politecnico, 16 сент. 1860. Къ числу федералистовъ этой эпохи слѣдуетъ также отнести N. Tommasco, La pace e la confederazione italiana, Torino, 1859 и C. Cantù, Histoire des italiens, P. 1859—62, 12 т. См. также Confédération italienne. Le pouvoir temporel des Papes devant l'Evangile et les hommes, Buxelles, 1859; La confédération italique, par l'auteur de „Congrès de Vienne en 1814 et 1819 et celui de Paris en 1856, Paris, 1859, особ. стр. 54—70; B. Monti, Intorno alla confederazione dei popoli italiani, Ancona, 1849; A. De Gori, Confederazione, Firenze, 1859; M. Gioja, Dissertazione sul problemo quale dei Governi liberi meglio convenga all' Italia (Opere minori, т. IV.). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и двѣ французскія брошюры того времени: Villaume, Le salut de l'Italie, P. 1861, стр. 19—21 27 (Италія всегда была раздѣлена на множество княжествъ и республикъ рѣзко различающихся между собой, говорящихъ даже на разныхъ нарѣчіяхъ, имѣющихъ различныя правительственныя формы, нравы, обычаи, идеи, тенденціи, съ большей завистью государствъ другъ къ другу: Неаполь, Флоренція, Римъ, Венеція не могутъ объединиться въ единое и недѣлимое государство. Италія должна сдѣлаться демократической республикой. Эта республика вначалѣ должна быть федеральной. Въ Римѣ должно быть собраніе депутатовъ и верховный правительственный совѣтъ, организующій военную защиту страны) и Proudhon, La fédération et l'unité en Italie, P. 1862, брошюра, составленная изъ полемическихъ статей написанныхъ по поводу итальянскихъ событій и направленныхъ главнымъ образомъ противъ Мадзини и Гарибальди, борцовъ за итальянское объединеніе. Какъ ни странно, Прудонъ особенно протестовалъ противъ унификаціи Италіи съ точки зрѣнія интересовъ Франціи, находя, что объединенная Италія уменьшитъ могущество Франціи и будетъ для нея опасной. Прудонъ полагалъ, что Италія по своему темпераменту и назначенію федералистична (стр. 23, 45). Централизація не возбудитъ, а убьетъ туземный, мѣстный элементъ; власть народа поглощена будетъ властью центральнаго органа. Мадзини за цен-

Съ идеей итальянской конфедераціи носился въ 1848 г. лордъ Пальмерстонъ, а Наполеонъ III, когда въ 1859 г. уступилъ Ломбардію Пьемонту, взялъ обѣщаніе, что отдѣльныя мелкія государства образуютъ конфедерацію подъ предсѣдательствомъ папы, что и было обусловлено въ Цюрихскомъ договорѣ 16 окт. — 10 ноября 1859 г.; но централистическія идеи взяли верхъ, и единство Италіи было осуществлено въ 1860—61 гг. подъ главенствомъ пьемонтскаго короля Виктора Эммануила. Главнымъ идейнымъ противникомъ Итальянской федераціи и непримиримымъ борцомъ за организацію Италіи, какъ единаго, унитарнаго, централизованнаго національнаго государства былъ Мадзини. За эту идею онъ боролся съ 20-хъ годовъ XIX вѣка до того момента, когда, наконецъ, его мечты были осуществлены[1]). Столь же горячаго защитника идея обще-итальянскаго единства нашли въ Гарибальди.

V.

Послѣ того какъ Италія объединилась въ унитарное государство, и это объединеніе нашло себѣ полное сочувствіе въ итальянскомъ народѣ, оправдало себя въ дальнѣйшемъ ростѣ политической силы, значенія и богатства Италіи и, повидимому, оказалось окончательнымъ, федерализмъ почти совершенно потерялъ въ Италіи свой практическій смыслъ. Фе-

---

трализацію съ точки зрѣнія національнаго принципа; но національный принципъ важенъ какъ для большихъ, такъ и для малыхъ націй; онъ заключаетъ въ себѣ независимость и автономію и болѣе мелкихъ и болѣе крупныхъ агломератовъ, тѣмъ болѣе, что очень трудно провести точныя границы національности (стр. 25—6). Основная идея трактата въ Виллафранкѣ должна быть принята всѣми итальянцами, какъ „благая вѣсть“ (стр. 30). Мадзини, провозглашая централистическое единство Италіи, измѣнилъ дѣлу революціи и демократіи, какъ въ свое время Робеспьеръ, установившій буржуазный деспотизмъ и эксплуатацію (стр. 33).

1) Ср. Mazzini, L'unione italiana (Opere, III, 195—269) и Unitari e federalisti (XII, 57—78). Извѣстно, какъ горячо выступилъ въ защиту федеральныхъ идей противъ Мадзини Бакунинъ. См. также G. Fontana, La tradizione unitaria in Italia, Bologna, 1880.

дерализмъ сохранился только въ двухъ формахъ: какъ предметъ чисто-академическаго изученія, какъ интересная въ теоретическомъ смыслѣ форма политическихъ образованій, и какъ одно изъ выраженій стремленія къ имперіалистическому расширенію. Въ академическихъ юридическихъ конструкціяхъ итальянскихъ ученыхъ природы федеральныхъ соединеній сказалось главнымъ образомъ вліяніе нѣмецкой литературы. Теоріи Лабанда и Еллинека опредѣляютъ направленіе наиболѣе важныхъ работъ въ этой области [1]).

---

1) Во всякомъ случаѣ это можно сказать о тѣхъ авторахъ, съ произведеніями которыхъ мы имѣли возможность познакомиться. Очень много занимался федеративной проблемой, съ точки зрѣнія ея юридической конструкціи, P. Contuzzi, въ особенности см. его монографію Stato (въ Digesto Italiano vol. XXII подъ буквою s, par. II, Torino, 1891); его же, Le leggi di composizione e decomposizione degli Stati (2 изд. въ Il Diritto delle Genti dell' Umanita, 1880—86); его же, Diritto federale publico e privato; статья Federazione (въ Il Digesto Italiano, vol. XI, pars I, Torino, 1895, стр. 718—745); о федеральной системѣ также въ Storia del rinnovamento del diritto publico Italiano и въ статьѣ Confederazione (въ Il Digesto Italiano, vol. VIII, par. I, Torino, 1896 стр. 701—725, о панроманизмѣ стр. 718—719). Спеціальное ученое и документированное изслѣдованіе теоріи федерализма посвятилъ Brunialti, Unioni et combinazioni fra gli Stati. Gli Stati compositi et lo Stato federale, Torino, 1891. Его теорія федерализма вполнѣ входитъ въ ту категорію, которую мы назвали унитарною. Въ своихъ выводахъ Бруніальти сходится главнымъ образомъ съ Еллинекомъ. Кромѣ того см. Cimbali, Lo Stato secondo il diritto internazionale universale, R. 1891; L. Palma (авторъ извѣстнаго изслѣдованія Principio di nazionalità), Studi sulle constituzioni moderne, Torino, 1893 (о федеральныхъ конституціяхъ Соединенныхъ Штатовъ, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Германіи); Flora Federico (проф. Генуескаго универ.), Le finanze degli stati composti. Confederazioni — Stati federali — unioni reali, Torino, 1900 (Хорошая работа о финансовомъ устройствѣ сложныхъ государствъ; во взглядѣ на природу федеративныхъ соединеній Флора держится взглядовъ американца Бурджеса); F. G. Bigliati, Diritto internazionale e diritto constituzionale, I, Lo Stato e la Società internazionale, Torino, 1904 (особ. стр. 228—294, трактующія объ унитарномъ государствѣ и о государственныхъ соединеніяхъ, и излагающія исторію федеральной идеи въ Германіи); Tomaso Perassi, Confederazione di Stati e Stato federale, Manoppello

Въ настоящее время если и имѣются въ Италіи слѣды нѣкотораго практическаго федерализма, то исключительно на международной почвѣ, въ связи съ итальянскимъ имперіализмомъ. Создается движеніе въ пользу созданія имперіи, въ восточной части Средиземнаго моря, съ возсоединенными тѣмъ или инымъ образомъ итальянскими провинціями Швейцаріи и Австро-Венгріи, съ сферами вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, особенно въ Албаніи, съ колоніями и протекторатами въ Африкѣ [1]).

Такова впрочемъ обычная эволюція федерализма, которую мы неизмѣнно встрѣтимъ во всѣхъ странахъ. Федерализмъ имѣетъ не только интенсивное, такъ сказать, направленіе къ объединенію одного народа; но когда это объединеніе дѣлается совершившимся фактомъ, та же сила придаетъ федерализму и экспансивное устремленіе. Великій народъ не довольствуется созданіемъ своего государства, но стремится къ международнымъ соединеніямъ и къ созданію обширныхъ имперій.

Б. Французскій федерализмъ.

I. Федерализмъ гугенотовъ. — II. Федеративная теорія Бодена. — III. Федерализмъ въ XVIII вѣкѣ. — IV. Федерализмъ въ эпоху революціи. — V. Областной федерализмъ и автономизмъ въ XIX вѣкѣ. — VI. Соціально-анархическій федерализмъ. — VII. Академическій федерализмъ.

I.

Франція издавна является классическимъ образцомъ унитарнаго государства и правительственной и администра-

(Abruzzo), 1910 (краткая, но дающая ясную и отчетливую конструкцію конфедераціи и федеральныхъ государствъ въ духѣ германскихъ унитарныхъ теорій работа, вышедшая изъ семинарія при университетѣ въ Павіи).

1) О современномъ итальянскомъ имперіализмѣ см. документированную статью Петра Рыссъ, Теоретики итальянскаго національнализма (Русская мысль, 1912, № 2) и указываемые имъ сочиненія Oriani, Corradini, Cighele, Riccabona, L. Valli, мечтающихъ о созданіи Великой Италіи.

тивной централизаціи. Ея политическая исторія, въ особенности новаго времени, чужда какихъ бы то ни было федеративныхъ образованій. Несмотря на это, а можетъ быть, и именно поэтому, вопросы федерализма издавна привлекали вниманіе французскихъ политическихъ мыслителей; но такъ какъ эти вопросы нисколько не связаны во Франціи съ непосредственной практикой политической жизни страны, то они не выходили изъ области чисто теоретическихъ конструкцій и выясненія политическаго значенія федеральныхъ формъ. Какъ практическое теченіе, федерализмъ если и возникалъ во Францію, то лишь какъ протестъ противъ чрезмѣрной централизаціи и какъ крайняя форма политическаго децентрализма, да еще федерализмъ играетъ видную роль въ области французскихъ соціальныхъ теченій, начиная отъ соціалистовъ-утопистовъ, и черезъ Прудона среди современныхъ синдикалистовъ.

Несмотря на незначительное практическое осуществленіе федерализма въ политическихъ учрежденіяхъ Франціи, французская политическая мысль оказала не разъ рѣшающее вліяніе на конструированіе юридической природы федеральныхъ соединеній. Федеративная теорія Бодена установила впервые юридическое отличіе федеральнаго государства отъ конфедераціи государствъ. Въ связи со взглядами Монтескье теорія эта во многомъ опредѣлила федеративныя воззрѣнія авторовъ Федералиста. Въ XIX вѣкѣ Токвилль предложилъ теорію дѣлимости суверенитета, которая долгое время была господствующей при юридическомъ конструированіи природы федеральныхъ государствъ. Современный соціальный федерализмъ, находящій себѣ адептовъ во многихъ странахъ, имѣетъ своимъ теоретическимъ родоначальникомъ Прудона. Въ послѣднее время французскими теоретиками-юристами предложены двѣ примѣчательныя конструкціи юридической природы федеральныхъ государствъ, связанныя особенно съ именами Дюги и Лефюра.

Какъ мы сказали, французская исторія почти не знаетъ примѣровъ федеративныхъ соединеній, даже въ раннія эпохи. Правда, изъ свидѣтельствъ Юлія Цезаря можно, повидимому, заключить, что древняя Галлія знала нѣкоторое федеративное объединеніе государствъ. Въ своихъ запискахъ о Галльской войнѣ онъ говоритъ, напр., что послы различныхъ галльскихъ республикъ просили его, чтобы онъ позволилъ имъ созвать общее собраніе всей Галліи. Верцигеториксъ имѣлъ планъ соединить въ конфедерацію всѣ галльскія государства, установивши общій сеймъ Галліи. Но это общеніе галльскихъ племенъ было чисто случайнымъ, вызваннымъ войною съ римлянами, и никакой постоянной федеративной организаціи между ними не было [1]).

Средневѣковая политическая организація во Франціи знала, конечно, федерализмъ на почвѣ обще-европейскаго феодализма и партикуляризма [2]). Франкская имперія при Меровингахъ объединяла подъ общимъ скипетромъ франковъ, баварцевъ, швабовъ и др., сохранявшихъ свое собственное правительство и устройство. Однако очень скоро,

---

1) Таково мнѣніе, напр., авторитета въ данномъ вопросѣ, Фюстель де Куланжа. По утвержденію Фюстеля де Куланжа первобытная Галлія, до завоеванія римлянами, не представляла единой органически слитной націи. Политическаго единства не было никакого. Не было у галловъ никакого слѣда и федеративнаго совѣта; если и бывали совѣщанія, то временныя, случайныя, но не существовало никакого правильно функціонирующаго собранія. Галльскія племена вели войны и заключали союзы между собою вполнѣ какъ суверенныя государства. Не было и никакой верховной власти, чтобы регулировать ихъ взаимныя отношенія. Можно говорить только о власти друидскаго духовенства, часто выступавшаго посредникомъ въ спорахъ отдѣльныхъ племенъ. Отъ Пиренеевъ и Марселя до береговъ Рейна насчитывалось такихъ государствъ около 80. Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'Ancienne France, I, P. 1877, стр. 6—10. Объ имперской власти и мѣстномъ управленіи въ V вѣкѣ см. томъ L'invasion germanique, P. 1891.

2) См. Imbart de la Tour, Les origines de la Reforme, P., I, 1905, II, 1909. О федеративномъ принципѣ средневѣковаго феодальнаго государства см. I, 23—33, о федерализмѣ на соборахъ, II, 4—5.

подъ вліяніемъ войнъ и образованія единой національности, Франція вышла изъ средневѣковаго федерализма и сдѣлалась унитарнымъ и даже централизованнымъ государствомъ.

Но въ то время, какъ Франція централизовалась, возникъ въ ней, какъ протестъ неумершихъ еще мѣстныхъ вольностей, федерализмъ, главнымъ образомъ на почвѣ кальвинизма. Кальвинизмъ вездѣ, куда онъ проникалъ, оказывался благопріятствующимъ факторомъ для развитія федерализма. Такое вліяніе его объясняется тѣмъ, что центральной идеей кальвинистовъ о церковномъ и политическомъ устройствѣ была идея договора. Церковная община, конгрегація образуется по свободному соглашенію.

Идея свободнаго договора лежитъ въ основаніи церковно-политическихъ воззрѣній самого Кальвина. Первоначальная церковная ячейка, конгрегація образуется свободно изъ всякаго соединенія вѣрующихъ людей, собравшихся во имя Божіе. Объединеніе отдѣльныхъ конгрегацій въ единую національную или всемірную церковь возможно лишь на основахъ федеративнаго устройства. Во главѣ каждой конгрегаціи должна стоять preslyterorum collegium. Надъ отдѣльными церквами долженъ стоять съѣздъ священниковъ, presbyterorum synodus, соборъ представителей отдѣльныхъ общинъ [1]).

Идея договорнаго образованія общей власти переносилась кальвинистами съ церковнаго устройства и на общеполитическое. Повсюду, гдѣ торжествовалъ кальвинизмъ, торжествовалъ и федеративный принципъ политическаго устройства. Такъ это было въ Нидерландахъ и въ Сѣверной Америкѣ.

Неудивительно, что среди соціально-политическихъ дви-

---

1) Institutiones christianae religionis, 1543, c. VIII. Подробнѣе о Кальвинѣ см. нашъ Международный федерализмъ, стр. 272 и сл.

женій Франціи въ XVI вѣкѣ именно гугеноты обнаружили сильное тяготѣніе къ федеративному политическому идеалу.

До XVI вѣка Франція была еще государствомъ съ сильно децентрализованной властью. Большая часть провинцій, составившихъ Францію, представляли собою отдѣльныя, независимыя цѣлыя, пользующіяся самымъ широкимъ самоуправленіемъ, въ области какъ управленія, такъ и суда. Жители провинцій смотрѣли на себя, какъ на членовъ отдѣльныхъ независимыхъ частей, а на жителей другихъ хотя бы и сосѣднихъ провинцій, какъ на отдѣльныя націи[1]). Въ этомъ заключалось основаніе для возникновенія въ подходящій моментъ федералистической реакціи противъ попытокъ централизаціи. Во время возстанія гугенотовъ послѣ Варѳоломеевской ночи, они въ своей внутренней организаціи прибѣгли къ федеративному способу управленія. Таковъ, напр., былъ уставъ управленія провинціи Восточнаго Лангедока, выработанный на собраніи въ Нимѣ въ 1573 г. Каждый городъ области образовывалъ особую республику. Для достиженія единства конфедераціи всѣ городскіе совѣты должны были собираться вмѣстѣ, и на этомъ общемъ собраніи избирался комитетъ и начальникъ для завѣдыванія военными дѣлами конфедераціи[2]). То же было сдѣлано и для области Гіенни и Западнаго Лангедока[3]).

---

1) См. Лучицкій, Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи (Кіев. Ун. Изв. 1870 № 12 и 1871).

2) Лучицкій, op. cit. (К. Ун. Изв. 1871, № 4, стр. 31—33).

3) Op. cit., стр. 45. Ср. особ. гугенотскую организацію на Монтобанскомъ и Нимскомъ собраніяхъ 1573 и 1575 г.: К. У. Изв. 1871, № 8, стр. 31—35. Гугеноты заключали между собою лиги, которыми управляли выборныя лица. Во многихъ провинціяхъ хотѣли получить почти полную автономію. Эти попытки, начатыя съ 1572 г., серьезныхъ результатовъ достигли только при Генрихѣ III. При вступленіи на престолъ Генриха III города требовали „la conservation ou rétablissement des privilèges, franchises et libertés du pays, lesquelles le roi et les princes ont jurées, et mêmement le roi a autorisé jusqu'au moindre de ses sujets de lui refuser obéissance en cas qu'il rompe une seule des franchises jusqu'à ce qu'il y ait pleinement satisfait". См. Weill, Les théories

Гугеноты имѣли цѣлую іерархію религіозныхъ собраній, служившихъ, чтобы группировать ихъ силы, начиная съ консисторій и кончая національнымъ синодомъ, съ провинціальными коллоквами и синодами, въ качествѣ посредствующихъ инстанцій. Политическая организація тоже осуществлялась ими на федеральныхъ началахъ. „Съ одной стороны, говоритъ Вейль, каждый городъ организовалъ свое мѣстное управленіе; съ другой стороны, сторонники реформаціи на югѣ выработали планъ провинціальнаго союза, который, много разъ исправленный, сдѣлалъ возможнымъ созданіе истиннаго правительства. Сохранять и развивать городскія и областныя свободы было однимъ изъ постоянныхъ пріемовъ гугенотовъ. Многія общины, обычно очень послушныя, воспламенялись, какъ только возникалъ вопросъ объ ограниченіи ихъ избирательныхъ правъ или прерогативы ихъ магистратовъ“ [1]).

Относительно рѣшающей роли федерализма въ борьбѣ гугенотовъ хорошо писалъ еще Сисмонди: „Во всѣхъ гражданскихъ войнахъ гугенотовъ во Франціи, можно признать героическія усилія конфедеральной власти противъ власти центральной. Когда гугеноты подсчитали себя, они скоро убѣдились, что они составляютъ лишь очень ничтожное меньшинство въ націи. Но это меньшинство, не имѣвшее ни столицы, ни арсеналовъ, ни казны, ни арміи, славно защищалось въ теченіе семи гражданскихъ войнъ, такъ какъ оно было живымъ повсюду, такъ какъ убійство вождя не убивало его, такъ какъ пораженіе не отдавало его столицы, такъ какъ вторженіе никогда не достигало тѣхъ мѣстъ, гдѣ засѣдали его совѣты. Къ концу этихъ

---

sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion, P. 1892, стр. 128.

1) Ср. Haag, La France protestante, P. 1846—52. 10 vol. Одинъ изъ первыхъ проектовъ гугенотской федераціи. Pieces justificatives, № XXXV. Weill, op. cit., стр. 128.

войнъ, партія гугенотовъ сплотилась вокругъ Генриха IV и прикрылась королевскимъ знаменамъ; она дала восторжествовать принципу законности, отдавши себя подъ покровительство короля; но она потеряла свое существованіе со своей побѣдой. Отказъ отъ конфедеративнаго духа былъ для нея губительнѣе двадцати пораженій“ [1]).

Слѣды болѣе или менѣе ясно выраженнаго федерализма находимъ мы во всѣхъ важнѣйшихъ произведеніяхъ гугенотской литературы, и у Готмана, и у Дюплесси-Морнэ, и у продолжателя Кальвина Теодора Бэза.

Уже Бэзъ, въ приписываемомъ ему памфлетѣ Du droit des magistrats sur leurs sujets, полагалъ, что во всякомъ благоустроенномъ государствѣ центральная суверенная власть должна находить себѣ сдержку въ противостоящей ей самостоятельной мѣстной власти [2]).

Знаменитый „монархомахъ“ Готманъ въ федеральномъ собраніи отдѣльныхъ штатовъ видѣлъ наилучшую гарантію народной свободы и взывалъ къ примѣрамъ древней конфедеральной Галліи, греческихъ амфиктіоній, ахейскаго союза и Римско-германской имперіи, какъ къ наиболѣе разумнымъ образцамъ народнаго правленія [3]).

---

1) Sismondi, Etudes sur les constitutions des peuples libres, стр. 412—3.

2) Бэзъ различалъ trois sortes de sujets: car les uns sont personnes du tout privees et sans aucune charge d'estat; les autres sont magistrats aussi, mais au dessous du souverain et par consequent subalternes ou inferieurs; tiercement il en y a d'autres, lesquels encores qu'ils n'ayent la puissance souveraine et ordinaire à manier, toutefois sont ordonnez pour servir comme de bride et de frein au souverain magistrat. Du droit des magistrats sur leurs sujets (Estat de France sous Charles IX, 1577, t. II, стр. 491, ср. 496 и сл.).

3) Et je ne pense point qu'il y ait jamais en Royaume (excepté celui des turcs) où les citoyens n'ayent retenu quelque forme de liberté, laquelle consiste en ce que les Estats soyent tenus. Pour cette raison donc nos ancestres ensuyvans ceste loy avec une grande prouvoyance, ont ordonné que la chose publique fut administrée par le conseil des estats; et que pour tenir ce conseil, le roy, les princes, et les deputez de chaque province,

По этимъ сопоставленіямъ съ перваго взгляда, повидимому, можно было бы предположить, что генеральные штаты, которымъ долженъ принадлежать суверенитетъ во Франціи, по мысли Готмана должны были носить федеральный характеръ. Однако далѣе онъ говоритъ и о собраніяхъ въ Лакедемонѣ и объ англійскомъ парламентѣ. Онъ не различалъ генеральныхъ штатовъ, какъ федеральнаго собранія, и штатовъ, какъ представительства единаго народа.

Въ приписываннomъ ему революціонномъ памфлетѣ, Réveille-matin des français, Готманъ болѣе опредѣленно становится на федералистическую точку зрѣнія. Единственное средство спасенія и торжества для протестантовъ вообще и въ частности для кальвинистовъ въ федераціи. Прежде всего всѣ протестанскіе государи для взаимной поддержки должны соединиться вмѣстѣ и образовать всеобщую лигу протестантовъ, которая могла бы противостоять коалиціямъ католическихъ силъ[1]). Что касается

---

s'assemblassent en un certain temps de l'année. Laquelle coustume a aussi esté autrefois en usage entre plusieurs autres nations. Premierement en notre ancienne Gaule, que nous avons monstré ci desus, par temoignages extraits des Commentaires de Cesar, avoit esté administree par un commun Parlement des plus notables choisis et deputez par le peuple. Mais pourautant qu'il est ici question d'un Royaume, l'est une chose assez cogune, que le Parlement des Amphictijons, fut institué par le Roy Amphictyon, fils de Deuculion (ainsi qu'en font foij Suidas et quelques autres) et que aux Thermopyles s'assembloient à un temps prefix de l'année les deputez des douze Citez et Provinces de la Grèce, pour deliberer en commun, des matieres d'importance, et affaires concernant l'estat du Royaume et de la chose publique; à raison de quoi, Ciceron l'appelle l'assemblée commune; Pline l'assemblée publique ou generale de la Grece. Cette mesme prudence eurent les Alemans en establissant l'estat de l'Empire d'Alemagne; ou l'Empereur represente le gouvernement de Monarchie, les princes, d'Aristocratie; et les ambassadeurs et deputez des villes retiennent l'apparence de Democratie, c'est-à-dire de l'estat populaire. F. Hotoman, La Gaule Françoise, ch. X (Estat de France sous Charles IX, t. II, стр. 427 и сл.).

1) Et pourceque la ligue du Pape, du roy d'Espagne, et de tous les catholiques Romains, et la particuliere intelligence qui est entre l'Empereur et ses deux gendres Rois, ne tendent qu' à exterminer tous ceux qui se sont

до французскихъ гугенотовъ, то авторъ памфлета Réveille-matin предлагалъ имъ планъ строго проведеннаго самоуправленія и автономіи отдѣльныхъ городовъ и общинъ, объединенныхъ федеративнымъ союзомъ. Каждый городъ и каждая община должны сорганизоваться самостоятельно и выбрать изъ своей среды правительственную власть, начальника военныхъ силъ и представителя исполнительной власти и совѣтъ двадцати четырехъ. Но на этомъ самоорганизація не должна остановиться. Нужно объединить всѣ города. Это объединеніе у ахеянъ совершалось такимъ образомъ, что собирались власти, всѣ правительствующія лица in corpore соединенныхъ городовъ и рѣшали дѣла сообща. Готманъ находитъ этотъ способъ хорошимъ, но неудобнымъ и невыполнимымъ для французскихъ гугенотовъ; онъ долженъ быть замѣненъ федеральнымъ собраніемъ представителей городовъ, рѣшающихъ дѣла по

---

retirez de l'obeissance de l'Eglise Romaine; S'il est ainsi que Jesus Christ n'a qu'une Eglise, dont la pluspart des Allemagnes, d'Angleterre, d'Escosse, Danemark, Suede, Norvege, Pologne, Suysse, et generalement tous ceux qui font vraye profession de l'Evangile pour toute la terre, sont les membres: s'il est ainsi, tous d'un corps, membres l'un de l'autre, selon l'intention du Seigneur, que distribue une mesme vie à tous les serviteurs d'un maistre, sujets et soldats d'un Roy et Capitaine Jesus Christ, qui n'a point fait de difference ou distinction des nations en la communication de son salut eternel. Qu'ils sont ensemble la maison du Seigneur, edifice sur le fondement des Prophetes et Apostres, en un temple Sainct, duquel Jesus Christ est la maistresse pierre du coing. Et si derechef il est ainsi, que les bras, les mains, les jambes, et les pieds d'un mesme corps doyvent service au chef, et particulierement, secours les uns aux autres: Que les Princes, Princesses et Potentats qui a constituez sur les pays cy dessus nommez, qui se disent de l'Eglise chrestienne, avisent de s'employer tous, à composer d'un costé les differens qu'en particulier les uns d'eux ont avec les autres, et d'autre part, à traicter entr'eux tous, chaudement (sans marchander à qui commencera, à recercher les autres, car cela n'est point de l'Esprit de Dieu) et par bonne negociation, une ligue generale, d'eux, leurs sujets, et pays-pour se maintenir les uns les autres, s'opposer aux entreprises de l'Antechrist et ses supposts. Réveille-matin des français et de leurs voisins (par Eusebe Philadelphe Cosmopolite), Edinbourg, 1574, стр. 139—141.

большинству голосовъ и выбирающихъ изъ своей среды главнаго начальника всей конфедераціи [1]).

Наибольшей популярностью среди памфлетовъ той эпохи пользуется произведеніе, авторомъ котораго въ настоящее время считается Дюплесси-Морнэ, Vindiciae contra tyrannos (1579) или, во французскомъ изданіи, De la puissance légitime du prince.

Этотъ памфлетъ обыкновенно считается проникнутымъ федеральнымъ духомъ. Объ этомъ говорилъ Бодрильяръ, и за нимъ повторяетъ Гирке [2]). Однако при ближайшемъ раз-

---

1) Quant aux fideles François survivants, nous leurs avons establi et establissons par le present arrest et jugement, les loix et ordonances politiques qui s'ensuyvent . . . 3) Que cela fait, en chacune ville estans assemblez en lieu public, ils jurent pour eux et leur posterité, d'accomplir inviolablement les loix qui s'ensuyvent . . . 4) Apres le serment fait, ils eslisent avec voix et suffrages publiques en leur dicte ville ou cité, un chef ou Maieur pour leur commandeur, tant au fait de la guerre (pour leur defense et conservation) que de la police civile, afin que le tout y soit fait par bon ordre. 5) Qu'à chacun desdicts Maieurs ils eslisent un conseil des 24 hommes, lesquels et pareillement le Maieur, seront pris et choisis sans acception de la qualité, soit de nobles, ou d'entre le peuple, tant de la ville que du plat pays, comme ils seront cognus propres pour le bien public . . . 14) Qu'entre tous lesdicts chefs et conseils particuliers, ils ellisent un chef general à la façon de Dictateur Romain, pour commander en la campagne; auquel aussi ceux des villes et citez obeiront en tout ce qui sera de sa charge pour le benefice commun de leur conservation. 15) La façon d'eslire ce chef general seroit bonne, si (comme les Ioniens, Doriens, Beotiens, Achees, Dolopes, et autres peuples des douze florissantes villes de Grece, qui pour adviser à leur estat, s'assembloyent deux fois en l'an: ou comme le conseil des Amphictyons du temps de Pausanias) les Maieurs et conseils des villes se pouvoyent assembler en quelque lieu et ville commode pour toutes: Mais pource que cela leur est malaisé pour maintenant, ils pourront apres une saincte priere, chacun Maieur et conseil assemblé endroit foy, proceder à l'election d'un chef general, et envoyer chacun Maieur et conseil son voeu et suffrage à celuy de la ville, qui (par un advis courant) sera trouvee plus propre à recueillir tous les advis des autres: afin que là, selon la pluralité des voix et suffrages qui y seront envoyez de dehors, joints avec celuy de dedans, celuy sort solonnelement declaré et prononcé chef general d'entre les membres, à qui Dieu par les plus de voix, l'aura voulu accorder. Reveille-matin, стр. 143—147.

2) Бодрильяръ характеризуетъ этотъ памфлетъ слѣдующимъ образомъ: „если устранить всю декламаціонную сторону „Vindiciae contra

смотрѣніи такое утвержденіе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. Ставя вопросъ о томъ, можно ли сопротивляться тирану угнетающему народъ, и отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, Морнэ спрашиваетъ однако, неужели это право на сопротивленіе принадлежитъ каждому частному лицу, и неужели каждый отдѣльный индивидъ имѣетъ право на это. Отвѣтить утвердительно на такой вопросъ, значило бы стать на вполнѣ анархическую точку зрѣнія. Морнэ не идетъ такъ далеко, и право на сопротивленіе признаетъ только за народомъ, находящимъ себѣ выраженіе въ представителяхъ власти [1]).

Право на сопротивленіе принадлежитъ представителямъ власти, какъ выразителямъ народнаго суверенитета, и только, а не потому, что народъ понимается, какъ федеративное соглашеніе отдѣльныхъ общинъ или провинцій [2]).

---

tyrannos", то истинная вдохновляющая его идея есть федерализмъ. Этотъ яростный памфлетъ постоянно взываетъ къ провинціальнымъ страстямъ, къ претензіямъ городовъ, къ возстанію мѣстностей". Baudrillart, Bodin et son temps, стр. 65. Въ томъ же духѣ и Gierke, Althusius, 2 изд., стр. 243.

1) Faudra-il que toute une populasse, cette beste qui porte un million de testes, se mutine et accoure en desorde pour donner ordre à ce que dessus? Quelle adresse y a-il en une multitude desbridée? Quel conseil et quelle prudence pour pouvoir aux affaires? Quand nous parlons de tout le peuple, nons entendons par ce mot ceux qui ont en main l'autorité de par le peuple, asavoir les Magistrats qui sont inferieurs au Roy, et que le peuple a deleguez, ou establis en quelque sorte que ce soit, comme consorts de l'empire et controlleurs des Rois et qui representent tout le corps du peuple. Nous entendons aussi les Etats, qui ne sont autre chose que l'epitome ou brief recueil du royaume, ausquels tous affaires publics se raportent. De la puissance du prince sur le peuple, 1581, стр. 61—62, 63, 242.

2) Ce que nous disons de tout le peuple universellement, doit estre aussi entendu de ceux qui en tout royaume ou ville representent legitiment le corps du peuple et qui ordinairement sont appelles les officiers du royaume ou de la couronne et non du Roy. Quant aux officiers du Roy, c'est luy qui les pose et depose à son plaisir. Au contraire les officiers du royaume reçoyvent leur autorité du peuple, en l'assemble generale des Estats; on moins fouloyent-ils la reçevoir ainsi anciennement, et ne peuvent estre deposer que par icelle. Ainsi donc les uns dependent du Roy, les autres du royaume; ceux la du souverain officier du royaume, qui est le Roy même,

Даже меньшинство народа можетъ воспротивиться безбожнымъ приказамъ тирана. Не требуется, чтобы весь народъ въ цѣломъ оказалъ сопротивленіе. Вѣдь народъ не въ цѣломъ даетъ клятву въ вѣрности Богу, но каждая часть, каждая община, представленная магистратомъ во время принесенія присяги. Такъ какъ каждый городъ обязался, то каждый имѣетъ право выполнить свое обязательство, каково бы ни было поведеніе короля и остальнаго народа. Отдѣлиться въ этомъ случаѣ отъ націи, нарушившей клятву, значитъ покинуть общество разбойниковъ [1]).

Морнэ постоянно говоритъ о двоякомъ союзѣ: о союзѣ государя и народа съ Богомъ и союзѣ государя съ народомъ, и называетъ послѣдній союзъ конфедераціей, но онъ нигдѣ не говоритъ о союзѣ-договорѣ частей народа (общественномъ договорѣ), благодаря которому составляется народъ какъ цѣлое. Народъ, повидимому, не понимался имъ какъ союзное образованіе [2]). Для своей цѣли, онъ не различалъ устройства германской федераціи отъ англійскаго или французскаго государства [3]). Идея его — противопоставить стремленію монарха къ автократизму и абсолютизму право народа, народный суверенитетъ. Народный же суверенитетъ выражается черезъ власть народныхъ собраній, народныхъ представителей.

Федеративный моментъ у Дюплесси-Морнэ былъ лишь въ томъ, что онъ не требовалъ единогласнаго рѣшенія народныхъ представителей; знакъ къ возстанію и сопротивленію могутъ подать и представители отдѣльныхъ частей

ceux-ci de la souveraineté du peuple, de laquelle souveraineté et le Roy et tous ses officiers et tous les officiers du royaume doyvent dependre. Op. cit., стр. 108; ср. стр. 82—3, 118.

1) Op. cit., стр. 76—77. Ср. мнѣнія гугенотскаго богослова и юрисконсульта Lambert Daneau о томъ что конституціонныя измѣненія могутъ происходить только съ единогласнаго согласія всѣхъ провинцій: Ethices christianae, III, с. 6.

2) Op. cit., стр. 186.

3) Op. cit., стр. 71—2, особ. 114.

народа. Народъ, заключая союзъ съ Богомъ, заключалъ его не какъ цѣлое, а черезъ свои отдѣльныя организованныя части [1]).

Кальвинистическій федерализмъ оказалъ свое вліяніе повсюду, гдѣ восторжествовалъ кальвинизмъ, и въ Нидерландахъ и среди англійскихъ инденендентовъ. Когда, гонимые на родинѣ, эти послѣдніе основали колоніи въ Сѣверной Америки, они сдѣлали краеугольнымъ камнемъ своего политическаго устройства свободный договоръ и образовали одну изъ самыхъ могущественныхъ федерацій, Соединенные Штаты [2]).

II.

Кальвинистическія произведенія, даже когда они призывали къ образованію федеративныхъ соединеній, не занимались анализомъ юридической природы этихъ соединеній, не предлагали никакихъ конструкцій, а самое многое дѣлали общую ссылку на ахейскій союзъ, на швейцарскую конфедерацію или германскую имперію. Но одновременно съ ними появилось составившее эпоху въ юридической литературѣ произведеніе Бодена, Les six livres de la République (1576), гдѣ впервые публичное право получило свою настоящую юридическую конструкцію. Въ этомъ же произведеніи дана была во всѣхъ смыслахъ достопримѣчательная теорія федерализма, въ существенныхъ чертахъ сохраняющая свое значеніе и силу и до настоящаго времени.

Теорія эта изложена Боденомъ въ VII главѣ первой

---

1) Toutes les villes et toutes les magistrats d'icelles villes, qui font parts et portions du royaume, promettoyent chascun d'eux pour son regard, et en termes expres faire le mesme: ce que toutes villes et communautez chrestiennes ont fait aussi. Op. cit., стр. 70.

2) О международномъ федерализмѣ французскихъ гугенотовъ, сказавшемся особенно въ знаменитыхъ проектахъ, „Великомъ планѣ“ Генриха IV и Noveau Cynée Эмерика Крюсе см. нашъ Международный федерализмъ, стр. 281—285.

книги, посвященной вопросу „о находящихся подъ протекторатомъ и о различіи между союзниками, иностранцами и подданными“.

Боденъ различалъ два вида соединеній: основанныя на неравенствѣ и основанныя на равенствѣ. Къ первому разряду онъ причислялъ протекторатъ, вассальныя отношенія, патронатъ и протекцію, различая ихъ между собою. Въ разсмотрѣніи юридической природы протектората, Боденъ интересовался главнымъ образомъ вопросомъ: отдавая себя подъ протекторатъ другого, теряетъ ли или не теряетъ суверенный государь свой суверенитетъ и не дѣлается ли онъ подданнымъ того, подъ протекторатъ котораго онъ отдается. Хотя, повидимому, суверенъ и не можетъ признавать никого болѣе высокаго, чѣмъ онъ, однако Боденъ поддерживалъ мнѣніе, что и государь, находящійся подъ протекторатомъ, остается суверереннымъ и не дѣлается подчиненнымъ. Протекція не влечетъ за собою подчиненія, а лишь превосходство (superiorité) и прерогативу почестей. Протекторатъ устанавливается договорами неравнаго союза, въ которыхъ обыкновенно оговаривается, что одна, протежирующая, сторона сохранитъ неприкосновенной державную власть (majesté) другой стороны.

Еще болѣе интересна, съ точки зрѣнія юридической конструкціи, теорія Бодена о договорахъ равнаго права. При разсмотрѣніи этихъ договоровъ Боденъ впервые ясно различилъ въ федеральныхъ соединеніяхъ тѣ двѣ основныя федеральныя формы (конфедераціи государствъ и федеральнаго государства), которыя признаетъ юридическая наука и въ настоящее время, и даже основной признакъ той и другой формы (множественный и единый суверенитетъ) онъ опредѣлялъ такъ, какъ это опредѣляется и теперь[1]).

1) Тѣмъ болѣе поэтому удивляетъ насъ полное умолчаніе о Боденѣ тѣхъ авторовъ, которые занимались исторіей федеративной идеи

Есть союзы (это тѣ, которые мы теперь называемъ конфедераціями) равнаго союза (alliance egale), въ которыхъ государственный характеръ и суверенитетъ сохраняются за каждой соединившейся стороной [1]).

Такого рода (конфедеративнымъ) союзомъ Боденъ считалъ конфедерацію швейцарскихъ кантоновъ, существующую съ 1315 г. Онъ полагалъ ошибкой, допускаемой многими, видѣть въ Швейцарскомъ союзѣ одно государство. На самомъ дѣлѣ это 22 государства, раздѣленныя суверенитетами, имѣющія каждое собственное правительство, собственную казну и территорію. Тотъ же фактъ, что въ этихъ государствахъ есть общій сеймъ, и общая собственность, и общая внѣшняя политика, и даже въ извѣстной степени общая казна, не дѣлаетъ изъ нихъ единаго государства, разъ каждое изъ нихъ сохраняетъ свой суверенитетъ. Такъ союзъ нѣсколькихъ главъ семействъ не образуетъ изъ нихъ единаго семейства [2]).

и сами предлагали теоріи во многомъ близкія боденовской. Ни Бри, ни Гирке, ни Лабандъ, ни Еллинекъ не останавливаются на Боденѣ, и это нельзя не признать очень существеннымъ упущеніемъ.

1) En quelque sorte d'alliance que ce soit, toujours la souveraineté de part et d'autre est reservée; autrement selui qui reçoit la loy est subject à celui que la donne, et le plus faible obeit au plus fort; ce qui ne se fait pas és traités d'alliance egale; car le plus faible est egal au plus grand, et ne le cognoist aucunement; comme on peut voir au traité d'alliance egale fait entre le roy de Perse et la seigneurie de Thebes; car combien que le roy de Perse estendist sa puissance depuis l'Inde Orientale jusques au far de Constantinople, et que Thebains n'eussent que le pourpris de leur ville, et la Beoce; si est ce neanmoins que l'alliance fut egale.

1) Ici dira quelcun: pourquoy les alliez en ligue offensive et defensive, envers et contre tous sans exception, usans de mesmes coustumes, de mesmes loix, de mesmes estats, de mesmes dietes seront reputés estrangers les uns des autres. Nous en avons l'exemple des Suisses, qui sont alliés entr' eux de telle alliance que j'ay dit depuis l'an 1315; je di neantmoins que telles alliances n'empechent pas que les uns ne soyent estrangers des autres, et ne fait pas qu'ils soyent citoyens les uns des autres. Nous en avons aussi l'exemple des Latins et des Romains, qui estoyent alliés en ligue offensive et defensive, usoyent de mesmes coustumes, mesmes armes, mesme langue, avoyent mesmes amis et ennemis. Et de faict les Latius souste-

Къ числу такого рода равныхъ союзовъ (конфедерацій), при которыхъ каждая союзная часть сохраняетъ свой государственный суверенитетъ, Боденъ причислялъ также италійскую конфедерацію древнихъ городовъ Италіи, соединенныхъ въ оборонительно-поступательный союзъ[1]), амфиктіоніи, объединявшія республики древней Гре-

---

noyent que c'estoit et devoit estre une mesme Republique et demandoyent avoir part aux estats et offices de Rome comme les Romains... Plusieurs sont en mesme erreur, que les Suisses n'ont qu'une republique; et neanmoins il est bien certain qu'ils ont treise Republiques, qui ne tiennent rien l'une de l'autre; ains chacune a sa souveraineté divisée des autres (Далѣе слѣдуетъ краткая исторія образованія швейцарской конфедераціи, причемъ позднѣйшія изданія книги Бодена полнѣе, чѣмъ первыя. Боденъ говоритъ, что онъ лично видѣлъ договоръ о союзѣ швейцарскихъ кантоновъ благодаря любезности швейцарскаго посла)... L'alliance est egale, et les estats de tous les cantons se tiennent ordinairement tous les ans et ce qui est arresté à la pluralite des treize, concernant la communauté, oblige un chacun en particulier, et la moindre partie de tous en nom collectif... Tous les alliés, confederés et coalliés, font vingt et deux Republiques (avec l'Abbé de Saint Gal Prince souverain), separées de souveraineté et chacune a ses Magistrats à part, estat à part, bourse à part, domaine à part, territoire à part. Brief, les armes, le cri, le nom, la monnoye, le seel, le ressort, la jurisdiction, les ordonnances de chacun estat, sont divisés. Et si l'un des cantons acquiert quelque chose, les autres n'y ont rien (Въ подтвержденіе этого положенія Боденъ приводитъ примѣры изъ исторіи и положенія Швейцарскихъ кантоновъ)... Tous ont neuf prevostés communes entr'eux; et neantmoins chacun en tire son proffit à part. On sait assez qu'ils sont aussi divisés de religion, et souvent eussent pris les armes les uns contre les autres, si le Roy de France n'y eust sagement pourveu... On dira que tous ensemble ne font qu'un estat, attendu que ce qui est arresté en leurs dietes en commun, oblige un chacun des cantons et la moindre partie de tous... Et qui plus est, pas un des cantons ne peut avoir alliance avec prince quelconque, si le consentement de tous n'y est... Qui sont tous arguments indubitables, pour monstrer qu'il y a autant de Republiques qu'il y a de cantons... Car les estats communs, le domaine commun, les dietes communes, les amis et ennemis communs, ne font pas un estat commun, ores qu'il y eust une bourse de certains deniers communs, ains la puissance souveraine de donner loy chacun a ses subjects; comme en cas pareil, si plusieurs chefs de famille estoyent associez de tout leur bien, ils ne feroyent pas pourtant une mesme famille.

1) Nous ferons mesme jugement des alliances contractées entre les Romains et les villes d'Italie, confédérez en ligue offensive et defensive, contre touts sans exception; et toutesfois c'estoyent Républiques séparées de ressort, et souveraineté.

ціи [1]), и союзы галльскихъ племенъ, о которыхъ свидѣтельствовалъ Юлій Цезарь [2]).

Такого рода конфедеративнымъ соединеніямъ Боденъ противопоставлялъ такіе союзы, гдѣ соединившіяся части теряютъ свой суверенитетъ и образуютъ одно новое государство, составленное изъ нѣсколькихъ государствъ; это государство является своего рода единымъ аристократическимъ государствомъ, въ которомъ принимаютъ участіе, какъ отдѣльные граждане, цѣлыя государства, монархіи, аристократіи и демократіи. Такого рода соединеніями были Ахейскій и Этолійскій союзы и въ современную Бодену эпоху Германская имперія, которая, по словамъ Бодена, „не монархія, а чистая аристократія, составленная изъ имперскихъ князей, семи избирателей и имперскихъ городовъ“ [3]).

---

1) Nous dirons le semblable de la ligue des sept villes Amphyctioniques, qui avoyent leur ressort, et souveraineté séparée, et depuis plusieurs autres villes et seigneuries entrerent en mesme ligue, pour la décision de leurs differends... Icy on peut dire, que toute la Grece n'estoit qu'une République, veu la puissance des estats Amphyctioniques: et néanmoins c'estoyent toutes Républiques séparées, ne tenantes rien les unes des autres, ni des estats Amphyctioniques, sinon qu'ils eussent compromis, comme les Princes ont accoustumé de compromettre et choisir pour arbitres leurs alliez...

2) Nous trouvons une ligue quasi semblable entre les anciens Gaulois, comme on peut voir aux memoires de Cesar, où il dit, que Vercingetorix esleu capitaine en chef, fist assembler les estats de toute la Gaule...

3) Mais aussi advient il, que ce n'est que un estat, une Republique, une seigneurie quant les partisans d'une ligue s'acordent en mesme souveraineté; chose qui n'est pas aisée à juger, si on n'y regarde de pres. Comme la ligue des Acheans n'estoit au commencement que de trois villes separées d'estat, ressort et souveraineté, alliees par alliance esgalle, offensive et deffensive, mais peu à peu, elles furent si estroictement unies ensemble pour les guerres continnelles qu'elles avoyent, que ce fut en fin une Republique composée de plusieurs... Le moyen de faire de ces Republiques là une seule fut Aratus qu'il trouva; car il fit arrester par les estats, que tous les ans on eliroit un capitaine en chef, pour commander en guerre et presider aux estats; et au lieu que chacune ville envoyoit ses ambassadeurs et deputez, pour donner voix deliberative, il fit qu'on eliroit dix Dimiourges, qui avoyent seuls voix deliberative, et pouvoir de resoudre, arrester et decider les affaires d'estat; et les autres deputez n'auroyent que voix consultative. Ces deux poincts gaignes, il se trouva peu à peu une Republique

III.

Въ эпоху абсолютной французской монархіи, въ XVII и XVIII вв., вопросы федерализма чужды были какого бы то ни было практическаго значенія для Франціи и если возбуждали, то только теоретическій интересъ. Федеративныя формы существовали въ это время въ Швейцаріи, въ Соединенныхъ провинціяхъ Нидерландъ, въ Германской имперіи; ихъ достоинства и недостатки неоднократно дебатировались во французской политической литературѣ.

Сильныя и слабыя стороны федеративныхъ соединеній

Aristocratique, au lieu de plusieurs Monarchies particulieres, Aristocraties et Seugneuries populaires... de sorte que toutes les villes de l'Achaie et de la Moree, estans assujetties, unies et incorporees à l'estat des Acheans usoyend de mesmes loix, mesme droit, mesmes coustumes, mesme religion, mesme justice, mesme monnaye, mesme poids, ainci que dit Polybe (Далѣе Боденъ говоритъ о судьбѣ Ахейской лиги и о завоеваніи Римлянъ, искусно воспользовавшихся принципомъ divide et impera). Ils (т. е. римляне) userent de mesme ruse envers les Etoliens, qui estoit un autre estat, et ligue separée des Acheans, composée de trois villes, qui avoyent aussi leur estat, ressort et souveraineté divisés; mais enfin ils suivirent la forme des Acheans, et de trois Republiques alliees par alliance egale, offensive et defensive, ils establirent une Republique Aristocratique, maniée par les estats de trois ligues et par un senat commun, auquel presidoit le capitaine en chef esleu par chacun an. Nous pouvons dire le semblable de XXIII villes de Lycie, qui establirent une Republique Aristocratique, semblable à celle des Acheans, horsmis que les deputés des plus grandes villes avoyent trois voix deliberatives, les mediocres en avoyent deux, les autres en avoyent une, comme dit Strabon, et au surplus ils ellisoyent aux estats le capitaine general, qu'ils appelloyent Lyciarque, et les autres magistrats et juges de toutes les villes. Les autres alliances et ligues des treize villes Ioniques et des douze villes de la Toscane et des XLVII villes Latines furent bien contractées par alliance egale, offensive et defensive et tenoyent leurs estats par chacun an, eslisoyent aussi quelques fois, mais non pas toujours, un capitaine en chef, quand la guerre estoit ouverte contre les ennemis, et neantmoins la souveraineté de chacune ville demeuroit en son estat, comme les suisses... Il sembleroit de prime face que telles ligues fussent semblables à celle des Achéans. Mais il n'y en a pas une pareille, excepte celle des Etoliens, et à present l'estat et Empire des Allemans, que nous monstrerons en son lieu n'estre point monarchie, ains une pure Aristocratie, composée des princées de l'Empire, des sept Electeurs et des villes Imperiales. Ср. совершенно аналогичную юридическую конструкцію Германской имперіи у Еллинека.

не ускользнули и отъ остраго взора Монтескье. Разсмотрѣнію ихъ онъ посвятилъ три первыя главы IX книги Духа законовъ. Въ федеративномъ устройствѣ онъ видѣлъ договоръ, по которому нѣсколько государствъ соглашаются сдѣлаться гражданами болѣе великаго ими образуемаго государства. Это — государство, составленное изъ государствъ [1]).

Природѣ федеративнаго государства, по мнѣнію Монтескье, соотвѣтствуетъ, чтобы составныя части его являлись республиками. Хотя и существуютъ въ Германской конфедераціи среди членовъ ея государства монархическаго правленія, но это противорѣчитъ духу федеративнаго устройства, и потому Германія обладаетъ менѣе совершенной конституціей, чѣмъ, напр., Голландія, Швейцарія или античные италійскіе союзы. Если она продолжаетъ существовать, то только потому, что во главѣ ея стоитъ императоръ, и что она является до нѣкоторой степени монархіей [2]).

Въ правильно организованномъ федеративномъ государствѣ, по мнѣнію Монтескье, отдѣльные члены ея должны терять международно-правовую личность и право самостоя-

1) Cette forme de gouvernement est une convention, par laquelle plusieurs corps politiques consentent à devenir citoyens d'un état plus grand qu'ils veulent former. C'est une société de sociétés qui en font une nouvelle, qui peut s'aggrandir par de nouveaux associés qui se sont unis (IX, 1).

2) Les Cananiens furent détruits, parce que c'étaient de petites monarchies, qui ne s'étaient point confédérées, et qui ne se défenderent pas en commun. La nature des petites monarchies n'est pas la confédération. La république fédérative d'Allemagne est composée de villes libres et de petits états soumis à des princes. L'expérience fait voir qu'elle est plus imparfaite que celle de Hollande et de Suisse. L'esprit de la monarchie est la guerre et l'aggrandissement: l'esprit de la république est la paix et la modération. Ces deux sortes de gouvernement ne peuvent, que d'une manière forcée, subsister dans une république fédérative. Aussi voyons-nous dans l'histoire Romaine, que, lorsque les Veïens eurent choisi un roi, toutes les petites républiques de Toscane les abandonnèrent. Tout fut perdu en Grèce, lorsque les rois de Macédoine obtinrent une place parmi les amphictyons. La république fédérative d'Allemagne, composée de princes et de villes libres, subsiste; parce qu'elle a un chef, qui est, en quelque façon, le magistrat de l'union; et, en quelque façon, le monarque (IX, 2).

тельно заключать договоры. Соединяясь въ конфедерацію, должно отдавать себя ей цѣликомъ. Это именно имѣетъ мѣсто въ Голландской республикѣ, и потому ея конфедерація совершеннѣе Германской. Если же нужно было бы привести образцовый примѣръ федеративнаго государства, то Монтескье готовъ былъ указать на Ликейскую конфедерацію, описанную Страбономъ [1]).

Руссо, повидимому, тоже былъ сторонникомъ федеративной формы правленія. Въ своемъ сочиненіи Considérations sur le gouvernement de Pologne (1772) онъ хвалилъ преимущества федеративнаго устройства. Онъ совѣтовалъ полякамъ раздѣлить государство на рядъ небольшихъ государствъ или во всякомъ случаѣ перейти къ федеративной организаціи, которая соединила бы въ одинъ союзъ палатинаты. „Образуйте въ каждомъ палатинатѣ особое управленіе. Усовершенствуйте сеймовую форму, расширьте ихъ власть въ соотвѣтствующихъ палатинатахъ; но тщательно обозначьте границы ихъ и сдѣлайте такъ, чтобы ничто не могло порвать между ними узы общаго законодательства и подчиненія государству въ цѣломъ. Однимъ словомъ, старайтесь расширить и усовершенствовать систему федеративныхъ правительствъ, единственную, которая соединяетъ преимущества большихъ и малыхъ государствъ“ [2]).

---

1) Dans la république de Hollande, une province ne peut faire une alliance sans le consentement des autres. Cette loi est très bonne, et même nécessaire, dans la république fédérative. Elle manque dans la constitution Germanique, ou elle préviendrait les malheurs qui y peuvent arriver à tous les membres, par l'imprudence, l'ambition, ou l'avarice d'un seul. Une république qui s'est unie par une confédération politique, s'est donnée entière, et n'a plus rien à donner... S'il fallait donner un modèle d'une belle république fédérative, je prendrais la république de Lycie (IX, 3). О томъ, какія достоинства и недостатки видѣлъ Монтескье въ федеративныхъ соединеніяхъ, мы уже говорили выше, на стр. 367.

2) La première réforme dont vous auriez besoin serait-celle de votre étendue. Vos vastes provinces ne comporteront jamais la sévère administration des petites républiques. Commencez par resserrer vos limites si vous voulez réformer votre gouvernement. Peut-être vos voisins songent-ils à

Эти мысли сдѣлались общимъ мѣстомъ у большинства писателей XVIII вѣка; и у физіократовъ, и у энциклопедистовъ находимъ мы подобную же оцѣнку федеративныхъ формъ [1]). Особаго упоминанія заслуживаетъ развѣ Мабли, посвятившій этому вопросу спеціальное сочиненіе Observations sur le gouvernement et les loix des Etats-Unis d'Amérique (1785). Въ этомъ сочиненіи, написанномъ въ видѣ писемъ къ американскому дѣятелю Адамсу, Мабли, разсматривая строй новаго государства, находитъ, что образованіе федеральнаго государства среди новой, неблагоустроенной и обширной страны, не имѣющей естественной связи, есть

---

vous rendre ce service. Ce servait sans doute un grand mal pour les parties démembrées; mais ce serait un grand bien pour le corps de la nation. Que si ces retranchemens n'on pas bien, je ne vois qu'au moyen qui pût y suppléer peut-être; et ce qui est heureux, ce moyen est déjà dans l'esprit de votre institution. Que la séparation des deux Pologne soit aussi marquée que celle de la Lithuanie: ayez trois états réunis en un. Je voudrais, s'il était possible, que vous en eussiez autant que de palatinats; formez dans chacun autant d'administrations particulières. Perfectionnez la forme des diétines. étendez leur autorité dans leurs palatinats respectifs; mais marquez-en soigneusement les bornes, et faites que rien ne puisse rompre entre elles le lieu de la commune législation, et de la subordination au corps de la république. En un mot, appliquez-vous à étendre et perfectionner le système des gouvernemens fédératifs, le seul qui réunisse les avantages des grands et des petits états, et par là le seul qui puisse vous convenir. Si vous négligez ce conseil, je doute que jamais vous puissiez faire un bon ouvrage (Gouvernement de Pologne, ch. V). Ср. гл. IX о хорошихъ сторонахъ польскихъ конфедерацій и противъ liberum veto. О международномъ федерализмѣ Руссо см. нашъ Международный федерализмъ, стр. 308—315.

1) Ср. Helvetius, De l'homme, sect. IX, ch. 4; Holbach, La politique naturelle, discours VII, § 10; Turgo, Lettre au docteur Price sur les constitutions américaines (Collection des principaux économistes, IV, 808 и сл.); о Тюрго и его федерализмѣ см. Condorcet, Vie de Turgot (Oeuvres, V (1847), стр. 213—5, 220—1). На международномъ федерализмѣ французскихъ писателей XVIII вѣка мы уже останавливались съ достаточной подробностью въ нашемъ сочиненіи Международный федерализмъ, М. 1908. Здѣсь должна быть упомянута и хорошая работа о греческихъ конфедераціяхъ: (Sainte-Croix), Des anciens gouvernements fédératifs, P., An VII (авторъ горячій сторонникъ федерацій, стр. 261—270).

доказательство мудрости колонистовъ; но въ будущемъ неизбѣжны замѣшательства и смуты въ государствѣ. Американская форма имѣетъ не мало недостатковъ. Однимъ изъ наилучшихъ средствъ противъ этого есть, по мнѣнію Мабли, увеличеніе власти общаго федеральнаго конгресса [1]).

IV.

Въ эпоху революціи во Франціи обнаружились два теченія, изъ которыхъ каждое стремилось къ противоположной цѣли, хотя и выступало подъ общимъ флагомъ федерализма. Здѣсь сказался тотъ двоякій политическій смыслъ федерализма, какъ формы политическаго объединенія и какъ наиболѣе дѣйствительной гарантіи децентрализаціи, о которомъ мы говорили въ предшествующей главѣ.

Въ самомъ началѣ революціи среди той фактической анархіи, въ какую впала страна при возникновеніи революціи, федерація городовъ явилась какъ средство политической концентраціи. Общественный инстинктъ, борясь противъ возникающаго хаоса, старался путемъ свободнаго соглашенія объ общемъ союзѣ, самопроизвольной ассоціаціей замѣнить разрушающуюся организацію. Такова была основная идея федеративнаго движенія 1789 и 1790 г. [2]).

Такое же значеніе имѣло и то движеніе реакціи противъ конвента и революціи 31 мая 1793 г., которое обнаружилось во многихъ провинціяхъ Франціи и выразилось въ коалиціи возставшихъ департаментовъ. Оно носитъ обычно названіе федерализма 1793 г., но хотя оно несо-

---

1) См. Mably, Oeuvres complettes, P. 1790, т. XIV, особ. стр. 6—9, и гл. VI: „Des dangers auxquels est exposée la confédération Américaine: Comment se formeront les troubles et les divisions: Néccssité d'augmenter le pouvoir du Congrès Continental". Ср. также De la législation ou principes des loix (Oeuvres, т. XV, стр. 214).

2) Maurice Lambert, Les Fédérations en Franche-Comté et la fête de la Fédération du 14 juillet 1790; M. Sepet, La chute de l'ancienne France. Fédération. P. 1896.

мнѣнно и было проникнуто идеями автономизма и децентрализаціи, оно вовсе не имѣло въ виду переустройства Франціи въ федеральную республику. Федеративно въ немъ было лишь объединеніе реагировавшихъ противъ конвентской революціи силъ [1]).

Наряду съ объединительнымъ федерализмомъ, въ которомъ ничего федеральнаго въ спеціально юридическомъ смыслѣ не было, среди множества политическихъ теченій революціи обнаружилось и истинно-федеративное, стремившееся къ созданію изъ Франціи федераціи свободныхъ провинцій. Къ концу XVIII в. нѣкоторая часть французскихъ провинцій, какъ Бретань, Бургундія, Фландрія, Артуа, Лангедокъ и т. д., сохраняли подъ именемъ pays d'Etat нѣкоторые остатки своихъ прежнихъ вольностей, уничтоженныхъ абсолютной монархіей. Другія, составлявшія около $^3/_4$ Франціи, назывались pays d'élection (подъ élection разумѣлись финансовые округа) и были болѣе централизованы. Но въ общемъ Франція представляла изъ себя страну вполнѣ централизованную [2]). Между тѣмъ стремленіе къ пріобрѣтенію прежнихъ вольностей было еще довольно значительно въ провинціяхъ, особенно въ южныхъ, и не мало указаній этому на-

1) Наилучшей основной работой по этому движенію французскихъ провинцій въ 1793 г. является книга: Wallon, La révolution du 31 mai et le fédéralisme de 1793, 2 v. P. Ср. Magnac, Le fédéralisme en 1793—1794 (двѣ статьи въ Revue des questions historiques, 1907, 1 juillet et 1 octobre); Hérissay, Un girondin: François Buzot, P. 1907, стр. 313 и сл.; и рядъ историческихъ этюдовъ по отдѣльнымъ провинціямъ, вродѣ Prudhome, Le fédéralisme dans Isère et Français de Nantes juin-juillet 1793, Grenoble, 1907 (о движеніи въ Дофинэ), Boivin-Champeaux, Les fédéralistes du département de l'Eure, 1865, R. N. Sauvage, Le fédéralisme en Normandie, Caen, 1909; одной изъ лучшей въ этой серіи является книга Plantadis, L'agitation autonomiste de Guienne et le mouvement fédéraliste des Girondins en Limousin (1787—1793), Tulle, 1908.

2) Albert Métin, La révolution et l'autonomie locale, Toulouse, 1904; Le comte de Luçay, La décentralisation. Etude pour servir à son histoire en France, P. 1895.

ходимъ мы въ тѣхъ пожеланіяхъ и инструкціяхъ, которыя вносились въ cahiers [1]). Нѣкоторымъ отвѣтомъ на такія пожеланія явились декреты 12 ноября и 14 декабря 1789 г., устанавливавшіе повсюду выборные муниципалитеты и передававшіе имъ веденіе не только дѣлъ мѣстнаго интереса, но и многихъ общихъ дѣлъ.

Среди политическихъ партій, боровшихся въ революціонныхъ представительныхъ собраніяхъ, обнаружилось двоякаго рода теченіе: съ одной стороны, вполнѣ централистическое якобинское, съ другой, дѣйствительно федералистическое жирондистовъ [2]).

Госпожа Роландъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что жирондистъ Бюзо удивлялся, почему смотрятъ на федерализмъ, какъ на политическую ересь; онъ указывалъ на то, что Грецiя, столь славная и богатая великими людьми и подвигами, состояла изъ маленькихъ федерированныхъ республикъ; что Соединенные Штаты, представляющіе чрезвычайно интересную картину хорошей общественной организаціи, являются составнымъ федеративнымъ цѣлымъ, и то же мы видимъ и въ Швейцаріи. Правда, при современ-

---

1) Champion, La France d'après les cahiers de 1789, ch. IV. Наварра объявляетъ себя „независимымъ королевствомъ“. Провансъ утверждаетъ, что французскій король признается въ Провансѣ только какъ провансскій графъ. Жители Артуа требуютъ, чтобы никто не вмѣшивался въ ихъ дѣла, чтобы никто не получалъ должностей у нихъ, кто не изъ Артуа.

2) Вообще говоря, якобинцы были послѣдовательными унитаристами и антифедералистами. Однако нѣкоторые, и между ними, напр. двое изъ наиболѣе видныхъ, какъ Billaud-Varenne въ 1791 г. и Lavicomterie въ 1792 г., мечтали объ установленіи федеративной республики, по образцу Соединенныхъ Штатовъ Америки, возникновеніе которыхъ оказало вообще громадное вліяніе на общественно-политическое мнѣніе во Франціи. Лавиконтери требовалъ всеобщей федераціи городовъ и поселковъ въ каждомъ департаментѣ и департаментовъ между собою. Aulard, Histoire politique de la Revolution française. Федерализмъ жирондистовъ впрочемъ оспаривается. Ср. E. Biré, La légende des girondins, P. 1881. О жирондистахъ см. особ. Frayssinet, Les idées politiques des girondins, P. 1903, стр. 321—344.

номъ положеніи Франціи, важно сохранить ея единство, дабы она могла оказать болѣе сильное сопротивленіе внѣшнимъ врагамъ и наибольшую энергію въ выработкѣ новыхъ законовъ; но нельзя забывать, что между провансальцемъ и фламандцемъ есть глубокая разница, что на такомъ громадномъ пространствѣ трудно установить ту взаимную привязанность гражданъ, которая составляетъ силу республики; что для истиннаго патріотизма нужны болѣе тѣсные предѣлы родной страны.

„Преступно ли, пишетъ тотъ же жирондистъ Бюзо въ своихъ Мемуарахъ, восхвалять правительство, при которомъ Америка живетъ счастливой и свободной. Федерализмъ, пожалуй, для обширныхъ странъ, въ которыхъ желаютъ соединить преимущества хорошо урегулированной свободы внутри съ могущественнымъ объединеніемъ всѣхъ государственныхъ силъ вовнѣ, есть та форма республиканскаго правленія, которая больше всего подходитъ великому народу: таково мнѣніе Монтескье и Руссо, заслуживающее обсужденія, и даже если бы для того, чтобъ съ силою поддержать его передъ мудрою и просвященною націей, не было ничего, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ Америки, то развѣ одного этого не было бы достаточно, чтобъ привлечь къ нему самое почтительное вниманіе“ [1])?

Бюзо указываетъ однако въ своихъ Мемуарахъ, что въ проектѣ жирондистской конституціи не было федерализма. Федерализмъ жирондистовъ, по словамъ Бюзо, заключался только въ томъ, что они предлагали дать силу департаментамъ. Предложеніе, по его мнѣнію, справедливое въ принципѣ и спасительное по содержанію; въ немъ единственное средство остановить злоупотребленія столичныхъ вожаковъ и умѣрить пожирающее честолюбіе Дантона, Робеспьера и

1) Mémoires inedites de Pétion et Memoires de Buzot et de Barbaroux, P. 1866, стр. 54.

Парижской коммуны, образовать изъ всѣхъ частей имперіи одну связку воль, довѣрія, единенія и согласія, при чемъ были бы сохранены неприкосновенными принципы равенства, свободы, единства дѣйствія и могущества[1]).

Другой извѣстный жирондистъ Бриссо въ планѣ политической организаціи (опубликованный въ Patriote Français) предлагалъ, чтобы жители каждой гражданской общины получили право организоваться въ муниципіи; чтобы общины одной и той же провинціи получили право устанавливать провинціалную администрацію для всего, что у нихъ обще; чтобы муниципальныя и провинціальныя собранія по своимъ функціямъ и по своей власти были отдѣлены отъ національнаго собранія, роль котораго должна ограничиваться управленіемъ лишь обще-государственными дѣлами. Но одни и тѣ же принципы должны лежать въ основахъ муниципальныхъ и провинціальныхъ управленій и національнаго собранія; это соотвѣтствіе общихъ принциповъ есть федеральная связь, соединяющая части имперіи[2]).

Одно время и Кондорсе, принадлежавшій къ партіи жирондистовъ, былъ по своимъ убѣжденіямъ федералистомъ. Въ моментъ созыва генеральныхъ штатовъ онъ выдвинулъ проектъ конфедеративнаго устройства государства и права каждой провинціи свободно входить и выходить изъ общей государственной ассоціаціи. „Если провинція считаетъ себя обиженной (lésée), если она смотритъ на ассоціацію съ другими, какъ на тягостную для себя, то она можетъ имѣть право, послѣ обсужденія выгодъ или неудобствъ отдѣленія, произвести такое отдѣленіе; но такое постановленіе не можетъ быть принято ни обыкновеннымъ собраніемъ, ни по

1) Je ne cherche point à voiler mes opinions. La république en France n'était possible, en supposant les qualités morales qui y manquaient, que sous les formes à peu près semblables à celles du gouvernement américain. Buzot, Memoires, стр. 58.

2) Buchez et Roux, Histoire parlamentaire de la révolution française, II, P. 1834, стр. 420.

обсужденію заранѣе предопредѣленному (arrêté d'avance). Въ самомъ дѣлѣ, если провинція считаетъ себя свободной отдѣлитья отъ имперіи, то каждый кантонъ этой провинціи можетъ, въ силу того же права, претендовать на отдѣленіе отъ нея; каждая община можетъ также отказаться слѣдовать постановленію кантона. Слѣдовательно, для того, чтобы провинція законно могла отказаться отъ ассоціаціи, необходимо, чтобы она высказала свое постановленіе объ этомъ въ такой формѣ, чтобы каждый кантонъ, каждая община могла осуществить то же право отдѣленія; впрочемъ, она не можетъ законно отдѣлиться, не выслушавши другихъ членовъ политической ассоціаціи, не взвѣсивши неудобствъ раскола и того, что вызываетъ этотъ расколъ, и не согласившись съ другими провинціями о долгахъ, заключенныхъ сообща, и о совмѣстныхъ конвенціяхъ“ [1]).

V.

Въ теченіе XIX вѣка федерализмъ во Франціи служилъ выраженіемъ двухъ различныхъ стремленій: къ административной децентрализаціи слишкомъ централизованнаго государственнаго устройства и къ анархическому переустройству всего соціальнаго и политическаго строя.

Французскій государственный строй несомнѣнно страдаетъ излишней централизаціей. Понятно поэтому стремленіе провинцій добиться самоуправленія и получить автономію. Иногда это стремленіе къ децентрализаціи пріобрѣтаетъ характеръ симпатій къ федерализму [2]).

---

1) Lettres d'un gentilhomme à Monsieurs du Tiers, 1789 (Oeuvres, 1847—9, IX, 230—231). Впослѣдствіи Кондерсе перемѣнилъ свои федеральныя идеи; ср. E. Alengry, Condercet, P. 1903, стр. 428—431, и Condercet, Oeuvres, IX, 138—9, 395, 401; X, 151; XII, 211, 220, 547 и сл.

2) Вопросы французскаго децентрализма достаточно изучены и въ русской литературѣ. Кромѣ устарѣвшихъ: Лохвицкій, Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія, СПБ., 1864,

Если французская централизація есть и созданіе стараго порядка, а не дѣло революціи или имперіи [1]), то во всякомъ случаѣ свою классическую форму она пріобрѣла лишь въ эпоху Бонапарта и сохранила ее въ главныхъ чертахъ и до настоящаго времени. Переворотъ 18-го брюмера и конституція 22 фримера VIII года привели къ административной реформѣ на принципахъ самой законченной бюрократической централизаціи, по закону 28 плювіоза VIII года (17 февр. 1800 г.), обезпечившему административное устройство Франціи въ теченіе всего XIX вѣка.

Строгая централизація не замедлила, конечно, вызвать противъ себя реакцію, часто отъ требованія простой децентрализаціи доходившую до крайнихъ предѣловъ федерализма.

Такой протестъ противъ централизованной формы правленія сказался уже въ эпоху реставраціи [2]). Среди многихъ представителей этого теченія въ эпоху реставраціи мы остановимся лишь на Бенжаменѣ Констанѣ и Токвиллѣ.

Занятый вопросомъ о дѣйствительныхъ конституціон-

особ. введеніе; Васильчиковъ, О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій, т. I, СПБ. 1869, напр. стр. XVII и сл., 136 и сл.; слѣдуетъ упомянуть В. Ивановскаго, Организація мѣстнаго самоуправленія во Франціи и Пруссіи, Казань, 1886, стр. 103—119, 157—160, 184—213, 253—276; особенно Градовскій, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, СПБ., 1868. (Сочиненія, I, 28—68). Спеціальное и хорошее изслѣдованіе французскому децентрализму посвятилъ З. Аваловъ, Децентрализація и самоуправленіе во Франціи, СПБ., 1905, обнимающее весь XIX вѣкъ и дающее обширныя литературныя указанія. Что касается самого послѣдняго времени, то не дурной общій обзоръ предмета даетъ статья J. Barthélemy, Les tendances de la législation sur l'organisation administrative depuis un quart de siècle (Revue du droit public, 1909, т. 26, стр. 114—155).

1) См. Tocqueville, L'ancien régime et la révolution, P. 1859, особ. 2 гл., стр. 72 и сл., 347 и сл.

2) Спеціально объ этой эпохѣ см. A. Rousseau, L'idée decentralisatice et les partis politiques sous la Restauration, Vannes, 1904 (Extrait de la Revue de Bretagne).

ныхъ гарантіяхъ свободы, Бенжаменъ Констанъ нашелъ одну изъ этихъ гарантій, какъ впослѣдствіи и Токвилль, въ децентрализаціи и раздробленіи власти. Онъ рисовалъ себѣ планъ особаго „федерализма“. Представьте себѣ, писалъ онъ, націю изъ милліона индивидовъ, распредѣленныхъ между извѣстнымъ числомъ общинъ. Въ каждой общинѣ каждый индивидъ будетъ имѣть интересы, касающіеся лишь его и вслѣдствіе этого не подлежащіе общей юрисдикціи; но будутъ и другіе интересы, въ которыхъ будутъ заинтересованы и другіе обитатели общины, и эти интересы должны отойти въ общинную компетенцію. Общины въ свою очередь будутъ имѣть интересы, касающіеся лишь ихъ внутреннихъ отношеній, и другіе, простирающіеся на округъ. Первые будутъ исключительно принадлежать компетенціи общины, другіе — округамъ, и т. д., до общихъ интересовъ, касающихся каждаго изъ индивидовъ, образующихъ націю. Очевидно, только по отношенію къ интересамъ этого послѣдняго рода нація въ цѣломъ, или ея представители будутъ имѣть законную юрисдикцію; вмѣшиваясь же въ интересы округа, общины или индивида, они будутъ выходить за предѣлы своей компетенціи. То же слѣдуетъ сказать объ округѣ, вмѣшивающемся въ дѣла общинъ, или объ общинѣ, вмѣшивающейся въ частныя дѣла. Въ принципѣ, національная, окружная и коммунальная власть, каждая имѣетъ свою собственную сферу и въ ней должна оставаться. Мѣстная власть есть отдѣльная, независимая политическая власть [1]).

Въ политическое устройство страны, по мнѣнію Б. Констана, долженъ быть введенъ своеобразный федерализмъ [2]).

1) Ceci nous conduit à etablir une vérité que nous regardons comme fondamentale. L'on a considéré jusqu'à présent le pouvoir local comme une branche dépendante du pouvoir executif; au contraire, il ne doit jamais l'entraver, mais il ne doit point en dépendre“ (Benjamin de Constant Esquisse de constitution, Oeuvres, I, P. 1818, стр. 199).

2) „Je n'hésite pas à le dire, il faut introduire dans notre administration intérieure beaucoup de fédéralisme, mais un fédéralisme différent de celui qu'on a connu jusqu' ici. Op. cit. стр. 203.

Федерализмомъ, — говоритъ Б. Констанъ, имѣя въ виду, очевидно, только конфедераціи государствъ, — называютъ общество (association) правительствъ, сохранившихъ свою взаимную независимость и связанныхъ лишь узами внѣшней политики. Подобнаго рода установленіе въ крайней степени неудачно. Федерированныя государства, съ одной стороны, требуютъ надъ индивидами и отдѣльными частями своей территоріи юрисдикціи, которой они не должны имѣть, съ другой стороны, они претендуютъ сохранить по отношенію къ центральной власти независимость, которой не должно быть. Такимъ образомъ, по словамъ Констана, подобный федерализмъ можетъ сочетаться съ деспотизмомъ внутри и анархіей во внѣ. Между тѣмъ внутреннее устройство государства и его внѣшнія отношенія тѣсно связаны другъ съ другомъ, и неразумно ихъ раздѣлять, передавая послѣднія верховенству федеральной власти и оставляя первое вполнѣ независимымъ. Общество, желающее соединиться съ другимъ обществомъ, имѣетъ право, обязанность и интересъ освѣдомиться объ его внутреннемъ устройствѣ. Между обществами, вступающими въ союзъ, должно установиться взаимное вліяніе въ вопросахъ внутренняго устройства, такъ какъ отъ основъ ихъ устройства могутъ находиться въ зависимости выполненіе ихъ взаимныхъ обязательствъ и безопасность страны, въ случаѣ, напр., вторженія; каждое отдѣльное общество, каждая часть должны находиться, даже въ своемъ внутреннемъ устройствѣ въ большей или меньшей зависимости отъ общей ассоціаціи. Но въ то же самое время, внутреннее устройство каждой части, поскольку оно не вліяетъ на весь союзъ, должно пользоваться полнѣйшей независимостью. Все, что въ существованіи частей не вредитъ цѣлому, должно пользоваться полной свободой.

Таковъ планъ федеративнаго устройства, который пред-

лагалъ Констанъ для Франціи и который единственно, по его мнѣнію, могъ дать странѣ истинный патріотизмъ[1]).

„Привязанность къ мѣстнымъ обычаямъ, говоритъ Констанъ, касается всѣхъ безкорыстныхъ, благородныхъ и благочестивыхъ чувствъ. Дѣлать изъ нея мятежъ — достойная сожалѣнія политика. Къ чему она приводитъ? Къ тому, что въ государствахъ, въ которыхъ уничтожаютъ такимъ образомъ всякую особую жизнь, образуется небольшое государство въ центрѣ; въ столицѣ скопляются всѣ интересы; тамъ сосредоточиваются всѣ честолюбія. Остальное неподвижно. Индивиды, потерявшись въ противоестественномъ изолированіи, иностранцы въ мѣстѣ своего рожденія, безъ соприкосновенія съ прошлымъ, живя лишь въ быстро текущемъ настоящемъ, блуждая какъ атомы по однообразной безбрежной равнинѣ, отстраняются отъ отечества, котораго они нигдѣ не видятъ, и которое въ цѣломъ для нихъ безразлично, такъ какъ ихъ чувство не имѣетъ нигдѣ точки опоры. Постоянно говорятъ объ единствѣ царства и народа въ цѣломъ; но царство — ничто, когда его понимаютъ внѣ провинцій; народъ — ничто, когда его отдѣляютъ отъ составляющихъ его частей“.

Въ пользу децентрализаціи въ эпоху реставраціи высказывались Шатобріанъ, Виллель, Корбіеръ, Ройе-Колларъ и др. Создавались проекты расширить сферу мѣстнаго самоуправленія (Симеона, Мартиньянка); но управленіе попрежнему оставалось централизованнымъ.

---

1) Cet est le fédéralisme qu'il me semble utile et possible d'établir parmi nous. Si nous n'y reussisons pas, nous n'aurons jamais un patriotisme paisible et durable. Le patriotisme qui naît des localités est aujourd'hui surtout, le seul véritable. On retrouve partout les joissances de la vie sociale. Il n'y a que les habitudes et les souvenirs qu'on ne retrouve pas. Il faut donc attacher les hommes aux lieux qui leur présentent des souvenirs et des habitudes; et pour atteindre ce but, il faut leur accorder, dans leurs domiciles, au sein de leurs communes, dans leurs arrondissemens, autant d'importance politique qu'on peut le faire sans blesser le bien général (Op. cit., стр. 205).

При іюльской монархіи происходитъ, наконецъ, скромное расширеніе мѣстнаго самоуправленія, издаются законы 21 марта 1831 г. о выборномъ характерѣ должности муниципальныхъ совѣтниковъ въ коммунахъ, законъ 22 іюня 1833 г. объ организаціи выборныхъ департаментскихъ совѣтовъ, законъ 1838 г. о расширеніи компетенціи департаментскихъ совѣтовъ.

Эта была эпоха, когда появилась работа Токвилля о Демократіи въ Америкѣ, оказавшая громадное вліяніе на развитіе федеральныхъ теорій и впервые выяснившая своеобразную юридическую природу различныхъ федеральныхъ соединеній и разныхъ видовъ децентрализаціи[1]).

Токвилль былъ однимъ изъ творцовъ классической теоріи дѣлимости суверенитета, какъ особаго специфическаго признака федеральнаго государства. Выше, въ четвертой главѣ, мы достаточно подробно остановились на разборѣ этой теоріи и поэтому теперь снова возвращаться къ ней не будемъ. Токвилль ясно различалъ два основныхъ вида федеративныхъ соединеній: конфедераціи государствъ и федеральныя государства. Основное различіе между ними въ томъ, что въ конфедераціяхъ соединяются только правительства, и конфедеральная власть простирается не непосредственно на гражданъ, а дѣйствуетъ лишь черезъ посредство правительствъ. Нѣсколько націй образуютъ постоянный союзъ и устанавливаютъ верховную власть, которая, не воздѣйствуя на отдѣльныхъ гражданъ, какъ это можетъ дѣлать національное правительство, оказываетъ однако дѣйствіе на каждый изъ конфедерированныхъ народовъ, взятыхъ in corpore. Это правительство, столь от-

1) Alexis de Tocqueville, De la Démocratie en Amérique, 1 изд. 4 т. 1835—1839—1840; 17-е изд. 3 т. 1888; о федерализмѣ особ. т. I, гл. 8. О Токвиллѣ см. Pierre Marcel, Essai politique sur Alexis de Tocqueville, P. 1910; тамъ же даны подробныя литературныя указанія. Книга Токвилля переведена и на русскій языкъ: Демократія въ Америкѣ, перев. А. Якубовича, 4 тома, Кіевъ, 1860; о федер. особ. т. I, стр. 155—278.

личное отъ всѣхъ остальныхъ, получаетъ названіе федераціи. Таковъ былъ характеръ первой американской конфедераціи. Въ федеральномъ же государствѣ центральная власть не только издаетъ законъ, но и сама слѣдитъ за ихъ выполненіемъ; въ этомъ случаѣ соединяются не только штаты, но и отдѣльные индивиды, народъ въ цѣломъ. Такова именно организація Соединенныхъ Штатовъ по конституціи 1787—1789 г.[1]).

„Во время составленія федеративной конституціи, писалъ Токвилль, въ американскомъ обществѣ господствовали два противоположныя стремленія. Одни хотѣли образовать изъ колоній лигу независимыхъ штатовъ съ конгрессомъ, гдѣ бы собирались представители народа для совѣщанія объ общественныхъ интересахъ. Другіе стремились слить всѣхъ жителей колоній въ одинъ народъ, и дать имъ правительство, хотя и съ опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности, но которое было бы единственнымъ представителемъ народа. Практическіе выводы изъ этихъ двухъ теорій чрезвычайно не сходны между собою. Такимъ образомъ, если бы образовали лигу, то составленіе законовъ было бы предоставлено большинству штатовъ, а не большинству гражданъ союза,

1) „Cette constitution qu'à la première vue on est tenté de confondre avec les constitutions fédérales qui l'ont précédée, repose en effet sur une théorie entierement nouvelle, et qui doit marquer comme une grande découverte dans la science politique de nos jours. Dans toutes les confédérations qui ont précédé la confédération americaine de 1789, les peuples qui s'alliaient dans un but commun consentaient à obéir aux injonctions d'un gouvernement fédéral; mais ils gardaient le droit d'ordonner et de surveiller chez eux l'exécution des lois de l'Union. Les Etats américains qui s'unirent en 1784 ont non seulement consenti a ce que le gouvernement fédéral leur dictât les lois, mais encore à ce qu'il fit executer lui-même ses lois. Dans les deux cas le droit est le même, l'exercice seul du droit est different. Mais cette seule différence produit d'immenses résultats... En Amérique, l'Union a pour gouverner, non des Etats, mais de simples citoyens... Les anciens gouvernements fédéraux avaient en face d'eux des peuples, celui de l'Union a des individus. Il n'emprunte point sa force, mais il la puise en lui'même ... Le pouvoir central agit sans intermédiaire sur les gouvernés, les administre et les juge lui-même, comme le font les gouvernements nationaux; mais il n'agit ainsi que dans un cercle restreint."

потому что тогда каждый штатъ, большой или малый, сохранялъ бы независимый характеръ и входилъ бы въ составъ Союза на правахъ совершеннаго равенства. Но если бы, напротивъ, смотрѣли на всѣхъ жителей штатовъ, какъ на одинъ народъ, то натурально, что только большинство жителей Союза могло бы составлять законы. Понятно, что незначительные штаты не могли бы существовать, если бы была примѣнена эта послѣдняя доктрина, не потерявши совершенно своего значенія во власти федеративной; ибо, лишаясь регулирующей власти, они дѣлались незначительною частью великой паціи. Первая система даетъ имъ слишкомъ большое могущество, вторая же уничтожаетъ ихъ. При такомъ положеніи дѣлъ, произошло то, что часто случается, когда практика противорѣчитъ теоріи: — оставивши теорію въ сторонѣ, законодатели выбрали средину между этими двумя крайностями, и такимъ образомъ какъ бы насильно согласили двѣ системы, теоретически никогда не согласимыя. Принципъ независимости штатовъ господствуетъ въ составѣ сената; догма народной власти — въ образованіи палаты представителей. Каждый штатъ обязанъ выбрать двухъ сенаторовъ и извѣстное число представителей, сообразно его народонаселенію".

„Разумъ человѣческій скорѣе изобрѣтаетъ понятія, чѣмъ названія этимъ понятіямъ: отсюда столько несоотвѣтствующихъ терминовъ и неполныхъ выраженій. Многіе народы составляютъ постоянные союзы и образуютъ верховную власть, которая, не дѣйствуя на отдѣльныхъ гражданъ, какъ это дѣлаетъ правительство національное, дѣйствуетъ на каждый союзный народъ отдѣльно. Это правленіе, такъ отличное отъ другихъ, называется федеративнымъ. Но есть еще одна форма правленія, въ которой нѣсколько народовъ дѣйствительно сливаются въ одинъ, въ отношеніи къ извѣстнымъ общимъ интересамъ, и остаются раздѣленными или только конфедерированными, для всѣхъ остальныхъ интересовъ. Здѣсь центральная власть дѣйствуетъ безъ посредниковъ на

подданныхъ, ими управляетъ и ихъ судитъ сама, подобно тому, какъ это дѣлаютъ національныя правительства, но она дѣйствуетъ такъ только въ ограниченной сферѣ. Очевидно, здѣсь уже не федеральное (fédéral) правленіе, а неполное національное правительство. Такимъ образомъ была найдена форма правительства, которая не была, точно говоря, ни національной ни федеральной". „На этомъ остановились — добавляетъ Токвилль, — и новое слово, которое должно выразить новое явленіе, еще не существуетъ" [1]).

Прекрасно проникнувъ въ природу федеративныхъ соединеній, самъ Токвилль нисколько сторонникомъ этой формы правленія не былъ. Различая (какъ мы уже говорили выше) централизацію правительственную и административную, Токвилль былъ противникомъ правительственной децентрализаціи; между тѣмъ въ федеративномъ государствѣ происходитъ децентрализація именно самой суверенной власти. Благодаря этому, по мнѣнію Токвилля, федерація есть неустойчивая форма; такъ Соединенные Штаты, по его предположенію, должны перейти къ конфедераціи (какъ извѣстно, тамъ произошла именно обратная эволюція); будучи неустойчивой, федерація есть и слабая форма. Она не годна при военныхъ столкновеніяхъ [2]).

Среди мыслителей этой эпохи, способствовавшихъ рас-

---

1) De la démocratie en Amerique, 1850, I, стр. 189.

2) „Самый важный изъ всѣхъ случаевъ жизни народа есть война. Въ войнѣ одинъ народъ дѣйствуетъ противъ другого, какъ отдѣльный индивидуумъ; онъ борется за свое существованіе. Если дѣло идетъ только о поддержаніи внутренняго спокойствія и о развитіи благосостоянія въ странѣ, то для этого довольно опытности правительства, разумности управляемыхъ и естественной привязанности гражданъ къ своему отечеству. Но когда нація принуждена вести важныя войны, то каждый гражданинъ обязанъ дѣлать многочисленныя пожертвованія, и тотъ мало знаетъ человѣка, кто думаетъ, что такое огромное число людей способно само собою подчиниться подобнымъ требованіямъ правительства. Отсюда происходитъ, что народы, обязанные вести войны, принуждены, противъ воли, усилить правительство, въ противномъ случаѣ, они бываютъ побѣждаемы. Долгая война приводитъ всегда народъ

пространенію во французскомъ обществѣ федералистическихъ идей слѣдуетъ упомянуть Симонда де Сисмонди, который хотя и былъ швейцарцемъ, главное свое вліяніе оказалъ во Франціи[1]).

Сисмонди полагалъ, что послѣ демократической революціи народу остается одинъ путь, на которомъ его свободныя учрежденія могутъ быть сохранены, именно путь федераціи. Это приводитъ Сисмонди къ разсмотрѣнію преимуществъ федераціи. Онѣ, по мнѣнію Сисмонди, съ быстротою и мудростью организуются въ эпохи кризиса самоуправленія, способствуя большому подъему патріотизма; онѣ, не будучи завоевательными, однако прекрасно защищаются. Исторія это подтверждаетъ: такъ федеративная Греція остановила персидскія полчища; Римъ только въ федераціяхъ находилъ упорное сопротивленіе; Римская имперія была опрокинута федераціями варваровъ; всѣ тѣ государи, которые хотѣли возстановить римскій унитаризмъ, пали подъ напоромъ варваровъ; силы сопротивленія возросли только, когда къ 1000 г. нашей эры возродились мѣстныя

къ двумъ печальнымъ крайностямъ: — въ случаѣ неудачи, ему угрожаетъ разрушеніе; въ случаѣ же успѣха — деспотизмъ. Такимъ образомъ, во время войны дѣлается болѣе очевидною и болѣе опасною слабость правительства, а я сказалъ, что главный недостатокъ правительства федеративнаго заключается въ его слабости. Въ федеративномъ правительствѣ не только нѣтъ административной централизаціи, но даже и централизація правительственная существуетъ здѣсь не вполнѣ, что всегда бываетъ главною причиною слабости, когда нужно бороться съ народомъ, у котораго она развита". Демократія въ Америкѣ, I, 244—245.

1) Можно отмѣтить здѣсь тѣсную связь французскаго федерализма со швейцарскими федеративными учрежденіями. Часть швейцарскаго союза французская и вотъ оттуда-то и шли федеративныя вліянія во Францію. Такъ еще Кальвинъ оказалъ федералистическое вліяніе на французскихъ гугенотовъ изъ Женевы; Руссо, швейцарецъ по происхожденіи, принесъ съ собою во Францію пристрастіе къ маленькимъ государствамъ и къ федеративнымъ соединеніямъ; въ самое послѣднее время сюда надо причислить и Бореля, впервые формулировавшаго оригинальную теорію „участія" для объясненія природы федеральныхъ соединеній.

власти. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и въ новое время федеративныя лиги удачно защищались отъ внѣшнихъ враговъ; таковы Ломбардская лига, Ганзейскій союзъ, Соединенные Провинціи Нидерландъ, гугеноты во Франціи, обѣ Америки, англосаксонская и испанская [1]).

Вопросы если не федерализма, то по крайней мѣрѣ децентрализаціи, не мало дебатировались и въ политической французской литературѣ сороковыхъ годовъ. Идея административной децентрализаціи Франціи нашла себѣ въ это время наиболѣе видныхъ защитниковъ въ лицѣ Бешара, Жюля Симона и Родо. Вопросы о децентрализаціи поднимались и при обсужденіи конституціи 4 ноября 1848 г. и по поводу декрета Наполеона III о децентрализаціи 1852 г., дополненнаго декретомъ 1861 г., по которому увеличивалась мѣстная власть префектовъ [2]).

Бешаръ отстаивалъ свободу ассоціаціи, доказывая необходимость въ политическомъ устройствѣ страны разнообразныхъ корпоративныхъ формъ; защищалъ онъ децентрализацію и съ экономической точки зрѣнія, противопоставляя ее соціалистическому унитаризму. Однако у него не было ясно выраженной склонности именно къ федеративному устройству. Онъ интересовался исключительно лишь частными и конкретными вопросами мѣстнаго административнаго самоуправленія [3]).

---

1) Simonde de Sismondi, Etude sur les constitutions des peuples libres, P. 1836, стр. 404—416.

2) Подобная децентрализація есть классическій образецъ бюрократической децентрализаціи, о которой мы говорили, обсуждая вопросъ о различныхъ видахъ децентрализаціи. За подобнаго рода децентрализаціей въ настоящее время установился терминъ деконцентраціи, предложенный Ококомъ. Ср. Aucoc, Les controverses sur la décentralisation administrative (Revue politique et parlementaire, 1895, №№ avril — mai).

3) F. Béchard, De l'administration de la France ou essai sur les abus de la centralisation, 2 vol. Paris, 1 изд. 1836, 2 изд. 1845. Эти же идеи Бешаръ отстаивалъ и въ шести-

Родо видѣлъ въ централизаціи причину упадка Франціи [1]) и возможное средство ея возрожденія въ децентрализаціи [2]); онъ тоже не доходилъ до федерализма, но ограничивался обычнымъ требованіемъ передачи ряда дѣлъ мѣстнымъ учрежденіямъ, образованія прежнихъ провинцій и предоставленія спеціальныхъ бюджетныхъ правъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Сама политическая организація страны должна быть измѣнена, по мнѣнію Родо. Парламентъ долженъ состоять изъ двухъ палатъ, изъ которыхъ верхняя должна образовываться изъ представителей департаментовъ, а нижняя изъ представителей общинъ.

Особенно усилилось движеніе къ федерализму, въ связи съ политическимъ движеніемъ къ децентрализаціи, въ концѣ Второй имперіи, въ 60-е годы. Это была эпоха, когда во французской литературѣ усиленно дебатировался вопросъ о созданіи самостоятельныхъ провинцій, въ мѣстной власти которыхъ нашла бы себѣ организацію личная свобода. Отсюда не далеко было прійти и къ требованію введенія федеративнаго принципа въ государственное устройство Франціи.

Таково было мнѣніе извѣстнаго либеральнаго политическаго дѣятеля Одилона Барро. Онъ понималъ децентрализацію настолько широко, что и панславистическія движенія подводилъ подъ эту категорію [3]).

десятые годы, при Второй имперіи: F. Béchard, Droit municipal dans l'antiquité, au moyen-age, dans les temps modernes; 4 v. 1860—63; его же Du projet de décentralisation administrative annoncé par l'Empereur, 1863; его же; Autonomie et césarisme, Paris, 1869; Идеи Бешари популяризировалъ Florent-Lefebvre, De la décentralisation ou essai d'un systeme de centralisation politique et de décentralisation administrative, 1849.

1) Raudot, De la décadence de la France, 1850.

2) Raudot, De la grandeur possible de la France, 1851, особ. стр. 41—59, 238—244, 256—262. Ср. Raudot, La décentralisation (Correspondant, 1858, nov., 1861 juin).

3) Въ своей брошюрѣ: Odilon-Barrot, De la centralisation et de ses effets, 1861.

Открыто до федерализма доводилъ требованіе децентрализаціи Реньо, авторъ изслѣдованія о Провинціи. „Несмотря на торжественныя и неоднократныя восклицанія противъ федерализма, писалъ онъ, мы осмѣливаемся утверждать, что теперь разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи провинціи можетъ произойти только въ федеральной формѣ". Впрочемъ федерализмъ въ американскомъ смыслѣ по мнѣнію Реньо, не можетъ имѣть мѣста во Франціи. Территоріальныя подраздѣленія Франціи не могутъ требовать себѣ суверенныхъ правъ, а лишь правъ юридической личности [1]). Аналогичныхъ идей держался и Жюль Симонъ [2]).

Въ 1865, группа публицистовъ, подъ именемъ Нансійскаго комитета, предложила либеральной партіи планъ муниципальной и департаментской организаціи, который и сдѣлался программой децентрализаторской партіи [3]). Нансійская программа сводилась къ четыремъ скромнымъ основнымъ предложеніямъ: укрѣпить еле существующую коммуну, обязавши исполнительную власть выбирать мера изъ списка муниципальнаго совѣта и отнявши у администраціи опеку надъ коммунами; создать кантонъ, въ сущности административно не существующій; уничтожить округъ (arron dissement), ни для чего не нужный; эманципировать департаментъ.

Однако нансійская программа, остававшаяся въ рамкахъ

---

1) E. Regnault, La province, 1861, стр. 64—66.

2) Жюль Симонъ о децентрализаціи и федерализмѣ говоритъ въ своемъ сочиненіи De la démocratie et de la décentralisation en France, 1849, Ср. его же La liberte politique, 1867. Указанія на рядъ монографій и памфлетовъ, посвященныхъ въ началѣ 60-хъ годовъ вопросу о децентрализаціи, можно найти у Авалова, Децентрализація и самоуправленіе во Франціи, стр. 230.

3) Un projet de décentralisation, Nancy, 1865. Ср. Pétruisier, De la décentralisation et de la brochure de Nancy, 1866; Charles Savary, Un projet de loi sur la décentralisation, 3 ed. 1870.

требованій расширенія мѣстнаго самоуправленія, не удовлетворила наиболѣе крайнихъ.

Такъ Луи Жоли критиковалъ нансійскій проектъ съ той точки зрѣнія, что учрежденія должны всегда соотвѣтствовать основному началу данпаго правительства[1]). Существуютъ децентрализаціи аристократическія и демократическія. Нансійскій проектъ являлся проектомъ аристократической децентрализаціи, что́ противорѣчило принципу демократической формы правленія; онъ устанавливалъ безвозмездность мѣстныхъ должностей; онъ умалчивалъ о замѣнѣ центральнаго административнаго контроля дѣйствіемъ судебной власти. Децентрализація должна быть произведена, но она не можетъ быть сдѣлана по формулѣ, — политическая централизація, административная децентрализація. Въ странахъ, дѣйствительно знающихъ децентрализацію, старательно избѣгали отнять у центральной власти необходимые ей административные аттрибуты, а у мѣстной власти необходимые ей политическіе аттрибуты. Чтобы создать дѣйствительную и прочную децентрализацію, нужно, по мнѣнію Жоли, мѣстное управленіе передать политическимъ собраніямъ. Только тогда могутъ появиться въ провинціи элементы собственной и личной жизни, когда она будетъ надѣлена особыми политическими учрежденіями.

Въ каждой области должны быть созданы политическія собранія, независимыя отъ центральной власти во всемъ, что касается частныхъ дѣлъ области; въ центрѣ — двѣ палаты, которыя должны слѣдить за общими интересами націи. Но это уже есть федерація. Дѣйствительно, федерація есть единственная форма, въ которую можетъ вылиться децентрализація у демократическаго народа. „Тамъ, говоритъ Жоли, гдѣ нѣтъ аристократіи, гдѣ мѣстныя вліянія уничто-

1) Louis Joly, La fédération, seule forme de la décentralisation dans les democraties, 1866.

жены и состояніе общества мѣшаетъ ихъ появленію, тамъ децентрализація возможна только въ федеративной формѣ". Это мы видимъ и въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Федерація есть не что иное, какъ надѣленіе центральной власти всею тою компетенціей, которая относится къ общимъ интересамъ націи, а съ другой стороны, предоставленіе независимымъ политическимъ собраніямъ всего того, что касается частныхъ интересовъ отдѣльныхъ провинцій. Федерація имѣетъ громадныя преимущества, развивая духъ государственной иниціативы и независимости на мѣстахъ, предохраняя страну отъ внезапныхъ перемѣнъ. Жоли не рѣшается однако утверждать, возможно ли федеративное устройство Франціи.

Въ томъ же духѣ писалъ и Эрнестъ Дэмарэ[1]). Чтобы дать Франціи свободу и новую общественную организацію, нужно создать собраніе провинціальныхъ штатовъ. Дэмарэ особенно настаивалъ на значеніи кантоновъ. Онъ полагалъ, что надо раздробить національный бюджетъ и дать мѣстнымъ собраніямъ часть рессурсовъ, составляющихъ бюджетъ. Самоуправленіе имѣетъ преимущества, создавая экономію, увеличивая трудъ и дѣлая дѣйствительнымъ контроль надъ государственными издержками. Истиннымъ федералистомъ Демарэ былъ въ вопросѣ о международной организаціи и мечталъ о созданіи Соединенныхъ Штатовъ Европы. Впрочемъ онъ отдѣлялъ себя отъ федералистовъ, стремящихся къ федераціи въ тѣхъ формахъ, какія предлагалъ анархическій федерализмъ Прудона.

Федеративное теченіе соединяется въ послѣднее время съ „регіонализмомъ" и нео-роялистическимъ движеніемъ, стремящимся на почвѣ монархической традиціи вернуться къ децентрализаціи и даже къ федерализму. По программѣ

1) Ernest Desmarest, Les états provinciaux, Etude sur la décentralisation, P. 1868. Противъ Прудона см. стр. 119—127.

регіоналистовъ Франція должна быть раздѣлена на нѣсколько обширныхъ провинцій, во главѣ которыхъ стояли бы выборные сеймы, завѣдующіе мѣстной администраціей, судами, университетами, общественными работами и т. п. Федерализмъ регіоналистовъ не есть въ сущности политическій федерализмъ, раздѣляющій единое государство на рядъ независимыхъ штатовъ, а, какъ выразился одинъ изъ сторонниковъ этого направленія, федерализмъ административный, т. е. созданіе новыхъ провинціальныхъ территорій, надѣленныхъ самостоятельной жизнью и самоуправляющихся въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Насколько мы могли прослѣдить въ „регіоналистской“ литературѣ, всѣ эти регіоналисты исходятъ изъ принципа полнаго моральнаго и національнаго единства Франціи и въ сущности если часто и называютъ себя федералистами, то въ очень спеціальномъ смыслѣ, который едва не есть злоупотребленіе названіемъ. Они хотятъ возрожденія провинціальной жизни, крѣпкой и жизнеспособной мѣстной организаціи, расширеннаго земскаго самоуправленія, но у нихъ нѣтъ идеи дуалистическаго образованія національнаго суверенитета, столь существеннаго для понятія федеральнаго государства [1]).

---

1) Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь провансальское движеніе „фебрилизма“. Еще въ 1876 г. Луи Ксавье де Рикаръ (переведшій между прочимъ на франц. языкъ основную книгу испанскихъ федералистовъ Pi y Margall, Les Nationalités, 1874) опубликовалъ альманахъ La Lausetta, въ которой разбиралъ федералистическія теоріи. Charles Maurras, Le système fédératif (въ La Quinzaine, 1 sept., 1 oct. 1896), разсматриваетъ прудоновскій федерализмъ и федерализмъ построенный на національномъ принципѣ; его же L'idée de la décentralisation, P. 1898, посвящена главнымъ образомъ исторіи автономистской идеи во Франціи въ XIX вѣка; Paul Boncour et Charles Maurras, Un débat nouveau sur le république et la décentralisation, Toulouse, 1905 (Мнѣнія E. Buré, Clémentel, Dessaurt, Fournière, Reinach, Strauss, Varenne). Идея регіонализма защищалась органами: Ле-Пле La Réforme sociale, и въ произведеніяхъ самого Ле-Пле: Le Play, La réforme sociale en France, ср., напр., сл. 66; Шарля Брёнъ Action régionaliste, Поля Маріетона Revue félibrienne.

Всякій федерализмъ въ сущности заранѣе обреченъ во Франціи на неудачу. Политическое единство Франціи уже достигнуто; роль же федерализма есть роль политическаго объединителя, и ему нѣтъ приложенія въ политической эволюціи Франціи. Когда поднимается вопросъ объ административномъ или провинціальномъ федерализмѣ, то происходитъ лишь обычное смѣшеніе между понятіями федеральнаго правленія и автономіи. Вѣками установилось французское единство, и выступать противъ основныхъ чертъ французскаго политическаго и административнаго унитаризма значитъ болѣе слѣдовать своимъ чувствамъ и настроеніямъ, чѣмъ объективному методу [1]).

Большинство французскихъ политическихъ дѣятелей и

Ср. также P. Foncin, Les pays de France. Projet de fédéralisme administratif, P. 1897; его же Régions et pays, Toulouse; R. de la Grasserie, L'État fédératif. Legislation comparés et sociologie, P. 1897 (примѣненіе федеративнаго устройства къ Франціи, стр. 183—208); его же Du fédéralisme, 1907 (брошюра); D. Auriac, La France d'aujourd'hui et de demain, 1908, стр. 131. Даже Клемансо по поводу статьи Бонкура о децентрализаціи заявляетъ: „Non seulement je tiens ferme pour la décentralisation, mais encore mon idéal de gouvernement est le fédéralisme" (Un début nouveau sur la république et la décentralisation, Toulouse, стр. 114). На почвѣ регіонализма иногда совершается переходъ къ чисто-прудоновскому федерализму. См., напр., брошюру: Un Girondin Le principe sauveur, Bordeaux, 1899, излагающую идеи Прудона и видящую въ примѣненіи ихъ къ французскому политическому устройству единственное спасеніе для Франціи.

1) Не мало правильнаго говоритъ по этому поводу Фагэ: E. Faguet, Décentralisateurs et fédéralistes (въ сборникѣ Questions politiques, P. 1900). Фагэ различаетъ троякую децентрализацію: политическую, состоящую въ томъ, что армія, флотъ, иностранныя дѣла, чиновники не находятся въ рукахъ центральной власти, парламента или правительства; административную, состоящую въ томъ, что общины или округи, или области имѣютъ автономію, принимаютъ рѣшенія въ томъ, что имѣетъ къ нимъ отношеніе, безъ контроля или съ очень слабымъ контролемъ; и интеллектуальную децентрализацію, состоящую въ томъ, что источники образованія и научнаго изслѣдованія независимы и автономны. Политическая децентрализація, по мнѣнію Фагэ, невозможна во Франціи, административная — трудна и опасна; интеллектуальная же и легка и желательна.

теоретиковъ впрочемъ остается чуждо и враждебно всякому федерализму, даже и защищая самую широкую децентрализацію. Движеніе же въ пользу послѣдней значительно возросло въ эпоху третьей республики. Было проведено два закона: законъ 1871 г., создавшій департаментскія комиссіи, осуществляющія контроль надъ властью префекта, и законъ 1884 г., регулировавшій муниципальную организацію и нѣсколько расширившій компетенцію муниципальнаго совѣта[1]).

V.

Федерализмъ, какъ теоретическая идея, гораздо болѣе успѣха имѣлъ въ области соціальныхъ ученій Франціи. Здѣсь онъ выступалъ, какъ идеалъ полнаго политическаго

---

1) Очень хорошая и дѣльная статья о децентрализаціи при третьей республики J. Barthélemy, Le mouvement de décentralisation (Les tendances de la législation sur l'organisation administrative dépuis un quart de siecle въ Revue de droit public, 1909, т. 26, стр. 114—153). Изъ академическихъ работъ о децентрализаціи можно указать: L. Aucoc, Rapport sur le concours rélatif à la décentralisation administratif P. 1883; M. Hauriou, Etude sur la décentralisation, 1892; P. Leroy-Beulien, L'administration locale en France et en Angleterre, 1893; Georges Picot, La décentralisation et ses differents aspects, 1896 (изъ La Réforme Sociale). Здѣсь же должны быть упомянуты сочиненія Жозефъ Феррана: Joseph Ferrand, Les pays libres. Leur organisation et leur éducation, 1884; Les institutions administratives en France et à l'étranger, 1879 (ch. 2); Un avant-projet de décentralisation administrative, 1895. См. также H. dé Ferron, Institutions municipales et provinciales comparées, 1884; D'où vient le mal? Quel est le remede? 1895; P. Deschanel, La décentralisation, 1895; De Luçay, La décentralisation. Etude pour servir à son histoire en France, P. 1895; Bellangé, Le gouvernement locale en France et l'organisation du canton, 1900. Белланже говоритъ объ организаціи кантона. Онъ видитъ въ кантонѣ полезное административное дѣленіе между департаментомъ и общиной и даже почти необходимый элементъ мѣстной жизни Франціи. Но Белланже не останавливается на вопросѣ объ однихъ кантонахъ, а говоритъ и вообще о мѣстномъ управленіи. Изучая условія политики децентрализаціи, Белланже утверждаетъ, что ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о возвратѣ къ какому бы то ни было федерализму.

переустройства, на мѣсто нынѣшняго унитарнаго государста ставящій федеративное объединеніе различныхъ классовъ и общественныхъ или экономическихъ группъ.

Уже соціалисты-утописты первой половины XIX вѣка рисовали свой воображаемый идеальный строй общества, какъ федерацію свободныхъ ассоціацій и общинъ. Еще Сенъ-Симонъ, создавая проектъ „реорганизаціи европейскаго общества“, представлялъ себѣ наилучшую организацію какъ федеративную; надъ національными, самостоятельными парламентами долженъ стоять верховный общій парламентъ, независимый отъ соединенныхъ національныхъ правительствъ и надѣленный властью разрѣшать споры между отдѣльными націями [1]). Идеи Сенъ-Симона были восприняты и его ученикомъ Огюстомъ Контомъ. Въ своей Système de politique positive этотъ послѣдній предлагалъ уничтоженіе французскихъ департаментовъ, образованіе 17 большихъ провинцій, возведеніе Парижа на рангъ „западной метрополіи“ и освобожденіе Франціи въ ея отношеніяхъ къ этой столицѣ.

Если освободить ученіе Фурье и его послѣдователей отъ оболакивающей его неясности и фантастичности и попытаться выяснить его основную политическую идею, то предъ нами предстанетъ чистый соціально-экономическій федерализмъ. Политическая основа всего, первоначальная ячейка общественнаго строя есть фаланга, община, состоящая приблизительно изъ 1620 человѣкъ. Соціэтарный міръ долженъ образоваться изъ гармонической координаціи этихъ фалангъ. Границъ этому міру нѣтъ, онъ обнимаетъ всѣ народы и страны. Эта обширная держава мыслилась Фурье сколько въ имперіалистическомъ духѣ. Во главѣ ея долженъ стоять глава всемірной гармоніи, „омніархъ“, надъ каждой фалангою —

1) Saint-Simon, Réorganisation de la société européenne, 1814 (Oeuvres, P. 1865 и сл., т. XV, стр. 153—248). Ср. также Buchez, Traité de politique, II, 1866, стр. 348 и сл.

„унархъ“, надъ 3—4 фалангами — „дуархъ“ и т. д. тринадцать степеней суверенитета: длинная лѣстница политической іерархіи; но подчиненіе это чисто почетное, не влекущее за собой дѣйствительной власти. Соціэтарный міръ покоится, по мысли Фурье, на полной автономіи своихъ элементовъ [1]).

Исключительное мѣсто въ развитіи соціальнаго федерализма занимаетъ федеративная теорія Прудона, оказавшаго громадное вліяніе на развитіе федеративныхъ идей среди различныхъ анархическихъ и соціалистическихъ теченій и до настоящаго времени являющагося идейнымъ отцомъ французскихъ синдикалистовъ [2]).

Прудонъ исходилъ изъ той основной идеи, что политическій строй покоится на двухъ противоположныхъ принципахъ: власти и свободѣ. Власть даетъ толчекъ, свобода опредѣляетъ размѣръ движенія; свобода имѣетъ своимъ вѣнцомъ свободный разумъ, власть — вѣру, которая повинуется. Власть и свобода столь же стары въ мірѣ, какъ и человѣческій родъ: онѣ рождаются съ нами и продолжаютъ жить въ каждомъ изъ насъ. Принципъ власти,

---

1) См. Charles Fourier, Le nouveau monde (Oeuvres, P. 1845 т. VI, стр. VI, 61, 113, 291; Théorie de l'unité universelle (Oeuvres, P. 1840, т. II—V), III, стр. 368—384, IV, 371 и сл., 444, V, 406.

2) Къ вопросу о федерализмѣ Прудонъ постоянно возвращался во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Какъ болѣе спеціально относящіяся къ политическому федерализму могутъ быть упомянуты: Les confessions d'un révolutionnaire, P. 1850, стр. 17—26, 182—209; Idée générale de la révolution au XIX siècle, P. 1851, стр. 78—108 (3-й этюдъ о принципѣ ассоціаціи), 109—191 (4-й этюдъ о принципѣ власти), 277—333 (7-й этюдъ о растореніи правительства въ экономической организаціи); La guerre et la paix. Recherches sur le principe et la constitution du droit des gens, P. 1861; La fédération et l'unité en Italie, P. 1862; Du principe fédératif, P. 1863, особ. часть I-я; De la capacité politique des classes ouvrières, P. 1865, стр. 181—214 (гл. 14 и 15). Полную библіографію произведеній Прудона см. Ed. Droz, P. J. Proudhon, P. 1909, стр. 273—278. Обширныя библіографическія данныя о сочиненіяхъ, посвященныхъ Прудону, находятся въ хорошей работѣ Gaëtan Pirou, Proudhonisme et syndicalisme révolutionnaire, P. 1910, стр. 408—412.

принципъ семьи, патріархата, магистратуры, монархіи, теократіи, стремящійся къ іерархіи, къ централизаціи, къ поглощенію, данъ природой и, слѣдовательно, существеннымъ образомъ фаталенъ или божественъ, какъ угодно. Его дѣйствіе, сдерживаемое противоположнымъ принципомъ, можетъ безконечно расширяться или суживаться, но никогда не исчезнетъ совершенно. Всякій политическій строй, всякая правительственная система, въ томъ числѣ и федерація, могутъ быть сведены къ этой формулѣ — къ колебанію между властью и свободой. Теоретически Прудонъ считалъ возможнымъ различать четыре основныя правительственныя формы: монархію и коммунизмъ, гдѣ преобладаетъ принципъ власти, и демократію и анархію, гдѣ господствуетъ принципъ свободы. Анархію Прудонъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: „Какъ на варіацію либеральнаго режима, я укажу на анархію или правительство каждаго для себя самого (gouvernement de chacun pour soi-même), по-англійски self-government. Такъ какъ выраженіе „анархическое правительство“ заключаетъ въ себѣ родъ противорѣчія, то вещь кажется невозможной и идея — абсурдной. Однако порицать въ данномъ случаѣ надо лишь языкъ; само же понятіе анархіи въ политикѣ столь же разумно и позитивно, какъ всякое другое. Оно состоитъ въ томъ, что когда политическія функціи сведены къ промышленнымъ функціямъ, соціальный строй будетъ результатомъ одного факта сдѣлокъ и обмѣна. Въ этомъ случаѣ всякій могъ бы назвать самого себя автократомъ, что есть крайняя противоположность монархическому абсолютизму“.

Однако Прудонъ считалъ эти формы лишь идеальными, апріорными построеніями, къ которымъ дѣйствительность болѣе или менѣе можетъ приближаться, не достигая ихъ. Онѣ (т. е. демократія и анархія) осуждены оставаться въ состояніи постоянныхъ desiderata. Несмотря на могучую приманку свободы, ни демократія, ни анархія нигдѣ не были

осуществлены во всей полнотѣ и цѣлостности своей идеи. Это — концепціи идеальныя, формулы абстрактныя, по которымъ эмпирически устанавливаются всѣ наличныя правительства, но сами онѣ не могутъ перейти въ состояніе факта. Мало вѣроятно, какой бы высокой степени цивилизаціи, нравственности и мудрости ни достигъ человѣческій родъ, чтобы исчезъ когда-нибудь всякій слѣдъ правительства и власти.

Прудонъ не выставлялъ идеальной формы общества для всякихъ историческихъ условій. Считаясь съ исторіей и допуская компромиссы и относительность формъ, онъ признавалъ благодѣтельную роль для собиранія человѣчества, для развитія культуры, громадныхъ имперій. Высказываясь за федеративный союзъ для настоящаго времени, онъ находилъ вполнѣ нормальнымъ, что долгое время идея федераціи была на заднемъ планѣ. Надо было создать сильную дисциплину, что́ и выполнила унитарная система. „Надо было обуздать, прикрѣпить къ одному мѣсту недисциплинированныя, грубыя, блуждающія массы, сгруппировать изолированныя и враждебныя общины; мало-по-малу власть создала общее право и въ формѣ имперскихъ декретовъ положила основаніе общимъ законамъ человѣчества. Нельзя приписывать иного значенія этимъ громаднымъ политическимъ образованіямъ древности, за которыми послѣдовали въ свою очередь имперіи грековъ, римлянъ, франковъ, христіанская церковь, возстаніе Лютера и, наконецъ французская революція“. Въ будущемъ однако жизнь человѣчества должна покоиться на федеративныхъ началахъ.

Прудонъ опредѣлялъ федерацію какъ договоръ, контрактъ, соглашеніе, союзъ, посредствомъ котораго нѣсколько главъ семействъ или нѣсколько общинъ, или нѣсколько группъ общинъ или государствъ взаимно и равно обязываются другъ передъ другомъ въ одномъ или нѣсколькихъ спеціальныхъ предметахъ, которые послѣ этого и перехо-

дятъ въ спеціальное и исключительное вѣдѣніе делегатовъ федераціи.

Договоръ, лежащій въ основѣ федераціи, долженъ носить реальный (а не фиктивный) характеръ. „Въ теоріи Ж.-Ж. Руссо, принятой Робеспьеромъ и якобинцами, общественный договоръ былъ фикціей, придуманной, чтобы оправдать внѣ ссылки на божественное право отеческую власть и соціальную необходимость образованія государства и отношеній между правительствомъ и индивидами. Эта теорія, заимствованная Руссо у кальвинистовъ, была въ 1764 году прогрессомъ, такъ какъ она имѣла цѣлью свести къ закону разума то, что до тѣхъ поръ разсматривалось, какъ проявленіе закона природы и религіи. Въ федеративной же системѣ общественный договоръ болѣе чѣмъ фикція: это положительный, дѣйствительный договоръ, реально предлагаемый, обсуждаемый, вотируемый, принимаемый и правомѣрно видоизмѣняемый по волѣ договаривающихся лицъ. Между федеративнымъ договоромъ и договоромъ Руссо и 1793 года та же разница, что между реальностью и гипотезой".

Дальнѣйшей характерной чертой федеративнаго договора является, по мысли Прудона, то, что договаривающіяся лица не только взаимно обязываются другъ передъ другомъ, но, заключая контрактъ, индивидуально сохраняютъ за собою болѣе правъ свободы, власти, собственности, чѣмъ его уступаютъ.

Судя по тому, какъ Прудонъ понималъ отношеніе между центральною властью и вступающими въ союзъ частями, союзное отношеніе, которое онъ называлъ федераціей, съ большею справедливостью должно быть названо конфедераціей.

Власть, обязанная выполнять этотъ договоръ, никогда не можетъ вполнѣ господствовать надъ составными частями союза, т. е. федеративныя права никогда не могутъ ни въ числѣ, ни въ значеніи превосходить правъ общинныхъ или провинціальныхъ властей, точно такъ же какъ послѣднія

не могутъ превосходить правъ и прерогативъ человѣка и гражданина. Иначе федерація сдѣлалась бы монархической централизаціей; федеральная власть, вмѣсто того чтобы быть простымъ повѣреннымъ и подчиненной функціей, разсматривалась бы какъ господствующая; вмѣсто того чтобы ограничиваться спеціальной компетенціей, она стремилась бы охватить всякую дѣятельность и всякую иниціативу; отдѣльныя государства — члены союза — превратились бы въ провинціи. Политическій организмъ, преобразованный подобнымъ образомъ, могъ бы называться республикой, демократіей или всѣмъ, чѣмъ угодно; только это не было бы государство, основанное на автономныхъ началахъ, это не была бы федерація. То же самое случилось бы еще съ бо́льшимъ основаніемъ, если бы изъ-за какихъ-нибудь соображеній федеральныя коммуны, кантоны или штаты возложили на одного изъ нихъ администрацію и управленіе другими. Республика изъ федеративной сдѣлалась бы унитарной; она была бы на пути къ деспотизму.

Федеративная система есть противоположность іерархіи или административной и правительственной централизаціи, которою отличаются имперскія демократіи, конституціонныя монархіи и унитарныя республики. Ея основной, характерный принципъ заключается въ томъ, что въ федераціи права центральной власти спеціализируются, ограничиваются, уменьшаются въ числѣ, непосредственности и, если можно такъ выразиться, въ интенсивности, по мѣрѣ того какъ федерація развивается черезъ присоединеніе къ ней новыхъ государствъ. Въ централизованныхъ правительствахъ, наоборотъ, права верховной власти умножаются, расширяются, дѣлаются непосредственными; въ компетенцію центральной власти входятъ по мѣрѣ роста территоріи и населенія провинціальныя, коммунальныя, корпоративныя и частныя дѣла. Отсюда — угнетеніе, въ которомъ исчезаетъ всякая свобода, не только коммунальная и провинціальная, но и индиви-

дуальная и національная. Федерація въ точномъ смыслѣ слова — не государство; это — группа суверенныхъ и независимыхъ государствъ, соединенныхъ договоромъ взаимной гарантіи. Федеральная констутуція также не то, что разумѣется подъ хартіей или конституціей и что является краткимъ изложеніемъ публичнаго права страны; это — контрактъ, содержащій условія соединенія, т. е. взаимныя права и обязанности государствъ. То, что называютъ федеративною властью, не является правительствомъ; это — агентство, созданное государствами для совмѣстнаго выполненія извѣстныхъ политическихъ функцій, отъ которыхъ каждое государство отказывается и которыя такимъ образомъ входятъ въ компетенцію федеральной власти.

Основную мысль Прудона можно формулировать слѣдующимъ образомъ: на мѣсто нынѣшняго централизованнаго государства надо поставить конфедеративный союзъ, составленный въ двухъ независимыхъ направленіяхъ: а) территоріальный — по коммунамъ и провинціямъ и б) административный — по отдѣльнымъ отраслямъ государственной дѣятельности.

Вся конституціонная наука, по словамъ Прудона, сводится къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: 1) образовать небольшія группы, соотвѣтственно суверенныя, и соединить ихъ договоромъ о федераціи; 2) организовать въ каждомъ федерированномъ государствѣ правительство по закону раздѣленія органовъ, т. е. раздѣлить во власти все, что можетъ быть раздѣлено, опредѣлить все, что можетъ быть опредѣлено, распредѣлить между различными органами или чиновниками все, что будетъ отдѣлено и опредѣлено; ничего не оставить не раздѣленнымъ, окружить государственное управленіе всѣми условіями гласности и контроля; 3) вмѣсто того, чтобы поглотить федерированные штаты или провинціальныя и муниципальныя власти въ центральной власти, свести компетенцію этой послѣдней къ простой

роли общей инициативы, взаимной гарантіи и наблюденія, такъ чтобы декреты ея получали исполненіе только по отзывамъ федерированныхъ штатовъ и подчиненныхъ имъ агентовъ, подобно тому, какъ въ конституціонной монархіи всякій приказъ, исходящій отъ короля, долженъ, чтобы получить свое исполненіе, быть контрасигнованъ министромъ.

Разумѣется, раздѣленіе властей, какъ оно практиковалось по хартіи 1830 года, есть прекрасное установленіе и высокого значенія, но наивно ограничивать его одними членами кабинета. Правленіе страной должно быть раздѣлено не только между семью или восемью выбраными лицами, вышедшими изъ парламентскаго большинства и критикуемыми оппозиціоннымъ меньшинствомъ, но между провинціями и общинами: иначе политическая жизнь оставляетъ окраины для центра, и нація впадаетъ въ оцѣпенѣніе.

Различныя части государственной власти должны быть отдѣлены другъ отъ друга и организованы, независимо, на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Такъ прежде всего должно быть произведено полное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской. Свѣтская власть теряетъ право вмѣшиваться въ церковное управленіе, въ назначеніе епископовъ и т. д. Народъ самъ избираетъ своихъ духовныхъ лицъ, и жизнь церковная организуется независимо, на своихъ собственныхъ началахъ. Точно также судебная функція должна быть изъята изъ распоряженія исполнительной власти и организована совершенно независимо на началѣ избранія народомъ своихъ судей. „Примѣните, говоритъ Прудонъ, всеобщее избирательное право и систему избирательной іерархіи къ судебнымъ, какъ и церковнымъ функціямъ, отнимите у государства всякое вліяніе на судей; предоставьте судебной власти образоваться единственно и исключительно изъ народа, и вы отнимете у государственной власти ея наиболѣе могущественное орудіе тиранніи“. То же должно быть сдѣлано съ военными дѣлами, въ области земледѣлія, обще-

ственныхъ работъ, народнаго просвѣщенія и т. д. Стоитъ затѣмъ сгруппировать представителей различныхъ административныхъ областей, чтобы получить „совѣтъ министровъ“, „исполнительную власть“. Надъ всѣмъ этимъ слѣдуетъ поставить законодательное или національное собраніе, избранное и уполномоченное непосредственно всей страной, для того, чтобы просматривать счета, вырабатывать законы, опредѣлять бюджетъ и согласовать дѣйствія разничныхъ отраслей администраціи.

Прудонъ желалъ не только раздѣлить функціи государственной дѣятельности, но и вообще ограничить роль государства. „Ограниченіе роли государствъ есть вопросъ жизни для индивидуальной и общественной свободы“. „На мѣсто правительства, писалъ Прудонъ, мы ставимъ промышленную организацію. На мѣсто законовъ, мы ставимъ договоры. Нѣтъ болѣе закона, вотируемаго большинствомъ или единогласно; каждый гражданинъ, каждая община или федерація творятъ свой законъ. На мѣсто политическихъ властей, мы ставимъ экономическія силы; на мѣсто прежнихъ классовъ гражданъ, дворянства и простого народа, буржуазіи и пролетаріата, мы ставимъ категоріи и спеціальности функцій, земледѣліе, промышленность, торговлю и т. д. На мѣсто государственной силы, мы ставимъ коллективную силу. На мѣсто постоянныхъ армій, мы ставимъ промышленныя компаніи; на мѣсто полиціи мы ставимъ тождество интересовъ. На мѣсто политической централизаціи, мы ставимъ экономическую централизацію“ [1]).

По мнѣнію Прудона, какъ внутренняя, такъ и иностранная политика должны покоиться на принципѣ федераціи, который является лишь завершеніемъ, развитіемъ и необходимымъ дополненіемъ принципа раздѣленія власти. Прин-

1) Idée générale de la révolution (Oeuvres, X, 1860, стр. 259—260).

ципъ же раздѣленія власти есть основа всякаго свободнаго правительства и противостоитъ принципу аггломераціи народовъ и административной централизаціи. Такимъ образомъ и государственное право и право международное находятся въ полномъ согласіи: аггломерація и централизація или федерація народовъ и раздѣленіе властей.

По отношенію къ международной политикѣ Прудонъ примѣнялъ свой принципъ федераціи слѣдующимъ образомъ. Въ Европѣ существуетъ двѣ категоріи державъ: великихъ, имѣющихъ верховенство и рѣшающихъ вопросы о войнѣ и мирѣ, и малыхъ. Отсюда вытекаютъ и двѣ системы различной политики: унитарная система, представляемая великими державами, и система федерацій, на сторонѣ которой малыя державы. Федеративная система представлена была въ Европѣ во время Прудона германской и швейцарской конфедераціями. Къ нимъ Прудонъ, принимая во вниманіе прошлое и будущія возможности, причислялъ пять другихъ конфедерацій: итальянскую, скандинавскую, образуемую Даніей, Швеціей и Норвегіей, дунайскую, которую еще предстояло создать и опредѣлить, испанскую изъ Испаніи и Португаліи и при-рейнскую, составленную изъ Бельгіи, Голландіи, Люксембурга, отъ Зюдерзее до Дюнкерка и устьевъ Мозеля.

Цѣль федеративной системы дать каждой національности, провинціи или общинѣ наибольшую сумму жизни, дѣятельности и независимости, каждому индивиду наибольшую свободу. Это истинный принципъ 1789 г., республиканская тенденція всѣхъ вѣковъ.

Если прогрессъ человѣчества долженъ совершиться въ направленіи индивидуальной, корпоративной, мѣстной, общинной, провинціальной, національной свободъ, взаимно другъ друга поддерживающихъ, то неизбѣжно, что послѣ нѣкоторыхъ колебаній большія государства постепенно потеряютъ свой централизаторскій характеръ и прибли-

зятся къ федеративной формѣ, а отъ унитарнаго абсолютизма сохранятъ лишь взаимность гарантій и общность законовъ.

„Конфедерація между большими монархіями есть вещь невозможная. Государства, какъ Франція, Австрія, Англія, Россія, Пруссія, могутъ заключать между собою союзы и коммерческіе трактаты; но невозможно, чтобы они вступали въ федеративную связь другъ съ другомъ, такъ какъ прежде всего ихъ принципъ совершенно противорѣчитъ федераціи. Онъ поставилъ бы ихъ въ оппозицію съ федеративнымъ договоромъ, такъ какъ вслѣдствіе этого послѣдняго имъ нужно было бы отказаться отъ нѣкоторой части своего суверенитета и признать надъ собою, по крайней мѣрѣ для извѣстныхъ случаевъ, судью. Въ ихъ природѣ — повелѣвать, а не заключать сдѣлки и повиноваться".

Одинъ изъ главныхъ вопросовъ федеративной теоріи касается того, можетъ ли, единственно по своему желанію, отдѣльный членъ федераціи отказаться отъ союза. Прудонъ разрѣшалъ его въ утвердительномъ смыслѣ. „Въ случаѣ противоположности интересовъ федеративное большинство можетъ ли противопоставить сепаративному меньшинству нерасторжимость договора? Противоположное мнѣніе поддерживалось въ 1846 году Зондербундомъ противъ гельветическаго большинства; теперь (Прудонъ писалъ въ 1862 году) то же утверждаютъ конфедералисты Южныхъ штатовъ Америки противъ федералистовъ Сѣвера. Что касается меня, я считаю, что отдѣленіе вполнѣ законно (séparation est de plein droit), если дѣло идетъ о вопросѣ кантональнаго суверенитета, оставленнаго внѣ кантональнаго договора... Но можетъ случиться, что, по разнымъ соображеніямъ, претензіи меньшинства несовмѣстимы съ нуждами большинства, что расколъ компрометируетъ свободу государства, — въ этомъ случаѣ вопросъ рѣшается правомъ войны, т.-е. наиболѣе значительная часть, разрушеніе ко-

торой повлекло бы за собой наибольшій ущербъ, должна получить верхъ надъ наиболѣе слабою".

Вполнѣ послѣдовательно, исходя изъ подобнаго взгляда на природу конфедераціи, Прудонъ отрицалъ и необходимость общаго конфедеральнаго суда. Въ монархіи все правосудіе исходитъ отъ короля, въ конфедераціи оно исходитъ для каждаго государства исключительно отъ его гражданъ. Установленіе верховнаго конфедеральнаго суда было бы въ принципѣ отмѣной договора. То же самое надо сказать о кассаціонномъ судѣ, такъ какъ, когда всякое государство суверенно и имѣетъ особое законодательство, это послѣднее не однообразно. Однако такъ какъ существуютъ конфедеральные интересы и конфедеральныя дѣла, такъ какъ могутъ совершаться преступленія и правонарушенія противъ конфедераціи, то для этихъ частныхъ случаевъ должны существовать конфедеральные суды и конфедеральная юстиція [1]).

Идеи Прудона въ значительной степени питаютъ теоріи французскихъ синдикалистовъ [2]). Это своеобразное конфедеративное движеніе развилось во Франціи за послѣднее десятилѣтіе, отчасти въ связи съ кризисомъ парламентаризма и со стремленіемъ найти средства противъ увеличивающихся недостатковъ демократическаго правленія, главнымъ же образомъ въ связи съ развитіемъ ассоціаціоннаго и профессіональнаго движенія, но, иногда, и въ связи со стремленіемъ новыми путями осуществить старую прудономарксистскую идею разрушенія современныхъ государствъ.

Синдикализмъ федералистиченъ какъ по существующей формѣ своей организаціи, такъ и по тѣмъ планамъ, сообразно которымъ онъ стремится преобразовать существующее общество.

---

1) Du principe fédératif, стр. 50—51.

2) Ср. особ. Gaëtan Pirou, Proudhonisme et syndicalisme révolutionnaire, P. 1910.

Фернандъ Пелутье, одинъ изъ творцовъ современнаго синдикализма, такъ формулировалъ стремленія этого движенія: „Корпоративныя группы суть ячейки будущаго федералистическаго строя. Система стремится къ тому, чтобы образовать, по закону раздѣленія органовъ, незначительныя группы, соотносительно суверенныя и соединенныя, въ той степени и на то время, которыя кажутся имъ полезными, посредствомъ свободно заключенныхъ федеративныхъ договоровъ“ [1]).

Въ основѣ современной синдикальной организаціи находится синдикатъ, союзъ работниковъ, надъ нимъ возвышается федерація синдикатовъ, и надъ всѣмъ стоитъ общая конфедерація труда, представляющая соединеніе федерацій синдикатовъ. Организація это построена на началѣ автономіи: синдикаты автономны въ федераціяхъ, федераціи автономны въ конфедераціи. Общая конфедерація исторически явилась сравнительно поздно, какъ координирующая организація синдикальнаго движенія рабочаго класса [2]).

По политическому идеалу синдикалистовъ, сами основы всего общества должны быть преобразованы черезъ замѣну централизаціи федерализмомъ и законовъ договорами. „На развалинахъ централизаціи, порождавшей угнетеніе и эксплуатацію индивидовъ, будетъ воздвигнуто новое децентрализованное, федеративное общество, въ которомъ человѣкъ сможетъ развиваться съ полной автономіей... На мѣсто царства закона, возлагаемаго властью внѣшней по

---

1) Pelloutier, Histoire des bourses du travail, 1902, стр. 169.

2) Pouget, La Confédération générale du Travail. P. 1908, особ. стр. 4, 23—24 33, его же брошюра: Le Syndicat, 1907, стр. 11; Les bases du syndicalisme, 1906, стр. 10; G. Yvetot, ABC syndicaliste, стр. 18, 29; Lagardelle, Syndicalysme et socialisme, P. 1908, стр. 48; его же, Parti socialiste et Confédération générale du Travail, P. 1908, стр. 25; E. Berth, Les nouveaux aspects du socialisme, P. 1908, стр. 30.

отношенію къ индивиду, будетъ созданъ строй, основывающійся на договорахъ, свободныхъ, всегда подлежащихъ перемѣнѣ и отмѣнѣ со стороны договорившихся“ [1]).

Въ основѣ синдикализма лежитъ прежде всего экономическій федерализмъ, имѣющій въ виду организовать анархическую экономическую жизнь путемъ созданія обязательныхъ и принудительныхъ ячеекъ, синдикатовъ и договорнаго ихъ объединенія въ одну общую федеративную организацію [2]).

Этотъ экономическій федерализмъ пріобрѣтаетъ однако характеръ вполнѣ политическій съ распространеніемъ понятія синдиката и на носителей политической власти, въ такъ называемомъ чиновничьемъ синдикализмѣ. Этотъ синдикализмъ стремится „къ полной децентрализаціи, къ цѣлостному, одновременно и корпоративному и административному, федерализму“ [3]).

---

1) Pataud et Pouget, Comment nous ferons la Révolution, P. 1909, стр. 141—142.

2) Классической работой въ этомъ смыслѣ сдѣлалась книга Paul-Boncour, Le fédéralisme économique. Etude sur le syndicat obligatoire, P. 1901 (Профессіональныя рабочія ассоціаціи суть лишь элементы, изъ которыхъ образуется будущая экономическая федерація). Литература по французскому синдикализму въ настоящее время почти необозрима. Насколько она обширна, напр., по одному спеціальному вопросу объ юридической личности синдикатовъ, можно судить по обширному списку литературы этого вопроса до 1908 г., приложенному къ книгѣ J. Cruet, Le syndicat personne morale, P. 1908, стр. 141—145. Библіографію сочиненій главныхъ теоретиковъ синдикализма, Берта, Лагарделля, Ж. Сореля и главнѣйшихъ критическихъ сочиненій о синдикализмѣ см. у Pirou, Proudhonisme et syndicalisme révolutionaire, P. 1910, стр. 412—422.

3) Max. Leroy, Le droit des fonctionnaires, 1906; Rapport à la Ligue des droits de l'homme sur le droit des fonctionnaires, 1907; La crise des services publics въ Pages libres, 22 февраля 1908; Les transformations de la puissance publique, les syndicats de fonctionnaires, 1907; (въ рус. пер. Эволюція государственной власти. Синдикаты чиновниковъ, СПБ. 1907); La loi, essai sur la théorie de l'autorité dans la démocratie, 1908; а также Paul-Boncour, Les syndicats de fonctionnaires, P. 1906.

Синдикаты чиновниковъ, по мнѣнію многихъ своихъ адептовъ, подобно рабочимъ синдикатамъ, не являются простыми корпоративными ассоціаціями обороны; но они призваны сдѣлаться со временемъ органами правленія. Мѣсто правленія, осуществляемаго извнѣ и сверху, стремится занять автономная администрація, осуществляемая снизу [1]).

Анархо-конфедералистическій характеръ этого движенія открыто признается его сторонниками. Максимъ Леруа, одинъ изъ теоретиковъ его, заявляетъ, что цѣль чиновничьяго синдикализма — „правленіе анархіи“ въ смыслѣ Прудона, экономическій федерализмъ, или федерализмъ „автархическій“. „Эти рабочія федераціи, пишетъ онъ въ своей книгѣ о синдикатахъ чиновниковъ, не имѣютъ никакого отношенія къ федераціямъ государствъ, составляющимъ Германскую имперію и республику Соединенныхъ Штатовъ; рабочія федераціи — федераціи профессіональныя, въ отличіе отъ группировокъ второго рода, которыя имѣютъ лишь географическое значеніе. Не случайность рожденія, не рѣка или гора опредѣляютъ производительную силу и предѣлы этихъ рабочихъ федерацій, — ихъ опредѣляетъ ремесло, экономическая полезность; онѣ отличаются однѣ отъ другихъ, слѣдуя раздѣленію труда, которое, естественно, никогда не остается неподвижнымъ, развиваясь вмѣстѣ съ промышленными усовершенствованіями“.

Эти федераціи вполнѣ анархистичны по своей природѣ. Онѣ, по словамъ Леруа, „совершенно свободны отъ авторитарнаго характера: всякій импульсъ дается не руководящими комитетами, не делегатами, а идетъ снизу отъ общаго собранія каждаго синдиката, обсужденія котораго переносятся черезъ уполномоченныхъ на конгрессы федеральные и конфедеральные; а рѣшенія послѣднихъ, по общему правилу,

1) Rodrigues, Le syndicalisme universitaire (Revue socialiste, 1905, № 10).

принимаются лишь ad referendum, т. е. получаютъ силу лишь по одобреніи большинствомъ синдикатовъ".

„Впрочемъ, спѣшитъ оговориться Леруа, изъ этихъ обществъ производителей не исчезнетъ всякое единство; извѣстная централизація останется въ новомъ режимѣ: мы видимъ, дѣйствительно, что рабочіе, объединенные въ синдикаты и федераціи, стремятся соединиться въ конфедерацію труда, что чиновники и рабочіе государства создали согласительные комитеты, союзы федерацій. Такимъ образомъ, проявляется постоянная потребность единства, источника которой нельзя искать исключительно въ необходимости быть сильными. Эти федераціи устанавливаютъ лишь административную связь, взаимную согласованность, а не авторитарное управленіе; это просто федерація, которая вмѣсто того, чтобы прилагаться къ простымъ обществамъ, прилагается къ ассоціаціямъ ассоціацій". „Федеральное единство будетъ проявляться въ формѣ бюрократіи съ ограниченными полномочіями, единственная обязанность которой будетъ заключаться въ объединеніи свѣдѣній, представляемыхъ профессіональными федераціями на общее обсужденіе; она будетъ лишь освѣдомительной службой производства, регистратурнымъ бюро подъ непосредственнымъ руководительствомъ конфедеральныхъ конгрессовъ. Все, что относится къ области рѣшеній, плановъ на будущее, дѣйствительнаго труда, — все это останется дѣломъ самихъ производителей. Вопросы порядка, документальное обоснованіе, статистика, — вотъ что будетъ дѣломъ федеральныхъ и синдикальныхъ чиновниковъ: это именно то, что мы уже видимъ въ рабочихъ организаціяхъ, конгрессы и секретари которыхъ являются лишь подчиненными делегатами" [1]).

Юридическую форму этому синдикализму попытался дать Дюги. „Чиновническій синдикализмъ по словамъ

1) Максимъ Леруа, Эволюція государственной власти. Синдикаты чиновниковъ, СПБ. 1907, стр. 195—199.

Дюги, есть сложное движеніе, облекающееся въ различныя формы соотвѣтственно различнымъ отраслямъ государственной службы и вызывающее образованіе столькихъ синдикатовъ, сколько есть различныхъ отраслей государственной службы; при чемъ однако эти синдикаты могуть составлять элементы обширной федераціи".

Это есть своеобразная форма децентрализаціи. „Она мало-по-малу осуществляется благодаря корпоративной организаціи чиновниковъ одной и той-же отрасли государственной службы. Она является послѣдствіемъ синдикалистскаго движенія. Чиновники одного вѣдомства образуютъ корпоративный синдикатъ, который обезпечитъ имъ охрану противъ правительственнаго произвола, противъ незаконныхъ смѣщеній съ должности, противъ фаворитизма, доносовъ и который въ то же время будетъ принимать участіе въ самомъ управленіи вѣдомствомъ. Образованные вначалѣ для защиты профессіональныхъ, классовыхъ интересовъ, синдикаты чиновниковъ мало-по-малу станутъ приводить въ движеніе и управлять порученной имъ государственной службой. Впрочемъ право дѣйствительнаго контроля и постояннаго надзора должно быть оставлено за правящими лицами и ихъ агентами. Съ другой стороны, эта должностная автономія должна имѣть противовѣсъ въ сильно организованной и энергично санкціонированной отвѣтственности чиновника по отношенію къ публикѣ. Будучи болѣе охраненнымъ и болѣе независимымъ, чиновникъ долженъ быть и болѣе отвѣтственнымъ"[1]).

Въ заключеніе Дюги рисуетъ себѣ слѣдующій планъ политическаго устройства. На верху — правители, представляющіе дѣйствительное большинство индивидовъ, составляющихъ общественную группировку: имъ принадле-

1) Леонъ Дюги, Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства, М. 1909, нашъ переводъ, стр. 134, 138—139.

житъ не право государственной власти, а обязанность употреблять наибольшую силу на реализацію права въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ ихъ дѣйствіе сводится къ выполненію технической работы по надзору и контролю. Въ обществѣ — синдикальныя группы, сильно интегрированныя, соединившіяся въ федераціи по профессіямъ и имѣющія политическое представительство, обезпечивающее сильное ограниченіе власти правящихъ лицъ. Борьба классовъ, прекращенная или по крайней мѣрѣ ослабленная конвенціональнымъ установленіемъ регламентовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія классовъ, проникнутыхъ точнымъ сознаніемъ своей независимости. Государственная служба, выполняемая и направляемая корпораціями чиновниковъ, отвѣтственныхъ за свои ошибки по отношенію къ частнымъ лицамъ и находящихся подъ контролемъ и надзоромъ правящихъ лицъ [1]).

За всею тою привлекательной и иногда строго юридической оболочкой, въ какую пытаются часто облечь чиновничій синдикализмъ его адепты, скрывается на самомъ дѣлѣ чисто-анархическій идеалъ Прудона. Никакой порядокъ не можетъ существовать при разложеніи общества на множество самостоятельныхъ, свободно договаривающихся организацій. Та идея общаго блага, которую воплощаетъ въ себѣ государство, отрѣшающееся по принципу отъ всякаго частнаго интереса и имѣющее въ виду лишь интересы цѣ-

---

1) Дюги, Op. cit., стр. 144. Ср. Paul Louis, Le syndicalisme contre l'état, 1910; Fugène Duthoit, Vers l'organisation professionnelle, 1910, см. стр. 283—316 (Дютуа, профессоръ католическаго университета въ Лиллѣ, разсмотрѣвши различные вопросы, имѣющіе отношеніе къ профессіональнымъ синдикатамъ, заканчиваетъ книгу главою о приспособленіи политической организаціи къ экономическому и соціальному режиму, построенному на началахъ синдикализма, и высказывается за созданіе профессіональнаго сената, за законодательную инициативу, предоставленную и мѣстнымъ органамъ, и за сильнѣйшую децентрализацію, какъ въ области законодательной, такъ и въ области исполнительный и судебной властей).

лаго общества, какъ такового, должна замѣниться идеей личнаго, профессіональнаго и классоваго интереса, воплощающагося въ независимыя и эгоистическія корпораціи и синдикаты. Представители политической власти и общественныхъ службъ изъ слугъ общества, изъ органовъ правительственной воли превращаются въ обладателей занимаемыхъ ими мѣстъ, въ собственниковъ и пользователей тѣхъ общественныхъ функцій, которыми монопольно они завладѣваютъ; функціи эти изъ служебныхъ для общества дѣлаются служебными для лицъ, ихъ осуществляющихъ. На мѣсто верховнаго суверенитета закона, равнаго и благодѣтельнаго для всѣхъ, ставится свободное усмотрѣніе отдѣльныхъ вѣдомствъ, борьба отдѣльныхъ профессій. Въ результатѣ должна получиться не свобода всѣхъ, подъ гарантіей суверенаго закона, а экономическая и профессіональная тиранія синдикатовъ, обязательныхъ и неумолимыхъ, тиранія заинтересованныхъ корпорацій, состоящихъ изъ неприкосновенныхъ бюрократовъ. Частныя корпораціи благодѣтельны, покуда онѣ организуютъ анархическую общественную жизнь, покуда онѣ объединяютъ разсѣянное общество, — какова ихъ роль была, скажемъ, въ средніе вѣка, — но онѣ становятся несомнѣннымъ зломъ съ того мемента, когда онѣ дѣлаются обязательными и начинаютъ претендовать на политическую власть.

Таково впрочемъ мнѣніе о чиновничьемъ и профессіональномъ синдикализмѣ, какъ теченіи политическаго реформизма, большинства тѣхъ безпристрастныхъ политическихъ мыслителей, которые остаются чуждыми утопической мечтательности анархическихъ ученій.

VII.

Если федерализмъ и не имѣетъ во Франціи непосредственнаго практическаго значенія, какъ форма положительнаго публичнаго права страны, тѣмъ не менѣе вопросы его,

въ особенности поскольку они связаны съ понятіемъ государственнаго суверенитета и идеей юридической личности государства, вызываютъ къ себѣ и чисто академическое вниманіе французскихъ юристовъ. Въ своихъ попыткахъ конструировать юридическую природу федеральныхъ государствъ, французскіе юристы, хотя и обнаруживаютъ основательное знакомство съ новѣйшей нѣмецкой литературой, однако идутъ своими путями и создаютъ самостоятельныя теоріи. Изъ этихъ теорій, какъ на наиболѣе примѣчательныя, укажемъ на конструкціи Дюги, Горіу, Бореля и Лефюра. Обо всѣхъ нихъ намъ уже приходилось не разъ говорить въ предшествующихъ главахъ.

Своеобразное различіе между федерализмомъ и децентрализаціей попытался установить Дюги. Различіе это тѣсно связано со всею его теоріей права, по которой нормы права существуютъ независимо отъ государства и его органовъ власти и обязательны для него, какъ и для простыхъ индивидовъ.

Федерализмъ, по опредѣленію Дюги, существуетъ тогда, когда правители, органы верховной власти, взяли на себя юридическое обязательство сохранить въ извѣстной области опредѣленную компетенцію за органами децентрализаціи. Федерализмъ бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть децентрализація; но кромѣ нея, необходима еще юридическая обязанность правительства соблюдать эту децентрализацію. Федерализмъ бываетъ только тогда, когда со стороны правителей есть намѣреніе создать постоянное положеніе, автономію, сохраненіе которой обязательно и для нихъ. Нѣтъ такого намѣренія, остается одна децентрализація[1]).

---

1) L. Duguit, L'Etat, II, P. 1903, стр. 754—770. Въ томъ же духѣ Michoud et Lapradelle, La question finlandaise, 1901. Этой теоріи мы не находимъ въ ранней статьѣ Дюги: Le conflit de la souveraineté fédérale et de la souveraineté locale aux Etats-Unis (Revue d'économie politique, 1894, стр. 38—60).

Теорія эта при всей своей оригинальности, очень слаба. Прежде всего она раздѣляетъ судьбу всего того юридическаго построенія, по которому возможно какое-то существованіе права, оторваннаго отъ государства, и которое мы опровергли уже выше (см. стр. 137 и сл.).

Невѣрно, далѣе, и само различеніе федеральнаго государства отъ автономной провинціи. Дюги полагаетъ, что при автономіи, центральная власть въ правѣ законодательнымъ порядкомъ перенести всю власть провинціи на себя, въ федеральномъ же государствѣ федеральная власть не можетъ и законодательнымъ порядкомъ перенести на себя компетенціи штатовъ. Это не правильно, съ точки зрѣнія положительнаго права федеральныхъ государствъ; и въ федеральномъ государствѣ федеральная власть имѣетъ рѣшающій голосъ при расширеніи своей компетенціи. Нѣтъ неотвратимаго обязательства сохранять компетенцію федерированныхъ штатовъ. Въ исторіи федеральныхъ государствъ, Соединенныхъ Штатовъ, Германіи, Швейцаріи мы видимъ, какъ центральная власть сплошь и рядомъ и вполнѣ правомѣрно расширяетъ свою компетенцію въ ущербъ компетенціи федерированныхъ штатовъ. И самъ же Дюги, въ одномъ мѣстѣ своего Конституціоннаго права, опровергая Мишу, говоритъ: „намъ совершенно не представляется установленнымъ, чтобъ въ федеральномъ государствѣ, созданномъ, подобно Бразиліи въ 1891 г., путемъ чисто-односторонняго акта, центральное правительство юридически не могло по своему усмотрѣнію упразднить государствъ-членовъ“ (Конституціонное право, стр. 187). Тоже онъ повторяетъ и относительно Германіи и относительно Соединенныхъ Штатовъ. Между тѣмъ эти возраженія направлены противъ его же теоріи разграниченія федеральныхъ государствъ[1]).

1) Впрочемъ эту теорію Дюги развилъ въ 1903 г. въ L'Etat, но въ 1906 г. въ своемъ Конституціонномъ правѣ (§ 32) онъ ея уже не упоминаетъ, и робко намѣчаетъ теорію сотрудничества (Vereinbarung),

Тулузскій профессоръ Морисъ Горіу видитъ существенный признакъ федеральнаго государства въ томъ, что это послѣднее есть суверенное соединеніе государствъ, государство государствъ, обладающее постоянною центральною властью. Какимъ же образомъ возможно, спрашиваетъ Горіу, что на ряду съ центральнымъ или федеральнымъ государствомъ, обладающимъ суверенитетомъ, федерированныя государства тоже сохраняютъ суверенитетъ? Если же они не сохраняютъ суверенитета, то заслуживаютъ ли они наименованія государствъ? Федерированныя государства, несомнѣнно, теряютъ свой международный суверенитетъ по отношенію къ государствамъ, внѣ федераціи находящимся, такъ какъ всѣ внѣшнія отношенія централизуются въ рукахъ федеральнаго государства. Но они точно также теряютъ и свой

но тутъ же отъ нея отказывается и полагаетъ, что при сохраненіи суверенитета и юридической личности вопросъ не разрѣшимъ. „Въ концѣ-концовъ, хотя мы и выразили наше предпочтеніе въ пользу доктрины федеральной корпораціи, изложенной Лефюромъ, но наше заключеніе будетъ скорѣе отрицательнымъ, и мы продолжаемъ думать, что каково бы ни было понятіе, составленное относительно суверенитета, нельзя, сохраняя эту концепцію, основанную на личности государства, создать юридически удовлетворительную конструкцію федеральнаго государства". Конституціонное право, стр. 193—4. Но, спрашивается, безъ суверенитета и юридической личности, какъ же долженъ быть разрѣшенъ вопросъ? То рѣшеніе, которое Дюги далъ въ L'Etat, неудовлетворительно, другого же онъ не далъ. Мишу считаетъ, что его воззрѣніе на юридическую природу отношеній между федеральнымъ государствомъ и федерированными государствами подходитъ, въ своей основѣ, къ воззрѣніямъ Дюги, опредѣляющаго федерализмъ какъ юридическую обязанность для правителя уважать децентрализацію. Мишу ошибается, что его взглядъ вполнѣ подходитъ къ взгляду Дюги. Въ той общей формулировкѣ, которая дана выше въ фразѣ Дюги, да; но оба они влагаютъ въ одни и тѣ же слова различный смыслъ. Для Дюги, юридическая обязанность есть объективная норма, вытекающая изъ раціоналистически добытаго принципа общественной солидарности и не нуждающаяся для своего существованія въ обнаруженіи положительными органами власти. У Дюги юридическая обязанность есть обязанность естественно-правовая. У Мишу юридическое ограниченіе есть норма положительнаго права. См. его опредѣленіе права въ La Théorie de la personnalite morale, I, §§ 45—50.

внѣшній суверенитетъ по отношенію другъ къ другу и по отношенію къ федераціи, такъ какъ федерированное государство не имѣетъ права отказаться отъ федеральнаго договора и заявить, что оно выходитъ изъ союза; федеральное государство — союзъ заключенный навѣки.

Однако федерированное государство не то же самое, что провинція. Чтобы найти разницу между ними, нужно, по словамъ Горіу, отказаться отъ субъективной теоріи суверенитета и искать разницу среди объективныхъ реальностей. Въ федеральномъ государствѣ нѣтъ суверенитета въ смыслѣ автономіи моральной личности, но существуетъ суверенитетъ другого рода. По теоріи Горіу, народный суверенитетъ заключается въ томъ, что нація сильнѣе своего правительства; народный суверенитетъ предполагаетъ наличность двухъ элементовъ: съ одной стороны, націи, съ другой, — централизованнаго правительства съ тремя основными аттрибутами, исполнительной, законодательной и судебной властями; и нація должна быть сильнѣе правительства. Нація можетъ быть и не автономной и составлять лишь часть болѣе обширной націи; правительство можетъ быть не автономнымъ даже въ осуществленіи своей законодательной власти; но разъ существуетъ между націей и правительствомъ такое отношеніе, что она сильнѣе правительства, и правительство для осуществленія своей власти получаетъ инвеституру отъ націи, то государство на лицо. Федерированное государство остается государствомъ, пока оно сохраняетъ націю и правительство, такъ какъ тогда неизбѣжно между ними будетъ отношеніе суверенитета; автономія жа можетъ существовать, можетъ и не существовать. Само международное право признаетъ существованіе полу - суверенныхъ государствъ, автономія которыхъ не полна.

Федерированное государство до тѣхъ поръ отличается отъ децентрализованной провинціи, пока оно можетъ соз-

давать для себя собственное законодательство, хотя бы и въ ограниченномъ объемѣ; пока федерированная часть будетъ осуществлять законодательную власть, она сохранитъ правительство, такъ какъ законодательная власть есть наиболѣе характерный признакъ правительственной власти, никогда не даваемый простому административному дѣленію [1]).

Эта теорія развита была болѣе подробно двумя учениками Горіу, Полье и де-Марансомъ [2]). „Сложное государство есть государство государствъ". Это положеніе вытекаетъ изъ особаго пониманія государства. Чтобы опредѣлить государство, по мнѣнію этихъ учениковъ Горіу, необходимо освободиться отъ слишкомъ узкой идеи „личности" и проникнуть до матеріальнаго пониманія „государства". Государство, одна изъ общественныхъ формъ, есть система силъ, стремящихся къ равновѣсію. Это равновѣсіе дается „государственнымъ режимомъ", если понимать подъ нимъ совокупность организующихъ правилъ, одновременно отвѣчающихъ и порядку, составляющему предметъ стремленій государственной власти, и потребностямъ, ощущаемымъ обществомъ. Государственный режимъ вводитъ въ государство элементъ отличный отъ государственной личности, такъ какъ его необходимо понимать, какъ среду. Въ то же время государственный режимъ есть raison d'être властвованія, такъ какъ властвованіе оправдывается лишь въ томъ случаѣ, если оно преслѣдуетъ объективную цѣль, т. е. государственный режимъ. „Государство есть общество, въ которомъ собственная власть господства служитъ правовому строю, соотвѣтствующему данной средѣ".

---

1) Hauriou, Principes de droit public, 1910, стр. 456—8.

2) Polier et de Marans, Esquisse d'une théorie des états composés (Bulletin de l'Université de Toulouse, série B, № 1, 1902), работа, вышедшая изъ семинаріи тулузскаго профессора Мориса Горіу и развивающая въ примѣненіи къ федеральному государству принципы его общей теоріи права.

Такъ какъ характерный признакъ государства не соединенъ непремѣнно съ существованіемъ собственной необусловленной воли, то возможно представить себѣ существованіе группы нѣсколькихъ государствъ подъ властью одного общаго суверенитета. Государство есть правовая сфера, имѣющая собственное представительство и собственную власть господства, даваемую обсужденіемъ законовъ представительнымъ собраніемъ. Слѣдовательно, если общая власть господства возвышается надъ нѣсколькими коллективностями, надѣленными каждая законодательнымъ органомъ, то мы находимся въ присутствіи государства государствъ.

Здѣсь именно и заключается разница между государствомъ государствъ и децентрализованнымъ унитарнымъ государствомъ. Унитарное государство децентрализовано, когда оно даруетъ составляющимъ его политическимъ коллективностямъ извѣстную свободу по отношенію къ центральной власти, позволяя имъ самимъ назначать мѣстныя власти и вести мѣстныя дѣла и интересы, но никогда не уступая имъ права владѣть законодательными органами.

Полье и де-Марансъ признаютъ двѣ формы государственныхъ группировокъ: имперію и сложное (федеральное) государство. Имперія бываетъ тогда, когда извѣстное число государствъ, хотя и сохраняющихъ вполнѣ отличныя правовыя сферы (milieux legaux), находится въ положеніи вассальности по отношенію къ сюзеренному государству. Власть этого послѣдняго возвышается надъ другими государствами. (Оттоманская имперія, имперія Наполеона, отношенія по протекторату.)

Сложное (федеральное) государство есть государство государствъ, гдѣ общая правовая сфера наслояется на правовыя сферы отдѣльныхъ государствъ. Частныя государства, вслѣдствіе своего соединенія въ сложное государство, порождаютъ новыя представительства, находящія себѣ выраженіе въ

новомъ законодательномъ органѣ, компетентномъ для всего сложнаго государства въ цѣломъ. Подъ нимъ существуютъ законодательные органы отдѣльныхъ государствъ, дѣйствіе которыхъ ограничивается территоріями этихъ государствъ. Изъ параллельной дѣятельности этихъ двухъ категорій законодательныхъ органовъ получается совмѣстное существованіе двухъ правовыхъ сферъ: сферы сложнаго государства и сферы отдѣльныхъ государствъ. Индивидъ, подданный сложнаго государства, живетъ въ двухъ сферахъ, и, сообразно съ границами законодательной компетенціи между ними, его акты будутъ обусловлены нормами права той и другой сферы. Значеніе и соотвѣтственный объемъ обѣихъ сферъ могутъ видоизмѣняться въ безконечно различныхъ пропорціяхъ, не позволяющихъ схватить точно опредѣленные виды сложныхъ государствъ. Если же все-таки различать типы сложныхъ государствъ, то нужно дѣлать это соотвѣтственно тому способу, по которому государства-члены участвуютъ въ созданіи строя общаго государства.

Въ этомъ отношеніи можно признать существованіе трехъ формъ сложныхъ государствъ. 1) Общая правовая сфера можетъ быть составлена строго равнымъ участіемъ всѣхъ государствъ-членовъ въ созданіи строя общаго государства. Къ этому результату приходятъ черезъ образованіе федеральной палаты изъ депутатовъ, посланныхъ въ равномъ числѣ каждымъ изъ отдѣльныхъ государствъ, какъ бы ни были неравны ихъ населеніе и сила. Эта федеральная палата назначается штатами, какъ коллективностями, а не гражданами, взятыми индивидуально. Именно эта организація составляетъ въ собственномъ смыслѣ слова федеральное государство; она была принята Швейцаріей и большинствомъ американскихъ республикъ. 2) Общая правовая сфера можетъ быть составлена неравнымъ участіемъ всѣхъ государствъ-членовъ въ созданіи строя общаго государства. Въ этомъ случаѣ федеральная палата

составляется изъ депутатовъ, посланныхъ въ неравномъ числѣ каждымъ изъ отдѣльныхъ государствъ: она есть отображеніе неравенства силъ этихъ государствъ. Такова современная Германія, которая поэтому не является типомъ чистаго федеральнаго государства. 3) Въ третьемъ случаѣ, въ созданіи общей правовой сферы не участвуютъ всѣ государства-члены; это право исключительно осуществляется однимъ изъ государствъ. Здѣсь нѣтъ федеральной палаты, но существуетъ общая правовая сфера, возвышающаяся надъ собственной сферой отдѣльныхъ государствъ. Таковы отношенія Англіи къ своимъ самоуправляющимся колоніямъ, такъ какъ британскій парламентъ, въ выборахъ котораго колоніи не участвуютъ, сохраняетъ право вотировать законы, которые примѣнимы къ колоніямъ. Однако такія образованіи нужно признать неустойчивыми, и что касается въ частности Англіи, то должна произойти эволюція или по направленію къ имперіи, вслѣдствіе исчезновенія общей сферы, или къ федеральному государству, этой единственной вполнѣ уравновѣшенной формѣ сложнаго государства, чрезъ установленіе общаго представительства. Сложное государство можетъ родиться двумя способами: или черезъ соединеніе государствъ, до тѣхъ поръ независимыхъ, или черезъ раздробленіе унитарнаго государства.

Теорія эта едва ли можетъ быть принята. Горіу, по нашему мнѣнію, неправильно понимаетъ государственный суверенитетъ, какъ принадлежащую народу suprema potestas поставлять всѣхъ органовъ правительства; это неправильное опредѣленіе суверенитета даетъ ему возможность признать наличность суверенитета во всѣхъ тѣхъ общежитіяхъ, гдѣ законодательная власть образуется по волѣ народа. Суверенитетъ есть высшая власть въ государствѣ; поэтому нельзя его отожествлять съ однимъ правомъ инвеституры законодательной власти: во-первыхъ, верховная власть государства и въ случаѣ демократическаго строя, по самой теоріи Горіу, не

на сторонѣ народа, а въ синтезѣ властей правительства и народа; суверенитетъ и въ этомъ случаѣ есть синтезъ совмѣстнаго дѣйствія властей; во-вторыхъ, что же дѣлать въ монархическихъ государствахъ, гдѣ народу не принадлежитъ право инвеституры, и гдѣ суверенитетъ исключительно принадлежитъ правительству? Неужели такія государства не-государства? Совершенно неудовлетворительной поэтому нужно считать и вытекающую изъ неправильнаго воззрѣнія на суверенитетъ теорію Горіу федеральныхъ государствъ.

Третья оригинальная французская теорія юридическаго конструированія федеральнаго государства есть та теорія „участія“, которая соединена главнымъ образомъ съ именами Бореля и Лефюра. Существенный признакъ государства — суверенитетъ; федерированные штаты федеральнаго штата теряютъ свой суверенитетъ, но они сохраняютъ право на участіе въ образованіи общаго федеральнаго суверенитета [1]). Таковы основныя положенія этой теоріи. Въ свое

1) E. Borel, Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif, Berne 1886. „L'Etat fédératif est donc l'Etat, dans lequel une certaine participation à l'exercice du pouvoir souverain est accordée à des collectivités inférieures, soit qu'on les adjoigne à l'organe souverain pour la formation de la volonté nationale, soit que, prises dans leur totalité, elles forment elles-mêmes cet organe souverain. Ces collectivités — qu'elles s'appellent Etats, Cantons ou Provinces ect. — ne sont pas des Etats proprement dits, parce que la souveraineté leur fait défaut, mais leur participation à l'éxercice de pouvoir suprème les distingue des communes et autres corporations de droit public. De plus, et c'est là un point décisif pour la conception de leur caractère juridique, elles ne sont pas de simples districts électoraux, de simples fractions mathématiques du territoire établies dans le but de réaliser la représentation nationale par voie d'élection; ce sont des collectivités ayant chacune une individualité distincte et un esprit de corps particulier produit par une existence de plusieurs siècles. En un mot, ce sont des organes, des êtres organiques qui coopèrent comme tels à la création et à l'éxecution de la volonté de l'Etat souverain. Voilà ce qui distingue les Etats confédérés des simples communes et des districts électoraux d'un Etats unitaire“ (стр. 172—3). Близко сюда подходитъ и теорія Лефюра: Le Fur, Etat fédéral et confédération d'états, P. 1896. См. опредѣленіе федеральнаго государства на стр. 673—679. Здѣсь же

время мы подробно изложили и разсмотрѣли эти положенія и потому не будемъ снова возвращаться къ нимъ.

Кромѣ федерализма децентрализующаго, во французской литературѣ встрѣчаются, хотя и не имѣютъ особеннаго значенія, и теоріи имперіалистическаго федерализма. Поскольку онѣ не представляютъ стремленій къ международной организаціи Европы и человѣчества вообще, онѣ выражаютъ идею общенія всѣхъ латинскихъ народовъ, идею обще-латинской федераціи [1]).

B. Испанскій федерализмъ.

I. Федеративные элементы въ испанской исторіи. — II. Республиканскій федерализмъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. — III. Каталонскій регіонализмъ.

I.

Испанскій федерализмъ есть выраженіе испанскаго индивидуализма. Съ самаго начала испанской исторіи испанскому народу свойствененъ былъ духъ сильнаго разъединенія и центробѣжныхъ устремленій, несмотря на то, что историческія условія толкали населеніе Иберійскаго полуострова къ созданію единаго государства. Лишь мало-по-малу, и то лишь подъ давленіемъ исторической необходимости, объединилось испанское населеніе. Но и послѣ объединенія въ испанскомъ народѣ сохранилось сильное партикуляристическое теченіе, чему способствуетъ и сильно выраженное провинціальное разнообразіе Испаніи. Въ XIX вѣкѣ, послѣ революціи 1868 г. была сдѣлана попытка установить федеративную республику, но она кончилась неудачей. Въ настоящее время въ Испаніи сильно областное автономическое движеніе,

---

должно упомянуть A. Mérignhac, Traité de droit public international, т. I, P. 1905, стр. 195—201.

1) Ср. Louis-Xavier de Ricard, Le féderalisme, 1879 (въ защиту латинской федераціи, т. е. федераціи Франціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Испанской Америки, романской Швейцаріи и Румыніи). Пропагандѣ идеи обще-латинской федераціи были посвящены два спеціальные органа, Revue de l'Alliance latine и La Renaissance latine.

такъ называемый „регіонализмъ“. Испанскій народъ обнаруживаетъ колебаніе между унитарной диктатурой и анархическимъ конфедерализмомъ и плохо осваивается съ федеральнымъ государственнымъ строемъ. Доказательства этому мы увидимъ и въ иберійской Америкѣ.

Образованіе Испанскаго государства, какъ большинства большихъ государствъ, прошло черезъ необходимую стадію федерализма. Это — федерализмъ вынужденнаго политическаго объединенія, постепеннаго собиранія испанской земли, когда объединяющія силы преодолѣваютъ провинціальную изолированность и, уравновѣшиваясь съ мѣстными сопротивленіями, приходятъ къ политическимъ организаціямъ, покоящимся на договорахъ, на федеративныхъ соглашеніяхъ.

Мѣстныя сопротивленія были особенно значительны въ Испаніи. Индивидуализмъ есть основная и, повидимому, исконная черта испанской психологіи, такъ какъ еще Страбонъ отмѣчалъ у античныхъ иберовъ духъ раздѣленія и горделивое сопротивленіе всякой союзной дисциплинѣ, что и способствовало побѣдѣ римлянъ надъ враждующими между собою племенами. Этотъ духъ индивидуализма въ политическомъ строительствѣ способствовалъ созданію мѣстнаго патріотизма. Испанскіе города упорно боролись за свою независимость противъ всякаго политическаго объединенія, откуда бы оно ни шло, отъ Финикіи, Греціи или Рима.

Когда Римъ покорилъ подъ свое владычество испанское населеніе, онъ сохранилъ за испанскими муниципіями довольно значительную автономію, и подъ его верховенствомъ Испанія въ сущности представляла изъ себя рядъ небольшихъ самоуправляющихся республикъ.

Періодъ среднихъ вѣковъ былъ и въ Испаніи, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, эпохой сильнаго расцвѣта городского и коммунальнаго федерализма. Города постоянно конфедерировались въ союзы, въ „братства“, въ такъ называемыя „hermandades“. Эти „братства“ городовъ

вступали въ договоры съ монархами, добивались признанія своихъ вольностей и являлись какъ бы государствами въ государствѣ, гдѣ каждая городская община была свободной, самоуправляющейся политической единицей. Такъ въ 1226 г. города Арагоніи и Каталоніи, соединившись, получили отъ короля Хаима I привилегіи. Такъ въ 1295 г. тридцать четыре города составили hermandad Кастиліи, къ которому потомъ присоединилось еще около ста городовъ.

Собираніе испанской земли совершалось какъ путями завоеваній и инкорпорацій, такъ и въ формѣ конфедеративныхъ личныхъ уній. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ такихъ соединеній была личная унія Кастиліи и Арагоніи въ 1479 г. вслѣдствіе брака Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской. Было договоромъ установлено, что корона свободной, независимой, недѣлимой и неотчуждаемой Арагоніи соединится съ короной Кастиліи подъ владычествомъ одного общаго монарха; при чемъ Арагонія сохраняла свое гражданское, торговое, государственное и административное право, свои вольности и свои гарантіи; единственной же связью между обѣими коронами долженъ былъ быть общій монархъ.

Несмотря на индивидуалистическій духъ испанскаго населенія, историческія условія неуклонно вели его къ объединенію. Въ борьбѣ противъ мавровъ и противъ ислама крѣпло общее національное сознаніе и жажда единства. Именно эта жажда единства и боязнь распаденія и способствовали упорному стремленію испанскаго народа сохранить религіозное единство и во что бы то ни стало спасти организацію католической церкви, обезпечивающей это единство.

Лишь когда окончательно завершена была централизація политическаго устройства Испаніи, въ XIX вѣкѣ, возникло въ ней федералистическое движеніе, какъ протестъ провинціальныхъ и областныхъ стремленій противъ все-нивеллирующаго принципа унитарнаго централизованнаго государства.

II.

Первое сильное движеніе въ пользу федеративнаго устройства Испаніи проявлено было республиканцами 60—70-хъ годовъ, находившимися подъ сильнымъ вліяніемъ анархо-федералистическихъ идей Прудона и Интернаціонала.

Въ своихъ политическихъ требованіяхъ республиканцы-федералисты исходили изъ идеи личной автономіи и считали, что политическая организація страны должна явиться результатомъ самоорганизаціи общества снизу вверхъ путемъ свободнаго договора лицъ, общинъ, провинцій.

Когда произошла революція 1868 г., демократы Каталоніи, Валенціи и Арагоніи высказались за федеративную республику, и когда учредительные кортесы приняли въ 1869 г. конституцію, утверждающую унитарную монархію, то республиканцы-федералисты остались глубоко ею неудовлетворены. Между представителями одиннадцати провинцій Арагоніи былъ заключенъ Тортозскій договоръ, съ требованіемъ федеративной республики[1]). Когда, послѣ трех-

1) La federacion, говорится въ одномъ изъ манифестовъ федералистической партіи той эпохи, más que una forma, es un sistema que invierte completamente las relaciones políticas, administrativas y económicas que hoy unen con el Estado los pueblos y los provincias. La base actual de la organizacion del país es el Estado, que se arroga la facultad de trazar el círculo en que han de moverse las diputaciones y los ayuntamientos, reservándose sobre unas y otros el derecho de inspeccion y de tutela; la base de una organizacion federal está, por lo contrario, en los municipios que, luégo de constituidos dentro de las condiciones naturales de su vida, crean y forman las provincias, á las que más tarde debe sur orígen el Estado. En la actual organizacion el Estado lo domina todo; en la federal, el Estado, la provincia y el pueblo son tres entidades igualmente autónomas, enlazadas por pactos sinalagmáticos y concretos. Tiene cada una determinada su esfera de accion por la misma índole de los intereses que representa; y pueden todas moverse libremente sin que se entrechoquen y perturben. La vida de la nacion está así en todas partes; cada una de las fuerzas del daís, en efercicio; el órden, asentado sobre bases sólidas (El manifesto de la Asamblea Federal de 1870. См. Pi y Margall, La república de 1873, Madrid 1874, стр. 141).

лѣтняго неудачнаго царствованія, вновь избранный король Амедей отказался отъ трона и покинулъ въ 1873 г. Испанію, на нѣкоторое время восторжествовали республиканцы, и во главѣ правительства стали старые вожди федеративной партіи Пи и Маргалъ, Кастеляръ и др. Въ учредительныхъ кортесахъ 1873 г. преобладали федералисты, которые и выбрали федералистическое министерство, предложившее проектъ федеративной конституціи по образцу Соединенныхъ Штатовъ.

Главою правительства и президентомъ республики былъ выбранъ прудонистъ Пи и Маргалъ. Сторонникъ федеральной самоорганизаціи государства, начиная съ самыхъ низовъ, онъ склонялся къ тому, чтобы не только большія историческія провинціи имѣли власть федерированныхъ штатовъ, но чтобы автономія и независимость принадлежали и самымъ мелкимъ подраздѣленіямъ ихъ, такъ называемымъ кантонамъ. Этотъ кантональный федерализмъ вызвалъ однако противъ себя сильное противодѣйствіе, выразившееся даже въ вооруженныхъ столкновеніяхъ и возстаніяхъ. Пи и Маргалъ долженъ былъ устраниться съ поста президента, точно также какъ и смѣнившій его Сальмеронъ [1]). Попытка внести порядокъ со стороны новаго президента, тоже федералиста, Кастеляра оказалась неудачной. Все кончилось переворотомъ 1874 г. и монархической реставраціей, утвердившей политическое единство Испаніи и выступившей противъ какого бы то ни было областнаго раздробленія государства [2]).

---

1) См. Obras de D. Nicolas Salmeron. О федерализмѣ Сальмерона см. prólogo проф. Azcárate къ первому тому, Madrid, 1881, стр. I—XXXIII.

2) Изъ испанской литературы по федерализму той эпохи могутъ быть указаны: F. Garrido, La república federal, Lerida, 1855; Constitucion de la Federation Ibérica, Barcelona, 1860; Borcia Roque, La federacion española, Madrid, 1869; Orense, Derecho politico federal, Madrid, 1870; Его же, Ventajas

Духовнымъ вождемъ и вдохновителемъ крайняго федерализма той эпохи былъ Пи и Маргалъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и одно время президентъ республики 1873 года[1]).

Но мнѣнію Пи и Маргала, всѣ государства должны принять федеральную форму, такъ какъ только она одна разрѣшаетъ всѣ конституціонныя затрудненіи и создаетъ внутренній порядокъ. Современное положеніе унитарныхъ государствъ неразумно, полно опасностей, противорѣчитъ сво-

---

de la república federal; Fernandez Herrera, El federalismo, Madrid, 1870; J. A. García Labiano, El principio federativo (Revista de España, 1871, t. XIX, стр. 26—45. По поводу книги о федеративномъ принципѣ Прудона; отрицательная критика идей Прудона) Lopez Morena, Explicacion de la república federal, Madrid, 1871; Garcia Ruiz, Historia de la internacional y del federalismo en España, Madrid, 1872; Его же, La república democratica unitaria y la república federal, Madrid; E. Castelar, Vindication del sistema federativa, Madrid, 1874; Bergnes de las Casas, La verdad sobre la república federal; resena historica de las repúblicas fed. antiquas y modernas, Barcelona, 1872; Tubina, Patria y federalismo, Sevilla, 1873; F. Garrido, La Rebelion carlista y la república federal en España, 1874; A. G. Moreno, Instituciones politicas de los estados unidos, 3 т., Madrid, 1881 г. (о Швейцаріи и Соед. Штатахъ).

1) Pi y Margall (1824—1901) защищалъ федералистическія идеи уже въ 1854 г. въ книгѣ La Reaccion y la Revolucion, въ которой онъ изложилъ свои философскія, экономическія и политическія идеи. Соотвѣтствующую цитату изъ этой книги см. La república de 1873, M. 1874, стр. 132—140; въ 1869 г. Пи и Маргалъ перевелъ на испанскій языкъ книгу Прудона Du principe fédératif (Въ этой книгѣ, по словамъ Пи и Маргала, despues de sentadas la libertad y la autoridad como los dos eternos y contradictorios elementos de la vida de los pueblos, se explican las vicisitudes y los sistemas á que han dado orígen, y se demuestra que la federacion, última evolucion de la idea política, es la única que puede afianzar en las naciones la dignidad, la paz y el órden). Главное сочиненіе Пи и Маргала и основное сочиненіе вообще по испанскому федерализму Las nacionalidades, Madrid, 1877 (первыя двѣ части этой книги были переведены Ricard'омъ на французскій языкъ: Les nationalités. Essai de philosophie politique, P. 1879); La federacion, M. 1880; Las luchas de nuestros días; Lecciones de controversia federalista y artículos doctrinales, Valencia, 1907; рядъ статей въ журналѣ El nuevo regimen.

бодѣ. Какъ была освобождена и отдѣлена отъ государства индивидуальная личность, такъ должна быть отличена и освобождена индивидуальность общинъ, этихъ первыхъ и естественныхъ политическихъ группъ, и индивидуальность провинцій, нѣкогда тоже являвшихся государствами. Только единство въ разнообразіи можетъ дать устойчивый порядокъ современному обществу. Несмотря на вторженія, на смѣшенія расъ, на вѣковыя усилія уничтожить всякія различія, въ націи продолжаютъ существовать общины и провинціи, обладающія своей особой физіономіей, и хотя имѣется единство законовъ, но нѣтъ единства идей, интересовъ, нравовъ и т. п. Нельзя смѣшать въ одну массу баска и кастильянца, англичанина и ирландца, сицилійца и пьемонтца и т. д. Невозможность соединить всѣ души въ одной догмѣ или одной доктринѣ привела къ провозглашенію индивидуальной автономіи, сдѣлавшейся краеугольнымъ камнемъ современныхъ государствъ. Необходимое дополненіе ея и естественное послѣдствіе есть коммунальная федерація, которая одна только можетъ дать полное и мирное единство въ разнообразіи.

Федерація для Пи и Маргала, какъ и для Прудона, не есть только децентрализація и автономія, это свободный договоръ (el pacto) политическихъ группъ, соединяющихся въ болѣе обширную политическую систему. [1]).

Впрочемъ признавая федерацію свободнымъ договоромъ и требуя переустройства существующихъ государствъ по

1) La federacion es un sistema por el cual las diversos grupos humanos, sin perder su autonomía en lo que les es peculiar y propio, se asocian y sobordinan al conjunto de los de su especie para todos los fines que les son comunes. Es aplicable, como llevo indicado, á todos los grupos y á todos las formas de gobierno. Establece la unidad sin destruir la variedad, y puede llegar á reunir en un cuerpo la humanidad toda sin que se menoscabe la independencia ni se altere el carácter de naciones, provincias ni pueblos. Por esto, al paso que la monarquía universal ha sido siempre un sueño, van preparando sin cesar la federacion universal la razon y los acontecimientos. Las Nacionalidades, стр. 115.

федеральному образцу, Пи и Маргалъ не считалъ, что федеративный договоръ всегда можетъ свободно быть разорванъ каждымъ изъ участниковъ союза. Договоръ заключается всѣми, всѣми же онъ только и можетъ быть прекращаемъ, и не во власти отдѣльной области объявить его недѣйствующимъ по отношенію къ себѣ [1]).

Однако теорія федераціи, какъ el pacto, какъ договора, теорія явно анархической природы и происхожденія, нашла себѣ противниковъ у сторонниковъ органическаго федерализма, утверждавшихъ единство общества и государства и организаціи снизу вверхъ противопоставлявшихъ организацію сверху внизъ. Уже въ эпоху революціи 1868 г. принципъ федеральнаго договора вызвалъ протестъ, извѣстный подъ именемъ „Заявленія прессы“ (declaracion de la prensa). По этой деклараціи подъ федеральной демократической республикой слѣдуетъ понимать „такую правительственную форму, которая, признавая и поддерживая національное единство съ его естественными послѣдствіями единства законодательства, юрисдикціи, политической власти и нераздѣль-

1) „Si las confederaciones, se dice, descansan en la sola voluntad de los pueblos que las constituyen, es indudable que cuando quieran podrán separarse de ellas uno ó más Estados. Fué, pues, injusta la guerra del Sonderbund en Suiza; injusta en América la de los Estados del Norte contra los separatistas. Están ya fundadas aquellas confederaciones en la fuerza“. Reproducen á porfia este argumento las enemigos de la federacion para presentarla ocasionada á la disgregacion de las naciones, y no ven que es un sofisma. En la volontad descansan los contratos y no se anulan y rescinden por la de uno de los contratantes. Por el mútuo consentimiento se formaron, y sólo por el mútuo disentimiento se disuelven cuando no se ha cumplido el fin para que se hicieron ni los afecta ninguno de los vicios que los invalidan. Otro tanto sucede conlos confederaciones, que no son más que pactos de alianza. Podrian disolverse por el mútuo disentimiento de los que las establecieron, no por el de uno ó más pueblos. Están así en su derecho cuando caen espada en mano contra los Estados que por su sola volontad intentan separarse. Como que el primero y más importante de sus deberes es sostenerse á sí mismas, esto es, mautener unidos los grupos confederados. El primum esse es la suprema obligacion de todo sér, individual ó colectivo. Si no por su existencia ¿ y por qué habian de luchar los confederaciones? Las Nacionalidades, стр. 201—202.

ности территоріи, признаетъ и гарантируетъ въ этомъ единствѣ полную автономію муниципій и провинцій, поскольку она относится къ ихъ внутреннему управленію и къ свободному завѣдыванію ими своими политическими, административными и экономическими интересами. Не дѣло республики защищать конфедерацію государствъ или кантоновъ, независимыхъ и соединенныхъ только болѣе или менѣе произвольными договорами и союзами“ [1]).

Доктрина „договорнаго“ федерализма имѣла практическое примѣненіе въ революціонномъ провозглашеніи кантоновъ 1873 г., но въ томъ же году въ кортесахъ восторжествовала доктрина органическаго федерализма, и проектъ федеральной конституціи, предложенный 17 іюля 1873 г. и раздѣлявшій Испанію на 17 автономныхъ областей, не предоставлялъ мѣстной организаціи произвольному усмотрѣнію отдѣльныхъ лицъ и мѣстнаго населенія, и заявлялъ, что испанская нація составляется изъ штатовъ Арагоніи, Астуріи, Каталоніи, Валенціи и т. д.[2]).

Демократическая прогрессивная партія, образовавшаяся изъ республиканскихъ и радикальныхъ элементовъ эпохи

---

1) Se entiende por República democrática federal aquella forma de gobierno que, reconociendo y manteniendo la unidad nacional, con sus naturales consecuencias de unidad de legislacion, de fuero, de poder político é indivisiblidad del territorio, reconoce y garantiza, bajo esta unidad, la autonomía completa del municipio y de la provincia, en lo que toca á su gobierno interior y á la libre gestion de sus intereses políticos, administrativos y económicos“. „No es, por tanto, la República que defienden, la confederacion de estados ó cantones, independientes y unidos sólo por pactos y alianzas más ó ménos arbitrarias“ (См. Obras de D. Nicolas Salmeron, I, Madrid, 1881, стр. XXVII).

2) 29 сентября 1873 г. радикалы обнародовали заявленіе, въ которомъ было сказано: „Мы всѣ думаемъ, что провинція и община должны имѣть собственную жизнь и организацію въ ихъ естественной сферѣ, но онѣ должны быть подчинены высшей жизни и организаціи націи и отечества. Мы всѣ хотимъ возстановить порядокъ и основать и утвердить демократическую республику, несовмѣстимую ни съ безумствами федеративнаго соціализма, ни съ абсурдной централизаціей унитаріевъ въ духѣ 1793 г., заставляющихъ жить націю подъ постоянной диктатурой“.

революціи, при всей своей склонности къ децентрализаціи твердо стояла на точкѣ зрѣнія единства отечества и государства [1]).

III.

Въ послѣднее время федеративное движеніе приняло въ Испаніи формы „областности“ или такъ называемаго „регіонализма“.

Подобно дореволюціонной Франціи, распадавшейся на рядъ провинцій, объединенныхъ общей исторіей, Испанія до 1833 г. состояла изъ ряда обширныхъ провинцій, съ ясно выраженной и своеобразной индивидуальностью, каковыми были Новая Кастилія, Старая Кастилія, Леонъ, Галиція, Эстрамадура, Каталонія, Арагонія, Андалузія, Мурція, Астурія, Наварра, Бискайя, Балеарскіе и Канарскіе острова. Между этими областями нѣкоторыя имѣли особенно ярко выраженную индивидуальность, какъ, напр., Каталонія или Бискайя, гдѣ до сихъ поръ очень силенъ областной партикуляризмъ, или Наварра, Арагонія, Астурія и Галиція; менѣе выражена была провинціальная индивидуальность въ Эстрамадурѣ и Андалузіи и совсѣмъ мало замѣтна въ обѣихъ Кастиліяхъ и въ Леонѣ. Въ ноябрѣ 1833 изданъ былъ съ цѣлью централизаціи управленія королевскій декретъ, кото-

---

1) Такъ это слѣдуетъ и изъ манифеста 1 апрѣля 1880 г. и декларацiи 1881 г., гдѣ между прочимъ было сказано: „La República federal, aun contra la voluntad de sus adeptos más sensatos, conduciría á la anarquía. La República unitaria, no obstante la vigilancia de sus partidarios más discretos, conduciría á una dictatura permanente, cuyos peligros serían más graves que los que ofrece la centralización en las monarquías doctrinarias. Y si alguien os dice que no es posible rechazar esas dos formas históricas y que es preciso optar por una de ellas, contestad que enfrente de un federalismo que conduce á la organización en cantones, y de un unitarismo que lleva á la centralización á la moda de 1793, la negación de ambas es, no sólo posible, sino obligada, necesaria y conforme con el sentimiento del país en general y de nuestro partido en particular“ (См. G. M. Azcárate, El programa de Manreza въ журналѣ La Lectura, 1902, № 13, стр. 27).

рый на мѣсто прежняго территоріальнаго дѣленія ввелъ новое на 49 провинцій, сохраняющееся и донынѣ. Статья 4-я этого декрета гласила, что это дѣленіе на провинціи не будетъ ограничено одними административными дѣлами, но будетъ распространено и на военныя, судебныя и финансовыя дѣла. На самомъ дѣлѣ, новое дѣленіе было распространено только на финансовыя дѣла и административныя; судебныя же учрежденія, военное управленіе, университеты и епископскіе округа совпадаютъ со старымъ дѣленіемъ на историческія провинціи.

Какъ и во Франціи, въ Испаніи въ теченіе всего XIX вѣка существовало стремленіе расширить децентрализацію, и дѣлались попытки въ этомъ направленіи; таковы были проектъ 1847 г., дѣлившій Испанію на историческія области, проектъ Морета въ 1884 г. о созданіи 15 губерній, соотвѣтствующихъ географическимъ и экономическимъ областямъ Испаніи, проектъ Сильвелы 1891 г., предполагавшій произвести коренную реформу муниципальныхъ и провинціальныхъ законовъ, создать изъ областей живые организмы, „возстановить естественные центры административныхъ свободъ“, „координировать политическое единство и административную независимость“.

Стремленіе къ провинціальной децентрализаціи пріобрѣтаетъ легко формы настоящаго федерализма. Въ особенности это нужно сказать относительно стремленія Каталоніи, наиболѣе своеобразной провинціи Испаніи, къ областной автономіи. Это стремленіе и породило особое движеніе „регіонализма“ или „каталанизма“.

Сначала это было чисто литературно-культурное движеніе къ національному обособленію, вродѣ французскаго провансализма; но съ 80-хъ годовъ оно пріобрѣло и настоящій политическій характеръ самыхъ различныхъ оттѣнковъ, начиная отъ простого децентрализма, требующаго уменьшенія компетенціи центральной власти и увеличенія компе-

тенціи муниципалитетовъ и провинціальныхъ депутацій, и кончая сепаратизмомъ, стремящимся или къ независимому существованію Каталоніи или даже къ присоединенію ея къ Франціи.

Федералистическимъ является то теченіе въ этомъ движеніи, которое носитъ спеціальное названіе регіонализма или каталанизма. Регіонализмъ исходитъ изъ принципа, что коммуны и области суть настоящіе соціальные организмы, не создаваемые произвольною волею государства, а имѣющіе свое естественное существованіе, обусловленное спеціальными обычаями, традиціями, языкомъ, образомъ жизни, — каковое существованіе и должно быть признано государствомъ. Въ частности каталанизмъ идетъ еще дальше и требуетъ организаціи каталонскаго государства, обнимающаго Каталонію, Валенцію, Балеарскіе острова, республику Андорру и соединеннаго съ Испаніей федеративною связью, вродѣ той, которой соединена Австрія съ Венгріей или которой была соединена Норвегія съ Швеціей.

Политическая программа каталонскаго федерализма была точно формулирована въ программѣ 1892 г., выработанной делегатами каталонской уніи въ г. Манреза (близъ Барселоны) и подтвержденной въ рядѣ другихъ съѣздовъ [1]).

По этой программѣ къ компетенціи центральной власти относятся международныя (экономическія и таможенныя) отношенія, армія, флотъ, общественныя работы общегосударственнаго значенія, разрѣшеніе всякихъ междуобластныхъ вопросовъ и конфликтовъ, ежегодный бюджетъ публичныхъ расходовъ, въ которыхъ отдѣльныя области должны участвовать соотвѣтственно своему богатству. Областной компетенціи принадлежитъ внутреннее управленіе Каталоніи. Требуется офиціальное признаніе каталонскаго языка, ор-

1) Критическій разборъ этой программы далъ Gemersindo de Azcárate, проф. Мадридскаго университета въ статьѣ El programa de Manresa (въ журналѣ La Lectura, 1902, № 13).

ганизація каталонскаго сейма, кортесовъ, собственная юрисдикція, такъ чтобы судебные процессы въ послѣдней инстанціи разсматривались въ Каталоніи. „Мы хотимъ, говоритъ эта программа, быть господами нашего управленія, устанавливать налоги и пошлины, какія намъ покажутся лучшими, содѣйствовать образованію испанской арміи добровольцами или деньгами, не прибѣгая ни къ жеребьевкѣ ни къ всеобщему ополченію и не будучи обязанными отдавать нашъ областной резервъ на службу въ другихъ областяхъ“ [1]).

Особаго вниманія въ этомъ программѣ заслуживаетъ требованіе „экономическаго концерта“. Экономическій концертъ есть соглашеніе между государствомъ и провинціей относительно распредѣленія налоговъ и взиманій въ публично-правовой сферѣ. По такому соглашенію область обязуется платить условленную сумму; эта сумма распредѣляется внутри области, сообразно ея собственному рѣшенію. Такого рода „экономическіе концерты“ существуютъ уже въ Испаніи для провинцій Бискайи, Гипускои и Наварры [2]).

---

1) Ср. также программу федеральной партіи: Derechos constitucionales y programa del partido republicano federalista. Изд. Consejo regional federalista Valenciano, Valencia, 1904.

2) На испанскомъ языкѣ и каталонскомъ нарѣчіи существуетъ обширная литература по регіоналистическому федерализму. Укажемъ на: Pella y Forgas, Los Fueros de Cataluña, 1878 (La unitat de llengua es un llás natural que agermana els pobles, creant les nacionalitats, y el pacte format entre aquestes constitueix varies entitats, politiques naturals en una sola agrupació); его же Conferencies sobre la libertad y antich gobern de Catalunya, Barcelona; его же, El problema del regionalismo (La Lectura, 1902, № 13), Valentin Almiral, Memoria en defensa de los intereses morales y materiales de Cataluña, 1885 (Резюме этого Меморіала, представленнаго королю Альфонсу XII: „Мы желаемъ, чтобы въ Испаніи была введена областная (regional) система, адэкватная условіямъ каждой области, въ духѣ той, какая имѣетъ мѣсто въ различныхъ государствахъ Австро-Венгріи, Германіи и Великобританіи. Впрочемъ Испанія знала уже эту систему, въ эпоху своего величія“); Lo catalanisme. Motius que'l llegitimen, fonaments cientifichs y solucions pràctiques, Barcelona, 1888; основная работа по каталанизму. О политическихъ идеяхъ Валентина Алмирала существуетъ спеціальная работа Ribera y Rovira. Кромѣ того должны быть

Исторія испанскаго федерализма даетъ одинъ благодѣтельный урокъ. Нигдѣ такъ ярко, какъ въ ней, не выступаетъ, что федерализмъ не есть средство раздробленія единаго государства. Въ испанской національности сильна племенная дифференціація. Различныя области ея не потеряли еще историческихъ традицій и живутъ въ особыхъ спеціальныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Федеративная идея имѣла одно время успѣхъ, и даже была провозглашена федеральная конституція. Но національная сила единенія сказалась сразу съ такою силою, что вся эта попытка федерализировать унитарное государство кончилось самою полною неудачей. То политическое единство, которое въ долгой и тяжкой исторической работѣ добывается народомъ, не можетъ быть разрушено по чисто доктринальнымъ мотивамъ и не приносится въ жертву мелкимъ партикуляризмамъ и захолустнымъ національнымъ или провинціальнымъ пристрастіямъ. Пока государство живетъ, оно не можетъ поступиться своимъ единствомъ. Если противное и бываетъ, то лишь при гибели государствъ и при смерти политическихъ обществъ.

Иногда федеративная идея понимается въ Испаніи, какъ и во Франціи, какъ идея широкаго междугосударственнаго объединенія латинскихъ народовъ. Такое пониманіе федерализма, конечно, болѣе соотвѣтствуетъ полп-

---

упомянуты: Macias Picavea, El Problema nacional, Madrid; Alfredo Brañas, El regionalismo, Barcelona; Zovvas y Bages, La tradicio catalana; Enrich Prat de la Riva, La Nacionalitad Catalana, Barcelona, и особенно очень основательное и хорошее изслѣдованіе L. Durán y Ventosa, Regionalisme y Federalisme съ предисловіемъ Пратъ де ля Рива (Дуранъ различаетъ федерализмъ, какъ форму договорнаго объединенія, отъ регіонализма, какъ формы національнаго самоутвержденія. Федерализмъ есть вполнѣ опредѣленная политическая форма. Регіонализмъ же можетъ стремиться къ самымъ разнообразнымъ политическимъ системамъ, хотя, конечно, онъ очень часто можетъ выражаться и въ федеративныхъ формахъ; ср. стр. 13 и сл., 102 и сл.). Баскскому регіонализму посвящена новѣйшая работа Pablo de Alzola, Antiquo y moderno regimen de Vizcaya y Giupuzcoa, Bilbao, 1910; G. Freixe, La question catalane, Paris, 1911.

тической природѣ федеративныхъ формъ. Въ защиту идеи обще-латинской федераціи въ свое время выступалъ Кастеларъ, президентъ испанской республики 1873 года[1]).

Г. Иберо-американскій федерализмъ.

I. Характерныя черты иберо-американскаго федерализма. — II. Мексиканскій федерализмъ. — III. Средне-американскій федерализмъ. — IV. Федерализмъ въ колумбійской и тихоокеанской группахъ государствъ. — V. Бразиліанскій федерализмъ. — VI. Аргентинскій федерализмъ. — VII. Иберійскій панъ-американскій федерализмъ.

I.

Единственными странами съ латинскимъ населеніемъ, гдѣ федерализмъ не остался только теоретическимъ требо-

---

1) См., напр., его краснорѣчивыя строки въ статьѣ о Конфедераціяхъ расъ: La ventaja que tiene una federacion de pueblos, es que conserva y arraigo la independencia nacional; enlazando el principio de unidad con el principio de variedad, ambos esenciales é ineludibles. Lejos de asociarse los pueblos latinos para destruir su independencia, se associarian para asegurarla fuertemente. La necesidad de esta asociacion se ve á primera vista con solo recordar lo que eran ayer mismo Venecia y Milan: lo que son hoy Metz y Gibraltar. No pediriamos ni un átomo de tierra á ninguna raza, porque nuestras federaciones serian pacíficas; pero no consentiriamos tampoco que las otras razas penetraran en nuestro derecho. De suerte que la federacion de las naciones latinas seria il seguro más firme de su mútua independencia. No nos equivoquemos; digamos la verdad entera. Para realizar este ideal de la federacion de los pueblos se necesita que todos ellos sean libres interiormente, y se hallen asentatados en robustísimas instituciones democráticas. La fuerza puede juntar los pueblos en la conquista: no puede juntarlos en el derecho. La primera condicion para que se firme un pacto internacional es tener la facultad de pactar; y para tener la facultad de pactar, necesitan las naciones regirse y gobernarse á sí mismas con toda la plenitad de su autoridad... La soberanía nacional inalienable, permanente; la unidad nacional asentada en fuertes bases, con necesarias condiciones del pacto entre los pueblos... Y las naciones libres tienen, como los hombres libres, una interna vocacion que las llama y las impulsa á fundar superior y mas ámplia sociedad, que en nuestro lenguaje corriente se llama federacion ó confederacion de naciones. No quiere, quien esto escribe, la federacion interior de los pueblos, por creerla atentatoria á sa unidad; quiere la confederacion entre las naciones ya formadas. (Emilio Castelar, Las confederaciones de razas въ Revista de España, 1878, t. I, стр. 163—4).

ваніемъ, но и воплотился въ политическую жизнь, были республики Центральной и Южной Америки [1]).

---

1) Литература по иберо-американскому федерализму скудна и мало доступна, и самъ политическій строй латинскихъ американскихъ республикъ мало изученъ, чему способствуютъ и многочисленные политическіе перевороты въ этихъ государствахъ и постоянныя перемѣны конституцій. Изъ общихъ обзоровъ положительнаго иберо-американскаго конституціоннаго права и собраній конституцій могъ быть указаны особенно слѣдующіе: M. Colmeiro, Derecho constitucional de las repúblicas hispano-americanas, Madrid, 1858 (популярная работа объ испано-американскомъ правѣ вообще; основныя понятія федеральнаго устройства стр. 184 и сл.); I. Arosemena, Constituciones politicas de la America meridional reunidas et comentadas, Havre, 1870, 2 т.; его же, Estudios constitucionales sobre los gobernos de la America latina, 2-е изд. предшествующаго сочиненія, Paris, 1878, 2 т.; A. Guridi, Temas políticos, examen comparativo-critico de las constituciones de Hispano-America, el Brasil y Haiti, Santiago de Chili, 1891, 2 т. (основныя понятія федерализма т. I, 39 и сл.). Болѣе современные сборники: Arturo B. Carranza, Digesto constitucional Americano: constituciones nacionales de Estados Unidos de Norte America, Estados Unidos del Brasil, Estados Unidos Mexicanos... república Argentina, Buenos Aires, 3 изд. 1905, 2 т. (Хорошій и полный сборникъ всѣхъ дѣйствующихъ американскихъ конституцій); Rodriguez, American constitutions, Washington, 1906; Б. Нольде, Современныя конституціи, т. II, Федераціи и республики, СПБ. 1907 (даны переводы конституцій Мексики, Бразиліи и Аргентины). Краткій очеркъ федеральнаго права Мексики, Венецуэлы, Аргентины и Бразиліи даетъ Le Fur, Etat fédéral et confédération d'états, 1896, стр. 219—265 (библіографическія указанія даваемыя въ этой книгѣ, какъ и болѣе подробныя въ ея нѣмецкомъ переводѣ, цѣны не имѣютъ, такъ какъ указываемыя сочиненія относятся къ общей политической исторіи и географіи соотвѣтственныхъ странъ, безъ прямого въ большинствѣ случаевъ отношенія къ конституціонному праву и безъ всякаго къ федерализму). Вопросовъ иберо-американскаго федерализма въ цѣломъ касаются: Oscar d'Araujo, Le fédéralisme dans les républiques latino-américaines (статья въ Revue internationale de sociologie, 1899); и особенно A. Alvarez, Le droit international americain, son fondement, sa nature, P. 1910 (основная работа по данному вопросу; даетъ много по вопросу объ американскомъ федерализмѣ; сообщаетъ обширныя и точныя данныя); интересна и F. Garcia-Calderon, Les démocraties latines de l'Amérique, préf. de Raymond Poincaré, P. 1912. Полное отсутствіе въ европейской литературѣ работъ по иберо-американскому федерализму и недоступность ори-

Многія причины способствовали процвѣтанію федеративныхъ формъ въ латинской Америкѣ. Одной изъ нихъ, несомнѣнно, было прямое вліяніе сѣверо-американской конституціи, сумѣвшей искусно воплотить федеративный принципъ. Другой причиной былъ свободолюбивый, независимый и индивидуалистическій духъ испанской расы. Наконецъ, очень существеннымъ основаніемъ для этого федерализма были и географическія условія, изолировавшія однѣ страны отъ другихъ, придававшія особыя специфическія черты отдѣльнымъ областямъ и вслѣдствіе это способствовавшія созданію и развитію партикуляристическихъ и сепаративныхъ теченій въ американскомъ населеніи. Именно эти послѣднія двѣ причины и привели къ тому, что въ то время, какъ федеративная форма въ Сѣверной Америкѣ явилась принципомъ политическаго объединенія одного обширнаго національнаго государства, въ испанской Америкѣ федерализмъ проявился, какъ выраженіе центробѣжныхъ политическихъ силъ. Весь испанскій міръ не составилъ за цѣлое столѣтіе единой политической федераціи, а распался на 19 самостоятельныхъ государствъ. Въ большинствѣ этихъ государствъ федерализмъ явился въ свою очередь выраженіемъ сепаративныхъ стремленій отдѣльныхъ провинцій. Нѣкоторыя государства, какъ Бразилія, отъ унитарной формы перешли, подъ вліяніемъ сепаративныхъ движеній, къ федеративной. И лишь въ послѣднее время, когда, повидимому, мало-по-малу побѣждаютъ силы центростремительныя, федерализмъ начинаетъ выступать въ роли объединителя дотолѣ разъединенныхъ политическихъ тѣлъ.

Съ самаго начала своего существованія многія области

гинальныхъ источниковъ побудили автора ограничиться краткими литературными ссылками. Ссылки на сочиненія, при которыхъ не указаны мѣсто и время изданія взяты со словъ и по указаніями другихъ авторовъ. Только сочиненія съ точными указаніями были въ распоряженіи автора.

испанской Америки, увлеченныя примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ въ дѣлѣ государственнаго строительства, въ сущности безъ всякихъ достаточныхъ основаній поставили вопросъ о томъ, должны ли онѣ принять унитарную или федеративную форму. Такъ было въ Мексикѣ, въ Колумбіи, въ Венецуэлѣ, въ Аргентинѣ. Повсюду образовались партіи федералистовъ и унитаріевъ, переплетавшіяся съ либеральнымъ и консервативнымъ теченіями. Не слѣдуетъ однако думать, будто организація федеральныхъ государствъ иберійской Америки подобна организаціи Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Они не представляютъ собою, подобно этимъ послѣднимъ, собраній во-едино многихъ государствъ различнаго происхожденія, а, наоборотъ, единыя государства, часто очень централизованныя. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, если, несмотря на федеральную конституціонную систему, въ нихъ постоянно проявляется унитарная тенденція. Во многихъ изъ этихъ странъ вопросъ объ унитарной или федеральной формѣ поднимался только какъ простой предлогъ для гражданской войны, и лучшее доказательство этому въ томъ, что управленіе въ нихъ не подвергалось измѣненію при переходѣ отъ унитарнаго порядка въ федеральному, и обратно. Случалось даже, что, произведя революцію въ пользу одной системы, принимали противоположную систему. Въ теченіе всей наполненной междоусобицами, войнами и революціями исторіи иберійской Америки въ XIX вѣкѣ постоянно ставился вопросъ о концентраціи власти, и постоянно дрались за или противъ федерализма, при чемъ не всегда однако федералисты были наилучшими защитниками федеральнаго принципа.

Теоретическое увлеченіе политическихъ дѣятелей иберійской Америки федерализмомъ нельзя не считать большой ошибкою и несчастіемъ для этихъ еще первобытныхъ и варварскихъ странъ. Гдѣ требовалась твердая правительственная власть и концентрація силъ, тамъ выставлялся анархи-

ческій идеалъ федеративнаго раздробленія. Конечно, практически, въ условіяхъ жизни Центральной и Южной Америкъ федерализмъ былъ неизбѣжнымъ отраженіемъ политическаго хаоса и неопредѣленности отношеній; но понимать его слѣдовало, лишь какъ неизбѣжное зло, какъ необходимый компромиссъ, а не какъ политическій идеаль. Теоретическое же возведеніе его на положеніе политическаго идеала должно было лишь содѣйствовать политическому хаосу.

Въ увлеченіи иберо-американцевъ сѣверо-американскимъ федерализмомъ была одна основная ошибка. Въ Сѣверной Америкѣ федеральная форма явилась какъ объединительная идея, противопоставленная до нея существовавшему конфедеративному разъединенію, какъ компромиссъ по пути къ унитарному національному государству. Въ иберійской же Америкѣ она часто понималась, какъ раздробляющая политическая сила, какъ средство борьбы противъ національнаго объединенія.

При разсмотрѣніи иберо-американскаго федерализма многочисленныя (числомъ 19) испано-португальскія государства распадаются на слѣдующія естественныя группы: 1) Мексика, 2) Центральная Америка (Гондурасъ, Гватемала, Санъ-Сальвадоръ, Никарагуа, Косто-Рика, два Антильскія государства Гаити и Санъ-Доминго и, наконецъ, съ 1903 г. Панама), 3) Колумбійская группа (Колумбія, Венецуэла и Экуадоръ), 4) Тихоокеанская группа (Боливія, Перу и Чили), 5) Бразилія, 6) Аргентинская группа (Аргентина, Уругвай и Парагвай).

II.

Конституціонная исторія Мексики, какъ и большинства испано-американскихъ республикъ, наполнена борьбою федералистовъ и централистовъ[1]).

1) Кромѣ общихъ сочиненій по иберо-американскому федеральному праву, указанныхъ нами выше, спеціально мексиканское право излагаютъ: J. M. del Castillo Velasco, Apuntamientos para el estudio

Провозглашенная еще 13 сентября 1813 года, независимость Мексики сдѣлалась совершившимся фактомъ въ 1821 году. Въ первые же годы былъ сдѣланъ рядъ попытокъ утвердить то унитарную, то федеративную форму правленія.

Въ Мексикѣ среди революціонеровъ была ярко выраженная склонность къ федеральному правленію и большинство революціонеровъ видѣло въ этой формѣ окончательное выраженіе республиканской идеи.

Сначала восторжествовали федералисты, и въ 1824 г. была принята федеральная конституція, скопированная съ сѣверо-американской. Но это послужило лишь сигналомъ къ борьбѣ федералистовъ и унитаріевъ, клерикаловъ и либераловъ. Въ 1833 г. на выборахъ восторжествовала федеративная партія. Вождь ея Санта-Анна завладѣлъ властью, но послѣ этого изъ убѣжденнаго федералиста сдѣлался не менѣе убѣжденнымъ централистомъ. Распустивши конгрессъ, онъ подвергъ конституцію 1824 г. пересмотру и провозгласилъ въ 1836 г. единую и недѣлимую республику. Тогда штатъ Техасъ возсталъ во имя федерализма и объявилъ себя независимымъ. Санта-Анна попытался оружіемъ покорить провинцію, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Въ то же время новая

---

del derecho constitucional mexicano, Mexico, 1871 (основныя понятія федерализма стр. 100—107); Gonzalez, Derecho constitucional mexicano, 3 изд. 1879; Manuel G. Revilla, De la división del poder público, 1887 (небольшая диссертація); основная работа проф. конституціоннаго права въ Мексикѣ L. E. Ruiz, Curso de derecho constitucional y admintstrativō, 2 т. Mexico, 1888 (основныя понятія федерализма стр. 352—361. Руисъ считаетъ, что федеративная система есть не что иное, какъ примѣненіе къ функціонированію государственнаго механизма экономическаго принципа раздѣленія труда. Этой системой, благодаря административной децентрализаціи, достигается наилучшее распредѣленіе государственныхъ функцій); Pallares, Constitucion federal de los Estados Unidos mexicanos, 1892; Coronado, Elementos de derecho constitucional mexicano, 2 изд. Guadalajara, 1899; B. Moses, Constitution of the United States of Mexico, Philadelphia, 1899; J. de la Torre, Constitucion mexicana, Mexico, 1904; Miguel Palma, Constitucion federal de lōs Estados Unidos mexicanos.

унитарная конституція была провозглашена въ Мексикѣ (1837 г.) и Анастазіо Брустаманте назначенъ президентомъ. Начинается очень спутанная исторія взаимныхъ низверженій, временныхъ тріумфовъ, во время которой Мексика теряетъ между прочимъ Техасъ и Калифорнію.

Въ 1847 году возстанавливается федеративная форма правленія, подъ вліяніемъ генерала Саласа; далѣе опять слѣдуетъ нѣкоторое время періодъ диктатуры, и, наконецъ, окончательно возстанавливается федеральное управленіе, и принимается конституція 2 февраля 1857 года, съ нѣкоторыми измѣненіями дѣйствующая и понынѣ.

Конституція 1857 г. провозглашаетъ федеративный принципъ: „Волею мексиканскаго народа учреждается представительная, демократическая, федеративная республика, составляемая изъ отдѣльныхъ штатовъ, свободныхъ и суверенныхъ въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ, но объединенныхъ въ федерацію“ [1]). Народъ осуществляетъ свое верховенство черезъ центральные органы союза въ дѣлахъ, отнесенныхъ къ ихъ компетенціи, и черезъ мѣстные органы штатовъ, въ предѣлахъ ихъ компетенціи (ст. 41).

Конституція Соединенныхъ Штатовъ Мексики въ значительной степени скопирована съ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки; но она болѣе унитарна по своему духу, чѣмъ эта послѣдняя. Компетенція центральной союзной власти болѣе обширна, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ (ст. 72). Сенаторы выбираются не законодательными собраніями, а народомъ штатовъ, хотя и въ равномъ числѣ, по два отъ каждаго штата (ст. 58). Члены верховнаго федеральнаго суда избираются всѣмъ народомъ (ст. 92). Судъ этотъ не имѣетъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, права

1) „Es voluntad del pueblo mexicano constituirse en uno República representativa, democrática, federal, compuesta de Estados libres y soberanos en todo lo que concierne á su régimen interior; pero unidos en una Federacion establecida segun los principios de esta ley fundamental“ (ст. 40).

провѣрять конституціонность обыкновенныхъ законовъ (ст. 97). Пересмотръ конституціи происходитъ по волѣ $^2/_3$ конгресса, одобренной простымъ большинствомъ законодательныхъ собраній штатовъ (ст. 127).

III.

Нигдѣ, быть можетъ, такъ ясно не выступаетъ та истина, что федеральная форма правленія, очень сложная, вся построенная на компромиссахъ и чувствѣ законности, не способна создать единства среди первобытныхъ и варварскихъ народовъ, какъ въ политической исторіи Центральной Америки. Государствамъ Центральной Америки вполнѣ подходитъ то названіе, которое иногда имъ дается, „анархіи тропиковъ“. Дѣйствительно вся ихъ исторія характеризуется постоянными гражданскими войнами, непрекращающеюся борьбою другъ съ другомъ.

Въ 1820 г. прежнее испанское капитанство Гватемалы, обнимавшее нынѣшнія республики Центральной Америки, объявило свою независимость и въ 1823 г. образовало республику Соединенныхъ Штатовъ Центральной Америки, съ федеральною конституціею 1826 года, скопированной съ конституціи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

Эта федерація республики Центральной Америки просуществовала всего около двадцати лѣтъ, при чемъ и эти двадцать лѣтъ полны были борьбы и анархіи. Въ теченіе этого времени борются между собою анархическій инстинктъ, раздѣляющій республики, и здравый политическій смыслъ, стремящійся соотвѣтственно историческимъ традиціямъ ихъ объединить. Постоянная война раздѣляетъ Гватемалу и Сальвадоръ, борющіеся между собою за гегемонію и за руководящую роль въ общей федераціи. На ряду съ общимъ конгрессомъ существуютъ конгрессы провинціальные. То и дѣло случается, что какое-нибудь государство (штатъ общей республики) объявляетъ ничтожнымъ договоръ, соединяющій

его съ другими республиками, распускаетъ конгрессъ, потомъ собираетъ новый. Происходитъ постоянная путанница властей и компетенцій. Къ этому присоединяются внутреннія гражданскія войны въ каждомъ штатѣ. Въ то время какъ государства то разъединяются, то снова соединяются, по теоретическимъ соображеніямъ федеративнаго устройства, въ федеральномъ конгрессѣ вырабатываются законы и кодексы. Наконецъ, въ эпоху отъ 1838 до 1847 г. эта находящаяся въ постоянной ажитаціи федерація прекращаетъ свое существованіе и даетъ мѣсто пяти независимымъ республикамъ, Гватемалѣ, Санъ-Сальвадору, Гондурасу, Никарагуѣ, Коста-Рикѣ.

Послѣ этого раздѣленія родственныхъ республикъ начинается печальный періодъ однообразной въ своей путаницѣ, мелкой и провинціальной исторіи.

Процессъ политическаго разложенія совершался и въ республикѣ Гаити, гдѣ въ 1844 г. началось сепаративное движеніе въ Санъ-Доминго, кончившееся въ 1874 г. образованіемъ независимой Санъ-Домингской республики [1]).

Объединительныя силы исторіи продолжаютъ, конечно, свое дѣйствіе, и дѣлаются попытки возстановить прежній союзъ, но всѣ онѣ кончаются неудачами. Такія попытки были сдѣланы въ 1849, 1852, 1862, 1876, 1887—9, 1895, 1907 г. [2]). Наиболѣе примѣчательными изъ нихъ были 1887—9, 1895 и 1906—7 г. На конгрессѣ пяти средне-американскихъ республикъ, собравшемся въ 1889 г., предвидѣлось соединеніе всѣхъ государствъ въ одну Центрально-Американскую республику; но проектъ кончился неудачей,

1) См. Eugenio María de Hostos, Leciones de derecho constitucional. Гостосъ мечталъ объ образованіи изъ свободныхъ острововъ Карибскаго моря единой Антильской конфедераціи.

2) Объ этихъ попыткахъ см. Brown Scott, The Central American Peace Conference (The American Journal of international Law, 1908, № 1).

благодаря начавшейся войнѣ между Гватемалой и Сальвадоромъ [1]).

Въ 1895 г. Гондурасъ, Никарагуа и Сальвадоръ подписали договоръ объ образованіи „Великой республики Центральной Америки“, но Гватемала и Коста-Рика отказалась присоединиться къ этому договору, и онъ остался безрезультатнымъ.

Въ 1906 г., благодаря вмѣшательству Соединенныхъ Штатовъ и Мексики, въ Коста-Рикѣ четырьмя средне-американскими республиками (за исключеніемъ Никарагуи) были подписаны договоры, устанавливавшіе нѣкотораго рода конфедерацію; подданные соединившихся государствъ должны были пользоваться одинаковыми правами во всей территоріи Союза, должны были быть приняты мѣры для достиженія національной унификаціи республикъ, создано было даже средне-американское бюро, предназначенное для развитія сношеній между республиками. Но эти проекты остались безъ своего осуществленія.

Въ концѣ 1907 г. въ Вашингтонѣ собралась средне-американская конференція мира, въ которой приняли участіе всѣ пять государствъ [2]). Восемь конвенцій было подписано на этой конференціи, изъ которыхъ самой важной была конвенція объ учрежденіи центрально-американской судебной палаты, Corte de Justicia centro-americana, засѣдающей въ Картаго въ Коста-Рикѣ и составленной изъ пяти судей, по одному отъ каждой республики. По первой статьѣ

---

1) См. R. Guyon, Une tentative de fédération dans les républiques de l'Amerique centrale (Revue de droit public, 1899, № 3).

2) См. объ этой чрезвычайно важной въ исторіи средне-американскаго федерализма конференціи цитированную выше статью, Brown Scott, The Central American Peace Conference (Amer. Journ. of Intern Law, 1908, № 1—2); Alfred Fried, Pan-Amerika, Berlin, 1910, стр. 219—248. Текстъ всѣхъ конвенцій, подписанныхъ на этой конференціи, помѣщенъ въ Suplement to the American Journal of International Law, 1908, № 1—2.

конвенціи этому трибуналу подлежитъ разсмотрѣніе всѣхъ конфликтовъ, могущихъ произойти между соединившимися государствами, какова бы ни была природа и происхожденіе этихъ конфликтовъ, въ случаѣ если правительства не смогутъ притти къ общему согласію дипломатическимъ путемъ.

Въ 1909 г. этотъ судъ разрѣшилъ конфликтъ между Сальвадоромъ и Гватемалой съ одной стороны и Гондурасомъ и Никарагуей съ другой, грозившій кончиться вооруженнымъ столкновеніемъ [1]).

IV.

Менѣе анархическій характеръ носитъ исторія тѣхъ шести государствъ Южной Америки, которыя можно объединить въ двѣ главныя группы, — колумбійскую (Колумбія, Венецуэла и Экуадоръ) и тихоокеанскую (Перу, Боливія и Чили).

Исторія колумбійской группы южно-американскихъ государствъ начинается подъ мощнымъ вліяніемъ Боливара, стремившагося къ объединенію всей испанской Америки.

Въ 1819 г. усиліями Боливара Новая Гренада (нынѣшняя Колумбія) и Венецуэла были соединены въ единую и недѣлимую республику Колумбію. Въ 1822 г. Боливаръ присоединилъ къ Колумбіи территоріи Квито и Гуаяквилъ. Въ теченіе десяти лѣтъ Боливару удавалось держать въ соединеніи эту „Срединную республику;“ но центробѣжныя силы были слишкомъ сильны и преодолѣли силы единенія. Въ 1829 г. отъ союза отдѣлилась Венецуэла, въ 1830 г. подъ именемъ республики Экуадоръ отдѣлились территоріи Квито и Гуаяквилъ. На мѣсто одного государства возникло три. Въ самое послѣднее время, въ 1903 г., возникло и четвертое,

1) См. J. Basdevant, Premier litige porté devant la Cour de justice centro-américaine (Revue générale de droit international public, 1909). Въ 1909 и 1910 гг. были двѣ центрально-американскія конференціи въ Тегусигалпа и въ Санъ-Сальвадорѣ, выработавшія конвенціи объ объединеніи монетной системы, мѣры, вѣсовъ. См. Supplement to the American Journal of international Law, 1910, № 2.

правда, находящееся подъ исключительнымъ вліяніемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, республика Панама.

Изъ этихъ государствъ Колумбія въ настоящее время представляетъ унитарное государство, но и ея политическая исторія наполнена была постоянной борьбой, съ перемѣннымъ успѣхомъ, федералистовъ и унитаріевъ [1]).

Первая конституція Колумбіи 1832, послѣ отдѣленія отъ нея Венецуэлы и Экуадора, организовала Колумбію въ унитарное государство, правда, со значительными федеративными элементами. Эта конституція въ 1843 г. была видоизмѣнена въ еще болѣе централистическомъ духѣ. Но федеративное теченіе все усиливалось. Съ одной стороны, федерализмъ былъ въ интересахъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, съ другой стороны, онъ составлялъ часть радикальной программы, нисколько не желавшей считаться съ дѣйствительными потребностями страны и предлагавшей федерацію тамъ, гдѣ была нужда въ сильной власти, и всемогущую общину тамъ, гдѣ не было никакой провинціальной жизни.

Въ конституціи 1853 г. сдѣланъ былъ переходъ къ децентрализаціи, въ направленіи къ федераціи. Въ новой конституціи 1858 г. федеральный принципъ торжествуетъ безъ всякихъ ограниченій, и провинціямъ предоставляется полный суверенитетъ. Началась гражданская война, которая и привела къ федеральной конституціи 8 мая

---

1) О колумбійскомъ федерализмѣ см. Samper, Las revoluciones politicas y la condicion de la república Colombia, 1861; R. Pereira, Les Etats Unis de Colombie. Précis d'histoire et de géographie physique, politique et commerciale, Paris, 1883; F. Daguin далъ анализъ Колумбійской конституціи 1886 г. въ Annuaire de législation etrangère, 1887, т. XVI, стр. 882—894; Brunialti, Gli Stati Uniti di Colombia et la vertenza Italo-colombiana (Nuova Antologia, 1887, т. XI, стр. 85—114, исторія конституціи стр. 93—98); Bernard Moses, Constitution of the Republic of Columbia, 1893 (Annals of the American Acad. of Polit. and Social Science).

1863 года, устанавливавшей Соединенные Штаты Колумбіи, изъ 8 штатовъ. Вождемъ радикаловъ и федералистовъ былъ Москуера, въ теченіе долгихъ лѣтъ пользовавшійся неограниченнымъ авторитетомъ.

Въ 70-е годы, послѣ полнаго банкротства радикальнаго и федералистическаго правленія, наступилъ нѣкоторый поворотъ къ политикѣ порядка и власти. Вождемъ унитарнаго и консервативнаго движенія былъ президентъ Нуньесъ [1]). Онъ добился пересмотра федеральной конституціи. По конституціи 4 августа 1886 года Колумбія вернулась къ формѣ унитарнаго государства. Прежніе суверенные штаты превращены въ губерніи, управляемыя губернаторами, назначаемыми исполнительной властью. Эта конституція 1886 г. дѣйствуетъ до сихъ поръ. Значительныя позднѣйшія перемѣны этой конституціи въ 1905 и въ 1908 г. не измѣнили унитарнаго характера государства.

Конституціонная исторія Венецуэлы, какъ самостоятельнаго государства, начинается, какъ и исторія Колумбіи, временнымъ торжествомъ унитарнаго принципа [2]).

Основатель Венецуэлы Паесъ (Paez) былъ противникомъ федерализма, и конституція 1831 г. старалась примирить централистическія и федеративныя теченія. Въ 50-е годы борьба между федералистами и централистами привела къ новой конституціи 31 декабря 1858 г. въ децентрализаторскомъ

1) Raphaël Nuñes, бывшій въ 50-е годы сторонникомъ Прудона, изложилъ свои позднѣйшія унитарныя идеи въ рядѣ статей.

2) О венецуэльскомъ федерализмѣ см. Guzman Blanco, Constituciones de la república y de los estados y leyes organicas del distito federal, Caracas, 1876; Rafael Arestiguenta Montero, La ley de las leys. Estudio politico sobre revision constitucional, Victoria, 1889; S. Terrero Atienza, La enmienda constitucional, Caracas, 1890 (о необходимыхъ реформахъ венецуэльской конституціи въ централистическомъ духѣ см. особ. стр. 63—4, 103—124); Jesús María Portillo, Comentarioz á lá constitucion política venezolana; ср. Annuaire de législation étrangère, 1904, т. XXXIV; Gil Fortoul, Historia constitucional de Venezuela, т. I, Berlin, 1907.

духѣ, не удовлетворившей однако ни той ни другой стороны. Въ 1864 году восторжествовали окончательно крайніе либералы, и по конституціи 22 апрѣля 1864 года провинціи (числомъ 20) получили полную независимость. Эта федерація принесла странѣ крайнюю дезорганизацію управленія, полную анархію, всеобщую безправность и экономическое мотовство.

Какъ реакція крайнему разложенію государства, мало-по-малу образовалось централистическое теченіе. Особое вліяніе въ этомъ направленіи оказалъ президентъ-диктаторъ Гусманъ-Бланко (Guzman Blanco), внесшій много единства въ управленіе страны. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ предложилъ реформу конституціи. Новая конституція 27 апрѣля 1881 года произведена была въ болѣе централистическомъ направленіи. Образцомъ ея служила швейцарская конституція; значительная часть компетенціи была перенесена съ исполнительной власти на федеральный совѣтъ; число штатовъ было уменьшено до 8.

Эта конституція подверглась ряду измѣненій. Въ настоящее время дѣйствуетъ конституція 27 апрѣля 1904 года, опредѣляющая организацію Венецуэлы, какъ федеральнаго государства изъ 13 штатовъ[1]). Своеобразная особенность современнаго федеративнаго устройства Венецуэлы состоитъ въ томъ, что оно организовано не по образцу Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, т. е. не по принципу раздѣленія властей, а на основахъ парламентаризма. Венецуэла является единственнымъ федеральнымъ государствомъ съ парламентарнымъ устройствомъ (если не считать несуверенныя Канаду и Австралію). Министры, правда, выбираются не изъ состава конгресса, но они обязаны при-

1) Эта постоянная мѣна числа штатовъ, въ 1858 г. — 20 штатовъ, въ 1881 — 8 штатовъ, въ 1904 — 13 штатовъ, показываетъ, насколько искусственно это дѣленіе и насколько нѣтъ дѣйствительныхъ, реальныхъ основаній для федеративнаго раздѣленія Венецуэлы.

сутствовать въ парламентѣ [1]), и вслѣдствіе вотума недовѣрія палаты депутатовъ (а не сената) подавать въ отставку [2]). Вслѣдствіе отсутствія раздѣленія властей, компетенція исполнительной власти не строго разграничена, а все, что не отнесено прямо къ компетенціи какой-нибудь другой власти, принадлежитъ къ сферѣ власти исполнительной [3]).

Въ послѣднее время государствамъ колумбійской группы не чужда федеративная идея общаго объединенія и возстановленія старой Колумбіи эпохи Боливара [4]).

Государства тихоокеанской группы (Чили, Перу и Боливія) организованы по унитарному образцу. Чили, уже по самому своему географическому положенію, представляя длинную и узкую страну вдоль Кордилльеровъ, и по единству расы, состоящей изъ арауканцевъ, смѣшавшихся съ испанцами, предназначена къ созданію унитарнаго государства. Правда, первые статуты Чили устанавливали федеральное управленіе по образцу Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, но здѣсь споры изъ-за централизаціи или федераціи кончились очень скоро [5]). Основателемъ чилійскаго единства былъ всесильный министръ Діего Порталесъ, подъ вліяніемъ котораго выработана была конституція 1833 г., вводившая въ Чили сильную исполнительную власть и консервативный сенатъ; провинціальныя представительныя собранія, опора федерализма, были уничтожены и ихъ фун-

1) „Los ministros... están obligado á concurrir á ellas cuando sean llamados á informar“ (ст. 87).

2) „Dar voto de censura á los Ministros del Despacho, y por esto quederán vacantes sus puestos“ (ст. 38, ср. 34).

3) „Todo lo relativo á la Administración General de la Nación, que no esté atribuido á otra autoridad por esta Constitución, es de la competencia del Ejecutivo Federal“ (ст. 68).

4) Такъ по поводу открытія желѣзной дороги изъ Гуаяквила до Квито президентъ Колумбіи и Экуадора обмѣнялись телеграммами, выражая пожеланіе о возстановленіи старой конфедераціи. Ср. Alvarez, op. cit., стр. 192.

5) Сторонникомъ федерализма былъ чилійскій философъ Lastarria, Leciones de politica positiva.

кціи перенесены на муниципалитеты. Чилійское единство сохранилось и послѣ революціи 1891 г., произведенной подъ вліяніемъ Бальмачеды въ духѣ либерализма и децентрализаціи.

Что касается Боливіи и Перу, то они уже были дважды объединены конфедеративною связью, одинъ разъ въ 1837 г. (изъ трехъ государствъ, Боливіи, Сѣвернаго и Южнаго Перу), когда каждое государство имѣло свою столицу, президента, конгрессъ, но верховный авторитетъ принадлежалъ боливійскому президенту Санта Крузу, и въ 1879 г. въ борьбѣ Перу и Боливіи противъ Чили.

Въ настоящее время существуетъ теченіе къ образованію тихоокеанской конфедераціи трехъ государствъ Перу, Боливіи и Чили, съ преобладаніемъ этого послѣдняго. Конфедерація эта необходима для установленія политическаго равновѣсія въ Южной Америкѣ и крайне нужна Боливіи, лишенной морского берега [1]).

V.

Особое мѣсто въ ряду южно-американскихъ государствъ занимаетъ Бразилія, во-первыхъ, потому, что это единственное изъ иберо-американскихъ государствъ не испанскаго происхожденія, во-вторыхъ, потому, что она сравнительно въ недавнее время приняла федеративно-республиканскую форму правленія, и потому обыкновенно приводится какъ доказательство того, что федеральныя государства возникаютъ не только изъ соединенія дотолѣ независимыхъ государствъ, но и изъ раздѣленія прежняго унитарнаго государства [2]).

---

1) Garcia-Calderon, Les démocraties latines de l'Amérique, P. 1912, стр. 317.

2) Изъ сочиненій, посвященныхъ бразиліанскому федерализму, здѣсь могутъ быть указаны слѣдующія: Assis Brazil, A. Republica Federal; Léon Donnat, Critique de la constitution brésilienne, Paris, 1890 (брошюра, дающая текстъ бразильской конституціи съ критическими замѣчаніями); Rodrigues de Jouza, Analyse e commentario da con-

Примѣръ впрочемъ не очень убѣдительный. Иберо-американскія государства находятся въ періодѣ такого политическаго броженія, что никакой послѣдовательной эволюціи формъ въ ихъ исторіи нѣтъ, и ихъ переходы отъ одной формѣ къ другой объясняются просто отсутствіемъ политическаго равновѣсія. Примѣръ Бразиліи былъ бы доказателенъ, если бы этотъ переходъ къ федеральному устройству былъ послѣдствіемъ органическаго развитія: но именно такой органичности и нѣтъ въ этихъ смѣнахъ военныхъ диктатуръ, революцій, федерацій и т. д. Кромѣ того и предшествующее развитіе Бразиліи не было чуждо федеративныхъ элементовъ и попытокъ. Еще въ колоніальную эпоху, въ XVI—XVIII в. Бразилія состояла изъ автономныхъ провинцій, капитанствъ, пользовавшихся полной самостоятельностью въ своемъ внутреннемъ управленіи, и эта традиція, поддерживаемая естественными условіями страны, обширностью малонаселенныхъ областей, чрезвычайной трудностью сообщеній, упорно сохранялась въ населеніи. Когда въ 1822 г. Бразилія была объявлена независимымъ королевствомъ, началась упорная борьба республиканцевъ и федералистовъ противъ унитарной монархіи Въ учредительномъ конгрессѣ 1822 г. большинство принадлежало партіи федералистовъ, такъ что король Педро I принужденъ былъ распустить это собраніе; 25 марта 1824 была обнародована унитарная конституція. Это повело къ федералистическому возстанію въ провинціи Пернамбуко, распространившемуся на Сеару, Ріо-Гранде-до-Норте и Парагиба, принявшихъ

stituiçao politica do Brasil; Oscar d'Araujo, L'idee républicaine au Brézil, Paris, 1893; его же Le fédéralisme dans les républiques latino-américaines, P. 1899 (стр. 8—19; краткій историческій очеркъ бразиліанскаго федерализма); Rodrigo Otavio, Constituiçoes federales, Rio de Janeiro, 1897 (параллели между федеральной конституціей Бразиліи и конституціями Аргентины, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и Швейцаріи); Baretto, A. Abolição e a Federação no Brazil, Paris, 1906; Bueno Pimenta, Direito publico brazil.

названіе Экваторіальной Конфедераціи, и объявившихъ въ своихъ манифестахъ, что цѣль ихъ — установленіе въ странѣ федеративной республики. Съ другой стороны, отдѣлилась (въ 1828 г.) провинція Циспатинія, нынѣ республика Уругвай.

Въ 30-е годы была сдѣлана попытка пойти на встрѣчу федеративнымъ требованіямъ, и законом 12 августа 1834 года органы мѣстнаго самоуправленія, генеральные совѣты, были превращены въ провинціальныя законодательныя собранія. Законъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ дополнительнаго акта. Но сторонники федерализма требовали большаго, именно чтобы и президенты провинцій выбирались мѣстными собраніями; но правительство не пошло навстрѣчу этимъ требованіямъ и законамъ о толкованіи 1841 г. нѣсколько ограничило даже и прежнюю мѣстную автономію.

Въ теченіе всего существованія монархіи продолжалось республиканско-федеративное движеніе, которое и привело, наконецъ, къ революціи 15 ноября 1889 г. и къ образованію республики Соединенныхъ Штатовъ Бразиліи, управляемой по конституціи 24 февраля 1891 года.

Конституція Бразиліанской федераціи исходитъ изъ принциповъ сѣверо-американскихъ. Власти раздѣлены, министры назначаются президентомъ и имѣютъ только косвенныя сношенія съ законодательными палатами (ст. 51). Пересмотръ конституціи рѣшается самимъ конгрессомъ, для чего требуется лишь квалифицированное большинство двухъ третей (ст. 90). Сенаторы избираются не законодательными собраніями, а народомъ, тѣмъ же способомъ, что и депутаты (ст. 30). Всѣ эти постановленія, конечно, очень ослабляютъ федеральный характеръ конституціи, который въ сущности и сводится лишь къ децентрализаціи и автономіи штатовъ.

VI.

Въ Аргентинѣ, въ бывшемъ вице-королевствѣ Ла-Платы, въ эпоху испанскаго господства отдѣльныя про-

винціи пользовались значительной автономіей, какъ это имѣло мѣсто и въ Бразиліи при португальскомъ владычествѣ. Федеративная форма явилась тамъ естественной формой политическаго объединенія разрозненныхъ и въ сущности чуждыхъ другъ другу странъ [1]).

Импульсъ къ единству все время исходилъ изъ Буэносъ Айреса, явившагося естественнымъ центромъ объединенія страны. Первоначально, послѣ объявленія независимости и отдѣленія отъ Испаніи бывшаго вице-королевства Ла-Платы, въ немъ происходитъ процессъ дезинтеграціи, политическаго разложенія. Въ 1811 г. отдѣлился Парагвай (окончательно признанный самостоятельнымъ лишь въ 1842 г.), въ 1817 — Уругвай (присоединеніе его къ Бразиліи въ 1822 г. вызвало войну между Аргентиной и Бразиліей, тянувшуюся

---

1) Изъ сравнительно обширной литературы по аргентинскому федерализму здѣсь могутъ быть упомянуты: D. F. Sarmiento, Commentarios de la constitucion de la Confederacion Argentina Santiago de Chili, 1853; La constitution de la confédération Argentine, Dunkerque, 1856; J. B. Alberdi, Organizacion politica y economica de la Confederacion argentina, Besançon, 1856, 2 т.; его же Estudio sobre la constitucion argentina; Felix Frias, Examen de la constitucion nacional, Buenos Aires, 1860; Gonralés, Lecciones de derecho constitucional, 1871; I. F. Lopez, Estudio politico de la república Argentina y un cuardo historico del gobierno municipal en los pueblos romanos y germanos, Buenos Aires, 1875 (хорошая работа въ защиту идеи децентрализаціи Аргентины); Pedro Scalabrini, Concordancia del derecho publico argentino con el derecho publico norte americano, Parana, 1875; Saldias, Ensayo sobre la Historia de la Constitucion Argentina, 1878; E. Daireaux, République Argentine. Les lois et la constitution, P. 1889 (брошюра); F. Ramo Mejia, El Federalismo Argentino; Montes de Oca, Derecho constitucional, 1896; Del Valle, Derecho constitucional, 1897; Gonzalez, Manual de la constitucion argentina, Buenos Aires, 1897; José Manuel Estrada, Curso de derecho constitucional, 1901; Georges Taussac, Constitution de la République Argentine, Thèse, Toulouse, 1904; Rodriguez del Busto, El sistema de goberno dual de Argentina, y sa origien, Buenos Aires, 1906 (очень хорошая работа, занимающаяся и вопросами теоріи федерализма).

до 1838 г., когда, наконецъ, была признана независимость Уругвая), въ 1825 г. — Боливія. Въ самой Аргентинѣ продолжался тотъ же процессъ распада; послѣ неудачи первыхъ временныхъ конституцій центробѣжная сила побѣдила, и до 1825 г. каждая провинція жила отдѣльно, изолированно, безъ какого-бы то ни было центральнаго правительства.

Федерализмъ явился въ Аргентинѣ (какъ и вездѣ, гдѣ онъ оказывается жизненнымъ) началомъ единенія, принципомъ организующимъ политическое устройство. Изолированно живущія провинціи заключаютъ договоры объ единеніи. Первоначально торжествуетъ унитарное движеніе, имѣвшее вождемъ Ривадавія. Созванный въ 1825 г. учредительный конгрессъ вырабатываетъ унитарную конституцію 1826 года, провозглашавшую образованіе унитарнаго государства Соединенныхъ Провинцій Ла-Платы, съ Буэносъ Айресомъ во главѣ. Однако провинціи не признали этой конституціи и возстали противъ столицы, что и начало собою періодъ анархіи и междоусобной войны.

Порядокъ возстановить выпало на долю болѣе умѣреннаго политическаго дѣятеля, Розаса, противопоставившаго централизму Буэносъ Айреса, отстаиваемому Ривадавіей, и фактическому суверенитету отдѣльныхъ провинцій ихъ федеративное объединеніе. Въ 1831 г. между прибрежными провинціями Корріентесъ, Энтра Ріосъ, Буэносъ Айресъ, Санта-Фе заключается федеральный договоръ, и во главѣ ново-образованной федераціи становится Розасъ, который и сохраняетъ свою диктаторскую власть до 1852 г.

Розасъ былъ истиннымъ основателемъ органической федераціи Аргентины, ея національнаго единства. Федералистическія идеи Розаса были изложены имъ въ знаменитомъ письмѣ къ генералу Куирога въ 1824 г. [1]). Идеаломъ Розаса была національная федерація. Онъ былъ убѣжденъ въ пе-

1) См. Juan Facund Quiroga, Buenos Ayres, 1907, стр. 389 и сл.

обходимости общаго правительства, какъ единственнаго средства дать республикѣ жизнь и почетъ; но только государства, хорошо устроенныя, могутъ принять эту центральную власть. Федеральная республика, по его словамъ, есть нѣчто совершенно химеричное и опасное, если она не составлена изъ государствъ, уже хорошо организованныхъ. Аргентинская анархія не является условіемъ благопріятнымъ для основанія федераціи или единства. По его мнѣнію, въ федеральной республикѣ общее правительство не составляетъ федерировавшихся народовъ, но лишь ихъ, уже соединенныхъ, представляетъ. Поэтому нужно стремиться соединить провинціи.

Въ 1852 г. Розасъ палъ, подъ напоромъ партіи болѣе крайнихъ федералистовъ, руководимыхъ Урквизою; 1 мая 1853 г. въ Санта-Фе была провозглашена федеральная конституція по образцу Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Наступилъ новый періодъ конституціонной борьбы, во время которой Буэносъ Айресъ находился въ полномъ отдѣленіи. Наконецъ, 25 сентября 1860 года на конвентѣ въ Санта-Фе была принята федеральная конституція, давшая Аргентинѣ миръ и дѣйствующая понынѣ.

Конституція эта устанавливаетъ федеральную республиканскую форму (ст. 1), но, въ дѣйствительности, она проникнута унитарнымъ духомъ. Всѣ провинціи подчинены одному и тому же гражданскому, торговому и уголовному кодексу. Центральное правительство можетъ объявить осадное положеніе въ каждой провинціи, безъ всякаго согласія съ ея стороны (ст. 67, § 26). Расходы націи находятся въ вѣдѣніи федеральнаго правительства; источники доходовъ, т. е. пошлины, налоги, займы и другія кредитныя операціи, тоже опредѣляются центральною властью (ст. 4). Каждая провинція (какъ вполнѣ справедливо официально называются штаты Аргентинской республики) должна вырабатывать свою конституцію „въ полномъ согласіи съ началами, декла-

раціями и гарантіями, установленными національной конституціей“ (ст. 5). „Настоящая конституція, національные законы, изданные конгрессомъ, и трактаты, заключенные съ иностранными державами, образуютъ высшій законъ націи; власти всѣхъ провинцій обязаны руководствоваться имъ, какія бы распоряженія противоположнаго характера не содержали въ себѣ законы или конституція провинціи“ (ст. 31). Для пересмотра конституціи необходимо рѣшеніе $^2/_3$ конгресса; самъ пересмотръ производится спеціальнымъ конвентомъ (ст. 30). Компетенція центральной власти очень обширна (ст. 67).

Форма центральнаго управленія въ Аргентинѣ сильно приближается къ парламентарной. Правда, министры назначаются и увольняются президентомъ. Но по ст. 88 конституціи каждый министръ отвѣтственъ за всѣ распоряженія, которыя благодаря ему имѣютъ законную силу, и кромѣ того онъ подлежитъ солидарной отвѣтственности вмѣстѣ съ остальными министрами за мѣры, принятыя ими сообща. Министры могутъ присутствовать на засѣданіяхъ конгресса и принимать участіе въ преніяхъ (ст. 92).

VII.

Истинную свою природу (политическаго объединенія) федерализмъ обнаруживаетъ въ томъ иберо-панъ-американизмѣ, который все сильнѣе сказывается за послѣднія десятилѣтія, когда заканчивается періодъ политической анархіи въ отдѣльныхъ государствахъ и завершается ихъ внутреннее объединеніе [1]).

---

1) Объ иберійскомъ панъ-американизмѣ въ цѣломъ см.: Alfred Fried, Pan-Amerika. Entwickelung, Umfang und Bedeutung der pan-amerikanischen Bewegung (1810—1910), Berlin, 1910 (не вполнѣ удовлетворительно); Alexandre Alvarez, Le droit international américain, son fondement, sa nature, d'après l'histoire diplomatique des Etats du Nouveau monde et leur vie politique et économique,

Когда испанскія колоніи провозгласили свою независимость отъ метрополіи, но онѣ занимали такія обширныя и ненаселенныя пространства, такъ были разъединены и разсѣяны, что естественно онѣ распались на отдѣльныя политическія организаціи. До этого между ними не было иной связи, кромѣ общаго подчиненія испанской государственной власти; ушла эта власть, уничтожилась и та связь, которая ихъ связывала другъ съ другомъ. Если въ свое время даже сѣверо-американскія англійскія колоніи, послѣ объявленія своей независимости, пережили періодъ времени, когда еще неизвѣстно было, образуютъ ли онѣ одинъ общій союзъ или нѣсколько самостоятельныхъ государствъ (при чемъ въ концѣ концовъ Канада осталась въ сторонѣ отъ другихъ колоній), то тѣмъ болѣе понятно, что испанскія колоніи, гораздо менѣе населенныя, гораздо болѣе разъединенныя пространствами, не могли составить единаго, хотя бы и сложнаго государства.

Но рано или поздно объединеніе ихъ должно явиться вполнѣ естественнымъ результатомъ ихъ родственности. Хотя креолы Центральной и Южной Америки сильно отличаются отъ природныхъ испанцевъ, но культура и духъ ихъ заимствованы изъ Испаніи и вообще изъ латинскихъ странъ. Вся иберійская Америка представляетъ извѣстное единство расы, быть можетъ, даже въ большей степени, чѣмъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Вполнѣ понятны усилія отдѣльныхъ государствъ и по-

P. 1910 (лучшая и вполнѣ юридическая работа по данному вопросу); F. Garcia-Calderon, Le démocraties latines de l'Amérique, P. 1912, особ. стр. 260—377 (очень интересное изложеніе исторіи, проблемъ и федеральныхъ движеній иберійской Америки). Существуетъ кромѣ того множество статей посвященныхъ иберійскому панъ-американизму, вродѣ Viallate, Les Etats-Unis et pan-américanisme (Revue des Deux Mondes, 15 mai 1909); H. Lorin, L'Amérique latine depuis 1810 (тамъ же, 15 juillet 1910); A. Ebray, L'Espagne et l'Amérique latine (тамъ же, 15 nov. 1901), и т. д. Ср. также G. Quesada, Arbitration in Latin America, Rotterdam, 1907.

литическихъ дѣятелей это объединеніе въ томъ или иномъ размѣрѣ и формѣ осуществить.

У многихъ государственныхъ дѣятелей ново-образовавшихся государствъ не было съ самаго начала недостатка въ патріотизмѣ и въ стремленіи создать общій союзъ всѣхъ испанскихъ государствъ.

Еще въ чилійскомъ проектѣ декларації правъ 1810 г. (Declaracion de los derechos del pueblo de Chile) провозглашались слѣдующіе принципы: латинскіе народы не могутъ каждый въ отдѣльности защищать свой суверенитетъ; чтобы безпрепятственно развиваться, они должны соединиться другъ съ другомъ не во внутренней организаціи, а для внѣшней безопасности отъ завоевательныхъ дѣйствій Европы и для своего взаимнаго мира; государства Америки должны собрается на конгрессъ для самоорганизаціи и своего укрѣпленія. „День (заявляла декларація), когда Америка, собравшись на конгрессъ своихъ обоихъ контентовъ или хотя бы даже одного южнаго, будетъ говорить остальному человѣчеству, ея голосъ будетъ выслушиваемъ съ почтеніемъ, а ея рѣшеніямъ трудно будетъ противиться“.

Въ 1818 году верховый правитель Чилійской республики О'Гиггинсъ (O'Higgins) въ манифестѣ къ народу говорилъ о великой конфедераціи американскаго континента, способной поддержать гражданскую и политическую свободу [1]).

Горячимъ сторонникомъ созданія конфедераціи испанской Америки былъ Боливаръ (1783—1830), хотя по убѣжденіямъ онъ стоялъ за унитарное устройство государствъ. „Оставимъ, писалъ онъ, федеративныя формы; онѣ намъ не подходятъ. Подобная общественная форма есть возведенная въ правило анархія, или скорѣе законъ, обязывающій разообщаться и разрушать государство и его части“ [2]).

1) Alvarez, op. cit., стр. 45.

2) Изъ политическихъ сочиненій Боливара особенно извѣстны его письмо съ Ямайки въ 1815 г., конституціонный проектъ Ангостуры 1819 г. и статутъ Боливіи 1825 г.

По идеѣ Боливара въ Панамѣ въ 1826 г. собрался конгрессъ изъ представителей Мексики, Центральной Америки, Колумбіи и Перу; на немъ былъ подписанъ договоръ о союзѣ и вѣчной конфедераціи. Но этотъ договоръ не былъ ратификованъ государствами.

Въ 1847—1848 въ Лимѣ собрался конгрессъ представителей Колумбіи, Экуадора, Перу, Боливіи и Чили, и точно также былъ подписанъ договоръ о конфедераціи, но и онъ остался не ратификованнымъ. Въ 1856 г. подписанъ былъ въ Сантъ-Яго „континентальный“ договоръ между Чили, Перу и Экуадоромъ и въ томъ же году договоръ о союзѣ и конфедераціи между Мексикой, Гватемалой, Сальвадоромъ, Коста-Рикой, Новой Гренадой, Венецуэлой и Перу. Наконецъ, въ 1864 г. по иниціативѣ Перу въ Лимѣ засѣдалъ съ цѣлью создать конфедерацію конгрессъ представителей государствъ тихоокеанской и колумбійской группъ. Всѣ эти попытки, по разнымъ причинамъ, остались безрезультатными [1]).

Никакой конфедераціи испано-американскихъ государствъ не образовалось. Такое разъединеніе не считалось однако многими государственными дѣятелями новыхъ государствъ нормальнымъ, и въ теченіе перваго полувѣка дѣлались неоднократныя попытки установить конфедеративный союзъ между всѣми испано-американскими государствами.

Окончательная неудача всѣхъ этихъ конфедеративныхъ попытокъ, поставила взаимныя отношенія этихъ государствъ на обычную почву международной организаціи. Лишь послѣднія двадцать лѣтъ снова возникло движеніе настолько укрѣпить и усилить это международное сближеніе, чтобы можно было говорить о союзѣ американскихъ государствъ. Но этотъ конфедерализмъ носитъ вполнѣ международный характеръ, и кромѣ того въ немъ принимаютъ участіе Соединенные Штаты, стремящіеся къ гегемоніи въ Америкѣ,

1) Объ нихъ см. Alvarez, op. cit., стр. 45—60.

и потому трудно ожидать отъ этого движенія дѣйствительной федеративной организаціи латинской Америки.

По иниціативѣ Соединенныхъ Штатовъ три раза уже собиралась конференція всѣхъ американскихъ государствъ и дѣлались попытки международнаго ихъ объединенія: первая панъ-американская конференція въ 1889—1890 г. въ Вашингтонѣ [1]), вторая — въ 1901—1902 г. въ Мексикѣ [2]), и третья — въ 1906 г. въ Ріо-де-Жанейро [3]). На этой послѣдней конференціи было создано и международное бюро американскихъ республикъ. Бюро это однако имѣетъ очень скромное назначеніе, — централизовать всякаго рода свѣдѣнія, касающіяся взаимныхъ отношеній американскихъ государствъ, содѣйствовать укрѣпленію экономической связи между ними и быть постояннымъ комитетомъ международныхъ американскихъ конференцій. Изъ этихъ панъ-американскихъ конференцій, въ которыхъ принимаютъ участіе и Соединенные Штаты Сѣверной Америки, едва ли можетъ въ результатѣ получиться дѣйствительное объединеніе Аме-

---

1) См., кромѣ указанныхъ статей Фрида и Алвареса, International American Conferences, 4 т. Washington, 1890; Pradier Fodéré, Amérique espagnole (Revue de droit international, т. XX, стр. 509—520); A. Prince, Le Congrès des trois Amériques, P. 1891 (собраны многочисленныя отзывы европейской и американской прессы о панъ-американизмѣ).

2) См. Actas y Documentos de la segunda Conferencia pan-americana, Mexico, 1902 и по англійски Second pan-american conference. Minutes and Documents.

3) Reports of the Delegates of the United States to the third international conference of the American States, Washington, 1907; см. Supplement to the Annal of the Amer. Academy of Polit. Science, 1906, May; Third international American Conference. Minutes. Resolutions. Documents, Rio de Janeiro, 1907; Basdevant, La conference de Rio-de-Janeiro de 1906 et l'Union internationale des républiques américaines (Revue générale de droit international, т. XV (1908), стр. 209—270 (очень хорошая статья); P. Reinsch, Die internationale Konferenz und das Bureau der amerikanischen Republiken (Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, т. III, № 5, стр. 432—455).

рики, въ силу коренного антагонизма и отличія и по природнымъ географическимъ условіямъ, и по экономическому составу, и по традиціямъ политической исторіи между латинской и англо-саксонской Америками.

Гораздо большаго въ смыслѣ конфедеративнаго объединенія можно ожидать отъ сближенія государствъ иберійской Америки, и не столько даже въ одну обширную иберо-американскую конфедерацію, сколько въ нѣсколько конфедерацій между государствами ближе всего связанными географически и исторически. Уже въ настоящее время намѣчается рядъ такихъ конфедерацій: 1) конфедерація Центральной Америки, состоящая изъ пяти небольшихъ центральныхъ республикъ, быть можетъ, въ соединеніи съ Антильскими государствами; естественно сближеніе этой конфедераціи съ Мексикой, такъ какъ всѣ ихъ объединяетъ общая опасность отъ Сѣверной Америки; 2) Колумбійская конфедерація, которая соединила бы Колумбію, Венецуэлу и Экуадоръ; 3) Тихоокеанская конфедерація, объединяющая Боливію, Чили и Перу; 4) Лаплатская конфедерація, состоящая изъ Аргентины, Уругвая и Парагвая, и, наконецъ, 5) Бразилія.

Необходимость такого единенія все сильнѣе чувствуется народами Южной Америки. Оно одно можетъ обезпечить имъ безопасность отъ захватовъ Соединенныхъ Штатовъ, гарантировать внутренній миръ и дать соотвѣтствующее вліяніе въ международномъ оборотѣ [1]).

1) Объ этомъ см. цит. соч. Garcia-Calderon, Les démocraties latines de l'Amérique, P. 1912, стр. 310—326.

II. Англо-саксонскій федерализмъ.

А. Сѣверо-американскій федерализмъ. — Б. Британскій федерализмъ.

Удивительнымъ и совершеннымъ орудіемъ политическаго строительства федерализмъ обнаружилъ себя у англо-саксовъ. Англо-саксонскіе народы сумѣли создать формы федеральныхъ соединеній настолько прочныя и настолько жизненныя, что онѣ сдѣлались въ теченіе цѣлаго столѣтія предметомъ зависти и политическимъ идеаломъ другихъ народовъ.

Многія спеціальныя условія способствовали этому развитію и успѣху англо-саксонскаго федерализма. Англо-саксонскія федераціи возникали въ колоніяхъ, при образованіи новыхъ государствъ. Политическая организація англо-саксонскихъ обществъ повсюду, гдѣ они утверждались, строилась на началѣ общиннаго самоуправленія. Рождаясь изъ свободной частной иниціативы, отдѣльные колоніальные центры появляются одновременно въ различныхъ пунктахъ новой страны. Свободныя самоуправляющіяся колоніи живутъ первоначально изолированною и независимою жизнью. Но въ извѣстный моментъ чувство общаго національнаго единства и сознаніе выгодъ объединенія дѣлаются на столько сильными, что происходитъ сначала сближеніе, а

потомъ и соединеніе этихъ самостоятельныхъ мелкихъ политическихъ образованій въ одно цѣлое и сложное государство. Но это составное цѣлое, возникшее какъ органическое послѣдствіе естественнаго сближенія частей, не дѣлается сразу унитарнымъ. Такъ какъ объединеніе происходитъ не вслѣдствіе „собиранія земель“, усиленнаго дѣйствія изъ какого-нибудь одного могущественнаго центра, а вслѣдствіе дѣйствія мѣстныхъ силъ, путемъ договора, то и устройство новой политической системы слагается, какъ взаимодѣйствіе соединяющихся частей, какъ равновѣсіе центральной и мѣстныхъ властей. Такое равновѣсіе устанавливается, во-первыхъ, потому, что нѣтъ естественнаго пересиливающаго центра, а центръ этотъ образуется лишь какъ равнодѣйствующая взаимодѣйствующихъ силъ, во-вторыхъ, потому, что, соединяясь, независимыя колоніи хотятъ сохранить свою автономію и наиболѣе дѣйствительную гарантію этого видятъ въ своемъ непосредственномъ участіи въ образованіи суверенитета и во внесеніи въ конституцію нѣкоторыхъ договорныхъ положеній, которыя могутъ быть отмѣнены лишь по ихъ согласію. Все это и ведетъ къ образованію федеральнаго государства, построеннаго на дуалистическомъ равновѣсіи центральной и мѣстныхъ властей.

Но федеральная форма является лишь компромиссомъ соединенія, а не окончательной формой, и подъ вліяніемъ централизующихъ силъ общей государственной жизни, образованія какого-нибудь естественнаго центра политическаго тяготѣнія, союзное единеніе все болѣе закрѣпляется, центральная власть все болѣе пересиливаетъ мѣстную, и мало-по-малу федеральное государство дѣлается унитарнымъ, лишь очень децентрализованнымъ, съ самоуправляющимися провинціями, государствомъ.

A. Сѣверо-американскій федерализмъ.

I. Сѣверо-американскій федерализмъ до основанія союза. — II. Сѣверо-американскій союзъ и первоначальная основная его идея. — III. Конфедеративныя теченія до Кальгуна. — IV. Конфедерализмъ Кальгуна и его послѣдователей. — V. Національный федерализмъ Гамильтона. — VI. Развитіе унитарной идеи въ Соединенныхъ Штатахъ. — VII. Эволюція сѣверо-американской федераціи къ унитарному государству.

I.

Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки первымъ выпало на долю осуществить законченный типъ федеральнаго государства, т. е., сохранивши федеральный, договорный принципъ въ государственномъ устройствѣ, устранить суверенитетъ отдѣльныхъ штатовъ. Соединенные Штаты являются наиболѣе чистымъ типомъ федеральнаго государства, и потому развитіе въ нихъ федеральной идеи заслуживаетъ особаго вниманія [1]).

Если англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ, возставши противъ владычества метрополіи и добившись независимости, образовали сначала конфедерацію штатовъ, а потомъ федеральное государство, то основанія этому были заложены уже въ предшествующемъ ихъ развитіи. Въ самомъ началѣ ихъ исторіи, при зарожденіи первыхъ поселеній политическое строительство ихъ совершалось по принципамъ федерализма [2]).

---

1) Развитію сѣверо-американскаго федерализма посвящена обширная юридическая и политическая литература. Въ сущности вся литература по конституціоннымъ вопросамъ Соединенныхъ Штатовъ такъ или иначе касается вопросовъ федерализма. Дать исчерпывающія библіографическія указанія очень трудно. Прежнія главнѣйшія сочиненія указаны въ книгѣ A. B. Hart, Introduction to the study of federal Government, Boston, 1891, см. стр. 48—60 и особ. 181—185. Наиболѣе важныя новѣйшія сочиненія будутъ нами указаны въ дальнѣйшемъ.

2) Политическое развитіе англійскихъ сѣверо-американскихъ колоній до образованія союза достаточно изслѣдовало въ американской

Первыми колонистами Новой Англіи были гонимые на родинѣ кальвинисты и индепенденты. Они принесли съ собою въ Америку идеи федеральнаго, договорнаго устройства государства. Индепенденты или конгрегаціоналисты исповѣдывали, что всякая христіанская община образуетъ изъ себя цѣльный и законченный организмъ и отвѣчаетъ въ области доктрины и церковной дисциплины только передъ самой собой; вслѣдствіе этого они не признавали ни епископской власти (какъ католики или англичане), ни синодовъ или общихъ собраній духовенства (какъ пресвитеріане); ихъ организаціи были чисто-мѣстнаго характера. Въ эпоху междоусобной войны интепенденты отстаивали демократическій принципъ и при Кромвелѣ достигли даже временнаго торжества, но очень скоро въ самой Англіи потеряли всякое значеніе и лишь въ Соединенныхъ Штатахъ сыграли важную историческую роль. Во время религіозныхъ преслѣдованій въ первую половину XVII вѣка многіе изъ конгрегаціоналистовъ переселились въ Сѣверную Америку, въ Мас-

---

литературѣ: G. T. Curtis, History of the Constitution (1775—1789), 1854 послѣд. изд. History of the Origin, Formation and Adoption of the Constitution of the United States, 3 т. 1896; R. Frothingham, Rise of the Republic of the United States, 1872; H. C. Lodge, A Short History of the English Colonies in America, 1881; особ. G. Bancroft, History of the Formation of the Constitution of the United States of America, 2 т. 1882, и его же History of the United States of America, 7 т. London, 1882 (съ открытія Америки до 1789 г.); J. A. Doyle, The English Colonies in America (до конца XVII в.), 3 т., 1882—1889; C. E. Stevens, Sources of the Constitution of the United States, 1894; R. G. Thwaites, The Colonies (1492—1750) 1890; G. P. Fischer, The colonial Era, 1895; A. B. Hart, Formation of the Union, 8 изд. 1897. На франц. яз. Astie, Histoire de la république des Etats-Unis, 2 т.; и Gourd, Les Chartes coloniales et les Constitutions de l'Amerique du Nord, Paris, 1885. На рус. языкѣ: М. Ковалевскій, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гл. 1, Историческій обзоръ (Политическій строй современныхъ государствъ, СПБ. 1905, стр. 272—355).

сачузетсъ и Коннектикутъ. Глубоко проникнутые тѣмъ принципомъ, что всякія христіанскія общины имѣютъ право организоваться по своимъ собственнымъ законамъ, конгрегаціоналисты естественно перенесли эту точку зрѣнія и на политическую почву. Это и сдѣлало Новую Англію очагомъ политическаго индивидуализма и федерализма[1]).

Идею федеративнаго устройства обществъ находимъ мы у большинства основателей и учителей индепендентовъ, и у Роберта Броуна[2]) и особенно у его продолжателя, Джона Робинзона[3]). Для Робинзона церковь была лишь собраніемъ лицъ, исповѣдующихъ христіанство и торжественно согласившихся между собою служить Богу. Церковь, по идеѣ Робинзона, не можетъ обнимать бо́льшее количество лицъ, чѣмъ сколько можетъ вмѣщать помѣщеніе, служащее для церковныхъ собраній. Это собраніе, правильнымъ образомъ установленное, образуетъ, само по себѣ, полное, автономное, вполнѣ независимое отъ какой бы то ни было организаціи цѣлое; оно можетъ поддерживать официальныя сношенія съ другими конгрегаціями, не будучи, однако, подчинено какой-нибудь изъ нихъ. Независимая конгрегація есть монархія, такъ какъ Христосъ — царь ея; аристократія, такъ какъ она управляется избранными служителями; наконецъ, демократія, такъ какъ всякая власть въ ней покоится на сово-

---

1) Объ этой сторонѣ политическихъ взглядовъ индепендентовъ и пуританъ см. Ch. Borgeaud, Premiers programmes de la démocratie moderne en Angleterre (Annales de l'école libre des sciences politiques 15 avr. 1890); Herbert L. Osgood, The political ideas of the puritans (Political Science Quarterly, VI, 1891, стр. 1—28, 201—231).

2) Robert Browne, A book which showeth the Life and Manners of all true Chistians, 1582.

3) J. Robinson, Justification of separation from the Church against Richard Bernard, 1610; Apologia justa, London, 1616; Apologia Brownistarum, seu Barowistarum, 1619; Defence of the Doctrine proponded by the Synod of Dort against J. Murton, 1624.

купности всѣхъ вѣрующихъ. Католики видятъ суверенитетъ въ папѣ, англикане — въ епископахъ, пресвитеріане — въ священникахъ; индепенденты же полагаютъ его въ совокупности всего народа церкви. Однако церковь не управляется, какъ чистая демократія; какъ для своего внутренняго управленія, такъ и для внѣшнихъ сношеній она делегируетъ свою власть различнымъ служителямъ.

Возникаетъ церковь путемъ договора, свободнаго соглашенія. Простое случайное соединеніе людей, даже имѣющихъ всѣ требуемыя условія, еще не составляетъ церкви; нужно еще, чтобы они торжественно обязались передъ Богомъ и между собою образовать общество и посвятить себя на служеніе Ему. Это знаменитый договоръ (ковенантъ), который игралъ такую громадную роль въ исторіи и былъ принятъ всѣми пуританами. Въ Англіи ковенантъ имѣлъ рѣшающее значеніе во время гражданской войны противъ Карла I; въ Соединенныхъ Штатахъ онъ легъ въ основаніе американскаго федерализма.

Индепенденты полагали, что этотъ договоръ не только соединяетъ народъ и Бога, какъ въ Библіи, но и простирается на отношенія индивидовъ между собою, въ ихъ общемъ подчиненіи закону. Такъ Джонъ Коттонъ, одинъ изъ „отцовъ“ конгрегаціонализма, писалъ: „При свѣтѣ естественнаго закона очевидно, что всѣ гражданскія отношенія покоятся на договорѣ, ибо, если не считать естественныхъ отношеній между родителями и дѣтьми, и отношеній, установленныхъ насиліемъ между завоевателями и плѣнными, нѣтъ другого средства, благодаря которому свободные индивиды, независимые отъ какого-нибудь естественнаго или насильственнаго подчиненія, могли бы соединиться въ видимый организмъ, будучи связаны правами и обязанностями коллективнаго цѣлаго, какъ члены одного и того же тѣла, если только это не будетъ взаимный договоръ (covenant). Такія отношенія въ семьѣ существуютъ между мужемъ и

женою, въ государствѣ — между должностными лицами и подданными, въ общинѣ — между согражданами“ [1]).

Эта идея общественнаго договора, федераціи нашла себѣ историческое примѣненіе въ Сѣверной Америкѣ въ такъ называемыхъ договорахъ о поселеніи (Plantations Covenants), вродѣ, напр., основныхъ законовъ Коннектикута (1639). Образцомъ такой первоначальной федераціи индивидовъ, образующихъ политическое общество, можетъ служить знаменитый договоръ „отцовъ-пилигримовъ“, высадившихся въ 1620 г. на пустынномъ берегу Сѣверной Америки, въ мѣстности никому не принадлежавшей [2]).

При разсмотрѣніи идейныхъ источниковъ сѣверо-американскаго федерализма нельзя оставить безъ указанія и вліянія голландскихъ федеральныхъ политическихъ учрежденій, съ которыми познакомились первые поселенцы въ Плимутѣ во время своего предварительнаго пребыванія въ Соединенныхъ Провинціяхъ Нидерландъ.

---

1) John Cotton, The way of the Churches of Christ, London, 1645. Уже Richard Hooker въ своемъ трактатѣ Treatise of the Law of Ecclesiastical Polity, 1594, полагалъ, что общественный договоръ лежитъ въ основаніи государства.

2) На палубѣ своего корабля „Майскій цвѣтъ“ они подписали общественный договоръ, который заслуживаетъ быть приведеннымъ цѣликомъ: „Во имя Божіе, да будетъ такъ, какъ ниже слѣдуетъ. Мы, нижеподписавшіеся, вѣрные подданные нашего грознаго государя, короля Іакова, Божьею милостью короля Англіи, Шотландіи и пр. и пр. и пр., предпринявши, для славы Божіей, преуспѣянія вѣры Христовой и чести нашего царя и нашего отечества, путешествіе, дабы основать первое поселеніе на сѣверѣ Виргиніи, торжественно и взаимно признаемъ передъ лицомъ Бога и другъ передъ другомъ, что въ силу этого договора мы соединяемся въ единое политическое и гражданское цѣлое для поддержанія между нами порядка и для достиженія поставленныхъ нами себѣ цѣлей. Въ силу указаннаго акта, мы издадимъ и установимъ такіе справедливые законы, указы, акты, учрежденія и назначимъ такихъ должностныхъ лицъ, какихъ намъ будетъ угодно, сообразно тому, что мы будемъ считать удобнымъ и полезнымъ для общаго блага населенія. Вслѣдствіе сего, мы обѣщаемъ всякое должное послушаніе и подчиненіе. Въ свидѣтельство чего мы подписались, на мысѣ Кодъ. 11 ноября, anno Domini 1620“. См. нашу статью Политическія ученія въ Англіи въ XVII в., М. 1909.

Сѣверо-американскій Союзъ возникъ естественно вслѣдствіе разростанія и сближенія отдѣльныхъ самоуправляющихся мѣстностей. Въ началѣ это были изолированныя, вполнѣ самостоятельныя, вполнѣ самоуправляющіяся сельскія общины (towns). Такія сельскія общины отдѣльныхъ мѣстностей мало-по-малу сливались въ колоніи, образуя цѣлые штаты, вродѣ Коннектикута, Родъ-Айленда, Массачузетса. Первоначально такія колоніи представляли собою союзы отдѣльныхъ поселеній и сельскихъ общинъ, сохранявшихъ свое особое, своеобразное управленіе. Такъ въ Родъ-Айлендѣ долго не могло возникнуть общее управленіе. Вся сила заключалась въ самоуправляющихся общинахъ. Процессъ дальнѣйшаго развитія совершался уже федеративнымъ путемъ. „Въ Новой Англіи, — пишетъ авторитетъ въ области сѣверо-американскаго публичнаго права, Вильсонъ, — процессъ развитія принялъ федеративный характеръ съ самаго начала, и наиболѣе совершенный его типъ мы наблюдаемъ, вѣроятно, въ Родъ-Айлендѣ, городскіе атомы котораго стягивались медленно и неохотно и долго упорно противились мысли о нѣкоторомъ поглощеніи или подчиненіи черезъ подведеніе подъ хартіи „плантацій Родъ-Айленда и Провиденса“. Союзъ, вначалѣ бывшій простой конфедераціей между этими двумя мелкими единицами, постепенно превратился въ дѣйствительно прочное соединеніе; въ концѣ концовъ поглощенныя общины составили только подчиненныя части новыхъ и болѣе широкихъ колоніальныхъ единицъ, объединенныхъ континентальными конгрессами. Союзъ между болѣе обширными единицами, этими вполнѣ выросшими колоніальными штатами, съ самаго начала носилъ ясно выраженный федеративный характеръ и вырабатывался путемъ взаимныхъ уступокъ и договоровъ. Соединялись онѣ въ совершенно добровольныя ассоціаціи“ [1]).

1) Вильсонъ Государство, § 1061.

Сѣверо-американскій союзъ образовался въ 1765—1789 годы, въ эпоху борьбы колоній противъ Англіи за свою независимость, но и раньше уже были нѣкоторые прецеденты общаго союза колоній. Такъ съ 1643 г. въ теченіе 40 лѣтъ колоніи Новой Англіи были соединены въ нѣкоторый союзъ для борьбы съ индѣйцами; въ 1748 г. въ Ольбени былъ съѣздъ депутатовъ, обсуждавшихъ планъ общаго Союза. На этомъ именно конгрессѣ былъ представленъ Веніаминомъ Франклиномъ проектъ соединенія сѣверо-американскихъ колоній въ одну федерацію. Очень многія черты этого проекта легли впослѣдствіи въ основаніе конституціи 1787 г. Верховная власть должна была принадлежать президенту, по назначенію англійскаго короля, и одному представительному собранію, избранному собраніями отдѣльныхъ колоній, въ неравномъ числѣ, но не пропорціональномъ ихъ размѣрамъ. Компетенція этой федеральной власти простиралась главнымъ образомъ на внѣшнія сношенія, военную оборону, торговое судоходство и федеральные налоги [1]).

II.

Сѣверо-американское федеральное государство образовалось въ періодъ времени между 1765 г., когда конгрессъ представителей девяти колоній, собравшійся въ Нью-Іоркѣ, выразилъ протестъ противъ произвольнаго обложенія Англіей

1) Текстъ этого проекта Франклина вмѣстѣ съ его „Соображеніями о необходимости федеральной уніи“ напечатанъ въ Benjamin Franklin, Posthumous and other writings, Philadelphia, 1840, I, стр. 299—330. По мнѣнію М. Ковалевскаго, проектъ Франклина „является первоначальной основой современной конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Въ этомъ отношеніи, — добавляетъ М. Ковалевскій, — мы рѣшительно расходимся съ тѣми, которые ищутъ ее въ учредительныхъ законахъ Соединенныхъ Нидерландъ или въ Швейцарской конфедераціи. Легко можетъ быть, что обѣ конституціи были извѣстны Франклину, но его проектъ не носитъ на себѣ слѣдовъ непосредственнаго ихъ изученія“. См. М. Ковалевскій, С.-Американскіе Соединенные Штаты (Политическій строй современныхъ государствъ, 1905, I, стр. 289).

своихъ сѣверо-американскихъ колоній, и 1789 г., когда, наконецъ, федеральная конституція 1787 г. вступила въ силу[1]).

Вначалѣ это соединеніе отдѣльныхъ колоній, „государствъ“ (states), было чисто международнымъ. Единственной общей властью, связывавшей ихъ, были такъ называемые континентальные конгрессы (первый въ 1774 г.). Каждая колонія жила до этого момента въ полной обособленности отъ другихъ, будучи непосредственно связана съ Англіей и не имѣя отношенія къ другимъ колоніямъ. Союзъ возникъ лишь вслѣдствіе необходимости военной обороны и сознанія выгоды и преимуществъ общаго объединенія. Неудобства чисто международнаго и неорганизованнаго объединенія, управляемаго случайно составляемыми конгрессами, привели въ 1777 г. къ выработкѣ Articles of Confederation, принятыхъ окончательно въ 1881 г. и регулировавшихъ общее управленіе союза до 1789 года. Эти статьи организовали сѣверо-американскія колоніи въ типичную конфедерацію государствъ.

Союзъ былъ заключенъ на вѣчныя времена (ст. 13), и тѣмъ каждое государство какъ бы договорно отказывалось отъ права сецессіи. Это единственное постановленіе Статей Конфедераціи, противорѣчащее истинному типу конфедераціи. Каждый штатъ сохранялъ въ союзѣ свое верховенство, свою свободу и независимость, равно какъ всю власть, всю юрисдикцію и всѣ права, которыя не были предоставлены этой конфедераціей Соединеннымъ Штатамъ, собравшимся на кон-

1) Объ образованіи федеральнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, кромѣ указанныхъ выше сочиненія по американской конституціонной исторіи, см. также Alexander Johston, The First Century of the Constitution (New Princeton Review, 1887, № 9), его же History of American Politics, 3 изд. 1890; R. Hildreth, History of the United States from the Discovery of America to the End of the Sixteenth Congress, 6 т. 1879; Holst, Verfassungsgeschichte der Vereinigten Staaten von Amerika, 4 т., Berlin, 1873—1888; Thorpe, Constitutional History of the U. S., 3 т., Chicago, 1910.

грессъ, — какъ официально именовался новый союзъ (ст. 2). Устанавливалось уравненіе въ правахъ граждапъ каждаго штата и какъ бы вырабатывалось общее національное подданство. Какъ въ международныхъ договорахъ, устанавливалась взаимная обязанность выдачи преступниковъ и судебной помощи (ст. 4). Центральную власть конфедераціи составлялъ конгрессъ делегатовъ отъ каждаго штата, которые могли быть въ разномъ числѣ, отъ 2 до 7, но каждый штатъ при голосованіяхъ на этомъ конгрессѣ имѣлъ только одинъ голосъ (ст. 5). Изъ своей среды конгрессъ на время прекращенія своихъ засѣданій могъ выбирать комитетъ конгресса, составляемый изъ делегатовъ штатовъ, по одному отъ каждаго штата, съ тѣми правами изъ обычныхъ правъ конгресса, которыя были ему предоставлены большинствомъ $^{9}/_{13}$ голосовъ союза (ст. 9 и 10). Центральная власть конфедераціи ограничивала международный суверенитетъ штатовъ, лишая ихъ посольскаго права и права заключать иностранные договоры, и даже внутренніе междуштатные договоры могли заключаться лишь съ согласія конфедеральнаго конгресса; терялось точно также право самостоятельной войны и право содержать собственную армію въ размѣрахъ, превышающихъ необходимость поддержанія внутренняго порядка (ст. 6). Всѣ эти права, а точно также опредѣленіе монетъ, вѣсовъ, мѣръ, почта отходили въ компетенцію конгресса (ст. 9). Конгрессъ долженъ былъ служить также нѣкотораго рода обязательнымъ третейскимъ судомъ въ спорахъ или конфликтахъ между штатами (ст. 9). Для цѣлаго ряда дѣлъ, входившихъ въ компетенцію конгресса, нужно было квалифицированное большинство почти $^{3}/_{4}$, именно девяти штатовъ изъ тринадцати (ст. 9).

Всѣ эти права, предоставленныя центральной власти, носили вполнѣ международный характеръ. Союзная армія и союзныя денежныя средства поставлялись отдѣльными штатами; и центральная власть могла лишь просить объ

этой поставкѣ и не могла къ ней принудить. Право заключенія иностранныхъ договоровъ принадлежало центральной власти, но выполненіе ихъ оставалось въ зависимости отъ доброй воли каждаго штата.

Эта слабость конфедераціи и привела къ очень скорому преобразованію ея въ настоящее федеральное государство. Черезъ шесть лѣтъ послѣ вступленія въ силу Статей Конфедераціи, собравшійся въ маѣ 1787 г. въ Филадельфіи конвентъ выработалъ, въ своихъ засѣданіяхъ съ 25 мая по 17 сентября 1787 г. подъ предсѣдательствомъ Георга Вашингтона, новую конституцію, которая и вступила въ силу въ 1789 г. [1]).

Основной недостатокъ конфедераціи 1781 г. заключался въ томъ, что у конфедеральныхъ органовъ не было своей собственной исполнительной власти. Поэтому главныя усилія филадельфійскаго конгресса были направлены на то, чтобы установить прямую связь между центральною союзной властью и гражданами, безъ посредства правительства штатовъ [2]).

Въ нашу задачу не входитъ излагать здѣсь основный механизмъ дѣйствующей сѣверо-американской конституціи [3]). Когда мы разбирали различныя федеративныя тео-

---

1) См. The Debates in the several State conventions on the adoption of the federal constiitution. Collection Jonathan Elliot, 5 т., Philadelphia, 1836, послѣд. изд. 1896; W. M. Meigs, Growth of the constitution in the Federal convention of 1787, Philad., 1900.

2) Уже въ самомъ началѣ, на одномъ изъ первыхъ засѣданій было предложено: 1) That a union of the states merely federal will not accomplish the objects proposed by the Articles of Confederation — namely common defence, security of liberty, and general welfare. 2) That no treaty or treaties among the whole or part of the states, as individual sovereigntiès, would be sufficient. 3) That a national government ought to be established, consisting of a supreme legislative, executive, and judiciary. Meigs, Growth of the constitution, стр. 27—31.

3) Анализу сѣверо-американской федеральной конституціи посвящена обширнѣйшая литература на всѣхъ языкахъ. Укажемъ здѣсь

ріи и строили свою собственную дуалистическую теорію федеральнаго государства, мы все время имѣли въ виду главнымъ образомъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ, какъ представляющую наиболѣе чистый типъ федеральнаго государства.

Задача создателей конституціи 1787 г. заключалась въ томъ, чтобы найти равновѣсіе центральнымъ и мѣстнымъ вла-

---

лишь на наиболѣе важныя. На англійскомъ языкѣ: до нынѣ не устарѣвшій J. Story, Commentaries on the Constitution of the United States, 2 т. 1833 (5 изд. 1891); T. Cooley, Treatise on the Constitutional Limitations which rest upon the Legislative Power of the States of the American Union, 1868 (7 изд. 1903); его же General Principles of the Constitutional Law in the United States of America, 1880, Woodrow Wilson, Congressional Governement, 1884. I. Bryce, American Commonwealth, 1888 (посл. изд. 1911); J. W. Burgess, Political Science and constitutional Law, 1891; E. McClain, Constitutional Law in the United States, 1905; H. C. Black, American Constitutional Law, 3 изд. 1910; W. W. Willoughby, The Constitutional Law of the United States, 2 т. 1910 На французскомъ языкѣ донынѣ остается классическимъ A. de Tocqueville, La Démocratie en Amérique, 1835: Boutmy, Etudes de droit constitutionnel, 1885, стр. 83—216; его же Eléments d'une psychologie politique du peuple américain, 1902, особ. стр. 175 и сл.; Claudio Janet, Les Etats-Unis contemporains, 2 т. 1889; Carlier, La république américaine, 4 т. 1890. На нѣмецкомъ языкѣ; R. v. Mohl, Das Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Nord-Amerika, 1824 (Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, I. 1855, стр. 509—589); Reimann, Vereinigte Staaten im Uebergange vom Staatenbund zum Bundesstaat, 1855; Rüttiman, Nordamerikanisches Bundesrecht verglichen mit den politischen Einrichtungen der Schweiz, 1867—1876; Schlief, Verfassung der amerikanischen Union, 1880; Holst, Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Amerika, 1885 (въ Handbuch Marquardsen'a); E. Freund, Das öffentliche Recht, der Vereinigten Staaten von Amerika (Das öffentliche Recht der Gegenwart, 1911). На русскомъ языкѣ кромѣ переводовъ указанныхъ книгъ Токвилля, Брайса, Вильсона, имѣется лишь одно оригинальное, уже цитированное сочиненіе М. Ковалевскаго, Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты (Политическій строй современныхъ государствъ, 1905. Современному механизму американскихъ федеральныхъ учрежденій посвящены стр. 356—400).

стямъ. Этой цѣли должна была служить двухпалатная система, при которой сенатъ состоитъ изъ представителей (въ равномъ числѣ) отъ каждаго штата, какъ такового (ст. I, раз. 3), при чемъ сенатъ долженъ играть не только равную съ палатой представителей роль, но и болѣе важную, имѣя нѣкоторыя средства воздѣйствія на исполнительную власть, которыхъ недостаетъ палатѣ депутатовъ. Равное представительство каждаго штата не можетъ быть отнято отъ него, безъ его согласія (ст. V). Компетенція центральной и мѣстныхъ властей строго разграничивается, при чемъ права, не ввѣренныя конституціей центральной власти и не возбраненныя ею отдѣльнымъ штатамъ, сохраняются въ пользу штатовъ (ст. X дополн.). Основной федеративный моментъ сѣверо-американской конституціи именно въ этомъ послѣднемъ принципѣ и заключается: центральная и мѣстныя компетенціи строго опредѣляются, и чрезвычайно затрудняется измѣненіе этого соотношенія путемъ пересмотра конституціи, каковой пересмотръ можетъ происходить лишь подъ преобладающимъ вліяніемъ мѣстныхъ властей, такъ какъ для одного предложенія о пересмотрѣ необходимо $^2/_3$ голосовъ обѣихъ палатъ конгресса (или $^2/_3$ законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ), для самого же пересмотра требуется созваніе спеціальнаго конвента, рѣшенія котораго нуждаются въ утвержденіи со стороны $^3/_4$ штатовъ (ст. V). Разумѣется, при такой процедурѣ пересмотра, дающей преобладаніе властямъ отдѣльныхъ штатовъ, мало шансовъ, чтобы произошло измѣненіе, ограничивающее мѣстную компетенцію въ пользу центральной. Для того же, чтобы такое расширеніе центральной компетенціи не происходило путемъ обычнаго законодательства, въ которомъ преобладаніе принадлежитъ централистическому моменту, а также, чтобы установленное разграниченіе компетенцій не нарушалось, созданъ федеральный судъ, на котораго возлагается провѣрка конституціонности обычныхъ законовъ.

Здѣсь именно и находится главный центръ тяжести федерализма политическаго устройства Соединенныхъ Штатовъ. Гораздо болѣе второстепенную роль съ точки зрѣнія федерализма играетъ равное представительство каждаго штата въ сенатѣ, такъ какъ въ сущности и сенаторы являются представителями не мѣстной власти, а всего народа, такъ какъ они не получаютъ обязательныхъ инструкцій отъ мѣстныхъ правительствъ, что̀ одно могло имъ гарантировать ихъ федеративный характеръ, и такъ какъ при расширеніи союза они дѣлаются все болѣе многочисленными, отчего мѣстные интересы сглаживаются, и провинціализмъ всего собранія теряется.

Въ теоретическомъ конструированіи юридической природы Союза вначалѣ въ Соединенныхъ Штатахъ господствовала теорія раздѣла суверенитета между центральною федеральною властью и властью отдѣльныхъ штатовъ, вслѣдствіе какового раздѣла сѣверо-американскій союзъ носитъ смѣшанный характеръ, отчасти національный, отчасти федеральный, въ извѣстной степени. Такова была общая точка зрѣнія Федералиста, и ей слѣдовало очень большое количество писателей [1]).

Однако теорія дѣлимости суверенитета можетъ получить двоякое толкованіе: или можетъ быть признано, что на ряду съ суверенитетомъ центральной власти существуетъ суверенная власть отдѣльныхъ штатовъ, откуда естественъ переходъ къ конфедерализму, или можетъ быть признано,

1) Объ этомъ см. Merriam, American political theories, 1906, стр. 255—260 и указываемые имъ: John Dickinson, Letters of Fabius, (Memoirs of the Historical Society of Pennsylvania, т. XIV), Noah Webster, An Examination into the Leading Principles of the Federal Constitution, а также Nathan Dane, General Abridgement and Digest of American Laws, Boston, 1823; Nathaniel Chipman, Principles of Gouvernement, 1 изд. 1793, Burlington, 1833; E. D. Mansfield, The Political Grammar of the United States, N. Y. 1834; Frederick Grimke, Nature and Tendency of free Institutions, Cincinati, 1848.

что суверенитетъ единъ по существу, и только нѣкоторыя функціи его распредѣляются между центральной и мѣстными властями. И, дѣйствительно, въ исторіи федеративной идеи въ Соединенныхъ Штатахъ мы и видимъ эти оба направленія[1]).

Въ первую половину XIX вѣка въ Соединенныхъ Штатахъ шла борьба двухъ политическихъ направленій въ конструированіи юридической природы американскаго союза: направленіе сепаративное, конфедеративное и направленіе унитарное, національное. Представители перваго направленія полагали, что конституція 1787 г. есть лишь договоръ, заключенный между независимыми государствами; союзъ является только обществомъ, изъ котораго каждый членъ его, сохраняющій свой суверенитетъ, всегда можетъ выйти. Представители національнаго направленія не оспаривали, что въ основѣ американской конституціи лежитъ договоръ, но сама конституція, полагали они, не есть договоръ; она изъ него вышла, но, вступивши въ силу, она измѣнила свою природу, стала высшимъ закономъ, господствующимъ надъ союзными государствами; ею создано было новое государство, обнимающее весь американскій народъ въ цѣломъ; отдѣльныя государства потеряли право свободнаго выхода изъ союза.

III.

При образованіи единаго федеральнаго государства тринадцать штатовъ Сѣверной Америки не являлись еще единой націей. Особенно глубокое различіе въ соціальномъ и политическомъ строѣ было между южными земледѣльче-

1) Развитію федеральныхъ теорій въ Соединенныхъ Штатахъ посвящены работы: W. W. Willoughby, The American Constitutional System, N. Y., 1904 (гл. 1—4); Ernst Moll, Der Bundesstaatsbegriff in den Vereinigten Staaten von Amerika von ihrer Unabhängigkeit bis zum Kompromiss von 1850, Zürich, 1905 (очень документированная работа); C. E. Merriam, A History of American Political Theories, N. Y. 1906 (особ. стр. 252—304).

скими и работорговческими штатами и сѣверными промышленными и свободными. Сѣверные штаты стояли за національную идею въ политическомъ устройствѣ Союза, южные за интернаціональную или конфедеральную.

Неудивительно, что именно изъ южныхъ штатовъ исходило движеніе политическаго отталкиванія, и что именно въ нихъ въ первую эпоху существованія Союза упорно развивалась конфедеративная теорія, считающая, что отдѣльные штаты, образовавъ союзъ, не окончательно потеряли свой суверенитетъ, но что договорный характеръ Союза сохраняется, и за отдѣльными штатами остается и право нуллификаціи по отношенію къ федеральнымъ законамъ и право сецессіи отъ союза, въ крайнемъ случаѣ [1]).

Уже тотчасъ же послѣ образованія Союза обнаружилось въ толкованіи его юридической природы центробѣжное теченіе. Стоявшая вначалѣ во главѣ правительства партія федералистовъ сразу же стала слишкомъ рѣзко подчеркивать чисто національный характеръ союза, стремясь вполнѣ подчинить центральному правительству отдѣльные штаты. Это вызвало реакцію анти-федералистической партіи (образовавшейся въ 90-хъ годахъ XVIII в.), такъ называемыхъ демократовъ-республиканцевъ, стоявшихъ за права штатовъ и вообще за широкую индивидуальную и соціальную свободу, противъ сосредоточенія въ рукахъ центральнаго правительства слишкомъ обширной компетенціи.

Основателемъ этой партіи (вмѣстѣ съ Томасомъ Джефферсономъ) былъ одинъ изъ авторовъ Федералиста, четвертый президентъ Соединенныхъ Штатовъ (1809—1817) Джемсъ Мадисонъ [2]), сначала сторонникъ болѣе тѣснаго со-

---

1) Ср. R. Foster, Commentaries on the Constitution of the United States, I, 1896, стр. 111—268, излаг. ученія о сецессіи и нуллификаціи и исторію движеній, связанныхъ съ этими ученіями.

2) James Madison, Writings, 7 т., N. Y. 1900; его же Letters and other writings, 4 т., Philadelphia, 1865 (особ. т. IV). О Мади-

единенія между штатами, а потомъ, реагируя противъ слишкомъ унитарныхъ тенденцій Гамильтона, Вашингтона, Джея и Маршаля, защитникъ партикуляристическихъ идей. Политическая теорія Мадисона о природѣ союза носила компромиссный характеръ. Онъ не принималъ теоріи Гамильтона и его сторонниковъ, признававшей единую недѣлимую американскую націю, созданную договоромъ отдѣльныхъ гражданъ. По мнѣнію Мадисона, центръ тяжести союза въ организаціи отдѣльныхъ гражданъ въ самостоятельныя государства, штаты, и въ договорномъ характерѣ союзной конституціи. Американская нація возникала только черезъ этотъ договоръ, и она нація лишь для опредѣленныхъ цѣлей.

Мадисонъ утверждалъ, что американское правительство ни федерально, ни національно. Это правительство sui generis, федерально-республиканское, единственное по своему строенію приспособленіе республиканскихъ учрежденій къ новымъ и труднымъ условіямъ. Суверенитетъ вообще дѣлимъ. Безъ этой дѣлимости политическая система Соединенныхъ Штатовъ была бы насмѣшкой надъ человѣческимъ здравымъ смысломъ. Суверенитетъ подѣленъ между всѣми союзами въ цѣломъ и отдѣльными штатами; все общество состоитъ изъ собранія частичныхъ суверенитетовъ [1]).

Свои политическіе принципы Мадисонъ изложилъ въ Федералистѣ. Основнымъ для него былъ вопросъ, явля-

---

сонѣ см. W. C. Rives, Madison, 3 т. Boston, 1859. Мадисону въ Федералистѣ принадлежали №№ 10, 14, 37—48, также вѣроятно и №№ 49—58, 62, 63, совмѣстно съ Гамильтономм №№ 18—20. Ср, также Henry Adams, History of the United States during the Administration of Jefferson and Madison (1801—1817), 9 т., N. Y., 1889—1891.

1) The Constitution of the United States divides the sovereignty; the portions surrendered by the States composing the Federal sovereignty over specified subjects; the portions retained forming the sovereignty of each [state] over the residuary subjects within its sphere. If sovereignty cannot be thus divided, the political system of the United States is a chimera, mocking the vain pretensions of human wisdom. Madison, Letters, IV, стр. 61—2. Ср. стр, 393, 420—421.

ется ли американскій союзъ національнымъ или конфедеральнымъ[1]).

Для того, чтобы опредѣлить настоящій характеръ правительства, надо разсмотрѣть, по мнѣнію Мадисона, основаніе его, источники его обычныхъ властей, функціонированіе этихъ властей, ихъ объемъ и способы измѣненія конституціи.

Въ смыслѣ основы правительства, американская конституція представлялась Мадисону конфедеральной. Конституція покоится на согласіи американскаго народа, данномъ депутатами, выбранными для этой спеціальной цѣли; но это согласіе было дано народомъ не какъ совокупностью индивидовъ, составляющихъ націю, а какъ образующимъ отдѣльныя и независимыя государства. Согласіе это было дѣломъ различныхъ государствъ. Поэтому актъ, устанавливающій конституцію, былъ не національнымъ, а конфедеральнымъ актомъ. Это согласіе не вытекало ни изъ рѣшенія большинства народа союза, ни изъ рѣшенія большинства штатовъ, оно явилось результатомъ единогласнаго рѣшенія всѣхъ составляющихъ его государствъ. Если бы

1) Мадисонъ постоянно національному правленію противопоставлялъ федеральное, но, такъ какъ подъ федеральной формой онъ понималъ такое соединеніе, гдѣ составныя части остаются суверенными государствами, то во избѣжаніе путаницы идей мы вездѣ, гдѣ Мадисонъ употреблялъ терминъ федеральный въ смыслѣ конфедеральнаго, будемъ пользоваться этимъ послѣднимъ. Въ эпоху Федералиста принципіальная противоположность была между „national government“ („consolidated government“) и „federal government“ („league“, „confederacy“, „union“). Послѣ принятія конституціи выраженіе „federal government“ („league“) обозначало отношенія при прежнихъ Статьяхъ Конфедераціи, выраженіе же „national government“ („consolidated government) обозначало отношенія по новой союзной конституціи, и оба выраженія практически стали противопоставляться другъ другу, хотя теоретическая основа этого противопоставленія и не было достаточно выяснена. Впрочемъ о національномъ правительствѣ говорили тогда не въ политическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ географическомъ. Съ политической точки зрѣнія населеніе С. Штатовъ не считалось „націей“. Большинство сторонниковъ конституціи 1789 г. не видѣло въ новомъ правительствѣ ни національнаго, ни федеральнаго, а въ противоположность обоимъ отчасти національное, отчасти федеральное правительство.

народъ образовывалъ одну націю, то воля большинства всего народа Соединенныхъ Штатовъ связывала бы меньшинство. Между тѣмъ каждый штатъ, вступая въ союзъ, дѣйствовалъ, какъ суверенное государство.

Что касается источниковъ, въ которыхъ берутъ свое начало основныя правительственныя власти, то палата депутатовъ получаетъ свою власть отъ американскаго народа, и народъ въ ней представленъ въ той же пропорціи и по тому же принципу, какъ и въ законодательныхъ собраніяхъ единаго государства. Въ данномъ случаѣ правительство національно. Сенатъ получаетъ свою власть отъ штатовъ, какъ равныхъ цѣлыхъ, одинаково въ немъ представленныхъ. Здѣсь правительство конфедерально. Источники исполнительной власти очень сложны, въ нихъ есть и конфедеральные и національные элементы.

Къ функціонированіи правительства американская конституція національна, такъ какъ власть въ ней осуществляется индивидуально по отношенію къ гражданамъ, составляющимъ націю, разсматриваемымъ въ ихъ индивидуальной правоспособности, тогда какъ если бы конституція была конфедеральной, то власть осуществлялась бы по отношенію къ правительствамъ штатовъ, составляющихъ конфедерацію.

По объему правительственной власти, американская конституція — конфедеральна. Идея національнаго правительства заключаетъ въ себѣ не только власть надъ гражданами, взятыми индивидуально, но еще и неограниченное верховенство надъ всѣми лицами и всѣми вещами, исключительно переданое національному законодательному собранію. Американская конституція не даетъ такой власти союзу.

Наконецъ, по способу, принятому для измѣненія конституціи, американская конституція ни вполнѣ конфедеральна, ни вполнѣ національна. Если бы она была вполнѣ національна, верховная власть покоилась бы въ большинствѣ народа союза и имѣла бы, во всякое время, подобно боль-

шинству всякаго національнаго общества, право измѣнять свою правительственную организацію. Если же конституція была бы вполнѣ конфедеральна, то содѣйствіе каждаго отдѣльнаго штата было бы существенно необходимо для того, чтобы такое измѣненіе сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ. Способъ, предусматриваемый американской конституціей, не покоится ни на томъ, ни на другомъ принципѣ. Требуя для пересмотра конституціи болѣе чѣмъ простое большинство и особенно ведя счетъ по штатамъ, а не по гражданамъ, конституція уклоняется отъ національнаго характера и тяготѣетъ къ конфедеральному; довольствуясь же содѣйствіемъ менѣе чѣмъ всей совокупности штатовъ, она уклоняется и отъ конфедеральнаго характера и принимаетъ характеръ федеральный.

Болѣе опредѣленно конфедералистическую точку зрѣнія отстаивалъ третій президентъ Соединенныхъ Штатовъ (1801—1809), Томасъ Джефферсонъ[1]).

Конфедералистическихъ взглядовъ Джефферсонъ держался съ самого возникновенія союза. Еще въ эпоху образованія союза онъ въ планѣ конституціи, посланномъ имъ въ 1787 г. изъ Парижа членамъ Филадельфійскаго конвента, писалъ: „Вотъ въ чемъ заключается моя общая идея: сдѣлать изъ насъ единую націю во всѣхъ вопросахъ, касающихся внѣшней политики, и раздѣльныя націи во всѣхъ

1) Thomas Jefferson, The writings being his autobiography, correspondence, reports, message, adress and other writings, 9 т., Washington, 1833—1855; Works, 10 т., изд. Ford, N. Y. 1892—1899. О Джефферсонѣ см. W. E. Curtis, The true Thomas Jefferson, Philad. 1901; T. E. Watson, Life and Times of Th. Jefferson, N. Y. 1903; Richard H. Johnston, A contribution to a bibliography of Th. Jefferson, 1905; Merriam, Political theories of Jefferson, 1902; Cornélis de Witt, Thomas Jefferson, Etude historique sur la démocratie américaine, Paris 1861. Ср. также The Jeffersonian Cyclopaedia, N. Y. 1900. Джефферсонъ не оставилъ систематическаго изложенія своихъ государственно-правовыхъ теорій. Ихъ нужно возстановлять изъ его обширной переписки.

чисто домашнихъ вопросахъ“ [1]). И ту же мысль онъ повторялъ въ концѣ своей жизни: „Ключъ къ компетенціи нашихъ различныхъ правительствъ заключается въ слѣдующемъ: федеральному правительству были переданы всѣ внѣшнія и федеральныя полномочія, штатамъ всѣ чисто домашнія полномочія... Федеральное правительство, собственно говоря, есть наше дипломатическое правительство; одно только управленіе внѣшними дѣлами было отнято отъ суверенитета отдѣльныхъ штатовъ, взятыхъ въ отдѣльности“ [2]). За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти Джефферсонъ написалъ William B. Giles письмо, въ которомъ возставалъ противъ стремленія союзнаго правительства узурпировать права, сохраненныя за штатами. Такая консолидація власти даетъ основаніе опасеніямъ. Изъ двухъ золъ, уничтоженія союза или передачи правительству неограниченной власти, онъ, не колеблясь, выбираетъ первое, какъ меньшее [3]).

Джефферсонъ и Мадисонъ были авторами знаменитыхъ

---

1) Письмо къ E. Carrington'y. Paris, 4 августа 1787. Works, II, стр. 217.

2) Письмо къ Robert J. Garnetti; Monticello, 14. февр. 1824 г. Works, VII, стр. 336. „To take from the States all the powers of self government and transfer them to the general and consolidated government without regard to the special delegations and reservations solemnly agreed to in the compact, is not for the peace, happiness or prosperity of these states“. „I wish to see maintained the wholesome distribution of power established by the constitution“. „What has destroyed the liberty and the rights of man in every government which has ever existed under the sun? The generalizing and concentraiting all cares and powers into one body“. „It is not by the consolidation or concentration of powers, but by their distribution that good government is effected“. См. Curtis, The treu Thomas Jefferson, Philadelphia, 1901, стр. 305.

3) Watson, The Life and Times of Thomas Jefferson, N. Y., 1903, стр. 496—497. О Джефферсонѣ, какъ объ авторѣ Кентукійской резолюціи 1798 г., см. въ цитир. ниже публикаціи Jonathan Elliot, стр. 57—69. Джефферсонъ держалъ себя въ тѣни и дѣйствовалъ тайно. Впослѣдствіи онъ самъ разсказалъ о той роли, которую онъ принялъ въ дѣлѣ Кентукійской и Виргинской резолюцій, сыну одного изъ своего соучастниковъ. Ср. Джефферсонъ Николасу 11 декабря 1821. Works VII, стр. 229.

Кентукійской и Виргинской резолюцій 1798– 1799 гг.[1]). Эти резолюціи законодательныхъ собраній штатовъ Кентуки и Виргиніи направлены были противъ нѣкоторыхъ законовъ федеральнаго конгресса, которые представлялись этимъ штатамъ не согласными съ конституціей. Въ этихъ резолюціяхъ впервые и ясно были высказаны принципы партіи, отстаивавшей суверенныя права штатовъ, и онѣ были лишь первымъ шагомъ по тому пути партикуляризма, который привелъ къ гражданской войнѣ 1861—1864 гг.

Въ этихъ резолюціяхъ провозглашалось, что основа американской политической системы — въ правѣ отдѣльныхъ штатовъ, что по смыслу союзной конституціи все, не отнесенное опредѣленно въ компетенціи федеральной власти, относится къ компетенціи отдѣльныхъ штатовъ, что въ случаѣ, если федеральная власть осуществляетъ ей не принадлежащую компетенцію, то ея постановленія и дѣйствія юридической силы не имѣютъ, и правительство отдѣльныхъ штатовъ имѣетъ право оказать имъ сопротивленіе[2]).

---

1) Обѣ резолюціи и относящіеся сюда адреса и доклады были напечатаны Елліотомъ: The Virginia and Kentucky resolutions of 1798 an, 99; with Thomas Jefferson's original draught thereof, also Madison's report, Calhoun's address, resolutions of the several States relation to State Rights, with other documents in support of the Jeffersonian doctrines of '98. Published by Jonathan Elliot, Washington, 1832.

2) Такъ въ Кентукійской резолюціи 10 ноября 1798 г. по поводу Sedition Act говорилось: „Resolved, that the several States composing the United States of America, are not united on the principle of unlimited submission to their General Government; but that by compact under the style and title of a Constitution for the United States, and of amendments thereto, they constituted a General Government for special purposes, delegated to that Government certain definite powers, reserving each State to itself, the residuary mass of right to their own self-government; and, that whensoever the General Government assumes undelegated powers, its acts are unauthoritative, void, and of no force; that to this compact each State acceded as a State, and is an integral party; that this Government, created by this compact, was not made the exclusive of final judge of the extent of the powers delegated to itself; since that would have made its discretion, and

Въ Кентукійской резолюціи 14-го ноября 1798 открыто провозглашалось право нуллификаціи [1]). Виргинская же резолюція 21 декабря 1798 г. утверждала даже право, въ крайнихъ случаяхъ нарушенія центральной властью усло-

---

not the Constitution, the measure of its powers; but, that as in all other cases of compact, among parties having no common judge. Each party has an equal right to judge for itself as well of infractions as of the mode and measure of redress." Elliot, op. cit., стр. 15—16.

1) Resolved, that this Commonwealth considers the Federal Union, upon the terms and for the purposes specified in the late compact, as conducive to the liberty and happines of the several states: That it does now unequivocally declare its attachment to the Union, and to the compact, agreeably to its obvions and real intention, and will be among the last to seek its dissolution: That if those who administer the General Government be permitted to transgress the limits fixed by that compact, by a total disregard to the special delegations of power therein contained, an annihilation of the State Governments, and the creation upon their ruins of a General Consolidated Government, will be the inevitable consequence: That the principle and construction contended for by sundry of the state legislatures, that the General Government is the exclusive judge of the extent of the powers delegated to it, stop nothing short of despotism — since the discretion of those who administer the Government, and not the constitution, would be the measure of their powers: That the several States who formed that instrument being sovereign and independent, have the unquestionable right to judge of the infraction: and that a nullification by those sovereignties, of all unauthorized acts done under color of that instrument is the rightful remedy: That this Commonwealth does, under the most deliberate reconsideration, declare, that the said Alien and Sedition Laws are, in their opinion, palpable violations of the said Constitution; and, however cheerfully it may be disposed to surrender its opinion to a majority of its sister States, in matters of ordinary or doubtful policy, yet, in no momentous regulations like the present, which so vitally wound the best rights of the citizen, it would consider a silent acquiescence as highly criminal: That although this Commonwealth, as a party to the Federal compact, will bow to the laws of the Union, yet, it does, at the same time declare, that it will not now, or ever hereafter, cease to oppose in a constitutional manner, every attempt at what quarter soever offered, to violate that compact. And, finally, in order that no pretext or arguments may be drawn from a supposed acquiescence, on the part of this Commonwealth in the constitutionality of those laws, and be thereby used as precedents for similar future violation of the Federal compact — this Commonwealth does now enter against them its solemn protest". Elliot, op. cit., стр. 20.

вій федеральнаго договора, оказать вооруженное сопротивленіе [1]).

Изъ этого движенія мало-по-малу образовалась цѣлая юридическая теорія, выработавшая конфедеративное истолкованіе сѣверо-американской конституціи и ученіе о нуллификаціи и сецессіи; основы этой теоріи уже заложены въ сочиненіяхъ такъ называемой Виргинской школы юристовъ, главнымъ же идейнымъ выразителемъ ея былъ Джонъ Кальгунъ.

Изъ писателей Виргинской школы до Кальгуна особаго упоминанія заслуживаетъ Джорджъ Туккеръ. „Штаты, писалъ этотъ юристъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Блекстоновскимъ комментаріямъ, соединены въ конфедерацію, но они остаются независимыми и суверенными. Каждый штатъ остается суверенным, и каждый можетъ, какъ только потребуютъ того обстоятельства, осуществить всѣ функціи суверенитета во всей ихъ полнотѣ. Когда общее правительство дѣлается тираническимъ, нарушая естественныя права штата, онъ можетъ такъ же выйти изъ союза или низвергнуть правительство, какъ дѣлаютъ это индивиды противъ тираническаго правительства. Но это лишь революціонное право на возстаніе“ [2]).

Такихъ же взглядовъ держались и другіе представители Виргинской школы, Джонъ Тэйлоръ, Вильямъ Рауле и Джемсъ Монрое [3]).

---

1) That it views the powers of the Federal Government, as resulting from the compact, to which the States are parties, as limited by the plain sense and intention of the instrument constituting that compact, as no farther valid than they are authorized by the grants enumerated in that compact; and that in case of a deliberate, palpable, and dangerous exercise of other powers, not granted by the said compact, the States, who are parties thereto, have the right and are in duty bound, to interpose, for arristing the progress of the evil, and for maintaining within their respective limits, the authorities, rigts, and liberties appertaining to them.

2) George Tucker, Blackstone's Commentaries... to the Constitution of the U. S., Philadelphia, 5 т., 1803, I, стр. 187.

3) John Taylor, Inquiry into the Principles and Policy of the Government of the U. S., Fredericksburg, 1814; Con-

IV.

Кульминаціоннаго своего пункта конфедеративная идея достигла въ теоріяхъ Джона Кальгуна, ирландца по національности и одного изъ самыхъ сильныхъ политическихъ мыслителей Америки[1]).

---

struction construed and Construction vindicated, Richmond, 1820; Tyranny unmasked, Washington, 1822; New Views of the Constitution of the U. S., Washington, 1823. William Rawle, View of the Constitution of the U. S., Philadelphia, 1825 (2 изд. 1829). James Monroe, The People the Sovereigns (1825—1831), Philadelphia, 1867; The Writings, ed. by S. M. Hamilton, 7 т., N. Y. 1898—1904.

1) John Calhoun, Works, 6 т., Charlestown, 1851—1855 [т. I, A Disquisition ou Government (стр. 1—107); A Discourse on the Constitution and Government of the United States, (107—406); т. II, Speeches in Congress (особ. рѣчь 26 февр. 1833 Speech on his Resolution in support of State Rights, стр. 262—309); т. III, Speeches (особ. Remarks on the State Rights Resolutions in regard to Abolition 12 янв. 1838, стр. 140—201); t. IV, Speeches; т. V, Reports and public letters (къ федеративной теоріи имѣетъ мало отношенія); т. V (основной для федеративной теоріи Кальгуна) Report and public letters („The South Carolina Exposition", 1828, стр. 1—58; Address on the Relations of the States and Federal Government, 1831, стр. 59—93; Report on Federal Relatons, 1831, стр. 94—123; Address to the People of South Carolina, 1831, стр. 124—143; Letter to Governor Hamilton, 1832, стр. 144—192; Address to the People of the United States, 1833, стр. 193—209]; перепечатка этого изданія N. Y. 1870; Correspondence (изд. въ Annual Report of the American Historical Associaton 1899, т. 11). О Кальгунѣ см. H. Holst, Life of Calhoun, Boston 1883; S. M. Pinkney, Life of J. C. Calhoun, Charleston, 1903; D. L. Child, The taking of Naboths Vineyard or History of Texas Conspiray and an examination of the reasons given by J. C. C. and others for the dismembrement of the republic of Mexico, 1845; D. E. Houston A study of nullification in South Carolina (Harward Historical Studies 1896, т. III). О политическихъ идеяхъ Кальгуна см. С. Фортунатовъ, Исторія политическихъ ученій въ Соединенныхъ Штатахъ, I, Федералисты и трактаты Кальгуна, М. 1879, стр. 73—150 (довольно подробное изложеніе содержанія политическихъ сочиненій Кальгуна); элементарной и мало удовлетворительной нѣмецкой диссертаціей является брошюра Edward Elliot, Die Staatslehre John C. Calhouns, Leipzig, 1902.

Правительство, начинаетъ Кальгунъ свое Disquisition on Government, есть естественный фактъ. Въ существѣ человѣка имѣется два основныхъ элемента, эгоизмъ и соціальный инстинктъ. Для контроля надъ эгоизмомъ необходимо правительство. Общество необходимо человѣку, правительство же необходимо обществу. Но правительство, въ свою очередь, носитъ въ себѣ зародыши зла, и поэтому оно должно быть также контролируемо. Въ правительствѣ имѣются эгоистическія тенденціи, сдерживать которыя должна цѣлесообразная конституція. Эгоистическія стремленія въ обществѣ сдерживаетъ правительство, эгоистическія тенденціи въ правительствѣ сдерживаетъ правильная конституція [1]). Таковы исходныя предпосылки кальгуновской теоріи государства.

Какъ же должна быть организована эта правильная конституція? Цѣль такой конституціи, съ одной стороны, предохранить членовъ общества отъ правительственнаго угнетенія, съ другой стороны, дать правительству необходимую власть. Для этого прежде всего должна быть организована отвѣтственность правителей по отношенію къ управляемымъ путемъ установленія избирательнаго права; но этого мало: у большинства избирателей можетъ быть тенденція къ угнетенію меньшинства. Большинство, по мнѣнію Кальгуна, имѣетъ стремленіе присвоить себѣ всѣ права,

---

Ср. также J. L. M. Curry, Principles and Acts of J. Calhoun, promotive of the true Union of the States, 1898.

1) „Two powers are necessary to the existence and preservation of free States: a power on the part of the ruled to prevent rulers from abusing their authority, by compelling them to be faithful to their constituens, and which is effected through the right of suffrage; and a power to compel the parts of society to be just to one another, by compelling them to consult the interest of each other. — Which can only be effected, whatever may be the device for the purpose, by requiring the concurring assent of all the great and distinct interest of the community to the measures of the Government. Both powers are indispensable“ (Letter to General Hamilton, Works, VI, 189–190).

принадлежащія народу, какъ цѣлому. Будучи только частью, оно смотритъ на себя и дѣйствуетъ, какъ весь народъ, меньшинство же третируется, какъ ничтожество. Послѣдствія такой тираніи большинства рисуются Кальгуну въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Большія политическія партіи возрастутъ, ихъ организація будетъ становиться все болѣе централизованной; партійная дисциплина сдѣлается строже; возникаетъ Spoils System; партійная борьба станетъ напряженной; станутъ прибѣгать къ силѣ; возникнетъ абсолютное правительство. Общественное мнѣніе не является достаточной сдержкою для тираніи большинства, такъ какъ оно тоже можетъ быть деспотическимъ или неразумнымъ. Конституціонныхъ ограниченій и раздѣленія властей мало для противодѣйствія большинству. Всѣ ограниченія, всѣ сдержки толкуются въ свою пользу господствующей партіей.

Всякое правительство, въ которомъ власть сосредоточена въ одномъ лицѣ или учрежденіи (включая сюда большинство), есть абсолютное правительство. Оно покоится въ послѣднемъ итогѣ на силѣ. Истинно же конституціонное правительство покоится на компромиссѣ [1]). „Мы легко понимаемъ, говоритъ Кальгунъ, почему одинъ человѣкъ, будучи правителемъ, если не принимать противъ него мѣръ, можетъ угнетать остальную часть общества; но мы почему-то съ меньшей легкостью понимаемъ, какимъ образомъ 7 милліоновъ, если не приняты соотвѣтствующихъ мѣръ, можетъ угнетать 6 милліоновъ, какъ будто то или другое число на каждой сторонѣ въ чемъ-нибудь измѣнитъ принципъ“ [2]).

Противъ тираніи большинства главнымъ конституціоннымъ средствомъ Кальгунъ полагалъ такъ называемое имъ совмѣстное, гармонически содѣйствующее большинство, con-

1) О тираніи большинства см. A Disquisition on Government, Works, I, 22 и сл.

2) Works, VI, 191—2.

current majority [1]). Подъ этимъ совмѣстнымъ большинствомъ Кальгунъ разумѣлъ такое, которое получается отъ соединенія голосовъ каждой общественной группы, обладающей особымъ интересомъ. Правильное гармоническое большинство получается лишь тогда, когда каждая такая группа имѣетъ право высказаться и воспротивиться, наложить свое veto на примѣненіе закона, нарушающаго ея интересы. Это право отвергнуть законъ есть необходимый элементъ правильно-организованной, дѣйствительно конституціонной системы [2]).

Такое введеніе принципа совмѣстнаго большинства въ

---

1) A Disquisition on Government, Works, I, 35 и сл.

2) „To vest the right of governement in the absolute majority, would be, in fact — but to embody the will of the stronger interest in the operations of the Governement and not the will of the whole community — and to leave the others unprotected, a prey to its ambition and cupidity — just as would be the case betwen rulers and ruled, if the right to govern was vested exclusively in the hands of the former. They would both be, in reality, absolute and despotic governments: the one as much so as the other. They would both become mere instruments of cupidity and ambition in the hands of those who wielded them. No one doubts that such would be the case were the government placed under the control of irresponsible rulers, but, unfortunately fore the cause of liberty, it is not seen with equal clearness that it must as necessarily be so when controlled by an absolute majority; and yet, the former is not more certain than the latter. To theis we may attribute the mistake so often and so fatally repeated, that to expel a despot is to establish liberty a mistake to which we may trace the failure of many noble and generons efforts in favor of liberty. The error consists in considering communities as formed of interests strictly identical throughout, instead of being composed, as they in reality are, of as many distinct interests as there are individuals. The interests of no two persons are the same, regarded in reference to each other, thoy they may be, viewed in relation to the rest of the community. It is this diversity which the several portions of the community bear to each other, in reference to the whole, that renders the principle of the concurring majority necessary to preserve liberty. Place the power in the hands of the absolute majority, and the strongest of these would certainly pervert the government from the object for which it was instituted — the equal protection of the rights of all — into an instrument of advancing itself at the expense of the rest of the community. Against this abuse of power no remedy can be devised but that of the concurring majority. Neither the right of suffrage nor public opinion can possibly check it. Works, VI, 190—191.

сѣверо-американскую конституцію будетъ имѣть, по мнѣнію Кальгуна, чрезвычайно выгодныя послѣдствія для политической системы: штаты будутъ болѣе привязаны къ союзу; правительство должно будетъ преслѣдовать интересы всей страны, а не одной какой-либо группы; не будетъ жестокихъ столкновеній между отдѣльными частями; политическій строй будетъ истинно свободнымъ. Противъ такой системы указываютъ на сложность подобнаго правительства, но всякое свободное правительство сложно; указываютъ также на слабость его, но въ необходимые моменты дѣйствительной нужды во всѣхъ частяхъ союза восторжествуетъ сознаніе долга по отношенію ко всей странѣ. Этому имѣется родъ аналогичныхъ примѣровъ, — въ единогласномъ рѣшеніи присяжныхъ судей, въ liberum veto Польши, въ совмѣстной власти патриціевъ и плебеевъ въ Римѣ, лордовъ и общинъ въ Англіи, и т. д.

Этотъ принципъ совмѣстнаго большинства Кальгунъ примѣнялъ и къ отношеніямъ между центральной федеральной властью и отдѣльными штатами. Здѣсь этотъ принципъ выражается въ принадлежащемъ отдѣльнымъ штатамъ правѣ нуллификаціи федеральныхъ законовъ. Штатъ можетъ отвергнуть любую мѣру центральнаго правительства, которую онъ считаетъ несовмѣстной съ конституціей. Онъ можетъ ее нуллифицировать. Однако если $^3/_4$ штатовъ согласны съ правительствомъ, штатъ долженъ или подчиниться или выйти изъ союза. Нуллификація, въ глазахъ Кальгуна, имѣетъ отношеніе не только къ федеральному союзу, но и ко всякому вообще конституціонному правительству. Это есть основа всякаго свободнаго правительства [1]).

1) Works, I, стр. 297 и сл. Ср. огненную рѣчь, произнесенную Кальгуномъ въ февралѣ 1833 г. по поводу Force Bill'я о федеральномъ принужденіи сопротивляющихся штатовъ. „It is said that the bill ought to pass, because the law be enforced. The law must be enforced! The imperial edict must be executed! It is under such sophistry, conched in general terms, without looking to the limitations which mus ever exist in the practical exer-

При конструированіи юридической природы федеральнаго государства Кальгунъ отвергъ бывшую въ ходу въ то время теорію раздѣленнаго суверенитета. По мнѣнію его, такое дѣленіе и логически невозможно и противорѣчиво. Раздѣлить суверенитетъ значитъ его разрушить. Суверенитетъ долженъ быть единымъ или его не будетъ совсѣмъ. Государство не можетъ отчасти быть суверереннымъ, отчасти несуверереннымъ. Не можетъ быть союза, состоящаго съ одной стороны изъ наполовину суверенныхъ штатовъ, а съ другой изъ наполовину суверереннаго центральнаго правительства.

Что касается сѣверо-американскаго союза, то штаты съ самаго начала были суверенными и таковыми и остались.

---

cise of power, that the most cruel and despotic acts ever have been covered. It was such sophistry as this that cast Daniel into the lion's den, and the three innocents into the fiery furnace. Under the same sophistry, the bloody edicts of Nero and Caligula were executed. The law must be enforced. Yes; the act im posing the „tea tax must be executed". This was the very argument which impeled Lord North and his administration to that mad career which forever separated us from the British crown. Under a similar sophistry, „that religion must be protected", how many massacres have been perpetrated? and how many martyrs have been tied to the stake? What! acting on this vague abstraction, are you prepared to enforce a law without considering whether is be just or injust, constitutional or inconstitutional? Will you collect money when it is acknowledged that it is not wanted? He who earns the money, who digs it from the earth with the sweat of his brow, has a just title to it against the universe. No one has a right to touch it without his consent exept his government, and this only to the extent of its legitimate wants; to take more is roblery, and you propose by this bill to enforce roberry by murder. Yes, to this result you must come, by this miserable sophistry, this vague abstraction of enforcing the law, without a regard to the fact whether the law be just or unjust, constitutional or unconstitutional. In the same spirit, we are told that the Union must be preserved, without regard to the means. And how is it proposed to preserve the Union? By force! Does any man in his senser believe that this beautiful structure — this harmonious aggregate of States, produced by the joint consent of all — can be preserved by force? Its very introduction will be certain destruction to this Federal Union. No; no. You cannot keep the States-United in their constitutional and federal bonds by force. Force may, indeed, hold the parts together, but such union would be the bond between master and slave — a union of exaction on the side and of unqualified obediencc on the other". Works, II, стр. 233.

Они не могли часть суверенитета отдать, а часть сохранить; они должны были или все отдать или все сохранить, быть или вполнѣ суверенными или вполнѣ подчиненными. Правда, центральное правительство можетъ осуществлять суверенныя права, но оно не имѣетъ настоящаго суверенитета, выраженіемъ котораго эти права являются. Центральное правительство только дѣйствуетъ, какъ суверенъ, но оно не суверенно. Истинные носители суверенитета — штаты, которые и делегируютъ центральному правительству нѣкоторые атрибуты суверенитета. Нужно различать между учредительною (constitution-making) и законодательною властью (law-making power); только первая суверенна, и она принадлежитъ не центральному правительству, а штатамъ. Практическій выводъ изъ суверенитета отдѣльныхъ штатовъ тотъ, что каждый штатъ можетъ осуществить свое суверенное право и выйти изъ союза.

Въ чемъ же различіе между федеральнымъ государствомъ, какимъ являются Соединенные Штаты (Republic, по терминологіи Кальгуна), и конфедераціей, каковою они были между 1781—1789 г.? По мнѣнію Кальгуна, разница эта не въ суверенитетѣ, а лишь въ правительственной организаціи. Въ конфедераціяхъ нѣтъ постояннаго и прочнаго правительства, а лишь собраніе дипломатовъ, въ федеральномъ государствѣ имѣется правительство. Это центральное правительство получаетъ свою власть въ федеральномъ государствѣ изъ иного источника, чѣмъ въ конфедераціяхъ; въ этомъ послѣднемъ власть получается отъ правительства штатовъ, въ федеральномъ государствѣ отъ самихъ суверенныхъ штатовъ. Въ федеральномъ государствѣ требуется болѣе точное разграниченіе компетенцій, чѣмъ при конфедераціи. Въ конфедераціяхъ власть штатовъ выше центральной, въ федеральномъ государствѣ она ей равна. Наконецъ, способы исполненія рѣшеній центральной власти разнятся въ обоихъ случаяхъ: въ федеральномъ государствѣ центральная власть

дѣйствуетъ непосредственно на индивидовъ, въ конфедераціяхъ — лишь черезъ посредство штатовъ [1]).

Гольстъ довольно справедливо назвалъ теорію Кальгуна о нуллификаціи и сецессіи „систематизаціей анархіи". Союзъ, не имѣющій во главѣ суверенной власти, есть политическій монстръ [2]). Дѣйствительно, теорія Кальгуна о томъ, что правильное правительство должно покоиться на компромиссѣ, на свободномъ согласіи частей, а не на силѣ, юридически выражаетъ тѣ анархо-конфедералистическія идеи, которыя вскорѣ послѣ Кальгуна защищалъ, напр., Прудонъ. Но, разумѣется, у самого Кальгуна не было стремленія къ анархизму, а онъ лишь искренно желалъ найти организацію дѣйствительно свободнаго правительства, въ которомъ не было бы угнетенія, и удовлетворялся бы общій, а не частный интересъ. Задача Кальгуна была та же, что и Руссо, — найти такую форму человѣческаго политическаго общежитія, въ которомъ господствовала бы не частная, а общая воля.

Въ американской литературѣ идеи Кальгуна нашли себѣ не мало сторонниковъ среди юристовъ и политиковъ; укажемъ хотя бы на Упшура, Джорджа Туккера, Джефферсона Дэвиса, Александра Стефенса, Бернарда Сэджа и др.[3]).

---

1) Discourse on the Constitution of U. S., Works, I, 163 и сл.

2) H. v. Holst, John C. Calhoun, Boston, 1882, стр. 100—103.

3) [Abel P. Upshur], A brief Inquiry into the true Nature and Character of our federal Government, by a Virginian, Petersbourg, 1840; Henry S. George Tucker, Lecture on Constitutional Law, Richmond 1843 (не слѣдуетъ смѣшивать съ цитированнымъ выше Туккеромъ); Jefferson Davis (президентъ Конфедеративныхъ Штатовъ Америки), The Rise and Fall of the Confederate Government, 2 т., N. Y. 1881. О Дэвисѣ см. Centz P. C., Davis and Lee: a Vindication of Southern States, citicens and rights by federal Constitution and its maker, N. Y. 1866; Blackford, The Trials and Trial of J. Davis, 1901; W. E. Dodd, Jefferson Davis, 1907; Bernard Sage (Centz P. C.), The Republic of Republics or American Federal Liberty, 1865; A. H. Stephens, A constitutional View of the Law war between the States, Philadelphia, 1867.

Теорія Кальгуна была официальной доктриной конфедераціи отложившихся Южныхъ Штатовъ.

V.

Какъ и слѣдовало ожидать (и весь историческій опытъ федерализма говоритъ за это), въ Соединенныхъ Штатахъ побѣда осталось за унитарнымъ теченіемъ, а не за конфедерализмомъ.

Съ самаго же начала союза возникла партія, стремившаяся къ централизаціи, извѣстная послѣдовательно подъ именами партіи федералистовъ, виговъ и республиканцевъ. Она стояла за увеличеніе національнаго могущества, за расширеніе правительственныхъ функцій, за широкое примѣненіе силы и власти при подавленіи общественныхъ безпорядковъ. Она постоянно защищала правительственные проекты общей союзной пользы, финансовые федеральные планы Гамильтона, протекціонную политику, внутреннія улучшенія, ограниченіе рабства черезъ конгрессъ, энергичныя мѣры во время гражданской войны и реконструктивную работу черезъ конгрессъ послѣ войны.

Уже въ эпоху Федералиста представителемъ такой національной, унифицирующей тенденціи былъ Александръ Гамильтонъ [1]).

1) Александръ Гамильтонъ — главный авторъ знаменитаго американскаго сборника политическихъ статей Federalist. Сочиненія его собраны въ 7 томахъ: Alexander Hamilton, Works, 7 изд. J. C. Hamilton, N. Y. 1850 и Works, изд. Lodge, N. Y. 1904. Изданія The Federalist 1788 г., 1802, 1817, 1837, 1883, 1884, 1888, 1898. Имѣются переводы на французскій языкъ, Paris 1902, и на испанскій языкъ, Buenos Aires 1888. О Гамильтонѣ лучшая работа Fred. Sc. Oliver, Alexander Hamilton, an essay on american union, N. Y. 1907; о его политическихъ теоріяхъ см. R. S. Mulford, Political theories of Alexander Hamilton, 1903, и статья James Bryce, The Predictions of Hamilton and de Tocqueville (въ журналѣ Johns Hopkins University Studies in Historical and Political science, 1887, сентябрь). На русскомъ языкѣ С. Фортунатовъ, Исторія политическихъ ученій въ С. Штатахъ. Федералистъ и трактаты Кальгуна, М. 1879 (стр. 19—73).

Гамильтонъ не достаточно ясно представлялъ себѣ юридическое различіе двухъ основныхъ типовъ федеративныхъ соединеній. Для него и соединеніе штатовъ по конституціи 1781 г. и новый строй были конфедеративными республиками. Основный признакъ конфедераціи вообще (т. е. общей формы, подъ которую должны были подходить и тѣ, что мы называемъ теперь конфедераціями, и федеральныя государства) заключается только въ томъ, что составныя части сохраняютъ свою особенную, хотя бы и подчиненную организацію и являются конститутивными элементами общаго суверенитета. Проводятъ — писалъ Гамильтонъ, — тонкое различіе между конфедераціей и консолидаціей государствъ. Утверждаютъ, что отличительная характерная черта конфедераціи есть та, что власть конфедераціи простирается лишь на членовъ, разсматриваемыхъ въ ихъ коллективной правоспособности, и не касается отдѣльныхъ индивидовъ. Утверждаютъ, что въ ней національный совѣтъ не долженъ заниматься никакимъ предметомъ внутренняго управленія. Требуютъ также абсолютнаго равенства избирательнаго права для каждаго изъ государствъ, какъ характернаго признака конфедеральнаго правленія. Всѣ эти положенія, въ общемъ, произвольны; они не основываются ни на принципахъ, ни на опытѣ. Случалось, что подобныя правительственныя формы функціонировали, словно это различіе вытекало изъ ихъ природы; но во многихъ случаяхъ существуютъ многочисленныя исключенія, ясно доказывающія, что на этотъ счетъ не можетъ быть абсолютнаго правила. Опредѣленіе конфедеративной республики равнозначно „собранію обществъ“ („assemblage of societies“) или соединенію двухъ или многихъ государствъ въ одно государство. Объемъ и область федеральной власти для понятія конфедераціи въ сущности безразличны. Пока не разрушена особая организація каждаго изъ членовъ союза, пока она существуетъ въ силу конституціонныхъ законовъ

для всѣхъ предметовъ мѣстнаго управленія, хотя бы и въ абсолютномъ подчиненіи общей власти союза, въ результатѣ, на практикѣ и въ теоріи, имѣется ассоціація государствъ или конфедерація. Американская конституція, частности, не только не уничтожаетъ правительствъ штатовъ, но дѣлаетъ ихъ конститутивными частями національнаго суверенитета, даетъ имъ прямое представительство въ сенатѣ и предоставляетъ имъ въ исключительное пользованіе многіе важные атрибуты суверенитета. Это вполнѣ совпадаетъ съ идеей федеральнаго правительства, въ разумномъ смыслѣ этого слова [1]).

Конфедераціи, однако по мнѣнію Гамильтона, бываютъ различныя, — совершенныя и несовершенныя; къ числу этихъ послѣднихъ принадлежала конфедерація Соединенныхъ Штатовъ по конституціи 1781 г. Основной порокъ этой конфедераціи заключался въ томъ, что федеральные законы издавались не для отдѣльныхъ гражданъ, а для штатовъ или ихъ правительствъ, какъ организацій, отличныхъ отъ составляющихъ ихъ индивидовъ [2]).

Нѣтъ ничего абсурднаго и непрактичнаго въ идеѣ союза между независимыми націями для дѣлъ точно фиксированныхъ въ трактатѣ, опредѣляющемъ всѣ детали времени, мѣста, условій и ничего не оставляющемъ на усмотрѣніе сторонъ, но въ то же время полагающемся на добросовѣстность въ его выполненіи. Подобнаго рода конвенціи существуютъ между всѣми цивилизованными націями, онѣ подлежатъ обычнымъ колебаніямъ мира и войны, соблюденія и нарушенія, сообразно интересамъ и страстямъ договаривающихся державъ. „Если

1) Federalist, № 9

2) The great and radical vice in the construction of the exesting confederation is in the principle of Legisation for States or Government, in their Corporate or Collective Capacities, and as contradistinguished from the Individuals of which they consist . . . we must extend the authority of the Union to the persons of the citizens — the only proper objects of government. Federalist, № 15.

отдѣльные штаты въ нашей странѣ, восклицаетъ Гамильтонъ, расположены установить между собою подобныя отношенія и отвергнувъ идею общаго правительственнаго руководства, то комбинація эта, правда, будетъ печальной и навлечетъ на насъ всякія бѣды, но она, по крайней мѣрѣ, будетъ логической и осуществимой. Устранивши всякую идею федеративнаго правительства, она создастъ изъ насъ простой оборонительно-наступательный союзъ, но если мы принимаемъ проектъ національнаго правительства или (что то же самое) высшей власти подъ управленіемъ общаго совѣта, то надо рѣшиться ввести въ нашъ союзъ принципы, составляющіе существенную разницу между простымъ альянсомъ и правительствомъ; надо перенести власть союза на личность гражданъ, — единственный настоящій объектъ правительственной дѣятельности. Идея правительства заключаетъ въ себѣ власть издавать законы". Для идеи закона существенно, чтобы была санкція, другими словами, чтобы было наказаніе въ случаѣ неповиновенія. Если нѣтъ наказанія за неповиновеніе, то рѣшенія, издаваемыя подъ названіемъ законовъ, будутъ не законами, а лишь указаніями и совѣтами. Это наказаніе, каково бы оно ни было, можетъ быть наложено двумя способами: принудительною силою судовъ или силою оружія. Первый способъ можетъ, очевидно, примѣняться только къ индивидамъ; второй, по необходимости, надо примѣнять противъ политическихъ тѣлъ, общинъ и государствъ. Ясно, что нѣтъ судебныхъ рѣшеній, которыя могли бы принудить штаты къ соблюденію законовъ. Можно выносить рѣшенія противъ нихъ за нарушеніе ими ихъ долга; но эти рѣшенія могутъ быть приведены въ исполненіе только силою меча. Въ обществѣ, гдѣ общая власть принадлежитъ соединенію общинъ, всякое нарушеніе закона должно повлечь за собою состояніе войны; и военныя экзекуціи — единственное средство, могущее обезпечить повиновеніе. Такое положеніе вещей, очевидно, не заслуживаетъ имени прави-

тельства; мудрый человѣкъ не долженъ ввѣрять ему своего счастья [1]).

Если мы желаемъ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ Гамильтонъ, дать союзу энергію и устойчивость, слѣдуетъ оставить пустой проектъ издавать законы для штатовъ, какъ для цѣлыхъ коллективностей, мы должны распространить законы федеральнаго правительства на всѣхъ гражданъ, разматриваемыхъ индивидуально; мы должны устранить систему контрибуцій и реквизицій, какъ несправедливую и непрактичную. Союзъ долженъ быть надѣленъ полной властью набирать войска, строить и снаряжать флотъ, взимать суммы, необходимыя для образованія и поддержанія арміи и флота, какъ это практикуется въ другихъ правительствахъ.

Если состояніе страны требуетъ скорѣе сложнаго правительства, чѣмъ простого, скорѣе конфедеральнаго, чѣмъ унитарнаго, то существенно провести насколько возможно ясно границы функцій различныхъ властей, давая каждой возможно широкій авторитетъ для выполненія порученныхъ ей функцій. Если на союзъ возложена забота объ общественной безопасности, то для этого, необходимы флотъ, армія, средства. Правительство союза должно имѣть право издавать всякіе законы, сюда относящіеся. Такое же право оно должно имѣть относительно торговли и другихъ объектовъ, на которые оно въ правѣ расширять свою компетенцію. Если отправленіе правосудія по отношенію къ обитателямъ одного штата принадлежитъ правительствамъ отдѣльныхъ штатовъ, то они также, въ свою очередь, должны имѣть дѣйствительную власть по отношенію къ этому предмету и вообще надъ всѣми тѣми, кто подчинены ихъ частному управленію [2]).

Въ конструированіи юридической природы федеральнаго государства Гамильтонъ, повидимому, склонялся къ

1) Federalist, № 15.
2) Federalist, № 23.

теоріи раздѣленія суверенитета. Полная консолидація государствъ въ одинъ національный суверенитетъ заключаетъ въ себѣ, по его мнѣнію, полное подчиненіе частей, такъ какъ въ этомъ случаѣ нѣкоторая власть, сохраняемая за штатами, зависитъ вполнѣ отъ общей воли всего государства. Но такъ какъ предполагается установить изъ американскихъ колоній не консолодированное (унитарное) государство, а только союзъ, только частную консолидацію, то очевидно, что правительства штатовъ должны при этомъ сохранить всѣ суверенныя права, принадлежавшія имъ раньше и не исключительно делегированныя по конституціи федеральной власти. Эта исключительная делегація или, скорѣе, это отчужденіе существуетъ только въ трехъ случаяхъ: когда конституція опредѣленно даетъ исключительную власть союзу; когда по одной статьѣ она даетъ союзу власть, а по другой статьѣ ту же власть изъемлетъ изъ компетенціи штатовъ; наконецъ, когда она даетъ союзу власть, которую ни въ коемъ случаѣ нельзя въ одно и то же время предоставить и штатамъ, не впадая въ абсолютное противорѣчіе [1]).

VI.

Въ сущности та форма правленія, которую получили Соединенные Штаты по конституціи 1787 г., есть форма національно-суверенная. Въ рукахъ народа въ цѣломъ находится верховенство власти; конгрессъ избирается народомъ; президентъ тоже избирается всенароднымъ голосованіемъ; федеральный судъ, провѣряющій конституціонность законовъ, назначается президентомъ, избираемымъ народомъ. Неудивительно, что въ Соединенныхъ Штатахъ восторжествовала національная школа, утверждающая суверенитетъ за союзомъ, а не за штатами.

Та идея національнаго единства, которая высказана

1) Federalist, № 32.

была уже Гамильтономъ, защищалась и Джономъ Адамсомъ, однимъ изъ вождей федералистической партіи, сторонникомъ Вашингтона и противникомъ Джефферсона[1]). Вполнѣ же юридически формулирована эта точка зрѣнія была Джономъ Джеемъ, однимъ изъ авторовъ Федералиста, и Джемсомъ Вильсономъ.

Джей[2]) склонялся, вмѣстѣ съ Гамильтономъ и Адамсомъ, къ болѣе сильной централизаціи и къ болѣе энергичному національному правленію, и если въ Федералистѣ онъ и защищалъ федеральное устройство, то только потому, что видѣлъ въ немъ прогрессъ по сравненію съ прежнимъ конфедеральнымъ союзомъ. Свою національную точку зрѣнія Джей изложилъ по поводу одного дѣла частнаго лица противъ штата[3]). Народъ Соединенныхъ Штатовъ, по его мнѣнію, составляетъ единое цѣлое; на него перенесенъ прежній суверенитетъ англійской короны; конституція 1787 г. есть дѣло всего народа, какъ цѣлаго[4]).

Исходя изъ принциповъ естественно-правовой теоріи, утверждалъ единство американскаго народа и Джемсъ Вильсонъ, профессоръ Филадельфійскаго университета и членъ высшаго федеральнаго суда[5]). Народъ союза заключилъ,

---

1) John Adams, Works, 10 т., изд. C. P. Adams, Boston, 1856; Défense des constitutions américaines (противъ Тюрго), 2 т. Paris, 1792; Memoire aux Etats-Généraux des Provinces Unies des Pays-Bas, Leyden, 1781; Considérations sur le mémoire adressé à L. H. P. par Adams, Leyden, 1781.

2) John Jay, The correspondence and public papers, 4 т., N. Y. 1890—3; см. William Jay, Life of John Jay, съ корреспонденціей и нѣкоторыми сочиненіями Джея, 2 т., N. Y. 1833.

3) Chisholm vs. Georgia см. William Jay, op. cit., I, стр. 294 и сл.

4) In establishing it, the people exercised their own rights, and their own proper sovereignty, and conscious of the plenitude of it, they declared with becoming dignity, „We, the people of the United States, do ordain and establish this Constitution“. Here we see the people acting as sovereigns of the whole country; and in the languege of sovereignty, establishing a Constitution by which it was their will, that the State Constitutions should be made to conform. 2 Dallas' Reports, стр. 471.

5) James Wilson, The Works, 3 т., Philadelphia, 1804.

какъ единый и цѣлый народъ, общественный договоръ, по этому договору часть власти народъ передалъ правительствамъ штатовъ, но собственное право суверенитета остается на всегда за всѣмъ народомъ.

Здѣсь же должны быть упомянуты, какъ творцы юридической теоріи національнаго единства Соединенныхъ Штатовъ, представители Массачузетской школы, Маршалъ, Кентъ [1]) и особенно профессоръ Гарвардскаго университета Джозефъ Стори, комментаріи котораго къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ до сихъ поръ пользуются авторитетомъ въ Сѣверной Америкѣ [2]).

Главнымъ противникомъ теоріи Кальгуна былъ Даніелъ Вебстеръ, чрезвычайно содѣйствовавшей успѣху идей политическаго единства Соединенныхъ Штатовъ [3]). Доктрина Вебстера сводилась къ тому, что американскій союзъ нужно понимать, какъ результатъ договора между индивидами,

---

1) Маршалъ особенно унифицирующее вліяніе оказалъ, какъ предсѣдатель высшаго федеральнаго суда. Въ особенности важны его сужденія въ процессѣ United States vs. Judge Peters 1809, которыми утверждалась независимость высшаго федеральнаго суда отъ законодательства отдѣльныхъ штатовъ, и Martin vs. Hunters Lessee 1816, которыми признавалось, что федеральный судъ есть апелляціонная инстанція для высшихъ судовъ отдѣльныхъ штатовъ. Marshall, Writings on the Constitution, Boston, 1839. Ср. также G. M. Dallas, Life and Writings, Philadelphia, 1871, стр. 98—107; J. Q. Adams, the Jubilee of the Constitution, рѣчь, N. Y. 1839; Dane, Abridgement and digest of American Law, 9 т., 1823—9, именно Appendix къ 9 тому; James Kent, Commentaries on American Law, 4 т., 1826—1830.

2) Joseph Story, Commentaries on the Constitution of the U. S., 3 т., Boston, 1833; ср. т. I, стр. 137—154 (изд. Boston, 1858) доказательства въ пользу сильнаго національнаго правительства и критику конфедеративныхъ соединеній. Это основное сочиненіе Стори переведено на нѣмецкій и французскій языки; ср. Commentaires sur la constitution fédérale des Etats-Unis, P. 1843, т. I, стр. 144—161 и т. III, стр. 198—234. См. также J. Story, Miscellaneous writings, Boston, 1852.

3) Daniel Webster, Works, 6 т., Boston, 1851; Private Correspondance, 4 т., 1857; ср. G. T. Curtis, Life of Daniel Webster, N. Y. 1869.

составляющими американскій народъ, а не между штатами, какъ таковыми. „We, the people of the United States“ говорится въ началѣ конституціи 1787 г., что́ значитъ, что конституція устанавливается народомъ Соединенныхъ Штатовъ въ цѣломъ; иначе было бы сказано, что народы отдѣльныхъ штатовъ устанавливаютъ конституцію. Будучи результатомъ договора между отдѣльными индивидами, американская конституція является настоящимъ высшимъ закономъ страны, а не свободнымъ договоромъ штатовъ [1]).

Массачузетская школа, Кентъ, Стори, Вебстеръ въ своихъ унитарныхъ тенденціяхъ стремились стоять на почвѣ строго-юридическаго толкованія конституціи, но въ эпоху вооруженнаго столкновенія сѣверныхъ и южныхъ штатовъ создалось національное теченіе, не довольствовавшееся тѣмъ или инымъ толкованіемъ конституціи и утверждавшее, что союзъ долженъ быть удержанъ и укрѣпленъ, хотя бы это было соединено и съ нарушеніемъ конституціи. Самое важное въ политическомъ устройствѣ народа не писанная конституція, а первоначальный источникъ всякой власти и всякихъ политическихъ формъ, — американскій народъ, существующій раньше всякой конституціи. „Мѣры даже

1) I maintain, — сказалъ въ одной изъ своей рѣчей Вебстеръ, that the Constitution of the United States is not a league, confederacy, or compact between the people of several States in their sovereign capacities but a government proper, founded on the adoption of the people, and creating direct relations between itself and individuals (W o r k s , III, стр. 464). „I do not agree, that the Constitution is a compact between States in their sovereign capacities. I do not agree, that, in strictness of language, it is a compact at all. But I do agree, that it is founded on consent or agreement, or on compact. Is not a contract, but the result of a contract; meaning by contract no more than assent. Founded on consent, it his a government proper. Adopted by the agreement of the people of the United States, when adopted, it has become a Constitution. The people have agreed to make a Constitution; but when made, that Constitution becomes what its name imports. It is no longer a mere agreement . . . When the people agree to erect a government and actually erect it, the thing is done, and the agreement is at an end. The compact is executed, and the end designed by it attained“ (W o r k s , III, 467).

неконституціонныя, полагалъ президентъ Линкольнъ, дѣлаются вполнѣ правомѣрными, если онѣ необходимы для сохраненія конституціи и особенно для сохраненія націи“[1]).

Послѣ войны за сохраненіе союза въ американскихъ политическихъ ученіяхъ вполнѣ утверждается такъ называемая „органическая“ теорія федеральнаго государства, которая утверждаетъ, что происхожденіе союза не договорно, а органично: союзъ есть результатъ дѣйствія многихъ историческихъ силъ. Вслѣдствіе общности расы, интересовъ, географическаго положенія союзъ долженъ быть единымъ, и ему принадлежитъ единый и недѣлимый суверенитетъ[2]). Штаты не могли „удержать“ то, чѣмъ они никогда не владѣли. Они всегда были подчинены высшей политической власти, сначала Англіи, потомъ континентальному конгрессу,

---

1) Abraham Lincoln, Works, 2 т., N. Y. 1894, II, стр. 508. Таково же было мнѣніе: Sydney G. Fisher, The Trial of the Constitution, Philad. 1862 („Если данный союзъ и данное правительство и не могутъ быть спасены конституціонно изъ этой ужасной катастрофы войны, то вообще союзъ и правительство должны быть спасены противо-конституціонно“, стр. 192); J. A. Jameson, The Constitutional Convention, N. Y. 1866 („Позади всѣхъ штатовъ и всѣхъ правительственныхъ формъ штатовъ и союза мы должны видѣть единое и недѣлимое политическое цѣлое націи“, sec. 51); O. A. Brownson, Constitutional Government, Boston, 1842; его же, Essays and Reviews, N. Y. 1852; его же, The American Republic, it Constitution, Tendencies and Destiny, 1866 (существуетъ неписанная конституція, по которой суверенитетъ принадлежитъ народу въ цѣломъ); то же Joel Tiffany, A Treatise on Government and Constitutional Law, Albany, 1867; J. N. Pomeroy, An Introduction to the Constitutional Law of the U. S., N. Y. 1868; E. Mulford, The Nation, N. Y. 1870, особ. гл. IX; John C. Hurd, The Law of Freedom and Bondage; его же, The Theory of our National Existence, Boston, 1881; его же, The Union State, N. Y. 1890. По исторіи теорій періода войны за сохраненіе союза см. W. A. Dunning, Essays on the Civil War and Reconstruction; W. Wilson, Division and Reunion, 1829—1889, 13 изд. N. Y. 1898.

2) Такова точка зрѣнія F. Lieber, Political Ethics, Boston, 1839, Legal and Political Hermeneutics, Boston, 1839; Civil Liberty and Self-Government, Philadelphia, 1853; Miscellaneous Writings, 2 т., Philad., 1881.

революціонной, но de facto суверенной организаціи, потомъ при конфедераціи каждый штатъ индивидуально былъ подчиненъ всѣмъ вмѣстѣ, коллективно. Въ Америкѣ, какъ и во всѣхъ федеральныхъ государствахъ, суверенитетъ единъ; каждый индивидуально подчиненъ всѣмъ, какъ цѣлому.

Среди представителей этой новѣйшей стадіи развитія сѣверо-американскаго федерализма особеннаго упоминанія заслуживаетъ Бурджессъ [1]). Бурджессъ исходитъ изъ идеи, что суверенитетъ есть необходимый признакъ государствъ. Суверенитетъ есть верховная, неограниченная и недѣлимая власть надъ индивидами. Поэтому истинно-федеральное государство съ раздѣленнымъ суверенитетомъ невозможно; это будетъ или собраніе суверенныхъ государствъ или единое суверенное государство. Можетъ быть только федеральная система управленія, при которой суверенное государство извѣстную долю власти предоставляетъ центральному правительству и другую долю мѣстнымъ правительствамъ. Но и въ этомъ случаѣ никакого раздѣла суверенитета нѣтъ, а есть лишь распредѣленіе правительственныхъ функцій [2]).

VII.

Параллельно прогрессу національной идеи, политическое развитіе сѣверо-американской федеральной системы тоже со-

---

1) J. W. Burgess, Political Science and compara Contitutional Law, 2 т., Boston, 1890, нов. изд. 1902; его же двѣ статьи о теоріяхъ Брайса и Лабанда въ Polit. Science Quarter т. I и III. О Бурджессѣ см. W. W. Willoughby, The political theories of professor John W. Burgess (Yale Review, 1908, May).

2) Burgess, Political Science, I, 79 и сл. II, 10 и сл. Гачекъ ошибается, видя въ этой теоріи лишь новое изданіе токвиллевской теоріи раздѣленнаго суверенитета: Hatschek, Das Recht der modernen Staatenverbindung, 1909, стр. 53. Здѣсь же долженъ быть упомянутъ Woodrow Wilson, An Old Master and Other Political Essays, Boston, 1893, и W. W. Willoughby, The Constitutional Law of the U. S., 2 т. N. X. 1900, особ. I, гл. X. Ср. также о понятіи федеральнаго государства Robinson въ Annals of the American Academy Political and Social Science, 1893, May.

вершалось въ направленіи все большей унификаціи союза и утвержденія не только суверенитета союза, какъ такового, и суверенитета именно органовъ центральнаго правительства.

Въ началѣ союза, въ эпоху сепаративнаго движенія южныхъ штатовъ, многіе предполагали, что развитіе Соединенныхъ Штатовъ пойдетъ въ направленіи ослабленія федеральной связи. Таково было, между прочимъ, мнѣніе Гамильтона. Онъ писалъ въ Федералистѣ: „всегда будетъ гораздо легче правительству штатовъ вторгнуться въ сферу національнаго правительства, чѣмъ обратно“, въ чѣмъ онъ и видѣлъ слабость всѣхъ федеральныхъ конституцій [1]). То же предполагалъ и Токвилль. „Или я сильнѣйшимъ образомъ ошибаюсь, писалъ онъ, или федеративное правительство Соединенныхъ Штатовъ съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ; оно все болѣе и болѣе удаляется отъ дѣлъ; чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе оно стѣсняетъ кругъ своей дѣятельности. Естественно слабое, оно даже не имѣетъ знаковъ кажущейся силы. Съ другой стороны, мнѣ кажется, что въ Соединенныхъ Штатахъ стремленіе къ независимости отдѣльныхъ штатовъ увеличивается съ каждымъ днемъ, любовь къ провинціальному правленію высказывается все болѣе и болѣе“ [2]).

На самомъ дѣлѣ, предсказанія Токвилля не оправдались. Въ теченіе XIX вѣка союзная власть въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ Швейцаріи и въ Германіи, усиливалась насчетъ власти федерированныхъ штатовъ [3]).

---

1) Federalist, № 17.

2) Демократія въ Америкѣ, II, 374. Ср. Démocratie en Amérique, 1839, I, 266, II, 366.

3) Ср. J. Bryce, The Predictions of Hamilton and de Tocqueville (John Hopkins University Studies, 1887, № 9); ср. его же, Американская республика, III, 492 и сл.; Claudio Jannet, Les Etats-Unis contemporains, 1889, I, 39—50, 71—81, 102—107.

Федеральная конституція есть система сложнаго равновѣсія правительственныхъ властей, въ которой основнымъ является равновѣсіе между центральной властью и мѣстными властями отдѣльныхъ штатовъ. Если и былъ періодъ, когда неизвѣстно было, сохранится ли постоянно это равновѣсіе или склонится на сторону мѣстной власти отдѣльныхъ штатовъ, то, въ концѣ концовъ, оно ясно перенесло центръ своей тяжести на власть центральнаго правительства.

Уже въ самомъ началѣ союза федеральное правительство заявило въ законахъ объ иностранцахъ и мятежахъ (Alien and Sedition Laws) о національномъ суверенитетѣ, но тогда оно натолкнулось на сильное сопротивленіе южныхъ штатовъ, Кентуки и Виргиніи. Равновѣсіе окончательно было нарушено въ пользу центральнаго правительства войною за сохраненіе союза. „Непремѣннымъ слѣдствіемъ превращенія американцевъ въ націю, совершенно правильно пишетъ Вильсонъ, въ самомъ полномъ органическомъ смыслѣ этого слова была перемѣна въ американскомъ правительствѣ: оно сдѣлалось правительствомъ унитарнымъ, и его федеральный складъ превратился въ новую національную организацію. Правительство Союза сдѣлалось дѣйствительно постояннымъ, довѣреннѣйшимъ представителемъ націи, жизненнымъ органомъ американской національной жизни; но штаты при этомъ поглощены не были. Ихъ прерогативы теперь такое же существенное звено въ американской политической системѣ, какъ и раньше, и эти прерогативы годъ отъ году становятся все болѣе для нея существенными по мѣрѣ расширенія сложнаго національнаго организма. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на правительство Соединенныхъ Штатовъ и на правительство отдѣльныхъ штатовъ, какъ на два правительства, — такъ смотрѣли американцы-отцы, — нынѣшніе американцы смотрятъ на нихъ, если только вообще дѣйствующіе политическіе взгляды подлежатъ реальному анализу, какъ на двѣ составныя части одного и того же пра-

вительства, двѣ взаимно дополняющія части одной и той же системы“.[1])

Юридически это нарушеніе федеральнаго равновѣсія въ пользу унитаризма совершалось черезъ толкованіе конституціи. Американцы, какъ и англичане, всегда чувствуютъ себя связанными не буквою закона, а практическимъ пониманіемъ этого закона, на основаніи предшествующаго опыта. Мало-по-малу отъ полнаго раздѣленія властей они путемъ участія министровъ въ комитетахъ конгресса приблизились къ парламентарной формѣ. Такъ же совершается и переходъ къ унитаризму. Федеральный конгрессъ явился носителемъ подразумѣваемыхъ правъ и самъ началъ опредѣлять природу и объемъ своей компетенціи, въ чемъ былъ поддержанъ верховнымъ федеральнымъ судомъ. Президентъ Рузвельтъ въ одной изъ своихъ рѣчей (въ 1906 г.) прямо заявилъ, что власть центральнаго правительства должна постоянно возрастать „through executive action... and through judicial interpretation and construction of law“[2]).

Въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе ярко оправдывается та мысль, что федеральное правленіе есть переходное, временное и недолговѣчное образованіе, долженствующее при нормальныхъ условіяхъ рано или поздно перейти въ унитарное государство.

---

1) Вильсонъ, Государство, § 1083.

2) Чтобы убѣдиться, какъ далеко зашло уже такое унитарное примѣненіе американской конституціи, слѣдуетъ обратиться къ интересной книгѣ Franklin Pierce, Federal usurpation, N. Y. 1908. Пирсъ указываетъ, какъ въ самыхъ различныхъ сферахъ государственнаго устройства совершается узурпація со стороны конгресса и исполнительной власти компетенціи, принадлежащей штатамъ и народу. Узурпація эта ведетъ свое начало съ эпохи Гражданской войны и Реконструкціи, съ пріостановки habeas corpus акта, съ централизаціи путемъ созданія національнаго банка и введенія тарифныхъ законовъ, съ изданія актовъ о реконструкціи; выраженіями этой узурпаціи являются имперіализмъ, съ пріемами вродѣ захвата Панамы, присвоеніе власти конгрессомъ, особенно сенатомъ, договорное право федеральной власти, ограничивающее внутреннія права штатовъ, какъ въ столкновеніи съ Японіей, регулированіе междуштатной торговли, и т. д.

Процессъ внутренней политической интеграціи создаетъ стремленіе къ внѣшнему расширенію. Политическое равновѣсіе ищетъ своего осуществленія во все болѣе широкомъ масштабѣ. Отсюда естественно возникновеніе американскаго имперіализма. Доктрина Монроэ постепенно преобразовалась и мало-по-малу изъ оборонительной сдѣлалась наступательной, отъ требованія невмѣшательства перешла къ вмѣшательству, и отъ вмѣшательства къ завоеванію [1]).

Иногда этотъ имперіализмъ выставляетъ, какъ политическую программу, конфедеративное объединеніе всѣхъ народовъ, говорящихъ по-англійски [2]).

Б. Британскій федерализмъ.

I. Англійскій федерализмъ. — II. Канадскій федерализмъ. — III. Австралійскій федерализмъ. — IV. Южно-африканскій федерализмъ. — V. Имперскій федерализмъ.

I.

Собственная Англія, въ предѣлахъ Соединеннаго Королевства, не знала въ своей исторіи эпохи федеративнаго устройства; и Шотландія [3]) и Ирландія были присоединены, инкорпорированы Англіей. Всякія попытки какой то ни было федерализаціи политическаго устройства британскихъ острововъ остались до настоящаго времени безплодными. Но симпатіи къ федеральной формѣ всегда были сильны у ан-

---

1) О различныхъ проблемахъ сѣверо-американскаго имперіализма см. хорошее изслѣдованіе J. Patouillet, L'impérialisme américain, Dijon, 1904 (въ немъ указана подробная литература на французскомъ и англійскомъ языкахъ).

2) Интересное выраженіе такого панъ-англо-саксонскаго федерализма представляетъ любопытная книга John Fiske, American political ideas viewed from the Standpoint of universal history, N. Y. 1885, особ. гл. 3: „Manifest Destiny“, стр. 101—152.

3) За исключеніемъ развѣ періода Union of Crowns (1601—1707), въ теченіе котораго Шотландія была соединена съ Англіей нѣкотораго рода личной уніей. Ср. J. Hatschek, Englisches Staatsrecht, Tübingen, 1905, т. I, стр. 180—181.

гличанъ, и при образованіи новыхъ колоній они обыкновенно прибѣгаютъ къ этимъ формамъ политическаго объединенія.

Впрочемъ и въ самой Англіи постоянно существовало федералистическое теченіе, до самаго послѣдняго времени остававшееся однако исключительно теоретическимъ и не переходившее на почву практическихъ осуществленій.

Начало этого федеративнаго теченія относится еще къ эпохѣ реформаціи и революціи. У пуританъ и у индепендентовъ, въ основу политической системы полагавшихъ идею covenant'a, т. е. общественнаго договора, былъ федеративный политическій идеалъ, которому они и дали практическое осуществленіе при образованіи новыхъ поселеній на пустынныхъ берегахъ Сѣверной Америки. На этой сторонѣ ихъ политическихъ теорій мы впрочемъ уже съ достаточною подробностью останавливались при изложеніи основъ сѣверо-американскаго федерализма. Изъ той эпохи особаго вниманія заслуживаетъ любопытный федеративный планъ Мильтона о „быстромъ и легкомъ установленіи свободной республики", изданный имъ въ 1660 г., когда возникъ вопросъ о возвращеніи Стюартовъ [1]). Въ этомъ планѣ Мильтонъ предлагалъ уничтожить палату лордовъ и на мѣсто двухъ палатъ создать одинъ сенатъ, Большой или Общій Совѣтъ, члены котораго выбирались бы пожизненно; но кромѣ того каждая область, имѣющая достаточно отличную индивидуальность и значительный городъ, должна была по этому плану составить какъ бы особую республику, имѣющую свое собственное собраніе, завѣдующее мѣстнымъ управленіемъ, съ самой широкой компетенціей. Верховенство должно принадлежать Большому Совѣту, но мѣстныя собранія должны имѣть нѣкотораго рода вето; именно каждое мѣстное собраніе, въ случаѣ своего несогласія на законъ, изби-

1) John Milton, The ready and easy way to establish a free commonwealth, 1660 (см. The prose Works of John Milton, London, 1891, т. II, стр. 109 и сл.).

рало бы одного депутата для защиты своего мнѣнія противъ закона, издаваемаго Большимъ Совѣтомъ. Если бы большинство депутатовъ, избранныхъ отъ отдѣльныхъ графствъ, рѣшало противъ закона Большого Совѣта, то онъ терялъ ону силу, если же большинство мѣстныхъ депутатовъ рѣшало бы въ пользу его, то всякій городъ и всякое графство должны были бы подчиниться закону. Образцомъ для Мильтона при выработкѣ этого плана, по его собственнымъ словамъ, служило до извѣстной степени устройство Соединенныхъ Провинцій Нидерландъ; но главный недостатокъ этихъ послѣднихъ, по мнѣнію Мильтона, заключался въ томъ, что въ нихъ каждая провинція оставалась суверенной, къ большому ущербу всей націи [1]). Планъ же Мильтона, по его утвержденію, имѣлъ то преимущество, что въ немъ многія республики соединялись подъ единымъ ими принятымъ суверенитетомъ, или, выражаясь современными терминами, политическое устройство Соединенныхъ Провинцій было конфедеративнымъ, а планъ Мильтона предвидѣлъ образованіе федеральнаго государства [2]).

Въ XVIII вѣкѣ особаго упоминанія заслуживаетъ планъ Давида Юма о созданіи совершеннаго государства, каковымъ оказывалось государство федеральное [3]). Проектъ Юма сводился къ тому, что все государство должно быть раздѣлено на сто графствъ, и отъ каждаго графства должно избираться сто представителей, по одному отъ прихода. Эти представители должны выбрать десять магистратовъ отъ каждаго графства и одного сенатора. Всего во всемъ

1) Op. cit., стр. 135.

2) Not ... many sovereignties united in one Commonwealth, but many commonwealth under one united and intrusted sovereignty. Op. cit., стр. 136. См. объ этомъ планѣ Мильтона Esmein, Les constitutions du protectorat de Cromwell (Revue du droit public, 1899, № 12, особ. стр. 438—442).

3) David Hume, Idea of a perfect Commonwealth (Essays moral, politic and literary, т. I, London, 1875, Essay XVI, стр. 482—491).

государствѣ должно такимъ образомъ быть 100 сенаторовъ, 1100 магистратовъ графствъ, 10000 представителей графствъ, такъ какъ всѣ сенаторы должны быть и магистратами графства, а всѣ магистраты и представителями графствъ. Сенаторы должны собираться въ столицѣ и быть надѣлены исполнительною властью государства, властью войны и мира и вообще всѣми прерогативами британскаго короля. Представители графствъ должны собираться въ своихъ соотвѣтствующихъ графствахъ и обладать всею законодательною властью государства; наибольшее число графствъ рѣшаетъ законодательные вопросы. Всякій новый законъ сначала долженъ дебатироваться въ сенатѣ, и хотя бы онъ былъ отвергнутъ сенатомъ, если десять сенаторовъ настаиваютъ и протестуютъ, то онъ долженъ быть посланъ въ графства. Сенатъ, если ему угодно, можетъ приложить къ копіи закона свои соображенія въ пользу принятія или отверженія его[1]). Магистраты, хотя бы законъ былъ пересланъ имъ, могутъ, если захотятъ, созвать представителей и передать дѣло на ихъ рѣшеніе. Когда законъ пересылается сенатомъ магистратамъ или представителямъ графствъ, копія его и мотивовъ сената должна быть послана каждому представителю за восемь дней до собранія, въ которомъ будетъ обсуждаться этотъ законопроектъ. И хотя бы было сенатомъ отказано передать законопроектъ магистратамъ, но если представители пяти графствъ потребуютъ созванія всего корпуса представителей и передачи дѣла на ихъ рѣшеніе, то ихъ требованіе должно быть исполнено[2]). Сенаторы выбираютъ изъ своей среды протектора,

1) Because it would be troublesome to assemble all the county representatives fore every trivial law, that may requisite, the senate have their choice of sending down the law either to the county magistrates or county representatives.

2) Either the county magistrates or representatives may give, to the senator of the county, the copy of a law to be proposed to the senate; and if five counties concur in the same order, the law, though refused by the senate, must come either to the county magistrates or representatives, as is contained in the order of the five counties.

представляющаго государство и предсѣдательствующаго въ сенатѣ, двухъ государственныхъ секретарей и шесть совѣтовъ, изъ пяти человѣкъ каждый (иностранныхъ дѣлъ, религіи и просвѣщенія, торговли, законовъ, войны и морскихъ дѣлъ). Особеннымъ образомъ организуется юрисдикціонная власть. Каждое графство имѣетъ право издавать мѣстные законы, но сенатъ или другія графства могутъ аннулировать эти законы [1]).

Этотъ планъ, по мнѣнію Юма, имѣетъ важныя соображенія въ свою пользу. Онъ дѣлитъ страну на рядъ малыхъ самоуправляющихся общежитій, а это ведетъ къ тому, что мѣстныя дѣла разрѣшаются лучше, и свобода гарантируется болѣе надежно. Важно дать народу высказаться, но въ цѣломъ народъ не можетъ высказаться; если же раздѣлить его на рядъ самоуправляющихся республикъ, то тогда и онъ можетъ выразить свое мнѣніе. Изъ взаимодѣйствія сталкивающихся властей наилучшимъ образомъ можетъ быть достигнута гармонія интересовъ. Наиболѣе мудрая форма правленія въ Соединенныхъ Провинціяхъ Нидерландъ, но Юмъ полагаетъ, что его планъ имѣетъ преимущество предъ нидерландской конституціей: онъ устанавливаетъ равное представительство, онъ не создаетъ аристократіи, онъ ограничиваетъ слишкомъ обширную власть отдѣльныхъ провинцій налагать вето на союзные законы, онъ надѣляетъ большей властью сенатъ и соединяетъ провинціи въ единое свободное цѣлое [2]).

---

1) Every county is a kind of republic within itself and the representatives may make bye-laws, which have authority 'till three months affer they are voted. A copy of the law is sent to the senate, and to every other county. The senate, or any single county, may, at any time, annul any bye-law of another county.

2) Соображенія эти въ пользу федеральнаго устройства какъ по эпохѣ, когда онѣ были высказаны, такъ и по лицу, кому они принадлежали, заслуживаютъ быть приведенными цѣликомъ: „The lower sort of people and small proprietors are good judges enough of one not very distant from them in rank or habitation; and therefore, in their parochial meetings,

Когда въ концѣ XVIII вѣка въ Сѣверной Америкѣ образовалось федеральное государство, естественно эта форма

---

will probably chuse the best, or nearly the best representative: But they are wholly unfit for county-meetings, and for electing into the higher offices of the republic. Their ignorance gives the grandees an opportunity of deceiving them. Ten thousand, even though they were not annually elected are a basis large enough for any free government. It is true, the nobles in Poland are more than 10,000 and yet these oppress the people. But as power always continues there in the same persons and families, this makes them, in a manner, a different nation from the people. Besides the nobles are there united under a few heads of families. All free governments must consist of two councils, a lesser and greater; or, in other words, of a senate and people. The people, as Harrington observes, would want wisdom, without the senate: The senate, without the people, would want honesty. A large assembly of 1,000, for instance, to represent the people, if allowed to debate, would fall into disorder. If not allowed to debate, the senate has a negative upon them, and the worst kind of negative, that before resolution. Here therefore is a inconvenience, which no government has yet fully remedied, but which is the easiest to be remedied in the world. If the people debate, all is confusion: If they do not debate, they can only resolve; and then the senate carves for them. Divide the people into many separate bodies; and then they may debate with safety, and every inconvenience seems to be prevented... The are two things to be guarded against in every senate: Its combination and its division... The 10,000 are too large a body either to unite or divide, except when they meet in one place, and fall under the guidance of ambitions leaders. Not to mention their annual election, by the whole body of the people, that are of any consideration. A small commonwealth is the happiest government in the world within itself, because every thing lies under the eye of the rulers: But it may be subdued by great force from without. This scheme seems to have all the advantages both of a great and a little commonwealth. Every county-law may be annulled either by the senate or another county; because that shows an opposition of interest: In which case no part ought to decide for itself. The matter must be referred to the whole, which will best determine what agrees with general interest... That the foregoiny plan of government is practicable, no one can doubt, who considers the resemblance that it bears to the commonwealth of the United Provinces, formerly on of the wisest and most renowned governments in the world. The alterations in the present scheme seem all evidently for the better. 1. The representation is more equal. 2. The unlimited power of the burgo-masters in the towns, which forms a perfect aristocracy in the Dutch commonwealth, is corrected by a well-tempered democracy, in giving to the people the annual election of the county representatives. 3. The negative, which every province and town has upon the whole body of the Dutch republic, with regard to alliances, peace and war, and the imposition of taxes, is here removed. 4. The

правленія должна была найти себѣ отраженіе и въ политическихъ теоріяхъ въ собственной Англіи. Изъ федералистовъ этой эпохи укажемъ особенно лишь на извѣстнаго представителя англійскаго радикализма, Вильяма Годвина, у котораго симпатіи къ договорной формѣ правленія доходили до крайнихъ предѣловъ анархическаго конфедерализма[1]).

По мнѣнію Годвина на мѣсто нынѣшняго государства нужно поставить независимыя общины, по возможности небольшія по размѣру и живущія обособленною жизнью. Общины, вообще, нисколько не заинтересованы въ установленіи многочисленныхъ сношеній другъ съ другомъ. Умѣренность и справедливость можно найти только въ небольшихъ союзахъ. Государство должно быть раздѣлено на округа; и закономъ должно быть признаваемо только то, что, принятое народнымъ конвентомъ, будетъ одобрено округами, путемъ референдума. Такая сложная форма законодательства приведетъ къ ограниченію количества законовъ, къ раздробленію законодательной власти[2]) и къ постепенному исчезновенію зако-

---

counties, in the present plan, are not so indcpendent of each other, nor do they form separate bodies so much as the seven provinces; where the jealousy and envy of the smaller provinces and towns against the greater, particulary Holland and Amsterdam, have frequently disturbed the government. 5. Larger powers, though of the safest kind, are intrusted to the senate than the States-General possess; by which means, the former may become more expeditious, and secret in their resolutions, than it is possible for the latter.

1) William Godwin, Enquiry concerning political justice, 2 т., London 1793, 3 изд. 1798.

2) In reality, provided the country were divided into convenient districts with a power of sending representatives to the general assembly, it does not appear that any ill consequences would ensue to the common cause, from these districts being permitted to regulate their internal affairs, in conformity to their own apprehensions of justice. Thus, that which was, at first, a great empire with legislative unity, would speedily be transformed into a confederacy of lesser republics, with a general congres or Amphictyonic council, answering the purpose of a point of cooperation upon extraordinary occasions. The ideas of a great empire, and legislative unity, are plainly the barbarous remains of the days of military heroism. In proportion as political power is brought home do the citizens, and simplified

новъ [1]). Такая федерація общинъ представляется Годвину наилучшей политической формой, и, отрицательно относясь къ правительственной власти вообще, онъ не боится раздробленія законодательной власти [2]).

Симпатіи къ федеративной формѣ сдѣлались традиціей англійскихъ радикаловъ. Даже Бентамъ, болѣе склонный къ мажоритарному принципу въ политическомъ устройствѣ отдѣльныхъ государствъ, мечталъ о конфедераціи цивилизованныхъ народовъ [3]). Убѣжденнымъ сторонникомъ феде-

---

into something of the nature of parish regulation, the danger of misunderstanding and rivalship will be nearly aunihilated. Op. cit., II, 293.

1) A great assembly, collected from the different provinces of an extensive territory, and constituted the sole legislator of those by whom the territory is inhabited, immediately conjures up to itself an idea of the vast multitude of laws, that are necessary for regulating the concerns of those whom it represents. Op. cit., II, 293—4.

2) The principal objection, that is usually made to the idea of confederacy, considered as the substitute of legistative unity, is „the possibility that arises, of the membres of the confederacy detaching themselves from the support of the public cause". To give this objection every advantage, let us suppose, „that the seat of the confederacy, like France, is placed in the midst of surrounding nations, and that the governments of these nations are anxious, by every means of artifice and violence, to suppress the insolent spirit of liberty that has started up among this neighbour people". It is to be believed that, even under these circumstances, the danger is more imaginary, than real. The national assembly, being precluded, by the supposition, from the use of force against the malcontent districts, is obliged to confine itself to expostulation; and it is sufficienty obtervable, that our powers of expostulation are tenfold increased, the moment our hopes are confined to expostulation alone. Op. cit., II, 294—5.

3) См. о Бентамѣ нашъ Международный федерализмъ, стр. 333—4. Впрочемъ онъ не считалъ эту форму годной для отдѣльнаго государства: ср. Bentham, Works, 1843, т. XI, The Constitutional Code, гл. XXXI. Робертъ Оуэнъ также предлагалъ планъ радикальнаго федеративнаго переустройства общества. Всѣ должны жить небольшими отдѣльными независимыми общинами; эти общины должны быть объединены въ федеративный союзъ. Оуэнъ мечталъ о томъ времени, когда между общинами будутъ заключены союзы на федеративныхъ началахъ, группами по десяткамъ, сотнямъ, тысячамъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока они не распространятся на всю Европу и на всѣ остальныя части земного шара. Мотивы этого закона таковы: Всѣ члены человѣческаго рода заинтересованы въ томъ, чтобы существовалъ одинъ языкъ, одинъ

ральнаго устройства былъ и Джонъ Стюартъ Милль. Онъ полагалъ, что желательно вообще распространеніе федеральныхъ формъ, а для обширныхъ государствъ онѣ даже положительно необходимы [1]).

Большинство англійскихъ писателей, касавшихся вопроса объ юридической природѣ федеративныхъ соединеній, воспроизводитъ теоретическія воззрѣнія Федералиста и Токвилля [2]). Спеціальнаго вниманія среди этихъ писателей заслуживаетъ Фриманъ, до послѣдняго времени являющійся въ Англіи авторитетомъ по вопросамъ федерализма [3]).

Подъ федераціей Фриманъ разумѣлъ всякое соединеніе болѣе тѣсное, чѣмъ альянсъ, въ которомъ мѣстныя власти

общій кодексъ законовъ и одна система управленія; эти же союзы представляютъ наиболѣе естественный, удобный и быстрый способъ достигнуть такихъ великихъ и всегда желательныхъ результатовъ. Федеративная связь этихъ общинъ, — десятками для болѣе ограниченныхъ цѣлей, полусотнями или сотнями для болѣе широкихъ дѣйствій и тысячами для наиболѣе широкихъ интересовъ, — создаваемая для обезпеченія мира въ странѣ, можетъ быть осуществлена безъ затрудненій. Для этого надо лишь выяснить, что наиболѣе высокіе и постоянные интересы каждаго человѣка на землѣ дѣйствительнѣе всего будутъ обезпечены этими общинами и федераціей общинъ въ ожиданіи дня, когда населеніе всего земного шара соединится любовно, какъ члены единой семьи; всѣ активно заинтересованы въ томъ, чтобы способствовать счастью другъ друга. См. Robert Owen, Revolution in the Mind and Practice of the Human Race, 1849, гл. IV, законъ 25-й.

1) Въ воззрѣніяхъ на природу различныхъ федеративныхъ соединеній Милль вполнѣ держался взглядовъ Федералиста. John Stuart Mill, Considerations on Representative Government, London, 1861, стр. 298—312, гл. XVII.

2) Это нужно сказать о Миллѣ. Ср. также John Austin, The Province of jurisprudence determined, 1832, 5 изд. подъ заглавіемъ Lectures on jurisprudence or the philosophy of positive Law, London, 1885, о федер. см. I, lect. VII, стр. 219 и сл., особ. 257 и сл.; G. Bowyer, Commentaries on universal public Law, London, 1854, гл. XXVII; G. A. Denison, The Power and Stability of Federative Governements (въ Oxford English Prize Essays, 1829, IV, 239—294).

3) Edward A. Freeman, History of federal governement in Greece and Italy, London, 1 изд. 1863, 2 изд. дополненное 1893.

сохраняютъ больше независимости, чѣмъ самоуправляющіяся муниципіи единаго государства. Федерація есть компромиссъ между системой малыхъ государствъ и системой государствъ крупныхъ. Идеалъ федераціи — исключительный суверенитетъ союза во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ, исключительный суверенитетъ членовъ союза во внутреннихъ. На вопросѣ, поскольку государства-члены должны участвовать въ образованіи общей воли, Фриманъ не останавливался. Отъ автономныхъ муниципій федерированныя части отличаются собственнымъ правомъ[1]). Фриманъ различалъ два вида федеративныхъ соединеній: въ одномъ, называемомъ

---

1) „The name of Federal Government may, in its widest sense, be applied to any union of component members, where the degree of union between the members suprasses that of mere alliance, however intimate, and where the degree of independence possessed by each member surpasses anything which can fairly come under the head of merely municipal freedom... Two requisites seem necessary to constitute a Federal Government in this ist most perfect form. On the one hand, each of the members of the Union must be wholly independent in those matters which concern each member only. On the other hand, all must be subject to the common power in those matters which concern the whole body of members collectively. Thus each member will fix for itself the laws of its criminal jurisprudence, and even the details of its political constitution. And it will do this, not as a matter of privilege or concession from any higher power, but as a matter of absolute right, by virtue of its inherent powers as an independent commonwealth. But in all matters which concern the general body, the sovereignty of the several membres cease. Each member is perfectly independent within its own sphere, but there is another sphere in which its inpendence, or rather its separate existence, vanishes. It is invested with every right of sovereignty on one class of subjets on which it is as incapable of separate political action as any province or city of a monarchy or of an indivisible republic. The making of peace and war, the sending and receiving of ambassadors, generally all that comes within the departement of nternational Law, will be reserved wholly to the central power. Indeed, the very existence of the several members of the Union will be diplomatically unknown to foreign nations, which will never be called upon to deal with any power except the central government. A Federal Union, in short, will form one State in relation to other powers, but many States as regards its internal administration. This complete division of sovereignty we may look upon as essential to the absolute perfection of Federal ideal". Freeman, op. cit., 2—3.

имъ системою конфедерированныхъ государствъ (System of confederated States), центральная власть дѣйствуетъ только на правительства штатовъ, въ другомъ, называемомъ имъ сложнымъ государствомъ (Composite State), центральная власть дѣйствуетъ непосредственно на всѣхъ гражданъ. Но Фриманъ мало придавалъ значенія различенію двухъ категорій федеративныхъ соединеній; это лишь различные пути для достиженія одной и той же цѣли [1]).

Теорія Токвилля о раздѣлѣ суверенитета въ федеральномъ государствѣ господствуетъ въ Англіи до настоящаго времени. Такъ и Дайси существенную разницу между федеральной и унитарной системами правленія видитъ въ томъ, что федерализмъ, въ противоположность унитаризму, стремится ограничить со всѣхъ сторонъ дѣятельность центральнаго правительства и раздробить, распредѣлить государ-

1) In the one class the Federal Power represents only the Governments of the several members of the Union; its immediale action is confined to those Governments; its powers consist simply in issuing requisitions to the State Governments, which, when within the proper limits of the Federal authority, it is the duty of those Governments to carry out. If men or money be needed for Federal purposes, the Federal Power will demand them of the several State Governments, which will raise them in such ways as each may think best. In the other class, the Federal Power will be, in the strictest sense, a Government, which, in the other class, it can hardly be called. It will act not only on the Governments of the several States, but directly on every citizin of those States. It will be, in short, a Government co-ordinate with the State Governments, sovereign in its own sphere, as they are sovereign in their sphere. It will be a Government with the usual branches, Legislative, Executive and Judicial; with the direct power of taxation, and the other usual powers of a Government; with its army, its navy, its civil service, and all the usual apparatus of a Government, all bearing directly upon every citizen of the Union without any reference to the Governments of the several States. The State administration, within its own range, will be carried on as freely as if there were no such thing as on Union; the Federal administration, within its own range, will be carried on as freely as if there were no such thing as a separate State. This last class in what writers on Internationai Law call a Composite State, or Supreme Federal Government. The former class the commonly remand to the head of were Confederacies, or, at most, Systems of Confederate States". Freeman, op. cit., 8—9.

ственную силу между равноправными и независимыми властями. Федерализмъ примиряетъ національный суверенитета и суверенитетъ федерированныхъ штатовъ принятіемъ конституціи, въ силу которой обыкновенно суверенныя права дѣлятся между общимъ правительствомъ и отдѣльными штатами, Все, что относится къ націи въ цѣломъ, находится подъ контролемъ національнаго правительства; все, что не является важнымъ общимъ интересомъ, остается въ компетенціи отдѣльныхъ штатовъ[1]).

Въ послѣднее время федерализмъ начинаетъ пріобрѣтать въ Англіи и практическое значеніе, въ связи съ движеніемъ ирландскаго гомруля и вообще съ идеей деволюціи парламентской компетенціи.

Относительная безплодность и полная несправедливость англійской политики въ Ирландіи привели къ тому, что съ средины XIX в. зародилась идея ослабить подчиненіе Ирландіи Англіи и установить форму самоуправленія, приближающуюся къ федеральной. Къ этому сводится обнаружившееся особенно сильно съ 80-хъ годовъ движеніе къ ирландскому гомрулю[2]). Въ 1886 г. Гладстономъ былъ представленъ проектъ ирландскаго гомруля, и въ улучшенномъ видѣ снова въ 1893 г. Гомруль являлся по этому проекту болѣе широкой автономіей, чѣмъ обычное самоуправленіе. Онъ предполагалъ созданіе для Ирландіи собственнаго ирландскаго парламента съ собственнымъ ирландскимъ отвѣтственнымъ министерствомъ. Проектъ Гладстона сводился къ созданію трехъ зако-

1) A. V. Dicey, Lectures introductory to the Study of the Law of the Constitution, London, 1885, гл. III; ср. рус. пер. Основы государственнаго права Англіи, Спб. 1891, стр. 104—136, 330—334. Дайси не большой поклонникъ федеральныхъ системъ. Ср. его же, Federal Government (Law Quarterly Review, т. I, 1881, № 1, стр. 80 и сл.). Ср. также H. S. Maine, Popular Government, N. Y. 1886, гл. 4 о федеральной конституціи Соединенныхъ Штатовъ.

2) Dicey, Englands Case against the Home Rule, 1887; W. O. Morris, Present Irish Questions, 1901; H. Plunkett, Ireland in the New Century, 1904.

нодательныхъ собраній: одного ирландскаго для мѣстныхъ ирландскихъ дѣлъ, другого англійскаго для мѣстныхъ англійскихъ и шотландскихъ дѣлъ и третьяго имперскаго парламента, въ которомъ засѣдали бы и представители отъ Ирландіи. Въ компетенцію имперскаго парламента входило бы законодательство объ арміи, флотѣ, иностранныхъ дѣлахъ, имперскомъ подданствѣ. Исполнительная власть Ирландіи составлялась бы изъ отвѣтственнаго передъ ирландскимъ парламентомъ министерства и ирландскаго намѣстника, представлявшаго, какъ въ колоніяхъ, корону. Имперскій контроль осуществлялся бы черезъ вето или намѣстника или тайнаго лондонскаго совѣта. Въ 1893 г. гомруль былъ отвергнутъ палатой лордовъ, но въ настоящее время онъ снова на обсужденіи и имѣетъ шансы въ той или иной формѣ стать закономъ [1]).

Но рядомъ съ движеніемъ къ гомрулю обнаруживается въ Англіи и болѣе широкое движеніе къ такъ называемой деволюціи, что въ сущности является возвратомъ къ тѣмъ децентрализаторскимъ идеямъ, которыя нѣкогда высказывались еще Мильтономъ и Давидомъ Юмомъ [2]).

Движеніе это вызвано извѣстнаго рода кризисомъ парламентаризма въ Англіи. Парламентъ не въ силахъ справляться съ тою непосилною работою всеобщаго законодательства и по имперскимъ дѣламъ и по всѣмъ дѣламъ Соединеннаго Королевства, которую онъ взвалилъ себѣ на плечи; онъ перегруженъ работою. Онъ не въ силахъ съ одинаковымъ вниманіемъ разсматривать всѣ вопросы. Отъ этого, разумѣется, страдаетъ качество законовъ. На почвѣ неудовлетворенности соціальнымъ законодательствомъ все сильнѣе возрастаетъ рабочая партія, и тѣмъ нарушается правиль-

1) Ср. требованіе гомруля для Шотландіи у шотландскаго націоналиста Morrison Davidson Home rule for Scotland. Авторъ излагаетъ программу настоящаго федеральнаго устройства Соединеннаго Королевства.

2) О деволюціи ср. Сидней Лоу, Государственный строй Англіи, нашъ переводъ, М. 1910, стр. 422 и сл.

ность двухпартійной системы политики. Парламентъ начинаетъ функціонировать неправильно. Для того, чтобы избѣжать печальныхъ послѣдствій такого кризиса парламентаризма, и предлагается создать въ Соединенномъ Королевствѣ на ряду съ имперскимъ парламентомъ по крайней мѣрѣ еще четыре (для Англіи, Шотландіи, Ирландіи и Уэльса) провинціальныхъ парламента, съ собственными исполнительными комитетами, которымъ и должны быть переданы всѣ внутреннія дѣла извѣстной области, а имперскій союзъ занимался бы только дѣлами характера и интереса общеимперскаго. Предлагается, однимъ словомъ, политическая организація, напоминающая полу-федеральную систему Канады. Имперскому совѣту принадлежало бы, какъ и въ Канадѣ, право контроля надъ всѣми законами провинціальныхъ парламентовъ.

Въ настоящемъ политическомъ устройствѣ Соединеннаго Королевства имѣются уже нѣкоторые зачатки такой децентрализаціи. Съ 1899 г. существуетъ въ Ирландіи особый выборный законодательный земледѣльческій совѣтъ, которому правительство можетъ передать любую функцію мѣстнаго управленія. Съ 1887 г. для Шотландіи существуетъ особый министръ, завѣдующій чисто шотландскимъ управленіемъ, и существуетъ особая процедура для шотландскаго законодательства [1]).

1) Такого рода деволюцію защищалъ еще Чемберленъ во время дебатовъ 1886 г. по поводу гомруля. „По моему мнѣнію, говорилъ онъ, разрѣшеніе этого вопроса должно искать въ какой-нибудь формѣ федераціи, которая фактически поддержитъ имперское единство, но въ то же время удовлетворитъ стремленіе къ національному мѣстному управленію, которое въ такой сильной степени замѣчается у избирателей оппозиціонныхъ ирландскихъ депутатовъ“. Чемберленъ предлагалъ, какъ противовѣсъ гладстоновской политикѣ, „современную конституцію Канады; однако не въ сферѣ отношеній между Канадой и нашей страной: это было бы ложное направленіе, противъ котораго я протестую, и которое означало бы полное отдѣленіе, а примѣнительно къ отношеніямъ между провинціями Канады и парламентомъ Державы. Что касается меня, то я вполнѣ готовъ установить такія отношенія между нашей страной и Ирландіей“. Ср. Сидней Лоу, op. cit., стр. 430. Ориги-

Идея деволюціи все сильнѣе укрѣпляется въ англійскомъ общественномъ мнѣніи. И совсѣмъ еще недавно морской министръ Черчиль произнесъ передъ своими избирателями рѣчь, въ которой защищалъ возможность системы федеральнаго правительства для Соединеннаго Королевства и желательность созданія десятка отдѣльныхъ парламентовъ въ большихъ населенныхъ областяхъ, какъ Ланкаширъ, Іоркширъ, Мидландъ, Лондонъ, которые, будучи подчинены имперскому парламенту, чрезвычайно облегчили бы ему работу.

Не нужно однако въ идеѣ деволюціи видѣть выраженіе истиннаго федерализма. Деволюція не установливаетъ дуалистическаго образованія обще-національнаго суверенитета; она есть только далеко проведенная децентрализація. Конечно, примѣненная къ Ирландіи въ цѣломъ, при большомъ стремленіи этой области къ обособленности, деволюція можетъ привести и къ федерализму, но сама по себѣ, какъ таковая, она можетъ называться федерализмомъ только при злоупотребленіи этимъ терминомъ.

II.

Федерализмъ, насколько онъ находилъ свое практическое осуществленіе въ Англіи, постоянно являлся въ ней

нальную форму деволюціи предлагалъ Гуго Сесиль въ письмѣ въ Times отъ 16 августа 1904 г. Разгруженіе дѣлъ, деволюція должны быть произведены лишь по отношенію къ палатѣ общинъ и только для безспорныхъ дѣлъ. Всякій частный билль долженъ быть посланъ на разсмотрѣніе провинціальнымъ совѣтамъ, если онъ безспорнаго характера, т. е. если противъ отсылки его провинціальнымъ совѣтамъ не возражаетъ извѣстное число членовъ парламента, напр., десятая часть. Такой билль разсматривается въ провинціальныхъ совѣтахъ, и рѣшеніе предлагается для третьяго чтенія парламенту, въ цѣляхъ парламентскаго контроля. Послѣ этого обычнымъ порядкомъ онъ слѣдуетъ въ палату лордовъ. Такая процедура можетъ быть примѣняема не только къ дѣламъ мѣстнаго характера, но и общаго, но имѣющимъ для парламента характеръ безспорныхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ такія дѣла могутъ разсматриваться въ особыхъ депутаціяхъ отъ провинціальныхъ совѣтовъ, составляемыхъ изъ представителей отъ провинцій, пропорціально ихъ значенію. Это собраніе депутатовъ отъ провинціальныхъ совѣтовъ функціонировало бы параллельно парламенту.

средствомъ политической унификаціи. Сначала онъ былъ примѣненъ въ колоніяхъ для объединенія разрозненно живущихъ поселеній. Когда, благодаря удачному примѣненію федеративныхъ формъ, удалось достигнуть объединенія значительныхъ колоніальныхъ политическихъ системъ, поставленъ былъ вопросъ и о федеративномъ объединеніи метрополіи со своими самоуправляющимися колоніями, которыя въ настоящее время слишкомъ автономны, слишкомъ отчуждены отъ Соединеннаго Королевства.

Первое примѣненіе, въ нѣкоторой степени по крайней мѣрѣ, федеративнаго принципа сдѣлано было по отношенію къ сѣверо-американскимъ колоніямъ, составляющимъ нынѣ Канаду[1]).

---

1) По исторіи Канадской конституціи см. Papers relating to the Conferences, 1865; Confederation Debates, 1866; Rawlings, Confederation of the British North American Provinces, 1865; Whelan, Union of the British Colonies, 1865; Parliamentary Debates Канадскаго парламента, 1865; Bolton and Webber, Confederation of British North America, 1866; Dawson, Our Strength and their Strength, 1870; J. H. Gray, Confederation of Canada, 1872; Watson, Constitutional History of Canada, Toronto, 1874; Stewart, Canada under the Administration of the Earl of Dufferin, London, 1878; Goldwin Smith, The Political Destiny of Canada, Toronto, 1878; его же, Canada and the Canadian Question 1881; Tupper, Canadian Confederation defended, 1880; G. Bryce, History of Manitoba, 1882; Morris, Nova Britannia, 1884; Sulte, Histoire des Canadiens français, 1882—4; Dent, The Last Forty Years or Canada since the Union of 1841, Toronto, 1883; Garneau, Histoire du Canada, 4 т. Montreal, 1883; Sylva, La France Transatlantique, 1885; Colmer, Recent Development in Canada, 1887; Bourinot, Manual of the Constitutional History, 1888; Bryce, Short History of the Canadian People, 1887; Kingsford, History of Canada, 1887; E. W. Watkin, Canada and the States; Recollections 1851 to 1886, London, 1887; W. P. Greswell, History of the Dominion of Canada, Oxford, 1890; Bourinot, Canada and the United States (въ Annals of American Academy of Political and Social Science, 1890, N 6); J. Douglas, Canadian Independence, Annexation and British Imperial Fe-

Конституціонное устройство Канадской Державы [1]) организовано было двумя имперскими актами, — 1841 г. и 1867 г. Съ начала XIX вѣка между французами и англичанами, населявшими колоніи Нижней Канады, возникла очень напряженная національная распря, которая и привела въ 1837 г. къ революціонному возстанію французовъ. Для усмиренія возстанія былъ посланъ изъ Англіи лордъ Дургамъ, который не только выполнилъ эту задачу, но представилъ на усмотрѣніе англійскаго парламента подробный докладъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя, по его мнѣнію, могли бы внести миръ въ колоніи и обезпечить окончательное господство британской національности черезъ искусную ассимиляцію французовъ [2]).

Докладъ этотъ считается англичанами однимъ изъ наилучшихъ политическихъ трактатовъ, появившихся на англійскомъ языкѣ, и идеи, высказанныя въ немъ, положены были въ основаніе новѣйшей колоніальной политики Англіи. Въ немъ Дургамъ совѣтовалъ ввести отвѣтственное, т. е. парламентарное, самоуправленіе въ колоніи и объединить французскую Канаду въ союзъ съ англійской Канадой,

---

deration, 1894; Roberts, History of Canada, London, 1898; Bourinot, Manuel of the Constitutional History of Canada, Toronto, 1901; G. M. Wrong, Canadian Nationalism and the Imperial Tie (въ Proceedings of the American Political Science Association, 1909, т. VI). Кромѣ того исторіей Канадской конституціи занимаются и указанныя ниже сочиненія по общей исторіи британскихъ колоній. На русскомъ языка см. два очерка: Б. Нольде, Англія и ея автономныя колоніи. Историческій очеркъ (Вѣстникъ Европы, 1906, № 9); С. Корфъ, Государственный строй Канады Вопросы Права, 1911, № 5).

1) Обычно у насъ англійское названіе Канады, Dominion of Canada неправильно передаютъ терминамъ Владѣніе Канады; между тѣмъ его слѣдуетъ переводить Канадская Держава, что соотвѣтствуетъ и канадо-французскому официальному названію Канады, Puissance du Canada.

2) Lord Durham, Report on the State of Canada, 1839, изданъ подъ заглавіемъ Report on British North America, London, 1902.

чѣмъ достигнуто было бы поглощеніе французовъ преобладающею массою англичанъ [1]).

Въ выполненіе плана Дургама, въ 1841 году Верхняя и Нижняя Канада были соединены вмѣстѣ и въ нихъ организованы были двѣ законодательныя палаты, съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Но это унитарное соединеніе не ассимилировало французовъ и не успокоило національной вражды. Вслѣдствіе этого малу-по-малу пришли къ рѣшенію съ одной стороны ослабить соединеніе, приблизивъ его къ федеративному, и тѣмъ успокоить французовъ, но съ другой стороны расширить самъ союзъ путемъ присоединенія къ нему другихъ сѣверо-американскихъ колоній. Въ 1864 г. въ Квебекѣ была созвана конференція представителей всѣхъ сѣверо-американскихъ колоній, въ 1865 г. былъ выработанъ

1) Въ этомъ докладѣ Дургамъ писалъ: „Планъ, которымъ имѣлось бы въ виду обезпечить спокойное управленіе въ Канадѣ, долженъ внутри себя заключать средство положить предѣлъ господству національной распри въ законодательномъ собраніи, установивъ, сразу и навсегда, національный характеръ провинціи. Я не колеблюсь отвѣтить, какой національный характеръ долженъ быть данъ Нижней Канадѣ; она должна пріобрѣсти характеръ британской имперіи, — характеръ большинства населенія британской Америки, характеръ той великой расы, которая въ недалекомъ будущемъ станетъ первенствующей на всемъ сѣверо-американскомъ континентѣ. Не дѣлая измѣненій быстрыхъ и рѣзкихъ, могущихъ оскорбить чувства и подорвать благосостояніе существующаго поколѣнія, мы должны, однако, впредь признать первою и серьезнѣйшею обязанностью англійскаго правительства утвержденіе въ этой провинціи англійскаго населенія, съ англійскими законами и языкомъ, и не ввѣрять управленія иначе, какъ только безспорно англійскому парламенту... Единственная власть, которая способна одновременно побѣдить настоящую смуту и впослѣдствіи справиться съ національностью французскихъ канадцевъ, есть власть численнаго большинства вѣрнаго и англійскаго населенія; и единственнымъ устойчивымъ правительствомъ будетъ правительство болѣе народное, чѣмъ какое-либо до сихъ поръ существовавшее въ сѣверо-американскихъ англійскихъ колоніяхъ... Я полагаю, что нѣтъ другого постояннаго и дѣйствительнаго средства уничтожить безпорядки въ Нижней Канадѣ, кромѣ административнаго объединенія ея съ одной или болѣе изъ сопредѣльныхъ провинцій. Въ уніи я вижу единственное средство устранить сразу же и всецѣло основныя причины настоящаго неудовлетворительнаго положенія". Цит. у Б. Нольде, Автономныя колоніи Англіи, стр. 25—7.

проектъ союза, въ 1866 г. была созвана вторая конференція въ Лондонѣ, и, наконецъ, проектъ союза былъ принятъ англійскимъ парламентомъ и получилъ силу законодательнаго акта 29 марта 1867 года. Эта констутуція была мало-по-малу принята всѣми сѣверо-американскими колоніями Англіи, за исключеніемъ Нью-Фаундленда[1]). Она остается дѣйствующей до сего времени.

Относительно политическаго устройства Канадской Державы существуетъ всеобщее заблужденіе, считающее его однимъ изъ видовъ федераціи, съ особенностью парламентарнаго управленія[2]). Однако, по нашему мнѣнію, совер-

---

1) Провинціями Квебекъ, Онтаріо, Новой Шотландіей, Новымъ Брунсвикомъ; въ 1869 г. были присоединены земли Руперта и Сѣверо-Западныя территоріи, въ 1870 г. организована новая провинція Манитоба, въ 1871 г. Британская Колумбія, въ 1873 г. островъ принца Эдуарда, въ 1905 г. провинціи Альберта и Саскачеванъ.

2) Тексты ем. W. Houston, Constitutional Documents of Canada, 1891; русскій переводъ Акты объ уніи Канады, Новой Шотландіи и Новаго Брауншвейга, объ управленіи ихъ и о другихъ связанныхъ съ симъ предметахъ, 29 марта 1867 см. Б. Нольде, Современныя конституціи, II, 1907, стр. 197—233. Изъ сочиненій, анализирующихъ юридическое содержаніе этого акта, здѣсь могутъ быть указаны: Mentigny, Histoire du droit Canadien, 1869; J. Doutre, Constitution of Canada, 1880; S. J. Watson, The Powers of Canadien Parliaments, Toronto, 1880; Trudel, Nos Chambres hautes; 1880; Mcdougall, Prerogative Rights in Canada, 1881; Bourinot, Parliamentary Procedure and Practice, Toronto, 1884, 3 изд. 1903; его же, Local Government in Canada (въ Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science, 1887, т. V); его же, Federal Government in Canada (тамъ же, 1889, т. VII, стр. 457—618); его же, Parliamentary Government in Canada (въ Annual Report of the American Historical Association, 1891); C. C. Colby, Parliamentary Government in Canada, 1886; J. E. C. Munro, The Constitution of Canada, Cambridge, 1889 (основная работа по Канадской конституціи; въ приложеніи данъ текстъ British North America Act 1867, стр. 278—312); J. R. Cartwright, Cases on the British North America Act, 1882—1892; его же, Memories of Confederation, 1906; A. H. F. Lefroy, Law of Legislative Power in Canada, 1897; L. P. Turcotte, Canada sous l'Union;

шенно напрасно Канадская Держава считается федеральной политической системой. Правленіе Канады вполнѣ унитарно, и суверенная власть вся сосредоточивается въ центральныхъ органахъ, въ канадскомъ парламентѣ и англійской коронѣ, представленной намѣстникомъ. Никакого дуалистическаго образованія суверенитета въ Канадѣ мы не находимъ. Отдѣльныя провинціи Канады дѣйствительно пользуются нѣкоторымъ самоуправленіемъ, имѣютъ собственныя автономныя законодательныя собранія, но примѣненія какого-либо договорнаго или дуалистическаго принципа при образованіи обще-канадскаго суверенитета нѣтъ. Центральный парламентъ является представителемъ власти всей Державы, а не ея отдѣльныхъ провинцій. Въ нижнюю палату избираются депутаты пропорціонально численности населенія въ каждой провинціи, и потому она является представительствомъ всего канадскаго народа, какъ цѣлаго, верхняя же палата назначается намѣстникомъ, и потому въ ней тоже представлены не провинціи въ своей особности (что явилось бы примѣненіемъ федеративнаго принципа), а скорѣе центральная власть всей Британской имперіи, такъ какъ источникъ власти этой палаты — представитель короны, намѣстникъ. Порядокъ измѣненія конституціи не предусмотрѣнъ актомъ 1867 г., но считается, что нѣкоторыя дѣла небольшой важности могутъ быть измѣнены канадскимъ парламентомъ, для всѣхъ же важныхъ измѣненій требуется имперскій актъ [1]). Никакого участія провинціальныхъ мѣстныхъ властей здѣсь не требуется. Однимъ словомъ, нигдѣ въ канадской конституціи не находимъ мы

F. Bradshaw, Self-Government in Canada, 1903; Leacock, Responsible Government in the British Colonial System (American Political Science Review, 1907 № 3). Ср. также указанныя ниже общія сочиненія по конституціонному строю британскихъ колоній. На русскомъ языкѣ С. Корфъ, Государственный строй Канады, М. 1911.

1) См. при этомъ H. Jenkyns, British Rule and Juridiction beyond the seas, Oxford, 1902, стр. 75—76.

выраженія федеральнаго начала. Считать Канадскую Державу федеральнымъ соединеніемъ можно, только отожествляя федерацію съ автономіей, что совершенно невѣрно.

Впрочемъ и автономія канадскихъ провинцій очень ограничена. Всѣ дѣла, не отнесенныя спеціально (ст. 92—95) къ компетенціи провинціальныхъ законодательныхъ органовъ (а компетенція эта очень ограничена), относятся къ компетенціи центральнаго парламента [1]). Мало того, въ силу ст. 90 акта 1867 г., центральная власть Канады имѣетъ право отмѣнять акты провинціальныхъ законодательныхъ собраній, даже если они и согласны съ конституціей, т. е. не превышаютъ компетенціи этихъ провинціальныхъ собраній. Въ случаѣ конституціоннаго спора о компетенціяхъ истинно верховнымъ судомъ Канады является судебный комитетъ англійскаго тайнаго совѣта.

Если признать Канадскую Державу федераціей, то, конечно, Австрія и ея самоуправляющіяся области должны тоже считаться федеральнымъ государствомъ. Но это совершенно произвольное расширеніе термина федерализма и смѣшеніе его съ автономизмомъ [2]).

III.

Болѣе органическимъ образомъ, чѣмъ въ Канадѣ, развивались федеративныя формы въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи. Здѣсь въ исходномъ положеніи было больше само-

1) For greater certainty, but not so as to restrict the generality of the foregoing termes of this section, it is hereby declared that (notwithstanding anything in this Act) the exclusive legislative authority of the Parliament of Canada extends to all matters coming within the classes of subjects next hereinafter enumerated (ст. 91).

2) Мы полагаемъ также совершенно не обоснованнымъ мнѣніе, приписывающее Канадѣ государственный характеръ (напр., бар. С. Корфъ, Государственный строй Канады, М. 1911, стр. 57 и сл.). Канада, законы которой подлежатъ вето представителя англійской короны, имѣющаго кромѣ того рядъ другихъ очень важныхъ правъ, армія которой подчинена англійскому королю, измѣненія конституціи которой могутъ быть производимы лишь англійскимъ парламентомъ, высшимъ консти-

стоятельнаго независимаго существованія каждой колоніи, съ другой стороны больше національнаго и расоваго единства. Поэтому сближеніе колоній было естественно, ровно и постепенно. Прежде полнаго объединенія въ федеральный союзъ, австралійскія колоніи прошли черезъ стадію конфедерализма.

Первая попытка федераціи въ Тихомъ океанѣ была сдѣлана въ Новой Зеландіи. Въ 1852 г. имперскимъ актомъ этой колоніи было дано федеральное управленіе. Но страна была слишкомъ еще неразвита, и условія очень неблагопріятны для роста отдѣльныхъ провинцій Новой Зеландіи, какъ особыхъ правительственныхъ единицъ. Послѣ тридцатилѣтняго опыта, въ 1875 г. федеральная система была замѣнена унитарнымъ колоніальнымъ управленіемъ [1]).

Австралійскія колоніи возникли каждая отдѣльно и росли изолировано. Но по расѣ, языку, законамъ, религіи онѣ представляли единство; ихъ торговые интересы были одинаковы; одинаково же онѣ должны были опасаться за свою внѣшнюю безопасность, какъ со стороны нѣмецкихъ колоній, возникшихъ въ Тихомъ океанѣ въ 80-е годы, такъ и со стороны желтыхъ народовъ Дальняго Востока [2]).

туціоннымъ судомъ которой является судебный комитетъ лондонскаго тайнаго совѣта, конечно, не можетъ считаться государствомъ, при какомъ угодно пониманіи государства.

1) McGee, Notes on Federal Governments. Past and Present. With an Appendix containing the Federal Constitution of the New Zeeland Colonies, Montreal 1865 (стр. 45—75); R. Stout, Notes on the Progress of New Zeeland, 1886.

2) По исторіи австралійской федераціи могутъ быть указаны слѣдующія сочиненія: H. Willoughby, Australian Federation, Melbourne, 1891; Maistre, La question de fédération en Australie de 1850—1897 (Revue politique et parlamentaire, 1897, № 1); The Commonwealth of Australia. Constitution act with the Debats and Speeches on the same, London 1900; Coghlan, Seven Colonies of Australasia, 1900; Dörkes Boppard, Verfassungsgeschichte der australischen Kolonien, 1903; Biard d'Aunet, La constitution australienne et son fonctionnement (Revue des Deux Mondes, 1906, т. 36, стр. 287—322);

Уже со средины XIX вѣка дѣлались попытки соединить австралійскія колоніи болѣе тѣснымъ образомъ. Такъ еще въ 1847 г. лордомъ Греемъ было предложено создать центральную власть для австралійскихъ колоній, но предложеніе это колоніями сочтено было преждевременнымъ. Образованіе въ 1867 г. Канадской Державы дало мысль австралійскому дѣятелю Генри Паркесу послѣдовать примѣру Канады; но долгое время федеральное движеніе развивалось очень слабо. Наконецъ, стараніями Паркеса въ 1883 г. состоялась австралійская конференція, и 14 августа 1885 года былъ изданъ имперскій актъ о созданіи федеральнаго совѣта, который объединялъ въ конфедерацію австралазійскія колоніи Англіи, — Квинслендъ, Викторію, Новый Южный Уэльсъ, Западную Австралію, Тасманію, Южную Австралію, Новую Зеландію и Фиджи. Къ компетенціи этого конфедеральнаго совѣта, составлявшагося изъ равнаго числа представителей отъ каждой колоніи, относился надзоръ, подъ контролемъ имперскаго правительства, надъ отношеніями къ другимъ островамъ Тихаго океана, въ частности надъ рыбною ловлей, а также регулированіе междуколоніальныхъ отношеній, въ особенности что касалось дѣлъ правосудія.

Этотъ конфедеративный союзъ продолжался до 1895 г. Но почти тотчасъ же по образованіи его начались попытки перейти къ федеральному соединенію. Въ 1890 г. была собрана федеральная конференція въ Мельбурнѣ, для обсужденія болѣе тѣснаго соединенія, въ 1891 г. національный конвентъ въ Сиднеѣ, въ 1895 г. министерская конференція въ Гобартѣ и, наконецъ, въ 1897 г. національный конвентъ

Max Huber, Die staatsrechtliche Entwickelung der australischen Kolonien (Festgabe für Hübler, 1905, стр. 29—62); его-же, Die Geschichte der australischen Föderation (Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, 1909. т. III, стр. 326—340). Русскій переводъ австралійской конституціи напечатанъ въ сборникѣ Б. Нольде, Современныя конституціи, II, 1907, стр. 1—51.

въ Аделаидѣ, который и выработалъ новую федеральную конституцію. Новая Зеландія и Фиджи, слишкомъ отдаленныя отъ Австраліи, остались въ сторонѣ. Проектъ федеральной конституціи былъ подвергнутъ въ отдѣльныхъ колоніяхъ народному голосованію, и къ 1899 г. онъ былъ принятъ въ Южной Австраліи, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, въ Викторіи, въ Тасманіи и въ Квинслендѣ, потомъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ 1900 г. и въ Западной Австраліи. Лондонское правительство 9 іюля 1900 г. дало согласіе на этотъ актъ, извѣстный подъ именемъ Act to constitute the Commonwealth of Australia.

Австралійская конституція 1900 года представляетъ ту особенность, что соединяетъ федеральную форму правленія съ парламентарнымъ отвѣтственнымъ правительствомъ; подобное же соединеніе мы находимъ еще въ Канадѣ, гдѣ впрочемъ нѣтъ настоящаго федерализма, и въ Венецуэлѣ [1]).

Центральная власть въ австралійской федераціи принадлежитъ двухпалатному парламенту, состоящему изъ сената

---

1) Изъ сочиненій, занимающихся юридическимъ анализомъ австрійской федераціи, здѣсь могутъ быть указаны: W. H. Moore, La constitution fédérale australienne (Revue du droit public, 1899, т. XI, стр. 264—256, XII, стр. 299—310) (очеркъ австрійской конституціи по проекту 1899 г.); его же, The constitution of the Commonwealth of Australia (основная работа по исторіи и юридическому анализу австралійской конституціи, принадлежащая перу профессора Мельбурнскаго университета); его же, The new Australian Commonwealth (въ Annals of American Academy of Political and Social Scienсe, 1903, № 3); Nerincx, La constitution de la république fédérative des colonies anglaises en Oceanie (Revue de droit international, 1900); A. Viallate, L'Union Australienne (Annales des scienes Politiques, 1900); J. de Méseray, Les Nouveaux Etats-Unis, 1901; Picard, La fédération australienne, 1901; Cockburn, Australian Federation, 1901; Quick and Garran, The annotated constitution of the Australian Commonwealth, 1901; Guyon, La constitution australienne de 1900, Paris, 1902; R. C. Teece, A Comparison between the federal Constitutions of Canada and Australia, Sydney, 1902; J. Kohler, Das Commonwealth von Australia und seine recht-

и палаты представителей, и кабинету министровъ, отвѣтственному предъ парламентомъ. Верхняя палата, сенатъ, образуется изъ сенаторовъ отъ каждаго штата, избранныхъ народомъ соотвѣтствующаго штата, вотирующимъ, какъ одинъ избирательный округъ. Отъ каждаго первоначальнаго штата избирается шесть сенаторовъ. Парламентъ можетъ издать законы, увеличивающіе или уменьшающіе число сенаторовъ отъ каждаго штата, но такъ, чтобы для каждаго первоначальнаго штата сохранено было равное представительство, и въ то же время ни одинъ изъ первоначальныхъ штатовъ не имѣлъ бы менѣе шести сенаторовъ (ст. 7). Такимъ образомъ въ организаціи верхней палаты сохраненъ федеративный принципъ.

Въ правилахъ измѣненія конституціи федерализмъ тоже сохраняется, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ. Законопроектъ объ измѣненіи конституціи долженъ быть принятъ абсолютнымъ большинствомъ обѣихъ палатъ и потомъ долженъ быть предложенъ на голосованіе народа въ каждомъ штатѣ. Если въ большинствѣ штатовъ большинство избирателей одобряетъ законопроектъ, то онъ предлагается генералъ-губернаторомъ королю для испрошенія его санкціи. Однако, „никакое измѣненіе, уменьшающее пропорціональное представительство штата въ каждой изъ палатъ парламента или наименьшее число представителей штата въ палатѣ представителей, а также увеличивающее, уменьшающее или иначе измѣняющее границы штата, или какимъ-либо образомъ касающееся постановленій конституціи, сюда относящихся, не получитъ силы закона, если большинство избирателей, подающихъ голоса въ этомъ штатѣ, не одобритъ даннаго законопроекта“ (ст. 128).

---

liche Gestaltung (Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, 1907, т. I, стр. 4—12); J. Hatschek, Staats- und Verwaltungsrecht von Australia und Neu-Seeland (Bibliothek d. öffentl. Recht), Hannover 1910.

Законодательная власть австралійскаго парламента простирается, „въ интересахъ мира, порядка и добраго управленія союза“ на очень обширный кругъ дѣлъ (перечисленный въ ст. 51); отдѣльные штаты также сохраняютъ свое право законодательства. Но если законъ штата не согласуется съ закономъ союза, послѣдній имѣетъ преимущественную силу, а первый, поскольку онъ противорѣчитъ ему, недѣйствителенъ (ст. 109).

Предѣлы автономіи отдѣльныхъ штатовъ въ Австраліи гораздо болѣе обширны, чѣмъ въ Канадѣ. Въ Австраліи федеральный парламентъ имѣетъ только ту компетенцію, которая спеціально ему передана, вся остальная остается за штатами, тогда какъ въ Канадѣ дѣйствуетъ обратное правило: отдѣльныя провинціи имѣютъ только тѣ права, которыя имъ спеціально конституціей переданы.

IV.

Если конституціонная исторія Австраліи представляетъ образецъ постепеннаго перехода изолированныхъ колоній сначала къ конфедераціи, потомъ къ федеральному союзу, съ тенденціями къ постепенной унификаціи, то въ исторіи Южно-африканскаго Союза мы имѣемъ примѣръ того, какъ обособленно существовавшія области, которыя могли быть организованы и федеративно и унитарно, послѣ нѣкоторыхъ колебаній сразу же приняли унитарную форму безъ перехода черезъ федеративную [1].

1) Недавняя и краткая исторія образованія Южно-африканской конституціи изложена: Long, The framework of Union, Cape Town, 1908; R. H. Brand, The Union of South Africa, Oxford, 1909; Biard d'Aunet, L'union des colonies britanniques sud-africaines (Revue des Deux Mondes, 1909, т. LIII, стр. 862—891); Fritz Hüssen, Die Verfassungsentwickelung Transvaales zur Selfgoverning colony, 1909. Анализу Южно-Африканской конституціи посвящены статьи: J. Delpech, Le South African Constitution Act (Revue du droit public, 1900, стр. 751—761); Lester H. Woolsey, A comparative

Вскорѣ послѣ того какъ Трансвааль, присоединенный въ 1902 г. къ Англіи, получилъ въ 1906 г. конституцію, дававшую ему автономію, между четырьмя самоуправляющимися колоніями Южной Африки, Капомъ, Наталемъ, Оранжевой и Трансваалемъ начались усиленныя сношенія, съ цѣлью произвести соединеніе въ одинъ общій союзъ. Во главѣ этого движенія стоялъ Мерриманъ, премьеръ-министръ Капской колоніи. Въ маѣ 1908 г. состоялась конференція четырехъ колоніальныхъ министровъ, на которой выработано было слѣдующее рѣшеніе: „Жизненные интересы и постоянное процвѣтаніе Южной Африки могутъ быть обезпечены только черезъ болѣе тѣсный и близкій союзъ подъ властью британской короны. Родезія сможетъ впослѣдствіи быть принята въ этотъ союзъ. Это рѣшеніе будетъ представлено законодательнымъ собраніямъ четырехъ колоній, чтобы были приняты необходимыя мѣры для назначенія делегатовъ въ національный конвентъ, который долженъ будетъ разсмотрѣть, какая форма союза наилучшая, и приготовить проектъ конституціи". Въ концѣ 1908 г. въ Капѣ собрался конвентъ делегатовъ отъ четырехъ колоній. Споръ шелъ о томъ, организовать ли союзъ въ федерацію, т. е. сохранить колоніальные порламенты и участіе колоніальныхъ правительствъ въ центральной власти, или въ унитарное соединеніе. Восторжествовала унитарная идея. Колоніальные парламенты должны были исчезнуть, и колоніи должны были сдѣлаться лишь провинціями, правда, автономными въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Проектъ конвента былъ принятъ референдумомъ народа всѣхъ четырехъ колоній и получилъ силу закона актомъ англійскаго парламента 21 августа 1909 года.

Южно-африканскимъ актомъ 1909 года Капъ, Наталь,

Study of the South African Constitution (Amer. Journal of Intern. Law, 1910, т. IV, № 1, стр. 1—82). Текстъ South Africa Act помѣщенъ между прочимъ въ Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, 1911, т. V, стр. 324—360.

Оранжевая и Трансвааль соединены не въ федеративный, а въ унитарный союзъ (Union of South Africa) съ провинціями, пользующимися значительной автономіей. Исполнительная власть принадлежитъ генералъ-губернатору и исполнительному комитету, составленному изъ министровъ и членовъ, назначенныхъ генералъ-губернаторомъ (ст. 8—18). Законодательная власть осуществляется двумя палатами. Изъ нихъ сенатъ составляется чрезъ избраніе провинціальными совѣтами по восьми сенаторовъ отъ каждой колоніи и чрезъ назначеніе восьми сенаторовъ генералъ-губернаторомъ (ст. 24—25). Нижняя же палата, народное собраніе составляется прямыми выборами всего народа (ст. 32). Парламенту принадлежитъ полнота власти (ст. 59—63). Колоніальные парламенты низводятся на положеніе провинціальныхъ совѣтовъ, пользующихся автономіей подъ контролемъ центральной власти (ст. 68—94); акты провинціальныхъ совѣтовъ (въ компетенціи, предусмотрѣнной ст. 85) дѣйствительны, лишь поскольку они не противорѣчатъ парламентскимъ актамъ (ст. 86).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами канадскаго, австралійскаго и южно-африканскаго федеральныхъ или полу-федеральныхъ соединеній, автономныхъ по отношенію къ центральному имперскому правительству, въ Британской имперіи имѣются еще два федеративныя соединенія, не пользующіяся самоуправленіемъ. Соединенія эти вполнѣ элементарнаго характера. Высшіе исполнительные органы нѣсколькихъ колоній объединяются въ нихъ въ одинъ общій совѣтъ. Такого рода соединенія трактуются однако англичанами, какъ своеобразныя федераціи. Такова, прежде всего, Вестъ-Индская федерація. По имперскому акту 1861 г. колоніи Антигуа, С.-Киттсъ, Невисъ, Доминика, Монтсерратъ и Виргинскіе острова соединены въ одну колонію подъ именемъ The Leeward Islands. Имѣются губернаторъ и исполнительный и законодательный совѣтъ для всей колоніи и президенты

и исполнительные и законодательные совѣты для каждаго президентства. Компетенціи центральной и мѣстныхъ властей разграничены [1]). Здѣсь же должно быть упомянуто и Малайское федеральное государство подъ британскимъ протекторатомъ, организованное актомъ 20 октября 1909 года. Этимъ актомъ соединены малайскія государства Перакъ, Селангоръ, Пагангъ и Негри Сембиланъ [2]).

V.

Обширная политическая система, именуемая Британской Имперіей, обнимающая громадныя владѣнія во всѣхъ частяхъ міра, возникла главнымъ образомъ въ теченіе XIX вѣка и находится пока еще въ довольно неорганизованномъ видѣ [3]).

---

1) См. Jenkyns, British Rule and Jurisdiction, стр. 97.

2) Agreement for the Constitution of a Federal Council напечатана въ Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, 1911, т. V, стр. 138—139,

3) Изъ обширной литературы, занимающейся вопросами организаціи Британской имперской федераціи здѣсь могутъ быть указаны лишь наиболѣе важныя: Ch. Dilke, Greater Britain, 1868, новое переработанное изданіе Problems of Greater Britain, 1890, о федераціи гл. VII стр. 465—498; одно изъ наиболѣе авторитетныхъ и имѣвшихъ наибольшее вліяніе на развитіе британскаго имперіализма сочиненій; Frederick Young, Imperial Federetion of Great Britain and her colonies, London, 1876; Todd, Parliamentary Government in the Colonies, 1880; Seeley, The Expansion of England, 1882 (переведено въ 1912 г. на русскій языкъ); Lorne, Imperial Federation, 1885; Imperial Federation, Journal of the League, 1886—1890; Dicey, Why England maintains the Union, 1887; Franklyn, Unit of Imperial Federation, 1887; Grant, Imperial Federation, лекція, 1890; Lord Brassey, Papers and adresses, 1892; G. R Parkin, Imperial Federation. The Problem of national Unity, London, 1892; Luigi Palma, La federazione imperiale inglese (Nuova anthologia, 1891 № 3); его же, Le colonie parlamentarii e la federazione imperiale inglese (Studii sulle constituzioni moderne, 1892, стр. 433—478; Rolin Jaquemyns, Le mouvement vers une constitution fédérale de l'Empire britannique (Revue de droit international, 1892 № 2); J. Douglas, Canadian Independence, Annexation and British Imperial Federation, 1894; Labilliere, Federal Britain or Unity and Federation of the Empire, London, 1894; H. A. Egerton, A

Въ Канадѣ, въ Австраліи, на Новой Зеландіи, въ Южной Африкѣ мало-по-малу возникли самостоятельныя, самоуправляющіяся колоніи, со всѣмъ сложнымъ политическимъ аппаратомъ парламентарнаго правленія. Эти парламентарныя колоніи пользуются по отношенію къ метрополіи полной автономіей. Съ формально-юридической точки зрѣнія отношеніе колоній къ Англіи и англійскому парламенту есть отношеніе зависимыхъ самоуправляющихся провинцій къ центральной власти унитарнаго государства. Во главѣ каждой провинціи стоитъ генералъ-губернаторъ или намѣстникъ, представитель англійской верховной власти; этотъ намѣстникъ и англійское правительство имѣютъ право безусловнаго вето всякаго колоніальнаго закона; высшее военное

Short History of British Colonial Policy, 1897, 2 изд. 1905; W. P. Greswell, The Growth and Administration of the British Colonies (1837—1897), London, 1898; A Zimmermann, Die Kolonialpolitik Grossbritanniens, 3 т., Berlin, 1899; Lapradelle, Questions franco-anglaises (Revue du droit public, 1899, стр. 277 и сл.); Davidson, Commercial Federation and Colonial Policy, London, 1900; А. Веснинъ, Британская имперская федерація и англійскіе торговые интересы, СПБ., 1900; Victor Berard, L'Angleterre et l'impérialisme, Paris, 1900; J. A. Hobson, Imperialism, 1901; J. Gazeau, L'impérialisme anglais, son évolution (Carlyle, Seeley, Chamberlain), P., 1903; Payne, Colonies and Colonial Federations, London, 1904; Montagu and Herbert, Canada and the Empire, London, 1904; J. Bardoux, Les origines économiques du fédéralisme britanique (Revue politique et parlamentaire, 1905, т. XLIV стр. 557—570); P. Reuss, Der britische Imperialismus, 1905; P. Houdeau, L'union britannique, Paris, 1905; H. Speyer, La constitution juridique de l'empire colonial britannique, P., 1906; Hatschek, Die Staatsrechtliche Ausgestaltung der britischen Imperialismus, (Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, 1907, т. I, стр. 433—445); бар. С. Корфъ, Федерализмъ, СПБ. 1908, стр. 1—34; Eutrope, Le régime politique des colonies anglaises à self-government, P., 1909; С. Корфъ, Колоніальныя конференціи, Ярославль, 1911. Діонео, Очеркъ конституцій британскихъ колоній (Политическій строй современныхъ государствъ, т. II, Спб. 1906, стр. 283—318).

командованіе въ колоніяхъ принадлежитъ англійскому королю. Въ Канадѣ, кромѣ того, конституція можетъ быть измѣнена (и слѣдовательно отмѣнена) одностороннею волею англійскаго парламента. Но, будучи съ строго-юридической точки зрѣнія лишь сильно децентрализованными провинціями унитарнаго государства, самоуправляющіяся англійскія колоніи на самомъ дѣлѣ, практически и фактически, живутъ, какъ независимыя и самостоятельныя государства, не принимая никакого участія въ имперскихъ дѣлахъ, ведя подъ часъ самостоятельную внѣшнюю политику, облагая пошлиной англійскіе товары, какъ иностранные, и т. п.

Юридически, Британская имперія есть унитарное децентрализованное государство, фактически это — система шести, по крайней мѣрѣ, самостоятельныхъ государствъ, изъ которыхъ одному, Англіи, принадлежитъ лишь нѣкотораго рода гегемонія. Именно какъ протестъ противъ такой неорганизованности устройства Британской имперіи, и возникло движеніе къ имперской федераціи. Здѣсь какъ нельзя болѣе ярко выступаетъ взаимная противоположность природы автономизма и федерализма, такъ какъ автономизмъ разъединяетъ, а федерализмъ соединяетъ. Именно чтобы бороться противъ крайностей автономизма, и выставляется средствомъ федеративное объединеніе.

Идея имперской Британской федераціи высказывалась уже въ XVIII вѣкѣ, когда Англія еще владѣла своими колоніями Новой Англіи[1]). Послѣ потери Англіей американскихъ колоній, при почти полномъ отсутствіи колоніальныхъ владѣній Англіи, идея имперской федераціи не имѣла ни

1) Такъ пожеланіе такой уніи высказывалъ начальствовавшій надъ тремя американскими колоніями губернаторъ Pownall въ своей работѣ Administration of the Colonies, 2 изд. 1765 г. Адамъ Смитъ не считалъ непреодолимыми препятствія къ организаціи представительства колоній въ англійскомъ парламентѣ, A. Smith, Wealth of Nations, 1776, кн. IV, гл. 7. Эдмондъ Боркъ защищалъ принципъ федеральнаго единства имперіи.

теоретическаго, ни практическаго смысла; но ростъ австралійскихъ и канадскихъ владѣній въ первую половину XIX вѣка снова возродилъ и идею британскаго федерализма. Въ Австраліи, въ Новой Зеландіи, въ Канадѣ начинаютъ раздаваться голоса о болѣе тѣсномъ сближеніи всѣхъ колоній и метрополіи. Рядъ колоніальныхъ дѣятелей высказывался за имперскую федерацію и считалъ форму имперской федераціи желательной и практически осуществимой, еще въ то время, когда колоніи были въ состояніи дѣтства, при громадныхъ разстояніяхъ ихъ отъ Англіи и другъ отъ друга и при полномъ отсутствіи установленныхъ пароходныхъ и телеграфныхъ сношеній [1]).

---

1) Уже въ 1844 году, въ первомъ выборномъ австралійскомъ законодательномъ собраніи Робертомъ Лове (Lowe), впослѣдствіи лордомъ Sherbrooke, была произнесена рѣчь: „He hoped and believed that the time was not remote when Great Britain would give up the idea of treating the dependencies of the Crown as children, who were to be cast adrift by their parent as soon as they arrived at manhood, and substitute for it the far wiser and nobler policy of knitting herself and her colonies into one mighty confederacy, girdling the earth in its whole circumference and confident against the world in arts and arms. Въ 1849 году J. R. Godley изъ Новой Зеландіи въ письмѣ къ Гладстону писалъ: „I maintain the the love of empire, properly understood — that is, the instinct of self-development and expansion — is an unfailing symptom of lusty and vigorous life in a people; and that, subject to the conditions of justice and humanity, it is not only legitimate but most laudable. Certain am I that the decline of such a feeling is always the result not of matured wisdom or enlarged philanthropy, but of luxurious imbecility and selfish sloth. When the Roman eagles retreated across the Danube, not the loss of Dacia, but the satisfaction of the Roman people at the loss, was the omen of the empire's fall. Ср. также рѣчь въ 1854 г. Joseph Howe въ законодательномъ собраніи Nova Scotia и рѣчь канадскаго политическаго дѣятеля Эдуарда Блэка (Blake) въ 1874 г., сказавшаго между прочимъ: I took, three or four ylars ago, an opportunity of speaking, and ventured to suggest that an effort should be made to reorganise the Empire upon a Federal basis. I repeat what I then said, that the time may be at hand when the people of Canada shall be called upon to discuss the question... The Treaty of Washington produced ... a feeling that at no distant period the people of Canada would desire that they should have some greater share of control than they now have in the management of foreign affairs; that our Government should not present the anomaly which it now presents — a

Съ 50-хъ годовъ XIX вѣка начинаютъ раздаваться голоса въ пользу федеративнаго объединенія Имперіи, сначала голоса одинокіе, но мало-по-малу становящіеся все болѣе многочисленными и вліятельными [1]). Такъ въ 1872 году лордъ Биконсфильдъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ: „Я не могу представить себѣ, какъ наши отдаленныя колоніи могли бы управлять своими дѣлами, не имѣя самоуправленія. Но когда колоніямъ дается самоуправленіе, оно, по моему мнѣнію, должно даваться имъ какъ часть великой политики имперской консолидаціи. Оно, кромѣ того, должно быть дополнено установленіемъ нѣкотораго представительнаго Совѣта въ метрополіи, который долженъ приводить колоніи въ постоянныя и непрерывныя отношенія съ центральнымъ правительствомъ. По моему мнѣнію, ни одинъ министръ не выполнитъ своего долга, если онъ пренебрежетъ всякимъ удобнымъ случаемъ для реконструкціи, насколько это возможно, нашей колоніальной имперіи". Въ 1884 году основана была лига содѣйствія имперской федераціи, Imperial Federation League, много способствовавшая своею пропагандою распространенію и популярности идеи обще-имперской фе-

---

Government the freest, perhaps the most democratic in the would, with reference to local and domestic matters, in which you rule yourselves as fully as any people in the would, while in your foreign affairs, your relations with other countries, whether peaceful or warlike, commercial or financial, or othewise, you have no more voice than the people of Japan: Объ этомъ см. Labilliere, op. cit., стр. 6—10.

1) Съ 1855 по 1862 гг. въ Лондонѣ существовала The General Association for the Australian Colonies, стремившаяся сдѣлать отношенія между метрополіей и Австраліей гармоничными. Противъ идеи имперской дезинтеграціи выступили конгрессы соціальной науки (1869, 1872) и собранія на Каннонъ-стритѣ въ 1869 году. Цѣлью этихъ собраній было обратить вниманіе на преимущества единства имперіи и указать пункты, въ которыхъ могутъ быть улучшены ея отношенія. Въ 1871 г. въ январской книжкѣ Contemporary Review появилась статья Imperial Federation Эдварда Дженкинса, въ которой предлагалось создать федеральный парламентъ для имперскихъ дѣлъ, и передать провинціальныя дѣла исключительно компетенціи провинціальныхъ правительствъ. Ср. Labilliere, op. cit., стр. 19 и сл.

дераціи. Благодаря ей была созвана въ 1887 году первая междуколоніальная конференція, на которой участвовали представители автономныхъ колоній.

Съ конца XIX вѣка дѣло имперской федерализаціи начинаетъ вступать на почву попытокъ практическаго осуществленія. Начинается рядъ колоніальныхъ конференцій [1]). Въ 1897 г. и въ 1902 г. Чемберленомъ были созваны конференціи премьеръ-министровъ всѣхъ самоуправляющихся колоній, которымъ и былъ предложенъ обширный планъ имперской организаціи, — созданіе имперскаго совѣта для колоніальныхъ и имперскихъ дѣлъ, усиленіе роли тайнаго совѣта Англіи, какъ имперскаго федеральнаго суда, послѣ привлеченія въ него нѣкотораго числа колоніальныхъ судей, созданіе общей военной и таможенной политики и т. д. Но всѣ предложенія, клонившіяся къ созданію какой-нибудь обще-имперской организаціи, не нашли сочувствія въ представителяхъ колоній ни на этихъ конференціяхъ, ни на слѣдующихъ, собиравшихся въ 1907 и въ 1911 гг.

На конференціи 1907 г. было рѣшено однако дать этимъ совѣщаніямъ постоянную организацію, въ силу которой эти имперскія конференціи должны собираться каждые четыре года. Членами ихъ являются англійскій премьеръ-министръ и англійскій министръ колоній, первые министры и другіе делегаты автономныхъ колоній; причемъ каждая страна имѣетъ право лишь на одинъ голосъ. Имперская конференція есть только простое средство совѣщанія, она не можетъ связывать большинствомъ голосовъ ни метрополіи, ни колоніи, безъ ихъ согласія. Она носитъ характеръ скорѣе конгресса дипломатовъ, чѣмъ правительственнаго органа. Но даже сведенная къ такой роли, конференція оказала и

---

1) Объ этихъ конференціяхъ, вопросахъ, которые возбуждались на нихъ, рѣшеніяхъ, къ какимъ на нихъ приходили, см. работу бар. С. Корфа, Колоніальныя конференціи, Ярославль, 1911.

еще, вѣроятно, окажетъ большія услуги, благопріятствуя обмѣну идей, взаимнымъ уступкамъ и общему согласію по вопросамъ взаимнаго интереса.

По болѣе мелкимъ вопросамъ, какъ вопросы эмиграціи, судебной помощи, авторскаго права, почтовыхъ сношеній и т. п., эти конференціи пришли къ заключенію о возможности объединенія путемъ параллельнаго законодательства въ различныхъ колоніяхъ; но болѣе сложнымъ и почти неразрѣшимымъ явился вопросъ объ учрежденіи обще-имперскихъ органовъ. Если привлечь колоніи къ общей оборонѣ имперіи, возложить на нихъ извѣстные расходы, вовлечь ихъ въ обще-имперскую политику, то надо дать имъ участіе въ обще-имперскомъ правленіи, при которомъ онѣ могли бы заставить считаться со своимъ мнѣніемъ при рѣшеніи вопросовъ войны и мира. Но какъ это сдѣлать, это одна изъ труднѣйшихъ задачъ политическаго зодчества.

Федерація Англіи и ея колоніямъ нужна главнымъ образомъ коммерческая (созданіе общей таможенной уніи) и военная (организація общей защиты имперіи), но ни та, ни другая не могутъ быть осуществлены безъ федераціи конституціонной, т. е. безъ созданія обще-имперскихъ органовъ власти [1]).

Среди плановъ имперской федеральной организаціи прежде всего нужно остановиться на разсмотрѣніи проектовъ созданія центральнаго обще-имперскаго парламента, который возвышался бы надъ частными центральными парламентами.

Можно проектировать двѣ системы федераціи, объ пред-

---

1) Hatschek, Die staatsrechliche Ausgestaltung des britischen Imperialismus (Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, 1907, т. I, стр. 433—443); J. Shield Nicholson, A Project of Empire, London, 1909; Viscount Milner, Speeches in Canada, Toronto, 1909; Charles Bruce, The Broad Stone of Empire, 2 т., London, 1910; G. Drage, The Organisation of Imperial Trade, London, 1911; Richard Jebb, The Imperial Conference, 2 т., London, 1911.

видящія парламентъ, въ которомъ была бы представлена вся имперія. По одной системѣ, члены, представляющіе Соединенное Королевство и колоніи въ имперскомъ парламентѣ, должны быть избираемы непосредственно народомъ; по другой системѣ, члены эти должны избираться англійскимъ и колоніальными парламентами, дѣйствующими, какъ избирательныя коллегіи. Если дѣйствуетъ послѣдняя система, каждый центральный колоніальный парламентъ долженъ избирать опредѣленное число членовъ. Такимъ образомъ по образованіи междуколоніальной федераціи, имперское правительство должно стать конфедераціей федераціей.

Система выборовъ членовъ имперскаго парламента колоніальными парламентами имѣла бы то преимущество, что функціонировала бы съ большой легкостью, и было бы меньше затрудненій для распредѣленія числа членовъ, которые должны быть выбраны каждой провинціей или колоніей имперіи. Кромѣ того, представители каждой провинціи или колоніи были бы въ гармоніи съ ихъ законодательными собраніями, что не всегда возможно, если они будутъ избираться прямыми народными выборами. Вторая система составленія имперскаго парламента, путемъ прямыхъ народныхъ выборовъ, имѣетъ эту значительную выгоду, что она приводитъ имперскій федеральный парламентъ въ прямое соприкосновеніе съ населеніемъ имперіи, давая ему чувствовать, что его центральное правительство есть вполнѣ его собственное правительство. Миръ или война, совершаемыя съ одобренія такого правительства, будутъ миромъ или войною всего народа имперіи; имперская защита, организованная имъ, будетъ чувствоваться, какъ принадлежащая всему народу. Такое правительство могло бы прямо вотировать имперскіе налоги; тогда какъ если бы оно избиралось законодательными собраніями, то оно должно было бы довольствоваться субсидіями, вотированными на имперскіе расходы этими собраніями.

Если имперскій парламентъ избирается провинціальными или междуколоніальными федеральными парламентами, и если, кромѣ того, считается нужнымъ существованіе имперской верхней палаты, то эта послѣдняя можетъ быть составлена верхними палатами каждаго парламента, посылающими въ нее членовъ, подобно тому какъ нижнія палаты дѣлаютъ это для составленія имперской нижней палаты; кромѣ того, и корона можетъ быть управомочена назначать въ эту палату наслѣдственныхъ пожизненныхъ перовъ; или члены ея могутъ отчасти назначаться, отчасти избираться англійскими и колоніальными парламентами. Вообще могутъ быть созданы самые различные планы образованія имперской верхней палаты. Если бы имперскій парламентъ выбирался прямо народомъ имперіи, то въ этомъ случаѣ было бы болѣе необходимымъ существованіе второй палаты, чѣмъ если избраніе идетъ отъ парламентовъ. Если провинціальныя палаты дѣйствуютъ въ качествѣ избирательныхъ коллегій, должно быть обезпечено представительство въ имперскомъ парламентѣ ихъ меньшинства или оппозиціи. Если принятъ принципъ прямыхъ народныхъ выборовъ, то вопросъ объ избирательномъ правѣ и избирательныхъ округахъ для выборовъ членовъ имперской нижней палаты долженъ быть предоставленъ на усмотрѣніе парламента въ каждой провинціи или въ междуколоніальной федераціи; при чемъ необходимо только, чтобы имперская федеральная конституція фиксировала число членовъ, которые должны быть избираемы каждымъ владѣніемъ или провинціей [1]).

При обсужденіи имперскаго британскаго федерализма не слѣдуетъ забывать, конечно, что вопросъ идетъ только

---

1) Планъ федеральнаго имперскаго парламента развивалъ на колоніальной конференціи 1911 года премьеръ-министръ Новой Зеландіи Уордъ. См. С. Корфъ, Колоніальныя конференціи, 1911, стр. 20—21.

объ организаціи автономныхъ англійскихъ колоній. „Можно обложить налогами, пишетъ справедливо Лоуэлль, на содержаніе общей обороны зависимыя страны, не имѣющія самоуправленія, но ясно, что эти зависимыя страны не могутъ принимать никакого участія въ управленіи имперіей. Если онѣ не умѣютъ управлять собой, то явно, что онѣ не могутъ управлять и другими". Жестокой иллюзіей было бы создать хоть подобіе ихъ участія въ управленіи. Индія и колоніи короны должны по прежнему управляться Англіей, и онѣ не могутъ принимать никакого участія въ управленіи союзомъ. Британская федерація должна ограничиться лишь Англіей съ ея 42 милліонами жителей, британской Сѣверной Америкой, Австраліей и Южной Африкой въ общей сложности съ 13 милліонами жителей. Около же 370 милліоновъ британскихъ подданныхъ должны остаться внѣ федераціи.

Однако проекты обще-имперской парламентарной федераціи наталкиваются, при разсмотрѣніи, на почти непреодолимыя препятствія и возраженія, которыя прекрасно были формулированы Лоуэллемъ [1]).

Первое важное затрудненіе для установленія британской федераціи заключается въ трудности приспособить парламентарную форму къ федеративному строю. Представители колоній не могутъ быть допущены въ англійскій парламентъ, не нарушивши правильнаго функціонированія парламентарной машины. Исключить ихъ изъ англійскаго парламента значило бы лишить ихъ всякаго участія въ имерскихъ дѣлахъ. Привлечь ихъ въ полномъ смыслѣ слова значило бы создать такое положеніе, при которомъ законы издавались бы и правительство образовывалось бы противъ ясно выражаемаго мнѣнія представителей англійскихъ острововъ, — на что не могъ бы согласиться англійскій народъ. Допустить же

1) Lowell, The Government of England, II, гл. 58.

колоніальныхъ депутатовъ только для обсужденіи имперскихъ вопросовъ, значило бы предположить, что министерство могло бы сегодня найти большинство, завтра его потерять, послѣ завтра снова найти: — это же несовмѣстимо съ принципомъ министерской отвѣтственности. Да и колоніи такимъ представительствомъ нисколько удовлетворены не были бы, такъ какъ колоніальныя дѣла рѣшались бы центральной властью, управляемой англійскими министрами, на выборъ и политику которыхъ колоніи не имѣли бы вліянія. Прямое представительство колоній въ парламентѣ вызвало бы, съ одной стороны, слишкомъ много вмѣшательства колоній въ англійское управленіе, а съ другой стороны слишкомъ много вмѣшательства и англійскаго правительства въ дѣла колоній.

Но не только трудно совмѣстить британскую федерацію съ дѣятельностью парламента, но трудно представить себѣ и созданіе какого-нибудь правительственнаго органа внѣ парламента, такъ какъ въ этомъ случаѣ парламентъ могъ бы низойти до положенія второстепеннаго законодательнаго органа въ вопросахъ, касающихся компетенціи этого имперскаго федеральнаго органа; и могло бы, напримѣръ, случиться, что важныя дѣла имперіи рѣшались бы людьми, расходящимися во взглядахъ съ англійскими министрами.

Въ настоящее время на 42 милліона жителей Англіи приходится около 13 милліоновъ жителей въ автономныхъ странахъ. Это — соединеніе большого европейскаго государства съ рядомъ отдаленныхъ мелкихъ государствъ, заключающихъ въ себѣ только около одной трети жителей большого. Если бы количество жителей въ колоніяхъ превзошло количество жителей въ метрополіи, то несогласіе имперскаго совѣта и англійскаго кабинета сдѣлалось бы частымъ и очевиднымъ фактомъ. Если же представительство должно быть пропорціонально населенію, то колоніи должны имѣть четверть мѣстъ, а Англія $^3/_4$; но въ этомъ случаѣ важно,

какъ будутъ избираться въ имперскій совѣтъ представители Англіи, — если и оппозиція будетъ имѣть право на нѣкоторое представительство, то можетъ оказаться, что большинство въ имперскомъ совѣтѣ будетъ принадлежать голосамъ колоній вмѣстѣ съ голосами оппозиціи, и меньшинство англійскихъ членовъ будетъ диктовать свои рѣшенія главѣ палаты общинъ. Если же представители Англіи будутъ назначаться Короной, то положеніе колоній окажется вполнѣ подчиненнымъ, и онѣ не смогутъ оказать вліянія на законодательство, ихъ касающееся. Созданіе же какого-нибудь спеціальнаго квалифицированнаго большинства, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣмецкомъ союзномъ совѣтѣ, трудно совмѣстить съ демократическимъ правленіемъ.

Не малое затрудненіе и въ томъ, какимъ образомъ добыть финансы для имперской федераціи. Надежда на субсидіи членовъ федераціи слаба, судя по примѣру сѣверо-американской и германской конфедерацій, право же прямого обложенія со стороны имперскаго совѣта по отношенію къ Англіи и къ колоніямъ, вызывало бы острые конфликты.

Вообще на пути образованія имперской федераціи стоятъ большія трудности, обойти которыя будетъ не легко даже большому политическому разуму англійскихъ политическихъ дѣятелей. Образованіе федераціи соединено съ жертвами, на которыя народы соглашаются нелегко и вынуждаются обыкновенно насильственными событіями. Швейцарская федерація возникла послѣ войны Зондербунда; Германская Имперія создана была желѣзомъ и кровью; Американскій Союзъ образовался подъ вліяніемъ войны съ Англіей и послѣ кровавой междоусобной войны въ средѣ самого союза. Но, съ другой стороны, Англія сможетъ въ безопасности сноситься со своими колоніями и англійская имперія сможетъ существовать лишь при господствѣ Англіи на моряхъ. Бороться же за это господство со всѣмъ міромъ дѣлается не легко, и Англія нуждается въ регулярной и организо-

ванной помощи со стороны колоніи, и потому федерація необходима.

Въ силу тѣхъ затрудненій, которыя возникаютъ для образованія обще-имперскаго федеральнаго парламента, не слѣдуетъ, повидимому, предполагать, что будетъ созданъ новый организмъ, нѣчто вродѣ имперскаго сената, съ федеральнымъ министерствомъ, возвышающимся надъ національными парламентами, съ контролемъ надъ всѣми имперскими дѣлами. Англійскія учрежденія создавались медленно, прогрессивно, съ постоянною заботою ничего новаго торопливо не вводить, производить реформы, требуемыя обстоятельствами, по возможности въ рамкахъ существующихъ учрежденій.

Въ настоящее время существуетъ уже совѣщательный обще-имперскій органъ въ колоніальныхъ конференціяхъ и въ комитетѣ имперской обороны. Повидимому, ему суждено сдѣлаться мало-по-малу органомъ имперской конфедераціи. Онъ состоитъ въ настоящее время изъ главъ правительствъ метрополіи и колоній. Собранія его періодичны и могутъ быть сдѣланы болѣе частыми. Рѣшенія его принимаются по единогласію; противъ нежеланія одной колоніи, нѣтъ принуждающей силы большинства. Это — зародышъ чисто конфедеральной организаціи, который можетъ сыграть большую роль въ объединеніи Британской имперіи[1]).

1) Именно такой проектъ преобразованія колоніальныхъ конференцій въ Imperial Commitee подробно дебатировался на засѣданіяхъ Королевскаго Колоніальнаго Института въ 1905 г. и получилъ одобреніе всѣхъ автономныхъ колоній. См. Proceedings of the Royal Colonial Institute, 1905, стр. 288 и сл.

III. Германскій федерализмъ.

А. Швейцарскій федерализмъ. — Б. Нидерландскій федерализмъ. — В. Нѣмецкій федерализмъ. — Г. Скандинавскій федерализмъ.

Среди европейскихъ государствъ наиболѣе удачныя и законченныя формы федеральныхъ соединеній были до сихъ поръ осуществлены германскими народами. Съ начала XIV вѣка и до настоящаго времени существуетъ Швейцарская Конфедерація. Въ теченіе двухъ вѣковъ образцовымъ конфедеративнымъ союзомъ были Соединенныя Провинціи Нидерландъ. Германская имперія съ эпохи среднихъ вѣковъ проходитъ черезъ разныя формы и стадіи федеративныхъ соединеній, только за самое послѣднее время эволюціонируя къ унитарному государству. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей (вродѣ Вестеркампа или Гирке) готовы видѣть въ этой склонности къ федеральнымъ политическимъ соединеніямъ своеобразную особенность германскаго духа. Конечно, въ такой исключительной постановкѣ это утвержденіе неправильно, и нашъ обзоръ развитія федерализма въ разныхъ странахъ міра какъ нельзя болѣе ясно показываетъ всю ошибочность такого исключительнаго утвержденія. Федеративная форма есть одно изъ логическихъ и естественныхъ средствъ соединенія дотолѣ разъединенныхъ, но въ силу историческаго процесса уже достаточно сблизившихся другъ съ другомъ государствъ, но сблизившихся не настолько, чтобы образовать единое государство. Такія

формы мы найдемъ и въ древнемъ мірѣ, и среди восточныхъ племенъ, и у романскихъ народовъ, и среди славянъ, и у монголовъ, и даже у краснокожихъ индѣйцевъ (знаменитая, напр., въ ранней исторіи Сѣверной Америки Конфедерація Шести индѣйскихъ Націй). Но нельзя отрицать того, что эти федеративныя формы особенною устойчивостью и правильнымъ развитіемъ отличаются именно у германскихъ народовъ, что, быть можетъ, объясняется свойственными имъ двумя противоположными качествами, — съ одной стороны, партикуляризмомъ, влекущимъ къ отпаденію и обособленному существованію (протестантизмъ), съ другой стороны, чувствомъ законности и порядка, не позволяющимъ перейти къ политической междуплеменной и международной анархіи.

А. Швейцарскій федерализмъ.

I. Швейцарскій конфедерализмъ. — II. Новѣйшій швейцарскій федерализмъ.

I.

На Рейнѣ очень рано возникли двѣ конфедераціи[1]), одна у его истоковъ, другая у его устьевъ. Обѣ образовали соединеніе суверенныхъ кантоновъ и провинцій, одна — въ горахъ, другая — у моря. Положеніе ихъ среди могущественныхъ сосѣдей, занимающее чрезвычайно удобную стратегическую позицію, способствовало ихъ независимому существованію, такъ какъ каждое изъ сосѣднихъ могущественныхъ государствъ препятствовало овладѣть ими другому.

1) Изъ изслѣдованій, занимающихся исторіей развитія швейцарскаго федерализма могутъ быть здѣсь указаны слѣдующія: J. C. Bluntschli, Geschichte des Schweizerischen Bundesrechts von den ersten ewigen Bünden bis auf die Gegenwart, 2 т., Zürich, 1849—1852; J. Meyer, Geschichte des schweizerischen Bundesrechts, т. 1 до 1798 г., т. II съ 1798—1874 г.; Winterthur, 1875—1878; E. Curti, Geschichte der schweizerischen Volksgesetzgebung. Zürich, 1882 (въ рус. пер. Курти, Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи, СПБ., 1900); C. Hilty, Les constitutions fédérales de la Confédération Suisse. Expose historique, Neuchâtel, 1891.

У истоковъ Рейна еще въ началѣ XIV вѣка мало-помалу образовалась Швейцарская конфедерація, просуществовавшая среди различныхъ историческихъ перипетій въ видѣ конфедеральнаго союза до самаго конца XVIII вѣка[1]). Первый письменный федеральный договоръ между лѣсными кантонами Ури, Швицъ и Унтервальденъ восходитъ еще къ 1291 году; дѣйствительно же этотъ союзъ сталъ прочнымъ послѣ побѣды кантоновъ въ 1315 г. у Моргатена надъ Леопольдомъ Австрійскимъ. Мало-по-малу къ первоначальному союзу трехъ кантоновъ присоединились десять другихъ. Эти тринадцать кантоновъ вмѣстѣ съ союзниками и такъ называемыми зависимыми территоріями составляли конфедерацію, просуществовавшую до 1798 г.[2]).

Конфедеративная связь этого союза была очень неорганизованной и несовершенной. Кантоны по принципу и на практикѣ оставались суверенными, съ тѣмъ ограниченіемъ, конечно, что они теряли нѣкоторыя международныя права, несовмѣстимыя съ какимъ-бы то ни было союзомъ, напр., не могли заключать договоровъ съ иностранными державами; споры между кантонами тоже, разумѣется, не могли разрѣшаться силою, а для рѣшенія ихъ кантоны должны были прибѣгать къ арбитражу. На центральную союзную власть падала главнымъ образомъ задача общей защиты союзной территоріи. Организація этой центральной власти была очень несовершенной. Союзной исполнительной власти не было, былъ лишь непостоянный, временный, собирающійся въ неопредѣленные промежутки времени сеймъ

1) О конфедеративномъ правѣ этого союза см. Amtliche Sammlung der älteren eidgenössischen Abschiede bis 1798, 8 т., Bern, 1839 и сл.; J. Simler, De republica Helvetiorum libri duo, Tiguri 1576 (нѣмецкій переводъ Zürich 1722); Pfaff, Das Staatsrecht der alten Eidgenossenschaft, Schaffhausen, 1870; A. Rilliet, Les origines de la Confédération Suisse, 1873.

2) Главными конституціонными актами, опредѣляющими политическое устройство этой конфедераціи были Pfaffenbrief 1370 г., Sempacher Brief 1393 г. и Stanzer Verkommnis 1481 г.

(Tagsatzung), на который посылалось по два представителя отъ каждаго кантона и по одному отъ зависимыхъ территорій.

Нормальное развитіе конфедераціи къ болѣе тѣсному единенію было пріостановлено реформой и религіознымъ раздѣленіемъ между отдѣльными кантонами. До самаго конца XVIII вѣка кантоны жили очень разрозненно и подъ часъ враждебной жизнью другъ къ другу. Объединеніе пришло изъ Франціи. Въ 1798 г. французскіе республиканцы преобразовали Швейцарію въ единую и недѣлимую Гельветическую республику, организованную по образцу французской конституціи 1795 г.

Но такое радикальное и слишкомъ мало считавшееся съ особенностями и исторіей Швейцарскихъ кантоновъ объединеніе не разрѣшило политической проблемы, и новыя столкновенія между кантонами привели къ вмѣшательству Наполеона въ 1803 г., который, въ качествѣ посредника, издалъ Посредническій Актъ 1803 г., организовавшій Швейцарію въ своеобразную федерацію 19 кантоновъ[1]).

Въ общемъ швейцарская конституція по Посредническому акту 1803 г. можетъ считаться довольно удачной. Она дала Швейцаріи объединеніе, построенное на компромиссѣ, и миръ. Компетенція центральной власти была значительно расширена, сравнительно съ эпохой чистой конфедераціи; ей передано было исключительное завѣдываніе иностранными дѣлами, войной и миромъ, договорами, дипломатическими сношеніями. Центральная власть получала въ распоряженіе собственную армію, право взимать денежные взносы для союзной казны, разрѣшать споры между кантонами и т. д. Было однако оговорено, что кантоны сохраняютъ всѣ права, спеціально не делегированныя федеральной власти. Болѣе цѣлесообразно также былъ организованъ постоянный федеральный сеймъ, въ который каждый кантонъ посылалъ по

1) Gustav Vogt, Zur Charakteristik der schweizerischen Mediationsakte vom 19 Februar 1803, Zürich, 1884.

одному депутату, за исключеніемъ шести большихъ кантоновъ, посылавшихъ по два депутата. Этотъ сеймъ собирался каждый годъ въ новомъ кантонѣ. Самое важное въ Посредническомъ актѣ было то, что онъ создалъ центральную исполнительную власть союза въ лицѣ Landmann'а конфедераціи, каковымъ являлся бургомистръ того города, въ которомъ въ данное время засѣдалъ сеймъ. Центральная власть имѣла свой собственный служебный персоналъ.

Когда въ 1815 году на Вѣнскомъ конгрессѣ ликвидировалось дѣло Наполеона, то уничтожена была и швейцарская конституція 1803 г., не потому, что она была плоха, а потому что она была дѣло его рукъ. Однако тотъ федеральный договоръ 1815 года, которымъ была создана новая организація Швейцаріи, несомнѣнно явился регрессомъ по сравненію съ Посредническимъ актомъ [1]).

Федеральный договоръ 1815 г. вернулъ кантонамъ суверенитетъ, которымъ они обладали въ эпоху старой конфедераціи; при чемъ они даже получили не бывшее у нихъ раньше право посылать пословъ и заключать договоры съ иностранными державами, поскольку, разумѣется, они не вредили интересамъ конфедераціи. Сеймъ составлялся изъ равнаго представительства (по одному депутату) отъ каждаго кантона. Исполнительной федеральной власти не было, а исполненіе возлагалось на кантоны. Наиболѣе неудачной стороной этого договора было отсутствіе примѣнимыхъ правилъ для измѣненія союзной конституціи; по смыслу ст. 15 акта 1815 г., конституція, какъ договоръ, могла быть измѣнена только по единогласному рѣшенію всѣхъ кантоновъ. Это правило дѣлало невыполнимымъ какое бы то ни было измѣненіе конституціи и въ концѣ концовъ привело къ революціонному перевороту.

---

1) Berthold von Muydan, La Suisse sous le pacte de 1815, 2 т., Lausanne, 1890 и 1892; Ludw. Snell, Handbuch des schweizerischen Staatsrecht, 2 т., Zürich 1837—1845.

II.

Уже съ 30-хъ годовъ XIX вѣка обнаружилось въ Швейцаріи (какъ одновременно и въ сосѣдней Германіи) стремленіе реформировать конституцію 1815 г. въ направленіи къ федеральному государству [1]).

Переходъ этотъ къ федеральной формѣ правленія совершился не мирнымъ, а насильственнымъ путемъ. Столкновенія на почвѣ между-кантональныхъ отношеній привели къ образованіи въ 1845 г. особой лиги семи католическихъ кантоновъ, Зондербунда, что вызвало войну 1847 г., кончившуюся побѣдою союза надъ отложившимися кантонами.

Недостатки союзной конституціи были слишкомъ явны, чтобы она осталась неизмѣненной. Въ 1847 г. сеймомъ была выработана новая федеральная конституція и подвергнута народному референдуму. Народное одобреніе было однако далеко не единогласно. Пятнадцать съ половиною кантоновъ высказались за конституцію, шесть съ половиною

1) Отраженіемъ этого движенія въ пользу унификаціи Швейцарскаго союза были сочиненія того времени: Kasimir Pfyffer, Zuruf an den eidgenössischen Vorort Luzern bei Uebernahme der Leitung der Bundesangelegenheiten, Luzern, 1831: Troxler, Lösung der nationalen Lebensfrage „worauf muss die Bundesverfassung begründet werden", Rapperswyl, 1833; K. S. Zachariä, Ueber den gegenwärtigen politischen Zustand der Schweiz (въ Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung, VI, 1834, стр. 1—60); C. T. Welcker, Ueber Bundesverfassung und Bundesreform, über Bildung und Gränzen der Bundesgewalt. Zunächst in Beziehung auf den Schweizerbund und die Schriften von Troxler und Zachariä über denselben, Leipzig, 1834; Cherbuliez, De la démocratie en Suisse, 2 т., Genève, 1843. Цит. выше сочиненіе Snell'я; F. Stettler, Das Bundesstaatsrecht der Schweizerischen Eidgenossenschaft gemäss den Entwicklungen seit dem Jahr 1798 bis zur Gegenwart, Bern, 1847. Объ этомъ переходѣ см. Baumgartner, Die Schweiz in ihren Kämpfen und Umgestaltungen von 1830 bis 1850, Zürich 1853; Feddersen, Geschichte der Schweizerischen Regeneration von 1830 bis 1848, Zürich, 1867. Ср. Brie, Bundesstaat, 1874, стр. 61—71.

противъ. Между тѣмъ ст. 15 прежняго акта 1815 г. требовала единогласія. Несмотря на это, 12 сентября 1848 г. сеймъ провозгласилъ, чисто революціоннымъ путемъ, конституцію принятой. Несогласные кантоны молчаливо подчинились и произвели выборы представителей въ новое федеральное собраніе[1]).

Конституція 1848 г. преобразовала Швейцарію изъ конфедераціи въ федеральное государство, въ существенныхъ чертахъ имѣющее то же устройство, какое дала Швейцаріи и новая пересмотрѣнная конституція 1874 года. Съ 1848 г. въ Швейцаріи очень опредѣленно сказывается центростремительное движеніе. Большинство швейцарскихъ писателей являются защитниками послѣдовательной унификаціи[2]).

---

1) Fleiner, Die Gründung des Schweizerischen Bundesstaats im Jahre 1848, 1898.

2) Къ числу такихъ писателей должны быть причислены: H. A. Zachariä, Die Schweizerische Eidgenossenschaft, der Sonderbund und die Bundesrevision, 1848 (Цахаріе отстаивалъ идею подчиненія правительства кантоновъ центральной союзной власти); J. Bluntschli, Geschichte des schweizerischen Bundesrechts, 2 т., Zürich, 1849—1852 (Блюнчли полагалъ, что федеральное государство не имѣетъ историческихъ корней въ Швейцаріи и есть только переходная и смѣшанная форма отъ конфедераціи къ болѣе тѣсному соединенію); Cherbuliez, De la division du pouvoir dans les Etats fédératifs, въ Bibliothèque universelle et Revue Suisse, т. 3, 1858, стр. 510—547 (Шербюлье указывалъ на большую неустойчивость конституціоннаго равновѣсія въ раздѣленіи властей федеральныхъ конституцій; то власть центральнаго правительства усиливается на счетъ власти штатовъ, то наоборотъ. Хорошимъ средствомъ регулировать колебанія въ этомъ равновѣсіи было бы установленіе федеральнаго суда, вродѣ функціонирующаго въ Соединенныхъ Штатахъ). J. Kaiser, Das schweizerische Staatsrecht, 3 т., St. Gallen, 1858—1860; Rüttimann, Ueber die der schweizerischen Eidgenossenschaft für Realisierung des Bundesrechts zu Gebote stehenden Organe und Zwangsmittel, 1862; его же, Das nordamerikaniache Bundesstaatsrecht verglichen mit den politischen Einrichtungen der Schweiz, Zürich, 1867 (Рюттиманъ въ теоріи принималъ Токвилевскую точку зрѣнія о раздѣленіи суверенитета. Однако раздѣльность суверенитета не абсолютна. Верховенство въ концѣ концовъ принадлежитъ центральной власти. Такъ это въ Соединенныхъ Шта-

Съ конца 60-хъ годовъ это централистическое теченіе настолько усилилось, что приступлено было къ пересмотру конституціи въ унитарномъ направленіи. Въ 1872 г. федеральное собраніе выработало проектъ новой конституціи, который однако былъ отвергнутъ народнымъ референдумомъ. Но въ слѣдующемъ году былъ выработанъ новый проектъ, въ менѣе унитарномъ духѣ, и этотъ проектъ, принятый всенароднымъ голосованіемъ, получилъ силу закона 31 марта 1874 года[1]).

тахъ, такъ это и въ Швейцаріи. Рюттиманъ перечисляетъ рядъ пунктовъ, въ которыхъ суверенитетъ кантоновъ подчиняется высшей власти. Если сталкивается верховное право союза съ верховными правами кантоновъ, то первое выше вторыхъ. Союзное законодательство съ согласія большинства швейцарскихъ гражданъ можетъ перейти къ централизаціи); J. Blumer, Handbuch des schweizerischen Bundesstaatsrechtes, Zürich, 1863 (Блюмеръ держался теоріи Токвилля раздѣленнаго суверенитета. По мнѣнію его, до 1798 г. Швейцарія была чистымъ типомъ конфедераціи, съ 1848 г. — она чистый типъ федеральнаго государства. Общее правило — суверенитетъ кантоновъ (ст. 3 конст.), но рядомъ съ нимъ и суверенитетъ союза. Цѣль — не только внѣшнія отношенія, какъ при конфедераціи, но и внутреннія отношенія H. Escher, Handbuch der praktischen Politik, 2 т., Leipzig, 1864 (особ. II, стр. 481—553 „О конфедераціяхъ". Сторонникъ конфедеративныхъ формъ); Ullmer, Die staatsrechtliche Praxis der schweizerischen Bundesbehörden aus den Jahrgängen 1848—1863, 2 т., Zürich, 1862—1866; фр. пер. Le droit public suisse, 2 т., Neuchâtel, 1864—1867.

1) Изъ литературы эпохи этого пересмотра конституціи см.: Dubs, J., La democratie suisse dans son développement, Genève 1868; его же, Zur Verständigung über die Bundesrevision, Zürich, 1871; Fary, De la revision de la constitution fédérale, Geneve, 1871; Ce que devient la constitution suisse par la revision de la constitution, Fribourg, 1872; Hornung, Comment la revision nous ferait passer de l'Etat fédératif à l'Etat unitaire, Genève, 1872; Tallichet, La confédération suisse et la constitutiou, Lausanne, 1872; его же, La revision de la constitution fédérale, Lausanne, 1873; Osenbrüggen, Die Schweiz in den Wandelungen der Neuzeit, Berlin, 1876. Конечно, были и противники переработки конституціи въ унитарномъ смыслѣ. Къ нимъ могутъ быть отнесены послѣдователи прудоновскихъ идей: Jacques Rutty, Du système fédératif, 1874;

Конституція 1874 г. организовала Швейцарію въ федеральное государство. Объединительная идея ея какъ нельзя лучше была выражена въ заголовкѣ ея[1]): „Во имя Всемогущаго Бога! Швейцарская конфедерація съ цѣлью укрѣпить союзъ кантоновъ, поддержать и усилить единство, силу и честь швейцарской націи принимаетъ настоящую федеральную конституцію“. Статья 3, правда, объявляетъ, что „кантоны суверенны, поскольку ихъ суверенитетъ не ограниченъ союзной конституціей“, но въ данномъ случаѣ имѣется злоупотребленіе терминомъ суверенитета. Суверенитетъ принадлежитъ не кантонамъ, а всему Швейцарскому союзу. Центральному федеральному собранію принадлежитъ право гарантировать кантонамъ ихъ конституціи, и эта гарантія должна кантонами быть испрашиваема у союза (ст. 5 и 87, § 7). Союзная власть имѣетъ право вмѣшательства во внутреннія кантонныя дѣла (ст. 16). Швейцарская конституція соединяетъ централизацію законодательной власти съ децентрализаціей власти исполнительной, такъ какъ по общему правилу федеральные законы исполняются кантонами. Споры о компетенціяхъ между федеральными и кантональными властями разрѣшаются федеральнымъ судомъ, но

и указанный выше Tallichet, L'Idée du fédéralisme въ Bibliothèque universelle et Revue suisse, 1874, т. II, стр. 301—35, 489—524, 686—732 (Въ защиту идей Прудона. Необходимо, чтобы начало самоуправленія осуществлялось уже въ политической ячейкѣ, въ общинѣ. Въ началѣ, это такъ и было. Общины родились изъ нужды, испытываемой сосѣдями, соединиться для защиты своихъ правъ, своей собственности и своихъ вольностей. Онѣ основывались на добровольномъ контрактѣ; люди были свободны входить въ нихъ или выходить. Человѣкъ отказывался изъ своей свободы отъ всего, что было необходимо для общаго блага, онъ подчинялся дисциплинѣ, онъ соглашался на жертву временемъ и деньгами, но этимъ онъ спасалъ лучшую часть своей индивидуальности. Община была первой и главной опорой гражданской свободы. Она есть истинная арена самоуправленія. Положеніе ея въ государствѣ должно быть положеніемъ государства въ федераціи).

1) Который, къ слову сказать, содержитъ въ себѣ противорѣчіе: „Федеральная конституція швейцарской конфедераціи“.

судьи этого суда избираются федеральнымъ собраніемъ, рѣшенія его приводятся въ исполненіе центральнымъ правительствомъ, и не всѣ пререканія подлежатъ этому суду (ст. 113).

Централизація Соединенныхъ Штатовъ, какъ мы видѣли, совершается главнымъ образомъ черезъ мѣняющееся толкованіе конституціи, остающейся неизмѣнной. Централизація же Швейцаріи совершается черезъ постоянныя измѣненія, лучше сказать, добавленія конституціи. Постепенно все новые предметы относятся къ конституціи федеральнаго собранія. „Федеральная конституція можетъ быть пересмотрѣна во всякое время, какъ въ полномъ объемѣ такъ и по частямъ“ (ст. 118). Предложеніе о пересмотрѣ можетъ исходить либо отъ каждой федеральной палаты, либо по требованію 50,000 швейцарскихъ гражданъ. Пересмотрѣнная федеральная конституція входитъ въ силу, если она будетъ принята большинствомъ швейцарскихъ гражданъ, участвовавшихъ въ голосованіи, и большинствомъ кантоновъ (ст. 119—123[1]).

---

1) Изъ литературы по швейцарскому федерализму послѣдней эпохи здѣсь могутъ быть указаны: Planta, Die Schweiz in ihrer Entwicklung zum Einheitsstaat, Zürich (въ унитарномъ духѣ); P. Guye, Die Schweiz in ihrer politischen Entwicklung als Föderativstaat Bonn, 1877 (въ федералистическомъ духѣ); J. Dubs, Das öffentliche Recht der Schweizerischen Eidgenossenschaft, и по-французски Le droit public de la Confédération Suisse, Genève, 2 v., 1878—9 (Дубсъ высказывался за усиленіе въ Швейцаріи федеральной власти, въ смыслѣ естественнаго развитія федеральнаго государства, какъ центральной власти, такъ и кантоновъ, что возможно достигнуть только взаимодѣйствіемъ союза и кантоновъ. Федеральное государство обнимаетъ членовъ союза вполнѣ и цѣликомъ; оно съ ними образуетъ высшее органическое единство. Союзъ можетъ повсюду во внутреннихъ дѣлахъ проводить интересы общаго характера, содѣйствовать имъ или препятствовать вреднымъ вліяніямъ. Для сохраненія федеральнаго устройства необходимо: 1) чтобы и кантоны имѣли военную силу, 2) чтобы и кантоны голосовали во всѣхъ вопросахъ. И въ конфедераціяхъ и въ федераціяхъ имѣется двойной суверенитетъ: суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ и союза; даже и въ конфедераціяхъ суверенны не только отдѣльныя государства, но и самъ союзъ); Blumer-Morel, Handbuch des schweizerischen Bundesstaatsrechts, 2 изд. 2 т., Schafhausen,

Б. Нидерландскій федерализмъ.

I. Конфедерализмъ эпохи Соединенныхъ Провинцій. — II. Современный нидерландскій федерализмъ.

I.

Въ теченіе долгаго времени конфедеративный строй Соединенныхъ Провинцій, процвѣтавшихъ при этой формѣ правленія, служилъ образцомъ для всякаго рода федерацій и оказывалъ не малое практическое вліяніе на политическое строительство колоній Сѣверной Америки и даже Германіи.

Федеративныя традиціи въ политическомъ устройствѣ Голландіи и Бельгіи восходятъ еще къ эпохѣ среднихъ вѣковъ. Уже въ XIV вѣкѣ извѣстны союзы фландрскихъ городовъ, и вѣкъ Артевельде характеризуется въ исторіи этихъ странъ, какъ эпоха расцвѣта федерализма[1]).

1877—1880; A. Orelli, Das Staatsrecht des schweizerischen Eidgenossenschaft (въ Handbuch Marquardsens); E. Borel, Etude sur la souveraineté et l'état fédératif, Berne, 1886 (одна изъ лучшихъ и оригинальныхъ работъ по теоріи федерализма; теорія Бореля была нами подробно изложена въ 4-й главѣ); L. Marsanche, The Swiss Confederation, London, 1889 (фр. пер. 1891); F. O. Adams and C. D. Cunningham, The Swiss Confederation, London, 1889 (рус. пер. Эдемсъ и Кеннингэмъ, Швейцарія и ея учрежденія, СПБ. 1893); Hilty, Les constitutions fédérales de la Confédération Suisse, Neuchâtel, 1891; L. v. Salis, Schweizerisches Buudesrecht, 2 т., 1892—2, 2 изд. 3 т. 1903; J. Schollenberger, Das Bundesstaatsrecht der Schweiz, Geschichte und System, Berlin, 1905; J. Schollenberg, Bundesverfassung der Schweiz. Eidgenossenschaft, Kommentar mit Einleitung, Berlin, 1905; W. Burckhart, Schweizerische Bundesverfassung, 1906; Fritz Fleiner, Die Fortbildung der Schweizerischen Bundesverfassung seit dem Jahre 1874 (Jahrbuch der öffentlichen Rechts der Gegenwart, 1907, т. 1, стр. 392—413).

1) См. Gheldolf, Histoire de la Flandre et de ses institutions civiles et politiques, 3 т. Bruxelles, 1835—1846; о союзѣ фландрскихъ городовъ см. II, 286 и сл.; Vanderkindere, Le siècle des Artevelde, Bruxelles, 1879; о союзѣ Фландріи, Брабанта и Гэно см. стр. 206 и сл., о федерализмѣ этой эпохи стр. 288 и сл.; E. Poullet, Histoire politique nationale. Origines, développements et transformations des institutions dans les anciens Pays-Bas, 2 т., 1882.

Когда въ концѣ XVI вѣка нидерландскія колоніи возстали противъ испанскаго владычества и объединились для общей защиты, то, естественно, они прибѣгли къ федеративному соединенію, столь для нихъ привычному и традиціонному. Основаніе союзу было положено на Гентскомъ замиреніи въ 1576 г., но свою окончательную конституцію онъ получилъ въ актѣ Утрехтской уніи 1579 г.[1]).

Въ силу этого акта семь сѣверныхъ провинцій объединились въ Соединенныя Провинціи Нидерландъ, принявши ясно выраженную форму конфедераціи государствъ. Своеобразная особенность Нидерландской конфедераціи въ томъ, что она оказалась, вопреки общему правилу, устойчивой и, обезпечивши Нидерландамъ миръ и внутреннее процвѣтаніе, просуществовала болѣе двухъ столѣтій. И прекратила она свое существованіе не вслѣдствіе внутренняго разложенія, а лишь благодаря завоеванію французами въ 1795 г. и превращенію ея въ унитарную Батавскую республику. Пріобрѣтя впослѣдствіи, съ паденіемъ Наполеона, независимость, Нидерланды не вернулись къ прежнему конфедеративному строю, а остались унитарнымъ государствомъ[2]).

---

1) По исторіи нидерландскаго конфедерализма см. особ. A. de Wicquefort, Histoire des Provinces-Unies des Pais-Bas, 4 т. Amsterdam, 1861 (написано еще во вторую половину XVII в., впервые издано лишь въ XVIII в.); Jhr J. J. de la Bassecour Caan, Schets van de geschiedenis der Nederl. regeerinsvormen 1515—1795, 's Gravenhage, 1855; J. de Bosch-Kemper, Staatkundige Geschiedenes van Nederland, Amsterdam, 1866—1882; P. L. Muller, De Unie van Utrecht, Utrecht, 1878; Pieter Paulus, Verklaring der Unie van Utrecht.

2) Разсмотрѣнію конституціоннаго строя Нидерландской конфедераціи посвящены: A. de Wicquefort, op. cit., I, стр. 8 и сл.; Boxhornius, Commentariolus de Statu Foederati Belgii, 4 изд. Hagae, 1654; Cornelii van Bynkershoek, Questionum juris publici libri duo, Ludguni Batavorum, 1737, кн. II (de rebus varii argumenti, стр. 187—384); C. W. de Schell, De civitatis origine civitatumque systematis exemplo reipublicae Batavorum illustratis, Jenae, 1745; N. Bondt, Commentarius ad Unionis Ultrajectinae Prooemium et capita tria priora, Traj. ad Rh. 1756; J. P. Voet,

Соединенныя Провинціи имѣли два центральные органа управленія, — собраніе генеральныхъ штатовъ, органъ конфедеративнаго объединенія, и государственный совѣтъ, органъ государственнаго единства, выражавшій собою моментъ общаго единства.

Собраніе генеральныхъ штатовъ разрѣшало всѣ обычныя дѣла, при чемъ депутаты дѣйствовали по полномочіямъ и приказамъ отъ штатовъ своихъ провинцій; въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касались уніи и общей защиты, рѣшенія обычно принимались по большинству голосовъ провинцій. Но такъ какъ почти всѣ статьи Утрехтской уніи, являвшейся основнымъ закономъ государства, были составлены въ отрицательныхъ и запретительныхъ положеніяхъ, то генеральные штаты почти ничего, что касалось сущности союза, не могли рѣшить, иначе какъ по единогласному согласію всѣхъ союзниковъ [1]). Такъ собраніе генеральныхъ штатовъ не могло ни предпринять войны на общія средства государства, ни взимать налоговъ, ни заключать альянсовъ,

---

Specimen jur. inaug. exh. questiones quasdam juris publici Belgici, Lugduni Batavorum, 1771; F. W. Pestel, Commentarii de Republica Batava, Lug. Bat. 1782; J. de Meermann, Discours... comparé... la ligue des Acheens... celle des Suisses... et de la ligue des Provinces-Unies, La Haye, 1784; H. v. Treitschke, Die Republik der Vereinigten Niederlande, 1869 (Historische und politische Aufsätze, II); E. de Lavelaye, La forme de gouvernement dans la République des Provinces-Unies (Revue des Deux Mondes, 1874, т. 112); J. B. Westerkamp, Das Bundesrecht der Republik der Vereinigten Niederlande, Marburg, 1890. Не мало вниманія посвящено разсмотрѣнію политическаго строя нидерландской конфедераціи въ книгѣ C. Bake, Beschouwingen over den Statenbond en den Bondsstaat, Amsterdam, 1881.

1) Конфедеративный характеръ союза Нидерландъ ярко выступаетъ и изъ ст. 22 Утрехненской уніи требующей единогласія для всякаго измѣненія Нидерландской конституціи. Art. 22: „Insgelycx soe veure benonden worden van noode te syn darticulen van desz Vnie, confederatie ofte verbont In enyge poincten ofte articulen te vermeerderen ofte veranderen, Sal tzelve oick gedaen worden by gemeen aduiys ende consent van de voorsz. bontgenoten, ende anders nijet".

обязывающихъ государство, т. е. всѣ Соединенныя Провинціи, иначе какъ только по нарочитому и единогласному согласію ихъ всѣхъ. Соединенное государство, предполагалось, не образовывало суверенитета отдѣльнаго и отвлеченнаго отъ суверенитета провинцій, и оно считалось лишь постольку суверенным, поскольку составлявшія его провинціи были суверенны.

Число депутатовъ въ генеральныхъ штатахъ не было фиксировано и не было равнымъ для всѣхъ провинцій; но такъ какъ каждая провинція имѣла только одинъ голосъ, то было и не важно, сколько каждая изъ нихъ посылаетъ депутатовъ, тѣмъ болѣе что депутаты эти находились на содержаніи посылающихъ ихъ провинцій. Каждая провинція имѣла право предсѣдательства поочередно, въ теченіе одной недѣли. Первоначально собраніе это не было постояннымъ и осѣдлымъ. Провинціальные штаты посылали депутатовъ лишь тогда, когда для чрезвычайныхъ дѣлъ ихъ приглашалъ государственный совѣтъ. Собраніе это сдѣлалось постояннымъ лишь для борьбы съ чрезмѣрно усилившимся вліяніемъ государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ былъ преобразованъ въ 1588 г. Онъ представлялъ собою учрежденіе, составленное изъ депутатовъ всѣхъ провинцій, подобно собранію генеральныхъ штатовъ, по инымъ манеромъ. Каждый депутатъ на генеральныхъ штатахъ представлялъ суверенитетъ соотвѣтственной провинціи, дававшей ему порученіе; члены же государственнаго совѣта были совѣтниками государства вообще, и давали присягу въ собраніи генеральныхъ штатовъ, такъ какъ именно отъ него они получали свое порученіе. Число этихъ депутатовъ отъ каждой провинціи устанавливалось приблизительно соотвѣтственно размѣру денежнаго взноса, который приходился на долю каждой провинціи.

Предсѣдательство въ этомъ совѣтѣ принадлежало не каждой провинціи по очереди, а каждому совѣтнику по очереди, такъ какъ предполагалось, что онъ выражалъ мнѣніе не

провинціи, а свое собственное, какъ совѣтникъ государства. Поэтому же всѣ дѣла компетенціи совѣта рѣшались по большинству голосовъ. Къ компетенціи государственнаго совѣта принадлежало завѣдываніе военными дѣлами (совмѣстно, но, подчиняясь, генеральнымъ штатамъ) и управленіе обще-государственными финансами.

Такъ какъ всѣ провинціи были суверенными, то онѣ не только свободно располагали своими финансами, каждая въ своихъ предѣлахъ, въ обложеніи товаровъ, въ ней продаваемыхъ, и продуктовъ, въ ней потребляемыхъ, и даже лицъ, въ ней проживающихъ, но также каждая располагала и своими доходами. Правда, Утрехтская унія обязывала всѣ провинціи устанавливать одинаково извѣстныя обложенія, именно для взносовъ на общія нужды союза. Эта была одна изъ главныхъ статей вѣчнаго союза, считавшаяся чрезвычайно существенной для его сохраненія. Но эта статья на практикѣ выполнялась плохо и представляла постоянно множество затрудненій, такъ какъ исполненіе ея было трудно и несправедливо: провинціи не торговыя не могли требовать со своихъ жителей столько же налоговъ, какъ тѣ, у которыхъ процвѣтала торговля и мореплаваніе.

Всѣ семь провинцій Нидерландъ, хотя и были тѣсно связаны другъ съ другомъ, однако оставались независимыми, абсолютными и суверенными, такъ какъ законодательныя собранія (штаты) каждой провинціи не признавали надъ собою никакой высшей власти, будь это даже совокупность всѣхъ соединенныхъ провинцій. Въ Соединенныхъ Провинціяхъ не было суверенитета, находящагося гдѣ-нибудь внѣ самихъ провинцій. Нельзя признать господствовавшими надъ отдѣльными провинціями генеральные штаты, такъ какъ это было лишь собраніе депутатовъ отъ всѣхъ соединившихся провинцій, и только [1]).

1) Викефортъ вполнѣ справедливо и юридически очень тонко для своего времени доказывалъ, что въ Соединенныхъ Провинціяхъ не было

Генеральные штаты давали иностраннымъ посламъ аудіенціи и отвѣчали на письма иностранныхъ владыкъ. Они

другого суверенитета, кромѣ того который находился въ каждой изъ составляющихъ его провинцій, „такъ какъ еслибы былъ еще другой суверенитетъ въ государствѣ, на ряду или надъ законодательными собраніями провинцій, то неизбѣжно слѣдовало бы или то, что эти послѣднія не были бы суверенными, или то, что было бы два суверенитета въ одномъ государствѣ; что являлось бы какъ политическимъ, такъ и естественнымъ чудовищемъ, ибо въ обычномъ порядкѣ вещей не бываетъ тѣла о двухъ головахъ (ce qui formeroit un monstre en la politique aussy bien qu'en la nature, qui dans l'ordre ordinaire de son économie ne souffre pas qu'un corps ait deux testes). Ясно также, что если бы генеральные штаты были суверенными, то это относилось бы собственно къ штатамъ всѣхъ соединенныхъ провинцій, въ случаѣ если бы они всѣ были собраны in corpore, что́ невозможно, а не ихъ депутаты, власть которыхъ временна, такъ какъ они могутъ быть отозваны". „Но я, прибавляетъ Викефортъ, даже скажу болѣе, если бы даже можно было созвать штаты всѣхъ провинцій въ одно мѣсто, отъ этого они не сдѣлались бы всѣ вмѣстѣ суверенами государства всѣхъ провинцій вмѣстѣ. Какъ король Франціи, король Испаніи и король Англіи, если бы они собрались въ одномъ изъ городовъ этихъ королевствъ, не сдѣлались бы королями и суверенами всѣхъ трехъ королевствъ вмѣстѣ; король Франціи не былъ бы королемъ Испаніи и наоборотъ, даже если бы эти три короля были столь же тѣсно соединены, какъ соединены между собою провинціи; точно также и штаты Гельдра, или Голландіи, или Зеландіи не могутъ расширить своего суверенитета на другія провинціи. Это не можетъ быть оспариваемо. Изъ этого можно безошибочно заключить, что такъ какъ эти три короля, соединенные такимъ образомъ, не были бы суверенами всѣхъ трехъ королевствъ безразлично, то и ихъ посланники, собравшіеся въ какомъ-нибудь мѣстѣ этихъ трехъ королевствъ, для общихъ дѣлъ ихъ владыкъ или въ интересахъ альянса, еще менѣе могли бы претендовать на суверенитетъ". Однако Викефортъ долженъ былъ признать, что на ряду съ суверенными отдѣльными провинціями и весь союзъ, какъ таковой, обладаетъ суверенитетомъ, по крайней мѣрѣ, во внѣшнихъ дѣлахъ. „Семь провинцій образуютъ государство Соединенныхъ Провинцій Нидерландъ, это соединеніе, собственно говоря, не единое государство, а собраніе (assemblage) нѣсколькихъ суверенныхъ государствъ, которыя вслѣдствіе многихъ общихъ интересовъ соединились вмѣстѣ и принуждены собираться въ удобномъ мѣстѣ, чтобы обсуждать средства своего взаимнаго сохраненія. Однако не можетъ быть, чтобы цѣлое, всѣ части котораго суверенны, не было сувереннымъ тоже; особенно по отношенію ко всѣмъ иностраннымъ державамъ, смотрящимъ на это государство, не какъ на многія соединенныя и союзныя провинціи, а какъ на одно тѣло, одну республику. Оно суверенно также по отношенію къ мѣстностямъ, присоединеннымъ къ государству или которыя были завоеваны у испанскаго короля общей арміей всѣхъ

заключали трактаты и союзы, объявляли войну и заключали миръ, назначали пословъ и давали имъ инструкціи, но все это дѣлалось или во имя и съ согласія и даже чаще всего по спеціальному приказу штатовъ провинцій, т. е. всѣхъ союзниковъ, составляющихъ унію.

Положеніе, что федеративное соединеніе оставляетъ неприкосновеннымъ суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ союзъ, было общимъ мнѣніемъ среды голландскихъ писателей, занимавшихся вопросами конфедеральнаго устройства. Такъ Гуго Гроцій полагалъ, что нѣсколько народовъ могутъ имѣть одного главу, сохраняя вполнѣ свой государственный характеръ. Одна голова не можетъ служить нѣсколькимъ человѣческимъ тѣламъ, но по отношеніи къ государствамъ одно лицо, разсматриваемое особо, можетъ быть главою различныхъ народовъ. Государства могутъ путемъ союзовъ объединяться въ особыя сложныя политическія системы, но отъ этого они не теряютъ своего государственнаго характера[1]).

союзниковъ... Но что касается до государства самого по себѣ, то всѣ соединенныя провинціи суверенны, и соединены вмѣстѣ лишь узами альянса, а не обязанностью подчиненія, т. е. они соединены трактатомъ, который соединяетъ ихъ какъ сувереновъ, но не подчиняетъ ихъ одно другому". Мы считаемъ это заявленіе Викефорта о сосуществованіи суверенитета провинцій и суверенитетъ союза очень тонкимъ. Конфедеративная теорія, которую мы развили въ своемъ мѣстѣ, вполнѣ совпадаетъ съ подобной точкой зрѣнія.

1) „Rursum accidit, ut plurium populorum idem sit caput, qui tamen populi singuli perfectum coetum constituunt: neque enim ut in naturali corpore non potest caput unum esse plurium corporum, ita in morali quoque corpore; nam ibi eadem persona diversa ratione considerata caput potest esse plurium ac distinctorum corporum. Cujus rei certum indicium esse potest, quod extincta domo reguatrice imperium ad quemque populum seorsim revertitur. Sic etiam accidere potest, ut plures civitates arctissimo inter se foedere colligentur, et faciant *σύστημα* quoddam, ut Strabo non uno loco loquitur, neque tamen singulae desinant statum perfectae civitatis retinere. Grotius, De jure belli ac pacis, II, 3, § 7. Что касается государственнаго устройства Нидерландъ, то Гроцій полагалъ, что каждая провинція остается вполнѣ суверенной. Hugo Grotius, Apologeticus

Таково же было мнѣніе и Бинкерсгука. Провинціи Нидерландъ суверенны, такъ какъ онѣ могутъ осуществлять всѣ верховныя права, поскольку онѣ не отказались отъ нихъ спеціально въ договорѣ [1]).

Лишь Спинозѣ, повидимому, предносилось такое соединеніе, гдѣ государства, сохраняя собственное право, образуютъ, соединяясь, федеральное государство, въ которомъ лишь одинъ союзъ суверененъ, и въ которомъ рѣшенія не зависятъ отъ воли каждаго члена [2]).

---

eorum, qui Hollandiae Westfrisiaeque et vicinis quilusdam nationilus ex legilus praefuerunt ante mutationem, quae evenit anno 1618. Parisies, 1640: „Summum imperium non penes illos esse legatos nationum, qui Foederati proceres dicantur, sed penes cujusque nationis primores, quae quidem nationes ad opem mutuo foedere connectuntur, ita ut in foederatorum procerum potestate ea sint omnia, quae ad communem defensionem pertinent, aut quae nominatim ex foederis formula aut consensu peculari ad eum conventum deferentur: manentilus rebus caeteris penes singularum nationum primores... At contra quae leges a Federatis procedunt, ad nationum singularum primores diriguntur non jure imperii, sed cum rogatu ut eas publicari sinat".

1) См., напр., Quaestionum juris publici, l. II, c. 4: „An singulae Provinciae Foederati Belgii Legatos possint mittere, vel accepere?"

2) Spinoza, Tractatus politicus, c. IX, § 1—15. Всѣ города взаимно соединены и объединены не какъ союзъ, но какъ одно государство; но при этомъ каждый городъ получаетъ по отношенію къ государству настолько больше права, чѣмъ остальные, насколько онъ могущественнѣе ихъ, ибо кто домогается равенства между неравными, тотъ домогается чего-то абсурднаго (IX, 4). Узы, которыми они должны быть связаны, чтобы составлять единое государство (ut unum imperium componant), главнымъ образомъ сенатъ и судъ (IX, 4). Законы, либо всеобщія права всего государства, однажды установленные, не должны быть измѣняемы. Если однако время и обстоятельства потребуютъ установленія какого-либо новаго права или измѣненія уже установленнаго, то объ этомъ прежде всего можетъ происходить сужденіе въ сенатѣ. Послѣ того, какъ сенатъ придетъ къ соглашенію относительно этого, тогда уже самимъ сенатомъ посылаются послы въ города для оповѣщенія патриціевъ каждаго города о его рѣшеніи. И если, наконецъ, большая часть городовъ приметъ рѣшеніе сената (major urbium pars in sententiam senatus iverit), тогда пусть оно станетъ дѣйствительнымъ, въ противномъ же случаѣ — недѣйствительнымъ. Этого же порядка можно придерживаться и въ избраніи предводителей войска и въ отправленіи пословъ въ чужія страны, а также при рѣшеніи о войнѣ и о принятіи условій мира (IX, 6). Всякій городъ, насколько возможно, долженъ оставаться своеправнымъ

II.

Организація Соединенныхъ Провинцій была разрушена событіями революціонной эпохи, и Батавская республика, занявшая мѣсто Соединенныхъ Провинцій, первая конституція которой относится къ 1798 г., носила строго унитарный характеръ. Съ 1810—1813 Батавская республика была присоединена къ Франціи. Новое конституціонное право начинается съ конституціи 1814 г., которая съ измѣненіями 1815, 1840, 1848, 1884 и 1889 образуетъ до сихъ поръ основу голландскихъ политическихъ учрежденій. До 1848 г. форма правленія, по крайней мѣрѣ ея практика, была очень централистична: провинціи (сохранившія границы старыхъ соединенныхъ провинцій), какъ и коммуны, пользовались въ это время лишь очень ограниченной автономіей. Пересмотръ конституціи въ 1848 г., произведенный благодаря Торбеке (Thorbecke), величайшему изъ голландскихъ государственныхъ дѣятелей XIX вѣка и въ тоже время лучшему знатоку голландскаго публичнаго права, принесъ Голландіи децентрализацію, какъ въ отношеніи къ провинціямъ, такъ и въ отношеніи къ коммунамъ. Законъ о провинціяхъ 1850 г. и законъ о коммунахъ 1851 г., оба дѣло того же Торбеке (первое министерство котораго было въ 1849—1853 г.), развили основныя начала, заложенныя въ этомъ направленіи новой конституціей. Политическая эволюція Голландіи съ эпохи возрожденія 1813 года движется скорѣе въ направленіи къ децентрализаціи, чѣмъ федерализма, что впрочемъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе унитарный характеръ строя съ 1798 года.

То же надо сказать и объ отношеніяхъ трехъ голландскихъ колоній, — Остъ-Индіи, Суринама и Курасао, съ метрополіей:

и пріобрѣсти въ государствѣ тѣмъ болѣе права, чѣмъ онъ могущественнѣе прочихъ (unaquaeque urbs, quantum fieri potest, sui juris manere debet, et in imperio tanto plus juris obtinere, quanto reliquis est potentior), IX, 6.

нѣкогда онѣ разсматривались, какъ „dépendances“ метрополіи [1]), но современная наука въ лицѣ, напр., лейденскаго профессора van Vollenhoven'a [2]), и юридическая практика относятся къ нимъ, какъ къ политическимъ союзамъ совершенно равнаго ранга съ метрополіей. Голландское королевство, по воззрѣнію голландскихъ юристовъ (напр., гронингенскаго профессора van Eysing), есть международный союзъ, возвышающійся надъ четырьмя упомянутыми государственными союзами, органы которыхъ впрочемъ часто совпадаютъ съ органами королевства. Въ колоніяхъ точно также начало децентрализаціи оказало за послѣднее время значительные успѣхи. Такъ какъ голландскія колоніи не пользуются самоуправленіемъ, подобно колоніямъ англійскимъ, то въ Голландіи нѣтъ и мѣста вопросу о федераціи этихъ самоуправляющихся колоній съ метрополіей, этому интересному политическому явленію, характерному для современнаго публичнаго права англійской имперіи.

Нѣкоторые слѣды федерализаціи можно констатировать впрочемъ и во внутренней жизни Голландіи, метрополіи. За послѣдніе годы наблюдается здѣсь любопытное развитіе общественныхъ службъ (трамваи, центральныя электрическія станціи, водопроводы и т. д.); это развитіе толкаетъ коммуны къ кооперація въ отношеніи къ этимъ службамъ. Можно, пожалуй, сказать, что здѣсь имѣются федераціи коммунъ, преслѣдующія строго опредѣленныя цѣли. Эта междукоммунальная кооперація имѣетъ мѣсто или въ формѣ „междукоммунальныхъ договоровъ“, юридическое свое осно-

1) E. de Waal, Nederl. Indië in de Staaten-Generaal, 's Gravenhage, 1869; P. L. van der Lith en S. Spanjaard, De Staatsinstellingen von Nederl. Indië, 's Gravenhage, 1871; J. de Louter, Het Staats- en Administratief Recht van Nederlandsch Indië, 's Gravenhage, 1884; L. de Hartog, Das Staatsrecht des Königsreichs der Niederlande, Freiburg, 1886 (Handbuch Marquardsen'a).

2) C. van Vollenhoven, Roeping van Holland (въ журналѣ de Gids, 1910, № 4, стр. 185 и сл.).

ваніе находящихъ въ коммунальномъ законѣ, и въ формѣ частныхъ договоровъ.

Изъ современныхъ голландскихъ юристовъ, занимавшихся вопросами федерализма особеннаго упоминанія заслуживаетъ Баке, конструировавшій оригинальную и очень здравую федеративную теорію. Государство только тамъ, гдѣ есть суверенитетъ: конфедерація есть родъ альянса, союзъ государствъ, но является особой международно-правовой личностью. Федеральное же государство есть единое государство, гдѣ суверенитетъ принадлежитъ цѣлому союзу, а штаты лишь провинціи государствъ, особымъ образомъ участвующія въ образованіи общаго суверенитета[1]).

B. Нѣмецкій федерализмъ.

I. Ранній нѣмецкій федерализмъ. — II. Теоріи федеральнаго государства при Священной Римской Имперіи. — III. Конфедерализмъ въ эпоху Рейнскаго Союза. — IV. Федерализмъ при Германскомъ Союзѣ до 1848. — V. Федеративныя теоріи во вторую половину существованія Германскаго Союза. — VI. Федеративный и унитарный моменты въ конституціи Германской имперіи. — VII. Конфедеративное теченіе при Германской имперіи. — VIII. Органическія и дуалистическія теоріи федеральнаго государства. — IX. Унитарныя федеративныя теоріи. — X. Эволюція Германской имперіи отъ федеральнаго устройства къ унитарному.

I.

Съ самаго начала среднихъ вѣковъ Германія была классической страной всякаго рода федеративныхъ соединеній. Союзы отдѣльныхъ княжествъ и государствъ, лиги городовъ, сложное расчлененное устройство имперіи, все это вмѣстѣ переплеталось въ причудливую и запутанную федеративную систему, гдѣ царили начала договора, взаимныхъ

1) Bake, Beschouwingen over den Statenbond en den Bondsstat, Amsterdam, 1881. „Geen statenboud alzoo, waar ten aanzien van dit punt geen eenstemmigheid geeischt wordt, evenals er geen statenbond is, die niet als rechtspersoon in het volkenrecht optreedt. Waar het eerste vereischte ontbreekt, is er een staat; waar men het laatste mist, is er een bondgenootschap (Стр. 113). De bondsstaat is als een staat ingericht (стр. 119). De bondsstaat heeft zijn eigen burgers (стр. 128). De

уступокъ и соглашеній, частной независимости и стремленія къ общему единству.

Естественно, что нѣмецкая политическая мысль, именно подъ прямымъ вліяніемъ изученія природы дѣйствующаго нѣмецкаго государственнаго права, очень рано занялась изученіемъ различныхъ вопросовъ федерализма. На нѣмецкомъ языкѣ имѣется одна изъ наиболѣе обширныхъ литературъ по федерализму. Разсматриваемыя въ цѣломъ, нѣмецкія федеративныя теоріи не отличаются творческою оригинальностью идей и обычно развиваютъ лишь идеи, заимствованныя изъ американской или французской литературы. Но хорошая особенность нѣмецкихъ федеративныхъ конструкцій та, что имъ придана обычно строго послѣдовательная и продуманная юридическая форма. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, онѣ, даже не будучи оригинальными, для отвлеченнаго и формальнаго изученія какой-нибудь теоріи часто предпочтительнѣе самого оригинала. Теорія Зейделя, напр., имѣетъ болѣе юридическую форму, чѣмъ теорія Кальгуна, и теорія Вайца съ конструктивной точки зрѣнія совершеннѣе теоріи Токвилля, хотя Зейдель во всемъ слѣдуетъ Кальгуну, и Вайцъ только своими словами передавалъ идеи Токвилля.

Исторія нѣмецкаго федерализма обнаруживаетъ, параллельно съ развитіемъ нѣмецкаго государственнаго устройства, постепенный переходъ отъ конструкціи системы соединив-

---

bondsstaat maakt wetten, waaraan zijne burgers moeten gehoorzamen; — hij zelf zorgt voor de handhaving dier wetten; — de wetten van den bondsstaat staan hooger dan die van de afzonderlijke „staten“ (стр. 131). De bondsstaat heft van zijne burgers belastingen (стр. 139), De bondsstaat oordeelt zelf over zijne bevoegdheden en dus ook over die zijner deelen (стр. 144). De bondsstaat kan door grondwetsverandering zijne rechten uitbreiden, en die der deelen tegen hun zin beperken (стр. 150). De bonsstaat is een staat, omdat hij soeverein is: de deelen zijn geen staten, omdat zij niet soeverein zijn (стр. 214). Вопросовъ федерализма касается также J. de Louter, Het stellig Volkenrecht, 's-Gravenhage, 1910, I, стр. 191 и сл. Ср. Krabbe, Die Lehre der Rechtssouveränität, Groningen, 1906.

шихся государствъ къ конструкціи сложнаго государства. Въ Германіи, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ Швейцаріи, федерализмъ имѣетъ унитарное устремленіе [1]).

По общему плану, въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе ранняго нѣмецкаго федерализма, хотя онъ изученъ, и вопросы его достаточно разработаны въ нѣмецкой литературѣ [2]). При такомъ разсмотрѣніи нѣмецкихъ средневѣковыхъ федеративныхъ формъ слѣдовало бы особенно остановиться на городскихъ союзахъ, вродѣ Рейнскаго союза 1254 г. или Швабскаго городского союза 1331 г. [3]), и на Ганзейскомъ союзѣ [4]).

---

1) Общая исторія нѣмецкаго федерализма изложена: Siegfrid Brie, Der Bundesstaat. Eine historisch-dogmatische Untersuchung. I. Geschichte der Lehre vom Bundesstaate, Leipzig, 1874; сочиненіе это до сихъ поръ остается наилучшимъ изслѣдованіемъ по исторіи нѣмецкаго федерализма до эпохи образованія Имперіи. Заглавіе книги однако не соотвѣтствуетъ содержанію: въ ней нѣтъ исторіи федеративныхъ ученій вообще, а лишь однихъ нѣмецкихъ; иностранные авторы привлечены случайно и безъ достаточнаго основанія; Godehard J. Ebers, Die Lehre vom Staatenbunde, Breslau, 1910, стр. 1—256; тотъ же недостатокъ, что и у Бри, т. е. вмѣсто исторіи федерализма дается, какъ таковая, исторія нѣмецкаго федерализма; кромѣ того, изслѣдованіе мало оригинально, и авторъ постоянно слѣдуетъ плану и ссылкамъ Бри, съ тѣмъ однако недостаткомъ сравнительно съ Бри, что излагаются имъ не федеративныя теоріи въ цѣломъ, а лишь взгляды на конфедерацію государствъ, что́ приводитъ къ случайному изложенію; обрывочныя мнѣнія авторовъ, приведенныя безъ связи съ общею теоріей, не даютъ представленія объ ихъ дѣйствительныхъ федеративныхъ воззрѣніяхъ. При обзорѣ развитія нѣмецкаго федерализма въ эпоху Германскаго Союза мы въ значительной степени пользовались указаніями Бри и Эберса.

2) Укажу хотя бы на трехтомное сочиненіе O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, Berlin, 1868—1881, гдѣ очень подробно разсмотрѣны нѣмецкія федералистическія теоріи среднихъ вѣковъ; см. особ. т. III, § 11, стр. 501—604.

3) См. Schaab, Rheinischer Städtebund, 1843—5: v. Maurer, Geschichte der Städteverfassung in Deutschland, 4 т. Erlangen, 1869—1871; Zurbonsen, Westfälischer Städtebund von 1253—1298; K. Beck, Zur Verfassungsgeschichte des Rheinbundes, 1890.

4) Sartorius, Geschichte des Hanseatischen Bundes, 1801; и особ. Worms, Histoire commerciale de la Ligue Han-

Сильнѣйшій толчокъ развитію федеральныхъ теорій давалъ сложный, со значительными федералистическими элементами, строй старой Священной Римско-германской имперіи (das heilige römische Reich deutscher Nation), въ особенности въ той формѣ, которую она получила послѣ Вестфальскаго мира и которую сохранила вплоть до образованія Рейнскаго союза въ 1806 г.

При разсмотрѣніи политической системы Римско-германской имперіи нужно опредѣленно различать фактическое политическое устройство ея отъ того, которое ему могло быть дано съ точки зрѣнія строго-юридической конструкціи. Съ точки зрѣнія фактической, имперія представляла подчасъ слабо связанную конфедерацію государствъ, въ которой наиболѣе крупныя государства пользовались полнымъ суверенитетомъ. Но разсматриваемая съ точки зрѣнія чисто юридической, имперская конституція совмѣщала въ себѣ два элемента: моментъ единства, представленный императоромъ, и моментъ раздѣленія, выражавшійся въ обширной мѣстной самостоятельности и въ федералистическомъ устройствѣ имперскаго рейхстага. Императоръ былъ связанъ въ своихъ рѣшеніяхъ согласіемъ рейхстага. Только рейхстагъ владѣлъ правомъ издавать законы, объявлять войну, опредѣлять налоги. Между тѣмъ рейхстагъ былъ учрежденіемъ несомнѣнно федеральнымъ. На немъ участвовали владѣтельные князья, при чемъ каждый изъ нихъ имѣлъ лишь одинъ голосъ.

Неопредѣленность государственнаго устройства имперіи обусловливалась особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что компетенціи мѣстной и имперской властей не были точно разграничены. Съ одной стороны, независимость отдѣльныхъ штатовъ доходила до того, что они могли заключать самостоя-

séatique, P., 1864 (хорошая работа, касающаяся и юридико-политическаго устройства Союза; конституціонное устройство Союза во второмъ періодѣ его исторіи см. стр. 287—326, въ третій періодъ — стр. 501—535).

тельные договоры какъ между собою, такъ и съ иностранными державами. Съ другой стороны, принципіально компетенція имперской власти была неограничена. Юридически считалось, что мѣстные правители обладали не самостоятельнымъ правомъ, а леннымъ пожалованіемъ со стороны имперіи. Все это дѣлало политическое устройство имперіи чрезвычайно спорнымъ и запутаннымъ. Обыкновенно оно опредѣляется нѣмецкими юристами мало вразумительнымъ терминомъ „Staatenstaat“ [1]).

Развитіе федеративныхъ теорій въ раннюю эпоху совершалось главнымъ образомъ въ связи или подъ вліяніемъ изученія и юридическаго конструированія политическаго строя Священной Римской Имперіи [2]).

Не безъ основанія Гирке возводитъ исторію новѣйшаго нѣмецкаго федерализма къ Альтузію. Альтузій въ своей Политикѣ далъ систематическое построеніе федеративной системы [3]). Онъ возвелъ въ принципъ ученіе объ обществен-

---

1) Ср., напр., G. Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, Wien, 1882, стр. 137—145. Развитіе государственнаго права старой имперіи излагается въ многочисленныхъ исторіяхъ нѣмецкаго государственнаго права; изъ нихъ до сихъ поръ имѣетъ значеніе K. F. Eichhorn, Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, 4 т., 1 изд., 1808 и сл.. 5 изд., Göttingen, 1843—4; H. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, 2 т., Leipzig, 1887—1892; J. F. Schulte, Lehrbuch der deutschen Reichs- und Rechtsgeschichte, 6 изд., Stuttgart, 1892 (у него приведена главнѣйшая литература). Изъ прежнихъ сочиненій см. J. St. Pütter, Historische Entwickelung der heutigen Staatsverfassung des deutschen Reichs, 3 т., Göttingen, 1786—8, 3 изд. 1798—9. Ср. также J. Bryce, The Holy Roman Empire, 8 изд., London, 1886 (рус. пер. Священная Римская Имперія, М. 1891).

2) Классической работой по исторіи нѣмецкаго федерализма въ XVII—XVIII в. остается O. Gierke, Johannes Althusius, 1 из. 1880, 2 изд., Breslau, 1902, гл. V, стр. 225—263. Основныя библіографическія указанія на литературу XVII—XVIII в. можно найти также у Georg Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes, Leipzig, 1878, § 21, 34.

3) J. Althusius, Politica, Herborn, 1603, гл. V, de consociatione universitatis.

номъ договорѣ и положилъ его въ основу публичнаго права. Семья, профессіональный союзъ, община и провинція являются у него необходимыми и органическими подраздѣленіями между индивидомъ и государствомъ. Всякій болѣе обширный союзъ составляется у него изъ корпоративныхъ единствъ болѣе тѣсныхъ союзовъ. Всякій болѣе тѣсный союзъ обладаетъ особой коллективной жизнью и собственной юридической сферой, и высшему союзу подчиняется лишь настолько, насколько это необходимо для достиженія его специфической цѣли. Государство подобно составляющимъ его союзамъ и отличается отъ нихъ лишь своимъ исключительнымъ суверенитетомъ; оно, правда, какъ высшая земная правовая сила, пріобрѣтаетъ множество новыхъ и своеобразныхъ свойствъ и функцій, но находитъ непреодолимую границу въ собственномъ правѣ болѣе тѣсныхъ союзовъ. Въ случаѣ нарушенія этой границы разрушается договоръ соединенія, и каждый изъ членовъ снова пріобрѣтаетъ полный суверенитетъ. Альтузій различалъ многіе виды союзовъ государствъ (confederationes): 1) полное сліяніе (in plenum et integrum jus regno adsumuntur et cooptantur, tanquam unius ejusdemque corporis membra), — confederati faciunt unum reipublicae corpus et eandem rempublicam, 2) полное подчиненіе одного государства другимъ (оба рода — plenae confederationes), 3) союзъ взаимопомощи (non plena confederatio), 4) confraternitas, 5) союзъ протектората (jure clientari [1]).

Теорія сложныхъ государствъ по слѣдамъ Альтузіи излагалась Геноніемъ и Безольдомъ [2]).

1) Althusius, op. cit., c. VII.

2) Phil. Henr. Hoenonius, Disputationum politicarum liber unus, 3 изд. Herbornae, 1615. Composita respublica est vel contracta, vel ampliata. Contracta est respublica orta, constans pluribus civitatibus in unam societatem redactis. Ampliata respublica est respublica orta in plura membra et ampliora diducta quam ut una Metropoli contenta esse possit. Estque, regnum, vel Imperium. Regnum est respublica ampliata, plures civitatum societatis aut ducatus sub regis gubernatione contineos... Imperium est respublica ampliata, plura regna sub imperatoris imperio continens.

II.

Одну изъ первыхъ юридическихъ конструкцій федеральнаго государства, какъ такого соединенія, которое является настоящимъ государственнымъ единствомъ, хотя и состоитъ въ свою очередь изъ государствъ, далъ Лудольфъ Гуго[1]). По мнѣнію Гуго, государственный характеръ можетъ принадлежать и цѣлому и частямъ, хотя суверенитетъ и принадлежитъ только союзу, какъ таковому, но суверенитетъ вообще не есть существенный признакъ государства. Въ сложномъ государствѣ дѣлится между цѣлымъ и частями не суверенитетъ, а лишь компетенція. Германская имперія, по мнѣнію Гуго, управляется двойнымъ правительствомъ: и имперія, какъ таковая, образуетъ общее государственное цѣлое, и отдѣльные штаты, изъ которыхъ она состоитъ, имѣютъ особую государственную сущность, подчиненную, но отличную отъ высшей сущности. Германская имперія распадается не на провинціи, а на государства. Въ провинціяхъ всѣ должностныя лица зависятъ отъ верховнаго главы; нѣмецкія

Op. cit., disp. XII, §§ 9—19, стр. 534 и сл. Сложное государство, respublica composita, въ пониманіи Генонія было конфедераціей, такъ какъ соединившіяся государства сохраняли всегда право отдѣлиться отъ общаго союза (disp. IX, §§ 44—54); ср. также disp. XIII — confederatio. Безольдъ написалъ особое разсужденіе De statu reipublicae subalterno (въ Discursus politici, Arg. 1623, diss. IV). Въ немъ онъ развилъ понятіе подчиненнаго государства, какъ государства несувереннаго и не на собственномъ правѣ основывающагося, но во всемъ прочемъ подобнаго суверенному государству. О Безольдѣ Гирке пишетъ: Civitas composita для Безольда была лишь государствомъ расчлененнымъ на общины и корпораціи и отличалась отъ федерацій и личныхъ уній, при которыхъ многія „gentes“ съ различными „leges“ соединяются въ unum corpus politicum съ unum imperium. Однако главный образецъ civitas composita для Безольда была Германская имперія. Онъ характеризовалъ ее, какъ государство, состоящее изъ государствъ, въ которомъ majestas исключительно принадлежитъ цѣлому союзу, отдѣльные же члены его обладаютъ природой подчиненныхъ и относительныхъ государственныхъ образованій. Gierke, op. cit., стр. 245.

1) Ludolph Hugo, De statu regionum Germaniae et regimine principum summae imperii reipublicae aemulo, Helmst. 1661, cap. II и III.

же территоріальныя власти, будучи подчиненными коллективному государству, въ то же время самостоятельны. Но Германская имперія не есть и конфедерація, вродѣ Ахейской, Нидерландской или Швейцарской, гдѣ союзные члены не знаютъ подчиненія; нѣмецкія государства подчинены верховной государственной власти. Суверенная власть подѣлена такимъ образомъ, что имперіи принадлежитъ забота объ общемъ благѣ, отдѣльнымъ же государствамъ забота о спеціальнымъ благополучіи ихъ области[1]).

Сходной съ воззрѣніями Гуго теоріи государственныхъ соединеній держался и Лейбницъ[2]). Лейбницъ, какъ и Л. Гуго, различалъ конфедерацію государствъ (confoederatio, по его терминологіи) и федеральное государство (или unio, какъ онъ называлъ). Конфедерація есть общество (societas) государствъ, покоющееся на настоящемъ договорѣ (foedus); федеральное же государство (unio) есть соединеніе нѣсколькихъ государствъ въ единое цѣлое (unum corpus), при чемъ эти соединяющіяся государства сохраняютъ свой относительный суверенитетъ, а для важнѣйшихъ дѣлъ возникаетъ надъ ними новое государство (nova respublica), administratio cum aliqua in membra autoritate. Къ типу федеральныхъ государствъ (unio) Лейбницъ относилъ Германскую имперію, Швейцарію и Нидерланды.

Нѣмецкая имперія для Лейбница была не союзомъ государствъ, а юридическимъ лицомъ (persona civilis), т. е. государствомъ; но князья суть подчиненные императору (obnoxii), а не его подданные (subditi); и эта подчиненность сказывается не столько по отношенію къ императору, сколько по отношенію ко имперіи, во власти которой они сами принимаютъ участіе. Лейбницъ понималъ суверенитетъ, какъ терри-

1) См. Brie, op. cit., стр. 17—20.

2) Caesarini-Furstenarii, De jure suprematus ac legationis principum Germaniae, 1677 (см. Werke, изд. Klopp, т. IV или Opera omnia, изд. Dutens, т. IV).

торіальное верховенство (territorialis superioritas). Это верховенство, правда, можетъ быть и ограниченымъ; Лейбницъ допускалъ существованіе относительнаго суверенитета. Но въ международно-правовыхъ отношеніяхъ лишь тѣ страны суверенны, которыя имѣютъ право заключать союзы и вести войну: это — supremitas. Нѣмецкіе князья суть настоящіе суверены; принуждены къ чему-нибудь они могутъ быть лишь войною. По воззрѣнію Лейбница, суверенитетъ отдѣльнаго члена союза вполнѣ соединимъ съ единствомъ союзнаго государства, которое въ свою очередь образуетъ особое юридическое лицо. Въ своей полемикѣ съ Гоббсомъ Лейбницъ защищалъ то положеніе, что высшая власть (majestas) можетъ быть дѣлимой и относительной, оставаясь въ въ то же время высшей властью [1]).

Но теорія федеральнаго государства, отстаиваемая уже

---

1) Федеративную теорію Лейбница см. въ Tractatus de jure snprematus, cap. XI Unio plurium territorium in unum corpus. Suprematus singulorum non obstat unitati Reipublicae. Comparatio Belgii foederati et Imperii quatenus procedat. „Plura territoria uniri possunt in unum corpus, salva singulorum superioritate territoriali, cujus rei manifesta in Imperio, in Helvetico corpore et in Unitis Provinciis exempla habemus; nam si singulis regionibus jus sit proprium habendi militis, quo continere subditos in officio possit, territorii jus sibi constat. Quod si praederea et cum exteris inire foedera possunt siugulae, et exercitus conscritere, armaque expedire, quibus sibi aqut vicinos quoque autoritatem parent, quod possunt Germaniae Principes: manifestum est, non obstante unione, in unaquaque Regione superesse id, quod Suprematum definivi. Multum autem interest inter confoederationem et unionem, quemadmodum inter societatem et collegium. Societas est plurium cum res in sortem collata singulorum est, lucrum inter omnes dividitur: sed in corpore vel collegio nova quaedam persona civilis constituitur, et, quae in commune aerarium illata sunt, non singulorum sunt, sed corporis ipsius, nec lucra nisi ex omnium vel majoris partis sententia distribuuntur. Confoederatio solis verbis initur, et, si opus est, junguntur vires: ad unionem opus est, ut certa quaedam administratio constituatur cum aliqua et in membra auctoritate, quae ubicunque de rebus majoris momenti ac salutem publicam spectantibus, ordinario jure obtinet, ibi Rempublicam esse ajo (Klopp, IV, стр. 57—58; ср. cap. 26—30, Klopp, IV, стр. 115—131).

въ XVII в. и Гуго и Лейбницемъ, была отвергнута, изъ части доктринальныхъ соображеній, Пуфендорфомъ [1]). Пуфендорфъ отвергъ понятіе федеральнаго государства съ той же точки зрѣнія, съ какой впослѣдствіи отвергли его Кальгунъ и Зейдель, именно исходя изъ боденовскаго понятія суверенитета, какъ необходимой принадлежности государства. Изъ природы суверенитета слѣдуетъ, что государственная власть недѣлима и независима отъ какой бы то ни было другой воли. Изъ этого принципа вытекаетъ, что не можетъ быть государства, состоящаго изъ государствъ. Изъ государственныхъ соединеній Пуфендорфъ допускалъ только личную унію, когда независимыя государства объединяются въ личности одного монарха, и конфедерацію государствъ, т. е. договорное соединеніе государствъ съ сохраненіемъ ими своей полной независимости, при чемъ уже признаніе принципа большинства при общихъ рѣшеніяхъ или преобладаніе одного изъ нихъ нарушаетъ правильность соединенія.

Что касается Германіи, то она не подходитъ подъ нормальную классификацію государственныхъ формъ, является неправильнымъ государственнымъ образованіемъ и себѣ подобной не имѣетъ въ цѣломъ мірѣ. Въ теченіе времени, вслѣдствіе слабости нѣкоторыхъ императоровъ, честолюбія князей, религіозныхъ волненій, партійныхъ раздѣленій и вызванной всѣмъ этимъ внутренней борьбы, Герман-

1) Pufendorf, De statu Imperii Germanici, Genevae 1667 (изд. подъ псевдонимомъ Severinus de Monzambano), особ. с. 6—8; его-же, два очерка De systematibus civitatum и De republica irregulari (въ Diss. acad. selectiores, Upsalae, 1677); его же, De officio hominis et civis, Londini Scanorum, 1673 (особ. II, с. 8, § 13—15) и De jure naturae et gentium, Amsdeledami 1704 (особ. VII. с. 5, §§ 12—21). Ср. Franklin, Das Deutsche Reich nach Serinus von Monzambano, 1872; H. Treitschke, Samuel Pufendorf (Preussische Jahrbücher, 1875, т. XXXV и XXXVI); Jastrow, Pufendorfs Lehre von der Monstrosität der Reichsverfassung, 1882.

ская имперія изъ правильной монархіи превратилась въ такое уродливое образованіе, что она больше не ограниченная монархія, хотя внѣшніе признаки и говорятъ за это, ни федеративное государство, а нѣчто промежуточное между ними и очень неустойчивое. Съ одной стороны, императоръ стремится дать монархическую форму имперіи, съ другой стороны, штаты ищутъ сохранить пріобрѣтенную свободу. Пуфендорфъ считалъ, что государственное устройство имперіи неправильно и чудовищно, не будучи ни единымъ государствомъ, ни системой соединенныхъ государствъ. Имперія не единое государство, такъ какъ главы отдѣльныхъ областей занимаютъ почти суверенное положеніе въ своихъ территоріяхъ, но, съ другой стороны, она и не система государствъ, такъ какъ нѣтъ въ ней договорнаго начала. Въ природѣ всякаго политическаго вырожденія, что, если оно достаточно далеко отдалилось отъ своего первоначальнаго состоянія, оно неудержимо стремится къ другой крайности и съ необычайнымъ трудомъ можетъ быть возвращено къ своей прежней формѣ. Такъ Германія безъ насильственныхъ переворотовъ и чрезвычайныхъ смятеній не сможетъ вернуться къ истинно монархической формѣ, но она естественно склоняется къ конфедераціи[1]). Пуфендорфъ находилъ, что государственное устройство Германской имперіи больше всего напоминаетъ союзныя отношенія Рима и латинянъ, при которыхъ послѣднія дѣлались подданными Рима и получали съ тѣмъ право римскаго гражданства; такъ и нѣмецкіе штаты обязаны подчиненіемъ императору, который не только имѣетъ внѣшніе символы королевской власти, но и дѣйствительно высшія суверенныя права[2]).

Доктрина Пуфендорфа о теоретической невозможности

---

1) Ad foederatorum aliquod systema ultro vergit.

2) Pufendorf, De statu imperii Germanici, конецъ шестой главы. О нѣкоторыхъ авторахъ XVIII вѣка, слѣдовавшихъ Пуфендорфу, см. Gierke, Althusius, стр. 247—248.

федеральнаго государства очень долгое время пользовалась большимъ вліяніемъ и принималась многими нѣмецкими юристами, но уже Пютеръ вернулся къ старой теоріи Гуго и Лейбница[1]). Пютеръ признавалъ, что отдѣльные штаты и имперскіе города Германіи составляютъ особыя государства, но что въ то же время и вся Германія есть единое общее государство. Какъ нѣсколько государствъ могутъ соединиться или въ простой альянсъ, или въ единое государство, или, наконецъ, въ такой союзъ, въ которомъ каждое изъ нихъ сохраняетъ свое внутреннее государственное устройство, со всѣми верховными правительственными правами, такъ и обратно можетъ произойти раздробленіе государства. Германская имперія была раньше единымъ государствомъ, а потомъ распалась на нѣсколько государствъ, которыя однако соединены общимъ верховнымъ главою въ новое особое государство.

Юридически Германская имперія конструируется Пюттеромъ такимъ образомъ, что отдѣльныя государства, по общему правилу, сохраняютъ собственное правительство со всѣми его верховными правами, но имперское законодательство получаетъ право устанавливать ограниченіе мѣстнаго суверенитета и вмѣшиваться во внутреннія отношенія соединенныхъ частей. Носителемъ верховной власти является императоръ, который дѣлитъ свою власть съ имперскимъ сеймомъ. Благодаря тому, что сеймъ этотъ составляется изъ правителей отдѣльныхъ земель, а не изъ избранниковъ общинъ, и такъ какъ политическій перевѣсъ принадлежитъ сейму, то Пюттеръ считалъ, что Германская имперія приближается къ системѣ федеральныхъ государствъ[2]).

---

1) J. St. Pütter, Beiträge zum deutschen Staats- und Fürstenrechte, Göttingen, 1777 (особ. II очеркъ о правительственной формѣ Германской имперіи, а также очерки III, XI, XVII—XIX).

2) Изъ федеративныхъ теорій этой эпохи заслуживаютъ упоминанія: E. Wieland, Dissertatio politica de systemate civitatum,

III.

По Пресбургскому трактату 1805 г. исчезла Священная Римская Имперія, и члены ея возвращались къ полной изо-

---

Lipsiae, 1777. Ср. также Kant, Zum ewigen Frieden, 1795 и Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, 1789, гдѣ Кантъ противопоставляетъ конфедерацію государствъ, „свободный федерализмъ“ государственному федеральному соединенію. Относительно формы, какую должна принять политическая организація человѣчества, Кантъ въ теоріи, in thesi, объявляетъ раціональной (nach der Vernunft) всемірную республику (Weltrepublik) или государство народовъ (Völkerstaate), но на практикѣ считаетъ необходимымъ ограничиться свободнымъ федерализмомъ (freie Föderalismus). Вторая дефинитивная статья къ вѣчному миру гласитъ: „международное право должно быть основано на федерализмѣ свободныхъ государствъ“. Очевидно, подъ свободнымъ федерализмомъ, противопоставляемымъ Кантомъ государству народовъ, слѣдуетъ понимать конфедерализмъ, т.-е. такое соединеніе, при которомъ каждое государство сохраняетъ свой суверенитетъ и право выхода изъ союза. „Мирное состояніе не можетъ быть ни установлено, ни обезпечено безъ договора народовъ между собою“. Поэтому долженъ существовать своеобразный союзъ, который можно назвать союзомъ мира (foedus pacificum) и который тѣмъ отличался бы отъ мирнаго договора (pactum pacis), что этотъ послѣдній стремится положить конецъ лишь одной войнѣ, первый же всѣмъ войнамъ вообще. Этотъ союзъ имѣетъ цѣлью не пріобрѣтеніе власти государствомъ, но единственно лишь поддержаніе и обезпеченіе свободы каждаго государства для него самого и въ то же время для другихъ объединенныхъ государствъ; при чемъ это, однако, не создаетъ необходимости для нихъ подчиняться (подобно людямъ въ естественномъ состояніи) публичнымъ законамъ и ихъ принужденію. Необходимо, чтобы государства заключили между собой международный союзъ (Völkerbund), основывающійся на идеѣ первоначальнаго общественнаго договора, не для того, чтобы вмѣшиваться во внутреннія неурядицы другъ друга, а для взаимной гарантіи извнѣ. Однако этотъ союзъ не долженъ создавать какую-нибудь верховную власть (какъ это мы видимъ въ гражданскомъ порядкѣ), а лишь товарищество (Genossenschaft-Föderalität). Члены этого союза имѣютъ право всегда отъ него отказаться, и онъ долженъ время отъ времени быть возобновляемъ. „Можно назвать такой союзъ нѣсколькихъ государствъ, для поддержанія мира, постояннымъ конгрессомъ (permanenten Staatencongress), присоединиться къ которому можетъ свободно всякое государство“. Конгрессъ этотъ представитъ изъ себя лишь вольное соединеніе, которое во всякій моментъ можно разорвать, а не такое соединеніе, которое, какъ въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, образуетъ государственную организацію (Staatsverfassung) и которую нельзя разорвать по произволу. О взглядахъ Фихте на международно-правовую конфедерацію см. нашъ Международный федерализмъ, стр. 320—322. По отношенію

лированности и самостоятельности. Но уже въ 1806 г. по настоянію Наполеона былъ заключенъ 16 германскими правителями такъ называемый Рейнскій Союзъ (Rheinbund[1]). Мало-по-малу къ этому Союзу присоединились новые члены, такъ что къ 1810 г. Рейнскій Союзъ обнималъ всю Германію, за исключеніемъ Пруссіи, Австріи, шведской Помераніи, датской Голштиніи и Лауенбурга[2]).

Центральнымъ органомъ Рейнскаго Союза должно было быть союзное собраніе въ Франкфуртѣ на Майнѣ, состоящее изъ двухъ коллегій, коллегіи королей, къ которой причислялись и великіе герцоги, и коллегіи князей. Компетенція этого собранія простиралась на разрѣшеніе споровъ между отдѣльными государствами, входящими въ союзъ. Подробная организація союза должна была быть установлена послѣдующимъ основнымъ статутомъ, но такого статута издано не было, и вся вообще организація, окончательно устраненная въ 1815 г., никогда не вступала въ жизнь[3]). Поэтому съ практической точки зрѣнія политическая форма Рейнскаго Союза, какъ никогда не существовавшая въ дѣйствительности, не подлежитъ разсмотрѣнію. Тѣмъ не менѣе въ исторіи нѣмецкаго федерализма этотъ короткій періодъ долженъ быть особо отмѣченъ, такъ какъ именно въ эту эпоху среди нѣмецкихъ юристовъ появляется отчетливое сознаніе коренной разницы двухъ федеративныхъ формъ, конфедераціи государствъ и федеральнаго государства. Старую Герман-

---

къ Германской имперіи Фихте держался унитарныхъ воззрѣній, особенно во второй періодъ своей дѣятельности, подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія національнаго чувства. Ср. Meinecke, Weltbürgertum und Nationalstaat, München, 1908, стр. 105—106.

1) P. A. Winkopp, Die rheinische Konföderationsakte oder der am 12. Julius 1806 zu Paris abgeschossene Vertrag, Frankfurt a. M., 1808.

2) Объ исторіи этого періода федеральнаго развитія Германіи см. C. Kaltenborn, Geschichte der deutschen Bundesverhältnisse und Einheitbestrebungen von 1806—1856, Berlin, 1857.

3) Beck, Zur Verfassungsgeschichte des Rheinbundes, 1890.

скую имперію причисляли обычно къ единому, хотя и сложному государству; хотя практически это былъ очень слабый союзъ самостоятельныхъ королевствъ и княжествъ, но юридически, по крайней мѣрѣ, его единство находилось внѣ всякаго сомнѣнія. Рейнскій же Союзъ, при его юридическомъ разсмотрѣніи, никакъ не могъ быть отнесенъ къ числу государствъ, хотя бы и сложныхъ; онъ былъ лишь системою государствъ. Вотъ именно сравненіе юридической природы Рейнскаго Союза съ устройствомъ прежней Германской имперіи и вело къ выясненію и укрѣпленію разницы между конфедераціей государствъ и федеральнымъ государствомъ.

Нѣмецкая федеративная литература, въ особенности прежняя, до образованія Германской Имперіи въ 1871 году, интересна главнымъ образомъ не конструкціями федеральнаго государства (которое оригинальнѣе и глубже изучено въ американской, англійской и французской литературахъ), а точнымъ юридическимъ выясненіемъ природы конфедераціи государствъ, что и понятно, такъ какъ въ теченіе 60 лѣтъ нѣмецкимъ юристамъ приходилось имѣть дѣло съ конфедераціей сначала Рейнскаго Союза, а потомъ Германскаго Союза.

Именно въ эпоху Рейнскаго Союза нѣмецкіе юристы начинаютъ сознательно противопоставлять два федеративныя формы, союзъ государствъ, Staatenbund, союзному государству, Bundesstaat, Staatenstaat, Völkerstaat, Reich. Такое противопоставленіе мы находимъ у трехъ юристовъ того времени, занимавшихся изученіемъ юридической природы Рейнскаго Союза, у Карла Цахаріе, у Берга и у Бэра. Всѣ они полагали различіе новой формы нѣмецкаго устройства отъ прежней въ томъ, что при прежней суверенитетъ принадлежалъ имперіи, а при новой отдѣльнымъ членамъ союза [1]).

1) K. S. Zachariä, Geist der neuesten deutschen Reichsverfassung (въ Waltmann's Zeitschrift für Geschichte und Politik, 1804, I, стр. 34—66); его же, Jus publicum civitatum,

IV.

Паденіе Наполеона прекратило эфемерное существованіе созданнаго имъ Рейнскаго Союза. Прокламаціей князя Кутузова Смоленскаго въ Калишѣ, данной 13 марта 1813 г.

---

quae foederi Rhenano adscriptae sunt, Heidelbergae, 1807; его же, Das Staatsrecht der rheinischen Bundesstaaten und das rheinische Bundesrecht, Heidelberg, 1810. Цахаріе остался вѣренъ своимъ воззрѣніемъ и въ своемъ послѣдующемъ произведеніи, Vierzig Bücher vom Staat, Heidelberg, 1820, см. 28-ю книгу: Das Völkerstaatsrecht (Цахаріе считалъ старую Германскую имперію не федеративнымъ государствомъ, а конфедераціей государствъ. Признакъ государства, хотя бы и федеральнаго, есть безусловная, суверенная власть; въ конфедераціи же государствъ, каждое изъ нихъ сохраняетъ свое право судить о томъ, что есть право и что не есть право, т. е. сохраняетъ суверенитетъ. Между тѣмъ въ Германской имперіи имперскій сеймъ не могъ безусловно рѣшать по большинству голосовъ, а отдѣльнымъ государствамъ оставалась ссылка на ихъ jura singulorum, и имъ же принадлежала и исполнительная власть. Къ признакамъ конфедераціи Цахаріе причислялъ и право отдѣленія членовъ отъ союза); G. H. Berg, Abhandlungen zur Erläuterung der Rheinischen Bundesakte, Hannover 1808 (Бергъ высказывался противъ пониманія Рейнскаго Союза, какъ одного государства, такъ какъ Союзъ этотъ признаетъ суверенитетъ отдѣльныхъ союзниковъ и образованъ лишь для опредѣленной и ограниченной цѣли общей безопасности. Рейнскій Союзъ не имѣетъ общей государственной цѣли, которая можетъ быть достигаема только государственной властью. Прежняя Германская имперія обладала такой государственной властью, подчинявшей себя и ограничивавшей мѣстную власть. Рейнскій Союзъ есть конфедерація государствъ (Staatenbund), т. е. общество независимыхъ государствъ, устанавливаемыхъ для поддержанія внѣшняго и внутренняго мира); W. J. Behr, Der Organismus des Rheinbundes, 1807; его же, Systematische Darstellung des Rheinischen Bundes aus dem Standpunkte des öffentlichen Rechts, Frankfurt a. M. 1888; его же, Das Deutsche Reich und der Rheinische Bund, въ Rheinischer Bund Winkopp'a, 1808, VI—VIII (Конфедерація государствъ (Staatenbund), къ которой Бэръ причислялъ Рейнскій Союзъ, есть соединеніе независимыхъ государствъ, какъ таковыхъ, для цѣлей общей безопасности. Федеративное государство (Völkerstaat), къ которому Бэръ причислялъ Германскую имперію, есть такое соединеніе государствъ, при которомъ есть одна высшая власть, въ ея трехъ основныхъ функціяхъ, законодательной, судебной и исполнительной; при чемъ она можетъ вмѣшиватся и во внутреннюю жизнь своихъ членовъ и издавать законы, регулирующіе отношенія между собою не только соединенныхъ правительствъ, но и отдѣльныхъ гражданъ. Во всякомъ государственномъ

отъ имени русскаго и прусскаго государей, правители и народы Германіи объявлены были свободными и независимыми. Нѣмецкія государства получали свой изначальный суверенитетъ и свободу распоряжаться своею судьбою. Возникъ вопросъ о дальнѣйшей организаціи Германіи. Шестою статьей Парижскаго мира 1814 г. объявлялось, что эта организація будетъ конфедеративной: „Les états de l'Allemagne seront indépendants et unis par un lien fédératif".

Организація Германскаго Союза была выработана на Вѣнскомъ Конгрессѣ[1]). Союзнымъ актомъ 8 іюня 1815 г., дополненнымъ вѣнскимъ заключительнымъ актомъ 15 мая 1820 г.[2]), германскія государства были соединены въ конфе-

соединеніи соединившіяся государства должны быть призваны по основному закону къ дѣятельному участію въ достиженіи союзныхъ цѣлей, и именно въ законодательствѣ, которое осуществляется или правителями государствъ или ихъ представителями. Правительства соединившихся частей являются только органами власти федеральнаго государства. Такое отношеніе, по мнѣнію Бэра, не въ состояніи быть поддерживаемо, и потому конфедераціи государствъ совершеннѣе федеральныхъ государствъ). Кромѣ того изъ той же эпохи могутъ быть указаны: J. N. F. Brauer, Beiträge zu einem allgemeinen Staatsrecht der rheinischen Bundesstaaten in fünfzig Sätzen, Karlsruhe, 1807; Zintel, Entwurf eines Staatsrechtes für den Rheinbund nach den Grundsätzen des allgemeinen Völkerrechts bearbeitet, München, 1807; J. L. Klüber, Staatsrecht des Rheinbundes, Lehrbegriff, Tübingen, 1888; Pahl, Ueber das Einheitsprinzip in dem Systeme des rheinischen Bundes, 1808; E. A. Zinserling, Le système fédératif des anciens mis en parallele avec celui des modernes, Heidelberg, 1809; J. Saalfeld, Handbuch des westfälischen Staatsrechts, 1812; кромѣ того рядъ статей въ журналѣ P. A. Winkopp'a, Der Rheinische Bund, Frankfurt a. M., 22 т., 1806—1812.

1) Klüber, Uebersicht der diplomatischen Verhandlungen des Wiener Congress, 3 т., Frankfurt a. M., 1816; W. A. Schmidt, Geschichte der deutschen Verfassungsfrage während der Befreiungskriege und des Wiener Kongress, Stuttgart, 1890.

2) Союзный актъ отъ 8 іюня 1815 и вѣнскій заключительный актъ отъ 15 мая 1820 составляли конституціонную хартію Германскаго Союза. Ph. v. Meyer, Corpus juris confederationis Germanicae, oder Staatsakten für Geschichte und öffentliches Recht des deutschen Bundes, 3 т., Frankfurt a. M., 1858—65.

дерацію государствъ, главнымъ образомъ подъ сильнымъ давленіемъ Австріи, стремившейся, чтобы Германія получила такую организацію, при которой она не составила бы единаго государства и которая обезпечила бы Австріи возможность постояннаго преобладанія въ союзѣ [1]).

Статьею второю вѣнскаго заключительнаго акта, Германскій Союзъ объявлялся во внѣшнихъ отношеніяхъ „eine in politischer Einheit verbundene Gesammtmacht", а внутри „eine Gemeinschaft selbstständiger unter sich unabhängiger Staaten mit wechselseitigen gleichen Vertragsrechten und Vertragsobliegenheiten". И дѣйствительно, и организація власти и распредѣленіе компетенцій въ Союзѣ соотвѣтствовали этому опредѣленію. Союзнымъ органомъ являлся федеральный сеймъ (раздѣлявшійся на пленарное засѣданіе и тѣсный союзъ), на которомъ всѣ союзныя правительства и свободные города имѣли своихъ уполномоченныхъ. Эти депутаты получали обязательныя инструкціи отъ своихъ правительствъ и могли быть отзываемы обратно. Количество голосовъ, принадлежавшее каждому союзному правительству, было не одинаково, и рѣшенія по обычнымъ дѣламъ принимались по большинству голосовъ; но для важныхъ дѣлъ, какъ объявленіе войны или заключеніе мира, требовалось $^2/_3$ голосовъ; во многихъ же случаяхъ требовалось и единогласіе. Никакое измѣненіе конституціи не могло произойти иначе какъ по единогласному рѣшенію всѣхъ союзныхъ правительствъ. Власть Союза простиралась только на союзныя правительства и не касалась отдѣльныхъ гражданъ, которые продолжали знать только свое мѣстное правительство.

Первое время существованія Германскаго Союза нѣмец-

Статьи союзнаго акта съ тѣми обсужденіями и переговорами, которыми сопровождалось ихъ принятіе, см. Gustav Struve, Das öffentliche Recht des deutschen Bundes, Mannheim, 1846.

1) H. Friedjung, Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland, 2 т., Stuttgart, 1897—8.

кіе юристы, повидимому, удовлетворяются конфедеративнымъ строемъ Германіи и не требуютъ болѣе тѣснаго союза. Наоборотъ, реагируя на попытки союзной власти вмѣшиваться, съ консервативными цѣлями, во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ, писатели первыхъ двухъ декадъ XIX вѣка стремятся особенно подчеркнуть независимость и суверенность союзныхъ государствъ [1]).

Для Титтмана, напр., будетъ ли соединеніе конфедеративной или федеральной формы, верховная власть и въ томъ и въ другомъ случаѣ принадлежитъ общей волѣ союза, получаемой изъ рѣшенія большинства членовъ союза; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ эта союзная власть

1) J. L. Klüber, Öffentliches Recht des teutschen Bundes und der Bundesstaaten, Frankfurt a. M., 1817 (Германскій Союзъ носитъ чисто международно-правовый характеръ; отношеніе между государствами договорное; отъ простого альянса онъ отличается тѣмъ, что это союзъ вѣчный, и отдѣльныя государства не вольны выйти изъ союза); F. W. Tittmann, Darstellung der Verfassung des Deutschen Bundes, Leipzig, 1818; W. J. Behr, Die rechtliche Grenzen der Einwirkung des Deutschen Bundes auf die Verfassung, Gesetzgebung und Rechtspflege seiner Glieder-Staaten, Würzburg, 1820 (авторъ высказывался за полное невмѣшательство союзной власти во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ, признанныхъ въ силу 2 ст. Вѣн. закл. акта суверенными; именно въ этой неподчиненности государствъ, членовъ союза, и лежитъ основной признакъ конфедерацій, отличающихъ ихъ отъ федеральныхъ соединеній). Впрочемъ были авторы, стоявшіе за болѣе сильную организацію союза: L. Dresch, Öffentliches Recht des Deutschen Bundes und der deutschen Bundesstaaten, Tübingen, 1820 (въ противоположности Бэру Дрешъ защищалъ вмѣшательство союзной германской власти во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ, хотя и видѣлъ въ этомъ исключеніе изъ общаго правила конфедеративной формы, не признающей такого вмѣшательства); A. H. L. Heeren, Der deutsche Bund in seinen Verhältnissen zu dem Europäischen Staatensystem (въ Histor. Werke, II, стр. 423—457, Göttingen, 1821); J. F. Fries, Vom deutschen Bund und deutscher Staatsverfassung, Heidelberg, 1826 (отрицательно относясь къ конфедеральной формѣ, которая есть лишь постоянный оборонительно-наступательный альянсъ, Фрисъ высказывался за расширеніе законодательной компетенціи союзной власти на внутреннія дѣла государствъ и за превращеніе Германіи изъ конфедераціи государствъ въ федеральное государство).

не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла отдѣльныхъ штатовъ; это — внѣ ея компетенціи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣется соединеніе договорнаго, международно-правового характера, не дающее союзной власти принудительной силы по отношенію къ своимъ членамъ [1]).

Однако эта удовлетворенность чисто конфедеративнымъ строемъ Германскаго Союза очень скоро прекращается. Въ 30-е годы, послѣ Іюльской революціи, наблюдается повсюду пробужденіе національнаго движенія. Движеніе это отразилось и въ Германіи и выразилось въ появленіи политическаго либерально-національнаго теченія, стремившагося къ созданію лучшей организаціи Германіи, которая дала бы имперской націи государственно-правовое единство, сохранивши однако и существованіе отдѣльныхъ государствъ. Другими словами, возникло стремленіе нѣмецкую конфедерацію превратить въ федеральное государство [2]).

На первомъ мѣстѣ среди сторонниковъ этого національнаго нѣмецкаго движенія къ объединенію въ единое федеральное государство слѣдуетъ поставить Фридриха Га-

---

1) Tittmann, op. cit. Отличіе федерацій отъ конфедерацій только въ томъ, что въ федераціяхъ союзная конституція простирается не только на внѣшнія дѣла, какъ въ конфедераціяхъ, но и на отношенія между членами союза.

2) Исторія этого нѣмецкаго объединительнаго движенія достаточно изучена въ нѣмецкой литературѣ. Изъ прежнихъ изслѣдованій можно указать: C. Kaltenborn, Geschichte der deutschen Bundesverhältnisse und Einheitsbestrebungen von 1806—1856, 2 т. Berlin, 1857; K. Klüpfel, Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen bis zu ihrer Erfüllung, т. 1 (1848—1865), Berlin, 1872; K. Fischer, Die Nation und der Bundestag, 1880 (о федеральномъ сеймѣ Германіи; отчетливо показаны недостатки конфедеральной нѣмецкой организаціи). Изъ болѣе новыхъ изслѣдованій можно указать: J. Jastrow, Geschichte des deutschen Einheitstraumes und seiner Erfüllung, Berlin, 1885; Levy Bruhl, L'Allemagne depuis Leibnitz, P. 1890; F. Meinecke, Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates, München, 1908 (изложеніе заканчивается 1850 г.).

герна [1]). Въ началѣ Гагернъ по своимъ убѣжденіямъ былъ безусловнымъ унитаріемъ и въ свое время протестовалъ противъ постановленій Вѣнскаго конгресса. Но потомъ во имя единства нѣмецкой націи онъ требовалъ лишь, чтобы союзной власти дано было право вмѣшиваться во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ, и чтобы Германскій союзъ изъ конфедераціи былъ превращенъ въ федеральное государство. Хотя и унитарій по убѣжденіямъ, онъ считалъ, что при существовавшей въ его время въ Германіи политической конъюнктурѣ гражданская свобода и партикуляристическія стремленія отдѣльныхъ государствъ наилучшимъ образомъ удовлетворены будутъ принятіемъ компромиссной формы, т. е. федеральнаго государства.

Федеральное государство онъ опредѣлялъ, какъ „соединеніе нѣсколькихъ государствъ, которыя для полнаго достиженія государственныхъ цѣлей подчинились общей государственной власти, не уничтожая однако и всѣхъ внутреннихъ суверенныхъ правъ правителей отдѣльныхъ государствъ“. Отдѣльныя государства въ федеральномъ соединеніи отказываются только отъ тѣхъ внутреннихъ суверенныхъ правъ, которыя лучше могутъ быть выполнены союзной властью; ограниченія отдѣльныхъ правительствъ должны быть точно оговорены въ союзной конституціи. Но законодательство по общему правилу должно принадлежать федеральной власти и лишь по исключенію, только для мѣстныхъ дѣлъ, отдѣльнымъ штатамъ. Армія и чиновники должны быть въ исключительномъ подчине-

1) F. Gagern, Mein Anteil an der Politik, т. 3, Stuttgart, 1830; H. v. Gagern, Das Leben des Generals Friedrich von Gagern, B. I., Leipzig, 1856 (въ этой книгѣ напечатаны очерки Фр. Гагерна: двѣ меморіи 1823 г. — Der gegenwärtige Zustand, стр. 269—277, и Von der Notwendigkeit und den Mitteln, die politische Einheit Deutschlands herzustellen, стр. 278—291; діалогъ отъ 1825 г., Unitarier und Föderalisten, стр. 361—371, и очеркъ написанный въ 1833 г., Denkschrift über den Bundesstaat, стр. 372—387).

ніи федеральному правительству. Федерированные штаты лишь промежуточная ступень между общиной и высшей государственной властью. Государственная власть остается единой, но только осуществленіе ея суверенныхъ правъ раздѣлено.

Большое вліяніе на развитіе идеи федеральнаго государства въ Германіи 30-хъ годовъ оказалъ и Велькеръ. Всѣ государственные союзы онъ дѣлилъ на государственно-правовые и международно-правовые; первые являются юридическими лицами, вторые не имѣютъ высшей общей воли. Федеральное государство есть союзъ государственно-правовой, конфедерація государства — международно-правовой. Основный признакъ федеральнаго государства — въ существованіи юридической личности, въ государственно-правовомъ устройствѣ. Федеральное государство преслѣдуетъ національныя или обще-государственныя цѣли, поскольку онѣ не могутъ быть достигнуты отдѣльными частями союза. Федеральное государства, по его мнѣнію, наилучшимъ образомъ примиряетъ свободу и многообразіе съ единствомъ, хотя оно и одно изъ наиболѣе трудныхъ политическихъ созданій [1]).

1) C. Welcker, Die Vervollkommung der organischen Entwickelung des deutschen Bundes, Karlsruhe, 1831; его же Ueber Bundesverfassung und Bundesreform, über Bildung und Gränzen der Bundesgewalt, Leipzig, 1834 (по поводу Швейцарскаго Союза и сочиненій Трокслера и Цахаріе объ этомъ союзѣ); его же статья, Bund, Bundesverfassung, Staaten- oder Völkervereine oder Föderativsysteme (въ Staatslexikon Rotteck und Welcker, т. III, 1836), наконецъ, его же введеніе въ Klüber, Wichtigen Urkunden für den Rechtszustand der Deutschen Nation, Mannheim, 1844, стр. 34—49 („О различіяхъ между государственно-правовымъ федеральнымъ государствомъ и международно-правовой конфедераціей государствъ"). Здѣсь же должны быть упомянуты: W. Schulz, Deutschlands Einheit durch National Repräsentation, Stuttgart, 1832; P. A. Pfitzer, Ueber die Entwicklung des öffentlichen Rechts in Deutschland durch die Verfassung des Bundes, Stuttgart, 1835 (Пфицеръ высказывался за необходимость политической реформы Гер-

V.

Къ эпохѣ 1848 г. общественное мнѣніе Германіи ясно прониклось сознаніемъ органическаго порока союзной конституціи. Главный грѣхъ ея заключался въ томъ, что она обрекала нѣмецкую націю на провинціальную раздробленность, лишала ее вліянія въ международныхъ отношеніяхъ и мѣшала ей извлечь изъ своихъ силъ всѣ возможности. Ясно было, что все это проистекало отъ того, что національная сила въ Германіи не была централизована, что союзная власть не могла заставить повиноваться своимъ законамъ, что отдѣльныя части этого громаднаго цѣлаго постоянно имѣли право и возможность отказывать въ своемъ содѣйствіи общему союзному правительству даже въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ была заинтересована вся нѣмецкая нація. Отсюда родилось всеобщее стремленіе достигнуть

маніи съ исключеніемъ изъ союза Австріи, съ протекторатомъ Пруссіи, съ общенаціональнымъ представительствомъ и съ сохраненіемъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. Въ политическомъ строѣ должно быть примирены единство и свобода, что можетъ быть достигнуто преобразованіемъ Германіи въ федеральное государство. Существенные признаки федеральнаго государства въ томъ, что компетенція федеральной власти простирается на все, что желательно всему коллективному цѣлому, и въ томъ, что существуютъ непосредственныя отношенія между федеральной властью и гражданами, тогда какъ въ конфедераціи (которую Пфицеръ тоже понималъ, какъ корпорацію) союзная власть дѣйствуетъ лишь на мѣстныя правительства. Соединеніе въ федеральное государство неразрывно. Для преобразованія Германіи въ федеральное государство необходимо создать общенаціональное представительство, въ которомъ было бы представлено какъ единство нѣмецкаго народа какъ и единство князей); H. A. Zachariä, Deutsches Staats- und Bundesrecht, 1-е изд. Göttingen 1841, 3 изд. 1865, особ. §. 25 и сл. (Захаріе признавалъ, приближаясь къ теоріи Токвилля, въ федеральномъ государствѣ существованіе суверенитета союзной власти для извѣстныхъ дѣлъ и суверенитета отдѣльныхъ государствъ въ опредѣленной сферѣ, поэтому въ федеральномъ государствѣ необходимо особенно строгое и точное распредѣленіе соотносительныхъ сферъ компетенціи); H. Zöpfl, Grundsätze des allgemeinen und deutschen Staatsrechts, 1 изд. 1841, 5 изд. 1863, особ. I, §§ 463—64.

политическаго единства Германіи черезъ преобразованіе ея изъ конфедераціи государствъ въ федеральное государство.

Въ 1848 году Франкфуртскимъ учредительнымъ парламентомъ сдѣлана была попытка выработать дѣйствительно федеральную конституцію (28 марта 1849 г.). Но конституція эта не нашла себѣ осуществленія, точно такъ же какъ и аналогичный прусскій конституціонный проектъ (26 мая 1879 г.[1]).

Изъ юристовъ этой эпохи, въ своихъ федеративныхъ теоріяхъ отразившихъ объединительныя вѣянія времени, на первомъ мѣстѣ долженъ быть упомянутъ Блюнчли[2]). По теоріи Блюнчли, среди федеральныхъ государственныхъ соединеній слѣдуетъ различать собственно федеральное государство, каковымъ являются Соединенные Штаты и Швейцарія съ 1848 г., и децентрализованную, федеральную имперію, имперію государствъ (Reich), какою была старая Священная Римская Имперія. Въ собственно федеральномъ государствѣ исходный пунктъ — въ первопачальномъ существованіи независимыхъ государствъ, при объединеніи сохраняющихъ свою отдѣльность, и потому въ немъ центральной власти и единству заранѣе указаны непереходимыя границы. Такая форма болѣе отвѣчаетъ республиканскому строю. Въ федеральной имперіи исходнымъ пунктомъ является единство, коллективное цѣлое; она образуется не изъ соединенія частей, а изъ органическаго расчлененія единаго цѣлаго; особое устройство частей приходитъ отъ центра. Такая форма болѣе соотвѣтствуетъ монархическому строю.

---

1) О рядѣ попытокъ союзной реформы въ эпоху революціи 1848 г. см. Brie, op. cit., стр. 71—81.

2) Bluntschli, Bemerkungen über die neuesten Vorschläge zur deutschen Verfassung. Eine Stimme aus Bayern, München, 1848; Geschichte des schweizerischen Bundesrechts, 2 т. Zürich 1849—1852, I, 550—558; Allgemeines Staatsrecht, Münich 1852, въ 5 изд. перераб. Die Lehre vom modernen Staat, 3 т. Stuttgart, 1875; Gesammelte kleine Schriften, 2 т., Nördlingen, 1879—1881.

Въ федеральной имперіи единство союза выражено больше, чѣмъ въ федеральномъ государствѣ, и она вполнѣ соотвѣтствуетъ политическимъ нуждамъ нѣмецкаго народа. Блюнчли полагалъ, что федеральное устройство не въ традиціяхъ Германіи, и можетъ быть только переходной формой отъ конфедераціи къ децентрализованной имперіи. Конфедерація, хотя и несовершенная форма, имѣетъ по крайней мѣрѣ то достоинство, что есть чистое выраженіе федеративной идеи. Но имперія, будучи органическимъ расчлененіемъ, чище и выше, чѣмъ всѣ федеральныя государства [1]).

Въ 50-хъ годахъ появилась статья Вайца о природѣ федеральнаго государства, которая составила эпоху въ исто-

1) Шталь изъ теоретическихъ предпосылокъ, аналогичныхъ высказаннымъ Блюнчли, дѣлалъ по отношенію къ Германіи совершенно противоположные выводы: Julius Stahl, Die deutsche Reichsverfassung nach den Beschlüssen der deutschen Nationalversammlung und nach dem Entwurf der drei königlichen Regierungen, Berlin, 1849. Шталь, какъ и Блюнчли, противопоставлялъ имперію федеральному государству, но симпатіи его склонялись къ сохраненію самостоятельности и дальнѣйшаго существованія отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. То же (Dönniges), Die Deutsche Verfassungsfrage und die Deutschen Einzelstaaten. Ein Wort an die Nationalversammlung, die Fürsten und die Landstände deutscher Nation, München, 1848 (Въ федеральномъ государствѣ центральная власть не должна обладать непосредственной по отношенію къ гражданамъ правительственной властью, а дѣйствовать черезъ посредство федерированныхъ правительствъ. Такимъ федеральнымъ государствомъ долженъ быть и Германскій Союзъ). Крайне унитарныхъ тенденцій въ конструированіи природы федеральныхъ соединеній держался C. F. Vollgraff, De confoederationibus sine et cum imperio. Wodurch unterscheiden sich Staaten-Bund, Bundes-Staat und Einheits-Staat voneinander, Marburg, 1859 (Фольграфъ сливалъ понятія федеральнаго и унитарнаго государствъ. Къ истинно федеральнымъ соединеніямъ онъ причислялъ лишь всякіе постоянные военные союзы, обладающіе особой организаціей. Внѣ же этого существуютъ только единыя государства; такъ и Соединенные Штаты и Швейцарія не что иное, какъ единыя государства, но устроенныя не по французскому централистическому шаблону, а съ обширнымъ самоуправленіемъ частей).

ріи нѣмецкаго федерализма и оказала рѣшающее вліяніе на федеративныя конструкціи очень многихъ юристовъ [1]). Вайцъ вполнѣ принялъ теорію Токвилля о раздѣлѣ суверенитета въ федеральныхъ государствахъ [2]) и примѣнилъ эту точку зрѣнія къ разсмотрѣнію того, какія функціи власти должны быть отнесены къ компетенціи центральной власти и какія къ сферѣ власти отдѣльныхъ штатовъ.

Когда союзъ образуется самими государствами и въ основаніи его лежитъ международный договоръ, тогда, по мнѣнію Вайца, имѣется на лицо конфедерація государствъ. Такъ какъ субъекты международнаго права пользуются неограниченной договорной свободой, то содержаніе договоровъ можетъ быть самымъ разнообразнымъ. Вступающія въ договоръ государства могутъ самыя различныя области отнести къ общей дѣятельности [3]). Конфедерація государствъ, по мнѣнію Вайца, есть безформенная и мало удовлетворительная организація государственной жизни. Она обычно служитъ лишь переходомъ къ другимъ образованіямъ. Исторія всѣхъ временъ показываетъ, что эта форма подвержена постояннымъ кризисамъ: или союзъ распадается, такъ какъ онъ никакихъ существенныхъ задачъ государственной жизни ни удовлетворяетъ, или же члены его реорганизуютъ свое единство на другихъ основахъ.

---

1) G. Waitz, Ueber das Wesen des Bundesstaates, впервые опубликована въ Allgemeiner Monatschrift für Wissenschaft und Litteratur 1853, стр. 494—530 и перепечатана въ Grundzüge der Politik, 1862, стр. 152—218.

2) Самъ Вайцъ говоритъ о вліяніи на себя Токвилля: „Am meisten hat mich Tocqueville's scharfsinnige Auseinandersetzung über das Wesen der nordamerikanischen Verfassung belehrt“ (Allgemeiner Monatschrift, стр. 496).

3) Der Staatenbund ist die Vereinigung verschiedener Staaten zu der gemeinsamen Erfüllung wesentlicher Aufgaben des Staatslebens. Es kommt hier nicht in Betracht, wo seine Grenze gegen blos vorübergehende Verbündungen der Staaten zu ziehen ist; es genügt zu bemerken, dass der Staatenbund stets eine wahre Gemeinschaft politischer Interessen und staatlicher Tätigkeit voraussetzt... Die Grundlage der Verbindung ist ein Vertrag oder eine Einigung, ihr Charakter ein völkerrechtlicher.“ Op. cit., стр. 496.

Федеральнымъ государствомъ Вайцъ, въ согласіи съ Токвиллемъ, считалъ такую государственную форму, при которой, въ противоположность конфедераціи государствъ, соединенные народы сливаются въ отношеніи нѣкоторыхъ интересовъ, въ отношеніи другихъ интересовъ остаются раздѣленными. Для федеральнаго государства Вайцъ считалъ необходимымъ: во первыхъ, чтобы опредѣленная часть государственной жизни была общею, другая же, тоже опредѣленная, часть была предоставлена отдѣльнымъ членамъ союза, при чемъ способъ этого раздѣленія принципіально безразличенъ; во-вторыхъ, чтобы каждая часть была сама по себѣ настоящимъ государствомъ, самостоятельнымъ и независимымъ отъ всякой ему чуждой власти, т. е. какъ федеральное государство такъ и федерированныя государства должны владѣть верховыми правами, какъ своими собственными, а не производными; въ этомъ заключается ихъ суверенитетъ, хотя въ въ содержаніи и въ объемѣ суверенитета и имѣется разница. Изъ этого слѣдуетъ, что въ федеральномъ государствѣ народъ долженъ стоять въ одинаково непосредственномъ отношеніи и къ федерированнымъ государствамъ и ко всему сложному государству. Отсюда вытекаетъ также необходимость единаго федеральнаго гражданскаго права. Кромѣ того, федеральное государство должно имѣть свое собственное правительство, свое народное представительство, свои суды, при чемъ и глава союза и союзное правительство и союзные суды должны быть отдѣльными отъ правительства и судовъ мѣстныхъ союзныхъ государствъ [1]).

---

1) Эта идея раздѣла суверенитета была принята многими юристами эпохи 60-хъ годовъ; Ср. Pözl, Bundestaat, Staatenbund... (небольшая статья въ Staats-Wörterbuch Bluntschli und Brater, 1857); H. Schulze, System des deutschen Staatsrechts, Leipzig, 1865, стр. 197 и сл.; C. F. Gerber, Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechtes, Leipzig, 1965, Cohn, Quid intersit inter confoederationen civitatum et civitatem confoederatam ex constitutionibus Germaniae, Hel-

Чѣмъ ближе было время основанія Германской имперіи, тѣмъ сильнѣе сказывалась унитарная тенденція въ объясненіи природы федеральнаго государства. Типическимъ представителемъ такого унитарнаго движенія былъ Трейчке [1]).

Онъ страстно отстаивалъ принципъ единаго государства, какъ нѣмецкій государственный идеалъ. Высказываясь за преобразованіе Германскаго союза въ федеральное государство, Трейчке это федеральное государство понималъ чисто унитарно. Радикальное отличіе между конфедераціей государствъ и федеральнымъ государствомъ, по мнѣнію его, заключается въ томъ, что въ конфедераціи суверенны члены, а центральная власть стоитъ подъ ними. Центральная власть можетъ здѣсь свою волю выразить только въ заключеніяхъ; уже отдѣльнымъ союзнымъ правительствамъ предоставляется дать этимъ такъ называемымъ федеральнымъ законамъ юридическую силу черезъ мѣстныя законодательства. При этомъ нѣтъ никакой гарантіи, что здѣсь не возникнетъ анархіи. Въ федеральномъ же государствѣ, наоборотъ, суверенитетъ доселѣ независимыхъ членовъ уничтожается. Они перестаютъ быть государствами, хотя бы изъ вѣжливости имъ и продолжали давать названіе государствъ; суверенитетъ здѣсь принадлежитъ центральной власти союза [2]).

Это отличіе обѣихъ федеративныхъ формъ, конфедераціи государствъ и федеральнаго государства, принци-

---

vetiae, Americae septentrionalis exponatur, Gryphiae, 1868 (небольшая нѣмецкая диссертація-брошюрка, не имѣетъ никакой цѣны).

1) Treitschke, Bundesstaat und Einheitsstaat, 1864 (Historische und politische Aufsätze, II, стр. 77—241); изъ позднѣйшихъ сочиненій его по тому же предмету см. Bund und Reich (въ Preuss. Jahrbücher, 1874, B. XXXIV, стр. 513—549); Politik, 2 изд., Leipzig 1898, Bd. II, стр. 303 и сл.

2) Однако и Трейчке признавалъ, что особенность федеральнаго государства и главное его отличіе отъ унитарнаго государства заключаются въ томъ, что рѣшенія центральной власти вырабатываются при постоянномъ содѣйствіи членовъ союза, которые непосредственно привлекаются къ образованію коллективной воли. Politik, II, 325.

піальное и коренное; и изъ него ясно, почему переходъ отъ конфедеративной формы къ федеральной совершается послѣ тяжелой борьбы и потрясеній. Здѣсь дѣло идетъ о самомъ существованіи государства, о томъ, чтобы государство само наложило на себя руки. Основное выраженіе всякаго суверенитета есть право вооруженія и право самому опредѣлять объемъ своихъ верховныхъ правъ. Безъ этого никакое государство не государство. Сущность государства въ томъ, что оно можетъ свою волю проводить физическими силами. Первый рѣшительный шагъ, который сдѣлала Америка на Филадельфійскомъ конгрессѣ, заключался въ постановленіи, что общее войско будетъ находиться въ командованіи союза. Въ этомъ за ней послѣдовала впослѣдствіи и Швейцарія. Ясно, что такъ называемые штаты союза не государства (не штаты), и что имя это одна лишь условность. Линкольнъ въ гражданскую войну очень хорошо сказалъ: штаты имѣютъ свой status въ союзѣ и внѣ союза у нихъ нѣтъ никакого status'a. Такъ это и есть въ дѣйствительности; они суть подчиненныя земли, и когда югъ поднялся противъ коллективной воли союза, то его штаты были мятежниками; „мятежные штаты“ собственно contradictio in adjecto; мятежными могутъ быть не штаты (государства), а подданные [1]).

VI.

Между 1866 и 1871 г. Германскій Союзъ перешелъ отъ конфедеративнаго соединенія къ федеральному, сначала путемъ созданія Сѣверо-Германскаго Союза, а потомъ Германской имперіи съ конституціей 16 апрѣля 1871 г., которая,

1) Treitschke, Politik, II, 322—3. Въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ на природу конфедераціи и федеральнаго государства Трейчке придерживался мнѣнія Вайца (Токвилля). Если теорія раздѣленія суверенитета на практикѣ и трудно провести въ Германіи, то это доказываетъ лишь, что федеральная форма есть только переходная стадія въ національныхъ стремленіяхъ нѣмецкаго народа по пути къ образованію унитарнаго государства.

за исключеніемъ упоминанія объ особыхъ баварскихъ и вюртембергскихъ правахъ, почти тождественна съ конституціей Сѣверо-Германскаго Союза [1]).

Германская имперская конституція явилась осуществленіемъ давно желанной исторической цѣли германскаго народа, — его объединенія, освобожденія его отъ раздробленности и безсилія. Она закрѣпила соединеніе нѣмецкихъ племенъ въ единое государственное цѣлое. Но она не создала унитарнаго государства, а считаясь съ историческими традиціями и мѣстными партикуляристическими сопротивленіями, остановилась на удобномъ компромиссѣ федеральнаго государства. Задачей ея было, организовавши политическое единство, разграничить компетенцію цѣлаго союза отъ сферы власти, оставленной отдѣльнымъ штатамъ. Именно такъ опредѣлялъ основную идею имперской конституціи Бисмаркъ, главный основатель Германской имперіи: „Нашей задачей было найти минимумъ тѣхъ уступокъ, которыя должно было сдѣлать существованіе особыхъ нѣмецкихъ государствъ коллективному цѣлому, при условіи, чтобы это коллективное единство было жизнеспособно“ [2]).

1) Здѣсь не мѣсто останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ съ юридической точки зрѣнія произошелъ этотъ переходъ, чисто фактически, путемъ законодательства или на основаніи договора. Вопросъ этотъ для правильной конструкціи юридической природы Германской имперіи, конечно, имѣетъ не маловажное значеніе. Ср. по этому вопросу: Binding, Die Entstehung des Norddeutschen Bundes (Festgabe für Windscheid), 1888; Wenzel, Zur Lehre der vertragsmässigen Elemente der Reichsverfassung (Abhandlungen von Zorn und Stier-Somlo); Kuntze, Der Gesammtakt (Festgabe für O. Müller, 1892), стр. 80 и сл.; Jagemann, Die deutsche Reichsverfassung, 1904; Pohl, Die Entstehung des belgischen Staates und des Norddeutschen Bundes, 1905; его же, Bundesstaatsschöpfung und Kuntzes Gesammtaktstheorie (Archiv des öffentlichen Rechts, т. XX, 1906); A. Coenders, Über die Rechtsnatur der Entstehung des deutschen Bundesstaates (Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, 1909, т. III, стр. 221—324).

2) Hatschek, Bismarks Werk in der Reichsverfassung, 1906.

Въ союзной конституціи 16 апрѣля 1871 г., въ осуществленіе этого компромисса партикулярныхъ и коллективнаго стремленій, соединяются элементы унитарные и федеральные.

Въ распредѣленіи компетенцій центральной и мѣстныхъ властей германская конституція носитъ скорѣе характеръ унитарный, чѣмъ федеральный. По обширной 4-й статьѣ союзные штаты имперіи отказались отъ большинства своихъ суверенныхъ правъ въ пользу имперіи. Союзу переданы были законодательство и контроль (но не исполненіе) по всѣмъ пяти основнымъ отраслямъ управленія — въ иностранныхъ, военныхъ, финансовыхъ дѣлахъ, въ юстиціи и во внутреннемъ управленіи, при чемъ иностранная, военная и юрисдикціонная компетенціи цѣликомъ, въ финансовой — большая часть, а во внутреннихъ дѣлахъ — добрая половина. Что касается до выполненія законовъ, то оно предоставлено было, подъ контролемъ федеральной власти, отдѣльнымъ союзнымъ государствамъ; такъ это было для области таможеннаго и налогового управленія, юрисдикціи, полиціи, за исключеніемъ почтъ, телеграфа, иностранныхъ, морскихъ дѣлъ и крѣпостного управленія; въ военномъ дѣлѣ высшее командованіе предоставлено императору, подчиненное — союзнымъ штатамъ.

Федеративный моментъ германской конституціи ярче выраженъ въ организаціи союза. Какъ федеральное соединеніе, имперія имѣетъ высшій правительственный органъ, въ которомъ представлены всѣ члены союза въ ихъ особности, какъ таковые; какъ единое государство, она имѣетъ въ то же время и высшій органъ, въ которомъ осуществляется единство государства. Единство государства представлено главою союза, императоромъ, и имперскимъ народнымъ представительствомъ. Унитарны союзное предсѣдательство и рейхстагъ. Федеративный моментъ представленъ союзнымъ совѣтомъ. Юридически, высшая власть принадлежитъ союз-

ному совѣту, какъ дающему согласіе на выработанные рейхстагомъ законопроекты, и въ этомъ теоретически сохраненъ федеративный моментъ, но политически, несомнѣнно, преобладающее значеніе имѣютъ унитарные органы, — императоръ и рейхстагъ. Какъ ни смотрѣть на организацію союзнаго совѣта, нельзя отрицать, что въ немъ сказывается федеративный характеръ. Конечно, въ немъ союзныя правительства не представлены одинаково, и Пруссія имѣетъ, напр., семнадцать голосовъ, тогда какъ, напр., Шаумбургъ-Липпе — одинъ. Но нужно сказать, что въ Германіи нельзя было бы провести начала равенства, такъ какъ существуетъ чрезвычайное несоотвѣтствіе силъ: Пруссія обладаетъ почти двумя третями всего населенія имперіи; между тѣмъ представительство ея въ совѣтѣ меньше одной трети; изъ 58 голосовъ совѣта по населенію Пруссія должна была бы имѣть 38 голосовъ, Шаумбургъ-Липпе, имѣя въ рейхстагѣ только $^1/_{397}$ всего представительства, въ союзномъ совѣтѣ имѣетъ $^1/_{58}$.

Въ нормахъ, опредѣляющихъ измѣненія конституціи (ст. 78), точно также соединяются унитарные и федеративные элементы. „Измѣненія конституціи производятся въ законодательномъ порядкѣ“. Такой упрощенный способъ измѣненія конституціи, при которомъ можетъ быть уничтожена сама автономія отдѣльныхъ штатовъ, носитъ, конечно, унитарный характеръ. Однако эти измѣненія конституціи „считаются отклоненными, если противъ нихъ въ союзномъ совѣтѣ подано 14 голосовъ“, т. е. меньше одной трети. Это правило — выраженіе федеративнаго начала. Но особенно федеративный характеръ носитъ правило относительно такъ называемыхъ резервированныхъ правъ[1]): „тѣ предписанія имперской конституціи, которыми установлены опредѣленныя права отдѣльныхъ союзныхъ государствъ въ ихъ отношеніи

1) Otto Nirrnheim, Der Begriff des Reservatrechts im Sinne der Verfassung des Deutschen Reiches (Archiv des öffentlichen Rechts, Tübingen, 1909, стр. 579—631).

ко всей имперіи, могутъ быть измѣнены лишь съ согласія облеченныхъ этими правами союзныхъ государствъ".

Если разсматривать въ цѣломъ германскую конституцію, то съ юридической точки зрѣнія преобладаетъ въ ней федеративный моментъ, такъ какъ выше компетенціи стоитъ органъ, компетенція — лишь воля органа; и такъ какъ юридически высшій органъ Германской имперіи есть союзный совѣтъ, то формально федеративный моментъ преобладаетъ въ германской конституціи. Но съ политической точки зрѣнія въ имперіи преобладаетъ моментъ унитарный.

Большинствомъ представителей нѣмецкой государственной науки Сѣверо-Германскій Союзъ былъ понятъ, какъ федеральное государство, и этого же воззрѣнія держатся въ объясненіи юридической природы Германской имперіи почти всѣ юристы, за исключеніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которые, какъ Гельдъ или Зейдель, принципіально отрицаютъ понятіе федеральнаго государства.

Если до основанія Германской имперіи въ эпоху существованія Германскаго Союза федеральное государство было для нѣмецкихъ публицистовъ и государственныхъ дѣятелей лишь теоретическимъ политическимъ идеаломъ, то послѣ возникновенія Германской имперіи конструкціи и вопросы федеральнаго государства сдѣлались для нѣмецкой юридической науки позитивными и практическими. Время послѣ 1870 г. явилось эпохою чрезвычайнаго расцвѣта нѣмецкой федеративной литературы, которую трудно разсмотрѣть всю, такъ какъ всякое публично-правовое позитивное изученіе германскаго строя неизбѣжно такъ или иначе касается вопросовъ федеративнаго устройства. Можно только отмѣтить наиболѣе выдающихся представителей федеральныхъ теорій и указать на основные типы конструкцій [1]).

1) Выше, въ главѣ четвертой, разбирая различныя федеративныя теоріи, мы уже имѣли случай остановиться на ученіяхъ наиболѣе видныхъ представителяхъ нѣмецкой науки и потому снова не будемъ по-

VII.

Среди новѣйшихъ нѣмецкихъ федеративныхъ теорій слѣдуетъ прежде всего отмѣтить еще не вполнѣ исчезнувшее, но въ общемъ не имѣющее большого значенія конфедеративное теченіе.

Не говоря уже о такихъ крайнихъ, но слабыхъ защитникахъ конфедерализма, какимъ былъ, напр., К. Францъ [1]), видѣвшій въ федерализмѣ наилучшее средство для разрѣшенія не только политическихъ, но и всякихъ соціальныхъ проблемъ, конфедеративная теорія съ самаго начала Германской имперіи нашла себѣ чрезвычайно сильнаго защитника въ лицѣ баварскаго юриста Зейделя [2]).

дробно возвращаться къ нимъ, отсылая читателя къ указанной главѣ. Изложеніе и критику главнѣйшихъ нѣмецкихъ теорій новѣйшаго времени даютъ: H. Rehm, Allgemeine Staatslehre (Handbuch Marquardsens, 1899); Borel, Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif, 1886; Le Fur, Etat fédéral et Confédération d'Etats, 1896; М. Горенбергъ, Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи, СПБ. 1891.

1) Konstantin Frantz, Der Föderalismus als das leitende Prinzip, Maintz, 1879. На Франца сказалось вліяніе идей Прудона. Федерализмъ, по его мнѣнію, есть руководящій принципъ современныхъ обществъ, высшее примиреніе всякихъ трудностей.

2) Max Seydel, Der Bundesstaatsbegriff (въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1872, стр. 185 и сл.); Der Bundesgedanke und der Staatsgedanke im Deutschen Reiche (въ Die Gegenwart, 1874, т. V, стр. 273 и сл.); Die neuesten Gestaltungen des Bundestaatsbegriffs (въ Annalen des Deutschen Reichs, 1876, стр. 641—655). Всѣ эти три статьи были перепечатаны подъ общимъ заглавіемъ Zur Lehre von den Staatenverbindungen въ Staatsrechtliche und politische Abhandlungen, Leipzig, 1893, стр. 1—120. Основные принципы теоріи даны были Зейделемъ въ первой статьѣ. Въ ней Зейдель опровергаетъ Токвилле-Вайцевскую теорію раздѣленія суверенитета и само понятіе федеральнаго государства, признавая лишь конфедераціи государствъ, каковыми онъ и считаетъ Соединенные Штаты, Швейцарію и Германію. Вторая и третья статьи представляютъ собою полемику противъ противоположныхъ мнѣній, въ особенности противъ теорій Генеля и Лабанда. Кромѣ того, см. введеніе въ Kommentar zur Verfassungsurkunde für das Deutsche Reich, Würzburg, 1873, 2 изд. 1897.

Зейделемъ воспринята была кальгуновская теорія федеративныхъ соединеній. Исходя изъ боденовскаго пониманія суверенитета, Зейдель отрицалъ вообще понятіе федеральнаго государства и всѣ такъ называемыя федеральныя государства объявилъ за договорныя соединенія, конфедераціи государствъ. Государство есть совершенное соединеніе людей подъ высшей суверенной властью. Основной признакъ суверенитета — его недѣлимость и неограниченность. Теорія федеральнаго государства, построенная на понятіи раздѣленнаго суверенитета, ложна. Тѣ политическія образованія, которыя обозначаются именемъ федеральныхъ государствъ, должны быть признаны или унитарными государствами или конфедераціями государствъ. Такъ какъ и Швейцарія, и Германія, и Соединенные Штаты возникли изъ договора, и такъ какъ союзные органы въ нихъ суть общіе органы отдѣльныхъ государствъ, то эти союзы суть конфедераціи государствъ. Основаніе конфедераціи — договоръ; благодаря этому, суверенитетъ соединившихся въ ней государствъ остается неприкосновеннымъ, и вся конфедерація является съ юридической точки зрѣнія только юридическимъ отношеніемъ. Союзная власть, т. е. та, которую союзники осуществляютъ сообща, есть не высшая власть, а лишь проявленная въ опредѣленныхъ границахъ коллективная власть союзныхъ правительствъ. Это вѣрно, если даже создаются особые органы федеральной власти, или если рѣшенія этихъ общихъ органовъ получаются по большинству голосовъ. Воля большинства есть не выраженіе отношенія властвованія, юридически она не есть воля большинства, а, вслѣдствіе договорной воли всѣхъ союзниковъ, воля всѣхъ.

Зейдель различалъ два вида федеральныхъ соединеній: тѣ, въ которыхъ суверенныя права осуществляются каждымъ союзникомъ равно, и тѣ, въ которыхъ суверенная власть осуществляется сообща. Въ первыхъ случаяхъ, въ качествѣ союзнаго органа существуетъ конгрессъ пословъ

отъ союзниковъ, но рѣшенія этого конгресса должны получить осуществленіе черезъ органы отдѣльныхъ государствъ; это — международно-правовое соединеніе; этотъ союзъ существуетъ только между государствами, и для его основанія достаточно одного договора. Во вторыхъ случаяхъ существуютъ общіе органы, которые дѣйствуютъ отъ имени коллективнаго цѣлаго и воздѣйствуютъ непосредственно на гражданъ. Въ этомъ случаѣ союзъ государственно-правового характера; федеральныя рѣшенія передаются гражданамъ союзныхъ государствъ черезъ посредство закона, который вслѣдствіе договора отдѣльныхъ государствъ издается какъ бы отъ ихъ имени. Здѣсь надо тоже различать два вида соединеній: или отдѣльное государство можетъ своимъ закономъ уничтожить дѣйствіе союзнаго закона и выйти изъ союза (таково было устройство Конфедеративныхъ Штатовъ Америки въ 1861 г.), или такое прекращеніе союза не можетъ быть сдѣлано по волѣ отдѣльнаго государства, такъ какъ первоначальный договоръ имѣлъ въ виду созданіе неразрывнаго союза; это — то, что называютъ федеральными государствами. Всѣ эти различенія однако чисто теоретическаго характера. Въ дѣйствительности, въ конкретныхъ случаяхъ отдѣльные признаки этихъ видовъ перемѣшиваются.

Теорія Зейделя имѣла мало послѣдователей. Изъ видныхъ представителей нѣмецкой науки къ нему нѣсколько приближается лишь Отто Майеръ, впрочемъ принимающій въ то же время и теорію раздѣленія суверенитета [1]).

1) Otto Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht, 2 т. Leipzig, 1896; Republikanischer und monarchischer Bundesstaat (Archiv des öffentlichen Rechts, т. XVIII, 1903, стр. 337—372). Въ конфедераціи существуетъ одна суверенная власть, именно власть конфедерированныхъ государствъ, въ федеральномъ государствѣ, напротивъ, существуетъ двойной суверенитетъ, такъ какъ и союзъ и союзныя части суверенны. Нѣсколько государствъ могутъ, на основаніи международнаго права, соединиться, чтобы образовать новое единство, во имя котораго государственная власть будетъ осуществляться на ихъ

VIII.

Теорія Зейделя хотя и не нашла многихъ послѣдователей среди нѣмецкихъ юристовъ, однако важна съ точки зрѣнія общей исторіи нѣмецкаго федерализма, такъ какъ

территоріи съ собственнымъ и высшимъ авторитетомъ. Юридическая природа такой организаціи есть природа общества (ассоціаціи) съ юридической личностью, т. е. это — корпорація. Государства суть ея члены; высшая власть, образуемая ими для веденія общихъ дѣлъ, есть власть ассоціаціи. Таковъ былъ Германскій Союзъ, не имѣвшій собственной законодательной власти; онъ могъ только обязывать конфедерированныя государства обнародовать законы, необходимые въ интересахъ союза. Таковъ былъ и таможенный союзъ 1837, не затрогивавшій государственнаго характера членовъ этого союза. Однако основной договоръ и конституція, регулирующіе центральную власть, могутъ итти дальше. Можно предоставить союзу не только законодательство и прямое административное дѣйствіе, но и болѣе обширную компетенцію, охватывающую самые существенные интересы государства, напр., вооруженную силу и международныя отношенія, и могущую кромѣ того расширяться дѣйствіемъ самой центральной власти, осуществляемой въ формахъ, предписанныхъ конституціей. Въ этомъ случаѣ говорятъ, что имѣется на лицо федеральное государство, образованное объединившимися государствами. Таковы Соединенные Штаты, Швейцарія, Германія. Идея, изъ которой исходилъ Отто Майеръ въ разсмотрѣніи юридической природы федеральнаго государства, была раздѣленіе властей. Каждая изъ двухъ властей, и законодательная и исполнительная, дѣлятся въ федеральныхъ соединеніяхъ снова на двѣ власти, федеральную и власть отдѣльнаго федерированнаго государства. Это распредѣленіе власти регулируется конституціей. Въ Германской конституціи поразительна аналогія распредѣленія компетенціи федеральной и власти отдѣльныхъ государствъ съ распредѣленіемъ властей законодательной и исполнительной: федеральная власть здѣсь занимаетъ мѣсто законодательной, а власть штатовъ исполнительной. Федеральная власть надѣлена спеціальнымъ правомъ предпочтенія, особо ей отведенной сферой, наконецъ, обязательной силой, въ силу которой она связываетъ своими законами законодательную власть государствъ. Власть отдѣльныхъ штатовъ характеризуется качествами, соотвѣтствующими исполнительной власти.

Изъ другихъ нѣмецкихъ юристовъ, Вестеркампъ тоже сближаетъ федеральное государство съ конфедераціей государствъ, не видя между ними принципіальной разницы; разница между ними лишь въ томъ, что федеральная власть самостоятельна и независима по отношенію къ своимъ членамъ, а въ конфедераціи союзная власть зависитъ отъ соединившихся государствъ. J. B. Westerkamp, Staatenbund und Bundestaat. Untersuchungen über die Praxis und das Recht der modernen Bände, Leipzig, 1892, стр. 450 и сл.

она оказала очень большое вліяніе на послѣдующія нѣмецкія федеративныя теоріи, разрушившія вліяніе теоріи Токвилля-Вайца о раздѣлѣ суверенитета.

Послѣ Зейделя, когда ученіе о возможности дѣлить суверенитетъ было имъ окончательно дискредитировано, юристамъ при конструированіи природы федеральныхъ государствъ, повидимому, оставалось два пути: или 1) признать суверенитетъ въ боденовскомъ смыслѣ (какъ недѣлимую и неограниченную высшую власть) существеннымъ признакомъ государства, и въ этомъ случаѣ или а) послѣдовать вполнѣ за Зейделемъ, объявить ложными всякія теоріи о подчиненіи одного государства другому, т. е. теоріи федеральнаго государства, и признать правильными юридическими конструкціями только конфедераціи государствъ, или б) признать, что всякія такъ называемыя федеральныя государства суть лишь особые виды единаго государства, съ очень децентрализованными провинціальными частями; или 2) отвергнуть суверенитетъ, какъ существенный признакъ государства, и искать этотъ признакъ въ чемъ-нибудь другомъ, въ соотвѣтствіи съ каковымъ и строить теорію государства. Именно по этому послѣднему пути и пошло большинство наиболѣе вліятельныхъ публицистовъ Германіи послѣдняго времени, Лабандъ, Еллинекъ и др.

Изъ этой дилеммы есть единственный выходъ, это принять идею возможности уменьшеннаго, ограниченнаго суверенитета или полусуверенитета, т. е. вернуться нѣсколько иными путями къ теоріи раздѣленнаго суверенитета. Такою была въ сущности теорія Генеля [1]).

Генель попытался избѣжать выставленной Зейделемъ

1) A. Haenel, Studien zum deutschen Staatsrechte. I. Die vertragsmässigen Elemente der deutschen Reichsverfassung, Leipzig, 1873, особ. стр. 63 и сл.; Zur Kritik der Begriffsbestimmung des Bundesstaates (въ Annalen des deutschen Reiches, 1877, стр. 78—92), полемика съ Зейделемъ и Лабандомъ; Deutsches Staatsrecht, Leipzig, 1892, стр. 192—209.

альтернативы признаніемъ, что въ федеральномъ государствѣ ни союзъ, какъ таковой, ни отдѣльные его штаты не являются государствами въ собственномъ смыслѣ этого слова, государство же образуется изъ органическаго ихъ взаимодѣйствія; суверенитетъ не принадлежитъ ни федеральному государству, ни штатамъ, а лишь ихъ соединенію, въ ихъ органической цѣлостности. Признакъ отличія федеральнаго государства отъ унитарнаго въ томъ, что штаты осуществляютъ власть по собственному праву, однако при условіяхъ, которыя требуются занимаемымъ ими положеніемъ въ цѣломъ союзѣ[1]). Конфедерація же государствъ, по воззрѣнію Генеля, есть не просто договорное отношеніе, а корпорація, обладающая высшей властью надъ отдѣльными государствами; это возможно потому, что государства могутъ быть зависимыми и независимыми.

Такая же теорія органическаго взаимодѣйствія федеральнаго государства и штатовъ, при которомъ суверенная власть и государственный характеръ принадлежатъ и той и другой сторонѣ, была развита и Гирке. Выше (на стр. 323—326) теорія эта была съ достаточной подробностью нами изложена, и потому мы во избѣжаніе повторенія не будемъ снова на ней останавливаться[2]).

1) Der Gesammtstaat und die Einzelstaaten stehen, jeder in seiner Sphäre, nicht schlechthin im Verhältniss der Nebenordnung ... Das Unterscheidungsmerkmal des Bundesstaates vom Einheitsstaate kann nicht in der Annahme einer nur dem Umfange nach beschränkten Suveränetät der Einzelstaaten neben dem beschränkten Umfange der Suveränetät des Gesammtstaates gefunden werden, sondern nur in einer so losen Gliederung des Ganzen, dass die Einzelstaaten, den Begriff der Selbstverwaltung durchbrechend, nach der Weise eines Staates, d. h. zu eigenem Rechte und nach eigenen Gesetzen staatliche Aufgaben vollziehn. Aber auch so vollziehn sie diese Aufgaben nur in den verfassungsmässigen Grenzen und unter den verfassungsmässigen Bedingungen, welche die Einordnung in ein Ganzes erheischen. Man hat im Bundesstaate den Gesammtstaat einerseits, die Einzelstaaten andererseits und als ein Drittes den Bundesstaat selbst, als die Nebenordnung der beiden ersten in voller Selbständigkeit und darum Aeusserlichkeit unterschieden. Vertragsmässigen Elemente der Deutschen Reichsverfassung, стр. 66.

2) O. Gierke, Die Grundbegriffe des Staates und die neueren Staatsrechtstheorien (въ Zeitschrift für die g.

Хотя и со значительными отклоненіями, въ эту же группу долженъ быть отнесенъ и Бри, который приписываетъ государственный характеръ и федеральному союзу и составляющимъ его штатамъ. Это является у него послѣдствіемъ своеобразнаго пониманія государства, по которому существенный признакъ государства не суверенитетъ, а національная, универсальная цѣль[1]).

Staatsw., 1874 т. XXX, стр. 152—198, 265—335) Laband's Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft (въ Jahrbuch für Gesetzgebung... 1883, стр. 1—99). Здѣсь же должны быть упомянуты: K. v. Stengel, Staatenbund und Bundesstaat (Jahrbuch Schmoller'a, т. 22 (1898) стр. 707 и сл., 1089 и сл.); W. Rosenberg, Staat, Souveränität und Bundesstaat (въ Annalen Hirth'a, 1905, стр. 276 и сл., 339 и сл.).

1) Brie, Der Bundesstaat, Leipzig, 1874; Zur Lehre von den Staatenverbindungen (въ Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 1884 (т. XI, стр. 75—159); Theorie der Staatenverbindungen, Breslau u. Stuttgart, 1886. „Als Bund bezeichnen wir ein aus Staaten zusammengesetztes Gemeinwesen, an dessen Willensbildung principiell alle Gliedstaaten teilzunehmen rechtlich berufen sind. Es erscheint nicht als genügend für den Begriff des Bundes, dass der Gesamtwille aus der Gesamtheit hervorgehe, nicht von aussen gesetzt werde; wesentlich für denselben ist vielmehr, dass alle in dem Gemeinwesen vereinigten Staaten, wenn auch etwa mit vereinzelten Ausnahmen, vermöge der Rechtsordnung (Verfassung) des Gemeinwesens durch ihnen angehörige Organe an dem Gesamtorganismus, und zwar jedenfalls bei der Entstehung der für die Gesamtangelegenheiten vorzugsweise massgebenden Willensakte, beteiligt seien". Theorie der Staatenverbindungen, стр. 80—81. „Der Bundesstaat ist zugleich Bund und Staat; er ist also, einerseits ein aus Staaten zusammengesetztes, föderativ organisiertes, Gemeinwesen, und anderseits ein aus Menschen zusammengesetztes Gemeinwesen mit einer principiell alle Zwecke des menschlichen Lebens umfassenden Aufgabe und Zuständigkeit. Der Begriff des Bundesstaats ist nicht aus einzelnen dem Begriff des Bundes und anderen dem Begriff des Staates angehörigen Momenten gebildet, sondern er vereinigt in sich alle wesentlichen Merkmale des Bundes und ebenso des Staates. Die beiden Seiten seines Wesens sind aber auch nicht etwa nur äusserlich mit einander verknüpft, sondern sie sind zu einer einheitlichen Gestaltung verschmolzen; in ihrer Verbindung bedingen und beschränken sie sich wechselseitig. Der Bundesstaat, dessen Wesen rein und voll zur Verwirklichung kommt, wird daher auch nicht in einer Beziehung Bund, in der anderen Staat sein, sondern in jeder Beziehung — insbesondere in seinem Zwecke und in seiner Kompetenz, in dem Kreis der seiner Gewalt unterworfenen Personen und in der Art der Beschaffung seiner Mittel, endlich in seiner

Въ эту же категорію долженъ быть отнесенъ и Ремъ, хотя и не давшій отчетливой и ярко выраженной теоріи и полемизировавшій противъ теорій Генеля, но тоже видѣвшій характерную особенность федеральнаго государства въ государственно-подобномъ участіи отдѣльныхъ штатовъ въ общей суверенной власти [1]).

Ремъ въ воззрѣніяхъ на строй Германской имперіи и на возможность ея дальнѣйшей эволюціи стоитъ на федеральной точкѣ зрѣнія. Онъ считаетъ, что чисто юридически невозможно превращеніе Германской имперіи въ унитарное государство, такъ какъ 78 статья конституціи, говорящая о порядкѣ конституціоннаго измѣненія, относится только къ самой конституціи, а не къ введенію въ нее, въ которомъ говорится о договорѣ между правителями Пруссіи, Баваріи, Вюртемберга, Бадена и Гессена объ учрежденіи

Organisation — die ihm charakteristische Doppelnatur ausprägen. Eben durch diese Doppelnatur unterscheidet er sich begrifflich einerseits von dem Staatenbunde, welcher nur Bund, aber nicht selbst Staat ist, wie anderseits von dem einfachen Staate (Einheitsstaate), welcher nicht zugleich Bund sein kann, dafür seine Mitglieder überhaupt nur eine staatliche Vereinigung und Organisation besteht. Die Glieder des Bundesstaats aber sind, gleich Ganzen, wirkliche Staaten, denn auch ihnen kommt ein principiell alle Seiten des menschlichen Lebens umfassende eigene Aufgabe und Kompetenz zu." Op. cit., 95—96.

1) H. Rehm, Allgemeine Staatslehre, Freiburg, 1899; его же, Unitarismus und Föderalismus in der deutschen Reichsverfassung, Dresden, 1898. Den Gegensatz hiezu bildet eine Verbindung von Abhängigkeits- und Ueberordnungsstellung in demselben Staate der Art, dass dieser Staat beherrscht wird, zugleich aber Teilhaber an der ihn beherrschenden Gewalt ist. Als diese Gewalt müssen wir uns, da wir von weltlichen Gewalten bisher nur Staaten als Beherrscher anderer Staaten kennen lernten, eine Staatsgewalt denken und zwar die Gewalt eines Staates, welcher aus mehreren ihm unterworfenen Staaten zusammengesetzt ist; m. a. W. das Bundesstaatsverhältnis. In ihm ist der Teilstaat nicht blos von einem anderen Staate abhängig, sondern zugleich an der Herrschaftsgewalt dieses anderen Staates über ihn selbst beteiligt. Der Bundesstaat ist der Staat eines Staatenbundes, ein aus einer Mehrheit von Staaten zusammengesetzter Staat, an dessen Herrschaftsgewalt jeder dieser ihn bildenden Gliedsstaaten einen Anteil hat. Allgemeine Staatslehre, стр. 86.

вѣчнаго союза. Всякое измѣненіе, которое затронуло бы саму федеративную форму устройства имперіи, по мнѣнію Рема, можетъ быть принято только единогласно. Но и съ политической точки зрѣнія Ремъ считаетъ, что необходимо отстаивать ту степень федеративности, которая еще остается въ Германской имперіи, и полагаетъ, что общественное мнѣніе нѣмецкаго народа на сторонѣ сохраненія федеральнаго строя.

Германская имперія, какъ гласитъ введеніе въ конституцію, является вѣчнымъ союзомъ. Слѣдовательно, она есть союзъ, т. е. нѣчто единое, соединенное; съ другой стороны, она — союзъ государствъ и, слѣдовательно, множественность, не одно государство, а государство государствъ, федеральное государство. Въ ея устройствѣ соединяются начала федерализма и унитаризма. Унитаризмъ, по Рему, есть соединеніе нѣсколькихъ государствъ съ полнымъ устраненіемъ или, по крайней мѣрѣ, сильнымъ умаленіемъ ихъ государственнаго существа. Федерализмъ есть соединеніе нѣсколькихъ государствъ съ удержаніемъ ими ихъ государственнаго существованія. Два момента существенны для различія: 1) объемъ компетенціи (федерализмъ на лицо, если компетенція союза охватываетъ меньше суверенныхъ правъ, чѣмъ сохраняютъ отдѣльные штаты) 2) организація соединенія (организація союза федеральна, если въ его органахъ представлены всѣ отдѣльные союзники, какъ таковые, т. е. какъ особыя части; организація унитарна, если органы соединенія представляютъ коллективность членовъ, какъ цѣлое). Федерализмъ и унитаризмъ имѣютъ рядъ степеней, въ ограниченномъ или широкомъ смыслѣ, и постепенно переходятъ одинъ въ другой. И въ одномъ и томъ же государственномъ образованіи могутъ быть представлены какъ федеральныя начала, такъ и унитарныя, первыя, напр., въ распредѣленіи компетенціи, вторыя въ организаціи союза.

IX.

Въ настоящее время въ нѣмецкой федеральной литературѣ торжествуетъ унитарное направленіе, суверенную верховную компетенцію приписывающее одной центральной власти федеральнаго государства и признающее въ федерированныхъ штатахъ лишь подчиненныя, хотя болѣе или менѣе автономныя, части цѣлаго. Мы не будемъ подробно останавливаться на этой теоріи, которой въ свое время посвятили достаточно вниманія (см. выше, стр. 287—294). Истиннымъ родоначальникомъ и представителемъ этого направленія является несомнѣнно Лабандъ[1]). Теорія Лабанда противопоставляетъ конфедерацію государствъ федеральному государству, какъ юридическое отношеніе субъекту правъ; въ федеральномъ государствѣ, понимаемомъ Лабандомъ какъ корпорація штатовъ, суверенитетъ онъ приписываетъ исключительно союзу, какъ таковому, отличіе же штатовъ федеральнаго государства отъ обыкновенныхъ провинцій онъ видитъ въ принадлежащемъ имъ собственномъ правѣ властвованія, не выясняя впрочемъ, въ чемъ именно это собственное право заключается и чѣмъ оно отличается отъ несобственнаго права провинцій и общинъ. Эти несуверенные штаты, съ собственнымъ правомъ властвованіи, Лабандъ тоже называетъ государствами, но это только façon de parler, государственнаго въ нихъ, въ его пониманіи, нѣтъ ничего[2]).

1) P. Laband, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, 1 изд., Tübingen, 1876 (особ. I, стр. 70 и сл.), 4 изд. 1901; его же, сокращенное изложеніе Das Staatsrecht des Deutschen Reiches въ Handbuch Marquardsens, 1 изд., 1883, 3 изд. 1902; его же, Deutsches Reichsstaatsrecht, Tübingen, 1907; его же, Die Wandlungen des deutschen Reichsverfassung, Dresden, 1895. Лабандъ, по вліяніямъ критики, пытался улучшить свою теорію, и потому имѣется нѣкоторая разница между первымъ и послѣдующими изданіями его Staatsrecht.

2) Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, 3 изд. Tübingen, 1902. Alle Staatenverbände, so verschiedenartig ihre Organisation

Теорія Лабанда оказала громадное вліяніе на нѣмецкую федералистическую литературу [1]). Ее принялъ и Еллинекъ [2]), отвергнувшій лишь идею Лабанда, что союзное государство есть корпорація государствъ, такъ какъ эта идея

---

und ihr Zweck auch sein mögen, lassen sich auf zwei Begriffskategorien zurückführen: sie sind entweder vertragsmässige (völkerrechtliche) oder korporative (staatsrechtliche). Der Gegensatz ist genau derselbe, wie auf dem Gebiete des Privatrechts der Gegensatz zwischen der Gesellschaft und der juristischen Person; die erstere ist ein Rechtsverhältnis, die letztere ein Rechtssubjekt; so ist auch der Staatenbund in allen seinen Erscheinungsformen ein Rechtsverhältnis unter Staaten, ein Gebilde des Völkerrechts, nicht des Staatsrechts; dagegen jeder Staat, auch der zusammengesetzte, schliesst, soweit die staatliche Organisation reicht, die Anwendung völkerrechtlicher Grundsätze aus. Die rechtliche Grundlage des Staatenverbandes wie der Sozietät ist der Vertrag, die rechtliche Grundlage des Staates wie der Korporation des Privatrechts ist die Verfassung, das Statut (стр. 12—13). Der wesentliche, für den Begriff charakteristische Unterschied zwischen dem völkerrechtlichen Staatenbund und dem verfassungsmässig organisierten, korporativen Staatenstaat ist daher darin zu sehen, dass bei ersterem die Einzelstaatsgewalt, bei letzterem die Zentralgewalt souverain ist (стр. 13). Nicht jeder zusammengesetzte Staat oder Staatenstaat ist Bundesstaat. Von einem Bunde spricht man, im Gegensatz zum Hegemonie- oder Vasallenstaat nur in dem Falle, dass die souveräne Staatsgewalt der Gesammtheit der Mitgliedsstaaten zusteht. Es gibt kein Beispiel eines zusammengesetzten Staatswesens, welches man als Bund oder Bundesstaat je bezeichnet hätte, in welchem nicht den Einzelstaaten ein Anteil an dem Zustandekommen und der Betätigung des Gesammtstaatswillens zugestanden hätte. Für das genus, den zusammengesetzten Staat, ist eine bestimmte Organisation kein begriffliches Erfordernis; dagegen die species, der Bundesstaat, wird gerade durch eine gewisse Form der Organisation, nämlich durch die Teilnahme der Einzelstaaten an der Herstellung des Gesammtwillens, begrifflich bestimmt (стр. 14).

1) Ср., напр., Georg Liebe, Sind die zu einem Bundesstaate vereinigten Staten souverän, Leipzig, 1880 (Въ федеральномъ государствѣ суверенныя права никогда не могутъ принадлежать федерированному штату, а всегда должны принадлежать коллективному государству); H. Rosin, Souveränität, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung (въ Annalen Hirth'a, 1883, стр. 265 и сл.); Robinson, Das Wesen des Bundesstaates (Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaften, 1897, B. 53, стр. 609 и сл.).

2) G. Jellinek, Die rechtliche Natur der Staatenverträge, Wien, 1880; его же, Die Lehre von den Staatenverbindungen, Wien, 1882; его же, Allgemeine Staatslehre, 1 изд. 1900, 2 изд. 1905, его же Ueber Staatsfragmente, Heidelberg, 1896

по мнѣнію Еллинека, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Корпорація государствъ должна господствовать надъ его членами, и поскольку союзъ подчиненъ господству другого союза, онъ не можетъ быть опредѣляемъ, какъ государство.

Несмотря на то, что какъ Еллинекъ, такъ и Лабандъ утверждаютъ государственный характеръ штатовъ федеральнаго государства, ихъ пониманіе федеральнаго государства ведетъ къ чисто унитарнымъ выводамъ. Въ предѣлахъ своей компетенціи федеральное государство совершенно однородно съ единымъ государствомъ. Подобно этому послѣднему оно непосредственно господствуетъ надъ своей территоріей и своимъ населеніемъ, нисколько не нуждаясь въ посредствѣ штатовъ какъ таковыхъ. Отдѣльные штаты, имѣютъ свои собственные имъ принадлежащіе органы власти, „но такъ какъ не существуетъ такого самостоятельнаго права государственнаго органа, которое не было бы правомъ его государства, то положеніе органовъ отдѣльныхъ штатовъ въ федеральномъ государствѣ дѣлаетъ сами эти отдѣльные штаты органами союза [1]).

Изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ юристовъ, съ тѣми

рядъ мелкихъ статей по вопросамъ федерализма въ Ausgewählte Schriften und Reden, т. II, 1911. Формулировку его теоріи см. Das Recht des modernen Staates. Der Staatenbund ist die dauernde, auf Vereinbarung beruhende Verbindung unabhängiger Staaten zum Zweck des Schutzes des Bundesgebietes nach aussen und innerer Friedensbewahrung zwischen den verbündeten Staaten, wozu auch die Verfolgung anderer Zwecke verabredet werden kann. Diese Verbindung bedarf einer dauernden Organisation zur Realisierung der Bundeszwecke (стр. 696—7). Der Bundesstaat ist ein aus einer Mehrheit von Staaten gebildeter souveräner Staat, dessen Staatsgewalt aus seinen zu staatlicher Einheit verbundenen Gliedstaaten hervorgeht. Er ist eine staatsrechtliche Staatenverbindung, die eine Herrschaft über die verbundenen Staaten aufrichtet, deren Teilnehmer jedoch stets die Staaten selbst sind, so dass sie zugleich in ihrer Gesammtheit herrschen oder doch mitherrschen, als einzelne hingegen auf bestimmten Gebieten untertan sind (стр. 703—704).

1) О теоріи Еллинека подробнѣе см. выше, стр. 290—2.

или другими уклоненіями принимающихъ федеративныя теоріи Лабанда и Еллинека, укажемъ еще на Гачека [1]), признающаго существованіе несуверенныхъ государствъ и специфическій государственный признакъ штатовъ федеральнаго государства ищущаго въ собственномъ правѣ властвованія [2]).

Еще болѣе унитарный характеръ носила теорія Георга Мейера, полагавшаго, что не только въ федеральныхъ государствахъ, но и въ конфедераціяхъ государствъ имѣется всего одинъ суверенитетъ: суверенитетъ союза, а не соединившихся частей, и это имѣетъ мѣсто и въ федеральныхъ государствахъ и въ конфедераціяхъ государствъ. Различаются конфедераціи отъ федеральныхъ государствъ только количественно; власть конфедерацій ограниченнѣе по объему, чѣмъ въ федеральныхъ государствахъ, и простирается на федерированныя части, тогда какъ въ федеральныхъ государствахъ власть простирается и на отдѣльныхъ гражданъ [3]).

---

1) Jul. Hatschek, Allgemeines Staatsrecht, III, Das Recht der modernen Staatenverbindung, Leipzig, 1909.

2) Къ этому Гачекъ прибавляетъ взятую имъ у Кунце (Kuntze, Der Gesammtakt) теорію коллективнаго акта, какъ параллельнаго акта нѣсколькихъ государствъ, создающихъ новое, федеральное государство (op. cit., стр. 26—27). Впрочемъ Гачекъ, признавая такой параллелизмъ относящимся къ области конвенціональныхъ нормъ, въ сущности отказывается дать юридическую теорію государственныхъ соединеній.

3) George Meyer, Grundzüge des Norddeutschen Bundesrechts, Leipzig, 1868, § 2; Staatsrechtliche Erörterungen über die deutsche Reichsverfassung, Leipzig, 1872, стр. 12 и сл.; Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, Leipzig, 1879, 5 изд., Leipzig, 1899, § 12—14, стр. 33—43, 6 изд. 1905. Подобно Мейеру, признавалъ существованіе союзной верховной власти какъ въ федеральномъ государствѣ, такъ и въ конфедераціяхъ государствъ и F. v. Martitz, Betrachtungen über die Verfassung des Norddeutschen Bundes, Leipzig, 1868. Разница между эти двумя видами соединеній, по его мнѣнію, въ способѣ воздѣйствія союзной власти. Въ конфедераціяхъ союзная власть, предоставляя отдѣльнымъ государствамъ полноту суверенитета, связываетъ своими рѣшеніями лишь поль-

Мейеръ различалъ государственно-правовой суверенитетъ, заключающійся въ исключительномъ правѣ властвованія надъ всѣми находящимися въ государствѣ лицами и корпораціями, и международно-правовой, заключающійся въ свободѣ отъ господства другихъ политическихъ образованій. Государственно-правовой суверенитетъ можетъ быть на лицо, когда международно-правовой отсутствуетъ. Поэтому конфедерація есть корпорація съ центральною властью, верховная по отношенію къ союзнымъ государствамъ, сохраняющимъ внутри свой суверенитетъ; центральная власть можетъ издавать приказы и для извѣстныхъ областей внутренней государственной жизни, но приказы эти должны быть обращены исключительно къ правительствамъ отдѣльныхъ государствъ, которыя и обязаны ихъ выполнять. Компетенція конфедеральной власти заключается исключительно въ законодательствѣ. Непосредственное управленіе принадлежитъ лишь федеральной власти въ федеральномъ государствѣ. Разница конфедераціи и федеральнаго государства только въ формѣ, въ какой осуществляетъ конфедеральная власть суверенитетъ, а не въ разной организаціи. Въ федеральномъ государствѣ законодательство непосредственно обязываетъ отдѣльныхъ гражданъ; въ конфедераціяхъ оно должно пройти черезъ органы отдѣльныхъ государствъ [1]).

Среди унитарныхъ теорій не рѣдко можно встрѣтить

зованіе имъ; въ федеральномъ же государствѣ она отбираетъ себѣ и часть верховныхъ правъ.

1) Мейеръ сначала высказывался за несовмѣстимость права на расширеніе компетенціи со стороны центральной власти съ понятіемъ федеральнаго государства, потомъ сталъ допускать его во вниманіе къ дѣйствующему праву Сѣверо-Американской, Швейцарской и Германской федерацій. При этомъ онъ отмѣчалъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцаріи учредительная власть не тождественна съ центральной федеральной властью, а стоитъ какъ надъ союзной властью, такъ и надъ властью отдѣльныхъ государствъ. Въ Швейцаріи учредительная власть состоитъ изъ кантоновъ и швейцарскихъ гражданъ, въ Соединенныхъ Штатахъ изъ конвента и отдѣльныхъ штатовъ.

и такія, которыя совершенно отрицаютъ какой бы то ни было государственный характеръ за отдѣльными союзными частями федераціи. Такъ Цорнъ, полагая, что суверенитетъ есть необходимый признакъ государства и что штаты федеральнаго государства суверенитетомъ не обладаютъ, отказывался видѣть въ этихъ штатахъ что-нибудь большее, чѣмъ провинціи, съ тѣмъ лишь отличіемъ отъ этихъ послѣднихъ, что штаты участвуютъ въ образованіи союзной суверенной власти[1]).

X.

Усиленіе унитарной тенденціи въ нѣмецкихъ федеративныхъ теоріяхъ совершается параллельно постепенной унификаціи самого политическаго строя Германской имперіи. Сравнительно быстрая эволюція имперіи отъ федеральнаго соединенія къ унитарному государству въ значительной

---

1) Ph. Zorn, Staatsrecht des deutschen Reiches, т. I 1880, стр. 46 и сл., особ. 59—60; Streitfragen des deutschen Staatsrechts (въ Zeitschrift für d. ges. Staatswis., XXXVII 1881, стр. 292 и сл., особ. 314 и сл.); Neue Beiträge zur Lehre vom Bundesstaat (въ Annalen d. deutschen Reichs, 1884, стр. 453—483). Здѣсь же должны быть упомянуты: L. Auerbach, Das neue Deutsche Reich und seine Verfassung, Berlin, 1871; A. Ruville, Das deutsche Reich, ein monarchischer Einheitsstaat, Berlin, 1894; и особенно J. Held, Die Verfassung des Deutschen Reichs vom staatsrechtlichen Standpunkt aus betrachtet, Leipzig, 1872. Гельдъ считалъ, что юридически нельзя построить никакого федеральнаго отношенія, кромѣ простого альянса. Основной признакъ государства — суверенитетъ. Въ федеральномъ государствѣ суверенитетъ принадлежитъ исключительно центральной власти, и поэтому это не государственное соединеніе, а государство. Отдѣльныя части его имѣютъ извѣстную самостоятельность, но онѣ, конечно, не государства, такъ какъ въ государствѣ не можетъ быть государства. Никакого раздѣленія суверенитета быть не можетъ. Суверенитетъ въ природѣ единъ и недѣлимъ. Федеральныя образованія лишь переходныя стадіи отъ разъединенія къ полному объединенію. Понятія федерализма и конфедерализма ошибочны. Германская имперія не законченное произведеніе; имперская власть не достаточно опредѣлила свое отношеніе къ отдѣльнымъ членамъ: она не владѣетъ вполнѣ суверенною властью; но это только временно. Въ будущемъ она образуетъ единое государство.

степени обусловливается существованіемъ въ этой имперіи одного союзнаго штата, Пруссіи, столь могущественнаго, что ему не могутъ противостоять всѣ остальные нѣмецкіе штаты, вмѣстѣ взятые. Мало-по-малу гегемонія Пруссіи ведетъ къ полному отожествленію съ нею всей Германской имперіи.

Сильное юридическое средство для унификаціи имперіи представляетъ 78 статья конституціи, дающая право произвести любую перемѣну въ конституціи рѣшеніемъ простого большинства рейхстага и квалифицированнаго большинства Союзнаго Совѣта (такъ чтобы количество несогласныхъ голосовъ не доходило до 14). Противъ 13 голосовъ въ Союзномъ Совѣтѣ (напр. Баваріи, Саксоніи и Гессена, или Вюртемберга, Бадена, Мекленбургъ-Шверина, Брауншвейга, Ольденбурга и Гамбурга) можно превратить имперію въ унитарное государство. Лишь субъективнымъ юридическимъ толкованіемъ нѣкоторыхъ юристовъ, какъ Рема, является мнѣніе, будто 78 статья не касается введенія въ конституцію, въ которомъ говорится о союзной формѣ имперіи; во всякомъ случаѣ всѣ статьи конституціи такъ могутъ быть измѣнены, что отъ федеративнаго строя не останется и слѣда (если, напр., Союзный Совѣтъ будетъ превращенъ въ чисто имперскій органъ).

Имперская конституція съ самаго начала была не полнымъ изображеніемъ дѣйствительнаго состоянія имперіи. Лабандъ указываетъ на множество основныхъ пропусковъ, которые представляетъ конституція 1871 г.: положеніе канцлера, какъ имперскаго министра, было обозначено лишь немногими словами, но не урегулировано; отношеніе имперскаго правительства къ прусскому министру обойдено молчаніемъ; ни слова о положеніи Эльзаса и Лотарингіи, какъ имперской страны; ни слова о вступленіи Гамбурга и Бремена въ таможенный и налоговой союзы; финансовыя имперскія права регулированы лишь въ общихъ чертахъ; ни слова о пріобрѣтеніи и потерѣ имперскаго подданства, и т. д.

Развитіе германской конституціи совершается въ направленіи унитаризма. Такъ компетенція имперіи значительно расширилась съ эпохи изданія имперской конституціи. Изъ большинства предоставленныхъ компетенціи федеральной власти предметовъ она сдѣлала дѣйствительное примѣненіе и ввела общее право въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ законодательства, въ томъ числѣ и общее гражданское право. Въ области исполнительной власти въ цѣломъ рядѣ случаевъ, гдѣ по конституціи федеральной власти предоставлены были лишь законодательная власть и власть контроля, создана была непосредственная имперская исполнительная власть, напр., въ области юстиціи и во внутреннемъ управленіи.

При этомъ вслѣдствіе стеченія своеобразныхъ политическихъ причинъ въ направленіи унитаризма особенно значительное вліяніе оказалъ именно федеральный органъ, Союзный Совѣтъ. Это объясняется и преимущественнымъ вліяніемъ Пруссіи и императора въ этомъ совѣтѣ и тѣмъ, что многія мелкія нѣмецкія правительства склонны къ усиленію имперской компетенціи, находя въ этомъ усиленіе и увеличеніе собственнаго могущества черезъ посредство Союзнаго Совѣта. Обратно къ федерализму нѣкоторую склонность оказывалъ рейхстагъ, не желавшій надѣлять новыми исполнительными полномочіями императора и предпочитавшій ему Союзный Совѣтъ. Но въ общемъ, среди всѣхъ федеральныхъ государствъ Германская имперія въ настоящее время наиболѣе приблизилась къ унитарному государству [1]).

1) О тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглась конституція Германской имперіи, см. рядъ интересныхъ работъ: P. Laband, Die Wandlungen der deutschen Reichsverfassung, Vortrag, Dresden, 1895, и его же, Die geschichtliche Entwicklung der Reichsverfassung seit der Reichsgründung (Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart, 1907, т. I, стр. 1—46); H. Rehm, Unitarismus und Föderalismus in der Deutschen

Какъ послѣдствіе внутренней концентраціи проявляется обычно экспансивное стремленіе къ расширенію, къ созданію политическаго порядка на болѣе широкихъ основахъ. Такова природа пангерманизма, стремящагося превратить центральную Европу въ обширное нѣмецкое государство, которое простиралось бы отъ Гамбурга до Тріеста и объединяло бы народы нѣмецкой расы, съ присоединеніемъ къ современной Германіи большей части Австріи, Голландіи, фламандской Бельгіи, Люксембурга и нѣмецкой Швейцаріи [1]).

Г. Скандинавскій федерализмъ.

I. Шведско-норвежская унія. — II. Датско-исландское соединеніе.

I.

Въ теченіе девяноста лѣтъ Швеція и Норвегія были связаны другъ съ другомъ своеобразной уніей, которая должна быть отнесена къ категоріи соединеній конфедеративныхъ. Соединеніе это возникло чисто договорнымъ путемъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По Кильскому договору отъ 14 января 1814 г. Норвегія, принадлежавшая до того времени Даніи, была уступлена шведскому королю. Но Норвегія не признала этого договора, норвежскій намѣстникъ Христіанъ Фридрихъ былъ провозглашенъ правителемъ Норвегіи, и на созванномъ имъ учредительномъ собраніи въ Эйдсвольдѣ, выработавшемъ для Норвегіи конституцію, былъ избранъ королемъ. Наступившій острый

Reichsverfassung, Vortrag, Dresden, 1898; H. Triepel, Unitarismus u d Föderalismus im Deutschen Reiche. Eine staatsrechtliche und politische Studie, Tübingen 1907; C. Bornhak, Wandlungen der Reichsverfassung (Archiv für öffentliches Recht, 1910, стр. 373—400).

1) О пангерманизмѣ см. хорошія работы: A. Chéradame, L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siècle, P. 1901; Maurice Lair, L'imperialisme allemand, P. 1902; G. Weil, Le pangermanisme en Autriche, ses causes, ses origines, son histoire, ses éléments et son avenir, P. 1904.

конфликтъ Норвегіи со Швеціей кончился однако не войною, а мирнымъ компромиссомъ. Въ Моссѣ 14 августа 1814 г. было заключено перемиріе между обѣими сторонами; по этому перемирію долженъ былъ собраться чрезвычайный стортингъ, для выработки основнаго договора объ уніи, а шведскій король обязался признать шведскую конституцію, принятую собраніемъ въ Эйдсвольдѣ 17 мая 1814 г. Послѣ отреченія отъ норвежскаго престола Христіана Фридриха, шведскій король объявилъ себя норвежскимъ королемъ, а Норвегію вѣчно соединенной съ Швеціей. Актъ этого соединенія былъ выработанъ законодательными собраніями обѣихъ странъ лишь въ слѣдующемъ году и принятъ 6 августа 1815 г. подъ именемъ Rigs-Act'a.

Статья первая этого акта провозглашала, что „норвежское королевство будетъ королевствомъ свободнымъ, независимымъ, недѣлимымъ и неотчуждаемымъ, соединеннымъ со Швеціей подъ властью единаго короля". Статьею второй утверждался общій для обѣихъ странъ агнатическій законъ престолонаслѣдія. Ст. 3 подробно устанавливала, какимъ образомъ должны происходить выборы общаго короля, за отсутствіемъ законнаго наслѣдника, а ст. 7 общее регенство въ періодъ несовершеннолѣтія короля. По ст. 4 король имѣлъ право созывать войска, объявлять войну, заключать миръ, заключать и расторгать союзные договоры, посылать и принимать дипломатическихъ агентовъ. Въ случаѣ объявленія войны, король долженъ былъ предварительно запрашивать мнѣніе норвежскаго правительства и государственнаго совѣта, съ участіемъ министровъ Норвегіи. Но это мнѣніе не связывало короля, „король имѣетъ право принять и привести въ исполненіе рѣшеніе, которое онъ найдетъ наиболѣе полезнымъ для блага государства".

Общія для обѣихъ странъ дѣла должны были по этому акту разрѣшаться слѣдующимъ образомъ. Норвежскій государственный министръ и два норвежскихъ государственныхъ

совѣтника, которые будутъ находиться при королѣ, присутствуютъ съ правомъ голоса въ шведскомъ государственномъ совѣтѣ, когда будутъ обсуждаться дѣла, касающіяся обоихъ королевствъ. Въ этихъ дѣлахъ должно быть спрашиваемо мнѣніе правительства, имѣющаго пребываніе въ Норвегіи. Каждый разъ, когда въ государственномъ совѣтѣ Норвегіи, въ присутствіи короля, будутъ обсуждаться дѣла, касающіяся обоихъ королевствъ, въ немъ будутъ присутствовать съ правомъ голоса три члена шведскаго государственнаго совѣта (ст. 5).

Но эти особыя совѣщанія были случайными общими органами уніи, постояннымъ же органомъ ея, кромѣ короля, было одно министерство иностранныхъ дѣлъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ былъ шведскимъ должностнымъ лицомъ, но онъ управлялъ и внѣшними дѣлами Норвегіи. Но именно наличность этого постояннаго общаго органа уніи вызвала конфликтъ: требованіе Норвегіи своего особаго управленія и внѣшними дѣлами привело къ разрыву уніи (26 октября 1905 г.).

Это соединеніе Швеціи и Норвегіи (1815—1905 г.) имѣетъ не малый теоретическій интересъ, такъ какъ нигдѣ такъ отчетливо не выражено переходное, промежуточное состояніе между реальной и личной уніями. Обычно это соединеніе, вмѣстѣ съ соединеніемъ Австріи и Венгріи, считается наиболѣе яркимъ выраженіемъ реальной уніи. Но едва ли возможно Австро-Венгрію и Швецію-Норвегію зачислять въ одну группу, такъ какъ скандинавская унія кореннымъ образомъ отличалась отъ придунайской тѣмъ, что являлась вполнѣ договорнымъ соединеніемъ, тогда какъ австро-венгерское было послѣдствіемъ односторонняго акта австрійскаго императора.

Шведско-норвежское соединеніе было скорѣе личной, чѣмъ реальной уніей или во всякомъ случаѣ своеобразнымъ переходнымъ образованіемъ между этими двумя федератив-

ными формами. Подъ личной уніей мы понимаемъ всякое соединеніе двухъ государствъ вслѣдствіе общности единаго монарха, когда этотъ монархъ въ одномъ или въ обоихъ государствахъ не является вполнѣ суверенным органомъ, а входитъ въ каждомъ государствѣ въ особую систему суверенныхъ органовъ. Соединеніе Швеціи и Норвегіи единственно и сводилось къ такой общности монарха; конституція въ каждомъ государствѣ была особая; законодательство, управленіе, всѣ дѣла разрѣшались не совмѣстно, а параллельно въ каждомъ государствѣ. Оба государства были вполнѣ суверенными, и внѣ нихъ не было никакого, общаго суверенаго органа. Это соединеніе было болѣе слабаго характера, чѣмъ даже чистая конфедерація государствъ, гдѣ все же имѣется общій союзный органъ.

Единственно, что отклоняло шведско-норвежское соединеніе отъ классическаго типа личной уніи, это то, что актомъ объ уніи 1815 г. монарху ввѣрялось исключительное завѣдываніе общей внѣшней политикой, каковую онъ и осуществлялъ, какъ единый общій органъ, имѣя и единаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Протестуя противъ этого единства общаго союзнаго органа внѣшней политики, Норвегія въ сущности стремилась превратить свое соединеніе съ Швеціей въ чистую личную унію; между тѣмъ какъ Швеція, противясь этому, отстаивала идею реальной уніи. Споръ, какъ извѣстно, кончился полнымъ разрывомъ.

Примѣръ Швеціи-Норвегіи ясно показываетъ, что дѣйствительное соединеніе, настоящая, реальная, органическая унія возможна только при наличности общихъ союзныхъ верховныхъ органовъ. Параллельное же законодательство — трудно осуществимое и мало дѣйствительное средство для того, чтобы создать дѣйствительный союзъ государствъ [1]).

1) Не останавливаясь подробно на шведско-норвежской уніи, приведемъ здѣсь для свѣдѣнія списокъ обширной литературы, посвященной

Независимо отъ изученія юридической природы шведско-норвежской уніи, скандинавскіе юристы не мало внима-

---

вопросамъ этой уніи на разныхъ языкахъ, главнымъ образомъ на шведскомъ и норвежскомъ. По-шведски: Rydin, Föreningen mellan Sverige och Norge, Upsala, 1863; Naumann, Sveriges Staatsförfattningsrätt, 2 изд., 4 т. Stockholm, 1879—1884; Rydin, Unionen och konungens sanktionsrätt inorska grundlagsfragor, Upsala, 1883; Hójer, Statsförbundet mellan Sverige och Norge, Ett svenskt program, Visby, 1885; Alin, Den svensk-norska unionen. Uppsatser och aktstycken. I. Unionsfördragets tillkomst, Stockholm, 1889 (Основная книга по шведскому федерализму); Hbg., Hvad har Sverige vunnit genom unionen med Norge, Göteborg, 1892; Hedin, De ministeriella malen och unionen, Stockholm, 1892; Hjaerne, Unionsfragan och Sveriges försvar, Upsala 1892; его же, Fragor till en norsk unionsvän (Svensk Tidskrift, 1892, № 7—8); Orvar Svenske, Unionsfragan fran svensk synpunkt (Svensk Tidskrift, 1892, № 1—2); Schybergson, Den svensk-norska Konflikten (Finsk Tidskrift, 1892, № 6); Varenius, Nyare unionell litteratur och olika unionella rättsaskadningar, (Svensk Tidskrift, 1892, 1893, отдѣльно, Upsala, 1893); его же, Unionsförfattningen ur svensk och ur norsk synpunkt. Kritisk framställing, Upsala, 1893; его же, Den svensk-norska unionen och dess rättsliga grund, 1893; его же, Konsulatsfragan, Upsala, 1893; его же, Den gemensamme utrikesministern och likställigheten, Upsala, Kjellén, Unionen, Stockholm, 1893. Reuterskiöld, Till belysnig af den svensk-norska Unionsförfattningen, 1893; его же въ Archiv für öffentl. Recht, т. XIV; H. Blomberg, Svensk Statsrätt, I, 1906. По-норвежски: F. Stang, Kongeriget Norges constitutionelle eller grundlovbestemte Ret, Christiania, 1833; Munch-Raeder, Den norske Staatsforfatnings Historie og Väsen Kjöbenhavn, 1841; Dunker, Om den norske Constitution, Christiania, 1845; Gaarder, Fortolkning over Grundloven, Christiania, 1845; Dunker, Om Revision af Foreningsakten mellem Sverige og Norge, Kjöbenhavn, 1866; Aschehong, Om Unionskomitees Udkast til en ny Foreiningsakt, Christiania, 1880; его же, Norges nuvärende Staatsforfatning, I, Christiania, 1891 (основная работа по норвежскому федерализму), Berner, Norske ller fälles Udenrigsminister? Christiania, 1891; S. Ipsen, Unionen, Christiania, 1891; Utheim, Vort Udenrigsstyre, 1814—1891, Horten, 1891; его же, Grundloven om Norges Udenrigsstyre, 1894; Morgenstierne, Höjres og Venstres Unionspolitik Christiania, 1891; его же, Sammensat og supplcret Staatsraad, Christiania, 1894; его же, Unionsspörgsmaalet fra norsk synpunkt (Svensk Tidskrift, 1892, № 5—6); Sars,

нія посвящаютъ и общему теоретическому изученію государственныхъ соединеній вообще. Изъ нихъ особеннаго упо-

Unionsspörgsmaalet (Nyt Tidskrift, 1892, № 11); Nielsen, Fra Kiel til Moss, Christiania, 1894; Aubert, Kieler-Traktatens Opgivelse som Unionen retslige Grundlag, Christinia, 1894; его же, Norges folkeretslige stilling, Christiania, 1897. По-нѣмецки: H. Martens, Der norwegische Verfassungskonflikt (Schmollers Jahrbuch, 1883, стр. 267 и сл.;) Aschehong, Das Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden und Norwegen, 1886 (Marquardsen, IV, 2, 1, 3); Getz, B., Die schwedisch-norwegische Union (Die Zukunft, 1894, Bd. 8, стр. 294—301, 359—367); Nils Edén, Die schwedisch-norwegische Union und der Kieler Friede, Leipzig, 1895; Bernatzik, E., Der Verfassungsstreit zwischen Schweden und Norwegen (Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 1899, Bd. 26, стр. 273—314); Seidler G., Der Konflikt zwischen Norwegen und Schweden über die Verwaltung der auswärtigen Angelegenheiten (Zeitschrift f. Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung, 1899, Bd. 8, стр. 449—466). Otto Varenius, Die schwedisch-norwegische Union (Grünhuts Zeitschrift für das privat- und öffent. Recht, B. XXVII, Wien 1900), стр. 257—390); K. Nordlund, Die schwedisch-norwegische Krise in ihrer Entwicklung, aktenmässig dargestellt, Halle, 1905; N. Edén, Schwedens Friedensprogramm und die skandinavische Krise, Halle, 1905; Drolsum, Das Königreich Norwegen als souveräner Staat, 1905; Fritjof Nansen, Norwegen und die Union mit Schweden, Leipzig, 1905; Blütgen, Die Realunion, Ihr Begriff und die Möglichkeit ihrer Auflösung (Zeitschrift für Volksrecht und Bundesstaatsrecht, 1907, т. I, стр. 237—263); B. Morgenstierne, Das Staatsrecht des Königreiches Norwegen, Tübingen, 1911 (Das öffentl. Recht des Gegenwart, Band XIII); A. Aall, N. Gjalsvik, Die norwegisch-schwedische Union, ihr Bestreben und ihre Lösung, Breslau, 1912. По-французски: Ask J., Le conflit norvégien (Revue du droit public 1894, стр. 217—261); Varenius, L'union entre la Suède et la Norvège, Stockh., 1894; Aubert, La Norvège devant le droit international (Revue de dr. inter., t. 27 (1895), 28 (1896); Pillons R., L'union Scandinave, critique, historique et politique suivie de texte de l'acte de l'union, Paris, 1899; о расторженіи шведско-норвежской уніи см. Laprodelle, Chronique du droit des gens (1905) (Revue du droit public, 1906, XXIII, p. 321—328. По-англійски: Bunsen Th. v., Home rule in Norway (The Nineteenth Century, 1888, т. 23, стр. 54—70). По-русски: Лео Мехелинъ, Государственное устройство Швеціи и Норвегіи (Политическій строй современныхъ государствъ, СПБ., II, 1906, стр. 220—257); конституціи Швеціи и Норвегіи и актъ уніи приведены въ Собраніи конституцій, изд. Саблина, М., 1905.

минанія заслуживаютъ шведъ Вареніусъ и норвежецъ Моргенстіерне [1]).

II.

Своеобразную форму федеративнаго соединенія представляетъ собою отношеніе Даніи къ Исландіи.

Исландія, населенная потомками норвежскихъ викинговъ, до 1814 г. была политически связана съ Норвегіей, въ свою очередь до 1814 г. соединенной съ Даніей. Когда въ 1814 г. была разорвана связь Норвегіи съ Даніей, Исландія была отдѣлена отъ своей метрополіи и осталась въ зависимости отъ датской короны.

Стремленіе Исландіи къ автономіи [2]) нашло нѣкоторое удовлетвореніе въ датскомъ законѣ 1874 г., по которому Исландія получила для своихъ мѣстныхъ дѣлъ свой особый парламентъ, альтингъ. Но законъ 1874 г. далъ Исландіи только автономію въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. самостоятельное законодательство, но не самоуправленіе, такъ какъ исполнительная власть по прежнему принадлежала Даніи; высшей политической властью въ Исландіи былъ губернаторъ, назначаемый королемъ, и датскій министръ по исландскимъ дѣламъ, жившій въ Копенгагенѣ.

Такая автономія не удовлетворила исландцевъ, и съ ихъ стороны продолжались требованія самостоятельной политической власти и независимаго финансоваго управленія [3]).

---

1) B. Morgenstierne, Den unionelle ret, Christiania, 1897; его же, статья о федерализмѣ въ Tidskrift for Retsvidenskab, Christiania, 1896, стр. 1—54 подъ заглавіемъ Stater og Staatsforbindelser; его же, Larebog i den norska Statsferfatnigsret, Christiania, 1900.

2) См. напр., Jon Sigurdsson, On Islands statsretlige Forhold, Копенгагенъ, 1855; написано въ отвѣтъ на брошюру Larsen, On Islands hidtilvaerende statsretlige Stilling, въ которомъ тотъ доказывалъ, что Исландія лишь провинція Даніи. Сигурдсонъ отстаивалъ то мнѣніе, что Исландія никогда не оставляла своихъ правъ на автономію.

3) Выраженіемъ такого противо-датскаго движенія является Konrad Maurer, Zur politischen Geschichte Islands, Leipzig 1880.

Въ 1893 г. исландскія требованія были удовлетворены отчасти, и Исландіи дана была и самостоятельная исполнительная власть. Альтингъ получилъ право обжалованія королю дѣйствій губернатора, но за королемъ оставлено послѣднее рѣшающее слово. Островъ не участвуетъ въ общедатскихъ расходахъ.

Значительная автономія, данная этимъ закономъ, не удовлетворила впрочемъ вполнѣ исландцевъ, и ими настойчиво требуется государственно-правовое соединеніе съ Даніей. Въ 1907 г. датскимъ королемъ была назначена особая комиссія изъ датскихъ и исландскихъ членовъ для выработки новаго закона относительно „конституціоннаго положенія Исландіи въ общей датской державѣ". Проектъ, который выработала эта комиссія, предлагалъ соединеніе Исландіи съ Даніей узами реальной уніи. Статья первая проекта гласила: „Исландія есть свободная и самостоятельная страна, связанная съ Даніей общимъ королемъ и общими учрежденіями, которыя по взаимному соглашенію опредѣляются въ настоящемъ законѣ, и образуетъ впредь съ Даніей государственно-правовое соединеніе, союзную датскую державу". Проектъ этотъ однако силы закона не получилъ [1]).

IV. Славянскій федерализмъ.

А. Западно-славянскій федерализмъ. — Б. Балканскій федерализмъ. — В. Русскій федерализмъ.

Первоначально славянскіе народы, подобно германскимъ, жили въ разсѣянномъ состояніи, каждое племя само по себѣ. И до сихъ поръ, они еще далеко не достигли по-

1) Отчетъ этой комиссіи см.: Betaenkning afgiven af den danskislandske Kommission af 1907, Kjöbenhavn, 1908. Объ этомъ проектѣ см. статью проф. университета въ Христіаніи. Morgenstierne, Die dänisch-isländische Staatverbindung nach den Kommissionsentwurf von 1908 (Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart, 1909 III, 520). О датско-исландскомъ соединеніи см. Goos-Haasen, Das Staatsrecht des Königreiches Däne-

литическаго объединенія. Но въ XIX вѣкѣ пробуждается и все большую силу пріобрѣтаетъ среди нихъ идея общеславянскаго единства. Тамъ, гдѣ объединеніе еще не достигнуто, въ отношеніяхъ между отдѣльными славянскими народами, живущими самостоятельно и изолированно, стремленіе къ объединенію выражается въ усиленіи федеративнаго движенія.

Весь славянскій міръ распадается на три особыя части. Западные славяне, составляющіе большинство населенія Австро-Венгерской имперіи, не имѣютъ самостоятельнаго государственнаго существованія, и у нихъ федерализмъ проявляется въ движеніи къ разрушенію современнаго дуалистическаго строя этой имперіи и къ созданію на мѣсто ея федераціи отдѣльныхъ національныхъ областей. Южные славяне, усиліями Россіи освобожденные отъ зависимости Турціи и надѣленные государственнымъ суверенитетомъ, стремятся, поскольку у нихъ сказывается федеративное движеніе, освободиться отъ своего изолированнаго и провинціальнаго существованія и объединиться въ одну Балканскую федерацію, быть можетъ, съ балканскими народами и не славянскаго происхожденія. Восточные славяне достигли уже своего объединеніи въ Россійской имперіи, обезпечившей имъ мощь, международное вліяніе и возможность самобытно развиваться, вырабатывая свои культурныя формы и свою цивилизацію. Если въ Россіи и проявляется иногда, правда, очень слабое, федеративное движеніе, то оно не носитъ отвѣчающаго истинному федерализму характера политической интеграціи, а есть лишь ошибочное выраженіе стремленія къ политической дифференціаціи.

Впрочемъ ни въ одной изъ указанныхъ частей славян-

---

mark (въ Handbuch des öffentlichen Rechts, стр. 154 и сл.); Lundborg, Islands staatsrechtliche Stellung von der Freistaatszeit bis in unsere Tage, Berlin, 1908 (доказываетъ, что Исландія находится въ личной уніи съ Даніей).

скаго міра федеративное движеніе не является исключительно славянскимъ: въ Австріи славянамъ противостоятъ почти количественно равныя силы нѣмцевъ и венгровъ; на Балканахъ на ряду со славянскими государствами существуютъ Румынія, Греція, Албанія, Турція; русскій народъ образовался изъ сліянія трехъ главныхъ этнографическихъ элементовъ, славянскаго, финскаго и монгольскаго, и потому панславизмъ можетъ выражать только одну изъ его стихій.

А. Западно-славянскій федерализмъ.

I. Австро-венгерская унія. — II. Австрійская и венгерская литература по федерализму. — III. Чешскій федерализмъ. — IV. Хорватскій федерализмъ. — V. Австро-славянскій федерализмъ.

I.

Западные славяне входили и входятъ въ политическую сферу двухъ политическихъ образованій, Австро-Венгріи и настоящей и бывшей Турецкой имперіи. Такъ какъ судьбы тѣхъ и другихъ нѣсколько разнятся, то естественно различать федерализмъ австро-венгерскій и федерализмъ балканскій, носящіе каждый особый характеръ. Австро-венгерскій федерализмъ направленъ главнымъ образомъ на раздробленіе нынѣшнихъ унитарныхъ государствъ Австріи и Венгріи и на превращеніе ихъ въ союзъ многихъ самостоятельныхъ федерированныхъ цѣлыхъ; австро-венгерскій федерализмъ центробѣженъ и своей конечной цѣлью имѣетъ самостоятельное государственное существованіе славянскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ частей нынѣшней Австро-Венгріи. Федерализмъ же балканскій направленъ на объединеніе нынѣшнихъ самостоятельныхъ, но мелкихъ государственныхъ образованій Балканскаго полуострова и выражаетъ собою центростремительныя политическія силы.

Составъ Австро-Венгерской имперіи настолько запутанъ и сложенъ, что политическая организація его съ точки зрѣнія федерализма возбуждаетъ множество различныхъ во-

просовъ. Прежде всего вопросъ объ юридико-политическомъ отношеніи двухъ половинъ имперіи, Австріи и Венгріи, или вопросы дуализма; въ политической организаціи собственной Австріи вопросъ объ отношеніи между Австріей и Чехіей или такъ называемой тріализмъ; вопросъ о соглашеніи между Венгріей и Хорватіей; наконецъ, вопросъ о политической организаціи на федеративныхъ началахъ вообще всей Австріи, національный составъ которой представляетъ не менѣе восьми самостоятельныхъ народностей. Разсмотрѣніе запутанныхъ національныхъ отношеній Австро-Венгерской имперіи показываетъ, что правильнымъ образомъ она, повидимому, не можетъ быть урегулирована въ своихъ предѣлахъ, а организація эта такъ или иначе должна затронуть и другія балканскія народности, живущія за предѣлами Австро-Венгріи.

Въ дѣйствительности, безспорное федеративное отношеніе существуетъ въ настоящее время лишь между Австріей и Венгріей.

Первоначально эти отношенія, съ 1526 г., когда Фердинандъ I получилъ корону Св. Стефана и Чешскій тронъ, ограничивались личной уніей Венгріи съ двумя другими частями владѣній Габсбурговъ. Въ теченіе XVII вѣка эти отношенія сдѣлались болѣе тѣсными, принимая уже конфедеративный характеръ. По Прагматической санкціи 1722 г. наслѣдованіе престола Габсбургскаго дома объявлено было всеобщимъ и недѣлимымъ для всѣхъ королевствъ и земель, находящихся въ его владѣніи [1]). Марія Терезія, перешедшая къ абсолютизму и централизму въ отношеніи

1) August Fournier, Vorgeschichte der Pragmatischen Sanktion, Wien 1895; Gustav Turba, Geschichte des Thronfolgerrechtes in allen habsburgischen Ländern bis zur Pragmatischen Sanktion, Wien 1903; его же, Die Pragmatische Sanktion mit besonderer Rücksicht auf die Länder der Stefanskrone, Wien 1906; его же Die Grundlagen der Pragmatischen Sanktion, I, Ungarn, Wien 1911.

къ Чехіи, не коснулась Венгріи и сохранила дуализмъ правленія. Венгрія имѣла свою особую конституцію, которую императоръ обязывался при вступленіи на престолъ соблюдать.

Попытка Іосифа II перейти къ централизаціи въ отношеніи къ Венгріи кончилась неудачей. Венгрія сохранила свой особый сеймъ, управлявшій королевствомъ въ согласіи съ королемъ, и 55 мѣстныхъ пользовавшихся самоуправленіемъ комитатовъ. Съ 1812 г. вѣнское правительство перестало созывать сеймъ, но это вызвало пассивное сопротивленіе мѣстныхъ комитатовъ, и правительство принуждено было снова созвать сеймъ въ Пресбургѣ въ 1825 году. Въ Венгріи между тѣмъ все болѣе усиливалось національное движеніе къ полной политической самостоятельности. Въ 1832 г. пресбургскій венгерскій сеймъ потребовалъ перенесенія сейма въ венгерскую столицу, въ Пештъ и признанія офиціальнымъ языкомъ, вмѣсто латинскаго, мадьярскаго.

Во время революціи 1848 г. Венгрія стремилась къ полному отдѣленію и образованію самостоятельнаго національнаго государства. Венгерскій сеймъ издалъ законъ о самостоятельномъ министерствѣ. Созвано было венгерское учредительноес обраніе, и венге рское правительство дѣйствовало такъ, словно Венгрія была независимой державой. Образована была особая венгерская армія, сдѣланъ самостоятельный заемъ, назначены венгерскіе дипломатическіе агенты. Венгрія стремилась къ личной уніи съ Австріей. Дѣло кончилось возстаніемъ Венгріи, объявленіемъ низложенія Габсбурговъ и войною Австріи противъ Венгріи, кончившейся побѣдою Австріи, благодаря помощи южныхъ славянъ и особенно Россіи. Конституція 1848 года была отмѣнена и замѣнена конституціонной хартіей Франца Іосифа отъ 4 марта 1849 г., общей для всѣхъ частей имперіи, но оставшейся однако мертвою буквою. Во имя единства имперіи она была от-

мѣнена императорскимъ указомъ отъ 31 декабря 1851 г. и замѣнена абсолютическимъ и бюрократическимъ режимомъ для всей имперіи.

Однако финансовыя затрудненія и въ особенности пораженія въ войнѣ съ Италіей заставили вскорѣ вѣнское правительство искать выхода въ политической реформѣ, которая могла бы дать нѣкоторое удовлетвореніе народнымъ желаніямъ. Въ августѣ 1859 г. былъ созванъ усиленный государственный совѣтъ. Въ бюджетной комиссіи этого совѣта образовались двѣ партіи, централистовъ и федералистовъ; къ послѣднимъ принадлежали мадьяры, чехи, хорваты, поляки, словены; всѣ они требовали возстановленія „историческихъ правъ". Правительство сначала склонилось къ федеративной программѣ и обнародовало дипломъ 20 октября 1860 г., признававшій историческія права королевствъ и земель, поскольку они согласимы съ единствомъ государства, дававшій провинціальнымъ сеймамъ право представлять законопроекты, увеличивавшій компетенцію сеймовъ, а для компетенціи центральнаго парламента, избираемаго сеймами, оставлявшій лишь то, что необходимо для поддержанія единства монархіи.

Однако послѣдовавшій вскорѣ конституціонный патентъ 26 февраля 1861 г., изданный при министерствѣ Шмерлинга, далъ общимъ принципамъ, провозглашеннымъ дипломомъ 1860 г., толкованіе чисто централизаторское и перенесъ всю законодательную власть въ центральный парламентъ, въ рейхратъ, а сеймамъ оставилъ лишь самую ограниченную компетенцію. Въ отвѣтъ на это венгерскій сеймъ отказался отъ участія въ общемъ Пентральномъ парламентѣ и требовалъ возстановленія Прагматической санкціи и законовъ 1848 г. Неудачное столкновеніе съ Пруссіей и затруднительное положеніе государства привели къ тому, что правительство рѣшило пойти на встрѣчу требованіямъ Венгріи, и Бейстомъ и Деакомъ выработано было соглашеніе между Австріей и Венгріей, устанавли-

вавшее политическій дуализмъ имперіи и получившее утвержденіе въ 1867 г. Оно до сихъ поръ опредѣляетъ отношенія между обѣими частями имперіи.

Относительно юридической природы взаимныхъ отношеній Австріи и Венгріи, установленныхъ этимъ соглашеніемъ 1867 г., намъ представляется наиболѣе правильнымъ то мнѣніе, которое видитъ въ этомъ соединеніи не продуктъ договора между двумя государствами Австріей и Венгріей, а одностороннее отношеніе между Короной и Венгріей, нашедшее себѣ выраженіе въ законѣ объ общихъ дѣлахъ всѣхъ земель австрійской монархіи отъ 21 декабря 1867 г. и въ венгерскомъ законѣ XII 1867 г.[1]).

Эти законы организовали соединеніе Австріи и Венгріи въ нѣкотораго рода федеральное государство, извѣстное подъ именемъ реальной уніи. Въ свое время мы постарались подробно обосновать это наше мнѣніе (см. выше стр. 335—338). Законами этими установлены самостоятельность и независимость внутренняго управленія въ каждомъ государствѣ; но рядъ дѣлъ объявлены общими дѣлами для Австріи и Венгріи; сюда отнесены иностранныя дѣла, включая дипломатическое и торговое представительство заграницей, военныя дѣла, включая и военный флотъ, финансы, поскольку дѣло идетъ объ общихъ расходахъ. Для веденія этихъ общихъ дѣлъ создается особый союзный органъ, общее отвѣтственное министерство, которое не можетъ стоять въ то же время во главѣ управленія частными правительственными дѣлами каждой изъ двухъ половинъ имперіи. Высшее военное управленіе въ рукахъ одного императора.

Кромѣ того, для осуществленія законодательства по общимъ дѣламъ устанавливается особое смѣшанное, изъ равного числа представителей отъ рейхсрата и отъ венгерскаго парламента, законодательное собраніе делегацій. Предста-

---

1) Bernatzik, Die österreichischen Verfassungsgesetze, 1906.

вители каждаго парламента въ этихъ делегаціяхъ рѣшаютъ вопросы отдѣльно, но если обѣ половины делегацій не придутъ къ согласію другъ съ другомъ, тогда назначается общее засѣданіе, на которомъ безъ преній происходитъ голосованіе, и абсолютное большинство рѣшаетъ вопросы.

Дѣла же хотя и не общія, но которыя должны регулироваться общими для обѣихъ половинъ имперіи началами, т. е. таможенное законодательство, монетная система, желѣзныя дороги и т. д., разрѣшаются на основаніи предварительнаго соглашенія параллельнымъ законодательствомъ Австріи и Венгріи.

Именно существованіе высшаго обще-имперскаго органа, стоящаго надъ мѣстными органами каждаго отдѣльнаго государства и представляющаго вовнѣ унію, какъ единую политическую личность, и заставило насъ въ свое время высказаться за федерально-государственный характеръ Австро-венгерской уніи.

II.

Изъ двухъ половинъ Габсбургской имперіи за болѣе тѣсное объединеніе стоитъ австрійская, всячески оказывающая сопротивленіе слишкомъ сильнымъ сепаративнымъ стремленіямъ Венгріи. Естественно, что австрійская литература отражаетъ эту тенденцію и старается истолковать союзъ реальной уніи, соединяющій обѣ части имперіи, въ болѣе государственно-правовомъ смыслѣ. Еще въ эпоху образованія союза, на унитарной точкѣ зрѣнія стоялъ Лусткандль, доказывавшій, что центральныя власти должны воздѣйствовать не на отдѣльныя правительства, а на само населеніе соединенныхъ частей, на гражданъ [1]). На унитарной точкѣ

1) Lustkandl, Ungarisch-österreichischer Staatsrecht, 1863, и Abhandlungen aus dem österreichischen Staatsrechte, 1866 (это сочиненіе Лусткандля вызвало съ венгерской стороны возраженія Деака); его же, Föderation oder Realunion, Wien, 1870.

зрѣнія стояли также Бидерманъ и Данчеръ Коллесбергъ, понимавшіе реальную унію, какъ родъ федеральнаго государства [1]).

По мнѣнію Данчера, Австро-Венгрія представляетъ собою не международно-правовое соединеніе, а настоящее федеральное государство, съ тою особенностью, что оно есть единственный примѣръ чисто монархическаго федеральнаго государства. Воззрѣніе Данчера на природу федеральныхъ соединеній сводилось къ тому, что въ федеральномъ государствѣ нѣтъ раздѣленія власти (что вообще невозможно), а есть только то, что задачи, выполняемыя въ унитарномъ государствѣ одной коллективной личностью, въ федеральномъ государствѣ выполняются двумя коллективными личностями, — федеральнымъ государствомъ и федерированными штатами [2]).

На близкой къ этому точкѣ зрѣнія стоялъ и Юрашекъ, доказывавшій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о реальной уніи, что Австро-Венгрія представляетъ особое государственное соединеніе, реальную унію, правда, менѣе органическаго характера, чѣмъ федеральное государство [3]).

---

1) H. Biderman, Geschichte der österreichischen Gesammtstaatsidee 1526—1804, Innsbruck, 2 т. 1867—1889 (исторія австрійскаго унитаризма, доведенная до 1740 году), его же, Die rehtliche Natur der österreichisch-ungarishen Monarchie, 1876; его же, Die staatsrechtlichen Wirkungen der österreichischen Gesammtsidee (Grünhuts Zeitschrift, т. XXI), его же, Geschichte des österreichisch-ungarischen Ausgleichs, Grünhüts Zeitschrift, т. XXIII.

2) T. Dantscher v. Kollesberg, Der monarchische Bundesstaat Oesterreich-Ungarn und der Berliner Vertrag nebst der Bosnischen Vorlage, Wien, 1880 (основное юридическое изслѣдованіе, въ которомъ авторъ доказываетъ, что Австро-Венгрія есть не реальная унія, соединеніе отчасти международно-правового характера, а единое федеральное государство (стр. 312 и сл.). Данчеръ — федералистъ въ воззрѣніяхъ на отношенія между Австріей и Венгріей и унитаристъ въ воззрѣніяхъ на внутреннее политическое устройство того и другого государства, стр. 356); его-же, Der staatsrechtliche Charakter der Delegationen, Wien, 1904.

3) Juraschek, Personal- und Real-Union, Berlin, 1878.

Изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Тецнеръ критикуетъ саму теорію реальной уніи. По его мнѣнію, ни одна изъ частей Австро-Венгріи не самостоятельна; общая законодательная воля получается только коллективнымъ актомъ законодательныхъ органовъ въ обоихъ государствахъ [1]).

Наоборотъ, Ульбрихъ видитъ въ Австро-Венгерской имперіи реальную унію двухъ координированныхъ государствъ, развившуюся, вслѣдствіе самостоятельнаго положенія общаго министерства и делегаціи, въ конфедерацію государствъ. Сущность конфедераціи государствъ, по его мнѣнію, въ длительномъ соединеніи нѣсколькихъ государствъ для достиженія общихъ цѣлей, съ постоянными союзными органами. Конфедерація государствъ для него есть общественное отношеніе, въ которомъ для выраженія общей воли созданы постоянные органы, свобода дѣйствій членовъ союза ограничена для общихъ цѣлей, и союзъ въ цѣломъ отдѣляется, въ своихъ органахъ, цѣляхъ и дѣятельности, отъ своихъ членовъ и даже противостоитъ имъ. Ульбрихъ конструируетъ такое соединеніе, какъ субъекта права съ относительной юридической личностью [2]).

Своеобразную позицію въ этомъ вопросѣ занималъ Гумпловичъ, принципіально отрицавшій понятія конфедераціи государствъ и федеральнаго государства. По его мнѣнію, напрасный трудъ устанавливать виды государственныхъ соединеній и государствъ; они индивидуальнаго образованія и продуктъ спеціальнаго въ каждомъ случаѣ историческаго процесса. Вообще нельзя конструировать ни федеральнаго

---

1) Tezner, Der österreichische Kaisertitel, das ungarische Staatsrecht und die ungarische Publizistik, Wien, 1899 (стр. 21 и сл.); его же, Die Wandlungen der österreichisch-ungar. Reichsidee, ihr Inhalt und ihre politische Notwendigkeit, 1905.

2) Ulbrich, Die rechtliche Natur der österreichisch-ungarischen Monarchie, 1879; его-же, Lehrbuch des österreichischen Staatsrechts, Berlin, 1883, особ. § 315; его же, Oesterreichisches Staatsrecht, 3 изд. Tübingen, 1904, 4 изд. 1909.

государства, ни конфедераціи государствъ, какъ юридическія понятія, а только какъ чисто политическія индивидуальности [1]).

1) L. Gumplowicz, Das österreichische Staatsrecht, Wien, 1891; въ 3 изд. Das österreichische Staatsrecht, Verfassungs- und Verwaltungsrecht, Wien, 1907. Кромѣ того, здѣсь можно указать: J. A. Helfert, Revision des ungarischen Ausgleichs aus geschichtlich-staatsrechtlichen Gesichtspunkten, Wien, 1876; H. Friedjung, Der Ausgleich mit Ungarn, Leipzig, 1877; F. Lentner, Grundriss des Staatsrechts der österreichisch-ungarischen Monarchie, Wien, 1885; K. Hugelmann, Studien zum österreichischen Verfassungsrechte, Wien, 1886; Kaizl-Rezek, Vyrovnáni s Uhry r. 1867 a 1877; 1886; Burckhard, Leitfaden der Verfassungskunde der österreichisch-ungarischen Monarchie, Wien, 1893 (краткое, дѣловое, нѣсколько конспективное изложеніе основныхъ принциповъ общаго австро-венгерскаго конституціоннаго права, централистическаго направленія по отношенію къ чисто австрійскому и чисто венгерскому государственному устройству); Offermann, Das Verhältnis Ungarns zu Österreich, 1902; Pražak, Rakouské právo ústavni, 4 т. Прага, 1900 — 1903; Fiedler, Rakousko-uherská vyrovnáni po roku 1878, 1903; B. Rieger, Ustavni dějiny Rakouska, 1903; его же, O rakousko-uherskem vyrovnani r. 1867 s přehledem vyvoje do r. 1899, 1903; L. Eisenmann, Le compromis austro-hongrois de 1867. Etude sur le dualisme, Paris, 1904 (дѣльное, обширное и много дающее сочиненіе; касается и вопросовъ національныхъ); Springer, Die Krise des Dualismus und das Ende der Déakistischen Episode in der Geschichte der Habsburgischen Monarchie, Wien, 1904; его же, Grundlage und Entwickelungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie, Wien, 1906; G. Kolmer, Parlament und Verfassung in Oesterreich, 3 т., Wien, 1902—5 (точка зрѣнія нѣмецкаго либерала и централиста); Lapradelle, Chronique du droit des gens въ Revue du droit public, 1906, т. XXIII, стр. 328—338 (о кризисѣ австро-венгерской уніи); Geza Steuer, Le compromis entre la Hongrie et l'Autriche, Paris, 1907 и Ivan Źogler Der staatsrechtliche Ausgleich zwischen Oesterreich und Ungarn, Leipzig, 1911 (Текстъ, переводъ и подробный комментарій соглашенія 1867 г., съ подробными библіографическими указаніями, нѣмецкими и мадьярскими); F. Hauke, Grundriss des Verfassungsrechts, Leipzig, 1905; Paul Henry, L'union austro-hongroise, P. 1908; R. von Hernritt, Handbuch des österreichischen Verfassungsrecht, Tübingen, 1909; Bernatzik, Die österreichischen Verfassungsgesetze, 2 изд. 1911.

Что касается венгерской литературы по федерализму, то въ ней господствуетъ на природу австро-венгерскаго соединенія воззрѣніе, какъ на только международно-правовое отношеніе двухъ самостоятельныхъ государствъ, не связанныхъ въ высшее органическое государственно-правовое единство [1]).

Ясное выраженіе умѣренной венгерской точки зрѣнія далъ Андраши [2]), венгерскій централистъ, отстаивавшій идею дуалистическаго соглашенія съ Австріей и высказы-

---

1) Изъ ранней венгерской литературы можно указать: Eötvös, Die Garantien der Macht und Einheit Oesterreichs, 1859; его же, Die Sonderstellung Ungarns vom Standpunkte der Einheit Oesterreichs, 1860 (По мнѣнію Этвёша, которое онъ развиваетъ и въ другихъ своихъ болѣе извѣстныхъ сочиненіяхъ, Ueber die Gleichberechtigung der Nationalitäten von Oesterreich (1851) и Der Einfluss der herrschenden Ideen des XIX. Jahrhunderts auf den Staat (1854), принципъ національной равноправности не осуществимъ въ австрійской монархіи, но для прочности монархіи нужно извѣстное вниманіе удѣлить и національнымъ чувствамъ населяющихъ ее народностей. Этвешъ противъ федерализма въ Австріи. Австрія, думаетъ онъ, нуждается въ унитарной конституціи, такъ какъ иначе она распадется не только на отдѣльныя провинціи, но и на отдѣльные атомы. Федерализмъ, по его опредѣленію, есть соглашеніе независимыхъ государствъ, покоющееся на договорѣ; въ австрійской же конституціи право отдѣльныхъ частей государства вполнѣ опредѣляется всѣмъ государственнымъ цѣлымъ; Ueber die Gleichberechtigung, стр. 123—4); (Bernhard Meyer), Rückblick auf die jüngste Entwicklungsperiode Ungarns, 1857; Széchenyi, Ein Blick auf den anonymen Rückblick von einem Ungarn, 1859; Szécsen, Drei Jahre Verfassungsstreit, 1864; Viroszil, Das Staatsrecht des Königreichs Ungarn, Pest, 1865; Deák, Ein Beitrag zum ungarischen Staatsrecht, 1865, по венгерски: Adalék a magyar közjoghoz, Pest, 1865 (направлена противъ Лусткандля; считается венгерскими писателями основнымъ сочиненіемъ по вопросу о государственномъ положеніи Венгріи); Pusztay, Ungarn für sich und im Staatsverbande mit Oesterreich, Praha, 1865; F. Schuler Libloy, Das ungarische Staatsrecht, Wien, 1870; Béla Seszeszky помѣстилъ въ журналѣ Budapesti Szemle за 1890 г. статью о государственныхъ соединеніяхъ, въ которой касался и общихъ вопросовъ федерализма.

2) Andrassy, Ungarns Ausgleich mit Österreich vom Jahre 1867, Leipzig, 1897.

вавшійся противъ отдѣленія Венгріи отъ Австріи и ея полной самостоятельности, такъ какъ въ этомъ случаѣ Венгрія была бы очень слаба; онъ былъ и противъ всякаго федеральнаго союза со славянскими народами, боясь панславизма [1]).

III.

Соглашеніе 1867 года удовлетворило только венгровъ и нѣмцевъ, но остальныя народности имперіи, въ особенности чехи въ Австріи и хорваты въ Венгріи, не имѣли никакихъ основаній особенно быть довольными этимъ согла-

1) Изъ новѣйшихъ венгерскихъ работъ слѣдуетъ отмѣтить: Beksics, A dualismus, Budapest, 1892; Gejza Ferdinándy, Magyarorszagás Austria közjogi viszonya, Budapest, 1893 („Юридическое отношеніе между Венгріей и Австріей". Общіе вопросы федерацій государствъ трактуются въ III части, гл. 1-я); Polner, Magyarorszag közjogi viszonya Ausztriahoz, Budapest, 1892 („Публично-правовое отношеніе между Венгріей и Австріей". Общіе вопросы федерализма трактуются въ I части, гл. 2 и 3); его же, Magyarorszag á Austria kafcsolata, Budapest, 1912 („Отношеніе между Венгріей и Австріей)"; Nagy Ernö, Magyarorszag közjoga, 7 изд., Budapest, 1912 („Публичное право Венгріи". Объ отношеніяхъ Венгріи и Австріи стр. 450—500. По мнѣнію этого профессора Коломварскаго университета, союзъ Венгріи и Австріи есть личная унія, т. е. конфедерація двухъ суверенныхъ государствъ, сама по себѣ не носящая государственнаго характера. Хорватія же, по его мнѣнію, есть лишь часть Венгерскаго королевства съ особой автономіей); его-же, Personal vagy reálunió, Budapest, 1889 („Личная или реальная унія"); его же, Hz ausztriai csàszáti czim fölvétele, Budapest, 1897 („О принятіи титула императора Австріи"); Veörcös, Nemzeti Könyv (Національная книга объ обоснованности и расширеніи національныхъ венгерскихъ притязаній), 1903; Bors, Der Staatsrechtliche Ausgleich wie er ist und wie er sein sollte 1904; Kmetty, Magyar közjog Tankönyve, 5 изд., Budapest 1911 („Учебникъ публичнаго права Венгріи"; объ отношеніяхъ Венгріи и Австріи стр. 487—540); Wlassics Gyula, Az 1867: XII. t. cz. jogi termèszete, Budapest, 1912 („Природа закона, XII 1867 г."); A. Apponyi, A brief sketch of the ungarian constitution and of the relation between Austria and Hungaria, Budapest, 1908; его же, Die rechtliche Natur der Beziehungen zwischen Oesterreich und Ungarn, Wien, 1911. Изъ новѣйшихъ венгерскихъ работъ общіе вопросы федерализма трактуются въ работахъ Concha, Politika, 1 изд. 1895, Budapest, 2 изд. 1907, Balogh Az àllam tudomànya (политическая наука), Budapest, 1909); Csarada Nemzetkörijog, Budapest, 1909.

шеніемъ. Послѣ проблемы дуализма, наиболѣе важнымъ, съ федералистической точки зрѣнія, сталъ вопросъ о такъ называемомъ тріализмѣ, т. е. о признаніи прежняго Чешскаго государства, земель короны Венцеслава, въ качествѣ самостоятельнаго государственнаго цѣлаго, находящагося въ федеративныхъ, договорныхъ отношеніяхъ къ остальнымъ двумъ частямъ имперіи[1]).

Тріалистическій федерализмъ имѣетъ за собою основаніе историческаго чешскаго права. Когда въ XVI в. мужская линія Ягеллонова дома прекратилась, чешскій тронъ оказался вакантнымъ, и чешскіе штаты выбрали въ 1526 г. королемъ австрійскаго государя Фердинанда I, получившаго въ то же время и венгерскую корону и соединившаго такимъ образомъ подъ своею властью три главныя нынѣшнія части имперіи. Первоначальная связь Чехіи съ другими наслѣдными землями Фердинанда I была личной уніей, т. е. въ Чехіи Фердинандъ I осуществлялъ свои права, только какъ чешскій король. Эти отношенія личной уніи были легально признаны королемъ въ двухъ грамотахъ 1526 и 1545 гг., въ которыхъ прямо признавалось, что чешскіе штаты свободно выбрали Фердинанда своимъ королемъ.

Послѣ пораженія чеховъ при Бѣлой Горѣ въ 1620 г., въ эпоху полнаго разгрома чешскаго государства, императоръ Фердинандъ II ввелъ въ 1627 году новую конституцію для Чехіи, съ значительными ограниченіями ея историческихъ правъ, но и онъ признавалъ ея независимость и суверенитетъ и не нарушилъ отношенія Чехіи къ другимъ частямъ имперіи. Прагматическая санкція 1720 г. не нару-

1) Рядъ чрезвычайно интересныхъ работъ по исторіи чешскаго федерализма см. L. Leger, Le monde slave, P. 1873, Les études slaves, P. 1875, Nouvelles études slaves, P. 1880 и Nouvelles études slaves, 2 série, P. 1886; его же La crise autrichienne, le royaume de Bohème et le Fédéralisme (Revue moderne, 10 oct. 1868). Леже одинъ изъ наиболѣе видныхъ защитниковъ австрійской и въ частности чешской федеративной идеи.

шила, а подтвердила единство, суверенитетъ и законодательно-административную независимость Чехіи, верховнымъ органомъ которой была чешская канцелярія, лишь сносившаяся съ канцеляріями и совѣтами другихъ странъ, находившихся подъ скипетромъ Габсбурговъ.

Дѣйствительный ударъ чешской независимости нанесенъ былъ Маріей Терезіей, въ своихъ стремленіяхъ къ централистическому абсолютизму, соединившей чешскую канцелярію съ австрійской въ одно учрежденіе Directorium in publicis et cameralibus, ограничившей компетенцію чешскаго сейма, передавшей администрацію королевства особому Gubernium'у и т. д. Чешскіе юристы и историки полагаютъ, что всѣ распоряженія Маріи Терезіи, уничтожавшія историческія права Чешскаго королевства, его единство и недѣлимость, его законодательное и административное верховенство, не имѣли настоящей юридической силы. Нарушеніе чешскихъ историческихъ правъ создавало лишь фактъ, такъ какъ историческое право, покоющееся на договорѣ, юридически не можетъ быть отмѣнено односторонне.

Іосифъ II дошелъ до уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ чешской автономіи, въ 1783 г. отмѣнилъ постоянный комитетъ чешскаго сейма и всю власть перенесъ на Gubernium, однообразно въ централистическомъ смыслѣ реорганизовалъ законодательство всѣхъ своихъ земель, стараясь всѣми мѣрами ихъ онѣмечить. Но уже Леопольдъ II, по настоянію чешскихъ штатовъ, отмѣнилъ многія изъ мѣръ Іосифа II, возстановилъ постоянный комитетъ чешскаго сейма и короновался чешскимъ королемъ. Францъ II тоже въ патентѣ 1804 г. подтвердилъ историческія права Чехіи.

Первая половина XIX вѣка была эпохою чешскаго возрожденія и быстраго роста національнаго самосознанія, политически выразившагося въ стремленіи къ возстановленію государственныхъ историческихъ правъ чешскаго королевства. Революція 1848 г. обозначила собою начало полити-

ческой жизни Австріи и борьбы автономистовъ противъ централистическаго режима. Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе яркихъ выраженій западно-славянскаго федерализма было сопровождавшее революцію 1848 года федеративное движеніе, наиболѣе виднымъ чешскимъ дѣятелемъ котораго былъ Палацкій[1]).

Идея западно-славянскаго федерализма особенно ярко была выражена на славянскаго пражскомъ конгрессѣ въ маѣ 1848 года, на которомъ приняли участіе хорваты, сербы, поляки, русины, чехи, моравы, словаки, изъ русскихъ Бакунинъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ Палацкій[2]).

Конгрессъ обратился къ европейскимъ народамъ съ манифестомъ, въ которомъ опредѣлена была федеративная задача конгресса. Этотъ манифестъ былъ составленъ чехами

1) О федерализмѣ Палацкаго (1798—1876) см. работы Леже: L. Leger, Les études slaves, Paris, 1875 (въ статьѣ La Bohême et le panslavisme) и особенно Nouvelles études slaves, 1 série P., 1880 (въ статьѣ F. Palacky). О Палацкомъ была помѣщена обширная статья І. Первольфомъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. (1874, № 12, стр. 197—270), но о федерализмѣ Палацкаго въ ней ничего не говорится. Федеративныя идеи были выражены Палацкимъ спеціально въ брошюрѣ Die Oesterreichische Staatsidee, Прага, 1865 (вышедшая и по-чешски; выдержки изъ этой брошюры въ указанной выше статьѣ Леже, стр. 332—8), въ Radhost, Прага 1873, въ 3-й серіи которыхъ помѣщены политическія статьи Палацкаго; а также въ Gedenkblätter, 1874, въ третьей части которыхъ содержатся рѣчи, статьи и брошюры, опубликованныя Палацкимъ по политическимъ вопросамъ. Palacky, Spisy drobné, Прага, 1898. Ср. V. Tomek, Styky mé s Palackym Прага, 1898. Среди федералистовъ сороковыхъ годовъ слѣдуетъ также упомянуть и чешскаго публициста Гавличека, редактора съ 1846 г. Офиціальной Газеты въ Прагѣ, много способствовавшаго развитію автономной идеи въ Чехіи.

2) О Пражскомъ съѣздѣ 1848 г. лучшей работой является Tobolka, Slovansky sjezd v Praze roku 1848, Прага, 1901 (первая глава даетъ общій очеркъ развитія славянской идеи въ XIX в., въ приложеніи приведена подробная библіографія литературы, относящейся къ съѣзду 1848); кромѣ книги Тоболькы, можемъ указать Jana M. Černeho, Slovensky zjezd w Praze roku 1848, Прага, 1888; Драгомановъ, Письма Бакунина, Парижъ 1895, стр. 52—8; Первольфъ, Австрійскіе славяне въ 1898—9 г. (Вѣстникъ Европы, 1879, II и III).

Палацкимъ, Захомъ, полякомъ Либельтомъ и русскимъ Бакунинымъ. Въ этомъ манифестѣ Палацкій писалъ между прочимъ: „Убѣжденные, что могучее теченіе нашего времени требуетъ новыхъ политическихъ созданій, убѣжденные, что наше государство должно быть преобразовано на новыхъ основахъ, мы предложили австрійскому императору, нашему конституціонному монарху, преобразовать свое государство въ общество равныхъ народовъ, въ которомъ частныя нужды этихъ народовъ были бы примирены съ единствомъ имперіи". Конгрессъ, какъ извѣстно, не закончилъ своихъ засѣданій. Началось возстаніе въ Прагѣ, поведшее къ экспедиціи Виндишгреца.

Въ іюлѣ 1848 было созвано учредительное собраніе въ Вѣнѣ, на которое былъ выбранъ и Палацкій. На этомъ собраніи Палацкимъ, въ качествѣ члена организаціонной комиссіи, былъ выработанъ проектъ федеральной конституціи Австріи. Венгрія, бывшая въ то время въ возстаніи, составляла, по этому проекту, вторую половину Имперіи, и проектъ имѣлъ въ виду устройство одной австрійской части. Цислейтанія, по проекту, дѣлилась на четыре федеральныя группы: 1) Польша (Галиція и Буковина), 2) Чехія (Чехія, Моравія, Силезія), 3) Нѣмецкая Австрія (Австрія, Зальцбургъ, Тироль, Форарльбергъ, Штирія), 4) Иллирія (Каринтія, Карніулъ, Далмація). Въ этой системѣ были три славянскія группы, которыя могли не бояться союза съ нѣмецкимъ элементомъ. Для общихъ дѣлъ Палацкій признавалъ необходимыми лишь четыре министерства, — иностранныхъ дѣлъ, военное, финансовъ и торговли и общественныхъ работъ. Во главѣ каждой федеральной группы онъ ставилъ вице-короля или министра, имѣющаго спеціальныхъ совѣтниковъ для юстиціи, образованія, культовъ и финансовъ. Онъ допускалъ центральный рейхстагъ въ Вѣнѣ, составленный изъ делегатовъ провинціальныхъ сеймовъ [1]).

1) Изложеніе этого проекта у L. Leger, Nouvelles études slaves, 1880, стр. 207—208.

Въ февралѣ 1849 г. Палацкій интерпеллировалъ въ учредительномъ собраніи австрійское правительство по поводу выборовъ делегатовъ отъ Австріи въ франкфуртскій парламентъ и произнесъ рѣчь, въ которой настаивалъ, что идея австрійскаго государства — идея равенства (Gleichberechtigung) всѣхъ народовъ, соединенныхъ подъ скипетромъ австрійскаго императора [1]).

Свою теорію федеральнаго устройства Австріи Палацкій изложилъ въ статьѣ Идея австрійскаго государства. Есть ли, спрашивалъ въ ней Палацкій, австрійское государство живой организмъ и представляетъ ли оно какую-нибудь идею, отвѣчаетъ ли оно какой-нибудь политической потребности? Въ началѣ основаніемъ и основной идеей австрійскаго государства была борьба противъ турецкаго вторженія; для этой борьбы соединились Чехія, Венгрія и австрійскія земли. Теперь эта роль Австріи кончена, но народы, составляющіе ее, не должны распасться. Цѣль австрійскаго государства — служить имъ покровомъ и центромъ, группировать ихъ и уравновѣшивать ихъ силы въ гармоническомъ союзѣ. Инстинктъ самосохраненія есть законъ, какъ для индивидовъ такъ и для національностей; право національности даже выше права индивида: ибо если долгъ иногда и требуетъ индивидуальнаго самопожертвованія для своего ближняго, то нельзя требовать, чтобъ нація пожертвовала собою для другой. Всѣ націи имѣютъ равное право на существованіе. Австрійское государство состоитъ изъ различныхъ національностей. Всѣ національности имѣютъ равныя права. Поэтому федерація должна быть основой австрійской конституціи. Австрія неправильно вырабатываетъ свою консти-

1) Послѣ того, какъ собраніе было распущено, Палацкій удалился отъ политической борьбы. О путешествіи Палацкаго въ Москву въ 1868 г. и о послѣднихъ утвержденіяхъ его федерализма см. Leger, op. cit., 341—2. Палацкій въ 1872 г., резюмируя свою политику и говоря о своей поѣздкѣ въ Россію, писалъ, что вся его политическая программа резюмируется двумя словами — „федеральная Австрія“.

туцію по образцу унитарныхъ государствъ, какъ Франція. Въ многоязычной странѣ вопросъ объ языкѣ доминируетъ надъ всѣми интересами. Надо по возможности избѣгать дѣлать обязательнымъ одинъ языкъ для различныхъ народовъ и ограничивать примѣненіе его лишь по отношенію къ общимъ интересамъ. Каждая группа должна самоуправляться, какъ ей угодно, и на языкѣ, какой ей подходитъ, какъ мы это видимъ, напр., въ Швейцаріи. Австрійскій федерализмъ будетъ, слѣдовательно, федерализмомъ sui generis, отличнымъ отъ нѣмецкаго, американскаго или швейцарскаго федерализма. Общими дѣлами для всѣхъ народовъ должны быть только: иностранная политика, война, флотъ, финансы, торговля. Все остальное принадлежитъ отдѣльнымъ королевствамъ или провинціямъ. Административная унификація скорѣе проистекаетъ отъ бюрократической тираніи, чѣмъ въ природѣ вещей. Школы должны быть организованы не по иностраннымъ образцамъ, а соотвѣтственно мѣстнымъ нуждамъ, языку, нравамъ, религіи и занятіямъ жителей. Каждая автономная группа должна быть представлена министромъ въ центральномъ правительствѣ. Федерализмъ, создавая нѣсколько центровъ имперскаго тяготѣнія, является гарантіей равновѣсія и прочности имперіи.

Палацкій заранѣе высказывался горячо противъ всякой системы дуализма, такъ какъ она построена на принципѣ презрѣнія къ національному началу. Онъ былъ и противъ союза съ Германіей. Панславизмъ въ пониманіи Палацкаго былъ протестомъ противъ германизаціи и мадьяризаціи славянскихъ народовъ.

Въ 1848 г. стремленіе создать самостоятельныя національныя государства обнаружили венгры и поляки, остальные же цислейтанскіе славяне требовали лишь автономіи и федеральной реорганизаціи австрійскаго государства. Въ кремзицскомъ парламентѣ обнаружилось два федеративныхъ

теченія: одни, какъ чехи, поляки и хорваты, стояли за автономію историческихъ коронныхъ земель, другіе же, какъ русскіе изъ Галиціи и словены, за автономію территорій, населенныхъ одной національностью. Кремзицкій парламентъ въ своемъ рѣшеніи пришелъ къ компромиссу между историческимъ и этническимъ направленіями. Единогласно представителями всѣхъ націй былъ принятъ проектъ, по которому сохранялось историческое дѣленіе на провинціи, но большія провинціи дѣлились на возможно бо́льшее число національныхъ округовъ съ автономіей, подобной той, которая предоставлялась провинціямъ. По этому проекту національная жизнь въ Галиціи, Чехіи и Тиролѣ должна была регулироваться на окружныхъ сеймахъ, а обще-политическая на провинціальныхъ.

Конституція 1849 г., какъ извѣстно, возстанавливала въ Австріи централистическую систему и переносила всю законодательную власть въ вѣнскій парламентъ, депутаты въ который избирались отъ всей имперіи. Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ десятилѣтній періодъ централистическаго абсолютизма; 20 октября 1860 г. изданъ былъ дипломъ о возвращеніи къ федералистической системѣ, а 26 февраля 1861 г. патентъ, дававшій централистическое толкованіе октябрскому диплому.

Послѣ конституціи 1867 г., не давшей удовлетворенія автономнымъ стремленіямъ чеховъ и другихъ народовъ, чехи отказались признать эту конституцію, выработанную собраніемъ, въ которомъ они не были представлены, и требовали для себя положенія независимой націи. Свои требованія личной уніи они изложили въ августовской декларації 1868 года. Въ этой декларації они заявляли: „Отношеніе правъ и обязанностой, существующее между Чехіей и монархомъ, должно быть обязательно для обѣихъ договаривающихся сторонъ; связь, соединяющая Чехію съ другими землями монархіи, есть личная унія, которая прекращается съ

династіей; это положеніе вещей можетъ быть измѣнено только новымъ договоромъ между монархомъ и законными представителями королевства; никакое иностранное представительное собраніе (рейхсратъ) не можетъ возлагать на Чехію долги или другія обязательства; Чехія, сохраняющая свою историческую индивидуальность и свое государственное право, не можетъ быть принуждаема къ представительству въ рейхсратѣ, являющемся лишь случайнымъ и не имѣющимъ историческаго основанія образованіемъ; конституціонные вопросы могутъ быть регулируемы только общимъ согласіемъ монарха и чешской націи, представленной черезъ посредство справедливаго избирательнаго закона".

Въ 1871 г. (12 сентября) появился императорскій рескриптъ, въ которомъ монархъ объявлялъ готовность возложить на себя корону Св. Венцеслава и признать историческое право Чешскаго королевства. Чешскому сейму было предложено выработать программу для соглашенія. Чехи въ 18 основныхъ статьяхъ предложили слѣдующую программу: признаніе полной автономіи Чехіи, которая впредь имѣла бы съ другими землями монархіи общими только военное и иностранное министерства; для общихъ дѣлъ она должна была совѣщаться съ представителями другихъ земель монархіи черезъ посредство своихъ делегатовъ, назначенныхъ чешскимъ сеймомъ; законодательная компетенція чешскаго сейма (юстиція и народное образованіе) должна быть расширена; канцлеръ долженъ выполнять функціи министра для дѣлъ чешской короны; общими дѣлами для всего королевства должны быть тѣ, которыя были признаны въ 1867 г.; чешскій сеймъ долженъ посылать своихъ делегатовъ непосредственно въ общій конгресъ, въ которомъ обсуждались бы дѣла, общія для всей Цислейтаніи; спеціальный законъ долженъ гарантировать равныя права чешскаго и нѣмецкаго языка и справедливое избирательное право.

Но вмѣсто удовлетворенія этихъ чешскихъ требованій

наступилъ новый рѣзкій поворотъ австрійской политики къ централизму. Въ теченіе нѣкотораго времени чехи воздерживались отъ выборовъ въ рейхсратъ. Нѣкотораго успѣха, въ смыслѣ расширенія своей автономіи, они добились при министерствѣ Тааффе (1879—1893). Послѣднее время въ Чехіи возникла и пріобрѣла значеніе партія младочеховъ (Грегръ, Масарикъ, Крамаржъ) съ федералистической программой, требующей реальной уніи для территоріи бывшаго чешскаго королевства. Юридически требованіе чешскихъ федералистовъ могло бы быть удовлетворено тѣмъ, что унія и соглашеніе между Австріей и Венгріей распространились бы и на Чехію, и Австрія и Венгрія должны были бы заключить съ нею соглашеніе, подобное соглашенію 1867 года. Препятствуютъ осуществленію этихъ требованій тріализма, съ одной стороны, венгры, боящіеся усиленія славянскаго элемента въ Австріи, съ другой стороны, нѣмцы, такъ какъ въ Чехіи имѣется и нѣмецкое населеніе (при тріализмѣ Чехія естественно должна представить единое и недѣлимое государственное цѣлое). Тріализмъ не есть, кромѣ того, и окончательное рѣшеніе, такъ какъ на государственную самостоятельность претендуютъ и другія народности Австро-Венгріи, поляки въ Галиціи, итальянцы въ Тріестѣ, Тиролѣ и Приморской области, хорваты и т. д.[1]).

1) Изъ литературы по чешскому федерализму можно указать: Pernice, Die Verfassungsrechte der im Reichsrathe vertretenen Königreiche und Länder, Halle, 1872; Hugo Toman, Das böhmische Staatsrecht und die österreichische Reichsidee, 1872; Helfert, Die böhmische Frage in ihrer jungsten Phase, 1873; Walter Rogge, Oesterreich seit der Katastrophe Höhenwart-Beust. I. Besiegung des Föderalismus, Leipzig-Wien, 1879; Jules Preux, La question des langues et les conflits des nationalités en Autriche sous les ministère du comte Taaffe (1879—1888), 1888; Max Menger, Der böhmische Ausgleich, 1891; G. Kalousek, Státní právo České, 2 изд., Прага, 1892; Čelakovsky, Česke dějiny pravni, 1892; J. Černý, Boj za právo (Sbornik aktů politic-

IV.

Центробѣжный федерализмъ проявляется не въ одной австрійской половинѣ Габсбургской имперіи. Центробѣжныя силы значительны и въ Венгріи, такъ какъ въ ней очень искусственно смѣшанный національный составъ, въ которомъ сама Венгрія представляетъ лишь около половины. Среди многочисленныхъ народностей, населяющихъ Венгрію, имѣются такія, которыя стремятся къ полному отдѣленію отъ Венгріи и къ возсоединенію со своими соплеменниками,

---

kych, 1848—1860), Прага, 1893 (авторъ проводитъ чешскую государственно-правовую точку зрѣнія, Чехія должна быть самостоятельнымъ государственнымъ цѣлымъ); T. Masaryk, Česká otázka, Прага, 1895; его же, Naše nynější krise, 1895; Kramář, Das böhmische Staatsrecht, Wien, 1896; П. Звѣздичъ, Торжество чешской національности и федералистическія стремленія въ Австріи (Русское Богатство, 1897, № 9); Dr. Aurel, Zum österreichischen Sprachenfrage, Wien, 1898; B. Rieger, Náš ústavní vývoj od roku 1848, Прага, 1898; Chéradame, L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siècle, Paris, 1901; Srb, Politické dějiny národu českého od roku 1861 až do nastoupení ministerstva Badenova r. 1895, 2 т., 1899, 1901 (Въ этомъ обширномъ произведеніи авторъ отстаиваетъ чешскую государственно-правовую точку зрѣнія); Pražák, Oesterreichisches Verfassungsrecht, 2 изд., Прага, 1903; Rieger, O rakousko-uherském vyrovnání r. 1867, 1903; его-же, Ústavní dějiny Rakouska, 1903; Kramarsch, L'avenir de l'Autriche (Revue de Paris, 1 fev., 1899); H. Jireček, Slovanské pravo v čechach a na Morave; E. Denis, La Bohême depuis la Montagne Blanche, 2 v., Paris, 1903; Ústava mocnářství rakousko-uherského [въ Česká politika, II, ч. 1, Прага, 1907; ч. I. F. Vavřinek, Австрійская конституціонная исторія съ 1848 г. (стр. 1—134); ч. II. Fr. Fiedler, Австро-венгерскій дуализмъ съ 1867 г. (стр. 135—269); ч. III. K. Kadlec, Венгерская и хорватская конституція въ главныхъ чертахъ (стр. 270—450); ч. IV. F. Vavřinek, Изложеніе нынѣшняго государственнаго учрежденія королевствъ и земель, представленныхъ въ рейхсратѣ (стр. 451—722); ч. V. D. Krejčí, Нынѣшняя земская конституція королевствъ и земель представленныхъ въ рейхсратѣ (723—798); ч. VI. Winter, Избирательный уставъ съ 1848, стр. 799—930].

живущими за предѣлами Венгріи, таковы угро-руссы, румыны, итальянцы и особенно словаки [1]).

Стремленіе же къ федерализму проявляется въ Венгріи главнымъ образомъ среди сербо-хорватовъ. Сербо-хорваты составляютъ пятимилліонный народъ, населяющій югъ Австро-Венгріи отъ береговъ средняго Дуная и Тиссы до Адріатическаго моря. Но этотъ народъ искусственно раздѣляется на два якобы отдѣльныхъ народа сербовъ и хорватовъ, хотя національная разница между ними ничтожна; пользуясь общимъ языкомъ, хорваты пишутъ латиницей, а сербы — кириллицей; но и этотъ признакъ не совсѣмъ точенъ; въ Далмаціи много католиковъ, пишущихъ латиницей, считаетъ себя сербами, и обратно въ Хорватіи есть православные, пишущіе кириллицей, но считающіе себя хорватами, кромѣ того въ Босніи и Герцеговинѣ живетъ до полумилліона сербовъ-мусульманъ. Всѣ эти различія не таковы однако, чтобы давать основаніе для образованія различныхъ національностей. Пробуждающійся политическій смыслъ южныхъ славянъ впрочемъ все болѣе заставляетъ ихъ объединяться въ единую націю.

При политической реорганизаціи Австро-Венгріи въ 1867 г. историческія права сербо-хорватовъ были нарушены; при установленіи дуалистическаго режима Далмація была присоединена къ Австріи, а Хорватія и Славонія — къ Венгріи; наконецъ, въ самое послѣднее время въ особомъ, общеимперскомъ управленіи очутились сербо-хорваты Босніи и Герцеговины. Въ настоящее время сербы, представляя единую націю, управляются хорватскимъ, боснійскимъ, далматскимъ и истрійскимъ сеймами и вѣнскимъ и будапештскимъ парламентами.

---

1) Ср. Пичъ, Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднее столѣтіе (Славянскій сборникъ, I, 1875; II, 1877) и Pič, Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht, Leipzig, 1882.

Что касается Хорватіи, входящей въ составъ венгерской половины имперіи, то ея отношеніе къ собственной Венгріи регулируется венгерско-хорватскимъ соглашеніемъ 1868 г.[1]). Юридическая конструкція этого отношенія спорна. Венгерскіе писатели считаютъ Хорватію автономной провинціей Венгріи, Пливеричъ — суверенным государствомъ, Еллинекъ выдумалъ для нея даже особое понятіе государственнаго „обломка“. Мы полагаетъ, что анализъ венгерско-хорватскаго соглашенія показываетъ, что здѣсь имѣется федеральное государство, съ той аномаліей, что одинъ членъ этого федеральнаго государства (Венгрія) имѣетъ преимущественное положеніе въ союзѣ.

Статья первая соглашенія 1868 г. провозглашаетъ: „Соединенное съ Трансильваніей королевство Венгрія и королевство Далмація, Хорватія и Славонія образуютъ единую политическую общину (državnu zajednicu, Staatsgemeinschaft) какъ по отношенію къ прочимъ землямъ, находящимся подъ властью его Величества, такъ и по отношенію къ другимъ государствамъ“. Въ статьѣ этой совершенно ясно устанавливается, что Венгрія и Хорватія являются единымъ политическимъ цѣлымъ лишь по отношенію къ прочимъ землямъ монархіи и къ иностраннымъ державамъ. Изъ этого неразрывнаго государственнаго единства Венгріи и Хорватіи слѣдуетъ, что „по отношенію къ дѣламъ общимъ для всѣхъ земель имперіи, а также и для дѣлъ, которыя должны устанавливаться съ общаго соглашенія, королевство Венгрія и королевство Далмація, Хорватія и Славонія должны имѣть одно и то же законное представительство, законодательство и, въ отношеніи управленія, общую власть“ (ст. 3). Соглашеніе точно перечисляетъ тѣ общія дѣла, которыя требуютъ общаго законодательства, всѣ же остальныя относятся

1) См. Венгерско-Хорватское соглашеніе 1868 г. Краткій историческій очеркъ и переводъ съ примѣчаніями, СПБ., 1910.

къ мѣстной компетенціи Хорватіи. Для общихъ дѣлъ существуетъ общій парламентъ, образуемый изъ венгерскаго парламента съ присоединеніемъ къ нему 40 депутатовъ отъ хорватскаго сейма. Исполнительная власть Хорватіи сосредоточивается въ рукахъ бана, назначаемаго королемъ и отвѣтственнаго предъ хорватскимъ сеймомъ. Для общихъ дѣлъ исполнительнымъ органомъ является венгерскій совѣтъ министровъ съ присоединеніемъ особаго хорватскаго министерства.

Какъ ни искаженъ въ данномъ случаѣ чистый типъ федеральнаго государства, но въ компетенціи и организаціи общаго управленіи Венгріи-Хорватіи опредѣлено сказывается дуалистическій характеръ соединенія. Одна центральная венгерская власть не суверенна, для суверенитета требуется содѣйствіе и мѣстной хорватской власти. Особенно ярко федеральный характеръ австро-венгерскаго соглашенія выраженъ въ послѣдней статьѣ его: „Послѣ того какъ настоящее соглашеніе удостоится высочайшаго утвержденія, оно должно быть включено въ качествѣ общаго основного закона въ особенные кодексы королевства Венгріи и королевствъ Далмаціи, Хорватіи и Славоніи; вмѣстѣ съ тѣмъ установляется, что это соглашеніе не можетъ быть предметомъ законодательства договаривающихся королевствъ въ отдѣльности и что измѣненіе этого соглашенія можетъ послѣдовать только такимъ путемъ, какимъ оно осуществлено, именно съ согласія всѣхъ тѣхъ сторонъ, которыя его заключили“ (ст. 70). Обыкновенно всякое измѣненіе соглашенія происходитъ такимъ образомъ, что каждая сторона назначаетъ по 12 членовъ, образующихъ „королевскую депутацію“; измѣненія вносятся на одобреніе каждаго изъ сеймовъ, хорватскаго и венгерскаго, и потомъ представляются на утвержденіе короля. Въ настоящее время въ Хорватіи все усиливается партія государственнаго права или такъ называемыхъ хорватскихъ правашей, требующая пересмотра венгерско-хорватскаго соглашенія въ истинно

федеральномъ духѣ и возстановленія государственнаго права короны Св. Звонимира[1]).

1) Изъ литературы по хорватскому федерализму можно указать: Fejer, Dalmatiae cum regno Hungariae nexus, Budín, 1834; его-же, Croatiae ac Slavoniae cum regno Hungarie nexus et relationes, Budín, 1839; (Анонимъ) La Croatie et la confédération italienne, Paris, 1859 (авторъ говоритъ и объ отношеніяхъ венгровъ и славянъ); (Kvaternik), Das historisch-diplomatische Verhältnis des Königreichs Kroatien zu der ungarischen St. Stephans-Krone, 1861; Ostrožinski, Programm zur Konstituirung des österreichischen Kaiserstaates nach dem Prinzipe der konstitutionellen Freiheit und der nationalen Gleichberechtigung (aus den 1841) Wien, 1861 (Оттискъ изъ Sammlung von Aktenstücken zur Geschichte des kroatisch-slavonischen Landtages und der nationalen Bewegung von J. 1848 von Pejakovic); L. Leger, Agrame et les croates (Le monde slave, P. 1873); Žigrovič-Pretočki, Ueber das Selbstbestimmungsrecht des Königreichs Dalmatien und Kroatien, Wien, 1867; Kukuljevič-Sakcinski, Die legitimen und historischen Rechte Kroatiens und der Ausgleich mit Ungarn, Загребъ, 1 изд. 1871, 2 изд. 1883; Bidermann, Legislation autonome de la Croatie et aperçu de l'histoire du droit croate, Gand, 1876; И. Н. Смирновъ, Очерки исторіи хорватскаго государства до подчиненія его угорской коронѣ, Казань, 1880; Šulek, Hrvatski ustavi li konstitucija godina 1882, Загребъ, 1883; J. Pliverič, Das rechtliche Verhältnis Kroatiens zu Ungarn, Загребъ 1885; его же, Beiträge zum Ungarisch-Kroatischen Bundesrechte, Загребъ, 1886; его-же, Der Kroatische Staat, Загребъ, 1887 (Пливеричъ основательно и очень убѣдительно доказываетъ, что Хорватія есть суверенное государство, связанное съ Венгріей узами реальной уніи); Eggersdorfer, Der Kroatische Staat (статья въ Agramer Zeitung, 1886); на венгерскомъ языкѣ работа: M. Goszthony, „Объ автономной конституціи Хорватіи, Славоніи и Далмаціи", 1892; Tetzner, Ungarn-Kroatien als Bundesstaat mit starken Ansätzen zur Realunion (Zeitschrift Grüntrut's, т. XX, 1893); М. Пергаментъ, Юридическая природа реальной уніи, Одесса, 1893, стр. 77—90; П. Кулаковскій, Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія, Варшава, 1894; на венгерскомъ языкѣ V. Jaszy, „Изслѣдованія по венгерско-хорватскому государственному праву", 1897, и его же, „О финансовомъ соглашеніи съ Хорватіей", 1898; Karlovic, Das kroatisch-ungarische finanzielle Uebereinkommen, Загребъ, 1904; Kadlec, Uherska a chorvátska ústava v hlavnich črtach, Прага, 1906; G. Horn, Le compromis de 1868 entre la Hongrie et la

Присоединеніе Босніи и Герцеговины еще болѣе осложнило сербо-хорватскую политическую проблему и укрѣпило южно-славянскій федерализмъ [1]).

V.

Движеніе въ пользу федеративнаго устройства Австріи сильно не въ одной Чехіи. Въ собственной Австріи имѣется восемь народностей, изъ которыхъ ни одна не обладаетъ абсолютнымъ большинствомъ; по офиціальной переписи 1900 года въ Австріи числилось населенія свыше 25 милліоновъ, изъ нихъ нѣмцевъ было 9,168 т., славянъ вообще 15,468 т. (въ томъ числѣ чеховъ 5,960 т., поляковъ 4,261 т., галиційскихъ русскихъ 3,343 т., словеновъ 1,193 т. и сербохорватовъ 711 т.), итальянцевъ 727 т. и румынъ 231 т. Изъ нихъ нѣмцы въ большинствѣ случаевъ стремятся къ нѣмецкому централизму, итальянцы и румыны проникнуты ирредентистскими стремленіями къ возсоединенію съ Италіей и Румыніей; федерализмъ же силенъ главнымъ образомъ среди славянскихъ народностей [2]).

Croatie et celui de 1867 entre l'Autriche et la Hongrie, Paris, 1907; Litauer, Autonomja Chorwacji (по польски въ Gazeta Sadowa, 1907, №№ 37—46); Stefanic und Kolic, Kroatiens Verfassungs- und Verwaltungsrecht (Oesterreichisches Staatswörterbuch, 3 т. 1907); N. Eöttevény, Ueber das staatsrechtliche Verhältnis Kroatiens zu Ungarn (Jahrbuch d. öffentlichen Rechts d. Gegenwart, 1909, III); Petrinjensis, Bosnien und das kroatische Staatsrecht, Загребъ, 1898.

1) Baerenreitner, Bosnische Eindrücke. Eine politische Studie, Wien, 1908. Текстъ боснійской и герцеговинской конституціи (Landesstatut) отъ 17 февр. 1910 г. напечатанъ въ Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesrecht, 1910, IV, № 5, 503—511. О различныхъ юридическихъ конституціонныхъ вопросахъ, связанныхъ съ этимъ присоединеніемъ, см. Karl Lamp, Die Rechtsnatur der Verfassung Bosniens und der Herzegowina vom 17. Februar 1910 (Archiv für öffentliches Recht, 1911, т. XXVII, стр. 288—337; здѣсь указана дальнѣйшая журнальная литература вопроса).

2) Вопросы австрійскаго федерализма изучали: Anatole Leroy-Beaulieu, Charles Benoist (см. рядъ статей въ Revue des Deux Mondes, 15 oct. 1897, 1 dec. 1897, особ. 15 juillit 1898, L'Autriche future et

Собственно говоря, уже и австрійская конституція 21 декабря 1867 формально обезпечиваетъ національную автономію. Статья 19-я ея гласитъ: „Всѣ народности государства равноправны, и каждая народность имѣетъ неприкосновенное право на охраненіе и развитіе своей національности и своего языка. Государство признаетъ равноправность всѣхъ мѣстныхъ языковъ въ школѣ, управленіи и общественной жизни. Въ земляхъ, гдѣ обитаетъ нѣсколько народностей, государственныя учебныя заведенія должны быть такъ устроены, чтобы каждая изъ этихъ народностей, не будучи вынуждаема къ изученію второго мѣстнаго языка, могла на своемъ языкѣ получать всѣ необходимыя для образованія средства“. Но голословное заявленіе этой статьи въ значительной степени остается мертвою буквой.

Изъ пяти славянскихъ народностей Австріи меньше всего склонности къ федерализму обнаруживаютъ поляки, чуждые въ большинствѣ случаевъ идеи общеславянской

---

la future Europe, и 15 nov. 1899, L'Europe sans Autriche. Бенуа скептически смотритъ на австрійскія дѣла; признавая необходимость для европейскаго равновѣсія существованія Австріи, этого, по его мнѣнію, идеальнаго государства-буфера, и неудовлетворительное ея современное положеніе, онъ не видитъ выхода изъ него ни въ тріализмѣ, ни въ федерализмѣ, ни въ балканской конфедераціи, ни въ партикуляризмѣ отдѣльныхъ національностей); René Henry, Question d'Autriche-Hongrie et question d'Orient, P. 1904; на чисто федералистической точкѣ зрѣнія стоитъ A. Chéradame, L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XIX siècle, P. 1901 (Федеральная реформа Австріи, по мнѣнію его, была бы довольно проста. Она состояла бы въ томъ, чтобы расширить компетенціи мѣстныхъ сеймовъ на всѣ дѣла, не имѣющія общаго интереса, возстановить право сеймовъ посылать своихъ депутатовъ въ центральный парламентъ, надѣлить „земли“ административной автономіей и, слѣдовательно, дать имъ участіе въ доходахъ, которые они вносятъ въ казну и которыми въ настоящее время пользуется одно лишь государство. Что же касается до болѣе спеціальнаго вопроса о чешскомъ королевствѣ, которое чехи хотятъ сохранить недѣлимымъ, то непонятно, въ чемъ можетъ быть серьезное затрудненіе, разъ законодательные тексты формальны, и Францъ Іосифъ далъ свое слово въ 1871 короноваться чешскимъ королемъ; стр. 51—2).

солидарности. Ихъ политическая мечта возстановленіе польскаго государства, а не реорганизація Австріи на федеративныхъ началахъ, что привело бы только къ раздѣленію Галиціи на двѣ части. Болѣе достижимою практически цѣлью представляется имъ развитіе провинціальнаго автономизма. Въ такомъ смыслѣ въ 1868 г. высказалось и польское большинство галиційскаго сейма [1]).

Чрезвычайная національная черезполосица въ Австріи, осложненіе національнаго вопроса почти въ каждой національной территоріи существованіемъ инородческаго меньшинства, а въ особенности желаніе удовлетворить и національныя чувства евреевъ, разсѣянныхъ среди другихъ народностей, безъ опредѣленной своей территоріи, вызвали въ Австріи своеобразное теченіе экстерриторіальнаго національнаго федерализма, получившаго особенное вліяніе въ соціалистическихъ программахъ [2]).

1) Ср. Beaumont (Joseph Blogiszewski), Y a-t-il une question d'Autriche въ Revue de Paris, 1 juillet 1901 (по мнѣнію автора панславизмъ разрушительная сила, пангерманизмъ же не представляетъ опасности. Исходъ — не федерализмъ въ собственномъ смыслѣ слова, а развитіе провинціально-національнаго автономизма); Adalbert Dzieduszycki, Das Programm der Autonomisten Partei Oesterreichs, Lemberg, 1897; Georges Bienaimé, La diète de Galicie. Ses tendances autonomiques, Paris, 1910 (въ концѣ приведены обширныя библіографическія указанія).

2) Идея ввести въ политическую организацію Австріи въ той или иной степени личный національный элементъ не нова; еще въ 60-е годы Fischhof, Oesterreich und die Burgschaften seines Bestandes, былъ поборникомъ системы національныхъ курій. Но особенно настойчиво идея личной національной автономіи стала высказываться въ австрійской литературѣ за послѣднія два десятилѣтія. Ср. (Patriote), Die Verfassung als eine Quelle des Nationalitätenhaders in Oesterreich, Wien, 1897; его же, Grundzüge für eine endgültige Lösung der Nationalitätenfrage, Wien, 1897; его же, Ergänzung der Verfassung Oesterreichs, Wien, 1898 (авторъ предлагалъ восполнить австрійскую конституцію созданіемъ національныхъ представительныхъ собраній, „культурныхъ парламентовъ“, чѣмъ удовлетворенъ былъ бы принципъ персональнаго національнаго представительство).

Личная національная автономія защищалась представителями австрійской южно-славянской соціалъ-демократической партіи въ пражскомъ журналѣ Akademiker; въ духѣ ея высказался рядъ ораторовъ на соціалъ-демократическомъ партейтагѣ въ Брюнѣ, особенно депутатъ Крштанъ, наконецъ, и резолюція, которую вынесъ этотъ партейтагъ, проникнута идеей личной національной автономіи[1]). Особенно большую популярность идеѣ персональной національной автономіи для Австріи придалъ австрійскій публицистъ Реннеръ, писавшій подъ псевдонимомъ Шпрингера[2]).

Въ качествѣ основанія для политической реорганизаціи Австріи Шпрингеръ признаетъ принципъ личности, территоріальный же принципъ онъ считаетъ цѣлесообразнымъ для объединенныхъ національныхъ государствъ, но не для Австріи. Каждая національность должна получить

---

1) „Окончательное урегулированіе, — гласитъ это резолюція, — вопроса о національностяхъ и языкахъ въ Австріи въ смыслѣ одинаковаго права, и равноправности, и разума является прежде всего культурнымъ требованіемъ, а потому лежитъ въ жизненныхъ интересахъ пролетаріата; оно возможно только въ истинно-демократическомъ общежитіи... При этихъ предварительныхъ условіяхъ, и только при нихъ будетъ возможно установить въ Австріи вмѣсто національнаго раздора національный порядокъ и при томъ съ признаніемъ слѣдующихъ руководящихъ принциповъ: 1) Австрію слѣдуетъ превратить въ демократическое союзное государство національностей. 2) На мѣсто историческихъ коронныхъ земель образуются національно отграниченныя самоуправляющіяся единицы, законодательство и управленіе которыхъ сосредоточивается въ національныхъ палатахъ, избранныхъ на основаніи всеобщаго, равнаго и прямаго избирательнаго права. 3) Всѣ самоуправляющіяся области одной и той же націи образуютъ вмѣстѣ національно единый союзъ, который завѣдуетъ своими національными дѣлами совершенно автономно. 4) Право національнаго меньшинства охраняется спеціальнымъ закономъ имперскаго парламента. 5) Мы не признаемъ никакой національной привилегіи и поэтому отвергаемъ требованіе государственнаго языка; насколько необходимъ посредническій языкъ, устанавливается имперскимъ парламентомъ". Дебаты по національному вопросу на Брюнскомъ партейтагѣ, СПБ. 1906.

2) См. Rudolf Springer, Der Kampf der österreichischen Nationen um den Staat, 1902, рус. пер. Національная проблема, СПБ. 1909.

опредѣленіе своего правового положенія. Принадлежность каждаго лица къ національности закрѣплятся внесеніемъ въ національныя метрическія записи, для чего требуется ясно выраженное или молчаливо презумируемое заявленіе лица о своей національности. Будучи свободнымъ по своему составу, національный союзъ принудителенъ по своимъ рѣшеніямъ. Конструированная на этомъ принципѣ нація автономна, но эта автономія простирается, по идеѣ Шпрингера, на очень ограниченную компетенцію, именно на дѣла духовной національной культуры, главнымъ образомъ на народную школу, на дѣла матеріальной національной взаимопомощи, а также на охрану членовъ націи отъ проявленія вражды представителей другихъ національностей. Внѣ этой компетенціи, дѣйствуетъ не нація, а государство. Національная автономія должна получить и особую своеобразную организацію. Въ основѣ всего національная община, выбирающая свое правительство; извѣстное число такихъ общинъ, объединившихся культурно и территоріально, образуетъ національный округъ. Округъ, по идеѣ Шпрингера, есть основа всей политической организаціи, гдѣ пересѣкаются государственное и національное управленія, основа всякаго самоуправленія. Девять десятыхъ областей Австріи благодаря округамъ сдѣлаются одноязычными, и лишь въ одной десятой будетъ больше чѣмъ одна національность. „Округъ является точкой пересѣченія и исходной точкой координатъ трехъ измѣреній: государственной, областной и національной жизни; государство есть федерація всѣхъ округовъ, нація — федерація округовъ и частей округовъ данной національности, провинція или коронная земля — федерація всѣхъ округовъ замкнутой территоріи, всѣ же трое — совокупность замкнутыхъ мѣстныхъ административныхъ областей.“ Всѣ округа объединяются въ націи. Нація имѣетъ троякаго рода органы: 1) органы законодательства, такъ называемый національный совѣтъ, 2) органы управленія, именно націо-

нальное министерство (національные. статсъ-секретари) и 3) органы защиты національныхъ правъ [1]).

Разсматривая обстоятельства внутренней жизни двуединой имперіи, позволено усомниться нѣсколько въ томъ, что послѣдовательная федерализація Австро-Венгріи есть разрѣшеніе проблемы ея политическаго устройства. При непримиримой національной противоположности въ Австріи славянъ, нѣмцевъ и мадьяръ, возникаетъ вопросъ, какому изъ этихъ элементовъ принадлежала бы гегемонія. Венгрія, со своимъ семимилліоннымъ населеніемъ, осуждена была бы на безпадежную борьбу съ окружающимъ ее славянскимъ элементомъ, то же нужно сказать и объ австрійскихъ нѣмцахъ, представляющихъ меньшинство. Естественное послѣдствіе принятія принципа послѣдовательнаго федерализма было бы полное отдѣленіе Венгріи и нѣмцевъ, Австрія, какъ

1) Подъ внѣшней видимостью національнаго федерализма Шпрингеръ очень искусно проводитъ идеи нѣмецкаго имперіализма въ Австріи. Онъ мечтаетъ, по его словамъ, о созданіи изъ Австріи своеобразнаго союзнаго государства, которое носило бы нѣмецкій характеръ. Цѣль его — „крѣпкая, демократическая Австрія, сильный единый союзъ сильныхъ народовъ, стоящихъ не подъ властью какой-нибудь касты нѣмцевъ, но подъ разумнымъ нѣмецкимъ руководствомъ“. Національная автономія, въ томъ видѣ какъ ее предлагаетъ Шпрингеръ, по его собственнымъ словамъ (стр. 199), есть средство противъ дѣйствительнаго политическаго федерализма въ Австріи, такъ какъ автономія коронныхъ земель выдѣляетъ закругленныя, пригодныя для государственной самостоятельности области, области же національной личной автономіи таковыми не являются. Идеи персональнаго національнаго принципа восприняты были многими представителями соціалистической доктрины. См. статью Каутскаго въ пользу національной автономіи и федераціи Австріи въ Neue Zeit, 1898, № 18 и 23 и 1903, № 2, а такъ же по-русски, Борьба національностей и государственное право въ Австріи, 1905; его же, Кризисъ Австріи (нація и языкъ), 1905; Max Adler, Das österreichische Chaos und seine Entwirrung (Neue Zeit, 1902, № 21) и Ellenbogen (въ Neue Zeit, 1902, № 8). О политическомъ правѣ австрійскихъ національностей см. Herrnritt, Nationalität und Recht, 1899; J. Lukas, Territorialitäts- und Personalitätsprincip im österreichischen Nationalitätenrecht (Jahrbuch d. öffentlichen Recht der Gegenwart, 1908, II, 333—405).

таковая, исчезла бы. Въ сущности, трудно указать тотъ предѣлъ, гдѣ долженъ остановиться австрійскій федерализмъ: и Австрія и Венгрія распадаются на рядъ самостоятельныхъ странъ: Чехія, Галиція, Буковина, Тироль, Штирія, Хорватія, Трансильванія, Боснія, Герцеговина и т. д.; кромѣ того, и каждая изъ этихъ странъ имѣетъ не однородное населеніе, а очень смѣшанное.

Федераціи возникаютъ вслѣдствіе единства общаго сознанія, вслѣдствіе стремленія объединиться дотолѣ разъединенныхъ частей. Въ Австріи же именно этого сознанія общаго единства нѣтъ. До сихъ поръ ее объединяетъ лишь власть единаго монарха и чиновническій бюрократизмъ. Поэтому едва ли возможно говорить о будущей федераціи Австріи. Части ея столь разнородны, что возможно лишь ихъ распаденіе, а не федерализація.

Федерализмъ чисто децентрализующаго характера не можетъ оказаться дѣйствительнымъ рѣшеніемъ австро-венгерской политической проблемы. Будучи анархическимъ по своей идеѣ, онъ ни къ чему, кромѣ анархіи, самъ по себѣ, привести не можетъ. Чтобы оказаться дѣйствительнымъ рѣшеніемъ австро-балканскаго вопроса, федерализмъ долженъ быть не только децентрализующимъ, въ случаяхъ противоестественнаго и насильственнаго соединенія, но и централизующимъ, въ случаяхъ естественнаго политическаго тяготѣнія. Федерализмъ долженъ быть понимаемъ не только какъ отдѣленіе всякой національности и племени, но и какъ соединеніе, связь родственныхъ національностей. Децентрализующій, разъединяющій федерализмъ есть отдѣленіе и признаніе самостоятельной государственности за славянскимъ, нѣмецкимъ, венгерскимъ элементами; централизующій федерализмъ есть объединеніе всѣхъ славянскихъ національностей. Пока на ряду съ федерализмомъ, направленномъ на обособленіе отъ нѣмцевъ и венгровъ, не будетъ федерализма, направленнаго противъ племенного

изолированія и раздробленности славянскихъ племенъ, до тѣхъ поръ федерализмъ не можетъ оказаться разрѣшеніемъ австрійскаго вопроса.

Б. Балканскій федерализмъ.

I. Идея Балканской федераціи среди балканскихъ народовъ. — II. Россія и Балканская федерація.

I.

Особое выраженіе западно-славянскаго федерализма представляетъ собою федерализмъ, имѣющій въ виду объединеніе многочисленныхъ славянскихъ (и не славянскихъ) народностей и государствъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ [1]).

Главной, наиболѣе многочисленной славянской національностью, населяющей Балканскій полуостровъ, является сербская. Сербы населяютъ не только собственную Сербію и Черногорію, но и Боснію, Герцеговину, Хорватію, Далмацію и часть Македоніи. Понятно поэтому, что идея федеративнаго объединенія всѣхъ государствъ и народностей, населяющихъ Балканскій полуостровъ, была создана и развита главнымъ образомъ въ Сербіи [2]).

Еще Стефанъ Душанъ стремился организовать конфедерацію балканскихъ государствъ противъ турокъ и укрѣпить эту конфедерацію, обнимавшую собственную Сербію, Болгарію, Боснію и Герцеговину, Черногорію, Славонію, Македонію, Далмацію и Хорватію, союзомъ съ Венеціанской

1) О планахъ балканской федераціи: Engelhardt, La confédération balkanique (Revue d'histoire diplomatique, т. VI, 1892); Ivanovitch, The future of the Balkan (Fortnightly Review, іюнь, 1909), René Pinon, Une confédération balkanique est-elle possible (Revue des Deux Mondes, 15 juin 1910).

2) О сербскомъ федерализмѣ см. брошюру Драгоманова, По вопросу о малорусской литературѣ, Вѣна, 1876; о вліяніи Бакунина на сербовъ см. Guillaume, L'Internationale, т. 3-й.

республикой. На Коссовомъ полѣ въ 1389 г. эта конфедерація была разгромлена турками, и турки явились разрушителями почти на полутысячелѣтіе велико-славянской идеи.

Первый наиболѣе разработанный и наиболѣе подвинувшійся къ исполненію планъ федераціи балканскихъ славянъ связанъ съ дѣятельностью сербскаго политика Ильи Гараханина и князя Михаила Обреновича[1]).

Гараханинъ еще въ 1844 г. развилъ программу федеративнаго объединенія балканскихъ славянъ, которое по его мнѣнію было бы единственнымъ средствомъ замѣнить Турецкую имперію, не прибѣгая къ ея раздѣлу между Австріей и Россіей. Центромъ такой конфедераціи могла и должна была сдѣлаться сербская народность. Князь Михаилъ Обреновичъ, царствовавшій въ Сербіи съ 1860 по 1869 г., попытался осуществить федеративныя идеи Гараханина. Онъ нашелъ сочувствіе и поддержку въ венгерскомъ вождѣ Кошутѣ, полагавшемъ, что славяне и венгры должны объединиться противъ нѣмцевъ и турокъ въ одну общую федерацію. Обреновичъ началъ переговоры въ этомъ направленіи съ другими сосѣдями. Въ 1868 г. былъ подписанъ въ Бухарестѣ договоръ между представителями сербскаго правительства и представителями болгарскаго національнаго комитета объ образованіи для народовъ Сербіи и Болгаріи одного правительства и о соединеніи обоихъ народовъ въ одно цѣлое подъ именемъ Сербо-Болгаріи или Болгаро-Сербіи. Потомъ при новыхъ совѣщаніяхъ этотъ союзъ былъ расширенъ на южныхъ славянъ и получилъ названіе имперіи южныхъ славянъ. Въ 1868 же году было подписано аналогичное соглашеніе объ образованіи единаго государства между Сербіей и Черногоріей. Еще раньше въ 1867 г. былъ заключенъ съ Грецією политическій и военный союзъ. Отно-

1) Vesnitch, Le prince Michel Obrenovitch et ses idées sur la Confédération Balkanique (Annales internationales d'Histoire, № 4, стр. 232—8).

сительно присоединенія хорватовъ были начаты переговоры съ архіепископомъ Штросмайеромъ. Наконецъ, въ 1868 же году было заключено соглашеніе съ Румыніей. Къ Румыніи по этому соглашенію отходили устья Дуная и приморская часть Болгаріи отъ Рущука и Варны, къ Сербіи же присоединялись Старая Сербія, Боснія, Герцеговина и Западная Болгарія. Убійство въ 1869 г. Обреновича помѣшало исполненію его обширнаго плана.

Если бы эта конфедерація была организована, на Балканскомъ полуостровѣ было бы создано обширное и сильное государство, которое наслѣдовало бы Турецкой имперіи и составило бы третье государство, въ противовѣсъ Австріи и Венгріи. Но неудачная и антинаціональная политика Милана, мелкіе раздоры сербовъ другъ съ другомъ и усиленіе и ростъ болгарскаго народа измѣнили въ настоящее время соотношеніе славянккихъ силъ на Балканахъ. Изъ послѣдующей исторіи сербской федеральной идеи можно указать на планы бывшаго сербскаго президентъ-министра Пирочанаца [1]).

Центръ тяжести и основное, такъ сказать, ядро Балканской федераціи составляютъ славянскіе народы, сербы и болгары, и потому естественно, что наибольшее значеніе имѣетъ и наибольшаго вниманія заслуживаютъ именно сербо-болгарскіе проекты федераціи. Но на берегахъ Дуная и на обоихъ склонахъ Балканскаго хребта игрою историческихъ судебъ смѣшалось такое количество народовъ, что дѣйствительное рѣшеніе восточнаго вопроса возможно только въ томъ случаѣ, если въ общую политическую организацію войдутъ, въ томъ или другомъ соотношеніи, и остальныя балканскія народности, — греки, албанцы, турки, румыны и даже венгры.

---

1) Dr. Stefan Bratimich (псевдонимъ), La Péninsule des Balkans, Paris, 1889; раньше Bochkovitch, La mission du peuple serbe dans la question d'Orient, Bruxelles, 1886.

Было время, когда венгры, подъ напоромъ нѣмцевъ, были сторонниками федераціи со славянами. Кошутъ носился съ планомъ балканской конфедераціи. Противъ Австріи онъ создалъ планъ конфедераціи Венгріи, Румыніи и Сербіи, съ единой ипостранной политикой, арміей и таможенной системой [1]). „Несомнѣнно, писалъ Кошутъ, что единственный и наиболѣе дѣйствительный оплотъ противъ вторженія Австріи и Россіи заключается въ рядѣ свободныхъ странъ и въ оборонительномъ союзѣ между независимыми Венгріей, Хорватіей, Сербіей и Молдаво-Валахіей; въ этомъ только могла бы быть гарантія безопасности Европы противъ всякой попытки завоеванія, идущей съ Востока. Я не думаю, чтобы безъ такой конфедераціи и безъ возстановленія Польши, было возможно для Европы въ нынѣшнемъ состояніи притти къ удовлетворительному рѣшенію восточнаго вопроса. По моему мнѣнію, острое національное чувство въ Болгаріи, въ Черногоріи и въ Босніи дѣлаетъ вѣроятнымъ осуществленіе такой комбинаціи“ [2]).

Примирившись съ нѣмцами и подѣливши съ ними имперію, основавши свое государство на угнетеніи почти равнаго имъ по количеству хорвато-сербскаго народа, венгры сдѣлались теперь самыми ярыми противниками какой бы то ни было федераціи, которая, конечно, не можетъ имъ дать ничего, кромѣ утвержденія ихъ національныхъ правъ, которыми они уже вполнѣ обладаютъ, гарантируя однако другія народности отъ ихъ гнета.

---

1) Объ этомъ планѣ см. J. Andrassy, Ungarns Ausgleich mit Österreich, Leipzig, 1897, стр. 54 и сл. Андраши, съ централистической венгерской точки зрѣнія, высказывается противъ этого плана, отъ котораго, по его мнѣнію, пострадала бы Венгрія.

2) Ср. Kossuth, Souvenirs et écrits de mon exil. Période de la guerre d'Italie, Paris, 1880, стр. 254—9. Сторонникъ Кошута, генералъ Тюрръ предлагалъ образованіе двухъ конфедерацій, дунайской, въ которой вмѣстѣ съ различными народностями Австріи могла бы найти себѣ мѣсто и Венгрія, и балканской, состоящей изъ славянъ, грековъ и турокъ. Türr, Solution pacifique de la question d'Orient, Paris, 1877.

Положеніе неславянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ очень затруднительное. Претензіи Греціи простираются на Критъ, на острова Архипелага, на нѣкоторыя части Македоніи. Въ Македоніи ея претензіи сталкиваются съ интересами албанцевъ и болгаръ, на островахъ — съ Турціей и великими державами. Въ то же время предоставленная собственнымъ силамъ Греція едва ли можетъ осуществить эту свою мечту. Балканская конфедерація должна быть скорѣе желательна, чѣмъ не желательна для Греціи [1]).

Въ судьбѣ и политической организаціи Балканскаго полуострова заинтересованы также и народы латинской расы, прежде всего румыны, живущіе и за предѣлами Румыніи въ австрійской Буковинѣ, въ венгерской Трансильваніи и въ Темешварскомъ банатѣ, и отчасти итальянцы, имѣющіе претензіи на утвержденіе своего вліянія на восточномъ берегу Адріатики. Созданіе конфедераціи балканскихъ государствъ, въ которую вошла бы и Румынія или на которую оказывала бы вліяніе Италія, было бы, конечно, только въ интересахъ той и другой. Неудивительно поэтому, что и въ этомъ направленіи создавались планы федераціи [2]).

---

1) J. G. Pitzipios-Bey, L'Orient, les réformes de l'Empire Byzantin, 1858. Авторъ, грекъ, защищалъ идею балканской конфедераціи подъ протекціей Россіи.

2) Мы уже говорили о договорѣ, заключенномъ съ федеративной цѣлью въ 1868 г. между Румыніей и Сербіей, по иниціативѣ Михаила Обреновича. См. еще раньше проектъ балканской федераціи, вышедшій изъ-подъ пера румына: G. A. Mano, L'Orient rendu à lui meme, London et Paris, 1861. Ср. Hunfalvy, Die Rumänen und ihre Ansprüche, Wien, 1883. Въ 1895 году въ Парижѣ была основана Ligue pour la Confédération balkanique, поставившая себѣ цѣлью осуществленіе конфедераціи всѣхъ народовъ восточной Европы и Малой Азіи, къ числу которыхъ относились: Греція съ Критомъ, Сербія съ Босніей-Герцеговиной, Болгарія, Румынія, Черногорія, Македонія и Албанія (послѣднія двѣ, составивши предварительно федеративныя государства), Ѳракія съ Константинополемъ, Арменія и Малая Азія съ прибрежными островами. Нерѣдко создавались проекты балканской федераціи подъ руководствомъ Италіи, которая такимъ образомъ расширила бы свое вліяніе за предѣлы Апеннинскаго полуострова. Эту идею мы находимъ у итальянскаго проф.

II.

Больше всего заинтересована въ политическомъ объединеніи балканскихъ славянъ Россія, которая потратила много силъ и крови для освобожденія родственныхъ народовъ изъ-подъ турецкаго ига; поэтому естественно, что особенно многочисленны были проекты федеративной организаціи Балканъ въ Россіи.

Эта идея славянскаго освобожденія и союза славянъ соединялась часто съ мыслью о покровительствѣ Россіи. Такіе проекты мы находимъ уже въ XVIII вѣкѣ и у раннихъ славянофиловъ, у Хомякова, К. Аксакова и др. и вообще среди сторонниковъ прежняго папславизма[1]).

Россіи нѣтъ однако основанія непосредственно вмѣшиваться въ западно-славянскія дѣла и силою навязывать свою гегемонію; такая политика менѣе всего имѣла бы шансовъ на успѣхъ: она непремѣнно должна была бы вызвать сопротивленіе со стороны большинства европейскихъ державъ, несклонныхъ усиливать въ такой степени значеніе славянъ и Россіи въ Европѣ, кромѣ того, несомнѣнна также реакція такой политикѣ и со стороны самихъ славянъ, ревниво оберегающихъ свой національный партикуляризмъ; наконецъ, инкорпорированіе въ государственное тѣло такого числа не подготовленныхъ къ ассимиляціи, хотя и родственныхъ народностей, необычайно развило бы внутри Россіи центробѣжныя силы, что способствовало бы не усиленію ея, а лишь

Brunialti, Gli Eredi della Turchia, Milano, 1879 г., въ сочиненіи французскаго писателя Charles Loiseau, Le Balkan slave et la crise autrichienne, P. 1898 и L'équilibre adriatique (L'Italie et la question d'Orient), P. 1901. Очень любопытное утвержденіе итальянской идеи по отношенію къ федеративной организаціи балканскихъ государствъ находимъ мы въ книгѣ одного румына, Un Latin, Une confédération orientale comme solution de la question d'Orient, P. 1905.

1) Объ этомъ нѣсколько подробнѣе см. ниже въ отдѣлѣ развитія русскаго федерализма.

ослабленію. Между тѣмъ Россія, ясно и недвусмысленно отказавшаяся отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ по отношенію къ западнымъ славянамъ и преслѣдующая искреннюю политику поддержанія независимости и государственнаго оборудованія славянскихъ народовъ, не только укрѣпила бы свою позицію на Западѣ, но и содѣйствовала бы въ отдаленномъ будущемъ дѣйствительному торжеству общеславянской идеи. Западные и особенно южные славяне ясно понимаютъ, что безъ сильной и могущественой Россіи, на которую они могутъ всегда опереться и въ ней искать вѣчно новыхъ силъ на борьбу, они осуждены на исчезновеніе передъ напоромъ другихъ народовъ. Россія ихъ естественная союзница и опора. При благожелательной и дружественной поддержкѣ Россіи, славянскіе народы должны очень скоро понять, что русскій языкъ и русская культура есть единственная и дѣйствительно объединяющая общеславянская сила. Такимъ образомъ, въ естественномъ ростѣ историческаго опыта созрѣетъ возможность общеславянскаго объединенія.

B. Русскій федерализмъ.

I. Ранній русскій федерализмъ и федерализмъ декабристовъ. — II. Украинофильскій федерализмъ. — III. Анархическій конфедерализмъ. — IV. Національно-областной федерализмъ. — V. Финляндскій федерализмъ. — VI. Академическій федерализмъ. — VII. Панславистскій федерализмъ. — VIII. Общій взглядъ на развитіе федерализма.

I.

Федерализмъ не есть единая по своему внутреннему существу политическая теорія. Федеральный строй представляетъ собой одну изъ стадій эволюціи политическихъ формъ, промежуточную ступень между полнымъ разъединеніемъ и органическимъ объединеніемъ. Онъ можетъ въ каждомъ отдѣльномъ конкретномъ историческомъ случаѣ оказаться или еще не достигнутой, или уже перейденной фор-

мой. Поэтому федерализмъ, какъ теорія, можетъ преслѣдовать или цѣли человѣческаго объединенія, соглашенія, примиренія, когда онъ имѣетъ въ виду взаимное соединеніе доселѣ независимыхъ политическихъ обществъ, или цѣли общественнаго раздѣленія, раздробленія, противопоставленія, когда онъ имѣетъ въ виду разрывъ на отдѣльныя самостоятельныя части уже организованнаго единаго историческаго цѣлаго.

Въ исторіи русской политической мысли федерализмъ, возникая въ государствѣ унитарномъ и объединенномъ, имѣетъ, какъ и во Франціи, устремленіе главнымъ образомъ центробѣжное къ политической децентрализаціи государственнаго строя. Однако въ раннія эпохи исторіи русской земли, на которыхъ мы здѣсь останавливаться не будемъ, федерализмъ, поскольку онъ сказывался въ политическихъ учрежденіяхъ, носилъ характеръ объединительный. Въ особенности это нужно сказать объ удѣльномъ періодѣ. Въ эту эпоху на всемъ востокѣ Европы существовалъ рядъ небольшихъ самостоятельныхъ славянскихъ государствъ, объединенныхъ въ нѣкотораго рода конфедеративный союзъ, подъ верховной сюзеренной властью великаго князя. При удѣльномъ строѣ государство не было цѣльной и недѣлимой княжеской вотчиной; скорѣе это была федерація самостоятельныхъ государствъ, изъ которыхъ въ каждомъ былъ свой князь и свое вѣче. Иногда нѣкоторые князья объединяли нѣсколько княжествъ по началамъ личной уніи [1]).

---

1) Костомаровъ, Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси (въ журналѣ Основа, 1861, кн. 1., потомъ напечат. въ Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, I, 1863); его же, Начало единодержавія въ древней Руси (Вѣстникъ Европы, 1870, кн. 6); его же, Сѣверно-русскія народоправства, 2 т., 1863 (Историческія монографіи и изслѣдованія, т. 7 и 8). Первую изъ указанныхъ статей Костомаровъ кончилъ слѣдующими характерными словами: „Начала, соединявшія земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ

Россія представляетъ въ настоящее время единую и нераздѣльную Имперію. Но въ прошлой исторіи постепеннаго образованія государственнаго строя Россіи неоднократно возникали политическія формы, которыя, если и не были федеративными въ собственномъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ заключали въ себѣ нѣкоторые элементы федеративности (автономіи и самоуправленія, основанныхъ на нѣкоторомъ соглашеніи); таково было послѣдовательно положеніе во Всероссійскомъ государствѣ: Малороссіи, Прибалтійскаго края, губерній отъ Польши присоединенныхъ, Бессарабіи, Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго; всѣ онѣ лишь мало-по-малу потеряли (за исключеніемъ Финляндіи) свою автономію [1]).

Впервые сознательно и довольно ярко федерализмъ об-

другихъ, но не настолько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить всѣ части въ одно цѣлое. И природа и обстоятельства — все вело жизнь русскаго народа къ самобытности земель съ тѣмъ, чтобы между всѣми землями образовалась и поддерживалась неустанно связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начала облекаться. Вся исторія Руси удѣльнаго уклада есть постепенное развитіе федеративнаго начала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбы его съ началомъ единодержавія". По поводу этой статьи Костомарова см. статью Бестужева-Рюмина, Федеративное начало древней Руси, Отеч. Записки, 1861, кн. 2, стр. 53—66. Ср, у Владимірскаго Буданова, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 6, СПБ. 1909, о союзѣ князей въ удѣльномъ періодѣ и о федеративномъ характерѣ этого союза стр. 71—75, 108—110, 289—291.

1) Объ этомъ послѣднемъ см. прекрасную работу Б. Нольде, Очерки русскаго государственнаго права, СПБ., 1911 (Единство и нераздѣльность Россіи, стр. 223—554). Изъ личныхъ уній въ исторіи Россіи наиболѣе извѣстны: унія Польши и Литвы 1386 г., въ 1569 г. сдѣлавшаяся реальной (см. С. Кутшеба, Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши, СПБ., 1907, стр. 84—94), соединеніе Малороссіи съ Москвою по Переяславской радѣ 1654—1674 г. (см. Сергѣевичъ Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, 3 изд., СПБ., 1903, стр. 105—111). Спорно отношеніе между Россіей и Польшей въ періодъ времени между 1815—1832 г. См. Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, Wien, 1882, стр. 71—75; Чичеринъ, Курсъ государственной науки, т. III, стр. 272—275.

наружился въ политическомъ движеніи начала XIX вѣка, въ сѣверномъ тайномъ обществѣ декабристовъ[1]).

Уже по проекту гр. Дмитріева-Мамонова Россія дѣлилась на восемь царствъ (Московское, Новгородское, Кіевское, Владимирское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Херсонское) и, кромѣ того, на Царство Польское, Курляндію, Лифляндію, Финляндію, Грузію[2]).

Планъ федеральнаго устройства Россіи былъ подробно разработанъ Никитою Муравьевымъ въ его двухъ проектахъ конституціи[3]). Во вступленіи въ первый проектъ своей конституціи Никита Муравьевъ писалъ: „Всѣ народы европейскіе достигаютъ законовъ и свободы. Болѣе всѣхъ ихъ народъ русскій заслуживаетъ и то, и другое. Но какой образъ правленія ему приличенъ? Народы малочисленные бываютъ обыкновенно добычею сосѣдей и не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внѣшнею независимостью, но обыкновенно страждутъ отъ внутренняго утѣсненія и бываютъ въ рукахъ деспота орудіемъ

---

1) О политическихъ взглядахъ декабристовъ см. А. Н. Пыпинъ, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, 1871; М. Д. Довнаръ-Запольскій, Идеалы декабристовъ, М. 1907; В. И. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, СПБ. 1909.

2) Проектъ государственныхъ преобразованій гр. Дмитріева-Мамонова (изъ союза русскихъ рыцарей) напечатанъ въ книгѣ А. И. Бородина, Изъ писемъ и показаній декабристовъ, СПБ., 1906, стр. 148—157.

3) Первая редакція проекта конституціи Н. Муравьева, „Предложеніе дѣла начертанія устава положительнаго образованія, когда Его Им. В-ву благоугодно будетъ съ помощью Всевышняго учредить Славяно-Русскую Имперію“, напечатана въ изд. Довнра Запольскаго, Мемуары декабристовъ, Кіевъ, 1906, стр. 96—118; вторая редакція конституціи Н. Муравьева напечатана В. Якушкинымъ въ книгѣ, Государственная власть и проектъ государственной реформы въ Россіи, СПБ., 1906, стр. 131—160 и въ Библіотекѣ декабристовъ, 1907, в. IV, 127—163. Изложеніе конституціи Н. Муравьева, сдѣланое имъ на слѣдствіи по памяти, см. въ изд. Довнара Запольскаго, Мемуары декабристовъ, 1906, 58—71.

притѣсненія и гибели сосѣднихъ народовъ. Обширность земель, многочисленное войско препятствуетъ однимъ быть свободными; тѣ, которые не имѣютъ сихъ неудобствъ, страждутъ отъ своего безсилія. Федеральное или союзное правленіе одно разрѣшило сію задачу, удовлетворило всѣмъ условіямъ и согласило величіе народовъ и свободу гражданъ. Подъ надзоромъ государя одно законодательное собраніе находится въ столицѣ и дѣлаетъ всѣ распоряженія, общія для всего государства; частныя распоряженія, касающіяся до областей, предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе столичнаго, и такимъ образомъ доставляется благосостояніе цѣлаго и частей“ [1]).

Федерализмъ декабристовъ, не имѣвшій никакихъ историческихъ корней въ русской дѣйствительности, повиди-

---

1) Въ первой редакціи проекта Муровьева державы, на которыя должна быть раздѣлена Россія, слѣдующія: 1) Ботническая, 2) Балтійская, 3) Заволжская, 4) Западная, 5) Днѣпровская, 6) Бужская, 7) Черноморская, 8) Окинская, 9) Украйнская, 10) Низовская, 11) Камская, 12) Кавказская, 13) Обійская, 14) Ленская; ихъ столицы: С.-Петербургъ, Вел. Новгородъ, Ярославль, Вильна, Смоленскъ, Кіевъ, Одесса, Москва, Харьковъ, Саратовъ, Казань, Тифлисъ, Тобольскъ, Иркутскъ. Городъ Нижній Новгородъ, въ которомъ имѣетъ быть мѣстопребываніе Россійскаго правительства, съ окружностью своею составляетъ особенную область Славянскую и будетъ столицею Россіи. Кромѣ того, должна быть еще Донская область со столицею Новочеркаскъ. Во второй редакціи проекта И. Муравьева, въ законодательномъ и исполнительномъ отношеніяхъ вся Россія дѣлится на 13 Державъ, 2 области и 568 уѣздовъ или повѣтовъ. Все населеніе Россіи предполагается въ 22,630,000 жителей мужского пола, и по сему предположенію разочтено представительство оной: 1) Ботническая Держава (Гельсингфорсъ), 2) Волховская (г. Св. Петра), 3) Балтійская (Рига), 4) Западная (Вильна), 5) Днѣпровская (Смоленскъ), 6) Черноморская (Кіевъ), 7) Кавказская (Тифлисъ), 8) Украинская (Харьковъ), 9) Заволжская (Ярославль), 10) Камская (Казань), 11) Низовская (Саратовъ), 12) Обійская (Тобольскъ), 13) Ленская (Иркутскъ); кромѣ того, Московская область (Москва), Донская (Черкаскъ). Державы дѣлятся на уѣзды, уѣзды на волости отъ 500 до 1500 жителей мужского пола. Въ судебномъ отношеніи державы дѣлятся на округи, равные пространствомъ нынѣшнимъ губерніямъ. См. Библіотека декабристовъ, М. 1907, вып. IV, стр. 134—5.

мому, исключительно возникъ подъ вліяніемъ ихъ увлеченія сѣверо-американскою федеральною конституціей [1]).

Федерализмъ нашелъ себѣ, какъ извѣстно, безусловнаго и крайняго противника въ лицѣ Пестеля. Въ своей „Русской Правдѣ, наказѣ Временному верховному правленію" Пестель обрушивался на федерализмъ, какъ на величайшее зло [2]). Возраженія его были блестящи и обнаруживали у него глубокій государственный умъ. По мнѣнію Пестеля, федеративное устройство государства представляетъ слѣдующія неудобства: „Верховная власть въ такомъ государствѣ по существу дѣла не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ. Ежели же область не захочетъ повино-

1) Многія статьи проекта Муравьева были буквально скопированы съ американскихъ конституцій. Не потому ли и Россія была раздѣлена на 13 державъ, что американскій союзъ состоялъ при своемъ образованіи изъ 13 штатовъ? Ср. Семевскій, op. cit., стр. 459 и сл. Рылѣевъ тоже полагалъ, что самый приличествующій удобный образъ правленія для Россіи есть тотъ, который принятъ въ Соединенныхъ Штатахъ, именно областное правленіе Сѣверо-американской республики съ императоромъ въ главѣ, котораго власть не должна много превосходить власти президента Соединенныхъ Штатовъ. Семевскій, op. cit., стр. 489. Объ установленіи федеративной республики мечталъ и декабристъ Д. И. Завалишинъ, при чемъ въ видѣ доказательства возможности введенія въ Россіи федеративной республики онъ указывалъ на то, что въ Панамѣ будетъ конгрессъ для учрежденія такой республики въ Америкѣ. Семевскій, op. cit., стр. 491. Надъ планомъ конституціи работалъ и декабристъ Г. С. Батенковъ. Онъ тоже полагалъ, что въ виду обширности государства и разнообразія его климата и нуждъ населенія, вся Россія не можетъ быть управляема одинообразно, и потому онъ считалъ необходимыми частныя палаты въ областяхъ, собираемыя губернаторомъ. Семевскій, op. cit., стр. 487. Императоръ Николай написалъ на предположеніи о государственныхъ преобразованіяхъ декабриста Батенкова, въ которомъ говорилось объ учрежденіи областныхъ палатъ: „Все сіе виды и система Н. Муравьева о федеративномъ управленіи, съ симъ поздравляю тунгузцевъ". Семевскій, op. cit., стр. 483.

2) Пестель, Русская Правда или заповѣдная государственная грамота великаго народа россійскаго. Издана Щеголевымъ въ 1906 г. См. Семевскій, op. cit., стр. 510—551, 645—6.

ваться, то, дабы къ повиновенію ее принудить, надобно междоусобную войну завести, изъ чего явствуетъ, что въ самомъ коренномъ устройствѣ находится уже сѣмя къ разрушенію. Особые законы, особый образъ правленія и особыя отъ того происходящія понятія и образъ мыслей еще болѣе ослабятъ связь между разными областями. На верховную же власть будутъ области смотрѣть, какъ на вещь нудную и непріятную, и каждое областное правительство будетъ разсуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственныя дѣла, въ отношеніи къ своей области, безъ участія верховной власти. Вотъ новое сѣмя къ разрушенію. Каждая область, составляя въ федеративномъ государствѣ, такъ сказать, маленькое отдѣльное государство, слабо къ цѣлому привязано будетъ и даже во время войны можетъ дѣйствовать безъ усердія къ общему составу государства, особенно, если лукавый непріятель будетъ умѣть прельстить ее обѣщаніями о какихъ-нибудь особенныхъ для нея выгодахъ и преимуществахъ. Частное благо области, хотя и временное, однако же все-таки сильнѣе дѣйствовать будетъ на воображеніе ея правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, можетъ быть, въ то время очевидной пользы самой области. Слово государство, при таковомъ образованіи, будетъ слово пустое, ибо никто нигдѣ не будетъ видѣть государства, но всякій вездѣ только свою частную область, и потому любовь къ отечеству будетъ ограничиваться любовью къ одной своей области. Что же въ особенности касается до Россіи, то, дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства было бы для нея пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными учрежденіями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ „различными языками“ говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ,

жители оныхъ различныя происхожденія имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; и потому, ежели сію разнородность еще болѣе усилить чрезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже можетъ быть и бытіе свое между большими или главными государствами... А посему, соединяя всѣ сіи обстоятельства въ общее соображеніе, постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ таковому устройству государства вести бы могло“ [1]).

II.

Федерализмъ нѣкоторыхъ декабристовъ, навѣянный теоретическимъ увлеченіемъ сѣверо-американской конституціей, былъ явленіемъ эпизодическимъ, не имѣвшимъ никакихъ послѣдствій и никакого вліянія на дальнѣйшее развитіе русской политической мысли не оказавшимъ. Такимъ же въ сущности былъ и украинскій федерализмъ, обнаружившійся въ концѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, хотя, повидимому, онъ и стремился обосноваться на нѣкоторой исторической и этнографической традиціи. Въ 1847 году возникло въ Малороссіи „Кирилло-Меѳодіевское братство“; членами котораго были Шевченко, Костомаровъ и др. Это общество выработало слѣдующую программу: „1) Освобожденіе славянскихъ народовъ изъ подъ власти иноплеменниковъ; 2) организованіе ихъ въ самостоятельныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи

1) Пестель, Русская правда, СБП. 1906, стр. 21—23.

между собою ... 6) при полной свободѣ всякаго вѣроученія, употребленіе единаго славянскаго языка въ публичномъ богослуженіи всѣхъ существующихъ церквей ... 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей“ [1]).

Костомаровъ такъ впослѣдствіи въ своей автобіографіи объяснялъ основную идею Кирилло-Меѳодіевскаго общества: „Взаимность славянскихъ народовъ въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторіи. Мимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй. Мы стали воображать всѣ славянскіе народы соединенными между собою въ федераціи, подобно древнимъ греческимъ республикамъ, или Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, съ тѣмъ, чтобы всѣ находились въ прочной связи между собою, но каждая сохраняла свято свою отдѣльную автономію. Федерація только по однѣмъ народностямъ не оказалась для насъ вполнѣ удобною по многимъ причинамъ, а въ особенности по количественному неравенству массъ, принадлежавшихъ къ народностямъ. Какое въ самомъ дѣлѣ союзничество на основаніяхъ взаимнаго равенства могло существовать между ничтожными по количеству лужичанами и огромною массою русскаго народа съ неизмѣримыми пространствами его отечества? Мы пришли къ результату, что съ сохраненіемъ права народностей необходимо другое дѣленіе частей будущаго славянскаго государства, для его федеративнаго строя. Такимъ образомъ составилась мысль объ административномъ раздѣленіи земель, населяемыхъ славянскимъ племенемъ,

1) Кіевская старина, 1883, № 2. Цит. по статьѣ Богучарскаго, Русское освободительное движеніе на войнѣ за освобожденіе Болгаріи, Современный Міръ, 1911, № 3.

независимо отъ того, къ какой изъ народностей принадлежитъ это племя въ той или другой полосѣ обитаемаго имъ пространства. Мы не могли уяснить себѣ въ подробности образа, въ какомъ должно было явиться наше воображаемое федеративное государство; создать этотъ образъ мы предоставляли будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостнаго права и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію... Съ этою цѣлью явилась мысль образовать общество, котораго задача была бы распространеніе идей славянской взаимности... Обществу предположено было дать названіе общества св. Кирилла и Меѳодія, славянскихъ апостоловъ“ [1]).

Для пропаганды идей Кирилло-Меѳодіевскаго Общества Костомаровъ написалъ два воззванія: “Братьямъ украин-

---

1) Н. И. Костомаровъ, Литературное наслѣдіе. Автобіографія, Спб. 1890, стр. 61—62. Въ пунктахъ составленнаго Костомаровымъ „Устава Славянскаго Общества св. Кирилла и Меѳодія“ опредѣлялось, что 1) „духовное и политическое соединеніе славянъ есть истинное ихъ назначеніе, къ которому они должны стремиться... 2) При соединеніи каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность“; такими племенами въ уставѣ были признаны: южноруссы, сѣверноруссы съ бѣлоруссами, поляки, чехи съ словенцами (т. е. словаками), лужичане, иллиро-сербы съ хорутанами и болгаре. 3) „Каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію. 4) Правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ славянъ должны основываться на христіанской религіи... 6) Долженъ существовать Общій Славянскій Соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ“. Ср. Семевскій, Кирилло-Меѳодіевское Общество, Русское Богатство, 1911, № 5, стр. 120—1. Уставъ былъ напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ, 1893, № 7, стр. 399—400; Кіевская Старина, 1906, № 2, стр. 138—9.

цамъ“ и „Братьямъ великороссіянамъ и полякамъ“. Въ первомъ изъ нихъ предлагалось: „Всѣ славяне должны соединиться между собою; но такъ, чтобы каждый народъ составлялъ особенную Рѣчь Посполитую и управлялся не слитно съ другими, а такъ, чтобъ каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устройство“. Такими народами здѣсь были признаны великороссіяне, украинцы, поляки, чехи, словаки, хорутане, иллиросербы и болгаре. „Чтобъ существовалъ сеймъ или славянское собраніе, гдѣ бы сходились депутаты отъ всѣхъ республикъ славянскихъ и тамъ разсуждали бы и рѣшали дѣла, которыя относятся ко всему союзу славянскому. Чтобъ въ каждой республикѣ былъ правитель, избранный на время; и надъ цѣлымъ союзомъ былъ такой же правитель, выбранный на время“ [1]).

Федерализмъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства былъ теоріей всего нѣсколькихъ лицъ и никакого вліянія на русское общество онъ не оказалъ. Въ сущности, онъ сводился съ одной стороны, къ скромному требованію областной культурной дифференціаціи, съ другой, къ неопредѣленной и утопической панславистской мечтѣ о федераціи всѣхъ славянскихъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ народовъ.

Лишь въ 80-е годы была сдѣлана Драгомановымъ попытка такому „украйнофильству“ придать опредѣленный федералистическій и политическій характеръ, сводившійся къ требованію созданія новой національной и всеобъемлющей „украинской“ культуры, которая должна была получить свое самостоятельное политическое выраженіе и противостать великорусской въ общей федераціи [2]).

1) Семевскій, Кирил.-Меѳод. общ., стр. 123 (Ср. Былое, 1906, № 2, стр. 67—68).

2) Драгомановъ, Собраніе политическихъ сочиненій, 2 т. Парижъ, 1906; его же, Политическія сочиненія, т. I. Центръ и окраины, М. 1908. О Драгомановѣ см. М. Павликъ, Михайло Петровичъ Драгомановъ, его юбилей, смерть и автобіо-

Въ своемъ проектѣ украинской политико-соціальной программы, „Вольный союзъ — вільна спілка“, онъ предлагалъ раздѣленіе Россіи на двадцать автономныхъ областей (штатовъ), соединенныхъ между собою федеративною связью. Во главѣ мѣстнаго управленія и законодательства должно стоять представительное собраніе, областная дума и назначенная этою послѣднею областная управа. Завѣдываніе дѣлами, общими всему россійскому государственному союзу, и общегосударственное законодательство должны принадлежать двумъ думамъ: Государственной думѣ, избираемой всенароднымъ голосованіемъ, и Союзной думѣ, избираемой областными думами, при чемъ депутаты Союзной думы должны снабжаться обязательными инструкціями думъ областныхъ и могли замѣняться во всякое время другими представителями [1]).

графія и списъ творивъ, Львовъ, 1896; предисловіе къ первому тому сочиненій Драгоманова (М. 1908) Б. Кистяковскаго, М. П. Драгомановъ, стр. IX—LXXXII. Вначалѣ Драгомановъ федералистомъ не былъ. До своей эмиграціи, до 1876 г. онъ, будучи украинофиломъ, т. е. высказываясь за любовь къ мѣстной культурѣ и языку Малороссіи, стоялъ за единый общерусскій языкъ и литературу и не обнаруживалъ украинскаго партикуляризма. Впослѣдствіи, не безъ вліянія анархо-федералистическихъ идей русской эмиграціи, онъ сталъ принципіальнымъ сторонникомъ вообще федеративной формы. „Сколько-нибудь дѣйствительной политической свободы, писалъ онъ, нѣтъ и не можетъ быть при централизаціи, и всѣ политическіе перевороты, совершавшіеся на материкѣ Европы со временъ великой французской революціи, потому именно и не достигали даже ближайшихъ своихъ цѣлей, что только замѣняли самодержавіе королей самодержавіемъ парламентскаго большинства, оставляя неприкосновенною, или даже усовершенствуя централизованную бюрократическую машину управленія дѣлами странъ. Вѣдь не даромъ же и до сихъ поръ, серьезную политическую свободу имѣютъ въ Западной Европѣ только федеративная Швейцарія, да Англія съ ея системою сословныхъ, корпоративныхъ, земскихъ и городскихъ привилегій, муниципальная Бельгія, бывшая федеративная республика Голландія, да Скандинавскія государства, въ которыхъ система централизаціи никогда не имѣла большой силы“. Драгомановъ, Историческая Польша и великорусская демократія (1882) въ Собраніи политическихъ сочиненій, Парижъ, 1905, стр. 194—5.

1) Собраніе политическихъ сочиненій, Парижъ, 1906, I, стр. 281 и сл.

Такъ какъ федерализмъ есть лишь политическое средство объединенія разрозненныхъ народовъ, а малорусскій народъ давно уже объединенъ въ одну общую политическую систему Россійской Имперіи, то весь этотъ украинскій федерализмъ не имѣетъ никакихъ корней въ реальной дѣйствительности. Поскольку вообще „украинство“ не является требованіемъ общаго мѣстнаго самоуправленія, а выражаетъ собою національный партикуляризмъ, оно не имѣетъ и этнографическихъ корней: она есть теорія не національная, а лишь племенная, что безусловно осуждено исторіей всѣхъ странъ.

III.

Въ общемъ разсмотрѣніи исторіи русскаго федерализма нельзя обойти молчаніемъ и тѣ конфедеративныя теченія, которыя очень сильно по временамъ проявлялись въ различныхъ крайнихъ революціонныхъ русскихъ движеніяхъ.

Теченія эти вполнѣ анархическаго происхожденія и характера. Идейнымъ вдохновителемъ ихъ былъ главнымъ образомъ Бакунинъ [1]). Уже въ 1848 г. Бакунинъ принялъ участіе на пражскомъ съѣздѣ славянъ и ратовалъ за федерацію славянскихъ народовъ. Въ статьѣ, напечатанной имъ тогда же [2]), онъ провозглашалъ „основы славянской феде-

1) М. А. Бакунинъ, Полное собраніе сочиненій, 2 т., СПб. Изд. Балашова, 1906; его же, Рѣчи и воззванія, изд. Балашова, СПб. 1906; его же, Кнуто-Германская имперія и соціальная революція, М. 1907; его же, Богъ и государство, Изд. „Равенства“, М. 1906; его же, Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву, СПб. 1907; Bakounine, Oeuvrs, Paris, 4 т. 1895—1911. Среди многочисленной литературы о Бакунинѣ основными и дающими представленіе объ его политическихъ федералистическихъ идеяхъ слѣдуетъ указать на: M. Nettlau, Michael Bakunin. Eine Biographie, 3 литограф. тома, 1898; Драгомановъ во вступленіи къ изданнымъ имъ Письмамъ Бакунина, Парижъ, 1895; и особ. James' Guillaume, L'internationale. Documents et souvenirs, 4 т. Paris, 1905—1910.

2) Основы новой славянской политики см. Slavische Jahrbücher, 1848, № 49. Ср. Бакунинъ, Рѣчи и воззванія, изд. Балашовъ, СПБ. 1906, стр. 124 и сл.

раціи". По этимъ основамъ признавалась независимость всѣхъ народовъ, составляющихъ славянское племя. Славянскіе народы должны были объединиться въ общій союзъ съ центральнымъ славянскимъ совѣтомъ (rada slowenska); этотъ совѣтъ былъ бы высшей властью и судомъ; всѣ обязаны были подчиняться его рѣшеніямъ. Этотъ совѣтъ разрѣшалъ бы споры между отдѣльными народами и руководилъ бы внѣшней политикой союза.

Въ памфлетѣ „Народное дѣло" 1862 г. Бакунинъ заявлялъ: „Мы будемъ стремиться вмѣстѣ со всѣмъ племенемъ славянскимъ къ осуществленію завѣтной славянской мечты: великой и вольной федераціи Всеславянской, гдѣ каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ; чтобы каждый стоялъ за всѣхъ и всѣ — за каждаго, и чтобы не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобы не было ничьей гегемоніи, но чтобы существовала единая и нераздѣльная общеславянская сила" [1].

Вначалѣ, повидимому, политическія идеи Бакунина вращались въ обычномъ кругу федеративныхъ государственныхъ соединеній, но впослѣдствіи, съ обостреніемъ его анархическихъ идеаловъ, онъ все болѣе склонялся къ идеѣ свободнаго конфедеративнаго союза общинъ, долженствующаго замѣнить современныя государства. Такъ въ 1868 году на конгрессѣ лиги мира и свободы Бакунинъ произнесъ пространную рѣчь, гдѣ выставилъ слѣдующіе принципы, на которыхъ, по его мнѣнію, можетъ создаться международный миръ и справедливость: „1) уничтоженіе того, что называется историческимъ правомъ и политическою необходимостью государства, во имя каждаго населенія, большого и малаго, слабаго или сильнаго, также какъ каждой

1) Бакунинъ, Народное дѣло (Сочиненія, 1906, I, СПБ., 231—2).

отдѣльной личности, располагать собою съ полной свободой, независимо отъ потребности и притязаній государства и ограничивая эту свободу только равнымъ правомъ другихъ, 2) уничтоженіе всякихъ вѣчныхъ контрактовъ между личностями и коллективными единицами — ассоціаціями, областями, націями..., 3) признаніе для личностей, такъ же какъ и для ассоціацій, общинъ, провинцій и націй, права свободнаго удаленія изъ союзовъ съ единственнымъ условіемъ, чтобы выходящая часть не поставила въ опасность свободу и независимость цѣлаго, отъ котораго отходитъ, своимъ союзомъ съ иностранной и враждебной державой...".

Впрочемъ и эти заявленія Бакунина не означали еще полнаго отрицанія всякой власти и всякой юридической организаціи. Онъ, правда, писалъ: „мы заключаемъ объ абсолютной необходимости разрушенія государствъ", но тутъ же прибавлялъ, т.-е. „ихъ радикальной и полной трансформаціи въ томъ смыслѣ, что, переставши быть централизованными и организованными сверху внизъ державами, они черезъ силу или власть какого-нибудь принципа реорганизуются — съ абсолютной свободой для всѣхъ частей соединяться или не соединяться и сохраняя за каждой свободу всегда выйти изъ союза, даже свободно признаннаго — снизу вверхъ, сообразно реальнымъ нуждамъ и естественнымъ тенденціямъ частей, въ свободную федерацію индивидуумовъ и ассоціацій, общинъ, округовъ, провинцій и націй въ человѣчествѣ"[1]). Относительнаго будущаго строя Бакунинъ склонялся къ федералистическимъ идеямъ Прудона. „Всеобщій миръ будетъ невозможенъ, пока существуютъ нынѣшнія централизованныя государства. Мы должны, стало быть, желать ихъ разложенія, чтобы на развалинахъ этихъ единствъ, организованныхъ сверху внизъ деспотизмомъ и завоеваніемъ, могли развиваться единства свободы, организованныя снизу

1) Oeuvres I, P. 1905, стр. 155—156.

вверхъ, свободной федераціей общинъ въ провинціи, провинцій въ націи, націй въ соединенные штаты Европы“ [1]). Упомянутую выше рѣчь свою на конгрессѣ лиги мира и свободы Бакунинъ закончилъ слѣдующимъ выводомъ: „Тотъ, кто желаетъ вмѣстѣ съ нами учрежденія свободы, справедливости и мира, кто хочетъ торжества человѣчества, кто хочетъ полнаго и совершеннаго освобожденія народныхъ массъ, долженъ желать вмѣстѣ съ нами разрушенія всѣхъ государствъ и основанія на ихъ развалинахъ всемірной федераціи производительныхъ свободныхъ ассоціацій всѣхъ странъ“.

Эта будущая конфедерація представлялась Бакунину совершенно такою же, какъ и Прудону, съ тою только разницей, что связь должна быть еще слабѣе, нѣтъ деталей объ устройствѣ, о федеративномъ судѣ и рѣзче подчеркнута мысль о правѣ каждаго члена выйти изъ федераціи. Бакунинъ подчеркиваетъ, что федеративная связь должна простираться не только на государства и на отдѣльныя коммуны внутри каждаго государства, но и на провинціи. Между автономной общиной и государствомъ, по мысли Бакунина, должна быть автономная провинція. „Никакая изолированная община — говоритъ онъ — не въ состояніи противостоять могуществу этой грозной централизаціи: она будетъ раздавлена. Чтобы не пасть въ этой борьбѣ, она должна федерироваться, для общаго противодѣйствія, со всѣми сосѣдними общинами, т.-е. она должна образовать съ послѣдними автономную провинцію [2]).

---

1) Письма М. А. Бакунина, стр. 422.

2) Oeuvres, I, стр. 17. Къ идеямъ Прудона и Бакунина присоединился и представитель современнаго анархизма, Петръ Кропоткинъ. Основными единицами федераціи, по мысли Кропоткина, должны явиться общины (коммуны). Однако эти общины не будутъ территоріальными агломератами: онѣ не будутъ знать ни границъ, ни стѣнъ. Община есть группа равныхъ, а не цѣлое, точно опредѣленное. Каждая группа общинъ по необходимости будетъ притягиваться къ другимъ подобнымъ

Федеративныя идеи Бакунина перваго періода (не соединявшіяся еще съ отрицаніемъ государствъ, какъ таковыхъ) раздѣлялъ и Герценъ. Еще въ 1859 г. онъ писалъ: „Я высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ, и никто никому не принадлежитъ, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ. Федеральныя единства могутъ даже существовать при такомъ антагонизмѣ, какой находится между Сѣверными Штатами и Южными въ Америкѣ". Централизація, жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фрунту, по мнѣнію Герцена, убиваетъ все индивидуальное, характерное, мѣстное [1]). „Мы ровно не принимаемъ ни матеріальную силу за право, ни историческое право за силу. Мы признаемъ не только за каждой народностью, выдѣлившейся отъ другихъ и имѣющей естественныя границы, право на самобытность, но за каждымъ географическимъ положеніемъ. Если бъ Сибирь завтра отдѣлилась отъ Россіи, мы первые привѣтствовали бы ея новую жизнь. Государственная цѣлость вовсе не совпадаетъ съ народнымъ благосостояніемъ .... Быть Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украйнѣ, съ кѣмъ они хотятъ или ни съ кѣмъ, лишь бы волю ихъ узнать неподдѣльную, а дѣйствительную" [2]). „Мы признаемъ отдѣльнымъ провинціямъ полное право на всяческую аутономію, на вольное соединеніе, на полное слитіе, на полное расторженіе. Разумѣется, что

же группамъ въ другихъ коммунахъ; она сгруппируется, вступитъ съ ними въ федерацію посредствомъ узъ, столь же сильныхъ, какъ тѣ, которыя ее соединяютъ съ ея согражданами и составитъ общину интересовъ, члены которой будутъ разсѣяны въ тысячахъ другихъ городовъ и общинъ. Эти общины, подобно отдѣльнымъ лицамъ, соединятся другъ съ другомъ посредствомъ договоровъ. Надъ общиной могутъ существовать лишь интересы федераціи, свободно заключенной по соглашенію съ другими общинами. Ср. Kropotkine, Paroles d'un révolté' стр. 108 и сл.

1) Второе письмо къ польскому патріоту въ 1859 г. Колоколъ. Избранныя статьи А. И. Герцена (1859—1869), подъ ред. Л. Тихомірова, Женева, 1887, стр. 95 и сл.

2) Колоколъ, № 147 отъ 15 окт. 1862; op. cit. стр. 353—4.

мысль федерализаціи и расчлененія, также какъ мысль національности, можно довести до каррикатуры преувеличеніями. Но это будетъ шалость, а не возраженіе; только тѣ группы, провинціи, тѣ части государства и будутъ добиваться до самобытности, которыя имѣютъ дѣйствительные элементы на особенность, на самобытность. Съ какой стати Калужская губернія или Тульская скажетъ, что она хочетъ быть своей, какъ Украйна“ [1])?

Традиція бакунинскаго анархическаго конфедерализма упорно сохраняется среди крайнихъ русскихъ оппозиціонныхъ теченій [2]).

---

1) Колоколъ № 167 отъ 1 іюля 1863, op. cit., стр. 413—4. Ср. Колоколъ, № 192 отъ 1 дек. 1864 г., op. cit., 530; Колоколъ, № 230 отъ 1 дек. 1866, op. cit., стр. 644.

2) Такъ программа газеты „Народное Дѣло“ требовала „полной воли для всѣхъ народовъ, нынѣ угнетенныхъ имперіей, съ правомъ полнѣйшаго самораспоряженія, на основаніи ихъ собственныхъ инстинктовъ, нуждъ и воли; дабы, федерируясь снизу вверхъ, тѣ изъ нихъ, которые захотятъ быть членами русскаго народа, могли бы создать сообща дѣйствительно вольное и счастливое общество въ дружеской и федеративной связи съ такими же обществами въ Европѣ и въ цѣломъ мірѣ“. Лавровскій „Впередъ“ въ своей первой программной статьѣ, помѣщенной въ т. I, 1873 г., заявлялъ, что съ развитіемъ прогресса „начало государственное и централизаціонное все болѣе уступаетъ началу свободной федераціи все болѣе мелкихъ общественныхъ единицъ. Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне мало значенія. Надо, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предыдущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному или соціальному центру она потянетъ“. Въ передовой статьѣ № 48 газеты „Впередъ“, 1876 г., написанной Лавровымъ говорилось: общежитіе, осуществляющее принципъ коллективизма, предполагаетъ, между прочимъ, свободную федерацію, какъ типъ всякаго общежитія“. Въ 1878 г. группа „Общины“, заявляла: „мы смотримъ на вольную федерацію общинъ, какъ на первый шагъ, съ котораго должна начаться новая фаза общественнаго развитія“. Въ первомъ номерѣ „Чернаго Передѣла“ заявлялось: „лишь федеративный принципъ въ политической организаціи освободившагося народа, только полное устраненіе принудительнаго начала, на которомъ основаны современныя государства, и свободная организація снизу вверхъ могутъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни. Малороссія, Бѣлоруссія, Польша, Кавказъ, Финляндія, Бессарабія, каждая изъ этихъ

IV.

Слабые слѣды федералистическаго движенія замѣчаются въ Россіи въ нѣкоторыхъ окраинныхъ областяхъ, съ не русскимъ населеніемъ, хотя впрочемъ движенія эти еле замѣтны, ни въ какія опредѣленныя формы не выливаются и больше выражаютъ собою стремленіе къ областной автономіи на національной почвѣ, чѣмъ къ дѣйствительной федерализаціи государственнаго строя Россіи [1]).

Изъ этихъ движеній наибольшія историческія основанія имѣетъ и наиболѣе ярко выраженъ польскій автономизмъ. Въ Польшѣ впрочемъ популярна не идея славянской федераціи, а ягеллонская идея, идея самостоятельнаго государственнаго существованія Польши [2]). Федерализмъ вхо-

---

составныхъ частей Россійской Имперіи имѣетъ свои народныя особенности, требуетъ самобытнаго, автономнаго развитія". Программа „Народной Волп" заявляла: „государственное устройство должно быть основано на союзномъ договорѣ всѣхъ общинъ и каждая община въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вполнѣ независима и свободна". См. В. А. Поссе, Національная автономія и всемірная федерація. Какова должна быть программа рус. пролет., вып. IV, Женева 1905, стр. 47—48.

1) Основной новѣйшей работой по этимъ національнымъ движеніямъ, не столько впрочемъ съ юридической, сколько съ политической точки зрѣнія, является сборникъ разныхъ авторовъ: Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Австро-Венгріи. Россія. Германія. Подъ ред. А. И. Кастелянскаго, СПБ. 1910.

2) Относительно государственно-политической исторіи Польши см. Кутшеба, Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши, СПБ., 1907 и Oswald Balzer, Historia ustroju Austrji w zarysie, Lwow, 1899. Подробная юридическая польская библіографія дана A. Suligowski, Bibliografia prawnisza polska XIX i XX wieku, Warszawa, 1911. См. Awalow, Federalism, sejmy krajowe, Warszawa, 1905; Projekt autonomi Królestwa Polskiego, opracowany przez Związek Postępowo-Demokratyczny (Nowa Gazeta, 1906, № 285); Popiel Jan, O autonomji Królestwa, Krakow, 1906; Boganiel Jasinowski, Samorząd i autonomja (Nowa Gazeta, 1906, № 254, 256); Jan Zadora, Trzy autonomje Królestwa Polskiego (Ognisko miesięcznik, 1906, № 2—3); Bronislaw Bouffal, Autonomja kolonji

дитъ въ программу Литовской демократической партіи, требующей автономіи Литвы съ сеймомъ въ Вильнѣ [1]). Къ федерализму склонны нѣкоторыя партіи на Кавказѣ. Существовала грузинская партія соціалистовъ-федералистовъ, образовавшаяся въ концѣ 90-хъ годовъ. Партія армянской федераціи „дашнакцутюнъ" признавала федерализмъ принципомъ организаціи какъ самой партіи, такъ и отношеній междупартійныхъ, международныхъ и междунаціональныхъ [2]). Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторую склонность къ федерализму и у сибирскихъ автономистовъ. Среди этихъ послѣднихъ одни, чистые автономисты, выдѣляли всю Сибирь въ самостоятельное цѣлое съ областною сибирскою думой

---

angielskiech, Warszawa, 1907, приложеніе къ Gazety Sądowy, №№ 23—29); Wldislaw Studnicki, Konstytucja rosyiska i prawnopanstwowe stanowisko Królestwa Polskiego, 1906; его же, Польша въ политическомъ отношеніи отъ раздѣла до нашихъ дней, СПБ., 1907; Autonomja i samorząd (Prawda, 1907, str. 14, 40, 50, 62, 73, 93, 105, 117, 129, 192); Jan Stecki, W sprawie autonomji Królestwa Polskiego, Krakow, 1907 (по поводу этой брошюры: W. Szyszlo, Samorząd czy autonomja, Warzawa, 1907, и Bohuszewicz, Nowe poglądy na autonomje Królestwa Polskiego, Lwow, 1907; M. Mazowiecki, Federalism a polityka socjalistyczna, въ приложеніи къ сочиненію Kautsky, Parlementarism, Krakow, 1907); Baudoin de Courtenay, Autonomja Polski, докладъ прочитанный въ Краковѣ въ 1906 г., Krakow, 1907; S. Mendelson, Autonomja i samorząd miejscowy (Gazeta Sądowa, 1907, №№ 1—4); Godlewski St., Autonowja wobec praw zasadniczych (Dzieniku Slowo, 1907, № 289); H. Konic, Autonomia w swietle teorji i praktyki (Gazeta Sądowa, 1908, №№ 5—8); К. Кульчицкій (Мазовецкій), Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ, М. 1907 (о Россіи отд. VI, стр. 188—211); А. Л. Погодинъ, Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907), СПБ., 1907; В. Есиповъ, Автономія Польши, Варшава, 1907.

1) См. постановленія виленскаго народнаго съѣзда и литовскаго крестьянскаго союза 4—5 декабря 1905. Ср. „Varpos", 1902, 1904, 1905 г., органъ „литовской демократической партіи", издававшійся въ Тильзитѣ отъ 1889—1905.

2) См. Протоколы конференціи россійскихъ народно-соціалистическихъ партій, 1907.

и съ инородческими сеймами, подчиняющимися сибирской думѣ, другіе, централисты, допускали сеймы только для инородческаго населенія, подчиняя русское населеніе центральной русской власти [1]).

Въ свое время мы высказали наше сужденіе о томъ видѣ федерализма, который стремится, исходя изъ національнаго принципа, къ раздробленію существующихъ унитарныхъ государствъ. Всякій національный, раздробляющій федерализмъ есть лишь крайнее выраженіе провинціализма, пережитой стадіи политической жизни человѣчества, борющагося противъ болѣе высокой и совершенной формы государственнаго бытія, возвышающагося въ своемъ высшемъ единствѣ надъ мелкими областными различіями. Осуществить такую національную программу значило бы повернуть назадъ весь историческій ходъ человѣчества, значило бы не только раздробить существующее государство, но и уничтожить существующія государственныя границы, создавши новыя, этнографическія или національныя. Поэтому во всякомъ провинціально-племенномъ федерализмѣ всегда есть извѣстная доля анархизма, отрицанія существующихъ государствъ.

Опредѣленно эта анархическая тенденція выражена въ возникшемъ за послѣднее время своеобразномъ персонально-національномъ федерализмѣ, о которомъ мы уже говорили, разсматривая національную проблему. Протагонисты этого теченія въ Россіи вдохновляются идеями Шпрингера (Реннера) и О. Бауэра [2]).

Программа такой національно-персональной автономіи

---

1) Г. Н. Потанинъ, Нужды Сибири (Сборникъ Сибирь, ея современное состояніе и нужды); Семевскій, Нѣсколько словъ въ память Н. М. Ядринцева (Рус. Мыс. 1895, № 1); Н. Некрасовъ, Культурныя и политическія проблемы Сибири. (Русская мысль, 1912, № 2).

2) См. сборники „Серпъ“ и различныя брошюры книгоиздательства европейской организаціи „Серпъ“.

была довольно опредѣленно изложена въ докладѣ Борисова на конференціи національно-соціалистическихъ партій 1907 г. Основная идея этой программы сводится къ слѣдующему. Національный союзъ образуется изъ живущихъ повсемѣстно въ данной странѣ лицъ, принадлежащихъ по происхожденію къ данной національности и не заявившихъ о своемъ выходѣ изъ нея. Лица инонаціональнаго происхожденія становятся членами даннаго національнаго союза путемъ подачи особаго о томъ заявленія. Вступленіе въ тотъ или иной національный союзъ, а также выходъ изъ него составляетъ добровольный актъ для каждаго гражданина; но, состоя въ союзѣ, члены подчиняются всѣмъ нормамъ его на началахъ принудительности.

Дѣла и нужды, непосредственно касающіяся исключительно какой-либо данной національности, входятъ въ кругъ вѣдѣнія автомныхъ учрежденій, покоящихся на слѣдующихъ общихъ основаніяхъ: 1) Каждый народъ, живущій въ предѣлахъ Россіи, независимо отъ занимаемой имъ территоріи, конструируется въ автономную группу, которая вполнѣ самостоятельно удовлетворяетъ и регулируетъ всѣ свои національныя потребности на основахъ демократическаго строя. 2) Территоріальныя дѣленія сохраняютъ исключительно областное значеніе и не оказываютъ никакого вліянія на строй національныхъ отношеній и на сумму правъ, присваиваемыхъ той или иной національностью. 3) Каждая національность, въ совокупности всѣхъ ея частей, разсѣянныхъ въ различныхъ областяхъ и пунктахъ государства, образуетъ вмѣстѣ одинъ національный союзъ, который завѣдуетъ всѣми своими національными дѣлами совершенно автономно. 4) Формы и строй національной жизни для каждаго народа въ отдѣльности первоначально устанавливаются національными учредительными собраніями, созванными для этой цѣли на основахъ всеобщаго, безъ различія пола, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, и получаютъ утвержденіе въ порядкѣ

общаго законодательства; при этомъ производится тщательное согласованіе различныхъ положеній, выработанныхъ отдѣльными національными учредительными собраніями, какъ между собою, такъ и съ общими основами демократическаго строя, опредѣленными общегосударственными законами. 5) Членомъ даннаго національнаго союза считается всякое лицо, принадлежащее по происхожденію къ данной національности и не заявившее о своемъ выходѣ изъ состава союза. Лицо инонаціональнаго происхожденія вступаетъ въ данный національный союзъ при условіи подачи особаго о томъ заявленія. 6) Для удовлетворенія національныхъ нуждъ органамъ національнаго самоуправленія предоставляется право на самостоятельное установленіе и расходованіе своего бюджета. 7) Всѣ споры и столкновенія между отдѣльными національностями разрѣшаются особымъ верховнымъ судомъ.

Примѣрный строй автономно-національной жизни рисуется сторонникамъ такой персональной національной автономіи въ слѣдующихъ чертахъ: 1) Основной единицей для самоуправленія является національная община, включающая всѣхъ жителей опредѣленнаго территоріальнаго района, принадлежащихъ къ данному національному союзу. 2) Органомъ управленія дѣлами національной общины является общинный совѣтъ, избираемый посредствомъ всеобщаго избирательнаго права всѣми членами данной общины. 3) Для объединенія дѣятельности отдѣльныхъ національныхъ общинъ допускается образованіе областныхъ союзовъ національныхъ общинъ съ избираемыми особо союзными общинными совѣтами. 4) Верховнымъ органомъ національнаго самоуправленія является національный сеймъ, избираемый всѣмъ населеніемъ страны, принадлежащимъ къ данному національному союзу. Сеймъ служитъ единственнымъ представителемъ даннаго народа по всѣмъ дѣламъ, носящимъ обще-національный характеръ.

Кругъ вѣдѣнія всѣхъ перечисленныхъ органовъ на-

ціональнаго самоуправленія отличается извѣстной растяжимостью и модифицируется соотвѣтственно разнообразію нуждъ и интересовъ народа, каждаго въ отдѣльности. Предполагаемый общій кругъ дѣятельности органовъ національнаго самоуправленія сводится къ слѣдующимъ функціямъ: 1) организація народнаго образованія (устройство и завѣдываніе школами низшими, по возможности и средними), 2) созданіе учрежденій, способствующихъ развитію національной культуры (устройство библіотекъ, художественныхъ галлерей, выставокъ, театровъ и т. п.), 3) организація профессіональнаго образованія, 4) организація общественнаго призрѣнія и народнаго здравія (устройство больницъ, инвалидныхъ домовъ, санаторій, дешевыхъ столовыхъ и т. п.), 5) организація взаимной и трудовой помощи (устройство кооперацій, ссудосберегательныхъ товариществъ, дешеваго кредита и т. п.), 6) организація статистики по всѣмъ вопросамъ народной жизни, 7) руководство эмиграціоннымъ и переселенческимъ дѣломъ, — и другіе вопросы по опредѣленію національныхъ учредительныхъ собраній [1]).

V.

Единственный вопросъ, вызвавшій въ Россіи чрезвычайно обширную юридическую литературу по федерализму, касается отношеній Финляндіи къ Россіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности вступать здѣсь въ обсужденіе этого вопроса по существу и должны ограничиться, слѣдуя нашему общему плану, лишь только общей характеристикой различныхъ проявленій финляндскаго федерализма.

Въ финляндской, шведской и иностранной литературѣ существуетъ энергично защищаемое мнѣніе, что Финляндія есть своеобразное государственное цѣлое, находящееся въ особыхъ отношеніяхъ уніи къ Россіи.

---

1) Протоколы конференціи россійскихъ нац.-соц. партій 1907, стр. 46—48.

Одни считаютъ, что здѣсь имѣется реальная унія, общностью единаго монарха соединяющая Россію и Финляндію. Въ каждой изъ частей этой уніи имѣется свое особое государственное устройство, свои основные законы, своя монетная система, своя таможенная граница, свое особое подданство. Отношеніе между ними договорнаго характера, и характеръ этой уніи можетъ быть измѣненъ только по взаимному соглашенію. Наиболѣе извѣстнымъ представителемъ такого пониманія взаимоотношенія Россіи и Финляндіи является Мехелинъ [1]).

Другіе сторонники государственнаго характера Финляндіи создаютъ теоріи особаго побочнаго, низшаго государства, которое якобы можетъ существовать на ряду съ государствомъ высшимъ. Отрицая, что верховная власть есть существенный признакъ государства, и видя такой признакъ въ чемъ-нибудь другомъ, напр., въ извѣстной сферѣ внутренней автономіи, не могущей быть отмѣненной по волѣ чужой власти, они утверждаютъ, что и Финляндія, по этому признаку, составляетъ особое государство. Однако юридически конструировать отношеніе между Россіей и Финляндіей въ этомъ случаѣ имъ не удается, такъ какъ оно не подходитъ подъ извѣстные типы уній, конфедеративныхъ и федератив-

1) Л. Мехелинъ, Конституція Финляндіи, перев. К. Ф. Ордина, Спб. 1888; его же, Das Staatsrecht des Grossfürstentums Finnland (Marquardsens Handbuch), 1889; его же, La question finlandaise, Гельсингфорсъ, 1893; La question finlandaise, въ Revue politique et parlementaire, 1898, стр. 186 и слѣд.; его же, Новая книга г. Еленева и поправки къ ней („Вѣстникъ Европы", 1898, № 12, стр. 808—831); его же, Къ вопросу объ автономіи Финляндіи и ея основныхъ законахъ. Критика сочиненія проф. Сергѣевскаго, Берлинъ, 1903; его же, Разногласія по русско-финляндскимъ вопросамъ. Критическій обзоръ, Гельсингфорсъ и СПБ., 1908, на шведскомъ, русскомъ и финскомъ яз.; Delpech, La question finlandaise, les droits du Grand-Duché de Finlande et le manifeste du tsar du $^{3}/_{16}$ février 1899, Paris, 1899 (extrait de la Revue générale de droit international public, sept. — oct. 1899).

ныхъ соединеній, и потому вопросъ о такой конструкціи остается обыкновенно открытымъ [1]).

Наиболѣе авторитетные и безпристрастные представи-

---

1) Р. Германсонъ, Письмо въ редакцію. По вопросу о законахъ Финляндіи („Вѣстн. Европы", 1890, № 6, стр. 776—798); его же, Государственно-правовое положеніе Финляндіи, Перев. со шведскаго, СПБ. 1892; его же, Ein Beitrag zur Beurteilung der staatsrechtlichen Stellung des Grossfürstentums Finnland. Leipzig, 1900 (въ „Deutsche Juristen-Zeitung", т. VI, стр. 46 и слѣд.); его же, Къ финляндскому вопросу. Матеріалы, СПБ. 1908 (Отношеніе между Россіей и Финляндіей не можетъ быть названо ни личною, ни реальную уніею, ни федеральнымъ государствомъ, ни отношеніемъ вассальнымъ. Финляндія, какъ государство съ своею собственною конституціею, соединена съ Имперіей въ одну державу, являющуюся сложнымъ государствомъ, въ которомъ Имперія занимаетъ положеніе господствующей власти). Близко къ мехелиновскому воззрѣнію на Финляндію подходитъ Р. Эрихъ, Государственно-правовое положеніе Финляндіи въ освѣщеніи иностранныхъ юристовъ, СПБ. 1908; Erich, Die finnländische Frage (Archiv für öffentliches Recht, 1909, т. XXIV, стр. 499—519; его же, Das Staatsrecht des Grossfürstentums Finnland (Das öffentltche Recht der Gegenwart), 1912. Впрочемъ и Эрихъ, считая, что юридическая структура связи Финляндіи съ Россіей очень близко подходитъ къ реальной уніи, однако принужденъ сознаться, что здѣсь идетъ дѣло „о государственномъ соединеніи sui generis". Тотъ же взглядъ высказалъ и І. Р. Даніельсонъ, Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою. По поводу соч. К. Ордина. „Покореніе Финляндіи", Гельсингфорсъ, 1890; его же, Finnlands Vereinigung mit dem Russischen Reich, Гельсингфорсъ. 1891. Сюда же должна быть отнесена заграничная агитаціонная литература по финляндскому вопросу, больше проводящая извѣстныя политическія desiderata, чѣмъ занимающаяся объективнымъ юридическимъ анализомъ: Westlake, The case of Finland (National Review, 1900), Despagnet, La question finlandaise au point de vue juridique, Paris 1901; Michoud et de Lapradelle, La question finlandaise, P. 1901; Nyholm, Die Stellung Finnlands im russischen Kaiserreich, Leipzig, 1901; van der Vlught, Le conflit finlandais envisagé au point de vue juridique, P., 1900; Fisher, Finland and the Tsars 1809—1899, 2 изд. London, 1901; Getz, Das staatsrechtliche Verhältnis zwischen Finnland und Russland, Leipzig 1900; Rehm, Finnland und Russland (Deutsche Juristen-Zeitung, 1900); Bornhak, Russland und Finnland. Ein Beitrag zur Lehre von der Staatenverbindungen, Leipzig, 1900, 2 изд. 1909.

тели государственной науки, а также всѣ русскіе юристы[1]) высказываются противъ какого бы то ни было государственнаго характера Финляндіи и видятъ въ ней лишь автономную инкорпорированную провинцію[2]).

1) Тѣ изъ русскихъ юристовъ, которые мелькомъ утверждали государственный характеръ Финляндіи, дѣлали это голословно и доводовъ въ пользу своего мнѣнія не приводили.

2) Ѳ. П. Еленевъ, Финляндскій современный вопросъ. Спб. 1891; его же, La question finlandaise contemporaine d'après les sources russes et finlandaises, P. 1891; его же, Ученіе о финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893; его же, Чего достигли и чего домогаются впредь достигнуть финляндцы по пути отпаденія ихъ отъ русской государственной власти. М. 1898; Н. М. Коркуновъ, В. Княжество финляндское („Юрид. Лѣтопись", 1890, № 4, стр. 317—329; то же въ Русскомъ государственномъ правѣ, т. I, 312); Г. Абовъ (М. М. Бородкинъ), Изъ исторіи ученій финляндскаго государственнаго права („Ж. М. Ю." 1895, № 8, стр. 93—123; отд. Спб. 1895); С. К. Михайловъ (М. М. Бородкинъ), Юридическое положеніе Финляндіи. Замѣтки по поводу отзыва сейма 1899 г., Спб. 1901; М. М. Бородкинъ, Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи. Спб. 1902; его же, Финляндскій вопросъ. Спб. 1905; Ординъ, Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу, Т. I. — Изслѣдованія, статья, записки и письма. Съ предисловіемъ издат. Б. К. Ордина. Спб. 1908; тт. II и III 2-е изд, „Покореніе Финляндіи", Спб. 1909; Н. С. Таганцевъ, Высочайшій Манифестъ 1 декабря 1880 г. и Финляндское Уголовное уложеніе (Юридич. Лѣтопись, 1891, т. I, изд. особ. Спб. 1910); его же, По поводу предстоящаго введенія особаго уложенія для В. Кн. Финляндіи. Записка отъ 23 Іюня 1890 г. Спб. 1910; Мессарошъ, Финляндія — государство или русская окраина? Спб. 1897; его же, Существуетъ ли конституція въ Финляндіи? Спб. 1900; Н. Д. Сергѣевскій, Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Очерки. Спб. 1902; его же, Запросы по финляндскому управленію въ Государственной Думѣ 1908 года, Спб. 1908; Э. Берендтсъ, Лекціи по административному праву Вел. Кн. Финляндскаго, Т. I—II, Спб. 1903; его же, Кое-что о современныхъ вопросахъ. Ч. 5. Автономія Прибалтійскихъ губерній, Польши и Финляндіи, Спб. 1907; его же, Къ финляндскому вопросу (По поводу рѣчи члена Гос. Думы. П. Н. Милюкова 13 мая 1908 г. при разсмотрѣніи запросовъ по финляндскому управленію) Спб. 1910; его же, По поводу воззваній иностранныхъ ученыхъ относительно правъ Финляндіи,

Это мнѣніе и намъ представляется единственно правильнымъ. Въ свое время мы достаточно подробно обосновали тотъ взглядъ, что нельзя распространять понятіе государства и на союзы несуверенаго характера. Созданіе категоріи какого-то побочнаго или низшаго государства ни къ чему не служитъ, такъ какъ, съ подчиненіемъ такого государства суверенной власти высшаго государства, неприкосновенность его внутренней автономіи нисколько не гарантируется.

Что касается какого-нибудь государственно-правового соединенія (конфедеральнаго или федеральнаго характера), то о немъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ высшая суверенная власть имперіи, простирающаяся и на Финляндію, образуется безъ необходимаго участія финляндской власти, носитъ унитарный, а не дуалистическій характеръ, и сама автономія Финляндіи есть не договорное состояніе, а односторонняя уступка суверенной русской власти.

Защитники государственнаго характера Финляндіи исходятъ изъ двухъ главныхъ основныхъ аргументовъ, — во-первыхъ, изъ факта почти полной автономіи финляндскаго управленія, во-вторыхъ, изъ утвержденія, будто эта автономія составляетъ договорное достояніе финляндскаго народа, вступившаго въ соглашеніе съ Императоромъ Александромъ I, при присоединеніи Финляндіи къ Россіи. Для доказательства этого послѣдняго обстоятельства, юридически очень существеннаго, производится тщательный и подчасъ чисто схоластическій анализъ отдѣльныхъ выраженій Фридрисгамскаго мира 1 октября 1809 г., грамоты Александра I

Спб. 1910; Вольфъ ф. Остенъ-Сакенъ, Государственно-правовое положеніе Вел. Кн. Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ, Спб. 1910; его же, Russland und Finnland. Zur kritik der Bornhakschen Construction des Staatsrechtlichen Verhältnisses, St. Petersburg, 1910; М. Пергаментъ, Юридическая природа реальной уніи, Одесса, 1893, стр. 99—103 (Финляндія — инкорпорированная часть Россіи); Б. Кистяковскій, по поводу книги Эриха въ „Критическомъ обозрѣніи“; Б. Нольде, Очерки русскаго государственнаго права, Спб. 1911, стр. 468—554.

къ Боргоскому сейму отъ 15 марта 1809 г., а также отдѣльныхъ публичныхъ и частныхъ заявленій Александра I.

Впрочемъ этотъ анализъ отдѣльныхъ выраженій актовъ того времени говоритъ опредѣленно противъ идеи какого бы то ни было соглашенія Россіи съ Финляндіей, какъ съ государствомъ. Въ декларацiи 16 марта 1808 г., разосланной европейскимъ державамъ при занятіи Финляндіи, Александръ I заявлялъ о присоединеніи навсегда Финляндіи къ Россійской имперіи; въ манифестѣ 5 іюня 1808 г., обращенномъ къ жителямъ Финляндіи, Александръ I заявлялъ: „въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто“. По 4-й статьѣ Фридрихсгамскаго мира Финляндія уступалась Россіи по праву завоеванія и заявлялось, что все ея населеніе, права и т. п. appartiendront désormais en toute propriété et souveraineté à l'empire de Russie et lui restent incorporés.

Всѣ доводы защитниковъ договорнаго характера финляндской автономіи сводятся къ указанію на заявленіе грамоты 15 марта 1809 г., распубликованной при созывѣ Боргоскаго сейма: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили“.

Однако это было одностороннее пожалованіе монаршей воли, какъ всякое дарованіе какой-нибудь привилегіи, которая при измѣнившихся обстоятельствахъ можетъ быть всегда взята и обратно. То, что въ данномъ случаѣ никакого до-

говорнаго отношенія съ Боргоскимъ сеймомъ и не могло быть, прекрасно было показано Коркуновымъ: „Было бы въ самомъ дѣлѣ совершенно несообразностью допустить возможность договора о присоединеніи страны между государемъ и имъ самимъ же учрежденнымъ въ этой странѣ сеймомъ. Если Александръ I имѣлъ право учредить никогда не существовавшій прежде финляндскій сеймъ и созвать его въ сессію, то это одно уже доказываетъ, что онъ въ то время уже былъ государемъ Финляндіи и ему рѣшительно незачѣмъ было еще договариваться съ сеймомъ объ ея присоединеніи... Что нибудь одно: или Александръ I, русскій императоръ, имѣлъ право учреждать финляндскій сеймъ, но тогда онъ уже сталъ раньше государемъ Финляндіи и ему уже незачѣмъ было договариваться съ сеймомъ объ ея присоединеніи; или онъ не былъ еще государемъ Финляндіи, но тогда онъ не имѣлъ права учреждать сейма, и всѣ постановленія сейма не имѣютъ никакого юридическаго значенія“ (Русское государственное право, т. I, 7 изд. 1909, § 18).

Единственно, что дѣлало отношеніе Финляндіи къ Россіи юридически неопредѣленнымъ, это то, что не было юридическихъ точныхъ правилъ, нормирующихъ эти отношенія, не было установлено, какимъ образомъ должно совершаться обще-имперское законодательство, имѣющее силу и для Финляндіи, какимъ образомъ должно вообще осуществляться верховенство русской власти надъ финляндской. Этотъ чрезвычайно пагубный пробѣлъ былъ, наконецъ, заполненъ закономъ „о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія“ 17 іюня 1910 г. [1]).

---

1) См. обширное изданіе текста закона и стенографическій отчетъ преній, при разсмотрѣніи его въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ: „О порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія, СПБ. 1911.

Законъ этотъ вполнѣ точно опредѣлилъ юридическое положеніе Финляндіи, какъ инкорпорированной, самоуправляющейся провинціи Россіи. Изданный въ 1912 г. въ силу этого закона законъ о равноправіи русскихъ въ Финляндіи имѣетъ неоспоримую юридическую силу.

VI.

За исключеніемъ вопросовъ о реальной уніи, возбуждавшихся по поводу положенія Финляндіи въ Имперіи, русскіе юристы до настоящаго времени очень мало занимались теоретическими проблемами федеральныхъ соединеній. Поскольку же, обычно случайно, русскіе писатели касались федеративныхъ конструкцій, они принимали теорію Лабанда-Еллинека, которая, можно сказать, безраздѣльно господствуетъ въ русской юридической литературѣ. Мы не знаемъ ни одной русской попытки дать хотя бы приблизительно самостоятельное построеніе федеративной теоріи.

Коркуновъ, напр., прямо признавалъ, что наилучшее разрѣшеніе вопроса о природѣ федеральнаго государства мы находимъ у Еллинека. „Признавъ, что государства могутъ быть и не суверенными, отличительный признакъ государствъ Еллинекъ видитъ во властвованіи по собственному праву и потому самостоятельномъ, не подлежащимъ ничьему надзору. Государство, напротивъ, и сдѣлавшись частью союзнаго государства, сохраняетъ самостоятельное право властвованія. Его властвованіе ограничивается союзной властью, теряетъ свой верховный характеръ, но сохраняетъ свою самостоятельность, безконтрольность. Союзной власти не принадлежитъ право контролировать, какъ осуществляютъ отдѣльныя государства оставшуюся за ними долю власти. Ихъ власть, какъ бы она ни была ограничена, принадлежитъ имъ не только quo ad exercitium, но и quo ad jus[1]).

1) Коркуновъ, Русское государственное право, изд. 4, 1901, стр. 149.

Повидимому, къ этому же мнѣнію склоняется и Котляревскій; по крайней мѣрѣ, онъ сочувственно приводитъ опредѣленіе Рема, что федеральное государство есть „государство, составленное изъ нѣсколькихъ государствъ, которыя всѣ участвуютъ въ его державной волѣ“. Такое федеральное государство Котляревскій считаетъ субъектомъ права и, подобно Лабанду, въ этомъ видитъ главное отличіе его отъ конфедераціи государствъ, представляющей лишь правовое отношеніе. „Союзъ государствъ (Staatenbund) есть лишь постоянное соединеніе отдѣльныхъ государствъ; при этой формѣ въ ея чистомъ видѣ требуется единогласіе всѣхъ входящихъ въ союзъ государствъ для измѣненія его устройства — и, слѣдовательно, право выхода въ случаѣ несогласія“ [1]).

Въ самостоятельности, но не суверенности власти отдѣльныхъ штатовъ, составляющихъ федеральное государство, не теряющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своего государственнаго характера, видитъ отличительный признакъ федеральнаго государства и Кокошкинъ. „Союзное государство или федерація (fédération, Bundesstaat) есть сложное государство, т. е. государство, само состоящее изъ государствъ. Входящія въ составъ федераціи государства подчиняются власти федераціи, т. е. того цѣлаго, которое они образуютъ, но тѣмъ не менѣе сохраняютъ государственный характеръ; ихъ власть самостоятельна, но не суверенна. Федеративное государство можетъ возникнуть въ формѣ договора государствъ, ранѣе не связанныхъ другъ съ другомъ или связанныхъ только международной, конфедеративной связью. Но это не договоръ въ собственномъ смыслѣ слова, создающій лишь взаимныя права и обязанности, а соглашеніе, создающее новое объективное право, которое затѣмъ дополняется и развивается путемъ закона и обычая“ [2]).

1) Котляревскій, Конституціонное право, стр. 64.
2) Кокошкинъ, Русское государственное право, II, 150—1.

Такъ же смотритъ на природу федеральныхъ государствъ и Байковъ. Члены федеральнаго государства отличаются, по его мнѣнію, отъ простыхъ самоуправляющихся территоріальныхъ единицъ тѣмъ, что „власть ихъ является юридически самобытной, первоначальной, непроизводной, и что дѣятельность ихъ подлежитъ отрицательному, а не положительному контролю со стороны федеральной власти". „Союзное государство — не союзъ государствъ, исключающій подчиненіе членовъ союза чужому верховенству; но оно сохраняетъ государственно-правовой характеръ за членами федераціи; юридическое взаимоотношеніе между ними представляется междувластнымъ, хотя и значительно уклоняющимся отъ современнаго международнаго права, въ виду господства верховной власти союза" [1]).

---

1) Байковъ, Властныя и междувластныя отношенія, стр. 368. Существенно то же и у Горенберга, Теорія союзнаго государства, СПБ. 1891, стр. 212 и сл.; Пергаментъ, Юридическая природа реальной уніи, Одесса 1893, стр. 70 и сл.; Паліенко, Ученіе о сущности права, Харьковъ, 1908, стр. 314 и сл.; Корфъ, Федерализмъ, СПБ. 1908 (впрочемъ никакой опредѣленной теоріи федеральнаго государства авторъ не даетъ; повидимому, склоняется къ мнѣнію Еллинека, стр. 76—77); Рейснеръ, Государство, М. 1911, II, 247—263 (авторъ видитъ въ федерализмѣ лишь торжество народоправства; разсматриваетъ федерализмъ только съ политической точки зрѣнія, и трудно сказать, каково его воззрѣніе на юридическую природу федеральныхъ государствъ). Лишь у Нольде есть отклоненіе отъ Лабандо-Еллинековской точки зрѣнія. Вполнѣ правильно онъ полагаетъ, что по содержанію правъ штаты федеральнаго государства никакимъ государственнымъ характеромъ не обладаютъ и въ этомъ смыслѣ они вполнѣ совпадаютъ съ самоуправляющимися провинціями. Разгадка же особенностей такъ называемыхъ несуверенныхъ государствъ, составляющихъ федеральное государствъ, лежитъ, по мнѣнію Нольде, не томъ, что въ обычно считается ихъ основнымъ признакомъ. Свойства внутренняго устройства и свойства компетенціи несуверенаго государства могутъ быть на лицо и у всякихъ другихъ развитыхъ единицъ самоуправленія. Сущность организаціи, напр., Германской имперіи заключается въ томъ, что отдѣльныя государства, какъ таковыя, являющіяся единицами самоуправленія, въ тоже время обладаютъ правами власти въ имперіи. Нольде, Очерки русскаго государственнаго права, СПБ. 1911, стр. 275—6. Кромѣ того вопросовъ теоретическаго федерализма на русскомъ языкѣ

VII.

Изъ всѣхъ федеративныхъ теченій, которыя имѣли мѣсто въ Россіи, настоящей природѣ федерализма, какъ политическаго объединенія, соотвѣтствовалъ лишь панславистскій федерализмъ.

Идея общеславянскаго политическаго единства зародилась уже давно въ Россіи, и уже въ XVII вѣкѣ протагонистомъ ея былъ Юрій Крижаничъ, призывавшій Россію на борьбу противъ турокъ за славянъ [1]).

Панславистскій федерализмъ очень опредѣленно началъ развиваться въ Россіи въ XIX в. съ эпохи движенія декабристовъ. Членъ тайнаго „Общества Соединенныхъ Славянъ“

касаются: Кульчицкій, Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ, М. 1907; Мижуевъ, Главныя федераціи современнаго міра, СПБ. 1907; наши прежнія работы: Соціализмъ и интернаціонализмъ, М. 1907 и Международный федерализмъ, М. 1908.

1) Брикнеръ, Юрій Крыжаничъ о восточномъ вопросѣ (Древняя и Новая Россія, 1876 г., № 12); Вальденбергъ, Государственныя идеи Крижанича, СПБ. 1912. О панславизмѣ Крижанича Leger, Le monde slave, 1873, стр. 308 и сл.; Кулишъ, Восточный вопросъ и задунайская славянщина передъ глазами московскаго царя Михаила Ѳеодоровича (Жур. Мин. Нар. Просв., 1878, № 2); Макушевъ, Восточный вопросъ въ XVI и XVII в. (Славянскій сборникъ, 1876, т. III); П-нъ, Давность славянской идеи въ русскомъ обществѣ (Вѣстникъ Европы, 1878, № 5). По исторіи панславизма см.: Первольфъ, Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ по XVIII в., СПБ. 1874; Первольфъ, Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, Варшава, 1886; А. Пыпинъ, Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ (Вѣст. Евр. 1878, V и сл.); А. Пыпинъ, Литературный панславизмъ (Вѣстникъ Европы, 1879, III, 591 и сл.); Pechany Ad., A panszlavizmus multja eś jelene, Nitra, 1886; Успенскій, Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ, СПБ. 1887; Ивановъ, І., Славянската взаимность въ борбите и съборите (Български Прегледъ, Год. V, София 1899, кн. V, VII); Tobolka, Slovansky sjezd v Praze roku 1848, Прага, 1901, гл. I (стр. 1—37) очеркъ развитія идей славянской взаимности въ XIX вѣкѣ.

декабристъ И. И. Горбачевскій такъ опредѣлялъ цѣль Общества: „Общество имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластья, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами Союза и для измѣненія въ случаѣ надобности общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній“ [1]). Основатель этого общества, П. И. Борисовъ 2-й, на слѣдствіи показалъ: „Федеративный союзъ славянскихъ поколѣній, подобный греческому (очевидно, ахейскому), но гораздо его совершеннѣе, былъ моимъ прожектомъ“. На восьми-угольной печати Общества Соединенныхъ Славянъ были обозначены восемь славянскихъ народовъ: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словенцы и поляки.

Федералистическаго панславизма держались и члены Кирилло-Меѳодіевскаго Общества. Они сами такимъ образомъ характеризовали основныя цѣли этого общества: 1) „Такъ какъ цѣлью общества будетъ возвращеніе славянскимъ народамъ ихъ самостоятельности и нравственной свободы, то каждый членъ долженъ стараться распространять правильныя идеи о свободѣ, основанной на христіанскомъ ученіи и на народномъ правѣ. 2) Такъ какъ эта свобода достижима для насъ и другихъ покоренныхъ племенъ только при соединеніи славянъ въ одно государство, основанное на ува-

1) Горбачевскій, Записки неизвѣстнаго, Русскій Архивъ, 1882, кн. 2, стр. 443. Цит. по ст. Богучарскаго „Русское освободительное движеніе и война за освобожденіе Болгаріи“.

женіи народности каждаго, то члены должны распространять: а) понятія о правѣ каждаго изъ славянскихъ племенъ на самостоятельность; б) пробуждать любовь къ славянамъ... и уничтожать... всякое предубѣжденіе, существующее между племенами; в) распространять памятники, пробуждающіе народность и сознаніе взаимнаго братства“ [1]).

Поскольку славянофилы представляли себѣ политическое устройство объединеннаго славянскаго міра, они постоянно склонялись къ федераціи славянскихъ народовъ. Это можно сказать даже о такомъ славянофилѣ, какъ Герценъ. Въ четвертомъ письмѣ о Россіи и Польшѣ онъ писалъ: „Въ виду романскаго и германскаго міра, собирающихся во едино, естественно, что неопредѣленная мысль славянской федерализаціи, родившаяся у западныхъ славянъ, окрѣпла и стала глубже входить въ сознаніе. Само собою разумѣется, что мы говорили о вольномъ союзѣ равныхъ, мы никогда не говорили ни о завоеваніи, ни о рабскомъ присоединеніи къ Россіи... Говоря о будущей славянской федерализаціи, я совершенно согласенъ съ вами, что этотъ вопросъ нельзя разрѣшить съ плеча и что въ его рѣшеніе входитъ весьма важнымъ элементомъ время. Я не думаю, чтобы славянскіе народы сразу были готовы вступить въ тотъ союзъ, о которомъ я говорилъ. Но если до него надобно дойти рядомъ разныхъ независимыхъ формъ и отдѣльныхъ сочетаній, я все же не вижу, отчего не имѣть будущій союзъ въ виду, какъ идеалъ, какъ широкую, покойную гавань? Вы полагаете, что лучше и естественнѣе было бы славянскому міру раздѣлиться на двѣ отдѣльныя части, т. е. по одну сторону была бы Россія, „славяне смѣшаные съ чудью и туранскими племенами“, по другую Польша и „старые славяне“. Призваніе и поприще дѣятельности однихъ, — „огромныя плоскости Азіи до Тихаго океана. Назначеніе другихъ —

1) Семевскій, Кирилло-Меѳодіевское общество, Русское Богатство, 1911, № 5, стр. 118—9.

отпоръ германскому владычеству и завоеваніе Турціи". Герценъ не вѣритъ въ возможности такого соединенія Польши и западныхъ славянъ, безъ Россіи; но „изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы западные славяне необходимо соединились съ Россіей; но соединятся ли они въ противномъ случаѣ федерально съ одной Польшей, это нисколько не рѣшенный вопросъ. Впрочемъ, у нихъ есть все, что нужно, горы и моря, рѣки и границы, чтобы составить свою Дунайскую и Карпатскую федерацію; и если они этого хотятъ, пусть остаются независимыми. Ближайшее будущее можетъ быть таково; но развѣ мы не имѣемъ права идти мысленно дальше завтрашняго дня — и тогда естественно представляется вопросъ, зачѣмъ эти три славянскія федераціи и государства, вопреки стремленію другихъ народностей, остаются посторонними, неужели такъ мало сродства въ ихъ крови, что они не ищутъ союза? Е. Жирарденъ недавно въ своей брошюрѣ предлагалъ союзъ цѣлой Европѣ, основанный на уничтоженіи постоянныхъ войскъ и всѣхъ международныхъ стѣсненій. Союзъ этотъ невозможенъ только по невѣжеству массъ и по узкимъ цѣлямъ правительствъ. — Вы заставляете меня желать славянскую федерализацію съ русской гегемоніей, для блеска Россіи, для ея могущества, значенія въ Европѣ... Я же скажу вамъ мою мысль не обинуясь. Я только для нерусскаго славянскаго міра отъ всей души желалъ братскій союзъ съ Россіей для того, чтобы, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, они не были бы взяты въ расплохъ" [1]). И снова, по поводу войны 1859 года Герценъ писалъ: „Ни Славяне, ни Мадьяры не составляютъ ни сателитовъ, ни даже попутчиковъ германскому миру. Славяне — это грядущая часть человѣчества, вступающая въ исторію. Мадьяры составляютъ какую-то самобытную случайность, они

1) Колоколъ, Собраніе статей А. И. Герцена (письмо отъ 1 марта 1859), Женева, 1887, стр. 109—113.

имѣютъ столько же правъ на независимость, сколько Швейцарія, сколько Греція, сколько Молдо-Валахія. Разноплеменность въ вольномъ союзѣ, въ конфедераціи, ничего не значитъ; тессинецъ, гризонъ считаютъ себя гражданами единой и кантональной республики, точно такъ, какъ житель Апенцеля или Лозанны. Стоитъ взглянуть на карту, чтобъ понять, что отъ Балканъ до Адріатики готовы звенья обширной конфедераціи съ славными берегами, съ естественными границами и съ плодоноснѣйшей почвой"[1]).

Объ обширномъ и нѣсколько фантастическомъ планѣ федераціи всей восточной части Европы, со включеніемъ большей части Австріи и всего Балканскаго полуострова, мечталъ Данилевскій, въ своей столь нашумѣвшей книгѣ, Россія и Европа. Отрицая возможность австрійской федераціи и федераціи австрійско-турецкой, онъ отстаивалъ идею федераціи общеславянской, въ которую Россія вошла бы только какъ членъ. Столицей всей федераціи долженъ быть Константинополь. Столицами же Россіи должны попрежнему оставаться Петербургъ и Москва. Общеславянская федерація должна, по проекту Данилевскаго, быть составлена слѣдующимъ образомъ: 1) Русская Имперія съ присоединеніемъ всей Галиціи и венгерской Украйны; 2) Чехо-мораво-словакское королевство съ присоединеніемъ сѣверо-западной части Венгріи (9 мил. жит.; 1,800 кв. мил.); 3) Сербо-хорвато-словенское королевство, состоящее изъ Сербіи, Черногоріи, Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи, Сѣверной Албаніи, венгерской Сербіи, Банатіи, Хорватіи, Словеніи, Далмаціи, Военной границы, Крайны, Горицы, Градиска, Истрій, Тріеста, двухъ третей Карпатіи, пятой части Штиріи до Дравы (8 мил.; 1,500 кв. мил.); 4) Болгарское королевство изъ Болгаріи, части Румыніи и Македоніи (6 мил.; 3,000 кв. м.);

1) Письмо отъ 1 іюня 1859 г., op. cit., стр. 148.

5) Румынское королевство изъ Валахіи, Молдавіи, части Буковины половины Трансильваніи до Мороша, западной Бессарабіи, населенной молдаванами съ Дунайской дельтой и Добруджей (7 мил. жит.; 3,000 кв. м.); 6) Греческое королевство съ присоединеніемъ Македоніи, всѣхъ острововъ Архипелага, Родоса, Крита, Кипра и азіатскаго берега Эгейскаго моря (4 мил.; 2,800—3000 кв. м.); 7) Венгерское королевство изъ Венгріи и Трансильваніи за исключеніемъ частей, принадлежащихъ къ Россіи, Чехіи, Сербіи и Румыніи (7 мил.; 3000 кв. м.); 8) Константинопольская провинція съ береговыми частями Румеліи, Малой Азіи, берегомъ Босфора, Мраморнаго моря, Дарданеллами, Галлиполи и остр. Тенедосомъ (2 мил. жит.). Въ этомъ проектѣ не находитъ себѣ мѣста Польша[1]).

VIII.

Намъ остается бросить общій взглядъ на смыслъ и значеніе развитія русскаго федерализма, имѣетъ ли онъ жизненное значеніе или есть надуманное, случайное, безъ всякаго будущаго теченіе.

---

1) И. Я. Данилевскій, Россія и Европа, СПБ., 4 изд. 1889; см. стр. 356—392 противъ австрійской федераціи, стр. 396 и сл. за общую славянскую конфедерацію, стр. 419—465 объ устройствѣ этой конфедераціи. О славянофилахъ и панславизмѣ, кромѣ указанныхъ выше, см. А. Пыпинъ, Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ, СПБ. 1873, особ. стр. 233—344, тамъ же Чаадаевъ о будущемъ единеніи народовъ, стр. 138—9; Пыпинъ, Славянскій вопросъ по взглядамъ И. Аксакова. (Вѣстникъ Европы, 1886, № 8); Штуръ, Славянство и міръ будущаго, Москва, 1867; Ровинскій, Россія и Славяне (Древняя и Новая Россія, 1878, № 2); Добровъ, Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ, СПБ. 1879; Неклюдовъ, Славянскій вопросъ, М. 1886; А. Будиловичъ, Общеславянскій языкъ, въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы, 2 т., Варшава, 1892; С. Жигаревъ, Русская политика въ восточномъ вопросѣ, М. 1876, II, стр. 440 и сл.

Мы неоднократно высказали уже наше мнѣніе вообще о цѣнности и значеніи федеративныхъ формъ: являясь желанными для внесенія порядка въ тѣ отношенія, которыя еще находятся въ періодѣ анархіи, эти формы, сами по себѣ, далеки отъ совершенства, онѣ — лишь компромиссъ, лишь меньшее изъ золъ. Форма федеративная вся построена на соглашеніяхъ, на взаимныхъ уступкахъ, очень хрупка, неустойчива и слаба; для своего болѣе или менѣе нормальнаго функціонированія она требуетъ совсѣмъ исключительнаго духа законности и привычки населенія къ повиновенію законамъ и въ особенности рѣшеніямъ безпристрастнаго и нейтральнаго суда, разрѣшающаго конфликты между центральной и мѣстными властями. Но даже у народовъ наиболѣе способныхъ подчиняться закону и судебнымъ рѣшеніямъ, мы видимъ неизбѣжную эволюцію къ образованію унитарнаго государства. Такова уже тенденція политическаго развитія человѣческихъ обществъ.

Мы не думаемъ, что есть основаніе измѣнять этотъ общій взглядъ на федерализмъ спеціально по отношенію къ Россіи. Разсмотрѣніе эволюціи федеративныхъ формъ и идей съ достаточною ясностью намъ показало, что появленіе жизнеспособнаго федерализма есть лишь выраженіе роста унитарной идеи. Въ Россіи же федерализмъ мыслимъ, лишь какъ раздробленіе единой суверенной власти, и потому онъ долженъ быть безусловно осужденъ.

Разумѣется, унитарное устройство государства и политическій централизмъ не одно и то же, и мы съ достаточной настойчивостью постоянно различали политическую децентрализацію отъ федерализма. Если въ Россіи нужно противодѣйствовать всякому федеративному теченію, какъ жизнеразрушительному, то, наоборотъ, слѣдуетъ всячески содѣйствовать разумному и цѣлесообразному самоуправленію, какъ жизнь созидающему и утверждающему началу.

Самоуправленіе вообще есть самодѣятельность общества,

есть усиленіе интенсивности гражданской и политической энергіи, есть сила, устойчивость и жизненность общественнаго порядка, ибо оно тяжесть управленія разлагаетъ на многія плечи, ибо оно создаетъ яркую и интересную жизнь, не въ одномъ центрѣ сосредоточенную, а разсѣянную во всей странѣ. Нѣтъ ничего болѣе анти-народнаго, какъ исключительное поглощеніе всей національной жизни столицей: на милліонъ-два лицъ, могущихъ пользоваться благами столичной культуры, громадная масса народа, лишенная этихъ благъ и осужденная на скудную и сѣрую жизнь провинціи. Центры художественной красоты, научной дѣятельности, культуры должны, несомнѣнно, быть многочисленными.

Но самоуправленіе и децентрализація должны, разумѣется, быть цѣлесообразно примѣненными. Для того же, чтобы быть правильно организованнымъ, самоуправленіе должно отвѣчать двумъ непремѣннымъ условіямъ. Одно условіе заключается въ томъ, что оно должно не ослаблять, а усиливать государственное цѣлое, не разъединять людей, а соединять ихъ, сближать въ общей солидарной работѣ; поэтому нужно высказаться противъ политической децентрализаціи по племеннымъ, провинціально-національнымъ признакамъ; децентрализовать страну нужно не потому, что въ той или другой области живетъ населеніе съ силами отталкиванія отъ общаго центра государственной жизни, а потому, что имѣется въ странѣ, въ силу географическихъ, экономическихъ и т. п. условій, самостоятельные центры жизни, давши которымъ нѣкоторую политическую самостоятельность, можно создать живую дифференціацію политическаго устройства. Другое условіе, которому должна удовлетворять организація самоуправленія, заключается въ томъ, чтобы оно было построено не на абстрактныхъ принципахъ отвлеченнаго, математическаго равенства условій избранія, одинаковаго административнаго механизма и т. д., а чтобъ оно

сообразовалось со всею конкретной обстановкой децентрализуемой области, при чемъ всѣ условія расоваго, религіознаго, промышленнаго и т. п. характера были бы приняты во вниманіе.

Именно въ силу перваго условія, требуемаго отъ цѣлесообразно организованнаго самоуправленія, нужно безусловно высказаться противъ національной децентрализаціи Россіи. Въ данномъ случаѣ положеніе Россіи совсѣмъ иное, чѣмъ, скажемъ, Австро-Венгріи. Въ Австріи федерализмъ и національная децентрализація имѣютъ смыслъ и неизбѣжны именно потому, что тамъ нѣтъ безусловно господствующаго центра, нѣтъ имперской національности, и вслѣдствіе этого государство не можетъ справедливо быть организованнымъ иначе какъ на политическомъ равновѣсіи національностей.

Иное дѣло Россія, гдѣ области съ не русскимъ населеніемъ составляютъ окраины и имѣютъ ничтожное значеніе по сравненію съ общей массой имперскаго населенія, которое, конечно, ни въ какихъ федеральныхъ и договорныхъ отношеніяхъ съ этими областями быть не можетъ? Всѣ попытки сторонниковъ національной федерализаціи Россіи основываются на произвольномъ утвержденіи національной пестроты состава Россіи. Россія есть страна съ преобладающимъ, громадное большинство составляющимъ русскимъ населеніемъ и съ незначительнымъ меньшинствомъ инородческимъ. Чтобы ослабить этотъ фактъ, совершенно произвольно дѣлятъ русскую національность на три національности, которыя составляютъ лишь варіаціи одной національности.

Въ пользу этого нашего взгляда мы могли бы привести мнѣнія двухъ лицъ, которыя никакъ не могутъ быть заподозрѣны въ томъ, что они разрѣшали данный вопросъ съ чисто эгоистической или односторонней точки зрѣнія и не имѣли въ виду дѣйствительной политической справедливости. Въ третьемъ письмѣ о Россіи и Польши Герценъ писалъ (въ 1859 г.). „Всѣ государства въ мірѣ составились очень незаконно

и очень насильственно, такъ что если передать дѣла приращеній Франціи и Англіи на разборъ гражданской палаты, то мы сведемъ ихъ на какую-нибудь гальскую деревушку и на англо-саксонскую рыбачью слободку. Въ Лондонѣ во время крымской войны продавали карту Россіи, въ которой ярко были обозначены всѣ поземельныя приращенія ея со временъ татарскаго ига. Ядро Россіи, или настоящая благопріобрѣтенная Русь была обозначена около Москвы верстъ на сто, остальное все взято силой. „Помилуйте, говорилъ я одному здѣшнему публицисту, какого вы маху дали, и Москва также захвачена силой, настоящая Россія это часть Новгородскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ“. Если мы будемъ раздроблять государства на основаніи незаконнаго роста ихъ, одинъ только и останется въ своихъ границахъ Косьма безсеребрянникъ, ничего не стяжавшій, — это республика Санъ-Марино“.

Въ очень дѣльной статьѣ, Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ (Русская мысль, 1912, № 1), П. Струве прекрасно доказалъ, что „русское прогрессивное общественное мнѣніе должно энергично, безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ, вступить въ идейную борьбу съ „украинствомъ“, какъ съ тенденціей ослабить и отчасти даже упразднить великое пріобрѣтеніе нашей исторіи — общерусскую культуру“. „Я, — писалъ этотъ авторъ, — сознательно и рѣшительно высказываюсь противъ заострения этихъ „областныхъ“ тенденцій до политическаго и культурнаго партикуляризма, отрицающаго общерусскую культуру, ея органъ и символъ, — общерусскій языкъ, и стремящагося областное украинское начало поставить въ одинъ рядъ и на одну ступень съ національной стихіей, которая, по моему глубокому убѣжденію, въ единой Россіи должна быть въ этомъ смыслѣ единой“. „Общерусскій языкъ, въ его обоихъ проявленіяхъ, и какъ письменная *κοινή* и какъ *κοινή* разговорная, есть для русскихъ племенъ языкъ болѣе

чѣмъ государственный, есть языкъ общекультурный и общенародный". „Естественное, „стихійное" развитіе, опирающееся на могущественный процессъ въ экономической жизни, благопріятствуетъ общерусскому языку. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что онъ языкъ не только государственности, но и новой хозяйственной культуры. Капитализмъ разговариваетъ и будетъ разговаривать не по-малорусски, а по-русски. Помимо этого, поскольку капитализмъ привлекаетъ на украинскую почву великорусское населеніе, онъ этимъ самымъ непосредственно вноситъ въ первоначальную этническую цѣльность Украйны извѣстное разложеніе, могущественно усиливающее общерусскій элементъ въ ущербъ малорусскому".

„Для меня, — продолжаетъ авторъ, — не подлежитъ сомнѣнію, что одна изъ главныхъ, и образовательныхъ, и практическихъ, задачъ начальной школы заключается въ томъ, чтобы всякаго русскаго пріобщать къ органу русской культуры, русскому языку, и что къ этому нужно стремиться всѣми разумными способами. Это нужно такъ же, какъ знаніе ариѳметики, это есть, если можно такъ выразиться, обязательная общегражданская грамотность". „Языкъ „Полнаго Собранія Законовъ", языкъ Пушкина, Гоголя, Тургенева и Льва Толстого, будучи, по своей лингвистической основѣ, великорусскимъ, — по своему культурно - историческому значенію есть общій русскій языкъ, есть *κοινή* всѣхъ русскихъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи".

Мы тоже полагаемъ, что всѣ эти попытки на мѣсто языка громаднаго, въ скоромъ времени мірового оборота поставить языки, которые, конечно, имѣютъ свои достоинства, но являются языками изолированія, языками отчужденія, осуждаются всѣми условіями современнаго существованія, борются со всѣмъ ходомъ исторіи. Исторія неизмѣнно оріентируется въ направленіи ко все большей политической интеграціи. Нѣкоторыя гигантскія государства, представля-

ющія собою сильныя и смѣлыя расы, повидимому, движутся къ поглощенію міра; націи же, рамки и честолюбіе которыхъ остаются на прежней ступени, должны примириться съ тѣмъ, чтобы видѣть свое положеніе среди другихъ народовъ мало-по-малу уменьшающимся или присутствовать при своемъ собственномъ паденіи, платя своей абсолютной стушеванностью за тѣнь самостоятельнаго существованія, которую захотятъ гарантировать имъ великія державы. Историческія условія болѣе не способствуютъ пустымъ панегирикамъ, моднымъ въ XVIII вѣкѣ, о моральномъ и интеллектуальномъ превосходствѣ и счастьѣ небольшихъ государствъ. Нынѣ нужно смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, нужно принимать во вниманіе дѣйствительное положеніе маленькаго государства среди возникающихъ или существующихъ великихъ державъ, а не играть съ абстракціей небольшого государства среди другихъ малыхъ государствъ.

Глава шестая.

Международный конфедерализмъ.

Въ своемъ объединяющемъ вліяніи федерализмъ не останавливается на образованіи сложныхъ государствъ и обширныхъ имперій, а простирается на все человѣческое общество, находя въ политическомъ организованіи его свое естественное завершеніе и предѣльный пунктъ.

Въ настоящее время всѣ государства земли объединены въ общеніе международнаго права. Это международно-правовое общеніе зиждется на началахъ многовластія, неорганизованной поліархіи и, слѣдовательно, представляетъ собою одну изъ политическихъ формъ, названную нами неорганизованнымъ конфедерализмомъ.

Однако неорганизованный конфедерализмъ, какъ форма политическаго общенія, страдаетъ такими коренными недостатками, что неизбѣженъ рано или поздно переходъ къ организованнымъ конфедеративнымъ соединеніямъ. Созданіе такой международной конфедеративной организаціи человѣчества и есть стоящая на очереди современная задача міровой политики. Эта организація требуется соображеніями какъ чисто юридическими, такъ и соціолическими и этическими.

Международная организація, чтобы быть дѣйствительной, должна простираться на государства всего міра, считаться съ дѣйствительнымъ соотношеніемъ политическихъ силъ и быть формой международной конфедераціи съ законодательными, исполнительными и судебными органами.

I. Обоснованіе международнаго конфедерализма.

I. Международно-правовое общеніе, какъ неорганизованный конфедерализмъ. — II. Соціологическое обоснованіе международной организаціи. III. Политико-юридическое обоснованіе международной организаціи. — IV. Этическое обоснованіе международной организаціи. — V. Критика пацифизма.

I.

Современная международная жизнь отъ тѣхъ неорганизованныхъ и аморфныхъ юридическихъ отношеній, какія регулируются нормами международнаго права, должна перейти къ постоянной организаціи и къ созданію опредѣленныхъ политическихъ органовъ, въ которыхъ находила бы себѣ необходимое закрѣпленіе общественно-функціональная роль права.

Изъ долгаго и по необходимости нѣсколько затянувшагося разсмотрѣнія развитія новѣйшаго федерализма въ различныхъ странахъ міра съ полной ясностью мы могли убѣдиться, что жизнеспособнымъ федерализмъ являлся только тогда, когда онъ былъ объединителемъ, на мѣсто нѣсколькихъ суверенныхъ властей создающимъ единый суверенитетъ; если же и возникалъ иногда федерализмъ децентрализующій, въ большинствѣ случаевъ впрочемъ обреченный на неудачу, то онъ не столько обыкновенно имѣлъ въ виду разрывъ единой суверенной власти на нѣсколько суверенныхъ властей, сколько болѣе сложную и дифференцированную организацію единой суверенной власти.

Федерализмъ объединялъ общины въ государства, близкія по духу и по историческимъ судьбамъ государства въ конфедераціи и федеральныя государства, повсюду стремясь къ образованію обширныхъ имперій, обнимающихъ многія націи. Есть полное основаніе думать, что объединяющая сила федерализма не остановится на созданіи лишь обширныхъ національныхъ государствъ и на политическомъ сближеніи нѣкоторыхъ родственныхъ государствъ въ громадныя имперіи; въ настоящее время все человѣчество уже втянуто въ общій юридическій оборотъ.

Современныя государства не изолированы другъ отъ друга, а находятся въ постоянномъ юридическомъ общеніи, регулируемомъ нормами международнаго права. Точная юридическая конструкція этого международно-правового общенія есть вопросъ чрезвычайнаго теоретическаго интереса.

Мы не будемъ здѣсь заниматься празднымъ вопросомъ, которому иногда напрасно посвящаютъ вниманіе, существуетъ ли международное право. Доказывать его существованіе значитъ ломиться въ открытую дверь. Вся международная жизнь это доказываетъ на каждомъ шагу: государствами заключаются постоянно договоры, по свей формѣ и содержанію вполнѣ подходящіе подъ понятіе юридическихъ договоровъ, между государствами постоянно возникаютъ юридическія сдѣлки, купля-продажа, мѣна, наемъ и т. д., устанавливаются долговыя отношенія, подписываются конвенціи о примѣненіи впредь къ опредѣленнымъ отношеніямъ опредѣленныхъ нормъ права, создаются спеціальные органы, наблюдающіе за примѣненіемъ этихъ нормъ права, наконецъ, сплошь и рядомъ возникаютъ третейскіе судебные процессы, и т. д. и т. д. Отрицать при наличности подобныхъ фактовъ существованіе нормъ международнаго права, значитъ или совершенно извращать понятіе права или закрывать глаза на окружающую дѣйствительность. Всѣ признаки положительнаго права присущи нормамъ, ре-

гулирующимъ междугосударственныя отношенія: онѣ разграничиваютъ свободу государствъ и устанавливаютъ равновѣсіе личнаго интереса отдѣльнаго государства и общаго блага всего международнаго общенія, онѣ покоятся на юридическомъ сознаніи народовъ, входящихъ въ это общеніе, и имѣютъ внѣшне-принудительную силу, обезпечиваемую или общей международной экзекуціей (вродѣ похода всѣхъ государствъ Европы въ Китай въ 1900 г.) или международной войной.

Связанныя отношеніями международно-правового характера, государства въ свой совокупности составляютъ политическое соединеніе. Важно опредѣлить, какова юридическая природа этого соединенія, подъ какую обще-теоретическую правовую категорію можетъ и должно быть оно подведено.

Мы полагаемъ, что международно-правовое общеніе государствъ должно быть отнесено къ категоріи неорганизованно-конфедеративныхъ соединеній, какъ установили и охарактеризовали мы ихъ въ четвертой главѣ. Гдѣ имѣются уже фактическія отношенія, хотя въ то же время никакой постоянной политической организаціи этихъ юридическихъ отношеній нѣтъ, тамъ уже на лицо неорганизованныя конфедеративныя отношенія: союзы заключаются случайно, соглашенія временны. Эта общность права можетъ получить постоянную политическую организацію, но разъ суверенитетъ сохранится за членами общаго союза, сохранится и конфедеративная природа союза.

Современное международное общеніе есть именно неорганизованный конфедерализмъ. Международное право регулируетъ взаимныя отношенія государствъ, т. е. жизнь человѣчества, какъ цѣлаго, раздѣленнаго на самостоятельныя государства, такимъ образомъ, что суверенная власть, вырабатывающая и осуществляющая это право, не едина, а множественна. Въ международномъ правѣ есть двѣ основныя характерныя черты, — наличность международно-пра-

вового общенія государствъ и юридически-свободный договорный характеръ этого соединенія государствъ подъ нормами единаго права. Международное право не безвластно, какъ иногда ошибочно оно характеризуется, а многовластно, не столько анархично, сколько поліархично. Оно носитъ конфедеративный, поліархическій характеръ.

Прежде всего несомнѣнно, что государства, объединенныя въ общеніе международнаго права, сохраняютъ свою суверенную власть. Суверенитетъ съ юридической точки зрѣнія есть не что иное, какъ право окончательно рѣшать вопросъ о томъ, что́ есть право и что́ — не-право, хотя бы право имѣло свой источникъ и внѣ творческой работы данной суверенной власти. Въ международно-правовомъ общеніи нѣтъ власти надъ отдѣльными государствами, а есть лишь власти рядомъ съ государствомъ. Государство сохраняетъ свою независимость; власть международнаго цѣлаго не верховна надъ властью отдѣльнаго государства; всякія международныя соглашенія связываютъ лишь признающія ихъ государства. Международно-правовое верховенство отдѣльныхъ государствъ находитъ себѣ выраженіе въ трехъ основныхъ конфедеративныхъ правахъ: въ правѣ аннуллированія, въ правѣ сецессіи и въ правѣ войны. Всякая международно-правовая норма, выработанная общимъ соглашеніемъ государствъ, съ силу принадлежащаго государству сувереннаго права рѣшать вопросъ о томъ, что есть право, можетъ быть имъ объявлена ничтожной, аннуллирована. Всякое международное соглашеніе можетъ быть признано каждымъ отдѣльнымъ государствомъ недѣйствительнымъ по отношенію къ нему. Въ случаѣ прямого конфликта съ международнымъ общеніемъ государству остается одинъ изъ юридически мыслимыхъ выходовъ, или право выйти изъ международно-правового общенія (каковое право едва ли впрочемъ фактически осуществимо въ настоящее время) или разрѣшить вопросъ войною.

Но если государственная власть въ международно-правовомъ общеніи остается суверенною, то она во всякомъ случаѣ не одна сохраняетъ свой суверенитетъ, но на ряду съ ней существуютъ другія суверенныя государства, и, что самое главное, само международно-правовое общеніе тоже суверенно. При разрѣшеніи всякаго правового вопроса государственной власти приходится юридически считаться не только съ равной ей властью другихъ государствъ, но и съ равною ей властью всего международного общенія.

Что суверенитетъ международнаго общенія не пустое слово, доказываетъ все содержаніе международнаго права. Отдѣльное государство въ международномъ оборотѣ постоянно сталкивается съ нормами права, обязательными для его власти. Мы не говоримъ уже о всякаго рода международно-правовыхъ capitis deminutio, ограниченій въ осуществленіи верховенства, возложенныхъ на отдѣльныя государства международными соглашеніями, вродѣ состоянія вѣчнаго нейтралитета или положенія международно-правового протектората. Всякое государство ограничено въ своей власти въ силу того, что власть государственная носитъ лично-территоріальный характеръ и простирается и на подданныхъ своихъ, гдѣ бы они ни жили, и на свою территорію, кто бы на ней ни жилъ. Отъ этого проистекаютъ конфликты личнаго и территоріальнаго началъ, создающіе сложныя нормы частнаго международнаго права. Государство не можетъ въ настоящее время изолироваться отъ другихъ членовъ международнаго общенія и тѣсно замкнуться въ своихъ предѣлахъ. Оно обязано открывать свои предѣлы для иностранцевъ; jus commercii носитъ универсальный характеръ. Существуютъ общечеловѣческіе интересы гуманности, которые, соединяемые съ принадлежащимъ каждому государству правомъ охраны своихъ подданныхъ и своихъ интересовъ, гдѣ бы они ни находились, создаютъ закономѣрность въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣшательства международнаго союза во внутреннія

дѣла государствъ. Наконецъ, надъ всѣмъ доминируетъ въ международномъ правѣ связывающая сила договоровъ; суверенное государство постоянно ограничиваетъ свою власть, добровольно принимая на себя всякаго рода обязательства.

Всѣ эти ограниченія нормами права не лишаютъ государственной власти суверенитета, такъ какъ суверенитетъ вовсе не есть власть стоящая надъ правомъ. Юридически разсматриваемая всякая правовая норма верховна надъ всякой властью, пока она правомѣрно не отмѣнена, и суверенитетъ не есть власть надъ правомъ; суверенитетъ есть лишь власть безапелляціонно рѣшать, что право и что не-право. Для суверенной власти нѣтъ лишь выше нея стоящихъ органовъ власти, но и всякая суверенная власть подчинена нормамъ конституціоннаго права, ими безусловно ограничена; но рѣшать вопросъ о томъ, въ чемъ это конституціонное право заключается, можетъ лишь суверенная власть. Общій выводъ изъ всего вышесказаннаго тотъ, что международно-правовое общеніе есть политическое соединеніе конфедеративнаго характера, такъ какъ въ немъ параллельно существуетъ и взаимодѣйствуетъ два суверенитета, общій и мѣстный, въ чемъ заключается характерный признакъ всякой конфедераціи.

Изъ сказаннаго ясно, въ чемъ слѣдуетъ видѣть источникъ положительнаго международнаго права: не въ волѣ и авторитетѣ отдѣльнаго государства, какъ полагалъ, напр., Бергбомъ, не въ международныхъ договорахъ, какъ полагалъ Ниппольдъ, не въ самообязываемости государствъ, каково было мнѣніе Еллинека, не въ соединеніи отдѣльныхъ воль государствъ, къ чему склоняется Трипель, и даже не въ авторитетѣ человѣчества, какъ союза цивилизованныхъ народовъ, каково было раньше наше мнѣніе. Источникъ всякаго права — внѣшній авторитетъ, опирающійся въ окончательномъ итогѣ на суверенную власть. Въ международномъ правѣ окончательно вопросы о правѣ разрѣшаютъ и международное не-

организованное общеніе государствъ и каждое отдѣльное государство. Въ случаѣ столкновенія этихъ суверенитетовъ нѣтъ способа разрѣшить, кто правъ, наступаетъ состояніе внѣ-юридическое, ибо въ войнѣ никакого права нѣтъ. Право получается при согласномъ рѣшеніи суверенной власти отдѣльнаго государства и суверенной власти неорганизованной международной общины государствъ. Это сложное образованіе права мы и находимъ всегда въ конфедерализмѣ, въ чемъ его и главный юридическій недостатокъ.

II.

Юридически разсматриваемая, неорганизованная конфедерація есть первая и наиболѣе несовершенная политическая форма. Но неорганизованность международнаго общенія есть только временное состояніе международнаго жизни. Въ этомъ насъ убѣждаетъ всякое безпристрастное соціологическое разсмотрѣніе законовъ, управляющихъ развитіемъ человѣческихъ обществъ. Наука о законахъ общественнаго развитія, соціологія съ самаго своего возникновенія объявила всеобщую политическую организацію человѣчества, какъ неизбѣжный предѣлъ общественнаго прогресса. Уже у одного изъ самыхъ первыхъ представителей, у предтечи соціологіи, у Вико въ его Новой Наукѣ нашли мы идею всеобщей конфедераціи народовъ, какъ одинъ изъ этаповъ будущей исторіи человѣчества. Къ тому же склонялись и Монтескье, и Гердеръ, и Кондорсе. Наконецъ, самъ основатель соціологіи, Контъ считалъ, что современная международная анархія есть лишь послѣдствіе господства метафизическаго міровоззрѣнія, но что неизбѣжное распространеніе позитивной философіи приведетъ къ международной организаціи человѣчества [1]). „Гуманитарная точка зрѣнія

1) Auguste Comte, Cours de philosophie positive (I изд. 1842), VI, 550—1, 556—7, 560, 561, 563; Système de politique positive, I (1851), 320 и сл.

необходимо имѣетъ соціальный характеръ. Со статической точки зрѣнія такъ же, какъ и съ динамической, человѣкъ въ собственномъ смыслѣ этого слова есть не что иное, какъ абстракція: съ этихъ точекъ зрѣнія реально только человѣчество, въ особенности, что касается интеллектуальныхъ и нравственныхъ отношеній". „Промышленная эволюція видоизмѣнила самыя широкія соціальныя отношенія и, начиная съ среднихъ вѣковъ, сблизила всѣ народы, несмотря на различныя причины къ національной враждѣ". Сначала, по мнѣнію Конта, международная организація, вызываемая и прогрессомъ позитивнаго духа и промышленной эволюціей, будетъ ограничена народами Западной Европы, а потомъ распространится на всю бѣлую расу и даже на все человѣчество, когда оно будетъ въ достаточной степени подготовлено. „Новая философія создастъ гораздо болѣе обширную духовную ассоціацію, чѣмъ это могла сдѣлать прежняя философія. Положительное направленіе создастъ умственную гармонію, которая до сихъ поръ была невозможна, и вызоветъ интеллектуальное и нравственное общеніе болѣе совершенное, болѣе широкое и болѣе устойчивое, чѣмъ всякое религіозное общеніе". Подъ вліяніемъ господства метафизическаго духа Западная Европа разложилась въ теченіе пяти вѣковъ на независимыя національности, солидарность которыхъ можетъ и будетъ возстановлена господствомъ позитивнаго духа.

Органическое направленіе въ соціологіи постоянно смотрѣло на международную организацію человѣчества, какъ на неизбѣжный результатъ дѣйствія общаго соціологическаго закона общественной интеграціи и дифференціаціи. Въ будущей федераціи націй Спенсеръ также предвидѣлъ необходимый конецъ войнамъ. Главный процессъ эволюціи — интеграція, до сихъ поръ проявлявшаяся въ образованіи все большихъ и большихъ націй, достигнетъ, по мнѣнію Спенсера, еще болѣе высокой стадіи и дастъ еще

болѣе благотворные результаты. „Когда маленькія племена сплачивались въ одно большое, главный вождь прекращалъ всякую междоусобную вражду; когда мелкія феодальныя правительства были подчинены королю, этотъ послѣдній прекращалъ феодальныя войны; такъ и въ будущемъ придетъ время, когда федерація высшихъ націй, пользующаяся верховной властью (намеки на это уже имѣются въ видѣ случайныхъ соглашеній между державами), воспретивъ войны между націями, входящими въ составъ ея, положитъ конецъ пережиткамъ варварства, постоянно подрывающимъ дѣло цивилизаціи“ [1]). „Надо замѣтить, говоритъ Спенсеръ, относительно европейскихъ народовъ, взятыхъ въ цѣломъ, что въ ихъ склонности заключать болѣе или менѣе продолжительные союзы, — въ ограничивающихъ вліяніяхъ, какія оказываютъ другъ на друга отдѣльныя правительства, въ постепенно устанавливающейся системѣ прекращенія международныхъ споровъ путемъ конгрессовъ, равно какъ и въ уничтоженіи препятствій торговлѣ и въ увеличивающихся удобствахъ сообщенія, мы можемъ признать начальную ступень европейской конфедераціи, т.-е. интеграцію еще болѣе широкую, нежели какая бы то ни была изъ установившихся понынѣ“.

Юридическая организація общественной дифференціаціи не останавливается у границъ государства. Съ точки зрѣнія органологическаго ученія все человѣчество есть лишь сложно дифференцированное общественное цѣлое. Общечеловѣческая солидарность и общечеловѣческая организація есть послѣдствіе дѣйствія закона раздѣленія труда, такъ думалъ и Дюркгеймъ. Экономическая функція можетъ быть раздѣлена между двумя или нѣсколькими обществами только въ томъ случаѣ, если эти послѣднія, въ свою очередь, участвуютъ въ извѣстномъ отношеніи въ общей жизни и, слѣ-

1) Спенсеръ, Основанія соціологіи, § 853.

довательно, принадлежатъ къ одному и тому же высшему обществу. Въ настоящее время происходитъ постепенное расширеніе экономическаго раздѣленія труда на всю общину цивилизованныхъ народовъ; параллельно этому раздѣленію труда расширяется поле юридической жизни. Эгоизмъ отдѣльныхъ индивидовъ сдерживается властью общественной группы, къ которой они принадлежатъ, эгоизмъ группъ сдерживается государствомъ; неизбѣжно должно произойти и ограниченіе государственнаго эгоизма болѣе обширной системой международной организаціи[1]).

Тардъ, смотря на эволюцію войны съ соціологической точки зрѣнія, пришелъ къ заключенію, что естественнымъ концомъ этой эволюціи должно явиться всеобщее замиреніе, благодаря утвержденію всемірной политической организаціи. „Исторія, пишетъ онъ, при вѣрномъ пониманіи ея показываетъ, что война непрерывно эволюціонируетъ въ извѣстномъ направленіи; послѣднее много разъ проявлялось въ исторіи: это не трудно подмѣтить, несмотря на всю историческую путаницу, что и даетъ намъ надежду на то, что война, становясь все рѣже и рѣже, въ будущемъ исчезнетъ окончательно. Каждое увеличеніе государствъ — отъ племени до города, королевства, имперіи, до огромной федераціи — влекло за собою прекращеніе войнъ внутри извѣстнаго, все болѣе расширяющагося пространства. Продолжаясь, войны, говоря вообще, расширяли поле мира. Но это расширеніе не можетъ быть безконечнымъ; миражъ этотъ не можетъ оставаться навсегда недостижимымъ, потому что земной шаръ имѣетъ границы. Характерной чертой нашей эпохи, глубоко отличающей ее въ извѣстномъ смыслѣ отъ всего прошлаго, служитъ то, что международная политика великихъ державъ впервые охватываетъ не одинъ или два континента какъ прежде, а весь земной шаръ“.

---

1) Cp. Durkheim, De la division du travail social, стр. 456—7.

Вся исторія человѣчества есть рядъ попытокъ создать все болѣе обширную политическую систему, которая установила бы окончательный юридическій порядокъ. Національный федерализмъ есть лишь одинъ изъ этаповъ по этому пути. Всякій національный федерализмъ естественно стремится къ федерализму общечеловѣческому, международному.

Всемірное государство пытался осуществить Александръ Македонскій, но неправильно думалъ достигнуть этого механическимъ смѣшиваніемъ разнородныхъ народовъ. Римская имперія исходила изъ преобладанія одного народа надъ другими. Средневѣковая имперія исходила изъ болѣе совершенной идеи справедливой охраны правъ и свободы народовъ. Но центробѣжныя силы возобладали. Попытки Наполеона были лишь возвращеніемъ къ римскому идеалу и потому не удались. Но исторія совершаетъ свою работу. Народы все болѣе связываются взаимными интересами, и все болѣе усиливается всемірное сознаніе общечеловѣческой солидарности. Окончательнымъ результатомъ будетъ всеобщая организація человѣческаго рода.

III.

Необходимость перехода международнаго права отъ неорганизованнаго общенія къ организованному конфедерализму вытекаетъ и изъ разсмотрѣнія тѣхъ задачъ, достиженіе которыхъ составляетъ матеріальное содержаніе международнаго права.

Наука международнаго права въ настоящее время находится въ состояніи кризиса и исканія какихъ-то новыхъ путей. Она не поспѣваетъ за новыми нуждами, рождаемыми развивающейся жизнью. Въ то время какъ экономическое, политическое и культурное сближеніе народовъ создаетъ непрестанно новыя формы общественныхъ отношеній и выдвигаетъ новыя задачи для работы права, наука международнаго права не можетъ удовлетворить этихъ требованій,

не будучи въ силахъ разстаться со старыми методами и съ теоретическими воззрѣніями уже негодными для объясненія новыхъ усложнившихся явленій.

Такое состояніе науки международнаго права объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что она не освободилась отъ господства индивидуалистическаго воззрѣнія на право; для нея все еще остается правильнымъ пониманіе права, какъ разграниченія личныхъ свободъ, сферъ проявленія индивидуальныхъ воль. Этотъ индивидуализмъ современнаго международнаго права проявляется въ двухъ главныхъ направленіяхъ: во-первыхъ, международный союзъ государствъ понимается какъ механическій аггломератъ вполнѣ свободныхъ, независимыхъ, руководящихся своими личными индивидуальными интересами государствъ, во-вторыхъ, въ международномъ общеніи отдѣльныя лица и отдѣльные классы предоставлены вполнѣ своимъ собственнымъ силамъ. Признаніе государственнаго эгоизма и полной свободы борьбы отдѣльныхъ лицъ и классовъ, поскольку эта свобода не ограничивается требованіями государственнаго эгоизма, — такова основная черта современнаго международнаго права.

Въ сферѣ національнаго права, послѣ нѣкотораго увлеченія идеями формальнаго либерализма, отказались уже отъ воззрѣнія на право, какъ на выполненіе функцій разграниченія индивидуальныхъ воль; поняли, что право должно нести не только отрицательную задачу охраны, но и положительную творческую работу по созданію правильныхъ и справедливыхъ условій общественной жизни. Право является могучимъ творческимъ факторомъ, въ немъ таится великая сила воспитанія людей; оно реализуетъ въ жизни, по мѣрѣ возможности, наши нравственные идеалы; оно есть живая и дѣятельная сила единаго неразрывнаго соціальнаго цѣлаго, въ которомъ индивидъ и общество солидарно связаны и взаимно другъ отъ друга зависимы. Право начинаетъ пониматься не только какъ разграниченіе свободъ, но и какъ

отправленіе опредѣленной общественной функціи, какъ служеніе общему благу.

Національное право все болѣе дѣлается соціальнымъ, проникаясь задачами вспомоществованія и культуры. То же должно имѣть мѣсто и въ международномъ правѣ. Индивидуализмъ, пагубный въ области частно-правовой жизни, не менѣе гибеленъ и въ международно-правовой сферѣ. Каждое государство, суверенное по принципу, предоставлено здѣсь вполнѣ своимъ силамъ. Задача права лишь разграничить сферы государственныхъ суверенитетовъ, лишь охранить свободу государственной воли, лишь провести границы независимой дѣятельности каждаго государства. Всѣ усилія международнаго права направлены на созданіе возможности совмѣстнаго существованія взаимно независимыхъ субъектовъ права и на устраненіе конфликтовъ національныхъ правъ. Вполнѣ въ духѣ своего индивидуалистическаго воззрѣнія, современное международное право признаетъ два основные принципа: свободно-договорную природу права и неограниченное право войны, какъ нормальное средство разрѣшенія международныхъ конфликтовъ.

Чтобы международное право могло стать въ уровень съ новыми запросами жизни, оно должно основой своей избрать не идею-свободно-договорнаго соединенія суверенныхъ субъектовъ права, а идею верховенства интересовъ единаго международнаго общенія, т. е. цивилизованнаго человѣчества; оно должно отнестись къ международному союзу, какъ къ единому общественному цѣлому, органически объединенному солидарностью своихъ частей. Задача международнаго права, какъ и задача національнаго права, — соціальна. Она заключается въ созданіи такихъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы интересамъ общества и его отдѣльныхъ классовъ въ ихъ цѣломъ, внѣ государственныхъ границъ. Конечно, надо ожидать, что выполненіе этой задачи необходимо должно привести международное право къ конфликту съ государ-

ствомъ и съ національнымъ правомъ, такъ какъ государство не знаетъ общества или его классовъ въ цѣломъ, а лишь тѣ его фрагменты, которые заключаются въ условныхъ часто государственныхъ границахъ.

Первое требованіе соціальной политики въ правѣ состоитъ въ томъ, чтобы право шло въ уровень съ требованіями и интересами всего общества, какъ единаго цѣлаго. Въ частности въ международномъ правѣ это должно привести къ тому, что государственный суверенитетъ отойдетъ на второй планъ передъ требованіями международнаго общенія, такъ какъ современное общество уже не совпадаетъ въ своихъ границахъ съ государствомъ, а выходитъ далеко за его предѣлы и стремится распространиться на все цивилизованное человѣчество. Мы, дѣйствительно, видимъ, что современная хозяйственная, культурная и вообще соціальная жизнь носитъ болѣе широкій, чѣмъ нація, характеръ, она интернаціональна, она универсальна. Международное и даже общечеловѣческое общеніе устанавливается подъ непрестаннымъ дѣйствіемъ техническаго прогресса, развитія путей сообщенія, расширенія рынковъ, стремленія къ увеличенію сбыта товаровъ, солидарности классовыхъ интересовъ. Всемірное хозяйство есть не выдуманная, а вполнѣ реальная экономическая категорія.

Разъ общество, какъ таковое, не ограничивается рамками государства или націи, то и соціальная политика въ международномъ правѣ, какъ имѣющая въ виду интересы всего общества, должна стремиться къ наилучшему удовлетворенію общечеловѣческихъ общественныхъ интересовъ. Въ противовѣсъ принципамъ крайняго государственнаго суверенитета, господствующимъ въ современномъ положительномъ международномъ правѣ, исключительно заботящемся объ охранѣ свободы и индивидуальной воли отдѣльныхъ государствъ, соціальное направленіе въ международномъ правѣ должно въ основаніе своихъ построеній поло-

жить начало общественное, надъ государственнымъ индивидуализмомъ и эгоизмомъ, надъ національнымъ суверенитетомъ поставить идею международнаго общечеловѣческаго общенія.

Всякое ограниченіе государственнаго суверенитета, не ради интересовъ другого государства, а ради все человѣчество обнимающаго общества, является торжествомъ соціальнаго начала надъ индивидуальнымъ. Обращаясь въ частности къ разсмотрѣнію такихъ общечеловѣческихъ соціальныхъ интересовъ, служить которымъ есть задача международнаго права, мы прежде всего должны упомянуть развитіе способовъ мірового сношенія. Далѣе въ предѣлахъ исключительно національной политики неосуществима правильная постановка національнаго бюджета, такъ какъ наиболѣе значительная часть этого бюджета поглощается военными расходами, уничтожить и даже уменьшить которые совершенно не во власти отдѣльнаго государства, такъ какъ они обусловливаются общимъ состояніемъ международныхъ отношеній. Уничтоженіе армій и освобожденіе въ бюджетѣ тратящихся на нихъ милліардовъ есть одно изъ основныхъ требованій соціальной политики въ сферѣ международнаго права. Это-же послѣднее можетъ быть достигнуто лишь осуществленіемъ международной политической организаціи. И эта организація требуется интересами всечеловѣческаго общенія.

Кромѣ удовлетворенія этихъ общихъ соціальныхъ интересовъ всего человѣческаго общества, соціальная политика, руководясь принципами соціальной справедливости, должна имѣть въ виду гармоническое удовлетвореніе интересовъ различныхъ классовъ общества. Однако, здѣсь не слѣдуетъ становиться на узко-классовую точку зрѣнія и отождествлять все общество съ его какимъ-нибудь однимъ классомъ. Разумная соціальная политика состоитъ въ гармоническомъ примиреніи интересовъ различныхъ

классовъ. Въ международно-правовой сферѣ интересы класса должны быть приняты во вниманіе тогда, когда они сталкиваются съ частно-государственнымъ эгоизмомъ, когда государство въ своей индивидуалистической политикѣ отрицаетъ интересы великаго международнаго класса; другими словами, когда имѣется борьба класса со своей частью, заключенной въ государственныхъ границахъ. Но когда интересы даже и всемірнаго класса сталкиваются не съ государственнымъ эгоизмомъ, а съ болѣе широкими интересами всего общества, они должны уступить этимъ послѣднимъ.

Столкновеніе интересовъ класса, какъ цѣлаго, съ интересами отдѣльной части этого класса, заключенной въ государственныхъ границахъ, т. е. столкновеніе интересовъ международнаго класса съ государственнымъ классомъ, рѣзко обозначается въ той борьбѣ, которую ведетъ противъ государственнаго суверенитета финансовый, торговый и промышленный капиталъ. Соціальная задача международнаго права — поддержать интересы всемірнаго капитала противъ исключительности отдѣльныхъ государствъ. Охрана интересовъ финансоваго капитала, наиболѣе могущественнаго, уже сильно сказалась въ регулированіи отношеній между государствами, возникающихъ по поводу международныхъ займовъ. Постепенно развилось право вмѣшательства государствъ для защиты своихъ подданныхъ въ случаѣ нарушенія ихъ правъ, какъ кредиторовъ, со стороны иностраннаго государства, ихъ должника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такого рода вмѣшательство приводитъ къ установленію международнаго финансоваго контроля надъ государствомъ банкротомъ.

Въ области торговаго обмѣна интересы капитала особенно стремятся разрушить узкія границы національнаго суверенитета. Съ развитіемъ товарной формы хозяйства отдѣльныя хозяйства соединяются сначала въ національныя, а потомъ и во всемірное хозяйства. Въ удовлетвореніе этихъ инте-

ресовъ всемірной торговли происходитъ унификація мѣръ, возникаютъ отдѣльныя монетныя уніи, и дѣлались уже попытки добиться общаго вексельнаго устава и общей кодификаціи торговаго права. Хотя каждое государство теоретически обладаетъ автономіей торговой политики, развитіе всемірнаго хозяйства привело къ тому, что на практикѣ государства постепенно все сильнѣе связываются узами торговыхъ договоровъ. Благодаря такимъ договорамъ, заключающимся на началахъ взаимности, одно государство въ обмѣнъ на привилегіи на своей территоріи выговариваетъ и себѣ такія-же привилегіи и облегченія въ предѣлахъ другого государства. Такіе торговые договоры очень ограничиваютъ и государственный суверенитетъ и въ частности автономію національной торговой политики государствъ. Это ограниченіе, хотя и идетъ въ разрѣзъ съ идеей государственнаго суверенитета, однако вполнѣ соотвѣтствуетъ соціальной задачѣ международнаго права, и надо сказать, что главное развитіе международнаго права, установленіе различныхъ его нормъ совершалось до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ черезъ сепаратные договоры отдѣльныхъ государствъ о торговлѣ и мореплаваніи, каковые договоры, расширяясь, создали постепенно родъ обычнаго международнаго морского, консульскаго и торговаго права.

Должны быть приняты во вниманіе при развитіи международнаго права интересы и промышленнаго капитала. Государство не въ силахъ слѣдовать за внѣшними расширеніями экономической жизни. Отсутствіе свободныхъ безгосударственныхъ мѣстъ ставитъ преграду дальнѣйшему территоріальному росту государствъ. Между тѣмъ экономическая жизнь безконечно расширяется территоріально. Каждый центръ производства стремится расширить свой рынокъ на всю землю или на болѣе или менѣе ея обширныя части. Такимъ образомъ территоріальные предѣлы государственной и соціально-хозяйственной жизни не покрываютъ другъ

друга. Надъ отдѣльными государствами ткется цѣлая сѣть всемірно-хозяйственнаго общенія. Эта интернаціонализація ведетъ къ созданію международно-правовыхъ нормъ, имѣющихъ обязательно-регулирующую силу по отношенію къ внутреннимъ государственно-хозяйственнымъ отношеніямъ. Эти нормы стремятся регулировать, независимо и иногда вопреки государственной власти, внутренне-государственную промышленную жизнь. Разительный примѣръ представляетъ брюссельская сахарная конвенція 5 марта 1902 года. Здѣсь дѣло шло не о вмѣшательствѣ одной державы въ дѣла другой, а о международномъ интересѣ производительнаго капитала, требующемъ себѣ подчиненія интересовъ частно-государственнаго капитала. Интересы каждаго класса подлежатъ охранѣ лишь до тѣхъ поръ, пока они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами общества; поэтому когда эти послѣдніе начинаютъ страдать отъ злоупотребленій промышленнаго капитала, должно вмѣшаться право, имѣющее своей задачей стоять на стражѣ солидарнаго блага всего общества. Въ развитіи производства можно констатировать двѣ стадіи: первая эпоха сопровождается развитіемъ производительныхъ силъ и свободной конкуренціей производителей ради сбыта своихъ произведеній; во вторую эпоху происходитъ регулированіе производства въ силу соглашенія производителей и стремленіе этихъ послѣднихъ къ установленію монополіи. Такого рода стремленіе къ установленію монополіи переходитъ иногда государственныя границы и простирается на всемірный рынокъ. Уже не разъ создавались международные синдикаты и тресты. Борьба противъ ихъ монополіи во имя интересовъ всего общества есть тоже одна изъ соціальныхъ задачъ международнаго права.

Соціальная задача международнаго права часто заключается еще и въ томъ, чтобы помогать осуществленію соціальныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ національнымъ правомъ.

Такъ, налоговыя системы, организованныя для осуществленія большей соціальной справедливости, вродѣ прогрессивнаго подоходнаго и наслѣдственнаго налоговъ, могутъ часто съ пользою функціонировать лишь когда они осуществляются на международной почвѣ. Уже неоднократно высказывалась мысль о международномъ соглашеніи противъ уклоненія, путемъ переводовъ капитала за границу, отъ подоходнаго и наслѣдственнаго налоговъ.

Наконецъ, соціальное направленіе въ международномъ правѣ должно не забывать и интересовъ труда. Регулированіе эмиграціи, международныя соглашенія объ условіяхъ труда и международное рабочее законодательство должны составить одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ международнаго права [1]).

Подводя итоги сказанному, мы должны придти къ слѣдующему заключенію. Передъ современною наукою международнаго права стоятъ двѣ основныя задачи: 1) вывести право, регулирующее отношенія между государствами, изъ состоянія неорганизованности, аморфности, анархіи, въ какомъ оно находится въ настоящее время, въ положеніе права, осуществляемаго организованною международною властью, и для этого создать новыя политическія формы международной организаціи (международный судъ и международныя законодательныя учрежденія); 2) привести нормы международнаго права въ соотвѣтствіе съ требованіями и интересами современнаго общества. Изъ этихъ двухъ задачъ практически центральной и наиболѣе важной нужно признать вторую, — именно соціально-политическую, такъ какъ успѣхомъ ея обусловленъ успѣхъ и первой. Международная организація станетъ возможной и необходимой лишь

1) Подробно на недавней исторіи и основныхъ принципахъ международнаго рабочаго права я имѣлъ уже случай остановиться въ моей статьѣ Международныя конвенціи объ условіяхъ труда (Журналъ Министерства Юстиціи, 1908, январь).

тогда, когда этого потребуютъ могущественные интересы общества; слѣдовательно, всякое развитіе и содѣйствіе укрѣпленію международныхъ соціальныхъ интересовъ есть въ то же время движеніе къ организованности международнаго права [1]).

IV.

Созданіе международной организаціи не только соціологически утверждается, какъ необходимая стадія общественной эволюціи, не только политически обосновывается для разрѣшенія присущихъ праву задачъ, но и нравственно требуется съ точекъ зрѣнія и утилитарной, и идеалистической, и религіозно-мистической морали.

Наилучшимъ образомъ общая польза и общіе интересы людей могутъ быть осуществлены, когда международная жизнь отъ анархическаго состоянія многоначалія перейдетъ къ всеобщей организаціи [2]). Международная анархіи есть утвержденіе государственнаго эгоизма. Альтруистическая нравственная идея можетъ найти свою реализацію только во всемъ человѣчествѣ. Таковы были идеи Милля и Спенсера [3]).

Международной организаціи требуетъ и идеалистическая этика. Основаніе государства зиждется въ природѣ человѣческой. Между тѣмъ это основаніе носитъ не національный, а универсальный характеръ. Повсюду находится общій человѣческій характеръ, по отношенію къ которому частные національные характеры являются лишь варіаціями. Нація не есть понятіе замкнутое и самоудовлетворяющееся;

---

1) Эти соображенія о задачахъ науки международнаго права уже были мною изложены въ статьѣ Соціальныя задачи международнаго права (Жур. Мин. Ин. Дѣлъ, 1912 г. № 4).

2) Эту идею находимъ мы уже у отца современнаго утилитаризма у Прайса; ср. Price, De la nature de la liberté en général, P. 1789, стр. 134—136. Въ нашемъ изслѣдованіи, Международный федерализмъ мы подробно (стр. 331—334) показали, какъ международный конфедерализмъ входилъ въ нравственную утилитарную системы Бентама.

3) Спенсеръ, Основанія соціологіи, § 582.

она связана съ болѣе высокой идеей человѣчества, лишь отдѣльнымъ членомъ котораго она является. Какъ же обосновать государство на націи, не принимая во вниманіе болѣе широкой коллективности, которой націи подчинены? Единство человѣчества проявляется въ органической связности отдѣльныхъ народовъ, изъ которыхъ каждый своеобразно воплощаетъ въ себѣ общечеловѣческое начало. Обнимая собою всѣ человѣческія отношенія, народъ составляетъ единое лицо, не только нравственное, но и физическое. Онъ относится къ человѣчеству, какъ цѣлому, такъ же, какъ отдѣльный человѣкъ относится къ народному единству, съ тою разницею, что въ народѣ всѣ отношенія шире, почему народъ, въ противоположность отдѣльному человѣку, можно назвать безконечною личностью. Но въ отношеніи къ другимъ народамъ, самъ народъ, въ свою очередь, является конечнымъ. Здѣсь онъ не болѣе, какъ членъ высшаго цѣлаго, вслѣдствіе чего международное право должно разсматриваться, какъ проявленіе единаго естественнаго права или права человѣчества. Если человѣчество есть единое цѣлое, если оно одушевлено общимъ духомъ, то какъ оно не попытается реализовать свое существо, дать тѣло своему духу, образовать государство? Съ нравственно-идеалистической точки зрѣнія, государства, ограничивающіяся націей, имѣютъ лишь относительную цѣну. Духъ, оживляющій государство, есть духъ человѣчества; слѣдовательно, человѣчество должно имѣть свое тѣло, ибо духу должно быть соотвѣтствующее тѣло.

Международное право, съ нравственно-идеалистической точки зрѣнія, излагаетъ условія сосуществованія и соціальнаго общенія народовъ, какъ эти условія вытекаютъ изъ моральной природы народовъ, какъ интегральныхъ членовъ человѣчества, въ своей національной жизни преслѣдующихъ всѣ цѣли человѣческой культуры. Моральная или этическая природа народовъ есть реальный источникъ этого права.

Международное право должно быть построено на сліяніи личнаго и универсальнаго началъ. Каждый народъ есть отдѣльное моральное лицо и въ то же время членъ человѣчества. Онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ въ своей независимости и въ своемъ относительномъ суверенитетѣ, такъ въ то же время и въ своихъ отношеніяхъ общности съ другими народами. Всякій народъ долженъ быть уважаемъ въ своей автономіи, какъ моральная личность. Но каждый народъ есть также членъ человѣчества и составляетъ часть высшаго цѣлаго; человѣчество живетъ и дѣйствуетъ въ немъ какъ скрытая, но непреодолимая сила; оно влечетъ его къ все болѣе широкому общенію, къ все болѣе тѣснымъ сношеніямъ съ другими народами, и заставляетъ, наконецъ, понять общій порядокъ правъ и обязанностей, въ которомъ всѣ народы соединены всѣми своими главными интересами, такъ какъ никакая цѣль не можетъ быть достигнута безъ помощи и взаимной поддержки всѣхъ націй. Ни одинъ народъ не долженъ отказываться отъ общенія съ другими народами, такъ какъ подобное изолированіе противорѣчило бы цѣли человѣчества.

Любовь къ отдѣльному человѣку должна возвыситься до всемірнаго благорасположенія, и универсальный юридическій законъ долженъ соотвѣтствовать универсальности закона нравственнаго. Лучше всего эту мысль формулировалъ Соловьевъ. „Всякая степень нравственнаго сознанія неизбѣжно стремится къ своему лично-общественному осуществленію, и отличіе высшей и окончательной степени отъ низшихъ не въ томъ, конечно, что на ней нравственность остается навсегда только субъективною, т. е. неосуществленною, безсильною, — странное бы это было преимущество! — а въ томъ, что это осуществленіе должно быть полнымъ или всеобъемлющимъ, а потому и требуетъ несравненно болѣе труднаго, сложнаго и продолжительнаго процесса, нежели прежнія собирательныя воплощенія нравственности.

Въ родовой жизни доступная ей степень добра воплощается легко и свободно — безъ всякой исторіи; далѣе, образованіе обширныхъ національно-политическихъ группъ для реализаціи большей суммы и высшей степени добра наполняетъ своими перипетіями многіе историческіе вѣка, — насколько же огромнѣе настоящая нравственная задача, завѣщанная намъ христіанствомъ и требующая образованія среды для дѣйствительнаго воспріятія добра безусловнаго и всемірнаго! Это добро въ своемъ положительномъ понятіи заключаетъ полноту человѣческихъ взаимоотношеній. Нравственно перерожденное человѣчество не можетъ быть бѣднѣе содержаніемъ, нежели человѣчество натуральное. Слѣдовательно, задача состоитъ не въ томъ, чтобы уничтожить существующія расчлененія общественныя, а въ томъ, чтобы привести ихъ въ должную, добрую или нравственную связь между собою“ (VII, 270—1). „Какъ единичный человѣкъ имѣетъ смыслъ своего личнаго существованія только чрезъ семью, чрезъ связь свою съ предками и потомствомъ, какъ семья имѣетъ пребывающее жизненное содержаніе только среди народа и народнаго преданія, — такъ точно и народность живетъ, движется и существуетъ только носимая средою сверхнародною и международною; какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ и чрезъ него живетъ весь рядъ преемственныхъ поколѣній, какъ въ совокупности этихъ рядовъ живетъ и чрезъ нихъ дѣйствуетъ единый народъ, такъ въ полнотѣ народовъ живетъ и совершаетъ свою исторію единое человѣчество“ (VII, 439). „По самому существу нравственнаго порядка или нравственной организаціи, каждая часть или каждый членъ великаго собирательнаго человѣка причастенъ абсолютной полнотѣ цѣлаго, такъ какъ онъ необходимъ для этой полноты не менѣе, чѣмъ она для него. Нравственная связь есть связь совершенно обоюдная. Какъ человѣчество немыслимо отдѣльно отъ народовъ его составляющихъ, народъ отдѣльно

отъ семей и семья отдѣльно отъ единичныхъ лицъ, — точно также и наоборотъ: единичный человѣкъ невозможенъ (не только физически, но и нравственно) внѣ родовой преемственности поколѣній, нравственная жизнь семьи невозможна внѣ народа, и жизнь народа — внѣ человѣчества“ (VII, 439).

Также на всеобщую исторію человѣчества смотрѣлъ и кн. Сергѣй Трубецкой: „Разумная цѣль человѣчества не можетъ заключаться въ безконечномъ порожденіи борющихся, враждующихъ государствъ, чудовищныхъ левіаѳановъ, соперничающихъ въ величинѣ и разрушительной силѣ и пожирающихъ другъ друга. Великое Существо будущаго, истинное земное божество или божественное общество, должно объять все человѣчество и осуществить царство разума, мира и свободы. Оно одно можетъ служить конечною цѣлью человѣчества во всемъ его цѣломъ, и къ ней идутъ народы въ общекультурной работѣ своихъ государствъ, въ своихъ войнахъ, союзахъ, революціяхъ и реформахъ, въ своей промышленности, техникѣ, искусствахъ и наукѣ“ [1]).

V.

Существуетъ одна попытка обоснованія международной организаціи, именно пацифизмъ, на которомъ слѣдуетъ оста-

---

1) Ученіе о Логосѣ, Сочиненія, IV, стр. 5. Лишь разными словами излагаетъ эту идею нравственной необходимости общечеловѣческой юридической организаціи большинство философовъ идеалистической школы: Leibniz, Vom Naturrecht, изд. Guhrauer, I., Berlin, 1838, стр. 417—418; Монадологія, § 85—86; Kant, Idee zu einer allgemeiner Geschichte, Satz VII; Anthropologie, § 85; Rechtslehre, § 61; Zum ewigen Frieden; Fichte, Grundriss des Völkerrechts, I, § 20; Bestimmung des Menschen, 1800; Schelling, System des transcendentalen Idealismus (Werke, III, 1858, стр. 586—7, VII, 1860, стр. 465); Krause, Abriss des Systems der Philosophie des Rechts, 1828, стр. 128 и сл.; Urbild der Menschheit, 1811, стр. 170; Ahrens, Naturrecht, 1871, II, стр. 286. Ср. также Wundt, Ethik, 3 изд. 1903, II, 224 и сл.

новиться спеціально, такъ какъ это обоснованіе, будучи однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ и въ особенности въ послѣднее время сдѣлавшихся популярными, по нашему мнѣнію, неудачно и исходитъ изъ неправильныхъ принциповъ.

Основной принципъ пацифизма заключается въ томъ, что война есть безусловное зло, миръ же есть абсолютное благо. Правовое состояніе есть состояніе мира. Современная международная жизнь представляетъ печальную картину вооруженій, постоянныхъ армій, междугосударственныхъ войнъ или угрозъ войною. Такое положеніе не отвѣчаетъ ни нравственнымъ и гуманнымъ чувствамъ, ни матеріальнымъ интересамъ людей, поэтому нужно всѣми средствами стремиться къ установленію постояннаго, „вѣчнаго“ мира между народами, и однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для этого является именно международная организація.

Въ пацифистскомъ движеніи, какъ въ практическомъ дѣйствіи, соединяющемъ различныя теченія, важны, конечно, главнымъ образомъ предлагаемыя имъ практическія мѣры и тактика. Въ числѣ предлагаемыхъ мѣръ можно установить цѣлую градацію: прежде всего пацифистское движеніе имѣетъ въ виду борьбу противъ отдѣльныхъ войнъ, полагая, что, препятствуя частичнымъ войнамъ, препятствуютъ войнѣ вообще. Въ силу этого пацифизмъ стремится предупредить отдѣльные конфликты, напр., на Востокѣ, въ колоніяхъ, между Германіей и Франціей и т. д. Въ числѣ общихъ мѣръ противъ войны выдвигается далѣе цѣлый рядъ косвенныхъ предупредительныхъ средствъ. Постоянный международный миръ приблизится, когда уменьшится количество поводовъ для международныхъ конфликтовъ. Эти же конфликты проистекаютъ изъ-за экономической вражды, неудовлетворительнаго разрѣшенія національнаго принципа, колоніальной конкуренціи, разницы законода-

тельствъ. Поэтому пацифистское движеніе направлено на воспитаніе и просвѣщеніе массъ, на воздѣйствіе на общественное мнѣніе, на видоизмѣненіе внутренне-государственнаго и экономическаго строя, на требованіе коллективнаго, одновременнаго и пропорціональнаго разоруженія. Наконецъ, пацифистами, въ качествѣ общей мѣрѣ противъ войнъ, требуется введеніе той или иной формы общечеловѣческой организаціи. Миръ можетъ быть достигнутъ, когда человѣчество самыми разнообразными союзами будетъ объединено въ единое солидарное цѣлое.

Пацифизмъ есть не только теорія, но и практика. Онъ старается добиться всеобщаго замиренія; способомъ для этого онъ полагаетъ воздѣйствіе на общественное мнѣніе. Въ настоящее время это воздѣйствіе пацифистовъ выражается въ трехъ основныхъ формахъ: въ пацифистской литературѣ, ведущей пропаганду мира, въ созданіи обществъ мира и въ организаціи парламентскихъ союзовъ мира. Что касается пацифистской литературы, то она столь же обширна количествомъ, сколь скудна качествомъ. Имѣя въ виду популярную пропаганду, она не задается цѣлями строгаго и послѣдовательнаго теоретическаго изслѣдованія вопроса и потому проникнута самымъ случайнымъ и пестрымъ эклектизмомъ, комбинируя всевозможные доводы, указывающіе на отрицательныя стороны войны, и перечисляя всевозможныя благодѣянія мира[1]). Очень значительное распространеніе пріобрѣли за послѣднее время и общества мира. Начало возникновенія первыхъ изъ нихъ относится къ тридцатымъ годамъ XIX вѣка. Въ первое время они ограничивались изолированной дѣятельностью, потомъ перешли къ случайнымъ международнымъ съѣздамъ, а въ настоящее время объединились въ одну

1) Наиболѣе выдающіяся работы въ этой области были уже нами приведены въ нашемъ изслѣдованіи, Международный федерализмъ, М. 1908 (стр. 124—129).

международную организацію, съ постояннымъ центральнымъ бюро въ Бернѣ и съ періодическими международными конгрессами мира. Такой же ростъ пацифистской идеи замѣчается и въ организаціи междупарламентской уніи третейскаго суда и мира.

Въ настоящее время среди пацифистовъ слѣдуетъ различать: собственно пацифистовъ, которые стремятся къ международному миру, какъ таковому, и сторонниковъ вообще международной организаціи. Собственно послѣдніе даже преобладаютъ среди пацифистовъ въ широкомъ смыслѣ слова. Они — противники немедленнаго разоруженія, они отстаиваютъ армію и даже войну при современномъ состояніи цивилизаціи и лишь хотятъ внести начала юридической организаціи въ международную анархическую жизнь. Мы имѣемъ здѣсь въ виду только пацифистовъ въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ въ широкомъ смыслѣ пацифистами являются почти всѣ, даже тѣ, кто ведетъ войны, такъ какъ цѣль войны есть всегда установленіе желательнаго мира.

Мы считаемъ пацифизмъ въ собственномъ смыслѣ слова неправильнымъ обоснованіемъ международной организаціи. Пацифизмъ исходитъ изъ того положенія, что цѣль международной дѣятельности есть миръ, международная же организація есть лишь необходимое для этого средство. На самомъ же дѣлѣ правильно скорѣе обратное. Цѣлью не можетъ быть чисто отрицательное, безъ опредѣленнаго содержанія, состояніе мира (вѣдь, вѣчный покой есть и на кладбищѣ, и такой миръ навѣки ничто лучше не приноситъ людямъ, какъ война), а извѣстная культурная, нравственная, положительная цѣнность, которая можетъ достигаться и не мирными средствами. Миръ есть лишь послѣдующій и возможный результатъ юридической организаціи.

Миръ не можетъ быть цѣлью, потому что онъ не есть абсолютное благо, и война не есть абсолютное зло. Борьбу со злымъ началомъ требуетъ всякая высокая нравствен-

ная система; и нравственный принципъ непротивленія злу силою не можетъ быть абсолютнымъ принципомъ. Или вся исторія міра есть не заслуживающая нашего уваженія безсмыслица, или она есть нѣкоторая борьба добраго начала, воюющаго и постепенно побѣждающаго злое. То, что имѣетъ силу по отношенію къ абсолютной метафизической сферѣ, вѣрно и для относительныхъ дѣлъ человѣческихъ. Нравственная цѣль всякаго человѣческаго общежитія есть справедливость, и если на пути этой справедливости стоитъ торжествующее зло, оно должно быть устранено, хотя бы и силою, хотя бы и самопожертвованіемъ, хотя бы и отданіемъ жизни своей, т. е. войною. Конечно, когда въ человѣческихъ отношеніяхъ будетъ установленъ вполнѣ справедливый порядокъ, т. е. когда совершенное общежитіе будетъ достигнуто, и царство Божіе на землѣ наступитъ, тогда не будетъ мѣста войнѣ. Но это мыслимо лишь въ концѣ вѣковъ, когда злое начало окончательно будетъ побѣждено. Пока же оно остается, нельзя взывать къ разоруженію.

Сказанное нами имѣетъ силу какъ для войны вообще, т. е. для всякой борьбы на жизнь и смерть за добрую цѣль, такъ и для международной войны. Бороться нужно не съ войной въ ея современномъ историческомъ явленіи, а съ причинами, дѣлающими ее въ настоящее время необходимою. Международная война не есть абсолютное зло, она не является безусловнымъ преступленіемъ, какъ не зло и не преступленіе осуществленіе естественнаго права въ естественномъ состояніи. Она есть защита права народовъ въ международной жизни. Эта жизнь еще юридически не организована; пока же нѣтъ организаціи, война есть необходимое средство осуществленія права и съ этой стороны является относительнымъ благомъ. Пацифизмъ долженъ бороться (не противорѣчитъ ли однако само понятіе борьбы миролюбію?) за лучшую организацію международныхъ отношеній, которая сама

собой устранить примѣненіе международной саморасправы — войны; вмѣсто этого пацифисты совершенно ошибочно считаютъ возможнымъ сосредоточиться на борьбѣ съ войной, какъ таковой. Декламація пацифистовъ противъ войны нисколько не оправдывается и исторіей. Въ исторіи мы очень часто видимъ благодѣтельные результаты войнъ: греко-персидскія войны привели къ расцвѣту Греціи, войны Александра Македонскаго — къ распространенію эллинской цивилизаціи на востокѣ, войны, которыя велъ Римъ — къ объединенію античнаго міра, крестовые походы — къ необычайному подъему Европы, наполеоновскія войны сопровождались удивительнымъ прогрессомъ XIX вѣка, послѣ Крымской компаніи Россія произвела громадныя реформы, опустошительная война Южныхъ и Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ не ослабила ихъ, а усилила, русско-турецкая война 1878 года дала свободу нѣсколькимъ народностямъ и открыла новую эру въ исторіи Балканскаго полуострова, русско-японская война привела къ глубокой реформѣ русскаго государственнаго строя. Отрицать благодѣтельные результаты этихъ и многихъ другихъ войнъ значило бы отрицать неоспоримые, очевидные факты.

Но можно привести многочисленные примѣры и другихъ войнъ, безусловно вредныхъ: Пелопонесская война ослабила Грецію, войны конца античнаго мира и темныхъ вѣковъ почти уничтожили античную культуру, тридцатилѣтняя война привела Германію къ обѣднѣнію и одичанію, русско-французская война, хотя и объединила Германію, создала томительное международное положеніе въ Европѣ, и т. д.

Дѣло очевидно не въ войнѣ, какъ таковой, а въ ея характерѣ, какъ и за какія цѣли она ведется. Войну же вообще ни отрицать, ни защищать нельзя. Война есть лишь средство, а значеніе средства въ значительной степени опредѣляется тѣми цѣлями, которымъ оно служитъ.

Разнаго рода возраженія противъ войны съ экономи-

ческой и финансовой точекъ зрѣнія тоже въ значительной степени недѣйствительны. Высчитываютъ, сколько стоитъ государственному казначейству содержаніе арміи, каковы расходы въ бюджетѣ, и такъ какъ они равняются милліардамъ, то и говорятъ: таковы потери человѣчества, народа отъ войны. Здѣсь — лишь экономическій софизмъ. Такъ можно доказать экономическую непригодность, вредность какой угодно общественной, государственной функціи; — возьмемъ функцію передвиженія, высчитаемъ, сколько тратитъ государство на содержаніе путей сообщенія, сколько тратятъ въ совокупности всѣ работающіе на путяхъ сообщенія, трудъ сколькихъ лицъ необходимъ для передвиженія людей, и придемъ, разумѣется, къ заключенію о необычайной экономической убыточности передвиженія. Совсѣмъ иное дѣло, если мы посмотримъ на всѣ экономическія послѣдствія передвиженія, посмотримъ на передвиженіе соціологически, какъ на функцію единаго цѣлаго соціальнаго организма. Охрана народнаго порядка есть необходимая функція. И траты на армію не непроизводительныя траты. Экономическіе подсчеты содержанія арміи и указанія на громадную его убыточность имѣли значеніе, когда эти траты разсматривались съ точки зрѣнія личнаго хозяйства монарха, изъ своей личной казны тратившаго на армію. Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства сплошь и рядомъ все это чисто фиктивныя траты. Перевезена армія по желѣзной дорогѣ, и поставлено въ рубрикѣ расходовъ, сколько на это потрачено. Но есть ли это реальная трата? Что такое деньги, какъ не символы матеріальныхъ благъ, лишь знаки дѣйствительныхъ цѣнностей. Милліоны рублей въ пустынѣ не имѣютъ значенія. Дѣйствительная трата для народнаго хозяйства — лишь въ уничтоженіи матеріальныхъ благъ. Если построена, скажемъ, крѣпость, бюджетная рубрика обозначитъ, напр., 10 мил. руб. расхода; но какія реальныя блага уйдутъ изъ народнаго имущества? Никакія или самыя ничтожныя. Громадная доля

военныхъ расходовъ есть или перекладываніе денегъ изъ одного кармана государства въ другой, или переходъ денежныхъ знаковъ отъ государства къ частнымъ лицамъ. Съ общенародной точки зрѣнія нельзя противопоставлять государственнаго богатства частному. Съ экономической точки зрѣнія важно количество благъ въ обладаніи людей и ихъ правильное распредѣленіе. Съ формально финансовой точки зрѣнія можетъ оказаться полное разореніе, ужасающее банкротство, когда количество экономическихъ благъ не только не уменьшилось, а даже увеличилось. Положимъ, мы высчитаемъ общую сумму задолженности однихъ лицъ другимъ и найдемъ, что она въ данной странѣ равняется 10 милліардамъ. Если теперь будетъ объявлено закономъ, что всѣ существующіе долги гражданъ считаются погашенными, то будетъ ли отъ этого обществу въ цѣломъ 10 милліардовъ потери или доходу? По нашему мнѣнію, само по себѣ, это будетъ еще экономически безразличнымъ дѣйствіемъ; количество благъ останется неизмѣннымъ. Измѣнится распредѣленіе этихъ благъ, произойдетъ перераспредѣленіе. Оно можетъ оказаться вреднымъ для общества, можетъ оказаться и полезнымъ. Но это уже будутъ косвенные результаты.

Армія и особенно война усиливаетъ дѣятельность народа, повышаетъ общую пульсацію экономической дѣятельности и скорѣй способствуетъ увеличенію числа экономическихъ благъ, чѣмъ ихъ уменьшенію. Строятся дороги, строятся зданія, повышается интенсивность производствъ, связанныхъ съ военными поставками. Можно сказать, что эти блага не нужны. Но что такое нужныя блага? Есть ли нужныя блага драгоцѣнные камни, украшенія, рѣдкія вещи и т. п.? Однако они очень цѣнятся. Мы видимъ, что война, обыкновенно, несмотря на „невѣроятныя“ траты, не обѣдняетъ народъ, а дѣлаетъ его болѣе богатымъ. Франція и Германія послѣ 1870 г., Англія послѣ бурской войны, Россія и Японія послѣ 1905 г., и т. д. Траты на армію даютъ со-

держаніе милліонамъ людей, солдатамъ. Если бы они не были солдатами, они точно также должны были бы съѣсть то же количество пищи, то же количество одежды сносить, и т. д. Для человѣка экономическія блага цѣнны лишь какъ средство удовлетворенія потребностей; если же траты государства на армію способствуютъ удовлетворенію потребностей милліоновъ людей, то почему же онѣ суть чистыя, безусловныя, непроизводительныя траты?

Указывается, что милліоны людей въ арміи отвлекаются отъ производительнаго труда. Къ прямымъ потерямъ государства въ видѣ бюджетныхъ расходовъ нужно прибавить еще косвенныя потери тѣхъ экономическихъ цѣнностей, которыя могли бы быть созданными солдатами, если бы они не были принуждены заниматься военной службой. Еще вопросъ, такъ ли нуждается общество въ этихъ людей, не имѣется ли уже достаточнаго количества благъ для удовлетворенія всѣхъ нормальныхъ потребностей людей, и если что нужно, такъ только правильное распредѣленіе экономическихъ благъ.

Всякій трудъ, всякая экономическая цѣнность не являются цѣлями сами по себѣ, а лишь средствами для жизненнаго счастія. Съ точки зрѣнія же общаго счастья человѣчества, народа, отдѣльнаго человѣка, еще не извѣстно, не даютъ ли физическое упражненіе, навыкъ къ военной дисциплинѣ, развитіе мужества экономическаго эквивалента затратъ сдѣланныхъ на армію. Экономически всякія общественныя функціи убыточны, и всякое удовлетвореніе человѣческой потребности не выгодно съ финансовой точки зрѣнія. Армія служитъ не только для охраны отъ внѣшнихъ нападеній, но и для поддержанія внутренняго порядка. Для охраны общества отъ разрушительныхъ силъ необходимы организованныя военныя силы.

Все это указывается нами, конечно, не для защиты войны, какъ таковой, а лишь для устраненія софистиче-

скихъ доводовъ противъ нея. Войну должно отрицать не абсолютно, а относительно, какъ менѣе совершенное средство для разрѣшенія споровъ. Юридическая организація вездѣ становится на мѣсто войны, и тѣ условія, которыя приводятъ къ юридическому и политическому порядку внутри государства, должны привести къ таковому же порядку и надъ государствами, въ предѣлахъ всего человѣчества.

Мы не думаемъ одного, чтобы когда бы то ни было возможнымъ стало полное разоруженіе государствъ. Если бы единая политическая организація когда-нибудь и обняла все человѣчество, то борьба и война, какъ ея высшее выраженіе, какъ готовность жизнью отстаивать свои идеалы, не исчезнетъ изъ среды людей. Человѣчество есть вѣчно возобновляющееся и двужущееся впередъ цѣлое; никогда нельзя надѣяться на вѣчное равновѣсіе его элементовъ. Всегда одна часть его уходитъ впередъ, другая отстаетъ. Столкновенія кровавыя неизбѣжны, таковъ міровой процессъ, начиная съ низшихъ жизненныхъ формъ, изъ которыхъ каждая высшая воюетъ съ низшей, съ первобытныхъ людей, воюющихъ съ дикими животными и другъ съ другомъ, до народовъ, идущихъ съ оружіемъ на поле брани, до классовъ единаго общества, объявляющихъ войну другимъ классамъ. Истинный миръ и дѣйствительное прекращеніе войны возможны только въ вѣчномъ покоѣ послѣдняго Божественнаго совершенства, когда весь міръ сольется съ Богомъ. Пока же свершается „творческая эволюція“ во вселенной, борьба міровъ неизбѣжна.

Но изъ этого вовсе не вытекаетъ, что должны воевать между собою именно народы. Высшее и прогрессивное должно постоянно воевать съ низшимъ и отсталымъ для его истребленія или покоренія. Въ этомъ задача человѣчества. Но высшее и низшее нисколько не различаются непременно по народамъ.

И такъ, въ конечномъ результатѣ, слабая сторона пацифизма, какъ теоріи, заключается въ неправильной поста-

новкѣ вопроса. Пацифисты, обыкновенно, сначала предполагаютъ установленіе мира и изъ этого замиренія выводятъ рядъ благодѣтельныхъ послѣдствій экономическаго, соціальнаго и политическаго свойства. Между тѣмъ, отношеніе скорѣе должно быть обратнымъ: миръ является не условіемъ совершеннаго строя, а послѣдствіемъ его или, вѣрнѣе сказать, явленіемъ его сопровождающимъ; гармонія, миръ есть лишь форма совершеннаго строя, гдѣ устранены различныя общественныя противорѣчія.

II. Вопросы международнаго конфедерализма.

I. Объемъ и форма международной организаціи. — II. Судебные, исполнительные и законодательные органы международной конфедераціи.

I.

Мы не имѣемъ возможности остановиться подробно на частныхъ вопросахъ международной организаціи и можемъ лишь бѣгло указать на важнѣйшіе изъ нихъ.

Первый вопросъ касается того, какой объемъ должна имѣть эта организація, т. е. на какіе народы она должна простираться, и въ какую форму она должна выливаться. Въ этомъ вопросѣ о предѣлахъ международной организаціи нужно, конечно, различать теоретическую сторону отъ практической. Теоретически, юридическій порядокъ не можетъ знать исключеній, и правильно организованными должны быть отношенія между всѣми 40—45 независимыми государствами міра. Международная организація должна быть организаціей всего человѣчества. Практически однако возникаетъ сомнѣніе, возможно ли съ самаго начала созданіе такой универсальной организаціи, или здѣсь нужно предполагать предварительную стадію образованія переходныхъ политическихъ системъ, вродѣ созданія европейской и американской конфедерацій [1]).

Мы полагаемъ впрочемъ, что и практически возникновеніе международной организаціи мыслимо лишь при рас-

1) Ср. гр. Л. Камаровскій, Вопросъ о международной организаціи, М. 1905, стр. 81.

пространеніи ея на все человѣчество, на всю систему нынѣшняго международнаго союза. Конечно, возможны частичныя соединенія между отдѣльными государствами, и на рядъ такихъ поставленныхъ на очередь соединеній мы и указывали при разсмотрѣніи развитія федерализма: возможны предварительная конфедерація иберійской Америки, конфедерація балканскихъ народовъ, скандинавская конфедерація. Но истинно международная организація не можетъ быть осуществлена въ какой-нибудь одной части современнаго міра. Европа не можетъ быть соединена въ одну политическую систему, съ исключеніемъ остальныхъ частей свѣта, такъ какъ владѣнія европейскихъ государствъ простираются и на другіе континенты. Америка не противостоитъ Европѣ, какъ чуждый міръ, между Испаніей и иберійской Америкой, между Англіей и Соединенными Штатами больше родственной близости, чѣмъ между иными европейскими государствами.

Вопросъ о предѣлахъ международный организаціи не такъ простъ, какъ онъ можетъ показаться съ перваго раза. Хотя, повидимому, и правъ Блюнчли, когда онъ восклицаетъ: „Природа человѣчества есть естественная связь между народами; это на ней покоится единство человѣчества... Цѣль международнаго права — организація человѣчества. Международное право, общее право человѣчества, соединяетъ христіанъ и магометанъ, буддистовъ и браманистовъ, учениковъ Конфуція и почитателей звѣздъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ. Право международное не ограничено семьею европейскихъ народовъ. Его господство простирается по всей поверхности земли“; но, съ другой стороны, возникаетъ сомнѣніе, какъ соединить въ одну политическую систему народы цивилизованные и варварскіе. И понятно также и восклицаніе одного французскаго соціалиста: „Если границы будутъ уничтожены, желтые народы не придутъ ли требовать свою часть въ богатыхъ урожаяхъ Бургундіи и Бордо? Не будетъ

ли разрушена наша цивилизація варварскими ордами, предпочитающими грабежъ труду, даже сведенному къ своему самому скромному выраженію? Нѣтъ болѣе Рейна, нѣтъ болѣе Дуная, Кавказа; но неудобно обезпечивать братство среди людей, большая часть которыхъ сохранитъ свои права на грабежъ и хищничество".

Именно принимая это во вниманіе, Огюстъ Контъ въ свое время утверждалъ, что прежде чѣмъ организовано будетъ все человѣчество, должна быть создана République Occidentale изъ наиболѣе передовыхъ народовъ Европы — латинскихъ, германскихъ и англійскихъ[1]).

Эти сомнѣнія относительно предѣловъ международной организаціи предопредѣляютъ уже заранѣе и форму, какую она можетъ получить. Эта форма не можетъ быть единодержавной, а лишь той или иной организаціей многовластія, конфедераціи. Нынѣшнее состояніе международнаго общенія, съ его частными альянсами, протекторатами, административными уніями, случайными конгрессами уже представляетъ собою форму слабой конфедераціи, не получившей опредѣленной организаціи. Естественно предположить, что международная организація должна занять слѣдующую ступень по скалѣ политическихъ формъ, т. е. сдѣлаться организованной конфедераціей государствъ, договорнымъ соединеніемъ суверенныхъ государствъ, продолжающихъ сохранять свой суверенитетъ.

Свобода и независимость отдѣльныхъ государствъ въ международномъ союзѣ должны въ достаточной степени

1) A. Comte, Système de politique positive (1851), I, 411, IV, 30, 113, 129—130, 335. „Дѣятельность, которой предстоитъ преобразовать пять великихъ европейскихъ націй, должна приспособиться къ положенію каждой изъ нихъ. Для того, чтобы лучше выполнить это условіе, слѣдовало бы подчинить ее руководству ассоціаціи, сначала малочисленной, но способной затѣмъ расшириться. Цѣль этой ассоціаціи, заключающуюся въ томъ, чтобы преобразовать духовный строй всей Европы, можно бы выразить, назвавъ ее положительнымъ западнымъ комитетомъ".

быть охраненными соотвѣтствующей организаціей. Эта организація можетъ быть поэтому мыслима не въ видѣ единодержавной формы, а какъ конфедерація. Въ этой конфедераціи компетенція центральной власти и отдѣльныхъ государствъ можетъ быть такъ распредѣлена, что центральная власть будетъ ограничиваться общими интересами земли (сохраненіемъ всеобщаго мира, охраною общенія народовъ), руководствуясь нормами нынѣшняго международнаго права.

Сдѣлавшись организованной конфедераціей, международный союзъ, какъ таковой, долженъ обладать самостоятельной по отношенію къ отдѣльнымъ государствамъ властью, принудительной для отдѣльныхъ членовъ конфедераціи, не выполняющихъ юридическихъ нормъ. И при настоящемъ неорганизованномъ общеніи такое принужденіе международнаго союза постоянно осуществляется; но отдѣльное государство, сохраняя свой суверенитетъ, можетъ оказать сопротивленіе, которое будетъ не мятежомъ, а международной войной. Однако во всеобщей международной конфедераціи, въ отличіе отъ конфедерацій частичныхъ, союзъ обладалъ бы однимъ могущественнымъ средствомъ понужденія, именно правомъ исключенія изъ своего союза отдѣльныхъ членовъ. Если въ частичныхъ конфедераціяхъ право сецессіи отдѣльнаго члена есть наивысшее выраженіе его самостоятельности, такъ какъ оно даетъ ему возможность вести или чисто международную жизнь или вступить въ союзъ съ другими государствами, то въ универсальной конфедераціи изоляція отдѣльнаго члена изъ мірового общенія, при тѣсномъ взаимодѣйствіи всѣхъ частей человѣчества, будетъ самой дѣйствительной понудительной мѣрой.

Международная конфедерація государствъ, чтобы быть жизненной, должна, конечно, соотвѣтствовать дѣйствительному соотношенію политическихъ силъ человѣчества. Она должна неустойчивое политическое равновѣсіе сдѣлать устойчивымъ. Современная международная политика покоится

на идеѣ международнаго равновѣсія. На это направлены главныя усилія дипломатіи, — противопоставить одной системѣ союзовъ другую ея уравновѣшивающую. Само собой разумѣется, международная организація не можетъ быть построена на чисто абстрактномъ принципѣ равенства государствъ. Никакого смысла, никакой цѣнности и значенія не можетъ имѣть такая организація, въ которой, напр., шесть центрально-американскихъ республикъ съ двумя антильскими могутъ значить болѣе, чѣмъ семь великихъ державъ, нынѣ правящихъ міромъ. Если юридическое равенство сомнительно и по отношенію къ отдѣльнымъ индивидамъ, то оно никакой критики не выдерживаетъ въ отношеніи къ государствамъ. Нельзя, чтобы право и дѣйствительность безнадежно расходились другъ съ другомъ. Если практически существуетъ громадная разница въ силахъ отдѣльныхъ государствъ, то право не можетъ становиться въ противорѣчіе съ этимъ соотношеніемъ силъ. Какъ въ Германской имперіи право какого-нибудь Вальдека не равно праву Пруссіи, такъ тѣмъ болѣе въ международномъ союзѣ не можетъ какая-нибудь Гаитянская республика имѣть тотъ же рѣшающій голосъ, какъ, скажемъ, Россія или Англія.

II.

Международная конфедерація для того, чтобы быть жизнеспособной, должна обладать органами для отправленія всѣхъ трехъ основныхъ правительственныхъ функцій, — судебной, исполнительной и законодательной. Зачатки всѣхъ этихъ органовъ имѣются уже и въ современной международной жизни.

Въ нынѣшнемъ международномъ третейскомъ судѣ заложены уже начала общечеловѣческаго судебнаго конфедерализма. И вся сравнительно недавняя исторія института международныхъ третейскихъ судовъ показываетъ постоянную эволюцію его въ направленіи къ созданію посто-

янныхъ международныхъ органовъ, мирнымъ, судебнымъ образомъ разрѣшающихъ конфликты между отдѣльными государствами.

Международный третейскій судъ въ своемъ развитіи прошелъ черезъ нѣсколько стадій. Возникнувъ настоящимъ образомъ лишь въ XIX вѣкѣ, сначала онъ примѣнялся только къ отдѣльнымъ случаямъ, къ опредѣленнымъ конфликтамъ, въ силу compromis isolé; потомъ въ различные, главнымъ образомъ торговые, договоры между отдѣльными государствами стали вноситься статьи о разрѣшеніи споровъ по поводу этихъ договоровъ третейскимъ судомъ, въ силу такъ называемой clause compromissoire; потомъ стали возникать между отдѣльными государствами договоры о постоянныхъ и обязательныхъ третейскихъ договорахъ, traités permanents d'arbitrage; наконецъ оставится вопросъ объ учрежденіи постояннаго третейскаго суда, обязательнаго для всѣхъ государствъ по нѣкоторымъ вопросамъ.

Однако какъ бы ни развилась въ будущемъ роль, значеніе и примѣненіе международныхъ третейскихъ судовъ, нельзя предполагать, что возможна международная организація въ видѣ одного, такъ сказать, судебнаго конфедерализма. Среди проектовъ международной организаціи есть однако не малое количество такихъ, которые именно эту послѣднюю ошибку совершаютъ. Такъ, напр., тулузскій профессоръ Мериньякъ, отвергая организацію международныхъ отношеній какъ въ видѣ единаго государства, такъ и въ видѣ международной федераціи или конфедераціи, высказывается за организацію лишь международной юрисдикціи [1]). Эта юрисдикція должна, по его мнѣнію, примѣняется къ свободнымъ суверенным государствамъ; но рѣшенія ея должны простираться на всѣ споры, и выполненіе этихъ

1) Merignhac, Traité théorique et pratique de l'arbitrage, P., 1895.

рѣшеній должно быть санкціонировано. Однако эти послѣднія условія съ неизбѣжностью приводятъ Мериньяка къ признанію необходимости всѣхъ органовъ полной международной конфедераціи. Для правильнаго функціонированія международнаго суда необходимъ соотвѣтствующій кодексъ, и отсюда требованіе кодификаціи международно-правовыхъ нормъ. Эта первоначальная кодификація и послѣдующія неизбѣжныя съ теченіемъ жизни измѣненія отдѣльныхъ положеній этого кодекса должны вырабатываться, по мнѣнію Мериньяка, на международномъ конгрессѣ, правда, не постоянномъ, но собирающемся въ опредѣленные періоды времени. Международному суду должны подлежать всѣ безъ исключенія конфликты между государствами. Рѣшенія этого суда обязательны. Для приведенія ихъ въ исполненіе однако не должно быть организовано постоянной международной силы. Всякій разъ выигравшая процессъ сторона получаетъ такое подкрѣпленіе отрядами отъ всѣхъ другихъ государствъ, что всякое сопротивленіе дѣлается излишнимъ. Эта организація, какъ и кодексъ международнаго права, имѣютъ силу лишь для государствъ, свободно присоединившихся, но для послѣднихъ они обязательны.

Всѣ проекты исключительно судебнаго международнаго конфедерализма, къ которому склоняется не малое количество писателей по международному праву [1]), страдаютъ тѣмъ кореннымъ недостаткомъ, что они исходятъ изъ совершенно абсурдной идеи о возможности правильнаго отправленія судебной функціи безъ двухъ остальныхъ. Не говоря о томъ, что юридическіе союзы существуютъ не для одной охраны права, но и для творчества новаго права, но даже если и ограничить ихъ цѣль одною охраною права, то и эта охрана не можетъ совершаться безъ исполнительной власти, приводящей въ исполненіе судебныя рѣшенія, и

1) См. о нихъ гр. Л. Камаровскій, О международномъ судѣ, Москва, 1881.

законодательной, устанавливающей общія нормы, по которымъ производятся судебныя рѣшенія.

Еще менѣе, конечно, можно ограничиться въ международной организаціи созданіемъ однихъ административныхъ органовъ; но для возможной международной конфедераціи въ нынѣшнихъ административныхъ уніяхъ и международныхъ исполнительныхъ комиссіяхъ имѣются всѣ зачатки настоящей административной международной власти. Бельгійскій дѣятель Лафонтенъ предлагалъ любопытный проектъ именно такой международной чисто административной организаціи [1]).

Лафонтенъ высказывается за согласованіе работъ международныхъ уній и за выработку плана „всемірной централизованной администраціи“, „международнаго правительства, предназначеніе котораго одного будетъ строго ограничено администраціей вещей.“ Международное правительство, по этому проекту, будетъ необходимымъ образомъ имѣть столько департементовъ, сколько существуетъ нуждъ всемірнаго характера, и достаточно представить себѣ въ увеличенномъ и расширенномъ размѣрѣ нужды главныхъ цивилизованныхъ націй, чтобы безъ труда перечислить министерства федеральнаго земного правительства.

Прежде всего производство имѣетъ наиболѣе чувствительныя и наиболѣе универсальныя нужды. Даже наименѣе вдумчивыхъ наблюдателей поражаетъ его нынѣшній анархическій характеръ. Созданіе таможенныхъ барьеровъ является наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ этого, а различныя условія труда въ различныхъ странахъ еще болѣе запутываютъ проблемы, имѣющія отношеніе къ этому предмету. Является первѣйшей необходимостью объединить въ возможной степени законодательства о трудѣ, соединить всѣ элементы, которые позволили бы судить о собственной цѣнѣ

1) La Fontaine, Budget international. Esquisse de droit administratif international, 1905.

различныхъ продуктовъ, необходимыхъ для удовлетворенія нуждъ человѣка, обозначить наиболѣе экономическіе методы, прилагаемые въ самыхъ различныхъ странахъ, гарантировать въ самой широкой степени возможное примѣненіе закона наименьшаго усилія. Это было бы дѣломъ департамента земледѣлія, промышленности и труда.

Затѣмъ въ области обращенія вещей и людей предстоитъ разрѣшить немало вопросовъ: такъ въ сферѣ почтовыхъ сношеній вопросъ о международной маркѣ, вопросъ объ унификаціи тарифовъ и о примѣненіи тарифа по зонамъ въ области международныхъ желѣзно-дорожныхъ сношеній, нейтрализація подводныхъ кабелей въ области телеграфа. Достаточно было бы соединить въ одну организацію всѣ относящіяся сюда бюро, дополнивши ихъ морскимъ бюро, чтобы составить департаментъ сухопутныхъ и морскихъ транспортовъ. Обращеніе людей и вещей представляется и подъ другой формой. Консульскій режимъ, въ его современномъ положеніи, фрагментарномъ и разнообразномъ, система коммерческихъ музеевъ, которые каждая страна снова стремится создать съ истинно печальнымъ мотовствомъ усилій, варварскій пріемъ всемірныхъ выставокъ, спорадическихъ и временныхъ, должны уступить мѣсто единой и систематической документаціи и организаціи постоянныхъ континентальныхъ выстовокъ. Одно центральное учрежденіе справокъ и управленія могло бы легко выполнить то, что различныя страны могуть достигнуть лишь цѣною чрезвычайныхъ и все же недостаточныхъ издержекъ. Къ этому учрежденію должно быть присоединено все, что имѣетъ отношеніе къ эмиграціи и колонизаціи, колоніальный институтъ съ одной стороны, а съ другой, бюро для прекращенія торга невольниками. Такимъ образомъ былъ бы образованъ департаментъ торговли, колонизаціи и эмиграціи. Къ этому же министерству надо бы присоединить дѣла о вѣсахъ, мѣрахъ, монетахъ, банкахъ: бюро вѣсовъ и мѣръ

будетъ имѣть цѣлью изученіе всего, что относится къ его спеціальному предмету, тогда какъ тонкія проблемы металическаго и кредитнаго обращенія должны потребовать созданія новой организаціи чрезвычайной важности.

Вопросъ публичнаго здравія долженъ быть порученъ департаменту гигіены и полиціи. Чтобы образовать его, достаточно было бы согласовать и расширить постановленія санитарныхъ конвенцій, уже подписанныхъ различными государствами, а съ другой стороны, умножить и централизовать различныя учрежденія по антропометріи, криминологіи, патронажѣ, которыя были учреждены въ различныхъ странахъ міра. Департаментъ наукъ и искусства будетъ также имѣть наиболѣе возвышенную и высокую миссію. Геодезическое бюро въ данномъ случаѣ является достойнымъ подражанія примѣромъ. Уже всѣ обсерваторіи міра предприняли съемку картъ неба, геофизическія явленія изучаются теперь сообща, и можно предвидѣть моментъ, когда человѣчество въ гораздо болѣе широкихъ пропорціяхъ станетъ пользоваться коллективнымъ исканіемъ научныхъ истинъ. На средства всѣхъ государствъ въ извѣстной избранной мѣстности могли бы быть созданы самыя совершенныя лабораторіи, и т. д. Наконецъ, остается еще департаментъ юстиціи. Его спеціальной работой было бы соединеніе кодексовъ различныхъ народовъ и трактатовъ ихъ связывающихъ, согласованіе ихъ въ обширныхъ синтезахъ, подготовка однообразной кодификаціи какъ частнаго, такъ и публичнаго права.

Разумѣется однако, ни судебная, ни административная международныя функціи не могутъ быть отправляемы безъ органовъ международнаго законодательства. Въ современныхъ международныхъ конгрессахъ и конференціяхъ имѣются уже зачатки настоящей организаціи законодательной власти международной конфедераціи. Относительно того, какъ должны быть организованы законодательные международные

органы, существуетъ необозримое количество литературы на всѣхъ языкахъ, и разсмотрѣніе ея потребовало бы спеціальнаго изслѣдованія. Въ проектахъ этихъ защищаются всѣ оттѣнки политической организованности, начиная съ созданія международнаго конгресса, вырабатывающаго нормы, безъ власти приводить ихъ въ исполненіе, вплоть до федеральнаго государства.

Фильдъ, напр., предлагалъ [1]), чтобы государства свободно соединились въ союзъ и заявили, что общій кодексъ (проектъ котораго предлагалъ Фильдъ) будетъ регулировать ихъ взаимныя отношенія. Въ качествѣ союзнаго органа долженъ дѣйствовать ежегодный конгрессъ или конференція народовъ, собирающаяся ежегодно въ началѣ января послѣдовательно въ столицѣ каждаго изъ членовъ союза. Задача этого конгресса должна заключаться въ обсужденіи и измѣненіи статей общаго кодекса, въ принятіи мѣръ для поддержанія мира и для предупрежденія войны. Споры между отдѣльными государствами должны разбираться, по требованію недовольной стороны, сначала общей смѣшанной коммиссіей. Въ случаѣ неудачи этой послѣдней, особо составленнымъ верховнымъ третейскимъ трибуналомъ. Всѣ государства связаны рѣшеніемъ этого трибунала и обязаны подчиниться ему. Въ случаѣ неповиновенія какого-нибудь государства остальныя должны воспротивиться ему силою. Военныя силы каждаго государства должны быть ограничены пропорціей одного солдата на тысячу жителей.

Другой представитель международнаго права, Фіоре, высказываясь противъ всякихъ проектовъ международной конфедераціи съ центральною властью, полагаетъ однако, что международному праву необходима санкція. Этой санкціи нѣтъ у современнаго международнаго права. Такое положеніе не можетъ продолжаться. Международное право

1) Field, Projet d'un code international, 1881.

должно быть поставлено подъ коллективную гарантію государствъ, соединенныхъ въ конгрессъ. Фіоре развиваетъ цѣлую теорію международно-правовой санкціи и необходимости учрежденія юридической организаціи общества государствъ [1]). Центръ этой организаціи долженъ составить международный конгрессъ. Конгрессъ этотъ образуется изъ почти равнаго представительства всѣхъ государствъ, членовъ международнаго общенія (государства съ населеніемъ болѣе 30 милліоновъ имѣютъ на немъ по два представителя вмѣсто одного). Компетенція этого конгресса самая обширная: выработка, отмѣна, измѣненіе обязательныхъ для всѣхъ государствъ юридическихъ нормъ общаго интереса, мѣры для сохраненія юридической организаціи союза, споры между государствами, разсмотрѣніе нарушеній юридическихъ нормъ, установленіе границъ военныхъ силъ отдѣльныхъ государствъ, и т. д. Рѣшенія принимаются по простому большинству голосовъ. Всѣ рѣшенія конгресса приводятся въ исполненіе, въ случаѣ необходимости, силою. Войска поставляются всѣми государствами, принявшими рѣшеніе. Для разрѣшенія частныхъ споровъ между государствами, Фіоре рекомендуетъ третейскіе суды и конференціи. Ни третейскій судъ, ни конференція не являются однако органами постоянными, а созываются лишь по требованію спорящихъ сторонъ. Конгрессъ же, въ силу чрезвычайной широты своей компетенціи, очевидно, долженъ функціонировать постоянно.

Въ статьѣ Объ организаціи союза европейскихъ государствъ, Блюнчли далъ очень законченный и подробный проектъ международной организаціи. Такую организацію сначала онъ предвидитъ для одной Европы, хотя справедливо указываетъ, какъ на трудность такого ограниченія, благодаря существованію колоніальныхъ государствъ, такъ и на то, что организація Европы повлечетъ за собою неизбѣжно установленіе порядка во всемъ мірѣ.

1) Fiore, Nouveau droit international, 2 изд. 1885, гл. III.

Эта организація, по идеѣ Блюнчли, должна быть конфедераціей, какъ совмѣщающей порядокъ цѣлаго и свободу частей. Ни федеративное государство, ни тѣмъ болѣе всемірное унитарное государство не соотвѣтствуютъ чувству независимости отдѣльныхъ государствъ и потому должны быть отвергнуты. Общій союзъ не долженъ уничтожать суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ. Организація должна обладать законодательными, административными и судебными органами. Несмотря на конфедеративную форму самого союза, законодательный органъ, по проекту Блюнчли, долженъ однако состоять изъ двухъ представительныхъ собраній: Союзнаго Совѣта и Сената. Союзный Совѣтъ долженъ являться представительствомъ правительствъ, а Сенатъ — представительствомъ народовъ. Представители Совѣта получаютъ инструкціи отъ своихъ правительствъ, депутаты Сената свободны. Великія державы должны быть представлены въ каждомъ собраніи въ два раза больше, чѣмъ небольшія государства. Голосованіе въ Совѣтѣ должно происходита по государствамъ, въ Сенатѣ поголовное. Дѣла верховнаго управленія, т. е. вопросы, съ которыми связано существованіе, самостоятельность и свобода государствъ, Блюнчли передавалъ исключительно Союзному Совѣту, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что всякій новый порядокъ подлежитъ одобренію Сената. Дѣла административныя вѣдаются отдѣльными уніями, какъ это мы видимъ и въ настоящее время. Уніи эти находятся въ вѣдѣніи Союзнаго Совѣта, точно также какъ и международные суды. Долженъ быть и органъ принужденія, заботящійся объ осуществленія рѣшеній европейскаго парламента. Этимъ органомъ должна быть Коллегія великихъ державъ. Однако для примѣненія принудительныхъ средствъ необходимо, чтобы на него дано было согласіе $^2/_3$ Союзнаго Совѣта и Коллегіи великихъ державъ.

Еще болѣе унитарный характеръ носилъ проектъ международной организаціи, предложенный Лоримеромъ. Госу-

дарства Европы должны образовать общую организацію. Эта организація должна составить родъ федеральнаго государства, построеннаго на парламентскомъ принципѣ и раздѣленіи властей. Во главѣ законодательной власти долженъ стоять двухпалатный парламентъ. Представители въ верхнюю палату, въ сенатъ выбираются правительствомъ и верхней палатою каждаго государства, представители въ палату депутатовъ — нижней палатой (или въ случаѣ ея отсутствія правительствомъ) каждаго государства. Количество депутатовъ пропорціонально значенію государствъ, вычисляемому по населенію, пространству, доходу и др. даннымъ. Во главѣ исполнительной власти должны стоять министерство и президентъ, выбираемые парламентомъ. Въ распоряженіи этой власти должны быть международная армія и самостоятельный бюджетъ. Долженъ быть созданъ уголовно-гражданскій международный судъ.

Всѣ эти и безчисленные имъ подобные проекты выражаютъ одну идею, — необходимо объединить независимыя государства въ единую политическую систему, и наиболѣе дѣйствительнымъ для этого средствомъ является та или другая федеративная форма.

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны притти къ слѣдующему выводу. Федерализмъ есть лишь одинъ изъ способовъ установленія политическаго равновѣсія. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда политическія силы отталкиванія и единенія начинаютъ уравновѣшиваться, федеративная организація, обладающая чрезвычайною эластичностью и способностью примѣняться ко всякимъ компромиссамъ, является наилучшимъ средствомъ созданія политической гармоніи. Существованіе противодѣйствующихъ и враждебныхъ другъ другу элементовъ не можетъ еще служить препятствіемъ соз-

данію такой гармоніи, и здѣсь какъ нельзя кстати вспомнить прекрасныя слова Монтескье въ Considérations sur les causes de la grandeur des romains (гл. IX): „Ce qu'on appelle union, dans un corps politique, est une chose très équivoque; la vraie est une union d'harmonie, qui fait que toutes les parties, quelques opposées qu'elles nous paraissent, concourent au bien général de la société, comme des dissonances dans la musique concourent à l'accord total. Il peut y avoir de l'union dans un état où l'on ne croit voir que du trouble, c'est à dire une harmonie, d'où résulte le bonheur, qui seul est la vraie paix. Il en est comme des parties de cet univers, éternellement liées par l'action des unes et réaction des autres".